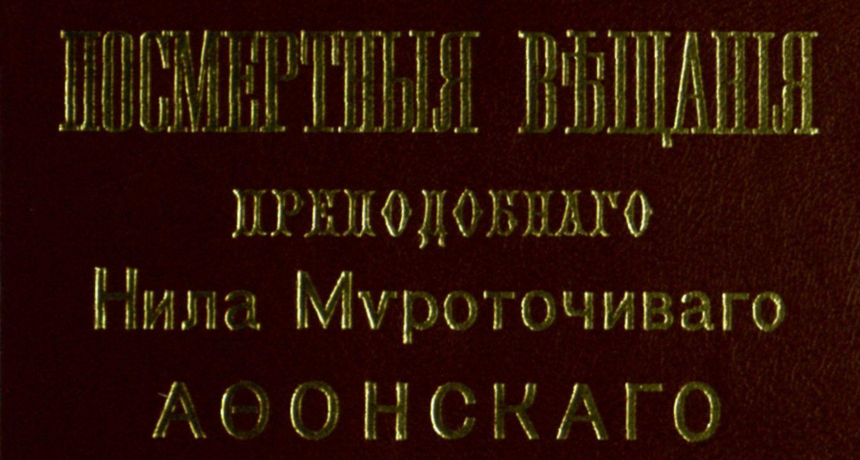
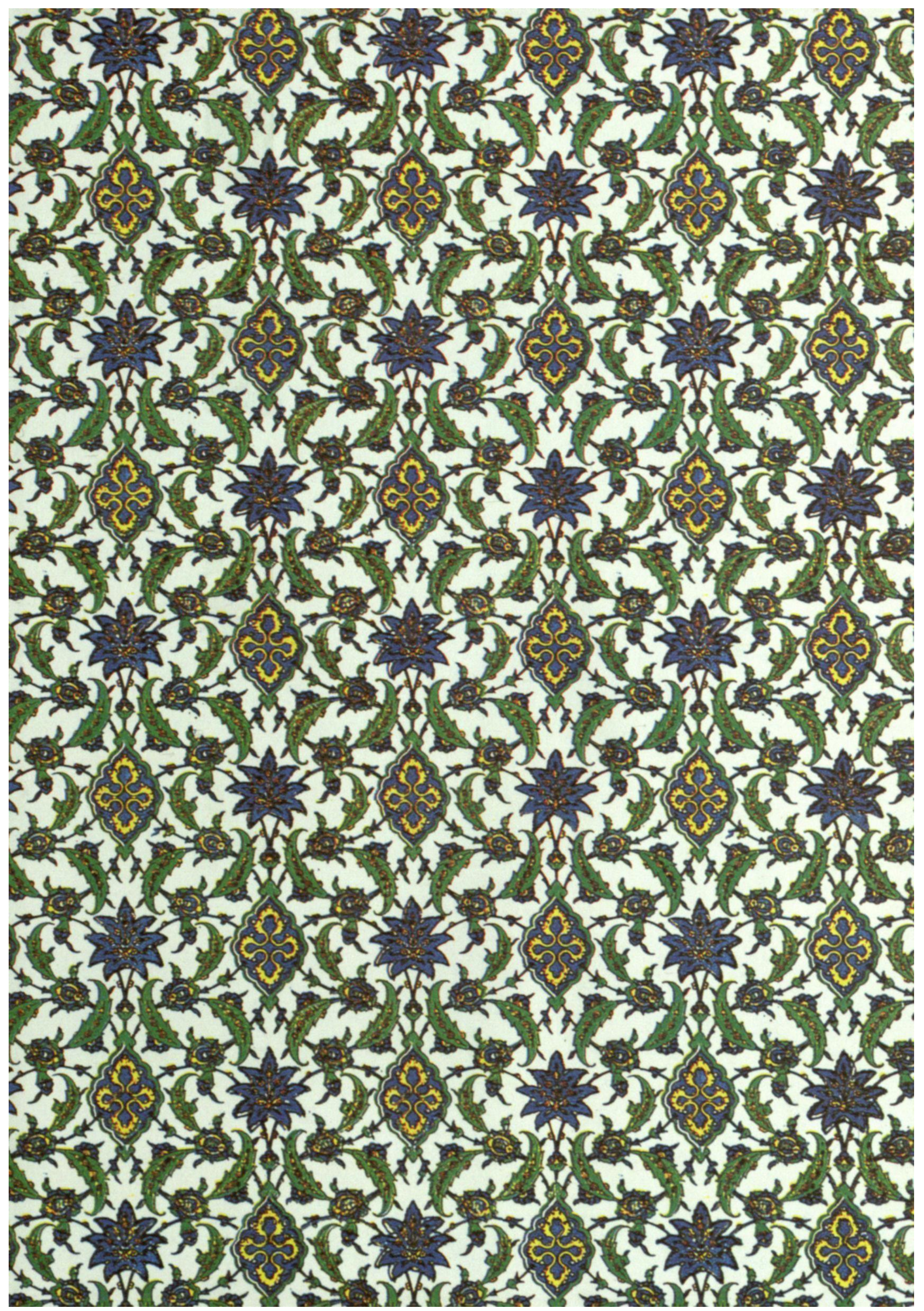


ПОСМЕРТНЫЯ ВѢЩАНІЯ

ПРЕПОДОБНАГО
Нила Мѵроточиваго
АѲОНСКАГО



Древняя икона преподобнаго Нила, находящаяся въ келлiи Безбрадыхъ (въ храмѣ Успенiя Богоматери); у преподобнаго въ рукахъ хартiя, на которой написано*: ἀδελφοί τὰ ὅπλα τοῦ μονάχον ειδι ἡ μελέυη, ἡ προσευχή, ἡ διάκρισις, ἡ ταπεινοφροσύνη καὶ κατὰ θεὸν ὑπακοή* – т.е. «Братiе! оружiя монаха есть размышленiе, молитва, различенiе помысловъ, смиренномудрiе и послушанiе о Богѣ»

ПОСМЕРТНЫЯ ВѢЩАНІЯ

преподобнаго

Нила Мѵроточиваго Аѳонскаго

Изданіе четвёртое, стереотипное

ВОСКРЕСЕНІЕ

Санктъ-Петербургъ
2003

Отъ Санктъ-Петербуржскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Пб., 5 Августа 1911 года.

Редактировалъ и составилъ подстрочныя изъяснительныя примѣчанія Старшій Цензоръ Санктъ-Петербуржскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета

Архимандритъ Александръ.

Книга «Посмертныя вѣщанія преподобнаго Нила Мνроточиваго Аѳонскаго» является однимъ изъ яркихъ твореній въ ряду святоотеческаго наслѣдія. Въ ней повѣствуется о чудесныхъ явленіяхъ преподобнаго Нила, жившаго въ XVI-мъ столѣтіи, Аѳонскому иноку Ѳеофану, и даются незаурядные по своей важности практическіе духовные совѣты и для міранъ и для монашествующихъ, а также пророчества о временахъ, предшествующихъ Второму Славному Пришествію Спасителя и о признакахъ этихъ временъ.

Данное изданіе является третьимъ, выходящимъ в свѣтъ послѣ 1912 года въ полномъ объёмѣ.

ПОСМЕРТНЫЯ ВѢЩАНІЯ

ПРЕПОДОБНАГО

Нила Мѵроточиваго

АѲОНСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ.

ИЗДАНІЕ
Келліи Благовѣщенской старца Парѳенія.
НА АѲОНѢ.
1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе; обличай премудра и возлюбитъ тя; даждь премудрому вину и премудрші будетъ, сказуй праведному и приложитъ пріимати". (Притч. IX, 8, 9).

Въ книгѣ сей описаны чудесныя событія, совершившіяся во Святой Горѣ въ промежутокъ времени отъ 1813-го до 1819 года, а именно: рядъ чудесныхъ явленій Преподобнаго Отца нашего Нила Мvроточиваго одному иноку Аѳонскому, именемъ Ѳеофану, ради спасенія котораго, находившагося въ безвыходномъ положеніи, Святой многократно являлся на яву и во снѣ, причемъ исцѣлилъ его вначалѣ отъ грыжи и бѣснованія, поселилъ его въ пустынной каливѣ, поучалъ, спасалъ неоднократно отъ сѣтей діавольскихъ и отъ явныхъ нападеній на него бѣсовъ, наказывалъ его и наконецъ, что особенно важно для насъ, передалъ ему слова обличительныя для монашествующихъ *) и указующія истинный путь спасенія. Также передалъ и нѣкоторыя пророчества.

Судьбы Божіи неисповѣдимы и, поэтому, мы не можемъ съ точностью сказать, что именно вызвало божественное и небесное посольство на землю Святаго Нила, но изъ словъ Преподобнаго можно заключить, что, во первыхъ, ближайшимъ поводомъ къ сему было покаяніе Ѳеофана, который, низринувшись въ бездну тягчайшихъ грѣховъ, возымѣлъ благое намѣреніе положить начало покаянію, исправиться и съ этой цѣлью вторично прибылъ во Святую Гору, которую, было, покинулъ, но, по дѣйствію діавольскому, встрѣтилъ столько препятствій для осуществленія своего благого намѣренія, что поневолѣ былъ вынужденъ отказаться отъ этого намѣренія, сталъ собираться покинуть Святую Гору и отправиться въ Царьградъ.

---

*) Замѣчательное совпаденіе: русскій подвижникъ, преподобн. Нилъ Сорскій (XV в.), нѣсколько лѣтъ подвизавшійся на св. Горѣ Аѳонской, былъ обличителемъ недостатковъ русскаго монашества, а жившій столѣтіемъ позднѣе его (XVI в.) аѳонкій подвижникъ, преп. Нилъ Мvроточивый, обличаетъ недостатки монашества аѳонскаго.

Θеофанъ былъ уже наканунѣ отъѣзда и пошелъ въ лѣсъ собрать укропу, чтобы вымѣнять его на хлѣбъ для дороги, когда встрѣтилъ Святаго въ лѣсу во образѣ неизвѣстнаго старца. Святой показалъ ему заброшенную пустынную хижину и повелѣлъ ему поселиться въ ней, обѣщая заботиться о всемъ необходимомъ для его жизни. Θеофанъ не зналъ, что съ нимъ говоритъ Святой, но послушалъ его, явивъ здѣсь свое благое произволеніе. Съ тѣхъ поръ началось необычайное промышленіе и попеченіе небожителя о земномъ и глубоко падшемъ Θеофанѣ.

Какъ видно изъ откровенной исповѣди Θеофана, онъ былъ преисполненъ пороковъ, былъ легкомысленъ, непостояненъ, сластолюбивъ, вспыльчивъ, мечтателенъ, подверженъ блудной страсти, нерадивъ къ подвигамъ, лѣнивъ къ молитвѣ, но зато въ немъ были и нѣкоторыя добродѣтели, а, именно, великое простосердечіе, искренность и глубокое сознаніе своего недостоинства. Кромѣ того, несомнѣнна, чиста и православна была его вѣра въ Бога и велико упованіе на Него. Эти добродѣтели заставляли взирать на сего величайшаго грѣшника,—не какъ на чадо діавольское, но какъ на заблудшую овцу стада Христова.

Эту то заблудшую овцу, которую преслѣдовали не только демоны, но и своя братія—люди, и сошелъ съ неба, чтобы спасти, Святой Нилъ; съ великимъ долготерпѣніемъ, мало-по-малу очищая его, дѣлая его побѣдителемъ надъ врагомъ и страстями, успѣлъ святой наконецъ, довести Θеофана до того, что повелѣлъ ему принять высшій Ангельскій образъ схиму, причемъ въ схимѣ повелѣлъ принять имя—„Эхмалотосъ“— т. е. Плѣнникъ, въ знакъ того, что онъ есть плѣнникъ Святаго, ибо Святой исхитилъ Θеофана изъ рукъ плѣнившаго его діавола.

Происходившія съ нимъ чудесныя событія, Θеофанъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ скитской братіи Кавсокаливскаго Скита, записывалъ, а потомъ и самъ Святой Нилъ повелѣлъ ему записать безъ утайки и сокращенія всѣ его слова. Такъ какъ Θеофанъ былъ малограмотнымъ, то записывать помогалъ ему одинъ Іеромонахъ, именемъ Герасимъ, изъ Царьграда.

Θеофана, котораго и безъ того уничижали и презирали гордые и злые, еще больше возненавидѣли, когда онъ началъ передавать обличенія Святого. Нечестивцы, не желая отстать отъ пороковъ своихъ, которые такъ явно обличалъ Преп. Нилъ, для оправданія своего невѣрія, стали хулить и

воздвигать клеветы на самого Θеофана, причемъ чудесныя явленія называли „прелестью" или вымысломъ Θеофана ради корыстныхъ цѣлей, просто и не литературно передаваемыя Θеофаномъ слова Святого—безграмотной и безсмысленной болтовней, пророчества же Св. Нила о грядущемъ бѣдствіи на Св. Гору, въ случаѣ нераскаянія и неисправленія—ложью.

Особенно сильно враждовалъ противъ Θеофана нѣкто Діонисій, владѣлецъ келліи Спанонъ, т. е. Безбрадыхъ, которая расположена надъ самою пещерою Св. Нила. Діонисій увлекся морскимъ промысломъ, завелъ парусную лодку, а также развелъ пчелъ на островѣ Тассо. Такъ какъ это было не богоугодно, ибо отъ сего страдала духовная жизнь братіи и опускалось Богослуженіе, то Святой приказалъ Θеофану въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ явленій передать Діонисію, чтобы онъ продалъ лодку и пчелъ, чтобы братія его занималась бы рукодѣльями по примѣру древнихъ отцевъ, въ противномъ-же случаѣ, угрожалъ большими убытками. Но Діонисій не желалъ покинуть излюбленный предметъ своей страсти, похулилъ даже слова Святаго и распространялъ среди прочихъ Святогорцевъ невѣріе къ словамъ, передаваемымъ Θеофаномъ.

Второй причиной небеснаго посланничества Θеофана было, какъ онъ самъ высказалъ, призвать святогорцевъ къ возвращенію на путь жизни Святыхъ отцевъ, отъ которой они начали отступать, пренебрегая духовными подвигами и безмолвіемъ, увлекаясь же суетою и многостяжаніемъ. Вслѣдствіе пренебреженія духовною жизнію, развились среди нихъ и другіе тяжкіе пороки; все это неизбѣжно навлекало на себя гнѣвъ Божій.

Въ то время монастыри и обители Святой Горы были многолюдны и по внѣшности благоденствовали; преобладающимъ элементомъ среди національностей монашествующихъ были греки.

Святой передавалъ черезъ Θеофана, что онъ посланъ Богомъ, какъ Ной, къ допотопнымъ людямъ и какъ Іона къ Ниневіи, что Богъ готовъ принять покаяніе и тягчайшихъ грѣшниковъ, какъ готовъ былъ принять покаяніе Іуды, вися на крестѣ, ждалъ его обращенія и скорбѣлъ о его гибели. Святой говорилъ, что главное зло происходитъ отъ многословія, празднословія, осужденія, а также отъ многопопеченій, многостяжаній и многозаботливости, которыя убиваютъ монашескій духъ, открывая дверь прочимъ страстямъ и порокамъ Святой обличалъ также пороки духовниковъ, стар-

цевъ, общежительныхъ, скитянъ, послушниковъ, открывалъ истинную картину современнаго монашества и возвѣщалъ то, что должно ожидать къ концу вѣка, а также предвозвѣщалъ грядущій въ ближайщемъ будущемъ—мечъ и воду, что и сбылось черезъ три съ небольшимъ года послѣ его послѣдняго пророчества, и что могло бы быть предотвращено, еслибы Святогорцы приняли слова его, которыя имъ передавалъ Ѳеофанъ.

Такъ какъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ поразительнаго невѣрія Святому, которымъ заразилось большинство тогдашнихъ насельниковъ Святой Горы, былъ Діонисій, яростно хулившій Ѳеофана, то, по прореченію Святого, онъ погибъ отъ укушенія ехидной, въ знакъ возмездія за то, что онъ, какъ выразился Святой: «ехиднымъ ядомъ своей клеветы» — отравилъ Святогорцевъ. Сей Діонисій скончался и погребенъ не на своей келліи, въ знакъ возмездія и кары за то, что чрезъ него столько монашествовавшихъ тогда на Аѳонѣ должно было бѣжать вскорѣ съ Аѳона отъ нашествія Агарянъ и скончать жизнь не на Аѳонѣ.

Такова была вторая причина небеснаго посольства Святаго Нила.

Третьей-же промыслительной причиной чудесныхъ откровеній Ѳеофану было, какъ видно изъ словъ Святаго, раскрытіе для будущихъ монашествующихъ поколѣній діавольскихъ сѣтей, которыми врагъ усиленно старается нынѣ опутать покинувшихъ міръ, вступившихъ на путь покаянія и Богоугожденія, чтобы поругаться надъ ихъ благимъ намѣреніемъ и заставить ихъ въ монашествѣ, еще болѣе, чѣмъ въ міру, работать себѣ, т. е. грѣху.

Такъ какъ грядутъ времена лютые, про которыя Господь говоритъ: «Обаче Сынъ Человѣческій пришелъ, обрящетъ-ли вѣру на земли?»—то Святой возвѣщаетъ ищущимъ спасенія въ убѣжищѣ Аѳона, подъ Покровомъ Божіеи Матери, чтобы они не смущались, не ужасались, не теряли бы вѣры въ Покровъ Матери Божіей и не покидали бы Аѳона, пока икона Иверской Матери Божіей не покинетъ Аѳонъ, но чтобы пребывали въ покаяніи и надеждѣ спасенія, въ безмолвіи, смиреніи и послушаніи, стараясь хранить нерушимо то малое, что еще останется отъ прежней высокой монашеской жизни, особенно-же цѣломудріе. Открываетъ Святой также о печати Антихриста, о всемірной анархіи, которая будетъ предшествовать пришествію антихриста, о насиліяхъ надъ убогими земледѣльцами, о времени, когда надо ожидать сего, о сте-

пени развращенности послѣдняго поколѣнія, о умаленіи роста людей, о томъ, какъ ожесточительно будетъ дѣйствовать на сердца человѣческія принятіе ими печати антихриста, о проповѣди Эноха и Иліи противъ печати, о призывѣ ихъ людямъ знаменовать себя крестнымъ знаменіемъ и еще много тому подобнаго *).

Итакъ, третьей причиной небеснаго посольства Святаго были мы и тѣ, которые грядутъ по насъ. Если съ этой стороны размыслимъ, почему Святой выбралъ для своей проповѣди такого глубоко падшаго человѣка, какъ Өеофанъ, то, думается, намъ нѣсколько уяснится сокровенный смыслъ его.

Падшій Өеофанъ, впавшій въ тяжкіе грѣхи, но сохранившій православную вѣру несомнѣнной, простоту сердечную, а также сокрушеніе о своихъ грѣхахъ и сознаніе своего паденія — такой, чуждый лукавства, Өеофанъ есть прообразъ монашества послѣднихъ вѣковъ. Богъ не далъ Өеофану быть пожертымъ діаволомъ, но послалъ Святого Нила на взысканіе его. Посему современное и послѣдующее монашество не должно отчаяваться въ спасеніи, лишь бы только, при всѣхъ паденіяхъ, сохраняло оно неповрежденной свою православную вѣру, нелукавый нравъ, смиреніе и сокрушеніе о грѣхахъ своихъ. На самомъ дѣлѣ, какъ свидѣтельствуютъ духовные наши наставники, напр. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ, Еп. Өеофанъ затворникъ, Іеросхимонахъ Амфросій Оптинскій и прочіе, мы такъ же далеко отступили отъ древней святоотеческой жизни, какъ Өеофанъ отступилъ отъ заповѣдей Божіихъ; несмотря на это, милосердый Богъ, видя искренность его желанія совершить покаяніе, посылаетъ ему на помощь Угодника съ неба. Это свидѣтельство о неизреченной любви къ намъ Бога должно служить для насъ утвержденіемъ упованія нашего, отгнаніемъ унынія и отчаянія и побужденіемъ къ духовной брани со врагомъ.

Четвертой причиной необычайнаго попеченія о Өеофанѣ, Святой Нилъ поясняетъ, была великая грѣховность Өеофана, въ примѣръ чего святый приводитъ изъ житія Іоанна Богослова его продажу себя въ рабство самой ужаснѣйшей женщинѣ, которая когда-либо существовала, Романѣ. Вслѣдствіе необычайной ея грѣховности, отдалъ себя ей въ рабство

*) Итакъ, „Посмертныя Вѣщанія" непрестанно говорятъ о борьбѣ съ сатаной. Отсюда, нелѣпо говорить и думать будто Өеофану являлся сатана вмѣсто св. Нила. Развѣ сатана станетъ говорить противъ себя, изгонять самого себя. (Срвн. Матѳ. XII, 24—26)?!..

Іоаннъ, чтобы исхитить ее изъ рукъ діавола *). Еще приводитъ въ примѣръ родъ Іудейскій, самый жестоковыйный и неблагодарный, который когда-либо существовалъ, но именно его избралъ Господь и къ нему пришелъ спасать его.

Люди, говоритъ Святой, не въ силахъ постичь духовнаго состоянія человѣка, судя его по внѣшности, какъ невозможно по внѣшности различить гнилого плода гранаты отъ хорошаго; только, когда разрѣжешь гранату, тогда узнаешь по нестерпимому смраду, что она сгнила. Тѣмъ труднѣе человѣку судить человѣка, ибо страсти въ человѣкѣ бываютъ не отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, но есть страсти, въ которыхъ всецѣло виновенъ самъ человѣкъ и есть страсти, промыслительно попускаемыя Богомъ ради того, чтобы человѣкъ не возмечталъ или не впалъ бы еще въ бо́льшіе грѣхи. Эту притчу велѣлъ Святой передать тѣмъ скитянамъ, которые смущались тѣмъ, что Святой являлся именно Ѳеофану, а не кому другому.

Послѣ постриженія въ схиму въ 1819-мъ году Ѳеофанъ по повелѣнію Святаго долженъ былъ совмѣстно съ Герасимомъ покинуть Аѳонъ, причемъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ этому было: ненависть обличаемыхъ къ Ѳеофану и ихъ злобный умыселъ подстеречь и убить его, чтобы потомъ воспользоваться этой смертью для распространенія клеветы, будто Ѳеофанъ былъ въ сношеніи съ бѣсами, которые являлись ему, выдавая себя за Св. Нила, а потомъ его удушили..

Съ другой стороны, повелѣніе преподобнаго Ѳеофану оставить Аѳонъ и переселиться на другое мѣсто напоминало повелѣнія Господа ветхозавѣтнымъ пророкамъ выполнить тѣ или иныя символическія дѣйствія. Напр., Господь повелѣваетъ пророку Іереміи купить льняный поясъ, препоясать имъ чресла свои и спрятать его въ разсѣлину скалы (Іерем. 13, 1—4); въ другой разъ Господь повелѣваетъ Іереміи купить кувшинъ у горшечника и въ присутствіи старѣйшинъ, предъ вратами города, разбить сей кувшинъ въ знакъ отверженія Богомъ еврейскаго народа, (Іерем. 19, 1—13). А вотъ еще болѣе близкій и подходящій къ уходу Ѳеофана съ Аѳона примѣръ. Господь повелѣваетъ пророку Іезекіилю взять свои вещи и переселиться съ своего мѣстожительства

---

*) Преподаваемое здѣсь св. Ниломъ сообщеніе о св. апостолѣ, по духу и характеру, вполнѣ совпадаетъ съ другими фактами изъ жизни св. апостола Іоанна Богослова, (напр. попеченіе апостола о падшемъ юношѣ).

на другое, (Iезек. 12, 1—12), въ знаменованiе будущаго разрушенiя Iерусалима и переселенiя евреевъ въ Вавилонъ. Равнымъ образомъ, уходъ Ѳеофана съ Аѳона, по повелѣнiю преп. Нила, символически знаменовалъ грядущее Божiе наказанiе Аѳону — его разгромъ и запустѣнiе при нашествiи иноплеменниковъ, когда множество иноковъ, по своей слабости не могущихъ претерпѣть мученическiй вѣнецъ и восприять мученическую кончину, разбѣгутся съ Аѳона въ болѣе покойные города и селенiя, а, можетъ быть, и за границу...

Но прежде, чѣмъ покинуть Аѳонъ, Святой повелѣлъ Ѳеофану записать его 18-ти часовую бесѣду съ нимъ, 18-го Января 1817-го года, которая не была еще записана. Однако Ѳеофанъ упустилъ это исполнить и, какъ только освободился отъ эпитимiи, которую возложилъ на него Святой, выѣхалъ съ Аѳона вмѣстѣ съ Герасимомъ. Но Святой возбранилъ ему выполнить эту поѣздку, которая лишила бы всѣ будущiя поколѣнiя монашествующихъ на Аѳонѣ духовнаго сокровища, которое принесъ съ неба Божiй посланникъ, и, какъ ни старались Ѳеофанъ съ Герасимомъ достичь Царьграда, это имъ никакъ не удавалось. Тогда Ѳеофанъ понялъ, что это не есть случайность, но запрещенiе Святаго Нила, и, раскаявшись въ нерадѣнiи своемъ, поспѣшилъ возвратиться обратно на Аѳонъ и здѣсь въ теченiи цѣлаго года, диктуя изо дня въ день Герасиму, списалъ безъ утайки и безъ сокращенiя все, что совершилось съ нимъ отъ 1817-го года и все, что сказалъ Святой. Все это вмѣстѣ съ прежними записями составило книгу въ 1000 приблизительно страницъ полулистового формата, т. е., около 400 страницъ книги обыкновеннаго формата.

По окончанiи списанiя Ѳеофанъ и Герасимъ покинули благополучно Аѳонъ и уѣхали въ Палестину, въ обитель св. Саввы *), книгу же списали многiя лица и прiобрѣли монастыри, въ библiотекахъ которыхъ и по нынѣ она хранится.

Аѳонцы воспользовались симъ сокровищемъ такъ же различно, какъ воспользовались Iудеи сошествiемъ съ неба Христа: одни увѣровали и спаслись, другiе ожесточились и отвергли призывъ ко спасенiю, пока не нашло на нихъ всегубительство римскаго меча...

---

*) Вмѣстѣ съ собою они увезли „первотипъ“, т. е., главную рукопись, писанную рукою Герасима, которая и донынѣ хранится въ библiотекѣ монастыря св. Саввы. Это намъ удалось узнать отъ одного инока обители св Саввы, по повелѣнiю игумена, переписывавшаго ту рукопись для своей обители.

Такъ сбылось пророчество Святаго, ибо черезъ нѣсколько лѣтъ мѣра долготерпѣнія Божія исполнилась, нашелъ на Святую Гору Агарянскій мечъ, многолюдная Гора запустѣла, умалилось преобладаніе эллиновъ по численности надъ прочими и умножилось неожиданно монашество славянское, въ частности, русское. Поэтому, намъ подобаетъ нынѣ особо тщательно бдѣть и поучаться изъ примѣровъ церковной исторіи, чтобы не впасть въ тѣ же грѣхи, чтобы не навлечь и на себя гнѣва Божія, ибо, «аще Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ».—«Нѣкія отъ вѣтвей отломишася... невѣріемъ отломишася, ты же вѣрою стоиши, не высокомудрствуй, но бойся...» (Рим. 11; 20, 21). Кромѣ меча Святой угрожалъ еще Аѳону водою; эта угроза также сбылась въ тѣ же годы, ибо лилъ 30 дней страшный дождь; недавно отшедшіе отъ насъ старожилы, одни изъ немногихъ пребывшіе въ Святой Горѣ во время нашествія, какъ напримѣръ извѣстный подвижникъ Хаджи Георгій, говорили, что всѣ малые потоки обратились въ бурныя рѣки, даже видъ поверхности скатовъ горы измѣнился, небольшой ручей, который протекаетъ въ Кареѣ около соборнаго храма, такъ переполнился водою, что наводнилъ храмъ и на водѣ плавали деревянныя формы (стасидіи). Часть зданій въ монастырѣ Иверѣ унесло въ море.

Исполненіе этого пророчества есть прообразъ той кары, которую возвѣстилъ Святой послѣднимъ насельникамъ Святой Горы.—За нечестія нечестивыхъ Святая Гора погрузится въ море, когда, наконецъ, Матерь Божія отыметъ покровъ Свой отъ Удѣла Своего. Тогда благочестивые должны поспѣшить покинуть Аѳонъ, какъ только уйдетъ Чудотворная Иверская Икона.

О Покровѣ же Матери Божіей надъ Святою Горою Ѳеофану было замѣчательное видѣніе въ 1816-мъ году 20 Августа.

Тогда за грѣхи нечестивыхъ Святой Горѣ угрожалъ мечъ Албанцевъ и Римлянъ, погибель была близка, если-бы Святые Отцы Аѳонскіе, какъ то видѣлъ Ѳеофанъ, не умолили Владычицу и Она не дала Сыну произнести Свой грозный судъ. Враги были воспящены и еще около семи лѣтъ послѣ того мирствовала Святая Гора, пока, наконецъ, умножившіяся беззаконія и невѣріе Святому Нилу не навлекли мечъ Агарянскій, который нечестивыхъ потребилъ, а благочестивыхъ увѣнчалъ мученическими вѣнцами, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Святой.

Страшны знаменія гнѣва Божія, но увы! наше нечувствіе предаетъ все забвенію. Съ такой поразительной истинностью сбылись пророчества Святаго Нила, возвѣщенныя чрезъ Θеофана, но мы, частью, нерадимъ о томъ, чтобы познакомиться съ ними, частью, продолжаемъ являть тоже невѣріе и хулу, какую явили предшественники наши. Громадное большинство насельниковъ Аθона знаютъ по преданію нѣкоторыя пророчества Преподобнаго, но не имѣютъ возможности, при всемъ желаніи, познакомиться съ книгой, сокрытой въ нѣсколькихъ монастырскихъ библіотекахъ.

Господь сподобилъ насъ познакомиться съ этою рѣдкою книгой, потрудиться надъ переводомъ и литературнымъ изданіемъ ея на русскомъ языкѣ. Мы исповѣдуемъ несомнѣнно и глубоко вѣруемъ въ истинность Небеснаго явленія Святаго Нила и Божественность вѣщаній его, несмотря на то, что форма, въ которой Θеофанъ передалъ содержаніе бесѣды его со Святымъ, весьма несовершенна; встрѣчаются мѣста трудно понятныя, встрѣчается немало повтореній, въ другихъ же мѣстахъ недомолвки, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, съ помощью Божіей усматриваются слѣды благодати, которая вѣщала устами Θеофана, ибо въ грубо и малосвязно высказанныхъ словахъ обрѣтается тончайшая и истинѣйшая духовная нить, анализъ духовной брани и тому подобныя мысли, которыхъ Θеофанъ самъ не понималъ, и потому нѣсколько затемнилъ смыслъ, но, несмотря на сіе, эти духовныя сокровища не потерялись *).

Каждый читатель легко усмотритъ, что вся книга, отъ первой строки до послѣдней, представляетъ собою одно тѣсно связанное, неразрывное, логически и органически цѣлостное духовное созерцаніе величія благодати Божіей, излитой на Христіанъ новозавѣтныхъ вообще и на Аθонскихъ священномонаховъ въ частности, отсюда о великой отвѣтственности предъ Богомъ сихъ избранниковъ Божіихъ, о великой карѣ праведнаго гнѣва Божія, грядущаго на нихъ, если они начнутъ пренебрегать сими великими благодатными дарами

*) Посредникомъ или вѣстникомъ своихъ откровеній преп. Нилъ избралъ малограмотнаго Θеофана, конечно, для того, чтобы чрезъ его „смиренный умъ“ удобнѣе вѣщать небесную истину, ибо „разумъ кичитъ“; если-бы Θеофанъ былъ богословски образованъ, то сія книга, т. е., „Посмертныя Вѣщанія“, не могла бы имѣть серьезнаго значенія: стали бы говорить, что все это Θеофанъ сочинилъ самъ отъ себя. Теперь же чудо воочію: малограмотный „запка“ Θеофанъ и книга „Посмертныя Вѣщанія“, для написанія которой, кажется, и богословской образованности не хватитъ, а надо быть „геніемъ“...

Бога, закопаютъ ихъ въ землю, въ грязь грѣховности, лѣности, нечистоты духовной и не покаются въ своемъ нечестіи. Эта истина, подобно душѣ, оживляющей въ человѣческомъ организмѣ каждую самомалѣйшую каплю крови, дышетъ и движется въ каждой строкѣ, каждомъ словѣ огромной книги: „Вѣщаній".

Для смиренномудро-взыскующаго истины сама книга послужитъ несомнѣннымъ доказательствомъ Божественности происхожденія ея, смиренномудрый не соблазнится тѣмъ, что Ѳеофанъ малограмотно изложилъ то, что сказалъ ему Святой Нилъ, ибо онъ вспомнитъ, что и Апостолы были рыбари и что ихъ простымъ ученіемъ тоже соблазнялись „Эллины" (1 Кор. 1—23).

Восемнадцатичасовую бесѣду со Святымъ Ѳеофанъ изложилъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ печатныхъ страницъ. Нѣкоторые, указывая на сей объемъ, сомнѣваются, чтобы въ теченіи 18-ти часовъ возможно было столько наговорить. Для насъ же именно это обстоятельство служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что Ѳеофанъ не забылъ ничего изъ словъ Святаго и ничего не утаилъ, ибо, если отнять неизбѣжныя повторенія при изложеніи такой длинной бесѣды, которую записывали подъ диктовку изо дня въ день въ теченіи года, причемъ списчикъ Герасимъ относился съ благовѣніемъ къ словамъ Ѳеофана, не смѣя даже исправлять ихъ, хотя и могъ-бы это сдѣлать ибо былъ, хорошо грамотенъ, итакъ, если отнять повторенія, что въ общемъ составитъ около 100 страницъ, то получится именно такой объемъ, сколько въ разговорномъ собесѣдованіи можно проговорить въ теченіи этого времени. Приведемъ примѣръ изъ учебной жизни: студенты, готовясь къ экзаменамъ, свободно и не торопясь прочитываютъ по 30 страницъ обыкновенныхъ печатныхъ въ часъ, идутъ отвѣчать экзаменатору и получаютъ успѣшные баллы. Если принять, во вниманіе, что они все-таки нѣсколько скорѣе читаютъ, чѣмъ можно проговорить голосомъ, то окажется и получится около 400 печатныхъ страницъ, которыя вполнѣ возможно проговорить въ теченіи 18-ти часовъ.

Другое обстоятельство служитъ также удостовѣреніемъ истинности Ѳеофана: мы видимъ, что онъ, не дерзая преступить повелѣнія Святаго о томъ, чтобы не умалять его словъ, откровенно пишетъ не только то, что сказалъ Святой и что относится до всѣхъ, но и тѣ слова, въ которыхъ Святой обличаетъ Ѳеофана въ тайныхъ его, никому невѣдомыхъ,

крайне позорящихъ его, грѣхахъ студныхъ и смертныхъ. Если-бы воистину не явился-бы ему Святой и не говорилъ ему всего того и не повелѣлъ передать обо всемъ письменно послѣдующимъ родамъ, то, неужели самъ Ѳеофанъ сталъ-бы такъ себя позорить?

Не говоря о всемъ прочемъ, несомнѣнно удостовѣряющемъ смиренномудраго и спасающагося въ истинности Божественнаго посланія на землю Святаго Нила, укажемъ еще на одно обстоятельство. Книга, списанная Ѳеофаномъ, по содержанію своему представляетъ изложенный въ замѣчательной послѣдовательности рядъ глубочайшихъ духовныхъ истинъ, раскрывающихъ всѣ стороны монашеской духовной брани. Здѣсь съ поразительной обстоятельностью раскрываются всѣ причины паденія монашествующихъ, раскрыты пріемы дѣйствія вражіяго, съ которымъ сатана устремляется на монашество, даны образцы добродѣтелей, указанъ путь къ стяжанію ихъ, высказанъ рядъ обличеній всѣхъ слоевъ монашества, отъ старцевъ до послушниковъ и отъ пустынниковъ до монастырей, предложенъ рядъ предостереженій для подвизающихся. Однимъ словомъ, по богатству матеріала изъ области аскетической психологіи, „Вѣщанія" съ полнымъ правомъ могутъ занять видное мѣсто въ ряду такихъ знаменитыхъ святоотеческихъ твореній этого рода, какъ напр. „Лѣствица", слова преп. Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макарія Великаго и другихъ. Во многихъ мѣстахъ рѣчь преподобнаго полна дивной художественности, чуднаго лиризма, блещетъ огнемъ высокой поэзіи, благодатнаго вдохновенія, напоминая то огненный языкъ библейскихъ пророковъ, (при обличеніи нечестивцевъ), то чудныя новозавѣтныя вдохновенныя пѣснопѣнія Іоанна Дамаскина, (при изображеніи, напр., глубочайшихъ таинъ домостроительства Божія о спасеніи людей). Для уясненія библейскихъ событій, преподобный иногда высказываетъ такія подробности библейскаго факта, о которыхъ въ библіи ничего не говорится. Это расширеніе, (такъ называемая «амплификція»), подробностей того или иного библейскаго факта имѣетъ цѣлію наилучшее уясненіе тѣхъ или иныхъ библейскихъ событій, наилучшую, такъ сказать, наглядную, рельефно выпуклую обрисовку дѣйствующихъ библейскихъ лицъ и т. п.

Нѣкоторые святогорцы, смущаясь якобы чрезмѣрнымъ, подавляющимъ преобладаніемъ меланхоліи, скорби, грусти, разочарованности и плача въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ», говорили такія слова. «Когда читаешь святыхъ отцевъ и,

вообще, писанія древне-христіанскихъ подвижниковъ, то такъ и проникаешься вѣяніемъ небеснаго утѣшенія, благодатнаго веселія, мира и радости о Дусѣ Святѣ. Здѣсь же въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ» одна скорбь, одна подавленность, одна меланхолія; невольно задыхаешься въ этой удушливой атмосферѣ. Послѣ сего будетъ-ли полезна для читателя такая книга?»

На такое недоумѣніе весьма охотно даемъ слѣдующій отвѣтъ. Благодать Божія, входя въ соприкосновеніе съ человѣкомъ, котораго избираетъ своимъ сосудомъ и посредникомъ, не подавляетъ свободной воли этого человѣка, не стѣсняетъ его духовнаго облика, но, возвышая и поднимая его духъ въ области высшія, заоблачныя, надземныя и сверхчувственныя, она, при всемъ томъ, дѣйствуетъ въ связи со складомъ личности, (съ духовнымъ типомъ) этого человѣка. Ѳеофанъ по своей природѣ былъ наклоненъ къ меланхоліи; нравственныя потрясенія и треволненія жизни эту меланхолію въ немъ усилили и закрѣпили; она сдѣлалась неизмѣнной подругой и спутницей Ѳеофана, положивъ неизгладимый отпечатокъ на все его существо. Отсюда меланхолическій оттѣнокъ, весьма ясно ощущаемый почти на каждой страницѣ «Посмертныхъ Вѣщаній», дѣло вполнѣ понятное и естественное; иначе и быть не могло. Преп. Нилъ говорилъ чрезъ меланхолика; отсюда меланхолическая окраска «Вѣщаній». Далѣе, совершенная неправда, будто въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ» одно сплошное разочарованіе, одна меланхолія, одно отчаяніе. Въ этой книгѣ не мало и радостныхъ, ободряющихъ мѣстъ, напр., при изображеніи искупленія совершеннаго Господомъ Іисусомъ Христомъ, или хвалебная пѣснь «Возмите врата князи ваша» изображающая побѣду Христа надъ силами ада (I часть, XXII гл., 63 стран.) и проч. Самый Ѳеофанъ, при всѣхъ своихъ паденіяхъ, житейскихъ треволненіяхъ и искушеніи,—«съ кораблемъ потопляемый грѣхи»,—какъ-бы совсѣмъ опрокидываемый волнами грѣховнаго моря, все-таки, въ концѣ концовъ, «выплываетъ», спасается, торжествуетъ надъ этими волнами, восходя даже на высшую ступень монашеской жизни и принимая схиму по заповѣди преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Нила,—восходя «отъ смерти къ жизни, отъ земли къ небеси». Развѣ это безнадежная меланхолія?

Развѣ это — безпросвѣтное отчаяніе?! Наконецъ, какъ много въ «повѣстяхъ» сообщаемыхъ Преп. Ниломъ Ѳеофану,

изображено и обрисовано свѣтлыхъ образовъ истиннаго подвижничества!.. «Но, все-таки, скажутъ намъ, въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ» не мало найдется мѣстъ, навѣвающихъ грусть, скорбь, тоску и меланхолію»...

Не будемъ спорить. Однако необходимо принять во вниманіе слѣдующее. А церковныя молитвословія и пѣснопѣнія, развѣ онѣ цѣликомъ состоятъ изъ одной радости и ликованія, изъ одного ликующаго пасхальнаго канона Іоанна Дамаскина «Воскресенія день»?! А великопостный покаянный канонъ Св. Андреея Критскаго. «Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній?!»—«Увы, мнѣ окаянная душе!»—«Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ!»—«Душе моя! душе моя! возстани! что спиши?! Конецъ приближается и имаши смутитися!» Или напр., вотъ слова изъ общеизвѣстной молитвы. «Не ввѣри мя человѣческому предстательству». Здѣсь находимъ слѣдующее.

«Скорбь одержитъ мя, терпѣти не могу демонскаго стрѣлянія, покрова не имамъ, ниже гдѣ прибѣгну окаянный», всегда побѣждаемъ и т. д. Значитъ, въ самомъ церковномъ Богослуженіи есть не одна лишь «Свѣтлая Пасха», но и Святая Четыредесятница. великій постъ... Съ другой стороны, въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ», какъ подробно изъяснено выше, не одна сплошная скорбь и меланхолія. За густыми облаками скорби, за темными тучами меланхоліи, здѣсь легко замѣтить царственное сіяніе лучей небеснаго утѣшенія, легко замѣтить просвѣтъ, озаряющій и указывающій путь къ выходу изъ мрака безпросвѣтнаго отчаянія, — это призывъ къ покаянію, одухотворяющій каждую строчку, можно сказать, каждую букву «Вѣщаній».—Вы грѣшите и не приносите покаянія въ грѣхахъ. Горе вамъ за это! Гнѣвъ Божій близокъ къ вамъ! Покайтесь и тогда гнѣвъ Божій не постигнетъ васъ!» Вотъ кратко выраженная общая мысль, идея «Вѣщаній»! Какая-же здѣсь меланхолія?! Такъ можетъ говорить не кающемуся грѣшнику всякій православный пастырь, конечно, не наемникъ, а, именно, такой пастырь, которому дорого спасеніе овецъ, искупленныхъ Честною Кровію Христовой. Наконецъ, въ аскетической святоотеческой письменности не мало найдемъ мѣстъ меланхолическихъ, плачъ о грѣхахъ и призывъ къ покаянію, (напр., у Преп. Ефрема Сирина). Въ духовной жизни христіанина не должно быть ни постоянной скорби, ни постоянной радости. Когда нападаетъ гордость, самодовольство и самомнѣніе, полезно углубляться въ «меланхолическія» мѣста аскетической литературы; когда, на-

оборотъ, душа терзается безпросвѣтною скорбью, уныніемъ и отчаяніемъ,—необходимо читать, преимущественно, утѣшительныя мѣста изъ Св. Отецъ, (особенно Св. Іоанна Златоуста о покаяніи и т. под.).—«Воспалительныя болѣзни лѣчатся прохладительными лѣкарствами, а противоположныя имъ — горячительными», сказалъ одинъ изъ древнихъ подвижниковъ. Для лицъ недугующихъ воспалительною болѣзнью тщеславія, фарисейской гордости, надмѣнности и т. под., «Посмертныя Вѣщанія» будутъ прекраснымъ, прохладительнымъ лѣкарствомъ!..

Мысли «Вѣщаній» проникнуты строго—православнымъ характеромъ и направленіемъ. Преподобный очень часто и очень усиленно внушаетъ истину о необходимости живого духовно-нравственнаго союза съ православною церковію, о необходимости частаго пріобщенія Св. Таинъ, исповѣди предъ духовникомъ, о великомъ значеніи благодати священства, коему дано высокое право совершенія безкровной евхаристійной жертвы и т. п.

Когда означенная книга еще печаталась, многіе аѳонцы были недовольны этимъ и говорили: «зачѣмъ ее печатать?! Пусть-бы оставалась она въ аѳонскихъ библіотекахъ въ качествѣ рукописи!» Какіе же доводы высказывали аѳонскіе иноки противъ печатанія?! Первый доводъ — тотъ, что эта книга якобы можетъ произвести «раздоры и раздѣленія между аѳонцами..» На это скажемъ слѣдующее. А до печатанія сей книги, а сейчасъ, а послѣ, развѣ не было, нѣтъ и не будетъ раздѣленія между аѳонцами?! Конечно, аѳонцы стремятся жить въ мирѣ и единеніи, но яко человѣцы не чужды и грѣха разъединенія; келліоты не всегда мирны на крупныя обители и, обратно; греки не всегда мирны на русскихъ и обратно; однимъ словомъ, раздоровъ и раздѣленій на Аѳонѣ хоть отбавляй и напрасно тутъ возводить вину на «Посмертныя Вѣщанія Преп. Нила». Далѣе, аѳонцы дѣлаютъ еще и такое возраженіе. «Въ книгѣ часто обличается грѣхъ мужеложства, (особенно съ юными), а сего омерзительнаго грѣха на Св. Горѣ и слухомъ не слыхано и видомъ не видано; монахъ Ѳеофанъ былъ просто душевнобольной, меланхоликъ, надиктовавшій о. Герасиму много лжи и клеветы на святогорцевъ». Конечно, грѣхопаденія, (особенно тайныя, на подобіе мужеложства), кто ихъ видалъ? грѣхопаденія кто разумѣетъ? (Пс. 18, 13), скажемъ словами Псалмопѣвца, но были, конечно, серьезныя основанія у Вселенскаго патріарха, еще не такъ давно, издавать по

Св. Горѣ Аѳонской распоряженіе объ удаленіи изъ аѳонскихъ монастырей и скитовъ юныхъ и безбрадыхъ.

Конечно, дѣло шло тутъ не о пустякахъ и не о мелочахъ. Вселенскій патріархъ, не ограничиваясь письменнымъ распоряженіемъ, даже командировалъ сего ради на Аѳонъ одного изъ своихъ архіереевъ для приведенія въ исполненіе вышеуказанной патріаршей граматы, (очевидно дѣло было серьезное и животрепещущее). Архіерей даже взялъ себѣ въ помощь представителя гражданской власти, (турецкаго чиновника); они вмѣстѣ отправились по монастырямъ и келліямъ «изгонять юныхъ». Кое-кого изгнали... Впрочемъ, изъ сего патріаршаго распоряженія и сего «ревизорскаго объѣзда» аѳонскихъ обителей не вышло никакого толку. Доброе дѣло, какъ это часто бываетъ на свѣтѣ съ добрыми дѣлами, сошло на «нѣтъ». Ревизоры, съ великимъ почетомъ, вниманіемъ и гостепріимствомъ принимаемые въ аѳонскихъ обителяхъ, скоро закончили свой объѣздъ, весьма довольные «исполненіемъ патріаршаго порученія». Юные же не только не исчезли «съ лица земли аѳонской, но стали пріумножаться», (особенно по келліямъ), «а юные изгнанники» снова вернулись назадъ и все пошло по старому. Ни о какихъ административныхъ мѣропріятіяхъ на Аѳонѣ противъ юныхъ теперь уже не слышно... Ясное дѣло, что «Вѣщанія Преп. Нила» заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія аѳонцевъ...

Примѣчаніе: Мы говоримъ лишь о недавнихъ, современныхъ патріаршихъ распоряженіяхъ противъ юныхъ, не касаясь древнихъ аѳонскихъ узаконеній и патріаршихъ на сей счетъ распоряженій, имъ же нѣсть числа и о нихъ же не лѣть есть нынѣ глаголати подробно. Всѣ эти узаконенія и распоряженія во множествѣ собраны у Епископа Порфирія въ его книгѣ: «Второе путешествіе по Аѳону», (Москва, 1880 г., приложенія 271—529 стр.). Отсылаемъ туда любителей документальныхъ справокъ. Тамъ они найдутъ много подтверждающаго «Посмертныя Вѣщанія Преп. Нила». Все-таки, мы и здѣсь дѣлаемъ изъ вышеуказаннаго мѣста Епископа Порфирія выписку, именно изъ текста Завѣщанія Іакова Приканы, игумена лавры Св. Аѳанасія (1363 года) во дни царя Іоанна Кантакузена и Константинопольскаго Патріарха Филоѳея: „Вы, допускающіе дружбу съ юными, читаемъ здѣсь, должны много остерегаться безбородыхъ юношей, никого изъ нихъ не впускать въ обитель, во избѣжаніе соблазновъ,... ради великой немощи людей. Ибо Содомъ и Гоморра, эти пять городовъ, за

все это погибли отъ огня и покрыты водою, (т. е., здѣсь читаемъ почти буквально тоже самое, что въ „Посмертныхъ Вѣщаніяхъ", (XVII гл., 156 стр.). Далѣе Прикана говоритъ, что прежде въ монастыряхъ и лаврахъ сіяла благодать Божія, пока они имѣли страхъ Божій и цѣломудріе и продолжаетъ: «Когда же въ нихъ воцарилось презрѣніе духовныхъ старцевъ и непослушаніе имъ, появились любованія съ мущинами, пиршества съ молодыми и безбородыми, смѣхотворства, стремленія къ запрещенному, разжиганія и осязанія удовъ, сочетанія для неестественнаго совокупленія, когда омраченіе, выказавшееся въ такихъ дѣлахъ, охватило многія и различныя души, беззаконіе осталось неисправляемымъ,—тогда Богъ оставилъ сіи мѣста; обитающіе тутъ, по причинѣ многихъ приражeній и скорбей скончали житіе свое, а мѣста сіи съ той поры опустошаются варварами за недостоинство настоящаго рода. Внимайте, прошу васъ, Святые Отцы мои и братіе, да за невнимательность и непослушаніе отеческимъ уставамъ не впадете и вы въ пропасть безпутій, да не разгорится у васъ неестественное зло и да не разгнѣвается на васъ Господь, такъ что святое мѣсто сіе осквернится и запустѣетъ ради недостоинства вашего...» Однимъ словомъ, здѣсь находимъ тѣ же мысли, даже почти тѣ же выраженія, что и въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ Преп. Нила». Такія же читаемъ обличенія, такія же угрозы. Отсюда странно объяснять обличенія Аѳонцевъ въ «Посмертныхъ Вѣщаніяхъ» меланхоліей и душевною болѣзнью Ѳеофана, какъ странно было бы обвинять въ меланхоліи и психической ненормальности вселенскихъ патріарховъ, вышеупомянутаго Игумена лавры Св. Аѳанасія Іакова Прикану, (XIV в.) и другихъ духовныхъ ратоборцевъ, добрѣ на Св. Горѣ Аѳонѣ противъ «юныхъ и безбрадыхъ» подвизавшихся?!

Однако иные святогорцы не успокоиваются и на этомъ. Противъ «Вѣщаній Преп. Нила» они выставляютъ вотъ еще какія возраженія. «Эта книга можетъ подорвать въ корнѣ уваженіе русскаго народа къ Аѳону, а, самое главное, можетъ изсушить потокъ денежныхъ лептъ, широкой рѣкой льющійся на Св. Гору»!.. На это отвѣчаемъ слѣдующее. Издатели приняли мѣры, чтобы эта книга распространялась только на Аѳонѣ. Въ Россіи же будетъ распространяться лишь сокращенное изданіе «Вѣщаній Преп. Нила», въ каковомъ сокращенномъ изданіи заботливо и предусмотрительно выпущено все то, что имѣетъ отношеніе лишь къ Св. Горѣ, (особенно насчетъ аѳонскихъ грѣховъ). Значитъ,

опасаться нечего. Да, хотя бы эта книга вся цѣликомъ и полностію ходила по всей Руси Православной, по всему бѣлому свѣту и гдѣ угодно,—будетъ-ли отъ этого какой-либо убытокъ для аѳонцевъ?!—Да, ровно никакого!

Давно напечатаны и широко распространены по всей Россіи многотомныя сочиненія архим. Порфиріи объ Аѳонѣ. Въ этихъ объемистыхъ, толстыхъ книгахъ покойный Епископъ Порфирій, (не тѣмъ будь помянутъ онъ на томъ свѣтѣ), шагъ за шагомъ осмѣиваетъ и отрицаетъ путемъ научныхъ данныхъ чуть не каждое аѳонское преданіе о томъ или иномъ чудѣ, проявляетъ очень мало благоговѣнія къ аѳонскимъ святынямъ, осмѣиваетъ святогорцевъ въ ихъ подвигахъ и т. д.; эти книги въ Россіи можно встрѣтить въ каждой духовной библіотекѣ, во многихъ церквахъ, есть онѣ и на Аѳонѣ въ монастырскихъ библіотекахъ. Однимъ словомъ, книги Епископа Порфирія, повидимому очень способныя подорвать уваженіе къ Св. Горѣ, по Россіи широко распространены; однако отразилось-ли это сколько-либо на отношеніи православной Руси къ Аѳону, на размѣрахъ денежныхъ лептъ, идущихъ на Аѳонъ?!—Нисколько! Св. Гора Аѳонская находится подъ особымъ покровомъ Царицы Небесной. Сама Богоматерь, Царица неба и земли, печется объ Аѳонѣ, Сама Она, Пречистая, какъ прекрасно изъясняетъ Преп. Нилъ Ѳеофану, направляетъ отовсюду потокъ денежныхъ лептъ на Аѳонъ! Можетъ-ли громадная, каменная аѳонская скала поколебаться отъ прибоя морской волны?! Можетъ-ли ослабнуть любовь Руси къ Аѳону, любовь, вдохновляемая самой Царицей Небесной, можетъ-ли эта любовь ослабнуть отъ ничтожныхъ писаній либеральнаго Богослова Епископа Порфирія?! Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ аѳонцамъ опасаться по поводу появленія въ печати: «Вѣщаній Преп. Нила»?! Все это чудное твореніе, отъ первой строки до послѣдней, проникнуто какой-то пламенной, неземной любовью къ Аѳону, какъ особому удѣлу Царицы Небесной. Если эту книгу прочтетъ лицо постороннее Аѳону, но лицо вѣрующее и любящее Аѳонъ, то не только не охладѣетъ къ Аѳону отъ чтенія сей книги, а, наоборотъ, возъимѣетъ великое уваженіе къ святогорцамъ, которые съ истинно христіанскимъ мужествомъ открыто исповѣдуютъ предъ Господемъ грѣхи своя, нисколько не заботясь о томъ, будетъ-ли это кому-либо пріятно или непріятно. Въ древней христіанской Церкви широко было развито публичное исповѣданіе грѣховъ, каковое обстоятельство не только не вело къ чему-либо дурному, а, наоборотъ, спо-

собствовало подъему христіанской жизни, (вспомнимъ «общую исповѣдь» у приснопамятнаго о. Іоанна Кронштадтскаго). Такъ и аѳонцы, смиренные и кающіеся о нихъ же содѣлаша согрѣшеніяхъ, не только не потерпятъ урона, убытка, оскудѣнія денежныхъ лептъ и т. под., а, напротивъ, по евангелію, смиряяй себе вознесется (Лук. 18, 14), Господь еще болѣе увеличитъ ихъ славу на землѣ, а Царица Небесная отовсюду, какъ перепеловъ, нагонитъ имъ много денежныхъ лептъ...

Конечно, обличенія во грѣхахъ не всякому пріятно слушать. «Вѣщанія Преп. Нила» переполнены обличеніями; отсюда многіе немощные аѳонцы не любятъ сію книгу, обзывая монаха Ѳеофана душевно больнымъ и меланхоликомъ... Иное дѣло, если-бы въ этой книгѣ, на каждой строкѣ, въ каждой буквѣ сыпались однѣ лишь похвалы и одобренія!.. Тогда съ восхищеніемъ Аѳонцы встрѣтили-бы сію книгу, не помышляя вовсе о томъ, насколько будутъ полезны для духовной ихъ жизни такія похвалы... Наоборотъ, «имѣющій мудрость отъ Бога» съ любовію пріиметъ обличенія, какъ это прекрасно выражено въ текстѣ изъ книги Притч. IX, 8. 9., приведенномъ въ началѣ сего предисловія.

Многіе изъ русскихъ обвиняютъ Аѳонцевъ въ самообольщенности, ставятъ имъ въ вину усиленное зазываніе русскихъ на обитаніе въ Аѳонскихъ обителяхъ; *) недовольны многіе русскіе монахи, паломничающіе на Аѳонъ, тѣмъ, что аѳонцы усиленно зазываютъ ихъ зачѣмъ-то вторично пріѣхать на Аѳонъ, заманиваютъ перейти изъ Россіи къ аѳонцамъ,—мало того, даже выступаютъ предсказателями и прорицателями,—съ важнымъ видомъ предсказывая: «вотъ эта келлія современемъ будетъ мѣстомъ вашихъ подвиговъ на Аѳонѣ» и т. д. и т. д., (конечно, и «вкладъ денежный» тутъ молчаливо подразумѣвается). Такая самообольщенность, нерѣдко наблюдаемая у Аѳонцевъ, легко объясняется тѣмъ, что къ нимъ постоянно ѣдутъ отовсюду, (наипаче изъ Россіи), богомольцы... Трудно тутъ удержаться отъ самодовольства, самообольщенія, превозношенія надъ Св. Русью Православной; поневолѣ забывается, что и Св. Русь съ безчисленнымъ множествомъ Чудотворныхъ иконъ Царицы Небесной, есть тоже «Удѣлъ Богоматери», (пусть удѣлъ

---

*) Для доказательства рекомендуемъ почитать вышедшую въ 1911 году книгу Архимандрита Евгенія (Алекс.-Невск. лавры),—„Мое бытіе“, гдѣ описано его путешествіе на Аѳонъ.

младшій, позднѣйшій, а все-таки — «удѣлъ»). Издаваемыя смиренными Аѳонцами „Посмертныя Вѣщанія Преп. Нила", гдѣ Аѳонцы откровенно каются „о нихъ же содѣлаша согрѣшеніяхъ", краснорѣчиво докажутъ, что далеко не всѣ Аѳонцы грѣшатъ самообольщеніемъ, что далеко не всѣ Аѳонцы подобятся самообольщеннымъ фарисеямъ, къ которымъ Господь послалъ обличителемъ Іоанна Крестителя, наименовавшаго ихъ „порожденіями ехидны", запретившаго гордымъ фарисеямъ именоваться чадами Авраама и предвозвѣстившаго, что „сѣкира при корене дерева лежитъ", (Матѳ. 3, 7—10)... Эта книга покажетъ, что среди Аѳонцевъ есть и смиренные мытари, которые чужды самообольщеннаго взгляда на себя, какъ людей превосходящихъ Россіянъ, какъ на особо великихъ избранниковъ Царицы Небесной, смиренные Аѳонцы, памятующіе, что и изъ сихъ камней, изъ снхъ скалъ, Царица Небесная, если захочетъ, можетъ воздвигнуть Себѣ избранныхъ духовныхъ чадъ, смиренные Аѳонцы, памятующіе, что за грѣхи, не омытые покаяніемъ, катастрофа, гнѣвъ Божій грозитъ и сѣкира при корене дерева лежитъ... Вспомнимъ покойнаго «Святогорца», (царство ему небесное!), проводившаго въ своихъ «Письмахъ» ошибочную мысль, будто всѣ, живущіе на Аѳонѣ, (уже изъ-за того, что живутъ на Аѳонѣ), непремѣнно спасутся!.. Этою мыслью «Святогорца» былъ весьма недоволенъ Московскій Митрополитъ Филаретъ.

Когда явился къ Богоизбранному народу еврейскому съ обличеніями Іоаннъ Креститель, то іудеи отнеслись двояко къ его обличеніямъ, — одни, смиренные мытари, воздавъ славу Богу, крестились отъ Іоанна, другіе, фарисеи и законники, отвергли волю Божію и не крестились отъ Него, (Лук. 7, 30), даже болѣе,—говорили, что Іоаннъ Креститель одержимъ бѣсомъ (Матѳ. 11, 18). Не сомнѣваемся, что «Вѣщанія Преп. Нила» встрѣтятъ двоякое отношеніе со стороны Аѳонцевъ, — смиренные Аѳонцы, подобно мытарямъ — «воздавъ славу Богу», съ любовію пріимутъ сію книгу и не мало извлекутъ изъ нея «на пользу душевную»; другіе же отвергнутъ сію книгу и внушительно заявятъ, что Ѳеофанъ былъ «одержимъ бѣсомъ».

Во всякомъ случаѣ, утѣшительно, что еще раньше предлагаемаго изданія стали появляться печатныя изданія «Вѣщаній» на русскомъ языкѣ. Очевидно, нужда въ такомъ изданіи живо сознавалась и чувствовалась всѣми смиренными Аѳонцами. Настоящее изданіе отличается отъ предшествую-

щихъ своею полнотою, а также тѣмъ, что оно редактировано православными учеными богословами, которые составили здѣсь же и свои подстрочныя изъяснительныя примѣчанія.

Данная книга предназначается авторомъ для распространенія среди насельниковъ Аѳона, ибо къ нимъ то она преимущественно и относится. Но, такъ какъ въ книгѣ содержится немало цѣннаго и для русскаго монашества, то, одновременно съ этимъ изданіемъ, выпускается печатное изданіе и для Россіи, но значительно сокращенное, сравнительно съ этимъ изданіемъ, предлагаемымъ благосклонному вниманію святогорцевъ. Въ русскомъ изданіи предусмотрительно выпущено все то, что имѣетъ отношеніе исключительно къ Аѳону, вообще, все неудобопріемлемое для слуха Россіянъ. Въ греческомъ подлинникѣ рукописи нѣтъ никакихъ дѣленій и подраздѣленій. Здѣсь же, для лучшаго усвоенія, книга раздѣлена на 5 частей и каждая часть на главы. А именно: въ первой части изложены тѣ вѣщанія 18-ти часовой бесѣды Святаго, которыя имѣютъ общепоучительный духовный смыслъ; во второй тѣ части 18-ти часовой бесѣды, которыя особо поучительны для монашествующихъ, въ третьей помѣщаемъ относящееся только до Святогорцевъ прошлаго столѣтія, въ четвертой поучительную повѣсть о Скитѣ Сервія. Въ 5-й части помѣщено житіе преп. Нила и описаніе самыхъ явленій его Ѳеофану. Издатель, приступая къ сему великому и отвѣтственному дѣлу и дерзая на это ради благословенія старца, смиренно проситъ читателей, Отцевъ и Братій, простить ему невольныя его погрѣшности въ семъ многотрудномъ дѣлѣ.

Благословеніе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Нила Мѵроточиваго да пребудетъ на всѣхъ почитающихъ и читающихъ его и поучающихся словесамъ его! Аминь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О предметахъ духовныхъ вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Толкованіе того, какъ невѣріе и похоть рождаютъ грѣхъ, а грѣхъ рождаетъ смерть, изъясненіе грѣхопаденія прародителей.

Чувства души человѣка имѣютъ двухъ мысленныхъ охотниковъ, которые, одинъ передъ другимъ, стараются завладѣть чувствами души и безпрестанно гоняются за душою. Одинъ охотникъ есть вѣра, а другой — невѣріе; говоримъ: надежда и отчаяніе. Эти благіе охотники [1]) съ чрезвычайною ревностью гоняются за душою, стремясь сочетаться съ нею бракомъ; когда восторжествуетъ вѣра надъ невѣріемъ и сочетается съ душою, тогда воспоминаетъ душа Бога и рождаетъ надежду. Такъ побѣдила вѣра душу благоразумнаго разбойника, родила ему надежду спасенія, и онъ воскликнувъ: «Помяни мя Господи",—и поминается церковію до скончанія вѣка сего. Напротивъ, другой разбойникъ былъ побѣжденъ невѣріемъ, родилъ въ себѣ отчаяніе, похулилъ Христа, но похуленъ остался самъ до скончанія вѣка сего. Такъ бываетъ и со всякимъ человѣкомъ, обуреваемымъ страстью невѣрія; тогда-же онъ пребываетъ и въ отчаяніи, потому что за невѣріе оставляется Богомъ, въ немъ рождается отчаяніе и упорная хула на Бога, которая, какъ боль въ язвѣ тѣлесной, не можетъ прекратиться, пока существуетъ и не исцѣлѣетъ самая язва, то-есть, пока сія язва душевная не исцѣлится покаяніемъ.

Почему-же человѣкъ впадаетъ въ бездну отчаянія, невѣрія и въ блато нечистоты? — Изъ за [2]) «псилафизма» т. е. изъ за мысленнаго

---

[1]) Разумѣются вѣра и надежда, по отношенію къ которымъ полною противоположностью являются „охотники злые"—невѣріе и отчаяніе. Эти злые охотники вдохновляются діаволомъ, который ходитъ какъ левъ рыкающій, ищущій кого поглотить (1 Петр. 5, 8)

[2]) На послѣднемъ выраженіи необходимо остановиться. Слова псилафизмъ мы не нашли въ словаряхъ, по корню-же и смыслу оно означаетъ похоть на slажденія чувственными благами, въ противоположность исканію духовныхъ благъ;

прельщенія чувственностями и небреженія о небесныхъ благахъ. (Иначе говоря—изъ за того, что въ молитвахъ церковныхъ часто именуется: «лукавымъ и плотскимъ мудрованіемъ»).

Какимъ-же образомъ псилафизмъ превращается въ отчаяніе? Вѣра, уловляя человѣка, привлекаетъ его и удерживаетъ надеждою благъ небесныхъ, невѣріе же, чтобы уловить человѣка, прельщаетъ его похотѣніемъ благъ земныхъ, чувственныхъ и, такъ какъ удовлетвореніе ихъ связано съ нарушеніемъ заповѣди Божіей, то, прельстивъ человѣка и возбудивъ въ немъ похотѣніе запрещеннаго, невѣріе возбуждаетъ затѣмъ въ немъ сомнѣніе въ истинности словъ Божіихъ, наводитъ на вопросы: такъ или нѣтъ? истинно-ли, или нѣтъ? — Вожделѣнна похоть для человѣка, но удовлетворить его она не можетъ. Прельщается человѣкъ похотѣніемъ и напрягаетъ свои усилія къ тому, чтобы удовлетворить плотскую похоть. Но, сколько ни насыщаетъ ее, остается неудовлетвореннымъ; видя свои напрасные труды и старанія достичь счастія удовлетворяя страстямъ и похотямъ, ввергаетъ мысль свою въ пропасть и болотную тину отчаянія. Такимъ-же образомъ и хулитель разбойникъ, не вѣруя (въ небесныя блага) и не доставивъ душѣ удовлетворенія чрезъ наслажденія чувственныя, ввергъ свою мысль въ блато хулы на Господа распятаго на крестѣ.

Такъ точно и нынѣ всѣ прочіе, [1]) находящіеся во власти невѣрія, (т. е уловленные невѣріемъ), терзаются вмѣстѣ съ симъ и страстію отчаянія, которое, какъ мы сказали, произошло въ нихъ отъ похотѣнія и невѣрія.

Такъ исторгла эта страсть праотца нашего Адама изъ тѣхъ великолѣпныхъ обителей рая, въ которыхъ вселилъ его Зиждитель Богъ.

Съ подобною страстію приступилъ змѣй и къ Евѣ, стремясь уловить ее въ сѣть невѣрія похотливымъ мудрованіемъ и удержать въ этой сѣти отчаяніемъ, успѣлъ змѣй въ этомъ, ибо Ева приняла его

очевидно, псилафизмъ означаетъ похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейскую, или „любовь міра, которая есть вражда Богу“ (Іак. 4, 4); все это Святой Нилъ выражаетъ однимъ словомъ псилафизмъ, то-есть, чувственность. Чувственная похоть является источникомъ всякаго грѣха, какъ учитъ св. апостолъ Іаковъ: „Кійждо-же искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ. Таже похоть зачензши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ-же содѣянъ раждаетъ смерть“. (Іак. 1. 14, 15). Отъ существительнаго—псилафизмосъ Святой Нилъ производитъ еще и глаголъ, означая имъ плотскіе помыслы, плотское мудрованіе,—однимъ словомъ, выражаетъ то, что мы можемъ выразить словами: похотствованіе, сладострастное мечтаніе, увлеченіе страстями грубочувственными (блудъ, гнѣвъ) и болѣе тонкими, сребролюбіемъ, славолюбіемъ и самолюбіемъ.

[1]) Итакъ, плотская похоть и невѣріе, (или духовная похоть), неразрывно связаны между собою; этотъ законъ подтверждается и явленіями современными намъ. Теперь въ культурныхъ государствахъ на книжныхъ рынкахъ распространяется много книгъ безбожныхъ, сѣющихъ невѣріе, а, вмѣстѣ съ симъ, много книгъ порнографическихъ, (проповѣдующихъ развратъ).

вѣсть, что они могутъ сдѣлаться какъ боги, съ великою радостію и съ такою-же стремительною радостію приступила къ Адаму; но радость вѣсти змія превратилась въ великую печаль, пребывающую на людяхъ и по нынѣ. Адамъ же, еще до прихода Евы, слушая ея бесѣду со зміемъ, началъ (плотски и лукаво) мудрствовать касательно (обязательности) заповѣди Божіей, сталъ сомнѣваться въ заповѣди Божіей и говорить въ помыслѣ своемъ: да такъ-ли на самомъ дѣлѣ должно быть, какъ Богъ сказалъ? (т. е. неужели умремъ); да истинно-ли то, что Богъ сказалъ?—И вотъ, когда Адамъ мудрствовалъ въ себѣ такимъ (плотскимъ) мудрованіемъ, (досл.: псилафизовался такими псилафизмами), приступила къ нему съ соблазнами змія Ева и окончательно отравила его совѣтомъ змія. Когда-же онъ (т. е. змѣй) отравилъ Адама своимъ совѣтомъ, переданнымъ Адаму черезъ Еву, то змію такъ-же (легко было совершенно овладѣть Адамомъ), какъ рыбаку, ловящему рыбу на отраву, бросаемую въ воды озера, легко уловить ее безъ помощи рыболовныхъ снастей.

Такъ чрезъ Еву діаволъ, какъ отраву вкинулъ въ мысль Адама совѣтъ змія, и Адамъ воспринялъ мыслію сей псилафизмъ (т. е. плотское мудрованіе или обольстительную мечту); они поступили съ Евой по совѣту змія,—и тотчасъ-же отравились, говоримъ: отчаялся Адамъ. Какъ рыба, отравившись, выбрасывается изъ воды на берегъ озера и легко, безъ всякихъ снастей и труда, завладѣваетъ ею рыболовъ,—такъ случилось и съ Адамомъ, когда Ева отравила его совѣтомъ змія. Адамъ подвигся тогда противъ заповѣди Божіей и, подобно рыбѣ, выбросился изъ недосязаемыхъ рыбакомъ водъ на берегъ, въ руки ловящаго; — говоримъ: отступилъ (Адамъ) отъ заповѣди Божіей и послѣдовалъ совѣту змія. Когда-же Адамъ исполнилъ совѣтъ змія, то сейчасъ-же обнажился отъ благодати Божіей: совѣтъ Божій презрѣли прародители и заповѣди Божіей не повѣрили, совѣтъ-же змія приняли,—и тотчасъ стали прокаженными, — говоримъ: тотчасъ ослѣпли ихъ очи благодатныя. (т. е. духовное зрѣніе) и отверзлись въ нихъ очи лукавства (т. е. лукавое мышленіе, эта проказа ума); и до нынѣ сѣмена сихъ страстей пребываютъ въ людяхъ.

И со всякимъ такъ бываетъ: какъ только душа слукавствуетъ, сейчасъ-же она совлекается благодати Божіей, благодать, ниспосланная человѣку отъ Бога, утрачивается.

Такъ и у Адама: какъ только родилось въ немъ похотѣніе чувственностей (псилафизмъ), онъ тотчасъ-же излукавился, мысленно сочетавшись съ обольстительной мечтой, мгновенно отступило отъ него сіяніе Солнца Солнцевъ, и Адамъ, обнажившись отъ благодати, (т. е. утративъ благодатное осіяніе), сталъ тьмою, (т. е. темнымъ, не сіяющимъ, каковы [1]) люди и понынѣ).

Богъ до грѣхопаденія Адама даровалъ ему владѣть всѣми бла-

гами рая, но возбранилъ плоды лишь одного древа; для того воспретилъ Богъ Адаму древо сіе, чтобы сохранилъ Адамъ сознаніе, (т. е. не забылся-бы какъ Денница и не возмечталъ-бы о себѣ, но, видя себя ограниченнымъ во владѣніи чрезъ сію заповѣдь, всегда помнилъ-бы своего Владыку и Творца и смирялся передъ Нимъ). Но Адамъ не внялъ повелѣнію Божію, а внялъ вѣсти змія, вслѣдствіе похоти и невѣрія,— и чрезъ сіе оказался возбраненъ прекраснѣйшихъ благъ рая. обнаженъ, лишенъ благодати Божіей и облеченъ въ одежду лукавства.

Богъ же, Иже бѣ Сый и Грядый, вѣдущій вся происходящая, Творецъ Неба и Земли, сотворившій и сердце Адама,—познalъ обнаженіе Адама и долготерпѣливо сталъ ожидать того, чтобы люди припали къ Богу съ моленіемъ о прощеніи и исповѣдали-бы предъ Нимъ свое преступленіе, которымъ нарушили заповѣдь Божію. За сіе Богъ готовъ былъ дать имъ первую ихъ одежду, (т. е. свѣтъ благодатнаго, сіянія), и все то, что имѣли раньше, но люди не пожелали того, что̀ угодно было Богу, а пребыли во тьмѣ, что̀ угодно было ненавистнику и начальнику зла...

...Ибо Адамъ во всемъ винилъ Бога и, пребывая во тьмѣ лукаваго плотскаго мудрованія, (псилафистическаго лукавства), говорилъ въ себѣ такъ: я не виноватъ въ этомъ; Богъ Самъ виноватъ: зачѣмъ далъ Онъ мнѣ такую заповѣдь, а, если запретилъ плодъ, то зачѣмъ далъ (запретному плоду) такую красоту? Будь я одинъ, я соблюлъ-бы заповѣдь, но, такъ какъ Богъ присовокупилъ мнѣ сію, говоримъ Еву, то по совѣту ея, я преступилъ заповѣдь, данную мнѣ Богомъ, ибо красота плода, и совѣтъ помрачили меня, и я преступилъ заповѣдь Божію.—И другія, подобныя сему, плотскія мудрованія (псилафизмы) кружились стаей въ Адамѣ.

Богъ, призывавшій Адама къ покаянію, услышавъ его лукавыя мудрованія (псилафизмы), сталъ усиленно призывать его къ покаянію. Услыхавъ, Адамъ долженъ былъ выйти въ срѣтеніе Богу, исповѣдать свое преступленіе и испросить прощенія. Когда Богъ приблизился къ Адаму, Адамъ услыхавъ звукъ шаговъ Божіихъ, спрятался и не вышелъ на встрѣчу Богу, спрятался отъ Бога со своимъ беззаконіемъ и преступленіемъ.

Богъ же, (сойдя въ рай), все еще ничего не говорилъ, выжидая первыхъ словъ Адама, чтобы онъ вышелъ на встрѣчу Богу, какъ тотъ

[1]) Итакъ, по ученію преп. Нила, праотецъ Адамъ до грѣхопаденія былъ „свѣтлымъ“, т. е. отъ него исходило видимое чувственными очами нѣкое сіяніе Божественнаго свѣта. По грѣхопаденіи Адама это сіяніе утратилось. Данное положеніе подтверждается Ѳаворскимъ свѣтомъ, которымъ возблисталъ Новый безгрѣшный Адамъ (1 Кор. 15. 45), Господь Іисусъ Христосъ во время Преображенія (Матѳ. 17, 2) и словами Господа, что въ Царствѣ Небесномъ праведники просіяютъ какъ солнце (Матѳ. 13, 43).

блудный сынъ и сказалъ: согрѣшилъ, моя вина... Тогда Богъ, услыхавъ сіе вожделѣнное покаяніе, принялъ бы Адама въ объятія, говоримъ —совлекъ бы съ него ризу беззаконія и облекъ бы его въ первую одежду. Готовъ былъ Богъ и желалъ сдѣлать это Адаму, но Адамъ не восхотѣлъ выйти на встрѣчу Богу и произнести слова покаянія.

Въ то время, какъ Богъ призывалъ Адама къ покаянію, Адамъ думалъ лишь о томъ, гдѣ бы ему спрятаться отъ Бога съ беззаконіемъ своимъ. Богъ, конечно, зналъ, гдѣ находится Адамъ и гдѣ укрылся съ беззаконіемъ своимъ, но желалъ, чтобы Адамъ вышелъ на встрѣчу и произнесъ вожделѣнныя слова покаянія.

Но покаянія Богъ отъ Адама не услышалъ и приближенія его на встрѣчу не увидѣлъ.

Тогда Богъ весьма опечалился сему безсмыслію Адама, то-есть, его прельщенію и лукавому мудрованію (псилафизму), ибо отъ чувственнаго похотѣнія (псилафизма) рождается безуміе, обезумѣвъ человѣкъ не понимаетъ, что съ нимъ происходитъ, помрачается и не вѣсть, что творитъ.

Такъ похотѣніе чувственныхъ (псилафизмъ) вовлекаетъ человѣка въ безуміе, безуміе же вводитъ во тьму, тьма же доводитъ до воздѣлыванія всѣхъ тѣхъ злыхъ дѣлъ. Поэтому и Адамъ, обезумѣвшій и омрачившійся чрезъ похотѣніе и лукавство, услыхавъ звукъ (приближенія) Бога, не вышелъ къ Нему на встрѣчу и не отвергся плотскаго и лукаваго мудрованія невѣрія.

Тогда Богъ, видя все это, воскликнулъ и сказалъ Адаму сіи слова: „Адамъ, гдѣ ты?“ Адамъ же, не будучи въ силахъ вынести гласа Божія, воскликнулъ и сказалъ: „Здѣсь я, но я нагъ и не могу предстать Божеству Твоему“. Пождалъ еще Богъ словъ покаянія отъ Адама, но ничего подобнаго и никакого гласа отъ Адама не услыхалъ.

Тогда Богъ опять вопросилъ Адама: „Отчего ты обнажился? Не преступилъ ли того, что̀ тебѣ было заповѣдано (досл.: не погубилъ ли ты той споспѣшницы, или пособницы, т. е. заповѣди)? Такъ сказалъ Богъ для того, чтобы Адамъ не таилъ болѣе грѣха и явилъ бы покаяніе. Этимъ вопросомъ Богъ нѣсколько пособствовалъ Адаму покаяться и сознать свою вину и (это снисхожденіе Богъ оказалъ) ввиду того, что Адамъ былъ весьма помраченъ чрезъ свою похоть и лукавство.

Псилафистическое лукавство прародителей, (т. е. лукавство ихъ плотскаго мудрованія), не допускало ихъ открыть болѣзнь свою Врачу, чтобы Онъ излѣчилъ ихъ. Въ высшей степени Врачъ вожделѣвалъ ихъ излѣченія, но сила дѣйствовавшаго въ нихъ плотскаго мудрованія омрачила ихъ духовное око, оглушила ихъ духовный слухъ, такъ что они не могли со своею глухотою и тьмою внимать повелѣніямъ Божіимъ, но внимали лукавому и плотскому мудрованію змѣя и отъ этого безумствовали. Богъ первоначально сотворилъ ихъ всемудрыми,

потомъ же лукавство плотскаго мудрованія, (псилафистическое лукавство), содѣлало ихъ всебезумными и они, обезумѣвъ, соизволяли змѣю.

Слѣдуя гласу лукаваго мудрованія Адамъ отвѣтилъ Богу такъ: „да, не соблюлъ, ибо Ева ввела меня въ соблазнъ и я прельстился; Твоя вина, ибо Ты далъ мнѣ ее въ сожительницу“;—только это одно и сказалъ Адамъ Богу и никакого болѣе исповѣданія и просьбы о прощеніи не принесъ своему Творцу.

Богъ, услыхавъ эти слова и видя такое ожесточеніе Адама, отвратился отъ Адама и сталъ взыскивать такимъ же образомъ покаянія отъ Евы. Ждалъ Богъ отъ Адама вождел҄ѣннаго покаяннаго исповѣданія, но не услыхалъ его, посему обратился къ Евѣ, не услышитъ ли Онъ сего отъ нея.

Мы знаемъ, что многія жены (своими мольбами) высвободили мужей своихъ изъ темничныхъ узъ [1]. Тѣмъ болѣе всеблагій Богъ могъ простить Адама ради молитвъ Евы.

Но Ева, услыхавъ шаги Божіи, стала еще болѣе скрываться, чѣмъ Адамъ, ибо женщины боязливѣе, (болѣе, хоронятся), чѣмъ мужчины. Вслѣдствіе этого, Ева горевала и имѣла бо́льшую скорбь, нежели Адамъ, какъ и нынѣ жены опечаливаются сильнѣе мужей.

Сострадая горю Евы, Богъ пошелъ къ ней, какъ къ Адаму, чтобы услышать отъ нея то вожделѣнное покаянное исповѣданіе, которое Богъ столь желалъ услышать отъ Адама и не услышалъ. Ева не шла на встрѣчу Богу.

Не возмогла вынести Ева гласа [2] Божія и отвѣтила: „здѣсь я, но нага и не смѣю явиться предъ Тобою“. Сказалъ Богъ:—„Отчего вы обнажились?“ Не сказалъ Богъ: „отчего ты обнажилась“,—а сказалъ: „отчего вы обнажились“,—ибо, еслибы сказалъ: отчего ты обнажилась,—то изъ этого явствовало бы, что Адамъ оправдывается и одна только Ева осуждается, потому-то и сказалъ Богъ: почему вы обнажились? Все же это сказалъ Богъ для того, чтобы (въ случаѣ ихъ нераскаянія) одинаково осудить обоихъ на сію презрѣнную жизнь, что̀ и произошло.

Это сказалъ Богъ, чтобы вызвать Еву на многожелаемое покаянное исповѣданіе, но Ева не произнесла покаяннаго признанія Богу, а вмѣсто этого сказала: „змѣй соблазнилъ меня, и я прельстилась симъ“. Пождалъ еще Богъ, чтобы услышать отъ нея слова покаянія, но Ева больше ничего не произнесла.

---

[1]) Разумѣются „узы“ гнѣва Божія, наказанія за грѣхи. Отсюда справедливо присловье „жена за мужа умолитъ“.

[2]) Библейское повѣствованіе передаетъ рѣчь Бога къ согрѣшившей прародительницѣ нѣсколько иначе, но надобно имѣть въ виду, что преп. Нилъ стремится не просто повторять Ѳеофану библейскія событія, но уяснить ихъ внутренній смыслъ.

Итакъ, Богъ, видя, какою погибелью погибли люди по совѣту змія, сказалъ Адаму: „за то, что ты послушался голоса жены твоей и съѣлъ отъ древа, которое одно я тебѣ не позволилъ отъ него ѣсть, ты же съѣлъ,—да будетъ проклята земля въ дѣлахъ твоихъ, въ скорби будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; терніе и волчцы произведетъ она тебѣ; въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ, потому что ты земля и въ землю пойдешь".

Также сказалъ Богъ Евѣ: „Умножая, умножу скорби твои и воздыханія твои; въ болѣзни будешь рождать дѣтей; къ мужу твоему обращеніе твое и онъ будетъ господствовать надъ тобою". Змія же осудилъ трижды, (т. е. сугубо больше): „за то, что сотворилъ ты сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ", и пр. Обоимъ же вмѣстѣ сказалъ; „Уйдите отъ Меня, но пріимите сіе обѣтованіе отъ Меня, (благовѣщеніе о Спасителѣ); а также еще сказалъ: „съ трудами и съ трудами будете воздѣлывать пищу, въ потѣ будете вкушать хлѣбъ свой, съ печалью будете одѣваться въ одежду свою и со страхомъ воздѣлывать путь свой"... (Быт. 3 гл.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Какъ велика была утрата людьми рая и блаженства. Первое убійство.

Посемъ Богъ опять сказалъ: „Изыдите отъ Меня",—и тотчасъ шестокрылый херувимъ съ огненнымъ мечемъ изгналъ ихъ изъ тѣхъ прекраснѣйшихъ красотъ райскихъ, они остались внѣ рая и переселились на мѣсто, находящееся противъ рая. Тамъ горько восплакали они, взирая на красоты рая, (т. е. взирая въ сторону утраченнаго рая и вспоминая райскія блага). О томъ же, сколь прекрасенъ былъ рай,—суди по слѣдующему сравненію.

Если и нынѣ человѣкъ сильно восхищается красотою неба, безпредѣльностью небеснаго свода, сіяніемъ солнца, стройностью движенія звѣздъ, свѣтомъ луны, блистаніемъ сверкающей молніи, грохотомъ грома изъ грозовой тучи—то сколь же было восхитительно для первозданнаго человѣка созерцаніе третьяго неба, взираніе на Бога, созерцаніе вѣчности и безграничности Его сіянія, воинства ангельскаго Его и силы Его?..

Если нынѣ, по грѣхопаденіи, какъ свидѣтельствуетъ Псалмопѣвецъ, душа человѣческая можетъ просвѣтиться и убѣлиться, паче снѣга: «*окропиши мя иссопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся*»—(Пс. 50, 9) то, слѣдовательно, какъ сіяли радостію и блаженствомъ души первозданныхъ людей въ раю?!.

Если нынѣ, послѣ зимней стужи, земля, покрытая снѣгомъ, послѣ весеннихъ дождей расцвѣтаетъ и дѣлается подобной по красотѣ раю и благамъ его, столь украшается отъ солнечныхъ лучей...—(то какъ же она должна была расцвѣсти тогда въ раю, будучи осіяваема свѣтомъ благодати Божіей)...

Итакъ, если нынѣ столь великія блага доступны человѣку, который подобенъ травѣ и дни котораго подобны полевому цвѣту. (Пс. 102, 15)—то каковы же должны были быть блага райскія?.. Если нынѣ души грѣшниковъ, окропившись иссопомъ, столь убѣляются и столь великихъ созерцаній достигаютъ, то каково же было блаженство въ раю прародителей и какъ расцвѣтали души ихъ?.. какія блага вкушали, (досл. цвѣтособирали), они?.. Слѣдовательно, можетъ ли кто познать тѣ прекраснѣйшія блаженства рая, которыхъ око не видѣ,—первозданный же человѣкъ видѣлъ всѣ эти красоты рая, которыя несравнимы ни съ блистаніемъ молніи, ни съ сіяніемъ солнца... И кто можетъ уразумѣть сіе, (т. е. неописуемость красотъ райскихъ и степень блаженства человѣка въ раю)?—только вѣрующій, (могущій вѣровать).—Кто вѣритъ, что сверканіе молніи есть сила сотворенная, того эта вѣра побудитъ размыслить и сказать: если свѣтъ молніи, которая есть тварь, имѣетъ такую силу, то какова же сила сіянія самого Творца, Который сотворилъ молнію. Каковъ же былъ тотъ, который могъ взирать на такое сіяніе? Сколь великою благодатію былъ облеченъ тотъ, который бесѣдовалъ съ такимъ Творцомъ, сотворившимъ такое сіяніе? — Никто другой не видѣлъ Бога и не бесѣдовалъ съ Нимъ, одинъ только Адамъ видѣлъ Бога и бесѣдовалъ съ Нимъ. И какъ могъ бы онъ такъ бесѣдовать съ Нимъ (т. е. съ Богомъ), еслибы самъ не былъ облеченъ въ свѣтъ, ибо Богъ есть молніесіянный свѣтъ свѣтовъ?..

Примѣчаніе. Святая Церковь въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ свидѣтельствуетъ, что не только души первыхъ людей были облагодатствованы, но и самыя ихъ тѣла свѣтились сіяніемъ благодатнаго свѣта, какъ нынѣ сіе и даетъ намъ уразумѣть Св. Нилъ. Въ одной изъ стихиръ малой вечерни на праздникъ Преображенія поется: «иже съ Моисеемъ глаголавый древле на горѣ Синайстѣй образы... днесь на горѣ Ѳаворстѣй преображся, началообразное показа лучами облистаяся»,—т. е. показалъ то началообразное сіяніе, которымъ сіялъ Адамъ. И еще тамъ же: «Днесь Христосъ на горѣ Ѳаворстѣй, Адамово премѣнивъ очернѣвшее естество, просвѣтивъ богосодѣла...»—Также въ 3-ей пѣсни канона: «Во всего Адама облекся Христе, очернѣвшее измѣнивъ, просвѣтилъ еси древлее естество»,—(очернѣвшее), слѣдовательно, оно раньше было свѣтлымъ.

Также на стиховнѣ великой вечерни говорится: «На сію бо возшедъ гору со ученики Твоими, очернѣвшее Адамово естество, пре-

бражся, блистати паки сотворилъ еси".—Итакъ, причина, почему люди не видѣли до грѣхопаденія своей наготы, заключалась не только въ непорочности ихъ чистой души, для которой все было чисто, но также и въ томъ, что они были облечены въ свѣтъ какъ въ ризу... Также толкуетъ сіе и Симеонъ Новый Богословъ („Обнажился Адамъ отъ нетлѣннаго онаго одѣянія и славы"... 4, I стр. 371).

Богъ же (не желаіъ лишать людей сихъ благъ райскихъ), вожделѣвалъ отъ Адама и Евы лишь покаянія, но Адамъ и Ева отвѣтили ему словомъ погибели и этимъ сами погубили (свое обладаніе) всѣми благами и сіяніемъ рая!.. И отъ такихъ то благъ рая отреклись они несчастные!.. И такою проклятою жизнью осчастливили себя несчастные, (т. е. желавшіе по совѣту змія сами себя осчастливить, еще болѣе, чѣмъ ихъ осчастливилъ Богъ и за это обрѣтшіе проклятіе). Итакъ, уступили они свое наслѣдство (небесное) и, взамѣнъ его, наслѣдниками сдѣлались столь проклятой земли, и пребываетъ (сіе наслѣдіе удѣломъ людей) столькіе годы!.. Потомъ, въ свое время, стали чадотворить, народили дѣтей, и сѣмя отъ сѣмени расплодилось; дѣтямъ рождаемымъ давали различныя имена. Первыми же изъ всѣхъ именъ были два имени, говоримъ: Каинъ и Авель. Современемъ же, лѣтомъ, по собраніи жатвы отъ приплода стали люди выдѣлять части; каждый изъ своего сбора или приплода, по своему усмотрѣнію, бралъ и возносилъ ее въ жертву... Одинъ (изъ сихъ первыхъ двухъ дѣтей Адама) былъ добродушный и праведный; —такова же была и его жертва, какъ сказано: (Пс. 50, 21), „жертва правды, возношеніе и всесожигаемая;"—говоримъ, жертва его приносилась имъ отъ избытка любви къ Богу, о которыхъ говорится (Пс. 50, 20): „ублажи Господи благоволеніемъ твоимъ Сіона" (т. е. жертву истиннаго боголюбца, въ немъ же, какъ въ истинномъ Израильтянинѣ:—„льсти нѣтъ" (Ін. 1, 47). Каинъ же душею мудрствовалъ плотская и лукавая, (досл. Каинъ съ псилафистическимъ лукавствомъ); это породило въ немъ зависть; зависть же породила убійство, какъ говорится: зависть есть зародышъ убійства. Какая же была причина тому, что Каинъ позавидовалъ брату своему и убилъ его? Зависть произошла такъ: Однажды, лѣтомъ во время жертвоприношеній, когда приносили жертвы Богу, принесъ и Каинъ жертву, но для жертвы оставилъ лишь негодное (изъ отдѣленной, части плодовъ), плоды же отобралъ.

И явился дымъ этой жертвы смрадомъ лукавства и псилафистическаго невѣрія, (т. е. лукаво и плотски мудрствующаго невѣрія).

Такъ мудрствуя, Каинъ говорилъ: соберу я сначала плоды въ житницу мою, а ненужное, то есть солому, принесу въ жертву мою;—такъ и сотворилъ, съ такимъ лукавымъ и плотскимъ мудрованіемъ совершилъ жертвоприношеніе. Богъ же сказалъ Каину:

«Не приноси больше подобной жертвы; приноси жертву съ про-

стотою, да не приносишь жертвы Богу съ лукавствомъ» [1]).—Однако Каинъ не пересталъ приносить въ жертвоприношеніе подобной мерзкой жертвы, ибо мерзость есть предъ Богомъ жертва лукавства. Сего ради Богъ отвергъ жертву ради ея лукавства, жертву же брата принялъ, такъ какъ она была жертвой правды передъ Богомъ, какъ говорится: (Пс. 50, 19) „жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ".—И, такъ какъ братъ Каина, т. е. Авель, совершалъ жертвоприношеніе и приносилъ Богу часть свою безъ всякаго лукавства, то Богъ выразилъ благоволеніе Авелю за жертву, (т. е. далъ знаменіе благоугодности жертвы тѣмъ, что дымъ ея взошелъ къ небу), Каину же не явилъ сего. Этимъ Богъ (какъ бы) говорилъ Каину: „перестань приносить такую жертву, не приноси больше такой жертвы». Но Каинъ не внялъ тому, что̀ говорилъ Богъ и не послушалъ Его, вмѣсто же этого послушалъ своего плотскаго и лукаваго мудрованія, (псилафистическаго лукавства) и преумножилъ свое зло.

Когда Богъ увидалъ такое превратное расположеніе Каина, Онъ опечалился о немъ и сказалъ брату его Авелю: „пожалѣй брата своего, ибо онъ находится въ погибельномъ состояніи и чрезъ него народится погибель человѣку" (т. е. для человѣчества). Отвѣтилъ Авель Богу: „Господи, кто же меня жалѣть будетъ?"—(Т. е. слово пожалѣй— означаетъ: помолись, ибо основаніе молитвы за ближнихъ есть состраданіе къ нимъ. Авель же отвѣтилъ: кто меня пожалѣетъ,—потому что сознавалъ собственное недостоинство и глубину своего паденія.)

Сказалъ Богъ: „Азъ есмь оправданіе печали твоей", (т. е. молись за брата, и я вмѣню молитву тебѣ). Ибо, если будешь жалѣть о погибели брата твоего, то и Я буду жалѣть о тебѣ. Тогда возымѣлъ Авель дерзновеніе печаловаться предъ Богомъ о погибели брата своего [2]).

Говоримъ: возлюби брата твоего и Богъ возлюбитъ тебя; ибо любовь рождаетъ состраданіе; если не любишь брата твоего, не можешь печаловаться о немъ.

Такъ произошло и съ Каиномъ. Не возлюбивъ брата своего, онъ не могъ и сострадать ему; вслѣдствіе ненависти къ брату возникла безжалостность, и, взамѣнъ любви (Авеля, Каинъ) воздалъ безжалостностію, и взамѣнъ печали его о немъ (т. е. вмѣсто молитвы взаимной, которую впервые заповѣдалъ Богъ Авелю),совершилось убійство.

---

[1]) Въ библіи мы не находимъ такой рѣчи Господа къ Каину, но должно помнить, что преп. Нилъ имѣетъ здѣсь цѣлію не повторять общеизвѣстный библейскій разсказъ, но живописать и отчетливо обрисовать грѣховное настроеніе Каина.

[2]) И сего въ библіи мы не находимъ, но изъ дальнѣйшихъ словъ преп. Нила ясно видно, что онъ стремится напечатлѣть въ сердцѣ Ѳеофана христіанскую заповѣдь о любви къ ближнему.

Плотское мудрованіе. (псилафизмъ) порождаетъ лукавство; лукавство же—невѣріе, невѣріе же возращаетъ безжалостность (т. е. нечувствіе, безстрашіе, ожесточеніе), ожесточеніе же опьяняетъ человѣка и представляетъ ему убійство, какъ ничто [1]). Такъ и сотворилъ Каинъ: произвелъ въ себѣ ожесточеніе и, опьянѣвъ имъ, совершилъ братоубійство.

Какъ постепенно образуется опьяняющее вино изъ зерна, посѣяннаго на землѣ, такъ постепенно развился грѣхъ въ душѣ Каина и завершился убійствомъ. Виноградная лоза сначала пускаетъ почку съ листьями, потомъ рождаетъ цвѣтъ, цвѣтъ же мало-по-малу наливается, зрѣетъ и рождаетъ грозды, грозды же рождаютъ вино, а человѣкъ, пія то вино, возвеселяется сердцемъ и опьяняется. Такъ и зло въ человѣкѣ сначала пустило почку лукаваго, злаго, плотскаго мудрованія (псилафизмъ), плотское же мудрованіе породило лукавство, лукавство же, мало-по-малу, наливаясь и созрѣвая, возрасло въ невѣріе. Грѣхъ сначала веселитъ сердце человѣка, какъ вино, потомъ овладѣваетъ имъ, лишая человѣка сознанія. И невѣріе, въ концѣ концевъ, порождаетъ отчаяніе: человѣкъ пьетъ отчаяніе, впадаетъ въ нечувствіе, наконецъ, выгоняетъ изъ виноградныхъ выжимковъ еще сильнѣйшій спиртъ и окончательно упивается имъ.

Взявъ изъ потатира выжимки, человѣкъ заставляетъ ихъ бродить, перегоняетъ черезъ огонь, извлекаетъ изъ выжимокъ спиртъ, пьетъ его, опьяняется и не вѣдаетъ, что̀ творитъ: такъ и Каинъ: сорвалъ плоды съ лозы зла, выжалъ вино въ потатирѣ, выпилъ водку отчаянія и отчаялся, (сперва возвеселившись прелестію любостяжанія); и не зналъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось, (вѣрнѣе: что ему дѣлать);—онъ собралъ всѣ выжимки, которые были собраны въ потатирѣ,—говоримъ, внутренняя своя, переbродилъ ихъ на лукавомъ и плотскомъ мудрованіи, (псилафистическомъ лукавствѣ), выгналъ спиртъ отчаянія, выпилъ его, опьянѣлъ, впалъ въ зависть и безжалостность. Помрачила его зависть и объяло ожесточеніе, онъ подвигся на убійство брата своего и убилъ его, братоубійца Каинъ!

Такъ онъ положилъ начало братоубійству, закончить же его имѣетъ и конецъ его есть противуобразный, говоримъ, антихристъ. (Противобразнымъ называетъ его Св. Нилъ потому, что въ немъ ни малѣйшаго подобія Богу не будетъ, будутъ лишь одни пороки въ совершеннѣйшей степени).

Каинъ есть начало воздѣлывателей убійства, противуобразный же (антихристъ) содѣлается концемъ воздѣлыванія убійства. (То есть,—превзойдетъ всѣхъ убійствами, и самъ будетъ послѣдній, убитый на землѣ, ибо по Писанію, Самъ Господь убьетъ его духомъ устъ Своихъ (2 Солун. 2, 8).

---

[1]) Психологическая картина, какъ изъ маленькаго грѣховнаго сѣмени, (нечистаго, еле уловимаго помысла), развивается цѣлое древо тяжкихъ грѣховъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ изъ первыхъ грѣховъ Адама и Каина развились всѣ прочія страсти. Уподобленіе грѣха плющу, противленіе людей Богу, желавшему очистить Свой виноградникъ. Воплощеніе Господа и учрежденіе Имъ Церкви, какъ тѣла Своего и питаніе ея тѣломъ и кровію Своею. Союзъ со Христомъ чрезъ вѣру и союзъ съ діаволомъ чрезъ невѣріе и воспріемлемое отъ сего пяти-образное подобіе діаволу. 33-и вѣтви грѣховнаго плюща. Уподобленіе страстей алфавиту. Совокупленіе добродѣтелей со страстями. Книга міра и страшный судъ. Какъ вѣра и невѣріе соперничаютъ изъ за обладанія душою человѣка.

Итакъ отъ Каина, день ото дня, годъ отъ году, вѣкъ отъ вѣка умножалось воздѣлываніе зла; отъ поколѣнія къ поколѣнію умножалось беззаконіе Каина, оно распространило свои вѣтви, эти вѣтви затмили собою всѣ мысленныя способности человѣка, и помрачился человѣкъ.

Какъ плющъ, (взойдя на дерево), распространяетъ вѣтви свои поверхъ его, покрывая ими все дерево и затмѣвая его совершенно, такъ и преступленіе, насадившись на землѣ въ Адамѣ, постепенно, съ теченіемъ времени, распространило вѣтви свои. Говоримъ: родилъ (Адамъ братоубійцу) Каина, и этимъ распростерлась вѣтвь (тьма) надъ мыслью человѣка. Какъ плющъ, когда простретъ только одну вѣтвь свою на дерево, то восходитъ и наверхъ его, выпускаетъ вѣтвь плюща отростки, охватывая ими все дерево и 3-мя вѣтвями своими покрываетъ все существо его, говоримъ; природную зелень, дерево лишается сущности своей, (т. е. присущей естеству своему зелени),—такъ точно лишается свойственнаго существу своему, (т. е. свойственныхъ человѣку добродѣтелей), и тотъ, кто воспринимаетъ въ мысль свою вѣтвь плюща (грѣховнаго). Дерево, наконецъ, высыхаетъ, остается во власти плюща и истощается среди плющевыхъ вѣтвей. Вмѣсто дерева возрастаетъ на немъ естество плюща, говоримъ: его зелень, которою онъ охватываетъ дерево объятое имъ; говоримъ: естество плюща беретъ господство надъ деревомъ [1]).

Подобіе грѣха плющу еще въ слѣдующемъ; какъ сущность всѣхъ 3-хъ вѣтвей — одна, хотя и различаются вѣтви между собою, такъ и грѣхъ (всякій по существу) есть одинаковое отреченіе, (отступленіе отъ Бога), но мученія въ аду за разные грѣхи—различаются.

---

[1]) Какъ тонкій плющъ губитъ толстое и могучее дерево, такъ тонкій грѣховный помыслъ, (прилогъ, приpаженіе), можетъ погубить душу человѣка. Отсюда, какъ важно вести борьбу и съ тончайшими грѣховными „приpаженіями"...

Свойства плюща сходны со грѣхомъ еще въ слѣдующемъ. Плющъ наименьшую имѣетъ силу производить вверхъ, (т. е. рости въ вышину), но въ высшей степени способенъ распространяться по поверхности и овладѣвать всѣмъ тѣмъ, что находитъ передъ собою. Онъ больше всѣхъ деревъ приноситъ плодовъ; но плодъ его не потребенъ на видъ, не сладокъ на вкусъ, питательность его мала, по упругости онъ не крѣпокъ, хотя ширина плюща и являетъ его якобы сильнымъ, (т. е., съ виду онъ довольно раскидистъ и вѣтвистъ).

Когда-же представится ему какой-либо видъ, (т. е. случай овладѣть деревомъ), то онъ такъ искусно оплетаетъ его своими 33-мя отростками, что не можетъ дерево избавиться отъ него. Для этого плющъ охватываетъ тремя главными вѣтвями видъ, (т. е. стволъ дерева), который обрѣлъ передъ собою, овладѣваетъ имъ, и передаетъ 30 отросткамъ, а тѣ, тридцать вѣтвей, схватываютъ его своими когтями, говоримъ—побѣгами, и, чтобы господствовать надъ нимъ, производятъ столь искусное плетеніе, какое рукодѣлъ-искусникъ не можетъ сотворить. Говоримъ: и грѣхъ такъ искусно оплелъ человѣчество, (какъ плющъ дерево), что ни мудрый художникъ руками не можетъ то произвести, ни паукъ сѣтями содѣлать.

Богъ же, видя такое порабощеніе людей грѣхомъ, неоднократно хотѣлъ освободить ихъ чрезъ посланниковъ Своихъ. Послалъ Перводѣлатель (Богъ) рабовъ Своихъ истребить мнимосильныя, но немощныя (по существу) вѣтви, которыя столь дерзко разпространились поверхъ дерева, овладѣли имъ и изсушили его, но искусники, (т. е. великіе міра сего, стоящіе во главѣ народовъ и племенъ), не дали освободить себя и истребить мнимыя и безсильныя вѣтви плюща, но обезчестили посланниковъ Божіихъ и отослали назадъ. И возвѣстили рабы Перводѣлателю все происшедшее, Перводѣлатель-же, выслушавъ, долго терпѣлъ. Но вотъ посемъ видитъ Перводѣлатель, какъ (еще болѣе) распространился плющъ своими тридцатью вѣтвями въ виноградникѣ и какъ глушитъ деревья, чтобы господствовать своими безсильными вѣтвями надъ всею площадью виноградника, говоримъ, надъ всею мыслію человѣка (*περίφραιζ*—обнесеніе, и *περήφραοιζ*—выраженіе мысли, перифразъ,—тутъ игра словъ и выраженіе того, что какъ плющъ покрываетъ, листву, такъ врагъ всѣ помыслы человѣческіе изъ благихъ перефразируетъ во злые). Увидавъ таковой замыселъ, Перводѣлатель опять послалъ другихъ рабовъ, говоримъ—пророковъ защитить виноградникъ. И опять искусники, говоримъ, книжники и фарисеи, увидѣвъ тѣхъ рабовъ, смутились весьма, схватили и заключили ихъ, совѣщеваясь между собою, что имъ предпринять по поводу происшедшаго и что сотворить. Совѣщавшись разсудили сотворить слѣдующее: извели ихъ изъ темницы и поступили съ ними, какъ со злодѣями; говоримъ: сначала мучили, а потомъ казнили.

Когда-же придетъ Самъ Перводѣлатель, то увидитъ, какъ виноградникомъ Его овладѣлъ плющъ, какъ плющъ въ виноградникѣ охватилъ лозы своими 33-мя вѣтвями и взошелъ на деревья, такъ что, наконецъ, засохло естество, (т. е. природные листья и плоды) лозъ и деревьевъ.—Говоримъ: взошелъ псилафизмъ, (плотское, лукавое и злое мудрованіе), со всѣми своими 33-мя вѣтвями на органы чувствъ человѣка и замолкла природа въ человѣкѣ, (т. е. свойственное человѣку влеченіе къ духовнымъ благамъ и къ Богу), человѣкъ сталъ безчувственнымъ (духовно), женскій родъ и мужской...—Что сотворитъ тогда Перводѣлатель съ искусниками?—злыхъ злѣ погубитъ ихъ отъ виноградника [1]) своего.

И передалъ Онъ искусство рѣченія, (т. е. храненія закона и служеніе Слова), иному искуснику; говоримъ, передалъ виноградникъ другому народу, (т. е. даровалъ ему способность произрастать тѣ плоды, которые раньше получалъ лишь отъ перваго виноградника), говоримъ— Римлянамъ (т. е. язычникамъ).

Говоримъ: пришелъ Перводѣлатель, (вѣрнѣе по смыслу—первоучитель), художниковъ именемъ Іисусъ и далъ намъ виноградникъ, говоримъ: далъ намъ Церковь вмѣстѣ съ Тѣломъ Своимъ и вмѣстѣ съ Кровію Своею, какъ и Самъ о семъ сказалъ: «Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ».—Далъ же намъ сіи три, говоримъ: Церковь Свою, Тѣло Свое и Кровь Свою,— тремъ чувствамъ нашимъ [2]), (вѣрѣ, надеждѣ и любви), чтобы мы восчувствовали и хранили благодать Христову несумнѣнно и вѣрно, былибы чувствительны ко Христу, а не уподоблялись иновѣрцамъ, Вавилонянамъ, которые чувствительны къ Еосфору, (т. е. падшему Ангелу, Денницѣ). (Т. е. да любимъ Христа въ заповѣдяхъ Его, и да не любимъ Денницу въ порокахъ и грѣховныхъ сладостяхъ, внушаемыхъ имъ).

Безутѣшенъ всякій, который лишится этихъ трехъ чувствъ, говоримъ: вѣры, надежды и любви, ибо (тѣмъ самымъ) отступаетъ, отъ Христа всѣми своими тремя чувствами, презираетъ существо Христа (т. е. Тѣло и Кровь Его) и не вѣритъ въ Церковь;—таковый тотчасъ дѣлается добычей плюща, который охватываетъ его 33-мя вѣтвями, утверждая свое господство надъ нимъ искуснымъ плетеніемъ.

Когда-же растеніемъ овладѣютъ три вѣтви плюща, и обхватятъ его тридцать другихъ вѣтвей плюща и возгосподствуютъ надъ нимъ своею сѣтью, то какимъ насиліямъ подвергается это растеніе, пока оно обладается плющемъ?—Никто другой не знаетъ, одно растеніе знаетъ,

---

[1]) Воспроизведена притча Спасителя о виноградникѣ (Мато. 21, 33—43).

[2]) Господь даровалъ намъ полноту благодатныхъ даровъ для того, чтобы дать намъ спасеніе и освященіе во всей полнотѣ,—„спаслъ еси всего мя человѣка“, (Октоихъ, 2-й гласъ, 4 ирмосъ).

какимъ насиліямъ оно подвергается отъ плюща.—Говоримъ: тотъ, который презритъ тѣ три чувства, (вѣру, надежду и любовь) и сущность закона, того тотчасъ похитятъ три нечувствія. Три нечувствія суть а) псилафизмъ ума—мудрованіе плотское, злое, лукавое, не духовное, прелестное, б) лукавство ока и нечувствіе невѣрія, (т. е. нечувствіе сердца).

Слѣдовательно, кто похищается этими тремя отраслями (первыхъ трехъ) вѣтвей Денницы, (т. е. Кого окружатъ и обовьютъ прелесть, невѣріе и лукавство, какъ плющъ), тотъ становится затѣмъ плѣнникомъ и прочихъ тридцати вѣтвей ада, (овладѣваютъ имъ и прочія страсти).

Тотчасъ беззаконія восхитятъ этого беззаконнаго человѣка, схватятъ его тридцать вѣтвей ада, говоримъ: предстоятели тиранна, Денницы, и будутъ господствовать надъ нимъ, оплетя его насильственнымъ своимъ плетеніемъ... Какія насилія понесетъ тотъ беззаконный человѣкъ ради нечувствія своего?..

Эти орудія адскихъ пытокъ какими волненіями сердечными изнурятъ его?.. Какими ухищренными мучительствами будутъ они мучить его, (досл. ухищренными тиранствами тиранить, что̀ можетъ имѣть смыслъ и насилія грѣховнаго)?—никто другой не знаетъ сего, кромѣ того, который находится въ воздѣлываніи этихъ 33-хъ дѣлъ беззаконія...

Говоримъ: эти 33 вѣтви беззаконія суть слѣдующія: прежде всего пять, воспринятыя человѣкомъ,—1-хъ—псилафизмъ ума, (земное и вещественное мудрованіе, какъ говорится въ вечерней молитвѣ); во 2-хъ,—лукавство; въ 3-хъ—невѣріе въ заповѣди; въ 4-хъ—преступленіе заповѣдей; въ 5-хъ—закоснѣніе въ преступленіи заповѣдей и презорство. Таковыя пять вѣтвей (изъ числа 33-хъ) отростковъ суть пятіобразіе змія, которое онъ внушилъ Евѣ, передалъ Адаму и, чрезъ принятіе которыхъ Адамъ утратилъ блага рая. (Пятіобразіемъ называетъ Святой Нилъ эти пороки потому, что въ полной мѣрѣ обладаетъ ими діаволъ, человѣкъ-же грѣшный воспринимаетъ лишь подобіе діавола, «ибо сперва діаволъ согрѣшаетъ», (1 Ін. 3, 8)—какъ сказано въ Писаніи).

За тѣмъ на первенцѣ Адама, (Каинѣ), произрасли (слѣдующіе побѣги), 1-ое—зависть, 2—хищеніе, 3—безжалостность (братоненавидѣніе) и 4—убійство.

Говоримъ, Каинъ позавидовалъ (Богоугодной) жертвѣ брата, святотатствовалъ свою собственную жертву и явилъ безжалостность къ брату, котораго убилъ.

Богъ-же (и сіе грѣхопаденіе готовъ былъ простить и возставить Каина, еслибы Каинъ покаялся, и) спросивъ его: «гдѣ братъ твой»?—(ожидалъ отъ Каина покаянія и просьбы о помилованіи), но, такъ какъ тотъ надменный (оказался нераскаяннымъ и дерзко) отвѣтилъ: «развѣ

я пастырь брату моему»,—то отвергъ его Богъ и предалъ Каина духу беззаконному (т. е. злому духу), дабы (злой духъ какъ) вѣтръ (потрясалъ его), дабы убійца согласно Слову (Божію) былъ преслѣдуемъ имъ и (проводилъ жизнь) скрываясь, несчастный!..

Потомъ-же, (въ третьихъ), произрасли тѣ прочія 24 вѣтви и оттолѣ (начали) плетеніе, потому что способъ дѣйствія первыхъ девяти заключается въ томъ, чтобы подыскать себѣ кого-нибудь и, подкравшись, уловить въ погибель (или погибелью, т. е. мудрованіемъ, лукавствомъ и законопреступленіемъ), чтобы за тѣмъ поразить его копьемъ о 24-ехъ душепагубныхъ зубьяхъ погибели...

(Въ переплетеніи же сихъ душепагубныхъ 24-хъ вѣтвей они) уподобляются буквамъ письма. Ибо, какъ разнообразныя содержанія всѣхъ письменъ изображаетъ азбука (своими 24-мя) буквами, такъ точно и 24 вѣтви беззаконія производятъ всевозможные побѣги погибели...

Напримѣръ, страсть осужденія возбуждая въ человѣкѣ [1]) стремленіе осуждать, производитъ въ осуждающемъ злопамятство къ осужденному. И всѣ тѣ 24 вѣтви зла повсюду усиленно стараются возбуждать (подходящія страсти и, если не успѣваютъ возбудить одну страсть, то стремятся возбудить другую, ей противуположную); напримѣръ) — похоть и отчаяніе, (кого не успѣваютъ увлечь къ дѣятельной погонѣ за сладострастными наслажденіями, того пытаются истомить уныніемъ).

Страстное влеченіе (ко грѣху)—есть альфа, уныніе —омега: тоесть—начало и конецъ (во всякомъ грѣхѣ). Начало похоти, начинающая похоть возбуждаетъ дѣятельность, конецъ-же похоти есть начало унынія. Поэтому, мудрованіе ума и лукавство ока, (которыя возбуждаютъ грѣховную дѣятельность въ человѣкѣ), начало имѣютъ, а конца не имѣютъ, (т. е., возбудивъ однажды похоть и внушивъ человѣку грѣхъ, они этого грѣшника, если онъ не освободится отъ нихъ раскаяніемъ, — поражаютъ уныніемъ, которое по смерти превращается въ муку вѣчную);—такъ и слоги письменъ: начало имѣютъ, но конца не имѣютъ, (т. е., сложившееся однажды изъ буквъ слово никогда не утратитъ своего смысла и всегда сохранитъ тотъ-же самый смыслъ пока существуютъ письмена).

Говоримъ, альфа есть первая буква, омега—послѣдняя, вита—вторая, пси — предпослѣдняя, ламвда и кси, равно какъ Ми и Ни, слѣдуютъ (по порядку) одна за другой; такъ и страсти, хотя произошли нѣкогда послѣдовательно, вписавшись какъ алфавитъ на хартіи

---

[1]) Эта страсть понуждаетъ осуждать другихъ людей, считать ихъ худшими, чѣмъ самъ осуждающій, смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и, въ концѣ концовъ, ненавидѣть, какъ худшихъ, чѣмъ осудитель. Осужденіе—прямая дорога къ ненависти.

человѣчества, но потомъ конца уже не имѣютъ, соединяясь во всевозможныя взаимосочетанія, какъ буквы въ слогахъ и словахъ, между собою. Такъ и псилафизмы, (т. е. мудрованія грѣховныя), которыя суть начало, (т. е., подобно первой буквѣ азбуки—альфѣ, написались первыми на хартіи души человѣка), — конца не имѣютъ. Одинаково съ мудрованіемъ, и лукавство начало имѣетъ, а конца не имѣетъ... Всѣ (24) вѣтви (грѣха), какъ буквы азбуки, означаютъ всѣ беззаконія міра и не имѣютъ конца...

Міръ для человѣка есть, какъ-бы, книга, которую онъ исписываетъ своими дѣлами, какъ письмена — слогами, которыя имѣютъ начало, но конца не имѣютъ; отнюдь не забудется во вѣки вѣковъ, (все, что ни сотворитъ) человѣкъ отъ самаго рожденія до своей смерти, потому что отъ самаго рожденія, какія слоги писменъ ни изобразитъ человѣкъ въ книгѣ міра, по смерти человѣка всѣ они имѣютъ быть разобраны по слогамъ, будетъ прочитано каждое сложеніе такъ, какъ сложилъ его человѣкъ, и каждое сложеніе получитъ свою часть, воздаяніе.

Какъ въ слогахъ письменъ (однимъ звукомъ выражается слогъ, сложенный изъ нѣсколькихъ буквъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особое) выраженіе и нисколько не соприкасаются (по мѣсту нахожденія въ азбукѣ) между собою, (въ слогѣ-же выговариваются вмѣстѣ), гдѣ одна, тамъ и другая; (такъ и въ дѣлахъ человѣческихъ соединяются въ одномъ и томъ-же дѣлѣ разныя и противуположныя побужденія, добрыя и худыя, несмотря на свою несовмѣстимость). Напримѣръ, альфа и омега, или вита и пси, (хотя стоятъ на разныхъ, противуположныхъ концахъ азбуки, но совмѣстно могутъ встрѣтиться въ одномъ словѣ); подобно сему и псилафизмы, то-есть грѣховныя плотскія мудрованія человѣка, подмѣшиваются къ добрымъ начинаніямъ его.

Злой и благой подразумѣвается: ангелъ хранитель и злой духъ, подвизающіе человѣка одинъ на добро, а другой на зло. Они суть чрезвычайные противники между собою; если добрый старается направить человѣка къ благому, то злой, въ свою очередь, всѣми силами стремится разслабить энергію (человѣка, направленную къ осуществленію) благаго произволенія; такъ старается сдѣлать растлитель благихъ произволеній для того, чтобы человѣкъ не взиралъ ни на что благое, не предпринималъ-бы ничего благаго; подобнымъ образомъ и благой старается и разслаблять злую энергію (въ человѣкѣ), желаетъ, чтобы (человѣкъ) не взиралъ на зло, (т. е. не желалъ-бы зла) и не стремился ко злу.

Души людей подобны семьямъ юныхъ двоеженцевъ, причемъ у одной изъ молодицъ родился мальчикъ, а у другой — дѣвочка. Одна любитъ дѣвочку такъ, какъ злой любитъ зло, другая такъ любитъ своего сына, какъ благой любитъ добродѣтель. Имѣющая дѣвочку не любитъ сынка, а имѣющая сына не любитъ дѣвочку... Подобно сему,

взаимно стараются превозмочь другъ друга въ глубинахъ человѣческаго произволенія благой духъ и злой, стремясь вписать свои побѣды въ книгѣ жизни всего міра, (т. е. побудить человѣка къ соотвѣтственному дѣлу).

Человѣкъ нынѣ не остерегается отъ беззаконій міра сего, не понуждаетъ себя взывать о помощи къ Богу, чтобы Онъ избавилъ его отъ сихъ беззаконій, какъ сказано: «яко Той есть Богъ нашъ, избавлей насъ отъ беззаконій нашихъ»... (Октоихъ 1-й Гласъ, Стихиры).

Избавитель избавляетъ человѣка отъ злыхъ, но желаетъ, чтобы и самъ человѣкъ имѣлъ чувство къ Сигору (т. е. къ небу, какъ говорится въ великомъ канонѣ: «въ Сигоръ угонзай»), сознавалъ-бы (въ себѣ) тѣ тридцать три вѣтви беззаконныхъ письменъ жизни и не вплетался-бы въ тѣ 24 буквы погибели.

Говоримъ, эти 24 буквы суть:

Происходящія отъ похоти плоти: 1) Прелюбодѣяніе; 2) блудъ, (въ томъ числѣ объядѣніе и пьянство); 3 — разженіе; 4 — обольщеніе; 5 — наряженіе, (возбуждающее) блудное похотѣніе; 6 — изнѣженность (ласкосердство) взаимнаго обращенія, роскошь и человѣкоугодіе); 7—разслабленіе (или разлѣненіе) ума; 8—утучненіе плоти и услажденіе прочихъ органовъ чувствъ; 9 — безумная любовь; 10 — чародѣяніе;—11 кровосмѣшеніе;—13 мужеложство.

Эти 24 вѣтви плотскихъ похотей для всякаго, кто поддастся имъ, становятся темнымъ покрываломъ, всецѣло затмѣвая его, такъ что человѣкъ не видитъ Солнца Солнцевъ. Дѣлатели этихъ 24-хъ вѣтвей сладострастій не узрятъ лица Божія, предадутся смерти и въ пучинѣ сладострастія потонутъ...

Похоть же ока лукаваго (производитъ слѣдующія вѣтви): говоримъ: 1—уныніе, которое развиваетъ отчаяніе, 2 отчаяніе-же возжигаетъ— 3-я ярость, (гнѣвъ или злобу).

(Злоба-же) влечетъ человѣка въ слѣдующія девять: говоримъ 1— осужденіе, 2 — злорѣчіе, 3 — клевета, 4 — презорство (и вмѣстѣ съ тѣмъ возношеніе, гордость, и пр.), 5—алчность, 6—хищеніе, 7—ложь и несправедливый доносъ, (т. е. клевета), 8 --притворство добродѣтелей или лицемѣріе, 9 —коварное совѣтованіе. — Симъ подвергаются осуждающіе ближняго своего.

Отъ корней всѣхъ этихъ 33-хъ вѣтвей зачинается одинъ корень травы отвратительной на видъ, (досл., непотребной зрѣнію); она называется ядомъ и отравляетъ все, чего бы ни накопилъ (благаго, или какія-бы благія дѣла ни сотворилъ) человѣкъ. Если окажется посреди посѣва, то препятствуетъ произрасти плодамъ; люди нынѣ называютъ его — волчецъ; (прим. перв. списателей: этотъ волчецъ есть растеніе, которое имѣетъ свойство, когда находится среди посѣянной пшеницы, погублять пшеницу).

Посреди корней 33-хъ вѣтвей произрастаетъ еще одно противоестественное беззаконіе, говоримъ, хуленіе. Оно произноситъ хулу на книгу закона и на тѣхъ, которые учатъ согласно закону вѣры; у кого оно окажется, тому препятствуетъ быть слушателемъ закона и плодоприносить согласно ученію вѣры.

ГЛАВА IV.

О томъ, какъ палъ Денница, какія свойства пріобрѣли павшіе духи и какую брань ведутъ они съ человѣкомъ.

Итакъ, вотъ каковы суть два разряда страстей и (страсти) трехъ воздѣлываній, (т. е. происходящія отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, приводящей къ братоненавидѣнію).

Говоримъ: по скольку добродѣтели суть (сіяніе образа Божія въ человѣкѣ) и дары Божіи человѣку, по стольку же всѣ перечисленные пороки суть дарованіе Денницы.

Сіяніе Божіе есть: вѣра, надежда и любовь, очищающая отъ всѣхъ беззаконій; сіяніе же Денницы слѣдующее: невѣріе, отчаяніе, вражда и памятозлобіе. Если спросишь, какимъ образомъ пріобрѣлъ такое сіяніе Денница, то послушай и увидишь.

(Возмечталъ нѣкогда Денница присвоить себѣ всѣ свойства Божіи, достичь такой) же красоты, какъ Солнце Солнцевъ [1]), говоримъ (превзойти высоту) диска, (силу) луча и (свѣтъ) сіянія, которыя суть (нераздѣльны), ибо, если не будетъ круга солнечнаго, то откуда будутъ исходить лучи вокругъ? и, если не будетъ лучей, какъ возможно сіянію распространяться до концевъ вселенной? Также, если не будетъ сіянія у лучей, какъ возможно будетъ сіять сіянію дня? Съ этимъ подобіемъ сіянія Божества (и попытался Денница) сравняться. Говоримъ, пожелалъ утвердить свой тронъ выше трона Божія.

Когда же начало обнаруживаться сіе мудрованіе (ксилафизмъ) лукавства, помыслъ невѣрности, и лживая мечта нечувственности (т. е. нелюбви), то возмутились тотчасъ небеса небесъ, отверзлись врата небесныя, и Денница немедленно низвергся со своимъ проклятымъ трономъ, то есть, со своимъ оскверненнымъ полчищемъ. Число всѣхъ отвратившихся (отъ Бога) и отпавшихъ съ Денницею есть тридцать три тысячи тысячъ миріадъ миріадовъ. Каждаго праведника борютъ тридцать три тьмы темъ отпавшихъ веельзевуловъ, то есть, ангеловъ сатаны. Видъ ихъ отвратителенъ, существо неисправимое [2]); въ вышину имѣютъ ростъ наималѣйшій, въ ширину широту наибольшую, обладаютъ глуби-

---

[1]) Подъ „Солнцемъ Солнцевъ“ преп. Нилъ именуетъ Бога.

[2]) Т. е., не способны къ покаянію и вступленію на путь добра.

ною [1]), во власти своей—безсильны, насилуютъ со своимъ безсиліемъ грѣшника, подобнаго тебѣ, (Ѳеофану), который прельщается безсиліемъ діавола (т. е. наслажденіями страстей, воображаетъ діавола якобы сильнымъ, боится его, покоряется ему, столь безсильному; овладѣваютъ симъ человѣкомъ безсильные злые духи, закрѣпляя его въ своей власти посредствомъ безнадежья (иначе, отчаянія [2]).

ГЛАВА V.

Грѣховное обольщеніе и упоеніе благодатію Св. Духа. Сравненіе грѣховнаго обольщенія съ опьяненіемъ отъ вина. Упоеніе благодатію Св. Духа и его превосходство предъ грѣховнымъ опьяненіемъ. [3]).

Миріада миріадъ, мнящая себя быть сильной, разставляетъ три западни (для уловленія грѣховными приманками людей), у каждой западни свой особый тайный крючекъ, говоримъ: воображеніе, гордость и осужденіе (т. е. діаволъ, прельщая людей, старается извратить въ нихъ правое разумѣніе о сущемъ или черезъ воображеніе, то есть, превратное представленіе объ окружающемъ, или черезъ гордость, т. е., превратное мнѣніе о самомъ себѣ, или черезъ осужденіе, превратное отношеніе къ ближнему;—все это суть крючки діавольскихъ удочекъ, ибо во всѣхъ мысляхъ, внушаемыхъ человѣку врагомъ, всегда скрыто что-либо или горделивое и враждебное Богу, или злое и братоненавистное, или что-либо мечтательное, похотное и вредное для самого человѣка).

Какъ пьяницу влечетъ вино въ корчемницу, такъ и грѣшника влечетъ грѣхъ въ западни діавольскія. Въ корчемницу идутъ упиться сокомъ хмѣльной лозы. Грѣшникъ идетъ въ западню діавольскую, чтобы упиться виномъ грѣховной лозы; какъ только выпьетъ, опьянѣваетъ; когда же пьетъ и опьянѣваетъ, то, пока не отрезвится, не вѣдаетъ, что съ нимъ происходитъ,—царскихъ повелѣній не боится, безчестія себѣ не вмѣняетъ, презрѣнія не избѣгаетъ, на поруганіе не глядитъ; онъ единственно поглощенъ упоеніемъ той лозы, одного только (желая)—изсушить то существо лозное, говоримъ, вино, которое нынѣшніе люди называютъ—краси. (Краси значитъ вино разбавленное; святой употребляетъ это названіе для противоположенія силы опьяняющаго вина грѣховнаго — вину духовному, которымъ, когда бываетъ упоенъ чело-

---

[1]) Т. е., адомъ, преисподней.

[2]) Отчаяніе есть „смертный грѣхъ". Никогда не должно отчаяваться въ своемъ спасеніи.

[3]) Преп Исаакъ Сиріянинъ благодатное состояніе именуетъ „Духовнымъ упоеніемъ".—„Симъ духовнымъ упоеніемъ", говоритъ онъ, „упоевались Апостолы и мученики". Добротолюбіе, томъ III, стр. 164.

вѣкъ, то ничто не въ силахъ отрезвить его, ни время, ни страданія и т. п.).

(Итакъ, если то) разбавленное вино доставляетъ піющимъ его столь сильное упоеніе, (что они теряютъ всякій страхъ человѣческій, не тѣмъ-ли паче сильнѣйшее дѣйствіе должно быть отъ упоенія духовнаго?) Говоримъ: обрѣтшій вожделѣнное упоеніе (Св. Духа) не боится тѣхъ трехъ обольщеній человѣческихъ, (т. е. похотѣнія плоти, очесъ и гордости китайской), не боится никакихъ страданій, не устрашается ни вверженія въ огонь, ни вверженія въ воду. Какими бы ухищренными мучительствами его не изнуряли, онъ не уловляется въ тѣ дѣла, къ которымъ принуждаютъ его люди. Если существо тлѣннаго вина, способно столь упоять человѣка и опьянять его, то не тѣмъ-ли паче (должно въ превосходнѣйшей степени обладать этимъ свойствомъ, упоять, приводить къ забвенію о земномъ), вино лозы небесныхъ виноградниковъ?! Если упившіесяземнымъ виномъ люди находятъ столь великое упоеніе въ пьянствѣ, что перестаютъ страшиться повелѣній царей земныхъ, то (упоенный небеснымъ упоеніемъ, какихъ прещеній земныхъ царей можетъ убояться?). Какую славу земныхъ царей можетъ во что-либо вмѣнить? Какихъ темъ людей и мысленныхъ князей можетъ устрашиться?—Какая сила безсильныхъ миріадовъ миріадъ можетъ его (подвигнуть), какая похвала (т. е. лесть) отверженныхъ и мерзкихъ веельзевуловъ (можетъ его усладить?) Какія діавольскія ловушки (могутъ его уловить)? Если упивающійся существомъ лознымъ человѣкъ столь упояется имъ, что не вѣдаетъ и не помышляетъ о западняхъ вражіихъ, если піющій разбавленное вино столь опьяняется, то сколько упояюще должно дѣйствовать раствореніе небесное? Піющіе небесное раствореніе упояются упоеніемъ Святаго Духа; слѣдовательно, находящагося въ такомъ упоеніи кто можетъ разочаровать? кто можетъ одолѣть? — И, на самомъ дѣлѣ, никто и никогда не былъ побѣжденъ изъ таковыхъ, но только всегда были ими побѣждены 33 тысячи тысячъ ангеловъ Денницы и миріады миріадовъ миріадъ веельзевуловъ...

(Такъ, возстало это множество на брань противъ упоенныхъ Святымъ Духомъ людей, вообразилось въ человѣкѣ, вселившись въ царя земнаго) т. е. нѣкогда возсталъ діаволъ на христіанъ, вооруживъ противъ нихъ родъ человѣческій и царя земнаго), говоримъ—Діоклитіана и Максиміана, дабы принудить христіанъ и питаться плодомъ погибели нечестивыхъ, и отречься духовнаго упоенія. Такимъ образомъ, эта пара служителей діавольскихъ хотѣла было истребить въ человѣчествѣ родъ христіанскій. Такъ до самой кончины міра будетъ неистово преслѣдовать Церковь діаволъ, чтобы уничтожить родъ христіанскій; также каждаго отдѣльно человѣка, до самой ночи, т. е.

смерти его, преслѣдуетъ врагъ, чтобы лишить преслѣдуемаго всѣхъ плодовъ добродѣтелей его.

Говоримъ: выступили нѣкогда на брань противъ рода христіанскаго Діоклитіанъ и Максиміанъ, чтобы низложить его, лишить млекопитанія плодомъ жизни и ввергнуть въ погибель нечестивыхъ, то есть, принудить отречься отъ Христа,—но, (вмѣсто этого, достигли совершенно противуположнаго); сколько людей тогда въ теченіи тѣхъ дней и ночей, приняли крещеніе и (вмѣсто того, чтобы принуждать христіанъ отрекаться отъ Христа, сами въ купели отреклись отъ діавола и дѣлъ его), прославили и возблагодарили Бога за дѣйствіе крещенія, (т. е. за дарованіе имъ свободы отъ рабства грѣховнаго). Благодатное дѣйствіе крещенія они сподобились познать, увидавъ силу его на упоенныхъ Духомъ Святымъ мученикахъ, и, вмѣсто того, чтобы принуждать христіанъ отрекаться отъ Христа и принести жертву идоламъ, сами отреклись отъ идоловъ, отъ жертвъ богамъ эллинскимъ, вознесши жертву Богу по реченному: „жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ“. (Пс. 50, 19).

И я говорю, что упоенный человѣкъ не можетъ быть объятъ страхомъ и убояться. Такого упоеннаго всуе будетъ пытаться міръ привлечь къ себѣ, противники всуе будутъ стараться пробудить его отъ упоенія, множества тысячь и миріады веельзевуловъ всуе будутъ стараться устрашить его страхомъ своего множества, ибо онъ ни во что вмѣняетъ ихъ тысячи и не будетъ устрашенъ тьмами темъ языкъ, согласно сказанному: „не убоюся отъ темъ людей окрестъ нападающихъ на мя; Воскресни, Господи, спаси мя Боже мой, яко Ты поразилъ еси вся враждующіи ми всуе, зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси; Господне есть спасеніе и на людехъ Твоихъ благословеніе Твое — (Пс. 3, 7—9).

Упоенный человѣкъ подобенъ преподобной Маріи (Египетской), стяжавшей высшую мѣру совершенства монашеской жизни. Она сильно была борима тысячами и тьмами веельзевуловъ, которые старались привлечь ее ко грѣховному міру, чтобы заставить творить первыя (грѣховныя) ея дѣла,—но всуе потрудились надъ ней...

Упоенный человѣкъ подобенъ еще тому учителю, ревностно охранявшему апостольское ученіе (и проповѣдывавшему поклоненіе иконамъ) который не убоялся прещенія царя Конона быть сожженнымъ со своею, школою, (т. е. съ великою библіотекою), ни во что вмѣнилъ его сожженіе, и сгорѣлъ.

Упоенный человѣкъ подобенъ и св. Іакову Персянину, который сперва было погрузился въ корчемницу, испилъ все раствореніе лозы нечестивыхъ, лишился соединенія съ нетлѣнной лозой—Церковію, но хмѣльность не до конца удержала его въ семъ погруженіи, онъ весьма быстро отрезвѣлъ, отвергъ отъ себя упоеніе хмѣльное, отверзлись очи

его, уразумѣлъ онъ свое нечувствіе, (т. е. неблагодарность Богу), узрѣлъ свою невѣрность (Богу), восплакалъ горько, какъ Петръ, и чрезъ многое пролитіе слезъ погрузился въ погруженіе Всесвятаго Духа.

Ибо слезы, изливаемыя въ праведность (т. е. скорбь о грѣхахъ)—погружаютъ мысль человѣка въ погруженіе Всесвятаго Духа [1]). Даже плачущихъ передъ заптіями, (магометанскими мѣстными судьями), судьи прощаютъ, видя слезы подсудимыхъ. Если заптія, тлѣнный человѣкъ, отпускаетъ вину ради слезъ, то не наипаче-ли Нетлѣнный Богъ призираетъ на таковыя слезы, (изливаемыя) предъ Нимъ ради оправданія и спасенія души? Господь помогаетъ таковому, посылая ему помощь Свыше, и кающійся погружается въ погруженіе слезъ покаянія.

Посему внялъ (Богъ) воздыханіямъ сего Іакова, призрѣлъ на его покаянныя слезы и послалъ ему помощь свыше. Іаковъ окрѣпъ въ помощи Вышняго и столь упоился упоеніемъ помощи сей, что не устрашился великихъ страданій и не малодушествовалъ, когда ему одинъ за другимъ отрѣзали всѣ члены тѣла. Сначала ему срѣзали всѣ пальцы на рукахъ и не сразу весь палецъ, но всѣ три сустава пальца, одинъ за другимъ, порознь; отрѣзали и ступни до щиколки, голени до колѣнъ, руки до плечей, начиная съ кистей отрѣзали порознь всѣ кости до ключицъ; отрѣзали и всѣ ребра; наконецъ, отрѣзали бедра; осталась одна плоть его какъ голый стволъ дерева, говоримъ, какъ обстриженная лоза. Упоеніе же его, которымъ онъ упоился отъ помощи Свыше, было столь велико, что св. Іаковъ даже не замѣчалъ того, что сталъ подобенъ обстриженному винограду, не взиралъ и на члены свои, которые какъ вѣтви у обстриженнаго винограда были разбросаны на землѣ, помышляя лишь о томъ, какимъ бы даромъ покаянія воздать за помощь Всесильному Помощнику своему, и говорилъ: «Владыко, Господи Іисусе Христе, Отче Вседержителю, и Святый душе! благодарю Тебя, укрѣпившаго меня, и что я потерпѣлъ сіе имени ради Твоего Святаго. Мнѣ отрѣзали всѣ мои члены, нѣтъ у меня ногъ, чтобы возстать и поклониться державѣ Твоей за силу, ниспосланную мнѣ въ помощь Свыше, ни рукъ нѣтъ у меня, дабы благодарно воздѣть ихъ къ Тебѣ за помощь Твою, которою Ты далъ мнѣ превозмочь сію жесточайшую муку»... и другія многія умилительныя слова ко Всесвятому Духу онъ произнесъ и склонилъ честную свою главу, которая и была отсѣчена; самъ же сталъ наслѣдникомъ жизни вѣчной.

Увидали злые духи такое исповѣданіе и содрогнулись; узрѣли присутствующіе и подивились; мучители, отрѣзавшіе члены Іакова, изнемогли; вѣрные же Христіане, зря терпѣніе и стойкость Іакова непоколебимаго,—утвердились.

---

[1]) Сравн. 2 Кор. 7, 10—„печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе во спасеніе“.

Постарались было мучители пробудить Іакова отъ его благодатнаго упоенія, чтобы заставить упиться ревностію о царѣ (земномъ), но не возмогли разлучить его отъ упоенія Всесвятаго Духа, хотя и растерзали тѣло его... Постарались было отторгнуть отъ лозы живота вѣчнаго, чтобы предать его вѣчной смерти, какъ и душу каждаго человѣка діаволы стараются уловить, дабы развѣнчать ее отъ ея славы и ввергнуть во тьму, постарались (злые духи сдѣлать тоже и съ Іаковомъ), чтобы посрамить погруженіе (восхищеніе) Всесвятаго Духа, но сами были посрамлены.

Денница же, за то, что дерзнулъ попытаться восхитить образъ (трисіянной славы) Святыя Троицы, былъ присужденъ къ симъ тремъ (грѣховнымъ) славамъ; говоримъ: къ мудрованію (вмѣсто премудрости), къ лукавству (вмѣсто простоты), и къ невѣрію (т. е. къ слѣпотѣ, вмѣсто созерцанія Божія).

Денница, дерзнувъ восхитить подобіе, (т. е. свойства), Святыя Троицы, уготовалъ себѣ тронъ, чтобы вознестись на немъ превыше трона Божія (т. е. склонилъ, отторгнувъ отъ Бога, часть ангеловъ, которые суть престолъ Божій, дабы сдѣлать ихъ своимъ престоломъ и принудить прочихъ ангеловъ присоединиться къ Денницѣ); какъ только сталъ онъ осуществлять свой нечистый замыселъ въ духовномъ мірѣ, то потряслися небеса, поколебались ангелы (досл. закружились); не поддержи ихъ Михаилъ Архангелъ могучимъ гласомъ своимъ къ сопротивоборству, (единодушныхъ съ нимъ), словами: «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ Божіимъ» [1]), не предвари онъ сказать сихъ словъ, утвердившихъ единодушныхъ съ нимъ, — единый Богъ вѣсть, что могло бы тогда произойти съ небесами небесъ; единому Богу то извѣстно. По гласѣ же Михаила Архангела очутился (досл. остановился) Денница въ безднѣ ада вмѣстѣ со своимъ проклятымъ трономъ; говоримъ: вмѣстѣ со своимъ оскверненнымъ полкомъ.

ГЛАВА VI.

Невѣріе, нечистота и отчаяніе суть три двери, открывающія для діавола доступъ въ душу человѣка. Двоякій способъ искушенія діаволомъ людей—немощныхъ похотями, а праведниковъ—лестію.

Душа человѣческая, подобно дому, имѣетъ три двери, чрезъ которыя воръ можетъ проникнуть въ нее; одна называется—порта, т. е., главная дверь, другая парапорта, т. е. боковая дверь, и третья—бо-

---

[1]) Эти факты передаются въ Прологѣ и Чет. Мин. 8 Ноября о св. Архистратигѣ Михаилѣ.

ковая дверца (калитка)—парафири. Если хотя одна изъ этихъ дверей будетъ открыта, то вору открытъ доступъ и въ домъ, ибо, если будетъ закрыта только боковая дверца, то будетъ освѣщать вторая дверь (т. е. открывать взору врага то, что находится внутри дома); если же окажется закрытой и вторая дверь, то будетъ освѣщать главная дверь. Если же закрыть и главную дверь, то совершенно скроется (отъ взоровъ врага) внутренность дома, воръ не увидитъ ни единой самомалѣйшей вещицы въ немъ, не будетъ знать, что ему украсть, какъ проникнуть, не увидитъ, что и въ какой щели припрятано, чтобы нащупать пальцами, разыскать, похитить и убѣжать, ибо сокровенность охраняетъ жилище неокраденнымъ. Зажечь же свѣтъ, чтобы чрезъ окно разглядѣть внутренность, достать что-либо рукой и, ощупавъ, похитить—боится, чтобы не увидалъ сосѣдъ его огня, не пришелъ бы и не поймалъ бы его. Поэтому и боится воръ свѣта лампады, при наружномъ-же свѣтѣ не боится... (Въ этихъ словахъ намекъ на слово Господне (Матѳ. 6, 6) о молитвѣ въ заключенной отъ наружнаго свѣта храминѣ души; наружнаго свѣта діаволъ не боится, это означаетъ разсѣянную внѣшними впечатлѣніями душу, которая дѣлается приступной діаволу). Ибо тогда видитъ онъ, въ какомъ уголку жилища драгоцѣнности, воруетъ, похищаетъ, убѣгаетъ, и домъ остается пустъ.

Подобно сему и у человѣка есть три мысленныя двери; одна называется невѣріемъ, другая—нечистотою, а третья—отчаяніемъ. (Невѣріе Святой называетъ главной дверью, ибо чрезъ невѣріе въ заповѣди Божіи и чрезъ забвеніе Бога люди больше всего согрѣшаютъ, нечистота-же открываетъ двойной доступъ діаволу, усиливая его власть надъ человѣкомъ, а отчаяніе совершенно предаетъ человѣка врагу. Слѣдуетъ замѣтить, хотя человѣкъ и будетъ нравственно жить, и, слѣдовательно, закроетъ доступъ врагу чрезъ дверь нечистоты, но, если не увѣруетъ какъ должно, то не закроется доступъ діаволу чрезъ дверь невѣрія, и, не избѣжать человѣку окраденія).

Если-же затворится дверь нечистоты, то будетъ показывать діаволу ходъ дверца отчаянія, если-же и дверца отчаянія заключится, то все-таки будетъ освѣщать путь главная дверь невѣрія. Когда-же затворится и главная дверь невѣрія, тогда сердце озаряется благодатію Всесвятаго Духа, просвѣтляется мысль человѣка, и онъ начинаетъ творить заповѣди Христа своего, Распятаго Іисуса,

Тогда благодать Всесвятаго Духа становится для бѣсовъ какъ-бы тьмою, скрывающею душу отъ (взора бѣсовъ) проныръ и всѣхъ клеветниковъ (діаволовъ), скажемъ лучше—отъ всѣхъ невѣрующихъ, (т. е. ослѣпшихъ духовнымъ зрѣніемъ, которое есть вѣра и не могущихъ взирать на сіяніе Всесвятаго Духа).

Если-же, наоборотъ, найдутъ проныры всѣ три двери отверстыми, что способны они тогда надѣлать съ душой?—не обнажатъ-ли они домъ

тотъ, не оставивъ въ немъ и гвоздя?—Не ограбятъ-ли его совершенно и отымутъ разсудокъ, такъ что человѣкъ начнетъ творить самъ для себя безуміе, (т. е. самъ себя губитъ); не такъ-ли?

Коварные-же проныры есть полкъ Денницы, (которыхъ мы такъ называемъ по слѣдующей причинѣ): Когда Денница преткнулся, превратился въ веельзевула, очутился въ аду съ полчищемъ своимъ, гдѣ пребываетъ и по нынѣ, съ того самаго времени, какъ Михаилъ Архангелъ воскликнулъ: «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ Божіимъ» [1]),—тогда падшіе духи, свергшись съ неба, одни остановились на высотахъ (надземныхъ), другіе въ воздухѣ, третьи—въ водахъ, прочіе-же вмѣстѣ съ Денницею—въ землѣ (т. е. въ безднахъ ея). Пребывающіе-же внѣ ада, (т. е. на поверхности земли, въ водахъ, воздухѣ и на высотахъ),—называются коварными пронырами, ибо они и на верхъ восходятъ, [2]) и на низъ опускаются, (т. е., восходящихъ въ добродѣтеляхъ преслѣдуютъ, подражая добродѣтелямъ, павшимъ-же содѣлываютъ явное зло).

Восхожденіе бѣсовъ на верхъ означаетъ слѣдующее, (т. е. восходящую въ добродѣтеляхъ душу они искушаютъ слѣдующимъ образомъ). Какъ только душа праведника начнетъ восходить (къ совершенству), шествовать путемъ Господнимъ, тотчасъ устремляются за нею и коварные проныры, говоримъ—клеветники (діаволы), чтобы запнуть душу праведника и свергнуть внизъ, во адъ. Стараются-же они такъ усиленно изъ-за того, чтобы не дать (человѣку) преуспѣть и взойти на ту высоту, съ которой сами низверглись. Въ этой зависти своей они поступаютъ такъ, какъ какой слуга, раньше служившій царю или вельможѣ, или архіерейскій діаконъ, или какой подмастерье мастеру, изгнанные отъ своихъ господъ за дерзкое безчиніе; однимъ словомъ, какъ убѣжавшіе: ученикъ отъ мастера, діаконъ отъ архіерея, слуга отъ вельможи... Діаконъ, убѣжавшій отъ своего архіерея, злословитъ и осуждаетъ его, чтобы никто другой не сталъ-бы съ архіереемъ жить; когда-же кто поступитъ къ архіерею, убѣжавшій діаконъ всячески старается, чтобы другой не ужился у архіерея, дабы тѣмъ оправдать себя передъ людьми, что не онъ діаконъ виноватъ, но архіерей и что де другіе люди тоже не могутъ ужиться съ архіереемъ.

Такъ поступаетъ и прогнанный слуга по отношенію къ господину своему; подобное творитъ и подмастерье мастеру своему. Подобно сему и злые духи оклеветываютъ во всемъ судьбы и завѣты Божіи, дабы изъ зависти не дать людямъ унаслѣдовать то мѣсто, которое они утратили, и дабы явить себя правыми, Бога же неправымъ, а выполненіе заповѣдей Его якобы невозможнымъ...

---

[1]) См. подстрочное примѣчаніе въ концѣ предшествующей, (пятой), главы.

[2]) Св. ап. Павелъ именуетъ злыхъ духовъ міроправителями тьмы вѣка сего, духами злобы поднебесной (Ефес. 6, 12),

Если злые духи видятъ человѣка имѣющаго благодать Всесвятаго Духа, — говоримъ, незлобиваго, не воздающему зломъ за зло, воздѣлывающаго всѣ добродѣтели,—то, слѣдовательно, (какой завистію распаляются) противъ души сего праведника, сколь сильно колебать, сотрясать въ подвигахъ должны они ее, будучи злоборцы по естеству и сколь злобна должна быть брань ихъ?

Съ одинаковою яростью преслѣдуютъ эти проныры душу, какъ при восхожденіи, такъ и при нисхожденія, (т. е. праведниковъ стараются запнуть въ восхожденіи по ступенямъ духовныхъ подвиговъ, а грѣшниковъ ввести въ тягчайшіе грѣхи), чтобы не дать ни единой душѣ взойти и возобладать задаткомъ праведныхъ, (т. е. чтобы не дать человѣку пріобрѣсти благодать, когда же пріобрѣтетъ, — не дать ему удержать дара Святаго Духа—задатка будущаго блаженства). Какой-бы (благодати) ни сподобился праведный, проныры устремляются (за праведнымъ и на сію степень), стараясь и здѣсь отторгнуть его руки отъ рукъ праведныхъ (т. е. ангеловъ) и свергнуть во адъ слѣдующимъ способомъ:

Сначала стараются нацѣпить его на свой крючекъ гордости, пріучить творить дѣла погибели, чтобы, такимъ образомъ, сама душа заклала-бы себя въ жертву аду своею погибельною гордостію, чтобы сею погибелью принудить руки праведныхъ, (т. е. ангеловъ, защищающихъ душу человѣческую, пріявшую благодать), отвратиться отъ нея, (т. е. перестать защищать и путеводить возгордѣвшагося праведника и предоставить его во власть враговъ).

Съ этою цѣлью злые духи искусно льстятъ праведнику, начиная веліимъ гласомъ восхвалять его, (когда всѣ попытки иначе запнуть праведника, окажуться безуспѣшными): бѣсы говорятъ: «побѣдила ты насъ, о душа; праведностію твоею въ конецъ низложила насъ; боролись мы со тьмами душъ, одолѣли ихъ, обладаемъ ими; вступили мы и съ тобою въ борьбу, чтобы завладѣть тобою, какъ завладѣли тѣми душами; но, не успѣли и начала положить, какъ ты уже одолѣла насъ, взошла на высшую степень праведности; нынѣ мы не можемъ больше бороться съ тобой, ибо теперь Праведникъ держитъ тебя на рукахъ Своихъ съ праведностію твоею, а посему мы бѣжимъ отъ тебя, продолжай восходить безпрепятственно, ибо никто не въ силахъ помѣшать твоему восхожденію въ добродѣтели, ты окрѣпла въ добродѣтеляхъ, какъ никто другой. Никто другой не совершалъ такого поощенія, какое ты совершала и совершаешь; никто не имѣлъ такого смиренія, какое ты имѣла и имѣешь; за это Богъ даровалъ тебѣ разумъ и мудрость, чтобы ты поучала погибающія души душевному спасенію и тѣмъ отвращала-бы ихъ отъ погибели, избавляла отъ кары. Радуйся, о, душа! радость тебѣ (сугубая), ибо ты не только свою душу спасла, но еще и другія многія души спасешь славою твоихъ добро-

дѣтелей; слава о тебѣ разгласилась до концевъ вселенной, и призывающіе имя твое тотчасъ исцѣляются отъ всякой болѣзни и всякой немощи. Отнынѣ не подвизайся больше о своемъ спасеніи, ибо душа твоя стала господствовать надъ страстями, ибо Богъ держитъ ее на рукахъ Своихъ; ничто для нея больше не опасно; подвизайся лишь о томъ, чтобы совершенствовались души другихъ, такъ какъ они прослышали о тебѣ, о славѣ твоей, и нуждаются въ тебѣ, желаютъ видѣть твой ангельскій ликъ, дабы ты отверзъ свои всемудрыя уста, подвигъ-бы свой спасительный языкъ и силою слова твоего умудрилъ-бы слушателей, внимающихъ тебѣ. Когда-же они уйдутъ, то, пока не прійдутъ другіе слушатели, ты позаботься о томъ, чтобы приготовиться, что сказать имъ, ибо сильно желаютъ послушать тебя. Поэтому, отнынѣ не прилагай усердія къ совершенію дневныхъ службъ и канона твоего,—твои службы и твой канонъ будутъ теперь состоять въ заботѣ о приготовленіи поученій слушателямъ, ибо ты получилъ отъ Бога даръ возвѣщать великія изреченія слушателямъ и словомъ твоимъ просвѣщать ихъ!»...—Также и другія преславныя дѣла внушаютъ они творить, дабы вложить ему въ мысль свой сильнѣйшій ядъ погибельнаго мудрованія, (псилафизмовъ погибели, т. е. самомнѣнія), чтобы онъ, пріявъ ихъ, погибъ-бы. Ради этого они на время отступаютъ отъ подвижника, (т. е. перестаютъ возбуждать въ немъ грѣховные помыслы и похотѣнія, какъ то дѣлали раньше, когда пытались ввергнуть его въ грѣхъ явнаго беззаконія), отходятъ, отстраняются, пока не успѣютъ во всемъ (т. е. пока тотъ не повѣритъ ихъ лести и не приметъ ихъ лестныхъ предложеній). Когда приметъ несчастный человѣкъ въ мысль свою сей бѣсовскій ядъ, начинаетъ прельщаться самимъ собою (псилафизоваться), и, если совершилъ какіе-либо хотя незначительные подвиги, то, въ мудрованіи своемъ и въ погибельной мысли, своей (т. е. въ гордостномъ помыслѣ), мнитъ о себѣ, что достигъ будто верха совершенства въ добродѣтели, не давая себѣ отчета въ томъ, въ какомъ состояніи находится душа его. Мудрованія ложныя объемлютъ его, (т. е. помыслы самомнѣнія); онъ соглашается со всѣмъ, чтобы они (лукавые помыслы) ни сказали, вѣритъ имъ и пускаетъ душу свою стремглавъ низвергаться въ пекло адское, воображая, что восходитъ якобы на верхъ совершенства...

Онъ начинаетъ учительствовать, заботиться о поученіяхъ, что сказать и какъ поучать слушателей своихъ, внимающихъ ему. Приходитъ къ нему одинъ изъ его слушателей и говоритъ: „радуйся, отче! Радость тебѣ! Ты славою своею спасъ столькія души и наши души украсилъ вѣнцами съ каменьями безцѣнными;—какими-же, слѣдовательно, многоцѣнными драгоцѣнностями украшаешь ты собственную душу твою? Ликъ твой ангельскій, подобный херувимамъ и серафимамъ, свидѣтельствуетъ о великой благодати, которую ты пріялъ!..“ —Сказавшіе это слушатели, получивъ благословеніе, уходятъ, —льстецъ-же остается съ

нимъ въ домѣ его, (т, е. духъ льстящій остается съ нимъ въ мысли его); праведника объемлютъ помыслы; эти обольстительные помыслы совершенно увлекаютъ его, онъ мнитъ, что взошелъ на верхъ совершенства и повторяетъ за діаволомъ: „Не только одну свою душу украсилъ я столькими вѣнцами добродѣтелей, воздѣланныхъ мною, но и многія души другихъ, внѣ, въ міру, украсилъ я многоцѣнными камнями, за что и исплетается мнѣ славою моею драгоцѣннѣйшій вѣнецъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ восхваляющіе меня слушатели мои, получившіе пользу для душъ своихъ. Не будь меня, въ міру, чтобы спасти ихъ, надо было-бы вторично прійти Христу. Христосъ-же, прійдя въ первый разъ, хотя и сотворилъ столькія чудеса, однако не могъ исправить міра; въ довершеніе всего, Его Самого на древѣ распяли, а я славою своихъ совершенствъ спасъ столькія души, и слава моя исплела драгоцѣнныя вѣнцы этимъ душамъ“...

Отступило чадо гордости отъ подвижника, приступила мать лѣности и вотъ онъ начинаетъ сосать молоко матери лѣности, повторяя за ней: „Подвизавшись добрыми подвигами съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ, я нынѣ завершилъ себѣ вѣнецъ совершенствъ со столькими многоцѣнными камнями, славою моей праведности спасъ столькія души за время отъ преполовенія лѣтъ моихъ до нынѣшней старости моей; нынѣ же, на старости моей, да упокою нѣсколько на ложѣ тѣло мое, ибо тѣло сіе пріобрѣло мнѣ славу съ великими трудами;—да почіетъ-же нынѣ плоть сія на старости своей;“—и впадаетъ онъ въ нерадѣніе лѣности.

Отступаетъ отъ него мать лѣности, приступаетъ дочь блуда, и повторяетъ онъ за ней слѣдующее: „Я, стяжавшій столь великую славу и спасшій столькія души, не обрѣту блага для души своей, если самъ не рожду чадъ и не спасу ихъ; тогда лишь буду я вполнѣ увѣренъ, что спасъ душу свою“.—И начинаетъ онъ псилафизоваться, (т. е. обуреваться посмыслами), о плоти своей, ищетъ много — разнообразныхъ снѣдей, дабы укрѣпить плоть свою для дѣтородства; наконецъ, впадаетъ въ блато нечистоты, какъ свинья въ грязь...

Тогда отступаетъ отъ него дочь блуда, приступаетъ сынъ злобы (досл. враждоборства); праведникъ злословитъ Церковь и говоритъ: „не признаю я ни Церкви, ни установленій церковныхъ.., ибо славою моихъ совершенствъ я спасъ столькія души въ міру...“

Ради этого всего я и говорю тебѣ: когда проныры найдутъ всѣ три двери открытыми, (т. е. дверь невѣрія, дверцу нечистоты и дверцу отчаянія), то не оставятъ ни дощечки, ни гвоздя. Говоримъ, не допустятъ проныры тогда, ни пребыть покорнымъ Церкви, ни цѣломудріе сохранить неоскверненнымъ, но разобручатъ подвижника съ Церковію Христовою, осквернятъ его цѣломудріе сладострастными дѣлами, обнажатъ человѣка отъ даровъ Божіихъ, окончательно удалятъ его отъ

руки Божіей, низведутъ къ Денницѣ; станетъ онъ тогда подвластнымъ Денницѣ, хотя будетъ считать себя находящимся „въ руцѣ Божіей“, (т. е. думать, что имѣетъ ту благодать, которую стяжалъ прежде и, прельстившись самомнѣніемъ теперь утратилъ).

ГЛАВА VII.

Подвижникъ, хотя и впадаетъ въ грѣхъ, не долженъ отчаяваться. Богъ пріемлетъ покаяніе отъ всякаго, и почему невозможно покаяніе для злыхъ духовъ.

Когда подвижникъ (или иной человѣкъ) усмотритъ свое паденіе, пойметъ, гдѣ онъ былъ, т. е. на какой духовной высотѣ и въ какой близости къ Богу, и куда ниспалъ, то отчаевается подобно мухѣ, летавшей по воздуху, избѣжавшей всѣхъ внизу разостланныхъ тенетъ, но попавшейся въ разостланныя поверху и впавшей въ отчаяніе. Такъ и проныры, какъ пауки, ткутъ свои тенета не только по низу, но и на высочайшихъ предѣлахъ браннаго пути, чтобы, какъ муху, миновавшую нижнія сѣти, уловить подвижника, захватить въ верхнихъ плетеніяхъ и тамъ опутать его мысленной своей паутиной. Когда же подвижникъ запутается въ паутинѣ какъ муха или какъ рыба, пойманная въ сѣть, то отчаевается и говоритъ: «нѣтъ у меня теперь тѣла (т. е. силъ тѣлесныхъ), чтобы летать, нѣтъ у меня крыльевъ, чтобы удержаться на воздухѣ, нѣтъ у меня больше непорочнаго тѣла, которое было порабощено душѣ; нѣтъ у лица моего очей, (т. е. прежняго дерзновенія въ молитвѣ), дабы возвести ихъ на небо, чтобы умолять за мою несчастную душу; теперь мнѣ не спастись, ибо поработился я грѣху; поэтому не стану дольше и стараться достигнуть спасенія, ибо это для меня невозможно...»

О, человѣче, почему ты рѣшилъ, что невозможно тебѣ достичь спасенія? Почему ты думаешь, что не слѣдуетъ тебѣ больше подвизаться, а не рѣшаешь наоборотъ, что тебѣ тѣмъ паче слѣдуетъ подвизаться о спасеніи? Воспряни, не бойся, ибо Богъ претерпѣлъ крестъ ради спасенія твоего! Какъ же послѣ сего ты утверждаешь, что для тебя больше нѣтъ спасенія? Зачѣмъ страшишься безсильныхъ? Къ чему считаешь ихъ сильными? Крестъ Господенъ сокрушилъ всю силу ихъ ухищреній, все хвастовство, которымъ они безсильные кичились быть сильными!

(Затѣмъ, въ отвѣтъ на часто рождающуюся мысль: возможно-ли покаяніе для злыхъ духовъ, Святой приводитъ извѣстный примѣръ изъ житія св. Антонія Великаго, какъ являлся ему бѣсъ и вопросилъ, возможно-ли для бѣса покаяніе, и какъ бѣсу помѣшало воспользоваться

сею возможностію кичeніе своею грѣховною властію надъ людьми. Тоже самое кичeніе проявилъ діаволъ, когда приступилъ къ Господу на сорокодневной горѣ и показалъ ему «царства міра», т. е. свое грѣховное владычество). (Матѳ. 4, 8).

Попытались было однажды безсильные хитро. кичeніемъ и хулою поругаться надъ однимъ преподобнымъ отцемъ [1]). Чтобы прехитро ввергнуть преподобнаго въ кичeніе и хулу, сказалъ подвижнику явившійся ему бѣсъ: «Какимъ образомъ, отче, возможно мнѣ спастись?»

Это вопрошеніе бѣса о возможности для него покаянія есть коварный умыселъ ввести преподобнаго въ кичeніе или хулу, ибо, еслибы онъ поддался на сіе коварство и принялъ бы къ сердцу столь неслыханное дѣло, какъ спасеніе бѣса, то неизбѣжно впалъ бы въ тщеславное самомнѣніе и кичeніе симъ небывалымъ дѣломъ, а, съ другой стороны, если бы отвергъ, какъ невозможное, то похулилъ бы Творца, Который оказался побѣжденнымъ тварію Своею въ милосердіи.

Понялъ преподобный, которому открыла сіе благодать Всесвятаго Духа, что это одинъ изъ обольстителей, пронырь веельзевуловъ. Преподобный отвѣчалъ ему: «Иди на высокую гору, обнажись, стань совсѣмъ нагъ и изливай мольбы къ Богу, Царю Небесному, чтобы Онъ отпустилъ тебѣ твое лукавое мудрованіе» (досл.: псилафистическое лукавство). Отвѣчалъ пронырa преподобному: «Какую же молитву творить мнѣ на высокой горѣ и какъ мнѣ обнажиться? я и безъ того одежды не ношу? Какъ же ты говоришь, чтобы мнѣ обнажиться?»

Святой же отвѣчалъ ему: «На высокой горѣ сотворись нагъ, обнаживъ себя отъ ухищреній своихъ и лукаваго мудрованія, да не имѣешь никакого коварства въ сердцѣ твоемъ. Такъ стой совершенно нагимъ на высокой горѣ 40 дней и 40 ночей, (въ житіи сказано 3 года, можетъ быть, здѣсь Ѳеофанъ ошибся), не имѣя никакого покрывала на главѣ своей, т. е. никакой хитрости въ мысляхъ, воздѣвай руки свои горѣ и повторяй безпрестанно въ теченіи сорока дней: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя, меня—мерзость запустѣнія во царствіи Твоемъ!.. Яко къ Тебѣ, Господи, Господи, очи мои; на Тя уповахъ, не отрини душу мою!..»

Не успѣлъ преподобный закончить своей рѣчи, какъ демонъ, весьма разгнѣвавшись, воскликнулъ: «Замолчи, гнилой старикъ! Ничтожному-ли царю поклониться мнѣ? Кто другой имѣетъ такое царство, какое мы имѣемъ? Въ рукахъ нашихъ находится третья часть Его царства, и что осталось у Него, чтобы намъ кланяться Ему, какъ Царю?..» Ясно тогда стало преподобному, что это есть духъ хулы; вспомнилъ тогда преподобный, что и Христа бѣсъ также пытался въ пустыни обольстить и кичился передъ Нимъ грѣхами человѣческими...

[1]) Т. е., Антоніемъ Великимъ.

Вспомнивъ все это, преподобный сотворилъ молитву къ Богу, проклялъ демона, и тотъ какъ дымъ исчезъ отъ него. Воздалъ преподобный славу Богу за избавленіе свое отъ духа хулы, который лукавствомъ своимъ намѣревался ввести подвижника въ хулу или въ гордость и чрезъ то ввергнуть въ бездну адскую, какъ свергнулъ множество монаховъ...

Но Богъ не имѣетъ ненависти къ этимъ погибшимъ монахамъ, которые еще могли и по паденіи имѣть надежду на спасеніе. Ненавистны Богу лишь сіи четыре: говоримъ—хула, блудная нечистота, невѣріе закону и ложь, именуемая идолослуженіемъ; всякій, говорящій ложь, именуется идолослужителемъ у Бога. Итакъ, бѣсы безвозвратно погибаютъ не оттого, чтобы для нихъ не было прощенія, но оттого, что они не только не каются, но еще и гордятся своими богомерзкими дѣлами...

ГЛАВА VIII.

Чѣмъ былъ вызванъ потопъ. Проповѣдь Ноя о покаяніи. Ожесточеніе людей и ненависть ихъ къ Ною. Знаменія, предшествовавшія потопу. Умыселъ людей съ Ковчегомъ погубить Ноя, какъ виновника всѣхъ бѣдствій.

Ради этихъ-то всенизменныхъ, земныхъ страстей и излился потопъ, которому подобало бы перейти во всеконечное затопленіе, если-бы не предуспѣло и не превзошло предъ Богомъ покаяніе Ноя.

Скорбѣлъ Ной, плакалъ предъ Богомъ о предстоящей кончинѣ всего міра и молился такъ: «Долготерпѣливе, Долготерпѣливе; подолготерпи, подолготерпи еще до сорока лѣтъ; не покаются-ли они и не отвратятся-ли отъ своего превратнаго влеченія къ таковымъ грѣхамъ. Если же не сотворятъ покаянія и не отвратятся отъ своего пристрастія къ погибельной страсти блуда, то да будетъ воля Твоя и сотвори съ ними какъ Ты судилъ...»

И сказалъ Богъ Ною: «Се кротость долготерпѣнія Моего будетъ долготерпѣть имъ, и не сорокъ лѣтъ да долготерпитъ, но трижды сорокъ лѣтъ буду долготерпѣть; долготерпитъ еще Мое долготерпѣніе и пождетъ ихъ покаянія, но нѣтъ въ нихъ склонности къ покаянію...» [2]).

И сказалъ Богъ Ною: «Уготовься ты, дабы не подпалъ бы и ты подъ сей гнѣвъ Мой, ибо до 120 лѣтъ буду ожидать, давая время на покаяніе, дабы они покаялись; если придутъ къ покаянію, то благо имъ будетъ и благосотворю имъ на землѣ сей; если же нѣтъ, если не

---

[2]) Преподобный Нилъ сими подробностями живописуетъ величіе долготерпѣнія Божія.

обратятся они къ покаянію во оставленіе грѣховъ, то имѣетъ найти на вселенную потопъ, весь міръ потонетъ въ водахъ, и подымется вода высоко, превыше горъ и холмовъ...»

Выслушавъ эти слова Божіи, праведный Ной сказалъ Богу: «Милосерднѣйшій мой и долготерпѣливый! какое уготовленіе желаешь Ты, дабы я сдѣлалъ?» И сказалъ Богъ Ною: «Возвѣсти людямъ, къ какой карѣ Моей они присуждены, и сотвори сооруженіе, дабы оно шествовало поверхъ воды...» Это сооруженіе Ной наименовалъ ковчегомъ.

И началъ Ной проповѣдывать, какъ сказалъ ему Богъ; превратные же люди, которымъ Ной проповѣдывалъ, слушая проповѣдь Ноя,— одни поносили его, другіе безчестили, иные мучили и всѣ вмѣстѣ, въ противность Богу и наперекоръ проповѣди Ноя—удвоили свои беззаконія.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 17 лѣтъ подвизался Ной своею проповѣдью, дабы привести ихъ къ обращенію въ покаяніе, — но не возмогъ...

И ожидалъ Богъ 17 лѣтъ покаянія отъ этихъ превратныхъ людей, но не только никакого покаянія не услыхалъ отъ нихъ, но увидалъ, что они впали еще въ худшее. Подобнымъ же образомъ и съ нынѣшними людьми бываетъ такъ:—Богъ ожидаетъ отъ нихъ покаянія, они же низвергаютъ свою мысль въ еще худшее блато и въ бездну многозаботливости...

По истеченіи 17-ти лѣтъ объявилъ Богъ Ною и изрекъ гнѣвное рѣшеніе: «Ной, Ной! сотвори, какъ Я сказалъ тебѣ: поспѣши, поспѣши и не медли въ дѣлѣ семъ» (т. е. поспѣши строить ковчегъ и не теряй больше времени на проповѣдь). И сотворилъ Ной кивотъ въ 103 года, какъ повелѣлъ ему Богъ, семнадцать же лѣтъ потратилъ онъ на проповѣдь, увѣщевая покаяться тѣхъ превратныхъ людей, которые, вмѣсто этого, стали дѣлать еще худшія беззаконія, какъ то творятъ и нынѣшніе люди; вслѣдствіе сего отступился отъ нихъ тогда Ной и обратился къ постройкѣ ковчега; сталъ прилежать къ построенію ковчега и крѣпко сколачивать его скрѣпами—скажемъ, гвоздями. Слыша стукъ сей, превратные люди говорили: „это Ной для Безсмертнаго безсмертную постройку дѣлаетъ, творитъ же толикій трудъ, чтобы осуществилось его желаніе, (т. е. чтобы умолить Бога исполнить его пророчество погубить землю потопомъ)“.

Великимъ гнѣвомъ прогнѣвался Богъ, (т. е. совершился гнѣвъ Божій на людяхъ), и сказалъ Богъ Ною: «Ной, Ной! поспѣши, поспѣши и войди въ ковчегъ съ семействомъ твоимъ, какъ я сказалъ; исполни то, что я приказалъ, ибо у людей сихъ распространилось дѣло невыносимое, и, вмѣсто покаянія, они все творятъ въ противность Божеству Моему...» Услыхавъ отъ Бога таковыя слова, Ной, воздохнувъ изъ глубины сердца своего, сотворилъ, какъ сказалъ ему Богъ, устремился въ ковчегъ вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, взявши съ собою всѣхъ жи-

вотныхъ, какія повелѣлъ ему Богъ, два-два отъ каждыхъ животныхъ; когда всѣ вошли, то Богъ затворилъ ихъ въ ковчегѣ; тогда исполнилось 103 года сверхъ скончанія неоконченнаго дѣла, т. е., 103 года по окончаніи Ноемъ семнадцатилѣтней безплодной проповѣди; все же вмѣстѣ составитъ 120 лѣтъ или три сорока, которыя Богъ продлилъ людямъ ради молитвы Ноя.

Такъ и нынѣ, не въ силахъ человѣкъ самъ собою свершить своего канона, т. е. одного покаяннаго подвига не достаточно для того, чтобы обезпечить монаху спасеніе, какъ и труды Ноя, несмотря на продолжительность и на величіе ихъ оказались недостаточными для его спасенія; потребовалось для сего еще особое содѣйствіе Бога, Который Самъ закрылъ крышу ковчега, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Писаніе.

И теперь, не въ силахъ человѣкъ скончать своего канона, чтобы онъ ни дѣлалъ, т. е. какихъ бы подвиговъ ни совершалъ, не можетъ онъ завершить его, (сколько бы времени ни подвизался), но завершаетъ его Церковь въ средѣ заключенія литургійнаго, (т. е. во всеобъемлемости Жертвы Литургійной, гдѣ Самъ Христосъ отпускаетъ грѣхи ради искупительной Жертвы Своей и тѣмъ возглавляетъ ковчегъ спасенія, который для подвижника заключается въ канонѣ и подвигахъ покаянія, какъ нѣкогда Богъ возглавилъ ковчегъ Ноя...).

Тогда сотворилъ Богъ знаменія ужасныя и страшныя, дабы люди покаялись, отверзъ водныя бездны небесныя, (досл. катаракты небесныя, т. е. „воды яже превыше небесъ“, какъ о нихъ гласитъ Писаніе, воды, существованіе которыхъ открыто было нѣкоторымъ Святымъ въ видѣніяхъ, какъ о томъ повѣствуется въ Житіяхъ Святыхъ, напр. въ жит. св. Кипріана, 2 Окт.)—до трехъ часовъ; но и посемъ тѣ люди, которые уцѣлѣли, скрывшись въ своихъ жилищахъ, продолжали творить скверныя дѣла. Тогда огонь ниспалъ на ихъ селенія, разливаясь со страшнымъ шипѣніемъ, (разумѣется огненная масса или лава), потрясаясь со страшнымъ трескомъ, гремѣла земля, камни распадались, солнце померкло,—люди же склонились еще низменнѣйше, т. е. стали повально развратничать еще болѣе неистово, развратъ преумножили, блудъ ублажили, мужеложство совершали, многостяжательности всѣми своими силами поклонялись; видя тѣ знаменія страшныя и ужасныя, умозаключили безумные, что это все чарованія Ноя, что все это онъ имъ наворожилъ, и сотворили они совѣтъ разбить ковчегъ и казнить Ноя!..

Въ этомъ дѣлѣ тѣхъ превратныхъ людей проявилась та же страсть зависти къ праведникамъ, которая есть и нынѣ: когда кто-либо дѣлаетъ какое-либо Богоугодное дѣло, то въ другой части, (т. е. части діавольской), возгарается зависть; бѣсъ старается разрушить то богоугодное дѣло и убить того, который усердствуетъ въ немъ. Такая же зависть возникла въ развращенныхъ душахъ и тѣхъ древнихъ людей; они устремились на разрушеніе Богоугоднаго дѣла, постройки Ноя, которая была

ради ихъ же пользы? Польза же—привести ихъ къ покаянію постояннымъ напоминаніемъ самой той постройкой о грядущей карѣ Божіей за ихъ превратную жизнь. Это однако ни къ какому покаянію не привело ихъ, но возбудило въ нихъ ярость; они яростно устремились къ ковчегу, дабы разрушить его и казнить Ноя!...

Когда Богъ увидѣлъ такую ярость, съ которою они устремились на ковчегъ, чтобы разбить его, то повелѣлъ, дабы отверзлись бездны водъ небесныхъ,—онѣ отверзлись, и сказалъ Богъ землѣ, дабы отверзлись ея источники (подземные) и устремились-бы къ верху (такъ о семъ писано и въ библіи). И сказалъ Богъ водамъ небеснымъ и водамъ земнымъ: „совокупитесь на высотѣ и посемъ разсѣвайтесь по поверхности земли до 40 дней", (т. е. дождите)...

Когда совокупились воды небесныя съ земными, то, (столкнувшись), остановились въ верхнихъ предѣлахъ, образовавъ, какъ-бы второй небосклонъ (надъ поверхностію земли), и такъ до семи дней совокуплялись въ своемъ противуустремленіи; число семь знаменуетъ отмщеніе семи смертныхъ грѣховъ, которые и вызвали потопъ. Число же тѣхъ превратныхъ людей, которые выступили разрушать ковчегъ,—мужей и женъ съ дѣтьми, было 7000.

Подобно семиглавому звѣрю (беззаконія, устремляющемуся противъ праведниковъ), устремились они противъ постройки Ноя, дабы разрушить и истребить ее вмѣстѣ съ Ноемъ,—но сами были истреблены и исчезли отъ лица земли...

Когда они толпой двинулись на ковчегъ Ноя, постигъ ихъ гнѣвъ Божій... Они потеряли дорогу къ ковчегу, [1]) бродили, бросались, ища спасенія отъ водъ, туда и сюда, погружаемые водами!..

ГЛАВА IX.

Невозможно не прійти искушенію... Какъ былъ соблазняемъ Несоблазняемый. Кто блаженъ и кто треблаженъ.

Нѣтъ грѣха, когда человѣкъ бываетъ искушаемъ, но есть грѣхъ, когда человѣкъ бываетъ побѣждаемъ.

О соблазнѣ, которымъ былъ соблазняемъ Несоблазняемый.—Если спросишь, какимъ искушеніемъ Онъ былъ искушаемъ, — послушай и увидишь.

Понялъ доброненавистный духъ Денницы, что пришелъ Іисусъ Христосъ на сію проклятую землю. но, кто Онъ таковъ; не зналъ. Дѣлалъ онъ столькія и столькія испытанія, чтобы найти Несоблазняемаго, дабы соблазнить Его, но разыскать Его не могъ: (ибо) Іисусъ Хри-

---

[1]) Потеряли дорогу къ ковчегу—потеряли путь спасенія.

стосъ, насъ ради снисшедшій, сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и скончалъ, (т. е. до конца подвергъ Себя) всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ, говоримъ—гоненію, алчбѣ, жаждѣ, презрѣнію и всѣмъ другимъ... (ибо скорби необходимы каждому человѣку, какъ огонь для пищи). Поваръ, (когда хочетъ), что сварить, то, положивъ въ котелъ, чтобы то ни было, говоримъ: воду, овощи, масло, становитъ котелъ на очагъ, разводитъ огонь, варитъ кушанье, снимаетъ съ огня (когда сварится), опорожняетъ котелъ и подаетъ въ трапезу; когда старшая братія сядетъ (за столъ), то охотно ѣстъ это произведеніе кухни, ибо оно прекрасное кушанье (такъ какъ хорошо сварилось)... Однако, когда въ немъ нѣтъ соли, то оно невкусно и его нисколько не пользуетъ (то, что оно сварилось; т. е. и человѣка, хотя бы онъ претерпѣлъ искушенія и скорби, не попользуютъ онѣ, если въ немъ не будетъ «соли»).—Таково есть искушеніе для человѣка. Человѣкъ, хотя-бы и всѣ добродѣтели исправилъ, искушенія-же не имѣлъ,—не имѣетъ еще никакого прибытка, ибо искушеніе есть возглавленіе добродѣтели, (т. е. совершеніе крыши въ зданіи добраго подвига).

Блаженъ, имѣющій терпѣніе (въ перенесеніи скорбей), не побѣждающійся тѣми соблазнами, которыми его соблазняютъ и побѣждающій терпѣніемъ тѣхъ, которые вводятъ въ искушеніе ближняго, (т. е. блаженъ благій, побѣждающій злого терпѣніемъ наносимыхъ ему золъ). Но тотъ, который вводитъ въ соблазнъ, (т. е. наноситъ скорби человѣку), тотъ уподобляется искусителю, соблазнявшему Несоблазняемаго!..

Если хочешь узнать, кто былъ искуситель и кто есть Несоблазняемый,—услыши.

Несоблазняемый есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, облекшійся въ человѣка и ставшій совершеннымъ человѣкомъ, свершившій всѣ скорби человѣческія, какъ я говорю тебѣ, и смирившій искушавшаго Его... И позналъ нѣсколько (діаволъ) Іисуса, (т. е. устрашенъ былъ знаменіями Его Божественной силы, явленной въ чудесахъ), но не было ему допущено узнать Его совершенно... Если какому человѣку приснится во снѣ, что онъ переходитъ по мосту, а другой человѣкъ, (т. е. противникъ его), свергъ его съ моста, человѣкъ, пробудившись отъ сна, запоминаетъ сонъ и говоритъ: «сбудется-ли это, или нѣтъ?» — Начинаетъ разслѣдывать и допытываться, чтобы найти того противника (по примѣтамъ), указаннымъ ему содержаніемъ сна; допытывается, испытуетъ всевозможными способами, чтобы разыскать искомаго человѣка и уничтожить того, который тамъ съ моста свергъ его...

Настолько и Богъ далъ возможность (діаволу) искусителю познать воплощеніе, промыслъ Божій, настолько, но не больше...

Также и то, что діаволъ получилъ власть искушать Христа, яко человѣка, было ради того, что Христосъ сталъ совершеннымъ человѣ-

комъ въ защиту (на спасеніе) человѣка, который искушается воображеніемъ помысловъ творить то, что воображаетъ ему помыселъ...

Такими-же соблазнами былъ искушаемъ и Несоблазняющійся; мечта (воображеніе) окружила и Его—Немечтающаго, Невоображающаго въ Себѣ, ни злой, ни какой-либо иной земной мечты, нисколько, ни о чемъ въ помыслѣ Своемъ не мечтающаго, ни очами Своими (несоблазняемаго), Того, у кого очи блистающіе и помыслы чистые!..

Человѣкъ же есть искушаемый, ибо очи его помутившіяся, помыслъ оскверненъ всѣми злодѣяніями человѣческими,—и что необыкновеннаго искушаться ему?..

Но искушаемый еще не становится [1]) чуждъ, чуждъ бываетъ тотъ, который побѣждаемъ... Побѣдитель-же (т. е. Іисусъ Христосъ)—побѣждаетъ. Сильный, силою Своею Онъ побѣждаетъ всѣ соблазны злобы и всякое находящее искушеніе... (Т. е., въ комъ вселится благодать и сила Христова, тотъ благодатію Христовою побѣждаетъ всякій соблазнъ и всякое искушеніе); какъ сказано: «побѣждается естества чинъ»...

Блаженъ побѣждающій, (т. е. праведникъ, не познавшій великихъ грѣхопаденій), но бываетъ блаженъ и побѣжденный... Который же?—Тотъ, кто (кается и востаетъ) подобно Давиду, который, бывъ побѣжденъ прелюбодѣяніемъ съ чужою женою, бывъ побѣжденъ убійствомъ ея мужа, бывъ побѣжденъ гордостнымъ помысломъ, (желаніемъ узнать), сколько міра ему подвластно, бывъ такъ сильно побѣжденъ этими тремя язвами, что душа его изъязвилась какъ проказой,—столь скорбно возболѣзновалъ душею своею, что восчувствовалъ болѣзнь и во всемъ тѣлѣ своемъ... Восчувствовалъ Давидъ содѣянныя беззаконія, размыслилъ о исчисленіи войновъ своихъ, покаялся въ содѣянномъ беззаконіи, говоримъ, въ содѣянномъ прелюбодѣяніи и убійствѣ... Явилъ онъ такое покаяніе предъ Богомъ и столь раскаялся, что язвы тѣ стали блистающими ризами церкви, златотканными украшеніями Богослуженій и драгоцѣнными одеждами Давиду!..

И опять блаженъ бываетъ побѣжденный, но кто таковъ?—Тотъ, кто подобенъ Преподобной Маріи (Египетской), которая, будучи побѣждена блудомъ міра и ставъ блудницею семнадцать лѣтъ, по семнадцати лѣтахъ показала толикое покаяніе Богу,—не какъ Давидъ, не какъ Манассія, не какъ аскеты пустыни, но какъ никто другой; такое показала она покаяніе Богу, что стала свѣтильникомъ Египта!..

Блаженъ и тотъ, кто побѣждается, но который? Тотъ, кто исповѣдуетъ, (по паденіи своемъ) Христа Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, кто подобенъ разбойнику, узнавшему во Христѣ Бога, исповѣдавшему Его Божество (на крестѣ) и сказавшему: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!...»

---

[1]) Т. е., чуждымъ Богу.

ГЛАВА XI.

Іуда предатель, какъ примѣръ несказаннаго долготерпѣнія Божія. Его происхожденіе, смертные грѣхи его юности, апостольство и хозяйственная должность у Апостоловъ. Попытка его присвоить власть духовную и ограничить милосердіе Христово; лукавыя побужденія вызвавшія предательство и самоубійство.

Не соблюдаешь ты постоянной рѣшимости твоей, т. е., не стоянно предложеніе твое въ духовномъ подвигѣ, не мирствуетъ настроеніе твое, но какъ вихрь вертится въ головѣ твоей; не знаешь ты, что творится съ тобою, ни добро добрымъ не признаешь, ни зло злымъ, какъ и Іуда, который обладалъ такимъ смысломъ, что сладкое для него дѣлалось горькимъ, а горькое сладкимъ. Сіе явствуетъ изъ того, что онъ повѣсился на древѣ, дабы сдѣлать тѣмъ себѣ обрученіе вѣчнаго мученія... Богъ же не попускалъ Іудѣ совершить желаемаго, т. е. промыслительно дѣлалъ такъ, что первыя попытки самоубійства ему не удавались. Богъ, какъ непомнящій зла, возбранялъ Іудѣ, — не покается-ли онъ, какъ Манассія, или какъ разбойникъ, или какъ блудница, онъ же, сей Іуда вертоголовый, оставался такимъ же, какимъ былъ раньше; снова обращался, головой своей и расположеніемъ, т. е. мыслію и сердцемъ ко злу, уклоняясь отъ милосердія Божія!.. Онъ Господа предалъ, Богъ же, милосердуя о немъ, повелѣлъ вѣтви, (на которой онъ повѣсился), приклониться, и наклонилась она; но Іуда, порабощенный зломъ, устроилъ себѣ мѣсто еще выше, взлѣзъ на это мѣсто, укоротилъ петлю для своей шеи и бросился съ высочайшаго мѣста, дабы совершить несовершившееся и завершить тѣмъ вся злая своя!.. Богъ опять нагнулъ вѣтвь, но сей, ненасытный зломъ, снова завязалъ петлю, устроивъ третій этажъ высотѣ своего зла, которымъ и погубилъ себя; снова влѣзъ на высоту третьяго этажа, навязалъ себѣ петлю на шею, и сбросилъ нечистое свое тѣло съ третьей степени высоты,—говоримъ (тѣло треоскверненное) убійствомъ отца, прелюбодѣяніемъ съ матерію и убійствомъ брата».

Примѣчаніе. Выше Святой сказалъ о исторіи Іуды: «какъ мы слышимъ» —и на самомъ дѣлѣ объ Іудѣ существуетъ извѣстное на Востокѣ преданіе, на которое намекаетъ здѣсь Святой. Въ одномъ изъ списковъ книги о Святомъ Нилѣ это преданіе приведено цѣликомъ, и мы его также считаемъ нужнымъ привести.

Іуда происходилъ изъ селенія Искаріи. Имя отца его—Ровель. Передъ зачатіемъ Іуды мать увидала страшный сонъ и съ крикомъ проснулась. На вопросъ мужа она сказала, что видѣла, что зачнетъ

и родитъ мужескій полъ и будетъ онъ разрушителемъ рода Іудейскаго. Мужъ же укорилъ ее за вѣру во сны. Въ ту же ночь она зачала, (не внявъ, слѣдовательно, сему предостереженію отъ Бога) и посемъ родила сына. Ввиду того, что воспоминаемый сонъ продолжалъ устрашать ее, они согласились съ мужемъ выкинуть ребенка на волю судьбы; сдѣлали ящикъ и, осмоливъ его, положили въ него младенца и бросили въ озеро Геннисаретское. Напротивъ Искаріи находился небольшой островъ, на которомъ зимой пасли овецъ и жили пастухи; къ нимъ то и принесло ящикъ съ младенцемъ; пастухи вынули его изъ воды, накормили ребенка овечьимъ молокомъ и отдали нѣкоей женщинѣ вскормить его; эта женщина назвала ребенка Іудой. Когда онъ нѣсколько подросъ пастухи взяли его отъ кормилицы и привели въ Искарію, чтобы отдать кому-нибудь въ пріемыши; тутъ повстрѣчался съ ними отецъ Іуды,—Ровель, и, не вѣдая, что это его сынъ, взялъ его къ себѣ въ пріемыши. Отецъ и мать очень полюбили Іуду, который былъ лицомъ весьма красивъ и, скорбя о брошенномъ въ воду сынѣ, усыновили Іуду. Послѣ этого родился у нихъ сынъ и Іуда сталъ завидовать ему, опасаясь, какъ бы не лишиться изъ за него наслѣдства, ибо Іуда по природѣ былъ золъ и сребролюбивъ. Іуда сталъ безпрестанно обижать брата своего и бить его, за что родители часто наказывали Іуду, но Іуда все болѣе и болѣе разжигался завистію къ брату, увлекаемый страстью сребролюбія и, наконецъ, воспользовавшись однажды отсутствіемъ родителей, умертвилъ брата. Схвативъ камень, онъ убилъ брата, а затѣмъ, испугавшись послѣдствій,—бѣжалъ на тотъ островъ, на которомъ его вскормили и, здѣсь поступилъ въ услуженіе въ еллинскій домъ, въ которомъ въ концѣ концовъ вошелъ въ прелюбодѣйную связь съ женою сына хозяина, и убивъ его, бѣжалъ въ Іерусалимъ. Въ Іерусалимѣ Іуду приняли во дворецъ Ирода, гдѣ Иродъ полюбилъ его за ловкость и красивую внѣшность; Іуда сталъ управителемъ дворца и покупалъ все потребное. Родители же его, не зная, что онъ убилъ ихъ сына, и, видя, что онъ безъ вѣсти пропалъ, скорбѣли о немъ. Такъ прошло много времени; наконецъ произошли въ Искаріи великія смуты, такъ что Ровель съ матерью Іуды переселились въ Іерусалимъ, и купили себѣ домъ съ прекраснымъ садомъ, рядомъ со дворцемъ Ирода. Тогда то и убилъ Іуда отца своего, какъ будетъ изложено устами Святаго ниже, женился на матери своей и родился у нихъ сынъ. Посемъ, случайно въ бесѣдѣ съ женою, открылось, что они суть кровныя—сынъ съ матерью; Іуда, оставивъ мать пошелъ ко Христу съ намѣреніемъ покаяться, былъ взятъ Христомъ въ ученики, сдѣланъ казнохранителемъ и распорядителемъ, но по сребролюбію своему продолжалъ похищать деньги и тайно отсылать ихъ матери, якобы ради пропитанія ея.

И позналъ Іуда беззаконіе свое, т. е., что взялъ въ жены

мать свою, убивъ ея мужа, который былъ отцемъ ему и убивъ отрока, который былъ братъ ему, узналъ изъ словъ матери своей, такъ какъ раньше о семъ не зналъ; и услыхавъ, что Іисусъ учитъ въ окрестностяхъ Іерусалима, (сирѣчь призываетъ грѣшниковъ къ покаянію), пошелъ, нашелъ Его и присоединился къ Нему, чтобы слѣдовать за Нимъ.

Увидавъ сего Іуду, Іисусъ Христосъ понялъ, что онъ—человѣкъ доброненавистный, зломышленный и злообразный, но принялъ его съ великою радостію, дабы уврачевать душу Іуды. И возвелъ Іуду Христосъ въ распорядители надъ всѣми апостолами, чтобы онъ распоряжался всѣмъ; и приказалъ апостоламъ Христосъ: все потребное для плоти, въ чемъ нуждаетесь, спрашивайте у Іуды.

Услыхавъ это повелѣніе Христово, апостолы исполняли его съ готовностію, не роптали по поводу того, что творилъ Іуда и никогда не жаловались на него Христу, хотя и видѣли многія его ослушанія или безчинія, ибо всякое слово Христа принимали отъ Него, съ рѣшимостію исполнить его на дѣлѣ. Поэтому и не роптали нисколько на брата своего Іуду. Тогда Іуда былъ братомъ апостоловъ и ученикъ Христовъ; Христосъ умылъ ему ноги, какъ и прочимъ апостоламъ; послѣ-же предательства сдѣлался онъ братомъ діавола, ученикомъ Денницы и сталъ какъ одинъ изъ другихъ діаволовъ. Тогда онъ былъ апостолъ, нынѣ же діаволъ... Это (случилось съ нимъ) потому, что апостолы, исполняя на дѣлѣ (слова Христовы), сдѣлались столбами райскими, Іуда же, хотя и внималъ словамъ Христовымъ, но не слушалъ ихъ съ готовностію, безропотно и не имѣлъ рѣшимости къ дѣлу, т. е., чтобы исполнять ихъ на дѣлѣ, (слушался) съ ропотомъ и повиновался неохотно. Апостолы держались за слова Христовы, какъ за столбы непоколебимые и стали сами столбами райскими; Іуда же держался за слова Христовы, какъ за столбъ гнилой и самъ сдѣлался обваломъ, т. е. какъ бы оторвался и отвалился отъ части Господней и апостоловъ, низвергшись въ преисподнюю ада.

Не ограничился онъ тѣмъ, что имѣлъ власть внѣшняго распоряженія надъ всѣмъ мірскимъ, — говоримъ: надъ сокровиществованіемъ, продажей и покупкой, но возжелалъ захватить въ свое распоряженіе и внутренній обмѣнъ; говоримъ: желалъ Іуда возбранить людямъ приносить Христу вѣру, мѵро и Божественную славу, т. е., не хотѣлъ давать людямъ чтить Христа, какъ Бога, славить Его, какъ Бога и возливать, на Него драгоцѣнное мѵро на что люди того времени расходовались, какъ тратятся и нынѣ люди, чтобы приносить дары въ церковь, говоримъ для литургіи, которая есть отпечатокъ Христовъ; ѳиміамъ же, (возжигаемый въ кадилѣ и приносимый Господу въ Богослуженіи) есть типъ (или отпечатокъ) мѵра (возліяннаго на Господа при жизни); какъ говоритъ Пророкъ-царь

Давидъ: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою...» Свѣча же, носимая предъ священникомъ на выходахъ, есть типъ Честнаго Предтечи Крестителя и его ученія въ пустынѣ передъ пришествіемъ Христовымъ, какъ сказано у Пророка «Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, исправьте путь Господень...» И опять: «Покайтеся, приблизилось Царствіе Небесное...» И опять: «Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра...» И опять: «Я крещу васъ водою, но грядетъ крѣпчайшій Меня, которому я недостоинъ отрѣшить ремень отъ сапогъ Его, Тотъ креститъ васъ Духомъ Святымъ и огнемъ...» (Лук. 3, 4—6 и Іоан. 1, 36).

Это, (т. е. эти жертвы Христу какъ Богу) и хотѣлъ воспретить Іуда, вознамѣрившись воспрепятствовать (приношенію ихъ, т. е. изліянію мvра на Христа)—но самъ былъ возбраненъ и низвергся съ безграничнымъ своимъ сребролюбіемъ, коварный, которымъ прельстилъ его Денница, во адъ,—слѣдующимъ образомъ.

Одна душа принесла Христу мvро многоцѣнное; Христосъ повелѣлъ сохранить его на время погребенія Его, Сына Человѣческаго; Іуда же искалъ продать его, ибо стоимость цѣны его была чрезмѣрна. Христосъ же сказалъ: „Да сохранится оно на день погребенія Моего..."

Нѣчто подобное случилось и въ то время, когда Іуда попралъ садъ отца своего, взявъ прекраснѣйшіе, именуемые ароматами, цвѣты; мать убоялась что-либо сказать ему, такъ какъ онъ былъ царскій человѣкъ; Іуда же и не спрашивалъ у матери (позволенія сорвать цвѣты); но, будучи хищникомъ и властителемъ самъ смѣло сорвалъ благоуханные и драгоцѣнные цвѣты, вышелъ вонъ изъ дому отца и встрѣтилъ отца передъ дверьми, возвращающагося съ работы въ домъ свой. Отецъ, увидя въ рукахъ Іуды ароматы, спросилъ: „Зачѣмъ сорвалъ ты эти благоуханія?"—Іуда же съ великою дерзостію отвѣчалъ: „Нужны они мнѣ, что спрашиваешь?" — Отецъ же, когда услыхалъ такое слово отъ Іуды, разгнѣвался и сказалъ: „тебѣ нужны, а мнѣ не нужны?"—(Потому и) Христосъ изрекъ Іудѣ:—„оставь, оно Мнѣ нужно на время погребенія Моего...".

Іуда же сказалъ отцу: „какъ разговариваешь ты смѣло со мною, не знаешь развѣ что я царскій человѣкъ?"—Отецъ же сказалъ ему: „пусть ты и царскій человѣкъ, зачѣмъ же дерзко говоришь такъ мнѣ? Что мнѣ тебя бояться? Какъ смѣлъ ты взойти въ домъ мой и взять вещь безъ спросу",—и попытался отецъ отнять ихъ изъ рукъ Іуды. Іуда же, будучи заносчивъ и гордъ, не перенесъ словъ отца своего, не позволилъ выслушать отъ него даже малаго слова, но тотчасъ схватилъ въ руки камень и, ударивъ имъ по головѣ, убилъ отца своего,—отцеубійца Іуда!.. Съ великою надменностію пошелъ онъ затѣмъ къ повелителю своему и показалъ ему ароматы. И сказалъ ему повелитель: „какимъ образомъ дали ихъ тебѣ?"—И сказалъ Іуда: „я не искалъ

того, чтобы мнѣ ихъ дали, но убилъ его и взялъ!“—Сказалъ ему повелитель: „правда ли, что говоришь?“—Говоритъ Іуда: „свидѣтельствуюсь жизнью моею, я убилъ его, господинъ мой, ибо поносилъ онъ повелительство твое и меня оскорбилъ“.—Сказалъ повелитель: „сейчасъ пошлю человѣка, узнать правда ли что говоришь, и если это вѣрно, то изгоню я тебя изъ палатъ моихъ и накажу какъ слѣдуетъ, ибо не ему ты сдѣлалъ, но мнѣ сдѣлалъ ты такое безчестіе“.—Послалъ повелитель человѣка, тотъ нашелъ его убитымъ; возвратился посланный и возвѣстилъ о случившемся; повелитель, услыхавъ, что это правда, разгнѣвался и смутился зѣло. Іуда же, будучи лукавъ, прибѣгъ къ защитѣ ходатаевъ; и пошли вмѣстѣ съ нимъ (къ царю заступаться за него дворцовые люди); повелитель же, увидавъ, что возмутились дворцовые люди, смутился, оказалъ ему снисхожденіе, пожалѣлъ его, и, согласно закону, повелѣлъ, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены жену убитаго мужа. Іуда, какъ сосудъ лукавый зла, принялъ это, мать же не желала и говорила, что беретъ другаго, а этого не хочетъ, но повелитель грозно повелѣлъ ей, дабы она не смѣла брать другого, но только этого. Ввиду такой бѣды, мать, не желая, приняла его,—и взялъ Іуда мать свою себѣ въ жены...

Потому и сказалъ Христосъ, (чтобы напомнить Іудѣ все это), что пусть останется мvро на время погребенія Моего...

И закипѣло кипѣніе въ сердцѣ кипящаго злобою, Христосъ же, какъ Сердцевѣдецъ, понялъ замыселъ Іуды...

Въ день тотъ, по омовеніи ногъ апостоламъ, когда всѣ сотрапезовали и Іуда былъ при семъ, во время трапезы воздохнулъ Христосъ и сказалъ, что изъ васъ двѣнадцати есть одинъ, который предастъ Меня въ руки человѣковъ грѣшниковъ. И говорили апостолы между собою: кто есть тотъ, который предастъ Его? Христосъ же, увидавъ это волненіе среди апостоловъ, сказалъ, что протягивающій руку свою передо Мною, — и Іуда тотчасъ протянулъ руку свою передъ Христомъ (къ солилу).

Не попустилъ Христотъ произойти смутѣ, какъ сіе свойственно нынѣшнимъ людямъ, но далъ одну только примѣту и ничего больше не говорилъ...

Тогда предалъ Онъ жертву Литургійную [1]), которую мы возносимъ и нынѣ... Потомъ, послѣ трапезы удалился Іуда отъ союза апостольскаго, скажемъ лучше, отъ братій своихъ, сталъ союзникомъ Денницы и братомъ діаволу...

И сказалъ коварный въ своемъ коварномъ и нечистомъ помыслѣ: возьму дары отъ ищущихъ Его, попрошу (еще), и, что попрошу, мнѣ дадутъ... Тотчасъ пошелъ онъ въ синагогу еврейскую и великимъ гласомъ сказалъ: что даете мнѣ,—и я предаю вамъ Его? — Евреи тот-

[1]) Заповѣдь объ евхаристіи словами: „Сіе творите въ мое воспоминаніе“.

часъ одарили его тридцатью сребренниками. Получивъ ихъ Іуда сказалъ: послѣдуйте за мной. Взявъ въ руки свѣтильники, палки, ножи, веревки, и другіе подобные бичи, они послѣдовали за нимъ...

Іисусъ Христосъ тогда молился, послѣ молитвы пришелъ къ апостоламъ и сказалъ: „Бдите и молитесь; не вѣдаете ни дня, ни часа... ибо Сынъ Человѣческій предается“... Опять пошелъ на мѣсто молитвы Своей и молился на многъ часъ... Снова пошелъ къ апостоламъ, увидѣлъ ихъ спящими и сказалъ съ кротостію. „Возстаньте, бдите и молитесь, ибо не вѣдаете, ни дня, ни часа.. ибо Сынъ Человѣческій предается...“ Опять пошелъ къ мѣсту молитвы Своей, молился, и говорилъ: „Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія“. Тотчасъ, при этихъ словахъ Его, приспѣлъ Іуда со свѣтильниками, отъ множества огней стало свѣтло какъ днемъ, часъ же былъ ночной... И сказалъ Іуда евреямъ, „Кого я обниму и облобызаю, того хватайте“... Тогда вошло множество воиновъ туда, гдѣ были собраны вмѣстѣ апостолы. Іуда, со сребренниками въ рукѣ, обнялъ хищно нечистый Чистаго, сказалъ: „Радуйся Равви,“ коварно приложилъ сквернѣйшія свои губы къ нескверному Лику и, оказавъ Ему сію честь предъ воинами, предоставилъ Его имъ, удалившись самъ во тьму сребролюбія (т. е. во мракъ со своимъ сребролюбіемъ, отъ Свѣта Христа—къ діаволу)... И схватили Христа воины; апостолы же, увидавъ Его схваченнымъ воинами, весьма смутились. Петръ, схватилъ одного раба, повергъ его внизъ, выхватилъ короткій ножъ, который имѣлъ и, побуждаемый ревностію, урѣзалъ рабу ухо. Тогда воскликнулъ Христосъ и сказалъ: „Петре! Петре! вложи ножъ въ ножны, ибо ножъ (если) даешь, ножъ и пріемлешь...“ И взяли Христа, какъ разбойника, на судилище, и „поучашася тщетнымъ на Господа и на Христа Его (Пс. 22)“. Тогда поруганіе окружило Его!.. Красная хламида облекла Его!.. Терновый вѣнецъ возложили на главу Его, надъ которою трепетала рука Предтечи!.. Очи Его завязали и біеніями били Его!.. Слова пророчецій требовали отъ Него!.. И иными непомѣрными (терзаніями) терзали!..

Увидѣвъ эти страсти Христовы помраченный сребролюбіемъ Іуда — разомрачился и весьма раскаялся, но не припалъ къ покаянію,—говоримъ, ко Христу, и, горько плача не оплакалъ беззаконіе свое, подобно Петру, но пошелъ и повергъ сребренники тамъ, гдѣ ихъ пріялъ и сказалъ: „Зло сотворилъ я, возьмите ваши сребренники...“ Отвѣчали ему книжники и сказали: „Ты узришь...“ И были озабочены, говоря между собою, что не достоитъ класть ихъ въ корвану; озабоченно они вопрошали, что съ ними сдѣлать?—наконецъ сдѣлали странно-погребальницу, которая обрѣтается и понынѣ...

Потомъ Іуда, бросивъ тамъ сребренники, удалился въ глубокое мѣсто и удаляясь былъ озабоченъ, что такое сдѣлать, тамъ (въ оврагѣ). Когда онъ размышлялъ объ этомъ, пришелъ ему (на умъ) скверный

помыслъ совершить самоубійство. Внялъ нечистый нечистому и совершилъ то дѣло слѣдующимъ образомъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ размышлялъ, было одно дерево, какъ нарочно для казни. Тотчасъ снялъ Іуда съ себя поясъ, который былъ изъ верблюжьей шерсти, однимъ концемъ его затянулъ свою шею, другимъ—привязалъ себя къ дереву... вѣтвь въ тотъ же часъ наклонилась, (т. е. когда онъ свергся, чтобы повиснуть)...

Богъ же не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Всевозможнымъ образомъ дѣйствовалъ Богъ, чтобы не повѣсился (Іуда), ибо Іуда былъ все же человѣкъ, Богъ, ожидалъ покаянія Іуды. Но Іуда не освобождалъ себя изъ петли, чтобы пойти, припасть къ подножію креста и сказать: „Я Тебя распялъ, прости меня!.. Моя злая мысль вознесла Тебя на крестъ; благосердствуй обо мнѣ...“ Если бы изрекъ онъ передъ крестомъ эти три слова, исполнивъ ихъ и дѣломъ, (выразивъ свое покаяніе), Христосъ принялъ бы его. А какимъ же исполнить дѣломъ?—Дѣло сіе: дабы слезилъ горько, стеналъ рыдая и жалостно плакалъ; но Іуда такъ не поступалъ (т. е. не хотѣлъ повергнуться на землю передъ крестомъ Христовымъ во спасеніе свое), но повергался на землю, чтобы повѣситься, (не взирая на то, что) вѣтвь приклонялась, а на крестѣ былъ предружелюбнѣйшій Христосъ, (о Которомъ Іуда могъ быть несомнѣнно увѣренъ, что Онъ не отвергнетъ его покаянія)!.. Какъ дружелюбствовалъ Василій Великій Іосифу, (котораго крестилъ на смертномъ своемъ одрѣ), такъ дружелюбствовалъ и Христосъ Іудѣ, ожидая отъ него покаянныхъ словъ, но Іуда (вмѣсто того, чтобы сказать эти слова, предпочиталъ) крѣпко затянуть петлею горло свое—Искаріотъ!.. Взираетъ вдаль Христосъ на обѣ стороны креста Своего, не увидитъ ли Іуды... Онъ, Который жаждетъ спасенія людей, жаждалъ также Іудинаго покаянія и искалъ его... Великимъ гласомъ Христосъ со стенаніемъ воскликнулъ: „жажду“; Іудеи поняли, что Онъ требуетъ воды и съ своимъ Іудейскимъ безстыдствомъ, наложивъ губу на трость, напоили его желчью и уксусомъ... Опять воскликнулъ Онъ и сказалъ: „свершилось“... Скажи теперь, чего ради пришелъ Іуда ко Христу повидать Его?—ради своей гибели или спасенія? Если для спасенія, то почему погибъ злосчастный?—Потому что не имѣлъ твердой вѣры пренетвердѣйшій (пренепостояннѣйшій).

ГЛАВА XII.

Почему не всякая молитва Святыми исполняется.

Желалъ бы сей Преподобный, (Святой говоритъ про себя), щедро разливать чудеса милосердія, цѣлить бѣсноватыхъ, хромыхъ и болящихъ отъ всякія болѣзни и немочи, но лукавство и невѣріе человѣческое возбраняетъ сему, подобно тому, какъ лукавство и невѣріе лукавыхъ іудеевъ возбранило силѣ апостольской... Посему воскликнулъ Господь: „О роде невѣрный и развращенный! доколѣ буду съ вами...“ тогда подвели бѣсноватаго ко Христу и тотчасъ исцѣлился болящій. Апостолы вопросили Христа, почему они не могли исцѣлить его? Отвѣчалъ Христосъ: „Ради невѣрія вашего; родъ сей ничѣмъ не изгоняется, только молитвою и постомъ...“ (Матѳ. 17, 20, 21).

Преподобный благорасположенъ исполнить всякое прошеніе того, кто молится и призываетъ его съ вѣрою, не лукаво, имѣя готовность при семъ (къ добродѣтельной жизни и спасенію)... Но кто сіи блаженные?—Тѣ, которые добронравны, и, получивъ помощь отъ святого, укрѣпляются въ вѣрѣ и молитвенномъ благодареніи преподобному... Но злонравный... и злообразный, какую помощь можетъ получить?! Если исполнится желаніе его, онъ будетъ потомъ непослушнымъ, (т. е. если и откроется ему путь ко спасенію, онъ все равно, не пойдетъ этимъ путемъ), будетъ воромъ, (т. е. восхититъ милость воровски, пребывая вѣрнымъ слугой діавола), убійцею (т. е. человѣконенавистникомъ, не смотря на полученную милость), и такимъ же невѣрующимъ (какимъ былъ) и раньше въ своемъ лукавствѣ... Не исполняетъ преподобный (желаній) сихъ (людей) и прочіе преподобные не хотятъ слушать таковыхъ, но предаютъ этихъ людей согласно гласу апостольскому, „сатанѣ во изможденіе *) плоти, да духъ спасется въ день Господень...“ (1 Кор. 5, 5).

ГЛАВА XIII.

О потребности самопонужденія къ очищенію сердца своего.

Силою, силою понуждая себя, понудься искоренить изъ твоей души ехидненный ядъ безпечности, которымъ отравился ты и не разумѣваешь того, несчастный человѣче!..

---

*) „Предаютъ сатанѣ во изможденіе плоти“, т. е. не даютъ просимыхъ благъ земныхъ, не избавляютъ отъ бѣдствій и страданій, чтобы сими скорбями спасти душу.

Силою, силою, понудь себя, понуждаяся, чтобы избавиться отъ ехидненнаго яда нерадѣнія, которымъ ты отравился! (ехидненный сей порокъ весьма лукавъ). О, силою, силою, понуждая себя, понудься отцѣпить отъ себя погибельный ядъ—хулы!..

О, силою, силою, понуждаемый, понудь себя отвязаться отъ тартарскаго яда обжорства, а также тщеславія, которымъ ты отравился и не разумѣваешь того, несчастный человѣкъ... (Святой здѣсь становитъ порокъ тщеславія рядомъ съ объядѣніемъ,—не потому-ли, что любовь къ похвалѣ есть такое же лакомство для души, какъ снѣдь для чрева?)

О, силою, силою, понуждаяся, понудь себя отвязаться отъ огненнаго яда злопамятства, которымъ ты огне-отравился и неразумѣваешь того, несчастный человѣче!..

О, силою, силою, понуждаяся, понудь себя (освободиться отъ вцѣпившагося въ тебя) когтя горькоядія лжи, которою ты горько отравился и не понимаешь того, несчастный человѣче...

О, силою, силою, понуждаяся, понудь себя съ насильемъ искоренить изъ себя желчный ядъ злорадства, которымъ ты желче-отравился и нисколько не вѣдаешь того, человѣче...

О, силою, силою, понуждаяся, понудься исторгнуть изъ себя семь когтей дракона міра сего, которые впились въ злое твое расположеніе, а также въ нечистоту мысли твоей... т. е. семь страстей.

Эти усиленныя воззванія Святаго показываютъ, сколь великая борьба и понужденіе потребны желающимъ улучить спасеніе, чтобы освободить сердце свое отъ столь распространившихся пороковъ).

ГЛАВА XIV.

Пшеница пахаря для посѣва и пшеница мельника для размола; дѣла благодатныя и дѣла вражіи.

Потомъ разберется основа, т. е. сердечныя намѣренія въ каждомъ [1]) дѣлѣ; будетъ явлено, которая пшеница пригодна на сѣмена и которая на размолъ. Говоримъ: будетъ явлено, кто причастенъ силѣ Божественной благодати и кто порабощенъ безсиліемъ безсильныхъ [2]), которымъ насилуютъ они людей.

Дѣла благодати суть какъ пшеница земледѣльца, который, посѣявъ ее въ землю, современемъ пожинаетъ, собираетъ въ житницу, и не оскудѣваютъ житницы.

---

[1]) Срвн. 1 Кор. 4, 5—„Пріидетъ Господь, Который освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія“.

[2]) Т. е., духовъ злобы.

Мельникъ сыплетъ пшеницу въ мельничный ящикъ; она растирается внизу подъ камнемъ; дѣлается прахомъ, яко дымъ; исчезаетъ обликъ пшеничный и видѣніе лица ея... Такъ и безсильный (діаволъ) съ безсиліемъ своимъ кладетъ людей въ ящикъ [3]) совѣщательнаго своего безсилія; человѣкъ падаетъ внизъ подъ камень погибели, исчезаетъ яко дымъ и скрывается отъ лица земли...

Сѣменное зерно пшеницы сѣется въ землю, восходитъ и плодоноситъ на землѣ, — такова же сила и Божественной благодати, посѣваемая въ человѣкѣ, которую потомъ люди собираютъ и сокровиществуютъ въ житницы силы ихъ; она преизбыточествуетъ въ ихъ мысленныхъ житницахъ, такъ что не возмогаютъ они вмѣстить ее и въ житницахъ своихъ и въ пристройкахъ...

Невмѣстимый же Христосъ не только вмѣстился въ чувства человѣка, но тамъ сѣется и паки сокровиществуется въ ящикъ [4]) мысли человѣка; паки сѣется, паки собирается, — пока не исполнится отпаденіе Денницы...“—(Т. е. пока не исполнится человѣками число отпадшихъ ангеловъ).

ГЛАВА XV.

Бѣгство Іоны произошло промыслительнымъ попущеніемъ Божіимъ. Покаяніе Ниневіи.

Въ городѣ Ниневіи люди сперва были богобоязненны, но слѣдующія поколѣнія забыли Бога и воздѣлывали злыя похотѣнія свои, подобно развращеннымъ допотопнымъ людямъ. Господь Богъ, видя, что низверглись люди въ погибель погибели, въ семиглавіе беззаконія, многоразличными путями пытался освободить градъ отъ плѣна погибели и семиглавія беззаконія. Но жители града желаніями своими покланялись царицѣ погибели и семиглавію беззаконія... Какую же помощь оставалось Богу оказать граду сему, который добровольно предавалъ самъ себя въ пасть царицы погибели и семиглавія беззаконія? Видитъ Богъ градъ

[3]) „Совѣщательное безсиліе“ — это внушаемые діаволомъ грѣховные помыслы, которые часто обставляются хитрыми, якобы разумно логическими. сатанинскими доводами. Напр... „И увидѣла Ева, что дерево (запрещенное) хорошо для пищи, пріятно для глазъ и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе“—Быт. 3, 4.

[4]) Мысль та, что полученную благодать должно пріумножать и возгрѣвать подвигами, чтобы на пять или два таланта данной (каждому въ мѣру силъ) благодати Христовой пріобрѣсти другіе таланты, срвн. притчу Спасителя о талантахъ, Матѳ. 14, 30. „Данный тебѣ талантъ отъ Бога трудолюбно дѣлай, душе моя“, копіетъ Церковь. Въ частности священнослужители, получившіе отъ Бога особую благодать, (сравнительно съ мірянами), должны молитвою, священнослуженіемъ и усердными подвигами непрестанно „возгрѣвать даръ Божій, живущій въ нихъ, 2 Тим. 1, 6 срвн. 1 Тим. 4, 14.

Ниневію, что нуждается онъ въ помощи, но никого нѣтъ въ городѣ, чтобы ему помочь; есть люди (т. е. рабы Божіи) во градѣ, но нѣтъ такого, который былъ бы способенъ освободить, т. е. обличить жителей и возбудить ихъ къ покаянію.

Точно также не осталось никого и въ требующей помощи Горѣ сей Аѳонской, дабы освободить ее отъ плѣна погибели семиглаваго беззаконія; хотя и находится кой-кто въ Горѣ сей, но онъ недостаточенъ [1]), чтобы освободить ее отъ сего плѣна.

Видитъ Богъ, что почти весь градъ Ниневія уклонился въ погибель погибели и въ погибель нечестія; узрѣлъ Богъ таковое воздѣлываніе зла,—и повелѣлъ пророку Іонѣ, подобно Ною, проповѣдывать покаяніе. Однако Іона не исполнилъ повелѣнія Господа, но по морю бѣжалъ отъ Лица Божія.

Однако эта жестокость сердца Іоны была попущена Богомъ. Ибо Богъ видѣлъ, что, если пошлетъ къ Ниневитянамъ, творящимъ такія беззаконныя дѣла Іону по суху, то Іона, прійдя во градъ сей ради проповѣди покаянія,—не будетъ услышанъ; говоримъ: не будутъ Ниневитяне слушать проповѣди Іоны, но поругаются надъ нимъ препоругательно, и способны будутъ лишь къ тому. чтобы изгнать его изъ городскихъ стѣнъ вонъ, бія его. Разумѣвая все это пророческимъ чувствомъ, Іона ожесточился сердцемъ своимъ, ибо они сказали бы Іонѣ. «ты-ли беззаконникъ пришелъ исправлять насъ?»

Сердцевѣдецъ же и Премудрость Божія, Который создалъ сердце человѣка и вѣдаетъ всѣ помышленія человѣка, вѣдалъ о сердцѣ Ниневитянъ, что оно было неподобное; ради этого и не умягчилъ къ сему сердца Іоны.

Іона же отговаривался предъ Богомъ слѣдующей отговоркой: «Божество Твое милосердо и милостиво: если возвѣщу я граду Ниневіи глаголъ сей, то они покаются, Ты отмѣнишь Свой приговоръ по безграничному милосердію Твоему, помилуешь ихъ, а я окажусь лжецомъ въ тѣхъ словахъ, которыя буду проповѣдывать. Поэтому никогда не пойду я туда».

Такой отвѣтъ воздалъ онъ Богу и по морю бѣжалъ отъ Лица Божія.

Богъ же [2]) повелѣлъ четыремъ вѣтрамъ воспротивиться кораблю; корабль такъ раскачало на морскихъ волнахъ, что моряки рѣшили, что потонутъ. Моряки выбросили весь грузъ въ море, чтобы облегчить корабль. Но кораблю отъ этого ничуть легче не стало. Говорили моряки: «что есть сіе?» Іона же спустился въ трюмъ и заснулъ отъ многаго страха. Моряки, увидавъ Іону спящимъ въ трюмѣ корабля, стали

---

[1]) Т. е. не обладаетъ достаточными для сего силами духа.

[2]) Не стѣсняющій свободной воли человѣка.

укорять его и говорили между собою: «Не видали мы когда-либо человѣка, который бы такъ спалъ... Мы погибаемъ въ морѣ, а сей спитъ и почиваетъ». Отвѣчалъ Іона и сказалъ: «Что намъ дѣлать?—я сего не знаю». Сказали моряки: «Хлѣбъ накладывать въ тѣло свое знаешь, а Бога молить не знаешь?» Говорили моряки между собою, что никогда не находило на нихъ такой непогоды; потомъ сказали: «метнемъ жребій, чтобы узнать, ради кого изъ насъ сотворилось сіе зло?» Бросили жребій и палъ жребій на Іону. Іона сейчасъ же открылъ свою ошибку предъ всѣми моряками и сказалъ, что онъ преслушалъ Бога, бѣжалъ отъ Лица Его и просилъ моряковъ ввергнуть его въ море, дабы и они не погибли вмѣстѣ съ нимъ. Выслушавъ сіе моряки сказали Іонѣ: „Да простишь намъ равви, что мы такъ обезчестили тебя...“—Простилъ Іона то безчестіе, которое они ему сотворили, оскорбивъ его съ такимъ негодованіемъ. Потомъ моряки выбросили его въ море... Богъ же повелѣлъ рыбѣ, называемой Драмидіонъ, принять Іону во чрево свое за то, что исповѣдалъ онъ ошибку свою предъ людьми. Богъ оказалъ помощь Іонѣ, чтобы не погибъ онъ въ морѣ, (т. е. и за исповѣдь и за самоотверженное сострадание къ спутникамъ своимъ).

Такъ бываетъ и нынѣ: когда кто сознаетъ ошибку свою и исповѣдуетъ ее предъ людьми, Богъ посылаетъ тотчасъ-же Ангела Своего, который покрываетъ его кровомъ крылъ своихъ, и исповѣдавшій свою ошибку не погибаетъ, какъ и Іона не погибъ въ морѣ.

Тогда рыба, пріявшая Іону во чрево свое, измѣнила своего естества чинъ, (досл. утратила дѣйство естества), содержа три дня и три ночи Іону во чревѣ своемъ, которое расширилось ради сего, (т. е. по естеству у кита горло весьма узкое, но оно, какъ и чрево, расширилось чудомъ Божіимъ)... Іона же, находясь тамъ въ такомъ страданіи, умолялъ Бога; Богъ, услышавъ молитву его, взывавшаго «изъ чрева адова», повелѣлъ рыбѣ изблевать Іону невредимо на землю Ниневитянъ. Богъ рекъ сіе и бысть по глаголу Божію.

Посемъ Богъ опять повелѣлъ Іонѣ идти въ городъ Ниневитянъ проповѣдывать покаяніе; Іона послушалъ тогда велѣнія Божія, пошелъ въ Ниневію и проповѣдывалъ, съ великимъ гласомъ и воплемъ взывая: «Ниневитяне черезъ три дня будутъ разрушены и исчезнутъ съ лица земли»; здѣсь же пророкъ подробно сказывалъ всѣ тѣ дѣянія, которыя они содѣлали.

Такъ и я, подобно Іонѣ, говорю вамъ всѣ тѣ дѣянія, которыя вы содѣлали противъ Бога... [1])

Видятъ Ниневитяне, что Іона вышелъ изъ моря невредимо тѣломъ и немокренно одеждою; услыхавъ слова отъ Іоны, Ниневитяне боялись и

---

[1]) Преп. Нилъ сопоставляетъ здѣсь себя съ пророкомъ Іоной, а Аѳонцевъ съ Ниневитянами.

смутились весьма; тотчасъ всѣ стали каяться и обращаться къ Богу... Царь же показалъ такое покаяніе Богу, что уподобился Давиду и Манассіи. Весь городъ вмѣстѣ съ царемъ возопилъ: «Господи! да не яростію Твоею обличиши насъ, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши насъ»;—и другими превосходнѣйшими моленіями каялись они предъ глаголомъ Божіимъ, пока не скончались тѣ три дня... Итакъ, какимъ воплемъ вопіялъ, городъ тотъ къ Богу?!.. Іона же среди этого вопля градскаго удалился на возвышенное мѣсто, дабы видѣть разрушеніе города, но, такъ какъ не уничтожалъ Богъ Ниневіи ради добраго покаянія его, Іона опечалился весьма. Богъ же, чтобы удалить его печаль, повелѣлъ одной тыквицѣ вырости за ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Іона; утѣшенъ былъ нѣсколько Іона тѣнью тыквицы отъ зноя солнечнаго. И опять повелѣлъ Богъ, на утро засохла тыквица, и опечалился Іона до смерти. Говоритъ Богъ Іонѣ: «Изъ-за тыквицы-ли такъ опечалился ты, надъ которой самъ не трудился? какъ же Мнѣ не пожалѣть города Ниневіи, сотвореннаго Мною, (т. е. созданій Божіихъ въ немъ)? Вотъ я вижу вопль покаянія града предо Мною, и какъ мнитъ сердце твое о воплѣ покаянія семъ? Въ тебѣ есть печаль изъ-за тыквицы, а во Мнѣ радость о покаяніи града Ниневіи». Сіе изрекли уста Господни Іонѣ.

Видите, честнѣйшіе братія, какой отвѣтъ далъ Богъ Іонѣ? Видите, Богъ всегда есть съ вами и ожидаетъ вашего покаянія истиннаго. Обратитесь же и вы со смиреннымъ покаяніемъ къ Богу, и ваше покаяніе приметъ Богъ, какъ и покаяніе Ниневіи...

Посему съ понужденіемъ, съ понужденіемъ, поскорѣе, понужденіемъ понудьте себя къ покаянію, честнѣйшіе отцы, дабы не покинула васъ Царица Спасенія, и не возгосподствовала надъ вами царица погибели и семиглавіе беззаконія!..

ГЛАВА XVI.

Повѣсть о томъ, какъ премудрый Рамуилъ доказалъ вельможамъ и мудрецамъ Ниневитскимъ достовѣрность проповѣди Іоны.

Въ то время, какъ городъ Ниневія укрощался проповѣдью Іоны, былъ въ немъ нѣкій богатѣйшій человѣкъ, именемъ Мерхій, безчадный во плоти своей. Между тѣмъ, какъ Іона проповѣдывалъ, онъ пригласилъ нѣкоторыхъ вельможъ на пиръ; было приглашено и нѣсколько премудрыхъ въ дѣлахъ науки; пришли на сей пиръ также и семь мужей мудрецовъ. Сидя за трапезой каждый говорилъ свое слово о проповѣди Іоны: какъ это возможно, чтобы погибъ городъ сей? Услыхавъ сіе,

другой мудрецъ отвѣчалъ и сказалъ всѣмъ людямъ за трапезой сѣдящимъ: «Мужи, братія! вотъ, премудрость моя дѣйствіемъ своимъ умудрила меня въ такомъ дѣлѣ. Если поставить на высокомъ мѣстѣ магнитъ въ 50 литровъ, то онъ въ силахъ будетъ удержать 500 литровъ желѣза». Отвѣчали всѣ люди мудрецу: «Это невозможное дѣло!» Сказалъ мудрецъ: «Это невозможно для человѣка, но возможно проповѣди Іоны осуществить сіе дѣло» (т. е. если человѣку невозможно поднять магнитомъ 500 литровъ желѣза, то невозможно вѣрить и проповѣди Іоны, а если возможно, то несомнѣнна и грядущая кара Божія, возвѣщаемая Іоной). Услыхавъ сіе, другіе мудрецы позавидовали и отвѣчали сему премудрѣйшему, требуя, чтобы онъ истиннѣйше доказалъ имъ достовѣрность проповѣди Іоны, ибо—«никакъ не можетъ быть это дѣло». Отвѣчалъ премудрый и сказалъ: «Возможно есть (т. е. доказать этимъ путемъ), и сотворю сіе». 24 именитыхъ мужа возражали этому мудрецу и въ спорѣ опровергали его. При этомъ спорѣ еще больше стали завидовать ему мудрецы и переглянулись другъ съ другомъ, говоримъ, сдѣлали условный знакъ, да сотворятъ дѣло сіе; сотворили же его съ искусствомъ и премудростію; вознесли мудрецы магнитъ на высокомъ мѣстѣ и повелѣли, чтобы произошло это дѣло на самой высокой вершинѣ. Мудрецы поставили магнитъ на самомъ высокомъ мѣстѣ для того, чтобы подвергнуть желѣзо дѣйствію воздушной стихіи, чтобы никоимъ образомъ не могъ магнитъ удержать желѣза. Окончили это дѣло, было положено желѣзо предъ магнитомъ; схватилъ его магнитъ, поднялъ его и, какъ ни качалъ вѣтеръ магнитъ вмѣстѣ съ желѣзомъ, желѣзо отъ магнита не отрывалось. Наконецъ оторвалось,—но не вслѣдствіе каченія вѣтромъ, а потому, что заржавѣло желѣзо... Тогда премудрый схватилъ его, отчистилъ, и опять желѣзо было принято магнитомъ какъ прежде.

Тогда возобновилъ премудрый сей рѣчь о проповѣди Іоны и говорилъ съ великимъ гласомъ: «Мужи Ниневитяне! видите, какъ снова удержалъ магнитъ желѣзо? Ибо въ силахъ магнитъ не только 500 литровъ желѣза поднять, но въ силахъ и 500 тысячъ литровъ удержать, лишь бы не имѣлось ни на какомъ кускѣ ржавчины, потому что ржаваго [1]) желѣза магнитъ не принимаетъ». И опять взывалъ, говоря: «Мужи Ниневитяне! братія, внемите примѣру сему, который я представилъ вамъ къ проповѣди Іоны; не словомъ говорю вамъ сіе, но представляю вамъ и дѣломъ, дабы вы поняли, что проповѣдь Іоны есть истиннѣйшая... Желѣзо—суть люди огражденнаго града сего; магнитъ—есть Богъ; Чистѣйшій держитъ лишь чистыхъ людей. Равно удерживалъ Богъ и градъ сей, но потомъ осквернились люди града, и оста-

[1]) Сила сцѣпленія частицъ желѣза и магнита отъ ржавчины въ желѣзѣ ослабѣваетъ.

вилъ ихъ Богъ въ погибель. Какъ я, предуспѣвъ, отчистилъ желѣзо, и принялъ его магнитъ опять, такъ и Іона отчистилъ насъ отъ ржавчины проповѣдью покаянія, предпоставивъ насъ предъ Бога Вышняго, и опять принялъ насъ Богъ, какъ и раньше!»

Услыхавъ Ниневитяне премудрость, которую онъ представилъ имъ, (чрезъ доказательство словомъ, и дѣломъ), согласились съ нимъ и подивились уму его. Однако завистливые мудрецы, увидавъ, какъ вняли мудрецу Ниневитяне, позавидовали еще больше и, содѣлавъ всевозможныя козни, убили благословеннаго Рамуила.

ГЛАВА XVII.

Скорбь св. Іоакима и Анны, перешедшая въ радость и исходатайствовавшая міру утѣшеніе—Богородицу и Спасителя Бога. Уподобленіе голубицѣ Ноевой.

Подобно всѣмъ праведнымъ, жертву правды принесли и сіи двое праведниковъ, говоримъ, Іоакимъ и Анна, которые скорбною молитвою своею вознесли сами себя въ жертву Богу. Іоакимъ окончательно рѣшилъ *не возвращаться больше въ домъ свой* и, *молясь тамъ* (т. е. въ пещерѣ Хозевитской) сокрушенною молитвою, всесожигалъ сердце свое предъ Вышнимъ. Принята была Всевышнимъ жертва моленія ихъ, и была имъ послана помощь свыше, какъ говорится: «помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю» (Псал. 120, 2).

Кто же возможетъ намъ истолковать, что это за помощь, о которой здѣсь сказано? Во образъ сего пріимемъ Ноя, испросившаго отъ Господа помощь, вѣтвь масличную. Когда послалъ онъ голубицу изъ ковчега, посмотрѣть, есть-ли суша или нѣтъ, голубица отправилась, нашла землю сухую отъ воды; присѣвъ на масличномъ деревѣ, нѣсколько отдохнула; отломила отъ маслины вѣточку и принесла въ ковчегъ. Всѣ въ ковчегѣ, увидавъ ее, возрадовались и утѣшились, люди, животные и пресмыкающіеся...

Нынѣ люди, видя Госпожу Богородицу, держащую въ объятіяхъ Своихъ Спасеніе человѣческое, яко младенца, видя это, всѣ роды христіанскіе, архіереи, іеромонахи, іереи, міряне, при видѣ Ея, Госпожи Богородицы, живописно изображенной и держащей во объятіяхъ Своихъ Младенца—утѣшались, утѣшаются Ею донынѣ, и будутъ утѣшаться до скончанія вѣка.

Кто же принесъ міру такое утѣшеніе? Утѣшеніе міру было принесено чрезъ претерпѣніе безчестія Іоакимомъ и мольбу [1]) (досл. обра-

---

[1]) „Іоакимъ и Анна поношенія безчадства (т. е., поношенія за безчадіе)... свободистася, Пречистая, во святѣмъ рождествѣ Твоемъ“, воспѣваетъ Св. Церковь на праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы. (Кондакъ праздника, гл. 4).

щеніе) Анны. Принялъ Богъ моленіе ихъ, взошло оно на среду Божества и сбылось во Всесвятомъ Духѣ. Оторвался цвѣтъ прекраснѣйшій, и былъ принесенъ міру въ утѣшеніе человѣку... Какъ голубица принесла вѣтвь масличную въ ковчегъ въ увѣреніе объ избавленіи ковчега, такъ молитва Іоакима и Анны принесла цвѣтъ Святаго Духа на среду Іудеевъ.

ГЛАВА XVIII.

Сравненіе человѣчества Христова съ цвѣткомъ розы и Божества Его съ благовоніемъ ея, рода же Іудейскаго съ колючимъ кустомъ розовымъ.

Родъ Іудейскій есть родъ неблагодарный, и ради этой неблагодарности имъ глаголали пророки Духомъ Святымъ, дабы уготовать родъ Іудейскій къ пріятію дара Духа Святаго.

Тридцатилистное дерево, (т. е. розовое, ибо въ розѣ насчитываютъ по тридцати листочковъ), если не имѣетъ цвѣта, непотребнымъ дѣлается,—не такъ-ли? Но цвѣтъ благоукрашаетъ сіе негоднѣйшее дерево, и люди имѣютъ его въ чести. Когда же цвѣтъ съ дерева спадетъ, то чѣмъ дѣлается оно, не остается ли оно непотрѣбнѣйшимъ? Такъ стало и съ родомъ Іудейскимъ, когда онъ утратилъ цвѣтъ Всесвятаго Духа.

Прекраснѣйшій этотъ цвѣтокъ есть цвѣтъ дѣвства, а благоуханіе его есть Божество Бога. Посему говорится: «Красотѣ дѣвства Твоего... Гавріилъ удивися... (Богородиченъ отпуст. гл. 3).

Чтобы сбросить съ себя цвѣтъ, (т. е. утратить его прогнѣвленіемъ Бога), листья (Іудеи) возстали противъ цвѣтка. Говоримъ, собрался весь родъ Іудейскій, чтобы скинуть цвѣтъ Всесвятаго Духа съ рода своего. О семъ сказано: «Вскую шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его. Расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ иго ихъ!» (Псал. 2, 1—3).

Посему, когда спрашивалъ Пилатъ собравшихся Іудеевъ: «Что сотворю Іисусу?»—собравшіеся въ одинъ голосъ отвѣчали: «скорѣй, скорѣй, распни Его». Не довольствуясь высказывать это голосомъ и говорить: «да распнется», они и руки вверхъ поднимали, показывая какъ Его распять, другіе же крестъ руками изображали, чтобы такъ Онъ былъ распятъ, и всѣ вмѣстѣ вопіяли: «да распнется!»

Поэтому Пилатъ, видя такую ярость Іудеевъ, осудилъ Его на распятіе.

Онъ же волею распялся ради спасенія человѣческаго.

Ради того, (т. е. промыслительно, попущеніемъ Божіимъ), повелѣлъ Пилатъ бичевать Іисуса, сплести терновый вѣнецъ и возложить его на главу Іисусу, потомъ взялъ воду, умылъ руки свои предъ собравшимися Іудеями и сказалъ: «Не повиненъ я отъ крови Праведника сего, вы узрите». И отвѣчалъ весь народъ едиными устами: «кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ». Сіе было взысканіе, котораго они добивались «противъ Господа и противъ Христа Его» (т. е. чтобы Кровь Его пала на нихъ и на чадъ ихъ, въ безуміи ихъ грѣховномъ). И получили его, (т. е. то, чего искали), въ часъ тотъ, и злосчастное сіе клеймо пребываетъ на нихъ и до нынѣ!

Поэтому вѣнецъ терновый возложили на главу Его ради посрамленія, но Іисусъ этимъ прославился, пріявъ волею вѣнецъ на главу Свою, надъ которою трепетала рука Предтечи; они же сами себя посрамили, ибо тѣмъ возложили на свои главы проказу Гіезія... И до нынѣ на дѣтяхъ ихъ пребываетъ клеймо, которое они себѣ испросили и сказали: сія каплющая кровь, не только на насъ, но и на чадѣхъ нашихъ да пребудетъ. Посему остается проказа Гіезія на главѣ ихъ и до нынѣ!

Почему же не процвѣлъ тридцатилистникъ (т. е. роза) на какомъ-либо полезномъ деревѣ и на прекрасной вѣтви, но процвѣлъ на колючемъ деревѣ и безплодной вѣтви? Потому, что не находилось другого, столь безплоднаго и непотребнаго дерева. Ради сего и процвѣлъ такой цвѣтокъ, чтобы благоукрасить сіе дерево съ его безплодной вѣтвью. Какая же потреба быть сему прекрасному цвѣтку, на такомъ деревѣ? Процвѣти онъ на иномъ деревѣ, сказали бы такъ: «само дерево прекрасно, оттого и процвѣлъ на немъ такой прекраснѣйшій цвѣтокъ». Говоримъ: почему воплотился Христосъ отъ рода Еврейскаго, а не иного рода? Потому, что не нашлось другого рода, подобнаго ему, неблагодарнаго; посему и воплотился Христосъ отъ евреевъ, чтобы благоукрасить сей родъ Еврейскій. Но неблагодарность омрачила Іудеевъ и не познали они спасенія человѣческаго, Которое воплотилось въ ихъ средѣ. Такъ и нынѣ помрачившіеся люди, впавъ во тьму безчувствія изъ-за многопопеченія и житейскихъ заботъ, скинули съ себя прекраснѣйшій цвѣтъ монашеской жизни и уклонились въ одно безполезнѣйшее попеченіе о плотскомъ. Цвѣтъ спасенія презрѣли, а цвѣтъ погибели предпочли. Ложь ублажаютъ, хищеніе восхваляютъ, осужденіемъ утѣшаются, о спасеніи же душъ своихъ—нерадятъ. Утѣшаются цвѣткомъ осужденія, считая его благоуханнымъ, а онъ—злосмрадіе и проказа.

ГЛАВА XIX.

О страсти осужденія въ людяхъ.

Дивлюсь я. Есть-ли какая польза отъ этого осужденія другихъ, что такъ между вами оно распространено? Страсть осужденія есть чрезвычайная проказа для человѣка, отъ которой онъ въ большей степени страдаетъ, чѣмъ отъ другихъ своихъ прегрѣшеній.

Самомнѣніе и гордость, будучи одной двоицей, произвели чадо единородное; прозвалось оно именемъ — „осужденіе". Оно непотребно и по имени и по дѣйствію своему. Двоица та непотребнѣйшаго младенца родила, ибо подобной двоицѣ такъ и подобало... такъ какъ оно, (т. е. осужденіе), было уродливо, и никто не принималъ его, чтобы чадородить съ нимъ, то приняла его мать себѣ въ мужа, родили чадо единородное, и назвалось оно — „предательство". Такъ какъ и это чадо, подобно отцу своему, было ни къ чему не годно, и никто не принималъ его, чтобы чадотворить съ нимъ, то опять мать его приняла въ мужа себѣ; они чадотворили, и сотворили чадо единородное, которое называется — „злой навѣтъ". И взялъ онъ [1]) въ жены дочь самомнѣнія, называемую — „презорство", родили они чадъ — мальчика и дѣвочку; сынъ называется *„ненависть"* а дочка — *„зависть"*; переженились дѣти между собою и содѣлали одно непотребнѣйшее чадо, называемое — „убійство".

Спрашиваю я васъ: какая польза отъ такихъ всескверныхъ чадъ? Не суть-ли они всѣ дѣти осужденія, сіи всескверныя чада?.. Ибо проныры Денницы [2]) ловятъ человѣка въ ловушку, кладя на удочку страшно ядовитую приманку — самомнѣніе и этимъ приманиваютъ въ ловушку гордости... Мнящій много о себѣ, дѣйствіемъ мечтательности своей, впадаетъ въ *ловушку гордости, сплавляется-же* въ плавильню чрезъ осужденіе, (т. е. гордость сама по себѣ не убиваетъ еще человѣка и легко избавиться отъ нея человѣку смиреніемъ, но осужденіе, присоединившись къ гордости, дѣлаетъ человѣка братоубійцею, воздвигая на него гнѣвъ Божій; вотъ почему и говорится, что осужденіе сплавляетъ въ плавильню).

Какъ Денница возмечталъ о себѣ нечистой мечтой, ввергъ оскверненную мысль свою въ гордость, извергая въ плавильню адскую, и плавится въ пламени геенскомъ, воображая, что онъ въ прохладѣ и въ славѣ, точно также въ ту же геену впадаетъ человѣкъ чрезъ осужденіе. Ибо человѣкъ, если онъ осуждаетъ, не можетъ спастись никоимъ образомъ,

---

[1]) Т. е. злой навѣтъ.

[2]) Т. е. бѣсы.

такъ какъ въ чемъ-бы ни осудилъ онъ другого, все на его голову возвращается. По гордости своей мнитъ онъ о себѣ, что онъ—чистый сосудъ и потому якобы имѣетъ право осуждать ближняго, не представляетъ-же себѣ, несчастный человѣкъ, что онъ самъ нечистъ въ томъ, за что осуждаетъ!

Такъ человѣкъ, когда осуждаетъ, имѣетъ въ себѣ и смрадное,—зеліе предательства, ибо, осуждая, возводитъ доносъ предательства, (т. е. дѣйствіемъ своего осужденія взываетъ къ правдѣ Божіей, требуя отмщенія грѣшащему брату),—говоря, вотъ что сдѣлалъ такой-то; представляетъ злокозненное доказательство, доказывая, что такъ было и такъ есть... [1])

Съ другой-же стороны раздувается зависть и говоритъ: почему это такъ и такъ: зачѣмъ дѣлаютъ?—вслѣдъ за нею идетъ презорство къ грѣшащимъ со стороны осуждающихъ, помогаетъ зависти и говоритъ: я не допускаю, чтобы было такъ, и чтобы было этакъ... Между завистью и презорствомъ становится посредникъ — злопамятство; сей посредникъ ходатайствуетъ объ убійствѣ, (т. е. ненависти), и, когда содѣется убійство, съ убійствомъ приходитъ смерть и по дѣйствію сему уноситъ ихъ (т. е. людей осуждающихъ) буря мысленная, какъ говорится: «въ тотъ день погибнутъ вся помышленія его...» (Пс. 145, 4).

Человѣкъ и люди, будучи страстными, уловляются въ девять страстей; уловляемые ими составляютъ изъ себя тотъ мечтательный престолъ Денницы, которымъ онъ прельщается, (т. е. то свое царство, о которомъ онъ хвалился предъ Господомъ), воображая, что обладаетъ девятью чинами силъ и говоря о себѣ, что онъ силенъ безсильный... Съ этою мечтательною силою своего безсилія удалось ему во образѣ змѣя принудить съ насильемъ безсилія своего человѣка на грѣхъ... И понуждалъ онъ человѣка и говорилъ: „вкусите силу, которую я даю вамъ и не бойтесь что умрете; не умрете, но будете жить соизволеніемъ принять силу, которую я даю вамъ“.—Жена изъявила согласіе и сказала мужу, что снѣдь сія добрая; принялъ снѣдь мужъ, съѣлъ вмѣстѣ съ нею, уловились они чрезъ это соизволеніе, тотчасъ обнажились, и остались наги.

Нынѣ-же, кто можетъ осуждать и сказать: „я одѣтъ, а другой нагъ?..“ Не видишь развѣ, что вы оба наги; какъ же осуждаешь другого за то, что онъ нагъ?..

Ради этого я говорю вамъ, что страсть осужденія есть одна сверхъестественная проказа въ человѣкѣ; человѣкъ отъ нея прока-

---

[1]) Мысль та, что грѣхъ осужденія есть нарушеніе заповѣди о любви къ ближнему.

жается въ большей степени, нежели отъ другихъ своихъ прегрѣшеній, которыми согрѣшаетъ Богу...

Поэтому, неосуждающіе одинъ другаго, неповинны предъ Богомъ, какъ говорится: „не судите, да не судимы будете!..“ (Матѳ. 7, 1).

Ради этого говорю вамъ: всѣ люди, мужчины и женщины,—одинаково пристрастны къ грѣховному вкушенію; какое согрѣшеніе имѣетъ одинъ,—имѣетъ его и другой; эта склонность грѣховная называется—подобострастіемъ... Если-же мы всѣ подобострастны, то какъ можно, чтобы люди осуждали другъ друга? Не во грѣхѣ-ли родится человѣкъ?!.

ГЛАВА XX.

Объ очищеніи себя таинствомъ покаянія.

Развѣ матерь родитъ человѣка безъ кровей? Развѣ родится человѣкъ безъ грѣха?.. Ради этого далъ намъ Христосъ крещеніе во спасеніе, для очищенія грязи [1]), крови родительскихъ согрѣшеній, но намъ надлежитъ исполнить правду и присовокупить къ этому въ жертву Богу чистоту сердечную (досл. мысли), такъ какъ съ крещеніемъ Онъ даровалъ намъ чистоту сердечную (досл. мысли) и праведность. (Т. е. намъ подобаетъ подвизаться, дабы сохранить неокраденными сокровища, получаемыя при крещеніи и не загрязненными крещальныя одежды).

Но опять-же, люди суть человѣки; всегда человѣкъ будетъ ошибаться, ибо онъ несовершенъ, во всемъ, что ни дѣлаетъ погрѣшаетъ, (т. е. не обходится безъ погрѣшностей во всякомъ дѣлѣ); поэтому, если ошибется человѣкъ, пусть сознаетъ свою ошибку, чтобы исправить ее. Но какъ ее исправить? — Благой человѣкъ, который сознаетъ свою ошибку, знаетъ и Человѣка, Который можетъ ее исправить... Но злобнѣйшій человѣкъ, у кого духъ превратный, не сознаетъ своей ошибки и не знаетъ Человѣка, Который можетъ ее исправить ему... Онъ оправдываетъ себя по безчувствію своему самооправданіемъ своимъ и говоритъ о духовникѣ: „человѣкъ онъ есть такой-же, какъ и я“.—Благомыслящій-же человѣкъ не говоритъ таковаго, но говоритъ: „одежды сердца моего загрязнились, пойду въ купель отдать ихъ, чтобы вымыли“.

Когда онъ идетъ симъ путемъ, встрѣчается ему человѣкъ, который не сознаетъ ошибки своей, и спрашиваетъ его: „куда идешь?“— Другой-же отвѣчаетъ ему и говоритъ: „въ купель иду, дать одежды свои измыть“; —говоримъ: „помыслы свои,—ибо загрязнилъ я ихъ и не въ силахъ носить ихъ больше на себѣ“. Тотъ-же, услыхавъ это,

---

[1]) Мысль та, что физіологическая нечистота, (кровь и грязь), сопровождающія рожденіе ребенка, суть символъ духовной нечистоты, первороднаго грѣха.

смѣется, безчувственный, и говоритъ ему; „если онѣ и грязныя, то ты въ купели-ли ихъ разгрязнишь? Лучше такъ ихъ носи, нежели тебѣ ходить въ купель, ибо нынѣ, вслѣдствіе того, какими сдѣлались измывальщики, невозможно давать имъ никакой одежды въ мытье, ибо они ее, вмѣсто того, чтобы вымыть, загрязнятъ еще больше".—Разсудительный-же отвѣчаетъ неразумному слѣдующее: „Я, любезный братъ мой, сколько разъ ни отдавалъ въ купель, ни одного разу грязнымъ не получалъ; отдаю ихъ грязными, а получаю пресвѣтлыми; не знаю, что ты мнѣ говоришь и не понимаю; какъ можешь ты мнѣ такъ отвѣчать, безчувственный, не чувствующій. что съ тобою дѣлается; мнѣ нѣтъ дѣла до того, каковы суть измывальщики нынѣ, лишь-бы мнѣ мои одежды вымывали"...

И удаляются они другъ отъ друга. Идетъ разсудительный къ измывальщику, отдаетъ ему одежды свои, ему моютъ ихъ, потомъ онъ ихъ получаетъ, одѣваетъ и всегда ходитъ сіяющій, сіяя душою и тѣломъ!..

Тотъ-же, который не довѣряетъ купели, (т. е. таинству исповѣди)—всегда находится грязнымъ, какую-бы опрятность у себя ни держалъ... Говоримъ: тотъ, который не довѣряетъ себя, поведенія своего духовнику, бываетъ смущенъ и не имѣетъ мира въ себѣ...

ГЛАВА XXI.

Помощь моя отъ Господа сотворшаго небо и землю.

Кто теперь не сознаетъ зла своего, въ часъ смерти сознаетъ его... Но какая ему будетъ тогда отъ этого польза? Тогда сбудутся слова „нѣтъ покаянія въ аду" (Пс. 6, 6).—Теперь покаяніе, тогда-же отвѣтъ. Теперь радостные дни покаянія, тогда-же будетъ плачъ погибели... Посему сказано: „Отступите отъ Меня вси дѣлающіе беззаконіе..." „во огнь вѣчный,..." (Пс. 6, 9) который вы сами уготовали себѣ...

Теперь считаете вы книги Церкви Христовой за болтовню, (т. е. не страшитесь того, что писано въ нихъ о Страшномъ Судѣ); тогда-же познаете, что онѣ истиннѣйшія, но только истина тамъ не попользуетъ васъ нисколько! Тѣ же, которые теперь признаютъ книги Церкви нашей истиннѣйшими, (т. е. вѣруютъ писанному и живутъ по Писанію), тогда узрятъ Истину и обрѣтутъ помощь свою...

Если нынѣ, слухомъ слыша о томъ, что есть на небѣ блаженство, вы отъ этого такъ вспомоществуетесь, тѣмъ болѣе, какую помощь получаетъ человѣкъ читая книги церковныя, какъ вспомоществуется онъ самъ? Посему говорится: „помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю". (Пс. 120, 2).

Богъ сотворилъ небо и землю: спрашиваю я васъ, для кого-же сотворилъ? Для животныхъ, для птицъ, или для человѣка? Опять васъ спрашиваю: если онъ сотворилъ для человѣка, для кого-же распялся Онъ, Творецъ и Создатель сей безгрѣшный, вземляй грѣхъ міра? (т. е. обычно говорите вы, что Богъ создалъ всѣ блага земныя для человѣка, дабы человѣкъ наслаждался ими; въ отвѣтъ на это Святой вопрошаетъ; для кого-же распялся Господь, если только для того и создалъ міръ, чтобы люди на землѣ плотію наслаждались).

Для кого погребся Онъ Неискусимый, Котораго окружили скорби смертельныя, Сей Милостивый въ милостяхъ и щедротахъ, „вземляй грѣхъ міра?"—Все это ради души человѣческой претерпѣлъ Онъ, страданіями своими на землѣ пополнилъ исполненіе и долгъ уплатилъ... Ради искупленія людей и избавленія ихъ отъ проклятія, погребся плотію!..

Господня земля и исполненіе ея, (Пс. 23, 1)—уплатилъ Богъ долгъ земли и ожидаетъ покаянія человѣка.

Господня земля и исполненіе ея.—Уплатилъ Собезначальный долгъ на крестѣ и ждетъ спасенія человѣка.

Господня земля и исполненіе ея. Исполнила Ипостасная Премудрость и Сила, уплативъ долгъ, бывъ бичеванной у колонны и ожидáетъ несенія скорбей отъ человѣка.

Сей, Невмѣстимый Щедродавецъ, вмѣстился въ страданіе и оправданіемъ страстей Своихъ ждетъ взысканія спасенія человѣкомъ.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что такъ и подобало ему страдать чтобы спасти человѣка?—Не подобало Ему страдать ради оправданія страданіями. Если-бы я такъ сказалъ, что Ему слѣдовало это претерпѣть, то оказалось-бы, что я нашелъ нѣкую вину въ Богѣ и оправдываю человѣка, (т. е. нахожу оправданіе для грѣхопаденія Адама и, слѣдовательно, виню Бога, что Онъ создалъ Адама несовершеннымъ на погибель его)...

Поэтому и суть Его страданія оправданіе для людей. Онъ безвинно пострадалъ и оправдалъ этимъ человѣка... Былъ погребенъ, сокрушилъ адъ, расторгъ его праведностію страстей Своихъ и съ оправдательнымъ судомъ Своимъ рекъ: „Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь Славы". (Пс. 23, 7—10).

ГЛАВА XXII.

Возмите врата князи ваша и возмитеся врата вѣчная и внидетъ Царь Славы.

Возмите врата князи ваша и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь Славы...—Отвѣчали Ему князи адскіе: кто есть сей Царь Славы? И сильнѣе еще утвердили врата ада, чтобы не вошелъ Царь Славы и не освободилъ узниковъ ада Своимъ оправданіемъ. [1])

И приподнялъ Царь Славы пречистую ногу Свою, надавилъ ею врата адскія, какъ какой тимпанъ; сокрушились тотчасъ врата адскія, расточились житницы осужденныхъ, и извлекъ Царь Славы изнутри осужденныхъ, тѣхъ, которые были осуждены ради преступленія Адама...

Заутра врата адовы сокрушилъ еси, и смерти державу упразднилъ еси, и мертвыя, во тьмѣ отъ вѣка сѣдящія, совозставилъ еси... Божественнымъ и славнымъ воскресеніемъ Твоимъ... Яко Царь всѣхъ и Богъ Всемогущій... [2])

Итакъ, не съ несправедливостію, (т. е. не съ насиліемъ и произволомъ власти), пришелъ Онъ сокрушить адъ и извлечь изъ него Свое созданіе, но извелъ лишь тѣхъ, которые вняли призыву Его, — тѣхъ извелъ изъ житницъ пытки, говоримъ, изъ муки адской...

Тотъ-же, который не пожелалъ внять призыву Его, остался внутри ада во вѣки вѣковъ... Такъ и нынѣ: кто не вонметъ увѣщаніямъ Церкви, останется во тьмѣ навсегда, на вѣки вѣчныя...

ГЛАВА XXIII.

Толкованіе молитвы «Отче нашъ» въ связи съ обличеніемъ празднословія во время обѣда.

О, несчастные нынѣшніе люди! Не довольно съ васъ того, что пути вашего покаянія оскверняете вы хожденіемъ вашимъ, (т. е. живете нераскаянно), но еще охуждаете другихъ въ кругу трапезы?.. Ѣдите хлѣбъ насущный съ празднословіемъ осужденія и осуждаете долж-

---

[1]) Данныя слова преп. Нила очень близко подходятъ къ слѣдующей стихирѣ Воскресной на „Господи воззвахъ", гласъ 5-й „Воскресеніе даяй роду человѣческому, яко овча на заколеніе ведеся. Устрашишася сего князи адстіи, и взяшася врата плачевная, вниде бо Царь славы Христосъ, глаголя сущимъ во узахъ: изыдите; и сущимъ во тьмѣ: открыйтеся".

[2]) Срвн. Кондакъ воскресн. на „Богъ Господь", гласъ 5-й. „Ко аду, Спасе Мой, сошелъ еси и врата сокрушивый яко Всесиленъ, умершихъ, яко Создатель совоскресилъ еси, и смерти жало сокрушилъ еси и Адамъ отъ клятвы избавленъ бысть человѣколюбче, тѣмъ же вси зовемъ: Спаси насъ Господи".

никовъ вашихъ по дѣламъ ихъ, какими они должны вамъ. Ибо такъ дѣлаютъ нынѣ люди среди круга трапезнаго; ѣдя и пія они многословятъ съ празднословіемъ осужденія своего, осуждая все, что только попадется злобѣ ихъ.

Не на пользу-ли души должаютъ передъ вами люди, дѣлая нѣчто злое [3]) вамъ, какъ вы и сами о томъ просили прежде, чѣмъ сѣсть за трапезу, и говорили: „Отче нашъ! Иже еси на небесѣхъ, да святится Имя Твое... и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ...“

Говоримъ; „Отче Небесный“, потому что, создавъ насъ, Ты снизшелъ къ естеству человѣческому, послалъ Единороднаго Твоего Сына и Слово, Который воплотился отъ Духа Святаго, вочеловѣчился, пріявъ естество человѣческое, по естеству ставъ человѣкъ и путовождь спасенія людей. Ради спасенія нашего воплотился Сынъ и Слово Божіе. Бывъ неосязаемымъ, сдѣлался и сталъ осязаемымъ, пребылъ тѣмъ чѣмъ былъ — Единородный Сынъ и Истинный Сущій Богъ, удержавъ два естества Божеское и человѣческое... Всесильный, превысшій надъ всѣмъ созданіемъ, поставилъ Онъ насъ надъ всѣми въ твореніи Своемъ. Мы же заповѣди Того, Который поставилъ насъ владыками въ созданіи Своемъ, преступили; и изгнало насъ грѣхопаденіе изъ того, что мы преступили, изверглись мы изъ благодати Святаго Духа, (т. е. обнажились отъ благодати) и не въ силахъ сами собою облещись въ нее, въ благодать Святаго Духа... Научи-же насъ оправданіямъ Твоимъ, спасенію нашему, да познаемъ Создателя нашего, сотворшаго небо и землю... Ты человѣка положилъ владыкою надъ всѣмъ, и завладѣло естество человѣческое горами, холмами, древами плодоносными, всѣми кедрами, и пр. Ты насадилъ рай на востокѣ, поселилъ въ немъ человѣка, котораго создалъ, и поставилъ властителемъ надъ созданіемъ Твоимъ. Но человѣкъ не соблюлъ завѣта Твоего, который Ты завѣщалъ ему, не ѣсть отъ запрещеннаго древа, чтобы не умереть. Человѣкъ преслушался, вкусилъ отъ плода преслушанія и смертію смерти умеръ...

Преслушаніе низвергло человѣка, и опять послушаніе человѣка — ввело его. Говоримъ: діаволъ побѣдилъ нашего праотца древомъ, преслушанія, (имѣвшимъ на себѣ плодъ познанія), — такъ и Вторый Адамъ, Сынъ и Слово Божіе, Владыка нашъ Іисусъ Христосъ, Древомъ Крестнымъ побѣдилъ діавола и ввелъ праотца Адама въ рай. И завладѣло человѣческое естество (т. е. вновь воцарилась надъ созданіемъ всяческихъ, соединилась съ зиждительною всѣхъ Божіею Мудростію Силою, какъ говорится: «Содѣтельная и Содержительная всѣхъ Божія Мудросте

[3]) т. е. обиды и оскорбленія отъ ближнихъ слѣдуетъ терпѣть съ кротостью, ибо все это полезно для души какъ путь къ смиренію.

и Сило! непреклонну, недвижиму Церковь утвердили, Христе, Единъ бо еси Святъ, во Святыхъ почиваяй».—(Ирмосы Успенію Пр. Богородицы, пѣснь 3).

Святитъ и святится тотъ, кто пьетъ чашу, которую пилъ Сынъ и Слово Божіе; только такой и святъ, (т. е. святитъ Имя Отчее), по благодати Святаго Духа. Говоримъ, тотъ есть во благодати, кто хранитъ заповѣди Божіи непоколебимо и пьетъ Христову чашу, таковой получаетъ благодать Святаго Духа и святитъ Имя Божіе. Да пилъ Христосъ ее, но какъ пилъ?—Не такъ какъ воду; (т. е. не была сладка вода сей чаши), но Христосъ напоенъ былъ какъ горькою водою изъ горчицы, волею испивъ сію горькую и спасительную воду... Что же значитъ пить горчичную воду?—Пить горчичную воду, значитъ сносить презрѣніе, которое Онъ претерпѣлъ волею, гоненіе, поруганіе, голодъ, жажду, ударенія, темницу, бичеванія, обиды, уничиженія, послушаніе, постъ, молитву, заушенія отъ раба, обнаженіе ризъ, когда обнажили Его и о одеждѣ Его метали жребій. Все сіе Онъ терпѣлъ до смерти, смерти же крестной... Сія есть чаша, которую пилъ Сынъ и Слово Божіе... Тотъ, кто пьетъ сію чашу безропотно, терпитъ скорби съ благодарностію,—тотъ есть во благодати почивающій, (иначе сказать, въ немъ, какъ во Святомъ, благодатно почиваетъ и упокоевается Христосъ).

Зиждитель Богъ заповѣдалъ Адаму, глаголя: „отъ всякаго древа еже въ раи, снѣдію снѣси, отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него, въ оньже аще день снѣсте отъ него смертію умрете.“ Да,—умерли люди древомъ преслушанія... Сынъ же и Слово Божіе воскресилъ ихъ древомъ [1]) креста; крещеніемъ истины оживотворилось естество человѣческое. Самъ Христосъ сдѣлался для насъ Путевождь спасенія, открывшій намъ три соприсносущныхъ Лица—Истиннаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, едино божество, едину силу.

Много благотворитъ Всеблагій Богъ душѣ человѣка, но люди унизительными дѣяніями оскверняютъ свои несчастныя души; чего не сдѣлалъ Всеблагій Богъ (для спасенія человѣка) — Богъ воплотился ради человѣка; Богъ заушенъ былъ ради человѣка; Богъ бичеванъ былъ ради человѣка; Богъ поруганъ былъ ради человѣка, Богъ распялся ради человѣка, погребенъ былъ ради человѣка и Богъ воскресъ ради человѣка... Не только воскресъ Самъ, но и человѣка воскресилъ крещеніемъ Истины отъ мертвости грѣховной, да прославится всесвятое Имя Его... И ниспославъ Духа Истины, въ соединеніе вся призвалъ...

Да, воля Твоя Святая Царю Небесный, яко послалъ намъ Духа

---

[1]) Христосъ Спаситель Голгоѳскимъ древомъ, древомъ послушанія уничтожилъ прародительскій грѣхъ Эдемскаго древа—„древа преслушанія, запрещеніе разрѣшилъ еси, Спасе на древѣ крестнѣмъ волею пригвоздився“. „(Воскресн. Стихира“ Господи Воззв.; гл 4).

Истины—Иже вездѣ сый и вся исполняяй, Сокровище благихъ и жизни Податель. Посему, какъ послалъ Ты намъ безмѣрную милость Твою, милосердія Твоего ради пошли намъ и хлѣбъ насущный, да прославимъ Имя Твое во вѣки вѣковъ... Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя!..

Мы просимъ Бога: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша“...

Сіе слово имѣетъ два значенія—хлѣба Небеснаго и хлѣба земнаго.

ГЛАВА XXIV.

О происхожденіи „хлѣба насущнаго“. Что означаетъ это слово?

Прошеніе это имѣетъ два значенія—хлѣба небеснаго и хлѣба земнаго.

Первое—хлѣбъ земной,—есть сіе:

Когда создалъ Богъ небо и землю, стали произрастать изъ земли различныя растенія; наконецъ, появились различныя зерна. Когда за преступленіе заповѣди Божіей, Адамъ былъ изгнанъ (изъ рая) и утратилъ неизслѣдимое богатство благъ и красоты, которыми украсилъ Богъ (человѣка и рай), даровавъ человѣку безвѣстная и тайная Премудрости „еже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша“. Тогда обнищалъ несчастный Адамъ и лишился созданія Премудрости, (т. е. рая, насажденнаго руками Божіими)... Кто (говоритъ, что) любитъ Бога, заповѣдей же Его не хранитъ,—лжецъ есть и разбойникъ, ибо Богъ любимъ бываетъ въ заповѣдяхъ Своихъ. Да, ты любишь Бога, (какъ говоришь), но заповѣдей Его не соблюдаешь;—какая же (тебѣ) польза отъ такой любви къ Богу? Любилъ Адамъ Бога, но когда не соблюлъ заповѣди Его, то потерялъ и любовь, которую имѣлъ къ Богу. Преслушаніе изгнало Адама изъ рая, сего недомыслимагоназданія Божественной Премудрости... Итакъ, когда своею непокорностію Адамъ самъ лишилъ себя тѣхъ благъ, созданныхъ Божіей Премудростію, то чрезъ сіе обнищалъ бѣдственно, позналъ наготу, потомъ и алчбу; ощутивъ голодъ, собралъ онъ тѣ сѣмена, поѣлъ ихъ и укрѣпилось сердце его. Сначала Адамъ вкушалъ хлѣбъ зернами, а потомъ дѣлалъ мукой и, оросивъ слезами своими, ѣлъ, но это сталъ дѣлать послѣ рожденія Каина. Пока же не родилъ Каина, ѣлъ рожь орошенную слезами. Когда же родилъ Каина, тогда сталъ раздроблять рожь и ѣсть ее. Но какъ омокалъ онъ ее и ѣлъ?—Омокалъ ее слезами своими!.. [1])

---

[1]) Мысль преп. Нила та, что за трапезой инокъ долженъ сокрушаться о грѣхахъ своихъ, а не празднословить и тѣмъ болѣе не осуждать другихъ.

Горько плакалъ Адамъ, взирая на блага рая (въ то время, когда раздроблялъ зерна и дѣлалъ изъ нихъ муку); смѣсивъ слезы съ мукою дѣлалъ тѣсто, какъ грязь, и такъ ѣлъ его; говоримъ—руками замѣсивъ его, воспоминалъ бреніе, изъ котораго создалъ его Богъ, тяжко воздыхалъ, и со стенаніемъ ѣлъ закваску сію.

Каинъ, зачавшись вслѣдъ за преступленіемъ (досл. съ преступленіемъ) Адама, получилъ и вещество преступленія Адамова (т. е. сѣмя, зараженное духомъ гордыни, невѣрія, непокорства и Богохульства; вотъ почему и самъ онъ (впослѣдствіи) презрѣлъ (въ жертвѣ своей Бога), какъ презрѣлъ Бога Адамъ; когда Богъ сказалъ Каину: отступи отъ такой жертвы,—Каинъ не послушалъ того, что сказалъ ему Богъ, но презрѣлъ слово Божіе. Подобно тому, какъ Адамъ презрѣлъ заповѣдь Божію, такъ презрѣлъ и Каинъ (слово Бога) и за непослушаніе Каина сдѣлалась жертва его мерзостію передъ Богомъ... Авель же зачался съ покаяніемъ и со слезами Адама; вслѣдствіе чего и бесѣдовалъ Богъ съ Авелемъ, (т. е. Авель получилъ отъ зачатія сѣмя, облагоуханное духомъ смиренія и сокрушенія сердечнаго, а посему выросъ смиренный, кроткій сердцемъ, и осуществимо стало для Авеля Богообщеніе).

Да, собесѣдовалъ Богъ съ Авелемъ, Авель словъ Божіихъ не презрѣлъ, и то, что повелѣлъ ему Богъ, (исполнилъ)... Такъ покаяніе дѣлаетъ человѣка (способнымъ) познавать Благодѣтеля своего; преслушаніе же препятствуетъ сему, какъ было и у Каина, преслушавшаго слово Божіе и не познавшаго Благодѣтеля своего... Авель же съ готовностію сотворилъ по глаголу Божіему, познавъ Благодѣтеля своего; и не только позналъ Его, но и угодилъ Ему своею жертвою правды, возношеніемъ и всесожигаемымъ, какъ говорится: „жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ“. (Пс. 50, 19). Авель зачался тогда, когда каялся Адамъ, когда сердце у Адама стало сокрушеннымъ, духъ смиреннымъ; въ сокрушеніи кающейся души, во смиреніи сердечномъ зачалъ Адамъ Авеля... и Богъ не презрѣлъ Авеля, но принялъ его жертву „въ воню благоуханія“. Сокрушеніе души Адама и смиреніе сердца его было (т. е. содѣлало) сіе...

ГЛАВА XXV.

„Хлѣбъ нашъ насущный“—испрошеніе хлѣба небеснаго.

Во вторыхъ, это есть Хлѣбъ Небесный, (котораго просимъ у Бога въ молитвѣ „Отче нашъ“), тотъ хлѣбъ, который именуется „Хлѣбомъ Животнымъ“ (Ін. 6, 51). Въ молитвѣ сначала просимъ хлѣба небеснаго и земного, а вслѣдъ за этимъ говоримъ: „остави намъ долги

наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ". Сіе прошеніе показываетъ, что Богъ не отпуститъ грѣховъ нашихъ, если мы сперва не отпустимъ врагамъ нашимъ прегрѣшеній ихъ; посему сказано: „аще ли же не отпущаете, ни Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ". (Мар. 11, 26). Если мы не будемъ отпускать врагамъ нашимъ все, въ чемъ бы они не погрѣшили въ отношеніи къ намъ, то и Богъ никогда не отпуститъ намъ грѣховъ нашихъ. За сколько дней и седьмицъ врагъ нашъ однажды согрѣшилъ предъ нами [1]); это согрѣшеніе произошло по нашей собственной винѣ, а мы не въ силахъ отпустить? Насколько же больше согрѣшаемъ мы предъ Богомъ, на всякъ часъ, на всякую минуту, прося отпустить намъ прегрѣшенія, которыми прегрѣшили предъ Богомъ? Какъ же будемъ просить у Бога прощенія, если сами впередъ не отпустимъ врагамъ нашимъ?—Никогда не отпуститъ Богъ прегрѣшеній человѣку, если не отпуститъ человѣкъ (долга) врагу своему. Если же отпускаетъ человѣкъ врагу своему и соблюдаетъ заповѣди Божіи, то да взыскуетъ отъ Бога Хлѣба Жизни, (т. е. Св. Причастіе). Если же не отпускаетъ своему врагу, то и да не взыскуетъ, и да не глаголетъ просительно: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь".

Да, дастъ тебѣ Богъ Хлѣбъ насущный (по молитвѣ твоей), но когда дастъ Онъ его тебѣ (Святой здѣсь говоритъ о Св. Тайнахъ и о достойномъ пріобщеніи ихъ). Если ты отпускаешь противнику твоему, (тогда) ѣшь Хлѣбъ Жизни, дабы оживотворилась душа твоя, такъ какъ и ты любовію твоею живешь (т. е. живымъ оставляешь, не казнишь за долгъ) врага твоего, — пусть же за это и твоя душа живится въ Хлѣбѣ Животномъ (т. е. во Христѣ). Если же не отпустишь врагу твоему, то и твоя душа не оживотворится Хлѣбомъ Жизни.—Не говоримъ—хлѣбомъ пищнымъ, (потому что Богъ не лишаетъ пищи грѣшниковъ), но говоримъ о Хлѣбѣ Жизни. Хлѣбъ жизни есть тотъ, который такъ наименовалъ Іисусъ Христосъ Всесвятыми устами Своими, сказавъ: „Азъ есмъ Хлѣбъ Животный, сшедый съ небесе" (Ін. 6, 51).—И потомъ на самомъ дѣлѣ, (подлиннымъ образомъ), сіе удостовѣрилъ, когда, пріявъ хлѣбъ и чашу съ виномъ въ Свои непорочныя руки, сказалъ: „Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ". Посемъ, держа чашу въ непорочныхъ рукахъ Своихъ, сказалъ: Пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ".—Это и есть Хлѣбъ Жизни, который оживляетъ человѣка душевно и тѣлесно, какъ говорится: „Хлѣбъ живота вѣчнующаго"... (Канонъ ко Св. Причащенію).

---

[1]) Мысль та, что не должно быть злопамятнымъ и что при оскорбленіяхъ отъ другихъ надобно принимать вину на себя.

Да, воистину живъ будетъ тотъ, который съ чистымъ сердцемъ ѣстъ Хлѣбъ Жизни,—онъ жить будетъ съ радостію тамъ, „идѣже праведніи упокояются“; но тотъ, который ѣстъ Хлѣбъ Жизни съ злымъ, нечистымъ сердцемъ, не оживится. И какъ могутъ, т. е., какъ дерзаютъ таковые, (т. е. въ злобѣ сердца), ѣстъ Хлѣбъ Жизни, чтобы жить вѣчно?! Они ѣдятъ, т. е. причащаются невозбранно, несмотря на недостоинство свое; хотя и вкушаютъ таковые Хлѣбъ Жизни, но не оживаютъ... смертію умрутъ!.. Но не только ядущіе недостойно Хлѣбъ Жизни смертію умрутъ, но и ядущіе недостойно хлѣбъ пищный (тѣлесный) лишаются спасенія своего... Итакъ, если ядущій недостойно хлѣбъ пищный, утрачиваетъ спасеніе свое, то тѣмъ паче не будетъ жить, но смертію умретъ тотъ, который Хлѣбъ Животный, дающій жизнь вѣчную, ѣстъ недостойно?..

Оскверненіе недостойнаго человѣка проистекающее отъ злыхъ дѣлъ, есть плодъ зла и происходитъ отъ слѣдующихъ подраздѣляющихъ (причинъ): 1) во-первыхъ—любовь къ земному, т. е. къ земнымъ благамъ и земнымъ наслажденіямъ; во 2) ненависть; въ 3) неправедность; въ 4) убійство, т. е. и осужденіе; въ 5) зависть; въ 6) зависто-рвеніе [1]); въ 7) сребролюбіе, еже есть корень зла (Тим. 6, 10).—Тотъ, кто ѣстъ Хлѣбъ Животный, воздѣлывая путь таковой (грѣховный)—смертію умретъ.

Въ особенности же, у кого соблюдается злато въ ростѣ, тотъ да не вкушаетъ Хлѣба Жизни, а если вкуситъ—смертію умретъ. Если же отъ всего сердца покается, то да вкушаетъ Хлѣбъ Жизни съ чистотою сердечною. Онъ будетъ жить во вѣки тамъ, идѣже праведніи упокояются; посему говорится: „Ты еси Хлѣбъ Животный, источникъ святыни, податель благихъ...“—(молитва по Св. Причащ.).

Сей Хлѣбъ Жизни, только при чистомъ расположеніи [2]) сердца живитъ душу.

Хлѣбъ пищный (тѣлесный) живитъ тѣло. Но когда живитъ?—Живитъ при молчаніи за столомъ; да памятуетъ (человѣкъ, вкушая пищу), какъ сдѣлался онъ пищнымъ и пришелъ на трапезу, т. е. да памятуетъ человѣкъ—паденіе Адама, лишеніе райскихъ благъ, покаяніе Адамово и прочее послѣдованіе исторіи бытія человѣческаго... Да, рождаетъ хлѣбъ земля, т. е. сама собой раститъ зерно, но какой трудъ и утѣсненіе принялъ Адамъ, пока не устроилъ его (зерно) себѣ и не установилъ хлѣбомъ?.. Т. е. сколько слезъ онъ пролилъ, когда до рожденія Каина питался одними зернами омоченными слезами, а потомъ до рожденія Авеля сырою мукою замѣшанною на слезахъ.

---

[1]) Зложелательство.

[2]) Всѣ христіане, тѣмъ болѣе священнослужители, тѣмъ болѣе священнослужители иноки, должны усердно алкать и жаждать возможно частаго пріобщенія Св. Таинъ.

Нынѣ же, получая его (хлѣбъ пищный) готовымъ, вмѣсто благодарности (воздаютъ Богу) неблагодарность, вмѣсто возношенія (хвалы)— навѣтъ, т. е. осужденіе ближняго. Неблагодарность же людей заключается въ томъ, что, когда они возсѣдаютъ за столомъ и ѣдятъ, то не молчатъ, но многословятъ съ осудительнымъ празднословіемъ... Сѣли и ѣдятъ, чтобы оживить тѣло свое, но сидя и ѣдя съ осудительнымъ многословіемъ и осуждая съ празднословіемъ, умерщвляютъ несчастную душу свою... И не только умерщвляютъ они душу свою, но и смертію умрутъ...

ГЛАВА XXVI.

Ублаженіе молчанія, и о томъ, сколь мерзко благодареніе (молитвенное) послѣ многословной трапезы.

Зачѣмъ осуждаешь другого, несчастный человѣче? Тебя-ли только облекъ Богъ во спасеніе, а другого облекъ только въ погибель? Нѣтъ, ни тебя не облекъ въ одно только спасеніе, ни другого только въ погибель, но васъ обоихъ облекъ въ ризы кожаныя [1]), какъ говорится. „И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаныя и облече ихъ. И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое; и нынѣ, да не когда простретъ руку свою, и возметъ отъ древа жизни, и снѣстъ и живъ будетъ во вѣки“ (Быт. 3, 21, 22).—Говоримъ: приложи руку твою къ устамъ твоимъ, пріими молчаніе жизни [2]), вкушай его, и жива будетъ душа твоя. Молчаніе есть какъ-бы нѣкая пища для души человѣка. Молчаніе есть какъ-бы нѣкій свѣтъ, ибо путеводитъ человѣка ко спасенію. Молчаніе за столомъ дѣлаетъ то, что человѣкъ встаетъ сытымъ отъ стола, (хотя бы ѣлъ немного); многословіе же за столомъ дѣлаетъ то, что человѣкъ встаетъ отъ стола голоднымъ и ввергается въ бездну тайнояденія. Молчаніе за столомъ располагаетъ человѣка къ возсыланію благодарственнаго возношенія Богу.

Вотъ какое возношеніе (молитвенное) молчанія, т. е., послѣ трапезы безъ многословія, и возношеніе по многословіи, т. е., послѣ трапезы съ многословіемъ. Возсылаетъ человѣкъ возношеніе Богу (передъ ѣдой), проситъ, чтобы насталъ миръ посреди трапезнаго круга, чтобы избавиться отъ бесѣды соблазнительной; какъ говорится: „но избави насъ отъ лукаваго“. Призываетъ такъ (молитвою) на каждый день миръ Господень. Ей, приходитъ призываемый человѣкомъ миръ, дабы со-

---

[1]) *Мысль о всеобщей грѣховности людей.*

[2]) Выраженіемъ „молчаніе жизни“ преп. Нилъ указываетъ, какъ важенъ подвигъ молчанія для духовнаго преуспѣянія подвижника.

хранить его отъ лукаваго. Богъ по молитвѣ его посылаетъ Ангела на среду круга трапезнаго. Почему же ты не хранишь себя отъ многословія на трапезѣ, но еще многословишь съ осудительнымъ празднословіемъ, прогнѣвляя Хранителя (Ангела) твоего, охраняющаго ѣденіе твое отъ всякаго оскверненія, и своимъ празднословіемъ осудительнымъ самъ оскверняешь себя? Вмѣсто того, чтобы въ мирѣ возносить возношеніе мира Господу, ты этимъ осудительнымъ празднословіемъ прогнѣвляешь Хранителя твоего, не встрѣчаешь его съ благодарностію, провожаешь не съ благодарственнымъ возношеніемъ, а съ недовольствомъ; вмѣсто чести, провожаешь его съ безчестіемъ, вмѣсто возношенія—со скверно-словіемъ, ибо многословіе сквернитъ глаголаніе рѣчи человѣка, осудительное же празднословіе всеоскверняетъ его.

ГЛАВА XXVII.

Извѣщеніе одному преподобному о томъ, сколь грѣховно осужденіе предъ Богомъ.

Когда встаютъ со стола, (послѣ трапезы, за которою осуждали), и возсылаютъ возношеніе, то это возношеніе восходитъ, какъ мерзость предъ Богомъ. Спрашиваю я васъ, отчего молитва ваша дѣлается мерзостію предъ Богомъ? Дѣлается — ради празднословія. Черезъ осудительное празднословіе оскверняется благодареніе (молитвенное) трапезовавшихъ людей, становясь какъ сѣрный дымъ предъ Богомъ...

Нѣкій преподобный просилъ и молилъ Бога сжалиться надъ осуждающими. Разъ, два, три и четыре раза, возсылалъ онъ моленіе о семъ къ Богу. Богъ, видя такую молитву, ежедневно возсылаемую ему (преподобнымъ), удостовѣряетъ его слѣдующимъ чудеснымъ образомъ въ томъ, что возношеніе навѣтниковъ [1]), есть мерзость предъ Богомъ. Посылаетъ Богъ Ангела, собрать на одно блюдо (изображенія) всего того, что происходитъ отъ воздѣлыванія навѣтниками зла своего. Собралъ все это (Ангелъ) и, держа все въ рукахъ своихъ, принялъ образъ человѣка, дѣлая видъ, что (хочетъ) пронести сіе мимо преподобнаго. Преподобный же, когда Ангелъ приблизился, отвернулъ отъ него лице свое. Ангелъ сказалъ: „Отчего, Авва, отворачиваешь ты лице твое?“—Говоритъ преподобный: „Не въ силахъ выносить я сего смрада и зловонія“.—Говоритъ Ангелъ: „Ты и на малое мгновеніе не въ силахъ вынести такого зловонія, какъ же (просишь), чтобы Богъ ежедневно выносилъ его предъ Лицемъ Своимъ? Т. е. не отвращалъ бы Лица Своего отъ мерз-

[1]) Т. е., осуждающихъ ближняго своего.

кихъ молитвъ осуждающихъ и отъ душъ ихъ? Уже одно долготерпѣніе Бога, съ которымъ Онъ долготерпитъ подобному зловонію, есть великое милосердіе Божіе...".

Ради этого и говорю я вамъ: благодареніе (молитвенное) осудителей есть мерзость предъ Богомъ... Осудительное многословіе дѣлаетъ человѣка недостойнымъ неба и земли. Молчаніе дѣлаетъ человѣка досточтимымъ. Многословіе доводитъ до того, что человѣкъ становится отвратительнымъ... Это проклятое многословіе производитъ сквернословіе; сквернословіе же предаетъ человѣка блуду; блудъ развиваетъ пристрастіе къ брату (мужестрастіе); пристрастіе же къ брату растлѣваетъ молитву въ человѣкѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Пророческая характеристика людей предъ концемъ вѣка.

„Ради этого говорю вамъ... Если пройдетъ седьмое число лѣтъ и пяти восходящимъ къ полпути восьмаго, тамъ на половинѣ числа пятаго (или пятерки), слѣдовательно, какое смущеніе произойдетъ отъ четвертаго до пятаго, (т. е. по прошествіи 7.400 лѣтъ отъ сотв. міра, то между четвертымъ и пятымъ столѣтіемъ, отъ четвертаго столѣтія до пятаго, или, такъ сказать, въ, теченіи двадцатаго нынѣшняго вѣка). Какое сдѣлается тогда хищеніе! Какое мужестрастіе, прелюбодѣйство, кровосмѣшеніе, распутство будетъ тогда? До какого упадка снизойдутъ тогда люди, до какого растлѣнія блудомъ? Тогда будетъ смущеніе съ великимъ любопреніемъ, (т. е. революціи и борьба партій) будутъ непрестанно препираться и не обрящутъ ни начала, ни конца [1]). Потомъ соберется восьмой соборъ, чтобы разобрать споръ, и явить (досл. сотворить) благое благимъ и злое злымъ... Земледѣлецъ отдѣляетъ пшеницу отъ мякины. Пшеница — для человѣка, мякина же — для скота. Говоримъ, будутъ отлучены, отдѣлены добрые отъ злыхъ, т. е. правовѣрующіе отъ еретиковъ, и на нѣкоторое малое время мирствовать будутъ люди. (Объ этомъ говорится и въ Византійскихъ пророчествахъ). Но потомъ снова превратятъ расположеніе (благое) свое, обратятся ко злу злою погибелію погибающихъ, такъ что не будутъ распознавать, что есть братъ и что сестра, что отецъ съ матерью, и что мать съ сыномъ ея, не будутъ признавать и брачнаго вѣнца. Будутъ имѣть только одну погибель, одно общее паденіе въ погибель, какъ Содомъ и Гоморра, т. е. и пяти праведниковъ не найдется... И будетъ

---

[1]) Т. е., не добьются никакого толку.

братъ имѣть сестру, какъ жену, мать имѣть сына, какъ мужа, будетъ умерщвлять сынъ отца и прелюбодѣйствовать съ матерію; и иныя тьмы золъ войдутъ въ обычай [1]). Но скольку же станутъ къ людямъ прививаться злыя дѣла, по столько будутъ находить на нихъ и бѣдствія.

Нынѣшній золотой будетъ тогда ходить, какъ теперяшняя фола (меньше полушки). Люди же, чѣмъ больше будетъ на нихъ находить бѣдствій, тѣмъ больше будутъ воздѣлывать зла, т. е. вмѣсто того, чтобы каяться, будутъ озлобляться на Бога. Злодѣянія же, которыя будутъ творить люди, превзойдутъ злодѣянія современныхъ потопу людей. У всѣхъ будетъ разговоръ только о злѣ, намѣренія только злыя, соизволеніе злое, сотоварищество только на зло, дѣянія у всѣхъ только злыя, всеобщее злое хищеніе, всеобщее злое притѣсненіе, всеобщее злое обособленіе; всеобщее злое разъединеніе. При всемъ этомъ будутъ думать, что и дѣлатель зла, спасается.

Тогда будутъ имѣть злато сокровиществованное, т. е. будутъ обладать капиталами и говорить, что не имѣютъ, (т. е. жаловаться, что имъ не хватаетъ) [2]). Тогда будутъ имѣть злато въ ростѣ, будутъ возращать ростъ на ростъ; будутъ просить милостыни, чтобы живопитаться, будутъ плакать, что нечего ѣсть. Цѣль же (главная) у нихъ будетъ собраніе капитала (сокровища), дабы стяжать больше имущества; поскольку будетъ умножаться корыстолюбіе, постольку будутъ умножаться и бѣдствія въ міру [3]). Тогда жадные обманщики будутъ ходить нагими, чтобы собрать злата для отдачи въ ростъ...

Пророчество объ умноженіи нищеты, преслѣдованіи бѣдняковъ крестьянъ, переселеніяхъ ихъ и хлѣбной монополіи предъ наступленіемъ времени рожденія антихриста.

Нищихъ станутъ притѣснять ради областныхъ [4]) расходовъ. Нищіе-же, не будучи въ состояніи удѣлять изъ части своей на расходы (требуемые, областные), будутъ уходить съ своихъ мѣстъ и переселяться на другія, чтобы тамъ упокоиться и умириться, но и тамъ будутъ на-

---

[1]) Соціалисты уже и теперь проповѣдаютъ всеобщій половой развратъ.

[2]) И теперь, въ большинствѣ случаевъ, сколько бы денегъ не было у человѣка, ему кажется мало и онъ стремится къ большему.

[3]) Катастрофы въ культурныхъ городахъ, напр., землетрясеніе въ Нью-Іоркѣ (1906 г.), наводненіе въ Парижѣ (1910 г.) и т. под.

[4]) Очевидно, здѣсь разумѣется соціалистическое стремленіе, отнять частную собственность у всѣхъ, даже бѣдняковъ. Описываемыя бѣдствія возможны лишь при усиленіи нелѣпыхъ соціалистическихъ идей.

4 Зак. 252

ходить тоже самое и даже въ два раза хуже. Тогда, не будучи больше въ силахъ переселяться на другое мѣсто, пойдутъ на могилы и скажутъ: „подберите и насъ; довольно покоились вы, дайте и намъ мало, мало почить, пока не пробудитъ насъ праведный судъ“. — Еще многое иное будутъ говорить на могилахъ мертвыхъ и взыдутъ стенанія убогихъ, яко ѳиміамъ предъ Бога. Видя таковыя стенанія, Богъ подастъ благополучіе для всего міра, (урожай) и бѣдняки, увидавъ такое благополучіе, съ великою радостію будутъ славить Бога за урожай; когда-же соберутся плоды на гумно, придетъ на гумно любостяжатель, снесетъ зерно въ свои житницы, и дастъ повелѣніе, чтобы тотъ, кто требуетъ пшеницы, ходилъ-бы къ нему, любостяжателю и получалъ, кто сколько хочетъ. Тогда бѣднота станетъ ходить за хлѣбомъ къ любостяжателю, т. е. свой-же хлѣбъ будутъ покупать крестьяне у монополіи и покупать пшеницу. Любостяжатель-же будетъ потомъ брать за пшеницу двойную цѣну противъ ея прежней прошлогодней цѣны; бѣднота, увидавъ, что любостяжатель и благословеніе Божіе превратилъ въ дороговизну, возропщетъ на Бога, — всѣ, малые и великіе, говоримъ—бѣдные и богатые, причемъ, богатые еще больше возропщутъ, чѣмъ бѣдные, ибо бѣднота чужда любостяжанія: и, чего она имѣетъ два, то одно отдаетъ за душу, т. е. повинность, другое удерживаетъ себѣ; если-же имѣетъ одинъ, и его отдаетъ поневолѣ; если-же ни одного не имѣетъ, и за это славитъ Бога. Лихоимецъ-же вообразитъ, что у бѣдняка якобы имѣется имущество и станетъ притѣснять бѣднаго, чтобы послѣднее отнять у него. Будетъ изыскивать для сего всякій поводъ, самомалѣйшій, будетъ притѣснять его. Ей, будетъ притѣснять, но какъ?—По суду будетъ отбирать отъ него все, что тотъ имѣетъ; если-же ничего имѣть не будетъ, то притѣснитъ его темницею, гдѣ станетъ томить бѣдняка за то, что ему нечего дать, чтобы освободиться. Лихоимецъ будетъ приходить въ темницу и истязать бѣдняка, чтобы получить отъ него дары подъ тѣмъ предлогомъ, что взыскиваетъ ихъ на мѣстные расходы; цѣль-же его получить свой ростъ на злато, которое онъ отдалъ [1]) въ ростъ на мѣстные расходы; поэтому и старается онъ, чтобы оно преизбыточествовало. А откуда ему преизбыточествовать? Умножить доходъ свой лихоимецъ хочетъ съ бѣдноты. Ей, будетъ умножать доходъ свой съ бѣдноты, но у бѣдняковъ нѣтъ того, чтобы дать ему, чего онъ ищетъ... Убогому нечего ѣсть, а онъ богатый еще, отобрать нѣчто старается... Дивится сему убогій и недоумѣваетъ, что отдать лихоимцу? Дивится и лихоимецъ, недоумѣвая, что взять съ бѣдняка? Если-же такъ оставить, то потерпитъ убытокъ, т. е. злато, отданное въ ростъ, роста не дастъ. Од-

---

[1]) Подъ „лихоимцами“ надо разумѣть скорѣе всего еврейскихъ банкировъ капиталистовъ, которые сѣтями капитала опутали почти всю Западную Европу.

нако, хотя и жаждетъ отнять что-либо отъ убогаго, но тому давать нечего... Видитъ лихоимецъ богача, что ходитъ онъ въ рваной одеждѣ, т. е. того, который далъ свой капиталъ въ ростъ для мѣстныхъ расходовъ и по бѣдности крестьянъ дохода не получилъ, и бѣдняка, т. е. крестьянина, ходящаго въ чистой одеждѣ, и будетъ жалѣть лихоимецъ богача, бѣдняка же не будетъ сожалѣть, такъ какъ у него одежды чистыя; не понимаетъ лихоимецъ того, что чистыя одежды убогаго суть подобіе чистаго его сердца, ибо у него нѣтъ никакой хитрости лукавства въ сердцѣ, чтобы лукавить и притворяться, что не имѣетъ, (что одѣть). Но богачъ имѣетъ... и сдѣлалъ своимъ лукавствомъ, т. е. (сѣтованіемъ въ удержаніи своего золота), сердце свое изодраннымъ, какъ и одежда его. Таковымъ было и будетъ сердце богатаго; сердце же бѣдняка есть и будетъ блистающее. Но у какого бѣдняка сердце будетъ блистающимъ?—у того, который терпѣливъ и который будетъ терпѣть лихоимцу, т. е. не озлобляться на его несправедливыя притѣсненія. Блаженъ тотъ, который будетъ терпѣть лихоимцу все то, что тотъ будетъ ему дѣлать, ибо въ часъ Суда, предъ страшнымъ судилищемъ будетъ онъ признанъ за брата Страшнымъ Судіей, который скажетъ: „понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ Мнѣ сотвористе“:—Видишь, слышишь?—за кого признаетъ бѣдняковъ на судилищѣ страшномъ? говоритъ „сихъ братій Моихъ меньшихъ?“ (Матѳ. 25, 40).

ГЛАВА XXIX.

Обличеніе любостяжателей и воззваніе къ бѣднякамъ.

О любостяжатель! разбойническая твоя душа. Доколѣ будешь ты мучить бѣдняка?.. Нѣкогда услышишь ты страшное изреченіе, которое будетъ сказано тебѣ: „идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный“.— Ей, уготовляешь ты самъ его себѣ; но (знаешь-ли), какими путями ты его себѣ готовишь, скажи мнѣ? Ты не знаешь, посему послушай и посмотри на дѣла, какими уготовляешь его себѣ.

Уготовленіе—(себѣ огня вѣчнаго) есть [1]) попеченіе, забота и сокровищствованіе. Готовишь себѣ (огнь) тѣмъ, что только печешься о земныхъ, готовишь себѣ (огнь) тѣмъ, что только заботишься о веществахъ міра. Готовишь себѣ (огнь) тѣмъ, что только (и дѣлаешь), что сокровищствуешь земные металлы въ свою сокровищницу. Ей, готовишь себѣ (огнь) тѣмъ, что собралъ сокровища и сокровиществуешь. Но, что же за сокровище ты собралъ и что сокровищствуешь? Накопилъ ты и

[1]) Разумѣются попеченія, заглушающія ростки высшихъ духовныхъ стремленій.

накопляешь: зависть, злое умышленіе, злопамятство, вражду. Ей, стяжалъ ты сокровище, но что стяжалъ?—Стяжалъ и стяжеваешь: сребролюбіе, лихоимство, вымоганіе роста съ нищихъ. Ей, пріобрѣлъ ты сокровище, но что пріобрѣлъ?—Пріобрѣлъ ты блудъ, прелюбодѣйство, мужестрастіе, малакію, мужеложство мужеложника. Ей стяжалъ ты: расточительное чревоугодіе, ненасытное хищеніе и распутное пьянство. Ей, притяжалъ ты: тщеславящуюся гордость съ кичливымъ твоимъ самолюбіемъ и надменностію. Да, стяжалъ ты, нерадивую лѣность своей безпечности съ разсѣянною безнадежностію малодушія, съ безбожнымъ своимъ забвеніемъ. Да, собралъ ты сокровище, но что ты собралъ?—Собралъ: жестокость, малодушіе, хулу, гнѣвъ, которымъ озлоблялся противъ бѣдныхъ. Ей, накопилъ ты сокровище, но какое накопилъ?—Накопилъ: многословіе, злословіе, осужденіе, которымъ судишь ты, что такой то худой, такой то презрѣнный, а самъ ты будто-бы лучше всѣхъ...

Такъ то, тогда, (въ тѣ времена предъ антихристомъ), будутъ всѣ много думать о себѣ, промежъ себя будутъ всѣ другъ друга осуждать... Будетъ лихоимецъ осуждать бѣдноту и говорить: „есть у бѣдняка (деньги)“; за то, что бѣднякъ не будетъ уплачивать годичнаго своего, начнетъ лихомецъ сажать бѣдняковъ въ темницу и истязать, будетъ обдирать ихъ, пока не возьметъ у нихъ сребро и злато, дабы собирать ростъ на деньги свои. Бѣдные же, увидавъ, что лихоимецъ истязаетъ ихъ, начнутъ также сами скоплять и припасать сребро и злато про запасъ ради лихоимца. Соберетъ деньги бѣднота ради лихоимца, но при собраніи бѣднякъ и самъ прельстится (стяжаніемъ), начнетъ накоплять для самого себя; собравъ съ избыткомъ, захочетъ еще удвоить избытки свои, а когда успѣетъ въ семъ, то эти двойные избытки захочетъ сдѣлать учетверенными избытками;—и вотъ, умедливъ въ семъ достиженіи учетверенія, почилъ онъ, уснулъ, и очнулся въ аду, тѣло-же его погребли по обычаю страны. Смотрятъ лихоимцы, что у бѣдняка оказались двойныя сбереженія, сейчасъ-же оправдовали его, т. е. оправдываютъ свое лихоиманіе и вымогательство, говоря: „видишь бѣднаго, который плакалъ и говорилъ, что у него ничего нѣтъ, мы пожалѣли его; смотри, какія у него оказались двойныя сбереженія“. Когда они такъ говорили, почилъ другой бѣднякъ, когда и этого похоронили, то нашлись у него четверныя сбереженія. Лихоимецъ-же, опять увидавъ, что у другого бѣдняка оказались четверныя сбереженія, снова начинаетъ оправдываться и говоритъ: „какая теперь можетъ быть жалость къ бѣднымъ? стоитъ-ли кто-либо, чтобы его сожалѣть?“

О, несчастный лихоимецъ, чѣмъ бѣднякъ виноватъ былъ передъ тобою, что ты съ насиліемъ вымогалъ отъ него и не было у него, что дать тебѣ? Ты не смотрѣлъ на то, что у него ничего нѣтъ, но съ насиліемъ притѣснялъ его... Видѣлъ, что ему нечего тебѣ дать и поэтому

еще больше насиловалъ его, чтобы взять съ него сребро и злато, добыть ростъ, взявъ ростъ на злато, (свое, отданное въ ростъ на мѣстные расходы), ибо, если не станешь насиловать бѣдняка, не въ силахъ будешь получить ростъ на злато. Ради этого ты и насиловалъ бѣдноту, чтобы взять злато и получить ростъ на ростъ. Бѣднота-же, увидавъ, какой ты злобный, стала стараться и стараются собирать, дабы уплачивать тебѣ. Когда-же бѣдняки, скопляя деньги, накопили излишекъ, то этотъ излишекъ, который они накопили, былъ по винѣ твоей, потому что ты насилуешь бѣдняка, а когда ему нечего дать, истязуешь темницею.

Видя твое звѣрство бѣднота начала забывать Христа ради стяжанія злата. Такъ забываютъ бѣдняки мало-по-малу Христа и стяжеваютъ злато. Изъ-за тебя, лихоимецъ, чтобы не попасть въ темницу, бѣднякъ преумножаетъ (злато), собирая его, умедляетъ въ семъ собираніи, засыпаетъ и, заснувъ, открываетъ очи свои въ аду; ты же видя, что у неимущаго остались сбереженія, осуждаешь его и бѣдноту (всю), въ томъ, что находятся у нихъ сбереженія? За то, что ты такъ уничижаешь бѣдняка предъ другими, тѣмъ болѣе, что самъ причиненъ тому, (въ чемъ онъ виноватъ), уничижитъ и тебя за это Судія Праведный на судѣ Своемъ и скажетъ тебѣ: „поноже не сотвористе единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ... ни Мнѣ сотвористе".

Ты же, бѣднякъ, зачѣмъ взялся за такую душе-пагубу, т. е. многостяжаніе и копленіе денегъ? Въ нестяжаніи провелъ ты всю жизнь твою и Богъ не давалъ тебѣ погибнуть: нынѣ же, при видѣ насилія лихоимца, плѣнился любостяжаніемъ, сталъ парой лихоимцу, получилъ часть лихоимца, и опроказилъ душу свою, какъ Гіезій? Всю жизнь просвѣтлялъ ты душу свою нестяжаніемъ, и, чуть чуть накинулся лихоимецъ, испугался его принужденія, и, получилъ часть его, сталъ лихоимствовать вмѣстѣ съ нимъ? Поэтому и сдѣлался равенъ ему. Любостяжаніе—путевождь погибели. Нестяжаніе—путевождь спасенія. Началъ любостяжать—и спасеніе свое потерялъ. Вотъ почему спасенію человѣческому (грозитъ) погибельная опасность отъ любостяжанія. Это, проклятое любостяжаніе, именно и внесетъ несчастіе въ міръ, истребитъ благополучіе міра. Говоримъ: забудетъ міръ, что такое благополучіе, господствовать всюду будетъ злополучіе. Сіе, проклятое, любостяжаніе установитъ и установило разногласіе въ міру... Въ особенности-же (гибельно и угрожаетъ) любостяжаніе монашеской жизни, гдѣ столь преуспѣло сіе проклятое любостяжаніе со своимъ разногласіемъ, что угрожаетъ погубить и самую монашескую жизнь. И почти погибла благословенная монашеская жизнь! И не только монашеская жизнь разстроилась, но и почти весь міръ разстроился отъ этого проклятаго любостяжанія.

ГЛАВА XXX.

Корень зла любостяжаніе, сирѣчь сребролюбіе. Сребролюбіе есть духъ антихриста.

Любостяжаніе есть предтеча антихриста. Пророки, т. е. Духъ Святый въ пророкахъ, пророчествовали домостроительство воплощенія Божія, т. е. глашали объ истинѣ міру, а любостяжаніе внесло въ міръ ложь. Пророки возвѣщали намъ путь спасенія, лихоимцы-же возвѣщали путь погибели; какъ чрезъ апостоловъ возсіяло намъ спасеніе и благодать Всесвятаго Духа, такъ многопопеченіе міра сего будетъ помрачать спасеніе человѣка; погибельная-же многозаботливость вовлечетъ людей на путь беззаконія, на путь ложью лгущихъ, неправеднымъ хищеніемъ обижающихъ, и лживою душею своею сокровиществующихъ сокровища.

Ей, соберутъ стяжатели сокровища, но какія сокровища соберутъ? Сокровиществуютъ ложь лживымъ нравомъ своимъ. Отвергли-же и отвергаютъ истину отъ чувствъ [1]) своихъ; проникаетъ и проникла ложь въ чувства ихъ. Стало чувство ихъ безчувственнымъ къ истинѣ; они не будутъ ощущать, что истинно, ощущать же будутъ одно ложное, лжи будутъ покоряться; истины-же слушать не станутъ.

Но извѣстно-ли вамъ, что такое истина и что такое ложь?

Истина есть домостроительство воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, т. е. Христосъ; ложь-же—домостроительство воплощенія погибели. Т. е. все то, что домостроительно и промыслительно подготовляло и подготовляетъ людей къ вѣрѣ и слѣдованію за Господомъ, есть, была и будетъ истина; наоборотъ все, что подготовляетъ людей къ отверженію закона Божія и Спасителя ихъ, есть ложь; эта ложь домостроительно подготовляетъ пришествіе Антихриста и принятіе его родомъ человѣческимъ. Ложь приведетъ къ воплощенію погибели, когда наступитъ великое бѣдствіе для всего міра; какъ рѣчь пророковъ была предвозвѣщеніемъ того, что наступитъ домостроительное воплощеніе спасенія, такъ точно усиливающіяся мірскія попеченія предзнаменуютъ близкое воплощеніе домостроительства погибели въ мірѣ., т. е., нарожденіе Антихриста, который всецѣло будетъ сосудъ діавольскій, будетъ воплощенною пагубою. Какъ Предтеча проповѣдывалъ крещеніе Истиною и этимъ обращалъ людей на путь спасенія, такъ, (наоборотъ),

---

[1]) По ходу рѣчи ясно видно, что „чувство" здѣсь употреблено въ смыслѣ чувства внутренняго, духовнаго зрѣнія, способа, которымъ пріобрѣтаемъ высшее познаніе. Срвн. Притч. 1, 7—по славянск. переводу: „благочестіе въ Бога начало чувства", въ русскомъ перев.—„благоговѣніе къ Богу начало разумѣнія".

многозаботливость будетъ помрачать чувства человѣка, чтобы сдѣлать человѣка нечувственнымъ ко спасенію своему, чтобы онъ отъ множества плотскихъ заботъ не могъ ощущать спасенія, т. е. люди не будутъ ощущать ни желанія вѣчной будущей жизни, ни страха вѣчнаго осужденія, (что и нынѣ явно въ обозвѣрившихся интеллигентахъ).

Ей, пребудетъ спасеніе и не отымется отъ міра, т. е. возможность спастись и спасающіеся пребудутъ до конца міра. Ей, и тогда будетъ спасеніе, но для кого оно будетъ?—для тѣхъ, которые не будутъ покоряться дѣламъ антитипа, (т. е. предтечи антихристова или духа любостяжанія). Проявленіе же антитипа, т. е. проявленіе духа антихристова въ міру, есть сіе: забота міра сего, сокровиществованіе металловъ земныхъ, забота о сущихъ міра сего;—сіи суть главизны зла, которыя губятъ спасеніе человѣческое и увлекаютъ на путь погибели. Путь же погибели есть разрушеніе спасенія, т. е. исчезновеніе въ людяхъ ревности о спасеніи и страха вѣчной муки. Ибо, когда возгосподствуетъ въ человѣкѣ погибель, тогда утрачивается человѣкомъ спасеніе (т. е. чувство страха Божія), тогда уклоняются люди во всякія погибельныя дѣла, отчаявшись такъ, какъ кто тяжко задолжалъ; такъ отчаеваются и грѣшники о спасеніи своемъ.

Посему говоритъ Давидъ: „вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша" (Пс. 13, 3) Ей, уклонились, но во что уклонились? Уклонились въ неправду, въ хищеніе, въ непокорство, въ сокровиществованіе злата... Что такое есть сокровиществованіе злата? Сокровиществованіе злата есть именно антитипъ, говоримъ, антихристъ, (т. е. предтеча антихристовъ). Ибо чувственно антихристъ еще долженъ прійти, а мысленно онъ уже въ міру; съ тѣхъ поръ, какъ онъ низринулся въ міръ со своимъ проклятымъ трономъ, съ тѣхъ поръ и пребываетъ онъ въ міру, производя въ мірѣ всякое зло. Зло же это старается онъ дѣлать всѣми способами; во-первыхъ, отнимаетъ у человѣка чувство спасенія мірскою многопопечительностію и многозаботливостію о суетѣ мірской. Ей, многопещись будутъ и многозаботиться, но о чемъ? Будутъ многопещись и стяжутъ—мужеложство; будутъ заботиться и стяжутъ блудъ, соберутъ сокровище прелюбодѣянія. Такимъ образомъ утратятъ люди чувство свое [1]), не будутъ ощущать Бога. Вдадутся они въ плотское питіе и ядѣніе роскошныхъ яствъ, въ обстраиваніе себя прекраснѣйшими постройками; въ сихъ постройкахъ предадутся плотскимъ чувствамъ своимъ, т. е. тѣша плоть свою, якобы бракъ ей творя всегдашній пиршественный. Такъ какъ вдадутъ они чувства свои въ плотское, то ощутительна будетъ для нихъ красота и доброта только снѣдная, къ которой они лишь и будутъ стремиться. Чрезъ такое свое стремленіе къ плотской нечистотѣ люди

---

1) Значеніе выраженія преп. Нила „чувство" уже изъяснено въ предшествующемъ подстрочномъ примѣчаніи.

мерзки будутъ Богу. Ей, возгнушается ими Богъ, какъ возгнушался предпотопными людьми, но все-таки допотопнымъ людямъ Богъ оказалъ милосердіе. Ей, милосердіе оказалъ, но какое милосердіе?—омилосердовалъ ихъ ковчегомъ покаянія, такъ какъ Богъ желалъ, чтобы древніе люди, взирая на построеніе ковчега, каялись бы; но они ввергли чувства свои въ плотское, стали безчувственны къ Богу и къ ковчегу, не чувствовали того, что означаетъ ковчегъ. Это безчувствіе и свело ихъ во глубину водъ!..

Видишь, до какого состоянія довело человѣка его безчувствіе? Такъ и нынѣ оно погубитъ людей, ибо и теперь люди пекутся, заботятся и стяжеваютъ подобно предпотопнымъ людямъ. Такъ сильно возлюбили они эту дѣятельность, какъ бы какое прекрасное и доброе яство... Да, добрая (т. е. вкусная) эта снѣдь, но не спасительная, эта снѣдь—губительная; тотъ, кто вкушаетъ снѣдь сію, проводитъ жизнь свою на погибель себѣ. И погибель завладѣваетъ чувствомъ человѣка, увлекая его на путь безчувствія, человѣкъ не ощущаетъ больше, гдѣ находится путь спасенія, а только на погибель проводитъ жизнь свою. Ей, проводитъ онъ жизнь весело и въ роскоши, но какъ проводитъ? Проводитъ жизнь съ неправдою, съ воровствомъ, съ хищеніемъ, съ предательствомъ, съ лжеязычіемъ, съ мужестрастіемъ въ сообращеніи, съ обжорственнымъ чревоугодіемъ, съ гордостію, съ ропотливымъ безнадежіемъ, въ безпечности, т. е. безпечностію въ дѣлѣ спасенія и хульномъ сложеніи вины всѣхъ бѣдъ на Бога, съ жестокимъ гнѣвомъ сердечнымъ, съ неблагодарною враждою злопамятства и любостяжательнымъ сребролюбіемъ. И, поскольку тогда преуспѣвать кто будетъ въ стяжаніи сокровищъ въ воровскую сокровищницу свою своимъ любостяжательнымъ сребролюбіемъ, постольку же, одновременно съ симъ, будетъ все болѣе и болѣе помрачаться безчувствіемъ и сокровиществовать всякія дѣла, которыя сотворятъ его виновнымъ во всѣхъ беззаконіяхъ міра, т. е. всѣ эти плоды любостяжанія доведутъ міръ до крайняго разврата, вѣнцемъ котораго будетъ пришествіе антихриста.

ГЛАВА XXXI.

Антихристъ родится тогда, когда обнищаетъ міръ духовно и когда наступитъ всемірная анархія. Всемірное воцареніе антихриста.

Отъ нечистой блудной дѣвы родится антихристъ. Въ сей дѣвѣ совокупятся распутства, она будетъ сокровищница прелюбодѣйства; всякое зло міра, всякая нечистота, всякое беззаконіе воплотятся въ ней, т. е. въ зачатомъ ею отъ тайнаго блуда, совокупятся воедино во чревѣ не-

чистоты и съ обнищаніемъ міра оживотворятся. Когда обнищаетъ міръ отъ благодати Всесвятаго Духа, тогда сей оживотворится во чревѣ нечистоты, отъ самой сквернѣйшей и злѣйшей мнимой дѣвы, худшей всѣхъ когда-либо бывшихъ; зачнется отъ тайнаго противуестественнаго блуда плодъ, который будетъ вмѣстилищемъ всякаго зла, въ противоположность тому, какъ Христосъ былъ совершенствомъ всякой добродѣтели, а Пречистая Матерь Его была совершеннѣйшая въ женахъ. Сей плодъ родится на свѣтъ тогда, когда обнищаетъ міръ добродѣтелями.

Ей, оживится (т. е. родится) при обнищаніи міра; но что за обнищаніе такое постигнетъ міръ? Много видовъ этой нищеты, которая будетъ окружать и какъ бы охватывать постепенно міръ. Во первыхъ обнищаетъ міръ любовію, единодушіемъ, цѣломудріемъ. Во вторыхъ, обнищаетъ каждое селеніе и градъ отъ подвластности своей, главенствующія лица удалятся отъ града, села и округа, такъ что не окажется никакого главенствующаго лица, ни во градѣ, ни въ селѣ, ни въ округѣ. Также и Церковь почти обнищаетъ отъ главенства духовныхъ властей.

Послѣ сего обнищанія, „изсякнетъ любы многихъ“ (Матѳ. 24, 12), „удержай отъ среды ятъ будетъ“ (Ѳесс. 2, 7)—и родится нечистый отъ чрева нечистоты. Потомъ же нечистое это рожденіе будетъ производить знаменія и чудеса мечтаніями бѣсовскими.

Міръ будетъ воображать, что сей антихристъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, а на самомъ дѣлѣ онъ будетъ по сердцу—лисицей, по душѣ—волкомъ; смущеніе людей будетъ его пищею. Когда превращаться [1]) будутъ люди, тогда живопитаться будетъ антихристъ.

Смятеніе же людей будетъ сіе: осужденіе, зависть, злопамятство, ненависть, вражда, любостяжаніе, мужестрастіе, забвеніе вѣры, прелюбодѣйство, похвальба блудомъ. Это зло будетъ пищею антихриста. Въ противоположность тому, какъ Христово брашно было исполненіе воли Отца Его, такъ брашно антихриста будетъ исполненіе воли отца его діавола. Этимъ будетъ живопитаться антихристъ.

И сдѣлается антихристъ главою надъ городами, надъ селами и надъ округами селъ, послѣ того какъ не окажется (т. е. упразднится) никакой главы въ селахъ, городахъ и округахъ сельскихъ. Тогда онъ захватитъ власть надъ міромъ, станетъ распорядителемъ міра, начнетъ властвовать также и надъ чувствомъ [2]) человѣка. Люди будутъ вѣрить тому, что̀ онъ будетъ говорить, потому что онъ будетъ дѣйствовать какъ единодержецъ и самодержецъ на погубленіе спасенія, т. е. люди, и безъ того сдѣлавшіеся сосудами діавольскими, возымѣютъ крайнее довѣріе къ антихристу, сдѣлаютъ его всемірнымъ единодержцемъ и самодержцемъ,

---

[1]) Т. е. погибать.

[2]) Это выраженіе объяснено выше.

такъ какъ онъ будетъ орудіемъ діавола въ послѣдней попыткѣ его истребить христіанство съ лица земли. Находясь въ погибели люди будутъ думать, что онъ есть Христосъ Спаситель и что онъ содѣетъ ихъ спасеніе. Тогда Евангеліе Церковное будетъ въ пренебреженіи.

Посемъ, когда погибель внесетъ великое бѣдствіе въ міръ, тогда, во время сихъ бѣдствій, произойдутъ страшныя знаменія. Наступитъ страшный голодъ, на міръ же найдетъ великая алчба (т. е. ненасытимость): сравнительно съ тѣмъ, сколько съѣдаетъ человѣкъ въ нынѣшнее время, тогда будетъ съѣдать въ семь разъ больше и не насыщаться [3]). Великое бѣдствіе настанетъ повсемѣстно. Тогда любостяжатели откроютъ свои любостяжательныя житницы, т. е. капитализмъ упразднится, имущество уравняется на началахъ соціализма. Тогда злато обезцѣнится какъ навозъ по дорогѣ...

ГЛАВА XXXII.

Духъ Христа и духъ антихристовъ.

Тогда оживится (т. е. зачнется и родится) зло міра въ нечистомъ чревѣ дѣвы зла, которая дастъ плоть антихристу. Тогда за беззаконныя дѣянія міра и нечистоту его отступитъ отъ беззаконнаго міра благодать Духа Святаго, которая донынѣ содержитъ міръ, и тогда исполнится мѣра беззаконій міра, по словамъ. „И не сочтуся со избранными ихъ“ (Пс. 140, 4); тогда воплотится духъ антихристовъ, нынѣ дѣйствующій въ міру, то-есть народится человѣкъ, который будетъ преоскверненъ и сдѣлается совершеннѣйшимъ сосудомъ діавольскимъ еще во утробѣ матери своей: родится онъ отъ дѣвы зла и въ дѣвѣ блуда, т. е. отъ злой блудницы, хотя по наружнымъ признакамъ и дѣвственницы.

Ей, воплотится зло (т. е. родится антихристъ) безо всякаго мужняго сѣмени. Ей, съ сѣменемъ родится, но не съ сѣяніемъ человѣческимъ, а съ излитымъ сѣменемъ воплотится. (Здѣсь поставлено слово: *αυλος*, которое, въ зависимости отъ знака на ипсилонѣ, имѣетъ два смысла, а именно: излитый и невещественный. Святой имѣетъ ввиду оба эти смысла, во-первыхъ для означенія того, какимъ образомъ произойдетъ мнимо-чудесное зачатіе антихриста отъ мнимой дѣвы, о чемъ пророчествуютъ и другіе Св. Отцы; а во-вторыхъ употребляетъ слово „авлосъ“ въ смыслѣ невещественнаго сѣмени антихристова или духа его, дѣйствующаго въ людяхъ. (Извѣстно, напримѣръ, что обсѣмененіе съ излитымъ сѣменемъ уже и нынѣ производится, для полученія жеребятъ отъ знаменитѣйшихъ жеребцовъ на западѣ).

---

[1]) Вѣроятно, отъ извращенія духовныхъ способностей и тѣлесныя потребности человѣка будутъ извращены, (ненормальная алчба питанія).

Что же такое есть сѣмя невещественное (антихристово)? Сѣмя невещественное (антихристово) есть злоба, попеченіе, забота и стяжаніе.

Однако, разнаго рода суть попеченія, т. е. не всякое попеченіе гибельно и не всякая безпопечительность хороша; главное для человѣка—попеченіе о спасеніи своемъ. Спасеніе же человѣка есть: любовь, кротость, цѣломудріе, нестяжаніе, чистота дѣвственная, справедливость, милосердіе милостивости, которое есть „елей“ спасенія человѣческаго, т. е. приточный Евангельскій елей дѣвъ мудрыхъ. Праведность [1]) есть сострадательность къ человѣку; милостивость бываетъ двухъ родовъ: одна—милостивость, выражаемая щедролюбіемъ, другая—утѣшеніе словомъ, которымъ кто утѣшаетъ какого-нибудь угнетеннаго. Если не имѣется возможности помочь несчастному, то да утѣшаютъ (несчастнаго) утѣшительнымъ словомъ. И за одно утѣшительное слово, которымъ утѣшаете несчастнаго, удостоитесь того, что и васъ утѣшитъ Праведный Судія рѣшающими словами Своими на судѣ праведномъ, когда скажетъ: „Пріидите благословенніи Отца Моего: наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра“. Если же не будете утѣшать удрученныхъ утѣшительными словами, то и сами потомъ имѣете услышать отъ Праведнаго Судіи безутѣшныя слова: „Идите отъ Меня проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его!“ Ибо милостивая любовь освобождаетъ человѣка отъ гнѣва Божія.

Любовь дѣлаетъ съ человѣкомъ то, что онъ становится кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ. Вражда же дѣлаетъ человѣка неистовымъ. Любовь всегда терпитъ и никогда не причиняетъ соблазна; злопамятство же всегда нетерпѣливо, всегда причиняетъ соблазнъ сердцу человѣка, такъ что никогда не имѣетъ мира сердце его.

Злопамятство есть печать антихриста, ибо злопамятство запечатлѣваетъ сердце человѣка какъ бы антихристовою печатію.

ГЛАВА XXXIII.

Какова печать антихриста, запечатлѣвающая нынѣ злыхъ и какова та, которою запечатлѣвать будетъ антихристъ по воцареніи?

Злопомнѣніе есть печать антихриста и сердце злопамятнаго запечатлѣно печатію его. И когда антихристъ, (т. е. духъ антихристовъ дѣйствующій въ міру), кладетъ эту печать, то отъ этой печати злопамятства всегда обмираетъ сердце человѣческое, (т. е. дѣлается какъ-бы

[1]) Т. е., духовная высота христіанина всегда неразлучна съ милосердіемъ къ ближнимъ.

мертвымъ, не способнымъ къ скорби о грѣхѣ, къ прочимъ духовнымъ чувствамъ и страху Божіему). Говорю: такъ обмираетъ человѣкъ, когда сердце его бываетъ запечатлѣно ненавистію. Это проклятое злопамятство дѣлаетъ человѣка столь безчувственнымъ, что люди сами умерщвляютъ себя разными смертями. Иного дѣлаетъ оно отступникомъ отъ вѣры; иного — самоубійцею; иного заставляетъ итти на ножъ; иного дѣлаетъ предателемъ; иного дѣлаетъ хулителемъ; иного тоскливымъ; и нисколько не даетъ сердцу человѣка мирствовать. Не замѣчаютъ того несчастные люди, что все это производитъ злопамятство и доводитъ ихъ до смерти. (На этихъ строкахъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться: Святой, открывая корень главныхъ смутъ человѣчества, причину революцій, ненависти чадъ къ родителямъ и другихъ нестроеній, говоритъ намъ, что все это отъ злопамятства, то-есть горделиваго осужденія недостатковъ ближнихъ, непочтительности родителямъ, подчиненныхъ къ начальникамъ, и тому подоб. Если мы вникнемъ въ духъ времени и образъ дѣйствій противниковъ Церкви и Государства, то увидимъ, что они основываютъ успѣхъ свой весь именно на томъ, чтобы отравлять людей осужденіемъ и ненавистію, а отравивъ дѣлать послушнымъ своимъ орудіемъ. Особенно тонко этотъ ядъ осужденія излитъ въ твореніяхъ Толстого и другихъ знаменитостяхъ современной литературы. Читающая ихъ съ увлеченіемъ молодежь отравляется отъ юности ядомъ злопомнѣнія и осужденія, печатлѣется печатію антихристовою, теряетъ довѣріе къ Церкви, къ родителямъ, и часто оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Пишущій эти строки лично можетъ сіе засвидѣтельствовать, ибо изъ его школьныхъ товарищей 6 чел. окончило самоубійствомъ).

Итакъ, когда антихристъ будетъ налагать печать свою на людей, сердца ихъ будутъ дѣлаться какъ-бы мертвыми.

И тогда, (т. е. во время того предреченнаго бѣдствія, антихристъ начнетъ печатать людей своей печатію, якобы для того, чтобы знаменіемъ симъ спасать ихъ отъ бѣдствія, ибо только имѣющимъ печать, согласно апокалипсису, (Апок. 13, 17) будетъ продаваться хлѣбъ). Многіе будутъ умирать на дорогахъ. Люди сдѣлаются какъ хищныя птицы набрасывающіяся на падаль, будутъ пожирать тѣла мертвыхъ. Но какіе люди будутъ пожирать тѣла мертвыхъ? Тѣ, которые запечатлѣны печатію антихриста; христіане, хотя имъ не будетъ ни выдаваться, ни продаваться хлѣбъ за неимѣніемъ ими на себѣ печати, не станутъ ѣсть трупы; запечатлѣнные же, не смотря на доступность имъ хлѣба — станутъ пожирать мертвецовъ. Ибо, когда запечатлѣется человѣкъ печатію, сдѣлается сердце его еще болѣе безчувственнымъ; будучи не въ силахъ выносить голодъ, люди будутъ хватать трупы, и гдѣ попало, сѣвъ въ сторонѣ отъ дороги, пожирать ихъ. Наконецъ, умертвится и самъ, запечатлѣнный антитипомъ; на печати-же написано будетъ слѣдующее: „Я твой есмъ“.—„Да, ты мой еси“.—„Волею иду, а не на-

сильно".—„И я по волѣ твоей принимаю тебя, а не насильно".—Сіи четыре изреченія или надписи изображены будутъ посреди той проклятой печати.

ГЛАВА XXXIV.

Бѣдствія, которыя постигнутъ міръ по воцареніи антихриста: изсохнетъ море; умрутъ животныя; ускорится время.

О, несчастенъ тотъ, который запечатлѣется этой проклятой печатію! Эта проклятая печать наведетъ великое бѣдствіе на міръ. Міръ тогда столь будетъ угнетенъ, что люди станутъ переселяться съ мѣста на мѣсто. Туземцы-же, увидавъ пришельцевъ, скажутъ: О несчастные люди! какъ рѣшились вы покинуть собственное, столь благодатное, мѣсто и прійти въ проклятое мѣсто сіе, къ намъ, у которыхъ не осталось никакого человѣческаго чувства?!—Такъ будутъ говорить на каждомъ мѣстѣ, куда люди будутъ переселяться со своего мѣста на другое... Тогда Богъ, увидавъ смятеніе людей, отъ котораго они зло бѣдствуютъ, переселяясь съ мѣстъ своихъ, повелитъ морю воспріять прежде свойственную ему горячесть, которую оно раньше имѣло, чтобы не переходили-бы для переселеній съ мѣста на мѣсто. И когда возсядетъ антихристъ на проклятомъ тронѣ своемъ, тогда море [1]) вскипитъ такъ, какъ кипитъ вода въ котлѣ. Когда вода долго кипитъ въ котлѣ, то не испаряется-ли она паромъ? Такъ будетъ и съ моремъ. Кипя, оно будетъ испаряться и исчезнетъ какъ дымъ отъ лица земли. Изсохнутъ на землѣ растенія, дерева дубравныя и всѣ кедры, отъ морскаго жара все изсохнетъ, жилы водныя изсохнутъ; животныя, птицы, и пресмыкающіеся, всѣ умрутъ.

День будетъ вращаться какъ часъ, недѣля какъ день, мѣсяцъ какъ недѣля, и годъ какъ мѣсяцъ. Ибо лукавство человѣческое сдѣлало то, что и стихіи стали напряженными, начали еще болѣе спѣшить и напрягаться, чтобы, поскорѣе окончилось прореченное Богомъ число для восьмого числа вѣковъ. (Т. е. на восьмое тысячелѣтіе отъ сотвор. міра).

---

[1]) Это вполнѣ возможно въ случаѣ вулканическихъ движеній дна морского.

ГЛАВА XXXV.

Проповѣдь Эноха и Иліи людямъ, чтобы не принимали печати антихриста и знаменовались всегда крестомъ. Умерщвленіе сихъ проповѣдниковъ.

Когда-же проклятая слава увидитъ Эноха и Илію, проповѣдующихъ и говорящихъ людямъ, чтобы не принимали печати антихриста, то повелитъ схватить ихъ. Они же будутъ убѣждать людей не принимать печати антихриста, будутъ говорить, что, кто явитъ терпѣніе и не запечатлѣется печатію антихриста, тотъ спасется, и Богъ непремѣнно приметъ его въ рай, ради одного того, что онъ не принялъ печати. И да знаменуется каждый честнымъ крестомъ, творя знаменіе креста на всякій часъ, ибо печать крестная освобождаетъ человѣка отъ муки адской; печать-же антихриста приводитъ человѣка въ муку адскую. Если алчете и требуете ѣды, малое время потерпите и Богъ, увидавъ терпѣніе ваше, пошлетъ вамъ помощь свыше; вы оживотворитесь (досл.: живонасытитесь) помощію Бога Вышняго. Если-же не окажете терпѣнія, будете печататься печатію сего нечистаго царя, то потомъ раскаетесь въ этомъ.

Люди будутъ говорить Эноху и Иліи, „почему-же благодарны антихристу тѣ, которые приняли печать?“ — Тогда скажутъ Энохъ и Илія“: они, благодарны, но кто благодаренъ (т. е. кто благодаритъ ихъ устами)? Не люди это благодарятъ, а печать сама только благодаритъ (т. е. злоба, возгосподствовавъ надъ людьми, устами ихъ выражаетъ утѣху и радость, ибо успѣла погубить сихъ людей, какъ то бываетъ и со злодѣями, торжествующими и радующимися по поводу совершеннаго злодѣянія).

И что такое есть ихъ благодарность? Ихъ благодарность есть то, что возсѣлъ въ нихъ сатана, вообразился въ чувствѣ человѣка, и человѣкъ не сознаетъ того, что съ нимъ дѣлается. Тотъ, кто печатлѣется печатію антихриста, становится демономъ; хотя утверждаетъ, что якобы не чувствуетъ, ни ачлбы, ни жажды, однако алкаетъ и жаждетъ еще больше, и не только больше, но въ семь разъ больше противъ васъ. Потерпите только малое время. Не видите развѣ, что тотъ, кто принимаетъ печать антихриста не будетъ жить (т. е. духомъ мертвъ и ожидаетъ его вѣчная мука)? Ужели вы также желаете погибнуть съ печатію въ мукѣ вѣчной, чтобы тамъ быть съ тѣми, которые запечатлѣлись ею.—Идѣже плачъ и скрежетъ зубовъ?“

И иными многими увѣщаніями будутъ проповѣдывать людямъ Энохъ и Илія.

Услышитъ антихристъ, что проповѣдуютъ два человѣка, называющіе его льстецомъ, чародѣемъ, обманщикомъ, и коварнымъ діаволомъ; услыхавъ это, разгнѣвается, повелитъ ихъ схватить, привести къ себѣ, и съ льстивыми словами вопроситъ ихъ: „какія вы погибшія овцы, ибо не запечатлѣны царской печатію?“ — Тогда скажутъ Энохъ и Илія: „льстецъ и обманщикъ! демонъ! по твоей винѣ столькія души погибли въ аду! Препроклята печать твоя вмѣстѣ со славою твоею! Эта твоя проклятая печать и преоскверненная слава низвели міръ въ погибель; твоя погибель довела міръ до сего состоянія, скончался міръ и насталъ ему конецъ...“—Такія слова услышитъ антитипъ отъ Эноха и Иліи и скажетъ имъ: „какъ смѣете вы такъ говорить предо мною, самодержцемъ и царемъ?“—И отвѣтитъ Илія: „царство твое презираемъ, а славу твою проклинаемъ, вмѣстѣ съ печатію твоей“. — Тогда разгнѣвается антихристъ, услыхавъ такой презрительный отвѣтъ, сдѣлается какъ бѣшенный песъ и собственными руками убьетъ ихъ.

ГЛАВА XXXVI.

По убіеніи Эноха и Иліи антихристъ сниметъ съ себя личину нравственности, совершатся крайнія злодѣянія. Люди отождествятся по лукавству съ бѣсами. Знаменіемъ сего будетъ постепенное умаленіе роста людей. Ко времени антихриста средній ростъ человѣка будетъ 1 $^{3}/_{4}$ арш.

По убіеніи-же Эноха и Иліи выпуститъ антихристъ всезлѣйшихъ чадъ своихъ; (т. е. дастъ волю злымъ духамъ, которыхъ онъ дотолѣ сдерживалъ). Эти чада или духи зла, суть: прелюбодѣяніе, блудъ, мужеложство, убійство, хищеніе, воровство, неправда, ложь, мучительство, продажа и покупка людей, покупка мальчиковъ и дѣвочекъ, для блуженія съ ними, подобно псамъ на улицахъ. И повелитъ антихристъ духамъ злымъ, послушнымъ ему, довести людей до того, чтобы люди въ десять разъ дѣлали-бы больше зла чѣмъ раньше; исполнятъ всезлѣйшія чада его сіе повелѣніе погибельное, и устремятся на уничтоженіе человѣческой природы многообразіемъ беззаконій. Отъ усиленнаго напряженія и крайней энергіей его всезлѣйшихъ чадъ погибнетъ чувственно и мысленно природа человѣческая въ людяхъ... Люди, сдѣлавшіеся столь лукавыми по душѣ, и по тѣлу будутъ умалены, будутъ ростомъ 1 $^{3}/_{4}$ арш., говоримъ: пять пядей длина тѣла человѣческаго. Дѣяніями-же лукавства своего эти люди превзойдутъ демоновъ, и будутъ—одинъ духъ съ демонами.

Увидитъ антихристъ, что человѣческое естество стало лукавѣе и суетнѣе нежели злѣйшія чада его, весьма возрадуется о томъ, что зло

въ человѣчествѣ пріумножилось, природныя свойства человѣческія утратились, и стали люди лукавѣе бѣсовъ... И вотъ на антихриста, радующагося при видѣ человѣческаго зла, найдетъ внезапно свыше „мечъ обоюдоострый“, которымъ онъ будетъ пораженъ, и исторгнется нечистый духъ его изъ преоскверненнаго его тѣла, Со смертію антихриста настанетъ конецъ убійству въ людяхъ; Каинъ положилъ начало убійству, антитипъ-же (антихристъ) содѣлаетъ конецъ, т.-есть на немъ оно окончится.

ГЛАВА XXXVII.

Кто такое «козлы» и кто такое «овцы».

Когда-же свершится и закончится дѣло убійства, [1]) тотчасъ-же разовьются скрѣпленія небесныя и земныя (т. е. нарушится всемірное тяготѣніе)... Что будетъ посемъ—вѣдаетъ Богъ единъ. Мы-же вѣдаемъ только одно, что истязаны будутъ дѣла содѣянныя въ жизни: блудъ, прелюбодѣйство, мужеложство, малакія, мужестрастіе распутное, злословіе, празднословіе и многословіе осудительное, оклеветаніе, злоумышленіе, зависть, зависто-рвеніе, ненависть, злопамятство, вражда, враждострастіе, злость, злорадство, предательство умышленное, гордость тщеславія, высокомѣріе, сребролюбіе, любостяжаніе, непокорность Церкви, роскошествованіе, ядeніе обжорственное и прочія множайшія беззаконія, содѣянныя въ жизни сей,—всѣ будутъ разобраны, чтобы отдѣлились отъ злыхъ дѣлъ дѣла добрыя, какъ отлучаютъ овецъ отъ козловъ.

Овцы-же суть сіи: любовь, миръ, единодушіе, цѣломудріе, кротость, нестяжаніе, чистота, праведность, доброе соблюденіе закона, благопокорность, смиреніе, воздержаніе постъ, добро-рѣчіе, прилежаніе ко спасенію, благодарность, благопослушество Церкви, благопослушество духовной жизни, храненіе незапятнаннымъ Божественнаго крещенія, дабы сохранить его чистымъ, неопущеніе Богослуженія церковнаго и канона въ жизни монашеской;—таковы суть благія дѣла спасенія.

---

[1]) Т. е., когда со смертью антихриста окончатся убійства на землѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

О нераскаянности человѣческой и долготерпѣніи Божіемъ.

Долготерпѣлъ Богъ и долготерпитъ съ безмѣрною милостію, ожидая покаянія. Ради безмѣрной милости и долготерпѣливаго милосердія Своего ожидаетъ Богъ покаянія людей, милосердуя о нихъ, какъ о дѣтяхъ: и юныхъ милуетъ и стариковъ долготерпитъ; говоримъ: милосердствуетъ о человѣкѣ въ утрѣ его (или въ дѣтствѣ), милуетъ его въ полдень—въ юношествѣ, долготерпитъ въ вечеръ—старости. Долготерпитъ къ дѣтямъ—не найдетъ ли ихъ покаявшимися въ юношествѣ? Долготерпитъ къ юношѣ,—не пріобрѣтетъ ли его въ старости. Долготерпитъ къ старости — не найдетъ ли здѣсь старческаго покаянія? Сегодня дѣти всѣ лукавства знаютъ, всѣ непристойныя дѣла дѣлаютъ, а что есть покаяніе, того не знаютъ и имени его даже не вѣдаютъ, чтобы воздѣлать имъ дѣло покаянія; во всю юность свою только о томъ и старается юноша, чтобы сокровиществовать; усокровиществовалъ онъ себѣ многопопеченіе житейское, его только позналъ и вѣдаетъ, а сокровище покаянія не позналъ, но одни только непотребныя дѣла безчинія дѣлаетъ. И отъ старика ожидалъ Богъ покаянія съ дѣтства до юности и не нашелъ его: отъ юности вотще въ суетѣ истратилъ онъ лѣта свои. Какъ говорится: юность суетна? Сего ради [1]) умилительнаго покаянія требуетъ Богъ хотя въ старости. Покаяніе старика, поэтому, должно быть жалостнымъ плачемъ покаянія: то есть онъ долженъ припомнить всѣ беззаконныя дѣла, которыя содѣлалъ отъ дѣтства и до юношества своего, отъ юности и до старости своей... До вечера ждетъ Богъ покаянія отъ старца; говоримъ, до смерти его смотритъ нѣтъ ли покаянія въ старцѣ; если же и въ старости не видитъ покаянія въ человѣкѣ, тогда прогнѣвляется на старца за нечувствіе его.—И вотъ отверзаетъ, наконецъ, старецъ очи свои, [2]) очутившись въ аду каранія и бываетъ казнимъ за непокорство свое, за то, что не прибѣгъ къ покаянію въ беззаконіяхъ своихъ. Богъ давалъ ему каяться, но онъ губилъ себя съ утра до вечера [3]), къ вечеру почилъ и уснулъ, а къ разсвѣту (очнулся) въ мукахъ ада... Ибо сказано, „бдите ибо не знаете — утромъ ли, въ полдень ли, вечеромъ ли познаетъ“, (т. е. сколько жить еще вамъ осталось). Люди сегодня очень свѣдущи стали, но въ чемъ свѣдущи?—въ подлинности земныхъ вещей и на

[1]) Т. е., ради долготерпѣнія Божія.
[2]) Разумѣется духовное око, внутреннее зрѣніе.
[3]) Т. е., все время своей земной жизни.

этихъ земныхъ вещахъ, тлѣнностяхъ тлѣнія, утверждаются и ради многопопечительства сокровиществованія губятъ себя. Сокровиществуютъ, наполняютъ кладовыя различными лакомствами; потомъ, взирая на кладовыя полныя лакомствъ, радуются и говорятъ: „сей, мой Богъ и прославлю его“;—обращаются къ душѣ своей и говорятъ: „душе моя, душе моя! виждь блага, которыя для тебя усокровиществованы: ѣшь, пей, веселись (тѣмъ), что въ кладовыя собраны блага и отданы тебѣ“. О, безумный, безумный старикъ! въ полночь душу твою истяжутъ отъ тебя; при всѣхъ сокровищахъ твоихъ очнешься ты въ мукахъ адскихъ и жестоко мучимъ будешь за эти разныя лакомства, которыя усокровиществовалъ. Итакъ, собралъ ты эти тлѣнности тлѣнія, исполнилъ ими склады твои для мученія твоего, мучимъ будешь въ пламени огненномъ; тогда вспомнишь о тѣхъ, которые (при жизни) не собирали суетныхъ и ложныхъ какъ ты безумецъ, о спасеніи своемъ не заботившійся, не прилагалъ усилій стремительно освободиться отъ мукъ и пламени огненнаго, которымъ будешь пламенно—горѣть среди мученій и просить одной капли воды... Будешь просить малую каплю воды, чтобы прохладить языкъ твой, который именно и привелъ тебя сюда съ безмѣрнымъ празднословіемъ осужденія твоего, (указыв. на то, сколь великъ грѣхъ осужденія).

ГЛАВА XXXIX.

Богатый, коварно просилъ Авраама послать Лазаря къ нему во адъ съ каплею воды.

Нынѣ (въ аду) взыскуешь ты милости у незаботившихся о тлѣніи, просишь единой капли воды, чтобы оросить языкъ гортани твоей? Безумный! Нынѣ воды тлѣнной просишь, а не просилъ себѣ раньше воды нетлѣнной? Если и всѣ рѣки вселенной обратить въ горло твое и великое теченіе Чернаго моря, то и отъ нихъ языкъ твой не ощутитъ никакой прохлады. И съ какою же цѣлью просишь ты одну лишь каплю, чтобы Лазарь принесъ тебѣ во адъ, на языкъ твой?—Ты просишь незаботившагося о тлѣніи (по зависти къ нему), ты злоухищренно просишь, чтобы другой пришелъ и оросилъ языкъ твой, ибо желаешь, чтобы и онъ вмѣстѣ съ тобою пламенѣлъ въ мукахъ огненныхъ... Если (даже) теперь, когда ты находишься въ мукахъ огненныхъ, держишь въ себѣ такое коварство, то какихъ же коварствъ не дѣлалъ ты въ жизни твоей? Доставили тебѣ эти злоухищренія благая при жизни твоей, а тотъ, который о тлѣніи не заботился, пріялъ жизнь вѣчную, нетлѣнную, и, какъ ему помянулось его дѣланіе нетлѣнія въ жизни его, такъ помянулись и тебѣ (твои коварства).

ГЛАВА XL.

Какъ избѣгнуть пламени огненнаго.

И сегодня люди, какъ тотъ, незаботившійся о спасеніи своемъ, небрегутъ о спасеніи, озабочены суетными и ложными, озабочены вещественными предметами міра сего для кары своей въ неугасающемъ морѣ пламенномъ. Здѣсь они труждаются всуе и ложно, въ неправдахъ, а тамъ безпрерывно будутъ терзаться и просить капли воды, чтобы остудить языкъ свой...

О, человѣче! (пока) здѣсь имѣешь время прохлады, остужай же языкъ свой покаяніемъ со слезами умиленія отъ сердца сокрушеннаго, плачь о (своемъ) изгнаніи, воздержись отъ грѣха! Удерживай себя отъ всѣхъ дѣлающихъ беззаконія, т. е. отъ грѣховныхъ помысловъ, плачь самъ о себѣ, но не предъ человѣки, какъ фарисеи, а въ одиночествѣ, въ тайнѣ сердца своего, какъ и грѣхи воздѣлывалъ въ тайнѣ сердца. Сокрушайся въ себѣ, что сдѣлался преступникомъ обѣщанія своего даннаго при Св. Крещеніи; съ умиленными словами плачь слезами покаянія, кайся въ беззаконіяхъ, содѣянныхъ тобою и о злыхъ твоихъ дѣяніяхъ.

Если хотите угасить пламень огненный и не хотите быть казненными въ пыткахъ мученія, то вотъ что сдѣлайте: имѣйте любовь между собою, держите чистоту цѣломудрія, имѣйте воздержаніе со смиреніемъ; со умиленнымъ сердцемъ исповѣдуйте дѣянія содѣянныя вами. Молю и прошу васъ, преподобнѣйшіе отцы, оставьте осужденіе которымъ вы осуждаете другъ друга съ празднословіемъ.—Это и есть, говорю вамъ, средство освободиться отъ той огненной рѣки, которая повлечетъ человѣка за дѣла его во тьму внѣшнюю, туда, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ. Это проклятое осужденіе переставляетъ человѣка на сторону ошуюю, туда, гдѣ козлища. Это проклятое осужденіе предоставляетъ человѣка горькой смерти. Это проклятое, осудительное оклеветаніе приводитъ человѣка во чрево великаго отступника [1]). Это проклятое, осудительное многословіе ввергаетъ человѣка во блато нечистоты. Это проклятое, мысленное осужденіе приводитъ человѣка во вражду; враждо-борствуютъ изъ за этого люди другъ съ другомъ и весьма прогнѣвляютъ симъ Бога.

---

[1]) Ротъ и гортань приводятъ пищу въ желудокъ, а грѣхи языка приводятъ человѣка въ чрево діавола, дѣлаютъ его сатанинской пищей.

ГЛАВА XLI.

Какъ зарождаются вражда и осужденіе дѣлъ ближняго.

Вражда есть сѣмя плодовитое, она засѣвается внутри человѣка; въ человѣкѣ произрастаетъ сѣмя вражды дѣлается ненавистью и объемлетъ людей силою злопамятства; люди злобствуютъ другъ на друга и видѣть одинъ другого не хотятъ. Одинъ начинаетъ осуждать другого съ осудительнымъ оклеветаніемъ или съ клеветливымъ осужденіемъ; этотъ съ празднословіемъ осудительнымъ осуждаетъ, а тотъ любопытствуетъ и говоритъ: „Зачѣмъ онъ, осуждаемый, это дѣлаетъ, и какъ это сдѣлалось?"—Начинаетъ другой изслѣдовать поступокъ ближняго и говоритъ: „Не такъ это было, а вотъ какъ".—„Почему-же такъ? Почему это такъ, а это такъ? Отчего это? Отчего эти такіе, тѣ — такіе? А этотъ каковъ? А тотъ каковъ? И какъ они дошли до того? Почему допустили себя до того? Какъ они довели себя до того?"—Стоитъ любопытствующій среди осуждающихъ и пересуживающихъ, стоитъ, недоумѣваетъ, начинаетъ разслѣдовать то, что слышитъ слухъ его; разслѣдуетъ и говоритъ: „Ба! какъ это и то?" Этимъ недоумѣніемъ [1]) онъ приводитъ себя къ предательству, нарушенію заповѣди о любви къ ближнему, производитъ такую смуту среди людей, какой и бѣсы сдѣлать не въ силахъ.

ГЛАВА XLII.

О самооправданіи своего осужденія.

Такое осужденіе ближнихъ дѣлаетъ сегодня человѣкъ и чрезъ сіе воздѣлываніе мысль его омрачается лукавствомъ демонскимъ, начинаетъ онъ мысленно всѣмъ соблазняться, (т. е. находитъ въ каждомъ что-либо осудительное), а самого себя оправдываетъ сугубымъ оправданіемъ, (т. е. не только оправдываетъ себя, но въ своемъ грѣхѣ винитъ другихъ лицъ), все приписываетъ соблазну другихъ.

Ахъ, преподобнѣйшіе отцы! не оправдывайте себя въ человѣкѣ

---

[1]) „Недоумѣніемъ", — суетною пытливостью, житейскимъ любопытствомъ знать то, что насъ не касается и къ намъ не относится. „Чужую рожь вѣять— свои глаза порошить", говорилъ знаменитый русскій старецъ іеросхимонахъ Амвросій Оптинскій о грѣхѣ осужденія ближнихъ. Жажда пытливости побудила нашихъ прародителей вкусить запрещенный плодъ. При осужденіи ближнихъ эта пытливость ведетъ къ „предательству", какъ выражается преп. Нилъ, т. е къ нарушенію любви къ ближнему".

(т. е. не вините другое лицо въ своемъ грѣхѣ) и не оправдывайте себя соблазномъ. Ни люди передъ вами не виноваты, ни соблазны причины (грѣхи) но вы сами дали мѣсто у себя страсти своей, и отъ того вините людей, что они соблазняютъ васъ... Вы даете мѣсто въ себѣ страстной вашей зависти, она соблазняетъ васъ, а вы волею соблазняетесь; чѣмъ-же виноваты здѣсь предъ вами люди? Вы дали мѣсто страстному вашему гнѣву, сердитесь, дѣлаетесь свирѣпы какъ безсловесные; чѣмъ-же виноватъ передъ вами [1]) соблазнъ? Вы сами дали въ себѣ мѣсто враждебной страсти, начали враждовать противъ другого; чѣмъ-же человѣкъ тотъ предъ вами виноватъ? Вы дали въ себѣ мѣсто страстному вашему непокорству и дѣлаетесь непокорными волею; чѣмъ-же соблазны виноваты предъ вами? Волею дали вы въ себѣ мѣсто страстямъ, онѣ хороводятъ вами какъ хотятъ, вы стали съ ними за одно;—чѣмъ-же виноваты въ томъ другіе? Если ты сребролюбецъ, то чѣмъ виноватъ въ томъ игуменъ? Если ты непокорный, то чѣмъ виноватъ въ томъ экономъ? Если вы таинники зла и скрываете помыслы свои,—чѣмъ виноватъ предъ вами духовникъ? Если вы неблагодарные,—чѣмъ виноватъ предъ вами игуменъ, который васъ принялъ какъ дѣтей своихъ? Если вы имѣете злопамятство, то чѣмъ виновата предъ вами братія? Если въ васъ вселилось враждоборство, чѣмъ виноватъ предъ вами ближній вашъ? Ахъ, преподобнѣйшіе отцы! если-бы вѣдалъ каждый страсти свои, которыми онъ искушается, никогда не сталъ-бы въ соблазнѣ своемъ дѣлать повиннымъ другого.

Человѣкъ такъ обвитъ страстями, какъ дерево плющемъ. Что станется съ деревомъ, когда оно дастъ на себя взойти плющу? Плющъ имѣетъ способность воздѣйствовать на дерево и восходить на него, но только тогда, когда древесный стволъ приметъ его; тогда онъ поднимается на верхъ; если же дерево не приметъ его, никогда не взойдетъ плющъ на дерево; (т. е. если само дерево не предоставитъ ему для восхожденія своихъ вѣтокъ). Если-бы такую власть плющъ имѣлъ, чтобы подниматься на древа самому, хотя-бы и не хотѣло дерево принять его, то всѣ дерева изсохли-бы на землѣ... Говоримъ, если-бы главный отступникъ или властитель тьмы имѣлъ власть восходить на умъ человѣка и помрачать смыслъ его, противъ соизволенія его, то никогда человѣкъ не могъ-бы оказаться свѣтлымъ, но былъ-бы всегда во грѣхѣ и совершенно помраченъ. Ей, имѣетъ отступникъ власть соблазнять, но надъ кѣмъ имѣетъ власть? Умъ какого человѣка имѣетъ власть омрачать?—Того, который принимаетъ соблазны; тотъ и бываетъ сострѣлянъ лукомъ отступника, начальника власти тьмы.

---

[1]) Здѣсь преподобный выражаетъ ту же мысль, какую выразилъ псалмопѣвецъ словами: „не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ“, (Псал. 140, 4), т. е. придумывать извиненія и оправданія во грѣхахъ своихъ.

ГЛАВА XLIII.

О стрѣлахъ отступника и объ указателѣ пути спасенія.

Отступникъ имѣетъ обычай такой: беретъ свое войско и выходитъ на охоту; вооруженъ онъ и войско его разными луками; держитъ горсть стрѣлъ и раздаетъ войску, каждому по одному луку и по 24 стрѣлы, посылаетъ на охоту, чтобы уловить и добыть какую-либо душу праведную и принести ее какъ даръ и приношеніе Великому Апостату.

И соперничаютъ бѣсы между собою, каждый первымъ старается устрѣлить и принести добычу въ даръ Великому Отступнику, чтобы принять похвалу самую первѣйшую; посему сражаются они ревностно, стараясь душу праведника совсѣмъ закружить разными недомыслимыми искушеніями, причемъ одни изъ уловляемыхъ побѣждаемы бываютъ и низвергаются, а другіе осиливаютъ и утверждаются въ добродѣтели, говоримъ: вѣнчаются.

Главный лукъ есть грѣхъ вообще, а 24 стрѣлы суть различныя прегрѣшенія и главизны грѣха: 1 — осужденіе, оклеветаніе и тайный наговоръ коварства; 2—гордость; 3—тщеславіе; 4—киченіе; 5—жестокость; 6—непокорство; 7—гнѣвъ; 8—непослушаніе; 9—неблагодарность; 10—зависть; 11—вспыльчивость (или ярость); 12—вражда; 13—ненависть; 14—злопамятство; 15—злоумышленіе; 16—лжесвидѣтельство; 17—малодушіе; 18—хула; 19—сребролюбіе; 20—блудъ; 21—сваленіе; 22—мужеложство; 23—малакія; 24—прелюбодѣяніе. Сіи суть 24 стрѣлы грѣховныя, которыми воюютъ враги всякій день и всякую ночь, стараясь закружить ими души праведниковъ.

Итакъ, тѣмъ паче оставятъ-ли они васъ неискушенными? Но вы до того сегодня уже ими побѣждены, что не требуете для своего пораженія ни лука, ни стрѣлы, ибо васъ побѣдили и побѣждаютъ ваши страсти; нѣтъ больше нужды врагамъ сражаться съ вами, ибо вашихъ довольно съ васъ однихъ страстей, которыми вы побораетесь, которыя васъ побѣдили; вы сдѣлались плѣнниками своихъ плотскихъ страстей и стали мертвецами по отношенію къ вашему спасенію.

О, преподобнѣйшіе, честнѣйшіе, священники, священно-монахи и монахи, находящіеся въ сей Горѣ святой, сосудѣ спасенія! что стало съ вами, ибо умертвились вы и сдѣлались земными мертвецами? Говоримъ, ненавистниками спасенія своего и невѣрующими ему. Говоримъ, развѣрившимися во спасеніе свое; вы не вѣрите во спасеніе свое, т. е. заповѣдей и чина жизни не соблюдаете, ибо не вѣрите, что и вамъ, какъ во дни оны древнимъ, возможно и должно достигать духовнаго совершенства. Если бы вы не имѣли указателя спасительнаго

пути, какъ возможно было бы вамъ найти спасеніе свое? Ей, имѣете вы путевождя спасенія, который остался вамъ отъ праотцевъ, (т. е. ихъ житія и завѣты), но вы это съ себя скидываете. Безъ священныхъ предметовъ можетъ-ли литургисать іерей?—а вы безъ всякаго путевождя, какъ ищете спастись? Всуе труды іерея чтобы литургисать, если у него нѣтъ потира; и вы, если не будете имѣть путевождя, всуе будете трудиться надъ спасеніемъ. Если не постараетесь обрѣсти путевождя своего, то и не чайте себѣ спасенія, пока не сбросите съ себя непокореніе спасенію; тогда лишь познаете, что спасаетесь.

Путевождь же спасенія есть сіе: вѣра, надежда, любовь, кротость, единодушіе, миръ, смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, покорность, нестяжаніе въ умѣ, нестяжаніе въ рѣчи, нестяжаніе въ очахъ, нестяжаніе въ слухѣ и нестяжаніе на языкѣ, нестяжаніе въ поступѣ ногъ, нестяжаніе въ сребрѣ и златѣ, (т. е. воздержаніе всѣхъ своихъ чувствъ отъ похотѣнія или дѣятельнаго стремленія къ чему-либо земному).

Но мы дѣломъ своего спасенія заниматься не хотимъ, мы нестяжательны только по отношенію къ одному своему спасенію, а, по отношенію къ земнымъ, благамъ стяжательность свою—удваиваемъ; вы стараетесь о томъ, чтобы преумножать деньги; преумножаете сребро съ ростомъ преступнымъ; такъ же преумножаете вы и злобы ваши съ преступными противузаконіями вашими, сочетаваясь съ дѣлающими беззаконія и не сочтетесь со избранными.

ГЛАВА XLIV.

Пятіобразіе непокорства спасенію и семистрастіе.

И въ этомъ, т. е. въ любостяжательности, есть ваше непокорство спасенію; и представлю вамъ, что главизна непокорства есть гордость, киченіе и тщеславіе, (т. е. это побуждаетъ человѣка быть любостяжательнымъ).

Эти три подообразія зла дѣлаютъ (человѣка) чуждымъ спасенія; (человѣкъ чрезъ любостяжаніе) дѣлается врагомъ себѣ и союзникомъ зла.

По сторонамъ главизны: на одномъ краю – оклеветаніе и осужденіе, сокровиществованіе всякой злой противности спасенію; говоримъ: вражда, зависть, злоумышленіе противъ брата, злорадство и соревнованіе во злѣ. Эти пятіобразія зла совокупляются союзомъ зла. На одномъ же краю отъ главизны, т. е. на внѣшнемъ пятіугольникѣ, есть шумъ зла, т. е. тщеславныя страсти, а на второмъ отъ краю отъ главизны находится сокровиществованіе беззаконій, посрединѣ сего пятіобразнаго

союза зла собраны пути всѣхъ золъ; говоримъ: жестокость, малодушіе, гнѣвъ, непокорство, преслушаніе. Остерегайтесь-же отъ сего непокорства спасенію и покаряйтесь спасенію вашему.

Если же вы исполнены зависти, то какъ можете покаряться спасенію вашему? Если вы полны ненависти, какъ можете познать спасеніе свое? Если вы исполнены вражды, какъ можете научиться тому, что есть спасеніе? Если вы исполнены ярости, какъ можете между собою мирствовать для спасенія своего? Если вы исполнены взаимнаго злопамятства, какъ взыщете того, чтобы прійти къ вышнему міру спасенія? Если вы взаимно осуждаете, какъ вамъ оправдаться въ царствѣ небесномъ? Съ вѣтромъ осужденія загасили вы лампаду Благодати.

Что для лампады вѣтеръ, то для благодати Божіей осужденіе. Языкъ человѣка, по дѣйствію своему, уподобляется вихрю; дунетъ языкъ осужденіемъ ближняго — и погасла въ человѣкѣ лампада Благодати. Какъ отъ вихря гаснетъ лампада, такъ чрезъ осужденіе угашается сіяніе свѣтоносія лампады благодати, говоримъ, воздѣлываніе добродѣтелей. Вражда и злопамятство уничтожаютъ благодать Божію въ человѣкѣ. Неблагодарность же и ненависть утверждаютъ человѣка въ погибели. И осужденіе, какъ начало всего этого,—погибель погибели дѣетъ, говоримъ: зависти, ярости, ненависти, вражды, злопамятства и неблагодарности. Смѣшеніе зла.

Такъ сегодня и смѣсились люди со зломъ, стали однимъ союзомъ зла, т. е. между собою и съ лукавымъ. Стали союзомъ зла въ хищеніи, любостяжаніи, сребролюбіи, лжи, въ зависто-рвеніи, въ гордости, въ похвальбѣ, въ тщеславіи, въ многоразнообразности вещей. Единодушествуютъ они въ любостяжаніи, какъ будто не монахи и бѣдствуютъ въ волнахъ погибели круженія мірскаго.

ГЛАВА XLV.

О дивномъ милосердіи Божіемъ и о томъ, кому именно сорадуются ангелы.

Охъ, недоумѣю я о толикомъ милосердіи Божіемъ! Какъ это Онъ вамъ столь милосердствуетъ и столь долготерпитъ, когда Моисею и малаго ропота не потерпѣлъ? Сіе же потому, что тогда былъ Богъ отмщеній, какъ говорится: „Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній не обинулся есть“. Тогда былъ Богъ отмщеній, а нынѣ: Благословенъ Христосъ Богъ. Тогда былъ Богъ отмщеній, а нынѣ Богъ благоутробія (Богъ милостей и щедротъ), Который милосердуетъ о насъ и милуетъ, а вы Его преогорчеваете вашими злыми наклонностями. Тогда былъ

Богъ отмщеній, нынѣ же Богъ Слово воплощенное. Тогда былъ Богъ отмщеній, нынѣ-же предъ Нимъ Заступница, Матерь Бога Вышняго, плотію родившая Бога Слово, Творца всей твари видимой и невидимой, село пространное, Бога вмѣстившее. Посему говорится: „Радуйся Божіе пространное селеніе! Радуйся, кивоте Новаго Завѣта! Радуйся, позлащенная стамно, въ ней-же манна, яже съ небесъ, всѣмъ дадеся“.

Тогда былъ Богъ отмщеній, нынѣ-же — Богъ, рукою изведшій Адама изъ ада и свободившій. Нынѣ есть милующій, благосердный, многомилостивый, щедрый, и долготерпѣливый Богъ, Богъ долготерпящій, милосердующій и помиловавшій: блуднаго, блудницу, Манассію, разбойника, мытаря; гордымъ-же противящійся.

Спрашиваю я васъ, преподобнѣйшіе отцы, какъ смилосердовался Богъ о таковыхъ, помиловалъ ихъ и милуетъ? Такую блудницу нечистоты, блуднаго въ блудѣ иждившаго?.. Манассію, погибавшаго пагубой душевной; мытаря, хищенія неправды дѣлавшаго; разбойника, кровопролитія содѣлавшаго? — Дивлюся, почему радуются о нихъ Ангелы на небесахъ и славословятъ люди? Въ пѣсняхъ поютъ ихъ?—Не за тѣ злыя дѣянія, которыя они содѣлали, славословятъ ихъ Ангелы и пѣснословятъ люди, но все славословіе и пѣснословіе всецѣло восхваляетъ истинное покаяніе ихъ, стойкость покаянія, рѣшимость въ покаяніи. Радуются Ангелы о томъ, что дѣлавшіе грѣхъ обратились къ истинному покаянію, содѣяли удаленіе отъ зла и рѣшимость воздерживаться, утвердились въ истинномъ покаяніи до конца жизни своей, а по смерти предали душу свою, какъ даръ, въ приношеніе Богу. И принялъ ихъ Богъ во славу Божества Своего и преставилъ туда, идѣже праведніи упокоеваются въ радованіи Ангельскомъ, гдѣ сорадуются и свеселятся они въ Бозѣ съ праведниками, (досл. въ Божествѣ Божіемъ).

Видятъ Ангелы, что покаяніе грѣшника достигло Бога съ такимъ удобствомъ, такимъ дерзновеніемъ, такою скоростью, видятъ напряженность ихъ покаянія, безбоязненность отвращенія отъ грѣха, — видятъ Святые Ангелы такое скоропослушество Божіе. такое покаяніе грѣшника и начинаютъ славословить, какъ говорится: „радость бываетъ (Лук. 15, 7) на небесѣхъ о единомъ грѣшникѣ кающемся“.—Славословятъ Ангелы, но кого славословятъ?—Славословятъ то неизслѣдимое море благосердія, ту милость покаянія. Славословятъ, но кого славословятъ?—Славословятъ ту Благость. Тотъ Свѣтъ снисшедшій, Тотъ Глаголъ, Тотъ Путь покаянія на землѣ, который говоритъ: „покайтеся, ибо приблизилось Царство Небесное“. (Матѳ. 3, 2).

Славословятъ. но кого славословятъ?—Славословятъ то неописуемое долготерпѣніе, которымъ долготерпѣлъ Онъ намъ и долготерпитъ вамъ съ безмѣрной милостію, долготерпитъ съ неизслѣдимымъ моремъ

покаянія, которымъ долготерпитъ злой наклонности человѣка. [1]) Долготерпитъ, но кому?—Тому, кто кается съ покаяніемъ истиннымъ; долготерпитъ тому, кто кается отъ всего сердца, отъ всей души и всею мыслію; тому кто отвращается отъ грѣха, удаляется отъ беззаконія, празднословія, осужденія, нечистоты; тому, кто по обращеніи къ покаянію дѣетъ противоположное злу. Таковому Богъ не только долготерпитъ, но съ корнемъ исторгаетъ древо злой наклонности изъ человѣка; чрезъ такое покаяніе происходитъ забвеніе грѣха Богомъ, Богъ забываетъ все зло содѣянное человѣкомъ, также, какъ забылъ Манассіи его злое расположеніе, блудницѣ ея злое дѣяніе, разбойнику кровопролитіе, ибо истинное покаяніе посѣкаетъ вѣтви грѣха, а утвержденіе въ покаяніи вырываетъ грѣховный корень. За истинное покаяніе забываетъ Богъ грѣхъ человѣку, но какимъ образомъ забываетъ?

ГЛАВА LXVI.

Объ исторженіи грѣха изъ сердца. Сравненіе души съ садомъ, а грѣха съ терніемъ въ саду.

Вонмите, о преподобнѣйшіе, о томъ, какъ забываетъ Богъ грѣхъ человѣку. Душа согрѣшившая подобна тому, какъ если въ какомъ царскомъ саду, на самой серединѣ дорожки окажется колючее дерево, называемое Паллурій, вродѣ плюща, весьма колючее и крайне цѣпкое. Это дерево не красиво, имѣетъ свойство распространяться и испускать множество побѣговъ подобно грѣху. Когда кто проходитъ около сего дерева, то оно также цѣпляется къ проходящему какъ грѣхъ; если же взойдетъ на верхушку дерева—производитъ весьма большую тѣнь, такъ что не даетъ саду видѣть лучей солнечныхъ, согрѣваться ими и давать плоды, въ даръ царю—чтобы, пріявъ даръ, любоодарилъ Царь садовника своимъ царскимъ дарованіемъ.

Спрашиваю я васъ, отцы преподобнѣйшіе: если будетъ у садовника такое колючее дерево въ саду, то что тогда можно садовнику принести въ даръ Царю, чтобы пріять отъ него царскую награду?

Чистое устроеніе человѣка есть какъ-бы нѣкое садовное украшеніе предъ Богомъ, а тѣло человѣка—какъ садовникъ, (т. е. человѣкъ долженъ достигать тѣлесными подвигами чистаго устроенія и удерживать тѣло свое отъ всякаго грѣха). Если не получитъ садовникъ отъ сада дохода, плодовъ садовныхъ, то всуе трудился онъ за время цѣлаго года. Говоримъ: если убыточествуетъ монахъ въ плодѣ жизни

---

[1]) Мысль та, что Богъ долготерпитъ великимъ грѣхамъ людей, ожидая покаянія, срвн. 2 Петр. 3, 9—„Господь долготерпитъ намъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“.

монашеской и пресвѣтломъ покаяніи, то всуе труды его цѣлаго года. Поэтому, садовникъ спѣшитъ, какъ только появится колючій плющъ въ саду, тотчасъ искоренить колючее дерево, чтобы тѣнью своею оно не мѣшало саду и не пересталъ-бы отъ этого садъ приносить плодовъ. Говоримъ: не лишился-бы подвижникъ различныхъ дарованій. И начинаетъ садовникъ искоренять то непотребное дерево, говоримъ, древо грѣховное и раздѣлываетъ то мѣсто, на которомъ находилось колючее дерево. Говоримъ: начинаетъ человѣкъ очищать мысль свою и отдѣлять грѣхъ отъ чувствъ своихъ, т. е. отвращать чувства свои отъ грѣха; духъ свой и расположеніе свое дѣлаетъ добрымъ, по сердцу дѣлается человѣкъ расположенія чистаго, добраго. Начинаетъ-же садовникъ искоренять колючее дерево для того, чтобы садъ плодоносилъ. Начинаетъ съ улучшенія, т. е. съ рѣшимости исправить садъ и избавить его отъ тернія. Говоримъ, начинаетъ съ того, что прощаетъ ненавидящихъ и обидящихъ его, и уже одно это прощеніе отъ всей души и всего сердца есть улучшеніе для человѣка. Потомъ выкапываетъ корень дерева, чтобы вырвать его. Говоримъ: терпитъ скорби, которыя, если хочетъ кто уничтожить древо грѣховное, каждый часъ находятъ на него. Обезвѣтвляетъ дерево; говоримъ: бѣгаетъ осужденія. Ибо, кто осуждаетъ—себя обезсиливаетъ и въ три раза большіе грѣхи сотворитъ, — блудъ-ли, или прелюбодѣяніе, или воровство, или хулу, или малакію, или другія какія согрѣшенія. Тотъ, кто другого обвиняетъ и осуждаетъ за то, что въ немъ находится какой-либо малый или великій грѣхъ, тотъ есть бѣсъ [1]) а не человѣкъ. Тотъ чужевѣръ, а не христіанинъ. Ради сего, говорю я вамъ, что избѣгающій осужденія избѣгаетъ грѣха, исторгаетъ древо грѣховное, искореняетъ его, кладетъ въ огонь грѣхъ свой, сожигаетъ его и грѣхъ становится пепломъ. Приходитъ вѣтеръ съ дождемъ, разноситъ его и исчезаетъ онъ отъ лица сада, говоримъ, отъ расположенія человѣческаго, получаетъ садъ покой, видитъ лучи солнечные, дерева начинаютъ плодоносить и красуется садъ плодами.

Видитъ садовникъ, что исторглось колючее дерево, что съ исторженіемъ его получили отраду плодоносныя деревья и забываетъ садовникъ о деревѣ, которое отравляло дерева сада и лишало ихъ плода; говоримъ: древо грѣха, которое отравляетъ душу человѣка. Итакъ, забылъ садовникъ о деревѣ, такъ какъ оно исчезло изъ сада.

Такъ и Богъ забываетъ грѣхъ человѣку. Забываетъ Богъ грѣхъ, но какъ забываетъ и что забываетъ? — Забываетъ—съ отвращеніемъ отъ грѣха, отъ беззаконія и всѣхъ воздѣлывающихъ беззаконія, но самый содѣянный грѣхъ, зло и беззаконіе не забываются. Ей, прощаетъ,

---

[1]) Это выраженіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что чрезъ осужденіе человѣкъ становится орудіемъ діавола.

но не забываетъ. Такъ долженъ поступать и человѣкъ, подобно садовнику, который вырвалъ дерево зла для того, чтобы въ грядущій годъ не лишиться плода, и началъ улучшать садъ; выкапывать, говоримъ—молиться; искоренять, говоримъ—воздерживаться; расчищать, говоримъ—подвизаться; [2]) искоренять, говоримъ — нести канонъ; исповѣдывать, говоримъ—являть дѣломъ, т. е. дѣлать дѣла противныя прежнимъ грѣхамъ; обноситъ оградою и дѣяніемъ обрабатыванія своего искореняетъ древо грѣховное, плодъ беззаконія изъ расположенія своего; и не видно больше дерева того въ саду. Говоримъ: обработка себя человѣкомъ дѣлаетъ то, что самое расположеніе его съ чувствомъ очищается, не ощущается больше расположенія нечистаго, но одно лишь чувствуется расположеніе къ чистому, благому: и дѣлается онъ очищеннымъ, пресвѣтлымъ и прекраснѣйшимъ. Грѣхъ такому забывается и покаяніе очищаетъ его. Грѣхъ изглаждается, и покаяніе осіяваетъ рану грѣховную. Боли грѣховныя забываются, но мѣсто пораненія не забывается, какъ и у того, кто раненъ былъ ножемъ или пулей. Когда-же раненное мѣсто загніетъ, то не попечется-ли человѣкъ о томъ, чтобы исцѣлить тяготу раны своей? А если нѣтъ, то не достигнетъ-ли гной до сердца? А если воспаленіе дойдетъ до сердца, то не умретъ-ли онъ? Если-же онъ позаботится о ранѣ и исцѣлится, то, спрашиваю я васъ, перестанутъ-ли боли? Еще спрашиваю я васъ: когда исцѣлится рененый, говоримъ, грѣшникъ, и обрѣтетъ здравіе свое, говоримъ, покаяніе свое, то прекратятся боли, говоримъ, помыслы, и затянется пораненіе раны, говоримъ,—отгородится отъ грѣха. Когда затянется рана, не будетъ ни боли, ни стенанія. Спрашиваю я васъ: останется-ли всетаки мѣсто пораненія явственно означеннымъ? И когда увидитъ знакъ раны, воспоминаетъ-ли онъ болѣзни свои или нѣтъ? Ей, воспоминаетъ, но не страдаетъ. Воспоминаетъ, но не воздыхаетъ. Воспоминаетъ, но не уязвляется ими. Но какой трудъ долженъ воспринять садовникъ, когда захочетъ искоренить то колючее дерево, чтобы съ корнемъ вырвать его? Говоримъ: человѣку, который хочетъ отвратиться отъ грѣха, какой потребенъ ему трудъ, пока не исторгнетъ онъ грѣхъ? Какой предлежитъ ему подвигъ, когда будетъ онъ отсѣкать вѣтви или побѣги грѣховные. Говоримъ:—злые помыслы? Какой предлежитъ ему подвигъ, когда будетъ осуществлять на дѣлѣ удаленіе отъ празднословія? Какой подвигъ будетъ имѣть, когда станетъ исторгать грѣхъ содѣянный въ жизни своей? Ахъ, и какъ представить мнѣ предъ вами, преподобнѣйшіе отцы, таковой подвигъ? Ей, представлю я вамъ, но какимъ образомъ представлю?—Представлю вамъ въ примѣръ св. Іакова Пер-

---

[2]) Мысль та, что послѣ избавленія отъ грѣховъ, послѣ побѣды надъ страстями не слѣдуетъ впадать въ самодовольство, самохвальство, но должно смиренно помнить о своихъ прежнихъ грѣхахъ, иначе, въ наказаніе за самохвальство, прежніе грѣхи вернутся обратно.

сяцина. Берите себѣ примѣръ съ его подвига, подвизаясь такъ и сами по силѣ вашей. Сей Іаковъ, яко человѣкъ, шествуя путемъ жизни своей, зацѣпился платьемъ за то колючее дерево зла, говоримъ, — за грѣхъ отреченія; потомъ взыскалъ какъ-бы отцѣпиться отъ того злого соизволенія на грѣхъ, чтобы опять прійти въ расположеніе благое и снова пріять благодать Крещенія. [3])

Ей, воспринялъ онъ ее, но какимъ бореніемъ боролся, чтобы воспринять? Вы скажете, что сей отрекся и оттого такъ боролся, а намъ, какая необходимость боренія, когда мы не отрекались подобнымъ отреченіемъ? Ахъ, преподобнѣйшіе отцы, кто согрѣшаетъ волей или неволей, одинаково допускаетъ отреченіе предъ Богомъ, ибо содѣяніе грѣха есть жертва бѣсу, какъ и Іаковъ принесъ жертву чрезъ отреченіе свое—идоламъ. Обратите вниманіе, преподобнѣйшіе, какимъ бореніемъ боролся въ дѣлѣ подвига Іаковъ. Обратите вниманіе и на собственную вашу погибель, что изъ за сребра и злата погибелію погибели погибаете вы, покланяясь сребру и злату, какъ идолопоклонники идоламъ, У идолопоклонниковъ было чрезмѣрное соревнованіе, кто первый принесетъ жертву идоламъ и поклонится имъ; тоже бываетъ и у людей, которые соперничаютъ изъ за земного суетнаго тлѣнія и этимъ губятъ себя, говоримъ: погибаютъ они изъ за вскруженія многопопечительностію тлѣнія, губятъ спасеніе свое съ круженіемъ вещнымъ, соперничаютъ въ томъ, кто первый осуществитъ себя лживою лихвою въ лихоимствѣ, стяжетъ различныя лакомства, будетъ помѣщать и превращать сребро и злато въ ростѣ, покланяться сребру и злату вмѣсто идоловъ.

ГЛАВА LXVII.

Объ оскверненіи молитвы помыслами любостяжательными.

Вы скажете: мы молитвы идоламъ не приносимъ, какъ-же говоришь ты такое?—Да, правду сказали вы, что Богу, молитву приносите, но, вопрошу я васъ: когда вы молитву устами вашими приносите — „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя“, — подвигаете языкъ на молитву, то мысль вашего сердца гдѣ бываетъ? Гдѣ гуляетъ, гдѣ кружится и о чемъ размышляетъ? Ибо нынѣ люди не такимъ образомъ молятся, чтобы молитва ихъ была имъ во спасеніе, но такимъ образомъ, чтобы строить суетная и ложная. Входятъ въ цер-

---

[3]) Слова сіи не слѣдуетъ понимать такъ, будто св. Іаковъ былъ вторично по отреченіи крещенъ; смыслъ тотъ, что чрезъ покаянные подвиги св. Іаковъ потщился снова быть достойнымъ благодати, воспринятой имъ въ таинствѣ крещенія и утраченной чрезъ грѣхъ отреченія.

ковь, чтобы читать службу, но не прелагають слуха къ тому, чтобы слушать службу со страхомъ и трепетомъ, читая Божественныя слова; образъ лишь дѣлають, т. е. принимають личину молящихся, воображають же различные образы и помысломъ своимъ помышляютъ о суетныхъ и лживыхъ земныхъ вещахъ, какъ-бы обогатиться кому сребромъ и златомъ, какую-бы постройку построить, какъ выстроить прекраснѣйшій домъ, чтобы онъ былъ длинный, широкій, высокій—трехъ этажный, имѣлъ просторную вмѣстительность, какъ садъ развести съ различными деревами плодовыми; въ возникновеніи такихъ помысловъ проходитъ служба церковная и оканчивается, но помыслы у человѣка не прекращаются, и онъ уходитъ изъ церкви, не замѣтивъ, какъ и служба прошла. Даже не сознаетъ того, что вышелъ изъ церкви, т. е. что стоялъ въ церкви, но выходитъ съ такимъ впечатлѣніемъ, какъ-бы шелъ изъ театра, потому что онъ какъ въ театрѣ стоялъ во время Богослуженія, взирая на помыслы свои, суетные и ложные и такъ стоялъ въ стойкѣ своей.

Міряининъ, если хочетъ жить праведно, долженъ непрестанно въ душѣ своей молиться и, когда сидитъ за дѣломъ, говорить: „Господи, Господи не отврати Лица Твоего отъ мене и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене!“—Господи, Іисусе Христе, помилуй мя грѣшника“!—„Пресвятая Богородица, спаси немощную душу мою“!—„Кресте Христовъ! спаси мя силою Твоею“!—„Вси Святіи, предстательствуйте о мнѣ грѣшномъ“!—Съ такими молитвами подобаетъ аскетамъ дѣлать свое рукодѣлье, и не только аскетамъ, но и всѣмъ монахамъ-христіанамъ, дабы, работая руками,—два дѣла рукодѣльничали—чувственное [1]) и мысленное, говоримъ: рукодѣлье тѣлесное и душевное въ правдѣ и цѣломудріи.

Правда-же состоитъ вотъ въ чемъ: да трудится каждый, монахъ-ли, или всякій изъ рода христіанскаго, воздѣлывая дѣло рукъ своихъ, со справедливостію да беретъ и даетъ; да размышляетъ о себѣ самомъ, каковъ онъ есть и что онъ всѣхъ грѣшнѣйшій, недостойнѣйшій душою и тѣломъ. Тогда, если и повздоритъ съ сосѣдомъ своимъ, по дѣйствію діавольскому и оскорбятъ одинъ другого, то почитающій себя недостойнымъ, не возмутится отъ безчестія и брани, но пребудетъ спокойнымъ и несмущеннымъ, какъ-будто-бы другого кого обезчестили, а не его. Сіе дѣло есть праведность и справедливость для каждаго монаха и міряннна. Чистота-же цѣломудрія есть сіе: каждый монахъ и христіанинъ, когда сидитъ за дѣломъ рукъ своихъ, да не принимаетъ никакого ядовитаго помысла клеветы, которая есть орудіе осужденія.

---

[1]) Молитва—внутренній, духовный подвигъ, но когда она проявляется и во внѣ, то становится еще и внѣшнимъ дѣломъ,—„рукодѣліемъ“, (напр перебираніе четокъ, которыя держатъ въ рукѣ).

ГЛАВА XLVIII.

О тимпанахъ и ликахъ, вихряхъ осужденія и къ чему это приводитъ.

Какъ труба требуетъ пѣсни, т. е. мотива, такъ и многословіе требуетъ клеветы; какъ пѣніе требуетъ (акомпанимента) гитары, такъ и злословіе лжи; какъ гитарѣ потребны тимпаны и лики, во струнахъ и органѣ, такъ злопамятство ищетъ злоумышленія. Итакъ, когда эти пять вихрей міра, въ союзѣ тимпанномъ, бьютъ въ струны тимпана, т. е., когда дѣется осужденіе и въ союзѣ съ нимъ начинаютъ дѣйствовать и прочія страсти, выше поименованныя, тогда увлекается міръ гласомъ тимпана, оставляетъ простой народъ дѣло занятія своего, чтобы развлечься на зрѣлищѣ окомъ своимъ и насладиться слухомъ своимъ, т. е. музыкой осужденія. Оставляютъ дѣла службы своей, устремляются на звукъ дѣла тимпаннаго и тамъ воздѣлываютъ эти пять вихрей міра.

И наслаждаются слушаніемъ и зрѣніемъ того, какъ толкутъ вѣтеръ, а плода никакого не получаютъ. Прекратился гласъ тимпана, гласъ органа дѣланія безплодія, которое лишь окончательный убытокъ нанесло [1]) занятію... Потолкали люди вѣтеръ [2]), взалкали, а плода не получили никакого. Взалкавъ вспомнили они о занятіи своемъ, вернулись къ дѣлу долга своего, видятъ, что другіе уже потрудились въ занятіяхъ своихъ, т. е. окончили, а они лишь приходятъ только начинать въ часъ вечерній. Когда же [3]) открывать?—когда работать, чтобы продать дѣло работы своей?—Говоримъ: состарѣвшемуся человѣку, когда открывать занятіе покаянное, чтобы воздѣлывать путь покаянія, ибо въ тимпанѣ и ликѣ прошли дни жизни его; наконецъ, алчба спасенія потребовала покаянія, но когда ему каяться, чтобы живонапитаться покаяніемъ?

О старче, ты, который по невѣдѣнію израсходовалъ дни жизни твоей на тимпаны, лики, пированія міра суетнаго и въ этомъ засталъ тебя вечеръ, востань же нынѣ и покажи хотя вмалѣ чрезвычайное покаяніе Богу, ибо смерклось, и, прежде нежели вечеръ сдѣлаетъ отпустъ, сдѣлай ты дѣло покаянія твоего. Но сегодня не имѣютъ склонности къ слушанію трубы покаянія; почти всѣ предались трубѣ

---

[1]) Мысль та, что празднословіе и осужденіе, не принося никакой пользы празднословамъ и осуждающимъ, отнимаетъ драгоцѣнное время отъ молитвенныхъ подвиговъ и другихъ добрыхъ дѣлъ.

[2]) Т. е. насладились болтовнею, празднословіемъ.

[3]) Т. е., когда приступать къ работѣ.

погибели, тщеславному оклеветанію гитары многословія и многословя ликуютъ, какъ въ тимпанѣ и ликѣ, во гласѣ радованія, въ киченіи злопамятства, въ ликованіи празднословія, во струнахъ и органахъ осужденія...

ГЛАВА XLIX.

„Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмъ и во грѣсѣ роди мя мати моя".

Да, родила мать младенца по чину и естеству женскому, но младенецъ не носился (во чревѣ) по чину и естеству младенческому.

Младенецъ, когда выйдетъ изъ ложеснъ матери своей и породится банею пакибытія въ крещеніи во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, отверзаются въ немъ по крещеніи очи духовныя и видитъ онъ Трисолнечное Солнце Солнцевъ.

Но сегодня не оберегаютъ себя женщины, какъ то подобаетъ для чревоносящихъ по чину и естеству женскому. Законъ женскій—вѣдать одного своего законнаго мужа, съ которымъ повѣнчана, вѣдать также и дни соитій своихъ, т. е. когда законъ дозволяетъ и когда не дозволяетъ; потому что законнымъ вѣнцемъ сочетаваются ради чадорожденія, а не ради услажденія. Та, которая блюдетъ себя отъ лукавства, ту и Богъ бережетъ вмѣстѣ съ младенцемъ ея; если же мать не будетъ блюсти себя отъ лукавства, какъ будетъ хранить Богъ ее и младенца ея?

Но сегодня много мужей и женъ не берегутъ себя отъ лукавнованія [1]) своего, не хранятъ праздниковъ, ни Владычнихъ, ни Богородичныхъ, ни воскресеній, ни иныхъ какихъ-либо праздниковъ, но одно только дѣлаютъ дѣло чадорожденія своего безо всякаго страха Божія и разбора. Чадорождаютъ, но какъ чадорождаютъ?—Чадорождаютъ младенцевъ съ зачатіемъ лукавымъ, т. е. въ сладострастіи. Скажете: что такое лукавнованіе?—Лукавнованіе есть сіе: если младенецъ рождается, когда мать его чиста была отъ плотской страсти, то становится и младенецъ сѣменемъ чистымъ.

Послѣ теперешнихъ людей, у потомковъ ихъ младенцы заговорятъ сразу по выходѣ изъ ложеснъ матери, молвить будутъ [2]) съ бабкой, скажутъ ей: «Оселъ, жаръ, понимаю».—Говоримъ: оселъ—хочетъ сказать отецъ или, какъ нынѣ говорятъ: Гайдаръ. «Жаръ»—хочетъ сказать: занятіе (матери). „Понимаю"—хочетъ сказать: понялъ лукавство родителей моихъ, т. е. подобно безсловесному животному, ослу, жарко зачатъ я былъ въ распутствѣ родителей моихъ, блудившихъ и пре-

---

[1]) Т. е., отъ рабства плотской страсти.

[2]) Бесѣду новорожденнаго младенца съ бабкой надо понимать не буквально, а иносказательно.

любодѣйствовавшихъ другъ съ другомъ; я понялъ лукавство міра, бывъ во чревѣ матери моей, подобенъ я порожденію ослиному. Сіе животное не вѣдаетъ грѣха, вѣдаетъ только содѣяніе плотское и то не всегда: человѣкъ же не только вѣдаетъ грѣхъ плотской, но и воздѣлываетъ оный, также всякія грѣхи и беззаконія міра. Свою жизнь проводитъ въ поведеніи собачьяго распутства, не вѣдаетъ ни дня, ни часа, но утромъ, вечеромъ, въ полдень, и въ полночь «совокупляются люди, какъ псы; такъ родился я, жарко зачавшись, какъ оселъ и понялъ лукавое распутство родителей моихъ...»—Это и означаютъ слова: «оселъ жарко и понимаю».

Ей, понялъ, но кого понялъ?—Не иного кого, но лукавство родителей своихъ въ зачатіи.

Спрашиваю я васъ: когда засѣютъ поле сѣменемъ, смѣшаннымъ съ сѣменемъ терновымъ и поле будетъ посреди мѣста тернистаго, то, что произойдетъ отъ сѣмени, когда оно прозябнетъ въ землѣ? можно-ли тогда будетъ отдѣлить сѣмя тернистое отъ сѣмени благаго?—Не иначе раздѣлить можно бы было, какъ если бы это сдѣлать прежде, нежели посѣется: раньше отобрать, а потомъ посѣять; если такъ отобрано будетъ сѣмя, а потомъ посѣяно, тогда будетъ рожь хорошая, не лукавая, но, если рожь для посѣва не будетъ отобрана, тогда сдѣлается всезлѣйшею и вселукавою. И не только отборнымъ должно быть сѣмя мужа, но отборнымъ должно быть и поле или жена. Терновое же сѣмя, которое слѣдуетъ тщательно отбирать отъ сѣмени хлѣбнаго, есть помыслы (сладострастные). Если засѣется сѣмя мужа съ помысломъ благимъ, то и младенецъ благимъ родится; если же засѣянъ будетъ съ прелюбодѣйствомъ и блудомъ, то, съ какимъ зачатіемъ зачался, съ тѣмъ и родится; чадородятъ его, но не порадуются о немъ, ибо покинетъ родителей чадо ихъ, убѣжитъ на чужбину и не пребудетъ съ ними потому что лукавство соединялось съ нимъ при зачатіи его родителями, и ради сего не порадуются, ни родители о чадѣ своемъ, ни чадо о родителяхъ своихъ. Если мать совратится съ пути (законнаго) въ иной:—тогда отстраняется Богъ, т. е. оскорбляется благодать Таинства брака, младенецъ сугубо истощается, почему и не возможетъ увидѣть мать младенца своего (благополучнымъ), ни младенецъ (порадоваться) о матери своей. Младенецъ разлагается душевно еще во утробѣ матери своей, вслѣдствіи того, что была она нечистой и сносилась противузаконно, уже имѣя во чревѣ своемъ.

Лукавнованіе же родителей состоитъ въ томъ, что лукавыя говорятъ: это вѣнецъ мой, для того я и повѣнчался, чтобы исполнить вожделѣніе мое.—Да, это есть вѣнецъ твой, почему и не имѣетъ по закону права на него никто другой, но вы рождаете не по закону, не съ чистымъ расположеніемъ. По закону вы вѣнчаетесь, но съ противузаконіемъ чадорождаете. Разъ вы чадорождаете съ противузаконіемъ, то

5 Зак. 252

отъ этого противузаконнаго зачатія, что станетъ потомъ съ младенцемъ, который есть сѣяніе беззаконія и добыча распутства?—Никакой нѣтъ пользы младенцу отъ такого вашего чадорожденія; по вашему лукавству отверзаются у .него очи на лукавство еще во чревѣ матери. Чистота помрачаетъ зрѣніе лукавства, отверзая зрѣніе благодати; въ отношеніи къ земному, чистота души дѣлаетъ людей непонимающими и, наоборотъ, просвѣщенными по отношенію къ невещественному; лукавство же наоборотъ: дѣлаетъ людей по отношенію къ земному—просвѣщенными, а по отношенію къ невещественному помраченными. Поэтому, когда выходитъ изъ чрева лукавое сѣмя, которое родилось и вскормилось съ лукавствомъ, то оно окажется съ воровствомъ, съ лжесловіемъ, неправдами, распутствомъ, мужеложствомъ, прелюбодѣяніемъ и другими различными грѣхами. Если скажешь: почему же оно будетъ такимъ, когда вскормится?—Потому, что пропалъ въ немъ страхъ Божій.—Когда же пропалъ въ немъ страхъ Божій?—т. е. развѣ не получилъ онъ даровъ Духа Святаго при крещеніи, а съ ними и страха Божія?—Да, онъ крестился, нашла на него благодать Всесвятаго Духа вмѣстѣ со страхомъ Божіимъ и вселилась въ немъ, но родители не наставляли его на путь спасенія; онъ дѣлалъ, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ; ради сего возрасло въ немъ расположеніе злое, и сталъ онъ чадомъ злымъ, такъ какъ погубили его родители своимъ распутствомъ. Стало это чадо родителямъ своимъ не покоряться, Бога не бояться, потому что пропалъ въ немъ страхъ Божій и поселилось непокорство, прекословіе и безстрашіе. Отчего и по какой причинѣ сталъ онъ такимъ?—по той причинѣ, что родители не соблюли дня его зачатія, а, когда родился, не остерегали его, чтобы онъ не творилъ злыхъ своихъ похотѣній.

Рождаютъ съ преступленіемъ, а посему и не порадуются о чадѣ своемъ, рожденномъ съ преступленіемъ.

ГЛАВА L.

Еще о чадородствѣ міранъ.

Да, прожорствуютъ [1]) чадородцы, т. е. міряне, однако, по сравненію съ монахами, нѣкоторое имѣютъ извиненіе, ибо суть въ супружествѣ: но и чадородцамъ подобаетъ соблюдать себя отъ обжорства, если хотятъ, чтобы дѣти ихъ стали мужами добродѣтельными и крѣпкими. Надлежитъ блюсти воздержаніе; когда младенецъ засѣменится и зачнется, тогда подобаетъ, чтобы соблюдали себя и не смѣшивались больше мужъ съ женой; ибо отъ этого происходитъ обоюд-

[1]) Т. е., не умѣренны въ плотскихъ наслажденіяхъ.

ный вредъ: во-1-хъ потому, что изнуряется мать, а во-2-хъ, потому, что повреждается младенецъ; вредъ младенцу въ томъ, что истощается сила младенца; сила же его—есть премудрость его. Поэтому у Еллиновъ, когда младенецъ зачинался, отецъ съ матерію соблюдали себя, чтобы больше не соединяться, воздерживались также отъ прожорственныхъ и многообразныхъ явствъ, чтобы не усиливалась въ нихъ сила плотская, чтобы мужу не впасть съ женой въ сношеніе, не осквернить этимъ младенца и тѣмъ не обезсилить его. И у всякаго, кто воздерживался отъ прожорства и плотскаго сладострастія, дѣти бывали мудрые. Всѣ ученые мудрецы произошли отъ такихъ родителей. Но оставимъ мудрость еллиновъ и обратимся къ безсловеснымъ скотамъ. У безсловесныхъ животныхъ, когда, по соединеніи самки съ самцомъ, почувствуетъ она, что восприняла сѣмя, то потомъ больше самца не принимаетъ, чтобы не испортить въ рождаемомъ природы.

Если у людей мать не убережется отъ тѣлеснаго совокупленія, имѣя во чревѣ, то весьма повреждается симъ младенецъ, такъ какъ питается кровію матери своей; если эта кровь матери осквернится сѣменемъ мужа и станетъ ею питаться младенецъ, то и молоко матери будетъ оскверненнымъ черезъ невоздержаніе; тогда что станетъ съ младенцемъ, который вскормился съ нечистотою? Сей младенецъ будетъ впослѣдствіи или прокаженнымъ, или паршивымъ, или худосочнымъ, или съ какимъ инымъ недостаткомъ; не возможно, чтобы не былъ онъ чѣмъ-либо заклейменъ; жизнь его будетъ лукава, запятнана ложью, воровствомъ, или инымъ чѣмъ подобнымъ; ибо зачатъ онъ былъ съ распутствомъ, вскормленъ кровію оскверненною и молокомъ распутства. Итакъ, подобаетъ, чтобы мать чиста была отъ всякія скверны, дабы и младенецъ чистъ былъ отъ всякаго оскверненія. Если она будетъ хранить себя отъ обжорства и плотскаго соединенія, то и младенца своего охранитъ чистымъ, младенецъ ея будетъ всегда кроткимъ, навсегда останется при родителяхъ своихъ, т. е. хотя и не тѣломъ, но будетъ любить ихъ. Если же родители не будутъ блюсти себя отъ этихъ двухъ винъ, то узрятъ и младенца своего дикимъ, преслушнымъ, всегда смущающимъ родителей своихъ (или прогнѣвляющимъ).

Мнятъ таковые родители, что родили чадо ради промышленія о нихъ въ старости, но, такъ какъ вскормился онъ въ нечистотѣ ихъ, то и не имѣетъ потому страха Божія въ себѣ, а причиняетъ родителямъ своимъ только печали.

ГЛАВА LI.

Міръ погибаетъ отъ блуда, прелюбодѣянія и разврата, а монашество—отъ многопопеченія, многозаботливости и многостяжанія.

Подобно тому, какъ приходящій изъ міра въ монашескую жизнь, долженъ отлѣпиться отъ вещества міра, такъ и младенецъ долженъ отлѣпиться отъ утробы матери своей, выйти изъ ложеснъ и соединиться съ міромъ, т. е. вступить въ жизнь.

Да, соединяется младенецъ съ беззаконіемъ міра, но почему?—Соединяется младенецъ съ погибелью міра потому, что и родители его погружены въ погибель погибели; отсюда и младенецъ вѣдаетъ всегда только о земныхъ, а о небесныхъ забываетъ, къ погибели дѣлается чуткимъ, а ко спасенію безчувственнымъ; боится такъ подвига спасенія своего, какъ будто за это мучимъ будетъ въ погибели, самой-же погибели не боится, но наиболѣе печется о ней, какъ-бы ею надѣясь спастись. Такъ и въ монашеской жизни нынѣ бываетъ.

Монашество и міръ есть супружество. Если мужъ ведетъ цѣломудреннѣйшую жизнь, то благообразитъ ею и жену, т. е. дѣлаетъ и ее нравственною. Говоримъ: если монахи живутъ съ чистымъ расположеніемъ, то и міръ благообразится, т. е. дѣлается нравственнѣе.

Чистое расположеніе монаха состоитъ въ томъ, дабы совершенно отречься отъ жизни мірской, кружительной; круженія-же жизни мірской суть: многопопеченія, многозаботливость и сокровиществованіе.

Дѣйствіе сихъ трехъ послѣднихъ на міръ таково, что изъ-за нихъ помрачаетъ себя міръ и не видитъ благодати Божіей. Такъ точно помрачается этими тремя и монашеская жизнь.

Но какія суть тѣ три другія, которыми наипаче лишается міръ свѣта благодати Божіей?—они суть: блудъ, прелюбодѣяніе и распутство. Ибо, если блудитъ отецъ, то блудить будетъ и чадо; если прелюбодѣйствуетъ отецъ, будетъ прелюбодѣйствовать и чадо; если распутствуетъ отецъ, распутствовать будетъ и чадо...

Итакъ, если монашеская жизнь утратила спасеніе свое, то не тѣмъ-ли паче утратилъ міръ цѣломудріе и нечистыми сдѣлались міряне? Монахъ, какъ мы выше сказали, есть мужъ, онъ потерялъ силу свою, тѣмъ болѣе жена—міръ, удержитъ-ли силу свою?

Міръ есть женщина въ сравненіи съ монашествомъ... Если мужъ безсиленъ, то жена еще безсильнѣе; не тѣмъ-ли паче безсильнымъ будетъ и сѣмя ихъ? т. е. послѣдующія поколѣнія христіанъ и монаховъ. Какъ зачинаться будутъ, таковы будутъ и младенцы? Младенцы будутъ безсильны подобно отцу и матери своей, т. е. новыя поколѣнія монаховъ. Ибо отецъ растратилъ силу свою въ многопопеченіи и сокрови-

ществованіи, а жена, которая по естеству безсильна, паче того обезсилѣла отъ трехъ дѣлъ міра: говоримъ—блуда, прелюбодѣянія и разврата. Эти и обезсиливаютъ жену, т. е. міръ.

ГЛАВА LII.

Дивное домостроительство Божіе о спасеніи человѣка. Воплощеніе, омовеніе первороднаго грѣха крещеніемъ, искупленіе Адама распятіемъ. Дарованіе людямъ второго крещенія покаяніемъ.

Человѣкъ становится преступникомъ и нечистымъ отъ зачатія своего, т. е. получаетъ зародыши нечистоты.

Ради этого сошелъ съ неба Богъ и даровалъ Божественное крещеніе, чтобы очищать человѣка, отъ прародительской нечистоты и ради сего Самъ Сынъ Человѣческій крестился. Но зачѣмъ крестился и почему, разъ Онъ не былъ зачатъ въ беззаконіи, но воплотился отъ Духа Свята?—Великаго Совѣта Ангелъ сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ и былъ совершенный Богъ, крестился крещеніемъ, очистивъ тѣмъ нечистоту беззаконнаго зачатія и преступнаго рожденія.

Но не вмѣстѣ съ крещеніемъ очищенія явилъ крещеніе покаянія, но, во первыхъ, явилъ крещеніе очищенія, а потомъ—крещеніе покаянія. Крещеніе очищенія производится безъ горечи, но съ благодушіемъ, съ возрадованіемъ, а крещеніе покаянія — со слезами и со скорбями.

Беззаконное-же зачатіе и по крещеніи продолжаетъ дѣйствовать, т. е. вліять на помыслъ человѣка, какъ змѣй на Еву, т. е., хотя чиста была тогда Ева, однако приступилъ къ ней змій съ искушеніемъ. Такъ и по крещеніи—обычный грѣхъ, извѣданный душею, приступаетъ къ душѣ и по освобожденіи ея отъ него черезъ таинственное крещальное дѣйствіе Духа Святаго. Душа, хотя и освободилась въ крещеніи, но легко принимаетъ снова совѣтъ зміевъ и снова впускаетъ духа нечистаго въ домъ свой выметенный и пустой. Конечно, душа, зачатая отъ праведныхъ родителей и меньше знакомая со грѣхомъ отъ зачатія своего, будетъ и по крещеніи тверже сопротивляться совѣтамъ зміевымъ и сильнѣе ненавидѣть ихъ.

И вотъ воздѣйствуетъ помыслъ, т. е. мысленное грѣховное вожделѣніе, на плоть, оскверняя крещеніе подобно тому, какъ подѣйствовалъ змѣй чрезъ Еву на Адама, и осквернились оба чрезъ преступленіе.

Авель-же зачатъ былъ послѣ Каина и омытъ былъ благословенный горчайшими оправданіями, т. е. слезами покаянія Адама и Евы.

Итакъ, весь родъ человѣческій сталъ зачинаться во грѣхѣ и рождаться въ беззаконіи, но Ева съ Адамомъ не были зачаты съ безза-

коніемъ, но осквернили себя нечистотою преступленія и были изгнаны за сіе преступленіе. Итакъ, кому возможно было очистить ихъ отъ преступленія?

Адамъ, по преступленіи своемъ, сидя напротивъ рая, на той проклятой землѣ, горько плакалъ и показалъ великое покаяніе: день и ночь, взирая на преступленіе свое, онъ говорилъ стеня и рыдая: „горе мнѣ несчастному!—Что это я сдѣлалъ?—Охъ, какъ изгнался я изъ рая?!—Отъ какого сладчайшаго Создателя всяческихъ я отогнанъ!..—Увы мнѣ лишенному, тѣхъ благъ райскихъ, которыхъ око не видало, ухо не слыхало и языкъ не изрекалъ о таковыхъ!.. Я же какъ лишился ихъ?—Какъ я изгнался? Никто другой не изгналъ меня, самъ я содѣлалъ преступленіе мое...“—Такъ сознавалъ Адамъ преступленіе свое и горько плакалъ, но что была за польза? Кто могъ теперь освободить его изъ ада? Никто не могъ освободить его изъ той проклятой бездны преступленія, только единый Богъ, Создатель, Царь созданія. Который и воплотился ради сего, отъ Духа Свята; Великаго Совѣта Ангелъ, Чуденъ Совѣтникъ, въ вертепѣ родивыйся, снисшелъ съ небесъ.—Но кто Его низвелъ?—Низвело Его покаяніе и плачъ Адама. Слезы Адама притянули Его, какъ магнитъ желѣзо. Сошелъ, воплотился, сталъ совершенный человѣкъ, пребылъ-же и совершенный Богъ, очистившій нечистоту зачатія человѣческаго. Очистилъ, но какъ очистилъ?—Очистилъ ее Духомъ Святымъ и огнемъ.

Но для очищенія Адама требовалась прискорбнѣйшая горечь, т. е., страданія. И совершилъ Господь сіе, устремившись въ баню страстей—и пострадалъ; какъ говорится: «и страдавша, и погребенна». Вкусилъ смерть, какъ совершенный человѣкъ, какимъ былъ, скончавши тѣмъ все присущее человѣчеству. Какъ совершенный-же Богъ, крестившись крещеніемъ очищенія, очистилъ естество человѣческое отъ беззаконій зачатія, а потомъ явилъ крещеніе покаянія—словомъ и дѣломъ.

Явилъ словомъ, когда сказалъ: „можете-ли пить чашу, которую я пію и крещеніемъ, которымъ я крещаюся, креститься?“ (Марк. 10, 38).—Дѣломъ-же было то, когда Онъ претерпѣлъ скорби, долготерпѣлъ въ страстяхъ, смирился, до смерти съ долготерпѣніемъ Своимъ — заушился, былъ бичеванъ, поруганъ, отъ раба въ ланиту ударенъ спасенія нашего ради, вѣнецъ изъ тернія пріялъ, переносилъ злостраданія и муки человѣческія съ долготерпѣніемъ, такъ какъ былъ совершенный человѣкъ, всякое дѣйствіе человѣческое совершалъ, т. е. ходилъ, ѣлъ, спалъ, какъ совершенный человѣкъ, кромѣ только грѣха, такъ какъ былъ Онъ Единъ совершенно безгрѣшный. Сіе подобно тому, какъ если-бы былъ какой человѣкъ злого расположенія, содѣлывающій дѣло злое и былъ-бы другой добраго расположенія. Добрый видитъ злого, дѣлающаго противузаконіе и погибель души своей, печалится, сѣтуетъ,

стенаетъ о погибели брата и посылаетъ ему письма о исправленіи. Но злой получаетъ то письмо, бросаетъ его подъ ступни ногъ своихъ, даже узнать не желаетъ, что говорится въ письмѣ. И слышитъ доброжелательный человѣкъ, что злой не покоряется его совѣту, который онъ ему написалъ ко исправленію его,—посылаетъ онъ людей вѣрныхъ, чтобы они убѣдили его ко исправленію. Пошли тѣ благословенные люди, стали злому совѣтовать исправиться; онъ же, услыхавъ совѣты посланныхъ, убѣждавшихъ его исправиться, разгнѣвался, содѣялъ имъ зло, однихъ билъ, другихъ посадилъ въ темницу, иныхъ казнилъ, иныхъ убилъ. Когда доброжелательный человѣкъ услыхалъ, что злой убилъ тѣхъ, которые были посланы къ нему, то опечалился, скорбя о погибели человѣка.

Можно-ли ему что сдѣлать, чтобы исправить человѣка?—Да, можно, но что можно?—Можно было-бы употребить наказаніе во отмщеніе.—Но отмщеніе уже дѣялось, ибо человѣкъ отмщенія ради погибалъ, какъ говорится: «Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній, не обинулся есть».—Ей, отмщалъ Богъ человѣку, но человѣкъ изъ-за отмщенія Божія погибалъ.

ГЛАВА LIII.

Посольство Моисея.

И Богъ, какъ тотъ доброжелатель, вѣдая грѣховность человѣка, послалъ людямъ чрезъ Моисея скрижали съ десятью заповѣдями, а такъ какъ Моисей былъ косноязычный, то имѣлъ при себѣ брата, Аарона, чтобы тотъ излагалъ народу заповѣди, написанныя на скрижаляхъ и передавалъ ихъ въ чувство человѣка... И меня Богъ, послалъ, какъ скрижали къ тебѣ, который косноязыченъ [1])...

И вотъ увидѣлъ Богъ, что глаголовъ скрижалей не слушаютъ, что люди сдѣлались безчувственны ко исправленію своему и творятъ злыя дѣла подобно тому, какъ и нынѣ люди стали безчувственны ко глаголамъ спасенія.

Такъ какъ люди сдѣлались непокорны къ повелѣніямъ Божіимъ, даннымъ чрезъ Моисея, то вслѣдъ за нимъ послалъ Богъ пророковъ, чтобы прорекли они, что имѣетъ быть и истолковывали-бы скрижали, которыя изрекъ Богъ Моисею.

---

[1]) Здѣсь „косноязычный“ (заикавшійся) Ѳеофанъ сопоставляется съ Моусеемъ. Какъ Моусей былъ посланъ Богомъ къ евреямъ, такъ косноязычный Ѳеофанъ предназначенъ преподобнымъ въ качествѣ вѣстника гнѣва Божія Аѳонцамъ, если они не покаются.

Увидѣли неблагодарные Іудеи, какъ объясняютъ пророки скрижали и что предсказываютъ, разгнѣвались противъ пророковъ, иныхъ побили, другихъ затворили, а иныхъ убили. Тогда Богъ, увидавъ непокорство людей, послалъ Сына Своего Единороднаго, чтобы Онъ истолковалъ имъ скрижали Моисея.

ГЛАВА LIV.

О посольствѣ Іоны, бывшаго прообразомъ не только погребенія тридневнаго, но и воплощенія.

Итакъ послалъ Богъ Сына Своего, но какъ послалъ?—Если-бы Онъ послалъ Его просто и какъ придется, то кто повѣрилъ-бы Ему, что Онъ есть Сынъ Божій?—Ей, вѣримъ мы Ему, но почему вѣримъ?—Мы вѣримъ потому, что родился Онъ чудесно, какъ прообразовалъ Его пророкъ Іона.

Когда послалъ Богъ Іону въ Ниневію проповѣдывать, то сначала ожесточилъ сердце его, а потомъ повелѣлъ идти. Іона бѣжалъ въ другое мѣсто, но укрыться отъ Бога не могъ, потомъ пошелъ въ Ниневію. И такъ первое его бѣгство было промыслительно попущено Богомъ, чтобы ему прійти въ Ниневію чудесно, во чревѣ кита. Ибо, если-бы онъ пришелъ просто и какъ придется, то не стали-бы ему вѣрить. Ради этого вошелъ онъ предварительно въ чрево рыбы, во образъ Сына Божія, вошедшаго волею во чрево человѣческое; черезъ три дня Іона вышелъ изъ рыбы на берегъ Ниневіи и сталъ проповѣдывать. Ниневитяне повѣрили, такъ какъ увидѣли, что Іона невредимо вышелъ изъ рыбы. Подобно этому, Сынъ, Слово Божіе, вышелъ, изъ утробы Дѣвы Маріи, и никакая человѣческая скверна не коснулась Богородицы. Подобно тому, какъ Іона оставался во чревѣ рыбы и по трехъ дняхъ невредимо вышелъ, такъ и Всесвятая Дѣва родила неискусомужно Сына Своего, Младенецъ не поболѣлъ, а Дѣва Богородица не искусилась въ дѣвствѣ Ея, но и по рождествѣ, какъ и до рождества, пребыла Она нетлѣнной; посему говорится: «до рождества Дѣва, въ рождествѣ Дѣва, и по рождествѣ Дѣва...»

ГЛАВА LV.

Посольство Крестителя.

Богъ предсказалъ о пророчествѣ вѣрныхъ пророковъ Своихъ, говоря: „Гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень“ (Исаія, 40, 3). Кто же есть сей гласъ въ пустыни? Гласъ есть Іоаннъ Креститель, вопль есть—покаяніе, а пустыня—проповѣдь по-

каянія, ибо тотъ, кто привлекается проповѣдью покаянія, дѣлаетъ себя пустымъ отъ всѣхъ благъ земныхъ. Сего ради и сказано, что проповѣдалъ Іоаннъ въ пустынѣ Іудейской. Еще смыслъ имѣетъ пустыня— преступленіе заповѣдей, Іудея же - непокорство человѣческое, ибо люди не покоряются заповѣдямъ Божіимъ, какъ Іудеи. Проповѣдывалъ Іоаннъ, глаголы скрижалей, которые рекъ Моисею Богъ: чти отца твоего и матерь твою; не прелюбы сотвори; не кради; не убій; не лжесвидѣтельствуй противъ ближняго твоего; не пожелай жены ближняго твоего: ни села его, ни раба его. Сіи и другіе подобные глаголы гласили скрижали Моисея. Предтеча же въ своей проповѣди толковалъ глаголы скрижалей въ призывѣ къ покаянію.

Посему говорится: въ пустынѣ вопіетъ Предтеча. Да, вопіетъ, но что вопіетъ? Вопіетъ и говоритъ: „Покайтеся, приблизилось бо царствіе Небесное“ (Марк. 1, 15). Что же означаютъ сіи слова? Приблизилось царство небесное есть сіе. Господь Богъ, видя непокорство человѣка, совѣтъ сотворилъ послать возлюбленнаго Своего Сына—не постыдятся ли Его, не покорятся ли Единородному Его Сыну?.

ГЛАВА LVI.

Какъ исполнять въ монашествѣ заповѣдь о почитаніи отца и матери.

Заповѣдь говоритъ: „Чти отца твоего и матерь твою“. Это означаетъ сіе:

Отецъ для человѣка есть Сынъ Божій, Матерь же есть Святая Дѣва Марія, изъ Которой Онъ воплотился и вочеловѣчился, чтобы ты всю любовь твою и все почитаніе твое всецѣло имѣлъ къ Сыну Божію и пламенною любовію любилъ бы Матерь, Всесвятую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Дѣву Марію.

Если же любишь и чтишь Всесвятую Богородицу вмѣстѣ съ Сыномъ Ея, то чтишь и любишь также мать и отца твоего по плоти; ради сего и изрекъ Богъ эти глаголы въ скрижали Моисея: „Чти отца твоего и матерь твою“ и „люби ближняго твоего, какъ себя“. Если же ты не чтишь отца твоего и матерь твою, которыхъ видишь каждый день передъ собою, то какъ возможешь любить Сына Божія и Матерь Его, Которыхъ не видишь? И какъ говоришь, что любишь Бога, если ненавидишь отца своего и матерь свою; если ты говоришь, что любишь Бога, то лжешь предъ Богомъ [1]).

Отецъ же есть старецъ твой, а мать—духовникъ твой. Итакъ, если не любишь старца твоего и духовника твоего, если ты еще и преслушливъ къ старцу твоему и духовнику, не имѣешь ихъ въ по-

---

[1]) Означенныя слова довольно близко напоминаютъ 1 Іоан. 4, 20.

четѣ, противорѣчишь тому, что они тебѣ говорятъ, а при всемъ томъ говоришь, что любишь Бога, то ты лжецъ предъ Богомъ. Тогда только не подобаетъ слушаться старца своего, когда онъ блудникъ, еретикъ или ведетъ тебя на путь погибели и къ догматамъ еретическимъ. Подобно же и духовника твоего, тогда только да не слушаешь, если онъ блудникъ или еретикъ. Если же они не таковы, а ты не хочешь любить ихъ и слушаться ихъ, и говоришь, что любишь Бога, то лжешь предъ Богомъ. И опять, если и любишь старца своего, но не дѣлаешь то, что онъ повелѣваетъ тебѣ по Бозѣ, а говоришь, что соблюдаешь заповѣди Божіи, то лжешь предъ Богомъ.

Потому то не сказалъ Богъ въ глаголахъ, которые далъ Моисею на скрижаляхъ, „Меня любите“ или „Покоряйтесь тому, что говорю вамъ“, но сказалъ: „Чти отца твоего и матерь твою“. Это значитъ, если родителей не будете чтить, то не будете покоряться Мнѣ и глаголамъ Моимъ, которые Я изрекъ на скрижаляхъ, дабы чтили и любили Сына Моего съ Матерію Его.

ГЛАВА LVII.

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что Сына Своего далъ. Кто званые.

Если положилъ Богъ совѣтъ послать Единороднаго Своего Сына, то кто въ силахъ былъ возбранить Ему, т. е. какіе грѣхи, злодѣйства и неблагодарность людей могли остановить этотъ совѣтъ Божіяго человѣколюбія?

Положилъ и Авраамъ совѣтъ, т. е. рѣшился принести сына своего въ жертву Богу, такъ какъ имѣлъ чрезвычайную любовь къ Нему. Но совершилъ ли онъ совѣтъ свой? Нѣтъ, не совершилъ, потому что ему помѣшали, не люди помѣшали ему, но воспрепятствовала тому безграничная милость Божія и любовь благостыни Его.

Какой человѣкъ возможетъ возлюбить Бога больше того, нежели сколько Богъ любитъ человѣка? Да человѣкъ любитъ Бога, но почему же не принесъ онъ въ жертву сына своего? Очевидно, потому, что не имѣлъ такой любви къ Богу, какую Богъ имѣетъ къ человѣку.

Любитъ человѣкъ Бога, но съ двойственностью; Богъ же никакой двойственности въ любви Своей къ человѣку не имѣетъ. По чрезвычайной Своей любви къ человѣку, принесъ Богъ въ жертву Единороднаго Сына Своего. Положилъ человѣкъ совѣтъ принести въ жертву сына своего, но былъ остановленъ, воспрепятствовалъ ему въ томъ Богъ. Но Богу, кто былъ бы въ силахъ воспрепятствовать? Сдѣлалъ совѣтъ и сотворилъ дѣло. Совѣтъ же Его былъ: да принесу въ жертву

Сына Моего и созову званыхъ Моихъ, дабы возвеселились въ Царствѣ Моемъ.

Званые суть грѣшники, кающіеся. Поэтому. кто кается во грѣхахъ, тотъ возрадуется во Царствіи Божіемъ.

ГЛАВА LVIII.

Что значитъ: „приблизилось царство небесное“ и „уготовьте путь“?

Какъ только грѣшникъ обратится къ покаянію, сейчасъ же оказывается близъ Царства Небеснаго; посему и говоритъ въ проповѣди Предтеча: „покайтеся, ибо приблизилось царство небесное“. Или говорится: „въ пустынѣ вопіетъ Предтеча Христовъ: уготовьте пути и стези Бога нашего прямы сотворите“, и т. д.

Что значитъ уготовьте путь? Это значитъ сіе:

Когда царь захочетъ пойти въ какое малое и низшее село, то посылаетъ впередъ чиновныхъ своихъ, чтобы уготовали путь, то-есть подмели бы. Говоримъ, чтобы покаялись, обратились, очистились, сирѣчь, исповѣдались и просвѣтились. Спрашиваю я васъ: если мѣсто плохое, то можно ли ввести царя въ него? Ради того и послалъ Онъ сановника Своего, говоримъ, Предтечу, дабы уготовалъ онъ путь Господень. Итакъ: село есть человѣкъ; презрѣнное есть преступленіе. Посему и уподобляю я его селу тому.

Итакъ, если то село осквернено псилафизмами, загрязнено злымъ расположеніемъ, неочищенно отъ злосмрадностей, тогда какъ возможно царю прійти въ то мѣсто?

Итакъ, Богъ, увидавъ такое оскверненіе, положилъ въ предвѣчномъ совѣтѣ освятить естество человѣка и сего ради послалъ Предтечу, чтобы онъ пріуготовалъ путь Господень; потомъ Самъ пришелъ Богъ и исполнилъ совѣтъ Свой о спасеніи людей.

ГЛАВА LIX.

О трехъ предначертаніяхъ предвѣчнаго совѣта.

Но какъ исполнилъ Богъ совѣтъ Свой, чтобы прійти и освятить естество человѣческое? Ей, пришелъ, сталъ человѣкомъ, снова освятилъ человѣка человѣческимъ естествомъ Своимъ, т. е. освятилъ воды во Іорданѣ, потомъ искупилъ грѣхъ крестными страданіями человѣчества Своего, давъ Плоть Свою и Кровь Свою въ снѣдь людямъ.

Почему не сдѣлался Онъ человѣкомъ съ обыкновеннымъ зачатіемъ человѣческимъ, но зачался Маріею Дѣвою со словомъ Божіимъ, (Архангела)?.. Очевидно, потому, что долженъ былъ воплотиться Великаго

Совѣта Ангелъ, Чуденъ Совѣтникъ, посему и Совѣтъ Предвѣчный былъ о вочеловѣченіи Его. Поэтому Сынъ Божій воплотился, не съ сѣменемъ человѣческимъ зачавшись. Но Онъ сталъ совершенный человѣкъ, показалъ Свое человѣческое естество тѣмъ, что былъ обрѣзанъ нашего ради спасенія, вскормленъ, послушенъ даже до смерти и смерти крестной. Положилъ Богъ въ Совѣтѣ, чтобы Онъ воплотился, и вотъ Онъ воплотился и съ промыслительнымъ воплощеніемъ исполнилъ Совѣтъ.

Богъ увидѣвъ, что исполнился совѣтъ Его о промыслительномъ воплощеніи, исполнилъ и второе Свое предначертаніе. Оно заключалось въ томъ, чтобы освятилась рождаемая плоть человѣческая, ибо осквернился человѣкъ отъ зачатія; поэтому и былъ второй Совѣтъ Божій, чтобы освятить человѣка. Но какъ освятить? Такъ чтобы и святымъ сдѣлать. Освятить—это то, что говоритъ Предтеча: „я крещаю васъ водою“ (Матѳ. 3, 11), а дѣлать святымъ есть слѣдующее: „грядетъ Крѣпкій, мене вслѣдъ, Ему же нѣсмъ достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его. Сей креститъ вы Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Матѳ. 3, 11). Это и значитъ сдѣлать святымъ. Такъ содѣялся и второй совѣтъ о оправданіи крещеніемъ, какъ о томъ сказалъ Іисусъ Іоанну: „Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всякую правду“ (Матѳ. 3, 15). Когда Великаго Совѣта Ангелъ промыслительно воплотился, то исполнилъ первый совѣтъ Божій, второй совѣтъ былъ тотъ, чтобы Духъ Святой сошелъ въ видѣ голубиномъ и пришелъ къ Нему вмѣстѣ съ гласомъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ“ [1]) (Матѳ. 3, 17).

Совершивъ второй совѣтъ, Богъ приступилъ къ окончанію и третьяго совѣта. Третій же совѣтъ былъ тотъ, чтобы ради любви, которую имѣетъ Богъ къ человѣку, пострадать Христу.

Скажете, зачѣмъ Сыну Божію должно было пострадать?

Когда преступилъ Адамъ заповѣдь Божію и изгнанъ былъ изъ рая, то восплакался горько, взирая на блага рая; но не помогали ему тѣ плачи, какъ не помогаютъ и тѣмъ людямъ, которые въ аду. Звала ихъ церковь къ покаянію, но они пребывали во грѣхѣ; наконецъ, отдали общій долгъ, отверзли очи свои въ аду, мучатся тамъ, каются, жалостно плачутъ, но пользы отъ того никакой не имѣютъ, какъ говорится: „въ аду нѣтъ покаянія“... Такъ было и съ Адамомъ, когда онъ плакалъ безутѣшно, взирая на тѣ блага райскія и каялся.

Принесъ Адамъ предъ Бога покаяніе недомыслимое, печалился Богъ объ Адамѣ, видя такое его покаяніе, но какъ было можно освободить Адама, когда преступленіе его стало стѣной мѣдяной между нимъ и Богомъ? Вотъ, сего ради и сошелъ Богъ, воплотился, и по-

---

[1]) Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа во Іорданѣ было посвященіемъ Его на служеніе роду человѣческому.

страдалъ то, что пострадалъ въ тѣхъ Святыхъ Страстяхъ Своихъ. Прежде же того явилъ крещеніе правды [1]), а потомъ показалъ долготерпѣніе Свое въ страстяхъ.

ГЛАВА LX.

О томъ, какъ дѣломъ показалъ Господь крещеніе покаянія.

Такимъ же образомъ явилъ намъ дѣломъ Господь и крещеніе покаянія.

Однимъ воднымъ крещеніемъ Адамъ не освящался, но требовалъ еще горькаго тренія, чтобы отпалъ отъ него грѣхъ. Ради сего потомъ и отверзся Царскій Источникъ, т. е. Ребро Господне и токъ Крови Его, чтобы омылось преступленіе Адама, чтобы тридневною смертію освободился бы Адамъ изъ того плѣна грѣховнаго, въ который за противузаконіе впалъ даже до глубины ада. Терніемъ же горчичнымъ, цѣлительнымъ для Адама, были страсти Господа нашего Іисуса Христа, долготерпѣніе Его, уничиженіе, которымъ Онъ былъ уничиженъ, претерпѣлъ изгнаніе, предательство, заушеніе, бичеваніе и прочее; всѣ эти терзанія были и суть цѣлительная горчица, которою подобаетъ цѣлиться людямъ. Поскольку тереть будетъ себя человѣкъ горчицей этой, постольку будетъ освящаться душою и тѣломъ, такъ же какъ и Адамъ, согрѣшившій и покаявшійся, ради покаянія его просвѣщенный тѣми страстями Господа нашего Іисуса Христа и очищенный отъ беззаконія.

Итакъ, чтобы скончать совѣтъ Божій и омыть преступленіе Адама, отверзся этотъ источникъ Царскій для омовенія преступленія. Какъ же отверзся тотъ недосязаемый источникъ и потекъ? Не ино отверзся сей источникъ, но съ искупительными страданіями Самого Господа, со стенаніями, со скорбью, съ печалью о погибели человѣка; весьма прискорбенъ былъ Христосъ о грѣхахъ человѣка: «прискорбна есть душа Моя до смерти».

Поэтому и человѣку подобаетъ быть прискорбнымъ о пагубѣ своей, которая ему приключается, т. е. весьма болѣзновать долженъ человѣкъ о грѣхахъ случившихся съ нимъ, съ великимъ сожалѣніемъ о нихъ каяться, а не холодно и легкомысленно. Да, каждый подверженъ грѣху и яко человѣкъ погибаетъ, т. е. впадаетъ въ грѣхи человѣческія, но не должно быть безпечнымъ о погибели своей, но слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы имѣть и сокровиществовать печаль въ сердцѣ своемъ, всю жизнь быть прискорбнымъ до смерти, какъ говорилъ Господь: «прискорбна есть душа моя до смерти» (Матѳ. 26, 38).

---

[1]) Крестившись отъ Іоанна во Іорданѣ.

ГЛАВА LXI.

О томъ, какъ отверзся Царскій Источникъ изъ ребра Спасова.

Итакъ, чтобы скончался спасительный совѣтъ Бога, востали противъ Него столькія искушенія; Онъ искушенъ былъ Святыми Страстьми. По заушеніи, оплеваніи, бичеваніи, поруганіи, оклеветаніи вознесли его на страсть на возвышенномъ мѣстѣ, на позоръ человѣкамъ, пригвоздили, какъ злодѣя, посреди двухъ разбойниковъ, изъ которыхъ былъ одинъ хульникъ, а другой поминается [1]). Вознесли Его на высокомъ мѣстѣ; на крестъ, чтобы опозорить Пречистое Тѣло Его, но этимъ мучители опозорили самихъ себя и до днесь. Вознесли Его на высокомъ мѣстѣ, сіе было дѣломъ промыслительнымъ, ибо, если у кого есть садъ, то гдѣ роется систерна, чтобы могла она напаять садъ? — конечно, на мѣстѣ высокомъ, т. е. выше уровня сада лежащемъ, ибо, если она будетъ на низменномъ, садъ не можетъ напаяться и дерева плодовыя останутся безплодными. Поэтому и скончалъ Онъ совѣтъ Свой на мѣстѣ высокомъ, отверзъ тотъ пресвѣтлый источникъ [2]), напоилъ и напаяетъ садъ до сего дня и, поскольку упаяются имъ древа плодоносныя, постольку дерева и плоды приносятъ, такъ что одно приноситъ плодъ десятерицею, а другое остается безплоднымъ...

ГЛАВА LXII.

Почему кровь Господня однихъ искупила и взошли они въ рай, а другіе и по воскресеніи Господнемъ остались въ аду.

Когда совершился тотъ третій совѣтъ Божій—распяться Ему и волею излить Пречистую Кровь Свою, какъ говорится:—единъ отъ воинъ копіемъ ребра Его прободе и абіе изыде Кровь и вода (Іоан. 19, 34);—когда распростерся Чуденъ Совѣтникъ на Крестѣ, отверзся пресвѣтлый источникъ, потекла та сладчайшая Кровь, то Христосъ сошелъ во адъ. Сошелъ, но какъ сошелъ?—Когда пріялъ Іисусъ оцетъ, сказалъ:—

[1]) Т. е., и по днесь прославляется Церковію.

[2]) Срвн. тропарь. „Спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли, Христе Боже, на Крестѣ пречистѣи руцѣ Твои простерлъ еси, собирая вся языки зовущія: Господи, Слава Тебѣ". Срвн. Канонъ Животворящему Кресту, 4-я пѣснь. „Твоя высота, Живоносне Кресте, воздушнаго князя біетъ".

совершишася (Іоан. 19, 30) и предалъ Духъ. Куда предалъ его? [1]) одесную Отца, какъ говорится: «сѣдяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ». —Да возсіялъ одесную Отца, но не тотчасъ возсіялъ, но когда вывелъ праотца Адама и прочихъ праотцевъ, потомъ лишь вознесся, Пречистымъ Тѣломъ Своимъ и возсѣлъ одесную Отца.

Вывелъ праотцевъ изъ темницы адской, но какъ вывелъ?—Вывелъ ихъ слѣдующимъ образомъ? Когда сталъ сходить Іисусъ Христосъ во адъ, чтобы освободить праотцевъ, то не отворяли Ему вратъ ада, ибо только при входѣ во адъ грѣшника открываются врата просто и безъ задержки.

Такъ какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ безгрѣшенъ, то и не открывали [2]) Ему вратъ адскихъ. Тамъ былъ Святый Предтеча и говорилъ: «грядетъ Освободитель нашъ, чтобы насъ освободить». И ожидали вѣровавшіе событія словъ, которыя говорилъ Честной Предтеча, взыскивая, изслѣдуя и испытывая, когда же придетъ Христосъ, чтобы ихъ освободить.

Посему говорится: «врата адовы сокрушилъ еси Господи»—(Октоихъ 4-й гласъ, воскресн. стихира).—Да, сокрушилъ Онъ врата адовы, но какъ сокрушилъ ихъ?—Сокрушилъ ихъ съ правдою. Не всѣхъ держимыхъ тамъ Онъ вывелъ, но только вѣровавшихъ и чаявшихъ Его. Наступилъ Христосъ пречистой стопой Своей на врата, тотчасъ сокрушились онѣ, вошелъ Іисусъ Христосъ во адъ, пошелъ туда, гдѣ были собраны праведные праотцы, поучалъ ихъ о Божествѣ Своемъ, какъ воплотился Онъ для того, чтобы освободить человѣка и исполнилось то, о чемъ поучалъ Предтеча. Тѣ, которые увѣровали, освободились изъ ада.

---

[1]) Срвн. Пасхальный тропарь. „Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй Неописанный“. Срвн. I Петр. 3, 18, 19... „былъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ, которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ сошедъ проповѣдалъ“.

[2]) Слова эти надобно понимать, конечно, не въ буквальномъ смыслѣ. Мысль здѣсь та, что Іисусъ Христосъ, сошедъ во адъ, вступилъ въ борьбу съ силами ада („врата адовы“ — Мате. 16, 18 — силы ада); борьба окончилась побѣдой Христа и пораженіемъ діавола. Такая мысль ясно высказывается и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Напр., „Снисшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси вереи (затворы) вѣчныя“ (Пасхальный канонъ). — „Врата адова сокрушилъ еси, Господи“ (Октоихъ 4-й гласъ, воскресн. стихира).

ГЛАВА LXIII.

Кто будутъ „благословенніи Отца Моего" и кто будутъ „проклятіи".

Слова: «Пріидите благословенніи Отца Моего» будутъ сказаны для тѣхъ, которые увѣровали, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Единородный Сынъ и Слово Божіе. Подобаетъ не только вѣровать, но и соблюдать нерушимо заповѣди Божіи. Ибо, если заповѣди не соблюдаются, то вѣра безъ дѣлъ не пользуетъ нисколько:—«Идите отъ Меня проклятіи»—будетъ сказано немилосерднымъ, неправеднымъ, злодѣямъ и прочимъ грѣшникамъ. Таковымъ Судія Праведный скажетъ:— «Идите отъ Мене проклятіи», о васъ въ беззаконіяхъ зачатыхъ и въ нечистотѣ грѣха рожденныхъ, Я, воплотившись и ставъ совершеннымъ человѣкомъ, много промышлялъ, много потрудился, чтобы очистить васъ отъ той проказы зачатія, далъ вамъ заповѣди, а, если по немощи вашей осквернитесь и побѣдитесь грѣхамъ, яко человѣки, - далъ вамъ для очищенія отъ этого слезы покаянія, но вы не только не каялись въ томъ, что осквернили благодать Божественнаго крещенія, Мною вамъ даннаго, но осквернили еще и крещеніе покаянія, сдѣлались еще худшими, чѣмъ прежде, презрѣли заповѣди которыя Я изглаголалъ вамъ для спасенія вашего. Сколь вы неблагодарны: Я терпѣлъ вамъ семдесятъ кратъ седмерицею; хотя и видѣлъ неблагодарность вашу, долготерпѣлъ вамъ до сна смертнаго, ожидая вашего покаянія, но вы, получивъ покаяніе, осквернили его грѣхами. Посему идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный для мученія въ вѣчномъ огнѣ.

ГЛАВА LXIV.

Что значитъ древо насажденное при исходищахъ водъ. О происхожденіи Креста. О покаяніи Лота, какъ прообразѣ монашескаго покаянія.

Было насаждено древо, прозябло въ раю, отросло и принесло прекрасные плоды [1]) Животворящій Крестъ Христовъ на Голгоѳѣ не далъ чувственныхъ плодовъ, но духовный плодъ далъ прекраснѣйшій. И отдаетъ сіе древо спасающимся весь Плодъ свой, т. е. всего Господа, древо не обезпложивается и благодать плода не истлѣваетъ.

Посему человѣкъ, когда впадетъ въ грѣхъ, то спѣшитъ къ покаянной исповѣди; покаяніе исповѣдное простираетъ къ нему руку, какъ

---

[1]) Сопоставленіе древа Эдемскаго и Животворящаго древа на Голгоѳѣ.

Авраамъ Лоту [1]), даетъ кающемуся обгорѣвшія палки для насажденія на мѣстѣ безводномъ и слезнаго поливанія—жизнь монашескую; принимаетъ ее человѣкъ,—и она поставляетъ его на дѣланіе спасенія; монашескою жизнію воздѣлываетъ онъ спасеніе свое, слезами омываясь, какъ воздѣлывалъ и Лотъ покаяніе свое за содѣянное въ опьянѣніи, ради чего и напаялъ, согласно канону своему, то древо, нося издалека воду для поливки и поливая себя слезами. Такъ подобаетъ и человѣку воздѣлывать дѣло спасенія своего, (т. е. въ монашествѣ), чтобы содѣлалось спасеніе его и осіяла его жизнь монашеская преосіяніемъ дѣлаія спасительнаго.

Ей, воздѣлывали и осіявали монашескую жизнь прежніе отцы, но сегодня, вмѣсто того, чтобы воздѣлывать свое спасеніе, нерадятъ о немъ, омрачаютъ себя жизнію міра сего; вмѣсто того, чтобы работать въ жизни монашеской, закруживаютъ себя сокровиществованіемъ веществъ міра сего, вдаваясь въ житейскія заботы и попеченія. Пекутся, заботятся, сокровиществуютъ, но разоряются въ спасеніи своемъ (досл.: нищими дѣлаются). И такъ пропалъ путь спасенія, (т. е. извратилась жизнь монашеская).

ГЛАВА LXVI.

Христосъ воскресъ—воистину воскресъ!

Распяли Іудеи Царя своего и благодѣтеля, хулили и хулятъ Его до сего дня, говорятъ, что ученики украли Его. Но какъ могли украсть Его ученики, когда Онъ былъ окруженъ столькими воинами? При такой охранѣ гроба, при столькихъ воинахъ вооруженныхъ и охранявшихъ Его, какъ возможно было ученикамъ отлѣпить синдонъ отъ Пречистаго Тѣла Его? И еще: какая была имъ нужда отлѣплять синдонъ отъ Тѣла? Спрашиваю, теряетъ-ли воръ даромъ время во время воровства? Если-бы тѣло Христа было похищено, то похититель немедленно и убѣжалъ бы; какая была бы ему еще нужда сидѣть и тратить попусту время? Ученики Христа, если бы на самомъ дѣлѣ украли тѣло Господа, то что за нужда была бы имъ стоять тамъ, отклеивать синдонъ отъ Тѣла и производить такой шумъ? Самое это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что воистину Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ, а не украли Его; почему въ знаменіе истинности воскресенія оставилъ Онъ синдонъ Свой и сударь. Удивились

[1]) Здѣсь разумѣется преданіе о томъ, что Лотъ, содѣявшій грѣхъ, по внушенію Авраама заглаживалъ его особымъ подвигомъ или покаянной эпитиміей, насаждалъ дерево. Около Іерусалима, въ Крестномъ монастырѣ, показываютъ то мѣсто, гдѣ было посажено Лотомъ дерево, уходъ за каковымъ деревомъ и былъ для Лота своего рода эпитимійнымъ подвигомъ.

весьма воины, увидѣвъ сіе знаменіе воскресенія и возвѣстили все Іудеямъ. Іудеи же, услыхавъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ, смутились весьма и сказали воинамъ: «возьмите дары и скажите, что пришли ученики и украли Его, когда мы спали». Итакъ, пріявъ дары и прочее, воины стали разглашать въ городѣ, что ученики украли Его «намъ спящимъ» (Матѳ. 28 11—15).

Нѣкоторый человѣкъ, услыхавъ, что воины разглашаютъ будто Тѣло Іисуса Христа украдено, вопросилъ воиновъ и сказалъ: «Гдѣ же вы были, когда украли тѣло Іисуса Христа?» Говорятъ воины ему: «мы спали, тѣ пришли и похитили Его». Говоритъ человѣкъ: «Сколько было васъ стражей?» Говорятъ ему: «двадцать пять». Говоритъ человѣкъ: «Двадцать пять стерегло?» Говорятъ ему: «Двадцать пять». Говоритъ человѣкъ: «Пусть двадцать пять, но васъ въ сотнѣ пятьдесятъ, гдѣ же были другіе двадцать пять?» Говорятъ воины: «Не было ихъ, мы только были». Говоритъ человѣкъ: «Пусть будетъ двадцать пять, но какъ при двадцатипяти человѣкахъ въ силахъ они были прійти и украсть Тѣло Іисуса Христа? Итакъ этимъ вы не то проповѣдуете, что Его украли, но то проповѣдуете, что воистину воскресъ Іисусъ Христосъ. И, такъ какъ ученики Его изъ боязни Іудеевъ не проповѣдуютъ о воскресеніи Іисуса Христа, то вотъ вы сами это восполняете и сами Іудеи платятъ вамъ за то, чтобы вы проповѣдывали, что воистину Христосъ воскресъ» [1]). Такъ сказалъ человѣкъ воинамъ.

Итакъ, проповѣдь воиновъ была проповѣдью воскресенія а не хулы украденія.

Да, проповѣдуютъ воины, что пришли ученики и украли Его. Сумасшедшіе, слыша лживую проповѣдь воиновъ, вѣрятъ, но люди просвѣщенные не вѣрятъ тому, а вѣрятъ. что воистину воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

---

[1]) О сей бесѣдѣ неизвѣстнаго лица съ воинами въ евангеліи ничего не сказано.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О МОНАШЕСТВѢ.

ГЛАВА I.

О храненіи іереями сердца своего неоскверненнымъ по святомъ причащеніи.

Іерею подобаетъ прилежно блюсти себя по совершеніи Литургіи, хранить духъ свой мирнымъ и не смущеннымъ, отнюдь не допуская въ себѣ гнѣва, ни дѣломъ, ни словомъ, ни мыслію, ни воспоминаніемъ.

Іерею подобаетъ возбуждать въ себѣ любовь къ Господу, какъ говорится: «возлюблю, Тя Господи, крѣпосте моя; Господь—утвержденіе мое, прибѣжище мое, избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на Него»; Богъ любви ради Своей ежедневно погребается въ сердцѣ іерея (на литургіи); іерей становится тогда обителію Господа, Его сосудомъ и сокровищницей.

Іерею подобаетъ особо остерегаться празднословія, дабы не загрязнить себя имъ, ибо празднословіе, сія зловоннѣйшая грязь души, оскверняетъ сердце іерея.

Празднословіе заражаетъ смрадомъ дыханіе іерея, которымъ онъ только что вдыхалъ благоуханіе Пречистыхъ Тѣла и Крови Господнихъ [1]). Празднословіе оскверняетъ языкъ іерея; празднословіе оскверняетъ губы и уста іерея. Празднословіе оскверняетъ голосъ іерея.

О іерей! грязнящимъ празднословіемъ помрачаешь ты чувство ока, т. е. духовное зрѣніе или свѣтъ души.

О іерей! грязнящимъ празднословіемъ грязнишь ты слово твое!..

Празднословящій іерей оскверняетъ всѣ свои семь чувствъ мысленныхъ, т. е. вѣры, надежды, любви, и прочихъ добродѣтелей. Можно-ли іерею, когда онъ столь оскверненъ, чистою совѣстію возглашать: «благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами?»

---

[1]) По освященіи даровъ, въ эктеніи: „Вся святыя помянувше“, св. Церковь молитъ Господа, чтобы Господь, принявъ освященные дары въ пренебесный и мысленный Свой жертвенникъ, „въ воню благоуханія духовнаго“, возниспослалъ молящимся Божественную благодать и даръ св. Духа.

Не видишь-ли ты, о іерей, какую бѣлую, тонкотканную благодать даровалъ тебѣ Богъ? Зачѣмъ-же загрязняешь и оскверняешь свою душу празднословіемъ?

О іерей! не буду тебѣ больше подробно изъяснять, скажу лишь, что празднословіе порождаетъ всѣ беззаконія.

Вонмите, освященные, іеромонахи и вы, всечестнѣйшіе монахи, словамъ Божественнаго апостола, который говоритъ: «не прельщайтеся, ибо ни хищницы, ни неправедницы, ни лѣнивцы, ни досадители, ни пьяницы, ни любостяжатели, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложцы, царствія Божія не наслѣдятъ» (1 Кор. 6, 9, 10).

ГЛАВА II.

Увѣщаніе св. Нила послушникамъ не прельщаться мечтой объ уединенномъ подвижничествѣ и безмолвіи и не уходить изъ обителей своихъ.

Вонмите, священницы, іеромонахи и вы, досточтимѣйшіе иноки, не взыскуйте одиночества, ибо въ одиночествѣ оба пути, т. е. спасенія и погибели, покрыты мракомъ и неизвѣстностію; трудно отличить въ одиночествѣ дорогу, которая приводитъ въ адъ кромѣшній, въ наслѣдіе Денницы, отъ той дороги, которая приводитъ во всечестное наслѣдіе Господа и Спасителя нашего, Іисуса Христа, то есть въ прекрасный, благолѣпный, цвѣтоукрашенный рай, о которомъ говорится: «пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра». (Матѳ. 25, 34).

Послушай меня, о монаше: славно одиночество, но не для тебя оно нынѣ; одиночество должно привести къ одному изъ двухъ:—человѣкъ дѣлается въ немъ или небеснымъ ангеломъ, или діаволомъ въ душѣ; послушникъ-же, живущій въ братствѣ, творящій послушаніе безъ всякаго ропота, —сей, уже есть наслѣдникъ Царствія, ибо присвоился Господу нашему Іисусу Христу, и къ Его небесному наслѣдію приводится ревностнымъ воздѣлываніемъ Своего послушанія.

Если желаешь знать, монаше и іеромонаше, почему жизнь въ общежитіи, т. е. подвигъ послушанія, даетъ надежду наслѣдія, спасенія, то выслушай, монаше, іеромонаше, ты уединенникъ, живущій въ одиночествѣ, послушай и увидишь. Дитя, воспитывающееся и растущее въ объятіяхъ отчихъ, видящее всегда передъ собою своихъ родителей и такъ возростающее отъ возраста въ возрастѣ, изъ года въ годъ, въ домѣ отца своего, —радуется оно и веселится, или нѣтъ?—Таково есть подобіе и общежительной жизни. Если ты на это, уединенникъ, возразишь, что таково-же и одиночество, что и безмолвникъ возрастаетъ духовно въ объятіяхъ отчихъ, радуясь о спасеніи, то я тебѣ скажу, что ты

ошибаешься [1]). Послушай, одинокій, посмотри и увидишь, таково-ли одиночество, или не таково.—Оно подобно несчастному дитяти, утратившему мать въ первыхъ дняхъ своего рожденія и вскормленному чужимъ молокомъ разныхъ кормилицъ, которымъ отецъ отдавалъ его для вскормленія. Теперь, спрашиваю тебя, одинокій, чья участь лучше? т. е. перваго-ли дитяти, которому подобенъ послушникъ въ братствѣ, или сего сироты, которому подобенъ одинокій. Что лучше для младенца, молоко разныхъ кормилицъ, или одно, родное, материнское молоко? При молокѣ различныхъ кормилицъ не избѣжать того, что у какой-либо изъ нихъ молоко окажется ядовитымъ, т. е. вреднымъ; если младенецъ будетъ питаться имъ, то не умертвитъ-ли оно его?—Такова участь и одинокаго, когда осиротѣетъ онъ отъ своей матери—послушанія, т. е., когда ради безмолвія на одиночествѣ выйдетъ изъ общежитія. Тогда отецъ предаетъ младенца различнымъ женщинамъ и онъ сосетъ всевозможное молоко; говоримъ: одиночество подвергаетъ человѣка различнымъ искушеніямъ и онъ долженъ сосать различные помыслы. (Т. е. прежде въ послушаніи онъ сосалъ одно родное молоко, ибо не имѣлъ своей воли, а слѣдовательно и смущенія помысловъ, какъ поступить въ томъ, или другомъ случаѣ, ибо все это опредѣлялось послушаніемъ, какъ роднымъ, материнскимъ молокомъ; утративъ-же послушаніе, подвижникъ неизбѣжно долженъ самъ выбирать себѣ путь, руководствоваться различными соображеніями, а врагъ этимъ пользуется, стараясь наводить подвижника на то, что ему несоотвѣтственно; вотъ эти вражескіе помыслы и суть для него ядовитое молоко, котораго одинокому весьма трудно избѣжать, ибо для этого надо быть безстрастнымъ и имѣть «даръ разсужденія»). Итакъ, если среди этихъ, разнообразныхъ, помысловъ хотя одинъ окажется ядовитымъ, а отшельникъ приметъ его и станетъ питаться имъ, то неизбѣжно онъ долженъ отравиться и пасть, какъ ниспали и многіе, подобно тебѣ бросившіе общежитіе!..—Такъ, или нѣтъ? Сколь благолѣпна жизнь въ братствѣ, можешь ты еще видѣть изъ свидѣтельства о ней Самого Господа: «идѣже, еста два, или тріе собрани во Имя Мое, ту есмъ посредѣ ихъ». (Матѳ. 18, 20). Вонми этимъ словамъ ты, мечтающій объ одиночествѣ,—можешь-ли ты, что-либо возразить противъ нихъ?

О стремящійся въ одиночество! не хочешь-ли послушать еще одного свидѣтеля общежительной жизни? Это—пчела. Одинокую-ли жизнь ведетъ она, или подвизается и творитъ свой медъ въ общежитіи? По своей-ли волѣ пчела живетъ, или въ послушаніи общежитію? По своей-

[1]) Конечно, не всякій подвигъ въ общежитіи приводитъ непремѣнно ко спасенію, равно какъ не всякій подвигъ уединенный ведетъ непремѣнно къ погибели, но слова Преп. Нила слѣдуетъ понимать лишь въ смыслѣ предостереженія неопытныхъ отъ затворничества, а отнюдь не въ смыслѣ восхваленія одного лишь общежитія и отрицанія всякаго значенія за отшельничествомъ.

ли волѣ летитъ собирать медъ, или будучи послана? Въ стараніи своемъ, обирая цвѣтъ, однимъ-ли родомъ цвѣтовъ довольствуется, или во многихъ испытывается? (т. е. послушникъ испытывается въ обители на разныхъ послушаніяхъ). Скажемъ еще: вернувшись, нагруженная набранной добычей, сама-ли распоряжается ею, раскладывая воскъ и медъ, или это дѣлаютъ другіе? Если скажешь, что пчела сама по себѣ складываетъ свой медъ, то ошибешься, ибо, вернувшись, она у дверей общежитія пчелинаго кладетъ медъ, другая несетъ его внутрь улья, гдѣ принимаетъ третья, передаетъ слѣдующей, та — эконому, а экономъ представляетъ игумену пчелъ, говоримъ—маткѣ, которая одна повелѣваетъ пчеламъ: всѣ слушаются ея приказаній и согласно имъ подвизаются. Такъ и игуменъ есть матка кормящая все общежитіе млекомъ послушанія; вкушающіе сего млека становятся смиренными, пріемля его внимательно и съ пòтомъ, (т. е. безропотно усердствуя въ послушаніи и добросовѣстно относясь къ нему). Симъ воспитываетъ она дикость своихъ младенцевъ, новоначальныхъ монаховъ, которымъ говорится: „повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся имъ: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще. (Евр. 13, 17).

Понятно-ли тебѣ отсюда преимущество общежитія, свидѣтельствуемое сей летучей тварью?—Если-же непонятно, то выслушай еще одно свидѣтельство о семъ, отъ свѣтлой лампады, висящей предъ иконою Христовою; вонми сему свидѣтельству, разсмотри его своимъ мысленнымъ окомъ, ибо это, т. е. образъ общежитія, есть для твоего ока печать, и да запечатлѣется сіе навсегда въ твоемъ окѣ т. е. въ умѣ и памяти. Что-же именно? Что такое въ лампадѣ есть отпечатокъ общежитія? Этотъ отпечатокъ заключается въ совокупности лампады, масла и фитиля, служащихъ для горѣнія и для свѣта: сосудъ лампады подобенъ общежитію; онъ есть какъ-бы малый монастырекъ, въ которомъ масло благое намѣреніе людей живущихъ въ немъ угождать Богу и спасаться, а фитиль, по которому сіе благое произволеніе можетъ восходить къ огню и превращаться въ свѣтъ—суть общежительные подвиги и послушанія, если они творятся безропотно. При хорошемъ фитилѣ въ лампадѣ она горитъ свѣтомъ немерцающимъ и не гаснетъ. Подобно сему, кто въ общежитіи подвизается безропотно, то бываетъ почтенъ благодатію Божіей; благодать возгорается въ немъ на мысленномъ фитилѣ отсѣченія своей воли, какъ пламя на фитилѣ лампады. Точно также, подобно лампадкамъ, горящимъ предъ ликомъ Христа, всѣ подвизающіеся въ общежитіи горятъ, предъ Христомъ и этимъ огнемъ пережигаются всѣ беззаконія, раньше содѣянныя въ ихъ жизни; какъ примѣси въ маслѣ, очищаются души ихъ и въ будущей жизни они просвѣтятся какъ солнце въ ликѣ преподобныхъ...

(Поставленному въ условія необходимости жить одиноко, Святой внушаетъ, взамѣнъ отсѣченія воли, которое представляется въ обще-

житіи послушаніемъ,— не предпринимать ничего безъ совѣта съ духовникомъ, ибо „мужъ безсовѣтенъ самъ себѣ врагъ").

Послушай, одинокій, взгляни чувственнымъ окомъ твоимъ на слѣдующій образъ превосходства жизни общежительной: пойди на берегъ морской, взгляни на камни, какъ красивы дѣлаются они, вслѣдствіе того, что перетираются одинъ о другой и какъ блестятъ по сей причинѣ. Подобно тому, и живущихъ въ общежитіи, жизнь бьетъ какъ волнами. Это безропотное перетираніе чрезъ разныя послушанія въ общежитіи, (т. е. самоотверженіе, отсѣченіе своей воли), дѣлаетъ подвижниковъ прекраснѣйшими и преславнѣйшими.

Послушайте, освященные іеромонахи и, вы досточтимѣйшіе монахи, послушай и ты, несчастный мечтающій объ одиночествѣ, еще слѣдующій примѣръ. Если я буду поучать тебя словомъ, но не поясню его притчею, примѣромъ и не растолкую самой притчи, то будетъ-ли слово мое для тебя вразумительнымъ? Таково подобіе спасенія въ одиночествѣ, ибо, если имѣешь одиночество, но не имѣешь послушанія, отсѣченія своей воли, то не можешь познать и монашескаго безмолвія; если живешь по внѣшности въ монашескомъ безмолвіи, но не имѣешь общенія духовнаго, т. е. не совѣтуешься ни съ кѣмъ, не исповѣдуешь никому твоихъ помысловъ, то самъ не знаешь, что имѣешь, (т. е. какія опасности угрожаютъ тебѣ, и какія страсти побѣждаютъ тебя, во первыхъ потому, что спокойствіе одиночества и мнимая свобода отъ страстей — рождаетъ лѣность), во 2-хъ, спокойствіе одиночества рождаетъ тайнояденіе; въ 3-хъ, тишина и спокойствіе въ уединеніи рождаютъ псилафизмы, т. е. похотѣнія страстей и сластей; въ 4-хъ, одиночество способствуетъ увлеченію человѣка въ прелесть, — говоримъ, въ одиночествѣ ниспадаетъ человѣкъ въ глубину ада, какъ и ниспало въ одиночествѣ множество монаховъ. Ради этого и говорю я тебѣ, монаше: бѣги одиночества, т. е. не стремись мечтою изъ общежитія въ одиночество; если-же имѣешь, то не имѣй, т. е. если и живешь одиноко, то не будь одинокъ, а имѣй совѣтника или старца. Говоримъ: если по старости живешь одиноко, не имѣя силъ подвизаться въ братствѣ, то имѣй какого-либо человѣка, который угашалъ-бы пламя возжигаемое одиночествомъ, которымъ пламенѣешь, самъ того не чувствуя; т. е., если по старости не принимаютъ въ братство, то имѣй въ одиночествѣ довѣреннаго человѣка, повинуйся ему и открывай свои помыслы, возжигаемыя одиночествомъ. Послушай, одинокій, какъ питательно для человѣка общежитіе (досл.: какъ насыщаетъ), и какъ тоще одиночество (досл.: какъ алкаетъ); пойди на кухню и поставь на огонь 2 кастрюли чтобы вскипѣли; въ одну положи полную тарелку какого-нибудь съѣдобнаго вещества: фасоли, бобовъ или иного чего, а въ другую положи только одну фасолину, или одинъ бобъ; пусть теперь обѣ кастрюли одинаково кипятъ; когда снимешь съ огня, неси въ трапезу,

поставь одну кастрюлю на одинъ столъ, а другую—на другой, позови, говоримъ,—позвони къ обѣду, пусть старшая братія раздѣлится, сядетъ за оба стола и кушаютъ; когда-же пообѣдаютъ, спроси отцевъ по очереди: сыты-ли вы и довольны-ли? Конечно, тѣ, которые кушали изъ кастрюли, въ которой варилось много питательныхъ веществъ, окажутся сытыми и довольными, а тѣ, которые кушали изъ кастрюли съ однимъ только зернышкомъ — окажутся голодными и недовольными.— Подобно сему и одиночество, (т. е. такъ-же скудно благодатію), и также сытно общежитіе для подвизающихся въ немъ; посему говорится: «окрестъ трапезы твоея, яко стеблія видя исчадія твоя, радуйся и веселися, приводя сія Христови Пастыреначальнику» (Антифонъ гласъ 7).

Смыслъ сей притчи слѣдующій: двѣ кастрюли—два подвижника: въ общежитіи и въ одиночествѣ; много бобовъ у перваго—многократно привлекаемая имъ на себя благодать ради самоотверженія его, являемаго въ послушаніи и отсѣченія своей воли; одинокое зерно второго означаетъ скудость привлекаемой имъ благодати, ибо онъ не отсѣкаетъ своей воли; звонокъ, трапеза и обѣдъ—богослуженіе; старшая братія— Святые угодники, совмѣстно съ нами молящіеся, радующіеся при видѣ въ однихъ обилія благодати и скорбящіе о скудныхъ благодатію, въ поясненіе чего и приводитъ Святой Антифонъ.

Ушедшій изъ общежитія въ одиночество потомъ возропщетъ и скажетъ: «зачѣмъ не остался я въ общежитіи, ибо теперь страдаю отъ внутренней, мысленной брани...»

Да, уходятъ въ одиночество изъ общежитія ради того, что дорожатъ своими деньгами, своими кастрюлями, но каковы суть эти деньги и кастрюли, изъ за которыхъ уходятъ въ одиночество? Деньги и кастрюли для таковыхъ есть слѣдованіе своей волѣ и помысламъ; ради сего кидаютъ они общежитіе, не вѣдая того, что своя воля содѣлается для нихъ котломъ, а излюбленные помыслы—огнемъ, на которомъ будутъ они кипѣть въ одиночествѣ.

О, мечтающій объ одиночествѣ! Ты подобенъ Самарянкѣ, съ которой бесѣдовалъ Іисусъ Христосъ, т. е., имѣя семь мужей,—семь страстей, не имѣешь законнаго мужа и мечтаешь объ одиночествѣ, какъ она о Мессіи. Возгласилъ Господь сей женѣ, и я нынѣ, бесѣдуя объ одиночествѣ, возглашу монахамъ, стремящимся къ уединенію. «О жено! даждь ми воды пити! Азъ дамъ ти воду, отъ неяже не вжаждешися во вѣки... всякъ піяй отъ воды сея вжаждется паки, а иже піетъ отъ воды юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки». (Іп. 4, 7, 13, 14)—Видишь-ли, кто будетъ пить воду въ одиночествѣ, тотъ вжаждется паки, а кто напоитъ Христа въ общежитіи, т. е. служа братіи и подвизаясь въ отсѣченіи своей воли, тѣхъ Самъ Господь напоитъ водою живою, отъ которой не вжаждешься во вѣки. То-есть: умиреніе души

отъ браней въ одиночествѣ своими усиліями — не устойчиво; миръ-же, даруемый свыше, ради самоотверженія, — сей вѣченъ.

Послушай, мечтатель, про одиночество. Когда умретъ нищій отецъ того несчастнаго младенца, который осиротѣлъ отъ матери своей, оставитъ ли онъ ему какое-либо наслѣдство? Очевидно, никакого наслѣдства онъ не получитъ отъ нищаго отца. Точно также, одинокій, когда умретъ это несчастное тѣло, ничего не стяжавшее, никакого наслѣдія не оставившее для несчастной души, тогда душа по смерти несчастнаго, развратнаго тѣла, ничего не стяжавшаго, что̀ получитъ въ наслѣдство? Очевидно ничего иного не унаслѣдуетъ, кромѣ чужого молока и чужой пищи, (подразумѣваемъ: различныя помышленія, которыя сегодня были однѣ, а завтра другія, смѣняясь на подобіе различныхъ кормилицъ) и происходившія отъ нихъ пожеланія, которыми ты услаждался, какъ младенецъ молокомъ и которыя по смерти тѣла превратятся въ вѣчное твое наслѣдіе.

Послушай, мечтающій о одиночествѣ, не слышишь-ли, что говоритъ Псаломникъ: «Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ» (Пс. 132, 1).

Закончивъ этими словами разборъ преимуществъ спасенія въ общежитіи, Святой обращается къ распространенному пороку въ общежитіи, а, именно, празднословію.

Спрашиваю я всѣхъ васъ [1]), іеромонахи, почтеннѣйшіе иноки и тебя, несчастный одинокій: что рождаетъ ехидна? Развѣ рождаетъ она незлобиваго голубя или несквернучю горлицу?—нѣтъ, она не рождаетъ ни голубя, ни горлицу, а рождаетъ астридовъ (т. е. ядовитыхъ, подобныхъ себѣ, ехиднъ). Мы этимъ хотимъ сказать: отъ многословія и празднословія можетъ-ли родиться какая добродѣтель? Не рождаются-ли наоборотъ ядовитые гады, отравляющіе дѣвственное безмолвіе души? Подобно сему бываетъ и со всякимъ іереемъ: если онъ занимается многословіемъ, то не избѣжитъ и празднословія, какъ порожденія ехиднина, и осквернитъ имъ дѣвство молчанія своего. Многословіе лишаетъ іерея плодовъ литургіи его и всѣмъ монахамъ препятствуетъ достойно причащаться.

По сравненію молчанія съ многословіемъ, молчаніе есть дѣва, а многословіе—блудница. Ибо дѣвственность въ человѣкѣ имѣетъ троякое толкованіе: во-первыхъ, дѣвственность плоти; во-вторыхъ, дѣвственность души чрезъ удаленіе отъ многостяжанія; въ третьихъ, дѣвственность молчаливаго ума чрезъ удаленіе отъ многоглаголанія. Эти три добродѣ-

---

[1]) Итакъ, преподобный, обличая распространенный въ общежитіи порокъ—празднословіе, симъ ясно свидѣтельствуетъ, что онъ лишь предостерегаетъ отъ увлеченія одиночествомъ, а отнюдь не ставитъ одну форму подвига выше другой.

тели не могутъ произойти отъ многословія, какъ отъ ехидны невозможно родиться голубю, горлицѣ или соловью.

Вотъ еще сравненіе: голубь хранитъ молчаніе, а соловей держитъ многоглаголаніе; голубь молчаніемъ спасаетъ жизнь свою отъ охотника, ибо охотнику тогда трудно узнать, гдѣ голубь, чтобы его убить, соловья же, благодаря его многословію охотникъ легко находитъ и схватываетъ. Видишь, что̀ наноситъ многословіе человѣку, и какъ, благодаря ему, онъ дѣлается легкою добычею охотника?

ГЛАВА III.

Уподобленіе монаховъ, ропщущихъ на продолжительность службы, предпотопнымъ людямъ.

Изъ 120 лѣтъ, которыя Богъ продлилъ роду человѣческому, ожидая покаянія, Ной 17 лѣтъ употребилъ на безплодную проповѣдь и призывъ людей къ покаянію; затѣмъ, по повелѣнію Бога, обратился къ постройкѣ ковчега, который, вмѣсто словесной проповѣди, былъ нѣмымъ обличителемъ неправды людей, напоминателемъ о грядущей карѣ; посему люди возненавидѣли эту постройку; слыша стукъ молота, которымъ Ной сколачивалъ строющійся ковчегъ, говорили между собою: «это Ной Безсмертному безсмертную постройку дѣлаетъ, старается осуществить свое желаніе», (т. е. дождаться возвѣщенной имъ погибели земли отъ потопа), Подобно сему и нынѣшніе люди, когда раздается ударъ гласа церковнаго, то-есть колокола и ручныхъ билъ, молвятъ между собою такъ: «это что?»—«это на бдѣніе звонятъ»—отвѣчаютъ другіе, и многіе говорятъ: «пусть себѣ звонитъ сколько хочетъ, кто пойдетъ, когда всѣ заняты дѣлами?»

О, человѣче, какія это у тебя дѣла, что ты такъ занятъ?.. Не оставилъ-ли ты всѣхъ дѣлъ міра, чтобы обрѣсти здѣсь свободную отъ суетъ жизнь, зачѣмъ же опять мятешься?..

Ты спросишь меня: чѣмъ же мы подобны тѣмъ превратнымъ древнимъ людямъ? Отвѣчаю тебѣ и вопрошаю тебя: «Не вопіяли-ли они съ ропотомъ противъ ковчега и не поносили-ли строителя его Ноя? Не ропщете-ли также и вы нынѣ противъ церкви, когда идете въ нее на бдѣніе, къ Литургіи, къ молебну, на чтеніе? Если продлится Литургія, молебенъ, бдѣніе или чтеніе, то не ропщете-ли вы, не поносите-ли служащаго, взаимно вопрошая и отвѣчая—«что онъ тамъ такъ долго дѣлаетъ?»—а другой, подобный тебѣ, говоритъ въ отвѣтъ: «медлитъ—чтобы показаться благоговѣйнымъ; для того и затягиваетъ службу, чтобы выказать себя богомольнымъ». Допотопные, превратные люди разсуждали подобное сему между собой и роптали по поводу сооруженія ковчега.

И нынѣ я, смиреннѣйшій жрецъ, говорю, что вы неблагодарны, ибо во время Богослуженія стоите внѣ церкви, занимаетесь скверным вашимъ словопреніемъ, соединеннымъ со осужденіемъ, осуждая ближняго своего. Дѣлайте себѣ, какъ дѣлаете, но завтра вы восплачете, и плачъ сей будетъ безполезенъ!..

Нѣкогда Богъ прогнѣвался на превратныхъ [1]) допотопныхъ людей за то, что среди нихъ распространялись злыя дѣла, и не могъ долѣе терпѣть Богъ таковыхъ дѣлъ, нынѣшніе же люди творятъ тѣ же дѣла!..

ГЛАВА IV.

Воззваніе преподобнаго къ посвятившимъ себя Богу, дабы хранили монашескія добродѣтели и питали горячее чувство любви ко Христу. Притча о пустынной горницѣ.

Такъ и нынѣшняго времени люди, подобно людямъ допотопнымъ, утратившимъ спасительный путь къ ковчегу—утратили путь монашеской жизни. Т. е. не желаютъ слѣдовать указаннымъ отъ древнихъ Св. Отецъ путемъ покаянія и спасенія. Посему, нынѣшнихъ людей, какъ и тѣхъ древнихъ, настигла царица погибели, семиглавое беззаконіе, многопопечительное скряжничество; они, чѣмъ дальше, тѣмъ становятся все хуже, нисколько не исправляясь, но все больше развращаясь, подобно допотопнымъ людямъ. Вонмите, освященные — іеромонахи и вы досточтимѣйшіе монахи, отселѣ и впредь блюдите себя, блюдите, ибо вотъ я вамъ, какъ преподобный Ной, говорю и возвѣщаю: берегитесь, чтобы не постигло васъ внезапное губительство на землѣ.

Храненіе-же ваше да будетъ въ слѣдующемъ: избѣгайте всякихъ многопопечительныхъ, мірскихъ заботъ, избѣгайте многословія, осужденія, дабы вамъ держаться взаимной любви и быть между собой единодушными; избѣгайте также многообразія въ ѣдѣ; сосредоточивайте умъ вашъ въ монашеское дѣланіе, т. е. въ молитву, держитесь цѣломудрія, чистоты, бѣгите невоздержанія.

Бѣгите, бѣгите, всечестнѣйшіе монахи, плотскихъ страстей, нечистоты, многословія и осужденія!

Подражайте, досточтимѣйшіе мои братіе, этимъ тремъ птицамъ: голубю чистотою, соловью неумолкаемой молитвой и горлицѣ, пустынно-любіемъ!

---

[1]) Церковь Христова съ ея установленіями, Богослуженіемъ, храмами и т. д. является кораблемъ, ковчегомъ спасительнымъ для людей, охраняющимъ ихъ отъ потопленія въ волнахъ міра сего, во злѣ лежащаго. Въ римскихъ катакомбахъ древніе христіане иногда изображали на стѣнахъ Ноевъ ковчегъ. И по нынѣ храмы христіанскіе нерѣдко устрояются на подобіе корабля.

Голубь, благодаря молчанію своему, укрываетъ себя, т. е, спасаетъ душу свою, какъ Ной въ ковчегѣ. Соловей-же обладая многословіемъ и горделивымъ рвеніемъ, лишаетъ жизнь свою зрѣнія лица солнечнаго. Т. е. его пѣніе обнаруживаетъ его охотникамъ, которые ловятъ соловья ради пѣнія его; поймавъ, сажаютъ въ клѣтку и лишаютъ тѣмъ свободы подъ солнцемъ.

Въ противность превратнымъ людямъ, которые ради тѣлесныхъ и плотскихъ лишили себя свѣта солнечнаго,—подражай горлицѣ, которая хранитъ вѣрность (досл.: дѣвство) къ подругу своему съ величайшимъ цѣломудріемъ.

Когда изъ пары горлицъ одинъ былъ умерщвленъ, другая горлица, чтобы не сойтись съ инымъ, бѣжала въ горы и холмы, рыдая тамъ о подругѣ, который замучился ради нея...

Если ты, освященный, вопросишь: какимъ образомъ умертвился подругъ горлицы ради нея, то послушай сію притчу.

Нѣкая горлица, ради снѣди вожделѣнной для чувствъ своихъ, ушла однажды отъ подруга своего, была уловлена на охотѣ, посажена въ клѣтку, содержалась заключенной нѣкоторое время, пока другая горлица не отправилась на розыски подруги своей и не дала себя уловить на охотѣ; когда эту вторую горлицу стали сажать въ клѣтку, тогда вылетѣла изъ нея первая горлица; гонители-же, скажемъ іудеи, услыхавъ о семъ, умертвили подруга ея; оставшаяся въ живыхъ опечалилась весьма, покинула все, обезобразила видъ свой, лишилась перьевъ, которыя большею частью сама повырывала съ себя ради скорби, которую имѣла о подругѣ своемъ, замученномъ ради ея.. И вотъ удаляется она въ горы и холмы, садится на сухую вѣтвь, плачетъ безпрестанно о содѣянномъ ею беззаконіи, которымъ измѣнила подругу своему.

Горлица ушла въ горы и холмы, чтобы найти тамъ пустынное убѣжище, гдѣ сидя на сухой вѣтви могла-бы оплакивать подруга своего, который столь возлюбилъ ее. Посмотри, какъ ведетъ себя горлица, какъ хранитъ она свою вѣрность (досл. дѣвство) ради любви къ подругу своему...

О, іерей! почему ты, подобно сей горлицѣ, не бѣжишь въ горы и холмы, не скрываешься въ пустынное ущелье, не садишься на сухую вѣтвь, и не плачешь о подругѣ [1]) твоемъ, который замучился взыскавъ тебя?..

О, горлице! т. е. пустынолюбный монахъ, ради чего ты ушла изъ міра, пришла въ пустынное убѣжище и возсѣла на сухой вѣткѣ? Не ради-ли любви къ подругу твоему, т. е. ко Христу-Жениху и Искупителю?

Освященный! зачѣмъ пришолъ ты въ пустынное ущелье, взялъ

---

[1]) Т. е. не оплакиваешь слезами покаянія своей грѣховной измѣны Небесному Жениху, Христу, пострадавшему и распятому ради тебя.

сухую вѣтвь, возложилъ ее на рамена своя? Чего ради столь сухо-вѣтвишься, т. е. изнуряешь себя? Не ради-ли любви къ Спасителю твоему, Который распялся взыскуя тебя? Посему и ты принялъ крестъ Христовъ и сухораспинаешься на немъ?..

Крестъ-же этотъ, только чувственно представляется сухимъ и безлиственнымъ, духовно-же онъ является зеленѣющій, многовѣтвистый, плодоносящій многоцѣнные плоды...

Освященные іеромонахи и всечестнѣйшіе монахи! празднословіе творитъ человѣка лишеннымъ многоцѣннѣйшихъ плодовъ драгоцѣннаго Креста,—говоримъ: рая... т. е. лишаетъ чаловѣка рая, купленнаго цѣною Креста.

О, іерей! празднословіемъ ты бываешь воспящонъ отъ безцѣннѣйшаго плода Литургіи твоей... О, іеромонахъ! когда выйдешь отъ совершенной тобою Литургіи, — буди безмолвенъ по крайней-мѣрѣ до трехъ часовъ послѣ окончанія Литургіи. [1])

О, іерей! когда что говоришь,—сначала размѣрь, а потомъ скажи; сначала подобаетъ слово примѣрить, а потомъ его сказать. Ибо неразмѣренность, необдуманность рѣчи іерея, рождаетъ запятіе священству его. Портной не бываетъ-ли опороченъ, если скроитъ одежду не по мѣркѣ?—Такъ и священство твое порочится неразмѣренностію, необдуманностью словъ твоихъ. Неразмѣренность словъ человѣка наводитъ на него вся злая. Посему и говорю тебѣ, іерей, бѣги многословія, празднословія и храни мѣру въ словахъ твоихъ.

ГЛАВА V.

Монашество—воинская служба Царю Небесному.

Принявъ схиму, носи ее неопустительно; переодѣваясь, тотчасъ опять надѣвай ее на себя; поверхъ схимы носи куртку и опояшься, да не уподобляешься фарисеямъ и не подашь симъ народу великаго соблазна... Но сіе да будетъ вѣдомо тебѣ: какъ только скинешь съ себя схиму, тотчасъ будешь плѣненъ непристойными помыслами; посему неопустительно имѣй на себѣ схиму, чтобы не сдѣлаться пищею великаго отступника [2]).

Какая польза отъ воина, который, идетъ въ бой съ духомъ двое-

---

[1]) Прекрасное наставленіе! О если-бы всѣ іереи соблюдали его!

[2]) Смыслъ наставленія слѣдующій. Для избѣжанія фарисейскаго тщеславія иногда можно схиму прикрыть иною одеждою (общею съ другими монахами), но и въ такомъ случаѣ, схима должна быть все-таки одѣта подъ сею одеждою, какъ и воинъ всегда находится при оружіи.

душнымъ, идетъ необученнымъ и несвѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ? Когда неожиданно наступитъ бой и напавшіе противники увидятъ воина неподготовленнымъ къ битвѣ, то не заберутъ-ли его въ плѣнъ?— Тоже бываетъ и у монаха съ двоедушнымъ настроеніемъ (при духовной брани).

Принятіе рясофора есть вписаніе себя въ войско и безпрестанное изученіе боеваго дѣла.

Мантія же есть выступленіе въ походъ, подобно тому, какъ при наступленіи войны, войска выступаютъ на войну и шествуютъ военнымъ походомъ.

Принятіе же великаго образа, схимы есть вступленіе въ рѣшительное сраженіе, когда войска достигнутъ мѣста боя и приведутъ себя въ полную боевую готовность.

Возвращеніе изъ рясофорнаго пострига [1]), въ міръ также недопустимо, какъ, если бы кто вписался въ войско, потомъ дезертировалъ и не присоединился къ войскамъ пошедшимъ на войну;—онъ становится отступникомъ царя. Когда царь увидитъ сего отступника, сего преслушника царскаго велѣнія, вычеркнетъ его изъ списка. Подобное сему постигнетъ того, кто вознамѣрившись быть монахомъ и вписавшись въ воины Царя Небеснаго, потомъ раскается въ семъ намѣреніи, выпишется, сдѣлается рабомъ міра, поработившись и дѣламъ міра,— смраду грѣховному... Какое негодованіе Царя Небеснаго долженъ онъ возбудить противъ себя?.. Однако нѣкоторые изъ нынѣшнихъ выражаютъ скверное, распространившееся между ними мнѣніе, будто рясофоръ не мѣшаетъ человѣку повѣнчаться и рождать дѣтей, ибо ряса дается лишь ради чести и отличія, принявшій же ее лишь испытываетъ себя, какъ начинающій послушникъ; если, же усмотритъ, что не въ силахъ вынести жизни монашеской, то да вѣнчаетъ себя въ дѣтородительное дѣло.

О, безумные и косные сердцемъ!—какъ допустимо это для того, кто добровольно и сознательно посвятилъ себя войску царя, сдѣлавшись царскимъ воиномъ? Какъ возможно допустить, чтобы воинъ царскій становился потомъ рабомъ шкурнаго ремесла? Говоримъ:— рабомъ грѣховъ и дѣлателемъ беззаконій?..

Вотъ каково значеніе возвращенія рясофорнаго въ міръ и да боится сего тотъ, кто принялъ рясофоръ!

Принятіе же мантіи означаетъ слѣдующее. Когда издадутъ царскій приказъ и выступитъ войско въ военный походъ, то каждый воинъ заботится о подобающемъ снаряженіи къ войнѣ, подпоясываетъ мечъ къ поясу своему и слѣдуетъ по Царскому повелѣнію, согласно ска-

---

[1]) Если это сказано о рясофорѣ, то, конечно, еще въ большей степени сказанное приложимо къ мантіи, не говоря уже о схимѣ.

занному: «возьми крестъ твой и слѣдуй за Мной...» (Марк. 8,34). Войско выступаетъ въ походъ. Однако бываютъ воины, которые на пути къ сраженію начинаютъ трусить, малодушествовать, жалѣютъ о томъ, что сдѣлались воинами и, какъ только представится случай поворачиваются назадъ... Но куда же пойти такому монаху? Куда ему скрыться? Ибо сказано: «грѣшницы, камо бѣжимъ?.. на небо?—тамо еси... во адѣ попралъ еси смерть... во глубины морскія?—и тамо Десница Твоя Господи [1])...»

Если же случая бѣжать не представится, то малодушный продолжаетъ походъ, но идетъ въ сраженіе съ робостію, съ тайными помыслами: что мнѣ сдѣлать, чтобы избавиться боя?.. — какъ мнѣ избавиться военной службы? Какъ только у воина появятся эти помыслы, тотчасъ дѣлается онъ неспособнымъ и нерадивымъ къ воинскому дѣлу.

Когда же войска достигнутъ поля брани, тогда воинъ, подготовившійся къ бою, т. е. изучившій дѣйствіе оружіемъ и укрѣпившійся мужествомъ, стяжеваетъ славу... Тогда облекается воинъ въ военные доспѣхи, говоримъ: монахъ принимаетъ Великую Ангельскую схиму, становится велико-схимникомъ, а когда прославится, т. е. получитъ обильную благодать, то дѣлается военачальникомъ...

Когда препояшутся силы доспѣхами, дабы биться съ врагами въ великомъ бою, тогда войско дѣлаетъ боевой кличъ, т. е. бросается на ура,—и бьются съ крайнимъ напряженіемъ.

Если же кто по нерадѣнію допуститъ свое оружіе заржавѣть и боязливыми мыслями, какъ водою подмочитъ свой порохъ, то можетъ-ли онъ въ бою быть храбрымъ воиномъ?!...

Спрашиваю я васъ далѣе: когда монахъ въ бою, будетъ побѣжденъ страстями, то не опозоритъ-ли онъ Ангельскую схиму? Какого таковый можетъ ждать себѣ спасенія?..

Да, вооружается воинъ, даются ему воинскія доспѣхи, но какая отъ сего польза воину, который своимъ нерадѣніемъ и трусостію служитъ лишь худымъ примѣромъ для всего войска?.. Говоримъ: монахъ вооружается, какъ въ доспѣхи, въ Ангельскую схиму, получаетъ при семъ благодать и помазаніе Всесвятаго Духа, но какая польза отъ блеска ангельскихъ схимъ и небесныхъ дарованій для лѣнивыхъ, которые лишь худой примѣръ вносятъ въ монашескую жизнь нерадѣніемъ своимъ, вмѣсто того, чтобы подвизаться въ борьбѣ со страстями, обманываютъ ближняго, обижаютъ его, и умышляютъ, какъ бы предать другого?

Не таковъ бываетъ добрый воинъ въ бою. Онъ имѣетъ въ себѣ лишь одинъ духъ бодрый, т. е. не водится никакими посторонними лукавыми соображеніями и намѣреніями, не скрывается отъ врага,

---

[1]) Срвн. Стихира 6-го гласа на „Господи Воззвахъ“.

на всякій часъ готовитъ себя къ бою, во всякое мгновеніе готовъ внять призыву боеваго сигнала,—говоримъ: звона къ службѣ церковной. Онъ всегда бодръ, бдителенъ; говоримъ: всегда долготерпѣливъ, всегда прощаетъ зло, которое ему творятъ...

Если же съ такимъ бодрымъ воиномъ случится какое-либо несчастіе, какъ нѣкогда случилось съ Іаковомъ Персяниномъ, отрекшимся было отъ Христа, придутъ ему въ голову трусливые помыслы, вознерадитъ онъ о своей боевой готовности, подмокнетъ у него порохъ и заржавѣетъ оружіе, тогда добрый воинъ тотчасъ берется за порохъ свой и оружіе, говоримъ, оскверненные помыслы и злыя дѣла, идетъ изъ сѣчи въ мѣсто мирное и солнечное;—говоримъ, идетъ къ человѣку, имѣющему добрый образъ мыслей, т. е. даръ разсужденія, ведущему духовную жизнь, скидываетъ предъ нимъ бремя съ головы своей, разстилаетъ на лучахъ солнца, порохъ и доспѣхи свои, начинаетъ чистить оружіе и ждетъ, пока не высохнетъ порохъ;—говоримъ: выкидываетъ нечистый помыселъ изъ своей головы, разстилаетъ мысль свою противъ лучей духовнаго разсужденія, перебираетъ всѣ мысли и дѣла свои, добрыя и злыя и исповѣдуетъ всѣ ржавыя дѣянія свои, подобно Іакову Персянину.

Увидавъ же, что высохъ его порохъ и заблестѣло оружіе, воинъ снова опоясуется, воспринимаетъ въ сердце боевую рѣшимость, и, взявъ въ руки оружіе, принимаетъ снова участіе въ бою... Препоясанный мечомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, воинъ храбро устремляется въ средину боя и побѣждаетъ противниковъ, какъ побѣдилъ преподобный Іаковъ, нѣкогда тяжко согрѣшившій, а потомъ низведшій молитвою дождь съ неба во время засухи, и избавляетъ все войско...

Воины же, увидавъ такое мужество его, сотворили великій натискъ, все войско, воодушевившись, ринулось съ великою стремительностію и устремилось на враговъ!.. Увидавъ таковаго воина съ храбрымъ войскомъ, противустоявшіе имъ враги—дрогнули,—поколебались и исчезли отъ такой силы устремленія воиновъ!..

Воину, ради воинства его, присвоивается право на ношеніе великолѣпныхъ царскихъ доспѣховъ, которыми царь благоволилъ украсить войско свое; воинъ, видя себя украшеннымъ царскими доспѣхами, очень бережется, чтобы не опозорить царскихъ доспѣховъ, чтобы не прикоснуться къ чему-либо, отъ чего могли бы они запятнаться, дабы не подвергнуться страшному суду и не услыхать страшнаго гласа Судящаго: „рабе лукавый и лѣнивый!—гдѣ одежда брачная?..“ Точно также и монахъ, препоясанный обѣтованнымъ спасеніемъ и благолѣпіемъ вѣры, во все продолженіе монашеской жизни или монашескаго подвига, весьма остерегается злыхъ дѣлъ, дабы не опозорить ими своего крещенія и не запятнать великой ангельской схимы...

Человѣкъ покусился бы содѣлать тысячи и тьмы золъ, но, при

воззрѣніи на свою схиму, удерживается отъ многихъ грѣховъ, вспоминая, что далъ обѣтъ и не можетъ его нарушить... Поэтому-то я и говорю тебѣ: не снимай съ себя схимы, дабы не овладѣли тобою противники твои и не стать тебѣ пищею великаго отступника...

Какая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?—говоримъ: какая польза, если то, чего желаютъ плотскія похоти, пріобрѣтемъ, душу же свою осквернимъ?..

И когда увидитъ Женихъ столь оскверненную душу, пригласитъ-ли Онъ ее въ Свой чертогъ, какъ сказано: „Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки, егоже обрящетъ унывающа. Блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши, и царствія внѣ затворишися, но воспряни зовущи: Святъ, Святъ, Святъ еси Боже, Богородицею помилуй насъ“.

ГЛАВА VI.

Какъ потребны подвижнику, простота вѣры и смиреніе, примѣръ пророка Елисея.

Отчего столь склоненъ ты къ тому; чтобы отъ добра обращаться вспять и соизволять на зло? —оттого, что обуреваемый вихрями твоими [1]), не молишь и не просишь такъ, какъ Елисей, т. е. молитвъ ради Св. Отецъ, чтобы перейти тебѣ рѣку, соблазновъ и выйти на берегъ міра. Елисей же, вооружившись крайнимъ своимъ смиреніемъ, перешелъ на ту сторону рѣки Іордана,—слѣдующимъ образомъ.

Елисей былъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ ученикомъ пророка Иліи. Во время пребыванія своего съ пророкомъ Иліей, онъ весьма желалъ творить вдвойнѣ противъ Иліи дѣянія, которыя творилъ Илія, но Елисей, имѣлъ одно занятіе!.. Если спросишь, каковы были его дѣянія и каково занятіе, то слушай и увидишь:

Сей Елисей, не только зависти не имѣлъ, но и слышать о ней не хотѣлъ; не только лжи не имѣлъ, но и слышать о ней не хотѣлъ; не только сребролюбія не имѣлъ, но и слышать о немъ не хотѣлъ; не только сластолюбія не имѣлъ, но и слышать о немъ не хотѣлъ; не только невоздержанія не имѣлъ, но и слышать о немъ не хотѣлъ; не только невѣрія не имѣлъ, но и слышать о немъ не хотѣлъ; не только хулы не имѣлъ, но и слышать о хулителяхъ не хотѣлъ! Когда же совершилъ онъ, главное свое исправленіе, т. е. когда за рѣшимость и дерзновенное моленіе свое получилъ сугубую благодать, то оказалась у него и препона. Воспященіе же было такое. Вмѣстѣ съ простотою духа, которою, онъ обладалъ, имѣлъ онъ и нѣчто

[1]) Т. е, грѣховными наклонностями.

отъ высокомудрія. Когда пророческія дѣти сказали ему, „будетъ вознесенъ учитель твой“, онъ сказалъ: „знаю это и я, только молчите“;— отправились они оба къ Іордану... И сказалъ пророкъ Илія Елисею: „постой здѣсь, пока я схожу напротивъ“. И сказалъ Елисей: „живъ Господь и жива душа твоя, не покину тебя...“—Одинъ и два раза отвѣтилъ онъ ему таковыя слова... Увидѣвъ же пророкъ Илія въ пророкѣ Елисеѣ такую рѣшительную готовность, на подвиги, сказалъ: „вотъ я ухожу, что-же тебѣ оставить?—проси, что хочешь, чтобы я далъ тебѣ? Елисей сказалъ: благодать, которую ты имѣешь отъ Бога, да будетъ на мнѣ вдвойнѣ...“ Сказалъ ему пророкъ Илія: „велика твоя просьба, но если увидишь, какъ я буду вознесенъ отъ тебя; то да будетъ сія сугубая благодать въ тебѣ...“ Собесѣдующимъ имъ между собою предстало внезапно вооруженіе, говоримъ, колесница; вошелъ въ нее пророкъ Илія и вознеслось то вооруженіе вмѣстѣ съ пророкомъ Иліей; понуждающійся же, т. е. великій подвижникъ Елисей, подхватилъ мѣхъ, т. е. мѣховую милоть, которую обронилъ ему пророкъ Илія; милоть осталась въ рукахъ Елисея!.. Когда же онъ вернулся къ Іордану и кинулъ въ рѣку милоть Иліи, чтобы перейти на ту сторону, то воспященъ былъ вслѣдствіе того, что нѣсколько возмнилъ о себѣ и вознесся духомъ, не возмогъ перейти, и посему воскликнулъ!.. Какъ воскликнулъ?—Не сказалъ: „Гдѣ исправленія, (добродѣтели), мои, которыя я исправилъ?“—но сказалъ: „гдѣ Богъ отца моего Иліи?..“ Тотчасъ кинулъ ее, т. е. мѣховую милоть, въ воду и перешелъ немокренно Іорданъ [1])...

Видишь, какую помощь получили душа и тѣло отъ молитвеннаго призыванія Святаго? Не тѣмъ-ли паче мы получимъ помощь отъ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, Его Пречистой Матери и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка Господеви благоугодившихъ!..

ГЛАВА VII.

Слово святаго Антонія Павлу про двоякую гибель для монаха: отъ самомнѣнія и нерадѣнія.

Подобно Елисею, при сугубой благодати потерпѣвшему запятіе, былъ запятъ и Павелъ (Препростый). Сей Павелъ, получивъ сугубую благодать, также лишился было ея, какъ Елисей, когда хотѣлъ перейти рѣку. Преподобный Павелъ, исправлявшій исправленія преподобнаго

---

[1]) Сими подробностями, которыхъ въ библіи не находимъ, преп. Нилъ наглядно живописуетъ великую силу смиренія.

отца нашего Антонія [1]) вдвойнѣ, сдѣлался столь славенъ своими подвигами, что сталъ земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, какъ преподобная Марія!

Преподобная Марія, имѣвшая лишь мысленную брань, была сильно борима и одолѣла, какъ древле (Амалика) Израиль, она распростиралась крестовидно, когда находила на нее мысленная буря; преподобный же Павелъ и чувственнымъ окомъ зрѣлъ бѣсовскую брань, былъ боримъ, двояко, чувственно и мысленно, и такую пріялъ власть надъ бѣсами, что бѣсы трепетали его, Антоній посылалъ къ нему немощныхъ и болящихъ, а Павелъ цѣлилъ ихъ недуги!

Однажды нашелъ на него бѣсъ высокомудрія, чтобы воспятить его. Павелъ былъ воспященъ подобно Елисею! Воспященіе-же сіе, заключалось въ сведеніи его съ той степени смиренномудрія, на которой держался, чтобы не впасть въ пропасть высокомудрія подобно фарисею. Если спросишь: что это было за высокомудріе, которымъ былъ запятъ Святой,—послушай и увидишь.

Однажды, помысливъ о себѣ въ простотѣ своей, сталъ онъ думать и говорить: почему это, преподобный Антоній посылаетъ своихъ болящихъ ко мнѣ?—Когда онъ это помышлялъ о себѣ, въ тотъ часъ пришли три человѣка, держа одного бѣсноватаго, который былъ присланъ преподобнымъ Антоніемъ для исцѣленія. Павелъ началъ произносить обычную молитву для болящихъ, то есть на изгнаніе бѣсовъ, но бѣсъ началъ препираться съ преподобнымъ дикими словами и не хотѣлъ выходить. Услыхавъ такое прекословіе бѣса, преподобный изумился, и сказалъ бѣсу: „во имя Господа нашего Іисуса Христа изыди!“ Бѣсъ опять сталъ препираться; преподобный изумился и не зналъ, что ему дѣлать. Снова Павелъ воскликнулъ: во имя Господа нашего Іисуса Христа и, ради молитвъ преподобнаго отца нашего Антонія, изыди изъ созданія Владыки Христа! Демонъ, тотчасъ вышелъ изъ больного и болящій исцѣлился.

Преподобный Павелъ спросилъ Антонія: почему меня постигла такая неудача?— Преподобный Антоній отвѣтилъ: «Два слова, которыя ты сказалъ наединѣ, были воспященіемъ для тебя».—Преподобный Павелъ вопросилъ: «что это были за два слова, которыя я промолвилъ, отче?» — Отвѣчалъ ему св. Антоній: «отчего это преподобный посылаетъ больныхъ своихъ ко мнѣ?» Услыхавъ эти слова преподобнаго Антонія, Павелъ изумился и сказалъ: «Отче, какъ тонка бесѣда монаха въ одиночествѣ», т. е. ужели могутъ оказать вліяніе на духовную жизнь столь тончайшіе помыслы въ одинокомъ монахѣ?—И отвѣчалъ преподобный Антоній: «послушай чадо мое Павле! благодать Божія въ

---

[1]) Т. е., *проявившій добродѣтели сугубо обильныя, по сравненію съ преп.* Антоніемъ.

душѣ подобна блеску въ хрустальномъ сосудѣ, самомнѣніе-же, рождающееся при одиночествѣ, есть какъ-бы ударъ нанесенный хрустальному сосуду; расколотился хрусталь и пропалъ блескъ. Такъ бываетъ и у монаха въ одиночествѣ; сталъ высомудрствовать монахъ,—отнялась отъ него сила Божественной благодати, онъ низвергается съ высоты смиренія, ниспадаетъ въ глубину заблужденія и уподобляется Денницѣ, ибо Денница чрезъ высокомудріе заблудился, свергся съ высоты небесной и ниспалъ во глубину адскую». Изумился преподобный Павелъ, услыхавъ такое слово отъ преподобнаго Антонія, ужаснулся и не могъ ничего промолвить преподобному. И сказалъ ему преподобный Антоній: «о чемъ помышляешь, чадо мое, что ничего не говоришь?»—Павелъ тотчасъ сказалъ преподобному Антонію: „благодарю тебя, отецъ мой, что избавилъ меня отъ заблужденія міра сего".—И сказалъ ему преподобный Антоній: „благодари! и да возблагодаримъ Бога, приведшаго насъ въ сію святую монашескую жизнь!" Но, чадо мое Павле, врагъ не спитъ, и ни на мало не престаетъ въ работѣ своей, будучи непрестаннымъ дѣлателемъ зла. Благодареніе-же Богу, которое нынѣ воздаемъ, да пребудетъ отъ насъ Ему до конца!.. Но, да не воздадимъ, чадо Павле, потомъ Богу неблагодарностію вмѣсто благодарности, ибо конецъ ублажается, о чадо мое Павле!.. Начало монашескаго подвига есть какъ-бы цвѣтъ пшеницы, конецъ-же есть хлѣбъ трапезный... Помысли, чадо мое Павле, какое испытаніе терпитъ цвѣтъ пшеничный отъ животныхъ, отъ людей, отъ птицъ, отъ погоды, пока не придетъ на трапезу; какія опасности долженъ онъ миновать, чтобы пріити на трапезу!

Такъ и монахъ подобенъ цвѣту пшеничному!.. Вначалѣ показываетъ ревность, а подъ конецъ часто показываетъ небреженіе... Сей цвѣтъ пшеничный такъ много обѣщаетъ, такую проявляетъ силу вначалѣ, что предстоятели, приточно-Святые и Ангелы, изумляются силѣ и ревности пшеницы.,. Когда-же поле сожнется, то господинъ дома видитъ одни плевелы вмѣсто пшеницы; снова помышляетъ, не найдетъ-ли самъ 8 или 10 въ посѣвѣ, не вернетъ-ли хотя сѣмя, которое посѣялъ, но не находится и этого. Видитъ онъ одни плевелы! Что-же сотворитъ домохозяинъ симъ плеваламъ? — кладетъ ихъ въ огонь и сжигаетъ, не такъ-ли? Видишь-ли, чадо мое Павле, что, конецъ ублажается!.."

Услыхавъ притчи сіи, еще болѣе испрямился (досл.: раскрутился, препростый Павелъ), и великую стяжалъ духовную силу... Эти притчи преподобнаго Антонія онъ хранилъ въ сердцѣ до смертнаго своего издыханія и отселѣ такъ побѣждалъ бѣсовъ, что они трепетали, приходили въ смятеніе и бывали обращаемы Павломъ въ прахъ!..

Если Павелъ, при всей великой простотѣ своей, такъ сильно былъ воспященъ малымъ запятіемъ, которое ему случилось, что чуть было не утратилъ благодати, то какъ-же ты будучи лукавъ, какъ жена Ло-

това, слукавившая и за лукавство свое превратившаяся въ соляной столбъ, какъ ты устоишь, чтобы перейти сіе грѣховное море и пріити на собраніе въ дому Давидовомъ?..

ГЛАВА VIII.

О прехожденіи въ «Домъ Давидовъ» и уготовленіи себя къ сему.

Церковь Христова такъ восклицаетъ и говоритъ: „Въ Дому Давидовомъ страхъ великъ, тамо бо престоломъ поставленнымъ, судятся вся племена и языцы". (Антиф. 4 гл.).

При этихъ словахъ Өеофанъ улыбнулся, Святой-же сказалъ ему:

„Воздыхай несчастный, о пути, по которому имѣешь плестись, а ты и доселѣ еще смѣешься?.. Гдѣ теперь находишься, гдѣ потомъ будешь находиться? До нынѣ ты еще вертишься въ колесѣ т. е. подобно бѣлкѣ, суетишься всуе!

Воздыхай несчастный, находящійся далеко, далеко, отъ Дому Давидова!..

Видишь, несчастный, какой путь тобѣ еще плестись, а ты печешься всуе, стяжевая себѣ занятія, которыя задержатъ тебя въ дорогѣ, когда будешь идти въ домъ Давидовъ...

Тебѣ-же, какъ монаху, не надо заботиться ни о чемъ, кромѣ сихъ пяти сокровищъ, ты же печешься о многомъ безполезномъ, изъ этихъ-же пяти не имѣешь ничего, не заботишься ни объ одномъ изъ нихъ!

Путешественники, отправляясь въ странствіе поступаютъ разно: одинъ, подобно тебѣ, заботится о разныхъ лакомствахъ; когда-же попадетъ на дорогѣ въ засаду воровъ, что возможетъ онъ тогда подѣлать со своими лакомствами? Если оставитъ ихъ и убѣжитъ, то пойдетъ въ путь тощимъ; если-же не покинетъ, то схваченъ будетъ ворами. Когда воры захватятъ такого путешественника съ сими лакомствами, что сдѣлаютъ они съ нимъ?—Убьютъ его и заберутъ его вещи. Другой путешественникъ беретъ росписку, говоримъ доказательство отъ предстоятеля монастыря, что предстоятель вручилъ ему все свое имущество, идетъ въ путешествіе безпрепятственнно, безвредно и нигдѣ не досматривается. Когда проходитъ чрезъ таможни, то какъ не имѣющаго рухляди, таможенные пропускаютъ и не допытываютъ его; когда постигнетъ его въ морѣ буря и корабль будетъ бѣдствовать, то эта качка корабля, нисколько его не смущаетъ, ибо, у него нѣтъ никакихъ вещей, и значитъ нѣтъ заботы о томъ, чтобы вещи сохранить въ цѣлости, чтобы волны не сорвали ихъ и не унесли въ море, чтобы не раскидало ихъ во время качки корабля; не боится онъ бури морской, говоримъ смерти и смущенія страха предсмертнаго...

Несчастный человѣче! верблюдовъ поглощаешь, а комаровъ оцѣ-

живаешь?!. Смотри, берегись, какъ-бы не застряли въ гортани твоей эти верблюды, которыхъ ты поглощаешь, и при воздаяніи суда, не выступили изъ горла твоего, какъ ядовитыя змѣи и скорпіоны! Нынѣ ты несчастный, скрываешься со своею грѣховностію; тогда-же сдѣлаешься явнымъ, несчастный грѣшникъ! Ради этого и предостерегаю я тебя, несчастный человѣче!..

Не то бываетъ съ человѣкомъ, который отправился въ путь, взявъ росписку, говоримъ — ангельскую схиму монашеской жизни, въ которой вписаны пять монетъ, называемыхъ „смерто-пребываніемъ“.

Монеты эти суть слѣдующія: 1) зришь; 2) слышишь; 3) нѣмъ; 4) страненъ; 5) непоколебимъ.—Сіи пять монетъ, суть сокровище монашеской жизни, о которомъ свидѣтельствуетъ росписка.

Монахъ пусть видитъ, и не видитъ; да слышитъ, и не слышитъ; да разговариваетъ, и не разговариваетъ; да будетъ соблазняемъ, и да не соблазняется; да будетъ возмущаемъ, и да не возмущается; да владѣетъ всегда устами своими!

Принимаетъ-же добровольно различныя скорби претерпѣвая ихъ, ради „Тебя—Судіи Праведнѣйшаго“, т. е. перенося скорби съ мыслію что онъ достоинъ ихъ по грѣхамъ своимъ. Каждая душа такъ знаменованная, встрѣчается въ Дому Давидовомъ ангелами, какъ дѣтьми Еврейскими, носившими ваіи во время оно, и восклицавшими: „Благословенъ грядый во Имя Господне!..“

Смотри, несчастный! путь въ Домъ Давидовъ—длиненъ, тѣсенъ и скорбенъ!..

Елисею, хотя и надо было перейти Іорданъ, но настоятельной необходимости неизбѣжности перехода онъ не имѣлъ; человѣку-же нужда есть переходить море на пути къ Дому Давидову, какъ говорится, „Царствіе Небесное нудится и нуждницы восхищаютъ е...“ (Матѳ. 11: 12). И опять говоритъ писаніе: — „бдите и молитеся, такъ какъ не знаете ни дня, ни часа“ (Матѳ. 24, 44).

Елисей съ простотою своею кинулъ мѣхъ, (милоть Иліи) въ рѣку Іорданъ и перешелъ рѣку. Разстояніе того пути было невеликое, тѣснота, нужда, малая; кольми паче тебѣ потребно стяжать простоту, чтобы сіе грѣховное море перейти безбѣдно! Ты же, имѣя великое препятствіе, — твое лукавство, какъ провозможешь сіе пространное море? Богъ ненавидитъ лукавыхъ, какъ и лукавые люди ненавидятъ Бога.

Богъ зритъ не на лицо вѣрнаго и невѣрнаго, т. е. не на одно только то, что человѣкъ крещенъ Богу, но Богъ взираетъ на простосердечіе, лукавый-же, хотя и крещеный,—мерзость предъ Богомъ. Кто простосердеченъ тому и благотворитъ Богъ; какъ только человѣкъ излукавится, тотчасъ оставляетъ Богъ такого человѣка... Смотри-же человѣкъ, старайся совсѣмъ оставить лукавство, старайся удалять лукавые помыслы и сопричисляйся къ простосердечнымъ... Кая польза, аще

міръ весь пріобрящемъ, душу же свою отщетимъ—лукавствомъ и грѣхами? Грѣхъ-же отчего происходитъ?—отъ лукавства человѣческаго. Іоаннъ Богословъ съ простотою своею и цѣломудріемъ удержалъ дѣвство, сталъ сосудомъ Св. Троицы. Іуда-же съ крайнимъ своимъ лукавствомъ самъ погубилъ себя и сдѣлался сосудомъ Денницы...

ГЛАВА IX.

Сравненіе кипариса стройнаго, съ растрепаннымъ въ показаніе того, что надлежитъ собирать свои мысли.

Берегись, берегись, смотри, собирай себя и не распрастраняй вѣтвей своихъ, т. е. помысловъ своихъ, подобно дикому кипарису!

Видишь-ли, какъ утрачиваетъ свою цѣнность кипарисъ, у котораго вѣтви разсѣяны, наклонились, повисли, безпорядочно изогнуты, такой кипарисъ никому не угоденъ для взора. Срубить такой кипарисъ непремѣнно постарается тотъ, на чьемъ мѣстѣ онъ находится, чтобы не виднѣлось это некрасивое дерево, безобразящее собою и все то мѣсто, на которомъ оно растетъ. Кипарисъ-же сей, несмотря на уродство свое, продолжаетъ мнить о себѣ, что вѣтви его въ надлежащемъ видѣ, а не знаетъ, что они суть-безчестіе его и что онъ позорится ими.

Посмотри теперь на домашній кипарисъ, имѣющій вѣтви свои крѣпко собранными и цвѣтущими, зеленѣющими. У кого возрастетъ въ усадьбѣ такой кипарисъ, какое удовольствіе получаетъ хозяинъ сада, отъ видѣнія прекраснаго кипариса? Если придется разрушить мѣсто, гдѣ растетъ кипарисъ, то домовладыка предпочитаетъ иногда домъ свой разрушить, нежели тронуть кипарисъ!.. Таковъ бываетъ и человѣкъ предъ Богомъ... Нѣкій владѣлецъ кипариса потщался домъ свой разрушить, чтобы дерево кипарисное не повредить... Такъ и совершилось... т. е., Господь не пожалѣлъ храма плоти Своей разрушить ради человѣка зрящаго горѣ, къ Богу... Христосъ распялся, былъ погребенъ, воскресъ, живетъ и царствуетъ во вся вѣки... Лукавый-же человѣкъ, если умретъ во грѣхѣ-то, не возобновляется больше и не воскресаетъ въ жизнь вѣчную!..

Берегись, берегись, крѣпко держись, чтобы не постичь тебѣ въ третье лицо... т. е., чтобы не оказаться причтеннымъ къ рабу нерадивому, получившему талантъ и зарывшему его въ землю. Сиди въ каливѣ твоей, не заботясь о томъ, что дѣлаетъ одинъ, и что дѣлаетъ другой!..

ГЛАВА X.

О благотворности трудовъ послушанія для успокоенія помысловъ.

Если бы не имѣлъ онъ честолюбиваго, досл. барскаго самомнѣнія, высокомудрія своего, развѣ сталъ-бы дѣлать то, что дѣлаетъ? Т. е. это говорится объ одномъ подвижникѣ, помыслъ котораго увлекалъ въ пустыню, и внушалъ ему, что совмѣстное жительство въ общежитіи невыносимо. Что получилъ онъ съ того, т. е. какую получитъ пользу отъ того, что отречется нести труды послушанія? Никакой пользы, только одинъ помраченный помыслъ невѣрія... т. е. одно помраченіе помыслами за невѣріе свое.

Какимъ-же образомъ рождается эта страсть? высокоуміе и мысленное помраченіе?

Эта страсть рождается тогда, когда ты затворенъ въ келліи своей. Вслѣдствіе сей страсти многіе затворники погибли и многіе столпы свергнись въ адъ... Затворнику нужно имѣть силу, какъ у преподобнаго Арсенія... Но, будучи тѣмъ, что есть, какъ покушается онъ на дѣланіе безмолвія?..

Безмолвіе юнаго есть,—да трудится. Монахъ, іеромонахъ, царь, царскій сынъ, бояринъ, боярскій сынъ, сильный, малосильный, болящій, молодой,—да трудятся непрестанно, каждый по силѣ своей, безропотно, т. е. въ послушаніи. Сіе есть покой, отъ мысленной брани, для монаха. Въ особенности-же для іеромонаха его миръ душевный заключается въ томъ, чтобы онъ безпрестанно трудился. Вопроси-либо изъ трудящихся іеромонаховъ, какіе помыслы искушаютъ его?—и посмотри, что отвѣтитъ онъ тебѣ.—Не дастъ онъ отвѣта, и не знаетъ, что разсказать тебѣ о семъ, ибо ничего этого не вѣдаетъ; воздѣлываніе заповѣдей покрываетъ его, какъ покровомъ отъ дѣйствія помысловъ, и не воображаетъ онъ ихъ, помыслы въ себѣ.

Подобное высокоуміе было нѣкогда въ одномъ бояринѣ, бывшемъ въ добродѣтельнѣйшемъ общежитіи, куда онъ пришелъ ради спасенія своего, но по высокоумію своему, нисколько не заботился несчастный, о спасеніи своемъ.

Если спросишь въ чемъ было его высокоуміе,—послушай и увидишь, какую гордость онъ имѣлъ, и какъ занятъ былъ ею въ спасеніи своемъ.

Бояринъ сей былъ во времена отца нашего Саввы [1]), когда отцы были добродѣтельны и угодны Богу. Сей, будучи благороденъ и богатъ,

---

[1]) Саввы Освященнаго.

также пришелъ, къ Саввѣ: чтобы стать монахомъ. Преподобный принялъ его съ радостію, далъ ему особое правило, такъ какъ онъ не былъ привыченъ къ труду; преподобный не пускалъ его воздѣлывать землю и трудиться въ трудныхъ работахъ Лавры, какъ прочіе, которые трудились до девяти часовъ, т. е. 3-хъ час. дня, потомъ приходили и читали сообща послѣдованіе, и лишь послѣ вечерни всѣ общежительно жившіе вкушали однажды въ день пищу. Бояринъ же не въ силахъ былъ дѣлать того единственно изъ-за сомнѣнія и барскаго своего тщеславія.

Видя въ бояринѣ такое высокоуміе, преподобный велѣлъ ему трудиться внутри монастыря по силѣ своей, какъ можетъ, но поститься до прихода прочей братіи, чтобы по чину общежитія Лавры пищу ѣсть вмѣстѣ. Однако бояринъ держалъ свой барскій духъ и, будучи одержимъ гордостью, не исполнялъ заповѣди преподобнаго, ѣлъ въ келліи своей, что приносили ему его родственники и не ходилъ къ монастырской службѣ. Преподобный-же не возбранялъ ему сего, не говорилъ ему о семъ ни слова, но лишь молился Богу день и ночь о томъ, чтобы исправилось расположеніе боярина, чтобы вмѣстѣ съ братіею монастыря сопричли-бы его къ лику трапезы, къ совмѣстнымъ трудамъ съ братіей, и къ входу въ попеченіе о душѣ. Богъ услышалъ молитву преподобнаго и явилъ сіе слѣдующимъ образомъ.

Наступилъ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы 15-го Августа. Былъ канунъ Пресвятой. Братія пошли работать. Преподобный сказалъ имъ, чтобы они съ работъ пришли скорѣе, чѣмъ обыкновенно, для того, чтобы пѣть послѣдованіе, боярину-же приказалъ, чтобы онъ пришелъ ко времени вечерни въ церковь, смотрѣлъ-бы, когда братія будутъ приходить, и возвѣстилъ-бы преподобному, когда всѣ братія сойдутся въ церковь. Тогда-то и проявилась тамъ молитва преподобного слѣдующимъ образомъ.

Когда собрались отцы, видитъ бояринъ, что одинъ, сіяющій на видъ юноша, въ бѣлой одеждѣ держалъ въ рукахъ своихъ бѣлое полотенце и отиралъ имъ лица отцевъ, одного за однимъ. Позади юноши была одна шестикрылая женщина, сіявшая подобно юношѣ; она держала въ рукахъ своихъ чашу съ золотой лжицей и пріобщала тѣхъ, которыхъ отеръ полотенцемъ юноша. Приблизился къ нему и бояринъ, чтобы юноша отеръ его и чтобы боярину причаститься подобно прочимъ, юноша-же сказалъ ему: „я вижу, что ты пота трудового не имѣешь на лицѣ твоемъ“.—Юноша отошелъ и сталъ отирать другихъ братьевъ. Тогда бояринъ приблизился къ сіяющей женѣ, чтобы она пріобщила его, но сіяющая дѣва сказала: „Отойди отъ меня, ибо вижу, что трудового пота ты не имѣешь на лицѣ своемъ; постнаго облика также нисколько не вижу я на видѣ твоемъ“.—Такъ, сказавъ, Она прошла мимо, и стала причащать утружденныхъ братьевъ... Увидавъ это боя-

ринъ преогорчился, возвѣстивъ о семъ преподобному; преподобный-же сказалъ ему, чтобы бояринъ самъ усматривалъ, что ему на пользу; тогда бояринъ сталъ усердно подвизаться въ служеніяхъ, смирилъ свой нравъ наравнѣ съ прочими братіями, вмѣнялъ себя прахомъ ногъ ихъ; до самой смерти поминалъ о пагубѣ своей, которую раньше воздѣлывалъ, и великая печаль уязвляла его, что не подвизался онъ такъ съ самаго начала!..

Видишь-ли, въ какое убранство облекаетъ душу воздѣлываніе заповѣдей, какъ перегоняетъ (т. е. дистиллируетъ) и шлифуетъ подобно кристаллу...

Если инокъ испрямитъ расположеніе свое, разстелетъ себя (т. е. якобы подъ ноги братьевъ какъ подножку), усядется въ расположеніи своемъ, (т. е. откажется отъ выхода изъ общежитія въ пустыню, мирствовать будетъ въ послушаніи, собирая свои помыслы и смиряясь предъ братіями); то велімъ наречется. Если-же нѣтъ, если будетъ удерживать завистострастное самомнѣніе свое и барство, то не только у людей разорвутся сердца, когда услышатъ они и увидятъ, что произойдетъ съ нимъ, но и лѣса, если-бы могли слышать, засохли, и камни, разсѣлись-бы... Кто—принуждалъ его давать обѣщаніе [1]) предъ жертвенникомъ?..

Но да не дѣлаютъ они сего (т. е. да не враждуютъ братія)... да живутъ дружно, какъ раньше, совокупно... И да вѣдаетъ малый великаго, какъ говоритъ (Писаніе) „повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся имъ". Да правитъ великій малымъ, и да правитъ немощь его (т. е. да несетъ немощь его) и да знаетъ немощной немощь свою...

ГЛАВА XI.

О цѣломудріи. О поведеніи юныхъ въ общежитіяхъ и отношеніи къ нимъ старшихъ.

Да не отдаетъ братъ платье свое другому брату. Тотъ, кто даетъ одежду свою, безъ дозволенія предстоятеля, другому, порождаетъ безчинія; отъ сего рождается нечистота среди киновіи и человѣкъ становится безчинникомъ нечистоты.

Если братъ нуждается въ чемъ потребномъ, пошли его къ эконому, ибо въ каждомъ монастырѣ имѣется для этой цѣли распорядитель, а братія не должна имѣть между собой даянія и приниманія.

Да не наряжаются иноки въ нарядныя рясы... Если имѣютъ въ

---

[1]) Разумѣются монашескіе обѣты при постриженіи.

обители юнаго, да одѣваютъ его всегда въ ветхую рясу. Пусть юный не глядитъ въ лицо и не смѣется... Когда-же съ кѣмъ бесѣдуетъ, да приклоняетъ главу свою долу и такъ да отвѣчаетъ... Да не моетъ онъ лица своего водою и да острижетъ кудри свои, чтобы они не свѣшивались у него на лице какъ у дѣвицы, ибо эти проклятыя кудри благоукрашаютъ человѣка для воздѣлыванія блуда.

Да, прокляты кудри, но у кого они прокляты?—У того, кто служитъ имъ, т. е. лелѣетъ ихъ со злымъ намѣреніемъ (нравиться):—сей воистину препроклятъ вмѣстѣ со своими локонами!.. Поэтому и говорю, да отрѣзаютъ юнымъ локоны, да не возобновится въ нихъ злое *расположеніе*, т. е. *духъ блудный*. *мірской*, *отъ котораго*, *они бѣжали* въ монастырь... Камилавку свою да надвигаетъ себѣ на лобъ и да прикрываетъ грудь свою, чтобы не дать соблазна кому-либо изъ братьевъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ есть и іереи; если-же введенъ будетъ въ соблазнъ іерей, то на соблазнившаго падетъ отвѣтственность за соблазненіе іерея...

Ѳеофанъ сказалъ святому: „Кто станетъ исполнять сіе нынѣ?»

Святой-же сказалъ: «Тѣмъ болѣе необходимо исполнять это нынѣ, ибо сіе только теперь и осталось», т. е. отъ прочихъ обѣтовъ монашескихъ осталось цѣломудріе, которое еще хранится; если-же блудная страсть получитъ права гражданства среди монаховъ, то монашеская жизнь также исчезнетъ, какъ сила евреевъ...

Если сотворятъ это, какъ я говорю тебѣ, то добро; если-же нѣтъ, то бѣги отъ общенія съ ними, дабы не осквернилась совѣсть твоя еще въ большей степени, какъ осквернилась она прежними дѣлами воздѣлываемыми тобою...“

Ѳеофанъ-же сказалъ: „Откуда мнѣ знать, повѣрятъ-ли они? Человѣка не познаешь, вѣритъ онъ, или не вѣритъ. Считаешь по виду человѣка надежнымъ, а онъ внутри сосудъ лжи, какъ разузнать духъ его?“

Святой сказалъ: „Пріими сію примѣту и будешь знать, какъ я говорю тебѣ: Когда отыму руку мою отъ нихъ, (Святой говоритъ именемъ Господнимъ, *когда отымется благодать Святаго Духа, живущая* нынѣ въ православномъ монашествѣ), тогда будутъ творить бдѣнія и литургіи вскачь по большой дорогѣ, какъ то и нынѣ на западѣ... Будутъ взаимно посылать посланія и получать посланія разнообразнаго содержанія и по различнымъ предлогамъ, т. е. монашествующіе вдадутся въ литературу, въ изслѣдованія научныхъ и политическихъ вопросовъ, какъ то и нынѣ на западѣ, расположеніе-же ихъ отъ духовныхъ благъ обратится всецѣло къ суетѣ.

Только, горе, горе, и пять кратъ горе душамъ таковыхъ старцевъ, которые берутъ на свою отвѣтственность и подъ свое руководство такую душу, т. е. юнаго и не исправляютъ ее... Нынѣшніе монахи держатся сего, любятъ, чтобы ихъ звали „старцами“, а до души послуш-

никовъ имъ нѣтъ никакого дѣла, хоть запустѣй она... Мірская пословица говоритъ: „окрещу и мvромъ помажу, а дальше пусть живетъ, или не живетъ!..“

О, несчастные старцы! губящіе такую жизнь, т. е. юнаго послушника своего, не знаете, что имѣете быть истязаны за душу учениковъ вашихъ и имѣете ниспасть въ кромѣшнюю адскую тьму?!. Послушникъ тамъ будетъ возлагать на старца отвѣтственность за паденіе свое; душа послушника будетъ негодовать на душу старца своего и говорить: „о злосчастный старецъ! такъ то ты постарался спасти меня, взялъ душу мою на свою злосчастную душу, а теперь мы жалостно мучаемся вмѣстѣ?..“ Чрезмѣрными укоризнами воздавать будетъ вину, душа послушника, душѣ старца. Душа ста́рца тоже будетъ говорить слова укорительныя душѣ послушника: „Что говоришь мнѣ злосчастный, что не наставлялъ я тебя, когда я говорилъ тебѣ и указывалъ путь?“—И опять душа послушника будетъ говорить: „О несчастный мой старецъ! приведшій меня сюда, въ адскую муку, зачѣмъ ты не наказывалъ меня по дѣламъ моимъ; художникъ, если учитель не станетъ наставлять его, не можетъ научиться никакому искусству; такъ и теперь, если-бы наставлялъ меня ты монашеской жизни, то я не навыкъ-бы безчинію, не впалъ-бы въ мученія, которыми нынѣ мучусь, мучается также и душа твоя пріемля часть сообразную безчиніямъ твоимъ. Черезъ тебя я сталъ безчинникомъ, содѣлавъ проступки противъ монашеской жизни!.. Блаженъ монахъ, наставляемый старцемъ своимъ!.. Обезчещенъ-же будетъ монахъ, который нерадитъ о наставленіи ученика своего!.. Такъ обезчестились и мы съ тобою, здѣсь, среди тьмы кромѣшной!..—И другими чрезмѣрными укорами будутъ укорять одинъ другого, говоримъ, душа послушника и душа старца.

ГЛАВА XII.

До чего довести можетъ неумѣренная снисходительность старца. Страшный случай, бывшій въ Іорданской пустынѣ.

Нѣкогда въ предѣлахъ рѣки Іорданской было много монастырьковъ. Въ этихъ монастырькахъ было много безмолвниковъ; среди такихъ безмолвниковъ жили три брата, т. е. монаха, въ послушаніи подъ началомъ у одного добродѣтельнаго безмолвника, который былъ— святая душа. Сей благословенный старецъ имѣлъ ревность о томъ, чтобы избавились отъ вѣчныхъ мукъ его послушники; вся забота старца всецѣло была направлена къ спасенію ихъ. Но эти, несмысленные, не смыслили спасенія своего, роптали противъ своего старца, говорили, что онъ жестокъ и немилосердъ, и иныя роптанія высказывали на старца. Но ма-

ломъ времени почилъ о Господѣ старецъ ихъ; остались эти три послушника; по обычаю одинъ изъ нихъ сталъ на мѣсто старца ихъ и началъ нарушать чинъ, установленный старцемъ, чтобы явить себя милосерднѣйшимъ противъ старца своего... И нашли его послушники по нраву своему... Постригъ онъ ихъ, подѣлалъ монахами... Монахи, видя таковаго старца, милосерднѣйшимъ и добродушнѣйшимъ въ сравненіи съ прежними, славили Бога, что нашли такого пастыря по духу своему... Богъ же нисколько не былъ прославляемъ ими, но даже былъ въ презрѣніи у нихъ. И они были презрѣны, оставлены Богомъ и низверглись въ блато страсти нечистоты... Старецъ-же ни въ чемъ не перечилъ имъ, чтобы быть хвалимымъ отъ нихъ за кротость и смиреніе, на самомъ-же дѣлѣ, внутренно, онъ весь былъ всецѣло —гордость нечистоты ума своего, мыслилъ лишь о томъ, что къ погибели, но не о томъ, что ко спасенію души его...

И что-же изъ этого вышло?—Когда умеръ сей злосчастный старецъ и погребенъ былъ въ землю, земля не только не приняла его, но извергла вонъ три раза, и не принимала въ свои нѣдра. Ученики разсуждали, что имъ дѣлать; когда они всѣ вмѣстѣ обсуждали это, явился ангелъ и веліимъ гласомъ сказалъ собравшимся людямъ, чтобы взяли одну песью самку и положили ее въ могилу вмѣстѣ съ мертвецомъ, да приметъ его земля аки пса, а не какъ монаха, ибо онъ не хранилъ заповѣдей благослословеннаго старца своего, которыя должны были быть покровомъ ему!..

По смерти старца, умертвились такимъ-же образомъ и ученики его, ибо, видя умерщвленіе старца своего, погребеніе съ псиной самкой,— не раскаялись въ тѣхъ беззаконіяхъ, которыя содѣлывали. Сіе воздѣлывали они послѣ похоронъ мертвеца... Воздѣлывая же сіе возбѣсились, наконецъ, задушены были бѣсами, и умертвились также, какъ и восхваленный ихъ старецъ. Погребли ихъ въ землю, но земля не принимала ихъ, а тотчасъ извергала вонъ... Видя это предстоятели, еще болѣе недоумѣвали, совѣщаясь, что слѣдуетъ дѣлать; явился вдругъ со страшнымъ громомъ ангелъ и сказалъ предстоятелямъ: „возьмите песьихъ щенятъ и положите въ могилу вмѣстѣ съ ними; такъ какъ дѣянія ихъ были подобны псинымъ, то,— да приметъ ихъ земля, какъ песьихъ щенятъ, а не какъ монашескихъ чадъ... И сотворили, какъ сказалъ ангелъ, тогда приняла ихъ земля, аки песьихъ щенятъ, а не какъ монашескихъ дѣтей...“ [1]).

---

[1]) Многіе увы! готовы соблазниться этимъ разсказомъ, но его надо понимать не буквально, а какъ притчу, иносказательное изображеніе гнѣва Божія на людей, которые своими дѣлами „приложились скотамъ несмысленнымъ и уподобились имъ“.

ГЛАВА XIII.

Другой примѣръ строгаго старца и благословеннаго послушника въ той-же Іорданской пустыни.

Въ тѣже дни былъ одинъ добродѣтельный безмолвникъ, суровый къ послушникамъ своимъ; вслѣдствіе великой своей суровости, онъ ихъ очень сильно наказывалъ.

Воспитаніе-же его было сіе: послѣ захода солнца допрашивалъ онъ послушника, что дѣлали они сегодня; потомъ читали вечернее послѣдованіе.

Со страшнымъ прещеніемъ испытывалъ онъ чадъ своихъ, дабы не скрывали отъ него ни слова, ни дѣла, ни помысла; когда-же слышалъ, что кто-либо хотя мыслію, въ помыслѣ, согрѣшилъ, давалъ канонъ [1]) слѣдующій:

Становились они оба, (т. е. и старецъ, и послушникъ), на молитву, на цѣлую ночь, въ теченіе трехъ сутокъ; затѣмъ читалъ старецъ молитву послушнику (разрѣшительную), брали они рукодѣлье и рукодѣльничали.

Рукодѣлье-же ихъ было—четки, старецъ имѣлъ обычай вязать одну четку въ день; рукодѣлье творили вмѣстѣ съ молитвой.

Смертельнымъ-же грѣхомъ считалось сіе: когда слышалъ онъ при допросѣ, что (послушникъ) безъ дозволенія старца бесѣдовалъ съ кѣмъ-либо изъ братьевъ: бесѣдою-же считалось (досл.—было) и то, когда, произнося отвѣтъ (на чей-либо вопросъ, послушникъ) не склонялъ главы своей къ землѣ, но открыто (взиралъ) въ лице; особенно испытывалъ онъ о молчаніи и собесѣдованіи: какимъ образомъ безмолствовалъ кто въ рукодѣліи и какъ собесѣдовалъ съ братіями аскетами. Испытывалъ, (не было-ли) осужденія, взаимныхъ взоровъ (досл.: зрительной бесѣды), злословія, празднаго собесѣдованія; и когда слыхалъ о сихъ грѣхахъ при испытаніи своемъ, то тяжко наказывалъ; вмѣстѣ съ наказуемымъ послушникомъ трехдневный канонъ, (эпитимію) несъ и старецъ.

Такъ они совмѣстно изнуряли себя, никто не въ силахъ былъ выносить такое суровое воспитаніе и выстаивать со старцемъ канонъ; старецъ оставался одинъ, и получилъ отъ своихъ учениковъ имя: „жесточайшій“ и „суровѣйшій“. Съ теченіемъ времени пришелъ къ нему одинъ послушникъ изъ Палестины, былъ онъ ученъ всей философской наукѣ; но, имѣя философскія познанія, испытывалъ и жизнь отцевъ безмолвниковъ: какъ безмолствуютъ они, и какую жизнь

---

[1]) Т. е., покаянную эпитимію.

ведутъ; испытывая это, пошелъ онъ къ жесточайшему старцу, одобрилъ его жестокость, и угодна была ему такая жизнь. Тогда присоединился онъ къ пути жесточайшаго старца, — письменно, и неписьменно, (т. е. давъ обязательство письменное и словесное неуклонно послѣдовать и повиноваться старцу). Смиренно терпѣлъ сей послушникъ суровое воспитаніе жестокаго своего старца, и мудро говорилъ себѣ: „Пшеница, если не всѣется въ землю, не умножится; если-же и умножится въ зернѣ, но не смелется на мельницѣ, не будетъ мукой; мука-же, если не заквасится въ корытѣ и не положится въ горячую печь, не получитъ свойства хлѣба и не назовется хлѣбомъ трапезнымъ.' Такъ и послушникъ: если не покоритъ себя человѣку, не получитъ спасенія, но и при семъ, если не будетъ терпѣть суровостей отъ спасенія своего (т. е. отъ старца), не назовется спасающимся человѣкомъ; но и спасающійся человѣкъ, если не положитъ души своей на претерпѣніе суроваго воспитанія, если не — опалится безчестіемъ и поруганіемъ человѣческимъ,—не получитъ свойствъ хорошаго хлѣба, не будетъ положенъ на трапезу, но будетъ выброшенъ свиньямъ... И тѣсто, если не сожмется само въ себя, то не пойдетъ на трапезу, но сдѣлается хлѣбомъ для свиней...

Поэтому, пусть я самъ себя сожму въ жестокой жизни сего честнаго старца, дабы не стать мнѣ хлѣбомъ для свиней...“ — Такъ всегда говорилъ онъ и мужественно терпѣлъ суровое воспитаніе старца, пока не упокоился о Господѣ.

На утро старецъ пошелъ посмотрѣть, его могилу и, увидавъ могилу, воскликнулъ: „чадо мое, гдѣ ты?“—въ тотъ часъ заблагоухала могила, изъ трещинъ земли вышло прекрасное благоуханіе; сіе благоуханіе было отвѣтомъ и говорило: здѣсь есмъ, отче, успокойся и не бойся, ибо безропотно и непоколебимо до конца претерпѣвшій въ заповѣдяхъ старца и духовника своего, не пріемлетъ смерти, но почиваетъ посреди ангеловъ, поэтому перестань, не плачь; потерпи и ты (до конца) твою собственную суровость, такъ-же какъ я терпѣлъ твою». Послѣ сихъ словъ могила закрылась, благоуханіе прекратилось, старецъ вернулся въ келлію свою, благодаря Бога.

Видишь, какъ спасъ старецъ послушника и какъ послушникъ спасаетъ старца терпѣніемъ послушанія и крайнимъ смиреніемъ?..“

ГЛАВА XIV.

Обличеніе людей нынѣшняго времени въ нечувствіи къ духовнымъ благамъ и пристрастіи къ земнымъ.

Дивлюсь я тому, до какой степени стали презрѣнны книги нашей церкви днесь... Книги церковныя суть истиннѣйшія,—до (послѣдняго) выраженія, до (послѣдней) буквы... Отчего-же столь презирають ихъ, отчего не повинуются нынѣшнія люди, книгамъ нашей церкви?—Потому, что нынѣ люди упились чашею безчувствія, не чувствують словъ книгъ церковныхъ; по своему великому безчувствію нынѣшніе люди сократили Богослуженіе; вліяють на чувства ихъ—серебро, злато и дѣла рукъ человѣческихъ, посему и не дають теперь люди совершать богослуженія въ совершенствѣ, но съ торопливымъ понужденіемъ понуждають, какъ-бы поскорѣе окончить его и выйти вонъ, чтобы взяться за свое рукодѣлье, собрать побольше сребра и злата, дабы похваляться своимъ богатствомъ. Нѣкогда (монашествующіе) имѣли въ (почетѣ), и похваляли Великаго Антонія и Великаго Арсенія, а нынѣшніе люди восхваляють того, кто имѣеть больше сребра и злата. Того, кто обладаеть сребромъ и златомъ, имѣють въ предпочтеніи. Кого привѣтствують?—Того, который всѣхъ больше воздѣлываеть дѣла рукъ человѣческихъ. И сіе осталось нынѣ (т. е. отъ прежняго монашества)!.. И сіе воздѣлывають люди днесь!.. Но только не довольно нынѣшнимъ людямъ того, что привѣтствують ихъ и почитають за труды, но стремятся они еще къ тому, чтобы ихъ славили и за дѣла беззаконныя, стараются быть предпочтенными со своими беззаконіями.

Монахъ, который воздѣлываеть подобное беззаконіе, есть мерзость мерзостей предъ Богомъ!.. Монахъ, пребывающій въ обѣтахъ жизни монашеской, но имѣющій (въ тоже время) деньги въ ростѣ, получающій барышъ со сребра и злата—есть мерзость предъ Богомъ и всѣми Святыми!..

ГЛАВА XV.

Сравненіе сердца монаха съ зеркаломъ.

Монашеская жизнь предъ Богомъ: есть какъ-бы зеркало (т. е. въ чистомъ сердцѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается Богъ, а жизнь монашеская должна быть безпрестаннымъ созерцаніемъ Бога). Человѣкъ смотрить въ зеркало, взираеть тамъ на лице свое, любуется имъ; потомъ на зеркало падаеть дыханіе человѣка, и зеркало солжеть,

человѣкъ уже не можетъ въ замутившемся зеркалѣ зрѣть лица своего. (Въ этой притчѣ многоразличный смыслъ: Богу пріятно и угодно чистое человѣческое сердце, отражающее въ себѣ Ликъ Божій; можно видѣть здѣсь и ту мысль, что чистое сердце мгновенно утрачиваетъ свой блескъ, какъ только человѣкъ допуститъ въ себѣ какое-либо сомнѣніе и горделивое самолюбіе). Если отъ дыханія человѣческаго мутнѣетъ зеркало, то не тѣмъ-ли паче мутнѣетъ монашеская жизнь отъ тлѣннаго дыханія сердца человѣческаго, устремляющагося къ тлѣннымъ благамъ. Но зеркало (легко) отирается и проясняется, монаху-же затруднительно отереться, когда онъ загрязнится. Зеркало, когда загрязнится человѣческимъ дыханіемъ, отирается однимъ лишь тонкимъ платкомъ, чистота зеркала проясняется, и (снова) зритъ въ немъ человѣкъ красоту лица своего; монахъ-же, если загрязнится беззаконіями своими, не отирается тонкимъ платкомъ, чтобы прояснить блескъ чистоты своей, чтобы чистота его (снова) привлекла взоръ Божій къ себѣ, ибо, если станетъ отираться тонкимъ платкомъ, то платокъ замарается и станетъ потомъ никуда негоденъ. (Въ этой притчѣ преподобный, повидимому, хочетъ сказать, что смертные грѣхи для монаха еще болѣе тяжки, чѣмъ для міранина, и требуютъ сугубаго покаянія). Говоримъ, если монахъ впадаетъ въ грѣхъ, воздѣлывая беззаконіе волею и неволею, словомъ, дѣломъ, или помышленіемъ, если онъ и сознается въ семъ подобно блудному сыну, покается, но покается словомъ, а не дѣломъ, то не попользуетъ такое покаяніе его; покаяніе должно осуществляться дѣломъ, а не проявляться лишь словомъ.

Говоримъ: если не положите печаль на сердце ваше, если сокрушеніемъ плача не будете тереть сердца вашего, то никоимъ образомъ не возможете обрѣсти путь спасенія, ибо отступили вы отъ пути спасенія, взяли другую дорогу, которая не ведетъ къ спасенію!

Говорю вамъ: вернитесь обратно съ печалью и сокрушеніемъ сердца, да обрящете путь спасенія вашего, ибо путь грѣха—есть путь погибели, но не спасенія.

ГЛАВА XVI.

О свободѣ духа и легкомъ бремени истиннаго монашества, уклоненіе современнаго монашества къ суетѣ суетъ.

„Дивлюсь я тому, какъ осмѣливаются люди оставаться на пути погибели, когда есть такой (т. е. столь доступный и удобный) путь спасенія?

О, какая легкость свободы есть монашеская жизнь!

О, какъ легко утратиться такой свободѣ отъ людей!

О, какое удобство для спасенія живущимъ на горѣ сей!

О, какую свободу мы имѣемъ здѣсь, для воздѣлыванія монашеской жизни!

Охъ, какими люди сдѣлались нынѣ!

„Иго Мое благо и бремя Мое легко есть“. — Христосъ не повелѣваетъ намъ переставлять скалы, не повелѣваетъ намъ держать рукою канатъ корабля во время бури, —повелѣваетъ-же намъ лишь имѣть чувство сознанія своего собственнаго бремени и бремени общаго (т. е. оплакивать свои немощи и грѣхи, а также общее паденіе монашества и скорбѣть о семъ).

„О рекшихъ мнѣ, внидемъ во дворы Господни, возвеселися мой духъ, срадуется сердце“.—(Антиф. 4 гл.).

Мы здѣсь во дворѣ Господнемъ, т. е. въ обители монашеской, но мирствуемъ-ли мы здѣсь?“—Да, (т. е. живемъ спокойно), но во дворахъ Господнихъ не есьмы!

Что-же это за дворы Господни?—дворы Господни суть пять чувствъ; говоримъ: вѣра, любовь, милосердіе, цѣломудріе и кротость, какъ говорится. „Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ“ (Матѳ. XI, 29).—Сіи пять чувствъ запечатлѣлъ Богъ въ человѣкѣ, говоримъ, въ рукахъ и въ ногахъ, на память человѣку (т. е. въ знаменіе сихъ пяти чувствъ сдѣлалъ по пяти пальцевъ на рукѣ и ногѣ). Но люди позабыли. Они оставили бремя (легкое) переставляютъ скалы и держатъ въ рукѣ канатъ, въ такую бурю!

Нынѣшніе люди считаютъ лучшимъ для себя не только скалы переставлять, но за благо почтутъ переставить Аѳонскую гору на мѣсто Олимпа, а гору Олимпъ на мѣсто Аѳона, канаты кораблей всей вселенной предпочтутъ удерживать въ рукахъ во время бури, нежели вступить подъ иго Господне! И Богъ (все-таки) не отнимаетъ своего ярма до часа суднаго, долготерпитъ, налагаетъ раны, чтобы люди опомнились!

Сіи же пять чувствъ, которыя (должны) хранить люди, (такъ-же необходимы имъ), говоримъ, какъ пять пальцевъ на рукѣ. Если у кого не хватитъ лишь одного пальца, а останутся четыре, (все равно), его будутъ называть калѣкой, не такъ-ли? Тоже и съ заповѣдями Божіими, (т. е. хотя одной изъ нихъ не соблюди, ты духовно уже уродъ).

Къ мирно-жителямъ. Мирны-ли мы?—Нѣтъ, но соблазняемъ другъ друга!

Мирны-ли мы?—Нѣтъ, но предаемъ другъ друга!

Мирны-ли мы (т. е. въ возраженіе тѣмъ, которые утверждаютъ, что, удалившись отъ міра, они мирствуютъ, хотя и не подвизаются о спасеніи). — Нѣтъ, но презираемъ другъ друга!

Мирны-ли мы?—Нѣтъ, но осуждаемъ другъ друга!

Мирны-ли мы? — Нѣтъ, но непокоряемся другъ другу! — И какъ прейдемъ мы такимъ образомъ ко дворамъ Господнимъ, чтобы возвеселился духъ нашъ и сорадовалось-бы сердце наше?

Мирны-ли мы такъ, чтобы возвеселялся-бы духъ нашъ? — Нѣтъ, содѣлали мы духъ нашъ дикимъ по отношенію къ тѣмъ пяти чувствамъ и мирны (при этомъ).

Мирны-ли мы такъ, чтобы и сердце наше сорадовалось-бы? — Нѣтъ, мы (хотя и) мирны, но почему-же сердце наше стало жесткимъ по отношенію къ этимъ пяти чувствамъ?

(Если мы мирны, какъ-то предполагаемъ), то почему-же сдѣлались такими непокорными и безумными? — Потому, что люди нынѣ уклонились отъ долготерпѣнія. Потому, что отстранились отъ легкаго бремени, приблизились ко бремени тлѣнному, безплодному, тягчайшему, вступили подъ него, и несутъ на плечахъ своихъ сіе бремя, какъ будто кто ихъ на рабство осудилъ, несчастные люди! Позабыли они совсѣмъ, что они монахи, что они находятся не на базарѣ, а во Святой Горѣ, говоримъ, во дворахъ Господнихъ въ Удѣлѣ Всецарицы, Честной Владычицы нашей Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи! Матери долготерпѣнія, Всепѣтой Богородицы, христіанъ Предстательницы, Посѣщенія архіереевъ, Покрова іереевъ, Путеводя въ жизни монашеской, Охранительницы дѣвства и цѣломудрія, монашеской жизни Наставницы!

Многопопечительность житейская производитъ язву въ душѣ и до такой степени изъязвляетъ человѣка, что дѣлаетъ его какъ-бы прокаженнымъ. Суета суетъ и всяческая суета есть многопопечительство человѣка!.. Многопопечительность отнимаетъ отъ человѣка благодать Божію! Многопопечительность побуждаетъ человѣка призывать царицу погибели! Многопопечительность побуждаетъ человѣка отвергать Царицу Спасенія! Многопопечительность приводитъ человѣка въ погибель погибели, какъ погибли и нынѣ монахи съ своею многопопечительностію.

Спросишь у меня, монаше: неужели мы погибли? — зачѣмъ спрашиваешь это, монаше? Ты и самъ знаешь, что отъ многопопечительности заботы ты находишься въ погибели погибели, даже не сознаешь себя монахомъ, даже не чувствуешь того, что ты внутри двора Господня, дабы возвеселился бы отъ этого сознанія духъ твой и сорадовалось сердце твое, духъ твой всецѣло разсѣянъ и сердце помрачено. Ты даже не понимаешь, что такое словесный человѣкъ.

Скажешь, монаше: чѣмъ же мы не словесные люди, ужели мы животныя?

Да, правду говоришь ты, о монаше, (т. е. эти слова относятся къ монаху увлекшемуся многостяжаніемъ и суетой), ты не таковъ какъ животное, ибо животное беззаконій не творитъ, а ты ежедневно творишь беззаконія и злыя похотѣнія; въ тебѣ такой же превратный умъ погибели, какъ у древнихъ людей при Ноѣ... Во время самаго потопа

Богъ весьма опечалился; но изъ-за чего опечалился? — изъ-за развращенныхъ людей, подобныхъ тебѣ, монаше, а не изъ-за животныхъ, которыя ни въ чемъ не провинились предъ Богомъ, но должны были погибать съ людьми. Поэтому Богъ, слыша ревъ животныхъ, погибавшихъ посреди водъ, весьма печалился!

Васъ же, преступившихъ заповѣди въ монашествѣ, ожидаетъ Онъ съ безграничнымъ долготерпѣніемъ Своимъ, дабы услышать отъ васъ вожделѣнное покаяніе, и имѣетъ для васъ готовую милость!

Изъ-за чего же вы губите себя многопопечительностію погибели, на всякъ день взывая къ царицѣ погибели, къ семиглавому беззаконію и преогорчая каждый день, каждый часъ и каждую минуту Царицу Спасенія?!.

Вотъ сегодня прошу и молю васъ, освященные, іеромонахи и вы честнѣйшіе монахи: не ввѣряйте себя царицѣ погибели и семиглавому беззаконію, чтобы не покинула васъ Царица Спасенія и не остались вы пусты отъ благодати монашеской жизни. Ибо Царица Спасенія есть Дѣва чистѣйшая, не допускающая и слѣда ржавчины, (прим.: „кори“ по греч. есть и дѣва и око, т. е. Богородица есть Око чистѣйшее, не терпящее въ монашествѣ ржавости обѣтовъ, а въ особенности ржавости цѣломудрія), какъ то любитъ царица погибели, выжидающая гибели міра всего... Сія же чистѣйшая Царица Спасенія не желаетъ и слышать о таковомъ погибельномъ дѣлѣ въ удѣлѣ Своемъ, т. е. въ монашествѣ вообще и во Св. Горѣ въ частности.

ГЛАВА XVII.

Воззваніе къ Аѳонскимъ инокамъ и возвѣщеніе о погибели Аѳона, если не покаются.

Вонмите іереи, іеромонахи и вы, честнѣйшіе монахи: сказывалъ вамъ и паки говорю: сохраните себя, храните строго монашескую жизнь и чистоту, заповѣди спасенія нерушимо, чтобы не сдѣлаться для рода христіанскаго виною соблазна.

Если же нѣтъ, если же нѣтъ, если не послушаете сихъ словъ моихъ всѣхъ, не обратитесь къ покаянію покаянія, не придете въ такое же покаяніе, какъ городъ Ниневія,—имѣете дать вину всемірному великому соблазну міра; издали будутъ взирать на мѣсто сіе, съ моря и съ суши, будутъ указывать пальцемъ на мѣсто сіе и говорить: „на мѣстѣ этомъ обитали спасавшіеся люди, смиренные монахи, ведшіе ангельскую жизнь аскеты, пустынники, содержавшіе крайнее безмолвіе, никогда не желавшіе насытиться до сыта хлѣбомъ и водою, во всю жизнь свою“. А нынѣ это мѣсто погрузилось во глубину моря?! Будутъ сіе говорить подобно тому, какъ нынѣ говорятъ о городахъ Содомѣ и Гоморрѣ.

ГЛАВА XVIII.

О славной обители неусыпающихъ и почему запустѣла она.

Увидалъ нѣкто извѣстную обитель неусыпающихъ опустошенной и разоренной; увидалъ также и то, что въ обители на святомъ мѣстѣ сидитъ нѣкое животное... Увидѣлъ это человѣкъ и, изъ глубины сердца вздохнувъ, сказалъ: „горе намъ нынѣ! какъ пала сія обитель, въ которой обитали неусыпающія, праведныя и освященныя души; до чего она пала: въ обители обитаетъ дикое животное, на Святой Трапезѣ!“ Сказавъ это, схватилъ онъ камень въ руки, чтобы прогнать этого звѣря, но услышалъ гласъ и страшное слово: „оставь животное въ покоѣ! для меня лучше имѣть это животное, нежели тѣхъ несчастныхъ монаховъ, которые позорятъ свою монашескую жизнь, впали въ многопопечительность, заботы о стяжаніяхъ, и соперничаютъ въ томъ, кто первый слукавитъ, кто первый солжетъ, кто первый неправедно похититъ, кто первый обезчеститъ ближняго, кто первый накопитъ сребро и злато, кто первый обогатится многоразличіемъ трапезы, кто будетъ первымъ въ воздѣлываніи многословія осужденія. Да не усыпали они, но съ другой стороны и многословіе осужденія у нихъ никогда „не усыпало“; поэтому и говорю я тебѣ, что лучше для меня имѣть это животное, нежели тѣхъ превратныхъ монаховъ!“ [1]).

---

[1]) Это сказаніе означаетъ гнѣвъ Божій на иноковъ, когда они дѣлами своими прилагаются скотамъ несмысленнымъ и уподобляются имъ. Какъ понимать сіе страшное сказаніе, буквально или притчно, иносказательно!? Хотѣлось бы его понимать иносказательно, столь оно грозно и страшно!.. Однако что говорятъ историческіе факты?! Обитель „неусыпающихъ“ была въ Константинополѣ. Теперь она не существуетъ и точное ея мѣстоположеніе не извѣстно. Въ Константинополѣ, „во время оно“, въ благочестивую византійскую эпоху, было множество монастырей, такъ что описать ихъ теперь, хотя бы по именамъ, затруднительно. Многіе монастыри были обращены изъ древнихъ языческихъ храмовъ. Мѣсто служенія идоламъ дѣлалось мѣстомъ особаго благодатнаго присутствія Божія, дѣлалось для Бога Его возлюбленнымъ, избраннымъ мѣстомъ. Но всѣ ли эти монастыри сохранили благоволеніе Божіе, всѣ ли они пребыли до конца подъ благодатнымъ осѣненіемъ и покровомъ Бога?! Далеко не всѣ! Въ настоящее время очень трудно указать мѣсто многихъ прежнихъ монастырей Константинополя, такъ какъ вслѣдствіе частыхъ пожаровъ, землетрясеній и опустошеній, отъ которыхъ конечно погибали и монастыри, расположеніе Константинополя совершенно измѣнилось, („*Константинопольское монашество*“, *сочиненіе* Аббата Марена, *Спб.*, 1899 г., изд. Сойкина, 29 и 39 стр.). А если такъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что въ Царь-Градъ, на мѣстѣ многихъ монастырей, на мѣстѣ многихъ монастырскихъ храмовъ и алтарей, теперь пролегаютъ грязныя улицы, разгуливаютъ животныя, а можетъ быть творится что-либо и худшее!.. Читающій да разумѣетъ!..

Услыхавъ сей голосъ благословенный человѣкъ тотъ остался въ изумленіи отъ этихъ громовыхъ словъ.

Вотъ сегодня и васъ я спрашиваю: понятны-ли вамъ слова мои для ушей вашихъ? Дайте мнѣ сей отвѣтъ. Если же все еще не можете мнѣ сіе отвѣтить, (т. е. что понятны), то слушайте и четвертое сказаніе, дабы я чистъ былъ отъ дѣлъ, которыя вы дѣлаете!..

ГЛАВА XIX.

Обращеніе къ Святогорцамъ; притча о магнитѣ и желѣзѣ.

Послушайте, преподобнѣйшіе іеромонахи и вы, честнѣйшіе монахи! Когда въ Ниневіи, во время проповѣди Іоны, мудрецъ Рамуилъ поставилъ на высокомъ мѣстѣ магнитъ, а къ нему привѣсилъ желѣзо, то желѣзо удерживалось магнитомъ, не смотря ни на какія воздушныя стихіи (вѣтры и т. п.). Ибо, пока желѣзо чисто, магнитъ не боится ни тяжести, ни вѣтра, ни долговременности, но ржавости желѣза онъ не выноситъ: заржавѣло желѣзо, и магнитъ его не держитъ; освободилось оно отъ ржавчины,—и опять принимаетъ его магнитъ; если же не разоржавѣетъ, то магнитъ его не принимаетъ, желѣзо пребываетъ ржавымъ и бываетъ не годно ни на что.

Также держитъ надъ Аѳономъ Богородица, чистѣйшая Дѣва, Царица Спасенія, Покровъ „крилу Своею", всегда покрывала Она и покрываетъ Гору сію до днесь, подобно магниту. Если магнитъ, будучи бездушною тварью Божіей, имѣетъ такую державную силу, то тѣмъ болѣе Всецарица Госпожа наша Богородица,—какою обладаетъ силою? Хотя и не въ силахъ я это разсказать вамъ, но вы и сами видите державную силу Богородицы.

Равнымъ образомъ, какъ качали вѣтры магнитъ, чтобы упустилъ онъ желѣзо и не возмогли, такъ колеблютъ и язычники Гору сію, чтобы отлѣпить Аѳонъ отъ руки Пресвятой. Наконецъ Св. Гора отомкнется отъ руки Пресвятой, но какимъ образомъ упустится Аѳонъ изъ руки Ея? Не изъ-за шатаній языкъ, а по причинѣ беззаконій, такъ какъ Она выноситъ ихъ не въ силахъ, ибо беззаконія человѣческія предъ Богоматерію Госпожею нашею Богородицею то же, что ржавчина желѣза предъ магнитомъ; ржавчина разлучаетъ желѣзо отъ магнита; беззаконія живущихъ въ Святой Горѣ могутъ разлучить ихъ отъ Богородицы.

ГЛАВА XX.

Обличеніе торопливости Богослуженія.

Вы имѣли и имѣете одинъ злой обычай, за который не сочтетесь со избранными, какъ говорится: „съ человѣки дѣлающими беззаконіе не сочтуся и со избранными ихъ“.—Спросите, что это за беззаконія, ради, которыхъ, мы не будемъ со избранными? Своихъ Богослуженій мы не опускаемъ, не пропускаемъ ни литургіи, ни вечерни, ни девятаго часа; какъ же ты говоришь, что мы не будемъ со избранными?—Это-ли отвѣчаете вы мнѣ?—дивлюсь я, почему вы требуете изъясненія вамъ, вашихъ беззаконій, которыя сами же творите, но не сознаете ихъ: несчастные! И какъ не беззаконничаетъ человѣкъ нынѣ?—т. е. это-ли мните себѣ оправданіемъ, что вы службы не опускаете?—Служба ваша никуда не годна по торопливости. Какъ гнилая доска полезна столяру, такъ пользуетъ и торопливая служба монаха. Насколько поломанная игла потребна портному, настолько и торопливая литургія пользуетъ іерея...

Сколь потребна ржа для желѣза, столь же пользуетъ и постъ злопамятнаго человѣка!..

ГЛАВА XXI.

Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы. Примѣръ св. Никифора, Саприкія и патріарха Авраама.

Если истончите шею вашу постомъ, если и плоть вашу изсушите, какъ сушеную скумбрію, (морская рыба вродѣ селедки), любви же не будете имѣть, никакого плода не принесете!..

Посему говорится: возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы.—Не будешь имѣть любви, и исповѣданія имѣть не будешь... Если даже будешь и исповѣданіе имѣть, а любви у тебя не будетъ, то лишишься исповѣданія, подобно Саприкію...

Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы...—Кто истолковалъ эту тайну?—Ее изъяснили два человѣка, духовный и безчувственный; говоримъ: Никифоръ съ Саприкіемъ...

Раньше они были оба чувствительными, любящими, имѣли равноангельское единомысліе любви, но Никифоръ,—поссорился съ Саприкіемъ, виноватъ былъ Саприкій; любовь, которую они имѣли, преложилась въ злопамятство; эта страсть вкоренилась во внутренностяхъ Саприкія; онъ не хотѣлъ даже видѣть предъ собою Никифора, но за такое злопамятство

Саприкій лишился мученическаго вѣнца, которымъ Вѣнцедавецъ готовъ былъ уже увѣнчать его...

Саприкій перенесъ такія муки, что вѣнецъ небеснаго мздовоздания стоялъ всего на семь локтей надъ головою его, но семиглавіе беззаконія злопамятства не дало вѣнцу спуститься на голову Саприкія... Ибо, сколько ни умолялъ его Никифоръ о взаимномъ снисхожденіи, т. е. прощеніи, Саприкій не желалъ снизойти; за то снизшелъ до принесенія жертвы идоламъ и отрекся отъ Христа!.. Что же было виною сему?—злопамятство.

Никифоръ же, какъ кроткій и смиренный, пріялъ вѣнецъ отъ вѣнцедавца Христа. Видишь, какъ безчувствіе Саприкія лишило его исповѣданія, какъ оно вмѣстѣ съ жестокосердіемъ злопомнѣнія низвергло его въ блато идолопоклонства?..

Никифоръ, по чистосердечной любви, палъ въ ноги и поклонился Саприкію, чтобы заключить любовь, но Саприкій не хотѣлъ и смотрѣть на Никифора, а не только сотворить любовь!..

И вмѣнилась Никифору любовь къ Саприкію въ мученичество, въ мужественное исповѣданіе, и совершила ему мученическій вѣнецъ!..

Хороша любовь къ человѣку, но не чрезмѣрная...

Два рода есть любви—человѣческая и Божественная...

Кто разъяснитъ намъ чрезмѣрность любви къ человѣку, и кто изъяснитъ намъ чрезмѣрность любви къ Богу?—Примѣръ чрезмѣрности любви человѣка къ человѣку есть Саприкій, ибо онъ раньше чрезмѣрно любилъ Никифора, котораго потомъ возненавидѣлъ...

Какой теперь человѣкъ можетъ показать, чрезмѣрную любовь къ Богу?—Патріархъ Авраамъ доказалъ чрезмѣрную любовь къ Богу словомъ и дѣломъ; за это позналъ Авраамъ и любовь къ себѣ Бога, когда Богъ возбранилъ ему заклать сына своего!...

Но кто возбранитъ Богу, дабы Сынъ Божій не приносился за людей въ жертву на жертвенникѣ?..

Невозможно никому возбранить Богу, чтобы не жерся Сынъ Его: явно, что любовь Бога къ человѣку превосходитъ любовь человѣка къ Богу...

ГЛАВА XXII.

Сравненіе монаховъ, отступившихъ отъ иноческаго подвига съ неблагодарными Израильтянами.

Богъ возлюбилъ человѣка словомъ и дѣломъ, а человѣкъ презрѣлъ Бога словомъ и дѣломъ; такъ Израильтяне, чрезмѣрно любимые Богомъ, явили Богу великую неблагодарность.

И нынѣ монахи, отпавшіе отъ иноческаго подвига, за многую любовь, къ нимъ Бога, избавившаго ихъ отъ агарянскаго плѣна, т. е., отъ міра грѣховнаго и насилій агарянскихъ, творимыхъ надъ мірянами, Бога, приведшаго ихъ въ землю міра и спасенія, явили неблагодарность Богу, бросили путь спасенія, презрѣли призваніе Божіе, впали въ излишества тѣлесныя, какъ-будто и Бога всевидящаго нѣтъ!.. Мысль ихъ окружена плотскими вожделѣніями!.. Всецѣло вожделѣваютъ они жизни погибельной, презрѣли и презираютъ жизнь спасительную, а въ оправданіе безчувствія своего говорятъ, что въ нынѣшнее время безъ житейскихъ попеченій трудно управиться, и безъ хлопотливыхъ заботъ нельзя и жить!.. Съ такимъ отрицательнымъ убѣжденіемъ, въ невозможность веденія въ наши дни жизни нестяжательной, отказываются они отъ монашескаго подвига, совсѣмъ,—съ отчаяніемъ безнадежности говорятъ и толкуютъ такъ: если не будемъ имѣть огромныхъ домовъ, разнообразной роскоши, многоразличныхъ трапезныхъ снѣдей, если не будемъ о всѣхъ этихъ суетахъ заботиться, то не можемъ понести монашеской жизни; безъ сихъ плотскихъ утѣшеній, она невозможна [1]).

Евреи, будучи неблагодарны, къ освободившему ихъ отъ фараона Царю Славы, наконецъ отреклись отъ Господа и распяли Его, своего Освободителя, царя Славы; нынѣ люди отреклись отъ Царицы Спасенія, призвали себѣ на помощь царицу погибели, многопопечительную суетливость; заботятся лишь о пагубномъ скряжничествѣ, которымъ и грязнятъ свою душу.

ГЛАВА XXIII.

О тѣни и сѣни смертной.

О честнѣйшіе отцы! — если-бы вы видѣли премѣненіе смертное, когда душа отлагаетъ тѣло, то не стали-бы заботиться ни объ одномъ зернушкѣ, ни объ одной ниточкѣ для вашего тѣла, но безчувствіе помрачило васъ тьмою и сѣнью смертною погибели. Своею многопопечительною заботой о суетѣ, ввели вы себя во мракъ тьмы и сѣни смертной, и не видите свѣта истины, который ежедневно сіяетъ предъ вами. Говоримъ о снѣ мертвыхъ въ усыпальницѣ и мертвости погребенныхъ, которая вопіетъ предъ вами...

Вы хороните мертваго въ землю, по времени глядите могилу;

---

[1]) Эти слова надобно понимать въ томъ смыслѣ, что и при внѣшнемъ благоустройствѣ монастыря не надобно забывать о „безмолвіи, схимничествѣ и затворѣ“. Хорошо, посему, поступаютъ на Аѳонѣ благоустроенныя обители, которыя устрояютъ особые скитки для ревнителей безмолвія. Напр. Пантелеимоновъ монастырь по величинѣ походящій на городокъ, для любителей безмолвія устроилъ особый скитъ („Ѳиваиду“).

отъ мертваго остаются сухія кости, отрѣшенныя отъ плоти [1]). Вы ихъ перемѣшиваете и онѣ не возмущаются противъ васъ!.. Вы говорите имъ, но онѣ не отвѣчаютъ вамъ. Вы ихъ безчестите, но онѣ не безчестятъ васъ... Если такова кончина человѣка, чего же печетесь вы въ заботливыхъ многопопеченіяхъ, омрачаясь тьмою и сѣнью?.. Пробудитесь, взыщите истину, ибо ходяй во тьмѣ во тьмѣ и остается.

Вы говорите: если не будемъ заботиться и многопещись о плоти нашей,—не жить намъ на мѣстѣ семъ...“

— Ахъ, честнѣйшіе отцы, для чего пришли вы сюда?—Чтобы умерщвлять тѣло, оживляя душу или оживлять плоть и умерщвлять душу?!

Ради сихъ глаголовъ вашего безчувствія, ради того, что вы ходите во тьмѣ и сѣни смертной, — Богъ послалъ вамъ сіяніе истины, оно не далеко, оно ни справа, ни слѣва, ни на высотѣ, но у самыхъ ногъ вашихъ, и вы ежедневно видите предъ собою таковое сіяніе истины! (т. е. смерть).

ГЛАВА XXIV.

Увѣщанія кавсокаливитовъ быть нищелюбивыми.

Вы скажете (про нѣкоего нищаго Ивана, проживавшаго въ полномъ нестяжаніи въ одной пещерѣ близь Кавсокаливы), что онъ беззаконничалъ?—Я не говорю вамъ, чтобы вы подражали беззаконію его, (повидимому, у этого нищаго Ивана была какая-то явная немощь, можетъ быть онъ выпивалъ?), но говорю вамъ, о безпечности его, (т. е., отрѣшенности отъ земного), въ которой онъ пребывалъ тридцать лѣтъ. Проживъ въ столькихъ злостраданіяхъ, онъ не заботился ни о кресалѣ (кремнѣ), чтобы высѣчь огонь, ни о жаровнѣ, чтобы развести жаръ, ни о сребрѣ и златѣ; рукодѣлья человѣческаго не творилъ, постели себѣ никогда не постелилъ; не вѣдалъ ни кушанья варить, ни о продажѣ пещись, ни о покупкѣ заботиться;—спрашиваю я васъ: гдѣ живетъ человѣкъ сей съ такой жестокой жизнью, (т. е. не здѣсь-ли съ вами, говорящими, что нынѣ нѣтъ больше возможности такъ жить)?—Вы скажете мнѣ: „не призирай мы его тѣлесно, не могъ-бы выносить онъ такой жестокой жизни“.—Вотъ, васъ призираетъ Богъ, помогая вамъ съ безграничною милостію милосердія Своего... Почему-же вы не подражаете такой его жестокой жизни, прогнѣвляя Бога многопопечительностію заботы? Какъ васъ милуетъ Богъ, такъ милуйте и вы его... Вы же, (хвалящіеся милостыней своей, подаваемой ему), какъ пренебрегаете

[1]) На Аѳонѣ есть обычай черезъ 3 года по смерти инока откапывать его могилу, осматривать кости и полагать въ усыпальницу.

имъ?!—Приходитъ онъ къ вамъ въ домъ, вы же изгоняете его съ безчестіемъ, точно какого злодѣя!.. Поскольку предъ людьми онъ кажется злодѣемъ и беззаконникомъ, постольку вы злодѣи и беззаконники предъ Богомъ... Беззаконіе-же его есть немощь; онъ немоществуетъ вами искушаемый; если вы не будете его искушать, тогда и онъ перестанетъ немоществовать. Искушается онъ злыми духами, а вы искушаете его дѣломъ искусительнымъ; какъ человѣкъ, онъ побѣждается въ этой страсти, но бремя искушенія, которымъ вы искушаете его, тяготѣетъ на васъ, (досл. удѣлено вамъ). Искушеніе-же ваше есть сіе: приходитъ онъ, чтобы вы удѣлили ему немного хлѣба; вы же, вмѣсто хлѣба, раскаляете его вашимъ празднословіемъ, онъ впадаетъ въ это беззаконіе и, возвратившись въ домъ свой, псилафизуется, (т. е. искушается въ помыслахъ) вашимъ празднословіемъ... Посему, вамъ удѣлено беззаконіе [1]) его, и вы дадите двоякій отвѣтъ за эту душу: во первыхъ, дадите отвѣтъ вмѣстѣ съ богачемъ (евангельскимъ), во вторыхъ дадите отвѣтъ о душѣ сей за ваше искусительное празднословіе.

ГЛАВА XXV.

О неумѣстности веселія въ монахѣ.

Вступившему въ монашескую жизнь подобаетъ быть траурнымъ, темнымъ, озабоченнымъ и всегда сокрушеннымъ. Онъ долженъ имѣть озабоченность, подобную озабоченности воина, идущаго въ бой. Воинъ озабоченъ (предстоящимъ) трудомъ браннымъ и говоритъ: отобьюсь-ли я отъ врага въ семъ сраженіи? Охъ! горе мнѣ! объялъ меня страхъ боязливости, (т. е. боюсь за себя, что не хватитъ мужества)!—и, такимъ образомъ, сердце его все въ трауръ, (досл. въ чернотѣ), отъ сознанія того, что онъ подверженъ опасности погибнуть.

Въ чемъ заключается военное дѣло монаха?—Оно есть; воздержаніе, постъ, мужество, голодъ, жажда и страхъ, (т. е. всегдашнее опасеніе и бдѣніе)—сіи суть безпокойства военныя... Когда воины выстроятся въ боевой порядокъ, тогда бьютъ враговъ въ голову различнымъ боемъ... Когда-же воины освободятся отъ смертной опасности и, побѣдивъ, выйдутъ изъ боя безъ всякой раны, то, какъ побѣдители, идутъ къ царю, ликуя о побѣдѣ, радуясь избавленію отъ опасности бранной, и восклицая: „Радуйся Царица [2]), благодаря которой мы идемъ побѣдителями, побѣдивъ силою твоею“! Радуйся Царица силъ!.. Какъ гово-

---

[1]) Нравственная отвѣтственность за его беззаконія значительною своею долей упадетъ на васъ.

[2]) Подъ Царицею разумѣется Взбранная воевода небесныхъ воинствъ, Царица неба и земли, Пресвятая Богородица.

рится: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ Ти раби Твои Богородице: но, яко имущая державу непобѣдимую, отъ всякихъ насъ бѣдъ свободи, да зовемъ Ти: Радуйся Невѣсто неневѣстная!..“

ГЛАВА XXVI.

Обличенiе духовниковъ, не хранящихъ тайны исповѣди.

Господь Iисусъ Христосъ, давъ намъ крещенiе во очищенiе нечистоты души нашей, одновременно съ этимъ далъ и (еще) баню съ дверью, придѣлалъ замокъ замыкать и отмыкать, поставилъ преемниковъ (пастырей), отдалъ имъ ключъ отъ двери, чтобы замыкали и отмыкали, сказавъ: „аще свяжете на земли, будетъ связано на небесѣхъ и еже аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ“ [1]).

О, несчастные духовники, имѣющiе [2]) самомнѣнiе и становящiеся на исповѣдь! Приходитъ предъ васъ бѣдствующая душа, изливаетъ предъ вами всѣ помыслы свои; а вы, вмѣсто того, чтобы утѣшить ее въ ея бѣдствiи, дѣлаете ее еще болѣе бѣдствующей, ибо она слышитъ отъ васъ осудительное празднословiе; она слышитъ, какъ вы разсказываете другому человѣку то, что предъ вами исповѣдывали люди, какъ празднословите объ этомъ, и осуждаете то, что слышали на вашей исповѣди...

О, несчастные духовники, которые водитесь (досл. держите) нечистотою ума своего и посему многихъ отсылаете въ муку, такъ какъ, вслѣдствiе того, что вы не способны хранить тайну исповѣди, они не дерзаютъ исповѣдывать вамъ свои грѣхи.

Несчастные духовники, которые таковы...

О, несчастные нынѣшнiе духовники, вы наполняете адъ и исто щаете рай!

О, бѣдные нынѣшнiе духовники! вы чрезъ это дѣлаетесь союзниками Денницы, уподобляясь овчаркѣ, которая хранитъ стадо овецъ и въ то же время дѣлается другомъ волку;—такъ и вы творите союзъ съ Денницей!..

О, ржавые нынѣшнiе духовники, своею снисходительностiю вы навели ржавчину на вашихъ духовныхъ чадъ, ибо попускаете творить волю свою и злыя дѣла свои...

---

[1]) Матѳ. 18, 18.

[2]) Разумѣются не всѣ духовники, а лишь духовники недостойные.

ГЛАВА XXVII.

Повѣсть о страшной карѣ, постигшей нѣкоего духовника, излишне снисходительнаго къ своему духовному чаду.

Нѣкій человѣкъ находился въ одной киновіи, тамъ онъ зло проводилъ время своей жизни монашеской, подвизаясь не о Бозѣ, но въ тайнѣ сердца своего служа мамонѣ, такъ что сдѣлался рабомъ мамоны. При всемъ этомъ онъ сблизился съ духовникомъ, каждый день исповѣдывалъ ему помыслы свои; но духовникъ, бездѣйствовалъ, не старался исправлять его и снисходилъ ему до погибели... Какой-бы помыслъ не говорилъ ему сей юноша, духовникъ во всемъ снисходилъ къ нему... Юноша-же не вѣдалъ, что духовникъ имѣлъ содомское влеченіе къ юнымъ... Видя снисходительность духовника, юноша проводилъ время въ злыхъ дѣлахъ, слѣдуя злому нраву своему; чтобы помыслъ ему ни сказалъ, онъ все то исполнялъ, вслѣдствіе погибельнаго соизволенія духовника своего... Наконецъ, юноша умеръ въ беззаконіи своемъ и похоронили его въ землю!..

Черезъ сорокъ дней по смерти устроили ему поминки; послѣ поминовенія старшая братія отправились въ трапезу и кушали, канонархъ взошелъ на амвонъ читать, а послѣ чтенія сталъ говорить похвальное слово покойнику сей злосчастнѣйшій духовникъ... Тотъ-же, т. е. покойникъ, внезапно взошелъ чрезъ большія двери трапезы, остановился среди трапезы и сталъ слушать похвалы, которыми восхвалялъ его духовникъ. Духовникъ говорилъ, что никогда еще не бывало въ киновіи таковаго человѣка, котораго я познаъ на исповѣди, что покойный чистъ былъ въ цѣломудріи, чистъ былъ въ смиреніи, чистъ былъ въ нестяжаніи, въ подвигѣ поста, — и другими многими похвалами восхвалялъ духовникъ мертваго; наконецъ, восхвалилъ и за смерть его, какъ получившаго блаженную кончину!.. Тогда мертвый вдругъ проговорилъ: подобную смерть, которою я умеръ, будешь имѣть и ты при кончинѣ твоей!.. Послушайте меня, слушатели мои: изъ тѣхъ похвалъ, которыми восхвалялъ онъ меня, злосчастнѣйшій духовникъ, не единаго слова не было правды, такъ какъ онъ столь восхвалялъ меня изъ-за того, что имѣлъ ко мнѣ содомитское пристрастіе...

Тогда отвѣчалъ духовникъ и сказалъ: „чадо мое, вѣдь ты умеръ и похороненъ, какъ-же послѣ сорока дней пришелъ сюда?"

Мертвый слазалъ: о, злосчастный духовникъ! Ты имѣешь еще уста чтобы возражать мнѣ?.. Мало того, что я горю въ пламени, ты меня восхваляешь еще за добро, котораго я не дѣлалъ... Я дѣлалъ однѣ только злыя дѣла, открывая тебѣ всѣ помыслы мои, ты же, вмѣсто того чтобы исправлять меня, сдѣлалъ то, что я сталъ дѣлать еще худшія

дѣла, чѣмъ раньше. Нынѣ-же, вмѣсто того, чтобы печалиться о дѣлахъ моихъ, ты восхваляешь меня и этимъ еще больше пламенно-спаляешь меня...—Послѣ сего мертвый сказалъ: „пойдемъ со мной, чтобы и ты былъ тамъ, куда низвелъ меня:“—тотчасъ разверзлась земля, поглотившая обоихъ въ пламень мужеложства, предназначенный не только для тѣхъ, которые грѣшатъ въ семъ дѣломъ, и для тѣхъ, которые не согрѣшая дѣломъ, имѣютъ въ себѣ содомитское сладострастіе...

ГЛАВА XXVIII.

Отъ безчувствія происходитъ невоздержаніе въ словѣ и въ ѣдѣ, а отъ этого развивается сладострастіе.

Есть монахи, которые, хотя и облеклись въ монашество предъ вратами жертвенника, но не слушаютъ того, что вопіетъ имъ монашеская жизнь, не покаряются ея уставамъ... Слѣдовательно, въ какой-же тьмѣ находятся подобные монахи?!. Какъ могутъ они вѣрно познать самихъ себя? Какъ могутъ они представить себѣ все видимое: небо, землю и всѣ произрастанія земли? — Не иначе, какъ только соотвѣтственно своему состоянію, т. е. обо всемъ мыслятъ превратно.

Подобные люди въ монашествѣ, мудрствуютъ такимъ образомъ: разговоръ -пустяки; празднословіе — пустяки; кушаніе для человѣка— пустяки; Богъ далъ все это человѣку, къ чему же человѣку беречь себя отъ нихъ и отъ того, чтобы поѣсть? Чего ради не познавать человѣку благъ земныхъ? Не познаешь благъ земныхъ, не познаешь и спасенія своего...

О, несчастный! по этой причинѣ ты и разстроенъ всегда отъ многословія осужденія, всегда пребываешь въ нечистомъ вожделѣніи плотскаго зловонія,—съ многою твоею ѣдою... Когда на полѣ случится пожаръ, то, чѣмъ больше бываетъ горючихъ веществъ, тѣмъ сильнѣе разгорается на немъ пожаръ. Тоже есть и многословіе въ отношеніи плотскихъ страстей. Поскольку отверзаетъ человѣкъ бесѣду, постольку возжигаетъ онъ многословіе осужденія и горитъ въ немъ. Отъ многословія осудительнаго обмираетъ душа; человѣкъ-же, это чувство изнеможенія и душевной скорби принимаетъ за алчбу, озабочивается многоразличными яствами, чтобы поѣсть и этимъ якобы утолить изнеможеніе сердца своего, которое въ немъ обмерло, и которое онъ истощилъ осудительнымъ празднословіемъ... И вотъ ѣстъ человѣкъ многоразнообразныя яства; отъ этихъ яствъ чрево его возгорается, пламенѣя плотскими страстями; онъ воспламеняется, противъ воли, услаждается ими ежедневно, говоритъ себѣ, что это отъ того, что онъ горячій отъ природы, впадаетъ въ меланхолію, т. е. скуку и печаль. Да, въ человѣкѣ есть пламень плотскихъ страстей, но, если не будетъ въ немъ горючаго вещества, то никогда искушаться человѣкъ не будетъ... Такъ бываетъ въ перегонномъ

кубѣ; если въ котлѣ его не будетъ виноградныхъ выжимокъ, а окажется только вода, то выйдетъ-ли изъ него, хоть сколько-нибудь спирту? Пусть кипитъ себѣ, сколько-бы времени ни стоялъ на огнѣ и кипѣлъ, никогда не образуется спиртъ. Когда-же въ немъ есть выжимки, то не успѣетъ котелъ разогрѣться, какъ уже источаетъ спиртъ; сколько положишь въ котелъ выжимокъ, столько и выпустить очиститель спирта изъ выжимокъ... Такъ и человѣкъ: чрево его подобно перегонному котлу, — сколько накладетъ онъ пищи во чрево, столько и сладострастія источитъ плоть; поскольку уменьшишь пищу для чрева, постольку умалится сатанинское услажденіе плотскими страстями и разныя искушенія... Таковой будетъ искушаемъ малыми искушеніями...

Возгараніе плотскаго сладострастія происходитъ отъ прегрѣшеній человѣка, говоримъ отъ празднословія, отъ осужденія, отъ различныхъ снѣдей трапезы; сидя за трапезой, вкушая и впивая до сытости, многословя, празднословя, осуждая, люди веселятъ себя, мясами славятъ члены свои и вѣнчаются вѣнцемъ сладострастія блуднаго совѣтника (т. е. все это наконецъ приводитъ въ сѣти бѣсовъ, которые возобладали надъ ними ради такого поведенія).

Обратимся къ устройству водочнаго котла: если не будетъ самаго котла, какъ согрѣются выжимки? какъ источится спиртъ? Если же котелъ будетъ, а колпака не будетъ, возможно-ли будетъ получить спиртъ? Если-же будетъ колпакъ, но не будетъ трубы, какъ можно будетъ спирту сгуститься? Если-же и труба будетъ, но выжимокъ не будетъ, откуда тогда добудешь спиртъ?! Такъ устрояется и плотское искушеніе въ человѣкѣ: если не будетъ заботы о чревѣ, возможно-ли будетъ распаляться плоти его? Если забота о чревѣ будетъ, но сообращенія съ людьми не будетъ, возможно-ли распаляться сладострастными страстями? Если и празднословіе будетъ, но осужденія не будетъ, какъ могутъ произойти ссоры и осужденія другихъ монаховъ среди круга трапезы.

ГЛАВА XXIX.

Запретное древо познанія добра и зла есть для монаха осужденіе.

И заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: „отъ всякаго древа еже въ раи снѣдію снѣси, отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него, а въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете“ (Быт. 2, 16, 17). Спрашиваю я васъ, преподобнѣйшіе отцы, что значитъ глаголъ сей и о чемъ онъ говоритъ? (т. е. какое отношеніе имѣютъ эти слова современнымъ инокамъ?) Почему это могло-бы относиться къ намъ?—Отношу я это къ трапезованію, которое вы нынѣ творите безчинно, ѣдя и пія съ роскошью. Ей, ядите и пейте, (т. е. это благословено Богомъ), но не до сытости, не съ роскошью, не съ прожорливостью, но въ мѣру.

Ей, ядите отъ всѣхъ снѣдей, но отъ древа познанія добра и зла да не вкушаете, въ день же, въ который вкусите смертію умрете. Смыслъ этого, преподобнѣйшіе отцы такой: вкушайте съ умѣренностію отъ всякихъ снѣдей, которыя окажутся на трапезѣ, отъ снѣди же многословія и празднословныхъ словъ осужденія,—не вкушайте, въ который день вкусите—смертію умрете.

Охъ преподобнѣйшіе отцы! смерть эта не чувственная, но мысленная! это смерть души, умерщвляемой жаломъ осужденія, причемъ погибаетъ не только осуждающій, но и многія соосуждающія.

Зачѣмъ досматриваешь другого, каковъ онъ есть, а не смотришь на себя, каковъ ты самъ? Пусть онъ себѣ будетъ таковъ, каковъ есть, но знаешь-ли ты самъ себя? Если-же самого себя распознать не можешь, то зачѣмъ пытаешься съ осудительнымъ празднословіемъ распознать другого? Въ беззаконіяхъ ты зачать и во грѣхѣ роди тя матерь твоя; священное крещеніе ты осквернилъ скверною міра; вновь крестился крещеніемъ покаянія, говоримъ (постриженіемъ) въ монашество, но и его не сохраняешь чистымъ, не сознаешь, что ты преосквернился, оскверняешь свое крещеніе въ покаяніе.—Нѣтъ другого, оскверненнаго, подобнаго тебѣ, одинъ только ты—такой. За то, что осуждаешь, сидя за трапезой, несешь сугубое наказаніе, ибо другой внимаетъ твоей осудительной рѣчи, прилагая слухъ къ осужденію твоему.

Зачѣмъ осуждаешь несчастный человѣче? Тебя-ли одинаго облекъ Богъ во спасеніе, а другого въ погибель?—Нѣтъ, ни тебя не облекъ только во спасеніе, ни другого въ погибель, но обоихъ васъ одинаково облекъ въ ризы кожаныя, какъ говорится и сотвори Богъ Адаму и жены его ризы кожаныя и облекъ ихъ (Быт. 3. 3, 26).

ГЛАВА XXX.

О томъ сколь развитъ порокъ празднословія въ монашествѣ.

Осудительное празднословіе ни въ комъ другомъ не нашло для себя столько пищи и удобства привитанія, какъ въ монашествѣ; оно сжигаетъ чувство монашеской жизни. Особенно (празднословіе развилось) на трапезахъ аскетовъ (т. е. скитянъ) и келліотовъ, гдѣ оно усилилось какъ левъ и пожираетъ души людей. Въ монастыряхъ оно сильно (привитаетъ) въ воротахъ, преуспѣло и на общихъ рукодѣліяхъ аскетовъ треокаянное осудительное празднословіе вмѣстѣ съ исчадіями своими, говоримъ: многословіемъ и сквернословіемъ! Празднословіе витаетъ въ монастырскихъ воротахъ,—когда выходятъ прогуляться по монастырю важные монастырскіе предстоятели (т. е. старшіе) въ ризахъ виссонныхъ, въ одеждахъ украшенныхъ, съ заячьми шубками на плечахъ, съ драгоцѣнными четками въ рукахъ, они съ важнымъ видомъ

многословятъ: одинъ сдѣлалъ то, другой то, у того случилось то, у третьяго третье; на сіе одни говорятъ: это такъ, а другіе: это не такъ; начинается осудительный разговоръ, котораго не могутъ окончить не только въ одинъ день, а часто въ недѣлю; иногда разговорившись споромъ остаются до вечера не ѣвши. . Подобное бываетъ и у аскетовъ, когда они собираются на рукодѣлье, чтобы руками (вить нитку) съ веретена рукодѣлья, а языкомъ въ то же время, какъ ногами, вертѣть колесо осужденія, начинаютъ (съ работой) осудительный разговоръ по поводу того, что кто очами своими видѣлъ и что кто ушами своими слышалъ; не могутъ во время работы прекратить разговора своего, даже разойдясь, вернувшись въ домъ свой, усѣвшись за столъ поднимаютъ снова споръ, о которомъ спорили за рукодѣльемъ; этотъ-же разговоръ начинаютъ и за столомъ, оскверняя трапезованіе; когда, возставъ отъ трапезы, возносятъ благодареніе Богу, то это вознощеніе ихъ какъ мерзость (т. е. какъ смрадный дымъ) возносится предъ Богомъ.

ГЛАВА XXXI.

Два вида пороковъ при которыхъ молитва не можетъ вселиться въ человѣка.

О преподобнѣйшіе отцы, какъ полезно молчаніе для человѣка! Когда человѣкъ молчаливъ, онъ становится способнымъ къ воздѣлыванію молитвы. Наоборотъ, кто не хранитъ молчанія, тотъ не возможетъ ни имѣть, ни держать молитвы въ сердцѣ своемъ... Есть два вида препятствій, возбраняющихъ молитву человѣку: первое осудительное многословіе. Человѣкъ съ многословіемъ осужденія злословитъ, вкушая и пія со своимъ чревонеистовымъ обжорствомъ; вслѣдствіе такого сладострастнаго безпутства бѣжитъ отъ человѣка молитва, а на ея мѣсто вселяется бѣсъ злословія и осужденія.

Второе препятствіе — многопопечительность и многозаботливость стяжанія сокровищъ. При многопопеченіи и многостяжаніи умъ мутится и туманится въ мірскомъ круженіи; какъ у такого человѣка установиться молитвѣ?—если-бы даже она и возникла въ немъ, все равно, ей не будетъ ни мѣста, ни времени, такъ какъ суетному человѣку некогда упраздниться (отъ житейскихъ попеченій).

Говоримъ: (преданный духу многостяжанія) сокращаетъ молитву, чтобы прибавить времени на тлѣнныя дѣла. Много печась о стяжаніи сокровищъ нечистымъ воровскимъ помысломъ своимъ [1]), онъ лѣнится

[1]) На молитвѣ помыслы должны быть всецѣло устремлены къ Богу; отвлеченіе помысловъ къ земному, во время молитвы есть хищеніе, воровство у Бога того, что есть принадлежность Богу. Отсюда слово „воровскимъ помысломъ" надо понимать такъ: во время молитвы помыслы его отбѣгаютъ на земное.

въ исполненіи канона своего; если же и творитъ канонъ, то совершаетъ его, ругаясь надъ нимъ великимъ сокращеніемъ молитвъ, которыя ускоряетъ ради того, чтобы скорѣе заняться житейскими заботами о многостяжаніи. Древніе отцы, когда творили канонъ, говорили полную, совершенную молитву, то-есть „Господи Іисусе Христе, Сыне и Слове Божій, Богородицы ради, помилуй мя". Послѣдующіе, оставивъ слова: „Богородицы ради", начали употреблять такую молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне и Слове Божій, помилуй мя". Дальнѣйшіе выбросили: „Слове Божій"—стали говорить: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя".—Слѣдующіе за ними покинули—„Сыне Божій", а стали говорить: „Господи Іисусе Христе, помилуй мя".—Теперешніе современные отцы оставили Христа, ухватившись за Хриса. (т. е. злато по гречески); уже позабыли Христа, а говорятъ: „Господи Іисусе, помилуй мя".—Будущіе оставятъ слово „Господи", станутъ говорить: „Іисусе, помилуй мя".—Потомъ оставятъ слово „Іисусе"—станутъ говорить лишь: „помилуй мя", и не будутъ сознавать, что именно хотятъ они этимъ получить и не будутъ сознавать того, кто имѣетъ ихъ помиловать...

Ради этого и говорю вамъ: когда минутъ четыре двадцатипятилѣтія, то какова станетъ тогда монашеская жизнь? Если же пройдутъ и еще другія три двадцатипятилѣтія: говоримъ число седьмое, лѣтъ и пять восходящихъ къ полпути восьмаго, тамъ на половинѣ числа пятерки, какое смущеніе произойдетъ отъ четвертаго до пятаго [1])?..

---

[1]) *Примѣчаніе первыхъ списателей*: Святой сказалъ сіе Θеофану, въ лѣто отъ Рождества Христова — 1817; отъ сотворенія же міра — 7325-ое. Поэтому Святой говоритъ: когда пройдетъ четыре двадцатипятилѣтія, т. е. сто лѣтъ, и наступитъ 7425-ый годъ, то что тогда станетъ съ монашеской жизнію? Если же минутъ еще другія три двадцатипятилѣтія, то есть 75 лѣтъ, и наступитъ 7500 годъ „число седьмое лѣтъ и пять", то есть семь тысячъ лѣтъ и пятьсотъ лѣтъ „восходящимъ на полпути къ восьмерымъ", то есть, когда достигнемъ половины восьмого вѣка (тысячелѣтія), то тамъ на „срединѣ пятерыхъ", т. е. пятаго столѣтія, „какое смущеніе будетъ (отъ четвертаго до пятаго)?" Мы полагаемъ, что отъ четвертаго до пятаго, какъ говоритъ (Святой), есть отъ 7400 до 7500, сіе мы полагаемъ, кто можетъ истолковать, лучше пусть да запишетъ здѣсь.

1817 =	7325
+ 100 =	+ 100
1917 —	7425
+ 75 =	+ 75
1992 —	7500
— 50 =	— 50
1942 =	7450

ГЛАВА XXXII.

Монашество—благое дѣло спасенія, но кто воистинну спасается?

Ей, благое дѣло есть спасеніе, т. е. посвященіе себя монашеству; но ты, омрачившійся земными попеченіями, подвизающійся, но осуетившійся и въ то же время самодовольно мнящій о себѣ, что спасаешься, полный заботъ о стяжаніяхъ, объятый и омраченный ими, ты не вѣдаешь, что такое дѣло спасенія, ходишь во тмѣ беззаконія. Ты утѣшаешь себя, что идешь путемъ спасенія, любишь Богослуженіе, совершаешь церковныя службы въ точности и по уставу...— Да, правду ты говоришь; но, спрошу я тебя: когда читаешь ты послѣдованіе (канонъ или акаѳистъ), твое, удерживаешь-ли помыслъ свой, чтобы не осудить никакого человѣка?—Удерживаешься-ли отъ празнословія?—Ибо вмѣстѣ съ празднословіемъ влечешь за собой и осужденіе.

Удерживаешь-ли помыслъ свой (т. е. имѣешь-ли твердую рѣшимость), чтобы не исходить наружу, т. е. мысленно и на самомъ дѣлѣ до окончанія Богослуженія, ибо, кто оставляетъ Богослуженіе и выходитъ наружу, бываетъ подобенъ рыбѣ, которая выйдетъ изъ воды; я уподобляю его Іудѣ, который покинулъ Тайную Вечерю и впалъ въ предательство. Такъ и человѣкъ, если выйдетъ отъ Богослуженія, раньше окончанія, впадаетъ (въ грѣхъ осужденія съ празднословіемъ).

Имѣешь-ли мысль оказывать милосердіе любому человѣку и всякому созданію Божіему,—говоримъ, животнымъ, ибо и ихъ сотворилъ Богъ, чтобы они жили между людьми въ помощь имъ?!

Держишь-ли въ мысли хранить чистоту дѣвства твоего?

Держишь-ли въ мысли своей очищать себя постомъ и воздержаніемъ?

Держишь-ли въ мысли (слушаться) совѣта духовника твоего? Исполняешь-ли то, что онъ говоритъ тебѣ?

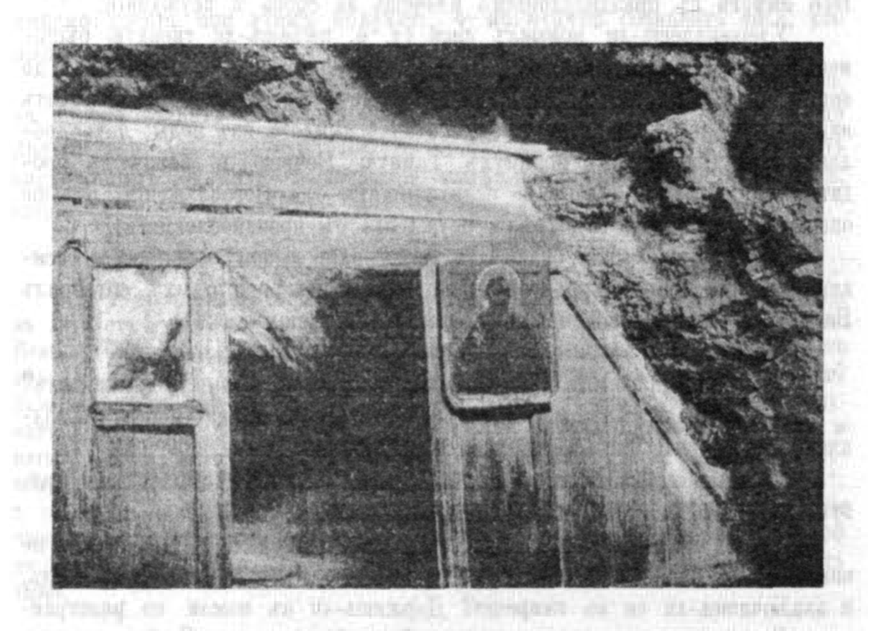
Держишь-ли въ мысли быть милостивымъ, давать милостыню требующимъ отъ тебя помощи (словомъ или дѣломъ)?

Держишь-ли въ мысли, чтобы не возноситься надъ другимъ и не нанести ему какой-либо печали? Держишь-ли въ мысли твоей кротость, и заключаешь-ли ее въ смиреніе? Держишь-ли въ мысли не разстраиваться?—говоримъ не смущаться, чтобы тебѣ не дѣлали? Держишь-ли въ мысли не осуждать, когда тебя осуждаютъ?

Удерживаешь-ли сіи пять державныхъ чувствъ воли твоей; 1)—видѣть и не глядѣть; 2)—слышать и не внимать; 3)—на то, что говорятъ, не возражать; 4)—будучи соблазняемымъ, не соблазняться; 5)—будучи разстраиваемымъ, не разстраиваться и будучи оклеветаемымъ, не клеветать?

Вы скажете, что держите это (все), но ошибаетесь, ибо немного было и теперь живетъ такихъ людей въ Горѣ сей; ими одними славится Гора сія. Горе, если исчезнутъ таковые! Горе тогда Горѣ сей! Ибо великую неблагодарность показывали вы, и великую неблагодарность покажутъ слѣдующія поколѣнія людей на Горѣ сей. (Неблагодарностію Царицѣ Небесной Св. Нилъ называетъ оставленіе монашескаго подвига и преданіе себя суетнымъ стяжаніямъ и попеченіямъ).

Вы скажете: откуда ты знаешь объ этомъ (т. е., что послѣдующіе роды будутъ таковы)? —Не буду вамъ говорить, о семъ, но я знаю, каковы обрѣтаетесь вы нынѣ въ Удѣлѣ Богоматери, Госпожи нашей Богородицы, и каковы бывали здѣсь иноки тому назадъ семь и трижды восемьдесятъ (т. е. 247 лѣтъ тому назадъ, именно около 1570 г., когда подвизался здѣсь Преп. Нилъ). Сравнивая, какими мы тогда были здѣсь, взирая на жизнь бывшихъ отцевъ и жизнь нынѣшнихъ отцовъ, я недоумѣваю о нихъ, ибо они живутъ на погибель душъ своихъ, а не на спасеніе [1]).



Внутренность пещеры Преподобнаго Нила.

[1]) Разумѣются, конечно, не всѣ Аѳонцы, а лишь недостойные.

ЧАСТЬ III.

Обличенія грѣховъ святогорцевъ прошлаго столѣтія.

ГЛАВА I.

Съ какихъ поръ началъ измѣняться подвижническій духъ въ монашествѣ и оно начало увлекаться суетою.

За послѣднее время монахи стали уклоняться въ погибель погибели и воздѣлывать путь беззаконія. Около 25 лѣтъ тому назадъ монашество сдѣлало поворотъ, погибель вторглась въ среду монашества, монашество обнищало благодатію, т. е. мало стало въ немъ подвизающихся.

Если за эти двадцать пять лѣтъ погибель вторглась съ такою легкостію въ кругъ монашества, т. е. сильно развился въ немъ духъ мірской многопопечительности, то какова станетъ монашеская жизнь, когда минетъ другое двадцатипятилѣтіе? А въ третьемъ двадцатипятилѣтіи, какое погибельное раздолье будетъ въ средѣ монашества? Въ четвертомъ же двадцатипятилѣтіи будемъ имѣть: 7 и 4, т. е. 7400 лѣтъ отъ сотворенія міра; какую же волю получитъ тогда погибель въ монашествѣ? (Святой говорилъ это въ 1817 году; слѣдовательно, началомъ упадка монашества онъ опредѣляетъ 1792 г. Это время ознаменовано началомъ торжества вольнодумныхъ ученій, французской революціи, упадкомъ монархизма на Западѣ, развитіемъ атеизма и увлеченіемъ экономическою, торгово-промышленною, вообще, матеріальною стороною жизни).

ГЛАВА II.

Плачъ Преподобнаго о подвижничествѣ. Воззваніе его къ монахамъ.

О! зачѣмъ оставили вы такую спасительную, монашескую жизнь? Охъ, какъ обнажаются горы и пещеры отъ текущихъ симъ благодатнымъ путемъ монашеской жизни, т. е. лишаются пустыни подвижниковъ! Плачьте горы и пещеры, что покинула васъ благословенная жизнь!

Досточтимѣйшіе отцы! нынѣ есть время спасенія! Нынѣ время спасаться тому, кто хочетъ получить спасеніе: ибо впереди грядетъ на насъ зима тягчайшая; тогда не найдемъ мы такой свободы для спасенія, какую имѣемъ нынѣ.

Нынѣ время собиранія въ житницы плодовъ монашеской жизни.

Нынѣ кто хочетъ воздѣлывать монашескую жизнь, да воздѣлываетъ, ибо грядетъ осень и приблизилась тяжкая зима. Спрашиваю я васъ, когда наступитъ осень, погибнутъ древесные плоды и вся трава земная, какимъ тогда окажется для васъ смятеніе земли? Когда же послѣ этого наступитъ еще тягчайшая зима, тогда какимъ явится для васъ это смятеніе? (Т. е. если вы не запасете въ духовныя житницы плодовъ монашеской жизни, то какова будетъ для васъ ваша старость и кончина)?

Если же у васъ во время жатвы будетъ достаточно собрано плодовъ и они будутъ сложены въ житницы, тогда зимнее время не будетъ-ли для васъ тѣмъ же, что весна?

Тотъ же, который по нерадѣнію своему не будетъ имѣть своевременно собраннаго, но, успокоивая себя станетъ говорить: „и такъ обойдусь",—будетъ-ли зима для него легкой? Когда наступитъ зима, заключится онъ отъ холода въ домъ свой, будетъ тамъ искать полѣна, чтобы согрѣться, но увидитъ, что у него и полѣна нѣтъ. Смотритъ на дворъ— земля покрыта снѣгомъ; смотритъ внутри, въ своемъ жилищѣ, ничего не запасено, ничего не собрано. Онъ смущается, волнуется, пожираетъ отъ горя самъ себя, и говоритъ: „отчего я не собиралъ какъ другіе? Что теперь станется со мной несчастнымъ?" Устремляется онъ, чтобы пойти и собрать дровъ, но не можетъ выйти наружу изъ дома своего, потому что идетъ снѣгъ, и снѣжные сугробы стали уже выше роста человѣческаго. Говоримъ, усиливается зло и начинаетъ въ человѣкѣ торжествовать надъ добродѣтелями его...

Несчастный человѣкъ надѣется, что снѣгъ сойдетъ, но снѣгъ не таетъ, а преумножается. Ожидаетъ, что погода разъяснится, а она не разъясниваетcя, время приближается къ зимѣ, а не къ веснѣ... Тогда взыщутъ хотя одного весенняго дня, но не увидятъ.

Сего ради, пока имѣемъ еще весну въ естествѣ нашемъ, будемъ стараться работать въ виноградникѣ монашеской жизни, прежде нежели погибнетъ плодъ сей жизни. Постараемся собрать жатву взаимной любви! Постараемся сокровиществовать плодъ монашеской жизни! Постараемся собрать плодъ послушанія въ жизни своей! Постараемся собратъ плодъ пощенія, чистоты и цѣломудрія! Постараемся сокровиществовать плодъ Богослуженія! Постараемся собрать плодъ милосердія въ свободу свою! Постараемся собрать плодъ смиренія въ терпѣніе свое! Постараемся сокровиществовать плодъ молитвы во исправленіе свое! Постараемся сокровиществовать плодъ суровой жизни съ долготерпѣніемъ своимъ! Постараемся сокровиществовать плодъ печали съ воздыханіемъ своимъ, дабы печалиться о содѣянныхъ злыхъ и воздыхать о воздѣланныхъ беззаконіяхъ. Нынѣ время печали, дабы печалиться о содѣянныхъ злыхъ. Нынѣ время покаянію съ печалью сокрушенія о беззаконіяхъ! Нынѣ время воздыханіямъ, чтобы воздыхать изъ глубины сердца и души о воздѣланныхъ дѣлахъ нечистоты!..

ГЛАВА III.

Нынѣ осень монашеству и завладѣваетъ имъ царица погибели.

Вы спросите: что это за осень? Осень это время, въ которомъ мы находимся теперь. Нынѣ осень, въ которой погибаетъ благодать (т. е. плодоношеніе) монашеской жизни. Но держитесь (т. е. того, что еще сохранилось въ васъ), удерживайте то, что еще держите, чтобы не сдѣлаться и вамъ виновными въ погубленіи монашеской жизни. Горе тому, кто будетъ повиненъ въ погубленіи семъ! Знайте хорошо, что не увидите вы при смерти вашей лица Ангела, который бы принялъ душу вашу, если будете воздѣлывать дѣянія тлѣнныя и передадите это другимъ. Таковые дѣлаются повинными въ растлѣніи монашества; они губятъ и растлѣваютъ монашескую жизнь. Ради этого душа ихъ дѣлается заклейменной; говоримъ, бѣсы заберутъ ее и возобладаютъ ею на судѣ, т. е. во время состязанія бѣсовъ съ Ангелами бѣсы возьмутъ верхъ и душа умершаго, осуетившагося монаха будетъ предоставлена бѣсамъ! И будетъ она первенцемъ Денницы въ безднѣ адской!

Теперь осень! Увядаетъ благодать, красота души, т. е. прежняя красота душъ подвижническихъ въ монашествѣ. Зима грядетъ!

Прослышала царица погибели, что запустѣла монашеская жизнь, призвала семиглаваго звѣря беззаконія, взошла на сего звѣря и повелѣла ему: „завладѣй!“ Онъ и завладѣлъ первою уздою непокорства, монашествомъ, т. е. покорностію монашествующихъ чину монашескому и старшимъ.

Держитъ царица погибели въ правой рукѣ своей чашу гордости, погибельную прелесть... Вбѣжалъ звѣрь семиглавый беззаконія въ чувство монашества, и скачетъ въ немъ, дабы напоять монашество чашею безчувствія, чтобы люди становились безчувственными къ благодати покаянія, т. е. къ храненію обѣтовъ, данныхъ при постриженіи.

ГЛАВА IV.

Непокорство, развивающееся въ монашествѣ, есть одолѣніе звѣря первою главою своею. Развивающаяся же многопопечительность—есть отравленіе прелестною чашею царицы погибели. Причина сему: несовершенное отреченіе отъ плотскихъ благъ и отъ плоти своей.

Крещеніе есть сіе, т. е. постриженіе есть второе крещеніе въ слѣдующемъ смыслѣ. Когда станетъ человѣкъ предъ царскими вратами (во время постриженія), то украшаетъ самъ себя изъявленіемъ воли своей

исправить жизнь свою, давая обѣты монашеской жизни: послушанія, нестяжанія, цѣломудрія, воздержанія, несенія скорбей, незлобія, молитвы. Когда же облекается въ благодатныя украшенія монашеской жизни: власяницу, рясу, аналавъ, схиму, поясъ, и пр., то вмѣстѣ съ тѣмъ украшается и въ чувствѣ сердца своего, т. е. выражаетъ этимъ свою рѣшимость подвизаться въ добродѣтеляхъ предъ вратами Святилища, (т. е. алтаря).

Если же потомъ приметъ ту чашу безчувствія въ сердце свое, т. е. если пристрастится къ суетѣ и стяжаніямъ, то становится безчувственнымъ къ украшенію жизни своей благодатями; т. е. охладѣваетъ въ ревности объ очищеніи сердца своего отъ страстей, въ ревности стяжанія благодати Божіей. Монахъ украшается доспѣхами, дабы украшать благодатями жизнь свою, дабы не обращаться туда и сюда, а наблюдать лишь одно, не осквернять красоты жизни своей. Но нынѣ монахи упояются чашею безчувствія, не ощущая того, что они украшены доспѣхами, дабы украшать и жизнь свою; извиваются туда и сюда, т. е. въ многостяжательныхъ попеченіяхъ, какъ будто и монахами не состоятъ, стараются воздѣлывать житіе чадородцевъ, т. е. мірянъ, обремененныхъ семьями и вѣчно озабоченныхъ о пропитаніи своемъ.

Вы скажете: развѣ мы не ведемъ себя какъ добрые старцы (калогеры) во объятіяхъ Отчихъ? Развѣ мы не подъ началомъ, не находимся въ послушаніи, въ покорности старцамъ? Ей, истину вы сказали, что вы послушники, но вы все-таки ошибаетесь: вамъ старцы покаряются, а не вы имъ покаряетесь; они васъ слушаются, а вы ихъ не слушаетесь; ваши приказанія исполняютъ, вы же того, что приказываютъ вамъ, не исполняете.

Вы скажете: развѣ мы не покинули отца, мать, братьевъ, сестеръ, отечество, родныхъ, друзей и прочее, и, принявъ обѣты монашеской жизни вступили въ монашество? Ей, покинули вы, какъ говорите, блага мірскія и обнажились отъ нихъ, но благъ плотскихъ вы не совлеклись, вы одѣли обѣты монашества, сверхъ ублаженія плоти вашей. Извнѣ кажется что вы въ монашествѣ, ведете жизнь монашескую и есте калогеры, внутри же себя вы воздѣлываете плотскія дѣянія, но не дѣяніе воздѣлыванія души своей.

Вы пребываете въ многопопечительствѣ, а не въ жизни безпопечительной о плоти своей. (Здѣсь Святой указываетъ на многопопечительность, какъ на ту прелестную чашу, которую держитъ царица погибели въ рукѣ своей, отравляя сею чашею монашество. Потому то и вселяется превратный духъ въ человѣкѣ, что, принимая монашество, не слагаютъ съ себя прежде всего превратнаго своего расположенія къ плотскому наслажденію; облекаются въ монашество поверхъ своего превратнаго расположенія, прежде, чѣмъ совлечь его съ себя; остается не тронутымъ это превратное похотѣніе внутри духа человѣка, и поэтому не пріемлетъ

человѣкъ на себя даянія, т. е. подвига монашеской жизни. Говоримъ, не воспринимаетъ благодати спасенія, какъ благаго руководителя своего.

Благое-же руководительство, (т. е. знаменіе того, что служеніе Богу проходитъ подъ благодатнымъ руководствомъ заповѣдями Божіими и благодатію), есть сіе: вѣра, любовь, цѣломудріе, подчиненіе, послушаніе, покорность, молитва, пощеніе, воздержаніе, молчаніе отъ празднословія, молчаніе отъ осужденія, молчаніе отъ многословія. Главизна-же всему—храненіе себя отъ погибельнаго попеченія и беззаконнаго многосокровиществованія. Сіе главизна въ дѣлѣ спасенія, но она отнюдь не пріемлется человѣкомъ, у котораго внутри (таится) превратное расположеніе; таковой всегда только и желаетъ принимать погибель погибели.

Погибель погибели-же есть сіе: невѣріе, непокорство, непослушаніе, гордость, блудъ, малакія, мужеложство. Царица погибели желаетъ чтобы сіе только воздѣлывали, желаетъ чтобы только эти имена именовались (т. е. чтобы о добродѣтеляхъ и помину не было въ душахъ человѣческихъ вообще и монашествующихъ въ частности).

ГЛАВА VI.

Имя царицы погибели есть многопопечительность.

Имя царицы погибели есть многопопечительность; звѣрь беззаконія именуется: многостяжательное сокровиществованіе. Беззаконіемъ называется: сребро, злато и суетное попеченіе человѣческое.

Суета и попеченіе суть какъ-бы самецъ и самка, рождающія чадъ мужского и женскаго пола. Чада именуются: мальчикъ—вражда ко всему доброму, дѣвица—ненависть ко всему хорошему. Беретъ мальчикъ сестру свою въ жены, вмѣстѣ чадорождаютъ и производятъ всезлѣйшихъ дѣтей; эти дѣти вскармливаются хлопотливою суетою, возрастаютъ—многопопечительностію сокровиществованія, дѣлаются войскомъ царицы погибели, наконецъ поднимаются на монашескую жизнь, начинаютъ обладать монашествомъ,—какъ и произошло.

Монашество стало забывать Царя царствующихъ, Который Словомъ сотворилъ насъ, забыло, какъ Слово плоть бысть насъ ради, какъ воплотился Христосъ отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчился, какъ волею снисшелъ въ вертепъ, въ ясли, спеленованъ былъ, волею понесъ обрѣзаніе, какъ волхвы пали предъ лицемъ Его, какъ Иродъ былъ обманутъ волхвами, какъ Христосъ гонимъ былъ Иродомъ, и удалился въ Египетъ по глаголу ангельскому: „возьми Младенца и Матерь Его и бѣги въ Египетъ“, (Матѳ. 2,13), какъ, удалившись оттуда, пришелъ Онъ въ городъ Назаретъ, и прозвался: Іисусъ Назорей, какъ сидѣлъ во святилищѣ, училъ людей. Какъ долго-

терпѣлъ насъ ради, какъ заушенъ былъ, пріявъ заушеніе отъ раба на судѣ. Какъ насъ ради пострадалъ, погребенъ былъ и воскресъ въ третій день по Писаніямъ. И прославился Сынъ во Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ.

Монашество стало забывать: „Славлю Отца и Сына силу и Святаго Духа пою власть, Нераздѣльное, Несозданное Божество, Троицу Единосущную царствующую въ вѣкъ вѣка".

ГЛАВА VII.

Матерь Божія исходатайствовала монашество въ небесный свой удѣлъ.

Какъ прославилъ Отецъ Сына Своего, такъ и Сынъ прославилъ Матерь Свою. И Мать прославилась чрезъ Сына Своего. Отецъ далъ Сыну власть, славу царствія Своего, дабы Онъ владѣлъ Царствомъ Отца Своего; посему сказано: „когда пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей",—для того, чтобы принять власть надъ наслѣдіемъ, славу и царство Отца Своего. Онъ возсѣлъ одесную Отца, какъ сказано: „и сѣдящаго одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ". Онъ придетъ отобрать живыхъ [1]) отъ мертвыхъ; какъ добрый пастырь отбираетъ овецъ отъ козловъ, такъ будутъ отобраны и праведники отъ неправедниковъ. Грѣшныхъ Судія пошлетъ въ мученіе вѣчнаго огня, праведникамъ-же скажетъ: грядите вмѣстѣ со славою Моею, наслѣдуйте Царство Отца Моего, пріидите благословеніи Отца Моего, унаслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра". (Мат. 25, 34). И испросилъ (Сынъ у Отца) прославить Матерь Свою.

Когда прославилъ Сынъ Матерь Свою, испросила и Матерь у Сына Своего, чтобы ради Нея прославлялись-бы и люди.

Испросила Матерь у Сына Своего въ будущей жизни одинъ удѣлъ Себѣ:—милосердіе, безграничное примиреніе, свѣтъ неприступный, чистоту дѣвства, непорочность спасенія..

Сказалъ Сынъ Матери Своей: „Твори Мати Моя, какъ желаешь и распростирай спасеніе человѣческое!" Далъ Ей слугъ, (т. е. отдѣлилъ Ангеловъ), дабы служили таинству (т. е. таинству покаянія монашескаго, призванію въ монашество грѣшниковъ на покаяніе), желанію (т. е. исполненію хотѣнія Владычицы) и домостроительству Матери Своей.

И воззрѣла Богоматерь на одну прекраснѣйшую землю и высочайшій садъ; говоримъ: увидала одно прекраснѣйшее, душеспасительное

---

1) Мертвые воскреснутъ всѣ, но здѣсь разумѣется смерть духовная.

мѣсто, высокій холмъ для спасенія человѣческаго, опредѣливъ быть здѣсь Ея удѣлу (на землѣ). Но, такъ какъ земля эта была мѣстомъ пустымъ и тернистымъ, то повелѣла Она, чтобы землю вскопали, уровняли, искоренили терновникъ съ корнемъ и выкинули его наружу. (Святой приточно говоритъ о томъ, что на Аѳонѣ жили міряне, и что по волѣ Матери Божіей они были переселены царемъ Константиномъ съ Аѳона въ Пелопонезъ). Сотворили слуги какъ повелѣла имъ Царица, тогда сказала Царица слугамъ: „сотворите (сіе), постройте 24 башни для 24-хъ буквъ письменъ, чтобы тотъ недомысленный алфавитъ (или списокъ именъ по алфавиту) наполнялся и совершенно бы украсился душами человѣческими, (т. е. чтобы исполнился ликъ спасенныхъ монашествомъ въ небесномъ Удѣлѣ Владычицы). Тогда сотворили слуги то дѣло постройки 24-хъ башень, (т. е. дѣло созданія 24-хъ главныхъ обителей на Аѳонѣ), и земля та стала окруженной 24-мя башнями: это мѣсто прозвалось Удѣломъ Пресвятой Госпожи Богородицы. И повелѣла Царица слугамъ и сказала: „раздѣлайте Удѣлъ сей и сотворите въ немъ семь посѣвовъ, да сокрушаютъ семиглавіе царицы погибели“. Тогда сотворили слуги какъ повелѣла Царица Спасенія. И повелѣла Она именовать каждое сѣяніе по имени своему говоримъ: вѣру, любовь, единодушіе, нестяжаніе, страхъ Божій, цѣломудріе и воздержаніе.

Человѣкъ, если имѣетъ вѣру, любви же не имѣетъ, не пользуетъ его такая вѣра; если имѣетъ любовь, мира же не имѣетъ, не пользуетъ его любовь. (Повидимому, здѣсь подъ миромъ подразумѣвается упованіе и надежда). Если имѣетъ миръ, единодушія же не имѣетъ, не пользуетъ его миръ; если имѣетъ единодушіе, нестежанія-же не имѣетъ, не пользуетъ его единодушіе. Если имѣетъ нестяжаніе, страха же Божія не имѣетъ, не получаетъ пользы отъ нестяжанія. Если имѣетъ страхъ Божій, цѣломудрія же не хранитъ, нисколько не пользуетъ его страхъ Божій. Если имѣетъ цѣломудріе, а—воздержанія не имѣетъ, не пользуетъ оно его. Какъ можетъ дѣйствовать любовь въ человѣкѣ, если не имѣетъ онъ вѣры? Если не имѣетъ любви, какъ можетъ дѣйствовать миръ? Если не имѣется мира, какъ будетъ дѣяться согласіе? Если не имѣется согласія, какъ можетъ дѣяться нестяжаніе. Если не имѣется нестяжанія, какъ можетъ дѣяться страхъ Божій? Если не имѣется страха Божія, какъ можетъ дѣяться цѣломудріе? Если не имѣется цѣломудрія, какъ можетъ дѣяться воздержаніе?

Ради сего и сказала (Владычица): „раздѣлайте удѣлъ и сотворите семь посѣвовъ, дабы произрастали вмѣстѣ всѣ семь посѣвовъ, всѣ семь цвѣтовъ спасенія въ человѣкѣ“. Потомъ снова послала слугъ и сказала: „ступайте до концовъ вселенной, идите на распутіяхъ, чтобы найти рабовъ, которые служили бы въ Моемъ удѣлѣ и плодоносили бы семь цвѣтовъ спасенія. Когда будете искать рабовъ, то берите не здоровыхъ и

сильныхъ, а болящихъ, скорченныхъ, хромыхъ, кривыхъ, косыхъ, прокаженныхъ и нагихъ; [2])—таковыхъ собирайте въ удѣлъ Мой, чтобы, трудясь въ немъ надъ сими семью посѣвами спасенія, они исцѣлялись".

Отправились слуги, собрали на пути рабовъ больныхъ и немощныхъ, какъ сказала Царица Спасенія; дали каждому рабу трудъ надъ посѣвами, чтобы обработывать цвѣты спасенія и сею работой исцѣляться отъ недуговъ и погибельнаго блага беззаконія.

Стали усердно трудиться рабы, (т. е. первыя поколѣнія монашествующихъ), съ жаромъ воздѣлывая въ удѣлѣ цвѣты спасенія.

Видитъ Царица Спасенія, что рабы суть вѣрны, и сказала имъ: „О, рабы Мои вѣрные и возлюбленные! обработывайте удѣлъ Мой безропотно до вечера, когда-же померкнетъ день, тогда невозбранно войдете въ славу Мою, чтобы радоваться и прославляться вмѣстѣ со Мною".

ГЛАВА VIII.

О томъ какъ промышляетъ объ удѣлѣ своемъ Богородица и какъ велика неблагодарность тѣхъ, которые оставляютъ подвижничество и предаются суетѣ.

И сказала Царица слугамъ: „Идите въ концы земли, чтобы обратить всѣ рѣки вселенныя, дабы онѣ текли въ Мой удѣлъ, для напоенія посѣвовъ и процвѣтанія плодовъ монашеской жизни".—(Т. е. чтобы спасающіеся во Св. Горѣ были обезпечены въ нуждахъ своихъ тѣлесныхъ и, отложивъ всякое плотское попеченіе, достигали духовнаго совершенства). Плоды же суть сіи: многоцѣнный цвѣтъ спасенія, плодоносное древо дѣвства, шестокрыліе (т. е. серафимская любовь къ Богу), воздержаніе, единодушіе оглашаемыхъ, (т. е. послушниковъ съ наставниками) и вѣра спасающихся,—какъ говорится: вѣруй и спасешься.

Ради этого послала Царица Небесная своихъ слугъ обратить рѣки (т. е. притокъ милостыни) въ удѣлъ Ея, чтобы напаялись и произрастали плодоносныя дерева спасенія. И сотворили это слуги, обратили они отъ четырехъ странъ рѣки въ удѣлъ спасенія, чтобы произрастали плодоносныя древа дѣвства и многомудрый цвѣтъ спасенія. И вотъ крестообразно устремились (рѣки милостыни) на сію гору Аѳонскую, подобно четыремъ воздушнымъ стихіямъ, какъ вѣтры сѣверный противъ южнаго и восточный противъ западнаго. Крестообразно сходятся эти четыре вѣтра на вершинѣ Аѳона, точно также бѣгутъ отовсюду милостыни крестообразно въ удѣлъ Богоматери, Владычицы нашей Богоро-

[2]) Мысль та, что благодать даруется лишь смиреннымъ, нищимъ духомъ, людямъ сознающимъ свои грѣхи, немощи и безсиліе безъ помощи Божіей.

дицы и напояютъ Ея посѣвы. Даже до нынѣ по благоутробію сострадательности Своей Она оказывала и оказываетъ милость Аѳону, отверзая двери милосердія и умилостивляясь о вѣрныхъ рабахъ своихъ, работавшихъ въ Ея удѣлѣ, до нынѣ устремляла и устремляетъ теченіе рѣки,——нынѣ даже еще больше, чѣмъ прежде, чтобы восчувствовали въ сердцахъ своихъ благодарность неблагодарные нынѣшніе люди.

Но нынѣшніе люди устроили себѣ необычайно великую бездну морскую, рѣки же отвели въ эту пучину морскую, чтобы услаждаться устремленіемъ морскимъ (т. е. стали крупные люди Аѳона задерживать милостыню и скоплять ее въ капиталы, не допуская таковой до нуждающихся въ ней бѣдныхъ подвижниковъ на Горѣ). Море же нисколько не устремляется къ удѣлу, (т. е. чтобы напоять посѣвы и они останутся поэтому безъ воды) [3]).

Закрѣпили лукавые рабы удѣлъ за собою, чтобы промежъ себя (раздѣлить) господство надъ полосами удѣла. Наконецъ, начали (полосы) войною отнимать другъ у друга, стремясь каждый первымъ побѣдить и отнять полосы, т. е. начали между собою судиться у агарянъ и, какъ въ морскую пучину, сыпать взятки. Отъ этой ужасной войны, которую имѣли и имѣютъ, запустѣли воюющія башни, т. е. монастыри. И установили одинъ злой обычай, крайній предѣлъ зла, кто наполнитъ бездну водами рѣчными, тотъ и будетъ побѣдителемъ. Оставилъ каждый свою башню, т. е. подвигъ спасенія и воюютъ, т. е. судятся и тягаются. Видятъ нечувственные нынѣшніе люди, что не возмогаютъ наполнить бездны, т. е. не хватаетъ водъ рѣчныхъ, и ради сего схватываютъ каждый, т. е. воюющій, по одному плодоносному дереву съ полосы и сильно жмутъ его, чтобы извлечь изъ него воды и погубить ее въ безднѣ, которую наполняютъ... Но развѣ берегъ морской наводнится притокомъ рѣчныхъ водъ, развѣ море усладится когда-либо отъ столькихъ текущихъ въ него рѣкъ?!

Милосерднѣйшая Царица Спасенія съ безграничнымъ Милосердіемъ Своимъ милосердствуетъ о безчувствіи вашемъ; жалѣетъ васъ, погрузившихся въ погибельное безчувствіе и погубляющихъ спасеніе свое въ безднѣ погибельной... Вы же рѣками (милости Владычицы, не только не напояетесь), но разоряете (другъ друга) по безчувствію своему, воздѣлывая злую вашу погибельную волю...

О, несчастны вы съ немилосердіемъ вашимъ, ибо не заботитесь о семи посѣвахъ и древѣ плодоносномъ спасенія!

---

[3]) Тѣ, кого сіи слова касаются близко, да не возропщутъ на рѣзкость сего обличенія, а, наоборотъ, да воспріимутъ со смиреніемъ его, какъ цѣлебное врачевство и да напечатлѣютъ отселѣ въ сердцахъ своихъ апостольскую заповѣдь, чтобы избытокъ денегъ у однихъ служилъ „восполненіемъ недостатка“ или отсутствія ихъ у другихъ, (2 Кор. 8, 14).

О, несмысленные и косные сердцемъ, не разумѣвающіе того, что рѣки притекаютъ ради посѣвовъ, чтобы напоялись посажденныя древа!..

О, косные въ сердцахъ вашихъ, чего ради обращаете вы рѣки въ бездну погибели, пытаясь напоить ими сію бездну, дерева же засушили и посѣвы опустошили?..

О, косные сердцемъ!—міръ внѣшній бѣдствуетъ отъ жажды, т. е. отъ бѣдноты, такъ страждетъ, что отъ этой жажды изсохли внутренности людей, а вы обращаете рѣки, (милостыню на Аѳонъ), въ бездну погибели... Говоримъ, погубляете милостыню Божію въ чревѣ агарянскомъ, опустошая обиталища монашеской жизни, изгоняя отъ себя Царицу Спасенія, и привлекая къ себѣ царицу погибели!..

ГЛАВА IX.

Какъ царица погибели на звѣрѣ беззаконія въѣзжаетъ въ монашество.

Слышитъ слухомъ своимъ царица погибели, видитъ окомъ своимъ беззаконная, что опустошаете вы другъ друга, опустошаете монашескую жизнь, дѣлая сію жизнь запустѣвшей отъ прежней благодати... И, вотъ, призвала она къ себѣ семиглаваго звѣря беззаконія; тогда предсталъ звѣрь предъ царицею погибели. Взошла царица погибели на звѣря, который свирѣпъ, какъ необузданный конь, взяла она его за правую голову вмѣсто узды, лѣвой рукой подняла и понесла чашу погибели; собрала всезлѣйшее свое воинство; звѣрь взъерошилъ свою шерсть, разверзъ пасти семи своихъ главъ и понесъ на хребтѣ царицу погибели вмѣстѣ съ чашею беззаконія: за ними устремилось воинство царицы... Такъ всезлѣйшія беззаконія устремились и устремляются въ удѣлъ спасенія.

Остановилась царица въ одномъ жилищѣ, гдѣ ее приняли радостно; вошла царица, сѣла, открыла чашу погибели, взяла золотую лжицу, разославъ по удѣлу спасенія во всѣ стороны свое войско, чтобы оно разглашало о пріѣздѣ сей царицы погибели, чтобы призывало вкусить съ золотой лжицы зелья безчувствія, позабыть о душеспасительной монашеской жизни, а стремиться лишь къ тому, что пагубно для спасенія, чтобы этимъ, обольщеннымъ, казалось, что они такими дѣлами воздѣлываютъ свое спасеніе.

И стали всѣ приходить въ жилище, въ которомъ находилась царица погибели, стали вкушать и наслаждаться симъ зельемъ безчувствія, говоримъ, погибели, многіе, даже избранные, и поклонились ей.

Видитъ царица погибели, какъ покланяются ей одинъ за другимъ... И вотъ любодаряетъ она покланяющихся, напояя ихъ съ золотой лжицы (зельемъ) безчувствія.

Какое же это поклоненіе, которымъ ей покланяются?—Сваливаются въ погибель посрамляющей суеты. Что же такое эта посрамляющая суета?—Посрамляющая суета есть сіе: начало дѣлають, насладившись зельемъ погибели съ золотой лжицы; говоримъ: закладываетъ основаніе, мирную свою каливу разрушаетъ, дѣлая себѣ каливу другую—надземную и подземную, т. е. на землѣ увлекаются многоэтажной постройкой, а подъ землей одновременно уготовляетъ себѣ мѣсто въ аду.

Говоримъ: погибель и нечувствіе... Погибель заключается въ томъ, что распростираются плотію своею на верхній этажъ простора,—валяясь, какъ свинья, во рвѣ погибели; говоримъ: въ рабствѣ чреву...

ГЛАВА X.

Обличеніе аскетовъ-скитянъ въ увлеченіи многостяжательностію. Сравненіе съ древними отцами.

Первые отцы имѣли тыквицы, т. е. сосуды у нихъ были только тыквяные; потомъ, слѣдующіе имѣли—глиняные; потомъ оставили и глиняную посуду, т. е. малые горшки, надѣлали большіе винные и масляные глиняные сосуды, (стернакія и писарія); потомъ оставили и это, теперь употребляютъ уже деревянныя бочки, (разумѣются винные бочки и боченки). Съ ложью, хищнымъ коварствомъ, съ человѣкоугодіемъ, и неправдами, стараются наполнять эти боченки разными лакомствами; говоримъ: винами разныхъ сортовъ, масломъ, зерномъ, сырами, разнообразными маслинами. Такъ наполнили они боченки свои многообразными лакомствами.

И вотъ одинъ идетъ къ другому, смотрятъ вмѣстѣ на боченки [1]) наполненные лакомствами различныхъ сортовъ; у безумныхъ возвеселяются сердца и каждый восклицаетъ: „сей мой богъ, и прославлю его!"—Это и есть ваше поклоненіе царицѣ погибели. Вы устремились къ сей царицѣ, воздаете ей поклоненіе Царицѣ же Спасенія остаетесь задолженными, не воздавъ Ей благодарностію за милости оказываемыя Ею вамъ...

Великимъ долгомъ задолжали вы предъ Царицею Небесной, ибо не заботитесь о спасеніи своемъ, думаете лишь о погибели, позабывъ долгъ свой. И не только долгъ вашъ (Царицѣ Спасенія) позабыли, но съ человѣкоугодіемъ и воровствомъ своимъ позабыли вы и Бога.

Съ безстрашіемъ говорите вы: нѣсть Богъ,—боченки свои имѣете богомъ, и говорите: „сей мой богъ, и прославлю его..."

Прежде отцы имѣли нестяжаніе во всемъ. Прежде отцы употреб-

---

[1]) Многіе аѳонцы слишкомъ усердно употребляютъ вино, пьютъ его вмѣсто воды, ложно оправдываясь, что вода аѳонская (сырая) очень вредна, а кипяченой (безвредной) воды вмѣсто вина пить не хотятъ...

ляли глиняные горшки, и тѣхъ было у нихъ недостаточно, нынѣ же пользуются луженой посудой. Прежде отцы употребляли одинъ видъ кушанья, нынѣшніе же отцы употребляютъ на трапезахъ три и четыре сорта кушаній, приготовляя ихъ съ многоразнообразностію вкуса по сластолюбію своему. Прежде отцы не отвлекались садомъ, т. е. при своихъ каливахъ не разводили садовъ, требующихъ за собою многаго ухода и отвлекающихъ отъ духовнаго дѣланія, искали себѣ лишь мѣстечко одно, (подъ каливу), пребывая тамъ, пока ихъ не похоронятъ; мѣсто избирали скалистое и сухое, чтобы на немъ и дикія травы не росли, а не то, чтобы оно было годно для насажденія и произрастанія лозъ. Жили они такъ, чтобы и водою пользоваться приносимою издалека, съ труднымъ хожденіемъ... Это они творили не для чего инаго, какъ для того, чтобы не лишиться воды жизни вѣчной (Ін. 4, 14), чтобы не возжаждать во вѣки; поэтому не разводили они и малѣйшихъ садовъ, ни древесъ, ни овощей. Все это творили для того, чтобы не лишиться сада райскаго, древа плодоноснаго, цвѣта спасенія, и растенія сладчайшаго дѣвства.

Нынѣшніе люди, забывая про сіи вѣчныя блага, признаютъ лишь блага земныя. Воздѣлывая блага земныя, творятъ рай земной, удаляясь отъ вѣчнаго, благолѣпнѣйшаго сада райскаго... Воздѣлывая тлѣнныя древеса земныя, растлили они (въ себѣ) нетлѣнное и вѣчное древо небеснаго рая, а вмѣсто сего творятъ себѣ гиблющій садъ, земной рай на землѣ...

Разводятъ и садятъ разныя древа: „румяныя" и „желтыя"; говоримъ: апельсины и лимоны. Сажаютъ эти деревья, чтобы благоукрасить ими садъ, и, увлекаясь пристрастіемъ къ деревамъ, губятъ прежнюю ревность къ монашеской жизни... Заботясь усиленно выручить доходъ отъ производства деревьевъ, вы изъ за этого остаетесь безъ всякаго Богослуженія, и безъ Девятаго часа, т. е. вечерни, безъ всякаго поста; вкушаете съ ранняго утра, безъ всякаго воздержанія постнаго.

Ради этого всѣ ваши древа называются: „сладо-окраденіемъ"; говоримъ: ваши смоквы, виноградъ, яблоки, груши и т. д.

Изъ за этого тлѣннаго сада, изъ за этихъ овощей, вы лишили себя дѣла вѣры и спасенія. Кажется вы не вѣрите путеводящимъ книгамъ церковнымъ, а вашими книгами дѣлаете суету, попеченіе, заботу...

Суета (ваша)—сребро и злато. Попеченіе (ваше) есть рукодѣліе человѣческое. Забота (ваша) устремляется къ плотскому развлеченію.

Воздѣлывая тлѣніе вы удалились отъ негиблющихъ дѣлъ спасенія своего...

ГЛАВА XI.

О Кесарійскихъ постникахъ нѣкогда прибывшихъ на Аѳонъ, какъ ихъ ущедрилъ Богъ за аскетизмъ, и отчего потомъ они оскудѣли.

Видя подвиги прежнихъ отцевъ (Кесарійскихъ), Господь Богъ далъ имъ на Кирашахъ нѣкое благополучіе, т. е далъ имъ обрѣсти удобное ко спасенію жительство на Аѳонѣ, куда они нѣкогда прибыли изъ Кесаріи въ числѣ 800; привезли главу Св. Василія Великаго, основавъ Васильевскій Скитъ рядомъ съ Кирашами; сосуды ихъ исполнились всякаго блага. Причина сего великаго благополучія была одна: далъ его имъ Богъ за то, что установлена была ими благая скитская жизнь, которую они вели въ обоихъ скитахъ, т. е. раньше въ Кесаріи и потомъ на Аѳонѣ. Уносили они, пріобщившись въ субботу въ скитскомъ храмѣ, въ свои пустынныя каливы, сколько потребно было для поддержанія пищею плоти ихъ въ субботу и въ воскресеніе; домой приносили провизію въ тыквицахъ, прочіе же дни недѣли пребывали безъ пищи. Въ пятницу вечеромъ опять приходили и принимали Живопитаніе свое, т. е. пріобщались Св. Таинъ; потомъ, въ тыквицы брали себѣ масла, вина, лука, овощей и иные подобные предметы, чтобы поѣсть въ субботу и въ воскресенье; потомъ успокоивались до слѣдующей пятницы, воздѣлывая спасеніе свое.

Современники же, т. е. нынѣшніе скитяне сего скита, обзавелись глиняной посудой и усокровиществовали въ нее милостыню Божію или милость Божію. Но этого имъ показалось мало: тогда они завели кувшины, говоримъ винные сосуды, и сокровиществуютъ милость Божію въ эти сосуды.

Ей, сокровиществуютъ; но какимъ образомъ сокровиществуютъ? Моряки, видя, какъ аскеты стали сокровиществовать пищу, начали доставлять имъ яства; скитяне же, видя, что съ моря приходитъ къ нимъ пища, уничтожили глиняные сосуды, завели деревянныя бочки, говоримъ потатиры и боченки, стали въ нихъ сокровиществовать то, что было провозимо съ моря; однако не удовлетворились они однимъ лишь этимъ, но пожелали угощаться лукомъ, просомъ, капустой, бобами, фасолью, а тамъ и фруктами: виноградомъ, лимонами, апельсинами, яблоками, смоквами и другими подобными плодами;—покинули наконецъ, и утесы свои, т. е. переселились изъ прежнихъ безплодныхъ утесовъ на плодородныя мѣста. Богъ, видя такую погибель скита, отнялъ благословеніе отъ Кирашей, вмѣнивъ имъ въ вину и взаимную вражду. Вслѣдствіи сего Божіе благословеніе оставило скитъ, Кираши обнищали отъ всѣхъ благъ; теперь не осталось и четвертой части прежняго благо-

получія, т. е. вмѣсто прежнихъ сотенъ скитянъ не осталось и четверти. По причинѣ любостяжанія Кираши утратили благословеніе свое, обнищавъ по своей собственной винѣ [1]).

ГЛАВА XII.

Обличеніе скитянъ въ похищеніи поминальныхъ свѣчей съ панихидъ.

Прежде отцы не имѣли особыхъ церквей (въ скитахъ) по каливамъ своимъ; для праздниковъ имѣли одинъ соборный храмъ, чтобы причащаться (тамъ) Пречистыхъ Таинъ; когда устраивали заупокойныя бдѣнія, то не собирали на нихъ насильно, (поминальныхъ жертвъ) какъ устраиваютъ это нынѣ тѣ, которые вымогательствуютъ отъ людей (поминальныя жертвы), собирая ихъ, чтобы заглаживать мірскія беззаконія, свои-же собственныя укоренять. Когда берутся совершать бдѣніе, то совершаютъ его не какъ жертву Богу, жертву духа сокрушеннаго и сердца смиреннаго, а совершаютъ съ пренебреженіемъ. Завѣдующій бдѣніемъ, говоримъ—Дикей, (т. е. настоятель скита), звонитъ, братія собирается на бдѣніе, чтобы загладить (грѣхи поминаемыхъ). Іерей дѣлаетъ „благословенъ“; когда начинается поминовеніе усопшихъ, не стоятъ (скитяне въ церкви), а только каждый беретъ свѣчку, убѣгаютъ они одинъ за другимъ (домой) и сокровиществуютъ восковыя свѣчи въ воровскія свои сокровищницы, чтобы имѣть эти свѣчи для своихъ собственныхъ поминокъ, (т. е. на похороны свои).

О, безумія безумныхъ! Чужимъ-ли поминовеніемъ будешь ты поминать несчастную душу свою? Выслушай такую повѣсть. Нѣкій человѣкъ праведный, незлобивый, нелживый, милосердый отрекся отъ міра, принялъ ангельскій образъ монашескій, сдѣлался калогеромъ въ Раифскомъ скиту, сталъ церковно-служителемъ при церкви, и прилежалъ сему дѣлу съ великимъ раченіемъ. Однажды скончался въ скиту братъ; по обычаю скита принесли его (на отпѣваніе) въ соборъ и, какъ обыкновенно бываетъ при отпѣваніи покойниковъ, роздали каждому брату по свѣчкѣ. Когда зажгли свѣчи, іерей сказалъ „благословенъ“ — и начали читать отпѣваніе покойника, служитель сей церковный увидалъ вверху надъ покойникомъ одинъ прямой четыреугольникъ надъ одромъ умершаго; тогда-же вышелъ изъ алтаря нѣкто, держа свѣчи въ рукѣ, поднялъ покойника съ мертвеннаго одра, поставилъ его на прямой четыреугольникъ, прилѣпилъ къ нему свѣчи одну за другой, зажегъ ихъ, и пламя свѣчей стало жечь тѣло мертвеца. Увидавъ это

---

[1]) Впрочемъ, по милости Божіей, теперь на Кирашахъ начинаетъ цвѣсти русская обитель Св. Георгія, которую нельзя миновать путнику, хотящему подняться на вершину Аөона.

благословенный церковный служитель, вопросилъ того, который прилѣплялъ свѣчи къ мертвецу, и сказалъ ему: „что ты дѣлаешь?“ Явившійся-же отвѣчалъ: „дѣлаю то, что самъ видишь“.—Онъ же сказалъ: „зачѣмъ дѣлаешь это?“—Тотъ отвѣтилъ: „онъ оставилъ мнѣ эти свѣчи что-же мнѣ съ ними дѣлать“?—Церковный служитель тогда спросилъ: „кто ты таковъ, что поступаешь такъ“? Явившійся отвѣчалъ: „я Хранитель души сего мертвеца, мертвецъ этотъ, который сейчасъ опаляется на четыреугольной доскѣ свѣчами, былъ таковъ: когда въ соборѣ бывало бдѣніе и поминовеніе, онъ не стоялъ внутри церкви, а прохаживался внѣ храма: находилъ себѣ единомысленнаго, потомъ празднословили они цѣлую ночь, празднословіе-же ихъ было сплошнымъ преоскверняющимъ осужденіемъ; такъ погубляли они бдѣніе (т. е. убивали время бдѣнія) съ долговременнымъ своимъ осужденіемъ у порога церковнаго, напротивъ дверей церковныхъ; когда-же бывало поминовеніе какого-либо покойника, то, взявъ поминальныя свѣчи, они, одинъ за другимъ, убѣгали, припрятывая тѣ свѣчи на день кончины своей, чтобы сими свѣчами помянули ихъ самихъ. Поэтому, сегодня, когда началось читаться отпѣваніе покойника и предстоящіе въ церкви взяли эти самыя чужія свѣчи, то Богъ принялъ поминовеніе сіе и сіи свѣчи, какъ мерзость предъ Собою. Вотъ посему-то послалъ меня Богъ собрать эти свѣчи и, поставивъ умершаго на доску, прилѣпить эти свѣчи къ доскѣ, чтобы онѣ горѣли и опаляли тѣло его, въ подобіе того, какъ душа его горитъ въ мукахъ огня неугасающаго“.—Явившійся сдѣлалъ наклоненіе головы и вошелъ во святилище, церковникъ же тотчасъ пришелъ въ себя отъ изступленія и услыхалъ слѣдующія слова покойника:

„Увы мнѣ! горе мнѣ омерзенному! омерзились похороны мои и поминовеніе мое (т. е. отпѣваніе), за осудительное мое празднословіе, которое я допускалъ во время бдѣній въ соборѣ съ осужденіемъ, и, взявъ свѣчу, не стоялъ съ нею при поминовеніи.—Этими свѣчами теперь опаляется тѣло мое, а душа будетъ горѣть въ огнѣ вѣчнаго мученія“.

Услыхали таковыя слова мертвеца и всѣ предстоящіе, изумились, и сказали: „что это означаетъ?“—Церковникъ-же, услыхавъ такія недоумѣвающія восклицанія предстоявшихъ, разсказалъ имъ все подробно; всѣ изумлялись, а предстоятель скита сказалъ: „горе намъ, увлеченнымъ въ западню осужденія и похищенія поминальныхъ жертвъ! Мы беремся поминать, но поминаемъ не по Бозѣ, поминаемъ съ раболѣпнымъ, хищнымъ, и лживымъ человѣкоугодіемъ, похищаемъ чужія беззаконія, чтобы измывать ихъ своими молитвами, собственныя-же беззаконія оставляемъ, — эти беззаконія возгосподствовали надъ нами; мы же не заботимся изглаждать собственныя беззаконія, а стараемся лишь о томъ, чтобы смѣяться о неправдахъ поминаемыхъ на бдѣніи людей и говорить: этими моленіями мы оказываемъ услугу

покойникамъ! Сами-же похищаемъ изъ храма съ поминальнаго бдѣнія свѣчи, убѣгая съ ними въ каливы свои.

Вотъ и этотъ мертвецъ нынѣ исповѣдуетъ свои беззаконія, это онъ исповѣдуетъ для насъ, чтобы мы поняли наше безчувствіе, чрезъ которое не ощущаемъ того, въ какомъ положеніи находимся». — Вотъ какую исповѣдь произнесъ первый старецъ скита, говоримъ, іеромонахъ Сильванъ. [1]).

Дѣлается такъ и нынѣ: Дикей звонитъ, братія собираются въ соборъ, іерей дѣлаетъ: „благословенъ", чтецъ читаетъ и одинъ лишь себя слушаетъ, прочіе-же люди выходятъ вонъ изъ церкви, устраиваютъ кучки, и кучки;—каждая кучка имѣетъ свое особое празднословіе; одна осуждаетъ, другая осуждаетъ и третья осуждаетъ; всю ночь стоятъ они снаружи, внѣ бдѣнія; празднословіе, осужденіе, предательство, оклеветаніе, и блудная бесѣда—не отступаютъ отъ ихъ оскверненныхъ устъ. Если-же кто выйдетъ изъ церкви сейчасъ-же происходитъ волненіе въ бѣсовскихъ кучкахъ, [2]) кричатъ тому, который вышелъ изнутри и говорятъ: „есть раздача свѣчей?"—тотъ говоритъ: „не знаю";—его тотчасъ укоряютъ съ осужденіемъ, за то, что пришелъ изъ храма и не знаетъ. Когда это говорятъ, идетъ изнутри другой, спрашиваютъ и его: „есть-ли раздача свѣчей?"—если тотъ скажетъ, что будетъ, то кучки опять собираются и говорятъ: „посидимъ еще немножко и побесѣдуемъ, пока не получимъ свѣчекъ". —Садятся и разговариваютъ о предметахъ никакого духовнаго значенія не имѣющихъ; оканчивается бдѣніе, чтецъ начинаетъ поминовеніе (т. е. панихиду), они же все еще погружены въ (пренія) о своихъ мнѣніяхъ; когда Дикей раздастъ свѣчи, то, взявъ ихъ въ руки, воровски удаляются въ каливы свои и сокровиществуютъ свѣчи, оставаясь должными за поминовеніе до часа смерти своей, подобно тому покойнику. О, досточтимѣйшіе отцы мои! почему не чувствуете вы спасенія своего?

Теряете сонъ, несете трудъ, долготерпите долготу ночи, почему-же не подвигаете терпѣнія своего, чтобы не исходить наружу? [3]). Древо одно вы украшаете, а плодъ его теряете;—какая-же польза? И не только теряете вы собственный плодъ, но лишаете (пользы) и то сухое древо, которое стараетесь оплодотворить (т. е. поминаемаго), не только не оплодотворяете, но до корня его изсушаете. Вы ищете спасти грѣшную душу свою въ монашествѣ но не только не спасли ее, но губите, отъ конца ногтей ногъ до верхушки головы!

---

[1]) На Аѳонѣ у русскихъ иноковъ поминовеніе совершается очень усердно и благоговѣйно, (разумѣемъ русскія обители крупныя, благоустроенныя); въ мелкихъ обителяхъ, особенно иноплеменныхъ, дѣло обстоитъ слабѣе...

[2]) Т. е., кучкахъ осуждающихъ и празднословящихъ и тѣмъ самымъ выполняющихъ волю бѣсовъ.

[3]) Т. е., изъ храма во время поминальнаго бдѣнія.

XIII.

Устройство скитянами частныхъ церквей въ каливахъ для полученія дохода за поминовеніе ведетъ къ понужденію лицъ недостойныхъ принимать священство... обличенія скитянъ.

Приходитъ нѣкая душа извнѣ, отъ міра, чтобы остаться здѣсь на Св. Горѣ, ибо прилежитъ жизни Святыхъ Отецъ, (т. е. ревнуетъ), слыхала о монашескомъ подвижничествѣ, жестокой жизни преподобныхъ, и умыслила прійти въ Удѣлъ Владычицы нашей Богородицы; ради сего она старается удалиться изъ міра, но не имѣетъ возможности, потому что нища всѣхъ плотскихъ благъ, убога своею силою, и недоумѣваетъ, что ей дѣлать? (т. е. не имѣетъ капитала, чтобы устроить себѣ жительство и сдѣлать вкладъ за себя, ибо уже не первой молодости, чтобы быть принятымъ безъ вклада монастыремъ, но и не столь мужественна, чтобы все презрѣть и вести жизнь нищенскую (сиромашескую), Христа ради, въ Удѣлѣ семъ). Такъ раздумывая и кружась помысломъ своимъ (дома, раньше нежели уйти изъ міра, еще не вѣдая того, что ее здѣсь ожидаетъ), эта душа идетъ къ духовнику своему, открываетъ ему мысленное свое рѣшеніе, свое убожество и немощь души (т. е.: что хочетъ отречься отъ міра, но не рѣшается видя, бѣдность и малодушіе свое). Духовникъ слушаетъ и утѣшаетъ его ободрительнымъ лучемъ утѣшенія, говоря: „Богъ ради убогихъ и безсильныхъ на крестъ взошелъ, чтобы съ креста взирать на нихъ, дабы не погибли они. Онъ подобенъ доброму пастырю, который пасетъ овецъ, вы же подобны овцамъ, которыя, видя волка, бросаются туда и сюда, отъ страха волчьяго не слышатъ гласа пастыря, который кричитъ имъ, чтобы онѣ не разбѣгались. Поэтому пастырь добрый бѣжитъ къ одному высочайшему дереву, влѣзаетъ на самую верхушку дерева и восклицаетъ къ овцамъ, зовя одну за другой: „дерзайте и не разбѣгайтесь“. Тогда овцы слышатъ гласъ пастыря, оглядываются назадъ, видятъ пастыря на древѣ и возвращаются обратно. Сошелъ пастырь съ дерева, собралъ своихъ овецъ, далъ имъ пищу, чтобы онѣ обрадовались и укротили свою дикость, которою одичали отъ страха волчьяго.—Сіе сотворилъ и Богъ насъ ради, разбѣгавшихся отъ страстей нашихъ, которыя намѣревались поглотить насъ. Богъ гонится за нами, зоветъ насъ по имени, чтобы мы не разбѣгались, не терялись-бы тамъ и сямъ; но, такъ какъ мы удалились отъ Бога, то не слышимъ и не слушаемъ гласа Божія; мы погрузились во глубину страстей, посему Богъ какъ-бы не видитъ, куда мы разбѣжались... И взошелъ Онъ на крестъ, чтобы видѣть насъ, гдѣ

мы находимся... Взираетъ Онъ на всѣ четыре стороны, на концы креста, чтобы увидать насъ, гдѣ мы есмы, но мы не являемся предъ крестомъ, ибо отъ множества страстей нашихъ между нами и крестомъ сдѣлалась каменная стѣна, такъ что ни Богу нельзя увидать насъ со креста, ни намъ нельзя увидать Бога на крестѣ... Тогда воскликнулъ Богъ и теперь восклицаетъ веліимъ гласомъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“ (Мѳ. 11, 28).—Мы услыхали такое ободреніе отъ Бога, обратились, оглянулись назадъ, и увидали Бога на крестѣ, Бога, зовущаго насъ и говорящаго: „возьми крестъ свой и слѣдуй за мною“ (Матѳ. 16, 24).

Убогій силою и малосильный душою, услыхавъ такія слова духовника, оставилъ все и удалился; удаляясь же кручинится, какую ему дорогу взять; тутъ приходитъ ему мысль о монашествѣ; обрадовался онъ этой мысли, но, куда идти, не знаетъ. Слышитъ онъ молву о Святой Горѣ, что она есть мѣсто спасительное и вотъ идетъ въ Гору Аѳонскую. Такъ какъ онъ малосиленъ силою, то никто не принимаетъ его. Наконецъ, на просьбу принять его, вышелъ къ нему одинъ старецъ на порогъ каливы своей и говоритъ: „если согласенъ стать іереемъ и годенъ къ сему, то я пріиму тебя“. Вопрошаемый же сказалъ: „а если я не согласенъ стать священникомъ и не годенъ, то не примешь меня?“ Отвѣчалъ ему тотъ: „не приму тебя, ибо ты малосиленъ и ради сего никто не приметъ тебя“. Говоритъ испытуемый: „я могу служить тѣлесно, (т. е. хотя вклада не имѣю, но работать могу), а душою безсиленъ“. Ищущій же себѣ іерея отвѣчаетъ ему: „не говори сего сынъ мой! всякій видитъ малосиліе твое, потому что икры у тебя тощи отъ безсилія тѣла твоего“. Испытуемый подивился суетности (т. е. плотскому мудрованію) въ монахѣ и сказалъ старцу: „таковъ есмъ, и что стану дѣлать?“ Сказалъ ему старецъ: „если сдѣлаешь, какъ я говорю тебѣ, то я возьму тебя: если ты годенъ въ іереи, то живи здѣсь, а, если не годенъ, то ступай ищи себѣ жилище“. Видитъ испытуемый: съ обѣихъ сторонъ тѣсно ему, во-первыхъ: силою тѣлесною онъ безсиленъ, т. е. въ послушники и работники мало пригоденъ, вклада не имѣетъ, во-вторыхъ-же: священства не достоинъ, а если пойти къ другому, другой будетъ говорить тоже самое.

И вотъ попралъ свою совѣсть сей несчастный пришлецъ; будучи недостоинъ удостоился священства, сталъ іереемъ, началъ литургисать Божественныя таинства, несчастный; старецъ же его злосчастнѣйшій похваляется, что нашелъ себѣ священника, и, хвалясь имъ, заискивая у людей, начинаетъ хищнически похищать мірскія неправды, говоря: „я имѣю церковь и достойнаго іерея“; цѣль же здѣсь не та, чтобы хвалиться церковью и іереемъ, но та, чтобы похищать жертвы на поминовенія.

Спрашиваю я тебя, притворщикъ старецъ! ей, истину-ли говоришь, что добродѣтелями спасаешь свою грѣшную душу, собирая поминанія отъ мірянъ и мысленно хвалясь спасительнымъ дѣломъ отмаливанія мірскихъ грѣховъ. Спрашиваю тебя, если такъ радѣешь о душахъ человѣческихъ, отчего замучилъ ты душу послушника твоего припужденіемъ твоимъ? Зачѣмъ принудилъ его недостойнаго принять священство? Это у васъ теперь въ обычаѣ заводить церковки при каливахъ; чрезъ это много недостойныхъ людей дѣлаются недостойными іереями и священномонахами [1]). Нынѣ люди презрѣли Христа, возлюбивъ „хрис-а“ (злато), сребро, злато и дѣла рукъ человѣческихъ. Такъ и здѣсь.

Прежде отцы скитяне не имѣли церквей у нихъ былъ лишь одинъ соборъ. Нынѣ же соборъ презрѣли, а созидаютъ церкви въ каливахъ, чтобы этимъ способомъ приневоливать пришельцевъ принимать священство, дабы преуспѣвать такимъ образомъ въ сборѣ денегъ; я де имѣю церковь, нуждаюсь въ священникѣ; если ты годенъ въ іереи, то оставайся со мною, а если нѣтъ, то ищи себѣ другое жилище... Пришлецъ, разсудивъ, что не имѣетъ онъ возможности инымъ образомъ быть принятымъ, перемѣнилъ рѣшимость свою, сказавъ, что достоинъ стать іереемъ; какъ только услышатъ это другіе старцы, тотчасъ хватаются за него, какъ годнаго стать іереемъ. Другіе же пришельцы, видя, какъ ухватились за него, тѣмъ болѣе, что и почетъ ему сталъ большой, начали заявлять, что и они достойны священства, ихъ тоже рукополагаютъ во іереевъ; такимъ образомъ оказывается много недостойныхъ іеромонаховъ.

Спрашиваю я васъ: эти недостойные іереи, принявшіе священство, при удобномъ случаѣ примутъ и дѣло духовника, но при своемъ недостоинствѣ, какимъ назиданіемъ будутъ они назидать людей? На погибель или на спасеніе? Ясно, что на погибель путеводить будутъ, ибо какъ самъ духовникъ погибшій, такъ къ погибели будетъ вести и духовныхъ чадъ своихъ.

Погибель же сихъ недостойныхъ духовниковъ, которою они лженаставляютъ людей, такова: „Постъ—ни къ чему: Богъ даровалъ намъ пищу, чтобы мы вкушали ее. Воздержаніе въ человѣкѣ ни къ чему, ибо, когда тѣло удовлетворено, то удовлетворяется и душа“. Такъ изъ-за ѣды и питья возгараются страсти въ духовныхъ чадахъ, идетъ духовное чадо и говоритъ духовнику о брани страсти своей...

Спрашиваю я васъ: когда услышитъ недостойный духовникъ отъ

---

[1]) Въ свое время, въ 1909 году, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ всероссійскимъ монашескимъ съѣздомъ, ревнитель монашества, Еп. Никонъ Вологодскій, (членъ русскаго Государственнаго Совѣта), писалъ въ „Церк. Вѣдом.“ рядъ статей о монашествѣ, гдѣ, между прочимъ, довольно сильно возставалъ противъ обычая обителей спѣшить возведеніемъ въ іеромонахи лицъ молодыхъ и мало достойныхъ ради служенія „заказныхъ“, заупокойныхъ литургій.

духовнаго чада своего о подобной брани, какъ исцѣлитъ его, не признавая поста? не уязвитъ-ли духовникъ его еще больше, успокоивъ боримаго тѣмъ, что это не велика бѣда... Посему и говорю я вамъ: вы идете спасать грѣшныя души, пришельцевъ же, желающихъ спасаться, не только не спасаете, но губите отъ ногтей ногъ до верха главы.

ГЛАВА XIV.

Порицаніе храмовыхъ праздниковъ по каливамъ въ скитахъ.

Прежде отцы не имѣли храмовыхъ праздниковъ и бдѣній въ параклисахъ.

Если же есть, то да будетъ для всѣхъ, т. е., если хотите устраивать частные праздники по каливамъ въ скиту, то приглашайте всѣхъ соскитянъ, ибо случается нынѣ, что бдѣнія и храмовые праздники становятся гнусными, соблазно-творными; ибо гдѣ соблазнъ, тамъ и гнусность.

Скажешь: изъ-за чего бдѣніе и панигиръ именуешь ты гнусностію? Послушай и увидишь.

Въ одинъ день случились въ нашемъ скиту два панигира съ бдѣніями, вмѣстѣ съ Литургіею. Послѣ Литургіи присутствовавшіе на бдѣніи остались трапезовать, послѣ же трапезы сдѣлали отпустъ панигиру; каждый удалился въ свою каливу. Выйдя изъ собора и идучи домой, я повстрѣчалъ одного брата, возвращавшагося съ панигира; мы поздоровались другъ съ другомъ; послѣ привѣтствія я спросилъ его: „какъ провели вы бдѣніе, отцы?" Онъ же мнѣ отвѣчалъ и сказалъ: „не спрашивай, отче; Богъ да помилуетъ его и бдѣніе его, которое онъ устроилъ". Сказалъ я ему: „По тому, что ты говоришь, видно, что не благополучно". Отвѣчалъ же мнѣ тотъ и сказалъ: „Лучше было бы въ десять разъ, если-бы я не ходилъ, чѣмъ то что я пошелъ". „Отчего говоришь такъ?"—„Потому что на ревитъ (родъ отварного гороха), бывшій у нихъ, противно и взглянуть, о соленой рыбѣ и говорить нечего, до того она была солена, вонюча и скверно приготовлена; вино было кислое, пополамъ съ водою, къ тому же и испорченное. Если хочешь знать отче, одну собачью ночь въ жизни той провелъ я".

Такъ удалились мы другъ отъ друга. Слѣдуя далѣе домой, встрѣтилъ я другого брата, шедшаго съ другого бдѣнія; поздоровавшись, я спросилъ его: «что новаго, отче? какъ провели вы бдѣніе»?—Отвѣчалъ онъ мнѣ и сказалъ: «Хорошо провели, слава Тебѣ Боже! какъ нельзя лучше! свѣжая рыба была двухъ сортовъ, печеная и вареная, ревитъ былъ хорошо уваренъ, былъ и рисъ съ коровьимъ масломъ,

хлѣбъ мягкій, вино же подлинно было хорошее; такого вина я десять лѣтъ не пивалъ!» *). Про бдѣніе же онъ ничего не говоритъ. Поклонившись, удалился я отъ него и поспѣшилъ домой; когда поздоровался съ моими старцами сожителями, они сказали мнѣ: „пришелъ одинъ братъ и спрашивалъ тебя". Я спросилъ ихъ, куда пошелъ онъ? Они мнѣ сказали: „Онъ здѣсь, въ дому". Вышелъ этотъ братъ, поздоровались мы съ нимъ, и я спросилъ его: „что повѣдаешь мнѣ?" Онъ сказалъ мнѣ: „Имѣю злыя мысли, отче, и весьма смущенъ отъ такого то брата". Я сказалъ ему: „Что онъ сдѣлалъ тебѣ?" Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Сколько бдѣній я ни устраивалъ ежегодно, никогда не исключалъ его, первымъ звалъ его, а послѣ него другихъ; сегодня же онъ изгналъ меня съ праздника своего и не позвалъ меня, когда приглашалъ другихъ? Пусть такъ; если онъ не хотѣлъ видѣть меня, то могъ-бы послать извѣстіе о семъ, чтобы мнѣ знать это; я же, не вѣдая его непріязни, пошелъ на бдѣніе, и спрашиваю его: „Отчего ты не позвалъ меня?" Онъ же сказалъ мнѣ: „Какое тебѣ надо извѣщеніе, не позвалъ тебя, вотъ и все". Когда наступило время вкушенія хлѣба, т. е., ужина передъ началомъ бдѣнія, я имѣлъ надежду на него и, уходя изъ дому, на вопросъ сожителей моихъ насчетъ пищи дома, сказалъ имъ. «Ѣсть» дома не буду, кушайте безъ меня, я на бдѣніе пойду и тамъ поѣмъ; братія покушали, нисколько мнѣ не оставивъ пищи, чтобы пища не попортилась къ слѣдующему дню. И вотъ я жду, (передъ бдѣніемъ на праздникѣ, когда пришло время ужина), что позовутъ меня; проходитъ часъ, никто не приходитъ приглашать меня; начинаетъ смеркаться,—ни гласа, ни звука. Я иду обратно домой, чтобы поѣсть, но пищи нисколько не осталось, поѣлъ одного только сухоядѣнія, такъ и пошелъ на бдѣніе въ соборъ, а въ соборѣ всю ночь злился". Я постарался всѣми способами умиротворить брата, но онъ не хотѣлъ успокоиться нисколько: такъ и умеръ несчастный съ злопомнѣніемъ и осужденіемъ, зачѣмъ не позвали его на праздникъ.

На другой день послѣ описаннаго праздника шелъ одинъ братъ и повстрѣчалъ меня; мы поздоровались, и я спросилъ его (т. е. брата, одного изъ тѣхъ упомянутыхъ двухъ, устраивавшихъ храмовые праздники). „Какъ прошелъ для тебя шумъ твоего храмоваго праздника?" Онъ отвѣтилъ мнѣ и сказалъ: „Въ зломъ шумѣ провелъ я его, отче". Сказалъ я ему: „Отчего въ зломъ шумѣ провелъ ты его"? И отвѣтилъ мнѣ сей: „Мнѣ хотѣлось взять одного священника, чтобы прочесть послѣдованіе Святому, но, видя другаго (настоятеля каливы),— какъ онъ украшаетъ бдѣніе свое, я сказалъ себѣ: возьму-ка я пять

*) Обличается увлеченіе аѳонцевъ виномъ. Обличеніе очень справедливое, ибо и теперь почти всѣ аѳонцы пьютъ вино вмѣсто воды, (легко сказать!), подъ предлогомъ, что вода аѳонская тяжела для желудка, а кипяченой воды (безвредной) вмѣсто вина пить не хотятъ!..

или шесть отцевъ и прочтемъ послѣдованіе Святому; когда пригласилъ пять или шесть, оказалось двадцать пять братіи; на утро гостей стало еще больше, припасовъ у меня не было, было лишь немного пищи для своего живопитанія; всю онѣ ее поѣли у меня, я задолжалъ теперь еще больше, у меня нѣтъ сейчасъ нисколько хлѣба для ѣды, такъ что я раздражаюсь на свой храмъ, и меня соблазняетъ помыслъ, совѣтующій мнѣ уничтожить его". Видя печаль его и слезы, я, любоодаривъ его тѣмъ, что послалъ мнѣ Богъ, сказалъ ему: „Иди, сиди въ своей каливѣ, не соблазняйся о церкви, но служи въ ней (досл.: ей) со страхомъ Божіимъ, ибо, кто уничтожаетъ церковь, тотъ противоборецъ и врагъ церкви; отселѣ впредь не созывай много гостей на праздникъ и бери лишь одного іерея, чтобы прочитать послѣдованіе Святому". Братъ сдѣлалъ такъ, какъ я сказалъ ему и былъ миренъ душою.

Нынѣ же, устрояя праздники въ каливахъ, ѣдя и пія, празднословятъ и осуждаютъ другъ друга, взаимно предательствуя; удаляясь съ панигира празднословятъ дорогою и осуждаютъ того, кто устроилъ бдѣніе, что не сотворилъ бдѣнія болѣе торжественнаго, особенно осуждаютъ за пищу, на праздничной трапезѣ.

Ради этого, говорю я вамъ, не приличествуютъ панигиръ каливамъ. Панигиры приличествуютъ только для монастырей, тамъ на нихъ собираются люди въ большомъ количествѣ неблазненно; скитяне же шума (праздственнаго) дѣлаютъ мало, а соблазновъ бываетъ весьма много. Въ скиту храмовое празднованіе панигира Богоугодно только для собора (Киріако). Что же именно Богоугодно? Богоугоденъ панигиръ въ день памяти соборнаго, храма; память параклисныхъ тоже Богоугодна, (если владѣлецъ келейно празднуетъ храмоваго Святаго своего), но всепраздствованіе (т. е. торжество въ келіи) есть соблазнъ: соблазняется имъ спасеніе человѣческое.

ГЛАВА XV.

Сравненіе богомольца, духовно не напитавшагося богослуженіемъ съ ежомъ, забравшимся въ виноградникъ.

Таковой подобенъ ежу, зашедшему въ виноградникъ; этотъ ежъ лишь для того, пришелъ, чтобы портить лозу вмѣстѣ съ гроздями ея; онъ валяетъ ягоды, разбрасываетъ ихъ по землѣ, катается по нимъ, чтобы нацѣпить ихъ на себя и, нагрузивъ на себя эти плоды, идетъ отягощенный въ жилище свое... Т. е., пришедшій неблагоговѣйно въ церковь подобенъ сему ежу: онъ валяетъ на землю Божественныя ягоды словъ Божіихъ; онъ не обходится бережно съ Лозою, но обламываетъ ее;

не вкушаетъ словъ Божіихъ, но валяется по нимъ, прокалываетъ ихъ щетиною празднословія своего и, подобно ежу, думаетъ, будетъ-ли отъ сего стоянія въ церкви, какая-либо польза?

Такъ и нынѣ: идетъ человѣкъ на храмовой праздникъ, но не стоитъ со страхомъ Божіимъ на бдѣніи, а только сидитъ, празднословитъ словами неподобными, пачкаетъ ягоды спасительныя, (раскидывая) по землѣ; нагружается празднословіемъ и думаетъ, что получилъ отъ бдѣнія плодъ; когда разсвѣтаетъ день, вмѣсто слушанія литургіи находитъ себѣ подобнаго, изобрѣтаютъ они предметъ для бесѣды, для многословнаго осужденія и въ храмѣ празднословятъ вмѣстѣ. Когда окончится литургія, тогда оканчиваютъ и они предметъ бесѣды своей; возвращаясь домой, каждый воображаетъ, что на сей литургіи пріялъ ягоды спасенія своего; придя домой, каждый бьется, чтобы разгрузиться, но разгрузиться не можетъ: говоримъ, не можетъ освободиться отъ того, что слышалъ подложнымъ слухомъ своимъ, (якобы слушая Божественныя слова, а на дѣлѣ нагрузившись празднословіемъ и осужденіемъ).

Такъ и нынѣ; ходятъ на бдѣніе, но въ церкви не молятся за несчастную душу свою, а выходятъ наружу, попираютъ ягоды бдѣнія, нацѣпляя поверхъ себя все дурное и злое, что ни найдутъ. Дома силятся разгрузить свои головы отъ тѣхъ плодовъ злословія, празднословія и осужденія, которые прицѣпились къ нимъ, но не въ силахъ разгрузиться сами; призываютъ тогда младенцевъ своихъ: — говоримъ псилафизмы, т. е. мудрованія плотскія,—лукавство и лѣность, чтобы онѣ разгрузили ихъ: лѣность поддерживаетъ нагруженнаго, лукавство же и псилафизмъ снимаютъ грузъ беззаконія, разгружаютъ зло, т. е. объемлетъ монаха въ возмездіе за празднословіе нерадѣніе къ духовному дѣлу и лукавое мудрованіе о ненужности подвига. Цѣль же ихъ—не облегчить злое бремя, но пожрать, плоды. Лѣность удерживаетъ зло, т. е. не даетъ каяться, а псилафизмъ и лукавство разгружаютъ зло; подобно тому, какъ когда разгружаютъ скотину—одинъ держитъ, а другой разгружаетъ ее, такъ и лѣность удерживаетъ человѣка, псилафизмъ же, вмѣстѣ съ празднословіемъ и лукавство—разгружаютъ то, что монахъ успѣлъ стяжать подвигомъ своимъ до сего, разгружаютъ человѣка отъ благодати Всесвятаго Духа: — становится онъ тогда съ обѣихъ сторонъ непотребенъ:— говоримъ, какъ мірянинъ, и какъ монахъ... Т. е. развратившись монахъ дѣлается никуда не годенъ, ни для возвращенія въ міръ къ семейной жизни, ни для монашества.

ГЛАВА XVI.

Какими двадцатичетырьмя орудіями погибели дѣйствуетъ царица погибели противъ башень спасенія.

Идутъ нынѣ, и покланяются одинъ за другимъ царицѣ погибели; вкушаютъ зелье безчувствія и проповѣдуютъ, что то вкушеніе доброе. Другіе, услышавъ таковыя губительныя слова, одинъ за другимъ туда же идутъ, покланяются царицѣ погибели и гонятъ отъ себя Царицу Спасенія. Вотъ какъ это происходитъ. Погибель подобна скату; когда по ней скатится одинъ, то другой, видя, что тотъ скатился благополучно, идетъ тоже на скатъ;—такъ, глядя одинъ на другого, всѣ стали въ рядъ по скату, и скатываются всѣ внизъ, какъ-будто привязанные одинъ къ другому; находясь же на скатѣ погибельномъ, ублажаютъ его, какъ-будто онъ есть подъемъ спасенія! — принадлежащіе къ войску подъема спасенія, т. е. монашествующіе, сами ублажаютъ свое нисхожденіе въ погибель!.. И вотъ одно изъ знаменій обрученія съ печатію антихристовою. Многосокровиществованіе есть антихристъ или царица погибели; она собрала всезлѣйшее войско свое и начала войну; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ она открыла мысленную брань, чтобы господствовать надъ чувствами монаховъ, т. е. охладить ихъ ревность ко спасенію, пристрастить къ сребру, злату и дѣламъ рукъ человѣческихъ; отчасти она успѣла возгосподствовать надъ чувствами монаховъ, чрезъ многопопечительную заботливость. (Досл. многопопечительность заботы).

Видитъ царица погибели, что развивается у монашествующихъ тяготѣніе къ чашѣ погибели; видитъ, какъ склоняются къ ней владѣющіе келліями старцы, какъ они помрачились многосуетностію попеченій и свалились подъ скатъ погибели; — тотчасъ вооружила она злѣйшее войско свое орудіями лукавства и послала его возгосподствовать всѣми чувствами монаховъ; монахи стали совсѣмъ безчувственными къ спасенію, и монашеской жизни.

Этимъ способомъ стремится царица погибели довести монашество до того, чтобы оно изгнало Царицу Спасенія изъ своей жизни и обратилось-бы къ треклятой царицѣ погибели.

Царица погибели хочетъ, чтобы монашество послушно слѣдовало ея путемъ и распространялось бы на весь міръ. (Эти слова темны; можетъ быть они означаютъ, что монашество будетъ стремиться обладать мірскими сокровищами, или, когда овладѣетъ врагъ монашествомъ, то не трудна ему будетъ побѣда и надъ всѣмъ міромъ).

Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, открывъ брань, воюетъ злѣйшее войско лукавымъ орудіемъ своимъ, которымъ вооружила его царица

погибели, пославъ противъ удѣла Царицы Спасенія. И побѣдились несчастные монахи многосуетствомъ заботы; побѣдились безъ всякаго сопротивленія, безъ всякой брани!.. Слѣдовательно, когда то всезлѣйшее войско съ лукавымъ оружіемъ своимъ произведетъ натискъ и бранью (или штурмомъ) будетъ брать иноковъ, побѣдившихся земными (пристрастіями) и лукавыми оружіями, т. е. пороками, то какова сдѣлается тогда монашеская жизнь?—Всѣ почти свалятся подъ уклонъ погибельнаго пути, продадутъ себя во всезлѣйшее воинство ради оружій лукавствъ, т. е. сами станутъ ревнителями погибели, возлюбивъ пороки погибельные... Эти же доспѣхи лукаваго вооруженія, которые такъ любы побѣждаемымъ, и которыми снабдила свое войско царица погибели, суть слѣдующіе: Первый доспѣхъ—лукавое мудрованіе, поверхъ лукавства самомнѣніе; поверхъ самомнѣнія гордость; поверхъ гордости самообоженіе, поверхъ самообоженіе краситъ безпечность; поверхъ безпечности человѣкоугодіе; поверхъ человѣкоугодія зависть; поверхъ зависти злоказненность; поверхъ злоказненности—гнѣвъ; поверхъ гнѣва—вражда; поверхъ вражды—враждоборство; поверхъ враждоборства—злорадство; поверхъ злорадства—злопомнѣніе; поверхъ злопомнѣнія—помраченіе; поверхъ помраченія—безстрашіе къ Богу; поверхъ его дерзость; поверхъ ея—непокорство: поверхъ непокорства хула—ложь и осужденіе; поверхъ осужденія—оклеветаніе; далѣе—мстительность,—дабы такъ благодарили монахи Царицу Спасенія за постройку имъ 24-хъ башенъ! Вотъ какъ вооружила царица погибели сими доспѣхами лукавства, свои войска, пославъ ихъ на брань, чтобы отомстить Царицѣ Спасенія за постройку 24-хъ башенъ, построенныхъ Ею ради чистоты монашеской жизни...

ГЛАВА XVII.

Прельстившихся любостяжаніемъ царица погибели уловляетъ въ слѣдующія сѣти.

Такъ какъ нынѣ изгнали Царицу Спасенія и стали покланяться царицѣ погибели, власть царицы погибели обрѣла себѣ теперь обиталище въ Удѣлѣ Спасенія, гдѣ раньше ей мѣста не было; она старается сдѣлать отмщеніе въ противность Царицы Спасенія, т. е. настолько сдѣлать Удѣлъ погибельнымъ, насколько онъ былъ раньше спасительнымъ. Она роздала своему войску орудія, чтобы они съ корнемъ вырывали семь посѣвовъ монашеской жизни и цвѣтъ спасенія, т. е. истребили-бы подвижничество и прозябающія отъ него добродѣтели. Тогда пріяли всезлѣйшіе воины отъ царицы погибели орудія разврата, устремившись, подобно бѣшенымъ псамъ, противъ семи посѣвовъ, чтобы истребить ихъ и

искоренить плодовыя дерева... Дѣйствуютъ безсильные на пятинервіе, т. е. на пять тѣлесныхъ чувствъ человѣческихъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе; надъ осязаніемъ получаютъ они власть съ лукавящимъ своимъ оружіемъ разврата, стремясь къ тому, чтобы этимъ пятинервіемъ монахи дѣяли-бы беззаконіе и уклонялись въ семь родовъ разврата; говоримъ: невоздержность, прелюбодѣйство, блудъ, растлѣніе цѣломудрія, малакію, мужеложство, кровосмѣшеніе. — Этимъ будутъ иноки побѣждаться вслѣдствіе того, что увлекаются многимъ помраченіемъ ума и многосуетностію житейскихъ попеченій. Помраченіе заботы довело васъ до преданія себя тмѣ и сѣни смертной. Вы пребываете во мракѣ, а враги во тмѣ разставили разныя ловушки, чтобы побѣждать васъ безъ всякаго боеваго оружія, захватывая какъ лису въ капканъ. Каждая ловушка имѣетъ свою приманку; приманки ловушекъ суть сіи: тщеславіе, суета, малодушіе, жестокосердіе, отчаяніе и убійство. Приходятъ всезлѣйшіе каждое утро, провѣряютъ свои капканы, и находятъ каждую ловушку наполнившеюся старцами, священномонахами и священниками...

Увидавъ такую ловитву, всезлѣйшіе удвоили ловушки, и эти ловушки наполнились. Они стали ухитрятся, ловить еще другими хитростями: клятвопреступленіемъ, хищеніемъ, лестью, сребролюбіемъ, безжалостностью, рвеніемъ, обидами. Опять приходятъ всезлѣйшіе, и видятъ свои ловушки наполненными калогерами, іереями, и священномонахами... Подивились всезлѣйшіе, какъ легко попадаются монахи въ эти ловушки!..

Еще устроили ловушки, сдѣлали ихъ еще больше, наложили въ ловушки отборныхъ приманокъ; въ этихъ ловушкахъ суть слѣдующія 12 приманокъ суеты, и похотей плоти: разно-наряженіе, т. е. многоукрашеніе жилищъ, одеждъ и т. п., — похоть гордости; разно-попеченіе—похоть чрева; разнозабота—похотѣніе сокровиществованія; разнотрапезованіе—похотѣніе несытства; разноснѣдіе—похотѣніе обжорства; разно-виніе — хотѣніе блуда *).

Человѣкъ, когда старается украшать свое монашеское жилище деревьями разнообразныхъ сортовъ, то красота деревъ такъ обольщаетъ человѣка, что ему кажется, при воззрѣніи на плоды деревъ, что дерева сіи прекраснѣйшіе, что онъ находится въ земномъ раю; такъ упускаетъ обольщенный изъ вида прекраснѣйшія истинныя блага. Ради сего говорю вамъ, украшеніе древесное, т. е. увлеченіе подвижниковъ древонасажденіемъ, есть преступленіе; сокровиществованіе есть похоть сребролюбія, которое есть корень всѣхъ золъ. (I Тим. 6, 10).

---

*) Т. е., отъ увлеченія виномъ недалеко уже и до блудныхъ помысловъ!

ГЛАВА XVIII.

Какъ въ первыхъ ловушкахъ оказались одни начальствующіе и ни одного послушника, и какъ для послушниковъ врагъ изобрѣлъ приманку непокорства. Сравненіе трудности уловленія послушника съ трудностію поймать морского угря.

Снова приходятъ всезлѣйшіе, провѣряя по обыкновенію три рода своихъ ловушекъ, видятъ что въ ихъ ловушки попадаютъ люди съ еще большею охотою чѣмъ прежде; однако замѣчаютъ, что въ этихъ различныхъ и разнообразныхъ ловушкахъ нѣтъ ни одного послушника, всѣ же захваченные въ ловушки, суть главонствующіе, говоримъ — своевольники, живущіе по волѣ своей, которые слушаются лишь самихъ себя, и чрезъ это захватываются въ ловушки вражіи.

Видитъ всезлѣйшій врагъ, что нѣтъ ни одного покоряющагося послушника внутри ловушекъ, и вотъ хочетъ онъ захватить, хотя бы одного какого нибудь покоряющагося послушника, хочетъ также страстно, какъ страстно желаетъ рыбакъ уловить рыбу, которая называется морскимъ угремъ. Рыбакъ смотритъ въ свои разныя сѣти, видитъ въ нихъ разнаго рода рыбъ, но морского угря нѣтъ. Рыбакъ вытряхиваетъ свои сѣти и кладетъ въ нихъ приманку по вкусу морскаго угря; видитъ морской угорь любимую свою пищу и спѣшитъ къ ловушкѣ, не вѣдая несчастный, что въ ловушкѣ та снѣдь коварная; пробуетъ пищу, что добра она на вкусъ, располагается надъ сѣтью несчастный угорь, чтобы ѣсть ее; когда же онъ ѣстъ (приманку), сѣть подымается и попадается въ нее сей угорь. Когда рыбакъ будетъ брать угря въ свои руки, какая у него должна еще произойти страшная борьба, чтобы удержать окончательно угря въ лодкѣ своей, ибо, во-первыхъ, боится онъ, чтобы угорь не выскользнулъ и не убѣжалъ; во-вторыхъ, боится, какъ бы угорь его не укусилъ; посему рыбакъ придумываетъ, какимъ способомъ умертвить угря; говоримъ: погубить послушника. Такимъ же образомъ и всезлѣйшее воинство охотится, чтобы обрѣсти таковую ловитву. Глядятъ они въ ловушки, и видятъ, что нѣтъ въ нихъ ни одного покоряющагося послушника; тогда раскидываютъ враги сѣти въ различныхъ мѣстахъ, и кладутъ особыя приманки по вкусу послушниковъ. Приманки же эти суть слѣдующія: первое хитро-ядіе (или страшный ядъ) есть прекословіе, приманка его преслушаніе (т. е. вызывается оно желаніемъ не исполнять того, что говорятъ); во-вторыхъ есть дерзость, приманка ея —любопреніе; третья ловушка есть—тайнояденіе, приманка ея есть—ложь; четвертая ловушка—наряженіе, (прихорашиваніе себя), приманка ея есть—блудъ; пятая—самомнѣніе, приманиваетъ въ нее

гордость; шестая—мечтательная праведность (т. е. мечты о подвижничествѣ гдѣ-либо въ дикой пустынѣ, или иное мечтательное мнѣніе о себѣ, влекущее послушника покинуть своего старца); приманка же его—непостоянство; седьмая – притворство, приманка ея – неправедность (т. е. желаніе скрыть свои пороки); восьмая—нерадѣніе, приманка ея—отчаяніе; девятая ловушка—лѣность, приманка ея—ожесточеніе; десятая ловушка—невниманіе къ себѣ, приманка ея—оговоръ (другихъ); одиннадцатая—самомнѣніе; двѣнадцатая приманка—сребролюбіе.

Видитъ несчастный послушникъ такую снѣдь, идетъ внутрь сѣти, пробуетъ снѣдь, подходящую къ его природной склонности и говоритъ: хороша сія снѣдь; онъ подбираетъ ее, садится надъ сѣтью вражескою, чтобы поѣсть той снѣди; когда же сидитъ и ѣстъ сію снѣдь, сѣть поднимается и несчастный попадается; другой подчиняющійся послушникъ, увидавъ, какъ тотъ со вкусомъ ѣлъ снѣдь, рѣшается тоже пойти въ другую ловушку, и тоже попадается въ сѣть вражію. Видитъ третій, какъ сидятъ они въ ловушкахъ и кушаютъ снѣди, идетъ тогда сей поѣсть снѣди, и тоже попадается. Эти всѣ несчастные послушники—уловившіеся въ сѣть вражію, мнятъ, что они пребываютъ въ своемъ истинномъ духовномъ устроеніи.

Видятъ всезлѣйшіе враги, какъ прельстились и прельщаются нынѣ всѣ послушники, попадаясь въ ихъ сѣти, смотрятъ всезлѣйшіе воины, какъ бы взять ихъ въ руки, но боятся, чтобы, когда будутъ вынимать ихъ изъ сѣти, они не убѣжали; говоримъ: боятся, какъ бы они не покаялись; опять же боятся, какъ бы они не укусили ихъ, потому что зубы послушниковъ ядовиты для демоновъ болѣе, нежели другіе зубы человѣческіе; ядовиты также, какъ ядовитъ коготь кота для змѣи. Какъ змѣи боятся котовъ, такъ бѣсы боятся послушниковъ; говоримъ: боятся, какъ бы не призвали они старца своего на помощь, и предстательство старца не помогло бы послушнику, подобно Павлу (Препростому), который, призвавъ молитвенно старца своего преподобнаго Антонія, исцѣлилъ болящаго. Молитвенное призываніе послушникомъ имени старца есть сильнѣйшее оружіе на бѣсовъ. Но за каковыхъ послушниковъ предстательство старцевъ угодно предъ Богомъ? Не за тѣхъ которые лукавы, не за тѣхъ, которые непослушны, но за тѣхъ добрыхъ послушниковъ, которые слушаются съ расположеніемъ простымъ и добрымъ. Ибо говорится: „ублажи Господи благоволеніемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны Іерусалимскія“ (Пс. 50, 20). (Подъ Сіономъ подразумѣвается сердце истаго Израильтянина, въ немъже льсти нѣтъ). Для такихъ, нелукавыхъ, добрыхъ послушниковъ призываніе молитвенное имени старца есть жертва благоугодная предъ Богомъ, подобно жертвѣ нелукаваго Авеля; наоборотъ, молитва безчувственныхъ, непослушныхъ, лукавыхъ послушниковъ есть мерзость предъ Богомъ, подобная лукавому призыванію Каина. Ради этого и стараются

всезлѣйшіе возгосподствовать надъ чувствомъ послушника, т. е. надъ чувствомъ покорности старцу, чтобы послушники стали безчувственными, чтобы забыли о послушаніи. Такъ нынѣ и дѣлаютъ всезлѣйшіе съ отдавшими себя въ послушаніе послушниками, стремясь возобладать надъ ними чрезъ искусныя сѣти непокорства, чтобы не покорялись они подъ благословенное Богомъ послушаніе.

ГЛАВА XIX.

Врагъ старается развратить начало послушанія послушника. Вина старцевъ. Уподобленіе нынѣшнихъ легко-ловимыхъ послушниковъ съ раками, а старцевъ, теряющихъ послушниковъ, съ матерями похищенныхъ дѣвъ.

Враги стараются для господства своего надъ послушниками, полагающими начало, напаять ихъ лукавствомъ и зельемъ безчувствія съ обольстительной лжицы путей непокорства; цѣль же всезлѣйшихъ та, чтобы не чувствовали люди, каковъ путь послушанія, т. е. врагъ старается извратить этотъ скорѣйшій путь къ духовному совершенству и полученію благодати, (самоотверженное послушаніе), стремится сей путь сдѣлать безплоднымъ и тѣмъ погубить основаніе всего монашества.

Если удастся врагу загасить въ монашествѣ чувство путей послушанія, такъ чтобы не чувствовали послушники, что такое есть послушаніе, тогда будетъ удобенъ доступъ къ нимъ всезлѣйшаго войска и возгосподствованіе его надъ чувствомъ монашеской жизни. Если бѣсы возгосподствуютъ надъ чувствомъ послушниковъ, такъ что не будутъ послушники чувствовать спасенія своего, т. е. не будутъ больше сознавать, что послушаніе есть ихъ спасеніе и не будутъ поэтому покоряться, то у слѣдующаго поколѣнія никого не будетъ пригоднаго путеводить ихъ по пути спасенія, т. е. не окажется ни одного старца, чтобы руководить и воспитывать новоначальныхъ въ покорности; всѣ тогда будутъ шествовать путемъ погибели. Ибо, кто предалъ себя въ послушаніе старцу, который самъ былъ непокорнымъ и не слушался, самъ сдѣлалъ себя старцемъ, принявъ послушника, (будучи недостоинъ званія старца), таковой будетъ путеводиться симъ старцемъ лишь на погибель.

Видитъ послушникъ вкусную приманку погибели,—оставляетъ послушаніе и идетъ въ сѣть, чтобы поѣсть снѣди, которая понравилась ему на вкусъ. Когда же войдетъ въ ловушку и сядетъ, чтобы поѣсть, во время вкушенія снѣди сѣть поднимается, а послушникъ попадается, подобно раку! (Обращаемъ вниманіе читателей на сравненіе прежнихъ послушниковъ съ опасными для рыбаковъ угрями, а нынѣшнихъ съ ра-

ками). Спрашиваю васъ, когда попадется послушникъ въ сѣть всезлѣйшаго, какого только рода мученіями ни замучаетъ его коварный врагъ, ловецъ?!

Посему и стараются всезлѣйшіе одолѣвать послушниковъ, чтобы истребить (растлить) дѣвство послушанія, т. е. дѣвственность души истинныхъ послушниковъ, чтобы легко истребить и дѣвственность монашеской жизни. Тогда не трудно будетъ воцариться царицѣ погибели, потому что путеводители сами будутъ погибельные, будутъ руководить въ погибель, ревнуя о томъ, чтобы никогда не обезчадивалась царица погибели.

Почему же такъ стремятся бѣсы уловлять новоначальныхъ? Сіе подобно тому, какъ въ блудилище не принимаются какія ни попало женщины, но, принимаются преимущественно, юныя дѣвственницы, чтобы въ самомъ блудилищѣ растлить дѣвство ихъ, такъ чтобы потомъ онѣ никакого мѣста не вѣдали, кромѣ того блудилища.

Такъ и нынѣ послушники поруганы своимъ погибельнымъ прехожденіемъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного старца къ другому, ради всезлѣйшаго прекословія и непокорнаго преслушанія.

Скажете: у дѣвушки, которую заманили въ блудилище, развѣ не было отца и матери? какъ допустили они ее до блудилища?—Ей, были отецъ и мать, но сами дѣвицы выходятъ изъ дому и ихъ совращаютъ. Совращены же онѣ были слѣдующимъ образомъ: бѣсъ преображается, принимаетъ видъ пріятной женщины, приходитъ въ домъ съ ласковымъ лицомъ, чтобы прельстить; обманчивымъ и льстивымъ разговоромъ своимъ женщина прельщаетъ матерь дѣвицы; сначала говоритъ льстивыя слова самой дѣвицѣ: „въ такой-то части города праздникъ и торжество, я возьму туда свою дѣву и пойду, а ты, если желаешь, иди съ нами вмѣстѣ; вмѣстѣ потомъ и назадъ придемъ“.—Дѣвица, услыхавъ эти слова отъ развращенной женщины, сообщаетъ ихъ матери, но мать не пускаетъ ее идти; та, проклятая женщина стоитъ снаружи внѣ дома; дѣвица ей говоритъ: „меня не отпускаетъ мать моя“. Проклятая женщина говоритъ дѣвѣ: „а если я попрошу мать твою и она пуститъ тебя, то пойдешь-ли со мной?“ Пойду!—говоритъ. И подымается она, (т. е. сводня), въ домъ матери; съ великою хитростью обольщаетъ ее, а та отдаетъ дѣву свою проклятой женщинѣ, не вѣдая того, что она бѣсовская прелестница... Идетъ проклятая женщина, предаетъ дѣву въ блудилище, дѣва тамъ остается и не знаетъ, куда ей итти, послѣ того, какъ столь горестно пала... Матерь же ищетъ ее, терзаясь о томъ, что потеряла дочь свою... Что плачешь, жено? Почему не держала при себѣ въ домѣ дѣвы твоей? Не вѣдала развѣ, что, въ противномъ случаѣ, постигнетъ тебя такая бѣда? Видишь, какъ мать по отсутствію бдительности теряетъ чадо свое?

Такъ бываетъ и у нынѣшнихъ монаховъ съ послушниками; послушники прельщаютъ старцевъ своихъ разнообразною лестью, льстивымъ, лукавымъ смиреніемъ, такъ что старцы побѣждаются и даютъ властительскую волю послушникамъ своимъ. Дѣло дошло до того, что нынѣ послушники властвуютъ надъ силою своихъ старцевъ...

ГЛАВА XX.

Ласкательство старцевъ и презорство послушниковъ. Погибель монашеству, когда ноги станутъ головою, а голова ногами.

Послушникъ съ великимъ презорствомъ не уважаетъ своего старца; послушникъ требуетъ смиренія отъ старца, чтобы старецъ смирялся предъ послушникомъ. Старецъ ищетъ отъ послушника сочувствія, (чтобы послушникъ симпатизировалъ своему старцу), послушникъ же ищетъ отъ старца послушанія, чтобы старецъ слушался его, послушника. Видитъ старецъ такое повелительство послушника, видитъ, съ какою своеправностью послушникъ повелѣваетъ старцемъ, плачетъ и скорбитъ о погибели, которою погибаетъ послушникъ... Что плачешь старче-поддѣльный? Ты не подтягивалъ своего послушника сначала, какъ то дѣлаютъ старцы истинные, неподдѣльные; ты далъ ему власть, славу и честь,—чего же нынѣ плачешь? Какая польза теперь отъ слезъ твоихъ? Не зналъ развѣ, что отъ сего тебѣ будетъ такое плачевное страданіе? И не одинъ ты только такъ пострадалъ, но всѣ почти тѣ старцы, которые дали волю своимъ послушникамъ. Какъ ты плачешь, такъ плачутъ почти всѣ старцы.

Изъ этого можешь понять, на какую степень стала нынѣ жизнь монашеская.

Нѣкто вопросилъ одного старца и сказалъ: „что есть конецъ монашеской жизни, отче?"—Онъ же сказалъ: „Когда сдѣлается голова ногами, а ноги сдѣлаются головой, тогда разумѣвай начало конца монашеской жизни".—Видишь-ли, что произноситъ тебѣ старецъ сей съ мудрымъ своимъ отвѣтомъ?

И еще послушайте: древніе отцы не имѣли между собой никакой лжи; когда кто сомнѣвался въ чьихъ словахъ, то, чтобы ему повѣрили, онъ говорилъ только сіе: „если я сдѣлаю это, то да будетъ часть моя съ частію монаховъ послѣдняго восьмого вѣка". Другіе, слыша сію рѣчь, говорили: „зачѣмъ такое слово, не жалѣешь развѣ души твоей, что такое слово произносишь?"—Видишь, какъ прежніе старцы отрекались отъ такого нынѣшняго состоянія безчувственнаго, которымъ растлили вы свое чувство, какъ растлѣвается дѣвственность дѣвы въ блудилищѣ, и стали нечувственными... Нынѣ еще не наступило время послѣднихъ мо-

наховъ, но уже идетъ къ сему начало. Нынѣ осень, а тогда будетъ зима; послѣ же сего будетъ еще болѣе лютая зима... Нынѣ монашеская жизнь погубляется, а тогда погибнетъ; послѣ сего на языкѣ отъ монашеской жизни останется одно только имя, какъ воспоминаніе.

Итакъ, кто находится въ монашествѣ, но презрѣлъ монашескую жизнь (т. е. подвижничество), тотъ идетъ въ рѣку огненную; кто же пребываетъ въ воздѣлываніи монашеской жизни, т. е. подвизается бодрственно и неослабно, тотъ славою и честію увѣнчанъ будетъ...

ГЛАВА XXI.

Притча о двухъ молодицахъ, первой и послѣдней.

Послушайте, священники, священномонахи и вы досточтимѣйшіе монахи! Зачѣмъ погубляете вы свою монашескую жизнь. Послушайте, какимъ тлѣніемъ, т. е. изъ за чего именно растлѣваетесь вы, такъ что становитесь погибшими для спасенія своего и непогибающими для беззаконія:

Въ одномъ единомысленномъ городѣ были двѣ молодицы, у двухъ молодыхъ мужей; одна называлась «Первая», другая «Послѣдняя»; обѣ онѣ были чревоносящія, но одна сохранила себя, такъ что младенецъ остался невредимъ, прозвался «Спасенный», потому что мать спасала его осторожностью своею. Другая тоже была чревоносящей, но положенія своего не уберегла, по неосторожности младенца выкинула; стала беременной вторично и тоже выкинула. Такъ она и оставалась неплодной по своей нерадивости.

Спрашиваю я васъ, какой успѣхъ можетъ быть младенцу, т. е. какая надежда на благополучное рожденіе младенца на свѣтъ, матерь котораго, сдѣлавшись беременной и нося его во чревѣ, всецѣло предается плотскимъ развлеченіямъ? Отчего одна плодъ свой донашиваетъ, другая не донашиваетъ и удержать не можетъ? Послушайте сіе.

Обѣ молодицы стремятся плодоносить, намѣреніе у обѣихъ одинаковое, но одна постаралась, т. е. все стараніе приложила къ тому, чтобы прозваться матерью, у другой-же стараніе не къ тому, чтобы звали ее матерью, а къ тому, чтобы звали домохозяйкой. «Первая» не старалась и не желала того, чтобы прозывали ее домохозяйкой. «Послѣдняя» же усердно принялась за правленіе домохозяйствомъ, посему и прозвали ее домохозяйкой, матерью-же ее никто не прозывалъ, потому что, погрузившись въ суету, она умертвляла младенцевъ своихъ и была недостойна имени матери. Подобно сіе дереву, которое, если будетъ имѣть завязь плода своего, но, осуетившись начнетъ выпускать побольше побѣговъ на вѣтвяхъ своихъ, то скинетъ плодъ свой; дру-

гое-же дерево не желаетъ выказывать отростковъ своихъ, а усиливаетъ свое плодоношеніе, и вмѣсто побѣговъ приноситъ прекрасный плодъ; кто видитъ дерево, тотъ ублажаетъ его ради обильнаго плода.

Кто-же суть двѣ молодицы?! Прежніе и теперешніе отцы. Скажемъ сначала о прежнихъ преподобныхъ отцахъ, а потомъ разберемъ нынѣшнихъ.

Единомудренный городъ есть гора Аѳонъ, одинаково православный, какъ раньше такъ и теперь; двѣ юныя молодицы суть человѣческое спасеніе; та, которая называется «Первой»—есть первые отцы, т. е. ихъ спасительный образъ жизни; «Послѣдняя» молодица есть нынѣшняя жизнь отцевъ; обѣ молодицы зачали во чревѣ, оба монашества, древнее и нынѣшнее, благое имѣли намѣреніе спасенія, но первые отцы блюли себя въ положеніи своемъ отъ земныхъ суетъ, удержали спасеніе свое неповрежденнымъ, спасали спасеніе свое, какъ мать чадо свое, т. е. весьма дорожили спасеніемъ своимъ. Другіе отцы тоже были чревоносящими, говоримъ, зачавшими спасеніе, спасаемыми, но не хранились они въ положеніи своемъ отъ земныхъ предметовъ, а посему не возмогли уберечь своего спасенія, подобно женщинѣ, выкидывавшей младенцевъ и сдѣлавшейся дѣтоубійцею.

Дерево осенью теряетъ свои плоды, а нынѣшніе монахи теряютъ монашескую жизнь вмѣстѣ со спасеніемъ своимъ; изгоняютъ Царицу Спасенія и вожделѣваютъ царицу погибели. Возгнушались несчастные Царицею Спасенія ради вожделѣнія, которое имѣютъ къ царицѣ погибели, дабы воздѣлывать волю ея, дабы показывать любовь къ царицѣ погибели и изгонять Царицу Спасенія... Воля-же царицы погибели есть та, чтобы люди воздѣлывали все то, что противно Царицѣ Спасенія, то-есть: похотѣніе плоти, упокоеніе тѣла съ плотскимъ вожделѣніемъ, похоть разноукрашенія для развитія страсти блудной, увлеченіе разно-здательствомъ, много-суетствомъ, многопопечительностію, разно-озабоченностію, разно-трапезованіемъ, разно-снѣдіемъ, разно-виніемъ, разно-древіемъ, разно-садіемъ, разно-услажденіемъ, разно-сокровиществованіемъ.

Сего домогается царица погибели и сіе ненавистно для Царицы Спасенія.

Сими любодарствіями любоодаряютъ люди царицу погибели, сіи дѣла суть тѣ противности, которыя творятъ люди, противоборствуя Царицѣ Спасенія...

ГЛАВА XXII.

Какъ Царь удѣлилъ градъ Царицѣ Матери Своей. Измѣна гражданъ.

Царь царствующихъ устроилъ для насъ крѣпость страшную и неприступную, а царствовать надъ нею и надъ окрестностями ея поставилъ Матерь Свою. И возсѣла Матерь Царя на престолѣ крѣпости той; бояре крѣпости приходили покланяться Царицѣ, и вся крѣпость вмѣстѣ съ окрестностями возрадовалась владычеству ея, ибо не возставала никогда другая, подобная ей, Царица, ниже есть, ниже будетъ. Ради этого возлюбилъ Ее весь градъ вмѣстѣ съ окрестностями. Видитъ Царь окомъ Своимъ и слышитъ слухомъ Своимъ, что всѣ люди крѣпости полюбили съ окрестностями Матерь Его; тогда послалъ Онъ свыше помощь граду сему и прислалъ царскія граматы, чтобы не подвергаемъ былъ градъ соблазну, пока тамъ находится Матерь Его. Но слѣдующее поколѣніе людей начало снисходить въ погибель погибели; снизошли мало-по-малу до того, что изгнали Царицу, Мать Цареву изъ градскихъ крѣпостныхъ стѣнъ такимъ образомъ:

Прослышали люди града о томъ, что есть одна сильная женщина, женщина, угодная ихъ погибельному и злому нраву, послали ей тайно грамату, призывая ее на царство; послѣ многихъ писемъ, которыя посылали ей, принудили они ее къ тому, что она пришла. И возсѣла на престолѣ сія царица, блудница, развратная женщина и воцарилась. Изгнали тогда высшую всѣхъ Царицу, Мать Небеснаго Царя, Которая была и есть одна жена Святая, чистѣйшая, премудрѣйшая, благая, благословенная, преблагословенная, и благодатная.

Видитъ всеблажайшая Царица и Хранительница града сего, что изгнали ее люди городскія съ царскаго престола, сдѣлавъ своей царицей другую, жену злонравную, превратную отступницу, развратную, обидчицу, хищницу, лгунью, недостойную и проклятую, имѣющую на себѣ всѣ виды зла, видитъ, что посадили сію треклятѣйшую на престолъ царскій, говоримъ: на престолъ жизни монашеской;—долготерпѣла и долготерпитъ Всесвятая Царица, убѣжище града и Покровъ, не раскаются-ли люди града и не прибѣгнутъ ли въ покаяніи къ Ней, чтобы раскаяться. Ибо милосердая Царица—жалѣетъ градъ сей, который былъ градъ благодатный, нынѣ-же есть градъ беззаконнующій; говоримъ: жалѣетъ удѣлъ Свой, который былъ удѣломъ для спасенія человѣческаго, а нынѣ сталъ удѣломъ для погибели его.

Вопрошаю я васъ, священники, священномонахи и вы досточтимѣйшіе монахи! Когда въ городѣ сойдутся двѣ царицы, будутъ-ли онѣ обѣ царствовать или воцарится одна лишь изъ нихъ? — ясно, что будетъ цар-

ствовать одна, но которая, прежняя-ли царица, или вновь приглашенная?—Царствовать будетъ приглашенная. Когда-же воцаряется вновь призванный царь, что остается дѣлать прежнему? Удаляется-ли онъ изъ града или нѣтъ? Ясно, что удалится онъ изъ града сего. Но, когда удалится Всесвятѣйшая Царица Спасенія, придетъ къ Сыну Своему, и Онъ увидитъ, что пришла Матерь изгнанная изъ царства Своего, тогда не разгнѣвается ли Онъ на градъ сей и не разоритъ-ли стѣны городскія?

О, несчастные граждане, говоримъ: Святогорцы, какимъ разореніемъ разоритъ Царь стѣны града сего?!

О, несчастные граждане! какой страшный слухъ о градѣ семъ прослышится до концевъ вселенной и изсохнутъ рѣки, которыя текутъ во градъ сей, (т. е. милостыни отъ христолюбивыхъ міряпъ).

О, несчастные граждане! какой набѣгъ нашлетъ Царь на градъ, сей, да поругаются надъ градомъ симъ!

О, какъ попранъ градъ сей по коварству царицы погибели!

О, какія художества, т. е. тонкія козни, устроила и возгосподствовала надъ градомъ симъ, треклятѣйшая царица погибели!

ГЛАВА XXIII.

Плачъ Преподобнаго Нила о Святой Горѣ и воззваніе къ праотцамъ.

О, несчастные Святогорцы! что это за бѣдствіе постигло васъ? Вы уязвились стрѣлою лука, отъ каковой стрѣлы душа ваша стала, какъ прокаженная, вы уязвились многозаботливымъ попеченіемъ! Какъ могли вы предпочесть блудницу, женщину развратную и уничижить путь спасенія, тотъ путь спасенія, который открыли вамъ праотцы?!.

Востаньте, вселенскіе Праотцы, просіявшіе въ монашеской жизни, какъ добрые воины, Амалика, побѣдившіе, въ бѣгство его обратившіе, и съ толикимъ трудомъ и пóтомъ путь монашеской жизни открывшіе!.. Востаньте всѣ праотцы, монашеской жизни свѣтомъ сіявшіе, да видите, что стало на Аѳонѣ съ монашеской жизнію.

Востаните, праотцы, аскетовъ похвала! (т. е. постники здѣсь подвизавшіеся).

Востаните, праотцы, древнихъ покой!.. (т. е. безмолвники).

Востаньте, праотцы, хотящихъ спасенія, отцы! (т. е. мудрые старцы наставники).

Востаньте, праотцы, общежитій миръ! (т. е. киновіархи).

Востаньте, праотцы, пустынниковъ воздержаніе, т. е. терпѣливо-душные пустынники, дѣвства главизна, т. е. предстоятели лика дѣвственниковъ, сокрушившіе семиглаваго дракона беззаконія!..

Востаньте нынѣ, всѣ праотцы, чтобы увидѣть вашихъ потомковъ, какъ они оживляютъ и воскрешаютъ семиглавое беззаконіе погибельною многосуетностію!..

Востань, отче Афанасіе, и вирждь потомковъ твоихъ, какъ погубили они руководство твое спасительное, и отстранились отъ заповѣди, которую ты передалъ имъ, отстранились отъ пути спасенія, пути покоя, пути мира, стали на путь безстрашія, смущенія, которымъ смущаютъ другъ друга, говоря· „что еси ты, и что есмь азъ? ."—какъ-будто не твои они потомки, какъ-будто не твои они чада, сіи дѣтоубійцы, убивающіе чадъ спасенія и воскрешающіе чадъ погибели!..

Востани, преподобне Петре, Богоугодно монашествовавшій пустыннымъ подвигомъ, пустынный цвѣтъ пещеръ спасенія, подобно бисеру, носившій, (т. е. великое сокровище въ сердцѣ стяжавшій и неокраденно носившій). Востань, чтобы видѣть сподвижниковъ твоихъ, которымъ ты открылъ этотъ путь спасительнаго подвига; востани и виждь, сіе житіе, таково-ли оно есть, какимъ ты передалъ его имъ? Или не осталось отъ того нынѣ и слѣда?

Похвала подвижниковъ, жизнь пустынная, горѣ возносящая Божественнымъ желаніемъ, любовію благодатною окриляющая... говоримъ, осталась-ли нынѣ подобная жизнь и ублажается-ли она нынѣ?—Нынѣ презрѣли таковую жизнь,—и презрѣлось монашество; обезчестили ее—и оно само обезчестилось.

ГЛАВА XXIV.

Что значитъ имѣть Божественное желаніе, горѣ возносящее любовію окриляемыхъ.

Любовью окриляется тотъ, кто воздѣваетъ руки горѣ, возносясь горѣ желаніемъ небесной жизни. Это тотъ, кто поднимаетъ руки свои отъ земныхъ вожделѣній, вознося ихъ къ небу, дабы служить небеснымъ, а не земнымъ. Кто ведетъ жизнь монашескую съ вожделѣніемъ небесныхъ утѣшеній, въ томъ почиваетъ любовь благодатная, окриляя его какъ крыльями, и онъ возлетаетъ сими крилами благодатной любви къ Богу; уносясь отъ земныхъ вещей, становится земнымъ Ангеломъ, подобно преподобной Маріи.

Но къ подвигу преподобной Маріи нынѣ люди относятся, какъ къ баснословію. Нынѣ почитаютъ подвигъ преподобной Маріи якобы неосуществимымъ, не вѣрятъ, что такой подвигъ возможенъ для любви окриляемаго, съ вожделѣніемъ подвизающагося и душею просвѣщеннаго.

Скажете: почему думаешь ты, что мы считаемъ сіе за баснословіе?—Что вопрошаете о семъ? Если-бы вы не почитали сіе за баснословіе

и болтовню, то какъ могли-бы тогда поступать столь противно, вопреки благодатному пути подвижничества? Отчего-же презрѣли вы путь монашеской жизни, какъ не изъ за невѣрія вашего, умертвили въ себѣ смиреніе, воскресили гордость, обольстившись приманкой непокорства, изъ за которой перестали покоряться пути монашеской жизни, добровольно пригвоздились гвоздемъ кичливости къ скалѣ погибельной суеты, плѣнившись въ любостяжаніе, хищеніе, ложь, неправду, убійство, гнѣвъ, враждованіе, неблагодарность, осмѣяніе, немилосердіе, сребролюбіе, которое иначе называется идолопоклонствомъ...

ГЛАВА XXV.

Отъ плѣненія любостяжаніемъ возжигаются блудныя страсти: сластолюбіе, человѣкоугодіе и лицемѣріе.

Отъ плѣненія любостяжаніемъ возжигаются блудныя страсти; говоримъ: сваленіе, малакія, мужелоство, мужестрастіе, и прелюбодѣяніе.

Эти развратныя страсти въ свою очередь возжигаютъ страсти обжорства, сластолюбія, похвальбы содѣяннымъ зломъ, прожорливость, тайнояденіе и проч. Человѣкъ впадаетъ въ развратъ, грязнитъ цѣломудріе, становится рабомъ всяческихъ страстей.

Зло терпятъ не только тѣ, которые на дѣлѣ предаются любостяжанію, но причастны бываютъ зла и тѣ, которые въ тайнѣ ума своего воздѣлываютъ таковые грѣхи. Отъ пристрастія къ земному вы впадаете въ человѣкоугодливость, лицемѣріе, фарисейскую похвальбу, заботу о своей наружности, украшаете себя со внѣ рясами, чтобы казаться якобы и на самомъ дѣлѣ ведущими монашескую жизнь... Внутри-же вы исполнены смрадомъ зловонія по винѣ вещей земныхъ, т. е. ради пристрастія къ нимъ.

ГЛАВА XXVI.

Горе старцамъ, у которыхъ ведутъ себя развратно подчиненные имъ послушники.

Нынѣ и среди послушниковъ находятся такіе, которые съ безстрашіемъ воздѣлываютъ пагубныя блудныя дѣянія, дѣянія мужеложцевъ. Есть нынѣ и среди новоначальныхъ таковые.

Горе старцамъ, у которыхъ состоящіе подъ ихъ началомъ юные имѣютъ промежъ себя таковое дѣяніе, а старцы не увѣщеваютъ ихъ объ исправленіи!..

Кажется, сами старцы имѣютъ пристрастіе къ своимъ юнымъ, а потому и не желаютъ исправлять ихъ... О, несчастные старцы, вы слышите слухомъ вашимъ, видите окомъ вашимъ, что между какими-либо двумя братіями развивается прелестная дружба, но не дѣлаете премѣненія ихъ прелестному согласію, т. е. не разлучаете ихъ, или не изгоняете развращающаго, чтобы исправить таковое беззаконіе и освободить послушниковъ вашихъ отъ ига людей развратныхъ, сваливающихся подобно свиньямъ между собою и увлекающихъ ихъ въ пути мужеложства, въ такой пламонь огненный, отъ котораго даже бѣсы трепещутъ!..

Хотя бѣсамъ и свойственно соблазнять естество человѣческое въ страсть мужеложственную, но когда эта треклятая грязь мужеложства начинаетъ совершаться между людьми, тогда и бѣсы трепещутъ, ибо бѣсовъ ужасаетъ страшная мука, которая уготована за сіе дѣяніе, бѣсы боятся, какъ-бы за соблазненіе въ сей грѣхъ не заключили и ихъ туда.

ГЛАВА XXVII.

Убѣжденіе хранить цѣломудріе и остерегаться пристрастія къ юнымъ.

О, преподобнѣйшіе священники, священномонахи и вы досточтимѣйшіе монахи, находящіеся здѣсь въ честномъ спасительномъ сосудѣ! почему не держите въ себѣ спасительной чистоты и цѣломудрія, но обрѣла мѣсто среди васъ нѣкая нечистота мужеложственная? (Слѣдуетъ замѣтить, что подъ нечистотой мужеложственной подразумѣвается не только самое мужеложство, но и сердечное пристрастіе одного брата къ другому или преувеличенная взаимная симпатія, распаляемая врагомъ, что относится къ нечистотѣ мужеложства, ибо все это есть зародышъ противуестественной страсти); увы, кто свободенъ отъ этой брани, называемой древними отцами „страстію постыдной!“ (см. Авву Дорофея).

Слѣдуетъ остерегаться и сего перваго пристрастія [1]), доводящаго до страшнаго грѣха, отъ котораго трепещутъ бѣсы, имѣя страхъ того нестерпимаго пламени огненнаго... Земля трепещетъ, когда глядитъ на сіе треклятое дѣяніе мужеложственное; какъ-же вы осмѣливаетесь воздѣлывать ужаснѣйшее беззаконіе треклятѣйшихъ мужеложцевъ, которые не чувствуютъ, что станетъ съ ними и что будетъ имъ послѣ... Нынѣ время соблюдать себя отъ грядущаго пламеннаго огня отмстительнаго...

---

[1]) Т. е. внутренняго мужеложства,—мужеложства помысловъ.

Если демоны здѣсь трепещутъ, тѣмъ паче подобаетъ остерегаться сего вамъ. Но бѣсъ нынѣ куетъ по обычаю бѣсовскому, т. е. раздуваетъ угли, накаливаетъ желѣзо плоти человѣческой огнемъ страстей и сокрушаетъ молотомъ, люди же, слушая такое кованіе, падаютъ нынѣ на наковальню бѣсовскую. Говоримъ: ложится человѣкъ всею мыслью своею подъ молотъ блуда, сластолюбія, зависти, неблагодарности, обиды, любостяжанія, подъ молотъ мужеложства,—малакіи... И въ другія ужаснѣйшія страсти уклоняются люди нынѣ. Мало-по-малу, все больше и больше стремятся люди на наковальню бѣсовскую и лишь къ сему прилагаютъ усиленное попеченіе. Говоримъ: возъимѣли люди нынѣ попеченіе о красотахъ тлѣнныхъ, о наслажденіяхъ земныхъ, попеченіяхъ головокружительныхъ и помрачающихъ многосуетствахъ. Вожделѣніе похоти и возбужденная страсть есть какъ-бы нѣкая язва рака въ человѣкѣ, которая сама собою все больше и больше проникаетъ въ тѣло и растлѣваетъ. Въ комъ она возникла, тотъ стремится предаться ей, растлѣвается многопопеченіемъ тлѣннаго похотѣнія, обуревается многошуміемъ сокровиществованія, помрачаетъ себя многоразнообразными и похотливыми постройками, похотствуетъ созидать палаты великія и красивѣйшія, дабы валяться въ нихъ подобно свиньямъ во блатѣ распутства, позабывъ Всесильнаго Бога, дабы содѣлывать съ безстрашіемъ мужелюбодѣйную противуестественность, воздѣлывая постыдное беззаконіе.

Прежніе пустынники, имѣвшіе благодать Всесвятаго Духа, взирая на сей пламень огненный, т. е. видя въ себѣ возгораніе страсти мужелюбной и ощутивъ пламень сего, убѣгали въ горы и пещеры, чтобы не имѣть никакого обращенія и собесѣдыванія съ юными, чтобы не настигло ихъ пламя похоти и не повлекло внутрь пламени огненнаго, которымъ наказуется сіе противуестественное беззаконіе. Сіе противуестественное беззаконіе удаляетъ человѣка отъ Бога. Сіе проклятое беззаконіе, удаляетъ отъ благодати Божіей! Сіе проклятое беззаконіе удаляетъ отъ благодати Божественнаго Крещенія! Сія проклятая любовь плотскаго дѣянія, малакійнаго беззаконія, удаляетъ отъ благодати дѣвства, растлѣваетъ елей цѣломудрія, гаситъ свѣтильникъ молитвы и затворяетъ врата покаянія.

Когда человѣкъ окажется внутри пламени огненнаго, то взыщетъ онъ тогда милости покаянія и скажетъ: „Господи, отверзи намъ“.— Господь же милостей и щедротъ, являющій безконечное милосердіе Свое, отвѣтитъ ему, такъ: „Аминь, аминь, говорю вамъ, не вѣмъ васъ, отступите отъ Меня всѣ дѣлающіе беззаконія!“

ГЛАВА XXVIII.

Бдите и берегитесь любостяжанія.

О, преподобнѣйшіе отцы, живущіе въ сей святой Горѣ, почему вы не бодрствуете въ молитвахъ, ибо не знаете ни годовъ, ни мѣсяцевъ, ни недѣль, ни дней, ни часовъ, т. е. не вѣдаете, когда наступитъ часъ смертный? Ибо се исполненіе назначеннаго числа лѣтъ жизни приближается, и блаженъ тотъ рабъ, его-же (Господь его) обрящетъ бдяща, недостоинъ-же паки, его же обрящетъ унывающа; блюдите убо, о преподобнѣйшіе, въ монашествѣ пребывающіе, да не сномъ грѣховнымъ отяготитеся, да не смерти преданы будете, но воспряните, взывая со смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, т. е. возставайте на молитву, предъ Женихомъ Божественнымъ, прибѣжищемъ нашимъ, Его-же трепещутъ и трясутся Херувимы и силы небесныя; возопійте: „пріими насъ кающихся",—явите покаяніе свое предъ безграничной милостію милосердія Его, съ которымъ Онъ долготерпитъ и долготерпѣлъ вамъ до нынѣ. Однако вы нынѣ прогнѣвляете Его еще больше, усиливая противъ себя негодованіе Божіе. Вы сами ищете того, чтобы пришелъ гнѣвъ Божій на васъ. Богъ долготерпитъ, но вы Его прогнѣвляете. Богъ васъ милуетъ по безграничной милости, но вы побуждаете Его негодовать на васъ. Богъ милосердуетъ о васъ по безграничному милосердію Своему, но вы навлекаете на себя гнѣвъ Его ради беззаконій вашихъ. Наказаніемъ будете наказаны вы за дѣянія, которыя содѣяли и дѣлаете до нынѣ.—Спросите: какое дѣяніе мы содѣяли, и какое воздѣлываніе воздѣлываемъ?—что вопрошаете меня о семъ?

Аминь, аминь глаголю вамъ, никогда не имѣете вы ока вашего къ праведности, т. е. никогда ни о вещахъ, ни о людяхъ, ни о событіяхъ не судите праведно и справедливо, но всегда пристрастно, прелестно, или мнительно; никогда не имѣете ока вашего въ цѣломудріи; никогда не имѣете ока вашего во смиреніи, т. е. ума; никогда не имѣте ока въ постѣ; никогда не имѣете ока кротости; никогда не имѣете ока любви; никогда не имѣете ока безпопечительности; никогда не имѣете ока нестяжательности; никогда не имѣете ока милосердія; никогда не имѣете ока взаимной любви. Соединяетесь и едино бываете въ неправдѣ; соединяетесь и едино бываете въ нечистотѣ ума; соединяетесь и едино бываете во гнѣвѣ, презорствѣ, враждоборствѣ, заботномъ многошуміи, сребролюбіи, стяжаніи сребра, злата и дѣлъ рукъ человѣческихъ; соединяетесь и едино бываете въ хищеніи неправедномъ, въ осужденіи взаимномъ, въ оклеветаніи, въ замыслахъ о предметахъ вещественныхъ; соединяетесь и едино бываете во всѣхъ

земныхъ дѣлахъ земли. Такое единеніе творите и такъ соединились вы со всѣмъ этимъ, какъ древо соединяется съ плющемъ. Когда древо, совокупится со плющемъ, то плющъ будетъ господствовать надъ древомъ.

Спрашиваю я васъ: когда совокупится плющъ съ древомъ, чье естество хилѣетъ?—древа, или плюща?—ясно, что естество древа разслабляется, плющъ-же становится господиномъ надъ древомъ.

И нынѣ люди совокупили монашескую жизнь съ волненіемъ о мірскихъ предметахъ, соединились съ сею заботою мірскою, какъ древо со плющемъ, соединились съ попеченіемъ о многоразличныхъ снѣдяхъ, съ многосозиданіемъ палатныхъ зданій, съ мягкими ложами ради плотскаго угожденія, чтобы укрѣплялась плоть, а душа въ этихъ палатахъ заражалась-бы проказою.

ГЛАВА XXIX.

У монаха любостяжателя лишь одежда овчая, а сердце волчье.

Нынѣ о семъ только и заботятся, т. е. о стяжаніяхъ, насажденіяхъ и сооруженіяхъ земныхъ; изъ за сего только и волнуются, и сими помрачаются; носятъ лишь одежду овечью, сердце-же имѣютъ волка; волкъ есть звѣрь неукрощаемый; такъ и они, т. е. любостяжатели, свирѣпствуютъ противъ монашеской жизни, подобно дикимъ звѣрямъ, звѣроумышляютъ другъ друга, какъ-бы одному одолѣть и низвергнуть другого, говоримъ: малый великаго, и великій малаго; т. е. великіе въ монастыряхъ притѣсняютъ малыхъ келліотовъ, а младшіе въ обителяхъ уничижаютъ старшихъ,—такъ, что не различишь, кто здѣсь великій, и кто малый!..

Воистину, право то сказанное слово, что придетъ время, когда не будетъ признаваться голова ногами и ноги головой... (т. е. изсякнетъ любовь и довѣріе между начальствующими и подчиненными).

Охъ, нынѣ настало время, когда всюду творится беззаконное правонарушеніе, люди преступаютъ права другъ друга, сутяжничаютъ другъ съ другомъ, стараясь опередить одинъ другого въ жалобѣ; одинъ на одного старается первымъ напасть, а тотъ тому старается отомстить!..

Вслѣдствіе сего утратилъ человѣкъ сущность монашеской жизни, главизну спасенія, т. е. взаимную любовь, мысленное преосіяніе; облекается лишь въ шкуру овечью, сердце-же у него волчье, помыселъ—львиный, разговоръ—зміиный, хотя въ бесѣдахъ и говоритъ по овечьи.

Говоримъ: человѣкъ облекается въ схиму Ангельскую, чтобы вмѣстѣ съ этой схимой имѣть даръ кротости, т. е. дабы укротить себя чрезъ отреченіе отъ воли свой, отъ плоти своей, и всего земнаго; однако нынѣ такого намѣренія не хранятъ, но удерживаютъ нѣкое человѣкоугодіе по

отношенію къ естеству человѣческому, т. е. къ плоти своей; ревнуютъ о благахъ вещественныхъ; имѣютъ только образъ кротости, подобный овчему, сердце-же и нравъ ихъ является волчьимъ, ибо нисколько не укрощается и не приходитъ въ кротость. Говоримъ: въ ихъ сердцѣ, нѣтъ никакого покаянія; они знать не хотятъ о томъ, что называется праведностію—по дикости мысленнаго расположенія своего, потому что мысль ихъ помрачилась отъ тлѣнныхъ житейскихъ вещей.

Изъ за тьмы вещественной суеты люди до того помрачились, что одичали, по мысленному расположенію своему уподобившись львамъ; ибо, какъ львы свирѣпствуютъ противъ монашеской жизни; погибелью погубили ее, погубили самихъ себя и свое спасеніе.

ГЛАВА XXX.

Обличеніе самооправданія любостяжателей.

Ядовитою бесѣдою разговаривалъ змѣй съ Евою, сказавъ: „если сдѣлаете, какъ я говорю вамъ, то будете богами"; исполнивъ сей совѣтъ, прародители омрачились, утратили божественныя дарованія и стали земледѣльцами. Такъ и нынѣ, кто покидаетъ духовное дѣланіе и стремленіе къ созерцанію ради воздѣлыванія земли, тотъ симъ являетъ, что принялъ совѣтъ змія.

Оправдываясь въ своей заботливой многопопечительности иноки говорятъ: «хотя дѣломъ мы и воздѣлываемъ земное, но мыслью мы чисты, страстями не соблазняемся". Если-же занимаемся устройствомъ прекрасныхъ садовъ и громадныхъ домовъ, то творимъ это ради того, чтобы въ нихъ имѣть покой, ибо, когда плоть покойна, то покойна и душа; если-же плоть не будетъ имѣть упокоенія, не будетъ имѣть упокоенія и душа; спасеніе-же отъ надостатковъ вещественныхъ не облегчится; все-равно, какъ и искушенія не прекратятся, а страсти не престанутъ нападать на насъ". —Такими змѣиными изреченіями соблазняютъ они каждаго человѣка, чтобы онъ упражнялся въ земныхъ попеченіяхъ и заботливомъ многосокровиществованіи. Слушая такія разсужденія и другіе люди начинаютъ воздѣлывать земную суету, утрачивая подвижническое дѣяніе, а спасеніе души совсѣмъ выкидываютъ изъ головы своей.

Выкинули изъ головы своей самое слово „спасенія", облеклись въ слово погибели. Говоримъ: прежде имѣли заботу о спасеніи, именовались подвижниками, ради воздѣлыванія духовнаго подвижничества; нынѣ-же именуются «строителями», такъ какъ всецѣло вдались въ постройки... Ревнуютъ о насажденіи плодоносныхъ и прекрасныхъ деревъ, чтобы отъ этого жилище ихъ стало еще болѣе многоцѣннымъ, чтобы отъ того была имъ великая честь и продажная цѣна жилища превосхо-

дила цѣну другихъ жилищъ. Когда, наконецъ, будетъ это жилище дороже другихъ, то другіе, видя, какую большую цѣнность пріобрѣло оно ради древесныхъ насажденій, и сами начинаютъ умножать продажную стоимость своихъ жилищъ, т. е. раздѣлывать сады; со взаимнымъ осужденіемъ препираются о стоимости, корятъ и порицаютъ взаимно жилища другъ друга, говоря: „такой стоимости это жилище не имѣетъ, какъ мое; мое больше стоитъ противъ жилища другого, ибо украшено церковью, систерной, садомъ, плодовыми деревьями различныхъ сортовъ, а то жилище, что̀ сосѣдъ имѣетъ, за что его цѣнить такъ дорого, когда оно и равняться съ моимъ не можетъ?“—Начинаются въ человѣкѣ съ такими мыслями змѣиные псилафизмы, т. е. мудрованія лукавыя и плотскія, мысленными совѣтами окружая его помыселъ; бываетъ съ ними тоже, что у Адама съ Евой, которые, принявъ тѣ псилафизмы, изгнаны были изъ жилища своего; цѣль лукавыхъ совѣтовъ зміиныхъ одинакова и по отношенію къ монахамъ; она состоитъ въ томъ, чтобы удалить ихъ отъ уготованнаго имъ небеснаго вѣчнаго жилища, дабы, видя потомъ издали свое утраченное жилище, они горько плакали и вопіяли, подобно Адаму съ Евой...

Такъ, и лишаются люди своего небеснаго удѣла...

ГЛАВА XXXI.

Обличеніе скитянъ въ увлеченіи садоводствомъ.

Нынѣ скитяне стали подобны садовникамъ, а посему заслуживаютъ имена не подвижниковъ, а садовниковъ.

Съ великимъ трудомъ они удобряютъ и питаютъ дерева, плодоносятъ разнообразные плоды; собираютъ съ сада плоды насажденныхъ древесъ, разносятъ ихъ по келліямъ, по монастырямъ, и этимъ отвлекаютъ иноковъ тамошнихъ отъ духовнаго дѣланія.

Навязываютъ людямъ свои плоды, люди по человѣколюбію принимаютъ сей принудительный даръ садовника; принявъ-же даръ, человѣкъ затрудняется, чѣмъ вознаградить садовника, доставившаго ему садовый плодъ, говоримъ, какимъ возмездіемъ воздать аскету, принесшему изъ своего сада плодовые дары: румяные и желтые, говоримъ: апельсины, лимоны, укропъ, спаржу, авруныо, всякія травы разныхъ сортотъ; травы же эти они собирали съ усиленнымъ трудомъ и подвигомъ въ свой мѣшокъ, то-есть въ торбу, въ которую старательно уложили ихъ; нагрузили себѣ на спину и ходятъ, какъ нагруженные ослы, по келліямъ и монастырямъ, туда и сюда, приневоливая людей (принимать ихъ товары). Когда придутъ въ какой-либо монастырь, то съ великой осто-

рожностью вынимаютъ изъ своихъ мѣшковъ румяные и желтые плоды, разныя травы, наполняя ими свои подмышки; столько-же держатъ подъ полами рясы; съ сими товарами обходятъ по монастырскимъ проходамъ, говоримъ, по корридорамъ; кружась по симъ мостамъ находятъ какого-нибудь брата и спрашиваютъ его: гдѣ келлія такого-то брата? Братъ говоритъ: она тамъ-то: Торговецъ-же инокъ спрашиваетъ: а такого-то и такого-то гдѣ?—братъ указываетъ ему мѣсто каждаго, отходитъ отъ него торговецъ и идетъ къ одному изъ тѣхъ (указанныхъ), входитъ въ самую келлію, вручая дары брату; братъ изумляется и говоритъ: отчего принесъ онъ мнѣ такіе подарки? Принесшій отвѣчаетъ брату: „Старецъ мой молится за васъ и посылаетъ вамъ дары сіи". Говоритъ ему братъ: „кто таковъ старецъ „вашъ"?—Говоритъ принесшій „въ такомъ-то скиту живетъ"; называетъ старца по имени. Говоритъ братъ: „Пусть такъ, хотя я и не знаю кто этотъ человѣкъ, однако, добро пожаловать, поблагодари-же его отъ меня". Принесшій ждетъ получить кое-что отъ брата въ (признательность), но такъ какъ у него одарить того было нечѣмъ, то онъ и не одарилъ его. Торговецъ бѣжитъ разстроенный, что ничего не получилъ, идетъ къ другому, тамъ терпитъ тоже самое; бѣжитъ и оттуда, идетъ къ третьему, тотъ кое-чѣмъ вознаграждаетъ его; принесшій скорбитъ, что мало получилъ. Такъ и возвращается онъ обратно, не успѣвъ въ своей неправдѣ. Неправда-же его заключается въ слѣдующемъ.

Любоодаряетъ неправо-любо-давецъ какого-либо брата, ожидая получить отъ него много больше противъ своего подарка. Это и есть неправедность, ибо избытокъ, который торговецъ хочетъ получить отъ брата, давая ему нѣчто малое, чтобы взамѣнъ дара своего получить большее, есть неправедность. Посему и имя монахамъ, дѣлающимъ таковая: неправолюбодавцы.—Съ неправдою своею кружатся они по монастырямъ, чтобы любоодарять; дѣлаютъ эту неправду съ лицемѣріемъ, тщеславіемъ, съ угрюмымъ лицомъ; придаютъ себѣ образъ кичливаго смиренія, кичась тѣмъ, что изъ такого-то скита, живутъ на мѣстѣ скалистомъ, т. е.—въ скиту Святыя Анны, въ скиту Кавсокаливскомъ, или въ другихъ скитахъ, находящихся въ Горѣ сей, сосудѣ спасенія. Теперь-же они стали—спасеніе—убивающими, спасеніе—умерщвляющими, и погибель—воскрешающими; воскрешающими ту самую погибель, которую прежніе отцы умертвили, нынѣшіе-же люди ее воскресили, возстановивъ въ своей монашеской жизни.

ГЛАВА XXXII.

Искательство милостыни отъ богатыхъ. Закхей.

Говоримъ, таскаются туда и сюда, ищутъ милостыни, заискиваютъ ее отъ тѣхъ неправедниковъ, которые зло творятъ и обижаютъ бѣдныхъ, говоримъ братьевъ нашихъ меньшихъ; бѣдныхъ обижаютъ до такой степени, что похищаютъ у нихъ все, что есть. Братъ нашъ, бѣднякъ бѣдствуетъ смертельно, подвергаясь опасности погибнуть не только смертію тѣлесной, но смертію и душевной. Сколь много бѣдняковъ, погибли въ аду изъ за насилія тѣхъ неблагодарныхъ богатыхъ христіанъ. Эти хищники, обидчики, неправедники, несытые обидами, обидѣвъ братьевъ нашихъ и, потомъ восчувствовавъ сію неправду, приходятъ къ духовнику, исповѣдуя свое беззаконіе; духовникъ-же нынѣ, будучи непотребенъ, услыхавъ исповѣдь отъ неправеднаго обидчика, говоритъ ему: „сотвори милостыню монастырямъ, дай и мнѣ, чтобы я поминалъ тебя въ молитвахъ моихъ, и помилуетъ тебя Богъ“. Несытый неправдами говоритъ духовнику: „А, если я такъ сотворю, то за это душа моя обрѣтетъ милость?“ Духовникъ—говоритъ: „Если сотворишь такъ, какъ я говорю тебѣ, то обрящешь милость для души твоей, будетъ спасеніе дому твоему, — и часть твоя будетъ съ частью Закхея“, (подобна Закхеевой).

Услыхавъ это. обидчикъ сотворилъ милостыню монастырямъ, далъ также и духовнику, согласно обѣщанію духовника, что богачъ за это получитъ милость для души своей, и будетъ спасеніе дому его подобно какъ было Закхею.

О, несчастные духовники! По кичливости и ради вашей выгоды разсуждаете вы такъ. Да, Іисусъ Христосъ возвѣстилъ Закхею о спасеніи дома его, но какимъ образомъ сдѣлался домъ Закхея спасеннымъ? Послушай и увидишь.

Услыхавъ, что есть спасеніе для людей, Закхей восхотѣлъ и самъ спастись, но помраченъ былъ житейской заботой, имѣя притомъ горделивѣйшую начальственную власть. Суета человѣческая и грѣховное волненіе становилось преградой для Закхея въ спасеніи его. Увидалъ Закхей, что запинается онъ въ спасеніи своемъ, позналъ, что запинаетъ его суета, говоримъ неправды человѣческія, изъ за которыхъ онъ не возмогалъ увидать спасенія своего. Тогда сказалъ Закхей: если удастся мнѣ увидать спасеніе мое, то отдамъ я четверицею тому, кого обидѣлъ, противъ обидъ его. Сталъ Закхей разспрашивать, какъ ему увидать спасеніе свое, говоримъ: Христа. Христолюбцы говорятъ Закхею: „Если не оставишь горделивѣйшаго начальства своего, не станешь на

путь смиренія, и не взойдешь на высоту самоуниженія, не возможешь увидать Спасителя твоего, Который воплотился ради тебя".—Услыхавъ такое слово, Закхей оставилъ горделивѣйшее дѣло обидчиковъ, говоримъ откупъ казенныхъ даней, и сталъ на путь спасенія, по которому имѣлъ шествовать (прійти) Христосъ, Спаситель міра.

Когда Закхей тамъ стоялъ, увидалъ, что идетъ Іисусъ съ великимъ множествомъ людей; такъ какъ Закхей былъ малъ ростомъ и не въ силахъ былъ увидать Іисуса, то влѣзъ на смоковницу и пребывалъ на ней, ожидая когда придетъ Іисусъ. Такимъ образомъ, чтобы обрѣсти спасеніе свое, Закхей возвысилъ чувство мысли своей на высоту смиренномудрія, тѣло свое онъ вознесъ на высоту древа, дабы увидѣть Іисуса. Видитъ Закхей съ вершины дерева, на которомъ находился, идущаго Іисуса. Поровнялся съ нимъ и Іисусъ, и говоритъ ему:

„Закхее, поскорѣй слѣзай; сегодня въ дому твоемъ подобаетъ мнѣ быть".—Не сказалъ ему Іисусъ продавать имѣніе и раздавать милостыню, но Закхей самъ отъ себя пожелалъ раздать милостыню и возмѣстить обиды четверицею.

Услыхавъ слова Іисуса, Закхей „разоблудился (т. е. разлучился отъ прелести злата и власти), и сказалъ съ радостнымъ сердцемъ: вотъ, Господи, раздамъ я имѣнія моя нищимъ и, если кого оклеветалъ, возвращу четверицею, — такъ какъ Ты милостиво принялъ меня и хочешь пріити въ домъ мой, то я сотворю это любодаріе, ибо я ищу Тебя, а Ты Самъ взыскуешь (уже) меня; я ищу (лишь) черты Лица Твоего увидать, Ты-же и въ домъ мой хощешь пріити; да будетъ-же воля Твоя, чтобы пріять меня и въ домъ мой пріити!"

Видите-ли, духовники, каковъ былъ Закхей и каковъ тотъ обидохищникъ, котораго вы уподобляете Закхею, который грабитъ бѣдняковъ.

Да, хищникъ ищетъ исповѣдаться, но не такъ какъ Закхей, не съ сердцемъ сокрушеннымъ, не съ полнымъ раскаяніемъ. Закхей съ сокрушеніемъ сердца своего восполнялъ неправды четверицею. Закхей не милостыню сталъ раздавать, а четверицею обиды возмѣщать. Ибо, если до малаго не отдать того, что похищено, милостыня не принесетъ пользы человѣку нисколько [1]).

Вы же, нынѣшніе духовники, какъ рѣшаетесь, (досл. берете на себя), благословлять обидчиковъ, т. е. раздающихъ милостыню, но не возмѣщающихъ неправдъ,—говоримъ: тѣхъ, которые пребываютъ въ неправдѣ?! Есть люди, безумные въ мысленномъ разсужденіи своемъ, которые заботятся не о томъ, чтобы милостыня ихъ была спасительной, а лишь о томъ, чтобы быть хвалимыми за милостыню, кое-что малое жертвуютъ,

[1]) Преподобный настаиваетъ, конечно, не на ариеметически точномъ матеріальномъ возмѣщеніи матеріальнаго же ущерба, а на силѣ покаяннаго настроенія, хочетъ сказать, что надо живо восчувствовать „сердцемъ сокрушеннымъ" нанесенныя обиды, а не уповать на одну лишь денежную милостыню.

а потомъ много похищаютъ съ хищнической неправдою своей. А вы, духовники, опредѣляете такимъ давать милостыню по монастырямъ, просите милостыни отъ нихъ и себѣ, якобы за молитвы. Цѣль ваша собственно та, чтобы у неправедниковъ похищать неправды, а не та, чтобы исповѣдывать и исправлять человѣческую душу.

Кто за исповѣдь дастъ сребро и злато, которое пріиметъ духовникъ, то не будетъ толку, ибо ради этого, какъ человѣкъ, онъ опять впадетъ въ тотъ-же грѣхъ, въ которомъ исповѣдался: начнется у такого человѣка брань съ грѣхомъ, человѣкъ не стерпитъ брани и скажетъ: „содѣлаю я сегодня сей грѣхъ, а духовникъ за подарокъ мнѣ отпуститъ“.—И вотъ, согрѣшивъ, начинаетъ онъ съ того, что во первыхъ приготовляетъ даръ духовнику, а потомъ опять содѣлываетъ свое беззаконіе...

ГЛАВА XXXIII.

Горе духовникамъ, небрегущимъ о спасеніи душъ.

„Съ человѣки дѣлающими беззаконіе не сочтуся и со избранными ихъ“.—(Избранными здѣсь именуетъ Святой духовниковъ, нечестивыхъ).

Увы тебѣ, который не исправляешь пороковъ въ себѣ! Говоримъ: горе тебѣ, духовниче, если ты своихъ собственныхъ пороковъ не исправляешь! Охъ, увы тебѣ! Горе вамъ духовники, духовное управленіе держащіе не Богоугодно. Вмѣсто того, чтобы приносить пользу для душъ, вы не оправдываете ихъ. Говоримъ: подвергаете души осужденію во адъ, вмѣсто того, чтобы пользовать ихъ, т. е. способствуете погибели душъ. Скажете: чѣмъ-же мы подвергаемъ осужденію во адъ? Мы, напротивъ, стараемся исправлять душу во спасеніе, а ты говоришь, что осуждаемъ во адъ; какъ это?

Аминь, аминь, говорю вамъ: не удерживаете [1]) вы языкъ свой отъ исповѣдной тайны. Никогда во устахъ вашихъ не имѣете вы молчанія, т. е. должнаго молчанія и должнаго удержанія языка. Никогда не имѣете въ бесѣдѣ вашей, т. е. въ сообращеніи съ духовными чадами должнаго цѣломудрія. Никогда не имѣете въ себѣ должнаго страха Божія. Никогда не имѣете должной заботы объ очищеніи душъ человѣческихъ. Никогда не имѣете должной заботы о присоединеніи заблудшей овцы, чтобы возсоединять со стадомъ душу человѣка; предоставляете имъ погибать въ разсѣяніи погибели и онѣ разсѣиваются по аду. Никогда не имѣете въ себѣ должнаго благоразумія, чтобы пріобрѣсти какую-либо благоразумнѣйшую душу, т. е. человѣка, который желалъ-бы услышать и вразумиться словомъ истины, который готовъ былъ-бы

[1]) Конечно, разумѣются здѣсь не всѣ духовники, а лишь недостойные.

послѣдовать ученію правому,—но оставляете ихъ погибать отъ невѣдѣнія въ аду... Вы сердца людей наставляете на путь „словесъ, лукавствія“,—„непщевати вины о грѣсѣхъ“, — т. е. учите людей пренебрегать грѣхомъ, а не хранить и очищать себя отъ него,—„съ человѣки дѣлающими беззаконіе“, въ союзѣ вы, и „не сочтуся со избранными ихъ“, т. е. за это не сочетается съ вами Богъ, какъ съ нечестивыми избранниками человѣческими.

Видите-ли вы, вѣдаете-ли, понимаете-ли, какъ отстраняете вы души человѣческія отъ единенія съ Всесвятымъ Духомъ, объединяя ихъ во единъ союзъ съ лукавыми грѣхами, — или нѣтъ? — Соединились вы и стали союзниками съ волкомъ, содружившись съ нимъ.

Нѣкій человѣкъ сдѣлалъ загонъ (овчарню); взявъ свое отеческое достояніе израсходовалъ его на овецъ; собралъ туда овецъ, которыхъ купилъ для овчарни и, помѣстивъ ихъ внутрь, загородилъ овчарню; къ дверямъ-же овчарни приставилъ пса, чтобы онъ стерегъ овецъ. Собака съ такимъ стараніемъ сторожила и оберегала отъ ихъ волка, что ни одна овечка не пропадала изъ овчарни; когда-же волкъ подходилъ къ овчарнѣ, то она такъ шумѣла, т. е. лаяла на него, что волкъ пугался и убѣгалъ. Увидавъ, какъ волкъ пугается и убѣгаетъ отъ собаки, домовладыка утвердилъ тогда собаку надъ овчарней, передавъ ей свою собственную домогосподственную власть надъ овцами. Послѣ сего волкъ уже и вовсе не смѣлъ приходить къ овчарнѣ; овчарня пребывала въ покоѣ и несмущаема была волкомъ.

Родилъ песъ чадо, чадо стало прекраснѣйшее, и прозвалось оно прозвищемъ „скорбящій“,—говоримъ: управленіе духовническое... Было и у волка семь чадъ всезлѣйшихъ; говоримъ: семь смертныхъ грѣховъ: т. е. страстей смертныхъ—грѣховныхъ, начали эти чада волчьи всезлѣйшія проламывать тайно ограду и взошли внутрь къ овцамъ; говоримъ: въ мысль людей; стали тайно душить овецъ, брали кровь ихъ, отдавая матери своей, говоримъ: аду; собака, увидавъ, какъ овцы погибаютъ, похищаются изъ царской овчарни, говоримъ: изъ церкви апостольской, поставила свое чадо внутрь овчарни, чтобы оно стерегло овецъ, когда всезлѣйшія волчата по обыкновенію своему придутъ соблазнять овецъ, чтобы похитить ихъ и убѣжать. Говоримъ: увидалъ архіерей, что губятъ тайно всезлѣйшія волчата чувство человѣка, что люди стали безчувственными и непокорными овчарнѣ, говоримъ—Церкви, ибо всезлѣйшія волчата суть нечистые помыслы семи смертныхъ дѣяній беззаконія; архіерей избралъ духовниковъ изъ среды самихъ овецъ, поставилъ своего человѣка внутри Церкви, говоримъ: іерея, чтобы онъ хранилъ овецъ отъ мысленнаго волка, далъ іерею въ руки и жезлъ желѣзный, дабы, яко сосуды скудельничи сокрушалъ ихъ; говоримъ, далъ и даетъ архіерей іерею власть дабы имѣлъ управленіе духовническое и сокрушалъ помыслы человѣческія.

Но песъ овчарный началъ мало-по-малу сдружаться съ волкомъ, сталъ снисходить къ нему, наконецъ сдѣлался другомъ волку. Видитъ дитя собачье, что стала собака другомъ съ волкомъ; начинаетъ и оно сдружаться, и сдружилось окончательно съ всезлѣйшими волчатами.

Спрашиваю я васъ: когда станетъ собака другомъ волку, а дитя собаки другомъ всезлѣйшихъ волчатъ, то не къ разсѣянію-ли это будетъ овецъ? Какимъ тогда хищеніемъ будутъ они расхищаемы? какому хищному нападенію подвергнутся онѣ отъ всезлѣйшихъ волчатъ, говоримъ: отъ тайныхъ, лукавыхъ помысловъ? Какими ранами поранены будутъ овцы овчарни, вслѣдствіе дружбы пса съ волкомъ?

Когда домовладыка овчарни видитъ, что собака сдружилась съ волкомъ, а дитя собачье со всезлѣйшими волчатами, изъ дружбы собаки съ волкомъ овцы расхищены и поражены, когда увидитъ, что стадо исчезло изъ овчарни, то сколь сильно онъ прогнѣвается тогда на собаку вмѣстѣ съ собачьими дѣтями?!

Говоримъ: какимъ гнѣвомъ прогнѣвается Судія Праведный, когда будетъ судить архіереевъ, которые сдѣлались друзьями съ врагами, погубивъ симъ столькія души?..

ГЛАВА XXXIV.

Еще о духовникахъ и картина гибели послушника по винѣ духовника.

Особенно въ нынѣшнее [1]) время бѣсъ погибели до того преуспѣлъ въ духовникахъ, что скиты низводятся изъ за этого въ жалкое, погибельное состояніе. И въ чемъ только не погубляютъ себя духовники?

Захвачены они, во первыхъ, ушами, слуха ради исповѣднаго.

Духовникъ, все, что слышалъ отъ исповѣдника, разсказываетъ съ осудительнымъ многословіемъ, точно какую басню. Когда-же раздосадуется на чадо свое духовное, то, на зло ему, разсказываетъ его грѣхъ, который выслушалъ отъ него на исповѣди.

Духовники стараются убѣдить исповѣдниковъ быть съ ними искренними, но сами не чистосердечны. Нечистосердечные духовники для досажденія человѣку устраиваютъ разныя злобы: во первыхъ, ненависть, т. е. возстанавляютъ однихъ противъ другихъ; ненависть производитъ злопамятство, вражду, зависть, лихоимство, и прочія иныя подобныя страсти.

Такіе духовники, не приносятъ человѣку пользы, но причиняютъ одинъ вредъ, празднословя и осуждая то, что слышали на исповѣди. Исповѣдуетъ иной грѣхи духовнику, а духовникъ это какъ какую забаву другому разсказываетъ, многословя съ ложью и ненавистью.

---

[1]) Рѣчь идетъ о прошломъ столѣтіи.

Приходитъ послушникъ, исповѣдуотся; начинаетъ съ того, что осуждаетъ своего старца; духовникъ, имѣя нѣкую злобу противъ сего старца, говоритъ исповѣдующемуся послушнику: „Повѣрь мнѣ, чадо мое, сей старецъ твой многихъ послушниковъ сдѣлалъ бродягами. Смотри-же, чадо мое, отъ сего дня самъ за собой, чтобы тебѣ устоять, т. е. сторонись отъ него, не довѣряйся ему, ибо состояніе его таково, что нѣтъ ничего добраго въ немъ“.—Когда послушникъ услыхалъ таковыя слова, то еще больше преумножилась въ немъ ненависть противъ своего старца; наконецъ, онъ окончательно не вытерпѣлъ, ушелъ отъ своего старца и пошелъ къ другому. Однажды, находитъ его несчастный тотъ духовникъ и говоритъ: „какъ поживаешь чадо мое?“ — послушникъ отвѣчаетъ: „хорошо, молитвою твоею, святый духовникъ мой“.—Говоритъ духовникъ: „Твори терпѣніе, чадо, мое, и Богъ, видя терпѣніе твое, освободитъ тебя отъ сего человѣка“.—Послушникъ говоритъ: Я ушелъ уже отъ того старца“.—Вопрошаетъ духовникъ: „Ужели правду говоришь? ужели ушелъ отъ него?“—Говоритъ послушникъ: „Повѣрь мнѣ, духовниче, не могъ я терпѣть обращенія его“.—Говоритъ духовникъ: „Да развѣ, чадо мое, кому-бы то ни было возможно переносить обращеніе его? У него такой злой нравъ, что: садись, такъ сиди, а встань, такъ вставай; пошелъ, такъ иди;—кто-же въ силахъ сносить такое строгое обращеніе“. Говоритъ послушникъ: „Ради этого я и ушелъ отъ него“.—Говоритъ духовникъ: „Хорошо сдѣлалъ, молодецъ—ты. Но къ кому-же другому теперь пришелъ?“—Говоритъ послушникъ: „Къ такому-то брату“. — Говоритъ духовникъ: „Охъ несчастный, отчего у меня не спросилъ? Что за несчастіе приключилось съ тобой несчастный?.. Лучше было-бы тебѣ у того прежняго сидѣть, нежели у того, къ которому ты пришелъ“.—Говоритъ послушникъ: „Этотъ хорошій духовничекъ“.—Говоритъ духовникъ: „Какой онъ хорошій—самъ попробуй, сколько въ немъ добра. Я исповѣдывалъ его, а ты теперь говоришь мнѣ, что онъ хорошій? И ты съ нимъ нынѣ живешь!“—Когда услыхалъ это послушникъ, начало сердце въ немъ остывать къ монашеской жизни. Приходитъ онъ въ келлію свою, начинаетъ размышлять и раскаяваться въ томъ, что пришелъ въ эту Святую Гору, сосудъ спасенія. Сожалѣя о семъ начинаетъ ссориться со старцемъ своимъ, по содѣйствію діавольскому, идетъ наконецъ, къ духовнику, чтобы сказать ему помыслъ свой. Слышитъ духовникъ, что поссорился онъ со старцемъ своимъ и говоритъ ему: „Вѣдь говорилъ тебѣ, чадо мое, что ты не для него; уходи, я помѣщу тебя къ такому-то старцу; человѣкъ онъ хорошій, богатство у него хорошее, деньженокъ имѣетъ много, садъ прекраснѣйшій съ разными деревами, апельсинными, лимонными, смоквами и прочими плодами; какой-же тебѣ разсчетъ быть у того непривѣтливаго, у котораго ты сейчасъ?“—Говоритъ послушникъ: „Но этотъ возьметъ-ли меня?“—Говоритъ духовникъ:—„Я ему скажу, чтобы взялъ.

Только погоди здѣсь, а я пойду скажу имъ, чтобы тебя взяли". — Итакъ, идетъ онъ, говоритъ имъ, принуждаетъ взять его; тѣ говорятъ ему: „Пусть придетъ". — Духовникъ-же говоритъ: „Онъ стѣсняется прійти, но я его самъ приведу сюда".—Итакъ, идетъ, приводитъ его, представляетъ имъ, начиная при семъ осуждать прежняго старца предъ ними, что онъ де такой и сякой. Наконецъ, послушника, ради любви къ духовнику, принимаютъ, и живетъ онъ нѣкоторое время тамъ. Однажды вышелъ у старцевъ съ духовникомъ споръ изъ за пустяковъ, духовникъ съ ними разсорился. Отыскиваетъ онъ послушника и говоритъ ему: „Послушай, чадо мое, я тебя здѣсь помѣстилъ, но тебѣ здѣсь не хорошо, потому что они такіе и сякіе". — Говоритъ послушникъ: „Мнѣ и самому кажется, что мнѣ нѣтъ добра у нихъ".—„Такъ ты и самъ сознаешь, что здѣсь нѣтъ тебѣ добра, потерпи, пока я не найду тебѣ другого хорошаго мѣста".—Терпитъ послушникъ въ ожиданіи; еще пуще прежняго онъ начинаетъ обуреваться; въ такомъ бореніи ему приходитъ помыслъ и говоритъ: доколѣ будешь обуреваться и не пойдешь въ мѣсто твое послужить родителямъ твоимъ, которые тамъ остались и имъ угрожаетъ опасность погибнуть отъ агарянина?—Говоритъ послушникъ, сопротивляясь помыслу своему: духовникъ не пуститъ меня. — Отвѣчаетъ ему помыслъ его: не говори духовнику, что идешь служить родителямъ твоимъ; скажи, что надо справить одно дѣло, что идешь получить имущество свое. Идетъ онъ къ духовнику своему и говоритъ такъ. Духовникъ говоритъ: „Хорошо, пойди, а, когда придешь, къ этому больше не приходи, я подыщу для тебя другое мѣсто, къ твоему приходу".—Отправляется послушникъ и идетъ въ мѣсто свое, жительствуетъ тамъ нѣкоторое время въ домѣ своемъ, подъ вліяніемъ бѣсовскимъ соблазняется желаніемъ жениться, къ этому его начинаютъ соблазнять и люди, говоря: „что смотришь на то, что ты монахъ? Если ты монахъ, то слѣдовало-бы тебѣ быть во Святой Горѣ, гдѣ нѣтъ женщинъ, а разъ ты нынѣ въ міру и похотствуешь на женщинъ, то что за польза съ монашества твоего?"—Услыхавъ такія понужденія отъ міранъ, сбросилъ онъ съ себя Ангельскую схиму, женился, но счастія тѣмъ себѣ никакого не оказалъ, а только осквернилъ душу свою.

Спрашиваю я васъ: кто будетъ имѣть бремя сіе? Падетъ-ли на того духовника тяжесть противузаконія сего или нѣтъ? Никто другой не будетъ имѣть тяготы сего противузаконія, какъ только тотъ несчастный духовникъ, который отвлекъ человѣка отъ мѣста его постриженія. Подобные духовники не суть „Пневматики" (духовники), но суть „Писматики" (т. е. досадители), потому что зло дѣютъ на зло. Они худую славу дѣлаютъ скиту интригами, ненавистію, завистью, злобою, осужденіемъ, хищеніемъ, неправдами, лицепріятіемъ, лицемѣріемъ, безнадежіемъ, яростію, гнѣвомъ. Такъ, нѣкоторая часть духовниковъ этимъ совлекаютъ одежду спасенія съ духовныхъ чадъ своихъ и облекаютъ

ихъ въ одежду погибели. Одежда погибели есть то, что я выше сказалъ вамъ, а одежда спасенія есть сіе: вѣра, любовь, цѣломудріе, кротость, смиреніе, сострадательность, правдоглаголаніе, постъ, молчаніе многословія, молчаніе празднословія, молчаніе осужденія, нестяжаніе и неозабоченность хлопотами. Сіе есть одежда спасенія.

Итакъ, если отъ такой одежды спасенія наги будутъ духовники, то простой народъ будетъ-ли облекаться въ одежду спасенія?

Охъ, слушатели мои, поэтому и говорю я вамъ, что духовники нынѣшніе облекаютъ себя въ одежду погибели; досадительными своими дѣйствіями они низводятъ скиты въ жалкое положеніе, чтобы сдѣлать на зло одинъ другому, одному низложить другого и подложить зло свое, (т. е. помѣшать) на зло правдивому дѣлу.

Изъ-за сего ежедневно погибли и погибаютъ столькія души въ аду; благоденствуетъ адъ и бѣдствуетъ Церковь!

ГЛАВА XXXV.

Пристрастіе къ земнымъ благамъ угрожаетъ священнику страшнымъ оскверненіемъ.

Какъ допустимо іерею входить во святилище съ враждострастіемъ, злопамятностію? Какъ можетъ іерей входить во святилище и творить поминовеніе, если онъ питаетъ злое расположеніе? Да, поминаются души, поминаемыя имъ, но увы тому іерею, который во время Богослуженія держитъ злопамятство, зависть, вражду, ненависть, осужденіе, плотскую любовь, пристрастіе къ чему-либо, ибо симъ оскверняетъ чувство свое, съ оскверненною мыслію входитъ внутрь святилища и приноситъ жертву.

Нынѣ іереи, особенно іеромонахи, входятъ во святилище со враждострастіемъ; съ этимъ враждострастіемъ столь гнѣваются, что доходятъ до брани; когда берутъ сосуды Святые и просфору, и говорятъ: „Благословенъ Богъ",—мысль ихъ еще препирается съ противникомъ своимъ. Когда они говорятъ: „въ воспоминаніе Господа и Бога, и Спаса нашего Іисуса Христа", начиная проскомисать, то и тутъ воспоминаютъ оскорбившаго ихъ врага; іерей гнѣвается на него и говоритъ (мысленно): „Я тебѣ сдѣлаю такъ, что продашь ты домъ свой и уйдешь отсюда, бѣсъ ты такой!" Дальше говоритъ: „Помяни Господи...", а мысленно: „Увидишь, бѣсъ ты такой, что я тебѣ сдѣлаю, заберетъ тебя гнѣвъ Божій!"—„Помяни Господи...", а мысленно: „Не боишься ты Бога, проклятый Богомъ, что отнимаешь отъ меня мѣсто мое?.."—„Помяни Господи..." —„Столько времени я имѣлъ то дерево въ моемъ владѣніи, а теперь ты отнимаешь его у меня? Проклятіе за это получишь..."—

„Помяни Господи поклонника Мануила...“ — „Этакій проклятый, оттѣснилъ меня отсюда, а другой тебя оттуда вытѣснитъ“. Или: „вы домъ свой купили, а мнѣ онъ достался даромъ, и такія продѣлки вы со мною дѣлаете? Ни въ какомъ случаѣ я съ этимъ не помирюсь!..“— „Помяни Господи...“—„Заплати мнѣ за всѣ расходы, которые я на это израсходовалъ сегодня, и тогда я уйду!“—„Помяни Господи...“— „Уйду я, но сдѣлаю и тебѣ, хоть и душу свою погублю, за то что ты мнѣ сдѣлалъ и отобралъ отъ меня дерево. Никогда не забуду я того. Говоришь, что мѣсто это собственное твое, а когда оно было твоимъ собственнымъ, треклятый ты такой?! Какія твои права на него, бѣсъ ты такой! Говоришь что мѣсто это твое собственное?“

Столь возмущенный іерей воздыхаетъ и говоритъ: „Ахъ, когда я только выйду отсюда, чтобы тебя взялъ гнѣвъ Божій!“ — Помяни Господи...“ — Повѣрь мнѣ, домъ свой сожгу, но не поддамся этому бѣсу, чтобы онъ попиралъ меня!“—„Помяни Господи...“—„Послушайте, послушайте, мое это мѣсто, и не дразните меня, ибо гнѣвъ Божій заберетъ васъ; и не запугивайте меня монастыремъ! Повѣрьте, что за это, вмѣстѣ съ нимъ возьметъ и монастырь Божій гнѣвъ! Что мнѣ дѣлать? Послушайте, что я сдѣлаю!.. Ахъ, когда же выйду я отсюда, чтобы показать тебѣ, что я сдѣлаю!..“

Съ такимъ возмущеніемъ іерей приноситъ проскомидійное приношеніе. Спрашиваю я васъ, какова будетъ проскомидія отъ такого іерея, и что приноситъ онъ Богу? Мерзость приношеніе его, или нѣтъ? Если бы онъ былъ духа и расположенія благаго, то слѣдовало ему предварительно сдѣлать разборъ съ противникомъ своимъ, умириться въ сердцѣ своемъ, потомъ лишь вступать внутрь святилища, дабы дѣлать милость мира жертву хваленія, а не входить съ гнѣвнымъ возмущеніемъ внутрь святилища, чтобы приносить жертву свою.

ГЛАВА XXXVI.

О томъ, какъ должно литургисать и что есть литургія.

Подобаетъ быть умиленнымъ и воздыхающимъ предъ жертвенникомъ, и съ такими чувствами раздѣльно хлѣбъ и вино возносить, какъ бы самому Кровь отъ Тѣла отдѣлять и Тѣло отъ Крови, т. е. переживать самому распятіе Господне, когда отдѣлялась Кровь Его отъ Тѣла Его, изливаясь на землю, и паки Тѣло и Кровь соединять, т. е. воскресеніе Его переживать, прочувствовать, чтобы при совершеніи проскомидіи во святилищѣ приносилась бы и жертва сердечная іерея.

Тому іерею, который приступаетъ къ проскомидіи, подобаетъ имѣть очи четверные—мысленные и чувственные, ибо я не знаю, какъ вамъ

и представить величіе таинства жертвеннаго приношенія, т. е. Самого Бога и Господа руками нашими.

Скажу лишь вамъ такое подобіе: нѣкій человѣкъ по невниманію своему попался въ западню, былъ посаженъ въ темницу, сидѣлъ во узахъ; никто не въ силахъ былъ его выкупить и веліе время пребывалъ онъ въ заключеніи. Пошелъ отецъ его, чтобы освободить его, но попался въ западню; повели его на то мѣсто, гдѣ находился сынъ его, на мѣсто называемое Голгофа; дали отца сыну и сказали ему: возьми и принеси въ жертву отца твоего, если хочешь освободиться изъ темницы. Такъ какъ иначе невозможно было сыну освободиться изъ темницы, какъ только принеся въ жертву отца своего, то онъ взялъ и заклалъ его, чтобы освободиться. Но какъ заклалъ онъ его въ жертву? Заклалъ съ жалостію, жалѣлъ и говорилъ: „какъ мнѣ заклать тебя въ жертву, отецъ мой, за себя? Если бы ты не сталъ искать меня, то не схватили бы тебя и не дали бы тебя въ руки мои, чтобы я принесъ бы тебя въ жертву за освобожденіе свое“. Говоря такъ, заклалъ онъ отца своего въ жертву съ величайшимъ вниманіемъ, осторожностію, (бережностію) и раченіемъ, болѣзнуя, пока не совоскресъ съ нимъ, и возвеселился такъ, какъ-бы не болѣзновалъ. Приносилъ его съ великимъ вниманіемъ и мирной жалостію, какъ говорится: „Милость мира, жертва хваленія“ (жалость мира).

Такая жертва угодна Богу; она подобна жертвѣ Авеля; но кто литургисаетъ съ враждострастіемъ, ненавистію, ложью, неправдою, ропотомъ, жертва того не угодна предъ Богомъ. Въ страстномъ состояніи своемъ, онъ доходитъ до великаго гнѣва, просфору прорѣзаетъ съ яростію, сердится при воспоминаніи своей обиды, бранится и говоритъ: „Вотъ выйду я отъ Литургіи, сдѣлаю тебѣ то, что возьметъ тебя гнѣвъ Божій, проклятый Богомъ!“

Теперь спрашиваю я васъ, слушатели мои, жертва, приносимая таковыми іереями, чему подобна предъ Богомъ? Не подобна-ли она жертвѣ Каина? Каинъ, когда приносилъ жертву, завистливо поминалъ жертву Авеля, которая была Богоугоднѣе его собственной, изъ-за сего сердился, возмущался и гнѣвался, ибо сознавалъ, что жертва его есть мерзость предъ Богомъ.

Подобна сему жертва того іерея, который съ злопамятствомъ, съ злобнымъ расположеніемъ входитъ внутрь святилища; выходя изъ святилища, поднимаетъ смуту противъ того, на кого гнѣвается и ни во что ставитъ возмутить чувства у всего скита.

Такое возмущеніе производятъ іереи, которые, озабоченные коварными злоумышленіями, входятъ во святилище совершать жертву, думая въ то же время про себя: „вотъ, погоди, только выйду я отсюда, и увидишь ты, бѣсъ этакій, что я за человѣкъ“. Выходитъ, собираетъ партію, устраиваетъ соборъ, т. е. поднимаетъ въ скитскомъ собраніи

старцевъ дѣло или клевету противъ врага своего, возмущая собраніе. Такъ какъ соборъ не въ силахъ покончить дѣло миромъ, то удаляются они съ собора и идутъ въ монастырь, чтобы тамъ устроить дѣло свое. Монастырь же нарочно не миритъ ихъ, ибо, если ему ихъ помирить, то прекратятся подарки отъ ссорящихся сторонъ; такъ, и пожираютъ тяжущіеся взаимно другъ друга, какъ будто не аскеты. И до того ссорятся между собою, что грозитъ скитамъ опасность погибнуть изъ-за раздоровъ ихъ.

ГЛАВА XXXVII.

Воззваніе къ іереямъ; притча о нѣкоей рабынѣ, обманно сдѣлавшейся царицей.

Іерей сталъ хищникомъ и мнитъ о себѣ, что чистъ. Съ хищническимъ попрошайничествомъ онъ похищаетъ чужія неправды и проситъ у другихъ милостыню, чтобы очищать ихъ.

О, несчастный іерей! Очисти прежде расположеніе свое, потомъ очищай другихъ. Если скажешь: чѣмъ же осквернено расположеніе мое?—послушай и увидишь.

Когда приступаешь ты къ Божественной Литургіи, чтобы сочетаться съ Женихомъ твоимъ Христомъ, то такъ ли ты чистъ, какъ чистъ Женихъ твой, дай отвѣтъ мнѣ. Скажешь: какъ могу я стать такимъ же чистымъ какъ Женихъ мой? Но, если ты тоже не будешь чистъ, не будешь кротокъ и смиренъ сердцемъ, то какъ смѣешь приступать къ священному жертвеннику (т. е. Престолу) и сочетаваться съ чистѣйшимъ Женихомъ? Возможно-ли статься тому, чтобы взялъ за себя царь дочь цыгана? Цари и игемоны имѣютъ обыкновеніе избирать невѣстъ чистыхъ, красивыхъ, кроткихъ и смиренныхъ для сыновей своихъ; каковъ сынъ царевъ, такой подобаетъ быть и дѣвѣ, которую онъ возметъ, чтобы, взирая на красоту царева сына, дѣва любовалась бы, (вѣрнѣе полюбила бы его дѣва), и сынъ царевъ, взирая на красоту дѣвы, также полюбилъ бы ее. Какъ возможно царскому сыну имѣть супругу изъ рода цыганскаго, чтобы дочь цыгана стала невѣсткою царя?

У нѣкоего вельможи во дворцѣ было много разныхъ служанокъ; были мастерицы вышивальщицы, были работницы, рабыни и другія подобныя во дворцѣ его; между этими кружевницами (или вышивальщицами) была одна дочь нѣкоего цыгана; по внѣшности она была красива чрезвычайно; игемонъ сдѣлалъ ее дочерью своею; разнесся слухъ, что у игемона есть дочка наикрасивѣйшая и сіяющая на видъ. И подговорилъ игемонъ приближенныхъ царя быть ходатаями за него и убѣдить царя взять его дочь за сына, въ невѣсты ему, чтобы дочь игемона стала невѣсткою царскою. Царь, не зная того, что дѣва была

дочерью цыгана, согласился и взялъ ее сыну своему въ супруги. Была она чрезвычайно, красива точно и не дочь цыгана, но дѣла ея сдѣлали это явнымъ.

Спрашиваю тебя, іерей: какой возымѣлъ тогда царь гнѣвъ противъ игемона, за то, что тотъ обманулъ его, загрязнивъ честь сына царскаго тѣмъ, что отдалъ ему въ жены свою дочь? Какая кара будетъ и дѣвѣ, обманувшей его красотою своей и осквернившей царскую кровь?

И нынѣ нѣкоторая часть іереевъ дѣлаютъ подобное тому, что дѣлалъ тотъ игемонъ. Какъ игемонъ выдавалъ дочь цыганскую за свою родную дочь, такъ и ты, іерей, представляешь загрязненную совѣсть твою за совѣсть якобы чистую.

Ты входишь во святилище съ обманывающимъ твоимъ помысломъ, якобы еси чистъ, но дѣла твои явѣ тя творятъ, что недостоинъ ты священства.

Скажешь: какимъ образомъ меня явѣ дѣла мои творятъ? (т. е. явныхъ грѣховъ тяжкихъ какъ будто не имѣю). Послушай, псилафистическое лукавнованіе (т. е. плотское мудрованіе) уже оскверняетъ іерея.

У іерея не должно быть взиранія на псилафистическое лукавство, т. е. не должно быть во священникѣ никакого земнаго вожделѣнія, дабы имѣлъ онъ очи, но зрѣнія не имѣлъ, имѣлъ уши, но слушанія не имѣлъ, имѣлъ уста, но разговариванія (т. е. о земныхъ) не имѣлъ, имѣлъ руки, но дѣланія не имѣлъ (т. е. рвенія о земныхъ) имѣлъ ноги, но расхаживанія не имѣлъ, имѣлъ тѣло, но какъ-бы не имѣлъ.

Спрашиваю я тебя, іерей, таковъ-ли ты, какъ я говорю, или нѣтъ?—Если въ тебѣ сего нѣтъ, ясно, что ты недостоинъ.

Іерею подобаетъ быть смиреннымъ во взорѣ, смиреннымъ въ слухѣ, смиреннымъ въ бесѣдѣ, смиреннымъ въ дѣланіи, смиреннымъ до глубины сердца своего, какъ сказано: «Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ».—Но нынѣ іереи не имѣютъ такого смиренія.

Ради этого прежніе отцы не хотѣли рукополагаться во священную должность вмѣняя себя за недостойныхъ. Да, правда говорили, ибо кто можетъ назвать себя достойнымъ священства? Тотъ, который говоритъ, что онъ достоинъ, тотъ и есть недостоинъ священства. Поэтому у прежнихъ отцевъ были монастырьки, а въ монастырькахъ, при множествѣ братій, не было ни одного іерея, чтобы литургисать, (но приглашали извнѣ). Спрашиваю я тебя, іерей; въ монастырькѣ томъ, въ которомъ много было братій, ужели не было ни одного, который достоинъ бы былъ во іерея? ужели всѣ были недостойны?—Ей, всѣ имѣли добродѣтель, всѣ были достойными, а называли себя недостойными, каждый

самъ себя презиралъ, почитая себя недостойнымъ неба и земли. Но сегодня люди (другихъ) охуждаютъ, а себя похваляютъ, якобы они достойные, чисты,—нечистые, незапятнанны,—запятнанные; дѣлаютъ сіе ради того, чтобы звали ихъ «Батюшками» Говорятъ сегодня ему: «батюшка», и «батюшками» зовутъ ихъ... «Что дѣлаетъ батюшка?»— Батюшка сюда. — Батюшка садись! —Гдѣ батюшка?—«Батюшка тебя спрашиваютъ!»—Ради сего хиротонисаются іереями, чтобы ихъ звали іереями и батюшками. Придаютъ себѣ угрюмо-лицемѣрный видъ, чтобы ихъ и въ духовники поставили. Для этого стараются поставить посредниковъ въ простомъ народѣ, чтобы имъ дали должность духовника. Такимъ способомъ достигаютъ желаемаго, получая названіе духовника, и оставляютъ прежнее названіе, «батюшкой»; теперь его зовутъ «Духовникъ». (На востокѣ, это званіе особое): «Здѣсь духовникъ?»— «Гдѣ духовникъ?» —«Куда пошелъ духовникъ?» — «Тебя ищутъ, духовниче!»—Слушая такое славословное имя, мнятъ о себѣ съ льстящею, лживою мыслію, якобы пріобрѣли нѣчто; ради этого начинаютъ снисходить, тщеславясь и возгордившись именемъ своимъ, своимъ отступленіемъ отъ Божественныхъ каноновъ церковныхъ.

Да, всякіе способы употребляла цыганка, чтобы обмануть красотою своею, но по дѣламъ своимъ позналась, что она цыганка... Такъ и недостойный іерей, съ лживою мыслею своею, успѣлъ проникнуть на должность духовника, но по дѣяніямъ своимъ познался, что недостоинъ неба и земли. Простой народъ, увидѣвъ его недостойные поступки, началъ покидать его, и удаляться отъ него; тѣже, которые были подобны ему, продолжали сообщаться съ нимъ и не удалялись отъ него, но исповѣдывались ему, и его словамъ слѣдовали, потому что онъ былъ къ нимъ снисходителенъ, снисходилъ ко всякимъ грѣхамъ человѣческимъ, (т. е. такъ-же легко прощалъ и смертные грѣхи, какъ маловажныя прегрѣшенія); дѣлались, чрезъ сіе люди погибшими съ духовникомъ, который былъ такимъ-же погибшимъ, (т. е. обремененъ смертными, не заглаженными грѣхами). Съ духомъ погибельнымъ старается духовникъ погублять духовныхъ чадъ своихъ, а въ тоже время воображаетъ себѣ, что онъ кормчій ихъ; другихъ духовниковъ обвиняетъ какъ недостойныхъ быть кормчими. Чрезъ эти обвиненія тщеславящагося духовника, проникаетъ бѣсъ осужденія въ среду духовниковъ, ибо и другой, слыша что тотъ обвиняетъ его, начинаетъ осуждать сего такимъ-же образомъ, начинаетъ осуждать и другихъ. Видя это, простой народъ мнитъ, что осужденіе есть (добродѣтель) и путь спасенія; начинаетъ простой народъ слѣдовать путемъ осужденія, ради пути спасенія; такимъ образомъ развивается проклятое осужденіе, и дѣлается язвою въ человѣкѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

Обличеніе осужденія во время работъ; наставленіе о томъ, какъ заниматься рукодѣльемъ и молиться.

Сегодня добродѣтелью человѣка стало осужденіе; гдѣ только не осуждаютъ?

Во первыхъ, главизна осужденія, (т. е. больше всего осуждаютъ), за рукодѣльями аскетовъ, (т. е. за общими монашескими работами вообще и въ частности среди келліотовъ).

Когда они берутъ въ руки рукодѣлье свое, то тутъ же составляютъ одинъ союзъ съ бѣсами, работаютъ рукодѣлье двухъ сортовъ: одно рукодѣлье — дѣло рукъ ихъ, а другое — связующій языкъ ихъ (т. е., какъ-бы завязаніе ближнихъ узами осужденія), въ разговорѣ, устами клеветы...

Ради этого говорю вамъ: рукодѣлье аскетовъ бываетъ двухъ сортовъ: чувственное и мысленное; чувственное — это дѣло рукъ ихъ, а мысленное—орудіе дѣланія бѣсовскаго, (т. е. языкъ), сирѣчь клевета осужденія.

Сидятъ, протягиваютъ неприлично предъ собою ноги, ставятъ подлѣ себя прялку, берутъ въ руки веретено, служатъ имъ рукодѣлію своему, а языкомъ, какъ ногами, начинаютъ вертѣть колесо осужденія; начинаютъ разговоръ, раскачивая его языкомъ, какъ ногами, колесо прялки...

Говоритъ одинъ другому: «Такой-то ушелъ отъ старца своего». Говоритъ другой: «Почему ушелъ? что онъ сдѣлалъ? за что его прогнали?»—«Нѣтъ не прогналъ онъ его, но, мнѣ кажется, онъ налагаетъ руки несправедливо на человѣка; иза-за того и ушелъ человѣкъ». — Спрашиваютъ другіе: «Правда?»—Говоритъ другой: «Да, правду вамъ говорю».—Говоритъ другой: «Не даромъ далъ онъ ему столько грошей».—Говоритъ другой: «Что меня не спросите, если желаете узнать подробно?»—Говоритъ другой: «Разскажи-ка намъ, какъ это было?»— И начинается. Открываетъ тотъ нечистый уста свои, начинаетъ работать языкомъ своимъ, и пожирать брата своего, (очерняя его) какъ огонь котелъ; другіе тоже попираютъ другихъ, раскрываются здѣсь всѣ грѣхи человѣка; онъ де такой и сякой. — Да, таковъ онъ есть, но сами вы каковы, что раскраиваете, какъ ножницами, злое расположеніе человѣка? Къ собственному своему злому расположенію вы присовокупляете и злое расположеніе другого, такъ какъ сами вы пріобрѣли тѣ же грѣхи, съ осудительнымъ разговоромъ вашимъ.

О преподобнѣйшіе отцы! употребите средство, чтобы избѣжать осужденія, ибо оно есть червь діавольскій, поядающій васъ.

Когда садитесь за рукодѣлье, держите безпрестанную молитву въ

устахъ; если случится, что кто иной придетъ туда, гдѣ вы сидите за рукодѣльемъ, то сейчасъ-же оставьте работу, исполните требованіе его, и пусть онъ себѣ идетъ. Потомъ возьмите рукодѣлье свое и работайте. Говорите молитву: «Господи, Господи, не отврати Лица Твоего отъ мене и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене»!—«Господи, Іисусе Христе, помилуй мя грѣшника...» — «Пресвятая Богородице! спаси бѣдную душу мою...»—«Кресте Христовъ! спаси мя силою твоей...»— «Вси святіи Божіи предстательствуйте о мнѣ грѣшномъ!..»

ГЛАВА XXXIX.

Сила монаха есть молитва.

Сила монаха есть молитва. Если монахъ обезсилѣетъ отъ молитвы, т. е. если не будетъ укрѣплять себя молитвою—то обезсилѣетъ и отъ дарованій молитвенныхъ, т. е. и добродѣтелей безъ молитвы не пріобрѣтетъ.

Младенецъ, если не будетъ сосать материнскаго молока когда родится, умретъ; такъ и монахъ, когда пострижется, если не будетъ говорить безпрестанно молитвы, т. е. Іисусовой, то погибелью погибнетъ.

Если младенецъ будетъ только дѣлать видъ, что сосетъ, а на самомъ дѣлѣ сосать не будетъ, то будетъ-ли съ того какая польза? Такъ и монахъ, если приметъ Ангельскій образъ, но не будетъ пользовать себя молитвой, что за польза ему со схимы?

Мать есть спасеніе; сосецъ—Ангельская схима, а молоко—молитва. Если младенецъ будетъ звать мать свою, а молока ея сосать не будетъ, что пользы младенцу съ матери его? Говоримъ, если пойметъ монахъ оправданіе свое (т. е. схиму), а молитвы воздѣлывать не будетъ, то чѣмъ попользуетъ его ангельскій образъ.

Молитва есть дыханіе. Если утратится дыханіе, то какъ возможетъ жить человѣкъ? Пусть прочитаетъ хотя всѣ Минеи церковныя, но, если молитвы глаголать не будетъ, то нисколько не попользуютъ эти чтенія; подобно тому, какъ и трапеза, если убрана различными видами яствъ и винъ, но не будетъ здѣсь хлѣба, то никакой пользы нѣтъ съ такой трапезы. Наоборотъ, если даже исчезнутъ съ трапезы самыя дорогія лакомства, но останется хлѣбъ, трапеза нисколько не потеряетъ доброты своей. Такъ и монахъ, если будетъ украшать церковь (т. е. читать въ церкви) псалмопѣніемъ, минеею и тріодію—разныхъ родовъ, молитвы-же воздѣлывать не будетъ, то не воспользуютъ его тѣ чтенія нисколько.

Употребляются въ снѣдь разныя кушанія, вина и варева за столомъ, но, если исчезнетъ хлѣбъ, не вкусна будетъ трапеза. Такъ и съ

чтеніями: хорошо, когда церковь украшается различными чтеніями, но если молитвы не будетъ, то чтеніе одно пользовать не будетъ. Ибо, если въ церкви, что-либо читается, умъ же вашъ въ церкви не находится, но кружится тамъ и сямъ, то какая вамъ польза съ чтенія?

Да, идешь ты въ церковь, чтобы помолиться и послушать Божественныхъ словесъ, но подобаетъ для этого, т. е., чтобы осуществилось намѣреніе твоего прихода и умъ свой посвятить тому и мысль свою заключить въ Божественныя слова, чтобы не кружилась мысль тамъ и сямъ, въ попеченіяхъ о предметахъ земныхъ, дабы не случалось того, что служба оканчивается, а монахъ и не замѣтилъ, когда она началась и когда окончилась.

Узда мысленнымъ помысламъ есть молитва; какъ только скинешь съ себя молитву, тотчасъ-же разнуздается и мысль твоя, станетъ бродить тамъ и сямъ, какъ безсловесное безъ уздочки, отчего трудъ стоянія твоего, (въ церкви или на молитвѣ), дѣлается пропащимъ. Если-же будешь держать мысль свою, въ молитвѣ, то мысль твоя будетъ подобна скотинѣ безсловесной, имѣющей на себѣ узду, и ты можешь править ей, какъ захочешь и будешь благодаря сему понимать Божественныя слова церковныхъ чтеній.

Много добродѣтелей у молитвы. Молитва терпитъ, долготерпитъ, удерживаетъ цѣломудріе, пріобрѣтаетъ любовь къ Богу, просвѣтляетъ душу, и, какой-бы грязью не загрязненна была душа, молитва очищаетъ ее.

Если монахъ сдѣлается безсильнымъ въ молитвѣ изъ-за того, что *обременитъ себя попеченіями и мірскими круженіями* (т. е. *монашество вообще*), то каковъ-же станетъ мірянинъ, который и безъ того безсиленъ въ молитвѣ, (т. е. мало молится) и дарованій ея не имѣетъ?

ГЛАВА XL.

О необходимости трехъ-лѣтняго монашескаго искуса прежде пострижения.

Оставляетъ монахъ сущая въ мірѣ, приходя въ монашество, чтобы спасти душу свою посредствомъ подвиговъ аскетизма. — Добрѣ сотворилъ, хорошее дѣло —монашество, но что сдѣлаетъ монашеская жизнь послушнику, если отецъ его, говоримъ, старецъ, будетъ спать (духовно), будетъ помраченъ многими заботами о земныхъ вещахъ? Попеченіе о сокровиществованіи погрузило его въ забвеніе и сего ради позабылъ онъ о монашеской жизни.

Ангеломъ Божіимъ опредѣлено; пока не минутъ три года, не было-бы дозволенія дѣлаться монахомъ. Если кто сдѣланъ будетъ раньше указаннаго времени, то не на радость будетъ старцу такой монахъ, такъ какъ онъ, старецъ, постригъ его съ противузаконіемъ, т. е. началъ

и родилъ съ противузаконіемъ, подобно родителямъ, противузаконновавшимъ во время чревоношенія. Нынѣ-же не только трехъ лѣтъ не соблюдаютъ раньше пострига, но тотчасъ, по выходѣ изъ ложеснъ міра, дѣлаютъ монахами. Да, дѣлаютъ монахами, но радуются-ли на нихъ?—Оставимъ радость, по крайней-мѣрѣ хотя-бы назидали постриженнаго и объяснили жизнь монашескую [1]), но его оставляютъ пребывать съ мірскими похотьми, воздѣлывать свое злое расположеніе мірскаго обыкновенія воздѣлывать дѣла мірскія, и симъ осквернять крещеніе монашеской жизни. Старецъ-же его остается безпечнымъ къ дѣламъ постриженца своего, даже самомалѣйшаго предостереженія или порицанія не дѣлаетъ. Сталъ постриженный воздѣлывать дѣло мірское и всякое противузаконіе, непокорство, спорливость, преслушаніе, ярость. Совершенно забылъ, что онъ монахъ, такъ что, когда разсердится, выходитъ изъ себя, бросаетъ схиму на землю, требуя, чтобы его отпустили въ міръ, творить тамъ злыя свои похотѣнія.

Спрашиваю я васъ, отчего это произошло съ нимъ? не есть-ли это преступленіе старца его?—Да, старецъ окрестилъ его, но не берегъ его, предоставляя злымъ его похотѣніямъ. Но не только постриженецъ осквернилъ крещеніе покаянія своего, но осквернился и старецъ десяторицею, за постриженіе его, (противузаконное безъ соблюденія срока искуса). Скажете: какая-же вина старца его? Постриженецъ содѣлалъ противузаконіе, какъ-же старецъ осквернился десяторицею?—Ей, осквернился, и не только десяторицею, но тьмо-кратно, ибо, если старецъ не годенъ къ тому, чтобы исправлять души, то и не слѣдовало-бы ему и браться за то, чтобы дѣлать монаховъ, но, разъ сдѣлалъ, долженъ былъ пещись со строгостію о пользѣ постриженнаго, заботиться о спасеніи его, а не предоставлять погибели. И творятъ нынѣ старцы, какъ гласитъ одна мірская пословица: «окрещу и мѵромъ помажу, а тамъ хоть живи, хоть не живи...»

ГЛАВА XLI.

Для новорожденнаго необходимо омовеніе, новоначальному монаху скорби и слезы.

Осквернился младенецъ отъ зачатія первороднымъ грѣхомъ, но крещеніе его очищаетъ, очищается здѣсь младенецъ отъ нечистоты матери своей, про которую говорится: «се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмъ и во грѣсѣхъ роди мя мати моя». (Пс. 50). Прежде, нежели его крестить, младенца моютъ въ водѣ, а потомъ крестятъ. Послѣ крещенія ухаживаютъ за нимъ, не даютъ ему дѣлать, чего онъ хо-

[1]) Увы! сіе пожеланіе Преподобнаго очень приложимо и къ монастырямъ россійскимъ, (разумѣемъ монастыри „средней руки“).

четъ, но берегутъ отъ огня, отъ ножа, отъ паденія, и всякаго другаго вреда, пока не придетъ онъ въ подобающій возрастъ.

Таковъ и человѣкъ, удалившійся изъ міра и пришедшій въ монашество. Выходитъ онъ изъ утробы міра (такъ-же нечистъ), какъ младенецъ изъ утробы матери своей, приходитъ креститься, принимаетъ Ангельскій образъ. Но какъ онъ крестится?—не сразу по выходѣ изъ міра, но сначала покоряетъ себя подъ покровъ человѣка, который моетъ его «горчицей», (т. е. ѣдкимъ для глазъ мыломъ). Ибо иначе не сойдетъ нечистота міра съ человѣка. (Здѣсь игра словъ, ибо «синапи» значитъ горчица, а «сапуна»—мыло). Нечистота міра весьма прилипчива; такъ она къ человѣку пристаетъ, какъ полуда къ мѣди. Сердце человѣка дѣлается подобно полю, исполненному терніемъ, которое очиститься иначе не можетъ какъ только огнемъ. Какъ липкая нечистота (материнская) не отчищается иначе, какъ горчицей (т. е. мыломъ), такъ и нечистота міра не иначе отчиститься можетъ, какъ горчичнымъ треніемъ; только тогда отлипнетъ нечистота и станетъ человѣкъ чистымъ. Горчица эта называется: „печаль къ печали", „скорбь къ скорби", „плачъ къ плачу" (т. е. монахъ всю свою жизнь долженъ печаловаться о грѣхахъ, плакать, переносить скорби, никогда не успокаиваться отъ плача, но всегда быть печальнымъ, скорбящимъ и плачущимъ. Это и есть горчица, т. е. омывающая какъ мыло горечь.

Но, если горчица на лицѣ, а источники воды не текутъ, то и тогда нельзя отчиститься человѣку; опять, если и источники текутъ, а горчицы нѣтъ, и тутъ не отмыть человѣку съ себя нечистоту міра (т. е. одними слезами безъ скорбей). Источники суть—очи, горчица-же: печаль, скорбь и плачъ. Итакъ, если очи не будутъ имѣть слезъ, то что сдѣлаетъ имъ одна горчица? Хороша горчица для человѣка, но, когда нѣтъ слезъ, одна горчица не можетъ очистить человѣка; какъ и мыло безполезно, если нѣтъ воды. Такъ и человѣкъ: если не будетъ плакать и источать слезы, то никогда не попользуетъ его одна горчица; и опять-же: если не будетъ имѣть горчицы въ сердцѣ своемъ, не воспользуютъ его однѣ слезы. Итакъ, если не будетъ имѣть горчицы и текущихъ ручьевъ, чтобы отмыть и снять съ себя нечистоту міра, то какъ ему креститься?

Да, крещается человѣкъ (т. е. постригается безо всякаго предварительнаго очищенія души искусомъ), но, не имѣя горчицы и текущихъ ручьевъ, которыя именно и пріобрѣтаются путемъ самоотверженнаго послушанія,—оскверняетъ крещеніе свое: Если-же будетъ отмываться ручьями и горчицею:—тогда удалится отъ него нечистота. Поэтому, всякому (грѣшнику) подобаетъ непрестанно плакать. Но какъ возможно всегда плакать?—Послушайте.

Если будетъ воспоминать человѣкъ бывшіе свои грѣхи и тутъ-же—вспоминать смерть и могилу, тогда все больше и больше будетъ плакать.

ГЛАВА XLII.

Пристрастіе къ послушникамъ есть главная причина невзыскательности старцевъ.

Гдѣ нынѣ такіе архіереи, какъ тотъ Критскій архіерей, (см. ниже о Скитѣ Сервія), который заставлялъ много терпѣть Сервія, усердно пекся о спасеніи души Сервія, и спасъ его тѣмъ; гдѣ сегодня и послушники, способные терпѣть такую суровость? Они нынѣ не только не принимаютъ никакой строгости, но даже слова перенести и выслушать не хотятъ. Гдѣ нынѣ такіе старцы, чтобы пеклись такъ, (какъ старецъ Сервія, см. ниже), о послушникахъ своихъ, до трехъ лѣтъ подвергая ихъ строгому искусу, и уже потомъ постригая согласно Ангельскому извѣщенію? Нынѣ не только не хранятъ трехъ лѣтъ, но и трехъ мѣсяцевъ не соблюдаютъ.

Часто старецъ потворствуетъ безчинію и непокорству послушника. Это происходитъ отъ пристрастія къ послушнику; тогда послушникъ становится старцемъ, а старецъ—послушникомъ, окончательно подчиняя себя послушнику своему. Такъ всю жизнь свою, т. е. монашескую, сотворили старцы на изнанку, изъ-за пристрастія къ послушникамъ своимъ; т. е. въ древности послушники старцами дорожили, всецѣло покоряясь имъ, а нынѣ—старцы ухаживаютъ и дорожатъ послушниками. Причина пристрастія старцевъ къ послушникамъ бываетъ трехъ родовъ: Во-первыхъ, если у послушника есть деньги, старецъ прельщается деньгами, становясь подножіемъ ногъ послушника своего. Во-вторыхъ, если послушникъ молодъ, старецъ прельщается плотскимъ прельщеніемъ, даетъ полную власть послушнику своему и совершенно ему подчиняется. Съ этимъ пристрастіемъ къ послушнику проникаетъ въ старца бѣсъ, бѣсъ (мужестрастія), до такой степени начиная бороть его, что старецъ наконецъ, побѣждается страстію къ послушнику, дѣлая ему взоры; послушникъ, видя, какъ старецъ дѣлаетъ ему взоры, творитъ и самъ взоры старцу; старецъ еще больше воспламеняется любовною страстію плотскою, пьянѣетъ отъ сей любви плотской, начиная обнимать послушника; послушникъ, видя, что прельщается имъ старецъ, (досл. псилафизуется), начинаетъ и самъ прельщаться своимъ старцемъ; такъ увлекшись, боримы бываютъ оба, впадаютъ въ дѣяніе сваленія, валяясь, какъ свиньи, одинъ съ другимъ [1])... Послушникъ, увидавъ, какое дѣло сотворилъ съ нимъ старецъ, получаетъ о немъ худое мнѣніе, даже за

[1]) Само собой понятно, рѣчь идетъ не о всѣхъ старцахъ, а лишь о недостойныхъ.

человѣка его не считаетъ, считаетъ уже за осла, больше не спрашивая старца, что надо дѣлать и какъ. Старецъ-же, видя, что не спрашиваетъ его ни о чемъ послушникъ, сердится, волнуется, возмущается противъ послушника своего, но не смѣетъ выговаривать ему, ибо, какъ только станетъ ему выговаривать, тотчасъ послушникъ начинаетъ отвѣчать словами неприличными, т. е. грубостями. Тогда старецъ начинаетъ каяться, плачетъ, гнѣвается на себя, что такъ зло пострадалъ отъ послушника своего. Наконецъ, разгнѣвавшись на послушника, хочетъ прогнать его за безчиніе; прогоняемый послушникъ начинаетъ ругать старца своего и говоритъ ему: «вчера обѣщалъ ты мнѣ отдать домъ твой и все, что въ немъ, пока не исполнилъ со мною похотѣнія твоего; вчера ты мнѣ это обѣщалъ, вчера со мной творилъ похотѣніе твое, а сегодня прогоняешь меня? Такъ знай-же, что отнынѣ и впредь не имѣешь ты права ни на домъ, ни на то, что въ немъ, ибо купилъ то я себѣ честію моей? Самъ уходи и убирайся отсюда, такъ какъ преосквернилъ ты меня, злой бѣсъ...»—Старецъ, услыхавъ такія слова, печалится, скорбитъ и плачетъ.

Да, несчастный старецъ, ты плачешь, а вслѣдъ за этимъ еще острѣйшее будетъ. Что можетъ быть хорошаго для сѣрнаго фитиля, когда сойдется онъ вмѣстѣ съ горячимъ углемъ?—Уголь угасаетъ, но фитиль истлѣваетъ. Такъ и старцы: поскольку будутъ они держать при себѣ молодыхъ, всегда черезъ нихъ будутъ поруганы, молодой есть — уголекъ, а старецъ фитиль. Если старецъ съ молодымъ будетъ имѣть сообращеніе, то навѣрно будетъ тлѣть, какъ фитиль на углѣ!—Поэтому-то и не принималъ Сервій въ скитъ молодыхъ, (см. о Скитѣ Сервія), отчего скитъ избѣжалъ такихъ проклятыхъ скандаловъ...

Кто имѣетъ влеченіе къ земному и не имѣетъ влеченія къ духовному, тотъ никогда не будетъ приведенъ въ страхъ Божій. Кто не приведенъ въ страхъ Божій, тотъ никогда не будетъ приведенъ и въ страхъ старца своего, всегда будетъ унижать его и безчестить, будетъ говорить старцу своему: „я тебѣ, какъ рабъ работаю, тебя кормлю; какая еще нужда въ томъ, чтобы ты мнѣ и приказывалъ. Это приказанье я самъ знаю, не заботься о томъ, что я дѣлаю, не раздражайся, а сиди тихо и смирно...“

Старецъ, слыша, что дерзитъ съ нимъ послушникъ, терпитъ его дерзкія слова, такъ какъ имѣетъ пристрастіе къ нему и покоряется тому, что говоритъ послушникъ—садись, такъ сиди и встань, такъ вставай.

Если-же послушникъ знаетъ какое-либо рукодѣльное мастерство,—тогда такъ смиряется предъ нимъ старецъ, что становится послушникомъ предъ послушникомъ своимъ... Послушникъ бранитъ старца, а старецъ смиряется подъ руганью послушника.

ГЛАВА XLIII.

Опасность для общежитій отъ доступа въ нихъ молодыхъ.

Спрашиваю я васъ преподобнѣйшіе отцы, горящій уголь, когда упадетъ съ очага на полъ, то что причинитъ? Очевидно, причинитъ вредъ, а, если попадетъ на одежду, то сожжетъ ее. Говоримъ, если изъ міра придетъ молодой и попадетъ въ скитъ, то что причинитъ онъ тому скиту? — осквернитъ онъ скитъ или нѣтъ? — ей осквернитъ. Такой скитъ становится предъ Богомъ, какъ сожженое платье, т. е. платье есть цѣломудріе, которое страдаетъ отъ допуска молодыхъ лицъ. Если-же уголь попадетъ на сухую траву, то что причинитъ ей: вредъ или пользу?—Конечно вредъ, а не пользу.

Итакъ, сухая трава есть чинъ киновіи. Если не попадетъ на это сѣно горящій уголекъ, то есть, не будетъ допуска юныхъ, тогда въ киновіи будутъ жить Богоугодно, по чину, не будутъ истлѣвать отъ плотскихъ страстей; тамъ никогда не произойдетъ соблазна.

ГЛАВА XLIV.

Еще о монашескомъ воспитаніи.

Въ жизни человѣческой дѣти унаслѣдуютъ пороки родителей. То-же бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ приходитъ въ монастырскую жизнь.

Воздѣлывающіе монашескую жизнь, т. е. подвизающіеся о томъ, чтобы родить въ себѣ духъ спасенія, должны уподобляться чревоносящей, воздѣлывать спасеніе свое съ крайнимъ цѣломудріемъ, благоразуміемъ, тишиною и спокойствіемъ; но всуе будутъ они трудиться, если при подвигѣ будутъ имѣть три противуспасительныхъ яда. Ибо эти три яда, кто воздѣлываетъ ихъ, производятъ, забвеніе небеснаго ради земнаго.

Какъ міряне впадаютъ въ блудъ, прелюбодѣйство и распутство, такъ въ монашеской жизни, развивается блуженіе духовное, т. е. впадаютъ въ многопопеченія, въ многосокровиществованіе металловъ и т. п. Этотъ порокъ развивается въ монашествѣ все больше и больше, ибо молодое поколѣніе говоритъ, какъ дитя о родителяхъ: отецъ мой и мать моя творили такъ-же; отего-же и мнѣ не дѣлать того-же?! — Такъ и въ монашеской жизни.

Кто становится монахомъ у старца, который воздѣлываетъ такія злыя дѣла, то по смерти старца, каковъ станетъ самъ? —очевидно, какъ навыкъ, такъ и самъ будетъ дѣлать.

Отецъ его былъ старецъ, а мать—духовникъ. Если они творили такую пагубу, то что-же можетъ стать съ послушниками, особенно съ послушниками нынѣшняго времени, которые съ такою легкостью уклонились и уклоняются въ погибель? И откуда происходитъ такая легкость душевной гибели послушника? Происходитъ по винѣ старца, ибо послушникъ ввѣряетъ себя старцу, а старецъ не обличаетъ его, не путеводитъ на путь монашеской жизни...

Не обличаетъ-же старецъ послушника и не наставляетъ на путь спасенія или вслѣдствіе того, что послушникъ принесъ деньги, и старецъ боится обличать его, чтобы онъ не ушелъ отъ него съ деньгами или вслѣдствіе того, что послушникъ красивъ и старецъ имъ прельщается. Тогда послушникъ, видя, что старецъ дорожитъ имъ, умножаетъ свое зло, чтобы старецъ еще болѣе къ нему пристращался... Вслѣдствіе всего этого, послушникъ становится служителемъ страстей и дѣлателемъ погибели. Съ духомъ многостяжанія развивается въ немъ гордость. Онъ пребываетъ въ мірскихъ попеченіяхъ и спѣшитъ усокровиществовать вещества міра во власть свою; когда вдоволь насокровиществуетъ, тогда начинаетъ сокровиществовать самомнѣніе, воображая о себѣ, что имѣетъ славу міра. Мнитъ о себѣ, будто онъ есть державный властитель, что онъ нѣчто. Но, что такое онъ?—смрадъ и зловоніе. Онъ есть то, что онъ есть.—Есть забвенный или забывшійся, потому, что съ воздѣлываніемъ своимъ потерялъ путь спасенія своего.

ГЛАВА XLV.

Многоядeніе не только не подкрѣпляетъ, но разслабляетъ; почему теперь мы не можемъ такъ поститься, какъ древніе отцы.

Теперь люди берегутъ себя, какъ-бы не простудиться и не повредить тѣла своего тлѣннаго, но, чѣмъ больше берегутъ тѣло, тѣмъ больше оно истлѣваетъ.

Да, берегутъ, но какъ берегутъ?—Бережeніе ихъ въ прожорствѣ, чтобы обкармливать себя различными трапезными снѣдями и напитывать ими тѣло свое тлѣнное. Но тлѣнное тѣло ихъ вмѣсто того, чтобы откармливаться этими разными кушаньями, еще больше отъ нихъ истлѣваетъ. Ей, растлѣвается человѣкъ, но почему растлѣвается?—растлѣвается тѣмъ, что ѣстъ и пьетъ до пресыщенія, ибо обильная пища обращается у него въ мужеское сѣмя. Спрашиваю васъ — когда накопляться будетъ это сѣмя, сквернитъ оно цѣломудріе человѣка или нѣтъ?—Спрашиваю я, васъ преподобнѣйшіе отцы: если отъ обжорства образуется столько сѣмени, что оскверняетъ и цѣломудріе человѣка, то какъ-же должно растлѣвать отъ такого образованія сѣмени тѣло

человѣка? Какъ должна растлѣваться кровь изъ за сласти сѣменной, которую волею человѣкъ начинаетъ изливать, не въ силахъ будучи удержаться въ сопротивленіи сласти?

Но, кто ѣстъ съ воздержаніемъ, у того никогда не накопляется сѣмени, не растлѣвается цѣломудріе, не бѣднѣетъ онъ кровію своею; бываетъ всегда тѣломъ свѣтелъ и чистъ, всегда поэтому преизбыточествуетъ кровію, т. е. не расходуетъ ее даромъ и никогда не грязнитъ души своей, т. е. блудными грѣхами.

Неумѣреннымъ яденіемъ и питіемъ человѣкъ помрачаетъ сердце свое и погубляетъ сердечную силу. Итакъ сердечная сила человѣка погубляется обжорствомъ, душа-же этимъ самымъ удаляетъ Благодать Всесвятаго Дуда, ибо человѣкъ, изливая сѣмя свое, дѣлается блудникомъ, прелюбодѣйствуетъ, рукоблудничаетъ, занимается малакійнымъ сваленіемъ, или лишь мысленною малакіею, т. е. услаждаясь блудными мыслями. — Отъ сего растлѣнія гибнетъ кровь въ человѣкѣ, а страсть такую силу пріобрѣтаетъ въ немъ, что ни горы, ни холмы, не остановятъ ее, ни лѣса, ни чащи, не воспрепятствуютъ. Но человѣкъ несчастный этого не замѣчаетъ. Не замѣчаетъ онъ того, что, чѣмъ больше ѣстъ лакомой пищи, чтобы окрѣпнуть, тѣмъ больше слабѣетъ отъ накопляющагося въ немъ сѣмени, вслѣдствіе чего бываетъ не въ силахъ удержать свое господство надъ плотскою бранію, дѣлая вольныя изліянія во исполненіе похотѣнія своего, которое въ немъ становится господственнымъ. Особенно-же губительно прожорство и не пощеніе для монаха, ибо этимъ прожорствомъ онъ губитъ себя и спасеніе свое, самъ того не замѣчая.

Нѣкоторые говорятъ: мы не можемъ поститься.—По какой причинѣ не въ силахъ ты поститься? Знаешь-ли почему?—потому, что не имѣешь благодати Всесвятаго Духа; ради этого и не въ силахъ. Итакъ понудь себя къ посту, чтобы пріобрѣсти Благодать Всесвятаго Духа. Когда человѣкъ ѣстъ многоразличныя яства, тѣло услаждается, но благодать отстраняется отъ него и сердце человѣка обмираетъ. Не можетъ тогда человѣкъ поститься, ропщетъ, когда наступаетъ постный день или Великая Четыредесятница.

Чего ропщешь несчастный человѣкъ? Постись и воздерживайся, если хочешь, чтобы въ помощь пощенію твоему пришла Благодать Всесвятаго Духа.

ГЛАВА XLVI.

О влеченіи обратно въ міръ.

Итакъ, если ты, монахъ, не призванъ къ чадородству, то съ какою цѣлью воздѣлываешь это обжорство, обременяешь дѣло спасенія твоего и обновляешь дѣланіе распутства? Очевидно, ты раскаиваешься

въ томъ, что сталъ монахомъ, но какая польза въ томъ, что ты въ этомъ каешься? Вѣдь ты далъ слово—обѣщаніе предъ Царскими Вратами Алтаря, это твое обѣщаніе записано; какъ-же возможно тебѣ каяться въ томъ, что ты вписался?—Попекись же о томъ, чтобы не быть тебѣ побѣжденнымъ и не оказаться въ плѣну денницы.

Если ты, раскаявшись вернешься въ міръ, то не думай, что возможно тебѣ сдѣлаться хорошимъ міряниномъ, не выдержишь ты воздѣлыванія добродѣтелей, не выдержишь пути мірскаго, не понравится онъ тебѣ; и не вожделѣвай его. Ей говорю: не вожделѣвай.—Но, что пользы, - напрасно теряю я слова мои, (т. е. кто уже настолько помрачился, что возмечталъ о супружеской жизни въ міру, тотъ не послушаетъ словъ сихъ).—Вы объяты воздѣлываніемъ жизни міра сего; если я вамъ и стану говорить, не попользуютъ васъ слова мои, ибо помрачились вы воздѣлываніемъ мірскимъ. Часъ отъ часу все больше влечетъ васъ міръ и вы отправляетесь въ міръ, за сборомъ, подъ предлогомъ нужды.

ГЛАВА XLVII.

Уподобленіе осуетившихся монаховъ израильтянамъ въ пустыни.

Нынѣшніе монахи, ѣдя и пія до пресыщенія, прожорствуя съ многообразною пищею, собираютъ себѣ тяжесть, накопляютъ сѣмя въ части спиннаго мозга, и тогда это сѣмя насилуетъ человѣка; не въ силахъ будучи терпѣть, инокъ начинаетъ роптать, сердиться и возмущаться, что отрекся отъ брачной жизни, подобно Израильтянамъ противъ Моисея. Такъ какъ не въ силахъ были Израильтяне возвратиться въ Египетъ, то уклонились въ идолопоклонство. И монахи сегодня, ѣдя и пія, усиливаютъ свое плотское сладострастіе и, не въ силахъ будучи вернуться обратно въ міръ, уклоняются къ попечительной жизни мірской; эта попечительная жизнь мірская предъ Богомъ есть идолопоклонство. О, монаше! оставь путь жизни мірской сей; смотри, чтобы тебѣ всегда шествовать по пути спасенія и не презрѣть обѣтовъ жизни монашеской, какъ скитъ Сервія.

ГЛАВА XLVIII.

Сказаніе о чудесномъ вразумленіи одного скупого игумена, урѣзывавшаго довольствіе братіи въ одной обители Костамонитовъ.

Въ древнемъ общежитіи Костамонитовъ былъ одинъ игуменъ весьма сребролюбивый; если у него кто-либо изъ должностныхъ лицъ бывалъ тоже сребролюбивъ и обкрадывалъ, (т. е. урѣзывалъ отъ братіи

недодачей должнаго) довольства, то игуменъ любилъ и почиталъ его какъ второго бога. Въ особенности же такими были дохіаръ *) и трапезаръ, сребролюбивые отъ природы. Сребролюбіе ихъ выражалось въ слѣдующемъ: когда полагалось на расходъ выдать 8 литровъ вина въ день, они расходовали только 5, а воровали 3. Если полагалось израсходовать 7 окъ сыру, они воровали 3. Если полагалось на расходъ 50 хлѣбовъ, они воровали 20. Почти все, что употреблялось за трапезой они воровали и не давали братіи насыщаться ни одного разу. И изъ за этого—одни крали, а другіе, не имѣя, что поѣсть—роптали; вопль братіи дошелъ до Бога. Увидѣвъ такой вопль братіи Богъ утѣшилъ ихъ слѣдующимъ образомъ.

Послалъ Богъ Ангела Своего, сошелъ Ангелъ въ трапезную дохіарню и сѣлъ на окнѣ; была къ этому окну подвязана корзина съ разными сортами пищи; когда служитель накладывалъ сыру, и притомъ неправедно, тогда Ангелъ простиралъ руку свою (къ корзинѣ), бралъ изъ общаго запаса пригоршню и выкидывалъ вонъ за окно. Также бралъ вино и выливалъ наружу, бралъ хлѣбъ и выкидывалъ вонъ. Потомъ протянулъ руку къ верху, (т. е. поднялся въ верхнее помѣщеніе гдѣ была казна), взялъ горсть золота и выбросилъ вонъ за окно. Увидалъ это одинъ старецъ, именемъ Захарія, и возвѣстилъ игумену. Игуменъ, услыхавъ это, выругалъ его и сказалъ: „Оглупѣлъ ты сегодня въ старости твоей, несчастный. Убирайся отсюда, старый дуракъ".—Старецъ, увидавъ, что игуменъ выбранилъ его, положилъ метаніе. Когда онъ положилъ метаніе, пришло къ игумену письмо и гласило, что трое братій попались въ плѣнъ къ безбожникамъ, и что безбожники требуютъ за нихъ выкупъ. Пошелъ тогда игуменъ въ казну, чтобы послать сколько требовали на выкупъ, смотритъ и видитъ, что казна совершенно пустая. Смутился онъ, поднялъ крикъ, что обокрали казну; смутилась весьма и вся остальная братія. Захарія же говоритъ: „не смущайтесь этимъ, ибо я знаю кто взялъ деньги". Игуменъ зоветъ его и спрашиваетъ: кто взялъ золото, если говоришь ты, что знаю? — Говоритъ Захарія: Да, я знаю, кто взялъ золото".—„Говоритъ игуменъ: „Кто же взялъ" Говоритъ Захарія. „Тотъ, который сидитъ на окнѣ; вотъ уже семь дней, какъ я его тамъ вижу; до сего дня онъ тамъ стоитъ; спрашивалъ я его и сказалъ ему: зачѣмъ ты это дѣлаешь и хлѣбы вонъ выбрасываешь?—а онъ сказалъ: „дѣлаю для того, чтобы ты видѣлъ, что я дѣлаю". И я сказалъ ему: „зачѣмъ же ты такъ дѣлаешь?"—Онъ же мнѣ отвѣчалъ: „сребролюбія ради игумена я это дѣлаю. Пусть онъ себѣ скопидомствуетъ, а я буду выкидывать; посмотримъ кто въ выигрышѣ останется".—Я сказалъ ему, что игуменъ не сребролюбецъ, а онъ говоритъ мнѣ. „Да, ты хорошо сказалъ, для простыхъ не сребролюбецъ, а для лукавыхъ сребролюбецъ, ибо простые только ропщутъ, лукавые же воруютъ и тайно ѣдятъ. За это я, сколько раздатчикъ удержитъ

*) По нашему кладовщикъ. т. е., завѣдующій кладовой.

отъ положеннаго на человѣка, въ четыре раза больше выбрасываю вонъ изъ запаса. Тотъ же раздатчикъ, если дастъ полную порцію человѣку и уйдетъ человѣкъ съ благодарностью, тогда я въ десять кратъ присовокуплю и внутрь положу. Изъ за лукавства игумена, ради выгоды своей урѣзывающаго порціи у людей, угасло страннолюбіе. Онъ изгоняетъ страннолюбіе, воруетъ братскія порціи; поскольку онъ печалится о томъ, что много расходуется и поскольку онъ удерживаетъ, за то я въ десять разъ больше выкидываю изъ монастыря, какъ ты своими глазами видишь. Выбрасываю-же я все вонъ и не прибавляю внутрь, потому что не вижу, чтобы люди были благодарны. И какъ-же мнѣ прочее поступить иначе съ игуменомъ, когда онъ сребролюбецъ, заботится только, какъ-бы съэкономить;—видишь какакую выгоду онъ этимъ выгадываетъ и что я дѣлаю, въ возмездіе за его скопидомство. Вчера-же приходилъ одинъ нищій, посланный отъ Бога и попросилъ милостыню; онъ ему нисколько не помогъ, еще обезчестилъ его и вонъ выгналъ; когда я увидалъ это, то простеръ руку мою къ казнѣ и, сколько тамъ было золота, все вонъ выкинулъ. Также, когда вижу, кто, безъ необходимости въ томъ, ѣстъ особо отъ другихъ, т. е. особую пищу, то, сколько потратится на отдѣльную трапезу, я въ десять разъ больше выкидываю, потому что отъ этого растлѣвается киновія». —Сказалъ я ему: что ты за человѣкъ?—а онъ мнѣ говоритъ:— „Я есмъ и именуюсь Ангелъ Божій“.—Если игуменъ будетъ самъ себя облагополучествовать сребролюбіемъ своимъ, т. е. основывать разсчеты благополучія своего на экономіи, на урѣзываніи бѣдныхъ и братіи, то я сдѣлаю то, что онъ обѣднѣетъ, а, если игуменъ будетъ расходоваться на страннолюбіе свое, то я сдѣлаю то, что онъ будетъ благополучествовать. Пусть не думаетъ игуменъ, что можетъ самъ собою нѣчто сдѣлать, ибо, чтобы онъ ни дѣлалъ, безъ меня не можетъ ничего сдѣлать. Безъ меня люди ничего не могутъ дѣлать; когда сребролюбецъ, по сребролюбію своему изгоняетъ страннолюбіе, тогда навожу я бѣдствіе, съ которымъ онъ не можетъ справиться въ общежитіи“.—Вотъ что слышалъ я отъ человѣка и вотъ почему сказалъ вамъ, что знаю, кто взялъ деньги.—Говоритъ трапезарь: „Повѣрьте мнѣ отцы, мои, одинъ мѣхъ съ сыромъ расходовался бывало въ три и четыре недѣли, а теперь его не хватаетъ даже на одну недѣлю“.—И многое другое подобное объявилъ трапезарь. Подобно тому и дохіаръ объявилъ о такихъ-же убыткахъ не малыхъ. Игуменъ услыхавъ, таковыя слова, не мало изумился, яко человѣкъ согрѣшивъ весьма. И говоритъ игуменъ Захаріи: „Видишь-ли ты его доселѣ?“—Говоритъ Захарія: „Да все еще на окнѣ сидитъ, безпрестанно беретъ всего горстями; выкидывая вонъ за окно“. Говоритъ игуменъ Захаріи: „Скажи ему, чтобы онъ больше не выкидывалъ и что игуменъ проситъ ангела сказать, что ему дѣлать“.— Итакъ пошелъ Захарія и возвѣстилъ Ангелу. И сказалъ Ангелъ Захаріи: „Если игуменъ оставитъ лукавство сребролюбія, то будетъ ви-

дѣть киновію всегда въ благополучіи; пусть онъ всегда бываетъ за общей трапезой; тогда не обѣднѣетъ киновія, но будетъ всегда благополучествовать. Пусть не изгоняетъ страннолюбія изъ киновіи, пусть печется постоянно о братіи своей, какъ о самомъ себѣ. Если онъ все это будетъ творить, то я осчастливлю киновію его, а, если не послушаетъ того, что, я говорю, то сдѣлаю киновію бѣдной еще больше".

Захарія пошелъ и сказалъ игумену, что повелѣлъ ему Ангелъ. Игуменъ, услыхавъ такія слова, покаялся, положилъ обѣтъ Богу не отступать больше отъ того, что сказалъ Ангелъ, сталъ пещись о киновіи великимъ попеченіемъ, весьма радѣлъ о страннолюбіи и удовлетвореніи братіи въ киновіи; поскольку онъ радѣлъ, постольку киновія паче благополучествовала и никогда больше не оскудѣвала.

Увидалъ Ангелъ, что игуменъ исправился, но служители опять отступили отъ обѣта игуменскаго и дѣлали беззаконія. Пошелъ однажды Захарія помочь трапезарю, ибо случилась тяжкая работа и попросилъ его трапезарь о помощи; когда онъ тамъ пособлялъ, пришелъ одинъ братъ и попросилъ поѣсть; трапезарь, будучи занятъ, не далъ ему поѣсть; вдругъ увидалъ Захарія, что снова появился Ангелъ, простеръ обѣ руки, взялъ все, что было на трапезѣ и выкинулъ вонъ. Пришелъ другой братъ, попросилъ у трапезаря провизіи; такъ какъ трапезарь къ тому времени дѣло свое окончилъ, то онъ далъ ему продовольствіе его и братъ ушелъ съ благодарностію; Ангелъ, увидавъ, что братъ возблагодарилъ, вынулъ изъ корзины своей въ десять разъ больше того, чѣмъ дали брату и положилъ взамѣнъ того, что взялъ братъ въ общій запасъ. Поскольку трапезарь право выдавалъ, постольку въ десять кратъ отъ Ангела получалъ; когда-же не давалъ, то въ четыре раза Ангелъ выбрасывалъ. Захарія, увидавъ это, возвѣстилъ игумену, и тотъ сейчасъ-же повелѣлъ, подъ угрозой страшной эпитиміи, выдавать братіи сколько требуется и выдавать безропотно.

Ради этого и говорю я вамъ, если въ киновіи будутъ сребролюбствовать, то благословенія Божія на ней никогда не будетъ. Если и чинъ будетъ, но заведется отдѣльное ядѣніе безъ особой необходимости тѣлесной, то даровъ благодатныхъ никогда не будетъ на той киновіи. Нынѣ все преступили; какъ растенія теряютъ свой цвѣтъ, такъ общежитія скидываютъ свой чинъ, т. е. красоту добродѣтелей.

Когда спадетъ чинъ съ общежитій, тогда останутся они какъ изсохшая трава. Живи они Богоугодно, пребывали-бы тогда зеленой травою, но, такъ какъ не стали жить Богоугодно, то уподобились изсохшей травѣ. Какъ увядшее растеніе теряетъ цвѣтъ свой, такъ общежитія утратили цвѣтъ спасенія и стали подобны изсохшей травѣ.

ГЛАВА XLIX.

О раздорахъ въ монашескихъ общинахъ.

И бываетъ у нихъ, т. е. въ малыхъ монашескихъ семьяхъ, какъ въ міру. Вступаетъ въ семью бѣдная дѣвица, дѣлается невѣстой, вѣнчается, вступаетъ въ домъ и, мало-по-малу, начинаетъ гнушаться свекромъ своимъ и прекословить свекрови своей, т. е. бѣдная дѣва—поступающій молодой послушникъ, хотящій обручиться съ монашеской жизнію; свекровь - старшій въ келліи послѣ старца, записанный въ омологію вторымъ и по смерти старца имѣющій унаслѣдовать келлію. Дѣва дѣлается невѣстой—принимается, вѣнчается—значитъ: старецъ вписываетъ послушника въ омологію третьимъ.

Пока свекоръ живъ, невѣстка только пренебрегаетъ имъ и лишь прекословитъ свекрови, но, когда старецъ приближается къ смерти, невѣстка перестаетъ грубить старцу, но прекословія къ свекрови до того усиливаются у невѣстки, что свекровь, не въ силахъ будучи дольше терпѣть этихъ прекословій невѣстки, оставляетъ несчастная свой домъ, уходитъ изъ него и дѣлается странницей въ чужомъ домѣ, т. е. уходитъ старшій отъ старца своего, гдѣ былъ записанъ вторымъ послѣ него, изъ за интригъ вписаннаго третьимъ, издали взираетъ на труды всей жизни своей, которые присвоила невѣстка, теперь сидящая въ домѣ на ея прежнемъ мѣстѣ и хвалящаяся имъ, а свекровь бѣдствуетъ въ чужомъ дому, несчастная.

Все сіе произошло, какъ справедливое возмездіе, ибо она сама, т. е. нынѣ бѣдствующая свекровь, когда была невѣсткой, творила тоже самое своей свекрови; теперь получаетъ взаимно тоже. Не зачѣмъ печалиться о ней; печалиться надо о невѣсткѣ, потому что и она точно также пострадаетъ. Итакъ, что дѣлается у міряпъ, то начинаютъ усвоивать и въ монашествѣ, навыкаютъ къ тому и въ Горѣ сей.

ГЛАВА L.

Сравненіе избалованнаго монашества и избалованнаго послушника съ конемъ любимцемъ нѣкаго вельможи.

Приходитъ чужеродная сиротка, принимаетъ монашество въ одномъ изъ домовъ Горы сей честной и монашествуетъ въ дому томъ. Видятъ люди дома того, что прекрасна она красотою, цвѣтетъ юностію и даютъ ей волю въ дому томъ, т. е. начинаютъ баловать новоначальнаго; молодой забираетъ такую свободу, говоримъ, пріобрѣтаетъ такую дерзость,

что носится кругомъ по всей келліи, и такъ скачетъ по дому, что уродуетъ весь домъ.

Сія сиротка подобна красивой лошадкѣ, любимицѣ нѣкаго вельможи... Видятъ люди, что лошадка молода и красива; плѣняются ею до того, что пускаютъ лошадку совершенно свободно на прекрасное и воздѣланное поле. Лошадка, видя, что дали ей такую свободу, на полѣ, завладѣваетъ всѣмъ полемъ, скачетъ по немъ такъ, что дѣлаетъ его совершенно безобразнымъ.

Видитъ вельможа дворца вмѣстѣ съ людьми, пустившими на поле лошадку, что обезчещено ихъ любимое поле, однако вельможи и люди предпочитаютъ, чтобы скорѣе стало поле безчестнымъ и презрѣннымъ, нежели унять лошадку и огорчить ее; говоримъ, остановить погибель послушника. Предпочитаютъ люди, чтобы презирался и безчестился путь монашеской жизни, нежели чтобы подтянуть послушника и огорчить его. Постоянное пребываніе въ благодушіи и ласкательствѣ у старца ведетъ къ тому, что послушникъ уподобляется коню, котораго изъ любимцевъ отправляютъ на скотобойню подъ вьюкъ, таскать смрадныя шкуры. Несчастный послушникъ не вѣдаетъ того, что это будетъ и съ нимъ.

Тасканіемъ смрадныхъ шкуръ со скотобойни именуетъ здѣсь Святой обращеніе монаха отъ чистой, боголюбезной и цѣломудренной жизни монашеской къ жизни блудной, плотской и смрадной.

Видитъ вельможа дворца, что лошадка испортилась, утратила свою природную кротость, пріобрѣла дикость, стала непокорной къ барину своему и дворцовымъ людямъ, но долготерпитъ о ней, чтобы она сдѣлалась кроткой, приводитъ ее къ себѣ во дворецъ, дабы радовалась она у господина своего... Смотритъ господинъ и видитъ, что лошадка не исправляется, не дѣлается кроткой, даже во дворцѣ стоитъ дикой; тогда груститъ господинъ по поводу дикости лошадки, негодуетъ на нее и продаетъ ее на скотобойню таскать смрадныя шкуры битаго скота, (шкуры битаго скота суть смертельные плотскіе грѣхи).

Такъ и сотворили съ этой лошадкой, заставили ее таскать съ бойни смрадныя шкуры и заниматься зловоннымъ шкурнымъ дѣломъ. Однако не только зловоніе и смрадъ пришлось ей терпѣть, но также біенія и понуканія, чтобы она поспѣшала подъ такимъ грузомъ. Видитъ лошадка смрадную бѣду, которая напала на нее, стала припоминать прежній покой у хозяина своего, утраченный ею за дикость. Таская шкуры со скотобойни, встрѣтилась случайно лошадка съ господиномъ своимъ; приняла она видъ и образъ просительный, но хозяинъ не обратилъ вниманія на видъ ея, только сказалъ: «Зачѣмъ показываешь ты мнѣ теперь такой видъ покорности? этотъ видъ надо было тогда дѣлать, когда была ты со мной; нынѣ-же это безполезно для тебя, т. е. въ любимицы тебя не возьму больше; ступай и дѣлай шкурное дѣло за непокорство твое». Какъ говорится: «во адѣ кто исповѣстся тебѣ». (Пс. 6, 6).— О про-

подобнѣйшіе и честнѣйшіе іереи, священномонахи и честнѣйшіе монахи, находящіеся внутри Горы сей, смотрите, чтобы и съ вами не сдѣлалось того-же, что съ сей неблагодарной лошадкой.

Господь Іисусъ Христосъ ввелъ васъ крещеніемъ въ обширную палату церковную, но люди презрѣли церковь, не каются въ беззаконіяхъ своихъ, которыми грязнятъ крещеніе. Видитъ Богъ, что потерялъ человѣкъ чистоту свою, а воспринялъ нечистоту, — ложь, блудъ, прелюбодѣяніе, убійство, воровство, хищеніе, обиды, предательство и всѣ злобы міромъ воздѣлываемыя, долготерпѣлъ и долготерпитъ человѣку, ожидая покаянія отъ людей; привелъ ихъ, поставилъ во дворецъ. Говоримъ, въ жизнь монашескую. Монашеская жизнь есть Божественный дворецъ, внутри котораго живутъ люди воздѣлывающіе жизнь монашескую.

Такъ какъ люди загрязнили Божественную благодатную одежду крещенія, попрали чувство свое, т. е. любовь къ Богу, Богъ далъ имъ второе крещеніе покаянія, говоримъ, монашескую жизнь; въ постригѣ Ангельскаго образа явилъ Богъ вторичное крещеніе покаянія.

Привелъ и помѣстилъ иноковъ въ мѣстѣ покойномъ, не возмущаемомъ, чтобы не тревожились они ничѣмъ и не о чемъ, говоримъ, попеченіями и заботами.

Когда лошадка была на полѣ, имѣла-ли она какія-либо заботы и попеченія о водѣ, о пищѣ, что̀ ѣсть и что̀ пить? Она имѣла полное приволье, но сама пожрала мѣсто то и приволье сократилось. Видитъ хозяинъ, что поле съѣдено (т. е. потоптано)—и сократилъ волю. Пошелъ къ лошадкѣ, а она отъ него въ кусты прячется. Видитъ хозяинъ, что̀ стало съ лошадкой, взялъ ее и привелъ въ палату свою, чтобы она тамъ приручилась вмѣстѣ съ другими лошадками. Но почему же и у хозяина своего она не укротилась? Потому, что никогда, ни единаго раза не воображала себѣ мысленно, что такъ пострадаетъ, какъ терпитъ нынѣ, таская съ бойни смрадныя шкуры.

Говоримъ, видитъ Богъ бѣдствія міра и пагубу, которою погубляетъ себя человѣкъ, истаптывая сердце свое, какъ лошадка то поле, беретъ Богъ человѣка изъ міра въ монашество, но, когда видитъ, что эту милость Его погубляютъ, прогнѣвляютъ безграничное Божіе милосердіе нераскаянностію и неблагодарностію, тогда посылаетъ людей на бойню таскать смрадныя шкуры. И по дѣломъ за непокорство!

Видитъ Богъ непокорство людей заповѣдямъ Его, долготерпитъ по безмѣрной милости милосердія Своего, принимая людей въ обитель покаянія, на путь монашеской жизни, подобно тому, какъ хозяинъ лошадку во дворецъ. Переставилъ Богъ человѣка въ монашескую жизнь, чтобы не имѣлъ онъ другой заботы, а заботился только о душѣ своей. Но нынѣ ведущіе жизнь въ монашествѣ, подобно лошадкѣ, стараются лишь о томъ, какъ бы погубить свою душу въ мукахъ адскихъ изъ-за многопопеченій о тѣлѣ своемъ, какъ тѣло свое упокоить многоразличными

смрадностями трапезы, за которой во время ѣды осуждаются и малыя провинности братіи.

Посылаетъ Богъ проповѣдниковъ и учителей, дабы проповѣдывали и поучали изъ книгъ церковныхъ истинѣ Евангельской: «Не судите, да не судимы будете» (Мѳ. 7, 1). Сіе сотворилъ Богъ ради духа покаянія, не покаются-ли, и не пріобрѣтетъ-ли Онъ овцу погибшую. Но видитъ Богъ, что человѣкъ не имѣетъ покаянія. Въ первомъ состояніи своемъ не имѣлъ онъ покаянія, нарушивъ обѣты крещенія; и теперь, когда вступилъ на путь монашеской жизни, остается нераскаяннымъ и чувственнымъ.

Долготерпитъ Богъ, но какъ долготерпитъ? Столь долготерпитъ, что и Сына Своего возлюбленнаго въ жертву принесъ, какъ сказано: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ» (Мѳ. 3, 17). Благоволитъ Богъ Сына Своего человѣку, но человѣкъ не благоволитъ душою своею къ Богу. Человѣкъ предпочитаетъ благоволить душою своею къ пагубѣ и земному тлѣнію, нежели благоволить къ Богу. Нынѣ люди предпочитаютъ погибать, нежели спасаться. Предпочитаютъ оставаться слѣпыми, нежели дѣлаться зрячими. Предпочитаютъ быть нечистыми, нежели чистыми. Предпочитаютъ оневравдовать друга, нежели имѣть свое оправданіе, т. е. не быть судимыми за неосужденіе; предпочитаютъ осуждать и быть судимыми. Предпочитаютъ, вмѣсто беззаботія, имѣть заботу и пещись о сокровиществованіи всѣхъ смрадностей вселенной во чрево свое, подобное ненасытному чреву ада, нежели поститься и воздерживаться отъ страстей, изъ-за которыхъ становятся страстными и годными лишь для чрева адскаго. Предпочитаютъ дѣлать и трудиться какъ каменьщики, (дѣлатели башенъ), раскапывать гору сію отъ края до края, дабы благоукрасить ее, какъ земной рай, нежели вспоминать объ уготованномъ и благоукрашенномъ раѣ на небѣ.

ГЛАВА LI.

Какое нынѣ стало единеніе духа и союзъ мира.

Единеніе духа нынѣ стало въ любостяжаніи—какъ будто и не монахи они, несчастные монахи, туне бѣдствующіе въ погибельныхъ волнахъ мірскаго обуреванія.

Удалили себя отъ единенія съ міромъ, сочетались съ монашескою жизнію, чтобы спасти несчастную свою душу. Да, удалились отъ обуреванія міра, пришли въ монашескую жизнь, но какъ удалились? Удалились по мудрованію плотскому, ради облегченія себя отъ мірскихъ трудовъ, а не ради спасенія души. Удалились якобы для того, чтобы загладить беззаконія свои, но здѣсь преумножили и преумножаютъ ихъ

еще больше, нежели въ обуреваніи мірскомъ. Удалились отъ обуреванія міра, чтобы спасти несчастную душу, а ищутъ усердно мірскаго круженія, ищутъ веществъ міра и денегъ; за это они не сподобятся обрѣсти спасеніе свое, подобно Израильтянамъ, которые удалились изъ Египта, но изъ-за египетскаго пристрастія не удостоились обрѣсти доступъ въ землю обѣтованную.

ГЛАВА LII.

Сравненіе монашества съ израилемъ въ пустынѣ.

Да удалились фараонскаго обуреванія, вступили на путь къ обѣтованію, но, вступивъ на путь обѣтованія, не стали мирствовать, а начали съ того, что имѣли сластнаго подъ египетскимъ тиранствомъ. Стали требовать обуреванія египетскаго: одеждъ, мясъ, луку и чесноку. Богъ послалъ имъ манну, чтобы они мирствовали, но евреи возроптали на Моисея, такъ что, наконецъ, вознегодовалъ онъ на Израильтянъ посреди пути ихъ.

О, несчастные, нынѣшніе люди, не ощущающіе спасенія своего, преступившіе заповѣди монашеской жизни!

О, преподобнѣйшіе, находящіеся въ Горѣ сей! Моисей, преслушавшій Бога въ пустынѣ, при изведеніи воды, не вошелъ въ землю обѣтованную; что же будетъ съ вами, которые ослушиваетесь Бога каждое мгновеніе? Моисей изъ-за малаго преслушанія, содѣяннаго передъ Богомъ, не удостоился увидѣть земли обѣтованной, вы же, не повинуясь Богу каждый день и каждое мгновеніе, можете-ли благополучно совершить путь покаянія, т. е. монашескую жизнь, во спасеніе? Не являете вы Богу покаянія. Да и какъ увидѣть Богу отъ васъ покаяніе, когда въ васъ и слѣда покаянія нѣтъ? Среди васъ господствуетъ одно гордостное презорство. Имѣете вы другъ къ другу одну зависть, одно злопомнѣніе, одно враждострастіе, одну ненависть, такъ что и видѣть одинъ другого не можете. Вами обладаетъ осужденіе, вы осуждаете одинъ двугого. Вами обладаетъ одно непокорство, вы не покоряетесь монашеской жизни, какъ Израильтяне не покорялись Моисею.

Моисей означаетъ Гору Аѳонскую, т. е. чинъ Св. Горы; Гора Аѳонская для монаховъ есть Моисей. Израильтяне—это монахи, живущіе въ Аѳонской Горѣ.

Моисей, мало прогнѣвавшійся на народъ, не удостоился увидѣть земли обѣтованной, монахи же, непокоряющіеся одинъ другому, идущіе противъ монашеской жизни, подобно Израильтянамъ противъ Моисея, какъ сподобятся увидѣть Царство Небесное? Вы покинули монашескую жизнь, обладаетъ вами одна жизнь непотребная, которую вы проводите такъ,

какъ будто не монахи; чувства ваши помрачены; помрачились вы, какъ Израильтяне и прогнѣвляете противъ себя Бога. Не сподобитесь вы видѣть царства небеснаго, если не возьмете вы истиннаго покаянія, прежде нежели наступитъ часъ вечерній.

До часа вечерняго ожидаетъ Богъ, чтобы человѣкъ покаялся. Но покается-ли? Не каялся онъ съ утра до вечера, какъ покается къ отпуску вечерни? Да, Богъ ждетъ до самаго отпуска, но, если у человѣка и тогда не будетъ покаянія, то что сдѣлаетъ съ нимъ Богъ? Отлучитъ его отъ части благодатной, пошлетъ какъ коня на бойню таскать смрадныя шкуры, т. е. свою оскверненную плоть; говоримъ, пошлетъ въ преисподнѣйшее мучилище, да во тьмѣ его пребываетъ во вѣки.

Моисей имѣлъ заботу о столькихъ тысячахъ народа, которые теребили его всякій день, каждый требовалъ чего хотѣлъ: одинъ одного, другой другаго; евреи такъ закружили его, что онъ, закружившись, по неосмотрительности, отступилъ немного отъ повелѣнія Божія, —и за это былъ наказанъ Богомъ; не тѣмъ-ли паче вы, отступающіе каждый день отъ заповѣдей Божіихъ и обѣтовъ монашеской жизни, данныхъ вами предъ вратами Святаго алтаря, ведущіе себя такъ, какъ будто никогда никакого обязательства соблюдать монашескую жизнь не давали предъ алтаремъ, не тѣмъ ли паче вы наказаны будете подобно Моисею, т. е. лишитесь земли обѣтованной? Еще въ четыре раза больше подобаетъ вамъ быть наказанными, за нарушеніе вами обѣтовъ вашихъ.

ГЛАВА LIII.

Къ чему довело скитянъ пристрастіе къ земному. Раздоры и коварство.

Стоитъ нѣкій скитянинъ въ церкви, а умъ его мечтаетъ, какъ построить прекрасный домъ; выходитъ онъ изъ церкви, не ощутивъ того, что былъ въ храмѣ, выходитъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто вышелъ изъ театра, потому что во время службы онъ точно въ театрѣ взиралъ на суетная и ложная, стоя въ стойкѣ своей. И вотъ, когда сдѣлали отпустъ, пошелъ онъ въ келлію свою; вспомнилъ, что надо тянуть канонъ, тотчасъ всталъ, взялъ четки и началъ молиться. И говоритъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго,“ - а мысль его въ это время говоритъ въ немъ другое: «слѣдовательно, деньги мои, которыя я имѣю въ ростѣ, тотъ человѣкъ вдругъ умретъ, отъ кого я ихъ тогда получать буду?»

Г. І. Х. С. Б. п. м. г. — «У него есть вещи; если умретъ, возьму его вещи».

Г. І. Х. С. Б. п. м. г. «есть у него и маслинникъ, и столько деревъ масличныхъ въ немъ!»

Г. І. Х. С. Б. п. м. г.—«есть у него и мельница, которая перемалываетъ столько-то окъ муки».—«Кажется, не потерплю я убытка и не пропадетъ то, что я на немъ имѣю».

Г. І. Х. С. Б. п. м. г.—«Слѣдовательно, на томъ-то, на которомъ у меня есть 1000 грошей, въ сколько лѣтъ станетъ 2000?»

Г. І. Х. С. Б. п. м.—«Тогда возьму 1000 грошей, разрушу домъ, вмѣсто его сдѣлаю высокій и глубокій, (т. е. съ подваломъ, а образно — который сведетъ во адъ)».

Г. І. Х. С. Б. п. м.—«Внизу поставлю вино, пшеницу и положу дрова».

Г. І. Х. С. Б. п. м.—«Положу масла, рыбу и сыръ, сдѣлаю печку для хлѣба, и будетъ хорошо для подвала».

Г. І. Х. С. Б. п. м.—«На верху сдѣлаю одинъ архондарикъ, (т. е. гостинную комнату)».

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„Сдѣлаю еще три комнаты, къ дверямъ придѣлаю задвижки, устрою кладовую, припасы кухонные въ ней буду держать".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„На чердакѣ положу шерсть и ризари, (красильный корень для фесокъ)".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„Въ двухъ келліяхъ будутъ жить мои домашніе, а въ другой помѣщу станокъ, положу сработанную шерсть и орудія для работы".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„А себѣ что же не отдѣлилъ я комнаты? Пусть такъ, возьму одну изъ комнатъ, пока не придетъ кто въ сожители. Тогда надо бы для дома столько-то людей, столько-то вина, столько-то рясъ и столько-то исподнихъ рубахъ".

Г. І. Х. С. В. п. м.—„Ту бизулю надо исправить, (т. е. стѣнку садовую), а пониже ея посадить лимонъ".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„Сверху, повыше пизули, посажу апельсинъ, по сторонамъ смоковницы; если я столько-то корней смоквъ посажу, то сколько смоквъ онѣ дадутъ?"

Г. І. Х, С. Б. п. м.—„Посажу и лозъ столько-то, сдѣлаю столько-то кроватей; отъ столькихъ-то крюватей можно будетъ добывать столько-то вина и раки".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„Но мѣсто, о которомъ я забочусь сдѣлать постройку, принадлежитъ моему сосѣду, который есть „въ язву мнѣ".

Г. І. Х. С. Б. п. м.—„Пойду, обработаю, пусть-ка потомъ придетъ и отберетъ изъ рукъ моихъ".

Такъ насчитываетъ онъ мысленно громадную сумму выгодъ отъ сего дѣла въ вѣтреномъ попеченіи своемъ. Какъ не удержать вѣтеръ сѣтью, такъ неудержима и мысль у пекущихся о суетныхъ и ложныхъ

міра сего... Озабоченный сими вещами монахъ сейчасъ бросаетъ канонъ на половинѣ, швыряетъ четки свои на кровать, выходитъ изъ келліи, беретъ лопату, кошничный ножъ, говоримъ—ножъ кустарный, беретъ топоръ и отправляется на мѣсто, на которомъ мечталъ во время канона своего устроить различныя насажденія. Идетъ, срубаетъ кусты и вскапываетъ съ злою ревностію, чтобы сдѣлать на зло сосѣду своему.

Сосѣдъ слышитъ шумъ внѣ келліи, выходитъ, видитъ сосѣда своего копающимъ и спрашиваетъ: „что ты дѣлаешь, отче?"—Тотъ отвѣчаетъ и говоритъ: „Что дѣлаю? —на мѣстѣ, которымъ владѣю, что хочу то и дѣлаю".—Говоритъ сосѣдъ его: „Это мѣсто не твое, но собственное мое и моей каливы".—Тотъ отвѣчаетъ: „А чѣмъ ты докажешь, что твоя калива простирается до-сюда?"—Говоритъ другой: „А ты чѣмъ докажешь, что до-сюда? Мое здѣсь право и моя вещь".—Начинается между ними споръ; одинъ говоритъ: „это моя", другой: „моя, а не твоя".

И вотъ бѣгутъ они стремительнымъ бѣгомъ въ скитъ, обходятъ дома скитянъ, жалуясь другъ на друга; это для діавола удобная ловитва, чтобы возмутить этихъ [1]) и другихъ слухомъ смущенія ихъ. И вотъ обсуждаютъ дѣло, но какъ обсуждаютъ?—обсуждаютъ съ лицепріятіемъ, вмѣсто человѣколюбія и правды истинной, т. е. прекрасно видятъ, на чьей сторонѣ правда, однако лицепріятствуютъ къ обидчику по разнымъ побужденіямъ. Созываютъ старцы тѣхъ владѣльцевъ на соборъ, чтобы помирить ихъ, но каковъ соборъ ихъ? Собрались якобы для того, чтобы единодушно рѣшить, но рѣшительнаго сужденія не даютъ, не высказываются: «да, да», или «ни, ни», т. е. это—твое мѣсто или не твое; каждый на соборѣ высказываетъ свое мнѣніе, дѣлая другъ другу возраженія, чтобы запутать дѣло и умножить скандалъ, а не для того, чтобы примирить. Ни къ какому мнѣнію и рѣшенію прійти на соборѣ не могутъ, происходитъ между ними скандалъ; одинъ кричитъ другому: «Бери свою омологію, да отправляйся въ монастырь, чтобы тамъ тебѣ спорное мѣсто въ омологію вписали и тогда кричи себѣ, оселъ!»

Видѣлъ истецъ на соборѣ старцевъ, что поруганъ онъ ихъ рѣшеніемъ, что разсудили они неправедно и рѣшаетъ идти въ монастырь, тѣмъ болѣе, что его принуждаютъ идти туда. Истецъ настаиваетъ идти въ монастырь, обидчикъ говоритъ: «Ступай туда, я и самъ пойду въ монастырь узнать, что вы тамъ рѣшили».

И идутъ они оба въ монастырь, нагруженные подобно осламъ; обиженный идетъ въ тотъ же вечеръ, нагруженный какъ оселъ разными травами, лимонами, апельсинами, подарками одному и другому; одаривъ

[1]) Возмутить „этихъ"—т. е. скитянъ, судей, разбирающихъ тяжущихся келліотовъ; возмутить „другихъ", т. е. самихъ тяжущихся.

эпитроповъ, объявляетъ имъ потомъ дѣло свое. Тогда говорятъ ему епитропы: „Разъ ты пришелъ въ монастырь и объявилъ намъ дѣло твое, то не бойся; мѣсто будетъ твое, ибо мѣсто это монастырское, а монастырь, кому захочетъ, тому и отдастъ; ты теперь пришелъ къ намъ, мы тебѣ и отдаемъ его. Давай твою омологію, чтобы намъ тамъ это помѣстить и чтобы тебя больше никто не искушалъ». Даетъ онъ омологію свою эпитропамъ, тѣ вмѣщаютъ мѣсто въ границы его и не только прежнія границы его владѣнія подтверждаютъ, но прилагаютъ много больше земли, дѣлая это нарочно, чтобы умножить скандалъ и чтобы не примирились враждующія стороны, ибо, если-бы они утвердили за истцомъ справедливо имъ искомое, то обидчикъ отдалъ бы то захваченное мѣсто и успокоился; поэтому, чтобы поживиться отъ спорящихся, они нарочно вписали въ омологію обиженнаго землю по праву принадлежавшую *обидчику, съ тою цѣлью, чтобы онъ не примирялся съ такимъ* рѣшеніемъ и дѣло продолжалось бы.

Беретъ инокъ въ руки омологію свою, кланяется эпитропамъ, а они говорятъ ему: «Иди себѣ, мирствуй и въ предѣлахъ твоихъ дѣлай что тебѣ угодно». Идетъ онъ назадъ съ злою радостію, показывая омологію и говоря: «Земля моя, ибо я получилъ ее отъ монастыря».—Другой, услыхавъ объ излишкѣ, помѣщенномъ въ омологію противъ прежняго, весьма взволновался; рано утромъ идетъ онъ нагрузившись, какъ оселъ, свѣжей рыбой, селенгозами (ракушки), лимонами, печеньемъ и отборными апельсинами; идетъ съ великою стремительностію зла, приходитъ въ монастырь, находитъ эпитроповъ и передаетъ имъ любоодаренія. Эпитропы, увидавъ такіе подарки, говорятъ ему: «Добро пожаловать, садитесь сюда».—Онъ садится, эпитропъ приказываетъ слугамъ подать «карзозинонъ» (кофе) и въ него положить тростниковаго сахару.

Приготовили слуги, эпитропъ взялъ одну чашечку, взялъ чашечку и отвѣтчикъ; стали пить и разговаривать о дѣлѣ. Отвѣтчикъ говоритъ эпитропу: «Такъ какъ вы письменно бумагой и подписомъ утвердили такой участокъ во владѣніе за тѣмъ человѣкомъ, то большой отъ этого скандалъ произойдетъ въ скитѣ».—Эпитропъ отвѣчаетъ: «Повѣрь мнѣ, брате, мы это сдѣлали только ради мира, а не ради скандала».—Говоритъ отвѣтчикъ: «Да, ты правду говоришь, что сотворили вы то ради мира, но тотъ человѣкъ такой скандальникъ, подобнаго которому нѣтъ въ скиту».—И еще нѣчто прибавляетъ къ этому отвѣтчикъ, наговариваетъ паче того; говоритъ, что тотъ ходитъ теперь съ омологіей въ рукахъ и кричитъ: «мое мѣсто!» Пусть оно твое, мѣсто-то, но зачѣмъ лишнее помѣстили вы ему въ омологіи, теперь для дома моего нисколько и мѣста не осталось?» Услыхавъ эти слова эпитропы сдѣлали видъ, что возмущены и разгнѣваны, говорятъ бранныя слова и съ гнѣвомъ восклицаютъ: „Негодяй такой и шутъ, посмѣялся онъ надъ нами

съ обманами своими, и еще намъ бояться его? Пошлемъ человѣка привести его сюда, зададимъ мы ему, покажемъ ему, богомерзкому, какъ изъ насъ шутовъ дѣлать; лжецъ онъ и воръ. Кто лжесвидѣтельствуетъ, тотъ очевидно есть и воръ".—Другіе эпитропы говорятъ: „Явное дѣло, онъ посмѣялся надъ нами, обманно захвативъ мѣсто. Пошлемъ за нимъ чтобы привели его".—Тутъ замѣчаетъ одинъ эпитропъ: „Да, приведемъ мы его сюда, но вѣдь онъ намъ далъ столько-то грошей, какъ же теперь быть?"—Говоритъ другой: „Пусть намъ отвѣтитъ тотъ, кто желаетъ принять присужденіе".—Говоритъ истецъ: „Сколько далъ онъ вамъ за то, что помѣстили вы его въ омологію?"—Говорятъ эпитропы: „Онъ далъ намъ 150 грошей".—Говоритъ онъ: „Я даю вамъ 200, помѣстите то мѣсто въ мою омологію".—Услыхавъ такое слово отъ отвѣтчика, они тотчасъ требуютъ отъ него омологію, помѣщая туда спорное мѣсто и еще большій поднимаютъ скандалъ, чтобы затянуть тяжбу и получить съ тяжущихся побольше подарковъ. Потомъ подаютъ трапезу, вмѣстѣ они трапезуютъ тѣми любоодареніями, сидятъ и ѣдятъ, осуждая различными осужденіями; отвѣтчикъ съ осудительнымъ своимъ празднословіемъ сдѣлался доносчикомъ на своихъ соскитянъ, подобно Іудѣ предателю. Послѣ предательства встаетъ онъ съ трапезы, кланяясь удаляется изъ монастыря, возвращается съ злою стремительностью, съ дерзостію предстаетъ предъ скитомъ и ругается надъ сосѣдомъ своимъ. Увидавъ такое ругательство надъ собой, сосѣдъ идетъ къ духовнику своему и возвѣщаетъ ему все дѣло. Духовникъ говоритъ ему: «Не бойся, сейчасъ скажу тебѣ, что̀ сдѣлать, взойди сюда внутрь». Онъ взошелъ внутрь, духовникъ и говоритъ ему: «Ступай въ монастырь и скажи, что сей братъ весьма поругался надъ границами дома моего».

Тогда онъ по совѣту духовнаго отца идетъ въ монастырь и заявляетъ эпитропамъ, какъ научилъ его духовникъ. Эпитропы, видя, что у этого истца нѣтъ въ рукахъ любоодареній, не привѣтствуютъ его, принимаютъ звѣрски, съ дикими взорами, говорятъ съ нимъ презрительно, отвѣчаютъ съ безчестіемъ и грубостію, дѣлая это, чтобы устрашить истца, дабы онъ одарилъ ихъ подарками, сребромъ и златомъ. Истецъ, услыхавъ отъ эпитроповъ, что они его бранятъ, безчестятъ и гонятъ отъ себя, испугался и сказалъ: „Что худаго сдѣлалъ я вамъ, что вы меня гоните. Я пришелъ вамъ возвѣстить мое дѣло, а вы прогоняете меня?"—Говорятъ ему эпитропы: „Не пришелъ ты съ приличнымъ видомъ, но съ обманомъ. Ты хищникъ, желающій похитить мѣсто у монастыря. Вчера приходилъ къ намъ тотъ братъ, мы нашли его вѣжливымъ и правымъ, а ты являешься обманщикъ".—Говоритъ истецъ: „Почему же вы нашли его правымъ, а меня лжецомъ и хищникомъ?" Говоритъ эпитропъ ему: „Правость и правота есть въ томъ—заплати и получи. Онъ заплатилъ и получилъ, а не вертится, какъ ты, чтобы

обманомъ захватить и ничего не заплатить“.—Тотъ говоритъ: „Сколько онъ вамъ заплатилъ, что вы ему землю уступили?“—Эпитропъ говоритъ: „Господь свидѣтель, онъ заплатилъ намъ двѣсти грошей.—Истецъ, услыхавъ это, сталъ размышлять, сколько могъ-бы дать онъ самъ, но нѣтъ у него ничего. Раздумываетъ, что ему продать и не знаетъ что. Имѣетъ онъ одну лишь собственность, омологію на домъ свой; кладетъ себѣ на мысль взять денегъ подъ залогъ ея у кого-либо въ монастырѣ, взять двѣсти грошей и отдать монастырю, чтобы отмстить другому. Говоритъ онъ эпитропамъ: „Вотъ даю я вамъ двѣсти грошей, отдайте мнѣ то, что вписано ему въ омологію“. — Эпитропы ему отвѣчаютъ: „Подобаетъ тебѣ дать 300 грошей, тогда пусть будетъ такъ, если-же дашь только 200 грошей, то какая намъ польза съ того?“—Истецъ, услыхавъ это слово отъ эпитропа, началъ размышлять. Настало время вечерни, эпитропъ говоритъ ему: „О чемъ думаешь, и отчего странными тебѣ кажутся слова мои? Намъ же твои поступки странными кажутся. Вотъ позволяемъ тебѣ обдумывать до завтра, чтобы ты хорошенько поразмыслилъ и не говорилъ потомъ, что мы тебя принудили заплатить.“—Пошли въ церковь читать службу вечерни, истецъ стоялъ въ стойкѣ, чтобы слушать молитвы, но его окружили псилафизмы и преслѣдовали мысли, какъ выиграть тяжбу. Окончилась вечерня; онъ и не замѣтилъ, какъ она окончилась, вышелъ изъ церкви, сѣлъ на скамейку, раздумывая о тяжбѣ; пришелъ ему помыслъ и сказалъ“: Зачѣмъ тебѣ надо и то и то, бери свою омологію, ступай себѣ да мирствуй“.—Въ то время, какъ онъ это думалъ, прошелъ мимо его эпитропъ; они поклонились взаимно, эпитропъ сказалъ: „Что подѣлываешь?“—Истецъ говоритъ: „Обдумывалъ я дѣло и не въ силахъ дать столько“. Эпитропъ говоритъ: „Если не въ силахъ, то ступай себѣ, мирствуй и не касайся границъ“.—Взяли его омологію и вписали въ нее, что онъ имѣетъ право только на одну каливу и не больше. Истецъ опечаленный удалился въ свою каливу, скорбитъ, воздыхаетъ, бранитъ и гнѣвается противъ своего сосѣда, видя, какъ его землю обрабатываетъ другой; до того возмущается духъ его, что когда творитъ канонъ, то вмѣстѣ съ противникомъ своимъ онъ творитъ, т. е. не перестаетъ отъ злопамятства; когда стоитъ на службѣ, у Литургіи или вечерни, всегда ведетъ мысленно свою тяжбу съ другимъ; поскольку видитъ радость противника, постольку гнѣвается, и печалится.

Видитъ другой, какъ это мѣсто, захваченное съ такою легкостію, хорошо обработано, засажено плодовыми деревьями и благоукрашено, а до того было каменистымъ и тернистымъ; спрашиваетъ захватившаго и говоритъ: „Какъ это ты легко завладѣлъ?“—Тотъ отвѣчаетъ и говоритъ: „Для чего спрашиваешь меня о семъ?»—Вопрошающій говоритъ противузаконнику: „Зачѣмъ, брате, сердишься? спрашиваю потому, что и у меня есть такое одно мѣсто, которымъ владѣетъ другой; я и хочу знать,

какое средство ты употребилъ, чтобы захватить мѣсто то?“ —Говоритъ противузаконникъ вопрошающему: „Потратилъ я на это 6 торбъ подарковъ; въ каждой торбѣ былъ отдѣльный сортъ подарка. Въ одной торбѣ была свѣжая рыба, въ другой —селенгозы, въ третьей —пирожки, въ четвертой лимоны, въ пятой травы; 200 грошей еще далъ; такъ удалось мнѣ взять это мѣсто, обработать его; теперь смотрю на него и радуюсь“. Говоритъ вопроситель: „Мое мѣсто еще лучше чѣмъ твое“.— Говоритъ противузаконникъ: „Будь у меня такое мѣсто, я далъ бы за него не только такіе подарки, но еще вдвойнѣ и грошей столько-же, ибо я знаю, какой былъ-бы садъ на томъ мѣстѣ“.—Услыхавъ вопроситель такое слово отъ противузаконника, сказалъ: „Да, мѣсто хорошо, но какъ-бы намъ сдѣлать, чтобы захватить его во власть мою?»— Говоритъ противузаконникъ: „Имѣй терпѣніе; я постараюсь передать его тебѣ во власть твою“. — Говоритъ вопроситель: „Если сдѣлаешь такъ, то великую радость мнѣ принесешь“.—Говоритъ противузаконникъ: „Не безпокойся, я такъ передамъ его тебѣ, что ты и не замѣтишь какимъ образомъ завладѣлъ имъ; только сдѣлай вотъ что: приготовь подарки, какъ я тебѣ сказалъ; когда потребуютъ тебя въ монастырь, то иди съ подарками, одарилъ-бы архимандрита вмѣстѣ съ эпитропами. Одари также и портаря, ибо нѣкоторые бездѣльники собираются въ портѣ, подымаютъ тамъ разговоръ о разныхъ дѣлахъ; между прочими дѣлами, зайдетъ рѣчь и о твоемъ дѣлѣ; если найдется что-либо противное твоему дѣлу, то портарь *) можетъ вставить словечко въ твою пользу, чтобы не было тебѣ помѣхи“.—Услыхавъ это, заинтересованный отъ противузаконника, обѣщался сдѣлать то, что тотъ ему сказалъ.

Видитъ противузаконникъ, что готовъ тотъ сотворить такъ, какъ онъ его научилъ; когда они разстались, онъ тайно пошелъ въ монастырь, сообщивъ все въ подробности эпитропамъ. Эпитропы говорятъ: „Отчего же онъ самъ не придетъ къ намъ и не скажетъ своего дѣла, чтобы, разсмотрѣвъ тщательно, исправить? Чего онъ одинъ сидитъ и утѣсняется?“—Говоритъ противузаконникъ эпитропамъ: „Онъ имѣетъ намѣреніе прійти, но не знаетъ отношенія вашего къ сему и какое ваше мнѣніе о семъ“.—Говорятъ эпитропы: „Мы такихъ то и дожидаемъ, чтобы съ нихъ поживиться, а ты намъ говоришь: какое ваше мнѣніе?—Пойди скажи ему, чтобы приходилъ, да поскорѣе, чтобы намъ съ него попользоваться“.—Услыхавъ это слово, противузаконникъ говоритъ эпитропамъ: „Вотъ иду, и пошлю его вамъ, только смотрите, удовлетворите его по праву его“. — Потомъ сказалъ: „Благословите“. — Говорятъ ему эпитропы: „Добрый часъ тебѣ. Смотри же склони брата, чтобы поскорѣй приходилъ. Склоняй и другихъ, чтобы устраивали между собою тяжбы, чтобы намъ открыть судебную работу, ибо мы этимъ поправляемъ свои разстроенныя дѣла“.

---

*) „Порта“—ворота; „портарь“—привратникъ.

Итакъ, противузаконникъ удалился изъ монастыря, пошелъ въ скитъ, возвѣстилъ заинтересованному все дѣло и сталъ склонять его, идти въ монастырь. Заинтересованный говоритъ ему: „У меня ничего не заготовлено; какъ-же мнѣ пойти съ пустыми руками?“—Говоритъ противузаконникъ. „Я все тебѣ приготовлю, только ты изготовься пойти“.—Противузаконникъ начинаетъ тогда приготовлять подарки, ходитъ изъ дома въ домъ, проситъ (въ долгъ) отборныхъ лимоновъ, апельсиновъ, селенгозъ, посылаетъ собрать разныхъ травъ, готовитъ тѣсто, черезъ шелковое сито просѣваетъ муку, заботясь о томъ, чтобы извлечь одинъ пшеничный тукъ. Сейчасъ-же замѣшиваетъ его, усердствуетъ въ раскатываніи тѣста, закатываетъ пирожки, дѣлаетъ ихъ съ разными разностями, старается, чтобы они хорошо взошли, помазываетъ сочевицей, посыпаетъ макомъ, выдѣлываетъ на пирожкахъ разные узоры; чистымъ полотенцемъ покрываетъ ихъ, чтобы они поднялись. Наконецъ, послѣ столькаго труда и заботъ кладетъ ихъ въ печку, безпокоясь какъ-бы какой изъ нихъ не покривился, чтобы вышли они изъ печки румяными и красивыми. Послѣ того мѣняетъ свою исподнюю рубаху, которая вся въ поту отъ многаго старанія.

О, безумный, безумецъ во спасеніи своемъ, и косный въ сердцѣ твоемъ?.. Спрашиваю я васъ: отчего не подвизаетесь вы такіе и въ подвигѣ монашескомъ? Почему не (доводите себя до того), чтобы мѣнять рубахъ своихъ? почему не испускаете изъ себя пота подвижническаго?—Кажется и капли нѣтъ на васъ пота подвижническаго, а потому незачѣмъ вамъ и бѣлье мѣнять. Спрашиваю я васъ; почему вы не потѣете въ подвигѣ монашескомъ?— и опять отвѣчаю вамъ: потому, что вы подвигомъ монашеской жизни совсѣмъ не подвизаетесь, всѣмъ расположеніемъ вашимъ склонились къ воздѣлыванію зла; всуе трудитесь, потѣя пòтомъ тѣлеснымъ надъ погибелью, надъ воздѣлываніемъ злаго расположенія, отъ котораго и погибаете. Одно только въ васъ злое расположеніе къ погибели... одна только злая проповѣдь осужденія; почему міряне, видя такія ваши злыя наклонности, получаютъ о васъ лишь худое мнѣніе. Вы повредили мірянъ; міряне повредились изъ-за васъ, изъ за злоухищреній вашихъ, съ которыми вы ухитряетесь завлекать въ монастырь, какъ въ западню, чтобы скитяне приносили вамъ разные подарки въ монастырь, ради злотворенія брату своему. Вы стараетесь, чтобы одинъ другому творилъ зло, печетесь о предательствѣ, чтобы другъ друга предавали, взаимно осуждали, другъ другу зло творили, другъ друга обвиняли, низлагали и другъ другу отомщали. Великое это непотребство предъ Богомъ, что ходятъ скитяне въ монастырь съ пирожками, которые съ такими стараніями преукрашаютъ, укладываютъ (бережно) въ кошницы, ищутъ людей, чтобы нанять, нагрузить ихъ ими какъословъ и доставить въ монастырь...

Итакъ, отправляется заинтересованный въ монастырь, идетъ къ эпитропамъ; эпитропы говорятъ ему: «Добро пожаловать. Сюда пожалуйте».—Заинтересованный приказываетъ навьюченнымъ (отнести торбы) къ эпитропамъ, тамъ они развьючиваются; эпитропы посылаютъ этихъ людей за общую трапезу, истецъ остается съ эпитропами, объявляя имъ свое дѣло. Эпитропы говорятъ: „Сходи къ архимандриту и къ ризничему, заяви имъ о дѣлѣ твоемъ, ибо мы безъ нихъ ничего сдѣлать не можемъ“.—Пошелъ онъ къ архимандриту, снесъ нѣсколько подарковъ, далъ еще 200 грошей, и забралъ мѣсто. Противузаконникъ-же и предатель, когда удостовѣрился, что сей заполучилъ землю, бѣжитъ и сообщаетъ о томъ другому; по совѣту предателя идетъ и этотъ съ дарами въ монастырь [1]). Отдалъ онъ здѣсь 350 грошей, землю опять

---

[1]) Относительно сутяжничества и кляузничества на Св. Горѣ Аѳонской дѣлаемъ нижеслѣдующую выписку изъ ставшей теперь библіографической рѣдкостью книги Н. А. Благовѣщенскаго „Аѳонъ. Путевыя впечатлѣнія“, СПБ., 1864 г., 160, 161 стр. „Вся земля Аѳонскаго полуострова съ давнихъ поръ раздѣлена между монастырями и границы этихъ владѣній до нашихъ дней служатъ предметомъ безконечныхъ споровъ. Чуть разбогатѣетъ какой монастырь, первымъ долгомъ онъ спѣшитъ предъявить свои права на землю; сосѣднія обители, конечно, не уступаютъ и спорное дѣло завязывается. Оно сначала поступаетъ на разсмотрѣніе протата, которому, по этому случаю, каждая сторона подноситъ подарки; потомъ переходитъ къ агѣ, тоже съ подарками; отъ аги къ солунскому пашѣ, съ подарками, и наконецъ доходитъ до Константинополя, гдѣ тоже нельзя обойтись безъ подарковъ. Отъ цѣнности этихъ подарковъ, конечно, зависитъ весь успѣхъ спора и кто больше дастъ, тотъ и выиграетъ. Иногда тяжбы возникаютъ изъ-за нѣсколькихъ саженъ земли, или даже изъ-за одной кельи и тянутся по нѣскольку лѣтъ; кассы монастырскія истощаются, драгоцѣнныя вещи идутъ въ закладъ, а, между тѣмъ, каждый монастырь какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, ни за что не уступитъ противнику и бьется изъ послѣднихъ силъ, чтобы задарить начальство. Эти тяжбы—бичъ для Аѳона, и безъ преувеличенія можно сказать, что большинство капиталовъ монастырскихъ погибаетъ за тяжбами и переходитъ въ имѣніе турецкой власти. Лѣтъ десять тому назадъ, (въ 1850-хъ годахъ), есфигменскій сборщикъ привезъ изъ Россіи около 50 тысячъ руб. серебромъ и монастырское начальство сряду же послѣ этого возобновило свою застарѣлую тяжбу съ сосѣднимъ Хиландарскимъ монастыремъ о нѣсколькихъ десятинахъ земли. Споръ былъ проигранъ, но въ немъ Есфигменъ ухлопалъ весь свой капиталъ и, кромѣ того, надѣлалъ множество долговъ, для покрытія которыхъ ему пришлось посылать за новымъ сборомъ“.

Въ книгѣ: „Русскій монастырь Св. Пантелеимона“, М. 1886 г., 153 стр., гдѣ разсказывается о посѣщеніи 16/17 Іюня 1867 гооа Св. Горы Аѳонской Его Императорскимъ Высочествомъ Вел. Кн. Алексѣемъ Александровичемъ, читаемъ слѣдующее о посѣщеніи Великимъ Княземъ Хиландаря, (сербск. монастыря на Аѳонѣ).—„Бесѣдуя со старцемъ игуменомъ, Его Высочество выразилъ свое сожалѣніе о несогласіи между двумя сосѣдними, (Поземельный споръ) славянскими обителями (Хиландаремъ и Зографомъ), истощающемъ непроизводительно средства обоихъ, и высказалъ желаніе и надежду, что они поспѣшатъ примириться между собою“.

приписали ему; когда дошли оба соперника до спора, брани и оскорбленій неподобныхъ, тогда пошелъ архимандритъ съ эпитропами и со старцами въ (скитъ), чтобы выгадать 200 грошей съ перваго и 350 грошей съ втораго; мѣсто было подѣлено между ними и сказалъ имъ: «если не помиритесь, то прогонимъ васъ съ монастырской земли». Испугавшись они помирились и взялъ каждый свою половину. Да, помирились, но какимъ образомъ помирились?—Помирились такимъ образомъ, что смотрѣли другъ на друга, какъ кошка на мышку (т. е. какъ-бы сосѣда скушать), въ сердцахъ ихъ было такое злапамятство, что и видѣть не хотѣлъ одинъ другаго.

ГЛАВА LIV.

О зломъ навыкѣ взяточничества въ монастыряхъ и къ чему это приводитъ.

Такимъ образомъ установился въ монастыряхъ злой обычай и навыкъ къ тяжкимъ любоодареніямъ, которые стали почти второю обязательною данью. Дарятъ для того, чтобы творить каждому злыя свои похотѣнія; ведется этотъ злой обычай и до сего дня; преумножаетъ каждый любоодаренія свои, каждый скитъ любоодаряетъ монастырь разными подарками, каждая калива даритъ ежегодно по 200—300 пирожковъ, лимоновъ, апельсиновъ, травъ и селенгозъ безъ числа. Скитянинъ предпочитаетъ весь свой домъ разорить на подарки, чтобы другаго низложить, нежели сохранить свой домъ (цѣлымъ) и дать одолѣть себя въ тяжбѣ, другому. Такимъ образомъ скинули съ себя подвижники терпѣніе, воспріявъ возмущеніе, и возмущаются другъ противъ друга. Скинули любовь, и воспріяли злопамятство. Скинули нестяжаніе, и воздѣлываютъ сокровиществованіе. Скинули молитву, и держатъ осужденіе. Скинули истину, и воздѣлываютъ отмщеніе съ обманами; (заботятся) какъ-бы другъ другу отомстить. Скинули справедливость, воздѣлываютъ лицепріятіе въ обиду праведника, обижаютъ другъ друга, (ревнуя о томъ) кто первый низложитъ другаго съ неправдою и отмститъ съ дарами любоодаренія, кто первый одаритъ монастырь и сдѣлаетъ неправду праведнику. Такъ умножились мало-по-малу злобы у аскетовъ (т. е. келліотовъ и скитянъ); поскольку умножаются злобы ихъ, по стольку умножаютъ они и свои любоодаренія до сего дня. И навыкли монастыри злоухищреніямъ скитянъ, ударились они въ хищенія, похищаютъ и обижаютъ, лживо оправдывая неправедниковъ, сокровиществуя неправды аскетовъ въ воровскія сокровищницы свои, (оправдывая себя тѣмъ, что) сокровиществуютъ (якобы) ради монастырскихъ доходовъ.

О, несмысленные и косные сердцемъ! (нѣтъ отъ этого дохода монастырю), только въ ваши воровскія сокровищницы сокровиществуете. Не вѣдаете того, несчастные, что за одного, котораго вы сдѣлаете несчастнымъ чрезъ неправедный судъ вашъ, вы въ десять разъ больше будете сами наказаны на высшемъ судѣ.

Итакъ, если предложатъ тебѣ подарокъ, чтобы оправдать неправеднаго, воздержись отъ подарка, сдѣлай судъ праведный, такъ чтобы перваго не обидѣть, но и второму зла не сотворить. Если будешь принимать подарки, да еще отъ обоихъ сторонъ и разрушать благобытіе скитянъ, то что дѣлать тогда скитянамъ?

Если жизнь скитянъ разстроилась, то это по твоей винѣ. Что побуждаетъ тебя давать имъ дозволенія строить такіе красивѣйшіе дома; даже въ Царь-Градѣ поищешь и не найдешь такихъ каливъ, какъ у твоихъ скитянъ. Столько въ нихъ сокровиществовано богатствъ, сколько нѣтъ и у агарянина, который находится въ погибели душевной. *).

ГЛАВА LV.

О плотоугодіи и сравненіе съ агарянами.

Вы уподобились агарянамъ, которые, находясь на пути ложномъ, погибельномъ, воображаютъ о себѣ, что спасаются. Такъ и вы, впали въ тотъже родъ погибели; вы говорите какъ и они: если не будемъ прославлять чрева нашего сладострастною утѣхою плотскихъ страстей, если не будемъ покоить плоти въ сладострастномъ наслажденіи, то горько намъ безъ сего.

Вопрошаетъ нѣкто агарянина и говоритъ. «Если мнѣ нечѣмъ заплатить, чтобы потѣшить сладострастіе свое, то что мнѣ дѣлать»?— Отвѣчаетъ агарянинъ: „Продай чадъ своихъ и упокой сладострастіе свое, какъ оно требуетъ“.—Говоритъ вопрошающій: „А если у меня нѣтъ чадъ, то что мнѣ дѣлать?“—Говоритъ агарянинъ: „Продай одежду твою“.—Т. е. пожертвуй всѣмъ ради сладострастія,—такъ пристрастны къ нему агаряне; также становятся пристрастны къ нему и къ плоти своей нынѣшніе монахи.

Продалъ несчастный одежду свою, чтобы сходить упокоить сладострастіе свое, и остался нагъ. Внезапно наступила зима, сталъ онъ весьма мерзнуть. Проситъ одежды у другого, тотъ не даетъ ему, но говоритъ: „ступай лучше къ продающимъ и купи“.—Пошелъ онъ на базаръ, чтобы купить, встрѣчаетъ его тягчайшій холодъ и заключился базаръ. Кричитъ и говоритъ: откройте мнѣ, чтобы мнѣ одежду купить и одѣться. Говоритъ ему продавецъ: „когда я даромъ раздавать хо-

*) Мысль та, что при построеніи громадныхъ, красивыхъ зданій не надобно забывать и о созданіи своего духовнаго дома. (1 Кор. 3, 10—17).

тѣлъ, вы не приходили, а когда я заперъ дверь раздачи, тогда приходишь покупать? Нынѣ иди отъ меня, „не вѣмъ васъ“.

Тоже дѣлаете и вы сегодня, мечтая о плотскомъ и чувственномъ пути погибели, какъ тотъ, всѣмъ пожертвовавшій ради плотскаго сладострастія; такимъ-же образомъ и вы погибнете. Охъ, бѣда вамъ, что дѣлаетесь вы рабами чреву, тѣшите плотскія страсти упокоеніемъ сладострастнымъ и наслажденіями многоодареній погибели, ревнуя о томъ, кто первый многоодарится и поселится въ жилище какъ дворецъ украшенномъ, чтобы жить въ немъ и погублять себя. Пришла зима, заключились очи воздѣлыванія лжи и обмановъ міра; тогда останетесь вы голы и всенаги, поработившіе себя ложнымъ и обманчивымъ волнамъ міра, останетесь наги отъ всѣхъ дарованій монашеской жизни.

Путемъ ея шествуете, но что за польза съ того, когда не преизбыточествуете въ добродѣтеляхъ? Трудомъ трудитесь, но о воздѣлываніи добродѣтелей не заботитесь. Алчбу переносите, но потомъ не поститесь; и не только не прибыточествуете въ добродѣтеляхъ, но разореніемъ разоряетесь, въ погибель разоряя себя.

ГЛАВА LVI.

О скопидомствѣ и ростовщичествѣ; картина того, къ чему это приводитъ.

Имѣете вы у себя сребро и злато для того, чтобы давать дары, чтобы мстить одинъ другому, стараясь и ревнуя о томъ, чтобы опередить одинъ другаго и, ублаживъ дарами власти монастырскія, низложить его.

О, несмысленные и косные сердцемъ! Что тебя, о монастырь, заставляетъ принимать подарки скитянъ, осквернять доходы монастыря сими оскверненными и противузаконными дарами. Послушай и увидишь, что это такое. Они суть скверна, потому что чрезъ нихъ снисходятъ и снизошли съ монашества, (т. е. преступаютъ обѣты нестяжанія и воздержанія), удалились и удаляются отъ монашеской жизни изъ-за рукотворенныхъ погибели; мало того, что погибаютъ и губятъ себя рукотвореніемъ, сокровиществованіемъ и заботою о тлѣнныхъ міра сего, о сребрѣ, златѣ и прочихъ подобныхъ, но дѣлаютъ еще и противуестественное беззаконіе, попираютъ противузаконники уставъ преподобнаго отца нашего Афанасія и уставъ скита... (т. е. разбогатѣвъ принимаютъ въ услуженіе безбрадыхъ).

Великая, великая, велика мерзость предъ Богомъ, когда скитяне имѣютъ сребро и злато въ ростѣ. А кто его нынѣ не имѣетъ? Развѣ

только самые малые, а то почти всѣ духовники это дѣлають, имѣють сребро и злато въ ростѣ и сокровиществують. Когда такого противузаконія, много накопятъ, начинаютъ и много воображать о себѣ, не принимая ни малѣйшаго слова (обличенія); возмущаются, если кто уничижитъ ихъ даже и малымъ словомъ. Возмущаются другъ противъ друга изъ-за малѣйшаго противорѣчія, говорятъ: „нѣтъ, мое это“,—и: „нѣтъ, не твое это“.—Вслѣдствіе сего, никто изъ нихъ миренъ быть не можетъ. Ходятъ тяжущіеся въ монастырь, нагруженные пирожками и лимонами, чтобы сдѣлать себя сильными въ суетномъ дѣлѣ своемъ; а вы, точно бѣшенные, какъ лишь увидите скитскіе пирожки, то до того вождѣлѣваете ихъ, какъ будто у васъ и хлѣба не было для ѣды; дожидаетесь того, чтобы скитяне между собою переругались, принесли-бы вамъ пирожковъ, лимоновъ и прочаго.

Оставивъ просторъ міра, пришли въ тѣсноту ради спасенія, чтобы здѣсь утѣснить себя пустыннымъ аскетизмомъ и обрѣсти милость для души своей, какъ говорится: „виждь смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя“.

Но нынѣ суемудрствующіе, оставивъ земная и пріидя сюда заглаживать беззаконія свои пустыннымъ подвигомъ, вмѣсто этого наложили на себя и накладываютъ въ седмь кратъ большую беззаконность.

Виноваты-же въ томъ вы (монастырскіе), сдѣлавшіе скитянъ суемудрствующими. Они стали подобны вамъ, у васъ одинъ союзъ съ ними, (т. е. у монастырскихъ взяточниковъ съ подкупающими ихъ, коварствующими скитянами). Собравъ кое-что въ казну, вы мните о себѣ, что нѣчто сдѣлали и нѣчто дѣлаете.

О, суетные и суемудренные! развѣ не вѣдаете, что неправеднымъ вашимъ сокровиществованіемъ вы осквернили и оскверняете казну монастырскую? За каждую обиду (лихву) обижена будетъ казна монастырская (т. е. взыщется съ нее) въ четверо противъ обиды; пока не вернетесь вы къ прежней справедливости — казна будетъ бѣдствовать.

Насокровиществовавъ себѣ свои воровскіе ящики, вы еще противузаконничаете противузаконнымъ воздѣлываніемъ. Вы противузаконничали съ денежнымъ ростомъ, научивъ тому-же и скитянъ вашихъ.

Вы стали хищниками доходовъ монастырскихъ, соперничая кто первый опередитъ, восхититъ себѣ доходы и захватитъ ихъ во власть свою. Монастырю угрожаетъ погибель (т. е. разореніе), а вы имѣете доходы его усокровиществованными въ келліяхъ вашихъ, щеголяете на монастырскіе доходы, имѣете такіе кубки, какихъ ни у одного игемона агарянскаго нѣтъ, духъ вашъ облаченъ въ порфиру и въ виссонъ, балуетесь вы съ безбрадыми юношами. Говоримъ, прислуживаютъ вамъ безбрадые мальчики (красивые) лицомъ, вы же мысленно сквернитесь, какъ будто вы и не монахи монастыря. Воруете доходы монастырскіе и собираете ихъ въ каливахъ своихъ въ желѣзныя шкатулки,—одинъ

50 мѣшцевъ, другой 100, третій и того больше, воображая о себѣ, что „мы нѣчто“. Псилафизуетесь въ томъ, чтобы мѣшцами своими низложить другого, напоить ближняго чашей смертной, и его годовую должность доходную похитить себѣ.

И вотъ одного, изъ такихъ богачей проэстосовъ монастырскихъ, надумали вы убить, убили; стали разсматривать (по смерти его) богатство его, вещи, которыя ему удалось усокровиществовать въ келліи своей, и, взирая, стали недоумѣвать, дивиться и восклицать. „Что это за монахъ такой былъ, столько богатства:“—На самомъ дѣлѣ, онъ разоренъ въ конецъ, съ должности смѣщенъ, выступилъ и не вступилъ (т. е. духовно все потерялъ, выступивъ душею изъ тѣла, въ царство вѣчное не вступилъ, но душа его сошла во адъ). Вмѣстѣ съ богачомъ онъ вопіетъ: „мучаюся страшно“! О безумный, и суемудрый! въ эту ночь душу твою истяжутъ отъ тебя, а то, что уготовалъ, кому будетъ?

Умерщвленъ былъ сей монахъ и погребенъ. Когда его похоронили, взяли суемудрые годовое, (т. е. его доходную годовую должность), мертваго, взяли порфирныя одежды, подѣливъ ихъ между собою такъ: какія—тайно взяли, какія—украли, а какія—распродали. Распродали (часть вещей покойнаго), но что продали? Продали отборныя порфиры и сундуки съ драгоцѣнностями. Порфира значитъ: одежды многоцѣнныя и шубки дорогія. Порфиры-же суть также ковры, скатерти и убранство ложа. Сундуки-же—приборы столовые и кухонная посуда. Продали и собрали множество золота. Но познакомилась-ли монастырская казна хоть сколько-нибудь съ этимъ золотомъ, (вырученнымъ отъ распродажи и оставшимся въ мѣшцахъ)? Нисколько казна и не познала о сей продажѣ. Продали и собрали злато, но что-же сдѣлалось съ вырученными деньгами?—Знаете, что сдѣлалось?—Сдѣлалось многосокровиществованіе, оно опять усокровиществовалось, (разошлось по келліямъ братій), а казна, какъ и раньше, осталась опять пустой. Казна требуетъ помощи, вы же суемудренные нисколько не печетесь о томъ, не милосердуете о бѣдствіи казны монастырской, милосердуя лишь о шкатулкахъ своихъ; даже малѣйшую помощь боитесь оказать казнѣ, чтобы не опростались сундуки ваши, окованные желѣзомъ.

О, безумные и суемудрые! что уготовали вы себѣ, кому это будетъ?

Горечь горечей и всяческую горечь уготовалъ ты этимъ себѣ; принесется предъ тебя уготованное тобою въ часъ твой послѣдній, принесется тогда, когда вострепещутъ Херувимы, Серафимы, всѣ Святые Ангелы, когда возсядетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей, когда никто не въ силахъ будетъ пріити предъ Него и судиться съ Нимъ, когда будетъ страхъ и трепетъ въ тотъ часъ конечнаго рѣшенія, когда будетъ разобрана правота праведника и неправота неправедника!..

Но вы сегодня, суемудренные, превращаете правоту въ неправоту;

правымъ творите въ неправдѣ и неправымъ въ правдѣ изъ-за подарковъ, пирожковъ и всего другого, что приносятъ вамъ скитяне. За сребро и злато дѣлаете неправоту, яко правоту, оправдывая себя тѣмъ, что творите праведный судъ. Справедливость-же ваша зависитъ отъ подарковъ, вы всецѣло воздѣлываете неправду, оправдывая себя, что вы нѣчто, (т. е. что вамъ и подарки подобаетъ приносить).

Посему покайтесь и исправьтесь въ томъ, что вы таковы: горды, вспыльчивы, неуступчивы, враждоборны, коварны, злопамятны, злорадны, лжесвидѣтели, немилосерны, любостяжатели, неправедны, хищники, тщеславны, лицемѣрны, хвастуны, сластолюбцы, многопопечительные, многозаботливые, сребролюбцы, завистливые. Вы сдѣлались отметниками словъ Преподобнаго отца нашего Афанасія; завидуете, продаете, убиваете другъ друга, какъ будто-бы не чада вы отца нашего Афанасія. За такія дѣла лишились вы водительства Преподобнаго отца нашего Афанасія, стали мерзки и мірянамъ, какъ будто и не были потомками Преподобнаго Афанасія. Востань-же, Преподобный Афанасій, погляди на потомство твое, какъ погубило оно путеводство спасенія, руководствуясь погибелью.

ГЛАВА LVII.

Воззваніе о храненіи себя отъ сообращенія съ безбрадыми. Картина развитія сей страсти.

Прошу васъ и молю, чтобы вы исправились. Исправьтесь слѣдующимъ образомъ.

Вспомните, при какихъ условіяхъ держитъ магнитъ желѣзо? — Когда блеститъ желѣзо, тогда держитъ его магнитъ, (т. е. когда нѣтъ на желѣзѣ ржавости); когда оно такъ крѣпко, какъ олово припаянное къ мѣди. Также и мѣдь посудная, тогда держитъ полуду, когда сама нова и чиста. Если-же, (полудивъ), господинъ дома не будетъ беречь сосудъ и поставитъ его подлѣ огня, что тогда останется на мѣди отъ полуды? Если ты поставишь мѣдный сосудъ на огонь и не доглядишь за нимъ, онъ сейчасъ-же распаяется, станетъ такимъ безобразнымъ, что противно будетъ и смотрѣть на него. Таково монашество и воспріятая съ монашествомъ, благодать монашеской жизни. Поскольку человѣкъ чистъ въ расположеніи своемъ, поскольку цѣломудръ и праведенъ, постольку держится на немъ и благодать Всесвятаго Духа. Посему, если кто будетъ монашествовать, но не станетъ остерегаться отъ пристрастія къ юнымъ (или привязанности), тогда съ Благодатію Всесвятаго Духа, которую онъ получилъ, принявъ монашескій образъ, (сдѣлается тоже, что съ полудой посуды несохраненной отъ огня).

Если не будешь остерегаться отъ привязанности къ юному, будешь любосластничать съ нимъ окомъ или словомъ, или дѣломъ, то Благодать Всесвятаго Духа тотчасъ удалится отъ тебя и вселится въ тебя бѣсъ.

Если не будешь видѣть юнаго, то и разговорами съ нимъ заниматься не будешь. Если-же не будешь собесѣдовать съ юнымъ, то какъ возможно будетъ тебѣ сдѣлать злое дѣло съ нимъ? Блаженъ, кто не взираетъ на юнаго; треблаженъ тотъ, кто и не сообращается съ юнымъ, ибо сообращеніе съ юнымъ есть огонь, пламя рѣки огненной; сообращающійся съ юными тотчасъ теряетъ сущность души своей и нисколько не бываетъ плодоносенъ предъ Богомъ.

Не говорю я вамъ, что юный нечистъ, но говорю вамъ, что глаза ваши осквернены, (т. е. отъ юности человѣкъ навыкаетъ блуду очесъ и пристрастію къ красивымъ лицамъ). Говорю я вамъ, что вы безумны во спасеніи своемъ. Когда сообращаетесь съ юными, то, взирая на юнаго предъ собою, тотчасъ оскверняетесь въ расположеніи своемъ. Чѣмъ виноватъ юноша, что ты, какъ животное и какъ жеребецъ, прельщаешься имъ, лаская его? Юный, видя твое прельщеніе имъ, начинаетъ и самъ ласкаться къ тебѣ, потѣшаясь надъ тобой, какъ надъ (глупой) овцой, а ты не разумѣваешь сѣтей молодого и того, что онъ потѣшается надъ тобою, посмѣеваясь надъ твоимъ увлеченіемъ. Посмѣеваясь надъ тобою, юный ласкается къ тебѣ, а ты его одаряешь нарядами, чтобы еще больше ласкать око твое, предаешь ему всѣ чувства твои, дѣлаешься безчувственнымъ къ Богу въ расположеніи твоемъ, съ нечувствіемъ расположенія твоего помрачаешься, не вѣдаешь спасенія своего, мечтая о лицѣ юнаго. Этимъ наряженіемъ юнаго, ради ласкательства плоти твоей, прельщаешь ты юнаго вмѣстѣ съ собой. Юный къ тебѣ ласкается, ты украшаешь его нарядами, а онъ дѣлается предъ тобой какъ дѣвица... Когда-же будешь взирать на такое дѣвическое лицо, то что тогда будетъ дѣлаться съ тобою?.. Не только одинъ ты этимъ оскверняешься, но, при видѣ красоты наряженаго юнаго, и ближній твой оскверняется, взирая на него.

ГЛАВА LVIII.

Гнѣвъ Божій готовъ разразиться надъ Аѳономъ и что предотвращаетъ его.

Вы думаете: напрасно говоритъ онъ это намъ; если такая беззаконность имѣть въ монастырѣ молодыхъ слугъ, и такой грѣхъ, почему-же не покараетъ насъ за это Богъ, (ибо изстари такъ уже заведено).—Да, правду сказали вы; какъ не покараетъ васъ Богъ за то,

что вы такъ суемудрствуете о суетныхъ подобно древнимъ людямъ передъ потопомъ. Ей! накажетъ васъ Богъ, но, по безграничной милости милосердія Своего, еще долготерпитъ о васъ ради покаянія во спасеніе. Такъ какъ вы преогорчили и преогорчаете Бога, то уже готова кара для наказанія вашего. Но есть еще нѣкіе отдѣльные (подвижники) въ этой Честной Горѣ, которые заступаютъ ее отъ гнѣва карательнаго; когда-же исчезнутъ и эти отдѣльные съ Горы сей, Честной, тогда увы Горѣ сей, ибо грядетъ на нее великое ниспроверженіе, (катастрофа)!

Увы, вамъ честнѣйшіе отцы, грядетъ на васъ великое нашествіе, подобное Раифскому, (прим. это вскорѣ и сбылось). Но Раифцы жили столь добродѣтельною жизнію, что были какъ земные Ангелы... Спрашиваю я васъ, если на отцевъ Раифскихъ, которые жили какъ-бы (ангельскою жизнію), нашло такое нашествіе, то что сдѣлано будетъ съ вами? Охъ, увы, ибо изъ скорби скорбь грядетъ на васъ!

О, преподобнѣйшіе и честнѣйшіе отцы! молю васъ и прошу, сдѣлайте истинное покаяніе, покайтесь ото всей души и сердца, пока еще не исчезли таковые (Божіи люди) изъ вашей среды. Для предотвращенія меча ярости, воспріимите истинное покаяніе, подобно Ниневійскому. Говорю вамъ, покайтесь, ибо часъ приблизился; если-же не покаетесь, то послѣдуетъ на васъ нашествіе Раифское.

ГЛАВА LIX.

Воззваніе о покаяніи и неотчаяніи. Сравненіе монашества съ хожденіемъ Петра по водамъ.

О, суемудренные, преслѣдующіе другъ друга, не имѣющіе жалости другъ о другѣ, воздѣлывающіе свое суетное мудрованіе, а спасенія своего не воздѣлывающіе! Вы оставили отцевъ, матерей, и прочее подобное, заключи въ себя въ спасительный сосудъ, чтобы спасти бѣдную, свою душу, изстрадавшуюся въ суетныхъ міра.

Вы отреклись отъ міранъ, пришли сюда, чтобы побѣждать страсти свои. Пришли и вступили въ бой какъ Израиль (съ Амаликомъ въ пустыни), но не сражаетесь по Богу дѣйствіемъ боевымъ, а даете себя побѣждать безднòю своего суемудрія, въ которое и погрузились; (волны суемудрыя потопляютъ васъ) какъ фараонитовъ Красное море. О, маловѣрные и косные сердцемъ вашимъ, изъ-за чего углубились вы въ суемудріе (т. е. почему потеряли надежду на покровъ Божіей Матери и Ея промышленіе о васъ, что стали много заботиться о матеріальномъ)? Вы люди, вы человѣки; какъ человѣки вы погружаетесь, но не утопайте, подобно Фараону въ Черномъ морѣ, а съ Петромъ взывайте: „Господи, спаси мя“.

Петръ, возъимѣвъ рѣшимость пойти по водамъ моря, ради малаго смущенія отъ волнъ, (сталъ тонуть), испугался и возопилъ: „Господи спаси мя".—Не таковы нынѣшніе люди: видятъ они монашескую жизнь; берутъ рѣшимость, просятся, чтобы и ихъ удостоили жить монашеской жизнію. Видитъ Богъ такую рѣшимость человѣка, взыскиваетъ его и говоритъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы".—Пошли люди по водамъ монашеской жизни, шествуютъ къ обѣтованному по волнамъ на обѣтахъ монашества. Но востаетъ буря вѣтряная въ волнахъ, видятъ они (вздымающіеся волны) и вѣтры, говоримъ, помыслы, которые возмущаютъ волны монашеской жизни; и вотъ убоялись они подобно Петру, но съ Петромъ не восклицаютъ— „Господи спаси мя",—а погружаются и тонутъ во глубинѣ погибели, суемудрствуя подобно Израильтянамъ, требовавшимъ Египта.

ГЛАВА LX.

О маннѣ въ пустынѣ; сравненіе съ манной милостыни монастырямъ.

Далъ имъ Богъ по прошенію ихъ манну, чтобы обрѣли они въ маннѣ утѣшеніе, котораго желали. Но евреи опять возстали на Моисея; за беззаконность ихъ разверзлася земля и поглотила всѣхъ безчинниковъ...

Такъ и сегодня: не стремятся несчастные приготовлять себя къ тому, чтобы достичь во славу Царствующаго, чтобы прославиться съ Нимъ, но воздѣлываютъ суемудріе суемудренныхъ, требуя и себѣ того же, къ чему стремится міръ. Богъ, видя перемѣнчивый нравъ вашъ, исполнилъ и исполняетъ ваши прошенія, какъ у путешествовавшаго народа Израильскаго... Однако мало евреямъ было того, что получили они манну, стали они еще добиваться того, чтобы собирать ее въ сокровища, какъ и вы суемудренные. Евреи усокровиществовали, но трудъ свой потеряли даромъ, ибо манна превратилась въ червей. Такъ и у васъ сегодня. Посылаетъ Богъ милость, какъ манну на Гору сію честную, питаетъ васъ милостынею Божіею, безмѣрною милостынею христіанъ, какъ Израильтянъ манною, т. е., на каждый день посылая потребное и запрещая набирать про запасъ, но вы, неблагодарные, съ ненасытностію Израильтянъ, осуемудрились мудрованіями суетными до того, что стали усокровиществовать милость Божію въ воровскіе ваши ящики... Ей, въ червей она и обращается. Въ какихъ-же червей?—не такъ, какъ у Израильтянъ, т. е. видимо, но червивыми дѣлаются ваши помыслы, которыми вы побуждаетесь къ тому, чтобы и дальше похищать и сокровиществовать милость Божію, расходуя ее для удовлетворенія вашихъ злыхъ наклонностей.

Евреи сотворили совѣтъ, чтобы сокровиществовать манну, но она дѣлалась червивой; когда увидѣли евреи, что манна превращается въ червей, перестали и не стали сокровиществовать. Вы же стали слѣпыми и жестокосердыми, подобно фараонитамъ, ибо ожесточили сердце свое къ милости Божіей.

Израильскій полкъ увидавъ, что манна вкусна, но сокровиществовать ее невозможно, возсталъ за это на Моисея; въ наказаніе на возставшихъ разверзлась земля и поглотила ихъ. Такъ и нынѣ. Видите вы милость Бога, Который милуетъ васъ безмѣрной милостынею христіанъ, стараетесь усокровиществовать ее, но Богъ, чтобы не скопляли, посылаетъ дорогія траты, чтобы не сокровиществовали вы милость Божію; эта милость превращается какъ-бы въ червей, говоримъ — расходуется вами. Эти дорогія траты и есть червь для сокровиществованій милости, которая чрезъ сіе выкидывается вонъ, подобно червямъ, въ которыхъ превращались остатки манны Израильской.

Такъ и сегодня. Видите вы милостыню христіанъ, что она хороша и вкусна, но сокровиществовать ее не можете; посему, востаете противъ монашеской жизни, дабы изгнать отъ себя Царицу Спасенія. Такимъ востаніемъ восталъ и полкъ Корея, чтобы изгнать отъ среды своей Моисея, но за это полкъ поглотила земля. И вы сегодня востали востаніемъ на монашескую жизнь, но за это отверзлась бездна погибели и вы поглощаетесь сею бездною подобно полку Корея. Тоже происходитъ и съ милостыней, которую собираютъ скитяне съ излишкомъ противъ дѣйствительной необходимости; — этотъ излишекъ, какъ только его соберутъ, превращается въ червей. Но какъ дѣлается она червивой? Въ васъ самихъ дѣлаются черви; эти черви пожираютъ васъ какъ язва раковой болѣзни, и вы сами пожираете другъ друга, какъ будто вы и не монахи. Ходите вы, скитяне, въ монастырь; тамъ, видя васъ, пожирающихъ другъ друга, отбираютъ отъ васъ зачервившуюся вашу милостыню, чтобы за милость Божію предали въ ваши руки брата, чтобы милостію Божіей опередить другого въ нанесеніи ему язвы, чтобы одному другого пожрать. Видя васъ, каковы вы, монастырь отбираетъ отъ васъ изъ рукъ вашихъ избытокъ милостыни Божіей, какъ у полка Корея хищныя птицы, но монастырь причиняетъ тѣмъ и своей казнѣ одну язву. Эта язва казны пожираетъ помыслы и главу монастырскую, т. е. старшихъ монастыря, а вы, приносящіе, пожираете другъ друга, кто кого опередитъ въ побѣдѣ; этою вашею войною начинаете опустошать казну и выкидывать изъ нея лихву, какъ червивую манну, на расходы веденія войны, чтобы тѣмъ побѣдить и дѣлать злыя свои пожеланія; но отъ этихъ любоодареній казною военныя дѣйствія не прекращаются, выкидываніе казны продолжается, на выкинутое набрасываются хищныя птицы, пожирая это сокровище.

Говоримъ: видятъ иноязычные агаряне, какъ вы сами себя

пожираете, какъ изъ за милости Божіей въ васъ сдѣлалась одна язва;—стали пожирать васъ и птицы агарянскія за то, что вы пожираете другихъ съ лукавствомъ вашимъ.

О безумные и суемудрые! То, что уготовали, кому будетъ? Что васъ заставляетъ, о злыя головы, суемудрствовать между собою изъ за суетныхъ и ложныхъ міра сего, пожирать другъ друга, какъ язвою и раскрывать милость Божію предъ птицами агарянскими?!

Хищная птица имѣетъ обычай разыскивать падаль четвероногаго, чтобы напитаться. Когда птица найдетъ такую падаль, тотчасъ собираются и другія птицы, чтобы напитаться ею. Спрашиваю я васъ, когда соберутся птицы на падаль, оставятъ-ли онѣ на ней хоть сколько-нибудь мяса?—не только мяса не оставятъ, но и кости расклюютъ... Агаряне тоже подобны хищнымъ птицамъ. Агарянинъ смотритъ кругомъ, гдѣ-бы ему накормиться неправдами, а вы передъ птицами агарянскими выбрасываете милость Божію ради злыхъ дѣлъ непокорства вашего, т. е., заводите тяжбы, даете имъ взятки, кормите и откармливаете птицъ агарянскихъ безмѣрною милостію Божіей, которая приходитъ къ вамъ съ четырехъ странъ міра, говоримъ:—съ запада, юга, востока и сѣвера. Сіи четыре вѣтра силою всесильнаго Бога льютъ, какъ изъ источника, милость Божію на эту Гору Честную, но какая отъ сего польза, когда хищныя птицы разносятъ ее и не даютъ напояться ею монашеской жизни; все пожираютъ хищныя птицы, т. е. течетъ милостыня отовсюду преобильная, но убогіе бѣдствуютъ, будучи принуждены обременять себя заботами ради уплаты всякихъ поборовъ, милостыня же попадаетъ въ монастыри, расхищаясь лихоимцами, тратится на судебныя тяжбы, которыя всецѣло и пожираютъ ее, а монастыри разоряются,—что есть и на самомъ дѣлѣ. Говоримъ:—монастырскіе сдѣлались друзьями съ агарянами. Скитяне обираютъ сосельниковъ своихъ, монастырскіе обираютъ скитянъ, у монастырскихъ похищаютъ птицы агарянскія, другія похищаютъ ихъ у самихъ агарянъ.

О, злая главо, главизны скитянъ, т. е. старцы скитскіе! почему не мирствуете вы между собою, но бѣгаете каждый часъ въ монастырь, оскверняя его любодареніями, чтобы онъ оправдывалъ васъ въ зломъ расположеніи вашемъ. Монастырь старается умирить васъ, но когда у васъ между собою нѣтъ мира, то что сдѣлаетъ съ вами монастырь.

О, злая главо монастырская, что заставляетъ прельщаться любодареніями аскетовъ и разстраивать скиты отъ пути монашеской жизни какими любодареніями они стараются любодарять васъ дабы творить свои похотѣнія? Т. е. получать дозволенія на разныя отступленія отъ строгихъ скитскихъ правилъ.

ГЛАВА LXI.

О распущенности скитянъ, притча объ увлеченномъ женою мужѣ.

Говорю тебѣ, скверная главо монастырская; нѣкій молодой человѣкъ имѣлъ жену, былъ влюбленъ въ нее, потому, что она была красива, но никогда ее не стерегъ, не журилъ и малѣйшаго слова никогда ей не выговаривалъ. Она же, увидавъ, что мужъ ей не выговариваетъ, чтобы она ни дѣлала, начала склоняться къ злой страсти своей, т. е. любовникамъ и измѣнять мужу. Когда же она уклонилась—исчезла ея красота, она стала такой безобразной, что отвратительно было кому бы то ни было и смотрѣть на нее. Начали говорить:— „отчего эта женщина стала такой уродливой“. Каково было мужу слышать такія слова обвиненія за то, что онъ никогда не выговаривалъ ей ради исправленія ея, ибо былъ влюбленъ въ нее.

Спрашиваю я тебя, злая главо монастырская: вина этихъ безчестій и обвиненій на кого падаетъ? Обвиняютъ-ли мужа, или жену?— Очевидно, обвиняютъ мужа. Если по винѣ жены обвиненъ мужъ, къ чему ему такая жена?—Отчего не исправлялъ онъ ее, будучи ея мужемъ?—Скажете, какъ-же ему ее исправить, когда она не исправима?— Послушайте и увидите: до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ ею прельщаться, она никогда не будетъ исправляться; до тѣхъ поръ, пока она будетъ утѣшать плоть свою, наряжаться,—никогда не можетъ она исправиться, до тѣхъ поръ пока она собесѣдованія будетъ имѣть съ незнакомыми мужу ея—никогда не будетъ имѣть въ себѣ чистаго расположенія, (т. е. къ мужу чистой любви). Говоримъ и говорю вамъ: вы монастырскіе влюблены въ новосозданные скиты изъ за любодаренія ихъ; поскольку будете имѣть эти любодаренія и прельщаться ими, то не будете исправлять ихъ, ибо того не допуститъ вамъ ваше увлеченіе подарками. Скитяне видя, что вы падки къ подаркамъ, начинаютъ сами уклоняться въ погибель любостяжанія и сокровиществованія, такъ, что это сдѣлалось у нихъ язвой; они пожираются между собою, какъ будто живутъ не въ сей Горѣ Честной, вмѣсто прежней красоты своей стали такъ отвратительны, что гнусно каждому глядѣть на нихъ. Живутъ они въ любостяжаніи, кто опередитъ другихъ и больше насокровиществуетъ...—Они человѣки суть, и всуе мятутся, т. е. прельстились и грѣшатъ яко человѣки; почему-же вы допускаете имъ суемудрствовать до такой степени?— любостяжаніе сдѣлалось въ нихъ язвой; они взаимно другъ друга пожираютъ. Вы-же, вмѣсто того, чтобы примирять ихъ, наносите имъ еще другую, сугубую язву, т. е. они изъ за любостяжанія ссорятся, а вы это любостяжаніе еще поощряете взятками.

И съ этой язвой скитъ вашъ сталъ столь безобразенъ, что гнушается каждый и глядѣть на него. Спрашиваю я васъ, почему монастырь вашъ, видя, что скитъ вашъ сталъ столь гнусенъ и столь опороченъ, не исправляетъ его? Спрашиваю я васъ, безчестіе это на кого переходитъ, на скитъ-ли, или на монастырь?—Очевидно, этимъ безчестится монастырь. А если безчестится монастырь, то зачѣмъ вы оставляете скитъ въ такомъ положеніи и не исправляете его? — Спросите: какимъ-же исправленіемъ исправить намъ скитъ нашъ?—Послушайте и увидите. Выслушайте подробно о семъ.

ГЛАВА LXII.

Благой виноградарь насадилъ виноградъ, но алчные наслѣдники погубили его.

Нѣкто имѣлъ мѣсто пустое и запущенное. Пришелъ онъ, обработалъ его, своею обработкой и воздѣлываніемъ сдѣлалъ тамъ прекраснѣйшій виноградникъ. Онъ обламывалъ у него лишнія вѣтви, съ разсужденіемъ, на вѣтвяхъ оставлялъ малое число почекъ ради плодоносія его на многія лѣта, ибо, если оставлять на лозѣ много почекъ, то лозы долголѣтствовать не будутъ; если-же и вѣтвей совсѣмъ не обламывать,—тогда останется виноградникъ тощъ.

Спрашиваю я васъ, если вы лозы обламывать и обрабатывать не будете, какая будетъ она: многолѣтняя, или недолговѣчная? Очевидно, сдѣлается недолговѣчной.

Итакъ, когда рачителю виноградника пришелъ общій срокъ, и отдалъ онъ общій долгъ, то достался виноградникъ чадамъ его. (Здѣсь подразумѣвается Св. Афанасій, насадившій Лавру).

Возобладала чадами его лѣность; отъ многаго своего лѣностнаго нерадѣнія оставили они разсужденіе, стали обрабатывать виноградникъ безразсудно, стали обламывать вѣтви неразумно, оставляя на нихъ много почекъ, чтобы лоза больше плодоносила и больше любоодаряла ихъ гроздями; но лоза изъ-за этихъ вѣтвей захворала и стала давать весьма мало плодовъ.

Потомками-же этихъ наслѣдниковъ возобладалъ еще духъ любостяжанія; они уже совсѣмъ не стали обламывать вѣтокъ, виноградъ принесъ много гроздовъ, но безвкусныхъ; виноградникъ сталъ безплоденъ, а лозы изъ-за множества побѣговъ своихъ не долголѣтствовали, но утратили свою силу. Виноградникъ одичалъ, пришелъ въ запущенное состояніе.

Тоже самое творите и вы съ виноградникомъ вашимъ, говоримъ: со скитами вашими и пустынниками.

Нынѣшнія келліи, т. е. монашеское, обиталище имѣющее церковь

съ значительнымъ количествомъ земли, за которое платитъ не малую данку, и уступаемое за значительную цѣну владѣльцу съ правомъ передачи сожителю своему по смерти,—эти келліи были раньше скитами (т. е. жилищами аскетовъ, безъ церкви, безъ правъ земельныхъ и безъ данки), именовались скитами, а нынѣшніе скиты были прежде и именовались пустынями. Вы оставили ихъ необработанными, необломанными посему стали скиты келліодарцами, (т. е. данниками за келлію съ присвоеніемъ имъ правъ на землю); нынѣ они валяются въ попеченіяхъ о земныхъ вещахъ. Это и есть запустѣлый виноградникъ, такъ какъ спасеніе свое они оставили пустымъ и необработаннымъ, для того, чтобы запасти чѣмъ насыщать васъ, ненасытныхъ драконовъ. Это и есть неразсужденіе обработки, (т. е. наслѣдниковъ Св. Афанасія). Вы же не только обработываете безразсудно, но неправеднымъ судомъ вашимъ совсѣмъ искоренили лозы, при безразсудствѣ вашемъ дѣлаетесь святотатцами слѣдующимъ образомъ; когда видите съ лукавымъ вашимъ безразсудствомъ, что нѣтъ у него, (т. е. владѣльца келліи), чѣмъ васъ любоодарить, то, какъ иновѣрцы, разоряете его, обнажаете даже церковь его, похищая подсвѣчники, минеи, и прочую церковную утварь; посему я и говорю вамъ: по безразсудству вашему, вы сдѣлались святотатцами.

Другіе-же, видя вашу хищническую безразборчивость, которую вы къ нимъ имѣете, (т. е. къ келліотамъ), начали и сами воздѣлывать погибель, и многопопечительность заботы, дабы заботиться о томъ, какъ насытить васъ, безразборчивыхъ, не разбирающихъ жизни (монашеской духовной, не дѣлающихъ ради сего никакихъ снисхожденій), но помышляющіе лишь о томъ, чтобы разбирать и принимать (или взимать)...

ГЛАВА LXIII.

Притѣсненія убогихъ подвижниковъ. Уподобленіе жестокосердію фараонскому.

Вы стали хуже агарянъ съ вашею безразборчивостію. Царство агарянское съ разборомъ (взимаетъ подать), имѣя три бумаги для трехъ разрядовъ, которыя называются: одна „атна“, другая „эфсатъ», третья „эла“.—Согласно силѣ человѣка агарянинъ даетъ ему и хартію рабства, (т. е. данки). Ради этого, говорю я вамъ, у агарянина есть разборъ; вами же обладала и обладаетъ неразборчивость; вы не имѣете разсужденія, чтобы брать съ человѣка по силѣ его, но безразборчиво относитесь къ безсилію праведника (т. е. къ убожеству его) и съ такимъ насиліемъ его грабите, какъ будто и не придется вамъ дать отвѣтъ за этого безсильнаго.

У агарянина есть разборъ, немощнымъ онъ даетъ. «этпу», то есть, налагаетъ малую подать, а вы, по безразборчивости своей, даете такому безсильному высшій разрядъ данки,—«элу». Такъ притѣсняя (подвижниковъ), разсуждая съ такимъ безразсудствомъ, судя съ такою несправедливостію, вы неправосудіемъ вашимъ осквернили Гору сію Честную, сосудъ спасенія.

Если скажете: какая-же въ насъ безразборчивость, что осквернили мы сію Гору?—Вопрошу и я васъ объ одномъ дѣлѣ, только дайте мнѣ на него отвѣтъ правдолюбиво: — надѣляя людей участками, для чего назначаете вы такую, высокую плату? На какіе расходы вамъ эти взиманія расходовать, если вы на людей столько много дани налагаете? *) Скажете вы, мѣсто наше и за него слѣдуетъ намъ получать,—пусть такъ; но, спрошу я васъ, отчего-же не налагаете вы сообразно человѣку? вы облагаете одинаково каждую голову. Почему не разбираете, что голова отъ головы имѣетъ разницу? Есть головы здоровыя, крѣпкія и есть больныя, — паршиво-головыя, есть болящіе-головые.

Больной головой есть тотъ, который не имѣетъ средствъ. Есть у него имущество, но есть и тягчайшій долгъ, онъ не можетъ выкупить доходовъ имѣнія своего и труда, (т. е. всѣ доходы поглощаются заимодавцами), а вы еще насилуете его, много съ него требуете, а у него и малаго нѣтъ; грабите его, забирая у него, все что есть въ келліи, сіе творите съ намѣреніемъ, чтобы заставить его продать келлію свою, дабы вамъ похитить доходъ отъ передѣлки бумагъ, хищники вы такіе!

Видитъ Богъ истязанія израильтянъ, посылаетъ Моисея, чтобы освободить ихъ отъ истязанія, но фараонъ не слушаетъ Моисея. Богъ тогда налагаетъ на фараона разнаго рода язвы. Фараонъ все-таки не слушаетъ словъ Божіихъ, которыя говоритъ ему Моисей, требуя отпустить израильтянъ. Такъ какъ не слушался фараонъ того, что говорилъ ему Моисей, то Богъ еще сильнѣе ожесточилъ его сердце, которое и отъ природы было жестокосердое. Съ жестокосердіемъ своимъ погрузился фараонъ въ Черномъ морѣ.—Тоже самое творите и вы въ Горѣ сей Честной, угнетая бѣдноту подобно тому, какъ фараонъ угнеталъ израильтянъ въ Египтѣ.

Богъ видитъ ваше злое расположеніе, неразсужденіе и неисправимость жестокосердія вашего къ бѣднымъ, какъ у фараона къ израильтянамъ, который имъ даже немного поработать Богу не давалъ, требуя чтобы работали только на фараонитовъ. Одинаковое съ этимъ творите и вы, ибо не даете людямъ работать монашеской жизни, но съ неправосудностію вашей принуждаете людей работать для безразборчиваго вашего нрава, чтобы исполнялись ваши злыя похотѣнія. И ради сего

---

*) Дѣйствительно, покупка малаго клочка земли на Аѳонѣ у греческаго монастыря обходится въ нѣсколько тысячъ; иногда и за деньги не продадутъ.

злого вашего нрава и злыхъ пожеланій вы насилуете людей, препятствуя имъ спасаться. Видитъ Богъ, что вы препятствуете спасаться людямъ, что съ надменнымъ вашимъ нравомъ вы ожесточились сердцемъ подобно фараону; вслѣдствіе такого вашего жестокосердія, послалъ меня Богъ, подобно Моисею, въ Гору сію Честную, для освобожденія людей, ибо, по винѣ вашей, нынѣшніе монахи плѣнились въ погибель съ многопопечительностію сокровиществованія.

ГЛАВА LXIV.

Посланъ я къ вамъ отъ Бога, какъ пророкъ Нафанъ къ Давиду.

Итакъ, вотъ посланъ я къ вамъ отъ Бога, подобно тому, какъ Моисей къ фараону; тѣ самыя слова, которыя изрекли уста Божіи, говорю и я вамъ.

Не усумнитесь (будто), я прибавилъ собственныя мои слова къ словамъ Божіимъ; я не сдѣлалъ здѣсь прибавки даже съ зерно горчичное; только то, что изрекли уста Божіи, то я и изрекъ; посему, воплемъ глаголю вамъ, подобно пророку Нафану, который глаголалъ Давиду, обидѣвшему убогаго.

ГЛАВА LXV.

Разберите жизнь свою и чувства ваши, угодны-ли онѣ Богу?

О, нечувственные и косные въ разсужденіи вашемъ, доколѣ?

Вотъ приблизился часъ вечерній! Вотъ почіешь и заснешь, а то, что уготовалъ, кому будетъ? О, преподобнѣйшіе отцы! что это за нечувствіе въ васъ, что не чувствуете вы спасенія своего? Ахъ, преподобнѣйшіе отцы, что это неразсужденіе въ васъ, что не разсуждаете цѣли пришествія своего?—Съ какою цѣлью вы пришли и вступили на путь монашеской жизни? Дивлюсь я, что живете вы такою жизнію. Недоумѣваю и изумляюсь, какъ допускаетъ ваше чувство воздѣлывать такую гнусную жизнь? Покинули вы чистѣйшую спасительную жизнь, стали держаться суетныхъ и ложныхъ міра, загрязнили себя отъ власъ главы вашей до ногтей ногъ вашихъ. Отъ многаго зловоннаго смрада, (восходящаго) изъ жизни вашей, гнушается Богъ и глядѣть на нее.

Ей, имѣли вы хорошую жизнь, (но почему) не удержали ея? Скажете: какую жизнь мы имѣли и не удержали?—Дивлюсь я вамъ. Поразмыслите сами о себѣ, разберите жизнь свою; такова-ли жизнь ваша, чтобы ей благоугодною быть Богу? Размыслите сами о себѣ и разберите жизнь свою, которую имѣете.

Если-же въ васъ нѣтъ чувства, чтобы ощутить, какова жизнь ваша, если не имѣете вы разсудка и разсужденія, чтобы разобрать свои дѣянія, то, очевидно, предстоитъ мнѣ нужда представить ее вамъ, сопоставивъ жизнь вашу съ жизнію монашеской.

Вотъ я представилъ и представляю предъ вами жизнь вашу, но восчувствовали-ли вы все это? Или мои слова только даромъ пропадутъ? Но, такъ какъ слова эти не суть мои собственныя, а слова Пославшаго меня, ужели они останутся втуне?

1) Если вы будете нечувственны, то слова мои къ вамъ останутся туне, но вы потомъ будете безотвѣтны.

2) Если не будете имѣть размышленія, чтобы размыслить о себѣ, то слова мои къ вамъ останутся туне, но потомъ будете безотвѣтны.

3) Если не будете имѣть разсужденія, чтобы разобрать слова мои, то безполезны будутъ слова мои вамъ, но потомъ сдѣлаетесь безотвѣтны.

ГЛАВА LXVI.

Призывъ святогорцевъ къ покаянію для предотвращенія нашествія.

О преподобнѣйшіе отцы, находящіеся въ Горѣ сей Честной, сосудѣ спасенія, кайтесь и не соперничайте другъ съ другомъ въ погибели. Ей соревнуйте другъ съ другомъ, но въ чемъ соревнуйте?—соревнуйте другъ съ другомъ во спасеніи, а не въ погибели. Смотрите, чтобы имѣть на себѣ оружіе монашеской жизни, быть уготовленными покаяніемъ, чтобы, когда найдетъ нашествіе, обрѣло-бы васъ сіе нашествіе въ покаяніи. И, когда найдетъ нашествіе на васъ, то одно изъ двухъ должно съ вами произойти, (т. е. погибель нераскаянныхъ и мученическій вѣнецъ каявшимся). Если застанетъ васъ нашествіе въ покаяніи, то вчинитъ васъ Богъ въ ликъ мучениковъ.

Печалуется и много-милосердуетъ о васъ Богъ, но будьте и вы достойны печали. Печалюсь, я какъ-бы не обрѣло васъ нашествіе нераскаянными, тогда потеряете вы вѣнецъ и награды мученическія покаянія, (т. е. кающимся).

О, преподобнѣйшіе отцы! имѣйте хоть оружіе монашеской жизни въ рукахъ, т. е. не слагайте оружія покаянія; тогда вы уготовите, себя,—„аможе радующіеся“.—Если-же не имѣете покаянныхъ слезъ, то имѣйте хотя склонность къ оружіямъ свѣта монашеской жизни. Оружія же сіи суть: да имѣете безпопечительность о тѣлѣ вашемъ, да печетесь о спасеніи своемъ.

То, что проглаголали уста Божія Нафану, то и сказалъ Нафанъ Давиду: „Вотъ послалъ меня Богъ къ тебѣ по причинѣ беззаконія, такъ какъ содѣялъ ты два зла въ беззаконіи твоемъ, (т. е. согрѣшилъ

съ женою и убилъ мужа); содѣлалъ грѣхъ исчисленія народа, сдѣлалось три беззаконія, говоримъ: прелюбодѣяніе, убійство и исчисленіе народа; явились три язвы на главу твою, дабы поглотить тебя. Проси изъ трехъ (каръ) одну, какую хочешь получить!..“—И я, подобно Нафану, глаголю вамъ отъ устъ Божіихъ: такъ какъ впали вы въ любостяжаніе, и подобно Давиду въ прелюбодѣяніе, то востаньте и такъ-же искренно, какъ Давидъ, кайтесь въ беззаконіи томъ. Вы убили и убиваете спасеніе свое, съ сокровиществованіемъ заботы, подобно Давиду, который убилъ Урію, а потомъ взялъ за себя Вирсавію, для того чтобы не назвали его противузаконникомъ, если-бы онъ взялъ жену при жизни ея мужа. Такъ и вы убили спасеніе ваше, (сочетались) съ любостяжаніемъ, и, ставъ любостяжателями, совершаете злое нашествіе на (монашескую жизнь), подобно (востанію) полчища Корея. Ибо любостяжаніе и сокровиществованіе есть причина беззаконія; изъ-за нихъ происходитъ два зла въ монашеской жизни. Говоримъ, ненасытное любостяжаніе и барское или начальственное—игемоническое, (досл. любостяжаніе ненасытства и наряженіе игемоническое), для тѣла гордостнаго. Дѣлатели этихъ двухъ золъ творятъ нашествіе и изъ-за сего нападаютъ другъ на друга, стали язвою, и пожираютъ другъ друга. Сверхъ этихъ язвъ обдержитъ васъ еще одна—плотское пристрастіе къ юнымъ. Вы пожираетесь этимъ пристрастіемъ къ юному, оно какъ язва пожираетъ васъ. Изъ-за этихъ юныхъ, (т, е. изъ-за того, что держите ихъ), совокупляетесь вы другъ съ другомъ, сваливаетесь въ треклятой нечистотѣ; какъ-же будетъ жительствовать въ васъ благодать Всесвятаго Духа! Сіи беззаконія сдѣлались тремя язвами на главѣ вашей дабы поглотить васъ. Выбирайте за это одну изъ трехъ каръ. Которую захотите понести, ту и получите. Возьмитесь за первую, (т. е. покарайте сами себя покаяніемъ),—покажите истинное покаяніе Богу, воздѣлывайте отнынѣ жизнь прежнихъ отцевъ, исправьте настоющую жизнь вашу, которая не Богоугодна, но омерзительна предъ Богомъ.

2) Или найдетъ на васъ ангелъ сатанинъ, то есть нашествіе на главу вашу, подобно нашествію Раифскому.

3) Или получите ниспогруженіе тѣла вашего и всѣхъ тѣхъ, что къ тѣлу.

Примѣчаніе: (Второе уже сбылось, третье же отчасти, ибо былъ многодневный дождь произведшій большія разрушенія, но вполнѣ это пророченіе еще должно сбыться въ будущемъ).

Много гнѣвается на васъ Богъ, такъ какъ позабыли вы цѣль, ради которой пришли въ сію Честную Гору. Цѣль вашего пришествія сюда была спасаться, но вы пришли и убили спасеніе свое невниманіемъ вашимъ. Пришли съ тою цѣлью, чтобы спасаться, но небреженіе ваше сдѣлало то, что вы погубили себя и стали погибающими. Ради

этого и говорю я вамъ, много гнѣвается на васъ Богъ за хищенія, любостяжаніе, плотское наслажденіе нечистотою, враждострастіе и осужденіе. Разгнѣвали вы этимъ Бога противъ себя болѣе нежели фараонъ.

Дивлюсь я Богу, какъ это Онъ еще долготерпитъ вамъ съ безмѣрною милостію милосердія! Дивлюсь я и вашему, при всемъ этомъ, безчувствію! Что станется съ вами потомъ за такое ваше безчувствіе?! Но вы не ощущаете того, что вы безчувственны! О, если-бы вы восчувствовали безчувствіе свое, имѣли-бы хотя малое разсужденіе о безчувствіи своемъ, но изъ дѣлъ вашихъ явствуетъ, что нѣтъ въ васъ ни разсужденія, ни чувства спасенія своего. Попеченіе же о спасеніи — сіе (т. е. тому, кто начинаетъ пещись о спасеніи своемъ, доставляетъ)— неизслѣдимое море благости, путеводительство покаянія. И это есть (т. е. этимъ достигается):—прибѣжище, путевождь покаянія. Это есть:— совершеніе неизслѣдимаго (т. е. достиженіе недомысленныхъ благъ духовныхъ чрезъ начало попеченія о спасеніи своемъ). И это есть:— вѣра, кротость, любовь, цѣломудріе, смиреніе, молитва и (надежда) (послѣдн. прибавл. переводч., т. к. есть 7-ая).

Если говоришь о Богѣ, что Онъ Богъ истины, но кротости не будешь имѣть, какъ возможешь приблизиться, (придвоиться), къ Творцу твоему, Который есть Богъ и неизслѣдимое море благостыни? Если имѣешь кротость, а любви не имѣешь, какъ возможетъ сожительствовать съ тобою благодать Господа нашего Іисуса Христа, Который воплотился, былъ заушаемъ, бичуемъ и осмѣянъ: — кого ради? Не ради-ли чрезмѣрной любви Своей пролилъ Онъ свою кровь за тебя? Какъ же тебѣ въ царство Его пріити безъ всякой любви? Если-же имѣешь любовь, цѣломудрія-же имѣть не будешь, то какъ возможешь вкушать Пречистое Тѣло Его и пить Кровь Его, которыя суть чистѣйшія и свѣтлѣйшія паче чистоты и свѣта солнечнаго! Если имѣешь цѣломудріе, а смиренія не имѣешь, какъ возможешь молиться и приносить молитву твою, какъ жертву хвалы предъ Него, Который есть смиренъ и смирилъ Себя, тебя ради, даже до смерти, и смерти крестной, Который вопіетъ и говоритъ: „Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ“.

ГЛАВА LXVII.

О лицемѣріи, киченіи угрюмостію и милостынѣ христіанъ.

Смирите же и вы сердце ваше, чтобы вамъ сдѣлаться сосудомъ Всесвятаго Духа, ибо сказано: (Богъ) „гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“. (Iак. 4. 6). Богъ кому противится? — Противится тому, кто имѣетъ лицемѣріе съ угрюмою гордостію, (гордится угрюмостію). Таковымъ Богъ противится, равно какъ и вамъ, лицемѣ-

рамъ, ибо вы лицемѣрно принимаете угрюмыя лица, въ мiру и въ гостяхъ у людей столь восхваляете себя, что, если послушать вашу похвальбу, можно подумать что вы земные ангелы. Цѣль же ваша та, чтобы похищать сребро и злато. Съ угрюмымъ вашимъ лицемѣрiемъ просите вы и похищаете, хвалясь передъ людьми; стараетесь быть хвалимыми за то, что вы добродѣтельны, кротки, смиренны сердцемъ, а, на самомъ дѣлѣ, вы суемудрствуете и растлѣваете спасенiе свое.

Да, (увѣряете другихъ), что вы кротки и смиренны сердцемъ: почему же пожираете другъ друга, точно не монахи? (Отчего же кротости нѣтъ) въ вашихъ дѣянiяхъ, но дѣлаете вы враждоборство взаимное, точно не монахи, а по дѣламъ вашимъ сдѣлались враждоборцами даже противъ монашеской жизни? Съ суемудрiемъ вашимъ презрѣли вы монашескую жизнь, предпочли отступника дiавола, семиглаваго звѣря беззаконiя, къ нему воздымаете мысль вашу и подняли, (т. е. упованiе возложили), какъ будто бы Богъ и не покровительствовалъ вамъ съ безмѣрною милостiю.

Радость тѣмъ христiанамъ, которые исполняютъ заповѣди Божiи, (по отношенiю къ вамъ), съ безграничною милостынею, дабы обрѣсти милость душѣ своей. Но, горе и увы вамъ, преступившимъ заповѣди Божiи съ безмѣрною вашею неразсудительностiю и нечувствiемъ вашимъ; вы безчувственны до того, что невнимательны къ милостыни мiрянъ христолюбцевъ. Сею милостынею вы украшаете оскверненное ваше тѣло нарядами [1]) и безцѣнными кубками.

О, нечувственные и косные сердцемъ! Въ погибельномъ помыслѣ своемъ вы (оправдываете искательства милостыни у христiанъ), говоря, что храму работающiе отъ храма питаются.

ГЛАВА LXVII.

Во истину-ли служите вы храму, чтобы отъ храма питаться?

Да, правду говорите вы, что служащiе храму отъ храма питаются, но, спрашиваю васъ, послужили-ли вы хоть сколько-нибудь чистѣйшему храму монашеской жизни и преосiянiю спасенiя? Да, христiане милуютъ васъ милостыней, чтобы вы служили монашеской жизни, но вы это служенiе оставили, милостыню же отъ христолюбцевъ всетаки берете, какъ будто и на самомъ дѣлѣ Богоугодно служите храму. Сегодня воздѣлываете вы злая ваша, не чувствуя ради какой цѣли и какимъ образомъ монашествуете; завтра же злыя ваши дѣянiя будутъ мучить

[1]) Разумѣются здѣсь, конечно, не всѣ иноки и не всѣ общины иноческiя на Аѳонѣ, а лишь тѣ, которые ведутъ распущенную жизнь.

васъ въ мукахъ ада изъ за неразсудительнаго вашего небреженія. Сегодня вы не чувствуете вашего зла и того, что находитесь въ погибели; завтра вы это почувствуете въ аду, но какая будетъ польза.

Да, любоодаряютъ васъ христолюбцы безмѣрною милостынею, исполняя заповѣдь Божію, которая говоритъ: „нищихъ Его насыщу хлѣбомъ“, „преподобніи Его радостію возрадаются“.

О, преподобнѣйшіе отцы, чувствуете ли вы, какъ исполняютъ христолюбцы по отношенію къ вамъ заповѣдь Божію? Если же (еще) не чувствуете, то разсудите и разберите нечувствіе свое, при которомъ вы суемудрствуете о себѣ, что вы нѣчто, что вы якобы преподобные. Но что вы такое на самомъ дѣлѣ? Вы преступники—а не преподобные, ибо словомъ и дѣломъ преступаете заповѣди Божіи; вмѣсто того, чтобы похваляться подражаніемъ преподобнымъ, вы хвалитесь (подражаніемъ) преступникамъ, лихоимствуя неправду въ сокровиществованіи.

ГЛАВА LXIX.

О соблюденіи обѣта цѣломудрія.

О, еслибы пребыло въ васъ непоколебимо соблюденіе заповѣди цѣломудрія, о еслибы вы хранили цѣломудріе, какъ змѣй главу! Но, храните ли вы такимъ храненіемъ цѣломудріе? Вы преступили его, стремитесь духомъ къ безбрадымъ мальчикамъ и все оскверняетесь ими. Сіе преступленіе заповѣди Божіей невыносимо для Бога и долѣе Онъ переносить не будетъ. Посему Богъ рѣшилъ послать ангела сатанина, чтобы нашествіемъ своимъ сей ангелъ сатанинъ истребилъ такое преступленіе среди васъ, творящихъ его,—чтобы праведниковъ увѣнчалъ,—добродѣтельныхъ оправдалъ, а грѣшниковъ помиловалъ. (Обращаемъ вниманіе на эти слова: преступниками. Святой называетъ пребывающихъ въ тяжкихъ грѣхахъ, въ хищничествѣ, плотскихъ наслажденіяхъ и пр.; праведники суть живущіе свято; добродѣтельные ищущіе спасенія но совершенства еще не достигшіе; грѣшники суть немощнѣйшіе изъ монашествующихъ, не искусные въ духовной жизни но сознающіе свое недостоинство и кающіеся). Сіе есть то о чемъ говорится: „нищихъ его насыщу хлѣбомъ, священники Его облеку во спасеніе и преподобніи Его радостію возрадуются“.

Если христолюбцы насыщаютъ нищихъ, (т. е. монашествующихъ, обнищавшихъ Христа ради) хлѣбомъ, то тѣмъ паче Богъ дастъ ли погибнуть праведникамъ? Не только погибнуть имъ не дастъ, но и увѣнчаетъ ихъ. Если христолюбцы священниковъ облекаютъ спасеніемъ, тѣмъ паче Богъ дастъ-ли добродѣтельнымъ потерять ихъ трудъ, кото-

рымъ они потрудились, воздѣлывая спасеніе свое въ жизни монашеской? Не только не оставитъ ихъ, но оправдаетъ и даруетъ имъ спасеніе. Если христолюбцы радостотворятъ монаховъ милостію безмѣрной, чтобы они безъ помѣхи воздѣлывали спасеніе свое, чтобы по упокоеніи своемъ возрадовались съ праведниками, то тѣмъ паче Богъ хочетъ ихъ очистить и посредствомъ нашествія призвать въ чистоту царствія Своего, какъ говорится: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененіи и Азъ упокою вы“. И опять говоритъ мірская пословица: „гдѣ слово не дѣйствуетъ—подѣйствуетъ палка!“

О, преподобнѣйшіе отцы, вмѣсто того, чтобы получить палку нашествія не лучше ли вамъ удалиться отъ зла, пріять многомилостивое покаяніе, покаяться отъ всего сердца, и сказать: „Ни, Господи, да не яростію Твоею обличиши насъ, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши насъ. Исцѣли насъ Господи яко немощны есьмы.—Не намъ Господи, не намъ но Имени Твоему даждь славу“. Исповѣдайте предъ Господомъ немощь свою, покажите предъ Богомъ истинное покаяніе, которое могло-бы отвратить отъ васъ гнѣвъ Божій, какъ отвратили сей гнѣвъ своимъ покаяніемъ Ниневитяне.

ГЛАВА LXX.

Что порохъ для дома, то осужденіе для добродѣтелей.

О, преподобнѣйшіе отцы! не осуждайте другъ друга. Монастырскіе! не осуждайте келліи и скитовъ; келліи и скиты! не осуждайте монастыря. Проклятое осужденіе привело васъ въ то состояніе, въ какомъ находитесь; ибо осужденіе для человѣка подобно пороху. Съ какимъ трудомъ человѣкъ строитъ домъ добродѣтели! Выстраиваетъ сей домъ въ монашеской жизни, потомъ въ добродѣтель кладетъ многословіе осужденія. Какъ отъ пороха домъ, такъ отъ осужденія мгновенно, разрушается добродѣтельное состояніе. Подобно тому, какъ, если бы кто сдѣлалъ домъ, чтобы въ немъ жительствовать, (а потомъ самъ взорвалъ его). Разрушилъ домъ слѣдующимъ образомъ: когда окончили постройку, онъ подложилъ подъ низъ пороху и огня, порохъ воспламенился, разорвалъ домъ и человѣкъ потерялъ свой трудъ, которымъ подвизался столько времени. Такъ и съ монашествующими. И не только съ монашествующими, но всѣ христіане, іереи, священномонахи и патріархи, всѣ, воздѣлывающіе добродѣтель, да опасаются, если хотятъ спастись, соединять ее съ осужденіемъ; они тогда мгновенно ниспровергнутъ добродѣтель вмѣстѣ со спасеніемъ своимъ и потеряютъ весь трудъ свой.

ГЛАВА LXXI.

О взаимномъ осужденіи монастырей и келліотовъ.

Вы, келліоты, осуждаете монастыри, но сами развѣ лучше ихъ въ томъ, въ чемъ осуждаете? Монастырь имѣетъ пороки, но ты развѣ поставленъ надъ монастыремъ, чтобы судить его жестокословнымъ твоимъ осужденіемъ? Не ты надъ нимъ, но монастырь поставленъ надъ тобой; онъ долженъ воздать за тебя слово Богу, какъ получившій Божественную власть испытывать твою жизнь и исправлять ее. Ты осуждаешь монастырь за то, что въ немъ есть безбрадые мальчики, но почему еще красивѣйшіе мальчики находятся въ келліи твоей. Скажешь, въ монастырѣ ѣдятъ мясо, преступая монашескій уставъ; да, правда, но почему ты самъ покупаешь на базарѣ мясо, откровенно несешь его въ рукѣ твоей, идешь въ келлію съ такою важностію. Если у тебя въ дорогѣ спросятъ: „что это такое"? ты съ насмѣшкой отвѣчаешь, это „моруна" монашеская, (т. е. соленая рыба). Спрашиваю тебя: кто здѣсь преступникъ жизни монашеской? Очевидно, оба вы преступники; зачѣмъ же осуждаешь монастырь?

Вы, келліоты, не вѣдаете, сколь велико преступленіе, которымъ вы преступили противъ монашеской жизни, уклонившись въ погибель суемудрія, обуреваясь изъ за сокровиществованія для плоти, а въ сокровиществованіи для души не подвизаясь; вы помрачились и осуемудрили себя въ сокровиществованіи для плоти, (соперничая), кто первый усокровиществуетъ больше виноградниковъ, масличниковъ, орѣшниковъ, жеребятъ, пчелъ, уходъ за которыми даетъ одну помѣху; вѣдь вы много препятствуете своему спасенію заботою о пчелахъ.

Скажете: чѣмъ же это препятствуетъ нашему спасенію? Развѣ не говоритъ апостолъ Павелъ „не трудящійся, да не ястъ"? (2 Сол. 3, 10). Да, правду сказали, но что вамъ говоритъ апостолъ? Онъ говоритъ, чтобы тотъ не ѣлъ, кто самъ для услуженія плоти своей не трудится сверхъ того, что говоритъ онъ вамъ? (не говоритъ ли), чтобы вы не имѣли пристрастія къ имѣнію вашему? Пусть имѣетъ человѣкъ имѣніе, но да будетъ яко неимущій, какъ говоритъ апостолъ: имущій жену, яко неимущій ея, требующіе міра яко не требующіе (I Кор. 7, 29—31).

И опять: какая нужда монаху въ имѣніяхъ? Монахъ оставилъ все, что имѣлъ въ міру, сдѣлался монахомъ, чтобы просвѣтить душу свою, принести ее въ даръ Богу; нынѣшніе монахи сего не дѣлаютъ, но впали въ земныя вещества міра, растлѣвая сами свое спасеніе.

ГЛАВА LXXII.

О прежнихъ разрядахъ монашествовавшихъ во Св. Горѣ и что стало теперь.

Скажете, неужели потеряли мы природу нашу, (сущность). Да существа своего вы не потеряли, (т. е. существуетъ монашество доселѣ), но жизнь вашу потеряли, даже не ощущаете, какую жизнь вы ведете. Жизнь ваша была раньше аскетическая, вы назывались скитянами, нынѣ съ сокровиществованіемъ земныхъ, сдѣлались и называетесь келліодорами, говоримъ келліотами, (келліодоръ давшій за келлію).

Прежде въ Св. Горѣ было семь видовъ подвижничества и у всѣхъ была одна сущность (т. е. подвижническій и аскетическій духъ); ихъ звали: 1) Общежитіе, 2) пустынники, 3) скитяне, 4) безмолвники, 5) сѣдящіе (на покоѣ при монастырѣ), 6) пещерники, 7) вольно-собравшіеся, (т. е. живущіе въ монастырѣ каждый на собственномъ довольствѣ).

Общежитія были таковы, что у всѣхъ вкупѣ въ монастырѣ было одно чувство, одно существованіе, одно сокровиществованіе спасенія души и тѣла, одинаковый отвѣтъ, (т. е. обращеніе), одна одежда, одна трапеза, одна служба, одна купля, одно завѣдываніе имуществомъ; сіе называлось общежитіемъ.

Аскеты были тѣ, которые не соединялись въ общество, въ чинъ дѣланія общежительнаго, но удалялись, чтобы (житъ) особо, дѣлая келліи вдали одна отъ другой. Келліи ихъ были удалены одна отъ другой на 2 и 3 стадіи; каждый самъ воздѣлывалъ жизнь свою, (т. е. въ одиночествѣ). Сегодня они утратили жизнь свою и, вмѣсто того, чтобы называться аскетами, называются келліотами.

Безмолвники были тѣ, которые жили (особо), какъ скитяне, но въ тоже время собирались въ (общество); собранія ихъ назывались скитами; этимъ безмолвники отличались отъ аскетовъ, (т. е. въ вещественномъ отношеніи, сами о своемъ довольствѣ не заботились, но заботился начальникъ скита). По существу они были одинаковы съ аскетами, подобно имъ не общались между собою; ради такого обособленія своего, дѣлали себѣ жилища въ мѣстахъ спокойныхъ, гдѣ спасаются и до сего дня. Спасаются, но какъ спасаются? спасаются такимъ образомъ, что потеряли безмолвный свой аскетизмъ, воспріявъ жизнь суемудренную говоримъ: сдѣлались и они келліодорами и называются келліотами.

Блаженны келліоты, которые не принимаютъ милостыни, питаясь трудомъ рукъ своихъ, по Бозѣ и другимъ помогаютъ, съ любовью къ

богослуженію подвизаются, (т. е. радѣютъ о богослуженіи въ келейныхъ церквахъ своихъ). И опять: горе аскетамъ, которые принимаютъ милостыню, но не пекутся о томъ, чтобы за нее служить божественныя службы. Ради сего имъ подобаетъ имя не аскетовъ, но разбойниковъ, ибо они, какъ разбойники, похищаютъ чужія вещи и чужіе труды, съ самооправданіемъ говоря: „это—ремесло наше, (т. е. взиманіе милостыни) и не вредитъ душѣ нашей“. Это именно и творятъ аскеты нынѣ, говорящіе: „что мы дѣлаемъ, то угодно Богу, такъ какъ мы служимъ Богу“. Да, служите вы Богу, но служите Ему не по духу, вы служите мамонѣ (т. е. духомъ не Ему служите, но мамонѣ). Ради этого и говорю я вамъ, что аскеты сдѣлались разбойниками.

Послушайте, честнѣйшіе отцы: скитяне, келліоты и прочіе чины жизни монашеской, помыслите, есть ли гдѣ-либо, отъ края до края вселенной, въ какомъ либо царствѣ мѣсто, гдѣ можно было бы, какъ здѣсь, оставлять двери открытыми и почивать беззаботно? Нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго, какъ въ саду Госпожи нашей Богородицы. Безпопечительны вы въ удѣлѣ Пресвятой; безъ заботы и страха оставляете двери открытыми, почивая беззаботно, но изъ за любостяжанія вашего и вашихъ раздоровъ вы причинны будете въ томъ, что двери ваши будете запирать, будете имѣть страхъ между собою, ибо не будете довѣрять одинъ другому; дѣло любостяжанія вашего сдѣлаетъ васъ дрожащими, и день и ночь.

Сѣдящіе на покоѣ въ предѣлахъ монастыря нынѣ называются уже виноградарниками. Тотъ, который немощенъ въ помыслѣ и не въ силахъ переносить шума монастырскаго, посылается сидѣть, чтобы исцѣлились помыслы его. Существованіе ихъ единосущно съ монастыремъ, (т. е. въ вещественномъ отношеніи), но жизнь иная; кто на покоѣ, тому подобаетъ жить подвижнически, подвизаться сверхъ силы и воздерживаться по силѣ. Но и эти теперь утратили свой подвигъ вмѣстѣ съ воздержаніемъ; видя погибель иныхъ, погибаютъ они и сами подобно другимъ.

Пещерники были и назывались безплотными, изъ за многаго подвига. Ибо воздѣлывали толикій чрезмѣрный подвигъ, что существованіе плотское исчезало, они дѣлались какъ безплотные, жили въ такомъ подвигѣ нестяжанія, что не имѣли заботъ о плоти, не заботились даже о маломъ количествѣ сухарей и воды. Питались сухарями весьма мало, съ воздержаніемъ; ведя такую жизнь, одинаково воздерживались и отъ всего прочаго подобнаго. Нынѣ такая жизнь исчезла.

Пустынники, которые раньше были и назывались аскетами, уцѣлѣли, но утратили аскетическую жизнь прежнихъ аскетовъ, получили существованіе келліодорское; вмѣсто того, чтобы по имени своему вести жизнь пустынническую, они престали отъ аскетизма, и жизни аскетовъ не пріяли. Раньше они жили аскетическимъ подвигомъ, шествовали

спасительнымъ путемъ, съ веселіемъ побѣждая невидимыхъ враговъ спасенія. Такъ они подвизались, дабы украсить себя подвигомъ аскетическимъ, чтобы возвеселиться тамъ, въ Сіонѣ Горнемъ, идѣже праведніи о Господѣ веселятся; теперь же утратили жизнь аскетическую, сдѣлавшись преступниками аскетическаго подвига, уклонились въ подвигъ погибельный.

Вольно-смѣшанные и жизнь идіоритмическая (т. е. штатная) была и сегодня живутъ такою жизнью.

Общежитія уцѣлѣли и до сего дня, но они не таковы какъ были раньше. Утратилась сущность ихъ. Говоримъ, утратилось послушаніе, и завелось непокорство изъ за безбрадыхъ мальчиковъ.

Безмолвники уцѣлѣли, но утратили сущность свою, говоримъ безмолвіе, свое; суемудрствуютъ лишь о томъ, чтобы прокормиться. Пещерники утратились совершенно вмѣстѣ съ сущностію своей; больше ихъ не обрѣтается! (нынѣ—скитяне пустынныхъ скитовъ).

Вольно-смѣшанная жизнь уцѣлѣла, но и она утратила качество свое изъ-за безбрадыхъ мальчиковъ, а также изъ-за неправдъ и сокровиществованія беззаконій, которыми они занимаются.

Сѣдящіе на покоѣ уцѣлѣли, но, видя погибель другихъ, и сами погибелью погибли, (т. е. увлеклись земными дѣлами и пр.).

Скиты уцѣлѣли, но какъ спасаются?—спасаются съ безконечнымъ суемудріемъ, изъ-за котораго вдались въ земное, воздѣлывая земное съ такимъ раченіемъ и пристрастіемъ и утративъ аскетическую сущность. Пекутся объ имѣніи своемъ, какъ будто они не монахи и никакихъ иноческихъ обѣтовъ не давали.

Пустынники уцѣлѣли до сего дня. Уцѣлѣли, но жизнь ихъ не есть пустынная, даже монашеской жизни они не имѣютъ на себѣ, одно только воздѣлываютъ—земное дѣло! Спасеніе свое они оставили, подвизаются, соперничая, кто первый усокровиществуетъ земные металлы; изъ-за этихъ земныхъ металловъ они воздѣлываютъ, (т. е. развиваютъ въ себѣ), безстрашіе къ Богу. Говоримъ: развиваютъ въ себѣ безстрашіе ради того, чтобы сокровиществовать сребро и злато. Но, поскольку будутъ они воздѣлывать металлы земли, постольку и страха Божія не будутъ имѣть въ себѣ; будутъ дѣлать одно зло, и, воздѣлывая зло,—ниже Бога убоятся. Зло же ихъ есть сіе: зависть, ярость, гнѣвъ, злопамятство. О, завистливые, немилосердные, немилостивые, сребролюбивые, любостяжательные, неразсудительные, безчувственные, суемудрые, съ нечувствіемъ своимъ суемудрствующіе о ложныхъ и суетныхъ міра! вы подвизаетесь на землѣ, какъ бы дѣлать злоухищренія, чтобы усокровиществовать металлы земли; изъ-за сего сокровиществованія вознамѣрились (усовѣтовались) погружаться въ погибель и сокрушили спасеніе свое, какъ сосудъ скудельный.

ГЛАВА LXXIII.

Одна изъ главныхъ причинъ упадка монашества есть взаимное осужденіе, ибо оно влечетъ впаденіе въ тѣ же грѣхи. Воззваніе къ Св. Петру Аѳонскому.

Вы, пустынники, говоримъ—аскеты нынѣшняго времени, скажете: чѣмъ же сокрушили мы спасеніе свое, какъ сосудъ скудельный?—Что вопрошаете меня о семъ? Вы сами весьма хорошо знаете, какъ отступили вы отъ жизни монашеской, затерявшись въ суемудріе тлѣннаго міра сего. Послушайте и увидите, что вы сокрушили монашескую жизнь, какъ сосудъ скудельный.

Прежніе отцы, оставивъ аскетическое существованіе, приняли пустынническое, т. е. изъ келлій, находящихся вблизи жилищъ, ушли въ пустыни. Нынѣ же, наоборотъ, оставили аскетическую жизнь и взялись за жизнь суемудренную,—жизнь суеты и лжи мірской. Развилось въ васъ осужденіе, которымъ осуждаете вы другъ друга.

И это осужденіе особенно дѣется въ трапезномъ кругу, среди аскетовъ, собесѣдующихъ во время ѣды и питія усладительною бесѣдою осужденія, которая для аскетовъ, все равно, что сладкая снѣдь. Такъ и тянется осужденіе въ бесѣдѣ за столомъ трапезнымъ, причемъ объѣдаются, какъ агаряне. У иноплеменниковъ агарянъ не принято такое осужденіе за кругомъ трапезнымъ, тамъ ѣдятъ и пьютъ съ изобиліемъ, молчатъ, не произносятъ ни одного слова, ни добраго, ни худого за трапезой. Агаряне ѣдятъ и пьютъ въ величайшемъ молчаніи. Молчаніе украшаетъ трапезу ихъ. Сіи, закона не имущіе, равное съ законными творятъ, но, монаше, гдѣ же законъ твой?—онъ ежедневно говоритъ: не судите, да не судимы будете!

Какъ смѣешь ты судить, пустынникъ? Говоримъ: вы, называющіеся нынѣ аскетами и осуждающіе за бесѣдою на трапезѣ?—Повидимому, у васъ нѣтъ закона, ибо, если-бы вы имѣли законъ, то не навыкли бы такому беззаконію.

Утративъ пустынническую сущность, пріявъ жизнь келліотскую, сотворивъ себѣ ея законъ, говоримъ уставъ аскетической жизни, на самомъ дѣлѣ, съ этимъ осужденіемъ вашимъ вы сбросили съ себя и аскетическую и пустынную жизнь. Ради этого, говорю я вамъ: иноплеменники агаряне, закона не имѣютъ, но по закону воздѣлываютъ; вы же, сей законъ имущіе, преступаете его, оставаясь помраченными, во тьмѣ и сѣни смертной сѣдящими.

Востани, преподобне Петре, дабы посмотрѣть на аскетовъ твоихъ, какова стала сущность пустынная, которую ты передалъ имъ въ жизни

монашеской. Не только, не удержали они пустыннической сущности, но и аскетическую утратили, живутъ въ погибель, подобно дикимъ козламъ. Сіи козлица вступають въ аскотическую жизнь, но, такъ какъ они козлица дикія, по равнинѣ шествовать не въ силахъ, то оставляютъ ровное мѣсто, устремляясь по скаламъ и каменистымъ мѣстамъ. Таковы суть и аскеты нынѣшняго времени, которые не желаютъ равнины монашеской жизни, преосіянія путей спасенія, но приходятъ туда и сюда въ суетныхъ попеченіяхъ, заботясь о земныхъ металлахъ; при многосокровиществованіи металловъ, сдѣлалась для нихъ пустынная жизнь и аскетизмъ—безсмыслицей.

Востань, преподобне Петре, чтобы посмотрѣть, какъ поставили на мѣсто монашескаго аскетизма мірскую сущность, стали жить подобно мірянамъ, какъ будто и обѣщанія предъ Вратами священнаго алтаря, не давали. Однако и у мірянъ нѣтъ такой суемудренной сущности, они имѣютъ страхъ Божій въ сердцахъ своихъ, чувствуютъ, что еще есть христіанство. Но вы, будучи монахами и назвавшись аскетами, скинули съ себя страхъ Божій, презрѣли заповѣди монашеской жизни, какъ будто и не отрекались отъ земныхъ благъ, суетныхъ и привременныхъ, ради того, чтобы поминать тотъ вѣчный покой и истинное веселіе. Съ суемудріемъ своимъ, вы мните о себѣ, что вы—нѣчто?—Да, вы есте, т. е. монахи, но что съ вами потомъ будетъ?—то разберетъ покаяніе. Если же не покаетесь—нашествіе потомъ разберетъ. Но, что за польза будетъ съ этого разбора? Прежде, чѣмъ постигнуть васъ удары нашествія, не лучше-ли вамъ самимъ себя разобрать чрезъ подвигъ покаянія, удалиться отъ зла, возненавидѣть суемудріе міра сего тлѣннаго, озаботиться всецѣло воздѣлываніемъ спасенія, но не гибели своей. Но сегодня за лучшее считаютъ погибать, нежели спасаться. Востани, преподобне Петре, чтобы посмотрѣть на сопустынниковъ твоихъ, твоихъ правнуковъ, которые скинули съ себя пустынный аскетизмъ, воспріявъ погибельную погибель!

Скажете, аскеты: неужели мы совсѣмъ погибли, что ты такъ осуждаешь насъ предъ Преподобнымъ Петромъ?—Что спрашиваете вы о семъ? Возмущаетесь, что я такъ разговариваю о васъ съ Преподобнымъ Петромъ?—если возмущаетесь, то подобаетъ вамъ исправиться, ибо вы именно таковы, какъ я разговариваю о васъ съ Преподобнымъ Петромъ. Исправьте же жизнь вашу. Вы скажете: ты несправедливо охуждаешь насъ Преподобному Петру.—Да, я охуждаю васъ, но справедливо-ли или нѣтъ, будемъ разбирать, разберемъ свѣтъ отъ тьмы.— Тьма есть то, что вы помрачены чувствомъ вашимъ, не ощущаете той тьмы, которою помрачились. Изъ за этого ваши іереи не имѣютъ чистаго расположенія въ священствованіи своемъ. И въ монашеской жизни никогда вы не имѣете чистой совѣсти. Никогда не имѣете чистаго ду-

ховнаго руководства надъ собою. Осужденіе при рукодѣліи стало у аскетовъ неисцѣльной язвой; работая пожираютъ другъ друга, не чувствуя несчастные, что этимъ сами себя разоряютъ.

ГЛАВА LXXVI.

Безпечность о спасеніи, впаденіе въ сластолюбіе. Увѣщаніе сравнить свою безбѣдную жизнь съ бѣдственною жизнью міранъ.

Суемудрствуютъ суемудрые, что ничего имъ за это не будетъ; о, если-бы вы имѣли око ваше просвѣтленнымъ, чтобы видѣть волны, которыя вздымаются, чтобы переставить васъ въ преисподнюю, то никогда не стали-бы вы заботиться многопопечительно, ни о кускѣ хлѣба, ни о чемъ другомъ для тѣла, стали-бы довольствоваться пищей, которую ѣдятъ свиньи: — говоримъ, тѣмъ, что называютъ желудями. Но вы не думаете того, что придется вамъ сказать на судилищѣ, при осужденіи вашемъ, въ преисподнюю. Вы же не только потребности тѣлесныя удовлетворяете, но употребляете еще явствъ столько, сколько не имѣетъ и міранинъ, который есть чадородецъ, т. е. семейный. Гдѣ найдетъ міранинъ вино? Гдѣ найдетъ міранинъ чистѣйшій хлѣбъ? Гдѣ найдетъ міранинъ хорошее кушаніе? Все это производитъ міранинъ, собирая въ житницы свои, но обуреванія міра не даютъ ему живопитаться такимъ многоцѣннымъ живопитаніемъ, изъ за мірскихъ обуреваній онъ отъ сего воздерживается. Сѣютъ, жнутъ, сокровиществуютъ, живопитаться же этими сокровищами своего производства не смѣютъ, но воздерживаются; если вожделѣніе ихъ хочетъ вина, они удерживаютъ себя и пьютъ воду. Воздерживаютъ отъ чистаго хлѣба, ѣдятъ хлѣбъ черный, на который монаху и смотрѣть противно, а не то, что вкушать. Найдетъ-ли міранинъ упокоеніе кушаньями за трапезой?—онъ беретъ немного чернаго хлѣба, немного сыра въ руки свои, ѣстъ все это на ходу, чтобы не обратилась на домъ его та буря мірская. Говоримъ: воздерживается отъ вкушенія того, что воздѣлываетъ день и ночь, не тратитъ сего на живопитаніе свое, но продаетъ и отдаетъ мѣстнымъ обуреваніямъ, т. е. агарянскимъ властямъ; такимъ образомъ онъ защищаетъ домъ свой отъ рукъ агарянина, который истязаетъ его безпрестанно день и ночь, даже до смерти, все высасывая изъ него. Ради этого говорю: подобаетъ вамъ имѣть мысленное зрѣніе свое просвѣтленнымъ; тогда лишь будете видѣть дикія волны міра, въ которыхъ бѣдствуютъ и мучаются немилостиво христіане, въ обуреваніяхъ немилосердія агарянскаго, подобно израильтянамъ въ обуреваніяхъ фараона. Тогда не стали-бы вы имѣть многопопечительства о тѣлѣ своемъ.

ГЛАВА LXXV

Богъ послалъ меня къ тебѣ [1]), какъ скрижали Моисею.

Богъ, вѣдущій грѣховность человѣка и злое расположеніе людей, послалъ имъ съ Моисеемъ скрижали съ десятью заповѣдями; такъ какъ Моисей былъ косноязычный, то имѣлъ онъ брата Аарона, который сказывалъ народу заповѣди, написанныя на скрижаляхъ, передавая ихъ рѣчью въ чувство человѣка. Такъ и меня Богъ послалъ, яко скрижаль къ тебѣ, косноязычному въ рѣчи граматичной, дабы ты передалъ это твоему совѣтнику отцу Герасиму, какъ Моисей Аарону, а совѣтникъ твой, передалъ-бы сіе чернильнымъ писаніемъ въ чувства слушателей, подобно тому, какъ Ааронъ.

Да, пусть передастъ отецъ Герасимъ, но пусть передастъ съ вниманіемъ и кратко, ибо отъ многаго разговора и противословій слова дѣлаются для человѣка великимъ смущеніемъ. Аминь, аминь, глаголю вамъ, противословія (препирательства) причиняютъ вредъ, а не пользу. Пусть сказанное передастъ онъ чернильнымъ писаніемъ въ чувства людей; потомъ пусть идетъ, куда ему нравится, ибо будутъ стараться погубить васъ отъ лица земли, обоихъ васъ убить [2]), хотятъ сотворить слова мои бѣсовской болтовней.

Моисей пріявъ скрижали, сказалъ ихъ Аарону, Ааронъ пересказалъ ихъ народу; но люди приняли сіе только слухомъ, потомъ положили скрижали подъ стопы ногъ своихъ, вмѣнили ихъ ни во что.— Такъ не вмѣнятъ на сей горѣ и словъ моихъ, которыя я промолвилъ тебѣ.

ГЛАВА LXXVI.

Пристрастіе къ исхожденіямъ въ міръ, сборы. Блаженъ, кто не покидаетъ Св. Горы.

Блаженъ, кто, придя въ Гору сію Честную и Святую, никогда не исходитъ внѣ ея до конечнаго успенія смертнаго; хотя онъ и грѣшникъ, но Святая Гора есть охраненіе его; Всецарица соблюдетъ его отъ всякаго оскверненія,—если онъ и самъ будетъ блюсти себя и не покинетъ Св. Горы.

Нынѣ всѣ блюстительство спасенія оставили; когда отправляются въ міръ, то идутъ точно въ рай. Да идутъ, но, какъ идутъ? Одни

---

[1]) Т. е., какъ Ѳеофану.

[2]) Т. е., Ѳеофана и Герасима.

идутъ для того, чтобы показывать свое угрюмое лицемѣріе, другіе идутъ, чтобы превращать сребро въ ростъ на ростъ; міряне же, видя, какъ монахи возвращаютъ свое сребро, получаютъ о монахахъ столь худое мнѣніе, что и слышать не хотятъ про ангельскую схиму, особенно, когда видятъ, какъ ведутъ себя аскеты въ міру. Когда аскетъ бываетъ въ міру, міряне разнообразно испытываютъ его. Испытали и увидѣли, какое онъ далъ о себѣ мірянамъ худое впечатлѣніе пьянствомъ, многословіемъ, прожорствомъ, ложью; увидавъ, что онъ таковъ, міряне говорятъ: если этотъ аскетъ таковъ, то и всѣ аскеты таковы; когда кто читаетъ о житіи какого-нибудь аскета, то мірянамъ сейчасъ же припоминается и приходитъ на умъ безчиніе аскетовъ, которое они видѣли, а житіе чтомаго принимаютъ, какъ болтовню.

Ради этого, да не ходятъ аскеты въ міръ такимъ образомъ, чтобы не давать худаго мнѣнія. Сегодня ходятъ въ міръ подъ предлогомъ продать свое рукодѣліе, — цѣль же ихъ та, чтобы похищать угрюмымъ лицемѣріемъ своимъ неправды мірскія [1]); потомъ приходятъ они въ скитъ и приносятъ неправды міра; аскеты, увидавъ, что эти люди много собрали и принесли много злата, принимаютъ ихъ въ свои объятія, и слово ихъ бываетъ вѣскимъ во всякомъ дѣлѣ; такого человѣка они снова убѣждаютъ отправиться по сбору. Опять идетъ и собираетъ, но всего не отдаетъ; отдаетъ лишь часть, прочее воруетъ; послѣ этого начинаютъ аскеты впадать въ заботу, какъ сдѣлать бизулю, стѣнку для насыпки террасы, какъ сдѣлать огородъ, какъ сдѣлать церковь, какъ сдѣлать погребъ, чтобы холодилось вино и снѣдные припасы. Обуреваясь душею и тѣломъ совершаютъ сіи дѣла; когда окончится постройка, снова идутъ въ міръ съ угрюмымъ своимъ лицемѣріемъ, обращаясь опять къ сбору.

А, лицемѣрящій монахъ, чѣмъ ты былъ и чѣмъ ты сталъ!—гдѣ суть первая твоя? Спасся-ли ты тѣмъ, что облегчалъ міръ отъ грѣховъ, и что за данныя мірянами тебѣ милостыни имъ прощались грѣхи?— Да, простились имъ грѣхи, но твоя несчастная душа, что стала?— она сдѣлалась, какъ дымъ вѣтромъ развѣянный. Сказано: „видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася яко, кедры ливанскія; мимоидохъ, и се не-бѣ; взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его“. Монахъ, который исходитъ изъ жилища своего, сообращается съ міромъ, не можетъ не повредиться. Также тотъ, который хотя и не покидаетъ Горы, не имѣя возможности по должности жизни монашеской отлучиться, но всегда вожделѣваетъ міра, слыша о круженіяхъ міра, имѣетъ часть подобную израильтянамъ, которые, освободившись отъ фараона, потомъ вспомнили чеснокъ и лукъ египетскій, возроптавъ на Моисея, зачѣмъ онъ вывелъ ихъ изъ Египта.

---

[1]) „Мірскія неправды“, очевидно, деньги.

ГЛАВА LXXVII.

О вредѣ допуска юныхъ въ штатные монастыри.

Если упадетъ горящій уголь на доску, то причинитъ ей вредъ. Если въ штатномъ монастырѣ будутъ находиться юные, а нынѣ во множествѣ, вы своими глазами видите, наполнены ими штатные монастыри, — то есть-ли отъ нихъ польза? — Очевидно, отъ нихъ одинъ вредъ, и никакой пользы.

Идіоритмъ предъ Богомъ сталъ походить на хижину лѣсорубовъ; если она во время лѣснаго пожара сгоритъ, то и признака отъ нея никакого не остается, остаются только щепки, но щепкамъ лишь познать можно, что здѣсь стояла хижина лѣсорубовъ. Такими же нынѣ стали идіоритмы.—Все преступили, только цѣломудріе оставалось еще неповрежденнымъ и неискушеннымъ, т. е. о послушаніи, нестяжаніи постѣ,—и рѣчи уже нѣтъ; изъ всего монашескаго обѣта только цѣломудріе открыто не нарушалось, и стояло, какъ одинокая хижина лѣсорубовъ въ лѣсу стояло.—Спрашиваю васъ: если въ штатномъ монастырѣ окажется молодой, и видѣть его предъ собою будутъ каждый день, то не осквернится-ли цѣломудріе отъ взиранія на молодаго?—Пусть-бы имѣли цѣломудріе чистымъ, но нынѣ и его растлили вмѣстѣ съ молодыми... Что же у нихъ остается? — Остается одна черная ряса и никакого признака монашеской жизни. Черная ряса, какъ обуглившаяся щепка хижины лѣсорубовъ, будетъ показывать, что здѣсь была хижина; современемъ и щепки истлѣютъ, такъ что совсѣмъ познать нельзя будетъ, что здѣсь была хижина лѣсорубовъ. (Это сравненіе штатныхъ монастырей-картина, ибо они владѣютъ большими лѣсами, занимаясь лѣсопромышленностію). Такими и стали сегодня штатные монастыри; однѣ черныя рясы, означаютъ, что они монахи, но и это свое чернорясіе они погубили безцѣнными шубами, многоцѣнными своими одеждами, одеждами шелковыми и бумажными, которыя для монаха, суть одежды разврата, распутства, сладострастія, и мужестрастія. Но не одни лишь штатные это творятъ; келліоты тоже завели и носятъ тонкія рясы, которыми наряжаются точно какія дѣвицы, этимъ наряженіемъ погубили убогорясія, а вмѣстѣ съ этимъ пропала и монашеская жизнь.

ГЛАВА LXXVIII.

Что есть нарядъ монашеской жизни. „Вотъ я посланъ отъ Бога“.

Нарядъ монашеской жизни есть: смиреніе, любовь, кротость, милосердіе, послушаніе, милостивость, цѣломудріе, воздержаніе, безпопечительность. Но сегодня люди, скинувъ съ себя монашескую жизнь, ведутъ такую жизнь, которая есть путь погибели.

Вотъ я посланъ къ вамъ отъ Бога, уяснить вамъ, явнымъ сотворить и въ чувство ваше представить, что вы сдѣлались безчувственными, не чувствуете, что такое нарядъ монашеской жизни, которую сбросили съ себя.

Скинули вы съ себя смиреніе, развили въ себѣ тщеславную гордость. Скинули любовь и развили зависть. Скинули кротость и развили ярость. Скинули милосердіе и развили немилосердіе. Скинули послушаніе и развили непослушаніе. Скинули человѣколюбіе и развили алчность къ злату; скинули милостыню и развили сребролюбіе. Скинули цѣломудріе и завели мужестрастіе. Скинули воздержаніе и развили прожорство. Скинули безпопечительность и развели многопопечительность, чтобы вмѣстѣ съ этимъ прельщаться своими юными учениками, дабы они слушали васъ по нраву вашему.

Ей, любуйся на ученика твоего, но не любуйся на его земное, а старайся полюбоваться его духовнымъ, ибо все тлѣнное, земное, тѣлесное, сегодня есть, а завтра не будетъ. Ей, не будетъ. Нынѣ не говорятъ ученикамъ, что земнаго на завтра не будетъ, но наставляютъ послушниковъ своихъ, такъ: кто насладится земными благами, тотъ насладится и спасеніемъ.—Слыша такое наставленіе, ученикъ прельщается и впадаетъ въ безстрашіе.

ГЛАВА LXXIX.

Какъ ворвался семиглавый звѣрь на монашескую ниву.

О, преподобнѣйшіе отцы! — нынѣ исполняется слово изреченное прежними отцами: придетъ время, когда ноги станутъ головой, а голова ногами; нынѣ это и стало; игумены не изъявляютъ сами себя, какъ игумены, т. е. не проявляютъ власти своей, старцы, не проявляютъ себя, какъ старцы. О, несчастные старцы!—что это съ вами? — почему вы сдѣлались послушниками послушниковъ своихъ? Ни разу не сказали вы послушникамъ: когда говорю тебѣ встать, то вставай,

садись, то сиди; теперь уже послушники стали командовать надъ вами? Не сдѣлались-ли теперь послушники добродѣтельнѣе старцевъ своихъ?— Нѣтъ, не добродѣтельнѣе стали, но еще противузаконнѣе, ибо воздѣлываютъ жизнь монашескую на выворотъ, съ превратнымъ дѣланіемъ своимъ погружаясь въ погруженіе погибели, изгоняютъ Царицу Спасенія, и приглашаютъ семиглаваго звѣря беззаконія.

Спрашиваю я васъ, когда скотина взойдетъ на засѣянную ниву, распутаетъ тамъ свои пути, то что произойдетъ хорошаго для нивы той? Не потопчетъ-ли и не погибнетъ-ли плодъ? Таковъ и семиглавый звѣрь, который развернулъ сегодня семь головъ своихъ въ разныхъ видахъ, т. е. извиваясь длинными шеями своими, какъ змѣя... Обрѣлъ сей змій себѣ мѣсто въ жизни монашеской, разбилъ чувство ея, и исчезъ плодъ спасенія. Первая шея семиглаваго звѣря есть многопопечительность міра: 1) многозаботливость; 2) многосокровиществованіе; 3) прожорственное чревобѣсіе; 4) многообразная и многоразличная пища трапезы; 5) осужденіе; 6) мужестрастіе, и оскверненіе цѣломудрія. Распростертіе же имъ въ слѣдующемъ:

Развернулъ онъ первую свою шею, отверзъ завистливыя свои уста, извлекъ коварствующій свой языкъ, отверзъ очи злопамятства, простеръ сію шею въ разнообразныхъ видахъ воображаемый, (т. е. подражаемый людьми, творящими по подобію его).

Простеръ вторую шею любостяжательную, отверзъ лжесвидѣтельственныя свои уста, открылъ немилосердующій свой языкъ, открылъ воровскія глаза и распростеръ (или распространился), въ различныхъ видахъ воображаемый.

Простеръ третью шею невоздержности, отверзъ уста разврата, испустилъ языкъ блуда, отверзъ очи прелюбодѣянія и распространилъ, въ различныхъ видахъ воображаемый.

Простеръ и четвертую шею обжорства, отверзъ хищническія уста, извлекъ взяточническій языкъ, открылъ ласкательныя свои глаза, и распространилъ, въ различныхъ видахъ воображаемый. Простеръ и пятую свою шею тщеславящую, отверзъ уста преслушанія, извлекъ надменный свой языкъ, открылъ угрюмыя очи лицемѣрія и распространилъ, въ различныхъ видахъ воображаемый.

Простеръ шестую шею безнадежія, отверзъ уста унынія, извлекъ языкъ нерадѣнія, открылъ глаза обвиненія, и распространилъ, въ различныхъ видахъ воображаемый.

Простеръ и седьмую шею сумасшествія, отверзъ уста малодушія, извлекъ языкъ безчинія, открылъ глаза хулы и распространилъ, въ различныхъ видахъ воображаемый.

Такимъ-то разворачиваніемъ развернулъ семиглавый звѣрь клубки шей своихъ, обрѣлъ себѣ мѣсто и распространился въ монашеской жизни, разбивъ въ дребезги чувство монашескаго дѣланія.

ГЛАВА LXXX.

Какъ въѣхала царица погибели въ удѣлъ.

Видитъ царица, именемъ Пагуба, что монашеская жизнь разбилась въ дребезги, приказала привести львоглаваго звѣря, именемъ „Ростъ". И привели его, запрягли въ царскую колесницу, которая называется зависть; взошла царица погибели на сію колесницу пагубную. Повезъ ее львоглавый звѣрь, именуемый „Ростъ". Царица погибели поставила впереди колесницы трехъ злѣйшихъ рабовъ: первый изъ нихъ называется „попеченіе" и держитъ (за поводъ) „Роста", звѣря львоглаваго, двое держатъ трубы въ устахъ своихъ, одинъ называется „забота", другой—„сокровище"; существуютъ они посреди безчувствія человѣческаго, ибо люди не чувствуютъ, что есть монашеская жизнь. За такое нечувствіе нашелъ себѣ мѣсто у нихъ семиглавый звѣрь и бѣгаетъ по чувству человѣка къ монашеской жизни, какъ скотина, забравшаяся на воздѣланное поле и растоптавшая стебли посѣва. Видитъ царица погибели, какъ открылъ ей дорогу семиглавый звѣрь, и разбилъ въ дребезги чувство монашеской жизни, повелѣла запречь львоглаваго звѣря въ колесницу, запрягли его; взошла она въ колесницу, впереди ея были три всезлѣйшіе воина, одинъ держалъ узду и назывался—попеченіе, другіе два держали трубы въ устахъ своихъ; одинъ назывался заботой, а другой сокровиществованіемъ; они кричали великимъ крикомъ въ чувства разстроенныхъ монаховъ; здѣсь обрѣла себѣ мѣсто царица погибели, и стала шествовать впередъ по чувству монаховъ, съ кликами (воиновъ) трубящихъ и кричащихъ впереди колесницы громкимъ голосомъ: „Сія царица есть многообразіе и многопопеченіе заботы о сокровищахъ жизни мірской". Когда чувство разстроенныхъ монаховъ услыхало это, всѣ почти пали, поклонились, поставивъ ее надъ собою какъ царицу славы и прославляютъ какъ царицу. Ей, прославляютъ ее, но чѣмъ прославляютъ?

ГЛАВА LXXXI.

Чѣмъ прославляютъ монахи царицу погибели.

Прославляютъ ее слѣдующимъ образомъ: пекутся въ заботахъ мірского житія, заботятся о веществахъ міра, сокровиществуютъ ихъ въ воровскія свои закромы, ежедневно приходятъ, смотрятъ собранное и говорятъ: „сей мой богъ, и прославлю его". Когда-же увидятъ, что одинъ воровскій закромъ опустѣлъ, то прилагаютъ всѣ

силы къ наполненію его; съ попеченіями, заботами и сокровиществованіемъ наполняютъ пустой сосудъ, еще продолжаютъ, пекутся, заботятся, и сокровиществуютъ. Да, сокровиществуютъ, но сосудовъ не имѣютъ, чтобы наполнить. Тогда стараются и пекутся, какъ добыть ящиковъ. Добыли множество ящиковъ, наполнили ихъ припасами, но, вотъ, нѣсколько сосудовъ осталось пустыми. Тогда опять собираютъ сосуды бо́льшей вмѣстимости и, видя что нѣсколько не наполнилось, вновь собираютъ, видятъ, что осталось пустыхъ сосудовъ еще больше. Покидаютъ воздѣлываніе монашеской жизни, пекутся съ много заботливымъ многообразіемъ, заботятся со столькими трудами и со столькими по́тами, чтобы усокровиществовать это вожделѣнное сокровище; сверхъ силъ озабочены этимъ, наполняютъ множество сосудовъ, но, въ то время, какъ одни сосуды наполняютъ, видятъ, что съ другого конца опорожнился полный. Начинаютъ снова наполнять. Такъ какъ сосуды безпрестанно опорожняются, то они и пекутся (безпрестанно о наполненіи), заботясь, сокровиществуя, никогда не находя свободнаго времени отъ обуреванія міра, никогда не разомрачаются; съ такимъ круженіемъ и помраченіемъ изгнали они Царицу Спасенія и пригласили царицу погибели.

ГЛАВА LXXXII.

О долготерпѣніи Царицы Спасенія и о мятежномъ городѣ.

Видитъ это Царица Спасенія, но, какъ Матерь, долготерпитъ о чадахъ, (продолжаетъ) млекомъ вскармливать удѣлъ свой, чтобы они не погибли. Но люди сдѣлали попеченію, заботѣ и сокровиществованію тройственное заявленіе, говоря: „Мы пеклись и печись будемъ; мы заботились и заботиться будемъ; мы сокровиществовали и сокровиществовать будемъ въ попеченіяхъ житія сего мірскаго, мы никогда не оставимъ попеченій, заботы и сокровиществованія“.

Спрашиваю я васъ, что дѣлаетъ царь когда увидитъ, что гарнизонъ города поднялъ противъ него возстаніе? Не постарается-ли онъ тогда разобрать, чѣмъ недоволенъ гарнизонъ и удовлетворить его? И вотъ сдѣлался разборъ, но какой? чѣмъ удовлетворилъ недовольныхъ царь? Удовлетворилъ царь симъ: прибавилъ имъ достатка съ избыткомъ, говоримъ: жалованія, чтобы мирствовали. Но злоумышленные граждане, говоримъ, Святогорцы, стали коварствовать противъ царя даже въ тѣхъ самыхъ достаткахъ, которые онъ имъ прибавилъ, говоримъ—въ жалованіи. Берутъ они жалованіе съ прибавкой, и все-таки измѣняютъ царю, не хотятъ признавать его царемъ; наконецъ, они совсѣмъ отложились отъ царя, поставивъ на царство женщину цыганку, на зло царю.

Увидавъ такое дѣло, царь сталъ долготерпѣть въ крѣпости города и ждать, что будетъ дальше. Граждане-же въ городѣ возвели на тронъ цыганку, и короновали ее; когда цыганка получила царскую власть, повелѣла привести колесницу, чтобы взойти въ нее и прокатиться по городу; сотворили, что она приказала. Привели царскую колесницу, взошла она въ нее, стала кружить по всему городу; видитъ что въ городѣ никакихъ цыганскихъ ремеслъ нѣтъ, говоримъ—пачкотни (т. е. грязнящихъ работъ). Спрашиваетъ и говоритъ: почему никакихъ нѣтъ мастеровъ пачкотливаго ремесла въ семъ городѣ? граждане говорятъ: «Есть всякіе мастера, какъ-же ты говоришь, что нѣтъ мастеровъ?» говоритъ царица-плясунья. «Гдѣ-же тѣ, которые дѣлаютъ кованія, угли, и рѣшета, и прочее подобное имъ?» говорятъ граждане: «Нѣтъ привычки и обычая нѣтъ, чтобы все это воздѣлывали здѣсь». Говоритъ царица: «Да исчезнутъ въ городѣ всѣ мастерства, да заведутъ тѣ ремесла многочестныя, да работаютъ съ углемъ, да заведутъ рѣшета и дѣланіе желѣзныхъ издѣлій». Такъ настаивала она; граждане почти всего города склонились на ея требованія; она приказала, чтобы ничего иного въ городѣ не воздѣлывали, а только издѣлія пачкающіе (т. е. чернящія лицо): рѣшета, угли, и желѣзо. Сказала, и по слову ея стало. Оставили безсмысленные граждане прежнюю свободу, съ которой раньше сидѣли въ покоѣ съ такимъ упокоеніемъ; вопреки прежнему царю, стали ни единаго слова прежняго царя не слушать, сдѣлались отступниками. Изгнали его съ трона, поставивъ надъ собою царицу, возвели на тронъ нѣкую цыганку ради того, чтобы творить свои злыя похотѣнія, и всѣ сдѣлались рабами ея въ дѣлѣ цыганскомъ, поработили себя ей въ рабство, стали воздѣлывать работу цыганскую день и ночь, чтобы представлять угоднѣйшее издѣліе царицѣ, и при этомъ высказывали ей благодарность за порядки. Слышитъ царь, что они благодарны цыганкѣ, сдѣлавшей ихъ какъ-бы каторжниками, работающими цыганское дѣло: уголь, говоримъ —попеченіе, (желѣзо) и сокровиществованіе (рѣшета). Видитъ царь, что они такъ озабочены и пекутся въ дѣлѣ семъ, что прежнія свои занятія совершенно оставили, завели цыганскія дѣланія, которыя воздѣлываютъ съ благодарностію и веселіемъ. Видитъ это царь; не въ силахъ будучи терпѣть такой пагубы города, оставилъ городъ и удалился; ушелъ жить въ другую страну. Поселился въ другой странѣ, но какъ поселился? Поселился не какъ презираемый, но какъ прославляемый царь, воцарившись въ той странѣ. (Здѣсь намекъ на Богоизбранничество Россіи на православномъ Востокѣ вообще и на Аѳонѣ въ частности).

Халпінты, увидавъ, что запустѣлъ городъ отъ царя, и что царствуетъ нѣкая жена цыганка, устремились, чтобы сотворить набѣгъ; сдѣлали набѣгъ, и разоренъ былъ городъ Халпінтами, говоримъ безбожниками.

Спрашиваю я васъ: по какой причинѣ плѣненъ былъ городъ Халпінтами? Не было-ли тому виною возстаніе гарнизона противъ своего царя? Не за отступническое-ли непокорство ихъ произошло такое истребленіе, истребившее могущество ихъ? Такъ и сегодня:—отступили вы отъ Царицы Спасенія. Видитъ Царица Спасенія, какъ измѣнили вы монашеской жизни; посему старается умирить ваше непокорство (т. е. удовлетворить ваши желанія). Повелѣла она обратить и преумножить море милостыни еще болѣе, чтобы вы были мирны и покорялись монашеской жизни, (т. е. не пеклись ни о чемъ), работая одному спасенію своему. Повелѣла Царица Спасенія, чтобы преумножилось море милостыни, и преумножилось оно; напоились иноки досыта изъ того моря милостыни, но, имѣя такое благодѣяніе, все-таки остались отступниками, не покорились Царицѣ Спасенія, изгнали Ее съ царственнаго трона, а на царскій тронъ посадили царицу погибели. Видитъ человѣкъ несчастіе свое, (нищету духовную), но оправдываетъ себя, говоря, что некогда Богу молиться, «не успѣваемъ мы и на тѣло наше поработать, когда-же намъ молитвой заниматься? Сдѣлаемъ снисхожденіе (уставамъ) монашеской жизни». Уже одно это снисхожденіе (или опущеніе) есть отступничество отъ монашеской жизни.

Видитъ Царица Спасенія, какъ хотятъ они оправдать себя нуждами своими тѣлесными, не въ силахъ якобы обезпечить тѣла своего; послала имъ Царица Спасенія милость милостынную. Но опять видитъ, что и теперь не покоряются они монашеской жизни, опять стали промышлять о себѣ и преумножать милостынную милость.

Сошла благословенная Царица, удалилась отъ (града) своего, но отъ Удѣла своего еще не устранилась, долготерпя, какъ Матерь дѣтямъ Своимъ и ожидая отъ нихъ покаянія.

Благодаря Царицѣ Спасенія и Ея помощи, оставалась Гора сія честная избавленной отъ всѣхъ угрожавшихъ Ей золъ, но сегодня Ее изгнали изъ-за сокровиществованія металловъ земли, изъ-за ѣды и питія и сдѣлались отступниками отъ Царицы Спасенія.

ГЛАВА LXXXIII.

Плачъ Царицы Спасенія о людяхъ своихъ.

Долготерпѣла и долготерпитъ Царица Спасенія, печалится Она о безчиніяхъ, которыя творятъ люди въ противность Ей, и печальными словами говоритъ:

«Людіе Мои, что сотворихъ вамъ, или чѣмъ васъ опечалихъ? отвѣтствуйте Мнѣ? За то-ли возненавидѣлъ ты меня народъ Мой, что Я изъ міра тебя извела и освободила, изъ дома рабства,

поставила на путь спасенія предъ Лице Мое въ жизнь монашескую? Людіе, послушайте Меня, и благая снѣсте; воскурится тогда благими душа ваша, (т. е. заблагоухаетъ какъ кадило). Вонмите люди слухомъ вашимъ, черпайте воду съ веселіемъ изъ источника спасенія. Людіе Мои, что сотворила Я вамъ, вмѣсто спасенія вы отплачивали и отплачиваете Мнѣ злобами вашими? Людіе Мои, что сотворихъ вамъ, и что воздали вы Мнѣ? вмѣсто благодарности, воздаете Мнѣ неблагодарностію. Народъ Мой, что сотворила Я тебѣ, и что воздалъ ты Мнѣ? Изъ убѣжища мира сдѣлали вы убѣжище смуты. Народъ Мой, что сотворила Я тебѣ, и что воздаешь ты Мнѣ? Вмѣсто любви, воздаешь Мнѣ ненавистію. Народъ Мой, что сотворила Я тебѣ, и что воздаешь ты Мнѣ? Вмѣсто покорности воздаешь мнѣ непокорствомъ. Народъ Мой, что сотворила Я тебѣ? и что воздаешь ты Мнѣ? вмѣсто храненія безмолвія стали творить и творите нохотѣнія осужденія, языкомъ отъ діавола подвизаемымъ. Почто творишь ты сіе противъ Меня, народъ Мой? Не промышляла-ли Я о плотскихъ вашихъ нуждахъ? Не сохраняла-ли Я васъ отъ бѣдъ, и не хранила-ли Я васъ и до сего дня? За что-же ты это сотворилъ Мнѣ, народъ Мой? Не ограждала-ли Я, и не ограждаю-ли и до сего дня отъ всепагубы, которой всесожигается внѣшній міръ (т. е. отъ агарянскихъ неистовствъ), но здѣсь и вѣсти о томъ нѣтъ, что происходитъ внѣ міру. Почто-же сотворилъ ты это Мнѣ, народъ Мой, въ противность Мнѣ? Или не посылала Я, и не посылаю вамъ пищи разнаго рода до сего дня, и со всѣхъ сторонъ? Что-же сотворилъ ты Мнѣ, народъ Мой, и позабылъ Меня, послѣ тѣхъ благодѣяній, которыя Я тебѣ оказала и оказываю ихъ доселѣ? Но не только Меня забыли, но и слушать Меня не желаютъ. Они не желаютъ Меня, но Я имъ добра желаю, и не только желаю, но и милосердую о нихъ. Но они сами не милосердуютъ о себѣ, о душѣ своей, что-же Мнѣ сдѣлать имъ? Справедливость Сына Моего есть сія, (что не можетъ спастись человѣкъ, если самъ не будетъ желать своего спасенія). Если самъ человѣкъ не будетъ милосердовать о себѣ, то что можетъ сдѣлать ему другой, хотя-бы кто и милосердовалъ о немъ? Я милосердовала о нихъ и всегда милосердую, но они презрѣли Меня и презираютъ. Я имъ благодѣтельствовала и всегда благодѣтельствую, но они отогнали Меня, и отгоняютъ. И какъ при этомъ оставаться Мнѣ, когда они Меня не желаютъ? Ей, благодѣтельствовала Я имъ и благодѣтельствую, но они не желаютъ Меня слушать; какъ-же можетъ быть, чтобы Я осталась? Они знать Меня не желаютъ; какъ-же можетъ быть, чтобы Я имъ терпѣла? Они готовы изгнать Меня и отгоняютъ, какъ это можетъ быть, чтобы Я осталась? И такъ, да приготовлюсь Я уходить; пусть они остаются съ царицей погибели, которую избрали себѣ.

ГЛАВА LXXXVI.

Воззваніе къ святогорцамъ, дабы удержали Царицу Спасенія.

О, преподобнѣйшіе отцы, нѣтъ-ли намъ возможности возбранить отшествію Ея, такъ какъ приготовилась Она уходить? Если-же не желаете воспрепятствовать Ей уйти, то дадимъ вѣсть прежнимъ Святымъ отцамъ, чтобы они также проводили Ее какъ прежде встрѣтили.

Препятствія-же, которыя мы можемъ сдѣлать, чтобы возбранить Ея приготовленіямъ къ уходу, это показать истинное покаяніе, покаяться въ прегрѣшеніяхъ вашихъ, которыми вы виновны предъ Царицей Спасенія, словомъ, дѣломъ, мыслію, волею, или неволею, совершенно отступить и больше не дѣлать тѣхъ гадостей, которыя дѣлали. Если-же не желаете покаяться, какъ Я вамъ говорю, то дадимъ вѣсть прежнимъ Святымъ Отцамъ, чтобы пришли и проводили Царицу Спасенія, Которая не по произволенію Своему удаляется отсюда.

Преподобнѣйшіе Отцы! возстаньте, и окажите милость сей Горѣ честной, чтобы воспрепятствовать Царицѣ Спасенія удалиться съ Горы сей, сосуда спасенія; но нѣтъ возможности воспрепятствовать, такъ какъ не пожелаютъ они покаяться; ради сего нѣтъ возможности воспрепятствовать. Если-же покаются чистымъ покаяніемъ, припадутъ къ ногамъ Царицы Спасенія, говоримъ: станутъ жить монашескою жизнію, съ чистымъ сердцемъ, съ подобающею чистотою спасенія, съ воздѣлываніемъ пути спасенія, но не пути погибели, если сіе сдѣлаютъ, то, я ручаюсь вамъ, что воспрепятствована будетъ Царица отъ Своихъ приготовленій къ уходу. Если-же не покаетесь чистымъ покаяніемъ, то никакъ не можетъ быть воспрепятствована Царица Спасенія отъ уготовленій Своихъ къ уходу. Если люди будутъ оставаться нераскаянными, сидѣть во тьмѣ и сѣни смертной, не станутъ каяться въ воздѣлываніи ими путей погибели, дабы прійти на путь жизни монашеской, на путь спасенія, то будетъ невозможно воспрепятствовать уходу Царицы Спасенія.

Возстаньте-же, Преподобные Отцы, чтобы проводить Ее такъ, какъ вы Ее и предусрѣтили, не удерживайте Ея. Возстань, Преподобне Гавріиле, чтобы проводить Царицу Спасенія, такъ какъ ты предусрѣтилъ Ее въ пришествіи Ея, (т. е. возстань дабы проводить Иверскую икону Божіей Матери, какъ ты ее встрѣтилъ). Востаньте, горы и холмы, тѣснины и пещеры, чтобы проводить освободительницу вашу, благодѣтельницу, которая васъ освятила, избавила васъ отъ вселенія демоновъ, господствовавшихъ надъ вами, благословила васъ, и стали вы вселеніемъ спасенія.

ГЛАВА LXXXV.

Святогорцы, обратитесь къ покаянію!

О, иноки Аѳона! что это сотворили вы! Горы, холмы, ущелья и пещеры печальны, вслѣдствіе того, что спасеніе приготовляется удалиться отсюда, а вы погружаетесь въ путь погибели, путь спасенія съ себя скидываете. Почто сложили вы съ себя попеченіе спасенія, погрузившись въ житейскія попеченія міра сего? О, иноки сей горы! что сотворили вы сіе? Сокровище молитвы съ себя скинули, а усокровиществовали о суетѣ міра сего? О, честные отцы! возвратитесь вспять! Назадъ! Назадъ! ибо передъ вами пропасть! Ей, пропасть, да какая пропасть? — глубокая пропасть погибели! Глубокая пропасть тьмы! Глубокая пропасть пагубы! Поэтому, говорю вамъ, обратитесь вспять. Молю и прошу васъ, обратитесь вспять, да не срѣтитъ васъ пагуба (губительство), да не погубитъ васъ до конца губительство отмщенія, губительство мздовоздаянія. Чѣмъ вы воздавали -то и получите. Итакъ, обратитесь вспять, чтобы не постигло васъ то отмщеніе, которое имѣетъ воздаться вамъ за Царицу мира. Ей, миръ Она, но вы ее отогнали? Какой же миръ будете имѣть безъ Нея?—Она еще готова примириться, нисколько не имѣетъ противъ васъ, (т. е. гнѣва). Ей, нисколько не имѣетъ, только печалится; но о чемъ печалится?—печалится о пагубѣ, чрезъ которую вы гибнете душой и тѣломъ. Душою, тѣмъ, что помрачились изъ-за попеченія міра сего, и не въ силахъ взирать на Солнце Солнцевъ; тѣломъ же, заботясь, сокровиществуя и губя себя этими трудами и заботами. Ей, губите, но какъ губите? — губите себя прожорственнымъ питаніемъ, сластолюбіемъ, мужестраствуете въ кровосмѣсительной пагубѣ, т. е. доходя до крайнихъ грѣховъ.

Такъ какъ погубили вы монашескую жизнь, то съ этою пагубою, сдѣлавшись отступниками отъ монашеской жизни, подняли вы возстаніе противъ Царицы Спасенія, презрѣвъ обѣщаніе Ея, которымъ она обѣщалась васъ спасать и промышлять о всемъ, что потребно для тѣлесныхъ нуждъ вашихъ. А вы задумываете собирать то вашими прибытками, говорите: „если мы нещись не будемъ, то никогда не наберется что для насъ нужно“; такъ вмѣсто благодарности, воздаете вы неблагодарностію, и вмѣсто воздаянія за благодѣяніе, проявляете ожесточающую васъ суету!

ГЛАВА LXXXVI.

Примѣръ милостивой царицы Екатерины къ покаявшимся казакамъ, поясняющій, чтобы святогорцы не отчаялись въ полученіи прощенія, если покаются въ мятежѣ своемъ.

Въ странѣ Россійской былъ родъ варварскій, именемъ „какисти" (т. е. въ пер.: самые злые), какъ ихъ называютъ—Казаки. Сей родъ былъ паче естества досадителенъ; когда забирала ихъ злость, не боялись они ни Бога, ни Царицы Екатерины, покоряясь ей лишь съ угрюмымъ своимъ лицемѣріемъ, т. е. имѣя въ душѣ всегда желаніе отложиться. Однажды возстали войска треклятаго агарянина; между ихъ казаками и казаками царицы произошла схватка; одни говорили: „отчего вы передались Екатеринѣ?" —Тѣ имъ отвѣчали: „отчего оставили вы насъ однихъ, когда она пришла и забрала насъ во власть свою?"—Первые говорятъ: „вы виноваты, что передались Екатеринѣ";—а тѣ говорятъ: „нѣтъ, виноваты вы, что оставили насъ однихъ". Съ этого начался среди ихъ великій бунтъ, такъ что казаки перестали воевать противъ треклятаго агарянина, но обратили войну противъ Екатерины, новоевавъ другъ съ другомъ. Такъ и вы, монахи, противоборствуя и воюя другъ противъ друга, обращаете войну противъ Царицы Спасенія, Которая называется „Госпожа наша, Богородица Марія".

Екатерина, услыхавъ, что казаки сдѣлались измѣнниками противъ ея царства, послала тотчасъ новыя войска на мѣсто казаковъ-отступниковъ; войска Екатерины бились, сражались; съ Божіей помощью былъ побѣжденъ треклятый агарянинъ, обратился вспять, и казаки остались одни передъ войсками благословенной Россіи. Екатерина, услыхавъ, что треклятые агаряне побѣждены, прославила Всемогущаго Бога и послала приказаніе своимъ благословеннымъ войскамъ истребить казаковъ съ лица земли. Услыхали казаки, что быть имъ всѣмъ неминуемо истребленными, скидали шапки съ головы своей, пали всѣ къ ногамъ Екатерины, молили даровать имъ жизнь, плакали, каялись въ томъ, что сдѣлали, и говорили: „Мы сдѣлали зло тебѣ, но ты, какъ царица, не дѣлай сего зла намъ. Отнынѣ мы не будемъ имѣть никакого злого помысла противъ царства твоего; если же въ другой разъ возстанемъ противъ царства твоего, тогда потреби насъ отъ лица земли. Молимъ и просимъ, не гнѣвайся на насъ за провинность нашу, которою провинились противъ царства твоего".

Увидѣла милосердая царица Россіи моленіе и просьбу казаковъ, пожалѣла ихъ, смилосердовалась о нихъ, имѣя потомъ казаковъ, какъ дѣтей родныхъ въ предѣлахъ своего царства.

О, преподобнѣйшіе отцы! слышали вы милосердіе человѣческое! Екатерина была человѣкъ, но показала такое милосердіе къ противникамъ своимъ, тѣмъ паче благосердая Царица Спасенія не покажетъ-ли милосердія Своего къ тому, кто покается, подобно благоразумнымъ казакамъ. Ей, смилостивится, но смилостивится лишь къ тому, кто имѣетъ чистоту и всегдашнюю любовь къ Всецарицѣ Богородицѣ, кто будетъ хранить заповѣди монашеской жизни. Любящій Всецарицу Богородицу, соблюдетъ и заповѣди монашеской жизни; Всецарица Богородица будетъ любить его, милосердовать о немъ, покрывать его кровомъ крилъ Своихъ. Но тотъ, кто не имѣетъ любви къ Всецарицѣ Богородицѣ, не соблюдаетъ заповѣдей монашеской жизни, съ того снимаетъ Она покровъ крилъ Своихъ, пока сей человѣкъ снова не покается. О, преподобнѣйшіе отцы! имѣя еще на себѣ покровъ крилъ Ея, старайтесь и смотрите, какъ бы съ васъ не снятъ былъ этотъ кровъ крилъ Ея, чтобы не увидали халпіиты, какъ остались вы раскрытыми отъ покрова крилъ Благодати Всесвятаго Духа.

ГЛАВА LXXXVII.

Еще о царѣ и мятежномъ городѣ.

Въ то время, какъ обнажаются души ваши отъ крилъ Благодати, свергается Царица Спасенія съ Ея трона у васъ, возводится треклятая лже-царица погибели, которая погубила спасеніе людей. Ей, ее на тронѣ вы коронуете, но что есть сей тронъ, и гдѣ?—Тронъ есть помыселъ человѣка. Снизошелъ человѣкъ съ помысла своего, снизошелъ и со спасенія своего, возведя на тронъ свой погибель. Тогда этотъ царь—помыселъ погибельный—задаетъ вамъ воздѣлываніе одной погибели. Такъ и вы отстали отъ воздѣлыванія свободы, воздѣлывая дѣланіе погибели, но губите себя подобно городу нѣкоего царя, который царя своего съ трона низвелъ, а на тронъ возвелъ царицею цыганку. Его развѣнчали, а цыганку короновали. Увидѣлъ царь, что пропала сущность города, сталъ готовиться покинуть городъ. Халпіиты же, услыхавъ, что царь готовится уйти изъ города, стали приготовляться къ тому, чтобы опустошить городъ. Видитъ одинъ бояринъ города, что приготовляется царь удалиться изъ города, видитъ и Халпіитовъ, готовыхъ по уходѣ царя опустошить городъ вмѣстѣ съ дворцомъ вельможи. Говоримъ: имѣютъ опустошить Гору сію Честную и Святую вмѣстѣ съ монастырями и Святыми ихъ Литургіями спасенія. Видитъ вельможа такое дѣло, весьма возстеналъ объ опустошеніи города. Пока царь въ городѣ, Халпіиты плѣнить его не въ силахъ. Видитъ вельможа, что Халпіиты имѣютъ уваженіе къ царю, и изъ-за сего уваженія не въ си-

лахъ сдѣлать разбойническій набѣгъ на городъ, идетъ къ царю, (такъ какъ онъ былъ другъ царю), и говоритъ ему: „Царь, много лѣтъ живи! Прошу тебя, не готовь удаленія твоего, но потерпи ради любви ко граду твоему; примирись, не оставь насъ сирыми отъ царствованія твоего“.— Говоритъ царь: „Ты-ли одинъ здѣсь во градѣ, или есть еще и другіе?— Вельможа говоритъ: „Я имѣю почти весь городъ со мной!“—Отвѣчаетъ царь: „Если весь городъ съ тобой, почему же не приходятъ они, чтобы воспрепятствовать мнѣ въ приготовленіяхъ?“—Вельможа говоритъ: „Не въ силахъ выйти предъ тебя, такъ какъ ты готовишься удаляться отсюда, т. е. узнали гнѣвъ твой и боятся, только посылаютъ къ тебѣ каждый день письма“.—Царь говоритъ: „Я ни одного письма не получалъ. Я получаю однѣ не исписанныя бумажки и больше ничего“.— Вельможа, услыхавъ такое слово отъ царя, опечалился и пошелъ въ городъ склонить гражданъ, говоримъ, Святогорцевъ, дабы припали они къ царю и воспрепятствовали его уходу. Горожане говорятъ боярину: „мы заняты работой и не можемъ терять времени попусту; ступай куда хочешь и дѣлай, что хочешь“.—Видитъ бояринъ, что горожане предались какъ каторжники цыганской работѣ, трудясь въ этой работѣ день и ночь, за воздѣлываніемъ угля, желѣза и рѣшетъ; говоримъ, ложекъ, фесокъ и прочихъ кропотливыхъ рукодѣлій, воздѣлываемыхъ нынѣ по келліямъ.

Видитъ бояринъ, что дѣло ихъ возобладало надъ ними, говоритъ имъ: „Пойдемъ помѣшать уходу царя; я дамъ вамъ вдвойнѣ противъ того, что вы за день заработаете; не ради себя просите его, но попросите ради меня, чтобы не уходилъ царь изъ города“. Горожане, услыхавъ это и увидавъ, что бояринъ заплатитъ имъ за потерянное время вдвойнѣ, начинаютъ склоняться на увѣщанія боярина, идутъ къ царю, просятъ его и говорятъ: „Пожалѣй ты насъ; не дай осиротѣть отъ царствованія твоего“.—Царь говоритъ: „Если вы меня жалѣете, то и мнѣ жалко васъ“.—„Я вамъ благодѣтельствовала (Святой опять здѣсь начинаетъ говорить отъ имени Царицы Спасенія), а вы меня безчестили! Я васъ хранила, а вы меня отгоняли. Я васъ имѣла, какъ дѣтей Моихъ, а вы Меня имѣли какъ врага. Я васъ питала, доставляя городу все, что было для него потребно, а вы Меня опечаливали, порабощались подъ начальство царицы погибели, которую короновали, которая дала вамъ одно дѣло, и вы его стали воздѣлывать. Видя такое рабство, какимъ вы поработились, Я печалюсь о городѣ и изъ-за этого готовлюсь уйти, чтобы не видать пагубы города“. Горожане, услыхавъ такой печальный отвѣтъ отъ Царицы, опечалились и, воспоминая благодѣянія, которыя Она имъ дѣлала, всѣ въ одинъ голосъ воскликнули съ великимъ воплемъ, къ царю: „Нѣтъ у насъ другого царя, кромѣ тебя!“—И такъ тѣ, которые послушали слова царскія, остались подъ

его царствомъ, а тѣ, которые не послушали словъ его,—пребыли въ воздѣлываніи цыганскаго дѣла.

Видитъ царь, что нѣкоторые изъ граждан покаялись и пребудутъ подданными его, остался и самъ въ городѣ вмѣстѣ съ кающимися; ибо говорится: „аще будутъ пятьдесятъ праведницы во градѣ погубиши ли я? не пощадиши ли сего мѣста пятидесяти ради праведныхъ, аще будутъ въ немъ“? – Отвѣчалъ и сказалъ, что не только ради пятидесяти праведниковъ, если найдутся во градѣ семъ, но и ради сорока, если найдутся, не погублю града сего; послѣ сорока сошелъ до пяти праведниковъ, сказавъ, что и ради пяти праведниковъ не уничтожу города“. Сего ради, говорю вамъ, остался царь въ городѣ вмѣстѣ съ кающимися.

Примѣчаніе. Въ притчѣ сей подъ Царицею Спасенія разумѣй Матерь Божію, а подъ Царемъ – Благодать Святаго Духа; посему соединены вмѣстѣ царствованіе и уходъ Царя и Царицы. За мятежъ царь, хотя и не признаваемый горожанами, все-же изъ города не ушелъ, пребывая въ городской крѣпости; сіе означаетъ, что Благодать Святаго Духа и покровъ Божіей Матери еще продолжаютъ покрывать обители и всю Гору, несмотря на безчиніе безчинныхъ. Съ отъятіемъ же покрова Матери Божіей отступитъ и покрывающая благодать Всесвятаго Духа.

Удѣлили граждане Царю шесть мужей; Царь увидавъ, что отобрали шесть мужей, говоримъ, шестьдесятъ кающихся, остался съ ними въ городѣ. Поскольку Царь пребывалъ въ городѣ вмѣстѣ съ кающимися, дотолѣ городъ не имѣлъ вреда. Но вотъ не кающіеся горожане подняли возстаніе, чтобы изгнать царя вмѣстѣ съ кающимися. Видитъ Царь распутство горожанъ, опечалился о безчиніи города и сталъ готовиться къ своему уходу. Взмолились къ Царю кающіеся и говорятъ: „Пусть другіе творятъ злобы, —что коснется царству Твоему? Не печалься о томъ, что дѣлаютъ они противъ Тебя, но попечалься о градѣ, ибо Халпинты только и ждутъ твоего удаленія, чтобы прійти и опустошить городъ. Умоляемъ Тебя, не оставь насъ сирыми удаленіемъ Твоимъ. Не вмѣни имъ того, что злотворятъ они Тебѣ, но вмѣни намъ. Мы Тебѣ злотворимъ, а не они. Мы Тебя преогорчали и преогорчаемъ каждый день; молимся и просимъ Тебя, не прогнѣвайся на насъ, не оставь насъ сирыми съ удаленіемъ Твоимъ!“ -Царь, услыхавъ отъ кающихся такія плачевныя молитвы, долготерпѣлъ, пока не отдали кающіеся общаго долга; послѣ же кончины кающихся Царь остался одинъ. Видятъ горожане, что Царь остался одинъ, усовѣтовались между собою, чтобы никто больше не слушался Царя. Царь, услыхавъ, какъ горожане злоумыслили на зло ему преумножать распутство въ городѣ, и что въ городѣ никого вѣрнаго ему не осталось, удалился въ другую страну, гдѣ и утвердилъ царство Свое. Ибо говорится: „Утверди, Боже, Бла-

гочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего, и Святую православную вѣру православныхъ христіанъ во вѣкъ вѣка“. (Въ рукописи словъ: „Благочестивѣйшаго Государя“ — нѣтъ, но, по возгласу церковному, приводимому Святымъ и по смыслу притчи, они должны быть, ибо, какъ мы видѣли, Святой сначала говоритъ, что удалился Царь, то-есть Благодать Святаго Духа, въ другую страну, потомъ говоритъ: „Утверди“; значитъ притча здѣсь имѣетъ въ виду царство греческое, а подъ другой благословенной Святой страной подразумѣваетъ Россію; справедливость сего толкованія видна еще и изъ того, что царицу Екатерину онъ привелъ въ примѣръ, а Россію назвалъ благословенной. Послѣ этого отклоненія, Святой опять обращаетъ рѣчь на Аѳонъ).

Видятъ Халпіиты, что удалился изъ города Царь, устремились на городъ какъ дикіе звѣри, побили разбоемъ гражданъ, поселились тамъ, и сдѣлался городъ жилищемъ халпіитовъ; говоримъ, изъ-за многихъ грѣховъ людскихъ имѣетъ онъ сдѣлаться жилищемъ демоновъ. Грѣхи человѣческія суть сіи: ненависть, зависть, вражда, злопамятство, злорадство, неблагодарность, насмѣшливость, немилосердіе, ложь, лжесвидѣтельство, святотатство, любостяжаніе, сокровиществованіе, денежный ростъ т. е. лихоимственное нарощеніе денегъ, сребролюбіе, или, какъ говорятъ, идолопоклонство, надменность, прелюбодѣяніе, блудъ и блудъ малакійный, мужеложство, сваленіе, похваленіе зла или льщеніе злу, сластолюбіе чревобѣсія, распутство, хищеніе, алчность, лихоимство — всѣ сіи представляютъ въ безстрашіе Божіе, т. е. превращаютъ въ безстрашнаго. Спрашиваю васъ, горожане, говоримъ, Святогорцы, къ чему васъ приведетъ безстрашіе? Доведетъ оно до опустошенія города или нѣтъ? О, несчастные горожане, гдѣ будетъ тогда ваша угольная работа? Говоримъ: гдѣ будетъ дѣло попеченія, ибо это житейское попеченіе какъ уголь сожигаетъ душу человѣка, но не замѣчаетъ того несчастный человѣкъ! Гдѣ дѣланіе желѣза, т. е. дѣланія заботъ? Эта забота есть тьма для чувства человѣка, ею человѣкъ помрачается, дѣлаясь безчувственнымъ. Гдѣ дѣланіе рѣшетъ, говоримъ, сокровиществованія, которое путеводитъ человѣка на путь погибели, такъ что человѣкъ и душою и тѣломъ погибаетъ. Погибель души въ томъ, что съ сокровиществованіемъ земныхъ металловъ, душа нищаетъ благами спасенія. Погибель же тѣла въ томъ, что съ сокровиществованіемъ металловъ земли оно всегда имѣетъ страхъ. Скажете: почему имѣетъ страхъ тѣло человѣческое? Спрашиваю я васъ, слушатели мои: когда у кого будутъ накоплены деньги, а злые люди это замѣтятъ, то не сговорятся-ли они между собою и не придутъ-ли къ накопившему человѣку? Они спросятъ его: гдѣ сокровище твое? — если онъ не сознается, то не убьютъ ли его за то, что не сказалъ, а, если скажетъ, то убьютъ, чтобы ихъ не выдалъ, и убѣгутъ? Ради сего говорю вамъ, что сокровиществованіе губитъ человѣка и душою, и тѣломъ.

ГЛАВА LXXXVIII.

Зачѣмъ пришли вы въ пустыню? И во что обращаютъ пустыню изъ-за любостяжанія.

О, преподобнѣйшіе отцы! вѣдь для того вы и удалились изъ міра, чтобы не погублять души (въ суетахъ мірскихъ)! Ибо сказано: «бѣжи, монаше, въ пустыню, аще хощеши спастися».—Ей, истинно есть сіе. Но сегодня люди бѣгутъ изъ міра, отъ его круженій, закруживаясь однако еще больше, въ десять кратъ больше закруживаясь противъ того, чѣмъ были въ міру. У прежнихъ отцевъ не было мірскихъ круженій; они имѣли крайнее спокойствіе, ради спасенія своего; сегодня-же смотрятъ не на спасеніе свое, но на погибель свою, (стараясь въ этомъ другъ друга опережать), кто погубитъ себя раньше попеченіями и заботами любостяжательнаго сокровиществованія, кто первымъ слихоимствуетъ. Чтобы еще болѣе лихоимствовать, строятъ храмы Божіи (при келліяхъ келліоты), творятъ ихъ воровскими сокровищницами, обкрадывая храмъ Божій; говоримъ: воздѣлываніемъ воровской своей торговли церковью своей, (т. е. собирая жертвы поминальныя и не поминая, какъ должно).

Не довольно того, что столь тяжкій грѣхъ взяли на душу, съ любостяжательнымъ рукодѣльемъ своимъ, берутъ еще и сей грѣхъ святотатственный. Съ лихоимственнымъ рукодѣльемъ своимъ преступили обѣты, которыми обѣщались предъ Священными Вратами Царскими: алчбу, жажду, наготу, нестяжаніе, цѣломудріе, въ кротости сердечной и мысли праведной, (досл. въ праведности мысли);—это и иное, многое подобное, обѣщались вы предъ Священными вратами Святаго Алтаря, соблюдать въ точности. Да, обѣщались соблюдать, но сегодня отреклись отъ обѣщаній. Обѣщались, но сегодня съ такою легкостію воздѣлываете погибель души своей, какъ будто ничего предъ алтаремъ и не говорили. До того погубили себя, какъ будто никогда не были аскетами; и не только аскетами, но и монахами, какъ будто не были; не только монахами, но и христіанами, какъ будто не были; міряне такого погибельнаго пути не воздѣлываютъ; посему и міряне не имѣютъ къ вамъ уваженія, ибо добрую свою славу вы растопили и растопляете раздорами, враждою, ненавистію, попеченіями, заботами о сокровиществованіи; лихоимствуете и сокровиществуете въ воровскую свою сокровищницу, чтобы помѣщать въ ростъ, нарощать ростъ на ростъ; ради этихъ денежныхъ нарощеній, въ храмахъ Божіихъ творятъ торговлю со лживою (обманною) куплею и продажей. Говоримъ: принимаютъ и собираютъ различные сборы, съ обманными просительствами просятъ

въ многоразличныхъ и разнообразныхъ прошеніяхъ, просятъ у міра милостыни и сами же посмѣеваются надъ нимъ, (т. е. не обслуживаютъ молитвою, какъ должно); мастерятъ рукодѣлья (и соперничаютъ) въ томъ, кто кого опередитъ въ производствѣ наибольшаго рукъ дѣланія; кто опередитъ въ прибыткахъ стяжаній, кто больше наберетъ въ любостяжательную сокровищницу свою. Но и при этомъ не мирствуютъ, ибо любостяжаніе не даетъ успокоиться имъ, но еще болѣе понуждаетъ ихъ. Къ чему же оно ихъ понуждаетъ?—Понуждаетъ (продолжать) лихоимствовать, чтобы налихоимствовать еще больше. Строятъ церкви яко-бы ради благоговѣнія, цѣль-же ихъ есть любостяжаніе. Производятъ разные сборы, говоримъ: на литургіи, молебны, проскомидіи, сорокоусты; напрашиваются на то, чтобы поминать. Да, поминаютъ, но какъ поминаютъ? — поминаютъ за рукодѣльями своими, вмѣстѣ съ осужденіемъ (празднословій своихъ). Рукодѣльничая и осуждая говорятъ: такой-то имѣетъ столько-то записанныхъ въ церкви нашей именъ, а ничего не посылаетъ намъ, оселъ онъ безразсудный! Такимъ образомъ ропщутъ и осуждаютъ, вмѣсто того, чтобы поминать [1]). Да, поминаете вы, но Богъ отъ поминовенія вашего, которымъ вы поминаете, (т. е. жертвователя, или душу усопшую, записанную вами), не имѣетъ никакой вѣсти. Возсылаете поминальныя возношенія ваши, но онѣ не идутъ къ Богу, ибо поминовеніе, которое вы дѣлаете, есть одна лишь мерзость передъ Богомъ, вслѣдствіе того, что дѣлаете его безъ всякой взаимности (т. е. безъ всякой теплоты сердечной).

(Къ Богослуженію не благоговѣютъ), накинувъ намотку на плечо, во время Литургіи стоятъ внѣ церкви и, какъ торговцы, съ многословіемъ и осужденіемъ торгуются, не вѣдая того, что сняли наметки съ головы своей не ради того, чтобы стоять съ безстрашіемъ, но ради того, чтобы стоять съ великимъ благоговѣніемъ и множайшимъ страхомъ Божіимъ, дабы смилосердовался надъ ними Богъ и оставилъ имъ грѣхи ихъ.

ГЛАВА LXXXIX.

Молитва святаго къ Богородицѣ.

О, благословенная Церковь! въ какое состояніе поставили тебя, и до какого состоянія еще доведутъ.

О, Богородительнице, Дѣвице, Царица Дѣво Всепѣтая! Сія Гора Святая, сосудъ спасенія, радуется о Тебѣ.

---

[1]) Разумѣются не всѣ монастыри Св. Горы, ибо поминовеніе усопшихъ на Св. Горѣ ведется внимательно и благоговѣйно; разумѣются общины и келліи распущенныя.

Церковь къ Тебѣ вопіетъ: освяти оправданіи Твоими (идіомата) нынѣшнихъ людей, вѣмы бо, яко хранила еси насъ и хранише присно. Мы же, аще и изгоняхомъ Тя грѣхми нашими, обаче Ты, яко чадъ Твоихъ насъ имѣла еси и имаши, аще и враждовахомъ на Тя, яко не чада Твоя. Ей, Всецарица, Госпоже, вѣмы, яко питала еси насъ и питаеши до сего дне, мы же опечаливахомъ Тя, злыми дѣлами нашими, яже содѣловахомъ въ воздѣлываніи земныхъ міра сего. Ей. Всепѣтая Богородице и Приснодѣво Маріе! не умолчимъ никогда, Богородице, яко странныхъ слышаніе еси! послушай насъ и не остави яко уснухомъ въ смерть, даждь руку помощи скорбящимъ, источи струю благодати ко оживленію, просвѣти насъ въ повелѣніихъ Твоихъ, и изглади множество прегрѣшеній нашихъ, о Всецарице, Госпоже, отраду всѣмъ подавающая, воспріими молитву нашу и избави насъ отъ всякія нужды и печали!

О, преподобнѣйшіе отцы, священницы, священномонахи и вы честнѣйшіе монахи, вѣдаете-ли вы, какъ предстательствуемъ мы за васъ у Всецарицы Госпожи, Которую вы опечалили даже до царствія Ея. Мы же ради Ея сущи, предстательствуемъ, чтобы приняла Она моленіе ваше съ прошеніемъ помиловать васъ, возносимое вами къ царству Ея, но отъ васъ молитвенныхъ прошеній Она никакихъ не получаетъ, (досл.: не вѣдаетъ), получаетъ лишь разныя бумажки: однѣ сожженныя, другія подпаленныя, иныя зачерненныя,—таковы суть прошенія моленій вашихъ; мы же молимся, дабы приняла Она прошеніе ваше и моленія. Получивъ отъ васъ ваши моленія, (т. е. якобы просительныя письма), принявъ наше предстательство — открываетъ ихъ, глядитъ на письма ваши, разсматриваетъ ихъ, но что видитъ? — видитъ то, что я вамъ выше сказалъ, печалится еще большею печалью, чѣмъ раньше. Сожженіе бумаги — неправда (или также обида). Подпаленіе — любостяжаніе (лихоимство—тожъ). Замараніе—нечистота плотскаго наслажденія. Разодраніе — ненависть, осужденіе. Помятіе — прожорственная трапеза ядущихъ и піющихъ въ сытость и лающихъ, какъ псы съ многословіемъ осужденія въ кругу трапезномъ. Зачерненіе есть попеченіе сокровиществованія веществъ міра сего. Таковы суть различные (истребители) молитвы вашей, которою вы молитесь и просите, (пребывая) во тьмѣ закруженія міромъ симъ... Вы молитесь и просите, но чему подобна молитва ваша къ Царицѣ Спасенія? — молитва, которою вы молитесь нынѣ, подобна лозѣ неплодной. Эта лоза на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, на видъ могучая, но плода не имѣетъ, ибо вѣтви черезчуръ свои распространила, листья ея преумножились, а посему плодъ утратился. И зрятъ предстоящіе, что лоза столь могуча и вѣтвиста, ублажаютъ домовладыку, что онъ имѣетъ такую прекраснѣйшую лозу; но видитъ домовладыка, что лоза осталась безплодна, изъ-за множества побѣговъ, которые распустила; видитъ, что утратился плодъ ея. Ей, утратился.

но почему утратился?—потому, что (листья) и побѣги вытянули плодный сокъ; вмѣсто того, чтобы наливался плодъ, налились листья, и лоза осталась безплодной отъ плода своего. Тогда задумалъ домохозяинъ ее искоренить, (видя, что она могуча лишь на видъ и безсильна на плодъ), но смилосердовался о ней и сказалъ: «пусть постоитъ, я подолготерплю, не увижу-ли плода отъ нея». И сталъ долготерпѣть нѣкоторое время. Ей, долготерпѣлъ, но плода на лозѣ нисколько не увидѣлъ. Тогда разгнѣвался домовладыка, приказавъ искоренить лозу съ корнемъ; стали искоренять лозу; когда ее искоренили, домовладыка сказалъ: «изсѣките ее на куски и ввергните во огнь, да сгоритъ, какъ неплодная».—И сотворили слуги, какъ сказалъ имъ домовладыка.

Итакъ, уже посланы слуги на мѣсто, гдѣ стоитъ лоза; мѣсто называется Гора Аѳонская, лоза посѣклась... Говоримъ: нашло на гору нашествіе Халпіитовъ. Ей, нашло нашествіе, но почему нашло?—нашло за то, что здѣсь никакого плода не показали Царицѣ Спасенія, (прим.: здѣсь вмѣсто будущ.—прош.). Предстоятели-же ублажали Царицу Спасенія, видя, какъ мощна сила ихъ, какъ сильны они тѣломъ, украшены благами земными; ублажали Ее, что монашество здѣсь имѣетъ такую свободу, получая все, что ни пожелаетъ. Но Царица Спасенія видитъ, что при всемъ этомъ, нѣтъ на нихъ плода спасенія, что изъ-за многихъ попеченій, которыми они пекутся о земныхъ, утратился плодъ спасенія. Ей, утратился у нихъ плодъ спасенія, но какъ утратился?—Утратился изъ-за раздоровъ и земныхъ обуреваній, изъ-за сокровиществованія веществъ міра сего, изъ-за многословія осужденій съ празднословіемъ предательства. Сія противузаконная сущность растопила и растопляетъ плодъ спасенія; изъ-за нее остается монашеская жизнь безплодной въ человѣкѣ.

Царица Спасенія видя, что люди въ монашеской жизни стали безплодны, задумала искоренить безплодное человѣчество съ Горы сей, однако помилосердовала и сказала: „пусть постоитъ, подолготерплю нѣкоторое время, не увижу-ли плода“. — Ей, долготерпѣла и долготерпитъ, но плода въ человѣкѣ на сей горѣ не видитъ никакого. Видитъ Царица Спасенія, что не плодоносятъ люди, не имѣютъ и признака спасенія, затмѣваютъ (листвою своею) внутренность Горы (отъ Свѣта Солнечнаго),—и больше ничего. Видя такую безплодную тѣнь, Царица Спасенія опечалилась и печалится о плодѣ спасенія, что погибло спасеніе у людей, (т. е. потерянъ людьми путь совершенствованія духовнаго въ монашескомъ аскетизмѣ).

Люди же не только погубили свой плодъ спасенія, но даже востаніе подняли противъ Царицы Спасенія; свергнувъ Царицу, низложили съ Ея Царской каѳедры!

ГЛАВА LXXXX.

Что такое тронъ Царицы Спасенія, и что значитъ низложеніе съ трона.

Тронъ Царицы Спасенія утвержденъ на четырехъ каѳедрахъ, нишахъ проповѣди покаянія... Говоримъ: съ четырехъ раковинъ проповѣдуютъ покаяніе четыре Евангелиста, каждый тезоименно имени своему. Первый называется: Матѳей; сіе имя означаетъ: „научитесь". Научитесь отъ Меня, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцемъ; второй называется Маркъ; имя сіе означаетъ: „Макаріосъ", блаженный". Блаженъ тотъ, который воздѣлываетъ слова Евангелія и хранитъ съ чистымъ расположеніемъ Божественное Крещеніе Истины". — Третій называется Лука; сіе имя означаетъ и говоритъ: „Лусесе" омоітеся: „Омойтеся, и чисти будете".—Говоримъ: если, яко человѣцы суще, дѣйствіемъ похотѣнія вашего или дѣйствіемъ лукаваго загрязните Божественное Крещеніе, то паки омойтесь и очиститесь слезами покаянія. Омойтеся и паче снѣга убѣлитеся. До сколькихъ кратъ?—до седмидесяти кратъ седмерицею, пока судъ не обрящетъ васъ въ томъ, какъ говоритъ: „Въ чемъ застану, въ томъ и сужу".—Четвертый называется: Іоаннъ; сіе имя означаетъ и говоритъ: „Пріиде къ намъ свыше благодать Всесвятаго Духа ради спасенія людей, да воздѣлываемъ спасеніе наше!.."—Посему говорится: „Уклонися отъ зла и сотвори благо".— *Сіи суть (глашенія)* четырехъ нишъ каѳедры Царицы Спасенія [1]).

Но сегодня нѣтъ послушающихъ сего, нѣтъ способныхъ къ тому, чтобы уклониться отъ зла и творить благо; наоборотъ, уклонились отъ добра и сотворили дѣланіе злое. Говоримъ: согнали четырехъ проповѣдниковъ изъ нишъ трона Царицы Спасенія, поставивъ въ этихъ нишахъ четырехъ проповѣдниковъ великаго отступника, а на тронъ возвели великаго отступника, называемаго „Любостяжаніе". У проповѣдниковъ великаго отступника, которые тоже находятся въ четырехъ нишахъ, есть имена тезоименныя проповѣди ихъ; первый называется: „Попеченіе", ибо печется о мірѣ, истребляя у людей попеченіе о спасеніи и дѣлая ихъ безплодными. Второй именуется: „Забота",— котораго слушаются заботящіеся о погибели своей, а не о спасеніи своемъ. Третій называется: „Сокровиществованіе", котораго слушаются сокровиществующіе металлы земли въ лихоимственную свою сокровищницу съ любостяжательнымъ хищеніемъ неправдъ. Четвертый

[1]) Касательно толкованія именъ евангелистовъ слѣдуетъ замѣтить, что преподобный руководится здѣсь не филологіей, а внутренней, (идейной), стороной евангельской истины.

называется: „Путь погибели, котораго люди слушаются и погибаютъ съ такою легкостію. Сіи суть отступники, проповѣдующіе изъ четырехъ нишъ трона царицы погибели. Раньше сей тронъ былъ трономъ Царицы Спасенія, но, такъ какъ Евангелистовъ, проповѣдающихъ Евангеліе, изгнали, то тѣмъ самымъ изгнали и Царицу Спасенія, а возвели на ея мѣсто царицу погибели.

Видитъ Царица Спасенія, что сдѣлались они отступниками и сказала: „Подолготерплю я еще нѣкоторое время, не увижу-ли плода покаянія“.—Такъ она долготерпѣла нѣкоторое время, но не видитъ въ человѣкѣ вожделѣннаго плода покаянія, видитъ лишь усилившееся беззаконіе; тогда вознамѣрилась Царица Спасенія удалиться изъ города Своего, чтобы не видѣть распутства людей. Ей, задумала она удалиться изъ города сего, говоримъ изъ Горы сей, но мы предстательствовали предъ Ней и теперь предстательствуемъ, чтобы Царица Спасенія не удалялась изъ града сего; однако не довлѣетъ Ей одного нашего предстательства, но желаетъ Она и требуетъ прежде всего покаянія и молитвы умоляющей отъ васъ; потомъ уже приметъ и наше собственное предстательство. Но, разъ вы покаянія умилостивительнаго не имѣете, то какъ возможно быть принятому нашему о васъ ходатайству.

Итакъ, молю я васъ, преподобнѣйшіе отцы! Молю и прошу васъ: сдѣлайте истинное покаяніе моленія вашего, чтобы мы возмогли просить и упросить Царицу Спасенія, дабы не удалялась Она изъ Града сего. Ей, преподобнѣйшіе отцы!—изъ за вашихъ нуждъ тѣлесныхъ пребываете вы въ обуреваніи мірскомъ; сего ради молю васъ и прошу: мірское круженіе оставьте, дѣлайте одно истинное покаянія умоленія вашего, а я, и не только я, но и всѣ преподобные, въ подвигахъ просіявшіе въ Горѣ сей и на небеси живущіе, все нужное для тѣлесныхъ потребностей вашихъ, мы пополнимъ; только оставьте круженіе, которое имѣете, принесите истинное покаяніе и молитву къ Царицѣ Спасенія; мы также съ своей стороны будемъ ходатайствовать, не уговоримъ-ли Ее не удаляться изъ Горы сей? Если же Царица Спасенія удалится съ Горы сей, увы и горе будетъ тогда сей Горѣ, горе не только людямъ, но также животнымъ, птицамъ и древесамъ насажденнымъ... Почему же горе будетъ насажденнымъ древесамъ?—Потому, что Халпіиты возьмутъ власть и поселятся въ древесахъ.

ГЛАВА LXXXXI.

Что происходитъ съ человѣкомъ, когда снимается съ него покровъ Царицы Спасенія, и что произойдетъ со Св. Горою. Кто Халпіиты. Продолженіе приточнаго изложенія исторіи Св. Горы.

Итакъ, утратился людьми путь спасенія. Стали сокровиществовать лихоимство въ воровскую свою сокровищницу неправды, исчезъ путь мира и любовь тишины. Утратили путь спасенія и пропало преосіяніе спасенія, которое было и есть —честность дѣвства; изъ-за такихъ погибельныхъ дѣлъ грозитъ опасность для Горы лишиться Царицы Спасенія, (досл.: «обнищать»), Которая была и есть вся —тишина и преосіяніе мира. Итакъ, ради сего говорю я вамъ: когда удалится Царица Спасенія отъ Горы сей, тогда —увы Горѣ сей, ибо послѣдуетъ великое смущеніе (переворотъ) въ Горѣ сей Честной и Святой. Спрашиваю я васъ: что за переворотъ имѣетъ послѣдовать съ сей Горою? Если не покаетесь, то Царица Спасенія удалится; когда же она удалится, то получатъ доступъ Халпіиты, распространятся какъ имъ будетъ угодно, мысленно и чувственно. Мысленные Халпіиты суть демонскія искушенія, чувственные же Халпіиты суть злобы человѣческія, и тѣ, которые нынѣ называются корсарами, т. е. морскими разбойниками; (между прочимъ, недавно турецкое правительство переселило въ Македонію 100,000 семей злобнѣйшаго и жесточайшаго племени изъ Малой Азіи и поселило близъ Аѳона). Второе же ихъ имя—воры. Таковые воры суть мысленные и чувственные Халпіиты. Вселятся мысленные Халпіиты въ насажденныхъ древесахъ, говоримъ — въ деревахъ освященныхъ, такъ какъ раньше дерева были оскверненны, ибо жили въ нихъ люди беззаконные; потомъ, по приходѣ Царицы Спасенія, сдѣлались дерева освященными, поселились здѣсь люди освященные и освятилось мѣсто вмѣстѣ съ людьми. (Дѣйствительно, до самаго прихода Иконы Иверской въ X вѣкѣ, который Святой называетъ приходомъ Царицы Спасенія, на Аѳонѣ были мірскія поселенія, но послѣ сего мало-по-малу уничтожились. Константинъ же Погонатъ по VIII вѣкѣ выселилъ отсюда коренное населеніе, послѣ арабскихъ набѣговъ. Константинъ Погонатъ отдалъ Аѳонъ монахамъ, но мірскія селенія еще существовали и монашество не было благоустроеннымъ до построенія Лавры Афанасіемъ Великимъ; тогда же вскорѣ пришла Икона Иверская по морю: съ тѣхъ поръ изсякли міряне и расцвѣло монашество).

И, не только тогда освятилось мѣсто, но и всякій послѣдующій, приходя жительствовать въ мѣстѣ семъ, освящается. Нынѣ же человѣкъ съ пришествіемъ своимъ не только не освящается, но почти

оскверняется мірскими беззаконіями; осквернилось мѣсто сіе вслѣдствіе того, что приходъ ихъ былъ не съ правотою, но почти всегда съ лукавствомъ. Изъ-за этого вашего лукавства будете вы истреблены съ Горы сей, какъ говорится: «лукавнующіе потребятся, терпящіи же Господа, тіи наслѣдятъ землю». Сего ради говорю вамъ: увы древесамъ насажденнымъ! когда Царица Спасенія удалится съ Горы сей Святой, тогда обрушатся на Гору Халпіиты чувственные.

Но, кто понудитъ Халпіитовъ прійти и совершить нашествіе на Гору сію?—никто иной, кромѣ одного вашего лукавства. Лукавство же ваше есть сіе: любостяжаніе, съ которымъ вы заботитесь стяжевать въ ваши воровскія сокровищницы, съ которымъ вы хвалитесь одинъ передъ другимъ, что у такого-то столько золотыхъ, у такого-то столько, а у того скоплено больше всѣхъ другихъ. Нѣкогда ублажали подвиги древнихъ Отцевъ, а нынѣ ублажаютъ того, у котораго насокровиществовано больше другихъ. Когда же Халпіиты услышатъ о Горѣ сей, что на ней сокровищъ набрано въ избыткѣ, то что сотворятъ они тогда на Горѣ? Халпіиты уже готовы идти сюда, но не въ силахъ пока этого сдѣлать, такъ какъ въ Горѣ сей есть еще Царица Спасенія. Они только и ждутъ того, чтобы удалилась съ Горы сей Царица Спасенія; тогда придутъ и сдѣлаютъ то, что имѣютъ сдѣлать.

О, преподобнѣйшіе отцы! принесите усердное покаянное моленіе; мы тоже будемъ предстательствовать, чтобы ваше моленіе было принято, дабы не удалилась Она отсюда; ибо, пока находится Царица въ Горѣ сей, то если за грѣхи ваши и приключится нѣчто, найдетъ на васъ нашествіе, плѣненіе мысленное и чувственное, Царица въ силахъ выкупить васъ изъ плѣна Халпіитовъ. Если же Она покинетъ Гору сію, найдетъ на васъ нашествіе плѣненія и будете плѣнены мысленно и чувственно, кто тогда можетъ искупить васъ изъ плѣна Халпіитовъ. Ей, плѣнены будете, но выкупить некому будетъ изъ плѣна Халпіитовъ. Скажете: по винѣ кого будемъ мы плѣнены Халпіитами? Если желаете знать, то послушайте меня.

Нѣкій Царь утвердилъ Мать Свою Царицей и далъ Ей Городъ благой, чтобы Она мирствовала въ немъ, говоримъ: въ Горѣ сей Аѳонской. Благою—называется монашеская жизнь, а городомъ—Гора Аѳонская. Ибо поставилъ Ее Сынъ Царствовать во градѣ семъ, что Сама Она просила сего ради спасенія людей. По желанію Своему пришла она сюда; граждане приняли Ее съ великою радостію и веселіемъ. Но потомки ихъ потомъ возненавидѣли Ее и царствованіе Ея. Увидѣли мысленные Халпіиты, что возненавидѣли люди въ городѣ Царицу и тогда дали бой городу, чтобы побить его разбоемъ. Увидѣла Царица Города, что уготовались Халпіиты разорить городъ; повелѣла Царица и Своимъ войскамъ уготовиться къ бою, говоримъ: монашеской жизни уготовиться къ подвигу. Повелѣла Она войскамъ изготовиться

къ сраженію, (т. е. занять позицію), повелѣла, чтобы изготовились къ бою на мѣстѣ приморскомъ, песчаномъ, и тамъ поставили свои палатки. Увидѣли Халпіиты, что изготовились городскія войска на морскомъ побережьи, испугались и прекратили войну; но городскія войска не прекращали войны, продолжали воевать и побѣдили. Очевидно, кто непрестанно воюетъ, тотъ и побѣдитъ. Говоримъ: благо получитъ тотъ, кто подвизается неослабно. Войска впослѣдствіи опять подняли возстаніе на свою Царицу. Увидѣла Царица непокорство воиновъ, подолготерпѣла ихъ безчинію, но Халпіиты, замѣтивъ возстаніе и измѣну войскъ, устремились на городъ, разгромивъ также палатки, (т. е. военный станъ) вмѣстѣ съ войсками. Увидала Царица, что разгромленъ станъ и что въ войскахъ такая гибель, опечалилась о гибели той, поспѣшила на помощь, и дѣлаетъ ее, но что дѣлаетъ?—различные способы употребляетъ, чтобы высвободить воиновъ изъ плѣненія чувственныхъ и мысленныхъ Халпіитовъ. Высвободила ихъ непамятозлобная Царица, какова Она была и есть, не сказала такъ: „да будутъ плѣнены, ибо отступниками сдѣлались царства Моего",—но съ незлопамятностію Своей и безграничнымъ Своимъ милосердіемъ умилосердилась и сказала: „Освобожу Я войска Мои, ибо, за то что служатъ онѣ царству Моему, плѣнены онѣ". — И такимъ образомъ выкупила Она ихъ, снова собрала ихъ въ тоже состояніе, какъ раньше, и стали они вѣрными войнами Царицы. Въ другой разъ опять измѣнили войска Царицѣ Спасенія; отступническое непокорство ихъ дошло до такой степени, что противъ самой Царицы подняли онѣ востаніе, чтобы Ее изгнать изъ города. Царица-же, видя, что войска отступаютъ отъ Нея, старалась умирить ихъ и долготерпѣла, ожидая, не покаются-ли, исправленія-же въ войскахъ отнюдь никакого не было; продолжали измѣнять, творили безчинія въ городѣ, и такое распутство, которое гнусно было и видѣть Царицѣ, говоримъ: безчинія, воздѣлываемыя монахами въ Горѣ сей. Безчинія-же ихъ суть; раздоры, непокорства, хищенія, неправды, и прочее; одного только дѣла съ бабами не водится и то лишь потому, что не благопріятствуетъ сему мѣстоположеніе города; зато прельщаются юными; прельстившись молодыми, воздѣлываютъ съ ними бабье дѣло. Царица спасенія, видя такое гадостное дѣло въ войскахъ Ея, удалилась со стенаніемъ и печалью изъ града. Увидѣли Халпіиты, что удалилась Царица Спасенія изъ града, и городъ запустѣлъ;—устремились они, какъ дикіе звѣри противъ города, разгромили его вмѣстѣ съ народомъ его и опустошили городскую силу. Слышитъ Царица, что разграбили городъ, плѣнили народъ и говоритъ: „Что могу Я имъ сдѣлать? они Меня изгнали съ безчиніемъ непокорства своего. Я промышляла, а они Меня презирали. Я ихъ оберегала, а они сами Меня изгнали. Что Мнѣ съ ними сдѣлать? Пусть уйдутъ они отъ Меня съ гадостнымъ дѣяніемъ своимъ. Великую печаль имѣю Я о нашествен-

номъ ихъ плѣненіи, но, такъ какъ они сами не жалѣли погибели своей, — то что мнѣ съ ними сдѣлать?" —О, преподобнѣйшіе отцы! когда въ городѣ Царица, то, хотя-бы городъ со всѣмъ народомъ и былъ взятъ въ плѣнъ, Царица въ силахъ искупить городской народъ изъ плѣна Халпіитовъ; когда же удалится Царица изъ града, то гнѣвенъ будетъ Ея уходъ, ибо разгнѣвается она, и городъ будетъ плѣненъ Халпіитами. Спрашиваю я васъ, кто тогда въ силахъ будетъ освободить ихъ отъ плѣненія Халпіитскаго?

О, преподобнѣйшіе отцы! разумѣете-ли вы, что означаетъ городъ, народъ города, Царица Спасенія, что значитъ боевой станъ, и что значитъ приморскій песокъ?—Городъ означаетъ Гору сію Честную, воскрешающую васъ отъ грѣховнаго, мірскаго умертвія. Люди городскіе суть жительствующіе въ Горѣ сей, то есть монахи; а Царица Спасенія есть Всецарица и Богородица, Приснодѣва Марія. Но вы, вмѣсто того, чтобы чтить Ее, величать, возносить, и прославлять, вы Ее безчестили, презрѣли и изгнали, не воздавъ Ей чести и славы. Ее, препрославленную, вы имѣете, какъ презрѣнную, презираете, но и сами будете презрѣны за то, что Ее не чтите. Палатки боевыя (т. е. станъ боевой) есть аскетическій подвигъ; прибрежный песокъ—крайнее безмолвіе или спокойствіе аскетовъ; ибо, если отступятъ они крайняго спокойствія—дѣлаются отступниками отъ Царицы Спасенія. Услыхали войска Халпіитовъ, говоримъ, войска папы Римскаго, что отступили горожане отъ Царицы (т. е. подвиглись и склонились къ Латинянамъ при Палеологѣ),—устремились Халпіиты внутрь города и разгромили боевыя палатки. Говоримъ: опустошили крайній покой пустынниковъ, (т. е. напали на Гору, изгнавъ своимъ нашествіемъ пустынниковъ изъ пустынь), потомъ опустошили и городъ нашественнымъ своимъ устремленіемъ, однихъ усѣкли, другихъ замучили, иныхъ утопили, третьихъ ножемъ устъ своихъ убили, т. е. склонили въ Латинство и лишили спасенія. Гарнизонъ города совершенно обнажили, во власть свою взяли; тѣхъ-же, которые поклонились папѣ, любоодарили; сдѣлали гарнизонъ города нагимъ, оставили городъ пустымъ и удалились. Видитъ Царица городъ свой пустымъ, опечалилась о гибели его, собрала оставшійся народъ города, который былъ въ живыхъ, а умершихъ соединила на мѣстѣ злачнѣмъ, на мѣстѣ свѣтломъ, на мѣстѣ покойномъ, идѣже нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе... Но, когда Царица Спасенія уйдетъ съ Горы сей, кто приметъ мѣры, чтобы выкупить Гору сію изъ плѣненія Халпіитовъ.

ГЛАВА LXXXXII.

Воззваніе къ Св. Отцамъ востать для проводовъ Царицы Спасенія съ Горы.

О, преподобнѣйшіе отцы! вмѣсто того, чтобы подвергать себя гибели, не лучше-ли сдѣлать истинное молитвенное покаяніе, каяться, и молиться объ освобожденіи своемъ, чтобы избавиться вамъ отъ искушенія мысленнаго и чувственнаго? О, преподобнѣйшіе отцы, даромъ теряю я слова мои, ибо вы неспособны къ покаянію; даже къ сему намѣренія не имѣете. Имѣете лишь одинъ путь погибели, который есть воздѣлываніе беззаконія. Такъ какъ вы остаетесь нераскаянные, не имѣете намѣренія каяться и не въ силахъ примирить съ собой Царицу Спасенія, то попросимъ святыхъ Отцевъ, чтобы они проводили Ее при удаленіи Ея; Они встрѣчали ее со славою и честію во время прихода Ея; такъ съ честію и славою опять да проводятъ ее при удаленіи Ея, (подразумѣвается икона Иверская, ея чудесный приходъ и будущій чудесный уходъ).

Востаньте, преподобные Отцы, чтобы проводить Царицу Спасенія, Которая домоустроила спасеніе ваше въ Горѣ сей! Востаньте, святые Отцы, чтобы проводить Царицу тишины! Востаньте, святые Отцы, чтобы проводить Царицу мира! Востаньте, преподобные Праотцы, чтобы проводить Царицу цѣломудрія! Востаньте, святые Отцы, чтобы проводить Царицу дѣвства, преосіяніе спасенія! Востаньте, Праотцы, чтобы проводить Царицу окормительницу, Которая окормляла, (т. е. какъ кораблемъ правила), спасеніе человѣческое до сего дня въ Горѣ сей! Востаньте, преподобные Праотцы, іереи, архіереи, отцы, патріархи, и прочіе Святые, просіявшіе подвигомъ спасенія аскетическаго, въ Горѣ сей Честной, сосудѣ спасенія! Ей, востаньте, преподобные Праотцы, чтобы проводить Царицу Спасенія! Востани, и ты, преподобне Отче Гавріиле, съ отцами преподобнѣйшими, чтобы проводить прежде встрѣченное тобою спасеніе (т. е. Чудотворную Икону Иверскую), спасеніе ваше, которое вы нѣкогда встрѣтили такою славною встрѣчею, съ такою славой и чиномъ. Востаньте-же, чтобы проводить ее нынѣ съ такою-же славою и торжествомъ духовнымъ, ибо отвергли ее потомки поколѣнія вашего, презрѣли, изгнали Ее изъ части Ея, чтобы имѣть лишь погибель свою и нещись о ней. Ей, преподобнѣйшіе Отцы, попросимъ такъ-же преподобныхъ Отцевъ, чтобы они пришли и, какъ встрѣтили, такъ и проводили Царицу Спасенія. Да, изгнали вы Ее изъ части вашей, но Она, все еще васъ не отгоняетъ, а ждетъ покаяннаго моленія вашего. Ей, отгонитъ Она васъ изъ части вашей, если останетесь такими нераскаянными, какими пребываете сейчасъ. Ждетъ по-

каянія отъ васъ Царица, а, если не раскаетесь, тогда Она изгонитъ васъ изъ части Ея. Такъ какъ сами вы изгоняете Ее изъ части вашей, то и Она изыдетъ изъ части вашей. Но какимъ образомъ изыдетъ Она изъ части вашей?— Ей, уйдетъ отъ васъ, восчувствуютъ безчувственные уходъ Царицы Спасенія, чувство же будетъ помраченнымъ и не ощутитъ удаленія Царицы. (Т. е. природа неодушевленная ощутитъ, а люди не ощутятъ), ибо помрачится чувство монаховъ въ попеченіяхъ о жизни сей. Сего ради не почувствуетъ чувство монаховъ, когда будетъ отсюда удаляться Царица Спасенія. Сіе подобно тому, какъ евреи распяли Царя своего, сдѣлались безчувственными къ распятію Его и не познали Благодѣтеля своего. Наконецъ, распявъ, изругались надъ Нимъ, хулили и хулятъ до сего дня, говорятъ, что ученики Его украли... Такъ и вы сегодня дѣлаете, не познавъ Царицы Спасенія вмѣстѣ съ благодѣяніями Ея; наконецъ, изгоняете Ее изъ части Ея также, какъ изгнали Іудеи Іисуса Христа изъ части своей. Іудеи не восчувствовали, Кто есть Іисусъ Христосъ, но камни и погребальныя вещи восчувствовали. Ради этого, говорю вамъ, нечувствіе почувствовало Творца своего, что Его распяли, но чувственные не почувствовали, не познали Благодѣтеля Своего и распяли Его по нечувствію своему.

Ей, преподобные Отцы, удалится отсюда Спасеніе; тогда горе тѣмъ, которые положили начало пути погибели и отогнали отсюда Царицу. Итакъ, сдѣлайте благое начало пути моленія покаяннаго, дабы остановить Царицу Спасенія. Если-же не покаетесь отъ всего сердца, то хорошо вѣдайте, что покинетъ васъ Царица Спасенія и уйдетъ. Но какъ уйдетъ?—Уйдетъ съ громомъ и страшными ударами? Спрашиваю васъ, откуда изыдетъ такой страхъ и трепетъ?—страхъ и трепетъ будутъ исходить отъ нечувствія. Безчувстіе будетъ чувствовать удаленіе спасенія, будетъ страшиться и трепетать о томъ, что остается [1]) вдовымъ и сирымъ.

ГЛАВА LXXXIII.

Притча о женѣ и ея двухъ мужьяхъ.

Въ нѣкоемъ мѣстѣ была женщина весьма прекрасной наружности. Мужъ ея былъ гадкаго поведенія, занимался худыми дѣлами. Постигъ его гнѣвъ царскій, разлучили жену отъ мужа ея; молодица оставалась нѣкоторое время вдовою и сирой. По прошествіи малаго времени, взялъ ее за себя нѣкто, называемый „чадо царское“; вступила она въ супружество съ тѣмъ юнымъ, двое стали плоть едина; проходили пре-

[1]) Т. е., безсловесныя животныя будутъ трепетать при грядущей катастрофѣ.

красную жизнь; если какая боль причинялась тѣлу одного, то одинаковою болью болѣзновалъ и другой; радостную жизнь проводили они въ такой любви. Послѣ нѣкотораго времени молодой умеръ, пошла она его хоронить; когда изъ дому вынесли покойника, то женщина видитъ, что идетъ мужъ къ ней, ея прежній мужъ, котораго отлучили отъ нея. Вспомнила она, какого худого поведенія былъ первый ея мужъ и весьма опечалилась объ утратѣ новаго. Ей, опечалилась, но какъ опечалилась? опечалилась печалью чрезмѣрною; когда вынесли мертвеца изъ дому, она билась головой своей отъ печали, волосы изъ головы своей выдирала, волосы растрепала, члены свои о землю сокрушала, лицо свое руками закрывала и говорила: „Увы, мнѣ! увы мнѣ, бѣдной! вдовой и сирой оставилъ ты меня! Возьми и меня съ собою, чтобы не пришелъ мой первый мужъ, который былъ злого расположенія и не сталъ бы меня опять мучить какъ раньше! Еще и другія, больше того жалостныя, слова говорила она, (обращаясь къ покойнику) мужу своему, съ плачемъ, со страшнымъ воплемъ: „не оставляй меня, мужъ мой, вдовой и сирой, чтобы не пришелъ мой прежній „безчинный“ мужъ, и не сталъ бы меня опять мучить какъ раньше съ безчиніемъ своимъ“. Вѣдаете ли, преподобные отцы, кто тотъ мужъ, и кто жена? мужъ и жена суть сіи: прежде въ Горѣ Аѳонской жили люди злого расположенія, постигъ ихъ гнѣвъ царскій, изгнали ихъ изъ Горы сей; Гора осталась вдовой отъ людей, (повидимому здѣсь говорится о выселеніи мірянъ въ Чеканію при Константинѣ Поганатѣ въ VIII вѣкѣ). А вслѣдъ за тѣмъ поселилась здѣсь благодать монашеской жизни, потомъ пришла благодать Госпожи Нашей Богородицы вмѣстѣ съ Пречистымъ Ея Ликомъ, (т. е. въ X-мъ вѣкѣ пришествіе Иконы Иверской). И освятилась Гора сія благодатію Всесвятаго Духа и Госпожи Нашей Богородицы Приснодѣвы Маріи: благодать Божія не только сіе мѣсто освятила, но изгнала сопротивныхъ, стало одно единство (т. е. остались одни монахи), освятились тогда всѣ горы и холмы, древа плодоносныя и всѣ кедры. Супружество же сіе есть: молодая жена—сія Гора, злого расположенія мужъ — прежнія люди. Потомъ пришло царское чадо, говоримъ, Благодать Всесвятаго Духа, освятило Гору сію, вмѣстѣ съ Ликомъ Госпожи Нашей Богородицы, освятило и освящаетъ до сего дня. Нынѣ же отогнали благодать Всесвятаго Духа гадкими дѣлами: отогнали хищеніемъ, ложью, нечистотою, позабывъ о дѣлѣ спасенія; такъ какъ дѣло спасенія было забыто, то изгнали и Само Спасеніе изъ Горы сей; такимъ образомъ, люди Горы сей стали отступниками отъ Царицы Спасенія.

Видитъ Царица Спасенія, что измѣнили Ей люди Горы сей; вознамѣрилась Она и Сама удалить Ликъ Свой, вмѣстѣ съ благодатію Своею. Но каково имѣетъ быть это удаленіе, когда Онъ (ликъ) будетъ удаляться съ Горы сей?!

ГЛАВА LXXXIV.

Какъ произойдетъ отшествіе иконы Иверской съ Горы?

О, преподобнѣйшіе отцы, удаленіе Спасенія будетъ таково:

Во первыхъ, за малое время впередъ потрясетъ монастырь, въ которомъ жительствуетъ Ликъ Царицы Спасенія. Значитъ, безчувственная земля восчувствуетъ, что имѣетъ обнищать отъ хранителя своего, Которая хранитъ ее до сего дня. Послѣ трясенія, будутъ весьма трястись всѣ древа насажденныя и будутъ наклонять всѣхъ насажденныхъ, говоримъ, всѣхъ укорененныхъ, ради Царицы въ полонъ, (т. е. будетъ мученическое истребленіе православныхъ монаховъ въ Горѣ). Аѳонъ будетъ биться страшнымъ шумомъ, будетъ исходить тонкій гласъ; когда будетъ уходить Ликъ Госпожи нашей Богородицы, то будетъ знаменіе страшное и трепетное. Знаменіе будетъ такое: всѣ церкви будутъ наклонены ради удаленія Спасенія, какъ проводы Спасенію и поклонъ, (т. е. ихъ разрушатъ безбожники или землятресеніе?). Ради этого, говорю вамъ, нечувствіе будетъ ощущать, а чувство будетъ помрачено, и не будетъ сознавать, что удаляется Спасеніе. Итакъ, говорю вамъ, преподобнѣйшіе отцы, до тѣхъ поръ, пока находится Ликъ Госпожи нашей Богородицы внутри Горы сей, да не подвигается никто уходить изъ Горы сей Честной; какъ только подвигнется уйдти съ Горы сей Честной, тотчасъ имѣетъ найти на него наказаніе душевное и тѣлесное, (попущеніе). Когда-же увидятъ, что удалилась Икона Всесвятой съ Горы сей Честной, тогда уходите и вы, куда угодно; только обѣтъ монашеской жизни сохраните цѣлымъ и чистымъ.

ГЛАВА LXXXV.

Заключительныя слова Святого святогорцамъ; притча о учителѣ и ученикахъ.

Не подумайте, преподобнѣйшіе отцы, что осуждалъ я васъ уничижая. Нѣтъ, не для уничиженія, но для исправленія высказалъ я вамъ; съ зерна горчичнаго высказалъ вамъ (пороки ваши); какъ зерна горчичныя, высказанное мною горько для слуха. Слово это, зерно горчичное, горькое не я самъ высказалъ вамъ, но только посланъ есмь съ этими словами, чтобы представить ихъ вамъ. Я представилъ ихъ вамъ, какъ хорошій учитель для чувствъ вашихъ, (т. е. описалъ вѣрно и живо съ понятными примѣрами).

Нѣкій учитель, по безмѣрному своему попеченію объ ученикахъ, вѣдая, что должно произойти со школою изъ-за распутства учениковъ, которые сдѣлались безчинниками, послалъ лучшаго ученика своего и сказалъ ему: „Иди, и скажи безчиннымъ ученикамъ, чтобы они хорошенько одумались, и засѣли за мои учительскія фразы, (уроки), ибо по ихъ винѣ (вся) школа пропадетъ. Они же, съ самоуправленіемъ отступническаго своего безчинія, въ отвѣтъ на это скажутъ: что такое дѣлаемъ мы, что школа пропадаетъ по нашей винѣ? Прежде, нежели они это спросятъ, ты имъ перескажи всѣ ихъ гадкія дѣла, чтобы уразумѣли они свое нечувствіе и поняли что пребываютъ въ дѣяніи гадкихъ дѣлъ“. Сіе приказалъ Учитель ученику Своему, ученикъ удалился отъ Учителя Своего, пошелъ къ безчиннымъ ученикамъ, сказать имъ, что повелѣлъ Учитель его. Идучи же говорилъ самъ съ собою. „Когда приду къ безчиннымъ ученикамъ, съ кѣмъ мнѣ бесѣдовать изъ среды этихъ безчинниковъ?“ (т. е., кому явиться, кого удостоить явленіемъ и передать слова обличенія). Когда онъ такъ думалъ, повстрѣчался ему одинъ человѣкъ, опозоренный учениками и сказалъ. „Они меня избили, изранили, оскорбили, опозорили. Я сталъ погибшій! Нечего мнѣ оставаться на пути спасенія! Пойду на путь погибели“, (здѣсь разумѣется Ѳеофанъ, пришедшій въ отчаяніе отъ преслѣдованія его врагомъ обличеній святого, ибо, въ отместку, Ѳеофанъ рѣшилъ перейти въ магометанство, когда его и встрѣтилъ преподобный Нилъ). Посланный ученикъ, услыхавъ это, далъ ему лѣкарство для уврачеванія тѣла отъ ранъ, передалъ ему и слова учителя безчиннымъ ученикамъ, какъ нѣкую воду питную внутрь державы памяти мертвеца, (т. е., какъ-бы напоилъ этими словами слухъ его, укрѣпивъ слова державно въ памяти, надолго и въ подробности).

Итакъ, нынѣ для того мы и воспроизвели бесѣду ученика съ учителемъ, чтобы вы не подумали, что ученикъ все это отъ себя вымыслилъ; онъ передалъ только то, что ему было заповѣдано передать.

ЧАСТЬ IV.

Повѣсть о Сервіи и судьбѣ скита его.

ГЛАВА I.

О, преподобнѣйшіе отцы! попечальтесь о спасеніи вашемъ и душахъ вашихъ, ибо вы губите спасеніе свое. Если же не скорбите вы о погибели вашихъ душъ, то пожалѣйте по крайней мѣрѣ братьевъ вашихъ, родъ христіанскій, который горестно обуревается въ волнахъ жестокихъ мукъ Агарянскихъ, разнообразными муками и терзаніями мучимый день и ночь [1]).

О, преподобнѣйшіе отцы, имѣйте и держите скорбь въ сердцахъ, такъ какъ скорбь вамъ предстоитъ. Три вамъ будутъ скорби; изъ этихъ трехъ хотя объ одной поскорбите. Поскорбите о душѣ своей; если же не жалѣете души своей, то поскорбите по крайней мѣрѣ о родѣ христіанскомъ, который немилостиво и смертельно бьется въ волнахъ агарянскихъ. Если же не жаль вамъ и рода христіанскаго, пожалѣйте и поскорбите по крайней мѣрѣ о жизни вашей, такъ какъ накликаете вы на себя погибельное нашествіе, (досл.: нашественную погибель), часъ дѣянія злого расположенія вашего.

Тогда глаголанное, т. е. возвѣщенное мною, исполнится, но какая въ то время будетъ вамъ польза, если міръ весь вы пріобрящете, жизнь же свою погубите? Гдѣ тогда будетъ плотская ваша похвальба, съ которою воздѣлываете дѣла суемудрящія, т. е. какая польза будетъ отъ нынѣ дѣемыхъ вами дѣлъ тщеславныхъ, умъ осуечающихъ? Будетъ-ли тогда враждованіе вамъ на помощь? Будетъ-ли ненависть на помощь? Будетъ-ли осужденіе на помощь? Будетъ-ли злато и сребро на помощь? Будетъ-ли вамъ помощь отъ проклятаго тщеславія съ угрюмо-лицемѣрною похвальбою, т. е. киченіемъ своимъ и угрюмо-лицемѣрнымъ видомъ?— о, не только не будетъ тогда отъ сихъ вещей никакой помощи вамъ,

[1]) Мысль та, что въ скорбяхъ христіанъ, страждущихъ подъ агарянскимъ игомъ, повинны и святогорцы, грѣхами своими наведшіе гнѣвъ Божій, (агарянское иго), на себя и на всѣхъ христіанъ грековъ, за коихъ святогорцы молятся и должны молиться Господу. Если бы аѳонцы усиленно стали вести борьбу съ своими грѣхами, то Господь могъ бы значительно ослабить и агарянское иго.

но они то и превратятся въ нашествіе воинское на васъ и на главу *каждаго изъ васъ устремятся съ такою же стремительностію, какъ на* скитъ Сервія.

ГЛАВА II.

Сервій и чудесное его крещеніе черезъ Архангела Михаила.

Сей Сервій былъ родомъ съ острова Крита. Узнавъ о Богѣ и Божественной благодати, сообщаемой крещеніемъ истины, Сервій молилъ Бога, чтобы вывелъ онъ его изъ мѣста сего, т. е. изъ языческой страны и привелъ бы на мѣсто благо, гдѣ онъ могъ бы принять Божественное Крещеніе. Желаніе Сервія исполнилось слѣдующимъ образомъ.

Богъ послалъ къ нему Ангела Своего во образѣ рабочаго. Ангелъ пришелъ къ Сервію въ этомъ образѣ и сталъ просить работы. Сервій спрашиваетъ его, не зная еще, что это Ангелъ: „какъ звать тебя?“— Ангелъ, *явившійся во образѣ* рабочаго, говоритъ: „*Михаиломъ*“.—Говоритъ Сервій: „какую работу умѣешь?“—Работникъ отвѣчаетъ: „какую дашь мнѣ работу, ту и буду работать“.—Сервій спрашиваетъ: „какого ты рода и какой вѣры?“—Михаилъ отвѣчаетъ: „изъ рода христіанскаго есмъ“.—Говоритъ Сервій: „итакъ ты христіанинъ?“—Михаилъ отвѣчаетъ: „да, христіанинъ православный есмъ; Христу работаю и служу“.—Говоритъ Сервій: „нѣтъ-ли какой возможности, чтобы и меня сдѣлалъ-бы ты христіаниномъ?“—Михаилъ говоритъ: „твой слуга есмъ; готовъ послужить и этому твоему благому желанію“.—Сервій говоритъ: „Вотъ тебѣ работа: сведи меня къ тому, кто сдѣлалъ бы меня христіаниномъ“.—Михаилъ отвѣчаетъ: „Тотъ, кто меня крестилъ далеко“.— Сервій говоритъ съ пылкостію сердца: „Какъ далеко?—не далѣе края свѣта?—я обѣщаюсь за тобою слѣдовать хотя бы на край свѣта, ибо дальше невозможно идти“.—Михаилъ съ улыбкой говоритъ: „нѣтъ, не такъ далеко, какъ ты думаешь, но близко“.—Сервій отвѣчаетъ: „Если близко, то почему же намъ не пойти?“ Михаилъ: „Если съ любовію сіе вожделѣваешь, то пойдемъ; есть и лодка, которая плыветъ къ мѣсту тому“.— Сервій: „Если есть лодка, то давай собираться“.—Михаилъ: „Сборовъ никакихъ не надо, только пойдемъ къ лодкѣ“.—Сервій: „Пойдемъ“.— Пошли они тогда къ пристани въ часъ полуденный. Михаилъ спросилъ на пристани, гдѣ та лодка, которая должна возвращаться, чтобы идти на такое-то мѣсто?—Присутствовавшіе-же говорятъ: «За тѣмъ садомъ».—Было же то мѣсто на разстояніи около 4-хъ миль. Говоритъ Михаилъ: «Не дадите-ли вы лодки, чтобы намъ туда пойти?»—Моряки говорятъ: «Берите лодку, плывите туда и возвращайтесь».—Михаилъ говоритъ Сервію: «Что скажешь?»—Сервій: «Пойдемъ, посмотримъ, не

возьметъ-ли онъ насъ».—Вошли они вдвоемъ въ лодку; Михаилъ сталъ на весла. достигли они Критскихъ садовъ на той сторонѣ (бухты), гдѣ, какъ думалъ Сервій, должна была находиться лодка, въ саду начальника гавани. Опознавшись, Сервій увидалъ, что пристали не къ тому мѣсту, и сказалъ Михаилу: „Мы сдѣлали ошибку, не тотъ это садъ".—Михаилъ говоритъ: „Ошибки нѣтъ, тотъ самый". — Сервій: „Теперь ты-ли станешь меня нынѣ учить, когда здѣсь внутри я вскормленъ?"—Михаилъ: „Такъ какъ мы нынѣ сюда пришли, то пойдемъ поклонимся архіерею, потомъ, если пожелаешь, возьмешь лодку, пойдешь куда захочешь, и я вмѣстѣ съ тобой".—Пошли они къ архіерею. Былъ день Преображенія, архіерей былъ въ церкви, псалмо-пѣли вечерню, совершался входъ, служили всѣ клирики. Тогда говоритъ Михаилъ, указывая на архіерея: „это тотъ, который меня крестилъ".—Сказалъ же онъ такъ про архіерея, потому, что архіерей есть образъ Владыки нашего Іисуса Христа.—Говоритъ Сервій: „ты нашелъ хорошаго человѣка, сдѣлавшаго тебя христіаниномъ".—Когда вечерня окончилась, Сервій говоритъ Михаилу: „теперь, что сотворимъ?"—Михаилъ: „имѣй терпѣніе".—Нашелъ Михаилъ одного слугу и сказалъ ему: „скажи архіерею, что одинъ іеродіаконъ ищетъ тебя [1]), желая повидаться съ тобою".—Слуга сказалъ архіерею то, что повелѣлъ Михаилъ, и архіерей сказалъ: „пусть войдетъ". Пошелъ Михаилъ къ архіерею; послѣ привѣтствія говоритъ ему архіерей: „кто ты, откуда и куда идешь?"—Михаилъ: „изъ Іерусалима, я архидіаконъ Великаго Архіерея. Этотъ человѣкъ посылалъ прошеніе къ Великому Архіерею и просилъ Крещенія: вотъ онъ и послалъ меня, какъ своего вѣрнаго раба, послужить таинственному дѣлу сему; я отправился въ путь таинства, нашелъ желаемаго въ самихъ внутренностяхъ дракона, т. е. въ нечестіи" и разсказалъ все Михаилъ архіерею про Сервія. Архіерей весьма удивился, выслушавъ этотъ разсказъ. Говоритъ архіерей Михаилу: „священствуешь-ли ты во діаконствѣ?" т. е. можешь-ли служить. — Михаилъ: „да, служу во священнодіаконствѣ". — Архіерей: „скоро я буду литургисать, т. е. утромъ, готовься и ты литургисать со мной; тогда и окрестимъ сего брата передъ Литургіей, ибо праздникъ Господскій и мнѣ подобаетъ литургисать". — Михаилъ: „да будетъ воля твоя". — Когда архіерей услыхалъ, что Михаилъ согласился литургисать съ нимъ, то исполнился величайшей радости и сказалъ: „Господинъ Михаилъ, насталъ часъ вкусить намъ съ тобою отъ трапезы тѣлесной"— Михаилъ, „твори ты по чину твоему, по уставу, какой навыкъ имѣть для своего живопи-

---

[1]) Св. Архистратигъ Михаилъ наименовалъ себя „іеродіакономъ", (букв. съ греч. „священнослужителемъ"), въ знаменіе великой истины, что всѣ ангелы суть служебніи духи, въ служеніе посылаемые захотящихъ наслѣдовати спасеніе (Евр. 1, 14).

танія; меня же этимъ не безпокой, ибо, если принудишь меня утѣшиться тѣлесно, то не буду я имѣть части вскорѣ литургисать съ тобою“.— Архіерей: „мирствуй, Господинъ Михаилъ, и да не сѣются въ помыслъ твой препятственные плевелы, чтобы сдѣлать какую-либо препону къ твоему священнослуженію“,—Михаилъ: „лукавыхъ помысловъ нѣтъ во мнѣ, ни чувства имѣю, (т. е. не имѣю пристрастія къ чувственнымъ наслажденіямъ, чтобы ощутить утѣху отъ трапезы), благодушіе мое въ томъ, чтобы окончить дѣло этого человѣка“.—Архіерей: „отдохни на ложѣ, а сей братъ да сядетъ и утѣшится съ нами“.—Михаилъ: „мой отдыхъ—бесѣда съ тобой“.—Потомъ Михаилъ обратился къ Сервію и сказалъ: „Если ты голоденъ, то ѣшь, а, если не голоденъ, то ступай молиться, усердствуй въ молитвѣ твоей, бодрствуй, да пріимешь крещеніе истины“.—Сервій говоритъ Михаилу: „не голоденъ я и не имѣю пристрастія къ ѣдѣ“. — Михаилъ говоритъ ему: „ступай же и дѣлай то, что я тебѣ сказалъ“. — Архіерей повелѣлъ слугамъ помѣстить Сервія въ комнату. Говоритъ Михаилъ Сервію: „сдѣлай метаніе архіерею и молись, какъ я тебѣ сказалъ, пока не устанешь отъ молитвы твоей“ и научилъ Сервія, какъ надо молиться. Сервій сдѣлалъ метаніе и ушелъ. Остался архіерей съ Михаиломъ.

Во время бесѣды архіерея съ Михаиломъ слуги уснули; одинъ столъ оставался съ вилками и скатертью, даже хлѣба не принесли и ничего другого на столѣ не было, Михаилъ началъ бесѣду объ Іерусалимѣ и постепенно перенесъ разговоръ на Горній іерусалимъ. Архіерей услаждался разсказомъ Михаила до такой степени, что пробесѣдовалъ съ Михаиломъ до разсвѣта. Приходитъ служащій въ церкви (іерей) взять благословеніе служить и, увидавъ, что они все еще сидятъ за трапезой, удивился сему. Говоритъ ему архіерей: „берегись разсказать кому-либо то, что видѣлъ“. — Михаилъ говоритъ служащему: «убери трапезу» и убралъ трапезу служащій. Говоритъ архіерей служащему: «разбуди слугъ, чтобы они встали».—И разбудилъ ихъ. Говоритъ имъ архіерей: «приготовьте что слѣдуетъ для крещенія того брата».— Говоритъ архіерей служащему: «ступай въ церковь, благословляй чтеніе утрени, а такому то священнику скажи, чтобы пришелъ сюда послужить».—Служащій сдѣлалъ метаніе, пошелъ въ церковь, послалъ архіерею священника, благословилъ чтеніе послѣдованія; начали читать утреню, и по окончаніи утрени окрестили брата.

Приходитъ іерей по обыкновенію, взялъ архіерея и повелъ его въ церковь. Настало архіерею время облачаться для литургисанія. Когда онъ облачался, Михаилъ держалъ кадило вмѣстѣ съ другимъ діакономъ архіерейскимъ по обыкновенію церковному, и прочелъ Михаилъ, стоя передъ архіереемъ, положенныя слова: „Да возрадуется душа твоя о Господи“, а затѣмъ, при возложеніи на архіерея эпитрахили: „Благословенъ Богъ, изливай благодать на архіереи Своя“.

Народъ, услыхавъ пріятность и благозвучность голоса Михаила, былъ весьма пораженъ, и говорили одинъ другому: „кто это, откуда онъ, какіе отецъ и мать породили такого?" — И сказали нѣкоторые, что онъ діаконъ Іерусалимскаго архіерея. Лицо Михаила было весьма прекрасно, но не соблазнительно, кротчайшее и смиренное. Когда же сталъ онъ говорить мирную эктенію, то раздался столь мелодичный голосъ, что даже самъ архіерей весьма изумился, а, когда Михаилъ сталъ читать евангеліе, то читалъ столь благозвучно, что всѣ пришли въ чрезвычайное изумленіе, подобно тому, какъ изумлены были іудеи, слыша Господа нашего Іисуса Христа, учившаго въ храмѣ. Когда же Михаилъ сошелъ съ амвона, отдалъ Евангеліе въ руки архіерею и началъ поминать на сугубой эктеніи, то поминалъ съ такой выразительностію и любовію къ каждому, что богомольцы заговорили: „это не человѣкъ, но ангелъ". Когда же началось таинство и принялъ Михаилъ на свою главу Св. дискосъ, то лице его просвѣтилось, какъ солнце. Когда же онъ произносилъ: „да помянетъ..." то архіерей замѣтилъ, что Михаилъ не ступалъ на землю. Когда же Михаилъ принялъ въ руки потиръ, то держалъ его съ такимъ страхомъ, что весь дрожалъ, пока не отдалъ потира обратно, въ руки архіерею, по обычаю [1]). Наконецъ, совершили Божественную Литургію и сдѣлали отпустъ.

Когда всѣ выходили изъ церкви, чтобы идти домой, то всѣ богомольцы стали на дорогѣ, чтобы увидать Михаила. Но Михаилъ теперь не показывалъ въ себѣ никакого вида ангельскаго, т. е. имѣлъ видъ, какъ и прочіе люди, развѣ только отличали его достоинство бесѣды и походки; всѣ дивились ему. И сказалъ Михаилъ архіерею: «пусть не входитъ никто въ домъ и не окажетъ мнѣ безпокойства, такъ какъ я весьма утомленъ, желаю отдохнуть немного съ тобой и побесѣдуемъ вмѣстѣ".—Говоритъ архіерей: „никто не войдетъ, Господинъ Михаилъ, только три есть человѣка; пусть они придутъ и утѣшатся вмѣстѣ съ нами за трапезой".—Сдѣлалъ же это архіерей, дабы и они вмѣстѣ съ архіереемъ упросили Михаила, чтобы онъ остался бы съ ними навсегда и не уходилъ бы.

Итакъ, когда они еще разговаривали, пришли и тѣ три человѣка. Михаилъ говоритъ этимъ тремъ: „вы садитесь, но другой пусть никто больше не взойдетъ, закройте ворота, чтобы не вошелъ бы еще кто и не доставилъ бы намъ безпокойства".—И повелѣлъ архіерей слугамъ, чтобы не пускали никого входить внутрь. Заперли ворота и стали приготовлять трапезу, въ то время, какъ Михаилъ бесѣдовалъ съ архіереемъ и тѣми тремя человѣками. Были же эти три человѣка

---

[1]) Дай Богъ, чтобы сіе мѣсто послужило для діаконовъ, (и вообще для священнослужителей), назидательнымъ урокомъ литургисать добрѣ, со страхомъ Божіимъ и вѣрою.

мѣстные предстоятели, т. е. начальствующіе и богачи, первый назывался Андреемъ, второй—Павломъ, третій Іоанномъ. Павелъ говоритъ Михаилу: „Очень ты обрадовалъ насъ сегодня, Господинъ Михаилъ. Спрошу я васъ, Господинъ Михаилъ: не останетесь-ли вы здѣсь вмѣстѣ съ нашимъ архіереемъ?"—Отвѣчаетъ Михаилъ: „Если пошлешь ты раба своего по дѣлу къ другому, а тотъ его отниметъ у тебя, то сотворишь-ли по сему, ибо писано есть: чего себѣ не хочешь, не твори другому?" — И былъ Павелъ сему удивленъ. Говоритъ Андрей: „А если на то будетъ согласіе архіерея Іерусалимскаго?" — Отвѣчаетъ Махаилъ: „Сговорись сначала съ хозяиномъ раба, и, если онъ того пожелаетъ, тогда уговаривайся съ рабомъ. Если же еще не имѣешь согласія хозяина, то какъ смѣешь уговариваться съ рабомъ? Не знаешь развѣ, что безсовѣтіе рождаетъ коварство? Благословеніе почиваетъ на тѣхъ дѣлахъ, на которыя оно испрошено; проклятіе же падаетъ на творимыя безъ спросу, какъ говорится: мужъ безсовѣтенъ, самъ себѣ врагъ". — Услыхавъ это Андрей, тоже замолкъ. Тогда говоритъ Іоаннъ: „вотъ мы и совѣтуемъ тебѣ".—Говоритъ Михаилъ: „хорошо твое совѣтованіе, но только раньше пошли увѣдомленіе къ архіерею и съ нимъ совѣтуйся; когда архіерей согласится, тогда уговаривайся со мною". Замолкъ и Іоаннъ. Тогда говоритъ архіерей: «полюбился ты намъ, Господинъ Михаилъ; намъ хочется, чтобы ты здѣсь нѣсколько побылъ, дабы намъ передать чинъ Іерусалимскій, ибо увидалъ я образъ твоего служеніи и весьма имъ любовался; намъ было бы пріятно, чтобы ты нѣкоторое время побылъ здѣсь и намъ его передалъ". — Говоритъ Михаилъ: „и мнѣ любо было бы передать его вамъ, но трепещу архіерея великаго и потому не въ силахъ исполнить угоднаго вамъ требованія". — Говоритъ архіерей: „отчего такъ ты страшишься? Видалъ я за Божественной Литургіей, какъ дрожалъ ты, когда я клалъ Дискосъ на главу твою и порицалъ тебя".— Говоритъ Михаилъ: „Какъ же мнѣ не дрожать, когда я принялъ небесъ обширнѣйшее, (а, держа потиръ въ рукахъ, держалъ Того), который есть Господь и Великій Богъ Вседержитель? Какъ это возможно, чтобы кто-либо не трепеталъ во время Божественной Литургіи? Достоитъ всегда великимъ трепетомъ объяту быть человѣку, когда онъ приступаетъ къ Божественной Литургіи".—Говоритъ архіерей: „пусть такъ при Литургіи, но къ архіерею отчего у тебя такой страхъ?"— Говоритъ Михаилъ: „Правду ты сказалъ, что человѣка бояться не слѣдуетъ, но ошибаешься и въ семъ, ибо, если кто видитъ архіерея [1]) каждый день и если я не буду бояться такого человѣка, то какъ

[1]) Мысль та, что архіерей, (конечно и пресвитеры), совершающіе великое таинство Безкровной жертвы, вступаютъ въ общеніе съ Верховнымъ Архіереемъ, Прешедымъ Небеса (Евр. 9, 12), Сыномъ Божіимъ, Іисусомъ Христомъ, являясь Его образами.

скажу я, что боюсь Бога? Кто такъ дѣлаетъ, тотъ лжецъ есть и ты, говоря сіе. дѣлаешься, какъ одинъ изъ нихъ предъ моимъ Архіереемъ".—Услыхавъ эти слова ангела, архіерей измѣнился лицемъ. Михаилъ говоритъ: «не посѣвай печали на сердцѣ твоемъ, ибо не сказалъ я тебѣ ничего унизительнаго, но по правдѣ высказался, ибо Архіерей мой есть Великій Архіерей Горняго Іерусалима, Слово воплощенное, Сынъ рожденный отъ Приснодѣвы Маріи, Господь вочеловѣчивыйся, Царь небесный, Сынъ Единородный Іисусъ Христосъ, Единосущный Отцу, Богъ Слово со Духомъ Животворящимъ, Ему же покланяйтеся, яко Святъ есть».

По сихъ словахъ вдругъ вознесся отъ нихъ Михаилъ, и тотчасъ пришелъ къ нимъ гласъ отъ Михаила, говорящаго: „сего человѣка, котораго мы крестили, порадѣйте о спасеніи его, отъ тебя взыщу я его душевно и тѣлесно, ибо передаю тебѣ его въ послушники".

Послѣ исчезновенія Михаила, архіерей и тѣ три человѣка до того были изумлены, что стали какъ мертвы. Слуги же приготовили трапезу, ожидая, когда позовутъ ихъ поставить столъ.

Такъ ожидали слуги до самаго полдня, пока, наконецъ, одинъ изъ слугъ не пошелъ посмотрѣть, что они дѣлаютъ; взглянувъ, увидалъ, что сидятъ вмѣстѣ, но бесѣды между ними нѣтъ никакой. Говоритъ слуга: „приготовлять-ли трапезу?" Тѣ не дали никакого отвѣта. Опять говоритъ онъ архіерею: „Владыко святый!"—Архіерей, услыхавъ голосъ, пришелъ тогда въ себя, но, какъ бы пробудившись отъ сна, долго не могъ дать отвѣта слугѣ; наконецъ, спросилъ слугу: „Который часъ?" Говоритъ слуга: „Полдень, Владыко Святый". — Говоритъ архіерей: „Идите, приготовляйте".—Слуга пошелъ приготовлять. Говоритъ архіерей: „Господинъ Андрей!"—Услыхали тѣ трое голосъ архіерея и пробудились. Говоритъ Іоаннъ Андрею: „Что̀ случилось съ нами такое сегодня?"—Стали недоумѣвать и удивляться другъ предъ другомъ. Говоритъ архіерей: „Недоумѣваю я и изумляюсь о семъ; позовемъ Сервія, чтобы разсказалъ онъ намъ, кто такое Михаилъ сей".—Позвалъ архіерей слугу и велѣлъ ему привести новокрещеннаго, чтобы разспросить его. Слуга пошелъ и нашелъ Сервія молящимся, какъ наказалъ ему Михаилъ. и сказалъ Сервію, что его требуетъ архіерей. Сервій пошелъ къ архіерею; говоритъ ему архіерей: „Діаконъ, съ которымъ вы вмѣстѣ пришли, что̀ онъ за человѣкъ? Гдѣ вы съ нимъ познакомились и какъ пришли сюда?"—Говоритъ Сервій: „Онъ—работникъ, просилъ у меня работы, а я спросилъ у него, какой онъ вѣры".—Такъ Сервій разсказалъ далѣе по порядку все, что съ ними было, (о чемъ говорилось въ началѣ). Говоритъ архіерей: „Гдѣ же ваша лодка?"—Отвѣчаетъ Сервій: „На пристани, у сада мы поставили ее". — Архіерей приказалъ подавать трапезу и говоритъ Сервію: „Садись кушать".—Когда они кушали, спрашиваетъ Іоаннъ у Сервія и говоритъ: «Скажи

намъ, Господинъ Сервій, съ самаго начала, какъ все произошло съ тобой». — Сервій подробно разсказалъ все дѣло. Архіерей говоритъ: «Пошлемъ тщательно сберечь лодку, ибо, какъ видится, это дѣло—Божественное».—Послѣ обѣда послали двухъ слугъ вмѣстѣ съ Сервіемъ прибрать лодку; они пошли, но лодки уже не было. Нашли людей и спросили: «Гдѣ лодка, которая была здѣсь?»—Говорятъ тѣ: «Пришелъ одинъ монахъ, похожій на діакона, взялъ ее и поплылъ».—Говорятъ слуги: «Куда поплылъ онъ въ такую бурю? Лжете!»—Всѣ отвѣчали: „Мы видѣли, какъ вошелъ онъ въ лодку, и говорили ему: куда пойдешь ты, несчастный діаконъ? не видишь развѣ, какая буря? Онъ же намъ никакого отвѣта не далъ, но только отчалилъ и поплылъ. Мы видѣли, какъ дошелъ онъ до средины моря, (т. е. вышелъ изъ залива въ открытое море), оставилъ весла, вышелъ вонъ изъ лодки, потащилъ ее руками; такъ шелъ по морю и тащилъ лодку, вдругъ исчезъ; теперь не знаемъ, что это было: привидѣніе-ли, или демонъ—не вѣдаемъ!» —Говорятъ слуги: „Пусть одинъ изъ васъ пойдетъ съ нами къ архіерею разсказать ему какъ видѣлъ“.—Одинъ пошелъ съ ними, пришли къ архіерею, и говорятъ слуги: „Вотъ привели вамъ человѣка, чтобы удостовѣрилъ васъ, что онъ своими глазами видѣлъ“.—Архіерей спрашиваетъ человѣка: „Какъ было дѣло, которое мы слышимъ и которое вы видѣли?“—Человѣкъ говоритъ: „Вотъ какъ было, Владыко святый, то, что мы видали своими очами“, — началъ онъ разсказывать все подробно. Архіерей, выслушавъ о событіи семъ, послалъ, чтобы привели къ нему и тѣхъ трехъ людей, чтобы они услыхали, что произошло съ лодкой; когда они пришли и выслушали о происшествіи съ лодкой, то остались изумлены. Андрей говоритъ: „Вотъ я, отнынѣ и впредь, да не владѣю ни домомъ, ни женою, ни инымъ чѣмъ-либо. Вотъ у меня трое дѣтей, пусть берутъ они все имѣніе мое и заботятся о матери своей, я же пойду въ монастырь и тамъ скончаю остальную жизнь мою“.

Тѣ трое ушли, архіерей же остался съ Сервіемъ и воспѣвали они Бога, пославшаго Ангела Своего, который участвовалъ въ Литургіи и освятилъ весь народъ церковный [1]).

---

[1]) Срвн. Евр. 13, 2—„страннолюбія не забывайте, ибо чрезъ него нѣкоторые, не зная, оказали гостепріимство ангеламъ“.

ГЛАВА III.

Сервій пожелалъ одиночества. Михаилъ возбранилъ сіе, повелѣвъ архіерею подвергнуть Сервія суровому трехлѣтнему искусу.

Сервій остался у архіерея и служилъ ему. Архіерей заботился о спасеніи его, день и ночь поучая его о пользѣ душевной. Сервій сдѣлался прекраснымъ послушникомъ; все, что архіерей ни приказывалъ ему, душевное-ли или тѣлесное, онъ съ величайшею готовностію и усердіемъ выполнялъ. Когда же такъ прожилъ Сервій 17 лѣтъ съ архіереемъ, попросилъ онъ дозволенія удалиться на мѣсто покойное, чтобы безмолствовать. Архіерей согласился и сказалъ ему: „Твори чадо, какъ просвѣщаетъ тебя Богъ“ [1]). Какъ только промолвилъ это архіерей, сдѣлался нѣмъ на три дня и не въ силахъ былъ говорить, а также слышать. По трехъ же дняхъ явился архіерею во снѣ Михаилъ (Архангелъ) и говоритъ ему: „Не давай Сервію творить воли своей, ибо желаемое имъ, (чего онъ домогается), есть отъ лукаваго, такъ какъ лукавый хочетъ низвести его въ прежнее его состояніе. Итакъ, отъ сего времени испытывай Сервія суровѣйшимъ испытаніемъ до трехъ лѣтъ; если потерпитъ онъ суровость человѣческую безо всякаго ропота, тогда сотвори то, что вожделѣваетъ онъ; пусть Сервій поселится въ южной части, въ предѣлахъ монастыря Честнаго Успенія Богородицы и Матери Свѣта. Тамъ есть мѣсто, называемое Васмосъ; тамъ пусть онъ живетъ, но не одинъ, а съ какимъ-нибудь братомъ“.—Тогда отвѣчалъ архіерей Михаилу и сказалъ: „Если я стану сурово держать Сервія и онъ убѣжитъ, то что я тогда буду дѣлать?“—Михаилъ говоритъ: „Ты твори только мое повелѣніе и не будь озабоченъ тѣмъ, что онъ убѣжитъ. Суровость твоя будетъ лишь ко спасенію его“.—Потомъ сказалъ Михаилъ архіерею: „востань и твори такъ, какъ я повелѣлъ тебѣ“.—Архіерей проснулся и потребовалъ къ себѣ Сервія; Сервій пришелъ, и сказалъ ему Архіерей: „что дѣлаешь? какъ поживаешь“.—Говоритъ ему Сервій: „хорошо, Владыко Святый, молитвами твоими“. — Говоритъ ему Архіерей: „твори послушаніе кухонное, да будетъ оно тебѣ навсегда, и да будешь чистъ“.—Сервій говоритъ: „хорошо, Владыко Святый, но я поварить не умѣю“.—Архіерей говоритъ: „дѣлай такъ, какъ я буду тебѣ говорить, и да воздѣлываешь съ усердіемъ служеніе твое“.—Тогда Сервій положилъ метаніе и взялъ ключи отъ кухни. Архіерей

[1]) Эти слова архіерея Сервію, какъ новоначальному послушнику, были непригодны, могли увлечь Сервія на путь самонадѣянности и гордыни; отсюда архіерей понесъ наказаніе—(нѣмота на три дня).

сказалъ ему: „чтобы ни сталъ дѣлать или варить, спрашивай первѣе меня, а потомъ принимайся за работу твою“.

Пошелъ Сервій на кухню, смотритъ, и не знаетъ что и какъ дѣлать; идетъ онъ къ прежнему повару, тотъ научилъ его, какъ обращаться съ каждою вещію. Сварилъ Сервій обѣдъ, и, хотя неученъ былъ, однако кушаніе оказалось до того вкусно, что Архіерей удивился, но, чтобы не потщеславился этимъ Сервій, говоритъ ему Архіерей: «Что это за кушаніе, несчастный? для кого ты его сварилъ? для людей, или для свиней?»—Отвѣчаетъ Сервій съ дерзостію: «Говорилъ я тебѣ, что варить не умѣю, чего же ты сердишься? Поставь другого на кухню»!—Говоритъ Архіерей: «другого я поставлю, но тебя въ садъ пошлю воду таскать изъ колодца!»—Говоритъ Сервій: «въ рукахъ твоихъ я, куда захочешь, туда и пошлешь».—Говоритъ Архіерей: «Такъ какъ ты въ моихъ рукахъ, то дѣлай то, что я тебѣ повелѣваю. Ступай, возьми у такого-то курицу и свари ее» *).—Сервій пошелъ и взялъ курицу; на обратномъ пути встрѣтилась ему одна женщина и спросила его: «гдѣ домъ такого-то?»—Сервій говоритъ: «иди отсюда вотъ по этой дорогѣ, и придешь прямо къ дому».—Пришелъ Сервій на кухню и сварилъ курицу, не спросясь Архіерея, какъ ее надо приготовить. Когда настало время вечерней трапезы, говоритъ онъ Архіерею: «Повели подавать трапезу?»—Говоритъ Архіерей: „ходилъ-ли ты туда, куда я говорилъ“?—Говоритъ Сервій: «да, ходилъ, дали мнѣ курицу и я сварилъ ее».—Говоритъ Архіерей: «о, что за превратная такая душа нашлась! Доколѣ будешь со мной такъ дѣлать, несчастный! Я тебя посылаю за дѣломъ, а ты идешь дорогою и разговариваешь съ женщинами? не слушаешься меня, не спросилъ, какъ надо сварить? а теперь приносишь мнѣ нечистое варево свое и становишь на столъ предо мною?»— Сервій отвѣчаетъ: «Ты бесѣдовалъ съ человѣкомъ, и потому я не имѣлъ удобнаго времени спросить тебя».—Говоритъ Архіерей: «Еще, у тебя, морда, находится смѣлость разглагольствовать предо мною?»—Съ этими словами Архіерей схватилъ котелокъ, выкинулъ его вонъ вмѣстѣ съ курицею и сказалъ: «подлецъ ты такой! Куда мнѣ дѣть тебя! Я тебя на дѣло посылаю, а ты съ женщинами разговариваешь? За то, что разговаривалъ ты съ женщиной, ступай таскать воду три дня изъ колодца для поливки сада».

Пошелъ благословенный Сервій въ садъ таскать воду; таскалъ трое сутокъ изъ сорока пиховой (5 саж.) глубины; когда онъ таскалъ воду и вращалъ черпательное колесо, то безпрестанно воспоминалъ память смертную и говорилъ: «какого рода смерть будетъ мнѣ несчастному? какъ меня въ землю зароютъ, меня, который и малѣйшаго укора отъ Архіерея перенести не можетъ? какъ покроютъ меня землей, меня, который совсѣмъ нагъ отъ всякихъ дѣлъ благихъ! о несчастный! О несчастный я; какъ мнѣ землей сдѣлаться, когда я разговаривалъ съ

*) На востокѣ архіереи вкушаютъ мясо.

женщиной сегодня? и еще сейчасъ я прекословилъ! какъ я еще живой человѣкъ! я не умолчалъ отъ прекословія и не удержался отъ разговора; какъ отрѣшится *) мясо мое отъ костей моихъ? О, несчастный я, обезсиливающій и изнемогающій отъ сего дѣла—вращенія, водокачки; какъ возмогу я переносить муки, которымъ нѣтъ конца? терпи-же, Сервіе, терпи, ибо смерть приближается, землею засыпанъ будешь и земля покроетъ тебя! Терпи, Сервіе, терпи, ибо судъ приблизился. Терпи, Сервій жестокость Архіерея, чтобы снова не попасть сюда и не вращать больше колеса какъ осужденникъ, самъ себя вини, ибо злое духа твоего привело тебя сюда; если-бы ты потерпѣлъ отъ Архіерея, то не подвергнулся-бы такой пыткѣ! Терпи-же прочее, Сервіе, чтобы терпѣніемъ твоимъ избѣгнуть тебѣ кары вѣчной!..»—Это и иное многое подобное говорилъ себѣ Сервій благословенный. Черезъ три дня Архіерей позвалъ Сервія; какъ только Сервій пришелъ, Архіерей говоритъ ему: «Какъ провелъ ты службу свою?»—Отвѣчаетъ Сервій: «Хорошо молитвами твоими».—Говоритъ Архіерей: «смотри же хорошенько, ибо, если другой разъ провинишься, то будешь присужденъ къ тому же, но только не на три дня, а на сорокъ».—Потомъ опять послалъ его на службу на кухнѣ.

ГЛАВА IV.

Другое великое наказаніе, понесенное Сервіемъ отъ Архіерея.

Однажды пришло нѣсколько мірянъ изъ властей мѣста того, и повелѣлъ Архіерей Сервію приготовить кушаніе. Говоритъ Сервій: „чего сварить?“—Отвѣчаетъ Архіерей: „Положи немного октопода въ воду, чтобы размокъ, а, когда размокнетъ, положи на малое время въ огонь, заворотивъ въ мокрую пеньку и засыпь золой, чтобы октоподъ испекся“.—Сотворилъ Сервій, какъ было приказано, но ошибся въ двухъ вещахъ: „во первыхъ, не спросилъ Архіерея, когда клалъ, столько-ли положилъ, во вторыхъ, передержалъ октоподъ на огнѣ, и онъ подгорѣлъ; Архіерей понялъ по запаху, что горитъ октоподъ; пошелъ на кухню и видитъ, что октоподъ дымится. Спрашиваетъ Архіерей, Сервія: „гдѣ же октоподъ? положи его отмокнуть“.—Говоритъ Сервій: „Я его на огонь положилъ“.—Тогда Архіерей показался какъ будто сильно разгнѣваннымъ и сказалъ Сервію: „О, злая главо! Что мнѣ за мученіе съ тобою! Отчего не показалъ ты его мнѣ, чтобы я посмотрѣлъ, сколько положить, и вотъ, то что ты положилъ, подгорѣло вслѣдствіе преслушанія твоего“.—Вынулъ Сервій октопода, октоподъ былъ хорошъ и прекрасенъ, но Сервію показалось, что онъ подгорѣлъ. Говоритъ Архіерей: „Нынѣ, злая главо, что мнѣ съ тобою дѣлать? Что за зло-

*) По Восточному и особенно, аѳонскому воззрѣнію, истлѣвшее тѣло въ могилѣ свидѣтельствуетъ о святости, а не истлѣвшее о грѣховности.

12 Зак. 252

дѣй былъ тотъ человѣкъ, который привелъ тебя сюда мучить меня. Убирайся отсюда, болванъ и лжецъ!“—Говоритъ Сервій· „прости меня, но я сдѣлалъ такъ, какъ ты мнѣ сказалъ“. — Говоритъ Архіерей: „Значитъ, по словамъ твоимъ выходитъ, что я виноватъ? Не говорилъ развѣ я тебѣ, чтобы ты обо всемъ спрашивалъ меня, а ты меня здѣсь спрашивалъ-ли? Ты мнѣ октопода не показалъ; за преслушаніе это сдѣлаешь слѣдующее! Иди, 40 дней таскай воду изъ колодца черпалкой, или трое сутокъ простой по серединѣ кухни, или кастрюлю себѣ на шею повѣсь, и такъ стой передъ трапезой, пока она не окончится. Выбирай-же одно изъ трехъ“.

Размыслилъ Сервій, видитъ что всѣ три наказанія тяжки; въ концѣ концовъ благословенный выбралъ себѣ кастрюлю. Была одна такая кастрюля съ дужкой какъ у ведра; онъ наполнилъ ее водою, надѣлъ эту кастрюлю себѣ на грудь какъ эпитрахиль и сталъ съ распростертыми руками крестообразно передъ трапезой; такъ онъ стоялъ все время, пока слуги не начали убирать со стола, Архіерей же между тѣмъ, какъ-бы не замѣчая его, бесѣдовалъ съ своими друзьями и, наконецъ, сказалъ Сервію: „Зачѣмъ ты пришелъ сюда и стоишь, сумасшедшій? пришелъ ты сюда выказывать предъ друзьями моими безумія твои? Убирайся отсюда!“ — Благословенный-же Сервій, не понимая смысла словъ Архіерея, не сходилъ съ мѣста своего. Архіерей видитъ, что Сервій не уходитъ, притворился разгнѣваннымъ, схватилъ жезлъ, который имѣлъ около себя, замахнулся имъ очень гнѣвно и сказалъ: „Я тебѣ говорю, а ты не слушаешь? Послушай-же теперь жезла!“ — и ударилъ его семь разъ по ребрамъ, въ знаменіе (біенія) семиглаваго звѣря высокоумія, потомъ снялъ кастрюлю съ его шеи вытолкалъ Сервія вонъ какъ какого злодѣя; вышелъ тогда благословенный Сервій; Архіерей же въ слѣдъ ему бросилъ кастрюлю, потомъ сѣлъ на мѣсто свое, какъ будто взволнованный, и говоритъ друзьямъ своимъ“: Сосудъ сей превратный пришелъ сюда морду свою намъ казать!“—Друзья говорятъ ему: «Столько времени онъ здѣсь стоялъ, отчего же ты не говорилъ ему, чтобы онъ убирался?“—Архіерей говоритъ: „Я изъ-за разговора не замѣчалъ его, но отчего же вы мнѣ не сказали?“—Говорятъ ему друзья его: „Мы думали, что ты нарочно его поставилъ, смущались о тебѣ, такъ какъ весьма тебя за это мысленно порицали и говорили въ себѣ: что это за безчестіе намъ?“—Отвѣчаетъ Архіерей: „если вы меня порицали, почему-же не говорили? Это—-сумасшедшій, который измучилъ меня своими продѣлками“.—Когда сказалъ это Архіерей, пришелъ и Сервій, чтобы подмести полъ въ трапезѣ. Архіерей говоритъ чиновнымъ гостямъ: „видите вы этого сумасшедшаго, который одинъ столько дѣлаетъ мнѣ мукъ своимъ дурачествомъ? Чтобы я съ нимъ сдѣлалъ, еслибы не ваше присутствіе; не будь-бы васъ, убилъ-бы я его и этимъ самъ себя-бы погубилъ!“— Говорятъ гости чиновные: „не хорошо, Владыко

Святый, такой гнѣвъ имѣть архіерейству твоему".—Отвѣчаетъ Архіерей: „На раба своего гнѣваюсь и наказываю его въ науку ему, ибо, если не наказывать ученика съ доброю строгостію, то сдѣлается онъ подобнымъ необузданному коню, какимъ онъ и сталъ. Но что дѣлать? Богъ да помилуетъ того, кто привелъ его мнѣ сюда, вотъ я мучаюсь съ нимъ".—Гости, услыхавъ такія слова, весьма стали сожалѣть Архіерея, начали ему говорить слова утѣшительныя и бесѣды. Говоритъ Архіерей: „Богъ да подастъ терпѣніе тому, кто имѣетъ такого ненаказаннаго раба, какого я имѣю, также и мнѣ".—Опять гости начали бесѣду и, побесѣдовавъ съ Архіереемъ, удалились.

ГЛАВА V.

Третья и четвертая суровость Архіерея съ Сервіемъ.

Другой разъ Архіерей приказалъ Сервію испечь яицъ. Говоритъ Сервій: „Сколько яицъ положить?"—Отвѣчаетъ Архіерей: „семь".—Онъ же положилъ восемь, такъ какъ показалось ему, что Архіерей сказалъ „восемь". Когда онъ пекъ ихъ, пришелъ Архіерей, видитъ, что яицъ восемь, и что онѣ прекрасно спеклись. Говоритъ Архіерей: „Пусть постоятъ еще и попекутся".—Архіерей приказалъ слугамъ поставить трапеву; были тогда у Архіерея нѣкоторые знакомые сѣли за столъ. Сервій принесъ яйца, которые были слишкомъ перепечены, вслѣдствіе того, что Архіерей сказалъ, чтобы онѣ еще постояли; такъ повелѣлъ Архіерей для того, чтобы подыскать поводъ выбранить Сервія за то, что онъ понерадѣлъ и яица подгорѣли.

Спрашиваетъ Архіерей: „Это что такое?" — Сервій: „Яйца".—Архіерей: „Почему они такими сдѣлались?"—Сервій: „Потому, что ты не далъ мнѣ ихъ вынуть изъ огня, вотъ они и подгорѣли".—Архіерей: „Сколько ты положилъ?"—Сервій: „Восемь". — Архіерей: „Не говорилъ-ли я тебѣ, чтобы ты положилъ семь? Отчего-же ты положилъ восемь? Не явно-ли изъ сего, что изъ-за преслушанія твоего онѣ подгорѣли? А ты на меня вину сваливаешь!"—Сервій: „Восемь ты мнѣ сказалъ положить".—Архіерей: „Значитъ, я виноватъ, и ты меня еще предъ людьми лжецомъ выставляешь?"—Архіерей сдѣлалъ видъ, будто разгнѣвался на Сервія за прекословіе, схватилъ чашку, въ которой были яйца, бросилъ въ Сервія, какъ будто желая разбить ему голову; чашка ударилась о дверь и разбилась. Сервія же, когда онъ увидалъ сіе, объялъ трепетъ.

Архіерей позвалъ слугъ и сказалъ: „Возьмите этого злодѣя, привяжите его стоймя къ колонѣ, приподнявъ ему правую ногу и подвязавъ къ шеѣ; пусть такъ стоитъ онъ на одной ногѣ до трехъ дней,

чтобы научиться разуму и увидѣть, какъ меня выставлять лжецомъ передъ людьми".—Слуги сдѣлали такъ, какъ имъ было приказано, претерпѣлъ благословенный Сервій такое суровѣйшее наказаніе съ благодарностію. Черезъ три дня Архіерей повелѣлъ развязать Сервія и его отвязали. Пошелъ Сервій къ Архіерею дѣлать метаніе, ибо у Архіерея такое было правило: класть метаніе Архіерею со смиреніемъ послѣ окончанія наказанія, чтобы получить прощеніе.

Другой разъ приказалъ Архіерей Сервію поставить трапезу; Сервій убралъ столъ на кухнѣ, чтобы подать его готовымъ, Архіерей же, видя убранство стола, сталъ придумывать, чтобы такое подыскать, за чтобы обругать Сервія. Въ то время, какъ Архіерей о семъ размышлялъ, поскользнулась нога у Сервія, и упалъ онъ вмѣстѣ со столомъ. Тогда Архіерею представился поводъ обругать его, и говоритъ онъ: „Что, злая главо, теперь опять я виноватъ въ этомъ? Почему ты не внимателенъ? Доколѣ будешь дуракомъ?.." — Архіерей приказалъ слугамъ, чтобы они связали Сервію руки и ноги, положили его въ канаву, такъ чтобы вода мочила его съ животомъ; въ канавѣ оставили Сервія до утра. Былъ-же тогда канунъ Богоявленія. И перенесъ благословенный Сервій съ благодареніемъ весь холодъ ночной. На утро Архіерей приказалъ его вынуть. Слуги спрашивали Сервія и говорили ему: „какъ не замерзъ ты въ такой сильный холодъ"?—Сервій отвѣчалъ: „Если-бы вѣдали мы тотъ тартаръ вѣчный и хладъ его, то никогда не обратили-бы вниманія на здѣшній холодъ; но, такъ какъ я не вѣдаю того вѣчнаго холода, то перемерзъ чрезвычайно, съ нетерпѣніемъ моимъ..." — По обычаю, пошелъ опять Сервій и положилъ метаніе Архіерею.

ГЛАВА VI.

Страшная кознь діавола, предпринятая имъ для того, чтобы подорвать въ Сервіи довѣріе къ отцу духовному и воспріемнику, архіерею. Суровая кара.

„Однажды архіерей послалъ Сервія на рынокъ за провизіей для кухни; Сервій взялъ, что требовалось, и дорогой повстрѣчалъ юношу; юноша спросилъ его: „поступаю къ Владыкѣ, приметъ-ли онъ меня?"— Сервій, не зная лукавства мальчика, сказалъ: „Не въ силахъ будешь переносить обращенія архіерея".—Говоритъ мальчикъ: „Это ты не въ силахъ, я-же буду въ силахъ справиться съ архіереемъ, потому, что я красивъ лицемъ и ловокъ въ услуженіи, тебя-же онъ не хочетъ держать, потому-то истязаетъ тебя чрезмѣрно, чтобы ты убѣжалъ отъ него. Ибо ты уродливъ и преклоненъ въ лѣтахъ".—Сказавъ это мальчикъ присовокупилъ къ сему и другія лукавыя слова, которыя объяли мысль

Сервія, и Сервій началъ псилафизоваться ими, т. е. вѣрить симъ прелестнымъ помысламъ плотского лукаваго мудрованія. Въ то самое время, когда онъ разговаривалъ съ юношей, случилось самому архіерею пройти мимо, (архіерей шелъ къ одному покойнику), и сказалъ архіерей слугамъ: «Видите вы этого злодѣя, разговаривающаго съ юношей?—знайте-же, что лукавая у нихъ бесѣда».—Архіерей прошелъ мимо. Сервій-же, какъ только увидалъ его, тотчасъ затрепеталъ, но архіерей сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ Сервія. Пришелъ Сервій домой, сталъ дѣлать свое дѣло на кухнѣ и сготовилъ то, что архіерей ему приказалъ. Черезъ нѣкоторое время архіерей возвратился съ похоронъ, прошелъ въ свои покои, чтобы немного отдохнуть, и сказалъ слугамъ: «Скажите этому злодѣю, чтобы онъ пришелъ сюда». — Слуги сказали Сервію, Сервій пришелъ къ архіерею. Говоритъ ему архіерей: «О, злая главо, я тебя на послушаніе посылаю, а ты съ молодыми разговариваешь? Послѣ разговора, что ты дѣлалъ? Какое послушаніе?»—Говоритъ Сервій: «Готовилъ наканунѣ, и готово у меня».—Говоритъ ему архіерей: «Скажи-ка мнѣ хорошо, правду, о чемъ ты разговаривалъ съ юношей? Я знаю, о чемъ вы говорили, но желаю, чтобы ты мнѣ сказалъ, чтобы видѣть, такъ-ли ты мнѣ передашь, какъ сказалъ мнѣ юноша или быть можетъ не такъ. Если скроешь отъ меня хотя одно слово, то знай хорошо что я поставлю тебя стоять на одной ногѣ 40 дней».—Услыхавъ такія слова, Сервій передалъ все, что разговаривали они съ юношей, сверхъ того сказалъ еще архіерею и сіе: «Когда я слушалъ это, то весьма соблазнялся помысломъ моимъ о тебѣ въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, порицалъ тебя за страсть влеченія къ юнымъ, думая что ради сего вы меня мучаете, дабы я убѣжалъ, чтобы избавиться отъ меня, ибо я не красивъ, а ты домогаешься взять себѣ юнаго, который былъ-бы красивъ». — Архіерей говоритъ: «Еще, что другое говорили?»—Сервій сказалъ: «Другого ничего больше не говорили. Во-вторыхъ, стали соблазнять меня помыслы (нечистые) отъ слышаннаго въ бесѣдѣ съ юношей». — Архіерей услыхавъ, что Сервій соблазнился въ помыслахъ отъ того, что слышалъ, весьма встревожился и сказалъ ему: «О, злая главо, самъ ты нечистъ, и обо мнѣ помышляешь, что я такой-же? О, сосудъ нечистый, развѣ не знаешь, что тотъ, который знакомится съ юными, будетъ оскверняться и въ чувствахъ своихъ, какъ и ты ощутилъ въ себѣ оскверненіе и нечистоту отъ собесѣдованія съ юношей? Такъ какъ ты нечистотою этой бесѣды осквернилъ мысль свою, услаждаясь мысленно отъ собесѣдованія съ юношей, то умой тѣло твое нечистое казнію человѣческою, дабы не была мучима вѣчно душа твоя демонами».—Сейчасъ-же повелѣлъ архіерей слугамъ и сказалъ: «Выройте одну яму, поставьте его въ ней стоймя, внутри, закопайте его въ землю до груди, а нечистое его кушаніе, (т. е. купленное на базарѣ и осквернившееся

отъ собесѣдованія), выбросьте передъ нимъ, вылейте на Сервія семь кадокъ воды, чтобы не провоняло это мѣсто отъ нечистаго тѣла его: пусть онъ будетъ совершенно нагъ, руки у него да будутъ связаны, чтобы онъ не вылѣзъ; голову и прочее тѣло его пусть вымажутъ коровьимъ каломъ, пойдите въ церковь сказать служащему, чтобы онъ созвалъ церковь, чтобы всѣ люди шли и оплевали его, какъ нечистаго, каковъ онъ и есть. Если-же къ утру онъ умретъ, то пусть его не поминають, какъ нечистаго. Чтобы никто не подходилъ и не разговаривалъ съ нимъ, но пусть онъ одинъ издыхаетъ, какъ нечистая скотина». Слуги сотворили, какъ приказалъ имъ архіерей и вернулись назадъ, оставивъ благословеннаго Сервія одного до слѣдующго дня.

И началъ тогда говорить себѣ Сервій: «Чуждъ ты, Сервій, и такъ чуждо-образно умерщвляешься ты. За то, что бесѣдовалъ съ юношей, посадили тебя, какъ безстыднаго, въ землю. Чуждъ ты, Сервій, и не надѣйся больше выйти отсюда! Терпи, Сервій, чтобы избѣжать тебѣ той огненной рѣки! Терпи, Сервій, чтобы освободиться тебѣ отъ той тьмы вѣчной! Терпи Сервій, чтобы временными муками освободиться тебѣ отъ вѣчныхъ мученій, которыя не имѣютъ конца, муки! Терпи Сервій, подними очи мысленныя твои къ небу и молись за несчастную душу твою!»—Это и другое многое говорилъ благословенный Сервій, пока не разсвѣло. Говорилъ и сіе: «Воззвахъ къ Тебѣ, Господи, теплѣ изъ глубины души моея, и да будутъ мнѣ на послушаніе Божественная Твоя ушеса».—И еще сіе: «Въ югъ сѣющіе слезами Божественными жнутъ радостію класы присноживотія».—И еще: «На небо очи пущаю моего сердца къ Тебѣ, Спасе, спаси мя Твоимъ осіяніемъ» (гл. 2).— И еще: «Внегда скорбѣти ми, услыши, моя болѣзни, Господи, Тебѣ зову» (гл. 1).—И еще: «Господи Боже мой! —на Тя уповахъ, спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя и избави, да не когда похититъ яко левъ душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу» (пс. 7).—Такъ всю ночь молился благословенный Сервій.

Архіерей послалъ слугу посмотрѣть, что дѣлаетъ Сервій; слуга пошелъ и увидалъ Сервія такимъ, какимъ его оставилъ вечеромъ; услыхалъ его мелодичную молитву, вернулся къ архіерею и сказалъ ему: «Владыко Святый! человѣкъ этотъ святой и ты наказываешь его несправедливо».—Архіерей воскликнулъ: «Замолчи, несчастный, да не изыдетъ въ другой разъ изъ устъ твоихъ такое слово, иначе зло изгоню тебя. О, злая главо!—какая святость имѣется въ немъ? Прекрасно знаешь, что онъ сосудъ нечистый, еще меня испачкалъ къ тому! Или у тебя больше разсужденія, нежели у меня? Смотри-же хорошенько, чтобы я не услыхалъ больше похвалъ ему отъ устъ твоихъ. Оставь его, пусть онъ издыхаетъ, какъ нечистое животное; ступай готовить на кухню и не будь больше озабоченъ касательно смерти Сервія».

Архіерей остался одинъ въ комнатѣ, славя Бога, который не по-

пустилъ Сервію возроптать, ибо Сервій вмѣсто ропота благодарилъ Бога разными пѣснями и славословіями. Когда такъ думалъ въ себѣ архіерей, нѣкто пришелъ и спросилъ архіерея объ одномъ дѣлѣ, архіерей далъ ему отвѣтъ и тотъ ушелъ. Архіерей говоритъ слугѣ: «Пойди, скажи такому-то человѣку, чтобы онъ шелъ сюда, а, если его нѣтъ, тогда скажи эпитропу, чтобы пришелъ». — Отправился слуга, нашелъ эпитропа именемъ Матѳея и сказалъ ему: Матѳей пошелъ къ архіерею; поздоровались они другъ съ другомъ. Архіерей сказалъ Матѳею: «Одну тайну имѣю я тебѣ сказать».—Матѳей: «Говоритъ Святый Владыко».— Говоритъ архіерей: «вотъ есть у меня одинъ развратный слуга, обезчестившій меня въ міру».—Говоритъ Матѳей: «Что онъ сдѣлалъ тебѣ, Святый Владыка?»—Архіерей: «Я его по дѣлу посылалъ, а онъ ходитъ да мальчиковъ соблазняетъ; какую женщину ни найдетъ, садится съ ней на дорогѣ и шутитъ съ ней».—Матѳей: «Не хорошо то, что онъ дѣлаетъ, Святый Владыко. Надо тебѣ наказать его».—Архіерей: «Иди, господинъ Матѳей!—посмотри, какое ему у меня наказаніе и какъ наказанъ онъ. Сходи на огородъ, чтобы тамъ увидѣть его и скажи ему, что, если онъ дастъ обѣщаніе не разговаривать больше ни съ какимъ юнымъ и ни съ какою женщиной, то я освобожу его оттуда, а, если нѣтъ, то оставлю тамъ, пока до костей не истлѣетъ на мѣстѣ томъ».—Матѳей пошелъ сказать это; искалъ Сервія въ саду, но не находилъ: вдругъ услыхалъ впереди себя одно стенаніе, смотритъ и видитъ Сервія въ страшномъ видѣ, въ землѣ, зарытымъ до груди; весь онъ замазанъ коровьимъ каломъ. Задрожалъ Матѳей, трясясь прибѣжалъ къ архіерею и говоритъ ему: «Что это сдѣлалъ ты со мной сегодня, Владыко Святый? Или совсѣмъ съ ума меня свести хочешь?»—повѣдалъ Матѳей архіерею, въ какомъ ужасномъ положеніи онъ видалъ Сервія и о страхѣ, который при этомъ испыталъ. Архіерей говоритъ: «Иди и не бойся».—Матѳей говоритъ: «Не въ силахъ я идти. Хотя-бы ты одарилъ меня всѣми сокровищами церковными».— Архіерей говоритъ ему: «А, если слуга пойдетъ вмѣстѣ съ тобою?»— Матѳей говоритъ: «Пойду».—Архіерей повелѣлъ слугѣ идти вмѣстѣ съ Матѳеемъ. Сервій казался Матѳею дикимъ и безобразнымъ, когда Матѳей сталъ говорить съ нимъ. И сказалъ Матѳей Сервію: «Архіерей послалъ меня сказать тебѣ: если ты сдѣлаешь обѣтъ не разговаривать впредь ни съ какимъ юношей и ни съ какою женщиною, ниже на привѣтствіе отвѣчать, то я освобожу тебя отсюда».—Сервій: «Но, если онѣ сами со мной будутъ говорить, что мнѣ тогда дѣлать?»—Матѳей: «Не говори съ ними и не давай имъ отвѣта. Сдѣлаешь-ли то, что я говорю тебѣ?»—Сервій: «Сдѣлаю, если того желаетъ Владыка».— Если архіерей хочетъ, пусть вынимаетъ меня; если не хочетъ, пусть не вынимаетъ, я-же больше ни съ юношей ни съ женщиной разговаривать не буду».—Матѳей пошелъ и сказалъ архіерею, что Сервій

обѣщался все соблюдать. Архіерей повелѣлъ тогда слугамъ вынуть Сервія, омыть, одѣть и привести его къ архіерею, Сервій сдѣлалъ по обычаю метаніе. Архіерей говоритъ ему: „Какъ понравилась тебѣ яма, въ которой ты былъ закопанъ?"—Сервій: „Не хорошо, Владыко, но что дѣлать, разъ такъ случилось!"—Архіерей: „Въ другой разъ будешь знакомиться съ юношей или разговаривать съ женщиною?"—Сервій: „Отнынѣ и впредь никогда больше не буду разговаривать ни съ юношею, ни съ женщиною". —Архіерей: „Смотри-же, несчастный, чтобы я не слыхалъ больше когда-либо того, что бесѣдуешь ты съ женщиной или съ юнымъ. Смотри хорошенько, иначе я посажу тебя въ стокъ городскихъ нечистотъ, чтобы оскверняль тебя весь городъ, чтобы тамъ внутри ты издохъ и пропалъ, какъ скотъ. Тогда избавлюсь я отъ тебя сумасшедшаго!"—И соблюдалъ благословенный Сервій повелѣніе архіерейское до самой смерти, никогда не разговаривая больше ни съ юношей, ни съ женщиной. За бесѣду съ юношей архіерей жестоко наказалъ Сервія потому, что страшился отвѣта предъ Архангеломъ Божіимъ Михаиломъ, который, передавъ ему Сервія, сказалъ: „Отъ рукъ твоихъ я взыщу его, да возвратишь мнѣ его спасеннымъ душею и тѣломъ".—Сего ради архіерей такъ наказывалъ его, не изъ за страсти враждебной, а ради спасенія его.

Въ три года сдѣлалъ архіерей благословеннаго Сервія такимъ, что остались у него кожа да кости, ибо за эти три года не проходило ни одной недѣли безъ какого-либо наказанія; отъ многихъ наказаній Сервій сдѣлался столь безобразенъ, что каждому противно было даже глядѣть на него.

Ради такого мужественнаго терпѣнія Сервіемъ столькихъ мукъ вострепетали весьма демоны и замыслили новую кознь на благословеннаго Сервія.

ГЛАВА VII.

Діаволъ воздвигъ на Сервія страшную клевету. Торжество истины и конецъ искуса.

Однажды архіерей послалъ Сервія на рынокъ за покупками; когда Сервій шелъ туда, повстрѣчался на дорогѣ съ юношей изъ инославныхъ; юноша началъ соблазнять Сервія; когда онъ такъ съ Сервіемъ заигрывалъ, то поскользнулся и упалъ въ грязь. Поднявшись изъ грязи запачканный юноша пошелъ къ архіерею и сказалъ ему: „Вотъ какой у тебя слуга, Владыко Святый, смотри, что онъ со мной сдѣлалъ".—Спрашиваетъ архіерей: „Какъ это случилось?"—Юноша говоритъ: „Не зная нрава его, я проходилъ мимо его безъ опаски, онъ же схватилъ

меня, обнялъ, поцѣловалъ, кромѣ того укусилъ меня въ лицо; отъ сильной боли я разсердился, старался вырваться и убѣжать, но онъ не выпускалъ меня, втащилъ въ переулокъ и сталъ валить на землю, чтобы меня обезчестить; видя это, я вырвался, чтобы убѣжать, упалъ въ грязь, онъ же, увидавъ меня испачканнымъ, оставилъ меня и убѣжалъ. Хорошо ли это, Владыко мой, не безчестится-ли этимъ честь твоя?"—Архіерей, не вѣдая злости этого юноши, разгнѣвался вельми на Сервія и спросилъ у юноши: „Чей ты сынъ?" – Мальчикъ отвѣчалъ: „Отца у меня нѣтъ, вѣры же я аріанской".—Говоритъ архіерей мальчику: „Иди съ миромъ, а, когда Сервій придетъ, то я накажу его, какъ слѣдуетъ".—И удалился мальчикъ съ лукавствомъ своимъ.

Когда же Сервій возвращался съ рынка, встрѣтилась ему лукавая молодица; по дѣйствію діавольскому она влюбилась въ Сервія и съ лукавствомъ сказала ему: «Благослови меня, отче, чтобы мнѣ родить, ибо не могу родить, пока ты меня не благословишь».—Сервій, имѣя въ умѣ своемъ обѣщаніе данное архіерею, ничего не отвѣчалъ ей; она же, видя, что онъ не даетъ ей отвѣта, взглянувъ вверхъ и внизъ (по дорогѣ), и никого не видя, схватила вдругъ Сервія, повалила его на землю, упала на него, и начала сейчасъ же кричать; люди, услыхавъ крики, сбѣжались съ палками и накинулись на Сервія, предполагая, что Сервій хотѣлъ ее изнасиловать; избили его до того, что сталъ онъ какъ мертвый и принесли къ архіерею связаннымъ. Когда архіерей увидалъ такое дѣло, то страхъ овладѣлъ имъ; воскликнулъ архіерей и сказалъ людямъ: «Развѣ не знаете вы, что онъ смысломъ дуракъ и сумасшедшій? [1]) Видя, что онъ такой сумасшедшій, зачѣмъ вы его такъ избили? Почему вы его сейчасъ же не привели, какъ только поймали? Теперь, что я съ нимъ буду дѣлать, когда вы его убили?»—И, на самомъ дѣлѣ, у благословеннаго Сервія всѣ ребра были сокрушены. Сказавъ это архіерей прогналъ людей, которые принесли Сервія и заперъ дворъ свой.

Однако всевидящій Богъ вскорѣ же явилъ чистоту души и сердца благословеннаго Сервія.

Архіерей сказалъ слугамъ: „Да придетъ сюда Сервій". Хромая пришелъ благословенный Сервій къ архіерею. Архіерей говоритъ ему: „Что это, злая глава? что я слышу о тебѣ? Доколѣ будешь безчестить меня предъ людьми"? Говоритъ слуга: „Послушай, Владыко Святый! ни мало не вѣрю я тому, чтобы благословенный Сервій сдѣлалъ такое дѣло". Говоритъ архіерей: „Спроси у него и, если самъ онъ скажетъ, что это онъ сдѣлалъ, что мнѣ тогда подобаетъ сотворить съ нимъ?

---

[1]) Архіерей очень часто именуетъ благословеннаго Сервія „сумасшедшимъ", давая прикровенно понять, что Сервій имѣетъ „мудрость отъ Бога", и, наоборотъ, „мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ" (1 Кор. 3, 18 19).

Слуга говоритъ: „Если онъ это сдѣлалъ, то пусть 40 дней будетъ зарытъ въ отхожей ямѣ до шеи, а я пусть сорокъ дней буду таскать воду въ саду“. Спросили Сервія, правда ли то, въ чемъ его обвиняютъ? Сервій, несмотря на великую болѣзнь свою, по простотѣ своей а наипаче ради любви ко Христу, сказалъ: „Да, все это сдѣлалъ я“. Говорятъ слуги: „Допустимъ, что соблазнялъ ты молодицу, но что тебѣ за нужда была (трогать) мальчика?“ Говоритъ благословенный Сервій: „Взглянувъ на его лицо, я побѣдился по немощи человѣческой, сдѣлавъ съ ними то, что повѣдалъ онъ вамъ, возвращаясь же встрѣтилъ по дорогѣ молодицу и, имѣя въ сердцѣ своемъ страсть еще послѣ того мальчика, былъ побѣжденъ бранію плоти, повалилъ молодицу и сдѣлалъ съ ней то, что вы слыхали отъ людей, которые меня избили. Когда меня били, то отъ страсти плотской я, ничего не чувствовалъ; теперь же, когда страсти во мнѣ больше нѣтъ, бока мои болятъ такъ, что я не въ силахъ и встать отъ боли“. Архіерей говоритъ слугѣ: „Теперь, злая глава, что съ тобой слѣдуетъ дѣлать? Ступай въ садъ и до сорока дней исполняй обѣщаніе свое, потомъ приходи положить метаніе и получить прощеніе за дерзость твою“. Архіерей приказалъ другимъ слугамъ, чтобы они обнажили Сервія и поставили его на сорокъ дней въ отхожую яму, чтобы онъ былъ бы погруженъ въ нее до шеи, а другой человѣкъ стоялъ бы сверху надъ нимъ, имѣя при себѣ одинъ большой камень, который держалъ бы на краю ямы надъ головою Сервія, чтобы, если увидитъ, что Сервій будетъ вылѣзать, сейчасъ же положилъ бы камень на голову ему, чтобы придерживать его въ ямѣ. Сотворили слуги, какъ повелѣлъ имъ архіерей и, оставивъ Сервія одного, ушли. Потомъ сказалъ архіерей одному рабу, который былъ вѣренъ ему и имъ любимъ. „Пойди, посмотри, что дѣлаетъ Сервій, не окажетъ ли Богъ милости ему? Великій камень пусть будетъ у тебя въ рукахъ, согласно словамъ моимъ, но бросать камень въ Сервія не надо, а только держи камень при себѣ ради устрашенія; неси эту службу до сорока дней; за терпѣніе тобой (труда сего) я одарю тебя трехлѣтнимъ жалованіемъ и да будетъ служеніе твое во страхѣ Божіемъ“. Рабъ обѣщался исполнить это, взялъ благословеніе и пошелъ. Говоритъ ему архіерей: „Смотри же, никуда не уходи оттуда до сорока дней, а пищу я буду посылать тебѣ“.

Слуга пошелъ, нашелъ Сервія такъ, какъ его оставили и сказалъ: „Возмогай, Сервіе, но только не вылѣзай на верхъ, потому что камень стоитъ на вѣсу надъ головой твоей и готовъ совсѣмъ тебя погрузить. Крѣпись же, кричи и говори, что тебя напрасно оклеветали“. Еще многое другое, слова утѣшительныя и убѣдительныя говорилъ онъ ему, но благословенный Сервій ни одного слова ропота не вымолвилъ противъ архіерея и только молилъ Бога, чтобы эта кара была къ очищенію души его, дабы невозбранно войти ему въ вѣчные кровы.

Такъ провелъ Сервій семь дней въ томъ зловонномъ мѣстѣ. Когда посадили Сервія въ наказаніе, въ тотъ же часъ стали бѣсноваться мальчикъ и молодица; жалостнѣйшимъ образомъ кричали они день и ночь. Отстояли другъ отъ друга далеко около двухъ миль. Они мучались горчайше и никто не зналъ причины. На седьмой день своихъ терзаній мальчикъ воскликнулъ и сказалъ (его устами бѣсъ). „Если не поведете вы меня ко Владыкѣ Христіанскому, то не выйду я и не оставлю его, а буду его мучить, пока не умерщвлю“. Родные употребляли было всякія средства, чтобы исцѣлить его, но онъ еще хуже терзался и говорилъ: „Если сейчасъ же меня не поведете къ Владыкѣ Христіанскому, то я задушу его.“ Родные, видя стоны мальчика, повели его связаннымъ ко Владыкѣ Христіанскому. Архіерей увидалъ мальчика и узналъ, что это тотъ самый, который оклеветалъ Сервія. Мальчикъ возопилъ и сказалъ: „Выйми Сервія изъ ямы нечистоты; неправедно оклеветалъ я его, такъ какъ онъ меня и рукой не тронулъ и никакого слова мнѣ не отвѣчалъ“. Промолвивъ это, мальчикъ былъ сейчасъ же поверженъ бѣсомъ на землю; смотрѣли на него архіерей и всѣ тамъ бывшіе. Архіерей сказалъ „Оставьте его, пусть онъ лежитъ, пока не прочтемъ мы вечерни“. Когда говорилъ это архіерей, раздался еще другой крикъ со стороны дома; смотрятъ и видятъ, какъ ведутъ одну молодую женщину, связанную цѣпями и кричащую: „Злой Владыка! выйди, да скажу тебѣ! Гдѣ ты Владыка? Выйми Сервія изъ зловонія, ибо я сама его толкнула, я сама сдѣлала то, въ чемъ неправедно оклеветала его; онъ же отнюдь не соблазнялъ меня, даже слова мнѣ ни одного не сказалъ“. Вымолвивъ это молодая женщина была тотчасъ повержена бѣсомъ на землю какъ и мальчикъ, сдѣлалась какъ мертвая и потомъ билась трое сутокъ.

Архіерей повелѣлъ вынуть Сервія изъ мѣста наказанія, омыть его теплой водой, надѣть на него бѣлье и потомъ привести къ себѣ. Слуги пошли вынимать его, но не въ силахъ были даже заглянуть въ яму отъ невыносимаго зловонія, слышали лишь нѣкое благозвучное пѣніе со словами: „Пріидите, возрадуемся Господеви“ и другія иныя разныя пѣснопѣнія. Когда они говорили между собою, Сервій воскликнулъ: „Что такое?“ Слуги говорятъ ему“: „Насъ послалъ архіерей вынуть тебя“. Сервій говоритъ: „Да будетъ воля архіерея“. Спустили лѣстницу, вышелъ по ней Сервій до половины и стоялъ, пока его не облили водою и не омыли; потомъ поднялся выше, его еще лучше обмыли мыломъ, потомъ обмыли отваромъ изъ васильковъ; вымывъ намастили тѣло разными благовонными мурами; потомъ одѣли и, возложивъ на одръ, принесли (въ домъ) къ архіерею; съ нимъ вмѣстѣ пришелъ и сторожъ его. Сторожъ возвѣстилъ архіерею все подробно, какъ Сервій молился и какъ благодарилъ за все, все терпя и ни мало не

ропща. Архіерей сказалъ слугамъ: „Пойдите, отдохните, а черезъ три часа приведите его мнѣ сюда“.

Архіерей пошелъ въ церковь, разодралъ свои одежды и, ставъ предъ иконой Іисуса Христа, возопилъ: „Господи, Іисусе Христе, щедрый и милостивый ко всѣмъ во истинѣ Тебе призывающимъ, Царю Небесный, Вседержителю! того, котораго Ты послалъ ко мнѣ, недостойному рабу Твоему съ чиноначальнымъ рабомъ Твоимъ, да соблюду его чистымъ и неоскверненнымъ, я, по злому своему и немилосердому расположенію, поставилъ въ зловонія нечистотъ. Прости меня, Блаже, и помилуй по великой милости Твоей“.

Когда архіерей это вымолвилъ, то услыхалъ внѣ церкви крики и шумъ; вышелъ посмотрѣть, и видитъ обоихъ бѣсноватыхъ, которые кричали и говорили: „Куда пойдемъ? Идетъ жезлъ желѣзный на главу нашу, увы намъ! Идетъ, идетъ съ веліей силой Сервій, чтобы изгнать насъ! Умоляемъ тебя, Сервій, не приходи сюда, пока мы не убѣжимъ!“ Видитъ архіерей, идетъ Сервій положить по обычаю метаніе; тотчасъ же архіерей первый положилъ земной поклонъ прежде, нежели успѣлъ положить поклонъ Сервій, и воскликнулъ архіерей веліимъ гласомъ: „Прости меня, возлюбленный рабъ Божій! ради злой моей жестокости и немилосердія перенесъ ты столько разныхъ смертоносныхъ мукъ и казней, чуть не до смерти, несправедливо. Прости мнѣ мои прегрѣшенія, возлюбленный рабъ Божій!“

Проситъ и Сервій по обычаю прощенія, проситъ и архіерей у Сервія прощенія за наказаніе; такъ остаются они ницъ на землѣ до трехъ часовъ, прося прощенія другъ у друга и ни одинъ не желая первымъ встать. И вотъ опустился на нихъ голубь златокрылый, сталъ между ними положивъ одно крыло на главу архіерея, а другое на главу Сервія; голубь сказалъ имъ: „Богъ да проститъ васъ обоихъ; миръ вамъ“. Перелетѣлъ голубь, мало присѣлъ на молодой женщинѣ; потомъ возлетѣлъ высоко и сталъ невидимъ. Поднялись съ земли архіерей и Сервій, обнялись и облобызали другъ друга духовнымъ лобзаніемъ. Взглянулъ архіерей на обоихъ бѣсноватыхъ, которые бились на землѣ, пожалѣлъ о нихъ и сказалъ Сервію. „Прости, благій рабе Божій и сихъ людей, которые, по навожденію діавольскому, оклеветали тебя“. Сервій, внявъ словамъ архіерея, сдѣлалъ трижды крестное знаменіе и сказалъ: „Богъ да проститъ васъ.“ Съ этимъ словомъ усилилось ихъ бѣснованіе и крики; до трехъ часовъ кричали они, терзаемые бѣсами; черезъ три часа встала молодая женщина, тотчасъ пала къ ногамъ Сервія и просила прощенія. Сервій говоритъ „Богъ да сохранитъ тебя отъ бѣса блуднаго и да сокрушитъ будущія (лести) тщеславія“ (сіе сказалъ Сервій, провидя ея будущее преуспѣяніе въ подвижничествѣ). „Встань и ходи!“ О человѣколюбіе Спасителя Христа! тотчасъ встала молодица и пошла.

Видитъ и мальчика Сервій, что мучается онъ и сказалъ „Блаженни непорочніи въ путь ходящіе“. Пошелъ Сервій къ архіерею; мальчикъ сдѣлался мертвъ; взяли его родные и похоронили. Молодая же женщина отправилась въ домъ свой, оставила все мірское воздѣлываніе суемудренныхъ и ушла въ женскій монастырь. Тамъ облеклась она въ монашескую схиму, славя и воспѣвая Бога, Который сподобилъ ее монашеской жизни.

ГЛАВА VIII.

Приготовленіе Сервія къ монашеству. Поученія архіерея Сервію и его будущему старцу. Передача его этому старцу.

До трехъ недѣль оставался Сервій посемъ у архіерея; архіерей излагалъ ему поученія о монашеской жизни съ разными сказаніями изъ жизни древнихъ отцовъ о ревности ихъ подвижничества: когда они такъ собесѣдовали другъ съ другомъ, уязвлялось сердце благословеннаго Сервія любовію къ монашеской жизни, и сказалъ онъ: „Позволь, отче, и мнѣ успокоиться въ монашеской жизни и поревновать о пути спасенія“. Архіерей говоритъ: „Хорошее дѣло избралъ ты, благословенное чадо мое, но трудное; боюсь я, какъ бы ты въ бѣду не попалъ бы въ немъ“. Говоритъ Сервій: „Доброе слово изрекъ ты мнѣ, отецъ мой, такъ какъ это и должно послѣдовать со мной, ибо человѣкъ я грѣшный“. Архіерей увидалъ смиреніе Сервія, подивился ему и сказалъ: „Поищемъ мѣста благопріятнаго, мирнаго тихаго для помысловъ. Вотъ и духовникъ тоже желаетъ безмолвствовать, идите вмѣстѣ; лучше вамъ находиться вдвоемъ, нежели быть тебѣ одному. Вотъ духовникъ, о которомъ я знаю, что онъ такъ господствуетъ надъ страстями своими, какъ никто другой; онъ цѣломудръ въ мысляхъ и воздержанъ отъ страстей; если же яко человѣкъ имѣетъ какія либо слабости человѣческія, то тебѣ подобаетъ терпѣть, дабы не потерять труда своего. Только внимай, чадо мое, такъ какъ путь сей есть узкій и прискорбный; сего ради подобаетъ тебѣ побѣждать терпѣніемъ, ибо діаволъ никогда не успокаивается, никогда не ѣстъ и не отдыхаетъ, но постоянно стремится побѣдить и схватить душу человѣка. Такъ долженъ безпрестанно бороться и монахъ, чтобы побѣдить и войти въ царствіе небесное. Ибо діаволъ постоянно ведетъ брань, чтобы побѣдить (ревность) монаха и не допустить иноку войти въ царствіе небесное.

Итакъ, соберемся, чадо мое, поискать какого либо спокойнѣйшаго мѣста, чтобы тамъ безмолвствовали вы съ духовнымъ вашимъ отцомъ. До трехъ лѣтъ твори ему терпѣніе, (т. е. неси отъ него монашескій искусъ), потомъ пріими премного-честнѣйшую и святую схиму монаше-

ской жизни, ибо ненаказаніе безобразитъ ее; поэтому, послушайся меня, чадо мое (и потерпи искусъ), такъ какъ наученіе монашеской жизни постигается гоненіемъ, алчбой, жаждой, наготой, клеветой и другими многими скорбями, случающимися въ жизни. Если ты въ силахъ переносить всѣ эти скорби безъ всякаго ропота и побѣждать ихъ наукою терпѣнія, тогда принимай монашескую жизнь съ Божественной и Ангельской схимой. Постригайся не только для того, чтобы красоваться черной рясой, какъ лицемѣры; да будутъ и одежды твои траурныя; не услаждай себя никогда новенькими рясами, но, какъ странникъ, (каковъ ты еси), носи и одежду странническую, пока не достигнешь отечества небеснаго и тогда облечешься въ ризы, которыя купилъ себѣ терпѣніемъ твоимъ во время земного странствія твоего. О, чадо мое, что за польза отъ очерненія только тѣла нашего съ угрюмымъ лицемѣріемъ, если воздѣлыванія терпѣнія имѣть не будемъ? Нетерпѣніе наше погружаетъ насъ во глубину непокорства и всякихъ словооправданій. Послушай меня, чадо мое, прошу тебя я, недостойный! если ты не намѣренъ творить терпѣнія, переносить скорбей и тѣснотъ, то не принимай преукрашающей ангельской схимы, ибо потомъ за нетерпѣніе твое, эта благоукрашающая сдѣлается для тебя [1]) уродящей. Ради сего я говорю тебѣ, чтобы ты твоимъ терпѣніемъ пребылъ бы въ искусѣ у духовнаго отца, бывалъ бы отъ него огорчаемъ богатящими огорченіями каждый день до трехъ лѣтъ, чтобы потомъ сдѣлаться монахомъ благоукрашеннымъ и душею и тѣломъ". Этому и многому другому наставлялъ его архіерей въ теченіи вышеупомянутыхъ трехъ недѣль. Когда прошли эти три недѣли, архіерей сказалъ слугамъ: „Пойдите, скажите духовнику, чтобы онъ пришелъ сюда". Слуги пошли и позвали духовника. Пока они за нимъ ходили, архіерей спросилъ Сервія: „Отчего ты сказалъ мнѣ тогда ложь, что соблазнялъ молодую женщину и мальчика, сдѣлавъ себя безъ вины виноватымъ? Я повѣрилъ тому и ты безвинно принялъ столькія муки". Сервій отвѣтилъ: „Во-первыхъ, ради любви къ Господу нашему Іисусу Христу; во-вторыхъ, потому, что, еслибы я сказалъ тебѣ правду, то ты мнѣ не повѣрилъ бы". Архіерей говоритъ; „Да, правда, не повѣрилъ бы" Сервій:—„А, такъ какъ все равно ты не сталъ бы вѣрить, если бы я сказалъ тебѣ правду, то я сказалъ тебѣ ложь, принявъ на себя неправедную клевету, которой ты вѣрилъ, но вышло къ лучшему, такъ какъ ты убѣдился, что я не могъ быть такимъ преступникомъ".

Во время этой бесѣды пришелъ духовникъ; послѣ взаимнаго привѣтствія, Архіерей взялъ духовника, посадилъ передъ собою и, побесѣдовавъ, сказалъ Сервію: «Выйди немного вонъ, ибо мнѣ надо исповѣдаться».—Сервій вышелъ, и они остались вдвоемъ. Тогда говоритъ

---

[1]) Т. е. будетъ тягостной.

Архіерей духовнику, (сказавъ ему предварительно о своемъ намѣреніи поселить его въ пустынѣ съ Сервіемъ): «Что скажешь, духовниче, окажешь-ли сію любовь, такъ какъ я сказалъ?»—Говоритъ духовникъ: «Тяжко и преопасно это дѣло приходится мнѣ Владыко Святый».—Говоритъ Архіерей: «Представь мнѣ тяготы и опасности твои, самъ-же пекись лишь о душѣ брата твоего и о тѣлѣ его, о душѣ,—стараясь спасти ее духовнымъ окормленіемъ, о тѣлѣ,—стараясь не жалѣть его, не давать ему вознерадѣть, наказывать его, слѣдить за нимъ и требовать съ него.

Итакъ, до трехъ лѣтъ испытывай Сервія съ Божественною суровостію, пока не сдѣлаешь его монахомъ. Не давай ему ни малѣйшей смѣлости, отнюдь не давай ему покоя и безпрестанно проявляй свою власть надъ нимъ, не попускай ему тщеславиться, ни свободно обращаться съ тобою, ибо свобода обращенія дѣлаетъ послушника подобнымъ разнузданному коню, ибо, поскольку конь прекрасенъ, когда у него уздечка па головѣ, постольку-же и безобразенъ, когда узда съ него снимется, подобнымъ сему дѣлается и послушникъ, когда возьметъ смѣлость и свободу въ обращеніи, (наипаче, къ своему старцу), тогда въ немъ не останется вовсе благопристойности и почтенія.

Послушай, духовниче, когда наложена узда на животное, сдѣлаетъ-ли оно какое безчиніе? Очевидно, оно безчинія не сдѣлаетъ, но постоянно будетъ смиряться и терпѣть, чтобы ты съ нимъ ни дѣлалъ. Если-же его совсѣмъ выпустить изъ рукъ, что оно тогда сдѣлаетъ?—Очевидно вредъ, а не пользу. Тоже и съ послушникомъ. Послушникъ прекрасенъ, когда слушается старца своего, смиряется и терпитъ, когда старецъ не даетъ ему творить волю свою. Но, если старецъ не будетъ обуздывать послушника, послушникъ будетъ попирать своего старца, будетъ старцемъ повелѣвать, старецъ-же самъ станетъ послушникомъ своего послушника. Потомъ, когда Богъ взыщетъ отчетъ отъ старца, что тогда дѣлать будетъ старецъ, не владѣвшій ни своею волей, ни своею властью но самъ бывшій послушнымъ послушнику своему? Если у старца нѣтъ никакого пристрастія, (внѣшняго, или внутренняго, или малаго, или большого) къ послушнику своему, то онъ никогда не дастъ послушнику творить воли своей, но всегда будетъ держать его во власти старческой. Ради сего, прошу я тебя, чтобы ты Сервія держалъ-бы во власти твоей, съ величайшею суровостію, до совершенія трехъ-лѣтняго искуса.

Испытывай непрестанно помыслы его, трижды, и четырежды въ день; да будетъ испытаніе твое вечеромъ, въ полночь, утромъ и въ полдень; подробно испытывай его относительно тщеславія, не искушается-ли онъ имъ, не бываетъ-ли имъ побѣждаемъ. Называй его всегда: «нечистымъ»; — тогда онъ будетъ вспоминать свое осужденіе, когда былъ въ грязи нечистоты. Если-же онъ проявитъ нерадѣніе,

тогда да поставленъ будетъ тобою на трое сутокъ на молитву, при чемъ опять испытывай, съ какими помыслами онъ стоитъ. Если онъ будетъ стоять съ благими помыслами, то пусть такъ и стоитъ до трехъ дней, въ противномъ случаѣ, если будетъ у него какой лукавый помыслъ; тогда поставь его только на одну ногу, а другую подтяни ему веревкой къ шеѣ. Тщательно испытывай всегда о осужденіи; если онъ кого осудитъ, намажь ему все лицо коровьимъ каломъ, чтобы вспомнилъ онъ, какъ былъ наказанъ, когда стоялъ закопанный въ землѣ и намазанный каломъ. Обращай вниманіе на то, чтобы онъ никогда не наѣдался до сыта хлѣбомъ, дабы не обновился въ немъ духъ (стремленія) къ погибельной блатности и духъ непокорства. Отнюдь не давай ему носить новенькихъ рясъ, ибо, если будетъ хорошо одѣтъ, то будетъ тщеславиться. Пусть всегда пребываетъ въ молчаніи; пусть ни мало, ни много, никогда не возражаетъ, ибо это проклятое прекословіе становитъ человѣка спорникомъ, спорливость-же дѣлаетъ его непокорнымъ, непокорство-же доставляетъ конечную погибель душѣ и тѣлу. Погибель-же вводитъ въ безстрашіе къ Богу. Небоязнь-же Бога вводитъ во тьмы развратныхъ страстей и въ тьмы злыхъ дѣлъ. Посему я и говорю тебѣ, чтобы ты отнюдь не предоставлялъ его волѣ своей, чтобы потомъ не быть тебѣ вмѣстѣ съ нимъ осужденнымъ. И ласковаго лица ему не кажи. Поскольку ты самъ кротокъ, постольку суровъ съ нимъ будь и всегда его испытывай. Когда же минетъ три года, тогда сдѣлай его монахомъ. Прошу и молю тебя, духовниче, порадѣй, чтобы братъ не погибъ душею и тѣломъ; я же постоянно буду имѣть заботу о всемъ тѣлесномъ для васъ, ты же всегда заботься лишь о душевномъ вашемъ спасеніи». — Послѣ сихъ наставленій Архіерея, духовникъ сказавъ: «Да будетъ воля твоя, Владыко мой», — всталъ и положилъ метаніе Архіерею. Архіерей же весьма возрадовался, видя, что духовникъ принялъ его внушенія, прослезился и сказалъ: «Прошу тебя, духовниче, позовемъ Сервія, чтобы мнѣ передать его тебѣ въ руки твои; да будешь ему какъ отецъ чаду, да правишь имъ, какъ отецъ чадомъ». — Тогда привелъ Архіерей Сервія предъ духовника и сказалъ ему: „Вотъ передаю я тебя въ руки духовнику, слушайся-же его. Слушая его, будешь меня слушаться, если-же преслушаешь его, то меня преслушаешь. Какъ онъ тебя ни накажетъ за что, что онъ съ тобою ни сдѣлаетъ, то я тебѣ дѣлаю. Только ты переноси все съ терпѣніемъ, чтобы ни дѣлалъ онъ съ тобой, хорошо зная, что, терпя ему, терпѣніе будешь творить мнѣ. Итакъ, чадо мое, положи метаніе отцу твоему“. — Положилъ благословенный Сервій метаніе, и облобызались они съ нимъ; послѣ того, какъ облобызались, сѣли. Говоритъ духовникъ: „Встань и положи метаніе Архіерею“. — Тотчасъ всталъ Сервій, положилъ поклонъ, поцѣловалъ руку, опять положилъ поклонъ и сказалъ: „Кланяюсь я тебѣ, Владыко, за окормленіе меня, странника, каковъ я есмь. Какъ

окормлялъ ты меня страннаго, такъ нынѣ не оставляй меня въ молитвахъ твоихъ; молись о насъ, чтобы мнѣ претерпѣть суровость духовнаго отца моего, какъ согласились вы въ вашемъ согласіи". Этими словами Сервій хотѣлъ сказать, что онъ самъ желаетъ того, о чемъ передъ тѣмъ въ тайнѣ говорилъ Архіерей духовнику и что Сервій проразумѣлъ.

ГЛАВА IX.

Поиски мѣста для скита Сервіемъ.

Архіерей говоритъ духовнику: „Будемъ собираться, чтобы поскорѣй отправиться искать спокойное мѣсто для вашего поселенія".— Архіерей приказалъ слугамъ приготовить семь животныхъ (верховыхъ) на утро, чтобы отправиться въ южную часть. Слуги говорятъ: „откуда намъ ихъ взять? кто намъ дастъ ихъ?"—Архіерей говоритъ: „Идите къ Іоанну, скажите ему, чтобы онъ нашелъ семь животныхъ, ибо Архіерей хочетъ отправиться въ южную сторону; скажи ему, что если онъ хочетъ, то пусть и самъ поѣдетъ".—Слуга пошелъ къ Іоанну, досталъ семь животныхъ и привелъ ихъ къ Архіерею. Архіерей говоритъ: „Гдѣ-же Іоаннъ?"—Слуга говоритъ: „Сейчасъ ему некогда, но вскорѣ придетъ".—Архіерей говоритъ: „Поставьте животныхъ, чтобы отдохнули, дайте имъ корму и готовьте все потребное".

Возсіялъ день и тронулись въ путь. Людей было: Архіерей, духовникъ, Сервій, Іоаннъ, Павелъ и слуга. Переваливъ, достигли они южной стороны и остановились въ одномъ мѣстечкѣ, называемомъ Питоріонъ; тамъ стали разспрашивать о искомомъ мѣстѣ, но никто не зналъ о немъ; только одинъ престарѣлый стодесятилѣтній старикъ нашелся, который сказалъ: „Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то пасъ овецъ; по преданію отъ отцевъ, то мѣсто называлось „Васмосъ". Однажды, когда мы потеряли двухъ овецъ, искали ихъ на верху и внизу и не находили, нѣкто сказалъ намъ: „Въ Васмосѣ Пресвятой есть двѣ овцы, одна черная, а другая бѣлая; онѣ такъ красивы, что всякому было-бы въ сладость поглядѣть на нихъ. Когда-же мы на нихъ смотрѣли, то одна бѣлая вдругъ почернѣла и до того стала красива, что намъ было пріятнѣе любоваться ею, чѣмъ дѣлать свое дѣло, какое слѣдовало. — Услыхавъ эти слова отъ человѣка, мы подумали, что это наши собственныя овцы, щедро заплатили человѣку, чтобы онъ довелъ насъ туда посмотрѣть; когда пришли на мѣсто, именуемое Васмосъ Пресвятой, то увидали двухъ овецъ—одну черную и другую бѣлую; когда мы подошли ближе, бѣлая сдѣлалась черной и до того стала красива, такъ засіяла ея шерсть, что отъ вида ея по-

меркли очи наши: вокругъ ея было множество ягнятъ, и всѣ черныя; мы подумали, что это цѣлое заблудшее стадо и вознамѣрились одну поймать, но раздался голосъ: „Не искушай овецъ, Іакове: сейчасъ пойду къ игемону и онъ накажетъ васъ“:—Услыхавъ, подумали мы, что это ихъ пастухи, оставили овецъ, ушли; на дорогѣ, когда возвращались, нашли мы нашихъ овецъ, которыя были потеряны. Это только и вѣдаю я, Владыко Святый, и это тебѣ говорю“.—(Прим.: Это видѣніе, какъ видно, было промыслительное; двѣ овцы прообразовали: черная—духовника (т. е. монаха), а бѣлая Сервія, который еще не былъ монахъ, потомъ же сдѣлался монахомъ, (т.-е. бѣлая овца сдѣлалась черной и засіяла полученной благодатію. Множество черныхъ барашковъ означало множество имѣвшихъ здѣсь собраться монаховъ).

Архіерей говоритъ: „Я дамъ тебѣ жалованіе за цѣлый годъ, если ты покажешь намъ то мѣсто; но берегись, чтобы никому не разсказать о тѣхъ овцахъ, которыхъ ты видѣлъ“, (т. е., чтобы Сервій и духовникъ, узнавъ о семъ пророческомъ видѣніи относительно ихъ, не вознеслись-бы самомнѣніемъ). Отыскали еще одно животное для сего старика и отправились на искомое мѣсто. Архіерей, раздумывая про изреченное Архангеломъ Михаиломъ о мѣстѣ будущаго обиталища Сервія, сказалъ старцу: „Знаешь-ли то мѣсто, гдѣ былъ монастырь? Мнѣ извѣстно, что здѣсь внутри былъ гдѣ-то монастырь Пресвятой, но, гдѣ именно, не знаю“.—Старикъ говоритъ: „И я не знаю сего“.—Нашли (въ долинѣ Васмосъ) одинъ старый домикъ и остановились въ немъ на три дня. Мѣстность понравилась; стали совѣщаться, и захотѣлось Архіерею самому поселиться здѣсь съ Сервіемъ, ибо возъимѣлъ онъ намѣреніе оставить Архіерейскую должность и остальное время жить въ подвигахъ. Когда онъ уже готовъ былъ (исполнить это), явился Ангелъ и сказалъ ему: „Не помышляй о дѣлѣ семъ, но заботься и паси овецъ церковныхъ, довольно съ тебя и этого дѣла. Постарайся-же о томъ, чтобы здѣсь сдѣлать нѣсколько келлій, одну церковь во Имя Богородицы и одну хлѣбную печь, ибо здѣсь соберется множество монаховъ ради этихъ двухъ“. Послѣ сихъ словъ Ангелъ тотчасъ вознесся. Говорилъ онъ какъ отрокъ, а вознесся какъ голубь. Тогда оставилъ свое намѣреніе Архіерей и сказалъ духовнику: „Вотъ я оставляю тебѣ все необходимое, самъ же теперь возвращусь, пришлю я тебѣ людей сдѣлать нѣсколько келлій и одну церковь во имя Успенія Богородицы; устрой кухню съ хлѣбною печью, пусть будетъ она попросторнѣе, мирствуйте здѣсь. Повѣрьте мнѣ, не будь на мнѣ архіерейства, не ушелъ-бы я обратно отсюда. Теперь-же мирствуйте; когда услышу я про васъ добрую славу, буду радоваться, какъ будто и самъ былъ вмѣстѣ съ вами“.—Сдѣлали взаимное цѣлованіе; заплакавъ горькими слезами, удалился Архіерей. Сталъ онъ пещись день и ночь, чтобы промыслить для духовника и Сервія все необходимое, такъ какъ мѣсто

было очень отдаленно. Послалъ мастеровъ, но потребнаго не зналъ, какъ туда посылать. Тогда спросилъ онъ Іоанна: „Какимъ образомъ будемъ посылать имъ потребное?"—Говоритъ Іоаннъ: „Я, Святый Владыко, совѣтую тебѣ купить такихъ полей, имѣній, и масличныхъ садовъ, которыя были-бы вблизи ихъ, чтобы могли они чрезъ это легко получать свое пропитаніе, ибо легко-ли найдешь каждый разъ человѣка, чтобы послать его въ такую даль". — Говоритъ Архіерей: „Повѣрь, господинъ Іоаннъ, ты сталъ для меня подобнымъ Іосифу Прекрасному; фараонъ сдѣлалъ Іосифа Прекраснаго господиномъ надъ всѣми дѣлами своими, а я дѣлаю тебя распорядителемъ надъ всѣмъ этимъ дѣломъ и даю тебѣ денегъ, чтобы ты купилъ разныхъ имѣній, какъ сказалъ, и былъ-бы начальникомъ надъ мастерами. Итакъ, вотъ получай два ока золота на расходы, которые будешь дѣлать". — Іоаннъ взялъ золото, положилъ метаніе Архіерею и пошелъ исполнять назначеніе свое; когда-же окончили мастера дѣло свое, привелъ ихъ къ Архіерею, тотъ щедро заплатилъ имъ, и они остались довольны.

Говоритъ архіерей Іоанну: «Какъ устроилъ ты хозяйство, господинъ Іоаннъ?»—Іоаннъ: «Набралъ разныхъ участковъ, виноградниковъ, масличниковъ и отдалъ ихъ на три года первому мѣстному помѣщику, чтобы онъ выдавалъ всякаго рода довольствіе братіямъ; если угодитъ, то всегда за нимъ останется». — Говоритъ архіерей: „Сдѣлалъ-ли ты хорошій контрактъ, чтобы потомъ не устроилъ онъ какого безчинія?"— Іоаннъ: „Мы все хорошо обусловили, но еще тебя спрашиваемъ, даешь-ли ты на сіе свое благословеніе?"—Архіерей говоритъ: „Все, что ты сдѣлалъ, хорошо устроено; только устрой навсегда, чтобы намъ не имѣть каждое трехлѣтіе столькихъ хлопотъ устраивать соглашеніе. Онъ же пусть владѣетъ и на слѣдующія трехлѣтія, согласно разъ навсегда утвержденному уставу владѣнія, если не нарушитъ договора; иначе отдадимъ другому". — Іоаннъ: „Повѣрь, Святый Владыко — весьма понравилось мнѣ это слово". — Архіерей: „Если понравилось, то и сотвори, какъ я тебѣ сказалъ". Іоаннъ сотворилъ, какъ сказалъ архіерей, устроилъ договоръ о трехлѣтіяхъ; братія стали къ нему посылать каждую пятницу и брать, что было условлено; каждую субботу и воскресеніе имѣли они общую трапезу, въ воскресеніе же вечеромъ брали въ свои келліи довольствія на пять дней, на двоихъ или на троихъ, потому что въ каждой келліи братія жили по-двое и по трое, (въ одномъ домикѣ); но комната у каждаго особая, ибо жить одному въ домѣ не позволяли.

Впослѣдствіи, когда распространилась слава Сервія, собралось множество братій, при духовникѣ же еще никого не было, кромѣ сихъ семи насельниковъ: Андрея, Павла, Іоанна, слуги, который сторожилъ Сервія въ сточной ямѣ, и еще того послушника, который, увидавъ терпѣніе Сервія, сказалъ архіерею, что онъ несправедливо мучаетъ его,

и еще другого, который таскалъ изъ колодца воду въ саду по случаю самооклеветанія Сервія. Былъ же Іоаннъ экономомъ, Андрей—поваромъ, Павелъ—трапезаріемъ; такъ исправлялось дѣло хозяйства, пока не освободился Сервій отъ послушанія.

ГЛАВА X.

Трехлѣтній монашескій искусъ Сервія и кончина духовника.

Послѣ трехъ лѣтъ духовникъ постригъ Сервія въ монахи великосхимники, но имени его не измѣнилъ, какъ не измѣнено оно было и при крещеніи, но оставилъ ему прежнее имя, т. е. „Сервія", чтобы онъ вспоминалъ свою жизнь, помнилъ къ какой вѣрѣ раньше принадлежалъ и въ какомъ устроеніи находится нынѣ, чѣмъ былъ и чѣмъ сталъ.

Но, прежде, нежели миновали эти три года, какою бранію боролся Сервій съ собою и съ діаволомъ, какими жестокостями каралъ его духовникъ и какую налагалъ на него суровую жизнь!.. Никогда не сказалъ онъ ему ласковаго слова, всегда говоря только съ угрюмостію и строгостію; никогда не далъ ему до-сыта хлѣбомъ наѣсться; Сервій вкушалъ только объѣдки и остатки отъ трапезы, которые трапезарь собиралъ и давалъ ему; если подавалось какое варево, то остатки сливали ему въ чашку, и онъ ѣлъ, пока не придетъ духовникъ, не выругаетъ его, не назоветъ „скотомъ ненасытнымъ", скажетъ: „вставай и убирайся отсюда!" —потомъ сдѣлаетъ выговоръ трапезарю, зачѣмъ далъ ему ѣсть много пищи и скажетъ, чтобы въ другой разъ давали ему поменьше, иначе Сервій отъ сытости будетъ дремать, (Сервій былъ „типикарь-церковникъ).

Однажды Сервій читалъ и задремалъ. Духовникъ говоритъ ему: „Оставь псаломъ и пойди почій!"—Сервій не понялъ смысла словъ духовника. пошелъ и легъ. Духовникъ, не находя Сервія на его мѣстѣ, пошелъ искать его и нашелъ спящимъ. Духовникъ: „Сервій!.."—Тотъ говоритъ: „Что угодно?" — Духовникъ: „Прочелъ ты послѣдованіе твое?" —Сервій: „Нѣтъ, сталъ дремать и прилегъ немного".—Духовникъ: „Пойди, позови эконома, чтобы пришелъ сюда". Пошелъ Сервій и привелъ его. Духовникъ сказалъ эконому: «Прошу тебя, господинъ Іоаннъ, поймай мнѣ этого плѣнника, привяжи его къ дереву, подвяжи ему одну ногу къ шеѣ, пусть до времени утрени стоитъ на одной ногѣ, чтобы освободиться ему отъ плѣна соннаго...»

Въ другой разъ, наканунѣ праздника Вайй, въ субботу Лазареву, пришлось Сервію читать въ трапезѣ съ нѣкоей напыщенностью. Говоритъ духовникъ одному брату: «Спроси у Сервія, съ какимъ помысломъ

онъ совершалъ чтеніе?»—Говоритъ братъ Сервію: „Сегодня ты очень насъ обрадовалъ чтеніемъ...“ — Сервій: „Я знаю, что читаю съ особенно трогательнымъ выраженіемъ, и мнѣ кажется, что я этимъ отличаюсь...“ — Говоритъ братъ: „А какую отмѣнность ты имѣешь?“— Сервій: „Если бы я не отличался этимъ, то не сдѣлали бы меня церковникомъ и чтецомъ, чтобы предлагать чтеніе въ трапезѣ...“—Услышавъ это, братъ повѣдалъ духовнику. Духовникъ говоритъ: „Скажи Іоанну, чтобы пришелъ сюда“. Пришелъ Іоаннъ и говоритъ ему духовникъ: „Возьми Сервія, намажь ему лицо коровьимъ каломъ, пусть такъ пойдетъ онъ въ мѣстечко Китры принести оттуда вайй, ибо Сервій отмѣнный, а для того, чтобы знали, что онъ отличенъ отъ прочихъ, намажь его каломъ...“ Іоаннъ сдѣлалъ какъ повелѣлъ духовникъ, и, когда Сервій вернулся назадъ съ ваіями, духовникъ говоритъ: „Не дай, господинъ Іоаннъ, Сервію снять съ себя кало; пусть остается оно на немъ до завтра, утромъ пусть беретъ онъ чтеніе въ трапезѣ, такой, какой сейчасъ есть, намазаннымъ, чтобы извѣстно было что онъ отличный чтецъ“.

Однимъ словомъ, Сервій перенесъ отъ духовника еще болѣе тяжкій канонъ, нежели отъ архіерея.

Когда окончились тѣ три года, духовникъ сдѣлалъ ему снисхожденіе, побесѣдовалъ съ нимъ ласково, цѣлую недѣлю утѣшалъ его повѣствованіями о Святыхъ Отцахъ, наставляя разными Божественными примѣрами; послѣ же постриженія излагалъ ему, какъ слѣдуетъ вести монашескую жизнь и говорилъ: „Избѣгай осужденія, имѣй всѣхъ въ одинаковой любви; чѣмъ хуже братъ, тѣмъ больше его люби, чтобы не погибъ онъ во злѣ своемъ, т. е. молись, всегда наставляй его на путь спасенія повѣствованіями отъ Святыхъ Отецъ, Божественныхъ Писаній и поученій церковныхъ; если исправится — пріобрѣлъ ты его, а, если не исправится, тогда отлучи его отъ братства, чтобы не заразились и другіе. (Т. е. духовникъ наставлялъ Сервія по постриженіи какъ править братствомъ). Испытывай о канонѣ ихъ и о послѣдованіи *), чтобы отъ службы никто не удалялся развѣ благословной причины, чтобы не похитило его какъ левъ нерадѣніе, не размололо бы его своими зубами отчаяніе не стиснула его глотка лѣности, и не погрузился бы онъ въ чрево небреженія, а тебѣ потомъ не дать за него отвѣта какъ пастырю за грѣхи церковныхъ овецъ“. И многому другому подобному поучалъ онъ его Божественными поученіями.

Послѣ трехъ недѣль по постриженіи духовникъ позвалъ Сервія и сказалъ ему: „Послушай, чадо мое, имѣю побесѣдовать съ тобою послѣднею бесѣдой. Берегись того, чтобы принять когда-либо молодого человѣка въ братство, дабы не проникъ внутрь семиглавый звѣрь мужестрастія, не похитилъ бы какъ левъ кого-нибудь изъ братіи и не

*) Т. е., наблюдай, чтобы всѣ исполняли свои иноческія обязанности.

размололъ бы его малакіей. Отнюдь не принимай также когда-либо и женщинъ, чтобы звѣрь прелюбодѣянія не похитилъ кого либо изъ братій и не смололъ его челюстями безстрашія Божія.

Сервій отвѣтилъ духовнику: „Невозможно это соблюсти, такъ какъ мы посреди міра; какъ можетъ статься чтобы не ходила никакая женщина или отрокъ? Если я не стану ихъ принимать, то это будетъ поводомъ къ соблазну. Прошу тебя, старче мой, сотворимъ деннонощную молитву къ Богу, чтобы Онъ оказалъ намъ сію милость и избавилъ отъ молодыхъ и отъ женщинъ“.—Старецъ сказалъ: „Но какъ сдѣлаемъ, если насъ потребуютъ въ это время братія?“—Сервій говоритъ: „Скажемъ братіи, что у насъ есть дѣло на трое сутокъ, чтобы насъ не требовали“.—Старецъ: „Хорошее это слово. Пойди же и позови Іоанна, чтобы пришелъ сюда“. Пошелъ Сервій и привелъ Іоанна. Говоритъ ему духовникъ: „Послушай, господинъ Іоаннъ, мы съ Сервіемъ имѣемъ дѣло на три дня; скажи братіи, чтобы насъ не требовали“.—Потомъ заперлись въ одномъ обособленномъ мѣстѣ. духовникъ и Сервій, и умоляли Бога о томъ; такое рвеніе показалъ при томъ Сервій, даже бѣсы содрогнулись. На разсвѣтѣ четверга оба они задремали и немного закрыли глаза; Сервію явился Ангелъ Господень и сказалъ: «Дерзай, Сервіе, и не бойся. Принялъ Богъ моленіе ваше и послалъ меня за-тѣмъ, чтобы объявить вамъ это; я возьму старца твоего; ты же оставайся на мѣсто его; ни юный, ни женщина, да не ступятъ въ скиту семъ; тотъ же кто захочетъ взойти изъ нихъ, сдѣлается прокаженъ».—Тотчасъ пришелъ въ себя Сервій, сталъ размышлять и, когда совсѣмъ очнулся, черезъ нѣкоторое время воззвалъ къ старцу своему и сказалъ: «Старецъ, разсвѣло!»—Старецъ же не отвѣчалъ; приблизился Сервій къ нему и повторилъ то же самое. Старецъ опять ничего не отвѣтилъ. Сервій понялъ, что онъ скончался. Тогда поднялъ Сервій старца со скамьи, на которой онъ лежалъ, положилъ на землю, пошелъ сейчасъ же къ Іоанну и говоритъ ему: «Старецъ мой умеръ».—Отвѣчаетъ Іоаннъ: «Что случилось съ нимъ, что онъ почилъ?»—Сервій пересказалъ тогда все то, что произошло у нихъ за это время и что говорилъ онъ со старцемъ.

ГЛАВА XI.

Чудесное явленіе Ангела во образѣ Іерея для похоронъ духовника.

Говоритъ Іоаннъ: «Нѣтъ у насъ іерея, что будемъ дѣлать? Есть іерей, да далеко. Пойдемъ, отпоемъ его, прочитаемъ псалтирь и похоронимъ какъ можемъ по силамъ нашимъ. Порадѣемъ о похоронахъ и Богъ да упокоитъ его».—Итакъ, когда шли они хоронить, нашли на дорогѣ одного священника, на видъ какъ будто плѣненнаго разбойни-

ками, который поэтому просилъ милостыню, чтобы откупиться изъ плѣна. Говоритъ ему Іоаннъ: «Имѣешь-ли священство твое?» (т. е. право священнодѣйствовать).—Явившійся іерей говоритъ: „Имѣю священство и эпитрахиль, но только имѣю нужду крайнюю и претяжкую“.—Говоритъ Іоаннъ: „Умѣешь-ли мертвыхъ погребать?“—Отвѣчаетъ іерей: „Да, умѣю, но только у меня съ собою эпитрахиль и фелонь, а остального потребнаго нѣтъ“.—Іоаннъ говоритъ: „У насъ есть все потребное, пойдемъ же только и похоронимъ его“.—Итакъ, приготовилъ Іоаннъ все потребное для погребенія, собрались и остальные братія. Тогда іерей вынулъ изъ-за пазухи своей фелонь и эпитрахиль, облачился въ нихъ, сдѣлалъ начало: «Благословенъ...», затѣмъ прочелъ: «Блаженны непорочніи» столь плачевно и трогательно, что всѣ люди прослезились. Потомъ погребли покойника въ могилу, вылили на него масло изъ лампады по чину церковному; іерей сказалъ все, что полагается по чину церковному, потомъ взялъ кадило и сдѣлалъ поминовеніе „Трисвятое“, т. е. высыпалъ содержимое кадила на могилу, потомъ, по обычаю, въ знакъ братской любви, для проводовъ покойнаго протянули всѣ одну четку. Затѣмъ іерей произнесъ дивное слово о смерти человѣческой и прекрасно поучалъ монаховъ отрѣшаться отъ всего земного.

Послѣ того онъ сдѣлалъ отпустъ и сказалъ: «Богъ да упокоитъ душу усопшаго сего».—Затѣмъ снялъ фелонь и эпитрахиль свою, на которыхъ было много золота и драгоцѣнныхъ камней. Іоаннъ говоритъ: «Повѣрь мнѣ, отче, если-бы у меня была такая фелонь и эпитрахиль, то не сталъ-бы я пещись о долгѣ своемъ».—Отвѣчаетъ іерей: «Хотя онѣ многоцѣнны, но, если я продамъ ихъ, чтобы восполнить долгъ мой, то потомъ безъ нихъ что дѣлать буду?»—Іоаннъ говоритъ: «Я сказалъ въ шутку».—Отвѣчаетъ іерей: «Не шутка была это твое слово, но, такъ какъ я далъ тебѣ такой отвѣтъ, то ты обращаешь теперь въ шутку. Пусть такъ. Идите, я сейчасъ пойду».—Іоаннъ подумалъ, что онъ зачѣмъ-нибудь пошелъ и стерегъ его, чтобы одарить, но онъ больше не появлялся; такъ ждали его 3 дня. Отсюда поняли, что явленіе это было Божественное, ибо и фелонь его съ эпитрахилью такъ были прекрасны, что не было имъ цѣны.

ГЛАВА XII.

Игуменство Сервія. Преуспѣяніе въ подвигѣ Андрея.

Итакъ Сервій остался игуменомъ и сталъ править братіей съ великимъ тщаніемъ.

Онъ послалъ къ архіерею извѣщеніе, что старецъ его отдалъ общій долгъ и просилъ архіерея позаботиться о другомъ іереѣ и духовникѣ, ибо, говорилъ Сервій, безъ духовника никакого преуспѣянія

мы имѣть не можемъ. Архіерей, получивъ письмо, премного возрадовался, о блаженной кончинѣ духовника и чудесахъ Божіихъ, сопровождавшихъ кончину; затѣмъ сталъ разыскивать во всей округѣ; наконецъ, нашелъ іерея, поставилъ также духовнаго отца и послалъ ихъ въ скитъ; возрадовался Сервій радостію превеликою, когда увидалъ духовника и іерея. Отдалъ-же Сервій всѣ помыслы братства духовнику, чтобы онъ правилъ ими, іерею-же сказалъ: „Твое всепреподобіе да будетъ имѣть на себѣ Богослуженіе церковное“.

Услышали по окружности Крита, что Сервій сталъ старцемъ скита и правитъ имъ съ величайшею разсудительностію; къ Сервію стало собираться множество братій. Одиннадцать лѣтъ пекся о нихъ Сервій, дѣлая ихъ монахами, т. е. испытывалъ каждаго, назначалъ соотвѣтствующія послушаніяв, оспитывалъ духовно, каралъ и пр., помыслы-же свои они говорили духовнику.

Въ это время Андрей, который при крещеніи Сервія по благоговѣнію своему, вознамѣрился сдѣлаться монахомъ, оставилъ всѣ имѣнія свои и дѣтей своихъ; потомъ поселился къ скиту вмѣстѣ съ Сервіемъ; здѣсь съ благоговѣніемъ нѣкоторое время подвизался и получилъ благодать Всесвятаго Духа цѣлить всякій недугъ и всякую немощь.

Подвигъ-же его былъ слѣдующій: Никогда никакого брата онъ не опечалилъ, ни словомъ, ни дѣломъ; если который братъ бывалъ опечаленъ, онъ приходилъ, утѣшалъ его и говорилъ: „Брате, сія печаль отъ пластыря. У тебя была рана, и на ней до сихъ поръ лежалъ, прикрывая ее, пластырь; посему ты раньше и не болѣзновалъ, хотя язва страсти въ тебѣ продолжала существовать. Нынѣ же Цѣлитель снялъ пластырь, чтобы тебѣ видѣть рану, какова она, и, въ случаѣ чего, положить другой пластырь. Потерпи, ибо распознаваютъ, какимъ пластыремъ надо тебя лечить; терпи, чтобы не приложили тебѣ еще другой, сильнѣйшій пластырь; и тогда болѣзновать будетъ язва еще больше“.—Никогда не надѣвалъ онъ новенькой рясы, никогда не роптderалъ, но всегда былъ благодушенъ. Никогда не осуждалъ, никогда не обращалъ вниманія на какое-бы то ни было злое слово, если кто таковое ему скажетъ; внималъ лишь самому себѣ. Никогда не ложился на подстилку, но послѣ подвига своего прислонялся къ стѣнѣ; отдохнувъ немного, опять брался за дѣло служенія своего. Послушаніе его было всюду подметать, всюду вымывать, воды на кухню наносить и другія подобныя работы, которыя онъ всегда воздѣлывалъ съ благодарностію, причемъ и Богослуженія нисколько не упускалъ, ни канона когда-либо оставлялъ, хлѣбомъ никогда не насыщался, воды безъ мѣры никогда не пилъ, пилъ только однажды въ день и лишь столько, чтобы промочить горло, нѣкоторые изъ братіи начали злословить Андрея, какъ-будто прельщеннаго и тайно мучили его: однажды насыпали ему горчицы въ носъ; другой разъ насыпали ему горчицы въ чашку; разсы-

пали на ступеняхъ лѣстницы горохъ; Андрей, сходя съ лѣстницы, наступивъ на горохъ, поскользнулся, упалъ внизъ и такъ сильно расшибся, что отъ болѣзни не могъ подняться; въ то время, какъ онъ усиливался встать, вылили на него еще кадку воды. И терпѣлъ все это благословенный Андрей, даже никогда не сказалъ Сервію ни одного о томъ слова, что братія его искушаютъ. Другой разъ налили ему за шею рыбнаго разсола. Однажды намазали ему шапку смолой и такъ на него ее надѣли. Другой разъ намазали смолой бороду, потомъ стали кричать и говорить: идите, посмотрите на прельщеннаго, въ какомъ онъ обрѣтается подвигѣ. Его спрашиваютъ: „Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ, Андрей?"—Онъ-же отвѣчалъ и сказалъ: „Оттого, что мнѣ очень жарко; вотъ я и сдѣлалъ это, чтобы простыть".—Братія говорятъ ему: „Какъ-же ты теперь ее снимешь?"—Говоритъ онъ: „Сама отпадетъ, когда жаръ спадетъ", умалчивая, что это ему сдѣлали другіе. Сервій-же, хотя зналъ, но не говорилъ ничего, пока самъ Богъ не явитъ дѣломъ, праведности Андрея. Богъ и явилъ сіе слѣдующимъ образомъ.

Послѣ злой продѣлки той заснули злонравные вечеромъ, но на утро, проснувшись, оказались прокаженными; покрылись у нихъ проказою головы, щеки и ноги, т. е. тѣ именно мѣста, которыя они намазали смолой и дегтемъ Андрею, а Андрей оказался на утро совсѣмъ чистъ; дегтю не было на ногахъ, ни смолы на головѣ его. Такъ избавленъ былъ Андрей отъ гонителей своихъ, противники-же его сдѣлались прокаженными и были удалены изъ скита, такъ какъ не принялъ ихъ Сервій, ибо, за злыя дѣла свои сдѣлавшись прокаженными душею и тѣломъ, могли они заразить другихъ братій.

Начала съ того времени и проказа дѣйствовать; не смѣли ступить въ скитъ ни женщина, ни юный, моложе 33-хъ лѣтъ, ибо тотчасъ-же дѣлались прокаженными. Даже самки животныхъ подвергались тому-же. Такимъ образомъ скитъ оставался чистѣйшимъ и блисталъ добродѣтелями.

Бывало-же сіе. Если кто-либо изъ братіи выходилъ наружу безъ дозволенія предстоятеля и видалъ женщину или юнаго, тотчасъ дѣлался прокаженнымъ. Сего ради никто не выходилъ наружу безъ благословенія, лица всѣхъ сіяли дѣвственностію и чистотою.

Благословенный-же Сергій бдѣлъ день и ночь о спасеніи братіи и съ величайшею тщательностію оберегалъ ихъ.

ГЛАВА XIII.

Впаденіе Кунава въ прелесть и его погибель.

Пришелъ также въ этотъ скитъ нѣкто, именемъ Константинъ, положилъ начало, но подвизаться сталъ въ добродѣтеляхъ безъ дозволенія духовника, желая достичь мѣры Андрея и сравняться съ нимъ въ добродѣтеляхъ (т. е. въ подвигахъ), ибо Константинъ завидовалъ Андрею, получившему благодать исцѣлять всякій недугъ и всякую немощь.

Вопросилъ Константинъ одного брата, какимъ образомъ Андрей получилъ благодать сію? Братъ говоритъ ему, что для полученія сей благодати Андрей употребилъ большой подвигъ. Спрашиваетъ Константинъ: „Какой подвигъ онъ для этого употребилъ?“ Братъ говоритъ ему: „Подвигъ его былъ сей: хлѣбомъ не насыщался никогда, воды никогда вдоволь не пилъ, двое сутокъ простаивалъ неподвижно на молитвѣ, полагая по 1,000 и по 2,000 поклоновъ, не зналъ ни вкуса варева, ни вина“. Константину показалось это легко, но для виду онъ притворился, что ему это представляется труднымъ и сказалъ брату: „Ну, гдѣ мнѣ возмочь такимъ подвигомъ подвизаться, да поможетъ мнѣ Богъ, хотя такимъ, какимъ я есмъ, пребыть“. Удалился онъ отъ брата, пришелъ въ свою келлію и взялся за подвигъ Андрея, описанный въ бесѣдѣ (братомъ).

Черезъ три дня послѣ того его постригли въ монахи, наименовали Кунавомъ. Спустя нѣкоторое время по постриженіи онъ по своей гордости началъ подвизаться самочинно безъ дозволенія духовника. Пошелъ онъ тайно въ одно скрытое мѣсто, тамъ подвизался въ одиночествѣ, съ такою ревностію подвизался несчастный, что превзошелъ Андрея, но цѣль у него была не такая какъ у Андрея, но гордая, чтобы достичь чудотворенія. Такъ продолжалъ онъ пять мѣсяцевъ производить суетный подвигъ свой, ѣлъ однажды въ седмицу нѣсколько сухарей и выпивалъ немного воды; сонъ-же принималъ только приклонясь къ стѣнѣ на малое время.

Когда такъ прошло пять мѣсяцевъ, пришелъ Кунаву помыслъ и сказалъ ему: „Такой великій подвигъ ты совершаешь и, почемъ знать, можетъ быть, Богъ уже принялъ молитву твою? Вымой-же лампаду, вложи въ нее новую свѣтильню, возьми чистаго масла и поставь передъ собою во время молитвы твоей; если лампада зажжется сама собою, тогда, значитъ, исполнилось желаніе твое и принялъ Богъ молитву твою, а теперь, почемъ ты знаешь, какимъ имѣетъ тебя Богъ“. Принялъ несчастный такую злую мысль, сдѣлалъ какъ подсказалъ ему помыслъ,

3 дня молился предъ этой лампадой, но свѣтильня не загоралась. Тогда сталъ говорить несчастный: „Господи, даждь мнѣ благодать, чтобы сдѣлаться мнѣ цѣлителемъ, лечить всякій недугъ и всякую немощь! Даждь Господи просимое и не хочу я спасенія! Даждь мнѣ только одну эту благодать, а потомъ мучай меня! Даждь мнѣ благодать исцѣленія, а потомъ сожги меня въ огнѣ негасимомъ!“ Когда такъ говорилъ несчастный, вдругъ, по мечтательному дѣйствію бѣсовскому зажглась лампада, появился бѣсъ во образѣ Андрея и говоритъ ему: „Радуйся, отче Кунаве, превзошелъ ты меня въ добродѣтеляхъ, (т. е. въ подвигѣ). Ибо былъ я на молитвѣ внѣ келліи моей; во время молитвы моей увидалъ сіяніе свѣтящагося свѣта, которое искало, кружась, на чье-бы жилище опуститься, не находило сіяніе достойнаго ни одного чистаго сосуда, чтобы поселиться на немъ, такъ дошло до тебя и взошло въ жилище твое; вотъ почему я пришелъ посмотрѣть на тебя и спросить тебя, какое средство употребилъ ты, чтобы получить такую благодать отъ Бога. Когда я шелъ къ тебѣ, встрѣтилъ меня на дорогѣ Ангелъ и сказалъ мнѣ: „Зачѣмъ печалишься, Андрей, что Кунавъ получилъ такую благодать? Получилъ онъ за то, что превзошелъ собственныя добродѣтели (т. е. подвиги) твои“. И сталъ пересказывать бѣсъ во образѣ Андрея всѣ подвиги, которые совершалъ Кунавъ въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ.

Когда онъ еще говорилъ это, пришелъ и другой бѣсъ сильно сіяющій свѣтомъ, которымъ блисталъ какъ солнце и сказалъ ему: „Радуйся, Кунаве, потому что угодилъ ты Царицѣ Небесной; она сама идетъ посѣтить тебя, посмотрѣть на ангельскую жизнь твою и твой великій подвигъ. Выходи-же встрѣтить ее и поклониться ей какъ царицѣ“. Услыхавъ это, несчастный пошелъ встрѣчать царицу. Говоритъ лукавый Кунаву: „Берегись, чтобы не назвать ее по имени, ибо она скромная и, если услышитъ отъ тебя свое имя, то разгнѣвается и не дастъ тебѣ благодати исцѣленій“. Спрашиваетъ Кунавъ: „Какъ-же мнѣ ей говорить?“ Отвѣчаетъ бѣсъ: „Говори слова: „Радуйся царица земли, добродѣтель мою удостоившая! Вижда трудъ мой, подвигъ мой, скорбь мою, и даждь мнѣ благодать исцѣленій“.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, пришелъ другой бѣсъ свѣтящійся и сказалъ: „Приготовимъ тронъ царицѣ, ибо идетъ она“. Говоритъ другой бѣсъ: „Мы пойдемъ съ Кунавомъ, чтобы встрѣтить ее, а ты приготовляй тронъ“. Пошелъ несчастный Кунавъ съ бѣсомъ и поклонились оба бѣсу, якобы Царицѣ Спасенія; Кунавъ сказалъ такъ, какъ научилъ его бѣсъ. Бѣсъ-же во образѣ царицы, увидавъ, что Кунавъ, поклонился ему, возсталъ съ трона своего, обнялъ, поцѣловалъ его и сказалъ: „Желательно было мнѣ, чадо мое, только взглянуть на тебя и удостоилась сего слава моя. Требуй-же теперь отъ меня чего желаешь“. И уступила она ему тронъ свой, бѣсъ возвелъ

Кунава на тронъ, самъ сѣлъ пониже и сказалъ Кунаву: „Вотъ я даю тебѣ славу мою вмѣстѣ съ благодатію моею; даю тебѣ и даръ исцѣленій. Сиди на тронѣ достойномъ тебя; я-же, какъ недостойная, буду сидѣть пониже на тронѣ“. И сидѣлъ несчастный на проклятомъ тронѣ. И сказалъ бѣсъ другимъ бѣсамъ: „Отнынѣ недостойна я владѣть вами, но пусть онъ имѣетъ власть надъ вами здѣсь на землѣ, и да повинуетесь ему. Сего ради поклонитесь ему какъ вашей царицѣ“. Тотчасъ мечтательно пали всѣ бѣсы и поклонились Кунаву. Тогда говорятъ бѣсы несчастному Кунаву съ мечтательною, (т. е. съ возносящею лестію): „Вострепетали херувимы и серафимы, увидѣвъ славу твою и мы чудимся, какъ сподобился ты такой славы“. Бѣдный Кунавъ говоритъ со вздохомъ: „Ахъ, какой трудъ мнѣ былъ и какую скорбь я имѣлъ, чтобы получить такую славу!“ Бѣсы говорятъ: „Весьма потрудился ты, потому и получилъ такую славу съ благодатію исцѣленій. Ее дала тебѣ царица, но, если ты не пойдешь и къ сыну ея, то не возможешь принять благодати исцѣленій“. Царица говоритъ: „Возьмите, снесите его, чтобы онъ поклонился сыну моему, да приметъ благодать исцѣленій, ибо, послѣ того, какъ приметъ сію благодать, имѣетъ еще прожить шестьдесятъ лѣтъ на землѣ“. Какъ только сказала это проклятая царица, сейчасъ схватили Кунава бѣсы вмѣстѣ съ трономъ его, представляя себя ему во образѣ ангеловъ, одинъ во образѣ Гавріила, другой во образѣ Михаила; вознесли они его до перваго неба и оттуда вдругъ сбросили Кунава, какъ денницу; упалъ онъ на каменную плиту и вмѣсто того, чтобы жить еще 60 лѣтъ, несчастный обратился въ шестьсотъ кусковъ. Была полночь, когда онъ упалъ.

Такое-же высокоуміе было и у другого брата въ скиту Сервія; сей тоже подвизался, чтобы получить благодать исцѣленій, въ теченіе 15 дней выходилъ по ночамъ изъ келліи въ полночь, молился и, когда молился, увидалъ сверженіе Кунава.

Увидавъ это жалостное зрѣлище, братъ удивился и сказалъ: „Что означаетъ сіе? Мечтаніе-ли это было, или какая праведная душа свергласъ?“ — Когда такъ размышлялъ о семъ, послалъ Богъ Ангела къ нему, и тотъ вдругъ явился передъ нимъ, какъ будто инокъ скитянинъ. Сказали они другъ другу молитву; по совершеніи молитвы Ангелъ говоритъ: „Что такое сверглось, Авва?“—Говоритъ братъ: „Не знаю!“— Ангелъ говоритъ: „Послушай меня, Авва: ни привидѣніе это, ни душа праведная, но это человѣкъ, именемъ Кунавъ, монахъ Сервія; онъ низвергся за то, что утаевалъ свои помыслы отъ духовника, возмечталъ подвизаться ради чудесъ, просилъ себѣ у Бога чудесъ, о спасеніи же своемъ нисколько не думалъ, за это забвенъ онъ оказался Богомъ и возобладали надъ нимъ бѣсы“. И сказалъ Ангелъ: „Блаженъ, кто не таитъ никакого помысла отъ духовника и горе тому, кто подвизается самочинно, по собственному произволу, безъ совѣта съ духовникомъ“.—

Ангелъ сотворилъ молитву и сказалъ: „Иди, объяви гордостный помыселъ твой и гордостный подвигъ твой духовнику, чтобы и тебѣ не прельститься какъ и Кунавѣ, ибо подвигъ твой не угоденъ Богу".—Ангелъ вознесся на небо, а братъ остался одинъ въ размышленіи.

Утромъ пошелъ онъ къ Сервію, возвѣстивъ ему все по порядку. Когда Сервій услыхалъ такое дѣло, то вздохнулъ и сказалъ: „Позвони, чтобы сошлась вся братія".

Позвонили въ погребальный колоколъ, братія подумала, что кто-нибудь умеръ; собрались иноки, Сервій возвѣстилъ о погибели Кунава. Вся братія содрогнулась, услыхавъ о семъ.

И сказалъ Сервій: „Поняли-ли вы, чада мои, какою погибелью погибъ Кунавъ?! Смотрите же, чтобы и изъ васъ кого-либо не похитилъ левъ тщеславія!"

ГЛАВА XIV.

Кончина Сервія и архіерея. Прощальное поученіе и завѣщаніе Сервія.

Такъ пекся благословенный Сервій о братіи своей, яко пастырь добрый, и воцарилось среди нихъ полное единодушіе, общее другъ друга честію больша себя твореніе, непрестанный спросъ на всякое дѣло, какое кто хотѣлъ начать; безъ спроса ничего не дѣлалось. Сервій, видя такое хорошее настроеніе братіи, прославлялъ Бога и молилъ Его, да сохранитъ ихъ такими до конца, дабы не находилъ себѣ въ нихъ мѣсто мысленный волкъ и не вырвалъ бы изъ сего стада еще какой овцы подобно Кунаву.

Передъ смертію Сервій позвалъ Іоанна и сталъ совѣщаться съ нимъ что дѣлать, такъ какъ ослабъ онъ отъ трудовъ своихъ и просилъ, чтобы Іоаннъ принялъ на себя правленіе скитомъ и управлялъ обителію съ подобающимъ тщаніемъ, чтобы не унесла волна своеволія кого-либо изъ братіи, (т. е. не снесла бы съ корабля въ море). Іоаннъ отвѣчалъ: „Послушай, отче, вѣдомо да будетъ тебѣ, что я не годенъ для этого дѣла, поищи другого".—Говоритъ Сервій: „Не знаю я другого. Пошлемъ же, если ты отказываешься, къ архіерею, пусть онъ промыслитъ о семъ, какъ просвѣтитъ его Богъ".

Іоаннъ написалъ письмо и послали его къ архіерею. Сервій сказалъ Іоанну: „Пусть поторопится вернуться, чтобы успѣлъ бы отвѣтъ".

Архіерей, получивъ донесеніе, написалъ тотчасъ отвѣтное письмо Іоанну и просилъ его принять управленіе скитомъ. Когда Іоаннъ получилъ письмо и увидалъ, что все бремя возлагается на него, задумалъ бѣжать, но, какъ только принялъ сей помыслъ, сдѣлался тотчасъ про-

каженнымъ. и палъ на подстилку свою какъ мертвый. Сервій, узнавъ о семъ, весьма опечалился, пошелъ къ нему и нашелъ его лежащимъ. Вопрошаетъ Сервій: „Что сдѣлалось съ тобою, господинъ Іоаннъ? Не многое-ли нерадѣніе пристало къ тебѣ, что ты легъ?“—Іоаннъ говоритъ: „Нѣтъ во мнѣ тѣлеснаго нерадѣнія, только постигла меня болѣзнь преслушанія, и эта болѣзнь сдѣлалась проказою тѣла и души моей“.—Говоритъ Сервій: „Какое преслушаніе ты сдѣлалъ?“—Говоритъ Іоаннъ: „Архіерей назначилъ меня править скитомъ во внутреннемъ его управленіи, надъ внѣшнимъ назначилъ завѣдывать Павла; я же, устрашившись бремени, рѣшился бѣжать, но тотчасъ появилась у меня во всемъ тѣлѣ судорога и содѣлалось оно сплошною язвою“.—Сервій говоритъ: „Не язва это, но проказа“.—Говоритъ Іоаннъ: „Прошу тебя, отецъ мой, сдѣлай мнѣ милость“.—Говоритъ Сервій: „Какую милость тебѣ сдѣлать? Ты не слушаешься ни меня, ни архіерея?“—Говоритъ Іоаннъ: „Сдѣлай мнѣ милость, чтобы я поправился; что мнѣ будете говорить, сдѣлаю съ благодарностію“.—Говоритъ Сервій: „Если освободишься, то примешь-ли внутреннее управленіе скитомъ?“—Говоритъ Іоаннъ: „Сдѣлайте мнѣ милость, и, если не приму я, то пусть болѣзнь сія будетъ мнѣ вдвойнѣ“.

Сервій, услыхавъ, что Іоаннъ принимаетъ назначеніе съ благодарностію, сталъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и сказалъ: „Господи, Господи Боже мой, вождeлѣ Тебе душа моя! Господи, помози мнѣ! Ей, Господи, Владыко, Любо-блаже, да не яростію Твоею обличиши раба Твоего, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши его, но даждь славу Имени Твоему Святому, изглади преступленіе сіе брата сего, дабы славилъ онъ Всесвятое Имя Твое! Ей, человѣколюбче Господи, молюся Ти, не отрини моленія моего; Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене, и исцѣли раба Твоего, монаха Іоанна“.

Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ молитвы сказалъ Сервій Іоанну; „Смотри, чадо мое! вотъ Богъ дѣлаетъ милость съ тобой! Смотри, чтобы пока я живъ, ты не сказалъ бы никому о семъ ничего“. Потомъ перекрестилъ онъ тѣло Іоанна крестообразно и сказалъ: „Востань во Имя Господа нашего Іисуса Христа“.—И восталъ Іоаннъ. Потомъ онъ дунулъ Іоанну въ лицо и сказалъ: „Изыди изъ раба Божія“.—Тотчасъ сошла проказа съ Іоанна; черезъ три дня онъ совершенно поправился, сталъ ходить какъ всѣ прочіе братія. Тогда Сервій созвалъ всѣхъ братій и сказалъ имъ: „Чада моя! вы видите, что я состарился, изнемогъ и не въ силахъ больше пасти васъ; итакъ, выберемъ другого, который бы годенъ былъ быть вашимъ пастыремъ; слушайтесь его какъ меня самого. Да не скажетъ кто когда, что меня постригалъ другой, а этого я слушать не стану. Кто такъ думаетъ, пусть выступитъ сейчасъ“.—Было же среди братіи семь безчинниковъ, которые дерзнули и сказали: „Другого лица мы не признаемъ; если поставишь другого,

то мы оставляемъ все, что имѣемъ, все, что приняли на себя при тебѣ", (т. е. считаемъ себя свободными отъ всякаго обязательства подчиняться ему).—Но, только успѣли они эти слова вымолвить, вдругъ остановились. Говоритъ Сервій: «Это-ли только имѣли вы сказать, не имѣете-ли еще сказать чего?»—Но они съ того часа сдѣлались нѣмы и ничего ни говорить, ни слышать не могли; посему гнѣвными знаками требовали отъ Сервія, чтобы онъ исцѣлилъ ихъ; не сознавали несчастные дерзости своей, даже дѣлали Сервія виновнымъ въ ихъ наказаніи. Говоритъ Сервій: „Ваше исцѣленіе, да будете нѣмыми и глухими, одежда ваша да будетъ проказа; когда же услышите погребальный звонъ обо мнѣ, тогда освободитесь отъ проказы и глухоты, но бесѣдованія не будете имѣть до послѣдняго вашего часа смертнаго".—Потомъ Сервій сказалъ Іоанну: „Возьми ихъ отсюда, помѣсти въ такомъ-то мѣстѣ и пусть никто не соприкасается съ ними".—Іоаннъ повелъ ихъ какъ было сказано и опять вернулся къ слушанію поученія Сервія.

Говоритъ благословенный Сервій остальной братіи: „Видите, братія мои, до чего дерзость доводитъ человѣка? Смотрите же, не дайте себя въ духъ непокорства, но да имѣете любовь къ тому лицу, которое поставилъ архіерей. Кого же архіерей поставилъ?—слушайте".—Затѣмъ Сервій приказалъ Андрею принести письмо и прочитать его предъ всѣми; въ письмѣ было сказано: „Предоставляется отнынѣ завѣдываніе внутреннимъ управленіемъ Іоанну, распоряженіе же внѣшними—Павлу. Да будетъ тотъ, кто не покорится слову моему, наказанъ проказою Гіезія. Кто же будетъ послушенъ словамъ моимъ буди благословенъ отнынѣ и до вѣка".—Говоритъ Сервій: „Принимаете-ли вы то что написано въ письмѣ?"—Тогда всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Принимаемъ".

Завѣщаніе Сервія.

„Послушайте, чада мои, прошу и молю васъ, имѣйте миръ между собой.

Не имѣйте пристрастія къ новымъ рясамъ, ибо, кто станетъ украшать себя новою рясой, украситъ себя и вожделѣніемъ блуднаго сладострастія.

Остерегайтесь сладкихъ яствъ; если будете услаждать себя и гортань свою прихотливыми яствами и наполнять чрево свое до пресыщенія, то это есть знаменіе обрученія мукамъ.

Не ропщите никогда на послушаніе. Вы сдѣлались послушниками ради любви къ Господу нашему Іисусу Христу, по собственному изволенію; чего же ропщете? Кто находится въ общежительномъ послушаніи, становится или земнымъ ангеломъ, или земнымъ четвероногимъ.

Ибо, кто воздѣлываетъ послушаніе безропотно, на какое бы служеніе общежитія его ни поставили, тотъ есть земной ангелъ. Непороченъ дѣлается тотъ, который во время работы общей всегда держитъ внутреннюю молитву.

Четвероногій же есть тотъ общежитчикъ, который безпрестанно чѣмъ-либо возмущенъ, безпрестанно гнѣвливъ, клеветникъ, ропотникъ и единодушенъ всегда во злѣ, т. е. всегда сочувствуетъ злу. Спрашиваю же я васъ прочее: платится-ли сколько-нибудь монастырскому животному за суточный трудъ, который оно работаетъ для монастыря? Нисколько не платится животному, оно только выгадываетъ себѣ одну пищу и подковки для ногъ. Таковъ монахъ, который съ ропотомъ проходитъ свое послушаніе. Платять-ли монаху за воздѣлываніе монашескаго общежительнаго послушанія? Задаромъ-ли работаетъ онъ? Не туне онъ работаетъ, оплачивается, но духовно, а не чувственно. Кто же ищетъ оплачиванія чувственнаго, расточается духовно.

Грѣшенъ монахъ, который, находясь въ общежительномъ послушаніи, не несетъ его безропотно, на общемъ послушаніи, т. е. совмѣстной работѣ, не заграждаетъ устъ своихъ молитвою, но празднословитъ и осуждаетъ все, что только придетъ ему на мысль, напримѣръ: „почему такой-то не пришелъ на всеобщее послушаніе?“ Такъ несчастный все осуждаетъ, воображая, что это осужденіе, которымъ осуждаетъ, есть добродѣтель, не вѣдая того, что оно –главизна грѣха, составляетъ оглавленіе, т. е. первую главу грѣховной книги или введеніе къ книгѣ грѣховъ. Ради осужденія человѣкъ оставляетъ очистительное молчаніе, которымъ очищается сердце, принимается за нечистое многословіе, которое препятствуетъ молитвѣ присвоиться человѣку. Кто многословитъ, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ и псилафизуется, т. е. впадаетъ въ мудрованія плотскія и самомнѣніе, говоря: «Развѣ я одинъ ѣмъ, а другой не ѣстъ? Одинъ я развѣ одѣваюсь, а другой не одѣвается? Отчего же я пришелъ на общее послушаніе, а тотъ не пришелъ? Почему мнѣ приказали, а ему не приказали? Развѣ я одинъ хожу въ трапезу? а онъ не ходитъ? Почему же мнѣ не дали рясы, когда я просилъ, а ему дали? Почему мнѣ говорятъ: носи старую рясу, а ему того не говорятъ и онъ носитъ новую?»

Такой инокъ подобенъ четвероногому животному, ибо спасительное послушаніе онъ измѣряетъ мѣрою чувственныхъ благъ. Когда онъ идетъ на дѣло, то и тамъ не успокаивается, устраиваетъ одни соблазны для прочихъ братій, и говоритъ имъ: «Что вы думаете о сегодняшней трапезѣ? Было-ли въ ней что хорошее? Иди и пропади онъ совсѣмъ, вмѣстѣ съ трапезою своею, т. е. игуменъ, или экономъ. Мы работали какъ скоты, а онъ не можетъ насъ даже трапезой утѣшить?»—Когда же окончитъ эту болтовню, начинаетъ сейчасъ уже новое многословіе,

осуждая одного, обвиняя другаго, порицая третьяго и восхваляя самого себя.

Путь спасенія есть сей: терпѣніе любви, цѣломудріе, кротость, смиреніе, молчаніе, постъ, молитва, приводящая ко смиренію и смиреніе, приводящее къ покорности. Кто будетъ исполнять это, тотъ будетъ обладать спасеніемъ своимъ. Если будетъ такъ держать эти добродѣтели, какъ-будто не имѣлъ ихъ, то будетъ имѣть спасеніе свое, т. е., если соблюдетъ всѣ эти добродѣтели, но будетъ о себѣ полагать, что не соблюдалъ ни одной, то получитъ спасеніе свое. Если же будетъ соблюдать, якобы имѣющій, тотъ погибнетъ, подобно Кунавѣ.

Не повергайте святая псамъ и не пометайте бисера передъ свиніями:—святая и бисеръ суть добродѣтели, псы же и свиньи злые помыслы тщеславія гордости. Если будете держать сіи добродѣтели, благо вамъ будетъ. Если же заповѣди мои презрите, то мечъ нашествія васъ поястъ. Если будете ради спасенія вашего воздѣлывать то, что слышали, то будете имѣть благословеніе архіерея и молитву мою. Встаньте же и преклоните колѣна, чтобы услышать мою послѣднюю молитву.

Всѣ стали на колѣна и преклонили главы свои предъ Сервіемъ. Сервій отверзъ свои уста.

„Владыко, Господи Вседержителю, се въ руки Твои предаю я чадъ моихъ!—соблюди ихъ, Человѣколюбче, Блаже! Ей Господи, Отецъ Небесный, и Господи Іисусе Христе, Сыне Единородный и Святый Душе, Боже отецъ нашихъ, и хвально и прославленно Имя Твое во вѣки Аминь. Буди Господи милость Твоя на живущихъ въ скитѣ семъ, сохрани ихъ подъ кровомъ Твоимъ, покрый отъ всякаго лукаваго похотѣнія, отжени отъ нихъ всякаго врага и супостата, отверзи имъ уши и очи сердечныя, даруй умиленіе и смиреніе сердцамъ ихъ“.

«Всепѣтая Владычице Богородице, Приснодѣва Марія и всесострадательная Божія Матерь, Богородительнице, Чистая!—просвѣти насъ!—родшая Свѣтъ неприступный, помилуй рабовъ Твоихъ сихъ и ко спасенію дѣтоводи ихъ!»

Сказавъ это, Сервій сейчасъ же, какъ смиренномудрый, положилъ земной поклонъ всѣмъ бывшимъ тамъ, послѣ поклона облобызалъ братію, всѣхъ до единаго, они же сдѣлали Сервію послѣднее цѣлованіе. Когда прощался онъ со всѣми отцами, пришло письмо отъ архіерея, которое гласило: „Готовься, любимиче мой, да отправимся въ путь, ибо дорога намъ дальняя, путь тѣсный и прискорбный. Поторопись же прочее пріити, да отправимся и свершимъ это конечное путешествіе“.—Сіе написалъ архіерей, тонко давая понять о смерти своей, съ тѣмъ, чтобы не было шума, Андрей только одинъ понялъ. Андрей отвелъ Сервія въ сторону, тайно началъ его просить, чтобы и ему пойти къ архіе-

рею. Сервій смиловался о немъ ради многихъ просьбъ его и сказалъ: «Готовься, сейчасъ пойдемъ».

Говоритъ Сервій Іоанну. «Напиши письмо архіерею и скажи въ немъ, что сейчасъ мы идемъ съ Андреемъ вмѣстѣ».—Сотворилъ же Іоаннъ такъ, какъ ему сказалъ Сервій и, когда окончилъ Іоаннъ письмо, сказалъ ему Сервій: „Пусть приготовится іерей литургисать, чтобы намъ вмѣстѣ съ Андреемъ пріобщиться и отправиться, такъ какъ архіерей насъ дожидаетъ“.—Іоаннъ не понялъ, въ какой путь собирается Сервій. Іерей совершилъ литургію, пріобщились Сервій съ Андреемъ; послѣ Евхаристіи Сервій говоритъ Андрею: „Пойди, чадо мое, почій немного на ложѣ твоемъ“.—Потомъ говоритъ Іоанну: „Пойду и я, немного отдохну; ты же готовь все нужное и безъ всякой суматохи проводи насъ. Смотри, чтобы тебѣ управлять хорошо, какъ доброму кормчему; непрестанно правь, т. е. не снимай руки съ руля, какъ добрый кормчій“.—Сказавъ это Сервій поклонился, вошелъ въ келлію и почилъ о Господѣ.

Вскорѣ пришло письмо, гласившее что архіерей то же почилъ о Господѣ.

Іоаннъ постучался въ дверь къ Сервію, чтобы сообщить ему о смерти архіерея, но въ отвѣтъ не слышно было ни голоса, ни звука. Постоявъ немного, онъ снова постучался, но опять отвѣта никакого не было. Сотворивъ молитву онъ взошелъ внутрь, смотритъ и видитъ, что благословенный Сервій лежитъ на одрѣ, а на подушкѣ бумажка, гдѣ написано: «Возьми тѣла наши и погреби съ подобающимъ миромъ».—Іоаннъ, прочитавъ бумажку и увидавъ, что Сервій почилъ о Господѣ, пошелъ къ Андрею и нашелъ его тоже почившимъ. Тогда взявъ било, онъ ударилъ на погребеніе и, какъ только раздался звукъ била, тотчасъ отверзся слухъ у наказанныхъ и избавились они отъ проказы, но разговаривать не могли до послѣдняго своего часа смертнаго.

ГЛАВА XV.

Преемники Сервія и начало упадка скита.

Такъ отдалъ благословенный Сервій общій долгъ вмѣстѣ съ Андреемъ. Іоаннъ остался наслѣдникомъ и преемникомъ во внутреннемъ строеніи, Павелъ же надъ внѣшнимъ управленіемъ. Когда Іоаннъ умеръ, Павелъ сталъ управлять внутреннимъ строеніемъ, а надъ внѣшнимъ управленіемъ поставилъ нѣкоего именемъ Симеона. По смерти Павла остался Симеонъ надъ внутреннимъ, а надъ внѣшними дѣлами—Илларіонъ; послѣ смерти Симеона, остался строителемъ Илларіонъ, а надъ внѣшними дѣлами—Паисій. По смерти Паисія сдѣлался строителемъ

одинъ злонравный, началъ дѣлать послабленія, отступилъ отъ завѣтовъ Сервія и впалъ въ беззаконія.

Погибель же его была сія: малодушіе, суетное попеченіе, любостяжаніе, сокровиществованіе, сребролюбіе. Несчастный оставилъ спасительный путь общежительной жизни и сталъ воздѣлывать сребролюбіе, т. е. отступилъ отъ заповѣди неимѣнія денегъ и, бывъ игуменомъ, сталъ копить ихъ. Отбросилъ смиреніе, которое было въ скиту и развилъ дерзость. Отъялъ кротость и возстановилъ гнѣвливость. Все, что только было добраго въ скиту, онъ погубилъ, а на мѣстѣ сего развилъ противуположное злое.

ГЛАВА XVI.

Картина послѣдовательнаго развращенія скита Сервія

По смерти того недостойнаго игумена, сталъ игуменомъ другой, начавшій дѣлать еще большія отступленія отъ монашеской жизни; скитяне до такой степени уклонились въ погибель, что, наконецъ, сдѣлались самоглавными, т. е. безъ игумена, сами собой начали управляться. Ибо послѣ смерти этого второго игумена не поставили больше никого игуменомъ, остались самочинными; если одинъ тащилъ въ гору, другой тащилъ—подъ гору. Одинъ выразился такъ: «Уставъ Сервія есть душеспасительный, поэтому мы признаемъ только то, что есть въ этомъ уставѣ и больше ничего». Согласились всѣ на томъ, чтобы покаряться уставу Сервія. Однако единодушіе это въ нихъ было не Божественное, а сатанинское; они лишь тогда прибѣгали къ уставу Сервія, когда хотѣли кому сотворить зло и найти придирку, что онъ преступилъ уставъ скита. Но кто же именно преступалъ сей уставъ на самомъ дѣлѣ?—никто, какъ только всѣ должностные. Тайно преступали, а явно благоговѣли. Такъ какъ должностные были противниками устава Сервія, то и не желали ставить игумена.—Причина была та, чтобы свободнѣе дѣлать злыя похотѣнія свои; ради того говорили, что у насъ игуменомъ уставъ Сервія, ему мы и покоряемся.—Да покаряетесь, но только тогда, когда это вамъ на руку; когда уставъ былъ имъ не на руку, они и слышать объ уставѣ не хотѣли, какъ ткачи, т. е. на основѣ устава ткали какіе угодно узоры. Уставъ скитскій говорилъ, чтобы никто не выходилъ наружу во время Богослуженія, но должностные духовники и прочіе проэстосы выходили, да еще какъ выходили! Предпочитали стоять всю ночь внѣ Богослуженія, снаружи церкви, чтобы исполнять злыя дѣла свои, чѣмъ быть внутри и слушать послѣдованіе. Младшіе же боялись выходить наружу во время Богослуженія, чтобы должностные не покарали ихъ по уставу скита.

Былъ у одного брата нѣкій знакомый, упрашивавшій брата прійти въ селеніе. Братъ, узнавъ, что просятъ его прійти въ селеніе, рѣшился не ходить, потому что уставъ запрещалъ и послалъ письмо, что не придетъ. Былъ же нѣкій другой братъ, который намѣревался идти въ селеніе по окончаніи Богослуженія, т. е. утрени. Первый, услыхавъ, что сей идетъ въ село, вывелъ его изъ церкви во время службы и спросилъ, когда пойдетъ онъ въ село?—Братъ говоритъ: «Какъ только окончится служба, немедленно пойду».—Тотъ говоритъ ему: «Если пойдешь, то скажи такому-то, что я не приду, хотя и проситъ онъ, ибо я не свободенъ».—Должностные увидали, что они разговариваютъ снаружи, внѣ Богослуженія, сейчасъ же подозвали ихъ и говорятъ имъ: „Какъ посмѣли вы, несчастные, разговаривать снаружи, во время службы?“—Братъ говоритъ: „Простите мнѣ, отцы, необходимость была намъ; ради этого мы разговаривали“.—Говорятъ тщеславные: „Не могли вы развѣ потерпѣть до отпуста церковнаго, и тогда разговаривать? Какъ осмѣлились вы преступить уставъ скита“?—Братъ говоритъ: „Тѣмъ-ли преступили мы его, что вышли сказать нужное слово? Вы всю ночь собесѣдуете между собою о суетныхъ и ложныхъ, не примѣняя къ себѣ устава, а теперь во мнѣ нашли вину, чтобы примѣнить къ дѣйствію уставъ скита“.—Тщеславные, услыхавъ, что такъ разговариваетъ онъ съ ними по правдѣ Божіей, сейчасъ же сотворили ему зло, изгнавъ его изъ скита. Такъ они и всегда дѣлали, т. е., прибѣгали къ уставу, чтобы творить злыя свои пожеланія.

Исполняя свое зло, они преисполнили (мѣру долготерпѣнія Божія); тогда сбылась надъ ними клятва Сервія, и обитель подпала вражескому нашествію. Начали должностные скита попирать уставъ. Чинъ скита былъ раззоренъ, какъ только стали приниматься молодые и были допущены женщины въ скитъ. Одинъ говоритъ: „это сестра моя“, другой „тетка моя“, третій—крестная моя, и т. д.; вслѣдствіе такихъ отговорокъ скитъ никогда не освобождался отъ женщинъ; начали принимать и безбрадыхъ. Пришелъ одинъ юный, проэстосъ (первый скита) принялъ его въ свои послушники, и тотъ служилъ ему. Юноша былъ столь красивъ, что превосходилъ красотою самую красивую дѣвицу Крита; давалъ такой соблазнъ скиту, что всѣ братія осквернились и начали говорить о необходимости его изгнанія. Но проэстосъ о семъ и слышать не хотѣлъ; когда онъ услыхалъ, что честь устава требуетъ удалить юношу, то возмутился, весьма разгнѣвался и сказалъ: „какое мнѣ дѣло до устава? Такого устава я не признаю!“ Въ скиту образовалось двѣ партіи. Одна, презирая уставъ Сервія, столь уклонилась, что стала ѣсть мясо, другая же такъ постилась, что воздерживалась и отъ масла. Погибель есть скатъ, по которому всякому легко сбѣжать въ пропасть; посему стали и другіе уклоняться въ погибель (т. е. изъ числа добродѣтельныхъ постниковъ); осталось лишь немного избранныхъ, державшихъ

уставъ Сервія, ихъ въ насмѣшку называли: „Уставщики“, а „Уставщики“ называли тѣхъ: „Скоромники“, (ибо они разрѣшали себѣ ѣсть мясо). Державшихъ уставъ осталось весьма мало, какъ говорится: много званныхъ, но мало избранныхъ; тѣ же, которые ѣли мясо, умножались въ числѣ; осталось благословенныхъ Уставщиковъ всего семь келлій, а другихъ (Тщеславныхъ или Скоромниковъ) было шестьдесятъ три келліи. Итакъ (изъ семидесяти) только семь продолжали держать уставъ.

ГЛАВА XVII

Истребленіе развратившихся скитянъ нашествіемъ непріятеля.

Въ одной изъ этихъ семи келлій былъ одинъ послушникъ, именемъ Акакій; согласно имени своему онъ былъ незлобивъ. Но, будучи незлобивымъ, онъ былъ обманщикомъ старца своего, тайно нарушалъ его завѣты: на глазахъ старца являлъ любовь къ нему, а въ тайнѣ сообщался съ другими (т. е. скоромниками). Однако старецъ продолжалъ пещись о спасеніи сего послушника, не вѣдая его внутренней нечистоты. На глазахъ онъ постился, а втайнѣ скоромничалъ и ѣлъ мясо; совмѣстно съ ядѣніемъ мяса воздѣлывалъ и другія злыя дѣла вмѣстѣ со скоромниками, скоромники же не остановились на одномъ нарушеніи устава Сервія, но начали и догматы соборовъ отрицать, говоря: „почему такъ и почему такъ? Для чего постъ? Богъ человѣка благословилъ все ѣсть, дабы тѣмъ человѣкъ славилъ Бога. А, когда человѣкъ постится, какъ онъ можетъ славословить Бога?“ Да, истину вы говорите, что Богъ все сдѣлалъ ради человѣка, но ты, человѣче, держишь-ли заповѣди, которыя далъ тебѣ Богъ? Если бы человѣкъ нерушимо удержалъ заповѣдь Божію, то, несомнѣнно, ѣлъ бы всегда блага земли, но, такъ какъ преступилъ онъ заповѣдь Божію, то и низвѣсился надъ нимъ за это мечъ обоюдоострый, (т. е. всегда угрожающая опасность погибнуть отъ всевозможныхъ страстей, получившихъ доступъ къ душѣ нашей, почему и сдѣлался для человѣка необходимымъ постъ). Такъ, за нарушеніе завѣтовъ Сервія на сихъ скитянъ ниспалъ губительный мечъ. Они говорили, что и женщину далъ Богъ, стали уклоняться къ женщинамъ, допустили молодыхъ, съ ними творили злыя свои похотѣнія, оскверняя ангельскую схиму вмѣстѣ съ жизнію монашеской.

Богъ, видя что они такъ осквернились, не каются и впадаютъ еще въ горшее беззаконіе, послалъ ангела сатанина со всѣмъ войскомъ, искоренять тѣ безплодныя лозы изъ скита Сервія. И вотъ какъ эти лозы были искоренены.

Въ скиту былъ такой обычай: когда приходили поклонники, зво-

нили въ колокола и всѣ отцы собирались для встрѣчи поклонниковъ; прежде, когда держали уставъ Сервія, денегъ отъ поклонниковъ не принимали, но только встрѣчали ихъ съ ясными лицами и затѣмъ опять провожали со свѣтлыми взорами и братской радостію. Когда же уставъ Сервія отвергли, стали принимать отъ поклонниковъ злато и сребро, подъ предлогомъ якобы удовлетворить нужды скита. Да, нуждались они въ деньгахъ на расходы, но на какія?—нуждались для злыхъ прихотей своихъ. Чтобы воздѣлывать этими деньгами злыя свои похотѣнія и расходовать ихъ на досажденія, (сутяжничество).

И вотъ собрались всезлѣйшія войска и во образѣ поклонниковъ устремились къ скиту, какъ дикіе звѣри. Скитяне же, подумавъ, что это поклонники, позвонили въ колоколъ и по обычаю собрались для встрѣчи. Но собрались не всѣ, а лишь скоромники, (т. е. нарушители устава); изъ соблюдавшихъ уставъ и называвшихся „уставщиками" не пошелъ никто. Когда скоромники вышли встрѣчать нашествіе гнѣва Божія, какъ будто поклонниковъ, то и попались подъ гнѣвъ, были плѣнены, схвачены и связаны узами. Разбойники разрушили церковный иконостасъ, собрали въ кучу за порогомъ церковнымъ всѣ иконы, выбили двери и окна, порубили стойки, [1]) все зажгли въ одинъ костеръ; они нанесли еще много другихъ оконъ и дверей и бросили туда же, разгорѣлся сильный огонь; когда же дрова перегорѣли, то кучу горящихъ углей разгребли къ сторонамъ изъ середины, стали монахамъ собравшимся для встрѣчи ломать члены, и безжалостно бросать ихъ между двухъ кучъ углей; брошенные въ сильный жаръ монахи скончались въ страшныхъ мукахъ.

Про сихъ замученныхъ, никто не вѣсть спасется ли кто изъ нихъ, (т. е. успѣлъ ли кто покаяться при послѣднемъ издыханіи, было ли принято такое покаяніе и будетъ ли ради сего и сихъ страшныхъ мукъ помилованъ онъ на страшномъ судѣ), или всѣ погибнутъ? Вѣсть то одинъ лишь Богъ и явитъ въ часъ Суда.

Ради этого и говорю я вамъ; теперь же кайтесь, [2]) чтобы когда найдетъ на васъ нашествіе, обрѣло бы васъ въ покаяніи; если будете каяться отъ всего сердца, то Богъ, увидавъ ваше пламенное покаяніе, подобное покаянію Ниневитянъ, отмѣнитъ нашествіе, обратитъ (враговъ) вспять и избавитъ васъ какъ Ниневію; если же не покаетесь, то плѣнены будете нашествіемъ, подобно скиту Сервія.

---

[1]) Т. е. „формы" или „стасидіи", (мѣста для братіи).

[2]) Обращеніе къ Аѳонцамъ. Сіе предсказаніе сбылось при нашествіи албанцевъ, а въ наши тревожныя времена можетъ сбыться и еще не разъ.

ГЛАВА XVIII.

Поученіе Святого Нила монашествующимъ по поводу гибели скита Сервія.

Итакъ, видите ли преподобнѣйшіе и досточтимѣйшіе отцы? Какой претерпѣли конецъ тѣ люди, воздѣлывавшіе злыя свои похотѣнія?

Тоже дѣлается и нынѣ. Подвизаются иноки, но какъ подвизаются? Подвизаются изъ за благъ привременныхъ. Привременныя же блага, называются—тлѣніемъ, потому что растлѣваютъ душу человѣка. И всѣ земныя сокровища суть блага оставляемыя, потому что по (смерти) онѣ всѣ здѣсь останутся.

Люди скита Сервія стремились воздѣлывать остающіяся здѣсь земныя блага, но покинули ихъ, блага остались здѣсь, а иноки изъ-за нихъ оказались въ небесномъ отечествѣ безъ благодатной одежды благодати, явились наги отъ дарованій монашеской жизни, пришли нищи предъ Жениха Славы. И вопросилъ ихъ Женихъ Славы: „Гдѣ одежда Славы, которую Я даровалъ вамъ, чтобы вы носили ее и пришли бы сюда въ чертогъ Мой облеченными? Вы пришли сюда предъ Меня наги и нищи. Я милосердовалъ о васъ, но вы сами себя не жалѣли. Я вамъ помогалъ, но вы сами не вспомоществовали душѣ вашей. Теперь пришли вы предъ Меня наги и нищи. Недостойны вы взойти въ чертогъ славы Моей, ибо дѣла ваши преставляютъ васъ въ вѣчную тьму туда, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ“.

Видите, ли преподобнѣйшіе отцы, какимъ былъ раньше сей скитъ Сервія и какъ потомъ ниспалъ?

Стяжаніе тлѣнныхъ сокровищъ подобно собиранію масличныхъ выжимокъ, (лишенныхъ масла) и храненію ихъ на землѣ. Когда эти собранныя выжимки будутъ лежать на землѣ, то, пока онѣ тамъ будутъ лежать, можетъ-ли на землѣ той что либо произрасти? Очевидно, гдѣ онѣ собраны, не возможно будетъ произрасти и одной дикой травкѣ. Тоже самое бываетъ и съ тѣмъ, который порабощенъ собираніемъ веществъ міра сего; не дадутъ онѣ плодоносить въ немъ спасенію. Проклятое сокровиществованіе не только душу человѣка дѣлаетъ нищей въ спасеніи, но и тѣлу его не даетъ успокоиться, возбуждая въ человѣкѣ множество житейскихъ заботъ и попеченій и заставляя волноваться день и ночь

Хорошо воздержаніе, но хорошо лишь въ тѣхъ, которые воздерживаются не ради того, чтобы сокровиществовать вещества міра, а для очищенія и спасенія души.

ГЛАВА XIX.

Спасеніе отъ разгрома семи добродѣтельныхъ келлій. Исповѣдь послушника.

Тѣ семь келій, которыя имѣли страхъ Божій и держали уставъ, нисколько не пострадали отъ нашествія, ни тѣлесно ни душевно; когда разбойники ушли, они, не вѣдая того, что гнѣвъ Божій настигъ скитъ, почувствовавъ нѣкое стѣсненіе духа, вышли вонъ (на воздухъ) изъ своихъ келлій; увидали, что скитъ сожженъ и всѣ келліи раззорены. Спрашиваютъ они другъ у друга, что это такое? и удивляются. Отправились осматривать слѣды раззоренія и увидали изумительное дѣло: увидали церковь раззоренную, людей сожженныхъ на угляхъ. Изумились благословенные, увидавъ это и недоумѣвая говорили другъ другу: „развѣ мы были въ такомъ глубокомъ снѣ, что не замѣтили, какъ произошло это дѣло?“ Другіе говорятъ: „Повѣрьте, мы сегодня не спали, но, какъ это сдѣлалось мы понять не можемъ“. Когда они такъ разговаривали, послышался изъ груды тѣлъ стонъ. Увидали человѣка, извлекли его и ужаснулись: руки и ноги у него были переломаны, глаза исторгнуты; уцѣлѣлъ онъ самъ потому, что угли костра погасли. Отнесли его въ одну изъ семи оставшихся келій, а сами пошли хоронить мертвыя тѣла. Идущимъ имъ повстрѣчался одинъ юноша, который сказалъ: „Куда идете?“ Говорятъ братія: „Идемъ хоронить тѣ Святыя тѣла“. Говоритъ юноша: „Не святыя онѣ, но нечистыя; берегитесь же и не кладите нхъ въ усыпальницу, чтобы не осквернить чистыя тѣла, которыя тамъ почиваютъ; порадѣйте о вынутомъ изъ огня сожителѣ вашемъ, который въ келліи, онъ все вамъ скажетъ въ подробности; черезъ три дня я имѣю прійти взять его“. Говорятъ братія: „Куда же отведешь ты его“. Говоритъ юноша: „Туда, куда повелѣно будетъ Богомъ“. Тотчасъ юноша вознесся отъ нихъ. Иноки сотворили, какъ повелѣлъ юноша, погребли тѣ тѣла на другомъ мѣстѣ; стали ухаживать за уцѣлѣвшимъ, онъ немного ожилъ. Тогда старецъ спросилъ его: „Что постигло васъ чадо мое?“ Говоритъ послушникъ: „Прости меня, отче, мое преслушаніе привело меня подъ это нашествіе“. Говоритъ ему старецъ: „Разскажи намъ, какъ это произошло?“ Говоритъ послушникъ: „Пришелъ ангелъ сатанинъ со всѣмъ войскомъ своимъ, чтобы напасть на насъ за тѣ нападенія, которыя мы производили на жизнь монашескую и вотъ нашло на главу нашу за наши нападенія воздаяніе четверицею. Если бы я слушался тебя, то не пострадалъ бы сего, еслибы соблюдалъ уставъ такъ, какъ ты говорилъ мнѣ; но я только на глазахъ хранилъ, то что ты мнѣ говорилъ, втайнѣ же исполнялъ внушеніе скоромниковъ. Когда

я услыхалъ звонъ, то пошелъ не спросясь тебя; мы собрались въ соборѣ чтобы встрѣтить войско ангела сатанина, (пришедшее) подъ видомъ поклонниковъ; мы подошли къ нимъ, чтобы привѣтствовать ихъ, они же насъ вдругъ схватили и одного за другимъ перевязали. Мы сначала подумали, что это ради шутки; потомъ увидѣли, что одна часть войска стала поджигать каливы, другая—въ церкви выбивать двери и окна, выносить иконостасъ церковный, сваливать иконы въ кучу у порога церковнаго; наконецъ, принесли огонь и зажгли. Мы думали, что они золота ищутъ, но увидѣли, что они бросаютъ иконы въ огонь вмѣстѣ съ ризами. Всѣ они при этомъ были безгласны, переговариваясь другъ съ другомъ знаками. Когда же окончилось пламя и остались уголья, то разгребли они угли, стали насъ одного за другимъ хватать, ломать руки и ноги и потомъ бросать на раскаленные угли. Прошу, тебя старче мой, прости меня, что я не слушалъ тебя. Прошу и молю тебя старче, мой, пріими меня, какъ раньше, (послушникомъ своимъ, т. е., не отрекись нынѣ отъ меня); поскорѣе сдѣлай меня монахомъ, и да пріобщуся я Пречистыхъ Таинъ, ибо худо мнѣ и обѣщался я сіе сдѣлать во время нападенія. Прошу тебя, не возбрани мнѣ дѣло сіе!“

Услыхавъ это, старецъ принялъ его, какъ и было явлено ему, что черезъ три дня послушника возьметъ (ангелъ); старецъ сдѣлалъ его монахомъ и пріобщилъ Пречистыхъ Тайнъ; черезъ три дня во время вечерни, по окончаніи службы, отдалъ сей страдалецъ общій долгъ, и старецъ похоронилъ его въ землю. Вернулась братія въ келліи свои, и каждый соблюдалъ уставъ такъ, какъ хотѣлъ того самъ уставъ (т. е. по духу, а не только по буквѣ). Такъ они слушались устава, что былъ онъ для нихъ какъ второе Евангеліе; сначала слушались Евангелія, потомъ устава, какъ и нынѣ слушаютъ поученія Преподобнаго Отца нашего Θеодора Студита. Такъ держали они уставъ до самой смерти своей. Но никого не находилось больше, чтобы подражать ихъ суровой жизни, ибо скитъ опустошился по снисходительности человѣческой. (т. е. монаховъ скита къ порокамъ, ибо трудно было влить новое вино въ старые мѣхи). Пока жили тѣ обитатели семи келлій, до тѣхъ поръ соблюдали весь уставъ; послѣ-же смерти ихъ скитъ остался пустъ и обнаженъ отъ всѣхъ благодатныхъ дарованій.

ГЛАВА XX.

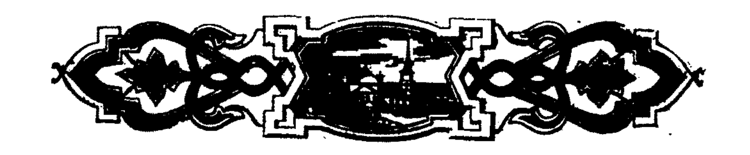
Заключительное воззваніе Святаго Нила.

О, преподобнѣйшіе отцы! представляете-ли вы себѣ, съ какимъ трудомъ и болѣзнями достигалъ Преподобный Отецъ нашъ Сервій того, чтобы привлечь на скитъ благодать Всесвятаго Духа, однако скитъ не только остался пустъ отъ всякихъ благодатныхъ дарованій, но и людьми совершенно запустѣлъ.

Возстань, Преподобный Сервій, чтобы посмотрѣть на скитъ твой, таковъ-ли онъ, какимъ ты установилъ его, или напрасными сдѣлались труды твои? Не только не тщетны оказались труды твои, но плодо-принесли они въ тѣхъ, которые боялись Бога и соблюдали уставъ, который ты установилъ имъ. Тѣ и плодоносили во всякомъ родѣ, плодонося изъ рода въ родъ. Отчего-же нынѣ родъ столь уклонился къ погибели и отпалъ отъ плода спасенія?

Востань, Преподобне Сервіе, посмотрѣть, какой стала келлія твоя тростниковая; нынѣ здѣсь вмѣсто этой келліи—такой дворецъ, что даже и въ Римѣ нѣтъ; вмѣсто соломенной крыши, устроена крыша дорогая, подъ которой кутаются въ мягкіе одѣяла, покрываются дорогими тканями, чтобы не простудиться и не погубить свое тлѣнное тѣло.

Но, чѣмъ болѣе хранятъ себя, чтобы не повредить, тѣмъ болѣе *повреждаются.*



ЧАСТЬ V.

Описаніе явленій святаго Нила Θеофану.

ГЛАВА I.

Первое явленіе Святаго Нила Θеофану въ 1813 году. Искушеніе Θеофана, Впаденіе въ бѣснованіе. Нападеніе бѣсовъ. Святой не даетъ бѣсамъ убить Θеофана и затѣмъ, въ сонномъ видѣніи. исцѣляетъ Θеофана отъ побоевъ, грыжи и бѣснованія. Новое искушеніе. Предварительное явленіе Святаго. Нападеніе бѣсовъ на каливу Θеофана.

„Не только въ древности чудесно являлись по смерти Святые Угодники и творили чудеса, но и поднесь являются и чудотворятъ, источая свои благодѣянія не только на усердныхъ подвижниковъ, но, что особо знаменательно, творятъ свои чудеса и надъ таковыми, которые спятъ глубокимъ сномъ грѣховнымъ. Сіе дѣлаютъ Святые для того, чтобы возбудить ихъ отъ грѣховнаго сна, исхитить изъ рукъ уловившаго ихъ въ свои сѣти врага міродержца и избавить отъ порабощенія діавольскаго.

Это именно и сотворилъ Преподобный Отецъ нашъ Нилъ Мироточивый Аѳонскій съ однимъ монахомъ Θеофаномъ, котораго освободилъ отъ плѣненія бѣсовскаго, вывелъ на спасительную стезю покаянія и руководствовалъ потомъ на пути спасенія, наставляя и поучая многими поученіями и притчами. Все это и составляетъ предметъ настоящей рукописи“.

Такими словами начинаетъ Θеофанъ свое повѣствованіе.

Монахъ Θеофанъ прибылъ изъ Каппадокіи во Св. Гору и былъ принятъ въ послушаніе однимъ старцемъ Кавсокаливскаго Скита; потомъ воспріялъ постригъ. Проживъ у старца нѣсколько лѣтъ, онъ соблазнился своимъ старцемъ, разочаровался въ немъ и ушелъ въ общежительный монастырь Руссикъ. Здѣсь встрѣтило его новое искушеніе на метохѣ, куда его однажды послали, и гдѣ онъ палъ тяжкимъ паденіемъ, какъ видно ниже изъ обличенія Святаго и изъ признанія самого Θеофана. Послѣдствіемъ этого паденія было бѣснованіе, которымъ Богъ покаралъ Θеофана; мучимый симъ недугомъ Θеофанъ не въ силахъ былъ долѣе жить въ обители и вернулся на родину. Тамъ, въ Назіанзѣ, одинъ благоговѣйный іерей нѣсколько облегчилъ недугъ Θеофана и отогналъ, было, бѣса, но посемъ Θеофанъ, какъ видно изъ обличенія Святаго, впалъ въ новыя искушенія и тягчайшіе грѣхи; видя предъ собою конечную душевную гибель, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и, вырвавшись изъ міра, рѣшилъ искать убѣжища во Святой Горѣ, чтобы здѣсь всю прочую жизнь свою посвятить покаянію.

Однако на Аѳонѣ Θеофанъ встрѣтилъ почти непреодолимыя препятствія осуществить свое благое намѣреніе, ибо въ виду дурной славы Θеофана никто не хотѣлъ принимать его. Это вынудило Θеофана отказаться отъ своего благого намѣренія и возвратиться въ міръ; Θеофанъ со скорбью сталъ собираться къ отъѣзду и началъ запасать себѣ продовольствіе въ путь. Съ этой цѣлью пришелъ онъ однажды на ясную полянку, невдалекѣ отъ Кавсокаливскаго Скита, изобиловавшую травой укропомъ. Θеофанъ думалъ нарвать укропу, чтобы вымѣнять его на хлѣбъ для дороги. Но труды Θеофана были напрасны, ибо передъ тѣмъ стояли холодные дни и трава померзла.

На полянкѣ той стояла заброшенная ветхая хижина, около которой Θеофанъ увидалъ незнакомаго старика-монаха, который какъ-бы искалъ тоже укропа. Они поздоровались; Θеофанъ заинтересовался ветхой хижиной и направился къ ней, чтобы осмотрѣть ее. Святой послѣдовалъ за Θеофаномъ и, видя, что онъ съ любопытствомъ разсматриваетъ хижину, сказалъ: „Зачѣмъ ты ее осматриваешь? развѣ поселиться въ ней хочешь?“

Θеофанъ: „Гдѣ мнѣ здѣсь выжить. Я и въ великихъ палатахъ [1]) не ужился. Да и жили-ли когда здѣсь люди?“

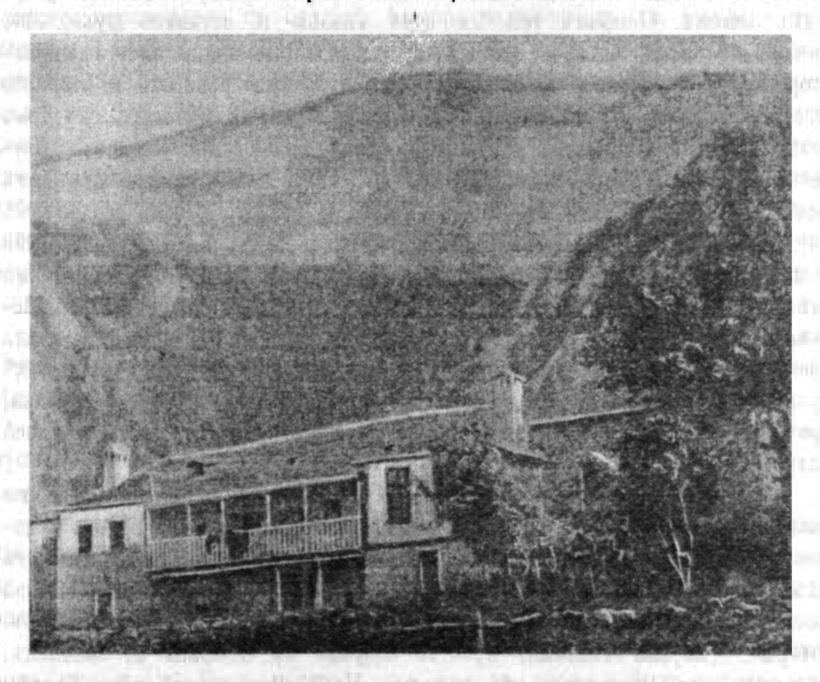
Святой: „Если-бы не жили, то и не строили. Скажу тебѣ лишь одно: если тебѣ угодно, то поселяйся въ ней, а я обѣщаю промышлять для тебя о всемъ необходимомъ“. —Сказавъ эти слова, старецъ вышелъ изъ келліи и исчезъ; Θеофанъ, тотчасъ вышедшій вслѣдъ за нимъ,

---

[1]) Очевидно, намекъ на Кавсокаливскіе корпуса и Руссикъ, гдѣ раньше жилъ Θеофанъ.

тщетно искалъ его повсюду, пока не убѣдился, что ему было чудесное явленіе неизвѣстнаго по имени угодника Божія. Чувствомъ необычайнаго мира и радости наполнилось сердце Θеофана; у него явилась твердая рѣшимость поселиться въ этой пустынной хижинѣ, въ надеждѣ на неложность обѣщанія Святаго пещись о всемъ необходимомъ.

Немедленно же Θеофанъ приступилъ къ исправленію хижины и водворился въ ней. Условія жизни показались сначала ему такими трудными, что онъ наконецъ пришелъ въ уныніе и сталъ сомнѣваться въ



Келлія Спанонъ (или Безбрадыхъ), съ церковію Успенія Божіей Матери.

возможности продолжать жизнь въ пустынѣ, ибо къ хижинѣ вела глухая тропинка; отъ Кавсокаливскаго скита надо было подниматься къ хижинѣ вверхъ по труднѣйшему подъему, всѣ матеріалы для постройки приходилось носить на себѣ; съ такими же затрудненіями было соединено хожденіе за водой въ скитъ. Если примемъ во вниманіе, что Θеофанъ страдалъ сильнѣйшей грыжей, тогда понятно будетъ изнеможеніе Θеофана.

Больше всего затрудняла Θеофана трудность подъема отъ скита; каково же было его удивленіе, когда однажды утромъ, будучи въ самомъ удрученномъ настроеніи и отправляясь за водой, онъ увидѣлъ, что какіе-то неизвѣстные ему монахи раздѣлываютъ тропу и исправляютъ са-

мое трудное мѣсто подъема. Такимъ образомъ, устранилось то, что больше всего затрудняло Өеофана. Эта неожиданная помощь увѣрила Өеофана въ томъ, что, обѣщавшійся пещись о немъ Угодникъ дѣйствительно печется о немъ, и онъ бросилъ мысль объ уходѣ.

Семь мѣсяцевъ мирно прожилъ Өеофанъ въ пустынной своей каливѣ, занимаясь вязаніемъ шерстяныхъ шапокъ, пока, наконецъ, завистнику-діаволу не удалось смутить его покой, прельстивъ мыслію, что шапки вязать дѣло малодоходное, а лучше заняться вырѣзываніемъ узорныхъ ложекъ. Өеофанъ увлекся этой мыслью и, оставивъ рукодѣлье, началъ посѣщать келлію Спанонъ, гдѣ нѣкоторые занимались симъ мастерствомъ, началъ учиться ему. Несмотря на ревность и старанія Өеофана, труды его были неуспѣшны, искусство не давалось ему; онъ раздражался и скорбѣлъ. Однажды, одинъ изъ братій, желая подшутить надъ Өеофаномъ, хлопнулъ его по спинѣ въ то время, какъ онъ сидѣлъ за верстакомъ. Өеофанъ, который и безъ того былъ раздраженъ неудачей, весьма разгнѣвался отъ неумѣстной шутки, вышелъ изъ себя и началъ поносить брата ругательными словами. За этотъ неистовый гнѣвъ Өеофанъ былъ немедленно наказанъ: къ нему возвратилось бѣснованіе и онъ упалъ, корчась въ страшномъ припадкѣ. Когда у Өеофана пробудилось сознаніе, онъ пришелъ въ себя и возвратился домой, гдѣ припадокъ повторился; послѣ сего бѣсъ каждый день терзалъ Өеофана, причиняя ему сильнѣйшія мученія, и Өеофанъ одинъ страдалъ въ своей каливѣ.

Въ одинъ вечеръ припадокъ былъ особенно сильный; когда же около девятаго часа ночи Өеофанъ пришелъ въ себя и нѣсколько успокоился, то бѣсы внезапно съ особою силой напали на него. Вокругъ каливы его вся мѣстность озарилась необыкновеннымъ свѣтомъ; калива наполнилась вооруженными людьми съ копьями и саблями въ рукахъ, которые, сверкая глазами, яростно взирали на Өеофана и, наконецъ, схвативъ его, потащили изъ каливы. Начальствовавшій надъ бѣсами свирѣпо крикнулъ: „бейте его!“—Бѣсы, ухвативъ Өеофана за ноги, кружили его по воздуху и, размахивая тѣломъ, ударяли Өеофана о землю и о камни. Өеофанъ, когда начали бить его, потерялъ всякую надежду спастись и сказалъ: аминь, т. е. конецъ. Бѣсы, ударяя Өеофана, приговаривали: „Раньше обѣщалъ намъ одно, а теперь творишь другое?“ -Наконецъ, начальствовавшій бѣсъ воскликнулъ: „Тащи его сюда!“ -Өеофана тогда потащили къ пропасти, но вдругъ бѣсы бросили его на землю и побѣжали отъ него, одни вверхъ въ гору, а другіе внизъ; на тропинкѣ показался Святой Нилъ, во образѣ старца Игнатія; Өеофанъ, увидавъ его, весьма обрадовался, и думая, что онъ возвращается съ рыболовства въ скитъ, рѣшилъ идти съ нимъ; собравшись съ силами, всталъ и пошелъ запереть каливу, но бѣсы, не желая оставить въ живыхъ свою жертву, сбросили на Өеофана большой камень,

который смертельно поразилъ Ѳеофана въ бокъ. Ѳеофанъ при обыкновенныхъ условіяхъ долженъ бы былъ пасть мертвымъ, но благодать Святаго сохранила ему жизнь, и онъ имѣлъ силы встать. Не имѣя силъ позвать Игнатія на помощь, Ѳеофанъ изъ послѣднихъ усилій пошелъ вслѣдъ за нимъ по тропинкѣ къ скиту, пытаясь догнать его, келью же свою онъ оставилъ открытой. Игнатій продолжалъ тихонько идти по дорогѣ, не оборачиваясь: Ѳеофанъ, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ догнать его. Такъ, наконецъ, дошли они до Кавсокаливскаго скита и поравнялись съ келліей благорасположеннаго къ Ѳеофану духовника Тимофея. Здѣсь мнимый Игнатій исчезъ. Ѳеофанъ, узнавъ знакомую келлію, постучался; когда его впустили, вошелъ онъ въ келлію, повалился на полъ безъ силъ и, хотя оставался въ памяти, однако не могъ двинуться ни однимъ членомъ, ни промолвить слова и объяснить братіи, что съ нимъ случилось. Онъ сильно страдалъ отъ нанесенныхъ бѣсами побоевъ, заснуть же не могъ. Братія оставила Ѳеофана и продолжала совершать утреню, не надѣясь, что Ѳеофанъ выживетъ. Къ концу утрени, передъ разсвѣтомъ, Ѳеофанъ уснулъ; тутъ ему опять явился Святой Нилъ во образѣ старца Игнатія и исцѣлилъ его.

Ѳеофану представилось, что онъ въ своей каливѣ и бесѣдуетъ съ Игнатіемъ. Указавъ рукой на огородъ, который раздѣлалъ Ѳеофанъ, Игнатій сказалъ: «Хорошо ты сдѣлалъ, что расчистилъ это мѣсто».

Ѳеофанъ: «Хорошо-то хорошо, да хорошо можетъ-ли быть въ пустынѣ?»

Святой: «Твое-ли жилище пустыннѣе моего?»

Ѳеофанъ удивился этимъ словамъ мнимаго Игнатія, ибо его келлія была богатая, и возразилъ: «Кому другому можно бы пожаловаться на убожество, но не Игнатію, у котораго столько бизуль», (т. е. огородныхъ и садовыхъ террасъ на склонѣ горы).

Святой: „Отчасти ты правъ, но не все знаешь, (т. е. не знаешь пока, что я Св. Нилъ и что жизнь моя въ пещерѣ была гораздо суровѣе твоей)“. Затѣмъ Святой сказалъ: „Терпи и живи“.

Ѳеофанъ: „Радъ бы здѣсь и жить и все переносить, но очень это трудно съ такой болѣзнію, какъ моя“.

Святой поднялъ руку, перекрестилъ Ѳеофана и сказалъ: «Во имя Господа нашего Іисуса Христа, да не мучитъ тебя отнынѣ бѣсъ».— Ѳеофанъ, не зная, что это говоритъ Святой Нилъ, усомнился въ словахъ Игнатія и сказалъ: «Столько заклинательныхъ молитвъ было надо мною читано, столько святынь, къ которымъ я прибѣгалъ, не помогли мнѣ, а теперь, неужели Игнатій однимъ своимъ благословеніемъ исцѣлитъ меня?»—Ѳеофанъ засмѣялся, но вдругъ почувствовалъ, что его грыжа ощутительно увеличивается, и испугался. Святой же сказалъ: „Это тебѣ, чтобъ не смѣялся. Однако сію болѣзнь терпи благодушно, ибо она способствуетъ отвращенію другой страсти, (т. е. полового по-

хотѣнія). Всѣми силами старайся стяжать терпѣніе, такъ какъ тебѣ отъ людей предстоятъ многія искушенія".—Затѣмъ Святой вышелъ изъ каливы; Ѳеофанъ пошелъ за нимъ проводить его. Дойдя до конца раздѣланной подъ огородъ площадки, Святой сказалъ: „Хорошо, такъ и будетъ съ тебя, чего тебѣ еще надо?"

Ѳеофанъ: «Отцы совѣтовали мнѣ воздѣлать еще больше, да я не послушалъ ихъ».

Святой: «Слыхалъ и я сіе, (т. е. такіе любостяжательные совѣты), но всего дороже терпѣніе».—Сказавъ это, Святой повернулся лицомъ къ Ѳеофану и промолвилъ: «Зайди какъ-нибудь ко мнѣ, подмети мою келлію и зажги лампаду, самъ я старъ и слабъ». (Прим. Терпѣніе дороже всего; Святой говоритъ о томъ, что для души подвижника претерпѣваніе нѣкоторыхъ недостатковъ и скудости гораздо полезнѣе, нежели обиліе всѣхъ земныхъ благъ).

Ѳеофана удивило предложеніе Святого прійти подмести ему келлію, ибо подъ начальствомъ Игнатія находилось не малое братство, и онъ сказалъ: „Такое у тебя братство, а ты мнѣ говоришь, чтобы я пришелъ подмести твою келлію? Да развѣ это возможно и развѣ дадутъ мнѣ это сдѣлать?"

Святой: «Всѣ они такъ осуетились попеченіями о земныхъ, что имъ нѣтъ больше дѣла до меня, существую я или нѣтъ». (Святой намекалъ на келлію Спанонъ).

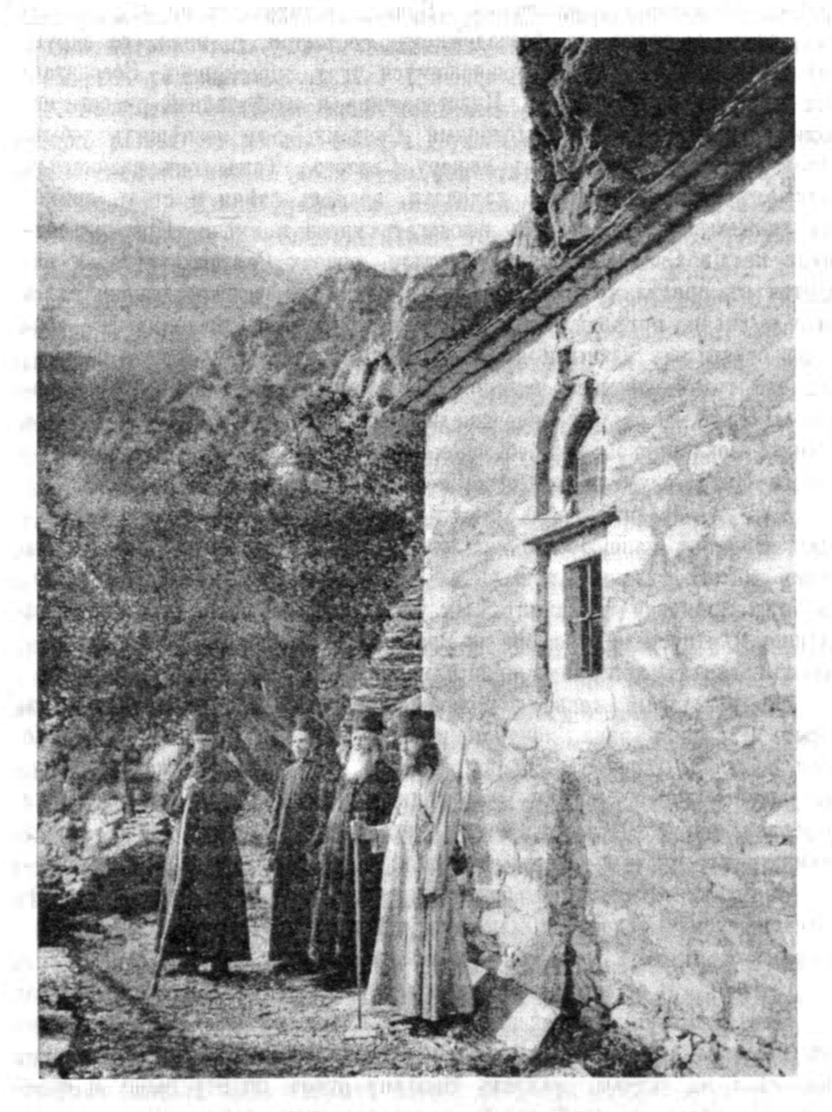
Ѳеофанъ: „Какъ же мнѣ имъ сказать, когда я пріѣду къ тебѣ, что я пришелъ подмести келлію отца Игнатія? Развѣ не прогонятъ они меня съ бранью? Не прійду я къ тебѣ".

Святой: «Не бойся, если они попробуютъ помѣшать тебѣ исполнить мое повелѣніе, то я накажу ихъ; я знаю, какъ съ ними надо поступить. Терпѣніе. Отнынѣ Богъ освобождаетъ тебя отъ этого страданія. Не бойся, имѣй терпѣніе».

Ѳеофанъ: «Ужели и на самомъ дѣлѣ освободитъ меня Богъ ради одного только благословенія монаха Игнатія? Напрасная надежда».

Святой: «Вотъ это именно невѣріе и губитъ тебя. Но, чтобы ты увѣрился: се, да исцѣлится грыжа твоя, и да возвратишься въ здравое состояніе. Если же ты и этимъ не увѣришься, то сугубо пострадаешь. Не зови меня Игнатіемъ, мое имя не Игнатій, а Нилъ, жилище мое надъ Каравостасомъ [1])».—Сказавъ это, Святой Нилъ пошелъ отъ Ѳеофана и, выйдя на тропинку, повернулъ въ сторону противуположную скиту. Ѳеофанъ же возвратился въ каливу; въ это мгновеніе онъ пробудился, и, о чудо! всталъ совершенно здравъ; отъ только что нанесенныхъ побоевъ не осталось и слѣда, грыжа пришла въ здравое со-

[1]) Пещера съ храмомъ преподобнаго находится надъ заливомъ, именуемомъ „Каравостасъ", (см. о семъ подробнѣе въ послѣдней главѣ: „Житіе Св. Нила").



У входа въ пещеру преподобнаго Нила.

стояніе, бѣснованіе прекратилось. Братія, оставившая не задолго передъ симъ Ѳеофана въ безнадежномъ состояніи, и, видя его вдругъ исцѣлившимся, удивилась свершившемуся чуду, прославивъ Всесвятаго Бога и Угодника Его Нила. Чувства мира и необычайной радости исполнили душу Ѳеофана; благодарный Святому, онъ поспѣшилъ добыть свѣчей и масла и пошелъ въ пещеру Святого. Тамъ онъ расчистилъ спускъ въ пещеру, устроилъ лампадку, возжегъ свѣчи и сталъ приходить каждый воскресный день возжигать масло и свѣчи. Прежніе обитатели келліи Спанонъ весьма почитали пещеру Святого, которая находится въ предѣлахъ ихъ владѣнія, постоянно возжигали они здѣсь масло и свѣчи, приходили также служить литургію; послѣдніе же обитатели осуетились разными предпріятіями и перестали посѣщать пещеру, такъ что тропу завалило камнями, а паломничество въ пещеру прекратилось. Нынѣ же чудеса, происшедшія съ Ѳеофаномъ, вновь привлекли многихъ поклонниковъ. Требующіе молитвенной помощи искали ее у Святого Нила, служили литургію, возжигали свѣчи и масло.

Черезъ 20 дней послѣ своего исцѣленія, на день Святителя Николая, Ѳеофанъ пришелъ въ скитъ, сначала къ духовнику Тимофею, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на бдѣніе въ келлію старца Филарета, гдѣ былъ храмовой праздникъ. На праздникѣ его попотчивали весьма радушно и отпустили Ѳеофана во-свояси, нагрузивъ его торбу всякими оставшимися отъ праздника припасами.

На слѣдующій день по возвращеніи домой, Ѳеофанъ, покушавъ до-сыта и выпивъ вина, почувствовалъ вдругъ сильнѣйшее разжженіе плоти и, чтобы успокоить кровь, вышелъ въ лѣсъ поискать укропу. Возвращаясь домой, увидалъ онъ у дверей своей келліи Святого Нила во образѣ старца Игнатія, но не догадался, что это Святой. Послѣ взаимнаго привѣтствія Святой спросилъ: «Гдѣ ты былъ, чадо угорѣлое?»

Ѳеофанъ: «Ходилъ пособрать укропу. Собираюсь позвать братій-мастеровъ помочь сложить каменную стѣнку вокругъ огорода, а то дикіе козлы приходятъ по ночамъ и поѣдаютъ мой лукъ».

Святой: «И я вижу это, однако терпѣніе — и Богъ поможетъ».

Ѳеофанъ открылъ дверь въ келлію и они вошли. Святой сотворилъ крестное знаменіе и поклонъ передъ иконою Пресвятыя Богородицы, сѣлъ на скамью, указалъ Ѳеофану рукою на эту икону и сказалъ: «Прибѣгай къ этой иконѣ, и она защититъ тебя».

Обведя взоромъ келью и увидавъ въ ней верстакъ для дѣланія ложекъ, Святой спросилъ: «Это что такое?»

Ѳеофанъ: «Верстакъ для ложекъ».

Святой: «Развѣ ложки дѣлаешь?»

Ѳеофанъ: «А ты развѣ только сегодня услыхалъ о томъ, что я дѣлаю ложки?»

Святой: «Брось это дѣло и твори рукодѣлье отцовъ. Желаніе,

явившееся въ тебѣ, изучить это мастерство, внушено тебѣ діаволомъ съ той цѣлью, чтобы увлечь тебя симъ дѣломъ и не дать тебѣ прійти въ мирное устроеніе».

Ѳеофанъ: «Что же прикажешь мнѣ дѣлать, старче Игнатіе? не видишь развѣ, что калива мала, а двухъ станковъ для расчески шерсти и для свиванія нитокъ въ ней не помѣстить».

Святой: «Твори рукодѣлье отцевъ, и хватитъ тебѣ на прожитіе».

Послѣ этого Святой спросилъ: «Что кушаешь ты, чадо угорѣлое?»

Ѳеофанъ: «А что мнѣ кушать?»

Святой: «Всѣми силами воздерживайся отъ вина, рыбы и прочей живности. Сходи къ подобію образа моего. (т. е. къ старцу Игнатію, ибо въ его образѣ явился Святой), и прикажи ему отъ меня помочь тебѣ окончить поскорѣе стѣнку твоего огорода, ибо спустя нѣсколько дней, въ седьмомъ часу ночи, (т. е. по нашему, зимой въ 2 часа), тебя должно постигнуть великое искушеніе, но ты яви терпѣніе. Востанутъ на тебя семь смертныхъ грѣховъ, въ которыхъ ты раньше согрѣшалъ, (т. е. тѣ нечистые духи. которые нѣкогда ввели Ѳеофана въ смертные грѣхи), кровь твоя потечетъ рѣкой изъ твоего носа. Эти смертные грѣхи и впредь во всю жизнь твою не отступятъ отъ тебя и будутъ бороть тебя, такъ какъ ты нѣкогда поддался имъ; поэтому, отъ совѣта духовника да не отступиши, (т. е. не предпринимай ничего, не посовѣтовавшись предварительно съ духовникомъ, и не вѣрь помысламъ твоимъ, ибо ты, по причинѣ прежней грѣховности твоей, подверженъ мысленному вліянію страстей, мысль твоя превратна и легко доступна лукавымъ помысламъ)".

При этихъ словахъ Ѳеофанъ началъ догадываться, съ кѣмъ онъ говоритъ, ибо вспомнилъ, что недавно являлся ему Святой во образѣ того же Игнатія, и сказалъ: «Ты не святой-ли Нилъ?»—Святой отвѣчалъ: «Ты говоришь», и исчезъ.

Ѳеофанъ послушался Святого и поспѣшилъ окончить стѣнку; ему помогъ Игнатій; черезъ пять дней стѣна была окончена. Въ эту самую ночь, проснувшись въ полночь, Ѳеофанъ всталъ и началъ по обыкновенію совершать утреню на четкахъ, какъ вдругъ услыхалъ за дверью мяуканье кота. Подумавъ, что это котъ скитскій просится впустить его, Ѳеофанъ пошелъ было открыть дверь, но тогда за дверью раздался голосъ осла, потомъ собаки, коня, верблюда, затѣмъ пустыня огласилась дикимъ ревомъ всѣхъ звѣрей вмѣстѣ; Ѳеофанъ въ ужасѣ бросился къ постели и отъ страха спрятался подъ одѣяло, закутавшись въ него съ головой. Ревъ звѣрей смѣнился шумомъ и топотомъ множества людей, которые окружили каливу и по-турецки восклицали: «Чего стоите?»—«Гдѣ онъ?»—«Внутри?»—Среди этихъ восклицаній вдругъ раздался начальственный голосъ: «Что же вы стоите и не тащите его оттуда?»—Вслѣдъ за этими словами разлетѣлось вдребезги окно каливы, бѣсъ же.

разбившій окно и сунувшійся было въ него, отскочилъ назадъ, воскликнувъ: «Какъ мнѣ войти туда, тамъ царскій тѣлохранитель?»—Но начальствовавшій свирѣпо и громко возразилъ: «Хотя бы тамъ былъ и царскій тѣлохранитель, какъ посмѣетъ онъ помѣшать мнѣ? Столько времени жилъ я съ нимъ, пусть же теперь расплатится за все, въ чемъ задолжалъ мнѣ».—И опять воскликнулъ онъ повелительно: «Разрушайте каливу и тащите его оттуда!» — Тогда бѣсы обрушились на одинъ изъ угловъ каливы и начали разрушать ее, причемъ съ грохотомъ летѣли камни и плиты съ крыши, раскидываемыя бѣсами. Вся калива дрожала; Ѳеофанъ въ ужасѣ ожидалъ, что сейчасъ обвалится потолокъ и его задавитъ. Отъ страха и ужаса помутилось у него въ головѣ, кровь устремилась въ голову и вдругъ потекла изъ носу обильнымъ потокомъ. Тогда вспомнилъ Ѳеофанъ, что сказалъ ему Святой про икону Божіей Матери и воскликнулъ: „Пресвятая моя! Пресвятая моя! Святче Божій, помози мнѣ!“—Въ отвѣтъ на это тотчасъ раздался голосъ Святого: „Не бойся, я здѣсь, несмысленный; чего испугался? Не страшился раньше того, когда слушался ихъ, и не боялся ихъ тогда, а теперь что въ нихъ страшнаго? Се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“. — Раздавшійся голосъ Святого обратилъ бѣсовъ въ бѣгство, всѣ они мгновенно исчезли; наступила полная тишина и Ѳеофанъ мирно уснулъ до утра. На разсвѣтѣ онъ пошелъ въ скитъ и разсказалъ братіи все приключившееся съ нимъ. Многіе ходили поглядѣть на произведенное бѣсами разрушеніе; видѣли также на полу каливы слѣды обильно истекшей изъ носу Ѳеофана крови и убѣдились въ истинности словъ его.

Нѣсколько дней спустя Ѳеофанъ чуть не былъ раздавленъ обрушившейся скалой, и Святой опять чудесно спасъ его. Онъ добывалъ камни у подножія ея, какъ вдругъ услыхалъ голосъ: „Уходи поскорѣй отсюда“.—Ѳеофанъ вышелъ посмотрѣть, кто зоветъ его, но, не увидѣвъ никого, хотѣлъ было вернуться къ своему дѣлу; вдругъ скала съ грохотомъ обрушилась, заваливъ камнями то самое мѣсто, подъ которымъ только что работалъ Ѳеофанъ, и гдѣ онъ долженъ былъ неминуемо погибнуть, еслибы не позвалъ его Святой.

Вскорѣ послѣ этого Святой опять чудесно явился Ѳеофану, показавъ ему, гдѣ взять известки, чтобы исправить разрушенія произведенныя бѣсами.

Когда Ѳеофанъ впервые поселился въ своей каливѣ, то для исправленія ея взялъ известки самовольно въ одной близлежащей печи, хотя потомъ сказалъ о семъ владѣльцу, имѣя намѣреніе расплатиться съ нимъ, но владѣлецъ весьма разгнѣвался на поступокъ Ѳеофана, не хотѣлъ даже принимать платы, требуя, чтобы Ѳеофанъ возвратилъ ему взятую известку. Снова потребовалась Ѳеофану известь, и, такъ какъ никто не давалъ ее Ѳеофану, несмотря на просьбу его, то онъ рѣ-

шилъ, будь что будетъ, взять опять тамъ-же, гдѣ взялъ и первый разъ; съ этой цѣлью, вооружившись необходимыми орудіями и взявъ мѣшокъ, Ѳеофанъ отправился къ печи. Это, на видъ незначительное, дѣло могло имѣть для Ѳеофана роковыя послѣдствія, ибо владѣлецъ былъ и безъ того гнѣвенъ на него за прежнее; теперь-же онъ и вовсе не простилъ-бы Ѳеофану и сталъ-бы судиться съ нимъ, а это могло-бы въ концѣ концевъ привести къ выселенію Ѳеофана изъ лѣсной заброшенной каливы, на которую онъ никакихъ формальныхъ правъ не имѣлъ. Нужда Ѳеофана и угрожавшая ему опасность вызвали вновь чудесное содѣйствіе Святаго.

Выйдя изъ каливы и подойдя къ большой дорогѣ, Ѳеофанъ встрѣтилъ неизвѣстнаго ему старика монаха, который шелъ въ томъ же направленіи. Ѳеофанъ поздоровался съ нимъ и изъ вѣжливости предложилъ ему слѣдовать впереди, но неизвѣстный монахъ не согласился, предоставивъ сію честь Ѳеофану. Это былъ Святой Нилъ, котораго не могъ пока узнать Ѳеофанъ. Дорогой они начали бесѣдовать и Святой спросилъ Ѳеофана: „Для чего у тебя дикей, (т. е. кирка о двухъ лопастяхъ), на плечахъ? Куда идешь?“—Ѳеофанъ, не обинуясь, разсказалъ то, что раньше съ нимъ произошло и какъ онъ теперь хочетъ добыть себѣ известки. Святой выслушалъ его и сказалъ: „Не доброе дѣло творишь“.

Ѳеофанъ: „Что-же мнѣ остается больше дѣлать?“ Святой, таинственно намекая на свое обѣщаніе промышлять о всемъ потребномъ для Ѳеофана, отвѣчалъ: „Попроси еще у кого-нибудь, не дастъ-ли онъ тебѣ“.

Ѳеофанъ: „Имѣется у нѣкоторыхъ, да не даютъ. Въ чемъ другомъ здѣсь не отказываютъ, только известки не достать“.

Святой: „Это ихъ дѣло, каждый хозяинъ надъ своей собственностію“.—Наконецъ, они дошли бесѣдуя до одной заброшенной известковой печи, и Святой, остановившись, сказалъ: „Вотъ здѣсь есть известь, куда тебѣ еще идти?“—Печь вокругъ заросла густымъ кустарникомъ, внутри ея дно было загромождено камнями; Ѳеофанъ усумнился и сказалъ: „Возможно-ли быть здѣсь известкѣ?“— „Какъ не быть, есть“.— Съ этими словами Святой подошелъ къ печи и сказалъ: „Имѣется-ли у тебя, чѣмъ посѣчь эти кусты?“—Ѳеофанъ вынулъ круглый ножъ и Святой сказалъ: „Срѣзай эти вѣтви“.—Когда Ѳеофанъ расчистилъ доступъ къ печи, Святой сказалъ: „Перекрестись и полѣзай внутрь“.— Ѳеофанъ перекрестился, Святой тоже; оба они спустились въ печь, начали расчищать дно и освобождать отъ камней. Святой сказалъ Ѳеофану: „Въ той сторонѣ нѣтъ, гдѣ ты ищешь, а вотъ здѣсь есть“,—и указалъ рукою мѣсто, гдѣ слѣдовало искать; мѣсто было завалено великимъ камнемъ, который Святой съ необычайной легкостію отвалилъ на сторону. Ѳеофанъ изумился такой необычайной силѣ и сказалъ: „Откуда у тебя, старика, взялась такая сила, что ты съ такою легкостію ворочаешь такіе камни?“—Святой-же, съ улыбкой взглянувъ на Ѳеофана,

сказалъ: „Не будь такъ любопытенъ, ибо любопытство не полезно“.— Затѣмъ, указавъ рукой, гдѣ именно слѣдуетъ копать, сказалъ: „копай здѣсь“.

Ѳеофанъ: «Хорошо, сдѣлаю, но только какая можетъ быть здѣсь известь? пока я вижу одну лишь землю».

Святой: «Сними эту землю; подъ ней окажется сухая известь, которую и употреби на свою потребу; подъ ней есть еще лучшая известь, которой воспользуйся, чтобы устроить цистерну, но сдѣлай ее не какъ-нибудь, а тщательно и прочно».

Когда послѣ сихъ словъ Ѳеофанъ поднялъ голову, чтобы взглянуть на старика, его уже не было, онъ исчезъ.

Ѳеофанъ, раскопавъ землю, дѣйствительно нашелъ известь и исполнилъ то, что намѣревался сдѣлать.

Въ теченіи этого 1813-го года, черезъ четыре мѣсяца послѣ поселенія Ѳеофана въ лѣсной каливѣ, было еще одно чудесное явленіе Святаго Нила Ѳеофану, но, такъ какъ это событіе находится въ связи съ тѣмъ, что говорилъ Святой во время явленія его Ѳеофану въ слѣдующемъ 1814-мъ году, то оно тамъ и описывается.

ГЛАВА II.

Явленіе Святаго Нила Ѳеофану въ 1814-мъ году во образѣ пастуха. Данныя Ѳеофану заповѣди. Возвращеніе котелка, взятаго Святымъ въ 1813-мъ году

По исправленіи каливы Ѳеофанъ нѣкоторое время прожилъ мирно но доброненавистникъ діаволъ, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что Ѳеофанъ поселился въ мѣстахъ обильныхъ укропомъ, (гдѣ скитяне обычно зимой собирали эту траву), воздвигъ въ нѣкоторыхъ изъ скитянъ зависть къ Ѳеофану и вражду за то, что онъ якобы обираетъ весь укропъ и прочія травы, такъ что имъ ничего не остается. Ѳеофанъ сильно вознегодовалъ на несправедливыя притязанія скитянъ; діаволъ, смутивъ его, воспламенялъ Ѳеофана злобой противъ обижающихъ его и желаніемъ отомстить имъ. Итакъ, Ѳеофанъ былъ опять на краю погибели, ибо, съ одной стороны, вражда къ нему скитянъ могла привести къ тому, что его изгнали-бы изъ его спасительнаго убѣжища, и онъ принужденъ былъ-бы вернуться въ міръ; съ другой стороны, будучи плѣненъ злобными и мстительными помыслами, онъ могъ совершить какой-нибудь безумный шагъ. Но и на этотъ разъ Святой Нилъ пришелъ на помощь въ рѣшительную минуту и спасъ Ѳеофана.

24-го Февраля, находясь подъ вліяніемъ злопамятныхъ помысловъ, Ѳеофанъ до того разстроился, что всю ночь отъ обиды плакалъ

и не могъ ни мало уснуть; такъ промучился онъ до утра, когда, наконецъ разсвѣтало и Ѳеофанъ сѣлъ за рукодѣлье. Въ это самое время раздался стукъ въ дверь и голосъ: „Отче, эй отче!“ — Ѳеофанъ отперъ дверь и увидалъ передъ собою старика, одѣтаго такъ, какъ обыкновенно ходятъ Лаврскіе пастухи. Старикъ былъ въ черномъ подряснишкѣ, на плечи былъ накинутъ козій мѣхъ, за поясомъ было заткнуто нѣсколько ножей, въ рукахъ была палка. Это былъ Святой Нилъ, но Ѳеофанъ не догадался и подумалъ, что это старецъ надъ Лаврскими пастухами. Святой сказалъ: „Есть-ли у тебя огонь, погрѣться“? — Ѳеофанъ, отвѣтивъ что есть, пригласилъ взойти и сталъ поправлять костеръ въ очагѣ, но Святой продолжалъ стоять передъ открытыми дверьми, въ каливу не входилъ и шепотомъ читалъ наизусть псалтиръ, повидимому справляя великопостные часы, (вмѣсто которыхъ нѣкоторые пустынники прочитываютъ всю псалтирь). Ѳеофанъ разобралъ стихи 144 псалма: „Царство Твое царство всѣхъ вѣковъ и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ“ *)... „Вѣренъ Господь во всѣхъ дѣлѣхъ Своихъ и преподобенъ во всѣхъ словесѣхъ Своихъ...“—и, заключивъ, что старецъ оканчиваетъ часы, попытался было прервать молитву старца, началъ звать его въ келлію, но Святой не отвѣчалъ на зовъ Ѳеофана, пока не окончилъ всей псалтыри и не сдѣлалъ отпуста; тогда лишь Святой вошелъ въ каливу и сказалъ: „Давай прочтемъ акаѳистъ Богородицѣ“. — Ѳеофанъ возразилъ: „Иди, согрѣйся сначала, а потомъ прочтешь“.—Но Святой отвѣтилъ: „Не вспашешь, и пшеница не взойдетъ, не польются бразды дождемъ, не нальется и зерно въ колосѣ“,—сказавъ это, началъ онъ съ великимъ благоговѣніемъ читать акаѳистъ, творя на каждомъ припѣвѣ: „радуйся Невѣсто неневѣстная“—земной поклонъ. (Чтеніе Святымъ псалтыри и акаѳиста должно было, повидимому, служить къ обличенію нерадѣнія Ѳеофана, который эту ночь, обуреваемый помыслами, не совершилъ слѣдуемыхъ молитвъ, положенныхъ за утреню и прямо сѣлъ, вставъ съ постели, за рукодѣлье). Когда Святой дошелъ до послѣдняго кондака: „О, всепѣтая Мати“.., то сначала онъ прочелъ его обычно, но во второй разъ сказалъ такъ: „О, всепѣтая Мати, сохрани противулежащій Кавсокаливскій скитъ, монаха Амвросія и всю о Христѣ братію“, — въ третій же разъ сказалъ: „О, всепѣтая Мати, сохрани сіе новое обиталище монаха Ѳеофана и всѣхъ благодѣтельствующихъ ему“. — Потомъ Святой обратился къ Ѳеофану и сказалъ: „Теперь ты прочти „Взбранной Воеводѣ“.—Ѳеофанъ отвѣтилъ, что не умѣетъ, но Святой подсказалъ ему и сдѣлалъ слѣдующій отпустъ: „Господи Іисусе Христе, молитвъ ради Святыхъ Отецъ нашихъ, иже въ сей Горѣ Аѳонской, молящихъ Матерь Твою, пріими сіе моленіе и отжени сопротивниковъ, воставшихъ на насъ, отъ кото-

*) Въ Великомъ посту, каждая вечерня оканчивается также симъ псалмомъ.

рыхъ страждетъ Гора сія".—Воставшіе сопротивники были тогда шайки разбойниковъ, нашедшія на Святую Гору и умыслившія разорить и ограбить монастыри и келліи. Гора была въ великомъ страхѣ, ибо они уже начали приступать къ исполненію своего злодѣйства, но сія молитва Святаго отогнала ихъ; неожиданно черезъ два дня послѣ сего они сами удалились со Святой Горы).

Окончивъ молитву Святой сказалъ: „Благослови".

Ѳеофанъ: „Добро пожаловать, сюда пожалуй, погрѣйся".

Святой: „Нѣтъ, я пойду".

Ѳеофанъ: „Куда пойдешь? Зачѣмъ-же тогда входилъ, если уже и уходить хочешь?"

Святой: „Зашелъ было погрѣться, но время ушло, скотина вѣрно разбрѣлась, и надо пойти поглядѣть".

Ѳеофанъ: „Какая бѣда, если и разбрѣлась; послѣ успѣешь пріити".

Святой: „Ладно, присяду, ибо въ другой разъ не приведется пожалуй больше намъ съ тобой повидаться и побесѣдовать уста къ устамъ", (т. е. лицемъ къ лицу).

Ѳеофанъ: „А развѣ, до этого, мы съ тобою когда-либо встрѣчались или бесѣдовали гдѣ?"

Святой: „И встрѣчались много разъ и бесѣдовали, но ты не узнаешь меня. Скоро узнаешь, кто я таковъ".

Ѳеофанъ: „А кто можешь ты быть таковъ, чтобы была нужда знать тебя? Пастухъ— ты, пастухомъ и будешь; нечѣмъ тебѣ похвалиться, развѣ только что мѣхомъ твоимъ козьимъ. Впрочемъ, бывало, что и на васъ иногда, какъ съ крыши на голову, обрушивалось счастіе, и изъ вашего брата пастуховъ дѣлались цари, какъ напримѣръ тотъ, который когда-то пасъословъ, (Иконоборецъ Кононъ). Поэтому, можетъ быть, и ты когда-нибудь царемъ сдѣлаешься; ну тогда придется узнать тебя, кто ты таковъ". — Сравненіе съ иконоборцемъ весьма прогнѣвало Святого; онъ гнѣвно взглянулъ на Ѳеофана такъ, что тотъ испугался, но Святой, снова кротко взглянувъ на Ѳеофана, сказалъ: „Ну, что дѣлать съ тобой? погодя немного, я тебя исправлю".— Ѳеофанъ ободрился. Святой обвелъ взоромъ каливу и, увидавъ въ ней множество разныхъ сосудовъ съ припасами, сказалъ: „Къ чему тебѣ все это? Развѣ ты поселился здѣсь, чтобы лавку заводить, а не для того, чтобы безмолствовать?"—Затѣмъ, перемѣнивъ предметъ разговора, спросилъ: „А что, не боишься жить здѣсь одинъ? И какъ ты рѣшился поселиться въ сей каливѣ, въ которой никто не могъ жить? Кто тебѣ это посовѣтовалъ? Какъ живется тебѣ? Какъ переносишь безутѣшность пустыннаго жительства?" — Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы, Ѳеофанъ подробно разсказалъ все, что съ нимъ произошло и какъ помогъ ему Святой Нилъ. Святой выслушалъ внимательно и сказалъ: „Видишь-ли

брате, какъ Богъ, благодѣтельствующій человѣку, сотворилъ тебѣ то, чего ты и не чаялъ, что̀ и людямъ не вѣрится. Смотри-же, чтобы тебѣ не оказаться неблагодарнымъ Богу".—(Какъ видно, Святой именно съ той цѣлью и началъ рѣчь о семъ съ Ѳеофаномъ, чтобы испытать, признателенъ-ли Ѳеофанъ Богу и Святому за все чудесное промышленіе о немъ. Оказалось, что Ѳеофанъ не забылъ благодѣяній Божіихъ и не вознесся ими, но смиренномудрствуетъ о своемъ недостоинствѣ и исполненъ чувства благодарности; поэтому онъ явился достойнымъ и дальнѣйшихъ чудесныхъ промышленій и откровеній).

Ѳеофанъ: „А что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, чтобы сотворить угодное Богу, явить себя благодарнымъ Богу и Святому, разскажи мнѣ".

Святой: „Для чего ты спрашивалъ? Если ты обѣщаешься исполнить на самомъ дѣлѣ то, что я скажу, а не на словахъ только, то я готовъ научить тебя".

Ѳеофанъ: „Скажи, что слѣдуетъ дѣлать мнѣ, я запомню и исполню".

Святой: „Обѣщаешься-ли исполнить то, что я скажу?"

Ѳеофанъ: „Да, какъ ты мнѣ скажешь, такъ я и буду дѣлать".

Святой: „Отъ души-ли это говоришь, или устами только?"

Ѳеофанъ: „Отъ всего сердца и отъ всей души обѣщаюсь исполнить все то, чему ты меня научишь. Да будетъ этому свидѣтелемъ Святой Нилъ, и, если я не исполню обѣщанія, пусть меня онъ накажетъ, какъ я того буду стоить".—Услыхавъ отъ Ѳеофана такую клятву Святой строго сказалъ: „О человѣче! какъ рѣшился ты дать мнѣ такое клятвенное обѣщаніе, не узнавъ раньше, ни что я за человѣкъ, ни чего я отъ тебя потребую? Каково было-бы, если-бы я оказался коварнымъ прельстителемъ, умыслившимъ ввести тебя въ хулу, сдѣлать причастникомъ какихъ-либо хульныхъ догматовъ, хулящихъ чины небесные, Пресвятую Троицу и Пресвятую Богородицу, ибо тебя, какъ неграмотнаго и несвѣдущаго въ Писаніи, весьма легко ввести въ подобную хулу? Не слѣдуетъ всякому довѣряться. Могъ-бы оказаться на моемъ мѣстѣ и демонъ, который, можетъ быть, внушилъ-бы тебѣ слѣдовать за нимъ, подвелъ-бы тебя къ пропасти и, сбросивъ въ нее, убилъ-бы тебя. Или повелъ-бы тебя къ морю, представилъ-бы тебѣ мечтательно водную поверхность твердой какъ суша, и пошелъ-бы по ней впереди тебя, ты же послѣдовалъ бы за нимъ и потонулъ-бы. Это я тебя предупреждаю на всякій случай, чтобы ты впредь былъ остороженъ. Итакъ, отнынѣ берегись (довѣряться лицамъ, которыя неожиданно, или чудесно явились-бы тебѣ), впредь никому не довѣряйся, ничьихъ совѣтовъ не принимай, и ничьихъ приказаній не исполняй, (т. е. хотя-бы во образѣ свѣтоноснаго ангела кто явился). Пресвятая Госпожа наша Богородица и Владычица міра да сохранитъ тебя и да покроетъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и отъ ихъ искушеній".—Затѣмъ Святой сказалъ Ѳеофану: „Желаніе твое я исполню и скажу тебѣ, то о чемъ

ты просилъ, только смотри, исполни твою клятву и не окажись клятвопреступникомъ, потому что, если не соблюдешь заповѣди, которую я тебѣ дамъ, то неминуемо впадешь въ великое искушеніе. Первая изъ сихъ заповѣдей есть слѣдующая: „Чти отца твоего и матерь твою и, веемъ крестъ, слѣдуй за мною“.—Разумѣешь-ли смыслъ?“

Θеофанъ: „Нѣтъ, совсѣмъ не понимаю“.

Святой: „Это означаетъ, что ты долженъ такъ чтить отцевъ и братій, какъ родныхъ отца и мать, чтобы, если кто оскорбитъ тебя, то принять отъ него оскорбленіе такъ, какъ ты принялъ-бы отъ отца или матери, то есть, не считалъ бы для себя оскорбительнымъ услышать отъ нихъ какія-либо оскорбительныя слова, не злобился, и не мстилъ-бы. Какъ по отношенію къ родному отцу и матери совѣсть не позволила-бы тебѣ мстить, враждовать или злопамятствовать за какое-либо полученное отъ нихъ поношеніе, такъ блюди сердце и помыслы твои, чтобы не дать войти въ нихъ какому-либо злому расположенію противъ обидѣвшаго брата; пусть совѣсть твоя не допускаетъ тебя предпринять что-либо мстительное противъ оскорбившаго тебя. Когда-же кто тебя опечалитъ пойди къ нему, поклонитесь другъ другу и простите другъ друга“.

Θеофанъ: „Но что-же мнѣ, отче, съ ними дѣлать, когда они безпричинно нападаютъ на меня и вводятъ этимъ въ искушеніе, а я гнѣваюсь на нихъ?“

Святой: „Чѣмъ-же именно они соблазняются, изъ-за чего нападаютъ на тебя и чѣмъ вводятъ тебя въ искушеніе? Что сдѣлалъ ты имъ?“

Θеофанъ: „Я ничего противнаго имъ не дѣлалъ, они же понапрасну нападаютъ на меня и кричатъ, что я будто-бы всю траву обрываю, а имъ ничего не остается“.

Святой: „До сего времени всегда ходило много людей и собирали, недостатка въ травѣ не было, а теперь оказывается, что изъ-за тебя одного стало не хватать имъ травы? Развѣ не понимаешь, что это есть навожденіе діавола, который возстановилъ ихъ противъ тебя съ тѣмъ, чтобы ввести тебя въ бѣду. А ты предложи имъ противоядіе, и они умирятся“.

Θеофанъ: „Какое-же противоядіе предложить имъ?“

Святой: „Перестань отъ сего дня и впредь собирать травы: укропъ, дикую спаржу, авруныо, отъ сего места и до скита, и не только не сбирай, но и въ пищу употреблять ихъ перестань. Пусть ими до сыта наѣдаются противники твои и пусть отравятъ (въ себѣ дѣйствіе діавольской клеветы, которою отравились“).

Θеофанъ: „Не поможетъ. Теперь, собирай я, или не собирай, все равно будутъ говорить, что собираю; поэтому пусть кричатъ, а я буду себѣ собирать по прежнему“.

Святой: „Нѣтъ, перестань собирать травы отселѣ и до скита; если они и отъ этого не уймутся, а будутъ продолжать нападать на тебя, тогда сходи и скажи обо всемъ духовнику".

Θеофанъ; „Онъ то больше всѣхъ и востаетъ на меня".

Святой: „Знаю я это, но ты все-таки къ нему обратись и скажи; если-же онъ словъ твоихъ не приметъ, тогда пойди въ монастырь, пожалуйся эпитропамъ и поступи такъ, какъ они тебѣ скажутъ. Есть-ли изъ-за чего душѣ твоей обуреваться, вздыматься и ниспадать, когда дѣло это такъ легко поправимо? Будь миренъ и не бойся. Поминай ихъ на канонѣ твоемъ, говоря: „Помяни, Господи, востающихъ на мя, ненавидящихъ и обидящихъ мя". Берегись еще богобородаго Меθодія, потому что онъ великую бурю подыметъ противъ насъ".

Θеофанъ: „Отчего ты говоришь: противъ насъ? Что можетъ онъ имѣть противъ тебя? Допустимъ, что я безпутный и немысленный (могу возстановить его противъ себя), но у тебя съ нимъ какія могутъ быть сношенія?"

Святой: „Не знаю, чѣмъ могъ я его обидѣть, но я его знаю, а онъ меня не знаетъ, я вижу его, а онъ меня не видитъ, и тѣмъ не менѣе я для него такъ же невыносимъ, какъ дымъ отъ сѣрника, такъ что онъ не только глядѣть, но и слышать про меня не хочетъ". - Словами: «я знаю», Святой хочетъ сказать, что онъ ему молитвенно помогаетъ; словомъ: «вижу» — что взираетъ сострадательно).

Θеофанъ: «А тебѣ что, пусть себѣ творитъ, что хочетъ».

Святой: «Тебѣ злого онъ ничего сдѣлать не возможетъ, но на свою голову сотворитъ злую волю свою; поэтому, чтобы онъ противъ тебя ни сдѣлалъ, ты переноси съ терпѣніемъ, не возмущаясь, не смущаясь и не волнуясь, восходя и нисходя, (т. е. не возносись злобою и не нисходи въ отчаяніе), но возвращай мысль твою къ твоимъ грѣхамъ, прежде содѣланнымъ тобою, которыхъ у тебя такое множество».

Θеофанъ: «Откуда знаешь ты, что я таковъ?»

Святой: «По крови лица твоего видно, что ты убійца, отрекся Христа и палъ въ страстяхъ».

Θеофанъ: «Повѣрь мнѣ, что воистину я, окаянный, сотворилъ все то, что ты сказалъ», — и Θеофанъ сталъ разсказывать всю жизнь свою и исповѣдывать всѣ свои грѣхопаденія.

Святой: «Сдѣланнаго не воротишь, только теперь берегись, берегись, чтобы тебѣ отнынѣ и впредь больше не оскверниться. А что другіе умыслятъ противъ тебя — этого не бойся, пусть творятъ, что хотятъ; что они возмогутъ сотворить тебѣ? Поэтому, будь спокоенъ, заботься лишь о томъ, чтобы собирать помыслы свои во главу свою» — (т. е. не давать себѣ грѣшить мысленно и мечтать). Отъ этихъ словъ у Θеофана на душѣ сдѣлалось радостно, онъ утѣшился и умилился сердцемъ.

Послѣ этого Ѳеофанъ сказалъ: „Еще объ одномъ спрошу тебя?"

Святой: „О чемъ хочешь спросить?"

Ѳеофанъ: „Что значитъ слово "Богобородый", которымъ ты прозвалъ Меѳодія?"—Святой отвѣчалъ: „Богобородымъ я прозвалъ его потому, что онъ безбожникъ, для него его борода есть богъ, онъ чтитъ ее, какъ бога, но не чтитъ Бога небеснаго. Не Богородица его упованіе, но борода; она его утѣшеніе, она его упованіе. Ее почитаетъ онъ своей промыслительницей, своей спасительницей, но не у Бога надѣется обрѣсти покровъ и спасеніе. Поэтому и зову я его богобородымъ. Ты же, если хочешь спастись и не впасть въ убійство, смотри, тщательно береги себя отъ него; не принимай никакихъ его подарковъ, никакихъ его совѣтовъ, не имѣй съ нимъ никакихъ сношеній; когда встрѣтишься, то поклонись и тотчасъ же отходи отъ него, ибо онъ всецѣло поработилъ себя злу и сталъ образомъ нечестиваго іерея. Смотри же, тщательно храни себя отъ него, чтобы и тебѣ не сдѣлаться жертвой діавола. При всѣхъ же враждебныхъ его проступкахъ противъ тебя, соблюдай слѣдующее правило: переноси съ терпѣніемъ. Не бойся, вреда тебѣ сдѣлать онъ никакого не возможетъ; ты же переноси все Христа ради, и Богъ, видя твое терпѣніе, отвратитъ его отъ его злого умысла, или пресѣчетъ его злой совѣтъ.

Берегись еще отъ того, чтобы тебѣ, ни отсюда не посылать никакихъ писемъ въ міръ, ни другу, ни родному брату, ни родственнику, ни знакомому, ни изъ міра никакихъ писемъ не получать.

Запомни же хорошенько слова мои и смотри хорошенько, чтобы тебѣ исполнить ихъ въ точности; хорошенько внимай себѣ, чтобы не явиться клятвопреступникомъ и ни въ чемъ не преступить заповѣди сей. Еще остерегайся того, чтобы дерзать тебѣ входить въ алтарь и прислуживать священнику.

Остерегайся еще вообще всякаго повода, который могъ-бы возстановить противъ тебя скитянъ, чтобы не нашли-бы они благословной причины за злобу твою изгнать тебя отсюда и чтобы тогда діаволъ опять не угналъ тебя въ міръ и вновь не поработилъ-бы себѣ.

Когда шествуешь съ кѣмъ дорогой, какъ напр., когда идешь совмѣстно съ кѣмъ-нибудь къ литургіи въ скитъ, уступай иногда спутнику твоему честь идти впереди [1]).

Когда приходишь въ скитъ, не дерзай взирать на лица братій, но смотри всегда на землю, воспоминая ту персть, изъ которой ты созданъ Богомъ. Не входи въ скитъ безъ подоріона (т. е. рясы) и наметки и не ходи по скиту въ одномъ подрясникѣ.

Вотъ первая заповѣдь, старайся всѣми силами соблюсти ее.

Скажемъ вторую. Она выражается сими словами: „Мареа, Мареа,

---

[1]) На Аѳонѣ дороги — узенькія тропинки; двоимъ рядомъ идти нельзя, а надобно одному идти впереди, а другому позади.

печешися и молвиши о мнозѣ. Марія же благую часть избра".—Понимаешь ли, что это значитъ?—Ѳеофанъ отвѣчалъ:—„Не знаю".

Святой: „Сіе есть: храни себя отъ многоядѣнія, (чревоугодія), ибо оно помрачаетъ умъ человѣка, дѣлаетъ его дебелымъ, неспособнымъ для духовныхъ созерцаній, нерадивымъ, лѣнивымъ къ Богослуженію и молитвѣ, небрежнымъ къ канону; особенно треклятый врагъ чрезъ эту страсть, обременяя умъ (сонливостію) и отягощая все тѣло великой тяготою, препятствуетъ ночному бдѣнію. Остерегайся ѣсть бобовыя растенія: ровитъ, фасоль, бобы и т. п. Остерегайся ѣсть сырые фрукты: виноградъ, груши, яблоки и т. п. Изъ всѣхъ плодовъ можно тебѣ ѣсть сіи четыре: орѣхи—простые и волоцкіе, маслины, изюмъ и смоквы, причемъ, послѣднія только сушеныя, а не сырыя. Эти плоды можешь запасать себѣ".

Ѳеофанъ: „Слѣдовательно, выходитъ, что и хлѣба ѣсть не смѣй".

Святой: „*Хлѣбъ ѣшь съ лукомъ, но, не поджаривая его, или* ѣшь съ горькими травами вмѣстѣ съ чеснокомъ. Изрѣдка можешь ѣсть пшеничный рисъ".—Ѳеофанъ спросилъ: „Что такое пшеничный рисъ?"

Святой: „Это значитъ пшеничная крупа, (вареная какъ рисовый пилавъ съ масломъ и называемая „плигури"). Можешь ѣсть и все прочее, что дѣлается изъ пшеницы, но не объѣдайся. По субботамъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и въ дни памяти Святыхъ, когда есть разрѣшеніе (на вино и елей), разрѣшай и ты себѣ (елей) во славу Божію и Святыхъ Его; въ эти дни ѣшь съ масломъ, вари плигури, и ѣшь маслины, въ прочіе-же дни вари куркутъ, (т. е. отварную въ водѣ пшеницу, неободранную и безъ масла), или орѣхи, или смоквы, или изюмъ, или медъ, но не все заразъ, а въ перемѣнку: одинъ день—одно, другой—другое. Старайся блюсти девятый часъ, (т. е. не вкушать ничего до 3-хъ часовъ пополудни).

Безъ особой нужды, праздно никуда не ходи, чтобы не ввалиться тебѣ опять, какъ свинья въ болото. Да будетъ твоя походка умѣренна и скромна.

Ничего не предпринимай, не посовѣтовавшись. Все это выражаетъ слово подразумѣваемое «Мароой»; разъяснимъ теперь подразумѣваемое «Маріей».—«Марія благую часть избра, яже не отымется отъ нея».

«Понимаешь-ли что я этимъ хочу сказать?»

Ѳеофанъ: «Не понимаю, растолкуй мнѣ и это».

Святой: „Сіе относится къ Богослуженію: не смѣй выходить изъ церкви наружу, чтобы съ кѣмъ-нибудь побесѣдовать. Старайся уже находиться въ храмѣ, когда произноситъ священникъ „Благословенъ Богъ..."—и не выходи, пока не услышишь отпуста: „Молитвами Святыхъ Отецъ"... Также поступай и во время (всенощныхъ) бдѣній, старайся всѣми силами собирать умъ свой, не давай ему разсѣиваться, скитаться туда и сюда, но вникай умомъ въ Божественныя слова, какъ вникала Марія, которая «благую часть избра».

Не вознеради о бдѣніи еженощномъ, келейномъ, т. е. посвящай ночь молитвѣ, не давай себѣ дремать, но бодрствуй.

Соблюди же все, что я сказалъ, и будешь безопасенъ, (т. е. не плѣнишься никакой страстью, не постигнотъ тебя никакое гибельное искушеніе). Пекись о душѣ твоей, ибо о всемъ тѣлесномъ, нужномъ для тебя, печется Святой, какъ онъ обѣщался тебѣ, душу же твою онъ снабдить не можетъ (безъ твоего собственнаго труда), онъ можетъ только указать тебѣ путь спасенія, дать заповѣди и наставленія на разные случаи; если ты все исполнишь, какъ онъ сказалъ тебѣ, то стяжешь себѣ сокровища для души".

Послѣ этого Святой перемѣнилъ разговоръ и спросилъ: „Ходишь ли когда въ пещеру (Св. Нила) и возжигаешь ли тамъ когда лампаду?— Θеофанъ отвѣтилъ: „Хожу". „И ходи".

Святой: „А что спускъ въ пещеру удобенъ?"

Θеофанъ: „Молодые спускаются, а старики не могутъ".

Святой „Исправь тропу, чтобы можно было и старикамъ спускаться для здравія души и тѣла. Когда собираешься сходить туда?"

Θеофанъ: „Обыкновенно всегда хожу по субботамъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ".

Святой: „Хорошо дѣлаешь, ходи. Святой не оставитъ тебя и наградитъ тебя". Θеофанъ отвѣтилъ: „Въ надеждѣ на это я и хожу, а иначе сталъ-ли бы кто туда ходить, спускаться и подниматься по такимъ труднымъ скаламъ, ибо это великій трудъ".

Святой: „За этотъ трудъ ты получишь отъ меня награду".— Затѣмъ Святой опять перемѣнилъ рѣчь и сталъ разспрашивать, какъ живетъ братія на келліи Спанонъ, которая надъ его пещерой.

Святой: „А братію когда посѣщаешь? Какъ они поживаютъ и и что подѣлываютъ?

Θеофанъ: „Что имъ дѣлать, когда они совсѣмъ съ толку сбились".

Святой: „Отчего же они съ толку сбились?"

Θеофанъ: „Оттого, что старца ихъ никогда дома нѣтъ, такъ какъ онъ постоянно уѣзжаетъ на островъ Тассо".

Святой: „Неужели онъ не оставилъ еще своихъ мірскихъ промысловъ? Скажи имъ, что, если они не бросятъ этихъ мірскихъ суетъ, если не возвратятся къ своимъ прежнимъ рукодѣліямъ, то понесутъ большіе убытки. Поэтому, пусть послушаются моего совѣта: пусть продадутъ судно и пчелъ [1]), а вырученными отъ продажи деньгами запла-

---

[1]) „Пусть продадутъ судно"; отъ пещеры Спанонъ до острова Тассо будетъ не менѣе 50 верстъ морского плаванія. Очевидно, для поѣздки на островъ Тассо (ради пчельника) употреблялась не лодка, а болѣе крупное, парусное „судно", (по тамошнему „брацера"). Конечно, за продажу такой „брацеры", (а не лодки), можно было получить не малую денежную толику; посему Святой и говоритъ, чтобы вырученными отъ сей продажи деньгами уплатили часть долга за келліей Спанонъ.

тятъ часть своего долга; пусть всѣ, старшіе и младшіе, садятся за свое рукодѣлье; такъ мирно, мало-по-малу они придутъ въ силу (расплатиться съ долгомъ). Кое-когда могутъ и въ міръ послать (по сбору), но только, чтобы основаніемъ ихъ занятій было бы домашнее рукодѣлье, а не погибельныя внѣшнія морскія предпріятія, отъ которыхъ разоряется ихъ домъ и чрезъ которыя даже рукодѣльемъ теперь некому у нихъ заниматься, богослуженіе оставляется, келлейный канонъ опускается. При такихъ условіяхъ, какое духовное сокровище могутъ они стяжать на день старости своей и для добраго отвѣта на день смерти своей? Кромѣ того, (бѣдствуютъ они) и теперь: чѣмъ уплатятъ они дань свою и права, на что купятъ хлѣба? Видишь, къ какому разоренію довело ихъ море?

Старецъ же ихъ, ради пристрастія своего къ морю сокращаетъ даже молитвы въ Литургіи, не чувствуя несчастный, какой страшной отвѣтственности онъ за это подлежитъ; такъ укачало его море. Отъ любви къ морю и къ мірскимъ суетамъ умъ его до такой степени помрачился, что, когда онъ служитъ Литургію, то не вникаетъ въ смыслъ того, что совершаетъ, заботясь лишь о томъ, какъ бы поскорѣе окончить ее и спѣшитъ; для этого даже пропускаетъ нѣкоторыя молитвы, а именно: „Сотвори съ нами богатыя милости и щедроты Твоя... (молитв. 1-го антифона), „Господи Боже нашъ, спаси люди Твоя...“ (молитв. 2 го антифона), „Подая намъ познаніе Твоея истины“... (молитв. 3-го антифона). „Боже нашъ... сподобивый насъ смиренныхъ и недостойныхъ рабъ Твоихъ“... (молитв. во время Трисвятаго); также, и другое многое опускаетъ; меня ужасаетъ отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать за это по кончинѣ своей.

За подобное сокращеніе Литургіи, сдѣланное по повелѣнію Константина, послѣдняго греческаго царя, Богъ предалъ все его царство иноязычникамъ.

Сей царь имѣлъ страсть къ пиршествамъ, проводя время въ разныхъ пирахъ и празднествахъ. Однажды онъ устроилъ большой праздникъ и очень былъ озабоченъ имъ, такъ что, присутствуя какъ полагалось у Литургіи, въ нетерпѣніи хотѣлъ, чтобы Литургія поскорѣе окончилась; поэтому онъ послалъ въ алтарь сказать служащему, чтобы іерей скорѣе ее кончалъ, потому что царь спѣшитъ на праздникъ. Но іерей не дерзнулъ сокращать чина Литургіи, продолжая служить съ благоговѣніемъ и не торопясь. Царь, видя непокорство іерея, весьма разгнѣвался и послалъ за палачемъ; когда палачъ пришелъ, царь послалъ его къ іерею съ слѣдующимъ приказаніемъ. „Пойди, прикажи іерею немедленно сдѣлать отпустъ“. Палачъ пошелъ въ алтарь, передалъ приказаніе іерею; іерей, убоявшись по немощи человѣческой, сдѣлалъ отпустъ, не дослуживъ половины Литургіи. Но сія опущенная половина искупилась дорогой цѣною: всѣмъ своимъ царствомъ заплатилъ за нее

Константинъ, сдѣлавъ отпустъ своему царствованію, такъ какъ заставилъ сдѣлать отпустъ, не докончивъ Литургіи; царствомъ его (греческимъ) завладѣли иноплеменники, а царь обнажился и лишился всѣхъ царскихъ благъ, ибо разоблачилъ іерея, не давъ ему докончить Литургіи.

Такъ и сей старецъ Діонисій окажется при исходѣ души его изъ тѣла въ день смерти—нагимъ, лишеннымъ всѣхъ литургійныхъ благъ, не сподобится онъ носить на себѣ знаменіе сего таинства, дающаго добрый отвѣтъ на Страшномъ Судѣ, но услышитъ страшныя слова страшнаго Судіи: „О, рабе лукавый, гдѣ твоя брачная одежда, которую Я даровалъ тебѣ?"—О, несчастный, что ты тогда на это отвѣтишь?

Видишь-ли, видишь-ли, къ чему привело сего погибающаго человѣка многопопечительное пристрастіе къ пчеловодству, которое губитъ его душевно и тѣлесно, ибо и въ тѣлесномъ потерпѣлъ онъ великіе убытки? Но какъ мнѣ помочь сему угорѣлому, когда онъ совершенно угорѣлъ отъ своей суеты. Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Такіе и такіе убытки ни мало не отрезвили его; прельщаемый діаволомъ, онъ продолжаетъ увлекаться разными мечтами, воображая себѣ пропасть равниною, а море сушею, и еще сильнѣе пристращается къ нему (т. е. къ морю), въ которомъ сей прелестникъ ищетъ потопить его.

Скажи имъ, чтобы они съ честію покоили старца іеромонаха Іону и не уничижали его, ибо они забываютъ и не помнятъ того, что они его хлѣбъ ѣдятъ и такъ грубо съ нимъ обходятся. Положимъ, что этимъ они душѣ его повредить не могутъ, но свои души они безчестятъ тѣми безчестіями, которыя наносятъ старцу. Смотри, берегись, чтобы тебѣ когда нибудь не пришло бы на мысль похвалиться промышленіемъ о тебѣ Святаго и не сказать себѣ: мнѣ помогаетъ Святой; какихъ мнѣ еще бояться искушеній, что можетъ быть теперь опаснымъ для души моей? Нѣтъ, нѣтъ, выкинь изъ головы этотъ помыслъ. Когда же воспоминанію твоему станутъ представляться различныя явства, тогда приводи себѣ на память, что чрезъ сіи яства ты содѣлалъ, когда былъ въ Руссикѣ и восточныхъ предѣлахъ".

Ѳеофанъ: „Хорошо, я передамъ твои слова братіи, но развѣ они меня послушаютъ?"

Святой „Ты только передай имъ; если же они не послушаютъ тебя, то пожалѣютъ о семъ; когда одинъ изъ нихъ погибнетъ и тщетно будетъ ихъ раскаяніе, тогда они поневолѣ бросятъ все это. Если же они хотятъ избѣжать сей бѣды, то пусть исполнятъ слово мое и тогда проживутъ мирно". Послѣ этого Святой опять перевелъ рѣчь и спросилъ: „У кого останавливаешься, когда приходишь въ скитъ?" — Ѳеофанъ отвѣчалъ, что у Филарета.

Святой: „А въ келлію покойнаго Киръ Тимофея когда заходишь?"

Ѳеофанъ: „И къ нимъ захожу, но часто не смѣю".

Святой „Хорошо дѣлаешь". Помолчавъ немного спросилъ: „Какъ поживаетъ онъ старецъ Тимофей, преемникъ покойнаго Киръ Тимофея? Мирствуетъ-ли?"

Өеофанъ: „А какія у него заботы, чтобы не мирствовать? Ѣстъ себѣ и пьетъ въ волю, ублажаетъ душу свою и тѣло, и въ добромъ здравіи пребываетъ".

Святой: «Отчего ушелъ отъ него іеромонахъ Өеодоритъ? Ужели не могъ себѣ найти въ скиту инаго прибѣжища, что счелъ необходимымъ совсѣмъ уйти изъ скита? Вѣдомо да будетъ тебѣ, что отъ этого онъ столько же потерялъ, сколько тотъ земледѣлецъ, который, потрудившись надъ обработкой поля, и засѣявъ его сѣменами, когда сѣмена прекрасно взошли, и при благорастворенiи воздуховъ ожидалось изобиліе плодовъ земныхъ, бросилъ свое поле, а ему оставалось только сжать и сложить въ житницу, пошелъ себѣ искать другого мѣста, а его пашней воспользовался другой, который, поселившись на ней, пожалъ прекрасную жатву и собралъ обильные плоды. Тотъ же первый земледѣлецъ, найдя себѣ иное мѣсто, вспахалъ его и засѣялъ, но сѣмя не взошло. Такъ поступилъ и сей іеромонахъ. Своимъ уходомъ онъ причинилъ много соблазна и смущенія братіи. Вѣстно да будетъ тебѣ, что іеромонахъ Тимофей такъ скоро умеръ изъ за скорбей, причиненныхъ ему іеромонахомъ Өеодоритомъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ не скорбѣлъ изъ за того, что евреи подвергли Его всѣмъ мукамъ, но молился за нихъ, говоря: „Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ". О погибели Іуды Христосъ весьма скорбѣлъ, ибо имѣлъ его въ довѣріи, любилъ наравнѣ съ прочими апостолами. Господь скорбѣлъ, что предается именно тѣмъ, который былъ у Него въ такомъ довѣріи и любви. Подобно тому, какъ Господь Іисусъ Христосъ столь сильно скорбѣлъ объ Іудѣ, впавшемъ въ порабощеніе діаволу, такъ и старецъ Тимофей скорбѣлъ изъ-за того же".—Өеофанъ возразилъ: „Онъ (Өеодоритъ) ушелъ съ благословенія своего старца, а не такъ, какъ ты говоришь".

Святой: „Мало пользуетъ благословеніе, вынужденное, похищенное съ обманомъ, данное съ воздыханіемъ; таково было благословеніе, причинившее великую скорбь душѣ бѣднаго іеромонаха Тимофея". Сказавъ это Святой прослезился, затѣмъ продолжалъ рѣчь и сказалъ: „Допустимъ, что у него могъ быть поводъ скорбѣть на покойнаго старца, а теперь, какую причину онъ находитъ, чтобы быть недовольнымъ симъ іеромонахомъ Тимофеемъ, уничижать, осуждать и гнѣваться на него? Случилось же все это вслѣдствіе того, что іеродіаконъ Герасимъ, (впослѣдствіи іеромонахъ, списатель сей книги), отдалъ ему деньги, которыхъ ему не подобало бы имѣть, и которыя онъ, скрывая отъ старца, хранилъ спрятанными въ пенькѣ". Өеофанъ: „Какъ могъ ты все это узнать, что такъ подробно разсказываешь?"

Святой: „Не только это, но и все я знаю про нихъ. Да будетъ вѣчно признателенъ іеродіаконъ Герасимъ Киръ Тимофею и не забываетъ того, что онъ избавилъ его отъ ада преисподнѣйшаго. Зачѣмъ былъ онъ такъ неразуменъ, что отдалъ ихъ (т. е. деньги Ѳеодориту)?.. И зачѣмъ онъ тайно хранилъ ихъ"...

Ѳеофанъ: „Что же худаго сдѣлалъ сей бѣдняга тѣмъ, что довѣрился и подъ вліяніемъ братской любви отдалъ деньги? Развѣ могъ онъ предвидѣть, что изъ-за этого произойдутъ тѣ скорби, о которыхъ ты говоришь?"

Святой: „Братская любовь? Это прелесть діавольская, а не братская любовь. Т. е. тѣ, повидимому, братолюбивыя чувства, ради которыхъ отдалъ деньги Герасимъ Ѳеодориту, происходили не отъ истиннаго братолюбія, но были искусственно подогрѣты діаволомъ, умыслившимъ этимъ погубить ихъ обоихъ. Знай хорошо, что этимъ они оба чуть не уловились въ капканъ; пусть они поминаютъ того, который помогъ имъ освободиться отъ сей западни и да будутъ благодарны ему. Но по смерти его ненавистникъ добра діаволъ разставилъ имъ новую сѣть, внушая покинуть братство и совершить первоначальное свое намѣреніе; одинъ изъ нихъ уловился въ нее, (т. е. Ѳеодоритъ, который вторично ушелъ изъ келліи и изъ скита), Герасима же спасли молитвы его родителей. Діаконъ т. е. Герасимъ, явивъ терпѣніе и не покинувъ своего метанія, (т. е. мѣста пострига), побѣдилъ этимъ семиглаваго звѣря, попралъ его сѣть, и теперь миренъ. Да мирствуетъ онъ, да пожинаетъ плоды съ пашни, да собираетъ въ свою житницу и да вкушаетъ ихъ.

Ѳеофанъ: „Да, теперь у нихъ нѣтъ раздоровъ въ братствѣ, и они живутъ мирно".

Святой: „Дай Богъ. И да пошлетъ имъ преблагій Господь миръ, чтобы они еще болѣе мирствовали. Но только да блюдутъ себя, чтобы не принимать мысли, что имъ въ иномъ мѣстѣ можетъ быть лучше и спокойнѣе. Нѣтъ, нѣтъ, пусть совсѣмъ выкинутъ эту мысль изъ головы. Кто можетъ напередъ поручиться, что если пересадить деревцо, оно и на новомъ мѣстѣ будетъ расти?—Это неизвѣстно; посему, если на какомъ-либо мѣстѣ дерево хорошо вкоренилось и приноситъ плодъ, то какая нужда пересаживать его?

Нѣкто принесъ въ даръ своему богатому барину одинъ сосудъ, вазу, для украшенія палатъ сего вельможи. Ваза сія, хотя нѣсколько поизносилась, но все же была хороша; баринъ полюбилъ ее. Будучи благоутробенъ и долготерпѣливъ, онъ скорбѣлъ о порчѣ вазы, размышляя, какъ ее исправить; рѣшилъ, наконецъ, отдать вызолотить ее позолотчику, который вызолотилъ ее, исправилъ всѣ изъяны, и возвратилъ владѣльцу палаты. Вельможа поставилъ вазу во дворцѣ, на видномъ мѣстѣ; люди его, глядя, любовались ею и радовались, что пріобрѣли та-

кой красивый сосудъ для палатъ своего барина. Но, вотъ, тотъ, который подарилъ вазу во дворецъ барина, сталъ требовать, чтобы владѣлецъ палатъ возвратилъ ему его даръ обратно, говоря: „Верни мнѣ вазу, ибо я ухожу отъ тебя“.—Вельможа спросилъ: „Почему, подаривъ вазу раньше, сталъ ты ее назадъ требовать?“—Отвѣчалъ злообразный: „Я тебѣ подарилъ ее, надѣясь, что ты по достоинству оцѣнишь ее, какъ самый красивый сосудъ въ твоихъ палатахъ и будешь дорожить ею болѣе всѣхъ прочихъ вазъ“.—Тогда вельможа сказалъ: „Хорошо, я поставлю ее на самое видное мѣсто въ моемъ дворцѣ“. — Отъ этого умирился на нѣкоторое время злообразный, но, если въ сосудѣ вино закиснетъ, то ничѣмъ не сохранишь его отъ того, чтобы оно окончательно не прокисло, хотя-бы ты позолотилъ сосудъ? Такъ и прельстившійся какой-либо мечтой: не остановится, пока не осуществитъ мечты своей, тогда только убѣдится, что мысль была гнилая. Какъ гранаты не узнать по наружному виду, что она гнилая, такъ и прелестной мечты; какъ гнилая граната кажется прекрасной, пока не разрѣжешь ее; потомъ по нестерпимому смраду, который изъ нея изойдетъ, убѣдишься, что она гнилая, такъ и обманчивая мечта кажется благообразной (т. е. полезной), пока не осуществится.

Сей злообразный, прельстившись позолотой своей вазы, возмечталъ какъ Денница самому сдѣлаться бариномъ и свои палаты украсить еще краше палатъ его вельможи. Разыскавъ для себя въ нѣкоемъ мѣстѣ палату, успѣлъ при помощи коварства пріобрѣсть ее и стали мечтать: „устрою себѣ залу и унесу тайно вазу изъ дворца вельможъ, ибо я имѣю на это право, такъ какъ она моя собственная, раздобуду себѣ еще вторую такую-же, вызолочу ее и поставлю обѣ въ залѣ. Но Богъ разстроилъ его замыселъ. Вельможа, узнавъ, что онъ купилъ помѣстье, и предвидѣвъ, что онъ станетъ пытаться унести свою вазу, приказалъ спрятать ее въ кладовую. Тогда злообразный, видя, что не удалось ему тайно унести вазу, началъ съ гнѣвомъ поносить вельможу за то, что онъ убралъ вазу съ прежняго почетнаго мѣста, и говорилъ: „За что снялъ ты съ мѣста вазу? Что я сдѣлалъ тебѣ? Верни мнѣ ее я ухожу отъ тебя“.—Вельможа же отвѣчалъ: „Не имѣешь ты болѣе правъ собственности на вазу, ибо ты добровольно подарилъ ее во дворецъ. Но, разъ ты требуешь, то бери ее себѣ, только позолоту я сниму съ нея, ибо я позолотилъ ее“.—Тогда злорасположенный воскликнулъ: „Не смѣешь снимать позолоты съ моего сосуда“.—Вельможа же отвѣчалъ: «Могу и снять позолоту и оставить ее, ибо я позолотилъ вазу“.—Тогда коварный началъ препираться съ вельможей, чтобы онъ не снималъ позолоты; наконецъ, сказалъ: „Пойду къ позолотчику, и, если онъ возьмется снять позолоту такъ, чтобы не повредилась ваза, то пусть снимаетъ“.—Пошелъ онъ къ златарю, сказавъ ему все дѣло; златарь-же, началъ его уговаривать и говорилъ: „Къ чему тебѣ отбиратъ вазу,

оставь ее у господина, тамъ хорошо ей будетъ".—Но отъ этихъ словъ коварный еще болѣе озлился, далъ волю злобному языку своему, и началъ устами своими пожирать вельможу, понося его передъ златаремъ и всѣми бывшими тамъ.

Когда вельможа услыхалъ, какимъ поношеніямъ онъ подвергся, то крайне огорчился, печаль уязвила его до глубины сердца, такъ какъ онъ уже тогда болѣлъ и страдалъ чахоткой; отъ скорби болѣзнь приняла роковой оборотъ. Тогда коварный, уразумѣвъ, что смерть вельможи близка, притворно раскаялся, перестелъ требовать свою вазу и сталъ просить прощенья...

Такъ поступилъ Ѳеодоритъ съ Тимофеемъ. Старецъ (Тимофей), видя благую перемѣну въ Ѳеодоритѣ и, думая, что онъ кается искренно, принялъ его какъ блуднаго сына, не вѣдая скрытаго его лукавства. почтилъ его, довѣрился ему въ три раза больше прежняго, только-бы онъ былъ миренъ и не стремился-бы опять уйти. Но, какъ онъ былъ неблагодаренъ, и есть таковъ, то не удовлетворился всѣмъ этимъ, и все-таки ушелъ, вынудивъ старца дать ему благословеніе передъ смертію на это; уходя, унесъ онъ грабительски и воровски даже такія вещи, которыя составляютъ священную собственность келліи, (т. е. вписаны въ омологіи").

Ѳеофанъ: „Грабительски и воровски онъ ничего не уносилъ, но старецъ добровольно отдалъ ему всѣ тѣ вещи".

Святой: „Съ вѣдома могъ-ли онъ отдать вещи, принадлежащія келліи по омологіи, зная, что тотъ, кто отдаетъ ихъ и тотъ, кто беретъ, повинны въ святотатствѣ? Вещи, посвященныя скиту суть священная собственность скита. Если старецъ когда и давалъ ихъ Ѳеодориту, то не съ тѣмъ, чтобы онъ унесъ ихъ изъ скита, но только чтобы пользовался ими въ скиту.

Всѣ, покинувшіе скитъ и перешедшіе изъ него въ другое мѣсто, впослѣдствіе весьма въ этомъ раскаивались. И кто изъ таковыхъ, покинувшихъ скитъ, былъ потомъ благополученъ въ жизни, или успѣлъ въ подвигахъ, какъ мечталъ уходя? Всѣ они сдѣлались заблудшими, помраченными, (потерпѣвшими ущербъ) душевно и тѣлесно. Не къ тому говорю я это, чтобы выхвалять свой скитъ и уничижать всѣ другіе монастыри и скиты. О нѣтъ, не буди сего, Боже Всецарю",—и Святой возвелъ очи къ небу, — „но я говорю это про всѣхъ, которые ушли оттуда, гдѣ полагали начало, какъ это часто бываетъ въ нынѣшнее время; такимъ поступкомъ утратили они все, что пріобрѣли".

Ѳеофанъ: „Скажи мнѣ теперь: вотъ я пойду къ нимъ и передамъ всѣ слова твои, какъ назвать мнѣ имъ тебя? Кто ты таковъ?"

Святой: „А ты и до сихъ поръ еще не догадался, кто я таковъ? Столько разъ бесѣдовали мы вмѣстѣ, и ты все еще не узнаешь?"

Ѳеофанъ: „Пожалуйста, скажи мнѣ кто такое ты, и почему

ты говоришь, что мы столько разъ вмѣстѣ бесѣдовали? Не Нилъ-ли ты Святой?"

Святой: „Вглядись хорошенько, можетъ быть и узнаешь".

Ѳеофанъ: „Какъ мнѣ его узнать, когда онъ является, то во образѣ одного, то во образѣ другого. Нынѣ же вижу тебя во образѣ пастуха. Какимъ вижу, за такого и принимаю".

Святой: „Какимъ видишь, за того и принимай, но все-таки исполни то, что я заповѣдалъ тебѣ творить и вскорѣ узнаешь, кто я".

Въ это время, вдругъ, на дворѣ что-то загремѣло, какъ будто стѣнка повалилась.

Ѳеофанъ выскочилъ за дверь посмотрѣть, что такое упало; все стояло по прежнему на мѣстѣ, онъ вернулся въ каливу, но Святаго въ ней уже не было; онъ исчезъ, на мѣстѣ-же, гдѣ Святой сидѣлъ, лежалъ небольшой котелокъ. Ѳеофанъ взялъ его въ руки, осмотрѣлъ и узналъ, что это тотъ самый, который 8 мѣсяцевъ тому назадъ у него взялъ въ дорогѣ неизвѣстный, оборванный, старикъ монахъ и чудесно потомъ исчезъ съ нимъ.

Случилось это за три мѣсяца до бѣснованія Ѳеофана и чудеснаго исцѣленія его Святымъ. Произошло сіе такимъ образомъ.

Когда Ѳеофанъ, возвратившись изъ Анатоліи во Святую Гору, былъ цѣлый годъ въ неопредѣленномъ положеніи, потому что никто не желалъ брать его въ послушники, то большую часть времени прожилъ онъ въ Кавсокаливскомъ скиту, въ келліи Киръ Тимофея, который приходился ему землякомъ. Когда, наконецъ, онъ рѣшился уѣхать съ Аѳона и вернуться въ міръ, тогда впервые явился ему на полянѣ у пустой хижины Святой Нилъ, обѣщалъ ему промышлять о всемъ необходимомъ для жизни его и совѣтовалъ поселиться въ ней. Святой тогда не назвалъ себя Ѳеофану, а назвалъ себя лишь въ слѣдующее свое явленіе, когда бѣсы избили Ѳеофана, и Святой дважды явился во образѣ монаха Игнатія: 1) около каливы и 2) въ сонномъ видѣніи въ келліи Киръ Тимофея, исцѣливъ Ѳеофана отъ грыжи, бѣснованія и увѣчій, нанесенныхъ бѣсами.

Вслѣдъ за поселеніемъ въ лѣсу Ѳеофана, Киръ Тимофей заболѣлъ и черезъ 2 мѣсяца скончался. Имуществомъ своимъ распорядился, распредѣливъ его между братіями по духовному завѣщанію; одарилъ каждаго, въ томъ числѣ іеромонаха Ѳеодорита, которому оставилъ нѣсколько денегъ и кое-какія вещи. Въ завѣщаніи покойникъ упомянулъ, что, если Ѳеодоритъ будетъ уходить, то, ни на какія болѣе вещи онъ заявлять притязаній не долженъ. Завѣщаніе было утверждено проклятіемъ противъ тѣхъ, кои-бы нарушили его. Такъ скончался и отошелъ ко Господу Киръ Тимофей, іеромонахъ же Ѳеодоритъ послѣ его смерти, забравъ все, что ему слѣдовало по духовному завѣщанію старца, ушелъ совсѣмъ изъ Кавсокаливскаго скита и перешелъ въ Ксенофскій, гдѣ

купилъ себѣ келлію, причемъ уходя, сверхъ положенныхъ вещей, сталъ требовать еще другихъ, вопреки завѣщанію старца. Братія рѣшила отдать ихъ, чтобы не тягаться съ Ѳеодоритомъ. Наконецъ, изъ Ксенофскаго скита Ѳеодоритъ опять прислалъ требованіе переслать ему тотъ котелокъ, въ которомъ онъ раньше варилъ всегда клей. Братія рѣшила и котелокъ отослать ему; котелокъ отдали Ѳеофану, который собрался идти на Карею, чтобы онъ передалъ его въ Ксенофскомъ скиту Ѳеодориту. Взявъ котелокъ Ѳеофанъ положилъ его нъ сумку и отправился въ путь. Цѣнность котелка сама по себѣ была ничтожна, но братія, отдавая котелокъ, и Ѳеодоритъ, принимая его, дѣлались повинными въ святотатствѣ, ибо вещи, значащіяся въ омологіи, неотчуждаемы. Во вторыхъ, за сіе святотатство тяготѣло проклятіе, ибо нарушилось завѣщаніе старца. Посему здѣсь выступилъ преподобный Нилъ, съ вразумленіемъ противъ святотатцевъ. Положивъ котелокъ въ сумку, Ѳеофанъ вышелъ изъ скита и сталъ подниматься въ гору. Дойдя до келліи Св. Антонія, онъ присѣлъ отдохнуть и, увидавъ около дороги дерево, пригодное для выдѣлки ложекъ, рѣшилъ срубить его, ибо незадолго передъ тѣмъ взялъ у одного брата въ долгъ подобное дерево, чтобы учиться дѣлать ложки, пообѣщавъ ему вернуть такое-же, для чего попросилъ у владѣльца сей келліи дозволенія вырубить себѣ дерево, обѣщая ему заплатить за него. Владѣлецъ дозволилъ, но, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Ѳеофанъ вырубилъ его себѣ на высокомъ и скалистомъ мѣстѣ. Послѣднимъ условіемъ однако пренебрегъ Ѳеофанъ и, рѣшивъ срубить дерево, которое намѣревался захватить, на обратномъ пути, пошелъ въ сосѣднюю келью, попросилъ топоръ, срубилъ дерево, положивъ его невдалекѣ отъ дороги. Затѣмъ сталъ онъ подниматься въ гору и, взойдя на подъемъ, сѣлъ отдохнуть и закусить у источника. Снявъ съ себя торбу, онъ вынулъ хлѣбца и сѣлъ на солнечномъ припекѣ, такъ какъ вспотѣлъ и боялся простыть, торбу же положилъ на каменномъ корытѣ; началъ онъ закусывать, поглядывая на торбу, чтобы ее кто-нибудь не стащилъ. Вдругъ въ чащѣ деревьевъ показался какой-то оборванный, старикъ, монахъ. Ѳеофанъ, подумавъ, что это какой-нибудь блаженный, (т. е. живущій въ пещеркѣ, или скитающійся въ лѣсахъ) и, побоявшись, какъ-бы онъ не сталъ требовать отъ него хлѣба, который ему самому былъ нуженъ въ дорогѣ, всталъ и поспѣшно убралъ хлѣбъ въ торбу. Въ это самое время подошелъ старикъ, который былъ Святой Нилъ, и сказалъ: „Часъ добрый“.

Ѳеофанъ: „Взаимно здравія желаю“.

Святой: „Чего на солнцѣ сѣлъ?“

Ѳеофанъ: „Вспотѣлъ и прозябъ, вотъ и хочу согрѣться“.

Святой: „Что работалъ, что такъ вспотѣлъ?“—Ѳеофанъ разсердился и сказалъ: „Тебѣ какое дѣло знать? Какое право имѣешь

допытываться?“—Святой: „Отчего такъ разсердился? Оттого-ли только, что я спросилъ тебя? И ты изъ-за этого одного такъ разсердился?“

Кроткій отвѣтъ старца успокоилъ гнѣвъ Өеофана, и онъ отвѣчалъ: „Одинъ братъ одолжилъ мнѣ дерево, и я срубилъ другое, чтобы ему вернуть; на возвратномъ пути захвачу его съ собой и отдамъ кому долженъ“.

Святой: „На какомъ мѣстѣ сказалъ тебѣ братъ срубить его, и на какомъ ты срубилъ? Не сказалъ-ли онъ тебѣ, чтобы ты вырубилъ его на горѣ, на скалистомъ мѣстѣ, а ты срубилъ его на низу? Какъ скажешь теперь брату, когда вернешься въ скитъ? Скажешь небось, что срубилъ на горѣ, на скалистомъ мѣстѣ? Вотъ за ложь твою, ты такъ и страдаешь и такъ наказуешься. Ну, а сейчасъ куда пойдешь?“

Өеофанъ: „Зачѣмъ спрашиваешь?“

Святой: „Развѣ спросить нельзя?“

Өеофанъ: „Не нельзя, а зачѣмъ тебѣ знать?“

Святой: „Пусть такъ, иди себѣ куда хочешь, только сперва мою вещь мнѣ верни“.—Өеофанъ, подумавъ, что онъ проситъ хлѣба, отрѣзалъ хлѣба, далъ ему и сказалъ: „Не хочешь-ли и маслинъ?“

Святой: „Ничего мнѣ не надо, человѣче, только я требую, чтобы мою вещь ты мнѣ вернулъ“.

Өеофанъ: „Какой вещи можешь ты отъ меня требовать? Развѣ мы съ тобой видались, чтобы ты могъ мнѣ, что-либо дать и теперь требовать возврата?“—Сказавъ это и, увидавъ, что выраженіе лица старика сдѣлалось весьма грознымъ, Өеофанъ испугался (и, чтобы доказать, что у него не можетъ быть чужой вещи), сталъ вынимать всѣ вещи изъ торбы и показывать ему. Святой смотрѣлъ на вещи, интересовался о каждой, весьма удивившись, когда Өеофанъ вынулъ селенгозы, (родъ съѣдобныхъ улитокъ) и спросилъ: „Это что такое?“—Өеофанъ отвѣчалъ, что селенгозы, Святой опять спросилъ: „Куда же ты ихъ несешь и зачѣмъ?“—Өеофанъ отвѣчалъ, что несетъ ихъ въ подарокъ въ Руссикъ, и что онѣ съѣдобныя. Потомъ Өеофанъ остановился было вынимать, Святой же спросилъ: «Еще, что есть?»

Өеофанъ: „Ничего больше нѣтъ“.—Святой же отвѣтилъ: «Нѣтъ, есть еще нѣчто, вынимай».—Өеофанъ, разсердившись (на недовѣріе старика), началъ вынимать и остальное, Святой же сказалъ: «Я знаю, что у тебя та вещь, которую я ищу; знаю, гдѣ она лежитъ и взялъ-бы ее самъ, но не желаю прикоснуться къ твоей торбѣ: поэтому самъ, давай мнѣ вещь поскорѣй, иначе выброшу вонъ все изъ твоей торбы».—Өеофанъ сказалъ: «Ладно, все выну, и, если только окажется у меня твоя вещь, то бери ее», началъ выкладывать и остальное. Святой же со вздохомъ сказалъ: „Змѣеязычный... Неблагодарный... Хищникъ... Осужденный... столько забралъ, а все еще ему мало, побольше беззаконности беззаконнику надо...“ Өеофанъ спросилъ, про кого это онъ говоритъ? Въ это мгно-

веніе лице Святаго засіяло, какъ солнце, такъ что Ѳеофанъ не могъ смотрѣть на него, и, пригнувъ голову къ торбѣ, опять спросилъ: „Про кого ты это сказалъ, и что ты за человѣкъ?“ — Наконецъ, Ѳеофанъ вынулъ котелокъ, который лежалъ на днѣ торбы завернутый съ травой фаскомиля, которую на Аѳонѣ пьютъ вмѣсто чая, и, когда вынулъ траву, обнаружился котелокъ; Святой протянулъ къ нему руку и, ухвативъ его, сказалъ: „Вотъ та вещь, которую я ищу“.—Ѳеофанъ въ свою очередь ухватилъ за котелокъ, чтобы не дать унести его, и сказалъ: „Отдай, зачѣмъ берешь? онъ не мой, а чужой, оставь его“.— Но Святой отвѣчалъ: „Ты чуждъ еси, ибо держишь его у себя въ торбѣ“. Ѳеофанъ сталъ опять говорить: „Оставь, онъ чужой, а вовсе не твой, какъ ты говоришь“,—и сталъ усиливаться отнять его изъ рукъ старца, но Святой слегка потянулъ котелокъ на себя, и котелокъ такъ легко отсталъ отъ пальцевъ Ѳеофана, какъ если отъ тѣста кусочекъ кто пальцами отщипнетъ [1]). Вслѣдъ за симъ старикъ сталъ невидимъ.

Чудесное и внезапное исчезновеніе старика на глазахъ у Ѳеофана, такъ ужаснуло его, что у него затряслись колѣни и онъ безъ силъ опустился на землю. Наконецъ, придя въ себя, онъ продолжалъ путь и, возвратившись, разсказалъ все случившееся съ нимъ братіи, которая изумлялась и недоумѣвала, кто-бы могъ быть сей ревнитель скита и блюститель завѣта ихъ старца, но не могли представить себѣ, что это былъ Святой Нилъ, ибо онъ, явившись передъ тѣмъ за четыре мѣсяца Ѳеофану на лѣсной полянѣ, не открылъ своего имени, а открылъ его, лишь спустя еще 3 мѣсяца, когда явившись дважды во образѣ Игнатія, спасъ Ѳеофана отъ бѣсовъ, потомъ исцѣлилъ отъ побоевъ, бѣснованія и грыжи. «Тогда Святой сказалъ, «имя мое Нилъ, живу я надъ Каравостасомъ»?! Одно, только было для всѣхъ несомнѣннымъ, что послѣднее чудесное явленіе съ котелкомъ не могло быть отъ силы бѣсовской, но было небеснымъ явленіемъ какого-либо Угодника Божія.

Итакъ, нынѣ открылась тайна, кто былъ тотъ, который тогда отнялъ котелокъ и исчезъ. Это былъ Святой Нилъ, и теперь, когда онъ черезъ Ѳеофана передавалъ слова свои братіямъ келлій Діонисія и Тимофея и Ѳеодориту, то въ удостовѣреніе истинности и Божественности словъ оставилъ сей котелокъ, чудесное исчезновеніе, котораго было всѣмъ извѣстно.

Ѳеофанъ передалъ кому слѣдовало всѣ слова Святаго и самъ сталъ тщательно соблюдать всѣ его заповѣди, а также съ помощью

---

[1]) Сія борьба Ѳеофана со святымъ Ниломъ напоминаетъ библейскій разсказъ о борьбѣ Іакова съ Богомъ (Быт. 32, 24—32).

нѣкоторыхъ братій исправилъ спускъ въ пещеру, согласно повелѣнію Святаго, чтобы и старики могли посѣщать ее во здравіе души и тѣла.

Послѣ этого около года мирно прожилъ Ѳеофанъ въ своей пустынной каливѣ, тщательно стараясь исполнять всѣ заповѣди Святаго.

ГЛАВА III.

Ѳеофанъ нарушилъ заповѣдь Святаго и впалъ въ тяжкое искушеніе. Святой караетъ Ѳеофана, является ему въ сонномъ видѣніи и спасаетъ. Открытіе мощей Святаго 8-го мая 1815 г.

Первое время по послѣднемъ явленіи Святаго, Ѳеофанъ тщательно слѣдилъ за своими помыслами и усердно подвизался въ соблюденіи всѣхъ заповѣдей, данныхъ ему Святымъ, но мало-по-малу сталъ допускать отступленія, началъ пренебрегать нѣкоторыми изъ заповѣдей, а, поэтому, неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться искушенію, что и незамедлило случиться.

Первая заповѣдь, которою пренебрегъ Ѳеофанъ, была заповѣдь о *неисходномъ пребываніи въ келліи, о невзираніи на лица при встрѣчѣ, о взираніи въ землю и памятованіи о персти*, изъ которой состоишь, какъ самъ, такъ и всѣ люди, старые, молодые, красивые и некрасивые, мужчины и женщины... Ѳеофанъ сталъ находить всякія благовидные предлоги, чтобы покидать келлію и не хранилъ очей своихъ отъ взиранія на лица; увидавъ однажды въ Лаврѣ красивое лицо юноши,—влюбился въ красоту его лица; вернувшись домой, вспоминалъ лицо, которымъ прельстился; у Ѳеофана явилась потребность повидать его еще разъ. Поддавшись сей прелести, Ѳеофанъ сталъ учащать свои посѣщенія въ Лавру, и, усладивъ свои чувства видѣніемъ издали юнаго лица, возвращался во свояси.

Здѣсь считаемъ долгомъ замѣтить, что страсть—прельщеніе красотою лица, страшно распространена въ человѣчествѣ. Мы ее въ себѣ мало примѣчаемъ, однако недугуемъ ею съ отроческихъ лѣтъ. Кто изъ насъ чистъ вполнѣ отъ сего грѣха, пусть только тотъ бросаетъ камень осужденія въ Ѳеофана. Платоническое пристрастіе къ красивому лицу, впаденіе въ тяжкіе противуестественные грѣхи блудные—суть лишь различныя степени одного и того же грѣха, дѣйствіе одной и той же страсти.

Не побѣдивъ въ себѣ по безпечности своей первыхъ грѣховныхъ помысловъ—младенцевъ Вавилонскихъ, не разбивъ ихъ о камень *Имени Іисусова*, Ѳеофанъ былъ уведенъ ими въ *плѣненіе Вавилонское*, не могъ противиться имъ, но рабски повиновался, дѣлая то, что они ему внушали, то есть, мыслью всегда вращался около предмета страсти,

учащая все болѣе и болѣе свои хожденія въ Лавру, такъ что, наконецъ, находилъ предлоги ходить туда по два раза въ недѣлю. Наступила первая седмица Великаго поста. Хотя въ эту седмицу всякія дѣла прекращаются,—Ѳеофанъ нашелъ благовидный предлогъ, чтобы идти въ Лавру, ибо одинъ братъ въ скиту обѣщалъ укропу архимандриту Лавры Нафанаилу и собралъ его, Ѳеофанъ же брался снести. Итакъ, въ среду первой седмицы, прійдя въ скитъ и нагрузивъ сумку свою укропомъ, Ѳеофанъ пошелъ въ Лавру, сталъ подниматься въ гору, но, когда дошелъ до креста Св. Нила, то вдругъ услыхалъ за спиной громкіе шаги нѣсколькихъ человѣкъ, поспѣшно догонявшихъ его и говорившихъ: „Оставимъ его идти впередъ".—Ѳеофанъ подумалъ, что кто-либо изъ скитянъ вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ скита и остановился, вспомнивъ вѣроятно заповѣдь Святаго, чтобы при совмѣстномъ шествіи въ пути предоставлять предшествіе спутнику. Ѳеофанъ подождалъ, чтобы пропустить говорившихъ впередъ, но оказалось, что никто не шелъ; Ѳеофанъ продолжалъ путь, не вразумившись симъ знаменіемъ, которое Святой, повидимому, нарочно далъ, чтобы напомнить Ѳеофану и о прочихъ данныхъ имъ заповѣдяхъ, которыя Ѳеофанъ готовъ былъ такъ тяжко нарушить. Когда Ѳеофанъ дошелъ до моста „Ямы", снова услыхалъ за собою топотъ, быстро оглянулся посмотрѣть, кто идетъ, но никого не увидалъ и пошелъ дальше. Открывая ворота у подъема къ келліи Спанонъ, что надъ самою пещерою Преподобнаго Нила, онъ снова услыхалъ позади себя слѣдующій разговоръ: „Вотъ когда дождались, наконецъ!.. Вотъ, когда попался онъ намъ въ руки!"—Ѳеофанъ сталъ смотрѣть, но никого не увидалъ, и все-таки продолжалъ свой путь, спустившись на нижнюю дорогу. Дойдя до „Плака", онъ вдругъ упалъ, на самомъ краю страшной пропасти, такъ что сумка его слетѣла съ плечъ и повисла надъ пропастью, зацѣпившись за камень. Отъ страха угрожавшей смертельной опасности Ѳеофанъ такъ ужаснулся, что у него помутилось въ головѣ, сердце замерло; въ это время онъ опять услыхалъ голосъ: „О, какъ хорошо! Такъ тебѣ и надо!"—Повидимому, паденіемъ на краю страшной пропасти Святой хотѣлъ дать понять Ѳеофану, на краю какого страшнаго паденія онъ духовно находится. Ѳеофанъ, поднявшись, сталъ глядѣть кругомъ, кто говорилъ; никого не было, и онъ пошелъ дальше. Дойдя до Кафизмы, въ лѣсу около Киръ Исаіи, онъ снова упалъ и ушибся такъ сильно, что потерялъ сознаніе; когда же пришелъ въ себя, то услыхалъ прежній голосъ: „Вотъ хорошо, такъ тебѣ и надо!"—Ѳеофанъ взглянулъ вокругъ себя, но никого не увидалъ. Тогда въ душѣ онъ началъ колебаться относительно перваго своего намѣренія, ибо другой помыслъ говорилъ ему, что все необычайно происходящее въ сей день не могло быть принятымъ, какъ хорошее предзнаменованіе, и совѣтовалъ Ѳеофану вернуться домой; но другой помыслъ противился

первому и говорилъ: чему суждено было случиться—то и случилось, теперь къ чему возвращаться, когда такое разстояніе прошелъ?—чего теперь бояться?— Өеофанъ послушалъ, было, перваго побужденія—вернуться; повернулъ обратно, но, пройдя такъ нѣкоторое разстояніе, сталъ жалѣть перваго пройденнаго пути, и опять повернулъ къ Лаврѣ. Дойдя до трехъ крестовъ, Өеофанъ тамъ на спускѣ упалъ еще болѣе тяжко, чѣмъ въ предыдущіе разы и совсѣмъ расшибся, такъ что лежалъ между вѣтвями кустарника, и опять услыхалъ таинственный голосъ: „Такъ тебѣ, безумному и надо, чтобы не шлялся по такимъ днямъ внѣ твоей каливы!“—Өеофанъ посмотрѣлъ, но никого не увидалъ; поднявшись съ трудомъ, тихо поплелся къ Лаврѣ, сокрушенный этими паденіями и шелъ въ полусознательномъ состояніи. Дойдя до лаврскаго кладбища, онъ нѣсколько пришелъ въ себя, сталъ размышлять, что означали эти паденья и отчего все это съ нимъ произошло, чего раньше никогда не бывало? Остановившись у источника, надъ входомъ въ Лавру, Өеофанъ былъ пораженъ встрѣчей съ предметомъ своей страсти; въ душѣ Өеофана явилось страстное желаніе побесѣдовать съ юношей. Юноша же самъ подошелъ къ Өеофану и привѣтствовалъ его словами: „Добро пожаловать“.—Однако Өеофанъ, не поддаваясь страстному желанію, ничего не отвѣчалъ. Тогда юноша опять обратился къ Өеофану съ рѣчью и сказалъ: „Издалека-ли, что такъ усталъ?— На это Өеофанъ отвѣчалъ только: „Изъ Кавсокаливы“.—Юноша началъ шалить и шутить съ Өеофаномъ, приставать къ нему съ вопросами: что онъ принесъ, зачѣмъ пришелъ; отъ сего страстныя чувства еще больше распалились въ Өеофанѣ, такъ что онъ поспѣшилъ встать и уйти, не отвѣчая на вопросы юноши, и направился къ воротамъ монастыря, но, будучи помраченъ страстными своими мыслями, онъ, не замѣтивъ, прошелъ мимо дверей и, миновавъ монастырь, шелъ по дорогѣ къ пристани, пока не остановилъ его одинъ встрѣчный братъ вопросомъ: „куда идешь?“—Тогда только Өеофанъ, оглянувшись опознался, и, не давая брату замѣтить его ошибки, отвѣтилъ ему, что идетъ на арсану. Пропустивъ брата, онъ присѣлъ нѣсколько у дороги и потомъ пошелъ обратно къ монастырю. Но вторично, не замѣтивъ, прошелъ мимо воротъ, опомнившись только тогда, когда у кафизмы пророка Иліи, ему въ ногу глубоко вонзилась колючка, и такъ уязвило ногу, что нога онѣмѣла, и онъ не могъ больше ступить ни шагу. Эта новое несчастіе, настолько огорчило Өеофана, что, будь тогда при немъ ножъ, онъ покончилъ-бы съ собой. Наконецъ, боль утихла и онъ могъ опять идти. Повернулъ опять къ воротамъ, но и на сей разъ не попалъ въ нихъ, а прошелъ мимо, дошелъ до кладбища, гдѣ обознался; вновь пошелъ къ воротамъ, но опять минулъ и замѣтилъ это только тогда, когда стукнулся объ рѣшетку, которая на краю обрыва, около бесѣдки, что надъ моремъ; не будь этой ограды, Өеофанъ свергся-бы

въ пропасть, ибо не видѣлъ, куда идетъ *). Очнувшись, онъ опять повернулъ къ воротамъ, шелъ полусознательно; минулъ-бы ихъ и на сей разъ, если-бы не стукнулся о косякъ воротъ и отъ этого не пришелъ въ себя. Увидавъ ворота, онъ наконецъ вошолъ въ нихъ и направился къ лѣстницѣ, которая ведетъ къ келліи архимандрита. Подымаясь по лѣстницѣ, онъ снова повстрѣчался съ юношей, и тотъ воскликнулъ: „Пріятная встрѣча! Опять встрѣчаемся съ тобою, отче!"— Отъ звука голоса юноши въ сердцѣ Ѳеофана снова закипѣли страстныя чувства, но онъ не дерзнулъ отвѣтить на восклицаніе, и, молча, пройдя мимо, прошелъ въ келлію архимандрита. Отдавъ укропъ, вышелъ, пошелъ въ гостинницу, чтобы отдохнуть, но на лѣстницѣ въ архондарикъ вновь встрѣтилъ того же самаго юношу, который опять заговорилъ съ Ѳеофаномъ и шутилъ съ нимъ, говоря: „Навѣрное ты мнѣ что-нибудь принесъ въ подарокъ?—давай, что принесъ?"—Ѳеофанъ серьезно отвѣчалъ, что ничего не принесъ, и что нечего принести, но юноша не унимался и говорилъ: „Я увѣренъ, что ты хочешь мнѣ что-нибудь подарить,—не даромъ же мы съ тобой, такъ часто встрѣчаемся. Давай, что хотѣлъ дать, я возьму и съумѣю тебя отблагодарить".— Ѳеофанъ: „Ничего нѣтъ у меня, чтобы дать тебѣ".—Юноша: „Попомни мое слово; мы съ тобой объ этомъ еще потолкуемъ".—На этихъ словахъ они разошлись. Ѳеофанъ пришелъ въ гостинницу, поѣлъ и легъ, но не могъ уснуть, ибо скверные помыслы обуревали мысль его, въ очахъ стоялъ неотступно образъ красиваго лица, въ ушахъ раздавался пріятный голосъ юноши. Ѳеофанъ боролся съ этими страстными воспоминаніями, но никакъ не могъ отогнать ихъ отъ себя. Однако ради молитвъ Святаго, Господь сохранилъ его отъ болѣе тяжкаго пораженія; врагъ восторжествовалъ только о побѣдѣ въ мысленной брани. Такъ промучился Ѳеофанъ до самой утрени. Когда ударили въ колоколъ, то онъ пошелъ въ церковь, но вступить въ нее не возмогъ: на его глазахъ, одинъ за другимъ, шли монахи въ церковь и входили въ двери ея, Ѳеофанъ же, сколько разъ ни старался тоже войти въ тѣ же двери,—не могъ обрѣсти ихъ, и каждый разъ, думая что входитъ въ дверь,—упирался въ стѣну. Наконецъ, отчаявшись, онъ пошелъ къ Портаитиссѣ, (чудотворная икона Матери Божіей, которая стоитъ среди монастыря въ часовнѣ). Здѣсь Ѳеофанъ, опустившись на ступеньки, сталъ всѣмъ сердцемъ молиться ко Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она спасла его отъ сей страсти. Тамъ находился онъ, пока не разсвѣло, когда подошелъ къ нему одинъ монахъ и спросилъ: „Откуда

---

*) Очевидно, у Ѳеофана произошли эпилептическіе припадки, каковое обстоятельство, конечно, стоитъ въ связи съ дѣйствіемъ сатаны, ибо преп. Нилъ, въ наказаніе, предалъ Ѳеофана „сатанѣ во изможденіе плоти, дабы духъ спасся", (срвн. Кор. 4, 5).

ты, отче?“ — Θеофанъ: „Изъ Кавсокаливы“. — „Чего безпрестанно сюда шляешься? Видно, нѣтъ у тебя старца, чтобы въ строгости держалъ тебя? Доколѣ будешь таскаться сюда въ обитель? Или у тебя своего хлѣба нѣтъ, что сюда таскаешься?“ — Θеофанъ обидѣлся и сказалъ: „Чего расходился? Я по дѣлу хожу!“ — „По дѣлу? Какія могутъ быть у тебя дѣла въ монастырѣ? Кто поручалъ тебѣ здѣсь что? Обитель не есть постоялый дворъ, какимъ ты имѣешь ее; входить въ нее слѣдуетъ скромно, со страхомъ Божіимъ, съ трепетомъ и съ великимъ благоговѣніемъ, а не такъ безстрашно и безсознательно, какъ ты — приходишь и уходишь. Не видишь развѣ, что здѣсь невидимо присутствуетъ Царица, т. е. благодатію почивая съ Ея чудотворной иконою?“ — При этомъ старецъ ухватилъ Θеофана за рукавъ и потащилъ его за ворота. Θеофанъ не противился и, взявъ въ воротахъ оставленную тамъ свою торбу, вышелъ изъ Лавры и пошелъ въ скитъ. Слѣдующую недѣлю онъ провелъ дома, испытывая сильныя нападенія нечистыхъ помысловъ.

Въ день Сорока Мучениковъ (9 марта) Θеофанъ ходилъ въ скитскій соборъ къ Преждеосвященной литургіи. Въ тотъ же день возвратился домой и вечеромъ отошелъ ко сну спокойно, (т. е. почувствовавъ въ себѣ успокоеніе блудной брани), и заснулъ. Проснувшись, онъ увидалъ, что за ночь выпалъ снѣгъ и покрылъ землю толстымъ слоемъ, вершка на полтора. Θеофанъ совершилъ утреню. Когда разсвѣло, сѣлъ за рукодѣлъ. Вдругъ, котъ Θеофана началъ бѣситься, стремительно бросаться на Θеофана, прыгать на него, стараясь достать лица его когтями. Наконецъ, съ ужасомъ взвизгнувъ, котъ бросился прямо въ очагъ, гдѣ горѣлъ костеръ, чтобы черезъ трубу выскочить изъ келліи. Θеофанъ выхватилъ кота изъ очага и крѣпко держалъ его въ рукахъ, не давая ему доставать до лица когтями и не пуская его вырваться. Въ это самое время Θеофанъ услыхалъ за дверьми голосъ: «Старецъ, дома ты?» Θеофанъ: „*Чего тебѣ здѣсь надо въ такое время?*“ — „Не видалъ-ли, гдѣ стадо?“ — „Развѣ я ходилъ туда, чтобы могъ знать, гдѣ стадо?“ — „Не могу никакъ найти его, чтобы волки ихъ поѣли!“ — При этихъ словахъ пришедшій отворилъ дверь и вошелъ въ келлію, (т. е. безъ молитвы и безъ благословенія Θеофана).

Θеофанъ взглянулъ и увидалъ юнаго отрока, весьма схожаго лицомъ съ тѣмъ юношей, къ которому имѣлъ пристрастіе въ лаврѣ. Θеофанъ подумалъ, что это сынъ лапаря, т. е. покупщика и продавца козловъ, который часто пріѣзжалъ на Аθонъ и въ Лавру, продавая молодыхъ козлятъ на выпаску и покупая откормленныхъ; поэтому Θеофанъ спросилъ: «Давно пришли?» — Явившійся-же подъ видомъ юноши былъ бѣсъ, умыслившій, воспользовавшись пристрастіемъ Θеофана къ тому красивому лицу, погубить его. Бѣсъ отвѣчалъ: «Вчера вечеромъ». Θеофанъ: „Кто изъ васъ еще пришелъ? Отецъ пришелъ-ли?“ — „При-

шли еще братья, старшій и младшій".—Въ это мгновеніе котъ [1]) вырвался изъ рукъ Өеофана и выскочилъ за дверь; Өеофанъ сказалъ: „Что сдѣлалъ ты моему коту, что онъ такъ боится тебя?" — Бѣсъ: „Развѣ я когда трогалъ твоего кота, что ты меня спрашиваешь? Что могъ я ему сдѣлать?"—Өеофанъ: „Нѣтъ, такъ онъ не сталъ бы тебя бояться; навѣрное, ты съ нимъ что-нибудь сдѣлалъ?"—Бѣсъ, не отвѣчая на эти слова, подошолъ къ очагу и безъ стѣсненія поднялъ полы своей одежды, якобы съ цѣлью просушить ихъ на огнѣ костра, сѣлъ у огня на корточки, оголивъ ноги. Өеофанъ смутился отъ такого беззастѣнчиваго поступка и сказалъ: «Безстыжіе твои глаза! Пропади ты совсѣмъ! Развѣ не совѣстно тебѣ такъ дѣлать?»

(Здѣсь считаемъ умѣстнымъ прервать дальнѣйшее откровенное исповѣданіе Өеофана о томъ, съ какимъ лукавствомъ и безстыдствомъ старался бѣсъ погубить Өеофана, причемъ, когда увидѣлъ, что красота его отроческаго лица недостаточна, чтобы соблазнить Өеофана, то, обнажившись, оказался дѣвицей, къ великому удивленію Өеофана, который все еще не догадывался, что это бѣсъ).

Въ концѣ концовъ однако, Өеофанъ, который доблестно боролся съ своей страстію, сталъ ослабѣвать въ душевной своей непреклонности на грѣхъ, мысленно готовъ былъ соизволить на грѣхъ, и несомнѣнно жестоко былъ бы поруганъ врагомъ, какъ это и случалось съ нѣкоторыми подвижниками, что намъ извѣстно изъ житій Святыхъ, если-бы изнемогающему въ брани Өеофану не помогъ своею помощью Святой. Въ то мгновеніе, когда Өеофанъ сталъ колебаться и началъ склоняться мысленно на грѣхъ, вдругъ раздался стукъ въ дверь и голосъ: «Несчастный, что хочешь ты сдѣлать? Вслѣдствіе неосторожности твоей постигло тебя все это».—Отъ этихъ словъ великій страхъ и трепетъ объялъ Өеофана, кровь застыла въ его жилахъ, морозъ пробѣжалъ по кожѣ; нѣкоторое время онъ стоялъ безгласенъ, наконецъ, рѣшившись выпроводить пришедшаго искусителя, сказалъ ему: „Нечего тебѣ у меня дѣлать, бѣсенокъ, (т. е. убирайся вонъ)". — Тотъ же отвѣчалъ: „Я самъ знаю, есть-ли мнѣ что дѣлать, и не уйду".—Тогда Өеофанъ от-

[1]) Означенный котъ, ревностно боровшійся съ діаволомъ, является обличителемъ насъ грѣшныхъ, не всегда мужественныхъ въ борьбѣ съ сатаной. Въ журналѣ „Ребусъ", (1911 годъ, № 12, 7 стр.), въ статьѣ „Призракъ, видѣнный одновременно человѣкомъ и кошкой", разсказывается, какъ одна кошка, бывшая въ комнатѣ съ своимъ хозяиномъ, увидѣла вмѣстѣ съ нимъ призракъ самоубійцы, нѣсколько лѣтъ назадъ покончившаго съ собою въ сей комнатѣ, (т. е., сдѣлавшагося слугой діавола). Дремавшая до появленія призрака кошка, увидѣвъ призракъ, сразу измѣнила свое положеніе, перестала мурлыкать, вскочила, сгорбила спину, распустила хвостъ; вся ея поза выражала ужасъ и угрозу... Кошка дѣлала отчаянныя усилія, чтобы пуститься въ бѣгство; наконецъ, это ей удалось. Чудовищнымъ прыжкомъ обезумѣвшее животное перескочило черезъ столъ, черезъ кресла и черезъ всѣ предметы, преграждавшіе ей путь къ двери и убѣжала.

крылъ дверь и, глядя на порогъ, чтобы посмотрѣть, не подходилъ-ли кто къ двери, былъ весьма пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что никакихъ слѣдовъ на снѣгу не было. Удивляясь сему, но все еще не догадываясь, что во образѣ отрока бѣсъ, Θеофанъ воскликнулъ: „Ахъ ты бѣсенокъ, какъ же ты прошелъ ко мнѣ, что и слѣдовъ твоихъ на снѣгу нигдѣ нѣтъ? Не діаволъ-ли принесъ тебя по воздуху ко мнѣ, чтобы соблазнить меня и сдѣлать послѣднимъ подлецомъ въ мірѣ?“ — Тогда бѣсъ вдругъ превратился въ великаго змѣя, ползалъ, извиваясь, по келліи и, наконецъ, исчезъ. Θеофанъ пришелъ въ ужасъ, уразумѣвъ, какую коварную kознь устроилъ ему діаволъ и увидавъ, какая страшная погибель ему угрожала.... Потрясенный всѣмъ этимъ, онъ сидѣлъ размышляя, — и заснулъ. И вотъ во снѣ, Святой слѣдующимъ образомъ наказалъ Θеофана за нарушеніе имъ раньше данной заповѣди и потомъ помиловалъ его, взявъ съ него обѣтъ: никогда больше не входить въ Лавру, никому не помнить зла и не гнѣваться.

Во снѣ Θеофанъ увидалъ себя входящимъ во врата Лавры, причемъ, какъ только онъ вошелъ, какіе-то семь монаховъ устремились на него и, грубо схвативъ, потащили къ старцу Наθанаилу, который, не говоря ни слова, далъ только знакъ рукой; эти семь потащили Θеофана въ башню, заключили его тамъ въ темницѣ, наложивъ тяжкія оковы на руки и на ноги, заковали колѣни, шею же такъ туго стянули желѣзной цѣпью, что Θеофанъ чуть не задыхался. Θеофанъ въ отчаяніи молилъ заключавшихъ его о пощадѣ, но они отвѣчали, что не могутъ въ опредѣленной карѣ ни ослабить чего, ни усилить, ни освободить его, сколько бы онъ ни просилъ ихъ о томъ, ибо въ точности должны исполнить повелѣнное. Θеофанъ продолжалъ умолять и говорилъ: „Что сдѣлалъ я вамъ? За что вы кандалы на меня надѣли?“ — Монахи же тѣ отвѣчали: „Вопроси о семъ совѣсть свою, вспомни все содѣянное тобою, тогда и поймешь за что заключили тебя“. Сказавъ это они вышли и оставили Θеофана одного. Онъ пришелъ въ такую скорбь, что громко сталъ рыдать и плакать, пока не вошелъ къ нему какой-то старецъ-монахъ, (который былъ Святой Нилъ). Старикъ спросилъ Θеофана: „Кто ты и чего вопишь?“

Θеофану показался видъ монаха знакомымъ, онъ замѣтилъ, что монахъ сочувственно относится къ нему. Святой съ состраданіемъ повторилъ свой вопросъ, и Θеофанъ отвѣчалъ: „Я Θеофанъ“. — На лицѣ старика выразилось еще большее состраданіе къ нему и онъ сказалъ: „Какъ попалъ ты сюда? Что ты натворилъ, что тебя заключили въ темницу?“ — Θеофанъ: „На дворѣ, около воротъ монастырскихъ я стоялъ, а они схватили меня и посадили сюда въ темницу“. — Святой: „Я могу поручиться за тебя Наθанаилу и выручить тебя, но что ты мнѣ за это обѣщаешь?“ — Θеофанъ: Что же могу дать я тебѣ? Ты самъ знаешь, что денегъ у меня нѣтъ, и что бы дать тебѣ, не знаю“. — Святой: „Мо-

паху денегъ и не надо, но вотъ какія три вещи я отъ тебя потребую: во-первыхъ—непамятозлобія, во-вторыхъ безгнѣвія и въ третьихъ — нехожденія больше въ Лавру, чтобъ отнынѣ тебя болѣе здѣсь ни одинъ монахъ не видалъ, и чтобы нога твоя на порогъ бы не ступала лаврскій“.—(Эти 3 условія, предложенныя Святымъ Ѳеофану, какъ необходимыя для того, чтобы быть помилованнымъ, имѣютъ знаменательный духовный смыслъ, ибо первое есть оставленіе долговъ ближнимъ, безъ сего не можетъ отпуститься и собственный долгъ; второе же необходимо, чтобы не утратить испрошенную милость вслѣдъ за полученіемъ ея и не быть вверженнымъ во тьму кромѣшную, какъ тотъ помилованный немилосердный евангельскій должникъ; третье же необходимо какъ свидѣтельство искренности покаянія и какъ отсѣченіе поводовъ для господствующей страсти, которою искушается). Ѳеофанъ, сознавая безвыходность своего положенія, обѣщался все требуемое исполнить, лишь-бы только освободиться изъ темницы, и сказалъ: «Исполню, исполню, только избавь ты меня отсюда, я все сдѣлаю, что ты мнѣ ни скажешь».— Святой: «Только эти три я требую, ихъ исполни, больше я не требую».—«Исполню, только избавь меня отсюда».—«Исполнишь-ли?»— «Исполню». —Святой вопросилъ еще въ третій разъ: «Исполнишь-ли?» Ѳеофанъ: «Я тебѣ уже сказалъ, что исполню, зачѣмъ еще спрашиваешь?»—Святой: «Хорошо; такъ какъ ты обѣщаешься исполнить, то я освобожу тебя сейчасъ, только поминай сіе оказанное мною тебѣ благодѣяніе и будь за это благодаренъ».—Ѳеофанъ: «Яви мнѣ эту милость и я всегда буду помнить тебя».—Святой: «Да, изрѣдка, ты поминалъ мои прежнія тебѣ благодѣянія и поминалъ меня, однако я знаю, что сегодняшнее благодѣяніе и ту бѣду, изъ которой я нынѣ избавляю тебя, ты вскорѣ совсѣмъ забудешь, ни мало не помянешь всего этого, и вмѣсто благодарности отплатишь мнѣ неблагодарностію; но Богъ знаетъ все, и знаетъ, что не отъ превратныхъ людей, подобныхъ тебѣ, ищу я похвалы».—Сказавъ это, Святой вынулъ ножницы, которыя были у него при поясѣ, и, разрѣшивъ цѣпи, сказалъ Ѳеофану: «Вставай и иди за мной!»—Ѳеофанъ же помыслилъ, что на дворѣ монастыря его опять схватятъ тѣ монахи, если увидятъ, и засадятъ обратно, и, боясь сего, сказалъ: «Не выйду отсюда, ибо боюсь попасться тѣмъ монахамъ, такъ какъ за это они на меня еще больше разгнѣваются».—Святой: «Чего испугался? Иди за мной и не бойся».

Ѳеофанъ всталъ и послѣдовалъ за Святымъ, который повелъ его въ какое-то подземелье. Они стали спускаться внизъ, по узкой подземной дорожкѣ, шириной въ одинъ охватъ рукъ и очень низкой, такъ что должны были идти пригнувшись; на пути слѣдованія ихъ перегоняли низкорослыя и черныя, во образѣ человѣческомъ, существа; съ великой поспѣшностью и большимъ стараніемъ они волокли каждый по одному связанному человѣку, иного за шею, иного за ноги, иного за

руки, иного за волосы, иного за бороду, а одного тащили, зацѣпивъ крючкомъ за ребра. Эти черные люди такъ быстро влекли своихъ узниковъ, что Ѳеофанъ едва успѣвалъ разглядѣть ихъ; слышалъ только хорошо ихъ вопли, причемъ разобралъ слѣдующія. Такъ тотъ, котораго тащили за шею, вопіялъ: „Горе мнѣ, нечестивому іерею, дерзнувшему принять священство, будучи столь окаляннымъ плотскими грѣхами,—се нынѣ гряду получить заслуженное возмездіе“. —Другой, котораго волокли за веревку, привязанную къ тайнымъ удамъ, вопилъ: „Увы мнѣ непокорному монаху, ненавистнику старческихъ приказаній, завистнику подвизавшихся и нерадивцу къ собственному монашескому подвигу, не старавшемуся стяжать наслѣдіе на небесахъ Отчее, не старавшемуся восходить и усовершенствоваться въ добродѣтеляхъ и за это самое ниспавшему въ бездну блудныхъ грѣховъ: мужеложства, сваленія, малакіи, — се нынѣ низвергаюсь въ бездну ада“.—Одинъ вопилъ: „Увы мнѣ, положившему доброе монашеское начало, раздавшему все имущество бѣднымъ, чтобы подвизаться въ нестяжаніи, но въ монашествѣ ставшему многостяжателемъ, клавшимъ всѣ силы свои на пріобрѣтеніе хищеніемъ и неправдою всякихъ вещественныхъ благъ, презрѣвшему подвижничество ради стяжанія благъ духовныхъ и стяжанія добродѣтелей! Изъ-за этого, вмѣсто того, чтобы взойти на высоту блаженства, куда мнѣ былъ открытъ доступъ, я, впавъ въ хищенія, неправды и многостяжательность, нисхожу въ бездну адскую“. —Другой вопилъ: „Увы мнѣ безумцу! Покинулъ я отца, мать, родныхъ, друзей, братьевъ, сестеръ, рабовъ, служителей, все имѣніе движимое и недвижимое, скрылся отъ міра подъ спасительный кровъ монастыря, но здѣсь, вмѣсто того, чтобы подвизаться, подражая Святымъ Отцамъ, я удовольствовался тѣмъ, что положилъ доброе начало. Да, положилъ я истинное начало, но не продолжалъ подвизаться на пути монашескаго спасенія, не искалъ спасительной свободы отъ страстей и о всякихъ попеченій, но опуталъ себя многими заботами и житейскими попеченіями о умноженіи своего имущества, о постройкѣ красивыхъ зданій и стяжаніи прочихъ привременныхъ благъ, оставивъ ради этого всякое попеченіе о подвигѣ иноческомъ, всякую заботу о стяжаніи духовныхъ благъ, слѣдуя путемъ беззаконниковъ, вмѣсто добродѣтелей стяжевая пороки, ревнуя, и стараясь превосходить другихъ не добродѣтелями, а успѣхами въ стяжаніяхъ злата и прочихъ благъ тлѣнныхъ, въ разведеніи садовъ и въ постройкѣ домовъ. Этими заботами діаволъ такъ меня опуталъ, что я и не замѣчалъ, что позабылъ Бога и безполезно трачу жизнь въ суетѣ, но былъ несомнѣнно увѣренъ, что стою на пути спасенія, какъ никто другой. Содѣйствіемъ діавольскимъ я такъ былъ прилеженъ и ревностенъ въ трудахъ ради стяжанія сихъ временныхъ благъ, что никогда не ощущалъ въ себѣ даже усталости, въ сихъ великихъ суетахъ ноги мои никогда не утомлялись. И нынѣ, вотъ куда довели эти много-

попечительныя и многостяжательныя заботы,—изъ-за нихъ меня теперь волокутъ за ноги по сему адскому пути въ бездну, ибо я и жизнь всю свою работалъ на пользу ада, а не на пользу душевную". — Еще одинъ вопилъ: „Увы мнѣ, монаху-фарисею, который сначала имѣлъ доброе намѣреніе, желая поступить въ убогую обитель и тамъ подвизаться въ смиреніи, но впалъ въ лицемѣріе и ханжество, сталъ заботиться о своей наружности,—бородѣ и волосахъ, стараясь быть привлекательнымъ и искуснымъ въ лести, въ чемъ преуспѣлъ, и вознесся самомнѣніемъ. Увлекаемый имъ, покинулъ я обитель и отправился въ Царьградъ, тамъ началъ завлекать людей своей наружностью, бородой, волосами и обхожденіемъ, ища славы человѣческой и доискиваясь званія духовника. (На востокѣ это особое званіе и не всѣ священники могутъ быть ими). Когда же достигъ, то уподобился змѣю, соблазнявшему Еву и обвившемуся вкругъ древа познанія добра и зла, отгрызшему собственными зубами запретный плодъ, отравившему его ядомъ языка своего, и тѣмъ умертвившему весь родъ человѣческій, сдѣлавъ людей безчувственными къ страху Божію. Такъ и я,—собственными зубами отгрызалъ запретные плоды, смертельные для людей, и манилъ языкомъ своимъ вкушать отъ нихъ, и тѣ, которые принимали ихъ отъ меня,—отравлялись. Такъ и я дѣлалъ людей безчувственными къ повелѣніямъ Божіимъ, (т. е. безстрашными ко грѣху), отравляя ихъ превратными толкованіями и ложными истинъ духовнаго вѣдѣнія древа познанія добра и зла, (т. е. ложнымъ толкованіемъ заповѣдей и слова Божія). Старался я привлечь къ себѣ какъ можно больше духовныхъ чадъ и, чтобы приманить ихъ, льстилъ имъ какъ змѣй, хваля ихъ не только въ глаза, но и за-глаза; но вмѣстѣ съ тѣмъ осуждалъ духовниковъ иныхъ и духовныхъ чадъ за грѣхи ихъ. За это нынѣ нисхожу на дно ада, въ хладъ тартарскій, чтобы быть вѣчно мучимымъ мучителемъ дракономъ во чревѣ ада, гдѣ Діосфоръ".—Такими воплями оглашалась та адская стезя, по которой бѣсы волокли тѣхъ людей.

Наконецъ Ѳеофанъ со Святымъ Ниломъ дошли до одной, боковой, весьма узкой, дорожки; Святой сказалъ: „Слѣдуй за мной",—и повелъ его до конца ея, гдѣ виднѣлся, какъ бы закрытый люкъ отъ цистерны, изъ котораго, когда Святой открылъ его, вырвалось пламя и озарило ихъ. Ѳеофанъ испугался, но Святой сказалъ: „Не бойся, но только смотри же хорошенько, чтобы ты больше не входилъ въ монастырь, а то я собственными руками кину тебя сюда". Ѳеофанъ испугался еще больше, какъ бы онъ сейчасъ не привелъ бы въ исполненіе своей угрозы и не вкинулъ его туда, и сталъ умолять, говоря: „Никогда больше въ монастырь не пойду, только не кидай меня сюда". Святой: „Смотри же хорошенько, берегись, чтобы не нарушить тебѣ слова, ибо тогда здѣсь мучиться будешь". Ѳеофанъ спросилъ. „Что это такое? колодецъ сухой или цистерна?" Заглянулъ въ люкъ, и его гла-

замъ представилась глубочайшая пропасть, на днѣ которой кипѣла и клокотала расплавленная огненная масса. На поверхности этой массы появлялись тѣла человѣческія, обнажаясь то той, то другой частью тѣла, и вновь погружаясь, — какъ фасоль, кипящая въ водѣ, восходя наверхъ, и сходя на дно, причемъ появлявшіяся лица ихъ были уродливы, подобно собачьимъ и ослинымъ мордамъ; изъ глубины же исходили ужасные стоны и вопли; такъ одни вопили: „горе намъ многостяжателямъ", другіе: „увы намъ злымъ мстителямъ", „увы намъ лжецамъ", „увы намъ хулителямъ", „увы намъ мужеложцамъ", „увы намъ іереямъ прелюбодѣйствовавшимъ"; и другіе подобные возгласы раздавались оттуда. Наконецъ, Святой сказалъ Ѳеофану: „Иди за мной"; Ѳеофанъ послѣдовалъ за Святымъ. Они вышли на прежнюю дорогу и, поднявшись наверхъ, возвратились въ темницу, гдѣ, посадивъ Ѳеофана, Святой надѣлъ ему снова оковы на руки и на ноги, какъ вначалѣ и сказалъ: „Посиди здѣсь, пока я схожу къ старцу Нафанаилу, чтобы взять на себя твое бремя и твою тяготу, но смотри же хорошенько, берегись, ибо, если ты нарушишь обѣтъ, то меня посрамишь, ибо я ручаюсь за тебя эпитропамъ, что ты никогда больше не придешь сюда, и тогда уже не избавишься отъ сей бездны". — Святой вышелъ, замкнувъ за собой дверь; Ѳеофанъ услыхалъ его обратные шаги; онъ открылъ дверь и, взойдя, сказалъ Ѳеофану: „Вставай, ступай въ свою каливу, но смотри хорошенько, чтобы впредь ты не только не смѣлъ въ монастырь входить, но, чтобы очи твои и порога монастырскаго болѣе не видали. Вставай". — Ѳеофанъ возразилъ. „Какъ мнѣ встать, когда я связанъ?" — Святой: „Вставай, я говорю тебѣ; зачѣмъ прекословишь?" — Повелѣніе старца, казавшееся Ѳеофану невыполнимымъ, начало сердить его и онъ грубо отвѣчалъ: „Я уже разъ сказалъ тебѣ, что не могу; чего же ты все твердишь: вставай, да вставай? Развѣ не видишь, что у меня, и руки, и ноги связаны? Развѣ возможно мнѣ встать?" (Повелѣніе Святаго встать означало возстаніе отъ сна, въ которомъ былъ Ѳеофанъ во время видѣнія). Ѳеофанъ попробовавъ сдѣлать движеніе и, убѣдившись, что встать ему невозможно, сказалъ: „Вотъ видишь, какъ я связанъ, а ты все говоришь: вставай, да вставай! Не знаю, что ты за человѣкъ такой!" При этихъ словахъ Ѳеофанъ пробудился, но не могъ первое время понять, гдѣ онъ и что съ нимъ, не зналъ, было ли все видѣнное съ нимъ во снѣ, или на яву. Наконецъ, ощупавъ руки и ноги, и убѣдившись, что онѣ не связаны, онъ пришелъ въ себя и увѣрился, что то, что онъ только что видалъ, было съ нимъ въ сонномъ видѣніи; однако руки у него болѣли, какъ будто послѣ оковъ и не могли свободно дѣйствовать; въ носу же до трехъ недѣль все ощущался тотъ страшный смрадъ, который исходилъ изъ бездны. Святой, явившись въ этомъ сонномъ видѣніи Ѳеофану, хотя и не назвалъ себя ему прямо, но изъ его рѣчей можно

было познать его, а впослѣдствіи. Преподобный, укоряя Өеофана за несоблюденіе имъ заповѣдей его, винилъ его и въ нарушеніи сего даннаго Өеофаномъ обѣта не ходить въ Лавру, упоминалъ о томъ, какъ онъ освободилъ его изъ темницы, укоряя за неблагодарность, которою Өеофанъ воздалъ ему за оказанное благодѣяніе, что Святой раньше предвидѣлъ.

8-го мая 1815 г., т. е. два мѣсяца спустя послѣ описаннаго выше видѣнія, неожиданно были обрѣтены св. мощи Преподобнаго Отца нашего Нила, были обрѣтены, хотя и съ попущеніемъ Святаго, но не съ соизволеніемъ его на то, ибо Святой заклялъ въ предсмертномъ завѣщаніи, чтобы никто не дерзалъ бы отрывать его останки. Произошло это вслѣдствіе того, что, когда распространилась во Св. Горѣ слава о чудесныхъ и необычайныхъ явленіяхъ Святаго Өеофана и, когда по повелѣнію Святаго Өеофанъ раздѣлалъ спускъ въ пещеру, такъ что стало возможнымъ и старикамъ, наравнѣ съ молодыми, приходить туда на поклоненіе — „ради исцѣленія души и тѣла“, и паломничество въ пещеру возросло, то нѣкоторыя братія вознамѣрились построить на карнизикѣ, что подъ самой пещерой и на отвѣсной скалѣ, подымающейся отъ моря,—церковь во имя Святаго. Это намѣреніе, какъ видно будетъ потомъ изъ обличеній Святаго, не было вполнѣ чистымъ, но вызвано было отчасти и денежными соображеніями [1]). Лавра дозволила; были наняты рабочіе и приступили къ закладкѣ фундамента. При этомъ открылась и та пещерка могильная, находившаяся подъ пещерою, въ которой жилъ Святой, гдѣ почивали его мvроточивыя Святыя мощи. Изъ этой именно гробовой пещерки истекало нѣкогда обильно чудотворное и всецѣлительное мvро чрезъ малую трещину въ скалѣ. Съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ оно стекало въ море у Каравостаса, и такъ продолжало истекать, пока все Святое тѣло не обратилось въ мvро благоуханное и святое, почерпнуть которое изъ дальнихъ странъ православные стекались къ Каравостасу. Но остальные священные останки оставались неприкосновенными въ гробу; нѣкіе два брата однажды попытались было отрыть мощи, но, при самомъ началѣ ихъ поисковъ, на одного изъ нихъ обрушился большой камень и раздавилъ ему ногу. Тогда другой, оставивъ раненаго въ пещерѣ, поспѣшилъ въ монастырь за помощью и за муломъ, но, когда онъ уда-

---

[1]) Въ свое время С.-Петербургское Епархіальное начальство устроило коммиссію для выясненія вопроса о монастырскихъ подворьяхъ въ столичныхъ городахъ. Коммиссія высказала сужденіе, (конечно не совсѣмъ вѣрное), что монастырскія подворья съ храмами, устрояемыя иноепархіальными монастырями въ столицѣ, строются единственно для пріобрѣтенія денегъ въ кассу монастырей, являются какъ-бы одними лишь сѣтями, неводами и удочками для уловленія денегъ. Конечно, это не совсѣмъ вѣрно, но все-таки при постройкѣ храма надобно избѣгать коммерческихъ побужденій.

лился, оставшемуся явился нѣкій благолѣпный старецъ, т. е. самъ Святой Нилъ, въ образѣ старца монаха, и спросилъ: „Что съ тобой случилось?“ тотъ отвѣчалъ, что хотѣлъ съ товарищемъ отрыть святыя мощи, но на него обрушился камень; Святой исцѣлилъ раздавленную ногу, но заповѣдалъ, чтобы впредь никто не дерзалъ бы больше искать его мощей, и исчезъ. Тогда исцѣленный побѣжалъ въ догонку за ушедшимъ братомъ, нагналъ его въ мѣстности Хаиръ, къ великому удивленію послѣдняго, и расказалъ ему все случившееся. Запрещеніе Святого стало извѣстнымъ всей Св. Горѣ, передаваясь изъ рода въ родъ по преданію, такъ что до послѣдняго времени никто не дерзалъ болѣе возобновлять попытку взысканія св. его мощей. Нынѣ же, ради Ѳеофана, какъ объяснилъ потомъ, Святой, попустилъ онъ совершиться столь неугодной для него вещи и не возбранилъ незаповѣданной имъ постройкѣ церкви. Св. мощи неожиданно были обрѣтены и торжественно перенесены въ Лавру; въ сосѣдней же съ пещерою Св. Нила келліи Спанонъ была оставлена лишь часть Святаго для почтенія мѣста, гдѣ раньше подвизался Святой. Такъ, вслѣдъ за однимъ дѣломъ, противнымъ Святому, совершилось и второе, не менѣе противное его волѣ, а именно перенесеніе его священныхъ останковъ изъ возлюбленной имъ безмолвной пещеры въ многолюдный монастырь. За все это, какъ мы увидимъ ниже, пришлось дать отвѣтъ Ѳеофану и пострадать за свое самочиніе, ибо онъ сдѣлалъ сіе, не имѣя на то повелѣнія Святаго, и на него пала клятва, положенная въ завѣщаніи Святаго. За эту клятву Ѳеофану впослѣдствіи пришлось понести тяжкую эпитимію, передъ своимъ постриженіемъ въ схиму. Святой также сказалъ, каковы были слова той клятвы, которою онъ заклялъ, умирая, не касаться его мощей, а именно: „Не воскреснутъ нечестивіи на судъ“, т. е. тѣ, которые дерзнутъ нарушить клятву. Сіе завѣщаніе, какъ мы видимъ изъ словъ Святаго, было написано на дощечкѣ его возлюбленнымъ ученикомъ Иліей и утверждено надъ изголовьемъ гробницы, въ предостереженіе тѣхъ, которые захотѣли бы отрыть останки по прошествіи трехъ лѣтъ, какъ то водится на Аѳонѣ и взять ихъ себѣ въ молитвенную память.

Открытіе св. мощей привело Ѳеофана еще къ одному злосчастному послѣдствію,—къ нарушенію данной имъ клятвы не ходить никогда въ Лавру, ибо онъ счелъ себя вправѣ при перенесеніи мощей сопровождать ихъ, за что снова подпалъ подъ власть злаго духа. Наконецъ, Ѳеофанъ прогнѣвалъ Святаго еще тѣмъ, что роздалъ нѣкоторыя бывшія у него частицы мощей преп. Нила на сторону.

ГЛАВА IV.

Искушеніе, постигшее Θеофана за нарушеніе имъ заповѣди. Святой является въ сонномъ видѣніи, обличаетъ грѣхъ, объявляетъ наказаніе и беретъ свои мощи. Вторичное явленіе его Θеофану во время соборованія и исцѣленіе Θеофана. Явленіе въ храмѣ во время бдѣнія, когда святой Нилъ вернулъ мощи Θеофану.

Какъ мы видѣли выше, Θеофанъ дозволилъ себѣ сопровождать мощи Святаго въ Лавру во время перенесенія ихъ и этимъ нарушилъ ту заповѣдь Святаго, которой онъ запретилъ ему посѣщать Лавру, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Грѣхъ есть смерть; такъ и въ данномъ случаѣ: какъ только совершилъ сей грѣхъ Θеофанъ, благодать отступила отъ него, діаволъ возобладалъ снова сердцемъ его, такъ что на слѣдующій день, переночевавъ въ Лаврѣ послѣ перенесенія мощей, Θеофанъ, когда получивъ свою часть мощей, отправился во свояси, то почувствовалъ въ сердцѣ сильное уныніе и злобу. (Прим.: обращаемъ вниманіе читателя на это характерное явленіе и свойство грѣха: побѣдилъ врагъ Θеофана, заставивъ нарушить одну заповѣдь о непосѣщеніи Лавры, и вотъ, оказывается, Θеофанъ не въ силахъ соблюдать другія заповѣди о безгнѣвіи и непамятозлобіи). Прійдя въ скитъ, Θеофанъ остановился въ келліи Филарета, причемъ ощущалъ въ себѣ такое смущеніе и злобу, какъ никогда. Къ счастію его, въ этотъ вечеръ одинъ изъ братій благой бесѣдой своей разсѣялъ нѣсколько злобныя и мрачныя чувства Θеофана, но, когда тотъ удалился и Θеофанъ остался одинъ, то злоба снова закипѣла въ его сердцѣ. Положивъ (на столъ) св. мощи, Θеофанъ легъ, но уснуть не могъ, такъ какъ голова его была полна воспоминаніями о тѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, которыя когда-либо перенесъ Θеофанъ; сердце его пылало злобой и желаніемъ отмстить. Наконецъ, передъ самой утреней онъ заснулъ, и ему явился Преподобный Нилъ въ слѣдующемъ видѣніи.

Представилось Θеофану, что онъ идетъ изъ Лавры въ скитъ, а навстрѣчу ему идетъ старецъ Ананія, лавріотъ, въ Лавру, который былъ, какъ потомъ мы увидимъ, Святой Нилъ. Поровнявшись съ Θеофаномъ, Святой, на привѣтствіе послѣдняго, укоризненно покачалъ нѣсколько разъ головой и промолвилъ: „Такъ-то воздалъ ты мнѣ за оказанное мною тебѣ благодѣяніе, неблагодарный человѣче?“

Θеофанъ: „А что я тебѣ сдѣлалъ худаго?“

Святой: „А что еще хуже могъ ты мнѣ сдѣлать? Ты, можетъ быть, думаешь, что такъ и слѣдовало разобрать меня на куски, чтобы

они почивали завернутыми въ грязномъ мірскомъ бѣльѣ?“ (Послѣднее Святой сказалъ потому, что, когда открылись его мощи, то бывшіе при семъ мастера-миряне взяли себѣ части мощей и, за неимѣніемъ мѣста для храненія ихъ, поклали въ сумки свои, завернувъ въ бѣлье). Ѳеофанъ: „Ты не предупреждалъ меня, чтобы я не сотворилъ сего“. (т. е. не отрывалъ-бы твоихъ мощей). Святой: „Изъ-за твоей неблагодарности разобрали и растащили меня. Это ты растаскалъ меня, неблагодарный“. Затѣмъ Святой повелъ рѣчь о Ѳеофанѣ. „Доколѣ злобиться будешь? Доколѣ огорчаться, доколѣ оскорбляться будешь? Развѣ мало повторялъ я тебѣ, чтобы ты, когда найдетъ на тебя огорченье и гнѣвъ, побѣждалъ ихъ терпѣніемъ? Не говорилъ-ли я тебѣ, какъ поступать впредь и столь подробно, какъ дѣйствовать въ томъ, и въ другомъ случаѣ? Не обѣщался-ли ты мнѣ никогда не ступать больше на порогъ монастыря? Не предупреждалъ-ли я тебя, (что въ противномъ случаѣ бѣда будетъ)? Теперь-же ты еще меня винишь во всемъ и въ твоей гнѣвливости!“ (Повидимому, Ѳеофанъ страдая ту ночь отъ воспламененія въ немъ злобы и огорченія, роталъ и винилъ Святого). Ѳеофану стало жалко благого старца, онъ раскаялся въ своихъ словахъ, упалъ ему въ ноги, просилъ прощенія, и такъ лежалъ ницъ, пока тотъ не сказалъ: „Не меня жалѣй, но собственную свою душу пожалѣй, несчастный,“ и затѣмъ: „Буди прощенъ; и да почіетъ на той части (мощей), которая у тебя, моя благодать“. Ѳеофанъ возсталъ отъ земли и увидалъ Святаго уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя и страшно измѣнившимся: Святой шелъ нагой, тѣло его было растерзано, отдѣльныя-же составы и части валялись по дорогѣ позади его, справа и слѣва; Ѳеофанъ воскликнулъ: „Остановись, вернись, куда идешь въ такомъ видѣ? Давай, сначала соберемъ?“ Святой: „Это вашъ долгъ, ибо вы самовольно раскидали ихъ; я-же не поручалъ вамъ переносить меня въ монастырь и не требовалъ отъ васъ сего. Итакъ, немедленно-же соберите то, что раскидали, чтобы мнѣ возвратить все въ цѣлости, когда я за ними пріиду, чтобы возвратиться обратно“. (Этими словами Святой пророчествуетъ, что впослѣдствіи его св. мощи перенесутся обратно въ его пещеру). Ѳеофанъ: „Ну, теперь, попавъ въ монастырь, едва-ли возможно будетъ тебѣ вернуться цѣлымъ обратно“. Святой: „Отчего-же ты полагаешь, что мнѣ не отдадутъ (мощей) въ цѣлости обратно?“ Ѳеофанъ: „Развѣ ты впервые съ лавріотами познакомился, что меня спрашиваешь?“ Святой: „Я ихъ знаю, но и они меня узнаютъ“, (если воспротивятся моему возвращенію).

Ѳеофанъ: „Прежде, чѣмъ дашь имъ себя узнать, они разошлютъ тебя въ поѣздки со сборщиками, и дожидайся тогда, когда вернешься назадъ“. Святой: „Съ поѣздками я не знакомъ, ибо никогда не покидалъ своей пещеры, и не пойду (по сбору); если-же они сотво-

рятъ мнѣ это, то понесутъ великій уронъ. Болѣзнь и пожаръ постигнетъ ихъ обитель“. Послѣ этого Святой сказалъ Ѳеофану: „Смотри-же хорошенько, смотри, хранись и берегись, если хочешь, чтобы моя благодать хранила-бы тебя“. Сказавъ это, Святой повернулся и подвигся въ путь, подымаясь въ гору, а Ѳеофанъ пошелъ къ скиту—и проснулся. Пробудившись, онъ почувствовалъ, что отъ св. мощей Преподобнаго, которыя положилъ на столъ, когда ложился спать, исходитъ чудное благоуханіе. Сердце Ѳеофана было преисполнено такого умиленія, что слезы неудержимо струились изъ глазъ, а отъ бывшей злобы и огорченія—и слѣда не осталось.

Оставивъ св. мощи на храненіе при церкви колліи Филарета, Ѳеофанъ вернулся въ свою каливу, около 8 мѣсяцевъ мирствовалъ и посильно подвизался.

Но въ началѣ 1816 года Ѳеофанъ, позабывъ прещенія Святаго за раздробленіе его мощей, вновь прогнѣвалъ этимъ Святаго, ибо паломничество въ пещеру св. Нила по открытіи и перенесеніи его мощей еще больше возрасло. Многіе поклонники посѣщали Ѳеофана, причемъ были и земляки съ родины его. Ѳеофану дарили деньги, прося его удѣлить имъ частицы мощей отъ его части, и Ѳеофанъ уступилъ настояніямъ нѣкоторыхъ. Повидимому и Лавра [1]) тоже удѣлила нѣкоторыя части, чѣмъ былъ весьма недоволенъ Святой. Наконецъ, Ѳеофанъ сталъ впадать въ страсть человѣкоугодничества и сребролюбія, т. е. ухаживалъ за поклонниками, копилъ деньги, которыя ему давали, и такимъ образомъ оказался снова на пути погибели. Онъ совершенно погибъ-бы, если-бы Святой не вернулъ его на путь спасенія, обличивъ его грѣхъ и покаравъ его.

13-го января 1816 г., въ первомъ часу по заходѣ солнца, уснувшему въ своей каливѣ Ѳеофану явился Святой Нилъ, во образѣ архимандрита Нафанаила, игумена Лавры и потребовалъ, чтобы Ѳеофанъ подалъ ему его ковчегъ съ мощами. Ѳеофанъ подалъ ковчегъ; Святой-же, открывъ его и взглянувъ, сказалъ: „Гдѣ же остальное?“—т. е. куда дѣвались прочія части. — Ѳеофанъ: „Я роздалъ“. — Святой: „Развѣ для того далъ я тебѣ мощи, чтобы ты ихъ раскидалъ?“ — Ѳеофанъ: „Нужда была и отдалъ“.—Святой: „Какая могла быть нужда? Испыталъ-ли ты когда-либо съ самаго твоего поселенія здѣсь нужду въ чемъ-либо? Кто же доставлялъ тебѣ доселѣ все это, неблагодарный?“ т. е. развѣ не исполнялъ я обѣщанія своего промышлять о всемъ потребномъ для жизни твоей, а ты говоришь, что ради нужды отдалъ часть

---

*) На греческомъ востокѣ существуетъ весьма грѣховный обычай продавать за большія деньги частицы мощей,—„нужды ради“, какъ тонко выражаются лукавые продавцы, забывающіе, что благодать Божія не продается, и тѣмъ навлекающіе на себя гнѣвъ Божій.

мощей моихъ за деньги? Но ты ни мало не признателенъ мнѣ за это".— Ѳеофанъ: „Какой-же признательности ты еще отъ меня требуешь?"— т. е. вѣдь кажется, я всѣ заповѣди твои исполняю".—Святой: „Не наказывалъ развѣ я тебѣ, чтобы ты не связывался съ ними, а ты зачѣмъ связался съ ними?"—т. е. съ мірянами и земляками.—Ѳеофанъ: „Я и не связываюсь съ ними".—Святой: „Да, ходить ты къ нимъ — не ходишь, но лукаво ухаживаешь за ними, (т. е. льстишь и угодничаешь, когда они приходятъ поклониться въ пещеру). Я велѣлъ тебѣ только спускъ въ пещеру раздѣлать, и не замѣтилъ ты развѣ, какъ все это, какъ-бы само собой, сдѣлалось? Ты и не почувствовалъ, какъ все совершилось. Но кто приказывалъ тебѣ церковь строить? Развѣ когда говорилъ я тебѣ, чтобы ты сдѣлалъ церковь? Но пусть такъ, построили вы ее, но гдѣ же ваше богослуженіе въ ней? Построили вы ее не ради спасенія душъ вашихъ, а втайнѣ разсчитывая получать доходъ отъ нея, какъ отъ торговаго заведенія". — Ѳеофанъ: „Такъ отчего же, если это такъ неугодно было Святому, онъ не остановилъ сего чудомъ?"—Святой: „Тебѣ-ли еще требовать чуда? Мало съ тебя развѣ тѣхъ чудесъ, которыя ты видалъ, что еще просишь и требуешь? Мало развѣ оказалъ я тебѣ милостей и долготерпѣнія, до сего времени терпя и милуя тебя, не взирая на твою злопамятность?"— памятозлобіе пресѣкаетъ дѣйствіе благодати.—„Получи же заслуженное наказаніе, чтобы и другимъ оно было въ примѣръ, и одумайся хорошенько!"—При послѣднихъ словахъ Святаго, Ѳеофанъ увидалъ, слѣва отъ него, устремлявшагося громаднаго дракона, и, громко закричавъ, перевернувшись на ложѣ своемъ, на которомъ спалъ, упалъ съ ложа, пробудившись въ страхѣ и трепетѣ. Вспоминая потомъ подробности видѣнія, Ѳеофанъ убѣдился, что это Святой Нилъ являлся ему и, вспомнивъ, что онъ отдалъ ему ковчегъ съ мощами и не получилъ его обратно, Ѳеофанъ обезпокоился, не случилось-ли что съ его мощами, которыя хранились въ келліи Филарета. На слѣдующее утро пошелъ посмотрѣть, цѣлы-ли онѣ. Прійдя въ келлію Филарета и отомкнувъ сундукъ, онъ нашелъ ковчегъ нетронутымъ, но, мощей въ немъ Святаго не нашелъ,—осталась лишь вата, въ которой онѣ были завернуты. Всѣ эти событія до того потрясли Ѳеофана, что 5 ночей онъ нисколько не могъ уснуть и безпрестанно дрожалъ. Тогда позвали трехъ священниковъ, совершить надъ нимъ елеосвященіе. Это ему нѣсколько помогло, ему стало легче, и онъ могъ заснуть, но ломота осталась во всѣхъ членахъ. По временамъ боль дѣлалась такой острой, что онъ кричалъ. Подобные припадки острой боли продолжались съ нимъ до четверти часа. Въ ночь на воскресенье 23-го января, когда Ѳеофанъ былъ у заутрени въ церкви, съ нимъ сдѣлался обморокъ; упавъ, онъ вывихнулъ себѣ совершенно руку въ плечѣ, такъ что изъ плечеваго сустава она выскочила назадъ, ротъ его такъ свело судорогой, что онъ

не могъ нисколько открыть его, чтобы что-либо съѣсть или выпить, и не могъ проговорить ни слова. Это произошло на келлліи Филарета. Братія, поднявъ Өеофана, снесли его въ готовую комнату, гдѣ и положили его. Өеофанъ, хотя и пришелъ въ сознаніе, но владѣть ртомъ не могъ, страдая отъ жажды и голода, не могъ открыть рта для принятія пищи, и мучительно страдалъ отъ вывиха, а еще болѣе тяжко страдалъ душевно. Отъ этихъ невыразимыхъ страданій онъ пришелъ, наконецъ, въ такое отчаяніе, что увидавъ, висѣвшія близь себя ножницы, протянулъ къ нимъ правую руку, схватилъ ихъ, рѣшивъ покончить съ собой и вонзить ихъ себѣ въ животъ; держалъ ихъ уже готовыми въ рукѣ, соображая только, какимъ образомъ удобнѣе это исполнить,—но вдругъ, въ это самое мгновеніе, забылся и очутился, въ видѣніи, заключеннымъ въ темницу въ Лаврской башнѣ и накрѣпко закованнымъ въ желѣзныя тѣсныя кандалы, которыя причиняли ему такую нестерпимую боль, что онъ въ отчаяніи грызъ зубами свое тѣло на рукахъ и на ногахъ. Въ это время вошелъ къ нему какой-то старецъ монахъ, держа въ рукахъ бумагу, перо и чернильницу.—Это былъ Святой Нилъ. Увидавъ, какъ Өеофанъ яростно грызетъ свою плоть и терзаетъ себя, Святой укоризненно произнесъ: «О маловѣрный и косный сердцемъ. Кому этимъ отмщаешь? не себѣ-ли самому досаждаешь?»—Өеофанъ: «Что-же мнѣ дѣлать, когда страданія невыносимы? не видишь развѣ, какъ я связанъ?» Святой: «А кто въ этомъ виноватъ, какъ не ты самъ? Ибо ты и не исполнялъ того, что повелѣлъ тебѣ, и не удерживался отъ того, что запретилъ тебѣ. Мало, развѣ я терпѣлъ тебя?»—Өеофанъ: «Но тебѣ что я сдѣлалъ худаго?»—Святой: «А что еще хуже могъ ты мнѣ сдѣлать? За то именно и засадилъ я тебя сюда, и посему въ моей власти и выпустить тебя отсюда, но такъ какъ ты не достоинъ того, то я и не желаю, чтобы ты освободился. Впрочемъ, если за тебя попросятъ три ходатая, то тебѣ возможно будетъ освободиться, но только напередъ скажи, какъ будешь потомъ жить?» — Өеофанъ: «Какъ я буду жить? какъ всѣ живутъ, такъ и я буду жить».—Святой: «Ты на другихъ не гляди».—Өеофанъ: «Ну, такъ какъ же мнѣ надо жить, чтобы освободиться?» — Святой: «Самъ долженъ знать: за что тебя посадили? значитъ, впредь живи такъ, чтобы въ этомъ больше не провиняться. Какъ жить, тебѣ въ особенности хорошо должно быть извѣстно, ибо я столь кратъ вразумлялъ тебя, какъ слѣдуетъ жить, чтобы не попасть сюда. Несмотря на то, что ты все это прекрасно знаешь, ты все-таки слѣдуешь влеченію развращеннаго желанія твоего, представляя себѣ свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, ибо ко тьмѣ влечетъ тебя твое грѣхолюбіе, какъ свинью— калъ тинный». Өеофанъ: «Ты только выпусти меня, я пойду въ свою каливу, все буду соблюдать и не буду больше приглядываться къ другимъ,—что дѣлаетъ тотъ, и что дѣлаетъ другой».—Святой: «Ты это

уже много разъ обѣщалъ мнѣ и слово давалъ, но потомъ попиралъ данное обѣщаніе, ибо мысль твоя непостоянная. Но, будь по твоему, только напиши сперва на сей бумагѣ все то, что отнынѣ обѣщаешься исполнять».—При этомъ Святой подалъ Ѳеофану бумагу и перо, чернильницу-же продолжалъ держать въ своихъ рукахъ.—Ѳеофанъ: «Что же именно писать?» — Святой: «Запиши все, чему я тебя училъ».—Ѳеофанъ: „Чему же ты меня училъ?“ Святой: „Ты самъ хорошо помнишь, чему я тебя училъ“.—Ѳеофанъ: „Повѣрь мнѣ, что ничего не помню“.—Святой: „Лживому-ли вѣрить, или истинному? Я говорю тебѣ, что ты помнишь, а ты говоришь мнѣ: повѣрь, что ничего не помню. Посему, предай письму все, что я съ тобой раньше говорилъ, что нынѣ говорю и что впредь скажу, не утаевая словъ, не дѣлая такъ, чтобы одни слова хоронить, а другія являть.

Никогда ни въ чемъ не лукавь. Никогда не говори себѣ: когда похоть влечетъ на грѣхъ, авось сойдетъ, или будь что будетъ, а я все-таки исполню желаніе свое, ибо за это самое многіе попали въ темницу и не освободились больше оттуда.

Безъ совѣта ничего не начинай, ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ, т. е. ни предпріятій какихъ, ни начинаній какихъ въ келейной жизни и въ духовной. Не посовѣтовавшись ничего не твори.

Слышу я еще, какъ ты озабоченъ попеченіями и хлопотами о заготовленіи и запасеніи себѣ разныхъ припасовъ для пропитанія. Ужели доселѣ ты не увѣрился въ томъ, что я пекусь о тебѣ, и не замѣтилъ, какъ я промышляю о тебѣ, не взирая на невѣрность твою и на развращеніе мыслей твоихъ, что я впрочемъ предвидѣлъ.

По праздничнымъ днямъ и въ субботы дозволяется тебѣ ѣсть рыбу, но не больше того. Однако ѣшь только, если случай будетъ, но отнюдь не запасай впередъ.

При каждомъ смущеніи въ мысляхъ ты долженъ ходить къ твоему духовнику“. — Ѳеофанъ: „Нѣтъ у меня духовника и взять негдѣ“. Святой: „Что же со всѣми случилось?“—Ѳеофанъ: „Ты, какъ монастырскій, накажи которому-нибудь изъ нихъ принимать мои помыслы“.—Святой: „Не могу я никого назначить тебѣ, чтобы онъ не возомнилъ потомъ о себѣ, что онъ всѣхъ лучшій, ибо тогда, и овца сія, т. е. духовникъ, можетъ погибнуть; поэтому того, что ты говоришь сдѣлать,—невозможно, но ты самъ сходи и попроси; если тебя не приметъ,—отряси прахъ ногъ твоихъ, и иди къ другому“. — Ѳеофанъ: Буди по слову твоему, ты только освободи меня отсюда, а я съумѣю какъ-нибудь устроиться“.—Святой: „На сей разъ ты освободишься, но только смотри, берегись, чтобы тебѣ вновь сюда не попасть, ибо тогда не выйдешь больше на свободу.

Для того, чтобы освободиться, тебѣ слѣдуетъ пригласить 7 іереевъ, дать каждому на литургію, т. е. отслужить литургію о здравіи, раз-

дать всѣмъ отцамъ на четки, т. е. чтобы протянули четки за исцѣленіе Ѳеофана;— чтобы не вообразилъ-бы ты потомъ, что своими силами освободился. Нѣтъ, нѣтъ, и не воображай, что тебѣ самому, т. е. безъ посторонней молитвенной помощи, возможно освободиться, только ради предстательства трехъ ходатаевъ это можетъ состояться, чтобы тебѣ выйти на свободу".

Ѳеофанъ: „Кто же ты таковъ и какое твое званіе въ монастырѣ?"

Святой: „Я тотъ, который освободилъ тебя плѣннаго. Я тотъ, который напиталъ тебя алчущаго. Я тотъ, который одѣлъ тебя нагаго,—но ты, какимъ былъ неблагодарнымъ, такимъ и остался. Ты разсѣкъ меня, за всѣ мои тебѣ благодѣянія, на куски и раскидалъ повсюду; какъ будто на злодѣя, скрывающагося въ пещерѣ, напалъ ты на меня, и, какъ какого вора пойманнаго, потащилъ въ монастырь, стремительно, какъ вихрь, налетѣлъ на мою пещеру, и внезапно унесъ меня въ монастырь". —При этихъ словахъ Святаго Ѳеофанъ замѣтилъ, что руки Святаго повреждены и поранены, на пальцахъ недостаетъ ногтей, и въ ужасѣ спросилъ: „Что случилось съ тобой, куда дѣвались твои ногти?"—Святой: „Объ этомъ ты лучше самъ себя спроси, куда ты ихъ подѣвалъ".—Ѳеофанъ: „Когда видалъ я ихъ, какъ могу знать о томъ, какъ тебя изранили?"—Святой: „Тебѣ это хорошо извѣстно, но, смотри, помни, чтобы ты опять собралъ меня, ибо ты виноватъ въ томъ, что меня сокрушили".— Ѳеофанъ: „Тѣ ногти, которые унесли— пропали, и гдѣ мнѣ разыскать ихъ? Не заказать-ли кузнецу новыя?"— Святой: „Развѣ ты носилъ когда мѣдныя ногти, что предлагаешь мнѣ сдѣлать такіе?"—Ѳеофанъ: „Ну, а какъ же мнѣ быть, если въ случаѣ я тѣхъ не разыщу?"—Святой: „Спроси тѣхъ, которые были при открытіи мощей, чтобы и имъ не пострадать такъ-же, какъ тѣ, упавшіе и разбившіеся, т. е. каменьщики, клавшіе церковь у пещеры Святаго, которые, взявъ частицы мощей при открытіи ихъ, не хотѣли потомъ отдать ихъ по требованію Святаго, переданному имъ Ѳеофаномъ. За это Святой покаралъ ихъ; они упали со стѣны, расшиблись и тогда, устрашившись, вернули взятыя части мощей.

Ѳеофанъ: „Положимъ, что я знаю, у кого онѣ, но развѣ отдадутъ мнѣ тѣ части (мощей, которыя имѣютъ)?" Святой: „Ты только разскажи имъ, какъ меня видѣлъ; скажи, если они не принесутъ частей, которыя у нихъ, туда гдѣ лежатъ и прочія, (т. е. въ Лавру), то ихъ часть будетъ съ тѣми, о которыхъ сказалъ царь Давидъ „не воскреснутъ нечестивіи на судъ" [1]). Этими самыми словами заклялъ я (умирая) своихъ учениковъ, чтобы они не раскидали моего тѣла; возлюбленный мой ученикъ Илія запечатлѣлъ это на дощечкѣ, которую помѣстилъ надъ

[1]) Пс. I, 5 ст. по русскому переводу,—не устоятъ нечестивые на судѣ.

моимъ изголовьемъ, для свѣдѣнія прочимъ, чтобы не упала на чью либо душу тягость (клятвы). Өеофанъ: „А развѣ не нравится тебѣ мѣсто, куда ты нынѣ перешелъ?“—Святой: „Тѣмъ только оно хорошо, что я удалился отъ той суетной „келліи, (разумѣется Спанонъ, которая надъ пещерой, и которую Преподобный обличалъ).—Өеофанъ: „Такъ отчего же ты недоволенъ тѣмъ, что здѣсь находишься?“—Святой: „Недоволенъ оттого, что не въ своей пещерѣ“. Послѣ этого Святой сдѣлалъ исключеніе для четырехъ частей своихъ мощей, а, именно, своей челюсти, которая была отдѣлена Лаврой для келліи Спанонъ, позвонка, даннаго Өеофану, и который, какъ мы видѣли выше, Святой у него отобралъ, и еще двухъ частицъ, которыя Святой черезъ нѣсколько дней послѣ этого вручилъ Өеофану вмѣстѣ съ своимъ позвонкомъ. Сіи части получили благодать Святаго и благословлены имъ ихъ владѣльцамъ, причемъ онъ распорядился о нихъ слѣдующими словами: „Дай одну часть въ Киріако, (т. е. скитскій соборъ), на память почитающимъ насъ; другую часть отдай внутрь, (т. е. въ скитъ игумену скита). Эти двѣ отдай внутрь, (т. е. въ скитъ), часть же позвоночную имѣй у себя, на память моего промышленія о тебѣ, какъ отца о сынѣ, въ воспоминаніе того, о чемъ говорится въ псалмѣ (Пс. 102, 7): „сказа Господь пути Своя Моисеови, сыновомъ Израилевымъ хотѣнія Своя“, (т. е. въ память промышленія Святаго о Өеофанѣ, изведенія Өеофана на пути спасенія изъ грѣховнаго Египта въ землю обѣтованную Святымъ, уподобившимся по кротости Моисею, терпѣвшему столькую неблагодарность и непокорство евреевъ и непереставшему умолять за нихъ Бога, какъ и нынѣ творилъ Святой, терпя жестокость и грѣховный нравъ Өеофана и не покидая его). Сія три прощены“ (т. е. благословлены быть отдѣленными отъ мощей Преподобнаго). Өеофанъ переспросилъ: „Которыя три?“ Святой: „Во первыхъ, челюсть, которая пусть будетъ въ пещерѣ на память обо мнѣ, (т. е. во владѣніи келліи Спанонъ, гдѣ она и понынѣ обрѣтается). Во вторыхъ—тебѣ позвоночную часть, и, наконецъ, двѣ части, которыя ты долженъ отдать въ киріако (соборъ)“. При этихъ словахъ видѣнія, въ келлію Өеофана вошелъ одинъ изъ братій взять изъ очага горячихъ углей для кадила, чтобы покадить въ церкви; отъ его шаговъ пробудился Өеофанъ. Увидавъ въ рукахъ своихъ ножницы, онъ вспомнилъ на краю какой погибели только что передъ симъ находился; отъ сей погибели его чудесно сохранилъ Святой. Өеофанъ воздалъ славу Богу и всѣмъ сердцемъ возблагодарилъ Святого Нила, спасителя своего.

Въ понедѣльникъ вечеромъ Өеофаномъ было роздано на четки скитскимъ отцамъ и на литургіи священникамъ, какъ повелѣлъ Святой; во вторникъ 25-го января Өеофана стали соборовать, причемъ, какъ только началось соборованіе, Өеофанъ потерялъ сознаніе, будто бы уснувъ, такъ что всѣ усилія разбудить его были тщетны; Өеофанъ

ничего не чувствовалъ, что ему говорили, какъ его толкали, и лишь по дыханію его можно было заключить, что онъ живъ. Такъ продолжали соборованіе. Ѳеофанъ же имѣлъ въ сіе время такое видѣніе.

Представилось ему опять, что онъ сидитъ въ лаврской башнѣ закованный, голова его обтянута цѣпью, ротъ обороченъ цѣпью такъ, какъ у свиней, когда ихъ надо куда тащить. Отъ цѣпи шло нѣсколько концовъ, изъ коихъ каждый былъ приколоченъ или къ стѣнѣ, или къ одному столбу. Лѣвая рука Ѳеофана прикована къ столбу, а правая свободна. Этою послѣднею отъ отчаянія Ѳеофанъ терзалъ себя и билъ; когда онъ былъ въ такомъ отчаянномъ состояніи и такъ страдалъ, вошелъ юный монахъ, (т. е. ангелъ въ образѣ монаха) и, отбивъ конецъ цѣпи, которой была скована рука отъ столба, освободилъ ее, затѣмъ отбилъ прочіе концы цѣпи и, схвативъ ее, потащилъ Ѳеофана, какъ скотину на оброти, изъ башни. За дверями толпились бѣсы, и говорили про Ѳеофана: „Голова его обвернута цѣпью,—значитъ его повѣсятъ на мосту Вела.“—Другіе же имъ возражали: „Не повѣсятъ его, а на колъ посадятъ“. „Нѣкоторые изъ нихъ обращались къ Ѳеофану и говорили: „Потурчись, тогда избавимъ мы тебя отъ казни; великихъ почестей отъ насъ удостоишься“. Ѳеофанъ отъ страха казни началъ было уже мысленно колебаться и думать: не согласиться ли и въ самомъ дѣлѣ на ихъ предложеніе, но въ отвѣтъ на эти мысли ангелъ дернулъ его за цѣпь и сказалъ: „Молчи и не бойся“. Они прошли мимо фіала [1]) и подошли къ церкви (собору Лавры), двери которой были отверсты; изъ церкви неслось чудное пѣніе, а изъ алтаря исходило свѣтлое сіяніе. На церковной папорти, въ великомъ благоговѣніи стояло много монаховъ. Когда Ѳеофанъ съ ведущимъ его приблизился, отъ толпы монаховъ отдѣлился одинъ, который былъ Святой Нилъ. Подойдя навстрѣчу имъ, остановился, (на краю паперти), передъ Ѳеофаномъ и, указывая рукой къ алтарю, произнесъ: „Се, ради сихъ молитвъ церковныхъ къ Богу о помилованіи (твоемъ)“, потомъ, указавъ рукой на монаховъ стоявшихъ на паперти, „се, ради келлейныхъ молитвъ святыхъ отцовъ“ и затѣмъ: „се, ради свойственнаго мнѣ благоутробія и кротости, которыя побуждаютъ меня на милость, ради сихъ, (трехъ ходатаевъ за тебя), побуждающихъ меня помиловать тебя, побуждаемый, съ понужденіемъ себя, соизволяю на то, чтобы ты былъ освобожденъ отъ узъ и отъ заслуженнаго наказанія“. При послѣднихъ словахъ Святого, узы съ Ѳеофана мгновенно спали, цѣпи разсыпались по землѣ; Святой же сказалъ: „Смотри хорошенько, смотри, смотри! Видѣлъ? (т. е. послѣдствія грѣха). Не твори же вновь, что, какъ видишь (такъ гибельно). Ибо больше съ тобою не увидимся, (т. е. помни-то, что я заповѣдалъ и о чемъ научалъ тебя, потому что болѣе не пріиду и не буду больше

---

[1]) Бассейнъ каменный для водоосвященія.

поучать тебя), ни побесѣдуемъ болѣе съ тобою, ни вечеромъ, ни утромъ, ни въ полночь, ни въ полдень. О потребномъ для тѣла твоего я буду промышлять; ты же пекись о душѣ твоей, и подвизайся, чтобы стяжать сокровища для души твоей несчастной, чтобы по кончинѣ твоей избавилась она отъ мукъ". Когда Святой говорилъ это, Ѳеофанъ замѣтилъ, что въ рукѣ своей онъ держитъ части своихъ мощей, отъ которыхъ исходили лучи сіянія и неслось чудное благоуханіе, Ѳеофанъ попросилъ Святаго дать ему ихъ, но Святой сказалъ: „Тебѣ надлежало сорокъ дней терпѣть кару; поэтому жди срока, ибо, ради побужденія благости и кротости моей и ради просьбы прочихъ ходатаевъ, освободился ты раньше срока, но (мощи) пусть ждутъ. Когда же исполнится 40 дней, тогда я вручу ихъ тебѣ въ день воскресный, въ присутствіи многихъ людей". Ѳеофану захотѣлось войти въ храмъ, онъ тронулся съ мѣста, чтобы взойти внутрь, но Святой остановилъ его у крайней колоны на паперти, не давъ подойти ближе; Ѳеофанъ, взглянувъ на себя, увидалъ, что онъ до крайности загаженъ; Святой же сказалъ: „Тамъ, куда ты стремишься, (т. е. въ большіе монашескіе центры, какъ напр. въ Лавру и въ скитъ, куда тянуло всегда Ѳеофана изъ его пустыни), встрѣтятся тебѣ люди несмысленные и неразумные, которые, увидавъ тебя въ такой запачканной одеждѣ, выгонятъ тебя. (т. е. неимѣющіе духовнаго смысла соблазнятся, видя Ѳеофана столь павшаго въ грѣхи), другіе же будутъ осуждать, поносить, и злословить тебя; поэтому ты не приближайся къ нимъ, ибо они не вѣдятъ, что творятъ".—Затѣмъ Ѳеофанъ пошелъ къ выходу изъ Лавры; выйдя изъ воротъ, пошелъ по дорогѣ въ скитъ, —и очнулся. Открывъ глаза, онъ увидалъ стоящихъ надъ нимъ іереевъ и услыхалъ слова послѣдней молитвы при елеосвященіи: „Боже, Спасителю нашъ! Иже пророкомъ Твоимъ Нафаномъ покаявшемуся Давиду о своихъ согрѣшеніяхъ оставленіе даровавый..,"—и въ это самое мгновеніе сведенныя судорогой уста Ѳеофана отверзлись. Рука его, вывихнутая, которая выскочила совсѣмъ было изъ плечевого сустава назадъ, исцѣлилась и чудесно вошла въ свое мѣсто на глазахъ всѣхъ священниковъ еще раньше сего, а именно, при самомъ началѣ соборованія, когда Ѳеофанъ потерялъ сознаніе, (слѣдовательно, когда въ видѣніи ангелъ во образѣ юнаго монаха пришелъ къ нему въ темницу и отрѣшилъ руку его отъ оковъ). Ѳеофанъ всталъ съ ложа совершенно здравымъ. Такимъ образомъ наказаніе продлилось всего 12 дней,—отъ 13-го Января, когда Святой явился ему въ сонномъ видѣніи во образѣ архимандрита Нафанаила, отобралъ свои мощи и объявилъ наказаніе, (сказавъ), чтобы оно послужило въ примѣръ и прочимъ, (т. е. тѣмъ, которые неблагоговѣйно и безстрашно станутъ распоряжаться его мощами),—и до 25-го Января, когда, явившись ему въ видѣніи во время соборованія, Святой совершенно исцѣлилъ его и снялъ наказаніе.

Послѣ своего чудеснаго исцѣленія Θеофанъ былъ совершенно здоровъ, какъ и раньше, ожидая истеченія сорокодневнаго срока, чтобы получить обратно отъ Святого отобранныя мощи, какъ тотъ обѣщалъ ему. Сороковой день приходился какъ разъ на недѣлю Просвѣщенія; 21-го Февраля 1816 г. Θеофанъ отправился на бдѣніе въ киріако (соборъ). Когда началась 3-ья пѣснь канона, онъ пришелъ въ изступленіе; ему въ видѣніи явился посланный изъ Лавры съ письмомъ, въ которомъ Θеофана немедленно требовали въ Лавру, чему Θеофанъ весьма удивился и испугался, не зная, какъ отвѣчать посланному, но отцы скита понудили его идти, и онъ пошелъ. Войдя въ Лавру, передъ зданіемъ ризницы увидалъ онъ Святого Нила во образѣ монаха Макарія, раньше жившаго въ скиту и незадолго передъ тѣмъ перешедшаго въ Лавру; Θеофанъ поклонился ему, не догадываясь, что это самъ Святой Нилъ; послѣдній же спросилъ: „Какъ дѣла?“—Θеофанъ: „Вашими святыми молитвами, хорошо“. Святой; „Какъ поживаютъ отцы“—Θеофанъ: „Какъ имъ поживать? что имъ дѣлается?—тебѣ ихъ жизнь извѣстна, отъ которой ты ушелъ перейдя сюда; какое теперь тебѣ до нихъ дѣло?“—При этихъ словахъ Святой укоризненно покачалъ головой и сказалъ: „Какъ это ты говоришь, что нѣтъ мнѣ никакого дѣла до нихъ? Не ради ли того, чтобы выкупить тебя плѣнника, попался я самъ въ заключеніе въ монастырь?“—Θеофанъ не понялъ, что этими словами Святой намекалъ на то, что, милуя Θеофана, допустилъ онъ отрыть свои мощи и перенести ихъ въ Лавру. Святой укоризненно покачалъ головой на слова Θеофана, что ему нѣтъ дѣла до скитянъ, ибо преп. Нилъ не переставалъ пещись и предстательствовать молитвенно о каждомъ изъ нихъ.

Θеофанъ: «Желалъ бы и я попасть въ такое заключеніе, какъ твое».

Святой: «Положимъ, что и здѣсь я не въ острогѣ, но все же мнѣ здѣсь не такъ пріятно, какъ въ прежнемъ моемъ тихомъ жилищѣ; впрочемъ, я вижу, что и тамъ теперь суета человѣческая и суматоха; поэтому духъ мой мирствуетъ здѣсь».—Θеофанъ, все еще думая, что говоритъ съ Макаріемъ, который жилъ въ Новомъ скиту и ушелъ оттуда въ Лавру во время нашествія разбойниковъ на Св. Гору, и понимая послѣднія его слова въ томъ смыслѣ, что онъ доволенъ тѣмъ, что здѣсь ему безопаснѣе, сказалъ: «Воздай славу Богу, промыслившему о тебѣ, за то, что тебя приняли; этимъ ты избавился отъ превратныхъ людей, ибо въ нынѣшнее время люди стали таковы, что недостойны и имени человѣческаго, а не только званія монашескаго, ибо и малѣйшаго подобія монашескаго не имѣютъ.—Святой: «Оставь это. Они то всѣ хороши, но ты столь развращенный сосудъ (діавольскій), что хуже тебя грѣшника быть не можетъ, и никогда не бывало равнаго тебѣ».

Өеофанъ: „Повѣрь мнѣ, отче, воистину грѣхи мои таковы, какъ ты говоришь; я дѣйствительно таковъ, какимъ ты меня называешь“. Святой „Если ты сознаешь себя таковымъ, то какъ же осмѣливаешься судить другихъ? Постишься и воздерживаешься отъ ѣденія плодовъ древесныхъ, а плодъ братій твоихъ пожираешь? Ради поста (т. е. покаянія) не вкушаешь маслинъ и плодовъ, а мяса человѣческія жрешь?

Поста ради не вкушаешь отъ плода лознаго, (т. е. не пьешь вина), а кровь человѣческую пьешь? Много безумцевъ творятъ также какъ ты безумецъ, подвизаясь не во оправданіе и спасеніе свое, а въ свое осужденіе. Вы подобны рыбамъ, больше всего любящимъ глубину водъ; красота горъ, холмовъ, лѣсовъ и деревьевъ,—не въ силахъ привлечь ихъ взора, (т. е. грѣшники, какъ рыбы—темную пучину предпочитаютъ красотѣ береговъ, предпочитаютъ темную глубину порочной жизни созерцанію красотъ небеснаго царствія).

Зная, это рыбакъ, умудренный Богомъ, поймавъ рыбу въ сѣть, не извлекаетъ ее тотчасъ изъ воды, чтобы она не билась, но оставляетъ ее до времени въ водѣ, пока длится ловитва, чтобы съ одной стороны она плескомъ своимъ не пугала бы другихъ рыбъ, а съ другой стороны, чтобы не задохлась, не загнила, не сдѣлалась бы годной лишь въ отбросъ и пищу чайкамъ отъ жара солнечнаго и теплаго южнаго вѣтра; посему держитъ рыбакъ сѣть въ водѣ, пока не подплыветъ къ берегу (Прим. Этой притчей Святой Нилъ высказываетъ, какъ грѣхолюбивы наши души, какъ мало въ нихъ любви къ горнему, какъ велика привычка ихъ ко грѣху и привязанность къ дольнему, такъ что отъ рыбака требуется великая премудрость уловить душу грѣшника въ сѣть спасенія, т. е. вѣры, надежды, любви, покаянія, соблюденія заповѣдей и постановленій церковныхъ; рыбарь не требуетъ отъ нихъ сразу духовнаго совершенства и свободы отъ всякаго грѣха, не извлекаетъ сѣть съ рыбой изъ воды, но оставляетъ съ сѣтью въ грѣховной стихіи, ибо не въ силахъ онѣ перенести ни жара лучей солнечныхъ, ни теплоты южнаго вѣтра; если раньше времени извлечь ихъ, то онѣ погніютъ и станутъ годными въ пищу чайкамъ, т. е. бѣсамъ; напримѣръ: подвижникъ, освободившись раньше совершенной любви отъ страстей, не вынесетъ сего осіянія, но умретъ возгордившись и, возсмердѣвъ гордостію, сдѣлается годнымъ лишь въ отбросъ. Поэтому, да не осуждаютъ спасающихся за явные ихъ грѣхи, какъ только что осудилъ Өеофанъ братій скитянъ, сказавъ, что въ нихъ и подобія монашескаго нѣтъ, ибо это тайны премудрости Божіей, уловившей рыбокъ въ сѣть спасенія, но до времени оставившей сѣть съ ними въ грѣховной водѣ).

Святой: „Итакъ, благополучны-ли отцы?“—Өеофанъ: „Здоровы пока“.—Святой: „Дай Господи. Да даруетъ имъ Богъ миръ, единодушіе, любовь взаимную; однако ты ошибаешься, полагая, что они здо-

ровы, ибо не могутъ быть они здоровы, такъ какъ не ревнуютъ о стяжанiи монашескихъ добродѣтелей, не стараются подражать монашеской жизни отцевъ, не свои грѣхи и души испытываютъ, но испытываютъ дѣла небесныя, то-есть тайны судъ Божiя, (т. е. восхищаютъ судъ Божiй и вмѣсто того, чтобы укорять самихъ себя, оставивъ свои грѣхи, занимаются пересуживанiемъ ближнихъ и осужденiемъ).

Вотъ имъ примѣръ, показывающiй, сколь невозможно знать напередъ судъ Божiй о человѣкѣ. Вмѣсто того, чтобы судить людей, кто хорошъ и кто худъ, пусть они положатъ предъ собой гранату и состязаются, судя по внѣшности ея, какова она внутри, хороша или худа, (т. е. гранату по внѣшнему виду не узнаешь, гнилая она или хорошая, а только, когда разрѣжешь ее; если она согнила, то изнутри выйдетъ смрадный дымъ).

Если по внѣшнему виду невозможно правильно судить даже о гранатѣ и напередъ узнать хороша-ли она, то возможно-ли предрѣшать небесные таинственные суды Божiи о людяхъ?

(Примѣръ о сей гранатѣ Святой привелъ въ отвѣтъ на сужденiя, немоществовавшихъ страстью осужденiя скитянъ, осуждавшихъ Θеофана, считавшихъ его недостойнымъ такихъ чудесъ, которыя явилъ на немъ Святой Нилъ, ибо порочность и глубина его грѣховнаго паденiя была всѣмъ извѣстна. Послѣ сихъ словъ Святой въ притчѣ о нѣкоемъ плѣнникѣ описываетъ исторiю Θеофана и тѣ причины, которыя побудили Святого открыто помогать Θеофану).

Нѣкто попался въ плѣнъ разбойникамъ—предстоятелямъ лукаваго; такъ какъ въ то время некому было его выкупить, то и увели они его на чужбину. Но плѣнникъ, будучи хитеръ, перехитрилъ лукаваго, убѣжалъ изъ плѣна, прибѣжалъ къ одному знакомому, чтобы онъ скрылъ его, а тотъ для большей безопасности отослалъ его обратно въ вертоградъ, откуда его раньше увели, когда плѣнили. Когда онъ пришелъ въ вертоградъ сей, которому покровительствуетъ владычествующая Царица, то сталъ искать себѣ пастыря и обходилъ всюду, но никто не желалъ его принять, всѣ поносили и гнали; въ такомъ затруднительномъ положенiи онъ не зналъ, что ему дѣлать. Воспользовавшись этимъ, лукавый воръ снова подкрался къ своему бывшему плѣннику и сталъ нашептывать ему: „Доколѣ здѣсь страдать будешь? Уходи вонъ изъ этого огорода; навѣрное въ другомъ мѣстѣ найдешь отраду“.—Плѣнникъ-же отвѣчалъ: „Это ты истинну говоришь, что внѣ сего сада могъ бы я обрѣсти покой, но я никого тамъ не знаю“.—Воръ: „А кто же здѣсь въ саду принялъ тебя какъ своего знаемаго? Уходи отсюда, а тамъ найдешь себѣ многихъ друзей“.—Плѣнникъ: „Я бы и сѣлъ на корабль, да хлѣба нѣтъ на дорогу; что я буду дѣлать?“—Воръ: „О хлѣбѣ-ли заботишься?—я научу тебя какъ достать; только ты обѣщайся исполнить мой совѣтъ. Чтобы хлѣба достать, пойди на поляну, нарви пер-

выхъ отпрысковъ укропа, —снеси ихъ въ любой монастырекъ; за него тебѣ дадутъ вдоволь хлѣба на дорогу; тогда садись немедленно на корабль, и поспѣши это сдѣлать".—Плѣнникъ согласился сдѣлать все, какъ совѣтовалъ ему воръ, пришелъ на поляну, куда и я (Св. Нилъ) пришелъ, дѣлая видъ, что тоже ищу укропъ близъ одного запустѣлаго крова (т. е. хижины); видѣлъ я, какъ плѣнникъ въ то время страдалъ душою, недоумѣвая, что ему дѣлать. Поэтому, когда мы сошлись и онъ поздоровался со мной, я спросилъ его: «Что? и корешковъ нѣтъ, не то что зелени?»—Онъ же отвѣчалъ:—«Да, былъ холодный сѣверный вѣтеръ и все поморозилъ». -Я отечески освѣдомился о причинѣ его печали, но онъ не отвѣчалъ мнѣ; тогда, испросивъ его вторично, я какъ іерей, священной властію, мнѣ данною, запретилъ лукавому вору, т. е. отогналъ отъ Ѳеофана бѣса, завладѣвшаго умомъ его; бѣсъ, скрежеща зубами какъ бѣшеный песъ, выскочилъ отъ него и освободился плѣнникъ отъ бѣса. Когда же послѣ этого я увидѣлъ, что плѣнникъ сталъ осматривать тотъ пустынный кровъ, вопросилъ я его въ третій разъ: «Что съ такимъ вниманіемъ разсматриваешь? не поселиться-ли здѣсь хочешь?»—Плѣнникъ же отвѣчалъ: «Подъ великими кровлями жизни не вынесъ,—какъ же возмогу въ такомъ мѣстѣ? Не дай Богъ тутъ жить».—Я же сказалъ ему: «Это прекраснѣйшій кровъ, поселяйся здѣсь, не предпочтительнѣе-ли это, чѣмъ путь непостоянный (т. е. жизнь въ міру)?»—Эти слова подѣйствовали на плѣнника и онъ сказалъ: «Но развѣ здѣсь кто жилъ когда?»—Я же отвѣчалъ: «Если-бы никто не жилъ, то и не построилъ-бы сего крова».—Отъ этихъ словъ плѣнникъ въ душѣ сталъ склоняться на то, чтобы поселиться подъ симъ кровомъ. Увидавъ въ немъ эту перемѣну внутренняго произволенія, я, чтобы облегчить ему рѣшеніе, выразилъ словесно готовность мою помогать ему въ семъ и далъ ему слѣдующее обѣщаніе: Поселяйся здѣсь, а я берусь промышлять о всемъ потребномъ, внѣшнемъ, (т. е. для тѣла)». Сказавъ это, я его покинулъ и ушелъ во-свояси. Итакъ теперь, давъ обѣщаніе пещись о немъ, не обязанъ-ли я и исполнить его? Могутъ возразить: ты можетъ быть не зналъ, каковъ онъ; избави мя Боже отъ такого слова: они не знаютъ его, но я знаю его и исправлю его. Я не лицепріятствую никому, и никого не презираю, ибо, кто такъ творитъ, тотъ чуждъ есть Христа, и не отъ единаго стада, и не отъ чадъ Христовыхъ. Такъ какъ сей погибшій искалъ себѣ отца и не могъ найти, то я принялъ его какъ блуднаго сына».

Примѣчаніе первыхъ списателей. Эта рѣчь Святого относится къ тѣмъ, которые не вѣровали чудесамъ, происходившимъ съ Ѳеофаномъ, злословили, гнали и преслѣдовали его. Поэтому Святой и описываетъ, какъ онъ освободилъ его отъ бѣса, понудилъ поселиться въ каливѣ, обѣщавъ пещись о немъ и заботиться о всемъ тѣлесномъ,—все согласно съ тѣмъ, какъ описано въ началѣ книги. Затѣмъ Святой

говоритъ, что онъ не лицепріятствуетъ Ѳеофану, якобы предпочитая его другимъ, и не уничижаетъ другихъ, это въ отвѣтъ тѣмъ, которые говорили: отчего является онъ Ѳеофану, а не иному кому? какая такая добродѣтель есть въ Ѳеофанѣ? Отвѣчая тѣмъ, которые мыслили подобнымъ образомъ, Святой говоритъ, что онъ никого не предпочитаетъ и никого не осуждаетъ, но всѣ для него равны, какъ едино стадо Христово. Ѳеофана же принялъ онъ въ свои объятія, какъ возвращавшагося блуднаго сына, который погибъ и былъ мертвъ; сталъ ему являться Святой и путеводить ко спасенію, не ради его добродѣтелей, но ради великихъ язвъ души его. Такъ какъ врагъ особо усиливался поглотить Ѳеофана, то Святой въ противоположность сему — множайшимъ долготерпѣніемъ и многократнымъ поученіемъ спасалъ его. Были и такіе, которые, видя происходившія чудеса, не только не славили о нихъ Бога и не благодарили Угодника за такое промышленіе о спасеніи человѣка, но сверхъ того, еще хулили и говорили, что это не суть явленія Святого, но суть дѣйствія діавольскія или коварные обманы Ѳеофана, обманывающаго людей. Такъ и эти, вмѣсто того, чтобы сорадоваться спасенію брата, искали умертвить его и довели его своими гоненіями до отчаянія, такъ что онъ прибѣгъ къ содѣйствію бѣсовъ, чтобы отмстить врагу, какъ то будетъ описано въ концѣ книги. Самое чудесное въ обстоятельствахъ сихъ событій то, какъ могли сохраниться въ памяти Ѳеофана всѣ его разговоры со Святымъ, происходившимъ и въ сонныхъ видѣніяхъ и на-яву, и какъ они живо помнились имъ, какъ будто были напечатаны въ его памяти. (По написаніи же ихъ — чудесное, благодатное дѣйствіе силы памяти пропало и Ѳеофанъ не могъ болѣе пересказать подробно то, что только продиктовалъ. Память открылась въ Ѳеофанѣ, когда Святой далъ ему бумагу и перо въ видѣніи и повелѣлъ все записать, сказавъ: «я говорю что помнишь»).

Все это Святой говорилъ Ѳеофану, сидя на скамейкѣ; при послѣднихъ же словахъ всталъ и затѣмъ сказалъ: «Теперь пойдемъ въ церковь, чтобы мнѣ передать тебѣ часть мощей для Дикея, (настоятеля скита), и въ киріако». —Они направились къ церкви. Святой спросилъ Ѳеофана: «Какое званіе твое: мірянинъ ты или монахъ?» —Ѳеофанъ, взглянувъ на себя, увидалъ, что онъ въ мірскомъ платьѣ, и потому молчалъ, не зная, что отвѣтить. Святой вопросилъ о томъ вторично, и наконецъ, сказалъ: «Что ты глухой или нѣмой, не слышишь, или отвѣчать не можешь?» —Ѳеофанъ: „Самъ не знаю о себѣ—кто есмь, и кто нѣсмъ“. —Святой: „Что означаетъ сей отвѣтъ: самъ не знаю, кто есмъ, и кто нѣсмъ? Если ты говоришь, что самъ не знаешь своего имени и не отвѣчаешь на зовъ, то ты, слѣдовательно, хуже скотины, ибо, какъ извѣстно, каждая скотина имѣетъ свое имя и обращается на зовъ. Ты такъ же безчувственъ, какъ безсловесныя твари, имѣющія

имя — и не вѣдущія его; поэтому я говорю тебѣ: ты глухъ какъ дерево, нѣмъ, какъ безсловесный звѣрь, нѣтъ въ тебѣ постоянства и разумной воли, тебя, какъ вѣтеръ траву, клонитъ — куда захочетъ и какъ хочетъ. Итакъ, если желаешь исправиться отъ этого шатанія и непостоянства, то исполни то, что я тебѣ сказалъ и живи такъ, какъ я тебѣ скажу:

Подвизайся въ монашествѣ съ великимъ вниманіемъ, ничѣмъ не пренебрегая.

При исходѣ марта и наступленіи апрѣля, пріими постриженіе въ великій Ангельскій образъ. Да будетъ тебѣ имя Плѣнникъ, (Эхмалотосъ), чтобы это имя напоминало тебѣ обо мнѣ и о томъ, что я освободилъ тебя изъ плѣна лукаваго міродержца; при этомъ вспоминай слова антифона, творенія Іоанна Дамаскина — «Плѣнъ Сіонъ ты изъялъ еси изъ Вавилона...» (Степенны 3-го гласа).

Берегись того, чтобы снова не впасть тебѣ въ плѣнъ, ибо тогда освободиться будетъ невозможно изъ плѣна".

На повелѣніе Святого принять схиму Ѳеофанъ возразилъ: «Кто же приметъ меня, (т. е. кто согласится быть подводящимъ старцемъ), и кто станетъ меня постригать? Всѣ меня прочь гонятъ, и никто не желаетъ принять меня». — Святой обратился лицомъ къ Ѳеофану и сказалъ: «Объ этомъ я знаю, но ты потерпи, (т. е. прости имъ). Вотъ іеромонахъ Герасимъ Цареградскій, не приметъ-ли онъ тебя?» — Ѳеофанъ: «Онъ послушникъ, (т. е. живетъ подъ началомъ старца), характеромъ непостояненъ; какъ мнѣ знать, согласится-ли онъ принять меня, или нѣтъ?» — Святой: «Если онъ откажется, то всячески, наслѣдователь твой долженъ принять тебя, (т. е. постричь)». — Ѳеофанъ, думая, что Святой называетъ наслѣдователемъ преемника келліи, т. е. второе лицо, записанное послѣ владѣльца въ омологію, которое по смерти перваго наслѣдуетъ келлію, отвѣчалъ: «Нѣтъ у меня наслѣдника». — Святой: «Какъ нѣтъ? У тебя есть монастырь, наслѣдующій по тебѣ твою келлію, а ты говоришь, что не имѣешь наслѣдника». (Прим. По мѣстному обычаю, владѣлецъ келліи, если не въ силахъ пропитать самъ себя, возвращаетъ келлію (или каливу) монастырю, а тотъ долженъ его принять и упокоить до смерти). — Ѳеофанъ: «Положимъ, что такъ. Но скажи еще, что означаетъ то, что ты сказалъ про Апрѣль, и про который Апрѣль ты говорилъ?» — Святой, обратившись къ Ѳеофану, сказалъ: «Отъ дня окончанія мѣсяца водъ (Водолея-Января), нынѣшняго — свѣсь (т. е. точно отсчитай) мѣсяцевъ — въ 37. Въ сихъ свѣшанныхъ мѣсяцахъ будетъ заключаться недѣль — 162. Въ сихъ свѣшенныхъ недѣляхъ будетъ имѣться дней — 1135. Въ сихъ свѣшенныхъ дняхъ будетъ имѣться часовъ — 13618, — и наступитъ день недѣльный. То-есть, черезъ три года, когда скончается вербная седмица, въ недѣлю ваій, во время литургіи, сотвори обѣты твои, пріими со страхомъ и трепе-

томъ постриженіе въ великій Ангельскій образъ, совлекись ветхаго человѣка вмѣстѣ съ принятіемъ новаго образа и облекись въ новаго.

Не принимай помысла, который будетъ тебѣ говорить такъ: пока ношу образъ ветхаго, т. е. пока еще не остригся въ схиму,—поживу въ свое удовольствіе, а когда приму образъ новаго, тогда уже заживу по новому.—Нѣтъ, нѣтъ, отвергни отъ себя эти мысли, не допускай и въ мысляхъ твоихъ возможности тебѣ жить слѣдуя похотямъ плоти. Предупреждаю тебя, что тебѣ предстоитъ сильная брань съ похотѣніями плоти и съ лукавыми помыслами; поэтому сиди въ своей каливѣ, съ терпѣніемъ побѣждая сихъ и ожидая исполненія сказаннаго срока, для облеченія въ новаго человѣка; будь непоколебимъ, какъ столпъ, т. е. неприступенъ, какъ крѣпость противъ находящихъ на тебя помысловъ; ибо, пока не достигнешь гавани, т. е. смерти, морю подобаетъ быть безпрестанно возмущаемымъ всевозможными вѣтрами, которые стараются топить корабль, т. е. церковь, и всякаго плывущаго по нему, т. е. всякаго христіанина, плывущаго на челнокѣ своемъ по морю житейскому; но если слова мои будутъ для тебя рулемъ, и ты будешь управляться симъ кормиломъ, то есть творить то, что я тебѣ заповѣдалъ,—то не бойся.

Старайся всѣми силами избѣгать вольности въ обращеніи, ибо отъ вольности рождается многословіе, отъ многословія—злословіе, а злословіе порождаетъ осужденіе; за осужденіе же человѣкъ предается блуду, блудъ же рождаетъ отчаяніе, отчаяніе зависть (праведникамъ), а зависть—убійство, т. е. ненависть праведниковъ. Убійство же—смерть, смерть безконечную во огнѣ вѣчномъ.

Смерть же, прежде смерти тѣлесной, есть грѣхъ, за который душа грѣшника предается въ рабство и въ поруганіе мучителю демону, являющему свое владычество: въ невѣрующемъ—хулою надъ вѣрою, въ еретикѣ—гордыней, дословно—похвальбой, въ человѣкоугодникѣ—лестью, въ гордецѣ—прозорствомъ, въ сребролюбцѣ—поклоненіемъ (злату), въ неблагоговѣйномъ—дерзостію, въ ворѣ алчностію къ хищенію сокровищъ, въ блудникѣ—неистовымъ разженіемъ, въ непостоянномъ—забвеніемъ, въ злопамятномъ—злобою.

Безсиліе же душѣ причиняетъ лѣность. Безпечность и лѣность нерадящаго о душѣ своей, дѣлаютъ его душу безплодной.

Обращеніе монаха къ суетамъ, многимъ попеченіямъ и многимъ стяжаніямъ расточаютъ его духовное сокровище, подобно тому, какъ у имѣющаго житницу и нехранящаго ее весь хлѣбъ растаскиваютъ муравьи, мыши и птицы. Житница означаетъ духовное сокровище, которое пріобрѣтаетъ монахъ, отрекаясь отъ міра и становясь на тѣсный иноческій путь ради совершенія покаянія и съ постриженіемъ получая отпущеніе прежде содѣянныхъ грѣховъ, какъ-бы второе крещеніе; это сокровище и есть житница, которую посемъ каждый можетъ или пре-

исполнить пшеницею, т. е. добродѣтелями и добрыми дѣлами, или расточить, т. е. обнищать духовно и не только не собрать добрыхъ дѣлъ въ теченіе жизни своей, но утратить и прежнія добродѣтели, какія имѣлъ. Большею частію утрачиваютъ монашествующіе свою пшеницу, когда предаются суетнымъ заботамъ и стяжаніямъ; (поэтому Святой Нилъ и говоритъ „какъ расхищаютъ житницу: птицы“, т. е. помыслы, мечты о всякихъ пріобрѣтеніяхъ и имуществѣ, мыши, т. е. кропотливыя хозяйственныя заботы, и наконецъ муравьи, т. е. духъ ревностнаго и многотруднаго многостяжанія).

Храни же себя отъ всего этого, что сейчасъ говорю; соблюдай все, что нынѣ сказалъ и что раньше говорилъ, ибо время сниманія гроздовъ приблизилось; смотри же, чтобы тебѣ не оказаться незрѣлымъ, когда срѣжутъ тебя; чтобы не оказались-бы плохими ягоды на тебѣ, чтобы не выкинули ихъ вонъ изъ точила, не повергли-бы на попраніе демонамъ, а самую лозу не исторгли съ корнемъ и не ввергли въ пещь огненную; „идѣже плачъ и скрежетъ зубовъ“. — При этихъ словахъ Святой и Ѳеофанъ дошли до дверей церковныхъ. Святой, остановивъ Ѳеофана словами — „постой тутъ“, — пошелъ въ храмъ; Ѳеофанъ же стоялъ у паперти, ожидая когда онъ выйдетъ. Наконецъ, Святой вышелъ и, покачавъ два или три раза головой, сказалъ: „Что мнѣ съ вами дѣлать? [1])—многихъ частей мощей не хватаетъ. Обладающіе ими, т. е. Лавра, небрегутъ о семъ, т. е. раздаютъ части, но за это я накажу ихъ, наведу бѣдствіе, и истяжу съ нихъ. Если я долготерплю доселѣ, то значитъ-ли это, что я забываю (свой запретъ)? Впрочемъ, главная вина лежитъ не на нихъ, а на тѣхъ, которые первые овладѣли ими и похитили (изъ пещеры)“.—Затѣмъ Святой вручилъ Ѳеофану одну часть, ту самую, которую (раньше благословилъ, т. е. позвонокъ) и которую 40 дней передъ тѣмъ отнялъ, явившись въ сонномъ видѣніи и наложивъ наказаніе—болѣзнь. Передавая ему эту часть онъ сказалъ: „Сія да будетъ тебѣ защитникомъ и промыслителемъ твоимъ; имѣй ее съ собою въ каливѣ твоей. Сей промыслитель попечется обо всемъ необходимомъ для тебя; поэтому ты не требуешь ни собственныхъ заботъ о себѣ, ни помощи и заискиванія у другихъ людей, такъ какъ сей промыслитъ все и попечется обо всемъ, ты же всѣ заботы свои, все попеченіе, и всѣ помыслы имѣй лишь о спасеніи души твоей“.—Затѣмъ Святой вручилъ Ѳеофану вторую небольшую часть и сказалъ: „Сію передай Дикею“, (Настоятелю).— Ѳеофанъ, увидѣвъ, что часть, опредѣленная дикею, такая небольшая сравнительно съ его частью, взволновался, ибо испугался, что это по-

---

[1]) „Что мнѣ съ вами дѣлать?“ Восклицаніе сіе имѣетъ смыслъ подобный восклицанію Христа: „О, родъ невѣрный и развращенный! — доколѣ буду съ вами?—доколѣ буду терпѣть васъ“ (Матѳ. 17, 17).

служитъ поводомъ къ новымъ укорамъ со стороны скитянъ, и воскликнулъ: „Какъ, эта моя, а эта дикею?“—На это Святой съ великимъ спокойствіемъ отвѣтилъ: „Чего вспылилъ и зачѣмъ кричишь? Гдѣ ты находишься?—развѣ ты одинъ въ полѣ, что такъ громко кричишь?“—Но Ѳеофанъ еще разъ также вскрикнулъ: „Не согласенъ принять ее (для передачи); передай съ кѣмъ-либо другимъ“.—На это Святой спокойно произнесъ: „Что же остается мнѣ дѣлать съ тобой, какъ не то только, что дѣлаютъ съ неистовствующими,—ничто иное, какъ засадить тебя въ пиргу? Я такъ и поступлю съ тобой, чтобы ты научился, какъ вести себя, находясь въ обители и не кричать, когда разговариваешь со мной“.—Услыхавъ о пиргѣ, Ѳеофанъ испугался и смирился. Тогда Святой вручилъ ему еще меньшую часть и сказалъ: „Передай ее въ соборъ“.—Потомъ, указавъ на самую большую, (т. е. позвонокъ), сказалъ: „Имѣй себѣ сію и храни ее, какъ я тебѣ сказалъ“.—Ѳеофанъ сказалъ: „Буду чтить и хранить (позвонокъ преп. Нила); будетъ горѣть предъ нею неугасимая лампада; когда же буду совершать послѣдованіе (дневныхъ службъ), то буду возжигать предъ нею свѣчку“.—Святой: „А, какъ совершаешь ты свои службы, по книгѣ?“—Ѳеофанъ: „Я некнижный,—на четкахъ справляю“.—Святой: „Сколько же четокъ считаешь?—т. е. сколько полагаешь Іисусовыхъ молитвъ съ малыми поклонами за весь суточный кругъ службъ?“ Ѳеофанъ: „Развѣ я считаю?“—Святой: „Какъ же ты тогда называешь это послѣдованіемъ?“—т. е совершая какъ попало, не по установленному чину. Суточное Богослуженіе совершай слѣдующимъ образомъ: за сутки считай 77 четокъ, т. е. 7700 молитвъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя?“—съ крестнымъ знаменіемъ и поясным малымъ поклономъ. Совершай это (послѣдованіемъ), старательно и неопустительно.

Остерегайся еще впускать въ келлію свою юнаго и безбрадаго, чтобы не сдѣлалъ изъ тебя врагъ прахъ и попраніе ногъ своихъ“.—Ѳеофанъ: «Что же мнѣ дѣлать, старче, когда всѣ проходящіе заходятъ ко мнѣ и просятъ пить?»—Святой: «Имѣй для этого всегда на крыльцѣ у дверей кувшинъ съ водою и пусть тамъ пьютъ. Если зайдетъ къ тебѣ мужъ зрѣлый, то остерегайся произносить какія-либо поучительныя рѣчи или принимать отъ него какія-либо наставленія, или вступать съ нимъ въ словопреніе; если же онъ что отъ тебя потребуетъ, т. е. или что заставитъ сдѣлать, или ему дать, или станетъ тебя укорять, то яви свое смиреніе, нестяжаніе и кротость, исполни то, что онъ отъ тебя требуетъ; съ терпѣніемъ снеси его укоръ, но въ споръ съ нимъ отнюдь не вступай. Такъ научилъ насъ поступать Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Если онъ станетъ поучать тебя чему, то давъ ему окончить рѣчь, скажи: «Отче, моя голова несмысленна, какъ у скотины, т. е. поученій словесныхъ не могу понять, если же, что могу усвоить, то только изъ примѣра».

О таковыхъ учителяхъ, которые наставляютъ примѣромъ собственной жизни и Господь самъ сказалъ: «Кто сотворитъ и научитъ, тотъ великій наречется въ царствіи небесномъ» (Матѳ. V, 19).

Храни свою цистерну, кладезь съ водою — сердце, чистой и береги ее, какъ зѣницу ока". — Т. е., соблюдай себя отъ всякаго лжеученія превратныхъ наставниковъ, дабы сохранилась чистота и неповрежденность вѣры, а также храни сердце отъ всякой мути страстей.— Ѳеофанъ понялъ послѣднія слова въ прямомъ смыслѣ и сказалъ: «Что мнѣ дѣлать, отче? крыша у меня худая?»—т. е, съ нея вода стекаетъ въ цистерну. — Святой: «Покрой новой, хорошей, чтобы было безопасно».—Ѳеофанъ: «Давно уже стараюсь найти матеріалъ для нея, да никакъ не достану».—Святой: «Попробуй достать въ скиту; если же не найдется, обратись къ эпитропамъ монастырскимъ, объясни имъ свою нужду, они найдутъ и дадутъ тебѣ на крышу. Остерегайся подавать поводъ къ соблазну отцамъ, ибо они, видя тебя столь возвеличеннымъ среди всѣхъ Святогорцевъ, т. е. тѣмъ, что удостоился такихъ необычайныхъ и небывалыхъ небесныхъ явленій Святаго Нила,—негодуютъ, пересуживаютъ, осуждая тебя, и хуля дѣла, содѣянныя мною надъ тобой. Ходи на литургію въ параклисъ, т. е. не въ соборъ, чтобы не показываться на глаза отцамъ скита, чтобы они тебя не видѣли, не смущался-бы ихъ духъ, и не возмущались-бы».

Ѳеофанъ: „Не понимаю, за что гнѣваются они на меня?"— Святой: „Они имѣютъ поводъ негодовать на тебя, но ты какое право имѣешь негодовать за это на нихъ? Какое оправданіе можешь ты имѣть въ томъ, что злобишься на нихъ за это и оскорбляешься симъ? Изъ этого видно, что ты себя не почитаешь равнымъ малому зерну, но считаешь себя горой Аѳонской.

Посадилъ огородникъ рѣдечное зерно въ землю, выросла прекрасная зелень, но листья эти никому не нужны, а нуженъ корень. Когда же огородникъ вырылъ рѣдьку, то оказался корень подгнившимъ, вонючимъ и изъѣденнымъ червями. Что же сдѣлаетъ съ ней огородникъ?— не выкинетъ-ли ее (съ грядки) на сторону? (это приточное изображеніе Ѳеофана, впавшаго въ тяжкіе грѣхи—загнившаго и поѣденнаго червями въ бытность его въ общежитіи и за это изверженнаго съ общей грядки и поверженнаго на сторону, т. е. въ пустынную каливу). Такъ, или нѣтъ? Подобенъ ей и ты. Поэтому не оскорбляйся и не злобься, т. е. считай себя достойнымъ всякихъ поношеній. Старайся всѣми силами ходить путемъ мира, т. е. не давать себѣ чѣмъ-либо возмущаться, чтобы духъ твой мирствовалъ. Это я сказалъ тебѣ разъ навсегда, т. е. въ послѣдній разъ. Больше мы съ тобой не повстрѣчаемся. Твори то, что я сказалъ тебѣ и не бойся".—На этомъ бесѣда окончилась и Ѳеофанъ пошелъ отъ церкви къ монастырскимъ воротамъ. Здѣсь вторично встрѣтилъ его Святой, но уже не въ первомъ своемъ

образѣ, а во образѣ лаврскаго врача (Анатолія). Святой привѣтствовалъ Ѳеофана словами: „Какъ поживаютъ отцы, и какъ поживаетъ отецъ Герасимъ?“ (Это второе явленіе и было ради Герасима, а не ради Ѳеофана, ибо Герасимъ былъ горячій почитатель Святаго Нила, всегда молился ему, и нынѣ, впавъ въ скорби, усиленно просилъ его помощи. Поэтому Святой и явился отдѣльно во образѣ врача, чтобы передать черезъ Ѳеофана Герасиму слово обличенія и наставленія).

Ѳеофанъ: „Что ему сдѣлается“. Святой: „Какъ его немощь? Онъ просилъ меня помочь ему въ немощи его, но что больше могу я ему сказать, кромѣ того, что сказалъ? пусть творитъ то, что я ему сказалъ и не боится, (т. е. что раньше передавалъ черезъ Ѳеофана, какъ мы видѣли выше); пусть держитъ себя какъ можно дальше отъ Ѳеодорита, ибо діаволъ вложилъ въ послѣдняго великую ревность, чтобы увлечь въ злое дѣло и Герасима, дабы этимъ сдѣлать Герасима прахомъ и попраніемъ ногъ своихъ, (т. е. діавольскихъ). Сей лжеязычный, (т. е. Ѳеодоритъ), прельщаетъ его, (т. е. уговариваетъ лестно покинуть скитъ и переходить въ его новую келлію), убѣждая въ семъ всякими благословными доводами, а въ тоже самое время, съ другой стороны, (т. е. въ отношеніяхъ братіи келліи къ Герасиму), діаволъ, ненавистникъ мира, способствуетъ (уговорамъ Ѳеодорита инымъ путемъ), подстраивая разныя тонкія ловушки, (т. е. столкновенія). Но какъ я могу помочь ему, когда у него внутреннее (предложеніе) одно, а поступки противные; онъ склоняется на совѣты лисьи, т. е. поступаетъ согласно непостоянному характеру своему. Когда же, вслѣдствіе этого, попадается, какъ лиса въ капканъ, тогда прибѣгаетъ опять къ Анатолію. Скажи ему, чтобы онъ дѣлалъ такъ, какъ я ему раньше наказывалъ, и передай то, что я сейчасъ сказалъ; если исполнитъ, то все хорошо будетъ. Я имѣю къ нему любовь, (т. е. предстательствую о немъ предъ Богомъ и покрываю его своею благодатію). Поэтому, пусть онъ (не смущается въ скорбяхъ, находящихъ на него), но переноситъ скорби съ терпѣніемъ, ибо ему предстоитъ еще въ два раза больше того перенести, сколько онъ доселѣ перенесъ; иначе я отниму мою любовь отъ него, и тогда, хотя бы тысячи тысячъ разъ и тьмы темъ разъ молилъ, не измѣнитъ больше Анатолій своего рѣшенія. Такова воля Анатолія, такъ онъ поступитъ, если сей то сотворитъ, (т. е. если Герасимъ поддастся на лесть Ѳеодорита и вопреки запрещенію Святаго, покинетъ скитъ и перейдетъ къ нему). Привѣтствуй его отъ меня“. Потомъ Ѳеофанъ вышелъ изъ воротъ, пошелъ къ скиту и очнулся. Въ рукахъ онъ держалъ тѣ самыя части мощей, которыя 40 дней тому назадъ чудесно исчезли изъ запертаго сундука и ковчега, и которыя посемъ во время соборованія онъ видалъ въ рукахъ у Святаго во время своего изступленія, когда Святой сказалъ ему, что возвратитъ ихъ ему въ присутствіи многихъ. Великое умиленіе нашло на Ѳеофана, изъ очей его неудержимо

полились слезы, и онъ отъ всего сердца возблагодарилъ Святаго за все.

Итакъ, обѣщаніе Святаго возвратить мощи свои въ присутствіи многихъ исполнилось, ибо Θеофанъ очнулся окруженный братіей —скитянами, которые, будучи во время Богослуженія встревоженными крикомъ Θеофана, когда онъ противился Святому во время своего изступленія и не хотѣлъ принять части мощей для передачи въ скитъ, сбѣжалась къ нему. Предполагая, что онъ уснулъ и бредитъ, они стали толкать его, будить, кричать ему въ ухо, зовя его по имени, чтобы онъ проснулся, но всѣ усилія были тщетны, ибо, будучи въ изступленіи, онъ не могъ воспринимать никакихъ внѣшнихъ ощущеній, такъ какъ весь былъ поглощенъ созерцаніемъ видѣнія. Когда же видѣніе окончилось, онъ опустилъ руки, съ мощами Святаго Нила, пришелъ въ себя и, на вопросы изумленной братіи, разсказалъ все, что только съ нимъ произошло. При этомъ, отъ мощей святыхъ исходило весьма сильное неизреченное благоуханіе, исполнившее собою весь храмъ. Θеофанъ тутъ же передалъ части дикею и въ соборъ. Такъ произошло чудесное врученіе Θеофану св. мощей Святымъ Ниломъ, въ самомъ соборѣ, въ присутствіи всѣхъ братіи, дабы они чрезъ это убѣдились въ истинности явленій его Θеофану и всѣхъ сотворенныхъ надъ нимъ столькихъ чудесъ. (Такое очевидное и несомнѣнное чудо) должно было заставить скитянъ отвергнуть отъ себя всякій помыслъ сомнѣнія или невѣрія.

Вторичное же явленіе во образѣ врача Анатолія было ради молитвъ ко Святому нѣкоего іеромонаха Герасима, котораго постигли многія скорби и онъ горячо молился Святому о заступничествѣ. Сей Герасимъ съ самаго начала чудесныхъ происшествій съ Θеофаномъ являлъ особую вѣру и усердіе къ Святому Нилу. Братія-скитяне, бывшіе свидѣтелями чудесныхъ исцѣленій съ Θеофаномъ, услыхавъ отъ него слова, сказанныя Святымъ, желала, чтобы все это было записано. Посему Герасимъ, будучи хорошо грамотенъ, помогъ въ этомъ Θеофану и записалъ все со словъ Θеофана, (т. е. всѣ явленія вплоть до послѣдняго событія въ 1816 году). Θеофанъ же самъ былъ мало грамотенъ. Такъ по порядку были записаны Герасимомъ со словъ Θеофана: во-первыхъ, избіеніе Θеофана бѣсами и послѣдовавшее затѣмъ его исцѣленіе отъ грыжи, побоевъ и бѣснованія; вслѣдъ за этимъ Герасимъ записалъ явленіе Святаго Θеофану на яву послѣ Николина дня и послѣдовавшія затѣмъ событія, разрушеніе каливы бѣсами, спасеніе Θеофана голосомъ Святаго; потомъ было записано явленіе Святаго (во образѣ пастуха), данныя имъ Θеофану заповѣди, запрещеніе ѣсть рыбу и прочее. Имѣя вѣру въ Святаго, Герасимъ молилъ его о себѣ, дабы онъ наставилъ его на путь спасенія. Когда, по смерти старца Тимофея, (о которомъ Святой упоминалъ въ бесѣдѣ съ Θеофаномъ такъ почтительно и любовно, называя его „Киръ-Тимофѣемъ“, т. е. Господиномъ-Тимофѣемъ), подъ началомъ котораго жилъ Герасимъ, среди братіи произошло

смущеніе. Виновникомъ смущенія, какъ мы видѣли изъ словъ Святаго, былъ Θеодоритъ, который ушелъ изъ братства келліи, перешелъ въ другой скитъ и манилъ къ себѣ Герасима. Герасимъ, бывшій еще въ санѣ іеродіакона, удержался. За это и похвалилъ его Святой, когда бесѣдовалъ съ Θеофаномъ въ 1814 году во образѣ пастуха, порицая Θеодорита, и передавая Герасиму слѣдующія слова; „Какъ мирствовалъ, (т. е. какъ сей разъ мирно перенесъ смущеніе и не подвигся), такъ и впредь да мирствуетъ, да пожнетъ, да снѣсть плодъ, и пусть не принимаетъ помысла, что въ иномъ мѣстѣ для него будетъ покойнѣе“. Принявъ отъ Θеофана эти слова Святаго, Герасимъ тогда-же далъ клятвенное обѣщаніе предъ св. престоломъ неизмѣнно пребыть на мѣстѣ постриженія. Но вслѣдъ за этимъ возстали на него еще большія напасти, и Θеодоритъ, пользуясь ими, усиленно убѣждалъ Герасима перейти къ нему. Въ тугѣ сердечной, не зная, что дѣлать, Герасимъ прибѣгалъ къ Святому. Въ отвѣтъ на это, Святой явился Θеофану въ измѣненномъ противъ перваго образѣ-врача Анатолія, и приказалъ передать Герасиму вышеприведенныя слова, укоряя его за неустойчивость помысловъ. На Герасима до этихъ скорбей возставали подобныя напасти, немедленно вслѣдъ за тѣмъ какъ онъ поклялся не уходить съ келліи, но тогда онъ просилъ помощи Святаго и устоялъ. Исцѣлилъ Святой также Герасима отъ (заиканія), которое весьма смущало Герасима,. ибо ему предстояло принять священство; онъ усердно просилъ Святаго объ исцѣленіи отъ сего, и Святой исполнилъ его просьбу.

(Позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу отношенія Святаго Нила къ открытію и раздѣленію его Святыхъ Мощей, вызвавшихъ его негодованіе. Изъ житія Святыхъ мы видимъ, что они двояко относятся къ своимъ св. останкамъ: одни предоставляютъ себя на раздробленіе и благодатное пользованіе, являя симъ свою любовь „до конца“ къ братіямъ, бѣдствующимъ на землѣ, другіе же, проведшіе жизнь свою въ совершенномъ удаленіи отъ міра. не допускаютъ даже открыть своихъ мощей, какъ напр. преп. Антоній Печерскій и многіе другіе прославленные угодники, мощи которыхъ находятся подъ спудомъ. Извѣстны случаи, какъ они возбраняли попыткамъ открыть ихъ могилы чудеснымъ исхожденіемъ огня и опаленіемъ покушавшихся. Такое же отношеніе къ своимъ останкамъ мы видимъ и во Святомъ Нилѣ. Обладая смиренномудріемъ въ глубочайшей степени, онъ не желалъ быть чтимымъ и по смерти своей; посему, противъ обычаевъ Аθонскихъ, согласно которымъ принято отрывать кости усопшихъ по прошествіи трехъ лѣтъ и складывать ихъ въ особую гробницу, Святой клятвою запретилъ касаться его мощей. Впрочемъ это онъ сдѣлалъ по особому внушенію Духа Святаго, ибо Богу угодно было прославить Угодника Своего мироточеніемъ, чего не могло бы быть, еслибы его открыли черезъ три года).

ГЛАВА V.

Преслѣдованія Θеофана ненавистниками приводятъ его въ отчаяніе, онъ рѣшается спалить судно Діонисія и уйти съ Аθона. Благодать св. мощей Св. Нила возбраняетъ Θеофану сіе осуществить. Послѣдовавшее изступленіе Θеофана и видѣніе имъ Покрова Матери Божіей надъ Св. Горой и спасеніе Св. Горы отъ погубленія, ради молитвъ преподобныхъ Аθонскихъ ея заступничествомъ.

Какъ мы сказали выше, Θеофанъ передалъ опредѣленныя Святымъ Ниломъ части дикею Кавсокаливскаго скита Леонтію. Тотъ принялъ ихъ съ великимъ благоговѣніемъ, обдѣлавъ въ серебро и положивъ въ ковчегѣ съ прочими мощами, почивающими въ соборѣ скитскомъ ради поклоненія имъ. (Прим. переводчика: эти двѣ части и понынѣ находятся въ томъ ковчегѣ; толкователь и послѣдній списчикъ сей книги сподобился лично ихъ видѣть и поклониться имъ, какъ и челюсти Святаго, хранящейся въ келліи Спанонъ).

Свою же часть, (т. е. позвонокъ), Θеофанъ взялъ съ собой для положенія въ своей каливѣ; такъ повелѣлъ ему Святой, обѣщая, что она будетъ промыслителемъ и хранителемъ души и тѣла его, что вскорѣ оправдалось на самомъ дѣлѣ.

Послѣ послѣднихъ чудесъ Θеофанъ подвизался нѣкоторое время успѣшно, безмолвствуя въ своей пустынѣ, отражая лукавые помыслы, терпѣніемъ побѣждая нападки завистниковъ и сопротивниковъ, помня, что Святой предсказалъ ему неизбѣжность сего преслѣдованія людьми и востанія страстей, и поступая во всемъ такъ, какъ научилъ его Святой. Со стороны враговъ особенно преслѣдовали Θеофана два человѣка, одинъ изъ нихъ былъ Діонисій, владѣлецъ келліи Спанонъ, котораго, какъ мы видѣли выше, Святой обличалъ, повелѣвая ему черезъ Θеофана продать свое судно и пчелъ, разведенныхъ имъ на островѣ Тассо и угрожая, въ противномъ, случаѣ большими убытками. Другое лицо, преслѣдовавшее особенно яростно Θеофана, не названо по имени въ книгѣ сей, но, повидимому, это былъ Меθодій, названный Святымъ „богобородымъ“, отъ котораго Святой предостерегалъ Θеофана, предсказывая, что Θеофану много придется претерпѣть чрезъ него. Какъ мы видѣли, Діонисій не исполнилъ повелѣнія Святаго. За это, незадолго до описываемаго времени сильная буря оторвала судно его отъ пристани и разбила его. Діонисій не вразумился симъ знаменіемъ, не покаялся въ своемъ преслушаніи Святому и не внялъ его обличеніямъ, но, ожесточившись сердцемъ, всю злобу свою сосредоточилъ на Θео-

фанѣ, выставляя его виновникомъ сего злоключенія и клевеща на него, что онъ нарочно разрѣзалъ канатъ и погубилъ его судно, чтобы оправдать свои лживыя пророчества. Θеофанъ, вспоминая заповѣдь Святаго— „чти отца твоего и мать твою“ и толкованіе ея, сначала переносилъ кротко всѣ нападки Діонисія и прочихъ, злословившихъ его, но, такъ какъ ненависть Діонисія и другого скитянина (Меθодія) не умалялись, но все возрастали, то онъ, наконецъ, подвигся сердцемъ и, поддавшись гнѣву, былъ охваченъ имъ, утратилъ миръ душевный, впалъ въ ненависть къ врагамъ, безвинно преслѣдовавшимъ его, и, поддавшись злопамятству, дошелъ до того, что, наконецъ, рѣшился на отчаянный и погибельный для себя самого шагъ: отмстить Діонисію такъ, спалить его новое судно и бѣжать въ Царьградъ, гдѣ оклеветать Меθодія передъ турками. Такъ, нарушеніе заповѣди о безгнѣвіи привело Θеофана на край погибельной пропасти, и, еслибы не чудесная помощь Святого немощному въ борьбѣ со страстями Θеофану, то Θеофанъ сталъ-бы несомнѣнно жертвой діавола.

Въ ночь на 20-е августа 1816 г. Θеофанъ, вознамѣрившись осуществить злой гибельный умыселъ, вышелъ изъ своей каливы и направился къ пристани у Каравостаса, гдѣ стояло судно Діонисія, чтобы спалить его. Пройдя нѣкоторое разстояніе, вспомнилъ, что забылъ захватить огниво; и, посему вернулся за нимъ въ келлію, но не доходя до келліи, оступился въ темнотѣ, упалъ съ высоты 2-хъ сажень внизъ, потерялъ на нѣкоторое время сознаніе и весьма былъ испуганъ, но, оправившись, возвратился къ прежнему намѣренію и не отказался отъ своего грѣховнаго предпріятія. Прійдя въ келлію, онъ сталъ разыскивать огниво. Когда отыскалъ, вышелъ изъ келліи, сталъ запирать дверь, но оказалось, что ключъ онъ оставилъ въ келліи. Вернулся за ключемъ и, войдя, услыхалъ какой-то странный стукъ, исходящій изъ того мѣста, гдѣ стоялъ ковчегъ со святыми мощами Преподобнаго Нила. Θеофанъ высѣкъ огонь и засвѣтилъ свѣчку, чтобы посмотрѣть, что такое стучитъ, но, когда подошелъ къ ковчегу, откуда раздавался стукъ, то застучало какъ будто на дворѣ; когда же онъ отошелъ отъ ковчега, то стукъ снова сталъ раздаваться изъ него. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Наконецъ, Θеофанъ, занятый мыслью объ исполненіи своего умысла, не обративъ вниманія на сіе знаменіе, которое являлъ Святой, чтобы Θеофанъ опомнился и вспомнилъ-бы заповѣди его и слова его, затушилъ свѣчку, вышелъ и замкнулъ дверь, но, отойдя немного, вспомнилъ, что оставилъ и на сей разъ огниво въ келліи, вернулся снова за огнивомъ. Открывъ дверь, онъ увидалъ, что вся келлія освѣщается сіяніемъ, исходящимъ съ крышки ковчега, стекло-же этой крышки все пламенѣло, и на немъ ясно сіяли огненныя буквы какой-то надписи, блестя какъ золото на свѣтломъ пламенномъ фонѣ. Изумленный симъ чудомъ, Θеофанъ первоначально рѣшилъ бѣжать въ скитъ и оповѣстить о семъ братію,

чтобы они пришли-бы и убѣдились въ семъ. Захлопнувъ дверь, побѣжалъ въ скитъ, но, выскочивъ за ворота, перемѣнилъ рѣшеніе и вернулся, чтобы сначала описать надпись блиставшую на стеклѣ. Когда на сей разъ вошелъ въ келлію, то прежняго свѣта уже не было, сіяли лишь буквы золотой надписи, Ѳеофанъ зажегъ свѣчку и, взявъ карандашъ, хотѣлъ писать, но, взглянувъ на надпись, не увидалъ ея больше на стеклѣ и былъ этимъ огорченъ, думая, что она совсѣмъ исчезла. Скорбя о семъ сѣлъ на скамейку. Въ это время свѣча догорѣла и потухла. Тогда въ темнотѣ надпись опять сдѣлалась видимой, и Ѳеофанъ понялъ, что причина исчезновенія ея былъ яркій свѣтъ свѣчи; потомъ онъ поставилъ свѣчу за дверью, чтобы она освѣщала бумагу, а надпись оставалась бы въ тѣни; тогда онъ ее началъ списывать. Надпись была въ три яруса, между рогами трехъ крестовъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, причемъ верхній и нижній—маленькіе, а средній большой. Вокругъ перваго малаго креста значились четыре заглавныя буквы словъ: „Живъ Господь Богъ мой“, (т. е. безуміе мстить за себя, когда живъ Господь Богъ, отмститель всякой неправды).

Надъ лѣвымъ рогомъ втораго креста было написано: „Умыслилъ сотворить нѣчто втайнѣ. Твори себѣ, что хочешь сотворить, твори себѣ, но, если сотворишь — плачемъ восплачешь, помраченную голову свою оплачешь и будущей жизни не обрящешь“.

Подъ лѣвымъ рогомъ втораго креста была слѣдующая надпись: „Тайно самъ за себя отмстить хочешь оклеветавшимъ тебя огненною клеветой, но небратолюбно злословящимъ и ненавистно клевещущимъ—огненный мечъ“.—(Т. е. ихъ и безъ того ждетъ страшная кара).

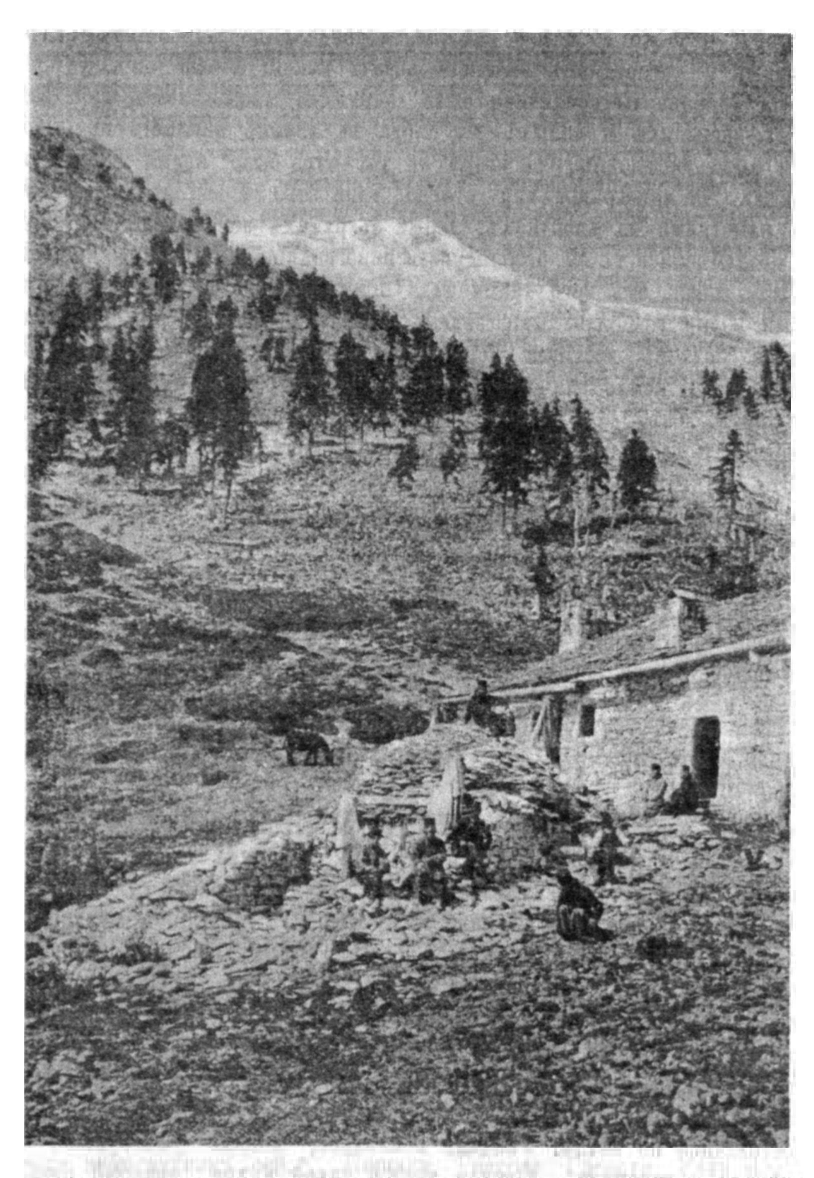
Надъ правымъ рогомъ втораго креста: «Если хочешь отмщеніе сотворить всуе злословящимъ тебя,—сотвори, но тогда не будешь имѣть части со мною, (т. е. меня помощникомъ тебѣ). Если-же за дѣло злословятъ, то зачѣмъ оскорбляешься? Исправь содѣланныя беззаконія“.—Подъ правымъ рогомъ креста: «Если же поносятъ безвинно,—зачѣмъ оскорбляешься симъ? Благодари Бога, что сподобился понести такую клевету, ибо сія скорбь есть блаженство, котораго жаждутъ другіе».—Подъ серединой втораго креста,—та же надпись, что и сверху, но не одними заглавными буквами, а полностію—«Живъ Господь Богъ Мой».

Вокругъ нижняго, третьяго креста: надъ лѣвымъ рогомъ—«Заушенъ»; подъ лѣвымъ рогомъ—«Бичеванъ»: надъ правымъ рогомъ: «Поруганъ»; подъ правымъ рогомъ: «Кого ради?» На полѣ слѣва и справа противъ середины нижняго креста — „Отпустите — и отпустится вамъ“. Подъ нижнимъ крестомъ — „Распятъ“.

Когда Ѳеофанъ дописалъ до словъ будущей жизни, (вторая над-

пись слѣва на среднемъ крестѣ), то замѣтилъ, что тѣ слова, которыя онъ записалъ, исчезли со стекла. Ѳеофанъ сталъ торопиться, чтобы списать поскорѣе остальное. По мѣрѣ того, какъ онъ это списывалъ, буквы исчезали, такъ что, когда онъ окончилъ списывать, то вся надпись исчезла. Это чудо было прообразомъ того чуда, которое совершилъ Святой Нилъ съ памятью Ѳеофана, ибо дѣйствіемъ его благодати всѣ слова, которыя произнесъ Святой въ бесѣдѣ съ Ѳеофаномъ, запечатлѣлись въ его памяти такъ, какъ будто кто ихъ тамъ напечаталъ, Когда-же Святой явившись на яву 18 часовъ говорилъ съ Ѳеофаномъ о предметахъ высокихъ, духовныхъ и таинственныхъ, превосходящихъ умъ Ѳеофана, и повелѣлъ записать все это, то всѣ эти слова, составившія рукопись въ нѣсколько сотъ страницъ, такъ живо помнились Ѳеофаномъ, какъ будто сейчасъ онъ ихъ слышалъ, и онъ въ теченіе года диктовалъ ихъ Герасиму. Тогда съ памятью Ѳеофана совершалось тоже, что со стекломъ сей крышки ковчега, — какъ только онъ что записывалъ, оно изглаждалось изъ памяти, и онъ не могъ связно пересказать даже малаго изъ того, что только-что такъ отчетливо продиктовалъ).

Когда Ѳеофанъ кончилъ списывать, онъ сѣлъ на скамейку, съ написанной бумажкой въ рукахъ и задумался, размышляя о томъ, что должна означать сія надпись. Просидѣвъ такъ нѣкоторое время, онъ былъ выведенъ изъ своего раздумья шумомъ и свистомъ поднявшагося сильнаго вѣтра, отъ котораго затряслась вся калива; это впечатлѣніе заставило его забыть о только, что происшедшемъ чудесномъ явленіи и возвратило его мысль къ прежнему намѣренію, для исполненія котораго этотъ вѣтеръ былъ какъ нельзя болѣе благопріятенъ; Ѳеофанъ промолвилъ: „О, вотъ какой подходящій вѣтеръ, чтобы спалить судно“.— Вставъ съ мѣста, онъ собрался опять идти къ морю, вышелъ изъ келліи, продолжая все еще держать въ рукѣ листокъ, замкнулъ дверь каливы и, стоя у дверей, взглянулъ на небо. Увидалъ къ своему удивленію, что надъ самой его головой растилается что-то бѣлое, какъ будто густой туманъ; вглядѣвшись ближе, убѣдился, что это не туманъ, а полотно какъ будто растянутаго паруса, плывущее такъ низко надъ землей, что почти-что можно-бы достать рукой; это Ѳеофанъ и попытался было сдѣлать, но немного не досталъ. Желая узнать до куда простирается этотъ покровъ, покрываетъ-ли онъ также и лежащій подъ горою Кавсокаливскій скитъ, Ѳеофанъ вышелъ за ворота, чтобы взглянуть на скитъ, но, выйдя, пришелъ въ изступленіе, увидавъ подъ собою не Кавсокаливскій скитъ, а Богородичную церковь, что у верхушки Аѳона; себя же увидалъ стоящимъ въ той рощѣ, что на склонѣ верхушки, надъ Богородичной церковью. Надъ церковью возвышалась высокая мачта; къ сей мачтѣ однимъ концомъ прикрѣпленъ былъ громадный треугольный парусъ, покрывавшій весь Аѳонъ, а двумя осталь-



Келлія съ Богородичной церковію у вершины Аѳона. Слѣва видна роща, стоящая на склонѣ верхушки надъ Богородичной церковію.

ными своими концами — однимъ Иверъ, а другимъ Ксиропотамъ; Ѳеофанъ понялъ, что это то самое полотно, которое было распростерто надъ его келліей и которое онъ пытался достать рукой, но не могъ.

Церковь Богородичная была окружена множествомъ виноградниковъ, большихъ и малыхъ, но плода на лозахъ никакого не было, — всѣ были безплодны, (несмотря на то, что было время сбора винограда). На виноградникахъ стояло множество монаховъ въ мантіяхъ, съ наметками на клобукахъ, держа въ рукахъ земледѣльческія орудія, и недоумѣвая о такой безплодности виноградниковъ. Монахи бесѣдовали между собой, отъ чего такая бѣда приключилась съ ихъ виноградниками. Одни говорили: „Не знаемъ, отчего произошло это несчастіе, и такая болѣзнь постигла наши лозы". —Развѣ не видите отчего? не видите, что земля одичала, поросла сорной травой и черви пообъѣдали ростки у лозъ?" — „Теперь уже ихъ не поправишь, остается только перекопать весь виноградникъ, отъ края до края, (т. е. насадить вновь)". „Это мы, отцы, всѣ видимъ, что слѣдовало-бы такъ поступить, какъ вы совѣтуете, но нельзя-ли потерпѣть ему еще, не дастъ-ли онъ побѣговъ покаянія". „Да, побѣги покаянія надежнѣе новаго насажденія и поэтому желательнѣе; про новую-же посадку нельзя напередъ сказать, будетъ она рости или нѣтъ. Корни-же этихъ лозъ хороши и, если выкопаемъ ихъ, то можемъ совсѣмъ утратить виноградникъ, ибо въ нынѣшнее время весьма трудно принимаются новые виноградники. Поэтому намъ жаль трогать его". „(Дѣйствительно жаль), ибо не знаете развѣ, что, когда загорается степь, то гибнутъ отъ огня не только высохшія стебли, но и тѣ, которыя имѣютъ сокъ, (т. е. зеленыя), и тѣхъ пожираетъ огонь." Такія рѣчи и подобныя имъ говорили тѣ преподобные монахи, бесѣдуя между собою. Вдругъ Ѳеофанъ замѣтилъ, что нашла грозовая туча, изъ которой сверкнула такая блистающая молнія, что ослѣпила глаза Ѳеофану; грянулъ такой сильный громъ, что всѣ стоявшіе монахи пали на землю, изъ грома послышались слѣдующія слова: „Отнимите покровъ, ибо нѣтъ болѣе для виноградника нужды въ покровѣ семъ". Вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ Ѳеофанъ замѣтилъ, что какіе-то люди спѣшно спускаются съ верхушки и затѣмъ, охвативъ канатъ отъ паруса, начинаютъ тянуть его; парусъ сталъ мало-по-малу собираться на мачту. Какъ только земля обнажалась отъ его покрова, тотчасъ-же тамъ подымался страшный ураганъ, отъ котораго всѣ лозы постилались по землѣ. Увидавъ послѣднее, монахи ужаснулись, недоумѣвали и говорили: „Откуда взялся такой вихрь, который повалилъ всѣ лозы на землю?" Замѣтивъ-же, что это произошло вслѣдствіе отъятія покрова собираніемъ паруса на мачту, и что чрезъ это виноградникъ подвергся такому губительному вѣтру, бросили они на землю садовыя орудія, которыя держали въ рукахъ. Сбѣжавшись къ краю поднимавшагося на мачту паруса, они ухватились за него и, стараясь удержать

его, а въ то-же время умиленно и слезно, въ одинъ голосъ начали взывать и молить: „Пощади, пощади, Господи. и укроти гнѣвъ Твой противъ виноградника сего.“ „Пощади, пощади Господи, и да не яростію Твоею обличиши виноградникъ сей, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши его“. “Пощади, пощади, Господи! молимъ Тя: не отврати Лица Твоего отъ виноградника Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ винограда сего“. „Пощади, пощади, Господи! вонми гласу моленія нашего и укроти гнѣвъ Твой противъ виноградника сего. ибо мы много потрудились надъ виноградникомъ симъ“. Но вотъ снова сверкнула ослѣпительная молнія и изъ раската грома раздался гласъ: „Что вопіете ко Мнѣ? Не видите развѣ, и не знаете, что давно уже упадаетъ виноградникъ сей все больше и больше, а теперь развѣ есть возможность исправить его? Сего ради судилъ Я наслать на сей безплодный виноградникъ аггела сатанина, дабы онъ искоренилъ его, ибо не плоды приноситъ онъ Мнѣ, но однѣ поруганія“. Услыхавъ сей грозный судъ преподобные стали еще умилительнѣе и жалостнѣе взывать: „Пощади, пощади, Господи! призри на моленіе наше, не лиши. Господи, виноградникъ сей благодати Твоея“. „Пощади, пощади, Господи, отврати отъ виноградника сего ярость возстающихъ на него“. Но Господь не внималъ ихъ моленію, парусъ продолжалъ мало-по малу подниматься на мачту; но монахи, несмотря на это, не выпускали изъ рукъ края его, такъ что, наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ сами стали отдѣляться отъ земли и повисли на немъ, не переставая въ то-же время умилительно взывать и молить за осужденный на посѣченіе виноградникъ, причемъ изъ очей ихъ струились слезы такъ обильно, что уносимыя вѣтромъ, онѣ, какъ брызги морскихъ волнъ въ бурю, падали на землю. Ѳеофанъ, увидавъ такую пламенную молитву тѣхъ преподобныхъ за виноградникъ и умилительныя слезы, самъ тоже не выдержалъ, и сталъ плакать, стоя въ рощѣ. Но вотъ, изъ храма Пресвятой Богородицы вышла Богоматерь съ Младенцемъ на рукахъ и промолвила: „Перестаньте преподобнѣйшіе и честнѣйшіе! не видите-ли вы сами, во что превратился виноградникъ сей, какъ онъ уклонился (на путь погибели) какія развращенныя души сталъ плодоприносить?“ Услыхавъ голосъ Богоматери, монахи обратили къ Ней взоры свои, съ великимъ воплемъ и слезами умоляя Ее и говоря: „Пощади, Всецарица, и Госпожа, (Владычица), давшая дыханіе Жизнодавцу, обнови духъ и въ семъ виноградникѣ, Тобою насажденномъ.“ „Пощади, Всецарица, Владычица, утверди виноградникъ сей.“ „Пощади, Господи, Господи, Ради Млекопитательницы Матери Твоей; пріими моленія насъ, недостойныхъ рабъ Твоихъ, и не предавай виноградника сего плѣненію и искорененію; не погуби собранныхъ нами въ немъ ради покаянія подъ кровъ Ея.“ Но Младенецъ, глубоко воздохнувъ, мужескимъ гласомъ промолвилъ: „Ахъ, и гдѣ-же, гдѣ-же они каются“? Сказавъ это, Младенецъ при-

поднялъ руку, чтобы сдѣлать ею повелительное мановеніе убиравшимъ парусъ, дабы убирали парусъ скорѣе, но Богоматерь Своею лѣвою рукою удержала ручку Младенца, а правую длань Свою приложила къ устамъ Его, не давъ Ему вымолвить рѣшительнаго суда и сдѣлать рѣшительнаго мановенія тѣмъ, которые убирали парусъ.

Въ это самое мгновеніе Ѳеофану представилось, что на него повалилась сосна и задавила его до смерти. Очнувшись отъ своего изступленія, въ ужасѣ и страхѣ онъ увидалъ себя стоящимъ за воротами своей каливы, куда выбѣжалъ было поглядѣть на скитъ, простирается-ли и надъ нимъ то *полотно*; въ рукахъ своихъ онъ все еще держалъ списанный имъ листокъ съ надписью на стеклѣ. Все это привело его въ великій страхъ, и намѣреніе свое спалить судно онъ оставилъ.

Первые списатели книги такъ истолковали сіе видѣніе: „Приточное значеніе сего видѣнія, какъ мы, такъ и большинство, полагаютъ быть слѣдующимъ:

Парусъ, прикрѣпленный къ Богородичной церкви и простиравшійся надъ всѣмъ Аѳономъ, есть святой покровъ Богородицы надъ сею Горою, и ея промышленіе и попеченіе о ней, благодаря которымъ Св. Гора и существуетъ доселѣ невредимой. Множество монаховъ въ мантіяхъ и наметкахъ, которые стояли на виноградникахъ съ орудіями въ рукахъ, — суть преподобные отцы, подвизавшіеся на сей Святой Горѣ и просіявшіе по смерти. Виноградники большіе и малые суть монастыри, скиты, келліи и прочія жительства монашескія въ Горѣ сей, насажденныя съ великими трудами и скорбями сими преподобными, которымъ они и по смерти покровительствовали. Лозы — суть монахи. Безплодіе лозъ произошло отъ нерадѣнія монашествующихъ о духовной жизни и подражаніи житіямъ отцевъ, что повело къ уклоненію въ нынѣшнюю нашу скверную и нечестивую жизнь. Черви, пообъѣвшіе побѣги у лозъ, суть много-заботливыя попеченія о временныхъ и тлѣнныхъ вещахъ, и прочія, различныя, изъ которыхъ происходятъ страстные помыслы, омрачающіе духовное око. Гласъ, сопровождавшійся раскатомъ грома и блистающей молніей, былъ гласъ Владыки Христа, Который изъ-за грѣховъ нашихъ повелѣлъ, дабы былъ отнятъ покровъ надъ Горой. Сильный же и губительный ураганъ, нашедшій на виноградникъ, были злоумышленія тѣхъ татей, которыя именно въ то время умыслили совершить нападеніе на Св. Гору, т. е. албанцевъ и римлянъ (папистовъ). Такъ какъ это грозило гибелью Св. Горѣ, то преподобные отцы и умоляли такъ слезно, чтобы Господь не отнималъ отъ Св. Горы благодатнаго покрова Божіей Матери, ибо, въ противномъ случаѣ Св. Гора сдѣлалась бы жертвой татей. Жена съ младенцемъ, исшедшая изъ храма, была Пресвятая Богородица со Владыкою Христомъ. Она то и не допустила Ему дать повелѣніе убрать покровъ Ея отъ Св. Горы. Паденіе сосны на Ѳеофана имѣло цѣлью

устрашить его, чтобы устрашенный симъ, онъ отказался бы отъ своего намѣренія сжечь судно и бѣжать въ Царьградъ. Вообще, же, видѣніе было, какъ ради Ѳеофана, чтобы смирить его сердце и вселить въ него страхъ, дабы помочь ему въ отсѣченіи злыхъ помысловъ, такъ и ради насъ, чтобы мы познали бѣдственность нашего положенія, опасность его, и пришли бы въ чувство, узнавъ какому осужденію быть преданными на погубленіе албанцамъ и римлянамъ, мы чуть не подверглись, и что воспрепятствовало сбыться сему. Богъ, Владыка Человѣколюбецъ укротилъ гнѣвъ и отвратилъ бѣдствіе ради слезныхъ молитвъ угодниковъ Его и Пресвятыя Богородицы, продливъ долготерпѣніе и расточивъ враговъ державною мышцею Своею. Но, если мы не исправимся, престанетъ терпѣть намъ, но по достоинству покараетъ и по правосудію потребитъ творящихъ беззаконія [1]).

---

[1]) Здѣсь въ видѣніи Ѳеофана, разумѣются нашествія римлянъ и албанцевъ, которыя постигали Аѳонъ въ началѣ прошлаго столѣтія и которые могутъ повториться и впредь, (при нынѣшнемъ напряженномъ политическомъ состояніи). А вотъ описаніе катастрофы надъ Аѳономъ бывшей во время печатанія сей книги.

Въ ночь съ 13—14 Сентября надъ Аѳономъ пронесся страшный ливень съ сильной бурей и грозой, продолжавшійся болѣе пяти часовъ и причинившій на Св. Аѳонской Горѣ громадные убытки Уже за нѣсколько дней предъ ливнемъ въ воздухѣ чувствовалась влажность, густой туманъ поднимался съ моря и со всѣхъ сторонъ окутывалъ гору, а тучи неслись съ запада и, казалось, неподвижно стояли надъ Аѳономъ. Послышался громъ, начала сверкать молнія, и, наконецъ, пошелъ дождь, постепенно увеличивающійся и превратившійся въ настоящій л и в е н ь. Вода шла въ 4—5 аршинъ поверхъ земли на ровномъ мѣстѣ.

Тысячепудовые камни подъ напоромъ воды съ грохотомъ отваливались отъ скалъ и съ стремительной быстротой уносились бурными потоками въ бушевавшее море. Съ крутыхъ горъ вода лилась рѣкой, ничто не могло устоять противъ водной стихіи, которая безпощадно вырывала съ корнемъ вѣковыя деревья и разрушала на пути своемъ убогія жилища Аѳонскихъ насельниковъ. Буря и сильные удары грома съ молніей, которая озаряла своимъ ярко ослѣпительнымъ свѣтомъ всю гору и море,— не прекращалась, такъ что получалась величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ страшная картина для созерцанія... Такой сильной грозы и такого страшнаго разрушительнаго ливня не запомнятъ старцы, прожившіе на Аѳонѣ 60—70 лѣтъ. Еслибы ливень продолжался еще нѣсколько часовъ, многіе монастыри были бы разрушены...

Нѣтъ здѣсь такой обители, которая бы не пострадала отъ этого ливня, болѣе же пострадали тѣ обители, которыя находятся на берегу моря.

Особенно много, (болѣе чѣмъ на 20 тысячъ лиръ), пострадалъ Пантелеимоновъ монастырь. Въ новомъ монастырскомъ корпусѣ, (что надъ моремъ), вода поднималась до второго этажа; арсана, (пристань), снесена въ море, а бывшія около нея 15 лодокъ и Пантелеимоновскій пароходъ были засыпаны иломъ; кожевенный заводъ, (корпусъ), разрушенъ до основанія. Разрушена „хлѣбная". Изъ нея унесено въ море 100 готовыхъ хлѣбовъ, 40 мѣшковъ сухарей, много пшеницы, масла, рыбы и бочекъ съ виномъ. Унесено въ море много запасовъ и матеріаловъ, также 4 быка и два мула. Много нанесено съ горъ въ Пантелеимоновъ монастырь камня и илу. Весь огородъ монастырскій завалило камнями, такъ что многочисленная, (тысячная), братія монастыря и въ годъ не освободятся отъ этихъ

ГЛАВА VI

Явленіе Святого Нила Θеофану 18-го Января 1817-го года, на яву, на дорогѣ и 18-ти часовая бесѣда.

Послѣ событій 2-го Августа 1816 года Θеофанъ нѣкоторое время мирствовалъ и безмолствовалъ въ своей каливѣ, но, такъ какъ нападки того лица, имя котораго умолчено въ книгѣ, и котораго мы предполагаемъ быть Меѳодіемъ, (богобородымъ), не прекращались, то Θеофанъ былъ снова выведенъ ими изъ себя; имъ овладѣла злоба и желаніе отомстить безвинно преслѣдовавшимъ его. Подпавъ чрезъ это во власть діавола, онъ задумалъ отчаянное дѣло: написалъ на бумажкѣ страшныя заклятія на своего врага съ призываніемъ на него силъ бѣсовскихъ, затѣмъ бросилъ эту записку на воздухъ противъ жилища своего ненавистника; тотчасъ явился бѣсъ во образѣ ворона и, схвативъ записку, унесъ ее. Θеофанъ же рѣшилъ не медля покинуть Святую Гору и отправиться въ Царьградъ, отчаявшись въ возможности продолжать жительство на Аѳонѣ, имѣя также намѣреніе оклеветать своего ненавистника въ Царьградѣ передъ турецкимъ правительствомъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ приготовляться къ отъѣзду.

Одновременно съ злополучіемъ Θеофана впалъ въ бѣду и другой человѣкъ, особо опекаемый Святымъ Ниломъ, а именно Герасимъ, которому, какъ мы видѣли выше, Святой запретилъ покидать мѣсто своего по-

---

камней. Въ монастырѣ Св. Павла снесло въ море 2 большихъ каменныхъ корпуса Половина келліи „Трехъ святителей“, (около Карен), разрушена.

Обитель Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, расположенная въ полугорѣ, (настоятель—схимонахъ Парѳеній), тоже получила значительныя поврежденія, исправленіе которыхъ обойдется не менѣе 20.000 руб. Нѣкоторые изъ зданій настолько подмыло водой, что они угрожаютъ паденіемъ. Много пострадалъ у сей обители масличный садъ съ хуторомъ, находящійся на морскомъ берегу, въ 5 часахъ пути отъ Карен. Цѣлыхъ десять вѣковыхъ маслинъ здѣсь вырвало съ корнемъ. Здѣсь же занесло пескомъ весь виноградникъ, принадлежащій обители. Убытки надобно считать десятками тысячъ.. Въ Протатской церкви, (на Кареѣ), было на аршинъ воды. Находящіяся въ Кареѣ лавки затопило водою. Дорожные мосты размыло водою. У келліи Св. Николая, (на Бѣлоозеркѣ), снесло въ море, близъ Ивера, до 40 тоннъ каменнаго угля „Кардифу“. У монастыря Ставроникиты унесло потокомъ мельницу, повредило мостъ. На Даѳнѣ снесло два моста и каменныя стѣны У Ильинскаго скита унесло въ море лодки и могуны, (парусныя судна). Отъ грозы загорѣлся, было, лѣсъ на хребтѣ Аѳона, но дождь залилъ. Убытки причиненные Св. Горѣ ливнемъ, надобно измѣрять нѣсколькими милліонами. Поистинѣ, всѣ пророчества преп Нила о Св. Горѣ сбываются; остаются пока не исполненными, (точнѣе, не повторенными во всей силѣ) два: мечъ и огонь...

стрига, (когда явился Өеофану послѣ врученія частицъ мощей во образѣ врача Анатолія, во время изступленія, его, на бдѣніи въ скитскомъ храмѣ). Герасимъ не вынесъ скорбей, несмотря на то, что Святой предупреждалъ его о нихъ, и ушелъ было изъ келліи; къ счастію, поспѣшилъ одуматься и возвратиться, но тутъ ему встрѣтилась новая скорбь: въ число братіи былъ принятъ одинъ благоличный юноша. Герасимъ началъ смущаться женственнымъ видомъ его лица и весьма скорбѣлъ о томъ, что оказался подверженнымъ такой низменной страсти. Поэтому, онъ началъ требовать отъ старца и братіи, чтобы вновь поступившій юный братъ былъ удаленъ, въ противномъ случаѣ самъ грозилъ уйти. Это повело къ раздору среди братій келліи, ибо одни стали на сторону Герасима, требуя вмѣстѣ съ нимъ удаленія молодого брата, другіе, въ томъ числѣ и старецъ, не считали нужнымъ уступать ихъ требованію. Өеофанъ тоже вмѣшался въ эту ссору среди братства келліи Тимофея и, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Герасимомъ, сталъ настаивать, чтобы онъ отступилъ отъ своего требованія.

Въ описываемое утро, побывавъ въ скиту и горячо поспоривъ съ Герасимомъ, Өеофанъ позволилъ себѣ ввиду его несогласія заклять его словами: „не смѣй же, если не примиришься съ юнымъ братомъ, ни эпитрахили надѣвать, ни литургисать, ни—благословенъ Богъ—говорить...“

Гибель, угрожавшая, какъ мы видимъ, Өеофану и Герасиму, вызвала новое явное и чудесное вмѣшательство Преподобнаго, несмотря на то, что при послѣднемъ своемъ явленіи годъ тому назадъ онъ сказалъ, что больше не побесѣдуетъ съ Өеофаномъ ни на яву, ни во снѣ. — Впрочемъ эти слова имѣли нѣкій таинственный смыслъ, ибо, во-первыхъ, это должно было побудить Өеофана внимательнѣе быть къ своей духовной жизни и не надѣяться на то, что Святой будетъ и впредь такъ же часто являться ему и чудесно спасать; съ другой стороны, эти слова Преподобнаго имѣютъ отношеніе и къ намъ, чтобы мы не ждали бы нынѣ отъ Святого такихъ же чрезвычайныхъ и небывалыхъ чудесъ, не презрѣли бы ихъ, но благоговѣли бы передъ ними и цѣнили бы слова, сказанныя намъ посланникомъ Божіимъ съ неба.

Разойдясь съ Герасимомъ, Өеофанъ вернулся въ каливу. Нарубивъ вязанку дровъ, взвалилъ ее себѣ на плечи и понесъ къ свальщику шапокъ, дабы свалять двѣ шапки, которыя онъ связалъ, для того, чтобы на вырученныя отъ продажи сихъ шапокъ деньги уѣхать въ Царьградъ. Отойдя нѣсколько отъ своей каливы, онъ встрѣтилъ Святого, который шелъ къ нему на встрѣчу во образѣ духовника Матвѣя со Свято-Аннинскаго скита.

Было около 8 ми часовъ дня по мѣстному зимнему исчисленію времени, что соотвѣтствуетъ нашему полдню; бесѣда же ихъ продолжалась до 2-хъ часовъ утра, т. е. до разсвѣта или, по нашему, до 6 часовъ утра слѣдующаго дня, причемъ, вслѣдствіе чудеснаго дѣйствія Святого,

Θеофанъ, несмотря на необычайность бесѣды, не догадывался до самаго конца ея, что говоритъ со Святымъ Ниломъ, а не съ духовникомъ Матвѣемъ. Стоя и слушая Святого съ тяжелой вязанкой на плечахъ, онъ ни мало не ощущалъ тяжести ея, не ощущалъ продолжительности бесѣды и наступленія ночи; только, когда Святой покинулъ его, замѣтилъ, что занимается разсвѣтъ и что на плечахъ его ноша. Другое чудо, явленное во время этой бесѣды Святымъ, было необычайное изощреніе памяти Θеофана, благодаря которому онъ помнилъ въ подробности и въ послѣдовательности все, что говорилъ ему Святой, помнилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока не записалъ всего, какъ повелѣлъ Святой; по написаніи же онъ постепенно, по мѣрѣ списыванія, забывалъ рѣчь Святого и не былъ въ состояніи послѣдовательно повторить даже немногое, что только-что передъ тѣмъ подробно продиктовалъ.

Когда Θеофанъ поровнялся со Святымъ, они привѣтствовали другъ друга, и Святой спросилъ: „Что новаго? Какъ поживаешь?“ – Θеофанъ: „Иду шапки сваливать и набралъ дровъ, чтобы снести туда“.— Святой: „А я намѣревался посѣтить тебя, чтобы взглянуть на твою каливу“.—Θеофанъ: „Хорошо, я положу дрова здѣсь, и пойдемъ“.— Святой: „Нѣтъ нужды возвращаться,—и безъ того повидались“. Θеофанъ попросилъ дать ему благословеніе и подать ему руку, чтобы поцѣловать ее, извиняясь, что будучи обремененъ ношей, не можетъ положить поклона, и сказалъ: „Прости, не могу поклониться тебѣ, такъ какъ нагруженъ“.—Святой же не подалъ ему руки, чтобы поцѣловать, но отошелъ въ сторону съ дороги, на поляну, потомъ снова приблизившись къ Θеофану, сказалъ: „Ради чего ты, несчастный, творишь такіе соблазны?“ — Θеофанъ: „Ни съ кѣмъ я ничего не говорилъ, (т. е. ни съ кѣмъ не имѣю сношеній и творить соблазновъ не могу)“.— Святой: „Кому ты это говоришь? Развѣ не ты сказалъ вашему іеромонаху Герасиму: если такъ, то да не служишь болѣе и да не литургисаешь, если только не перестанешь изгонять того человѣка изъ братства, и да не дерзаешь благословлять начало и говорить—благословенъ Богъ,—ни эктеніи говорить, ни эпитрахили надѣвать. Вотъ завтра или послѣзавтра пріѣдетъ отецъ твой на поклоненіе на Аθонъ; пускай онъ видитъ, что ты такой, (т. е. подъ заклятіемъ) и не можешь служить, и пусть узнаетъ изъ за чего. Ему-то дадутъ дорогу, (т. е. юношу-то отправятъ изъ-за тебя), но пусть же и тебѣ узда будетъ (т. е. но за это буди и ты связанъ клятвою), чтобы и ты боялся впредь. И какъ осмѣлился ты такъ говорить съ такимъ человѣкомъ и сказать ему такія слова? Не знаешь развѣ, что онъ человѣкъ немощный, несчастный, въ скорбяхъ, а ты, вмѣсто того, чтобы утѣшить его, творишь ему скандалъ, (заклявъ не служить и не литургисать—публично разглашаешь распрю). Худо, худо, что мы живемъ среди камней—сказалъ ты ему, но себя не видишь, что ты, живя въ полѣ, (т. е.

въ пустынѣ), столь оскверняешь поле сіе?“—(Т. е. Ѳеофанъ позволяетъ себѣ осуждать жизнь братства).—Ѳеофанъ: „Повѣрь мнѣ, не для того, чтобы сдѣлать соблазнъ сказалъ я ему это, но, чтобы заставить ихъ примириться“. — Святой: „Ты говоришь, что не хотѣлъ дѣлать скандала, а, чтобы устрашить его этимъ?—но какое тебѣ дѣло до ихъ внутреннихъ состояній и дѣлъ? Не видишь развѣ своего собственнаго состоянія (бѣдственнаго) и своего несчастія? ты не сидишь въ каливѣ своей и не творишь той молитвы, какую слѣдовало-бы тебѣ творить, то-есть: „Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя, мерзость запустѣнія“,—и не устремляться въ чужія дѣла, вмѣшиваться въ совершеніе Божественнаго таинства, (т. е. запрещать іерею литургисаніе)?“—Ѳеофанъ: „Я этимъ ничего не повредилъ, и что я этимъ повредилъ?“—Святой при этихъ словахъ перекрестился и воскликнулъ: „Господи помилуй! Да какое твое дѣло вмѣшиваться, о, человѣче? Какъ осмѣливаешься ты, не взирая на свое зловоніе, несчастный, браться примирять другихъ и запрещать совершеніе Богослуженія?!! И что имѣетъ сей человѣкъ, (т. е. какое препятствіе нашелъ ты въ немъ для продолженія служенія), что ты такъ судилъ его? Хотя онъ, сознавая въ себѣ сію страсть, и самъ не служитъ, но что такое эта его страсть?—ничего нѣтъ, одна тѣнь, одно лишь паутинное плетеніе завистника (діавола). Не слѣдуетъ ему только смущаться отъ сего зловонія, которое видитъ и ощущаетъ въ себѣ, т. е. отъ нечистыхъ мыслей и смущеній, наводимыхъ на него врагомъ противъ его воли,—закрылъ носъ рукой, прошелъ мимо,—и прошло и ничто есть; онъ же такъ смущается отъ этого, что уходить хочетъ, но куда же онъ отъ искушеній и діавола уйдетъ? Если уйдетъ, то все утратитъ, ибо кто, покинувъ самовольно мѣсто метанія, (т. е. мѣсто постриженія и обѣтовъ покаянія), не вышелъ потомъ и совсѣмъ въ міръ? Такъ случилось и съ тѣмъ іеромонахомъ нашимъ, (т. е. Ѳеодоритомъ), котораго мы столь старались умирить и не могли успокоить; онъ все-таки ушелъ и купилъ каливу, чтобы якобы мирствовать; пусть бы и мирствовалъ себѣ тамъ; но отчего же, вмѣсто того чтобы мирствовать, пожелалъ съѣздить въ міръ? Когда онъ вернулся изъ поѣздки въ міръ, мирна-ли его совѣсть? Не осквернена-ли его мысль? Не жалитъ-ли его ежедневно мірское жало? (т. е. воспоминанія, впечатлѣнія, похотѣнія суетныхъ и пр.). Такъ бываетъ и съ каждымъ, покидающимъ мѣсто своего покаянія,—онъ впадаетъ въ эти страсти, какъ мы сказали. Не знаю, чего ему недоставало, что онъ не мирствовалъ, и что̀ его принудило уйти. Чѣмъ онъ здѣсь смущался настолько, что считалъ невозможнымъ мирствовать и спасаться? Повинующіе, (т. е. начальствовавшіе надъ нимъ, или старецъ и старшая братія), повиновались ему, т. е. уступали ему, подобно Евлогію, описанному въ житіи пр. Антонія Великаго, подобравшему Христа ради прокаженнаго на улицѣ и посвятившему себя на служеніе

ему, но, вмѣсто признательности со стороны послѣдняго, получившему ненависть и, наконецъ, рѣшительное требованіе прокаженнаго отнести его обратно на улицу, туда, гдѣ подобралъ, ибо ему нравилась базарная толпа, и не хотѣлось находиться вдали отъ сей толпы.

Пусть же Герасимъ возблагодаритъ Бога и воздастъ Богу славу, какъ за то, что имѣетъ эту страсть и не можетъ отъ нея избавиться, такъ и за то, что онъ въ общежитіи, ибо, не будь этого, онъ, имѣя склонность къ любоначалію, совершенно погибъ бы, сознаніе же въ себѣ постыдной сей страсти смиряетъ его. Не будь сего, не только въ скиту ему не удержаться, но и въ монастырѣ, и во всемъ Аѳонѣ, тогда облекся бы онъ въ гнилую одежду міра. Поэтому, да благодаритъ онъ Бога, что Онъ не отнимаетъ отъ него сей страсти. Однажды, по молитвамъ Преподобнаго Отца нашего Нила избавилъ его Богъ отъ страсти, подобно этой, мучавшей его, сдѣлавъ это ради того, чтобы онъ не пришолъ бы въ уныніе и не возроптапъ бы, а также, чтобы восчувствовалъ бы милость Божію, возблагодарилъ бы Бога за это избавленіе и прославилъ бы Его, но онъ оказался неблагодарнымъ, позабылъ и Бога, и то благодѣяніе, которое Богъ ему оказалъ. Такъ какъ отвращеніе сердца отъ Бога не можетъ укрыться отъ Него, ибо Онъ—сердцевѣдецъ, то за это Богъ послалъ ему обрученіе сей страсти, (т. е. неотступно попустилъ преслѣдовать сей страсти его). Такъ Богъ сотворилъ съ нимъ, чтобы не погибъ онъ отъ своей страсти (псилафизма любоначалія) и, чтобы это препятствовало его погибельнымъ намѣреніямъ, которыя имѣетъ несчастный“.

Внимая этимъ словамъ Святого, Ѳеофанъ въ умѣ спрашивалъ себя: за что сей человѣкъ такъ любитъ Герасима? Святой же въ отвѣтъ на эту мысль тотчасъ сказалъ ему:

„Если хочешь знать, изъ-за чего Богъ такъ печется о немъ, то слушай и узнаешь. Божественное попеченіе о людяхъ бываетъ двоякимъ: во-первыхъ, вообще, печется Господь о каждомъ человѣкѣ, чтобы онъ не погибъ, во-вторыхъ, сугубо промышляетъ о томъ человѣкѣ, коего родители благоугодили Ему благоутробіемъ своимъ, состраданіемъ къ бѣднымъ и милостынями. Такъ, напримѣръ, за страннолюбіе родителей Всецарица Богородица, когда слѣдовала съ Богомладенцемъ Христомъ въ Египетъ, явила особую милость къ ихъ дитяти, которое Она утѣшила на рукахъ Своихъ и накормила дѣвственнымъ молокомъ Своимъ. Благодать сего млека не утратила силы до самой смерти разбойника и явилась въ исповѣданіи истиннымъ Богомъ Ея Сына [1]).

Но какого примѣра тебѣ еще нужно? Возьми примѣръ съ Лавры. Если бы она не пожалѣла тебя и не оставила бы тебя жить въ пре-

---

[1]) Выше, (въ первой части, глава X-я), о семъ сдѣлано изъяснительное примѣчаніе.

дѣлахъ своихъ, дозволивъ поселиться въ границахъ своихъ, на землѣ своей,—получила-ли бы она, думаешь, мощи Преподобнаго? Но, такъ какъ они поступили благоутробно, то за это они и удостоились получить Святыя мощи Преподобнаго.

Также точно и келлія Безбрадыхъ: не оказывай они тебѣ пріюта и не помогай тебѣ нѣсколько въ твоихъ нуждахъ,—не получить бы имъ такой большой части пресвѣтлыхъ и Святыхъ мощей Преподобнаго. Ну, а гдѣ же видишь ты даръ Кавсокаливскому скиту? Почему они не пріобрѣли благодати Святыхъ мощей?—за несострадательность ихъ къ тебѣ и за невѣріе къ Святому. Однако сей сострадательный Преподобный все-таки пожалѣлъ ихъ и воспомянулъ о нихъ; поминая ихъ малую память о немъ, помянулъ и ихъ малой частью мощей своихъ, (т. е. удѣлилъ и имъ часть малую).

Поэтому самому, если родители Герасима столь пекуться, чтобы не попустить погибать бѣднякамъ, которые суть чада Божіи, помогая имъ и словомъ и дѣломъ, (т. е. милостынею, и заступничествомъ передъ турецкими властями, словомъ утѣшенія и назиданія), то возможно-ли Богу оставить погибнуть дорогому ихъ чаду, тѣмъ болѣе, что оно посвящено ими Богу?—И Богъ, поэтому, старается исправить его отъ высокоумія, любоначалія и самомнѣнія, но Герасимъ никакъ не хочетъ разстаться съ своимъ высокоуміемъ, и чѣмъ только онъ не прельщается?—идетъ и прельщается собою (псилафизуется), сидитъ—прельщается (псилафизуется), говоритъ — прельщается, псилафизуется; — не имѣй онъ такой привычки, имѣлъ-бы онъ часть, (т. е. сподобился-бы благодати Святыхъ, или причастія Святаго Духа); это и для родителей послужило-бы большимъ радованіемъ, но лукавство его препятствуетъ исполниться на немъ намѣреніямъ Божіимъ, (т. е. готовности Божіей даровать ему сію благодать). Если-же онъ оставитъ свое лукавство и склонность къ высокоумію,—избавится и отъ своей страсти; великою радостію возрадуются о немъ его родители, въ противномъ-же случаѣ надлежитъ понести его родителямъ весьма большую печаль о немъ.

Что-же это за высокомѣріе въ немъ, которымъ онъ несчастный прельщается, самъ того ни мало не сознавая, (псилафизуется)?

Прелесть эта (псилафизмъ) есть сіе: когда онъ идетъ, то помыслъ въ немъ говоритъ: «я хожу съ такой скромностію, нѣтъ здѣсь въ скиту другаго подобнаго мнѣ, я служу хорошимъ примѣромъ всему братству».— Когда сидитъ и съ кѣмъ бесѣдуетъ, то говоритъ съ тѣмъ-же псилафизмомъ, то есть высокомѣрно; если собесѣдникъ скажетъ, что не угодное его властительскому уму, онъ тотчасъ гнѣвается. Когда сидитъ за трапезой, тоже насыщается своимъ псилафизмомъ, (т. е. пребываетъ во власти той-же страсти высокоумія), ищетъ ропотливымъ, склоннымъ къ осужденію и властительскимъ разумомъ какого-либо повода, (т. е. празднословія и, перебирая недостатки ближнихъ), и найдя благословную при-

чину осудить кого,—гнѣвается какъ никто другой. Когда читаетъ въ церкви, — такимъ-же образомъ прельщается, псилафизуется. Когда кто посѣтитъ его, тотчасъ возносится надъ пришедшимъ, считая долгомъ начальственно поучать его, и симъ прельщается, (псилафизуется).

«Пусть Герасимъ не прельщается мечтой спасаться въ одиночествѣ».

Здѣсь Святой привелъ рядъ примѣровъ, чтобы уяснить сколь предпочтительнѣе спасаться въ общежитіи и сколь много теряютъ тѣ подвижники, которые успѣшно подвизаясь въ послушаніи, ловятся на прелестную діавольскую удочку вожделѣнія пустынной жизни, которая имъ не по силамъ; бросивъ свой посильный подвигъ послушанія, удаляются они въ пустыню и погибаютъ. Въ общежитіи страсти, какъ постороннія подмѣси въ маслѣ горящей лампады... „перегораютъ, души очищаются, просвѣщаясь какъ солнце и свѣтятся въ ликѣ преподобныхъ“.— Выслушавъ эти слова, Ѳеофанъ сказалъ Святому: „Изъ твоихъ словъ я могу заключить, что ты хочешь убѣдить меня покинутъ мое нынѣшнее жительство и вступить въ общежитіе, но ты напрасно стараешься; я этого не сдѣлаю, ибо узналъ, что за добро общежитіе,—только одна слава, что общежитіе. Ты же расхваливаешь такъ общежитіе за то, что мой бывшій игуменъ Савва, землякъ тебѣ, (Мореецъ), оттого-то ты такъ его и восхваляешь“.

Святой: „Да, развѣ ты пригоденъ для общежитія, несчастный? Ты для общежитія, что подошва, для грядки, которая только и можетъ, что топтать свѣжіе побѣги и портить молодыя растенія огородника, за это огородникъ и изгналъ тебя вонъ. Итакъ, будучи изгнанъ огородникомъ,—куда ты больше дѣнешься, какъ только въ пустынное мѣсто, (досл. непотребное мѣсто). Таковъ и ты, непотребная подошва общежительская, которую изгнали оттуда, чтобы не отравляла другихъ, изгнали въ мѣсто никому ненужное, чтобы ты смердилъ себѣ тамъ, гдѣ живешь и смердишь величайшимъ смрадомъ.

Впрочемъ, для тебя послушаніе общежитія замѣняетъ сіе: исполняй все то, что сказалъ тебѣ Святой; безъ совѣта и безъ спроса ничего не предпринимай и никуда безъ совѣта не ходи, ибо какъ сказано: мужъ безсовѣтенъ—самъ себѣ врагъ.

Выслушай, о уединенникъ еще одну притчу, какъ прекрасно блестятъ камешки на морскомъ берегу...

«Невозможно постичь искусство монашеской жизни и обрѣсти миръ душѣ, (т. е. свободу отъ страстей), безъ пособія послушанія»...

...Ушедшій изъ общежитія въ одиночество потомъ возропщетъ и скажетъ: «зачѣмъ не остался я въ общежитіи, ибо я теперь страдаю отъ внутренней мысленной брани». (Гл. 2, часть 3).—На это Ѳеофанъ возразилъ:

«Что-же ты то, расхвализая такъ общежитіе, живешь одиноко и не поступаешь въ него? Навѣрное оттого, что деньги имѣешь, не хо-

чешь лишиться ихъ, и много у тебя всякаго добра».—Святой-же продолжалъ: „Да, предпочитаютъ одиночество общежитію именно ради того, что дорожатъ своими деньгами и своими кастрюлями... то есть слѣдованію своей волѣ и помысламъ...“ Посемъ, завершивъ свою рѣчь о преимуществахъ общежитія, Святой коснулся и главнаго порока въ немъ, многословія и, сравнивъ многословіе съ ехидною, рождающею только подобныхъ ей ядовитыхъ ехиднъ, истолковалъ троякое дѣвство души и отсюда, сравнивъ добродѣтели съ голубемъ, горлицею и соловьемъ, голубь — образъ чистоты и незлобія, горлица — цѣломудрія и молчанія, соловей — любви къ Богу и молитвы, началъ многія свои поученія и слова о разныхъ предметахъ.

Толкованіе Преподобнаго, какъ невѣріе и похоть [1]) рождаютъ грѣхъ и какъ грѣхъ рождаетъ смерть; толкованіе грѣхопаденія прародителей и сказаніе о томъ, какъ Богъ готовъ былъ простить людей, если-бы они покаялись, и какъ люди ожесточились сердцемъ, послѣ чего Святой сказалъ: „Вотъ и ты съ твоимъ совѣтникомъ творите тоже самое: предпочитаете путь погибели. Какъ Богъ далъ Адаму заповѣдь, чтобы онъ спасся чрезъ соблюденіе ея, такъ и преподобный отецъ вашъ Нилъ далъ вамъ спасительную заповѣдь, чтобы она послужила-бы для вашего спасенія, но вы также презрѣли спасительную для васъ заповѣдь Преподобнаго, какъ Адамъ и Ева презрѣли заповѣдь Божію...“

Истолковавъ грѣхопаденіе Адама, Святой уяснилъ, сколь великою благодатію обладали люди, какъ они были свѣтосіянны, и сколь прекрасенъ былъ рай, посемъ изъяснилъ братоубійство Каина (Ч. 2 гл. 2). При семъ Святой открылъ, что Авеля Богъ облекъ перваго благодатію молиться за брата своего.

Посемъ Святой изобразилъ, какъ послѣ Адама грѣхъ перешелъ во все человѣчество, какъ овладѣлъ человѣчествомъ подобно тому, какъ плющъ овладѣваетъ деревомъ. При этомъ онъ раздѣляетъ грѣхи на 33 главныя вѣтви, подраздѣляемыя на три категоріи, причемъ поясняетъ, какъ вѣра, надежда и любовь соединяютъ человѣка съ Богомъ, и какъ наоборотъ: невѣріе, отчаяніе и злоба соединяютъ и уподобляютъ человѣка діаволу. Говоритъ здѣсь также о томъ, что побудило Господа сойти на землю, учредить Церковь и снабдить ее Тѣломъ и Кровію Своей, подобно какъ сокомъ лознымъ - грозды, и, какъ наоборотъ, діаволъ передаетъ грѣшникамъ свою сущность и пятіобразіе грѣха. Какъ ведутъ борьбу изъ-за спасенія и погибели каждаго человѣка добро со зломъ, (подразумѣвается благодать со Ангеломъ Хранителемъ и злой духъ). Сравненіе грѣха съ азбукой, о книгѣ жизни, и о томъ, какъ въ дѣлахъ людскихъ перемѣшиваются добродѣтели съ пороками,

---

[1]) Здѣсь дѣлается краткій обзоръ, пересказъ, (или конспектъ) рѣчей Преп. Нила, выше изложенныхъ подробно.

то есть добрыя и худыя побужденія, вызывающія какой либо поступокъ, соединяясь въ одинъ звукъ, какъ буквы въ слогѣ; будущій ихъ разборъ на страшномъ Судѣ. При этомъ, Святой сказалъ... «Тотъ, который отпадаетъ отъ Церкви, чрезъ несохраненіе трехъ чувствъ соединяется съ адомъ, ибо беззаконники, т. е. нечистые духи, оплетаютъ беззаконнаго человѣка всевозможными оплетеніями... и вполнѣ овладѣваютъ имъ, изсушая всѣ его соки и изнуряя душу его всевозможными грѣхами.

Подобно сему, впалъ въ бѣдственную власть беззаконниковъ и ты съ твоимъ довѣреннымъ (другомъ), вслѣдствіе невѣрія вашего; они оплели васъ и сдѣлали нечувственными».

Услыхавъ эти послѣднія слова, относящіяся до него. Ѳеофанъ засмѣялся, Святой-же Нилъ сказалъ: „Смѣешься несчастный? завтра будешь плакать".—Затѣмъ онъ продолжалъ рѣчь свою: „Итакъ, каковы-же должны быть тѣ несчастія, которымъ подвергаетъ себя беззаконникъ, впавъ во власть мучителей?.. Сіе вѣдомо лишь тому, кто впадаетъ во власть грѣха... сирѣчь бѣсовъ, какъ напримѣръ ты беззаконникъ извѣдалъ сіе, впавъ во власть ихъ".

Затѣмъ Святой говоритъ о томъ какъ палъ Денница, какова зависть его къ людямъ, какъ борятъ злые духи грѣшниковъ грѣхами, а праведниковъ лестію; также сравниваетъ двоякое упоеніе грѣхомъ и Святымъ Духомъ, приводитъ въ примѣръ Св. Іакова Персянина и другихъ Святыхъ и говоритъ, сколь непобѣдима въ людяхъ сила благодати Св. Духа, и какъ призрачна сила отверженныхъ злыхъ духовъ, уловляющихъ людей прельщеніями и запугиваніемъ...

Затѣмъ Святой раскрываетъ, что̀ именно открываетъ діаволу доступъ въ душу человѣка для искушенія его, а, именно, невѣріе сердца, то есть не только выраженное невѣріе догматамъ, но и въ вѣрующемъ—нечувствіе живой вѣры, затѣмъ — нечистота и отчаяніе и сравниваетъ ихъ съ тремя дверьми дома, которыя, когда бываютъ заключены, то неприступна душа для татя и въ ней возсіяваетъ благодать... Затѣмъ приводитъ примѣръ уловленія души діаволомъ чрезъ лесть нѣкоего подвижника.

Далѣе Святой убѣждаетъ грѣшниковъ ни въ коемъ случаѣ не отчаеваться и обращаться съ покаяніемъ къ Всещедрому Искупителю, Который распялся за насъ, а также поясняетъ, почему невозможно покаяніе для злыхъ духовъ.

Затѣмъ излагаетъ, какъ произошелъ потопъ, какъ Богъ давалъ время на покаяніе, и какъ возненавидѣли люди Ноя... Затѣмъ Преподобный указываетъ на степень растлѣнія нынѣшнихъ людей, обличая монашествующихъ въ нерадѣніи къ Богослуженію, затѣмъ взываетъ къ посвятившимъ себя Богу, дабы внимали себѣ, хранили-бы себя отъ пороковъ и соблюдали монашескія добродѣтели, причемъ приводитъ

притчу о парѣ, о самопожертвованіи горлицы за горлицу, о послѣдующемъ самоотреченіи и о скорбной жизни горлицы. (Ч. 3 гл. 5—4).

Въ заключеніе сей притчи Святой взываетъ къ іереямъ, іеромонахамъ и досточтимѣйшимъ монахамъ, дабы старались подражать сей горлицѣ, также хранили-бы себя отъ празднословія, особенно по Св. Причастіи, особенно іереи, которымъ подобаетъ весьма обдумывать и размѣрять слова свои...

Затѣмъ Святой спросилъ: «Θеофанъ! ходилъ-ли ты когда, хотя разъ, въ пещеру?»

Θеофанъ: «Не хожу, ибо Святой запретилъ мнѣ ходить».

Святой: «Хорошо дѣлаешь, что не ходишь, и не ходи, пока не сдѣлаешься монахомъ; когда-же примешь схиму, тогда ходи въ пещеру, и пріими возвѣщеніе Преподобнаго Нила, т. е. возьми на себя обязанность передать возвѣщенныя имъ слова людямъ, а также заботу о возжиганія лампадки въ пещерѣ. Когда-же примешь схиму, да не упустишь, когда-либо надѣть ее на себя»...

Вслѣдъ за симъ Святой выяснилъ значеніе монашества, какъ воинствованія Царю Небесному, сравнивъ разныя степени монашества съ разными степенями боевой готовности войска; привелъ примѣръ доблестнаго и малодушнаго война, и, наконецъ, снова обратился къ Θеофану:

„Ходи въ пещеру и пріими завѣтъ Преподобнаго Нила; потомъ приходи, и уходи и не замедляй, но будь лишь—заходя и выходя,—ибо, видя тебя тамъ, смущаются, хулятъ состраданіе и безмѣрную милость Божію, которую Онъ сотворилъ тебѣ, недостойному созданію Своему, явившему такую неблагодарность въ недостоинствѣ твоемъ благодѣтелю твоему".

Θеофанъ же сказалъ: „Не буду ходить, ибо впадаю въ искушенія".

Святой: „Ходи и не бойся, ибо къ тому времени успокоятся производящіе соблазны, но только, когда ходишь, да не умедляешь, но уходи поскорѣе изъ окрестностей келліи".

ГЛАВА VII.

Продолженіе восемнадцатичасовой бесѣды. Обличеніе Діонисія наставленія Θеофану.

Причина, почему Святой сказалъ Θеофану, чтобы онъ не ходилъ въ его пещеру, пока не станетъ монахомъ, теперь-же сказалъ, дабы ходилъ въ пещеру, но не умедлялъ въ ней, а былъ-бы только входя и выходя,—причина сего заключалась въ слѣдующемъ:

Іеромонахъ Діонисій, игуменъ и старецъ келліи Спанонъ, что близъ

пещеры Святаго, не вѣрилъ въ подлинность чудесъ Святаго, не вѣрилъ, что Святой на самомъ дѣлѣ являлся Феофану и бесѣдовалъ съ нимъ, и посему не соблюлъ завѣта Преподобнаго, переданнаго ему чрезъ Феофана, продать его судно и пчеловодство; Діонисій полагалъ, что все это лишь выдумки Феофана и поступалъ съ Феофаномъ враждебно.

Ввиду этого, и заповѣдалъ Святой Феофану не ходить въ пещеру, пока не сдѣлается монахомъ; посему и Феофанъ отвѣчалъ Святому: „не стану ходить ибо впадаю въ искушеніе";—Святой-же сказалъ: „ходи и не бойся, — къ тому времени успокоятся производящіе". — Эти слова были предсказаніемъ Святаго и означали, что къ тому времени имѣетъ умереть іер. Діонисій. За невѣріе въ чудеса и явленія Преп. Нила Діонисій былъ ужаленъ ехидною въ голень, согласно пророчеству Святаго, какъ увидимъ ниже; спустя двое сутокъ по ужаленіи умеръ въ Лаврѣ и похороненъ, какъ странникъ на чужбинѣ, по предсказанію Преп. Нила; итакъ, когда Феофанъ пошелъ въ пещеру и сдѣлался монахомъ, то Діонисій былъ уже мертвъ.

Продолжая рѣчь о Діонисіи Святой сказалъ: „не соблюлъ онъ завѣтовъ Преподобнаго Нила, ибо счелъ ихъ, какъ за слова, сочиненныя тобой, сталъ противникомъ Преподобному и не только поспѣшилъ преступить заповѣди Преподобнаго, но воспламенилъ и ядоужалилъ невѣріемъ своимъ всю внутренность, (т. е. обитателей Святой Горы).

Неблагодарное невѣріе Діонисія сдѣлалось господствующимъ во внутренности, (т. е. внутри Святой Горы, картинно называемой Святымъ внутренностію организма, а невѣріе Діонисія, — ядомъ ехидны, отравляющимъ весь организмъ чрезъ язву въ ногѣ). И стали они, (т. е. насельники Св. Горы), нечувственны къ благодѣяніямъ Преподобнаго, ибо онъ отравилъ ихъ ехиднинымъ ядомъ своего [1]) невѣрія.

Когда ехидна ужалитъ лишь въ ногу, ядъ ея—входитъ во все тѣло, до всѣхъ глубинъ, (т. е. до внутреннѣйшихъ органовъ тѣла), все тѣло человѣка ядонапоятся, совершенно умерщвляется и погребается въ землю; потомъ тѣло разлагается, остается только мертвый скелетъ. Тому-же подвергается и сей ядовитымъ жаломъ своимъ, (т. е. такой-же участи подвергаетъ Діонисій, своею хулою и невѣріемъ, монашество на Святой Горѣ, которое, если не приметъ увѣщаній Святаго, должно неминуемо утратить духовную жизнь и стать духовнымъ скелетомъ), отравляетъ чувствительность, да не восчувствуютъ предстоятели слушающихъ, (т. е. старшая братія монашествующихъ на Аеонѣ), чудесъ Преподобнаго. И, на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе хулы Донисія, Святогорцы не вняли угрозамъ Святаго и его призыву къ покаянію и вотъ,

---

[1]) Какъ-бы въ знаменіе сего грѣха, Діонисій умеръ чрезъ ужаленіе въ ногу отъ ядовитой ехидны.

черезъ 3 года послѣ приводимыхъ изреченій Святаго, Святую Гору постигла страшная кара; она совершенно запустѣла, насельники ея большею частію лишились погребенія во Святой Горѣ, ибо принуждены были бѣжать со Св. Горы и умереть на чужбинѣ. Этого бѣдствія не случилось-бы, еслибы проповѣдь Преподобнаго, переданная чрезъ Ѳеофана была принята Святогорцами со смиреніемъ и вѣрою. Такъ какъ, по словамъ Святаго, главнымъ виновникомъ этого былъ Діонисій, то вотъ какую кару объявляетъ ему Святой.

„Такъ какъ сему онъ подвергаетъ Св. Гору и сего дѣятельно достигаетъ ядомъ своего невѣрія, то и себѣ да ожидаетъ такой же кончины, т. е. на чужбинѣ, отъ жала змія, — нечувственный сей! Да ждетъ онъ себѣ ехидну, которая чуждо-изгонитъ его чрезъ укушеніе въ голень. Но не только онъ одинъ подвергнется карѣ, но и другіе, которые находятся въ келліи сего мамонта, т. е. тучнаго и слонообразнаго, какимъ былъ, повидимому, Діонисій, являя подобное невѣріе и презирая монашескій подвигъ. И всякій таковой, находящійся въ келліи сего мамонта, да не чаетъ избавиться отъ ядовитой сей чаши и быть погребеннымъ на своей келліи,—но чашею сею будутъ ядонапоены они и погребены на чужбинѣ!.. [1])

Что подѣлать мнѣ съ ними, несчастными! Жалко мнѣ ихъ, но имъ души своей ничуть не жалко!.. Предаютъ они себя погибели... Богъ жалѣетъ человѣка, но человѣкъ не жалѣетъ души своей... Что можно пособить твоей душѣ, что можетъ сдѣлать тебѣ: Богъ, когда ты добровольно предаешь душу свою аду?... Если человѣкъ самъ желаетъ себѣ муки,—то что будетъ дѣлать ему Богъ? — Онъ и опредѣляетъ ему: „Ступай туда, гдѣ ты самъ себѣ уготовалъ мѣсто". Лучше было-бы не родиться человѣку тому, нежели услышать отъ Бога таковыя слова!..

Да остерегаешься-же—да не входишь внутрь Лавры. Ибо твоя воля превратна, т. е. легко соблазняешься, когда представляется случай ко грѣху, неустойчивъ въ добродѣтели; посему многолюдство является для тебя опаснымъ, око твое лукаво съ лукавымъ помысломъ твоимъ... Имѣй сію свободу праздновать внѣ, т. е. ходить на праздники въ большія обители и проводить тамъ праздникъ,—три раза въ году: въ Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, въ Честное Успеніе Богородицы и праздникъ Архангеловъ. Тамъ, гдѣ будешь проводить праздникъ, глаза свои въ четверо устрой [2]). Т. е. какъ говорится: смотри въ оба. Ибо врагъ не спитъ, но безпрестанно козно-дѣйствуетъ, дабы поглощать несчастныхъ людей, подобныхъ тебѣ... Какъ дѣйствуетъ и рыбакъ... Рыба же, приходящая туда, т. е. въ сѣть или на приманку, погибаетъ.

[1]) При нападеніи на Св. Гору албанцевъ, когда многимъ инокамъ, (конечно и обитателямъ келліи Спанонъ), пришлось умереть не на Аѳонѣ, а за его предѣлами.

[2]) Это наставленіе хорошо годилось бы и для русскихъ иноковъ на ихъ монастырскихъ праздникахъ.

Да хранишь себя отъ того, чтобы имѣть монету въ келліи твоей или носить при себѣ".

ГЛАВА VIII.

Увѣщанія обращенныя къ Тимофею и Герасиму, о томъ сколько отмщаетъ Богъ, если кто коварно вытѣснитъ кого изъ мѣста назначеннаго тому Богомъ для спасенія; притча о нѣкоемъ царѣ братоубійцѣ.

Напрасно ты обезчестилъ довѣреннаго твоего друга, Герасима, заклявъ его не служить. И что имѣетъ онъ, чтобы не смѣлъ служить? Развѣ имѣетъ онъ что въ себѣ такого, что ищетъ отсѣчь себя отъ Богослуженія? Ничего такого въ немъ нѣтъ, а, если и есть нѣчто, то отъ зависто-страстцевъ, какъ говорю я тебѣ. Но только пусть они сего не дѣлаютъ, пусть потерпятъ человѣка того; пусть пока живутъ вмѣстѣ, какъ и раньше. Если желаетъ Герасимъ искоренить корень страсти, то да исповѣдуетъ ее, страсть свою, предъ собратіями своими, ибо самъ допустилъ ее укорениться въ себѣ. Они же, т. е. братія келліи Тимофея, которая намѣревалась выжить Герасима съ келліи,—да не сопричислятся къ части Каина. Герасимъ же, да не вмѣняетъ себѣ того, что пострадалъ, т. е. да не поминаетъ тѣхъ обидъ и скорбей, которыя перенесъ отъ нѣкоторыхъ изъ братій, помня обѣщаніе, которое онъ изрекъ предъ Жертвенникомъ. Пусть помнитъ колѣнопреклоненія и тѣ склоненія рукъ къ землѣ, которыми онъ склонялся, творя обѣтъ свой, не покидать мѣста своего пострига, чтобы ни случилось, иначе болѣзненнѣйшее страданіе постигнетъ внутренности его... И тогда не получитъ онъ себѣ исцѣленія ни отъ человѣка, ни отъ милосердія Божія, кромѣ смерти, смерть же будетъ-ли цѣлебна для болѣзненнаго страданія того [1]),—сіе вѣдаетъ Богъ.

Да изберетъ себѣ изъ тѣхъ двухъ одно. Во-первыхъ, да повергнетъ на землю высокое мнѣніе о самомъ себѣ, да отдастъ свою волю другому человѣку, да ввѣритъ себя въ послушаніе, да искоренитъ изъ сердца своего страсть завистострастную, да переноситъ всякія оскорбленія и отъ всѣхъ любя, а не только отъ тѣхъ, кого любитъ, или то, что любитъ. Если кто любитъ людей, люди же его не любятъ: какой ему отъ этого ущербъ? — дословно написано: какая ему польза, — но по смыслу очевидно слѣдуетъ перевести „ущербъ".—Это и есть первое изъ двухъ. Да творитъ же благое и Богоугодное предъ всѣми людьми и бысть ему Богъ Помощникъ и Покровитель...

Если же нѣтъ, если не сдѣлаетъ сего, но удержитъ волю свою

---

[1]) Разумѣется страданіе не только тѣла, но и души (угрызенія совѣсти).

себѣ, т. е. не подчинитъ себя въ послушаніе, будетъ продолжать возноситься самомнѣніемъ, — то да пожнетъ плодъ своихъ страстей... и да не говоритъ въ себѣ, что Богъ спуститъ;—Богъ не забываетъ ничего, но лишь долготерпитъ, какъ долготерпитъ и ему... Богъ пребываетъ на высокихъ и верви каждаго, т. е. какъ-бы веревки отъ руля ладьи каждаго человѣка, содержитъ въ рукѣ своей и силою Своею правитъ веревками тѣми. Того же, кто самъ отчуждается отъ Бога и веревки другихъ желаетъ спутать, Богъ имѣетъ въ руцѣ Своей, и за это желаніе по справедливости караетъ того, кто идетъ отрѣзать отъ руки Божіей веревку другаго. Съ тѣмъ случается то, что выпускается изъ рукъ Божіихъ его собственная веревка;—отсѣчь же веревку другого, ему не удастся.

Если же веревка отсѣчется, есть путь и средство снова привязать ее. Кто же это?! Это есть жизнь, т. е. Господь Іисусъ Христосъ: „Азъ есмъ Животъ", и покаяніе со стороны грѣшника. Примѣръ этому, мы видимъ въ Преподобной Маріи, Египетской.

Что такое исторганіе веревки изъ руки Божіей? — Выпущеніе веревки Богомъ изъ руки Своей, т. е. предоставленіе человѣка погибели есть отреченіе отъ Бога, какъ было съ тѣмъ іереемъ, который искалъ, какъ бы отсѣчь веревку другого отъ руки Божіей, но вмѣсто того вырвалась его собственная веревка. Потомъ сказалъ Святой Ѳеофану: „знаешь ли ты его?"

Ѳеофанъ же сказалъ: «не знаю, кто онъ».

Святой отвѣтилъ: Въ скиту былъ одинъ іерей, подчинившій себя двумъ братіямъ, т. е. неосвященнымъ монахамъ, которые владѣли келліею и, принявъ сего іерея, согласились вписать его третьимъ владѣльцемъ ея въ омологію; за это онъ обѣщалъ имъ великую признательность, и безропотность. Послѣ сего дѣлалъ онъ метаніе Святой Аннѣ. Когда происходилъ обрядъ принятія его въ число братіи скита Святой Анны, обѣщалъ быть прахомъ подножія ногъ сихъ двухъ братьевъ, пока не похоронитъ ихъ.—Однако несчастный позабылъ свое обѣщаніе, началъ сѣять въ себѣ злое сѣмя, которое произвело злой плодъ въ его сердцѣ слѣдующимъ образомъ. Возомнилъ онъ о себѣ, что, какъ іерей, онъ не можетъ подчиняться двумъ братіямъ, (простымъ монахамъ), а долженъ быть правителемъ жилища. Съ этимъ самомнѣніемъ вошла въ него страсть заботы о томъ, чтобы изгнать другое лицо, а самому остаться въ домѣ вторымъ. Никому не открывалъ іерей этой страсти, и мало-по-малу укоренились въ немъ двѣ страсти, то есть—зависть и злопамятство. По великой своей зависти, онъ началъ жаловаться, что терпитъ несправедливости, объявляя, что его выживаютъ, цѣль же его была отрѣзать веревку другого изъ рукъ Божіихъ, т. е. выжить второго владѣльца. Мало того, онъ еще и литургисалъ съ такою сокро-

венною страстью. литургисалъ, пребывая во враждебной страсти къ своему брату!..

Однажды пошелъ онъ литургисать съ такимъ чувствомъ; кончилъ литургію и вышелъ изъ храма. Но Богъ не могъ долѣе держать такую веревку въ рукѣ Своей,—и она выпустилась изъ руки Его!.. Мановеніемъ Господа Бога іерей сокрушился слѣдующимъ образомъ.—Перестала идти вода по водопроводу къ нему въ келлію. Пошелъ, несчастный. исправить водопроводъ, но тутъ выпустилось беззаконіе его, т. е. пришелъ часъ воздаянія беззаконію его, онъ низвергся со скалы убился на смерть.

Ѳеофанъ сказалъ: „Не говоришь-ли ты про о. Косьму, который свергся?"—Святой же сказалъ: „Да. Видишь-ли какой смерти онъ былъ преданъ! Хотя чашу эту, т. е смерть и всѣ мы вкусимъ, но несчастны тѣ люди, которые порабощены, т. е., такъ порабощены грѣхамъ, что умираютъ во грѣхѣ, безъ покаянія!..

Когда же Богъ принимаетъ въ руки Свои веревку отъ (руля ладьи) человѣка?—т. е. особо промыслительно начинаетъ править судьбою человѣка?—Со времени крещенія Господь беретъ крещаемаго въ руки Свои.

Пусть Тимофей сходитъ на мельницу и пусть вытащитъ изъ мельницы мѣшокъ пшеницы.—Если мельникъ воспротивится, чтобы было оказано такое презрѣніе къ мельницѣ. т. е. такое правонарушеніе, то тѣмъ болѣе Богъ не допуститъ нарушить права человѣка, говоримъ—изгнаніе брата изъ обители Его, но того, который находится въ непокорствѣ, и безчиніи, и никакимъ образомъ не можетъ исправиться, такой человѣкъ да изгонится и да искоренятся, да не присоединятся къ его злу прочіе братія!..

Но онъ, т. е. Тимофей, да остережется, какъ бы ему не сопричислиться съ нѣкіимъ царемъ, который былъ умерщвленъ людьми; Тимофей же будетъ наказанъ Богомъ Спасителемъ.

Сей царь имѣлъ одного брата, котораго рукоположилъ въ діаконы, цѣль же поставленія въ священную жизнь была, да не случится, чтобы онъ воцарился, и не захватилъ бы его царства. Однако, рукоположивъ его въ священный санъ, царь не успокоился. Страсть зависти гнѣздилась въ сердцѣ царя; мало-по-малу дала она ростки и плодъ. Царь столь помрачился, что повелѣлъ умертвить брата.

Когда умертвилъ царь брата своего, Богъ повелѣлъ душѣ убитаго. чтобы она, какъ тѣнь являлась каждую полночь въ священномъ облаченіи, держа чашу съ кровію въ рукахъ и говорилъ-бы: „брате, пей кровь мою!"—подносила-бы чашу къ устамъ его, и всегда говорила-бы: „брате, пей, да насытишься царствомъ твоимъ!"

Душа дѣлала такъ, какъ повелѣлъ ей Богъ; съ великимъ шумомъ она приходила каждую ночь и со гласомъ: „брате, пей кровь мою,

да насытишься царствомъ твоимъ“,—прикасалась чашею къ устамъ его и говорила: „пей, брате, не бойся, что оскудѣетъ—полна есть!“— Душа продолжала безпрестанно являться, такъ что царь совершенно не имѣлъ ни сна, ни покоя... Перемѣнилъ онъ свою комнату на другую, не успокоится-ли тамъ;—но и тамъ увидалъ тоже самое: „брате, пей...“ Перемѣнилъ онъ опять дворецъ, не виновата-ли въ семъ мѣстность дворца;—но тоже самое: „брате, пей...“, не могъ найти и тамъ покоя. Наконецъ, оставилъ онъ царскіе дворцы въ запустѣніи, удалившись въ дальнюю страну, говоря себѣ, что это отъ воздуха и мѣстности такъ дѣйствуютъ сны и не соображая, что это есть кровь брата его!..—Но и тамъ, въ дальней странѣ, братъ предуспѣлъ раньше его. Когда царь послѣ утомительнаго пути прилегъ мало почить, то послышалось опять: «брате, пей, ибо изъ-за этой чаши ты великій подъялъ трудъ!..» царь пробудился смущенный и встревоженный.

О, царю!—отчего такъ разстраиваешь себя, смущаешься, и не загладишь содѣяннаго беззаконія? Зачѣмъ бѣжишь ты съ мѣста на мѣсто, а не соберешь духовниковъ, которые подвластны тебѣ, и не воскликнешь передъ ними: «согрѣшилъ я, отцы, на небо и передъ вами всѣми», почему не откроешь предъ ними страданія твоего и не скажешь, какъ Манассія и Давидъ: «Господи! да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене... Исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя и душа моя смятеся зѣло...»

Потомъ Святой сказалъ: „Видѣлъ-ли сего бѣгавшаго, чтобы избѣжать чаши? — Такъ и Тимофей, если выживетъ Герасима со своей келліи,—не только испіетъ, но и ядонапоится, какъ царь тотъ“.

Затѣмъ Святой обратился снова къ ученію о духовныхъ явленіяхъ, и о томъ, что человѣку свойственно быть искушаему, что Господь попустилъ діаволу соблазнять и Его Самого—Несоблазняемаго; о силѣ покаянія и, кто есть блаженный и треблаженный.

Затѣмъ Святой открылъ, кто былъ разбойникъ помилованный на крестѣ и кто былъ разбойникъ похулившій Господа.

ГЛАВА IX.

Обличеніе Святымъ нечувствія и забвенія своихъ грѣховъ Ѳеофаномъ и объясненія его, почему Св. Нилъ явился ему, а не другому.

Окончивъ рѣчь о двухъ разбойникахъ, Святой сказалъ, (какъ бы собираясь уходить): „Довольно, время прошло, пойдемъ“.

Ѳеофанъ, выслушавъ то, что говорилъ Святой, пришелъ въ умиленіе, (раскаялся, что вмѣшался въ распрю Герасима, осудилъ, и оскорбилъ

его), и сказалъ: „Чего мнѣ отъ нихъ надо? Что имѣютъ,—да имѣютъ, а мнѣ теперь страдать изъ-за ихъ соблазновъ!" Святой же сказалъ: „Не знаешь развѣ, что, кто вмѣшивается въ таковыя и изслѣдуетъ ихъ, тотъ самъ стремглавъ ввергается въ искушеніе, становясь посмѣшищемъ для другихъ". „Θеофанъ же сказалъ: „Это я знаю. Но только, что же подѣлаешь, хотѣлъ я примирить его духъ, сказалъ ему одно—два слова. Почемъ я зналъ, что онъ такъ сильно смутится, и какая ему была нужда говорить тебѣ!", (т. е. Θеофанъ, не узнавъ Святаго, подозрѣвалъ, что Герасимъ пожаловался на него сему духовнику, и что поэтому именно духовникъ и пришелъ къ нему). Святой же сказалъ: „Ты ли нашелся миротворецъ для людей? Малыми развѣ наставленіями наставлялъ его отецъ Савва изъ Руссика? Мало ли словъ сказалъ и я ему нѣкогда? Строжайше приказывалъ ему (Савва) возвратиться назадъ, (т. е. когда онъ было ушелъ къ Θеодориту), „ибо другой, (т. е. Θеодоритъ) не можетъ управить тебя съ помощью твоею; они знаютъ твою немощь, (т. е. братія келліи Тимофея), и ты ихъ знаешь мирствуйте такъ, какъ научилъ и заповѣдалъ вамъ вашъ покойный старецъ Савва—Тимофей). Я вѣрю, что братія любитъ тебя и управятъ тобою по немощи твоей". И другими наставленіями наставлялъ онъ другого (т. е. Θеодорита), но тотъ оправдывался разными оправданіями. Сказалъ ему Савва: „оставь эти оправданія, ибо это искушеніе" и онъ склонился было на желаніе его, (т. е. на совѣтъ Саввы), направился идти къ своему метанію, удалился изъ Руссика; дорогою напалъ на него непостоянный помыселъ, какъ лисица (сдѣлавшая кругъ и вернувшаяся опять къ своей норкѣ), обратилъ его снова къ прежнему и къ тѣснѣйшему, чтобы утѣснить его тамъ, не дать ему слушать людей и духовныхъ ихъ совѣтовъ, и сталъ онъ мерзостію человѣческою...

Но возвратившемуся въ нашъ скитъ, (т. е. Герасиму), отчего не мирствовать? Затѣмъ Святой привелъ въ примѣръ Іуду и предательство вплоть до самоубійства его, чтобы показать, сколь долготерпѣливъ Господь, какъ готовъ Онъ миловать и принимать покаяніе даже отъ окаяннѣйшихъ грѣшниковъ. Послѣ рѣчи объ Іудѣ Святой, обращаясь къ Θеофану сказалъ:

„Спрошу я тебя, съ какимъ намѣреніемъ пришелъ ты сюда во Святую Гору? Ради спасенія твоего, или чтобы погибнутъ? Если для спасенія, то отчего, такъ погубили тебя, (т. е. во столькіе грѣхи ты впалъ) съ невѣріемъ твоимъ? Отчего вихрь непостоянства сокрушаетъ тебя на всякій день? Оттого, что вора ты дѣлаешь себѣ—другомъ, а друга своего творишь себѣ воромъ и гонишь его.... (т. е. лукавыя совѣтыванія мысленныхъ татей пріемлешь, совѣтовъ же и заповѣдей Божіихъ и Святаго не соблюдаешь и тяготишься ими)... Ты подобенъ Θеопемту, который, прельщаясь мудрованіями мерзкими, нисколько не гналъ ихъ отъ себя, (см. житіе Пахомія В. о Θеопемтѣ, прельщавшемся всякими при-

логами грѣха и скрывавшемъ помыслы свои отъ Св. Пахомія).—Они же, (т. е. помыслы скверные), приходя, не бывали изгоняемы; приближаясь были принимаемы... (Этотъ оборотъ рѣчи Святой употребляетъ, чтобы указать на то, что прилоги грѣховные приступаютъ ко всѣмъ, но ведущіе духовную брань ихъ тотчасъ отгоняютъ, а, кто не отгоняетъ, тотъ бываетъ ими побѣжденъ").

Услыхавъ эти слова, Ѳеофанъ засмѣялся, Святой же сказалъ:

„Не смѣйся, несчастный, но воздыхай, воздыхай, воздыхай о бѣдѣ, которая грядетъ на тебя!"—Тотчасъ загорѣлось лицо у Ѳеофана, какъ будто онъ получилъ пощечину. И опять сказалъ Святой:

Воздыхай, несчастный, великіе смѣхи твои воскипятъ великими горечами!

Воздыхай, несчастный человѣче, сдѣлавшійся мерзостью запустѣнія!..

Воздыхай, несчастный человѣче, о бѣдѣ, въ которую ты предался отреченіемъ, (т. е. принятіемъ нѣкогда магометанства)!

Воздыхай, несчастный, о томъ, что рукописаніе твое, которое ты написалъ, есть хула на Божественную силу, и оно передано въ руки проныръ Денницы!..

Воздыхай, несчастный, обременившій руки убійствомъ!..

Воздыхай, несчастный, въ общежитии въ мерзости вовлекавшій!..

Воздыхай, несчастный, простиравшійся къ подлостямъ въ общежитіи!.

Воздыхай, несчастный, утратившій цѣломудріе и о погибели дѣвства!.

Воздыхай, несчастный, находившійся, какъ свинья во блатѣ нечистоты!

Воздыхай, несчастный, отлученный отъ Таинственной Жертвы!.

Воздыхай о нововозобновляющейся немощи твоей, (т. е. о новомъ видѣ бѣснованія, которое, какъ видно будетъ и постигло его за нарушенную точность заповѣди преподобнаго отца нашего Нила).

Воздыхай, несчастный, о препятствіяхъ, которыми запинаешься въ спасеніи твоемъ.

Воздыхай, несчастный, о превосходныхъ степеняхъ монашеской жизни, не изслѣдующій ихъ, (т. е. скорби, что не стремишься къ совершенству монашеской жизни).

Воздыхай, несчастный, раскидавшій мощи!.

Воздыхай, несчастный, поправшій заповѣди!

Воздыхай, несчастный, вѣтвями потрясающійся.. (т. е. колеблемый помыслами).

Воздыхай, несчастный, воскипающій въ сердцѣ твоемъ страшными болѣзнями!.

Воздыхай, несчастный, законъ отвергающій!.

Воздыхай, несчастный, въ Домѣ Божіемъ разслабляющійся, долготерпѣніемъ Божіимъ долготерпимый, но не оправдывающій его, на покаяніе ожидаемый, но въ худшая предающійся..»

Услыхавъ все это Ѳеофанъ сказалъ Святому: „Откуда знаешь ты все это?“

Святой же сказалъ: „Жаждущимъ былъ я и жажду имѣлъ, чтобы найти тебя въ твоей каливѣ и сказать тебѣ еще больше того, однако, найдя тебя здѣсь, скажу малое.

Спрашиваю я тебя, отчего Св. Іоаннъ Евангелистъ былъ призванъ къ одной жестокой, испорченной, злобной и неукротимой женщинѣ? Потому что не было больше опутанной (сѣтями діавола) женщины, какъ та Романа. Такъ и Христосъ распуталъ отъ сѣтей демонскихъ блудницу (Самарянку) своими премудрыми словами.

Спрашиваю я тебя: отчего не иному какому монаху явился преподобный отецъ Нилъ (а тебѣ)?—потому что не бывало болѣе такого грѣховнаго и злообразнаго человѣка, какъ ты и потому, что ты находишься въ сѣтяхъ демона. Употреблялъ и употребляетъ усилія Святой, чтобы распутать эти сѣти, какъ распуталъ ихъ апостолъ Іоаннъ, съ великимъ терпѣніемъ и кротостью; сердце Романы умилилось и очистилось, твой же духъ отвращался отъ Бого-любно-словія преподобнаго отца Нила“.

Святой послѣ сихъ словъ началъ слово о томъ, каковъ былъ подвигъ пророка Елисея, который чуть было не погибъ, нѣсколько возомнивъ о себѣ, когда получилъ сугубую благодать съ милотію Иліи какъ онъ спасся тѣмъ, что въ простотѣ сердца своего смирился предъ Богомъ, призвавъ молитвенно помощь пророка Иліи. Послѣ этого Святой привелъ въ примѣръ второй случай Павла Препростаго, который тоже чуть было не погибъ, нѣсколько возомнивъ о себѣ и тоже спасся тѣмъ, что молитвенно призвалъ помощь наставника своего Антонія. Затѣмъ Святой привелъ слово Антонія о двоякой гибели монаху, отъ нерадѣнія и самомнѣнія. Затѣмъ сказалъ о страшномъ судѣ—„въ домѣ Давидовомъ“—Ѳеофанъ при послѣднихъ словахъ улыбнулся, Святой опять сталъ обличать его нечувствіе...

ГЛАВА X.

Святой назначаетъ Ѳеофану эпитимію за нарушеніе имъ своихъ обѣщаній.

Затѣмъ Святой началъ говорить объ отечествѣ небесномъ и о томъ, какъ труденъ, далекъ и опасенъ путь къ нему; Ѳеофанъ же, слушая эти слова, лукаво размышлялъ въ душѣ своей, намѣреваясь вопросить Святаго, что ты за человѣкъ, что таковыя слова говоришь? Но Святой предупредилъ и предварилъ Ѳеофана вопросомъ: „Что

варишь себѣ и что ѣшь? Имѣешь ли какія бобовыя брашна, чтобы кушать?“ Өеофанъ же сказалъ: „Не имѣю“ Святой: „Раздобудь себѣ нѣсколько чечевицы, чтобы кушать“. Өеофанъ: „Не имѣю дозволенія ѣсть бобовыя“. Святой сказалъ: „ѣшь чечевицу и не бойся, что огорчишь, (досл. обременишь), Святаго, если же боишься то взвѣсь, (т. е. сравни), печеную смокву съ чечевицею и подумай, что болѣе тяжко для Бога?“ Святой дозволилъ раньше Өеофану ѣсть смокву, а чечевицу не дозволилъ, но Өеофанъ изобрѣлъ способъ особенно вкусно изготовлять себѣ смокву. „Несчастный человѣче! верблюдовъ поглощаешь, а комаровъ сохраняешь?“ Затѣмъ Святой началъ говорить о томъ, что такое монашеское самоотреченіе, дающее свободный доступъ въ домъ Давидовъ, сколь дорога для Бога въ человѣкѣ простота и, между прочимъ, опять намекнулъ на Герасима, сказавъ: „Какъ излукавился твой довѣренный другъ, который довѣряется тебѣ? Онъ рискуетъ разорить самого себя съ лукавствомъ своимъ“. И сравнилъ Святой лукавство Іуды съ простотою Іоанна Богослова. Өеофанъ же, выслушавъ, сказалъ:

„Какъ видно, я погибшій? Да и ты говоришь, что я пропащій? Слѣдовательно, если я пропащій, къ чему мнѣ и торчать въ скалахъ (чтобы спасаться), и осквернять, какъ ты говоришь, собою окрестности“. Святой же сказалъ: „Не говорю тебѣ, что ты погибшій, но говорю тебѣ, что ты безотвѣтенъ, оправдаться въ дѣлахъ твоихъ. Только сотвори, какъ тебѣ повелѣлъ преподобный отецъ Нилъ, пріими (слово его), но да примешь не на словахъ, (обѣщаясь), а дѣломъ дѣлая двояко. Да будешь ты въ покаяніи, какъ Петръ, и принятъ будешь.

За 40 лѣтъ дѣяній, содѣянныхъ тобою, слѣдуетъ остаться тебѣ въ мѣстѣ, откуда не видно небесныхъ измѣненій, 40 дней, на квашеномъ хлѣбѣ, безъ соли и мало піяводы“.

Слушая это, Өеофанъ положилъ въ умѣ вопросъ: куда же я пойду, чтобы не видѣть небесныхъ измѣненій, т. е. ни дня, ни ночи; и началъ даже говорить объ этомъ, но въ это самое мгновеніе оторвался кусокъ утеса сверху надъ дорогой, низвергаясь съ большимъ грохотомъ, пронесся между Святымъ и Өеофаномъ, и покатился подъ дорогу. Святой же сказалъ ему: „Сіе есть во исполненіе желанія твоего, (т. е. въ отвѣтъ на вопросъ твой, гдѣ найти мѣсто не видящее свѣта солнечнаго). Пойди, посмотри, гдѣ остановился камень; тамъ одна вѣтвь маслины; подними вѣтвь, взойди внутрь пещеры, разсмотри и узришь искомое мѣсто [1]). Посемъ же да примешь, какъ тебѣ было наказано; (въ предыдущемъ явленіи Өеофану было повелѣно Святымъ въ Вербную не-

---

[1]) На слѣдующій день Өеофанъ пошелъ, увидѣлъ камень, а подъ нимъ вѣтвь дикой маслины, какъ сказалъ ему Святой; приподнявъ вѣтвь, Өеофанъ замѣтилъ одну подземную пещеру, вошелъ въ нее и увидалъ, что она, какъ печь, имѣетъ стѣны кругомъ; сверху стекала вода Въ этой-то пещерѣ и повелѣлъ ему Святой сидѣть 40 дней, вкушая неквашенный хлѣбъ и не видя измѣненій неба.

дѣлю, 1-го апрѣля принять схиму). Однако, по вступленіи въ отеческія объятія, т. е. по принятіи схимы, до 401 дня и 3-хъ недѣль пребудешь, (досл. установишь), въ мирномъ состояніи; послѣ же праздника Святыя Троицы, въ среду, ночью во время сна. въ четвертомъ часу съ половиной схватитъ тебя возобновленіе страданія твоего, страшно и жалостно будешь ты преслѣдуемъ имъ до 401 дня безпрерывно, согласно Апостолу: „Предадимъ его сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господень“ (1 Кор. 4, 5). Это за то, что ты сдѣлался проступникомъ обѣта, даннаго тобою предъ преподобнымъ отцомъ нашимъ Ниломъ. Держи это знаменіе: если по 401 днѣ носъ твой будетъ исполненъ кровью; воздай Богу славу и прославь Его, что принялъ Онъ ходатайственную нашу просьбу. Выслушай и сіе: да не погребется по смерти твоей тѣло твое въ усыпальницѣ, чтобы не осквернилась могила отцевъ, говоримъ, отеческая усыпальница“.

Θеофанъ же сказалъ Святому: „Что ты говоришь такое? Святой сказалъ мнѣ, что никогда больше бѣсъ не будетъ тебя мучить, (досл. искушать)“.

Святой же отвѣчалъ: „Сіе возобновленіе бѣснованія не есть подобно прежнему, но это чуждо—посѣтительное битье (т. е. бѣснованье)—за преступленіе заповѣдей. Старое было прерывающимся днемъ и ночью, это же безпрерывно тебя будетъ преслѣдовать, поражая страшно, неистово и ужасно. Старое вѣсило—жизнь, (т. е. вѣсъ прежняго страданія не превышалъ силъ человѣческихъ), было терпимо, и ты жилъ съ нимъ; сіе же вѣситъ смертоносное смерти, т. е. съ этимъ страданіемъ жить долго невозможно, если Господь не исцѣлитъ. Только не кружись съ мѣста на мѣсто, т. е., когда постигнетъ тебя бѣснованіе, не уходи съ того мѣста, гдѣ оно тебя постигло, такъ какъ тотъ злобный будетъ стараться погубить тебя. Держи только въ памяти это знаменіе: когда заискрятся твои очи, (по смыслу загноятся). то тамъ и оставайся, дондеже будетъ воля Божія...“

Такъ и произошло: послѣ Троицына дня глаза у Θеофана начали наливаться кровью, слезить и гноиться. Предупрежденный Святымъ, онъ остался на томъ мѣстѣ, гдѣ это съ нимъ случилось. На четвергъ же поразило его страшное, мучительнѣйшее бѣснованіе. 28 мая явился ему опять во снѣ Святой, нѣсколько облегчившій его страданіе, но не исцѣлившій. Черезъ сорокъ же дней было Θеофану страшное видѣніе всѣхъ грѣховныхъ дѣлъ своихъ. Когда онъ очнулся, пошла у него кровь носомъ и онъ исцѣлѣлъ.

ГЛАВА XI.

Заповѣдь Θеофану о рукодѣліи, дабы не предавался ему всецѣло.

„Радѣй о рукодѣльѣ твоемъ, чтобы угодно оно было для покупателей, т. е. чтобы было сдѣлано хорошо и прочно, какимъ и подобаетъ быть рукодѣлью отцевъ. Продавай же его за двѣ пары 1 коп. дешевле обычной цѣны, чтобы избавиться отъ заботы по продажѣ его и отъ пристрастія къ сокровиществованію злата и сребра. Да будетъ у тебя забота лишь о стяжаніи милости Божіей и спасеніи души твоей, ибо злато и сребро какъ дымъ разсѣевается, ты же останешься тощъ въ часъ смерти твоей. Имѣя такого управителя, промышляющаго о всемъ тѣлесномъ для тебя, къ чему такъ всуе волнуешься и такъ тщетно трудишься? Въ желательномъ не преуспѣваешь, т. е. въ духовномъ дѣлѣ, ради котораго пришелъ спасаться; весь ты находишься въ вихрѣ суетныхъ попеченій. Если же будешь отдавать рукодѣлье такъ, какъ я сказалъ, то ничуть не будешь волноваться, ибо его будутъ брать у тебя раньше, чѣмъ начнешь ты волноваться изъ-за него. Нынѣ же когда отдашь и когда возьмутъ—заботишься; когда снесешь его,—волнуешься; и опять волнуешься: когда тебѣ уплатятъ. Впадаешь въ такую заботу, какой не имѣетъ и Великая Церковь, т. е. Вселенская Патріархія о вселенскомъ управленіи... Если-бы такая же забота была у тебя о душѣ твоей, то сподобился бы ты части преподобнаго отца нашего Петра Аѳонскаго. Но ты не имѣешь таковой заботы о душѣ твоей. Ты презираешь съ вѣтро-волненіемъ о плоти твоей, т. е. презираешь во-первыхъ—обѣщаніе преподобнаго обезпечивать тебя всѣмъ потребнымъ для жизни, а во-вторыхъ—обѣщаніе Владычицы Богородицы обезпечивать жизнь каждаго, спасающагося въ удѣлѣ Ея.

Кто можетъ что-либо подѣлать съ тобой, когда суетными дѣлами исполняешь ты руки свои и не можешь разсуетиться? Рукодѣльничай только одно рукодѣлье, т. е. одинъ какой-нибудь видъ рукодѣлья; но не рукодѣльничай разныхъ суетъ. Болѣе трехъ шапокъ не мастери въ недѣлю; не волнуйся о томъ, когда онѣ снесутся и когда продадутся... Никто изъ отцовъ не бывалъ въ убыткѣ отъ того, что отдавалъ рукодѣлье за столько, сколько ему дадутъ за него, чего же тебѣ бояться? Многая забота о рукодѣльѣ становится препятствіемъ для духовной жизни и есть подстрекательство вражескаго искушенія, чтобы монахъ осуетился какъ можно больше и отступилъ бы отъ монашества.

Берегись торговать; да не посредничаешь, говоримъ: да не торгуешь чужимъ рукодѣльемъ, ибо такое занятіе не можетъ сдѣлать тебя мирнымъ. Дѣйствуя такъ какъ теперь дѣйствуешь,—неблагодаренъ ты

несчастный тому, который благодѣтельствуетъ тебѣ во всемъ, согласно данному имъ тебѣ обѣщанію; ты же, несмотря на это, погрузился въ одну лишь заботу о тѣлѣ твоемъ, какъ будто преподобный отецъ нашъ Нилъ и не говорилъ тебѣ ничего. Изнуряешь себя заботами твоими,— и ничего не выходитъ. Ничего не дѣлаешь путнаго, но на воздухѣ плаваетъ состояніе твое. Ты, какъ будто имѣя миску съ мукой въ рукѣ твоей, кидаешь ее на воздухъ, подымаешь миску вверхъ руками своими, чтобы опять подхватить муку въ миску, но вѣтры восхищаютъ ее, развѣваютъ и ты остаешься тощъ... Ради этого, говорю я тебѣ, по вѣтру плыветъ все состояніе твое.

Ахъ, если-бы и я имѣлъ такого человѣка, обѣщавшагося промышлять о жилищѣ моемъ, то ни о чемъ иномъ не имѣлъ бы я заботы, заботился бы лишь о душѣ моей, говоримъ: о канонѣ моемъ, о послѣдованіи моемъ, о Литургіи моей и чтеніи моемъ! Но не имѣлъ я такого человѣка и трудно доставались душѣ моей эти четыре ступени лѣстницы; душа моя подвергалась многимъ лишеніямъ въ тѣлесныхъ потребностяхъ, но не оскудѣвала въ духовныхъ! Ты же имѣешь человѣка, который избавилъ тебя отъ всѣхъ твоихъ тѣлесныхъ потребностей, т. е. взялъ на себя всю заботу о нихъ. Зачѣмъ же мятется душа твоя?“

ГЛАВА XII.

О воздержаніи въ пищѣ.

Выслушавъ обличенія Святого, Ѳеофанъ возскорбѣлъ на то, что Святой уподобляетъ его Іудѣ, и сказалъ: „Что я такого сдѣлалъ, что ты меня считаешь какъ Іуду?—Святой же тотчасъ спросилъ его, говоря: „Что ѣшь? Разрѣшаешь-ли себѣ что-нибудь?“—Ѳеофанъ же съ гнѣвомъ отвѣтилъ и сказалъ: „Навозъ ѣмъ! Чего мнѣ ѣсть, и къ чему спрашиваешь? И то вамъ надо знать, что я ѣмъ?“ —И сказалъ тогда Святой: „Чего же раздражаться? Видишь-ли, какъ превратно твое расположеніе и какъ склонно злобиться, говоримъ—такъ легко раздражился ты“.—Ѳеофанъ же сказалъ: „Чего мнѣ ѣсть? — по суббото-воскресеньямъ разрѣшаю масло, маслины и рыбу“.—Святой-же сказалъ: „Ну вотъ, и рыбу разрѣшаешь“.—Ѳеофанъ же сказалъ: „Всякое субботовоскресеніе и въ иные дни, по Владычнымъ праздникамъ—ѣмъ“.—Святой же сказалъ: „Хорошо, достаточно съ тебя; но ты разрѣшаешь не съ благодарностію, но съ ропотомъ и бранію“.—Ѳеофанъ же опять съ гнѣвомъ сказалъ: „Какой ропотъ въ томъ, что я ѣмъ рыбу? Или и это псилафизмомъ ты считаешь?“—Святой же сказалъ: „Не псилафизмъ это, но неблагодарность, ибо не то ѣшь, что придется и гдѣ придется, но заготовляешь себѣ впрокъ; замысловато вращая, печешь на огнѣ,

переворачивая на угольяхъ и поливая прянымъ сокомъ... Не довольно тебѣ того, что добываешь ты себѣ [1]) икру, но ты еще и въ печку ее кладешь, толчешь въ ступкѣ съ разными пряностями, чтобы страсти твои укрѣплялись сильнѣе, утучняешь себя, какъ агарянскаго праздничнаго курбана. (т. е. жертвеннаго барана). Они, т. е. агаряне, стараются раскормить его, чтобы уготовить ко времени жертвы, чтобы его какъ тучнѣйшаго легко купили агарянскіе предстоятели. Ты же не труждаешься, какъ они, чтобы укрѣпить и утучнить молитвою несчастную твою душу, дабы ее легко воспріяли бы предстоятели Божіи,—говоримъ: Архангелы—Михаилъ и Гавріилъ; твое стараніе все лишь о развращенномъ тѣлѣ твоемъ. Вся твоя забота о томъ, какъ утучнять плоть разными яствами, чтобы окрѣпли страсти твои ко времени жертвы,—говоримъ: смерти твоей, когда встрѣтятъ тебя предстоятели денницы".

Затѣмъ Святой началъ рѣчь о томъ, что подвижнику слѣдуетъ собирать мысли свои и привелъ въ примѣръ кипарисъ, имѣющій вѣтви свои направленными горѣ, собранными во едино и за это цѣнимаго людьми, и другой примѣръ, кипариса дикаго и растрепаннаго, котораго тотчасъ же уничтожаютъ, гдѣ онъ окажется...

ГЛАВА XIII.

Откуда произошло непостоянство въ Герасимѣ. Заповѣдь Ѳеофану да не погребенъ будетъ въ общей усыпальницѣ, если умретъ во время имѣющей постигнуть его кары и завѣтъ уходить по освобожденіи отъ нея со Св. Горы.

Послѣ слова о кипарисѣ Святой опять обратилъ рѣчь свою на Герасима:

„Ну и что же сдѣлаетъ онъ тѣмъ, что уйдетъ изъ келліи Тимофея на пустыньку? Какое будетъ его положеніе? Онъ дѣлаетъ то что дѣлаетъ, ты же къ чему пытаешься умирить его? Какая ему нужда, что онъ часъ отъ часу держитъ бѣгство въ барскомъ своемъ помыслѣ? Или есть какое достоинство и честь въ томъ, чтобы каждый день таскаться по дорогамъ, какъ какой потерянный и погибшій человѣкъ? Ради кого же сдѣлаетъ онъ то, что сдѣлаетъ? Который іерей дѣлалъ то, что онъ дѣлаетъ?" (Повидимому, здѣсь Святой намекаетъ на то, что Герасимъ рѣди нечистыхъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ немъ отъ зрѣнія нѣкотораго лица, лишилъ самъ себя литургисанія). „Ни одинъ іерей не дѣлалъ того изъ скита нашего, сей же несчастный сдѣлалъ... Никто отсюда не уходилъ на благо себѣ... Не имѣй онъ барскаго самомнѣнія и высокомудрія, сталъ-ли бы онъ дѣлать то, что дѣлаетъ? Но имѣетъ-ли

[1]) Вѣроятно, икра изъ морскихъ ежей.

что съ того? Ничего не имѣетъ. Одинъ лишь помраченный помыслъ невѣрія. Какъ же рождается сія страсть? (т. е. самомнѣніе и высокоуміе)".

Затѣмъ Святой начинаетъ слово о томъ, что самомнѣніе развивается въ человѣкѣ въ затворѣ и отъ праздности, что безмолвіе души достигается смиреніемъ себя трудами послушанія, причемъ приводитъ въ примѣръ боярина поступившаго къ св. Саввѣ, не желавшаго смиряться и покоряться, но чудеснымъ явленіемъ обличеннаго ради молитвъ Саввы и исправившагося.

Посемъ Святой говоритъ о томъ. сколь потребно хранить цѣломудріе, какъ единственное еще что уцѣлѣло изъ добродѣтелей монашескихъ; пророчествуетъ, какія будутъ времена, когда монашество утратитъ и эту добродѣтель. Затѣмъ обличаетъ старцевъ нерадящихъ о наказаніи и наученіи послушниковъ, приводя страшный примѣръ ласкосердаго старца и послушниковъ его, страшно развратившихся и по смерти грозно обличенныхъ. Затѣмъ Святой снова обращается къ Ѳеофану:

„Поэтому и говорю я тебѣ, если случится тебѣ смерть подъ гнѣвомъ Божіимъ, т. е. до освобожденія отъ тяготѣющихъ грѣховъ, то да не хоронятъ тѣла твоего на кладбищѣ отцевъ, ибо отъ тѣла исходить будетъ смрадное, нечистое зловоніе.

Они постараются убить твое нечистое тѣло, ибо, доколѣ видятъ тебя предъ собою, бѣснуются и хулятъ силу духа благодати, (т. е. чудеса спасенія и попеченія Св. Нила, а также вѣщательныя слова, переданныя преподобнымъ Ниломъ чрезъ Ѳеофана), ищутъ случая содѣять это, (т. е. убійство). Хотятъ сдѣлать благодѣяніе Божіе обманомъ бѣсовской болтовни, т. е., убивъ Ѳеофана, хотятъ всѣ рѣчи Святого, переданныя Ѳеофаномъ, выставить болтовнею бѣсноватаго и прельщеніемъ бѣсовскимъ. Они неблагодарны Богу за благодѣянія Его, т. е. за чудеса, явленныя надъ Ѳеофаномъ и рѣчи преподобнаго Нила и, въ противность милосердію Божію, (т. е. завидуя тому, что милуетъ Богъ Ѳеофана), стараются содѣять кровь жертвъ. Ради сего они будутъ проповѣдывать, что все это творили демоны, т. е., всѣ бывшія чудесныя явленія Святого Ѳеофану и что демоны убили его. Поэтому ты не говори имъ откровенною рѣчью, (т. е. не обличай злыхъ словами преподобнаго); на ихъ мечтательное любопреніе не давай никакого отвѣта, не любопрись съ ними, дабы не подыскали они какой вины въ спорѣ къ попранію тебя, дабы не содѣлалось беззаконіе сіе, дабы они не убили-бы тебя...

Поэтому, если освободишься отъ гнѣва Божія, то сотвори сіе: съ свободою ступай, куда тебѣ нравится и храни ее, (т. е. свободу свою отъ тяжести грѣховъ), храни себя отъ того, что нравится, говоримъ: отъ тлѣнныхъ лицъ, которыя растлѣваютъ душу... (Повидимому, подразумѣвается—взираніе на красивыя лица). Не ѣшь живности, говоримъ:

мяса, не касайся сала, вина, раки [1]). Не касайся при искушеніи тѣла твоего, ибо среди сихъ четырехъ огне-тѣльныхъ раскаляется чувство человѣка, съ этимъ огненнымъ нечувствіемъ онъ соступаетъ съ пути спасенія на путь погибели.

Не пекитесь [2]) о потребномъ въ пути вашемъ, т. е. преподобный обѣщалъ и обѣщается промышлять о всемъ необходимомъ для жизни. И не заботьтесь о семъ; держитесь только пути спасенія вашего, (т. е. Өеофанъ и Герасимъ). Что сказывалъ раньше тебѣ преподобный, и теперь онъ говоритъ тебѣ, держите какъ багоръ, какъ за багоръ удерживайтесь и поражайте какъ острогою имъ.

Подобное сему да творитъ и совѣтникъ твой, говоримъ, воспріемникъ твой“, (т. е. Герасимъ, который имѣетъ воспринять его отъ постриженія въ схиму).

Өеофанъ, услыхавъ о воспріемникѣ, сказалъ: „Кто это, о которомъ ты говоришь, что онъ воспріемникъ твой?“—Святый же сказалъ: „Обѣщавшійся преподобному, давшій обѣтъ предъ жертвенникомъ, и не сохранившій сего, подобно тебѣ, неблагодарному, который обѣщался предъ преподобнымъ, а потомъ, вмѣсто благодарности, воздалъ преподобному неблагодарностію и ничего не соблюлъ изъ того, что заповѣдалъ тебѣ преподобный“...

Далѣе Святой приводитъ въ сравненіе вѣчности благодати и гиблемости зла пшеницу земледѣльца и мельника,—первая живетъ и плодитъ безконечно, вторая же стирается мельникомъ въ муку и погибаетъ въ бытіи своемъ.

„Посему старался и старается преподобный, подобно земледѣльцу, который становитъ пару воловъ въ плугъ, обрабатываетъ поле и сѣетъ пшеницу, поставить и васъ пару [3]) въ плугъ Христу, чтобы воздѣлывать поле мира и муку тишины.

Іакову легче было покинуть домъ отца своего, чѣмъ враждовать съ братомъ своимъ и, какъ Авель, быть убитымъ имъ. Посему и я говорю тебѣ: ступай куда тебѣ нравится вмѣстѣ съ совѣтникомъ твоимъ. Да хранитъ же себя твой совѣтникъ отъ того, что нравится; говоримъ, да возненавидитъ псилафизмы, (т. е. плотское мудрованіе и мечту), да презритъ славу человѣческую, да бѣжитъ похвалы человѣческой, ибо сіи три язвы человѣческія губятъ спасеніе человѣческое. Сотворите же между собой и сіе, несите тяготы другъ друга и тако исполняйте законъ Христовъ.—И потерпите взаимно другъ друга“.

---

[1]) Особый видъ водки, по русски „ракичка“.

[2]) Рѣчь направлена здѣсь уже не къ одному Өеофану, но и къ Герасиму.

[3]) Т. е., Герасима и Өеофана въ плугъ.

ГЛАВА XIV.

Почему Святой избралъ именно Өеофана для передачи словъ его.

Послѣ того какъ Святой пересказалъ Өеофану множество духовныхъ и монашескихъ поученій, также обличеній и воззваній къ покаянію съ возвѣщеніемъ, того какая кара постигнетъ Святогорцевъ если не покаются. Святой снова перевелъ рѣчь на Өеофана и высказалъ отвѣтъ на могущій возникнуть вопросъ, почему именно избралъ онъ для передачи воли своей такого падшаго и всѣми презираемаго человѣка какъ Өеофанъ.

Искалъ я и смотрѣлъ кругомъ, чтобы найти человѣка, кому бы передать такіе глаголы, но никто не озарилъ очей моихъ, только этотъ мертвый, (т. е. на немъ остановился выборъ мой). Вчера въ могилѣ погребенный, въ расположеніи оскверненный, во тьму страстей ввалившійся; о немъ живые не радѣли, мнѣ же озарили его мои очи. Увидавъ его лежащаго во прахѣ при смерти я уразумѣлъ, что внутренне онъ мертвъ, а наружно живъ; я порадѣлъ о немъ, чтобы внутренне воскресить его. Я наставлялъ его, какъ востать съ одра болѣзненнаго, но онъ познать сего не хотѣлъ. Я все же (продолжалъ) руководить имъ, а онъ на боку лежалъ и вставать не хотѣлъ (досл. только на кровать свою смотрѣлъ). Я ему проповѣдывалъ слова мои, но онъ нерадѣлъ о томъ, что я ему говорилъ. Тогда веліимъ гласомъ я промолвилъ: „дерзай и не бойся. Встань и гряди вонъ со смертнаго одра твоего, ходи въ путь спасенія“.—Услыхавъ гласъ мой, онъ восталъ и спросилъ меня: „чего ты отъ меня хочешь“? Я сказалъ ему: „востань съ одра твоего и ходи“. Услыхавъ глаголы мои, онъ восталъ съ одра своего и сталъ ходить. Когда же онъ еще малое время ходилъ на пути спасенія, нѣкоторые, непотребные нравомъ, востали противъ него, стали оскорблять его и не только оскорбляли, но изобидѣли совсѣмъ. Довели они его чуть не до смерти, душевною смертію умертвили его. Кто же они? —Люди недуховные сотворили ему такую смерть душевную, а глаголы мои обезцѣнили и обезцѣниваютъ, (досл. промотали или растратили и проматываютъ), въ болтовню вмѣняя и пренебрежительно о нихъ между собою болтая, не вѣдая они, что такое судъ Божій.

Не вынося оскорбительнаго обезчещенія, забушевалъ сей мертвецъ, не въ силахъ будучи противоборствовать обуревающимъ его помысламъ. Ожесточился онъ и положилъ себѣ на умъ уйти въ царствующій (т. е. Царьградъ), разоблачиться отъ убора своего крещальнаго, смѣнить его на одежду чуждую, (т. е. магометанство принять) ради отомщенія, чтобы при этомъ своихъ враговъ оклеветать и навлечь на нихъ турецкій гнѣвъ.

Богъ же, воззрѣвъ на такую его погибель, послалъ меня къ нему для того, чтобы помѣшать ему, да возбраню ему въ уготовленіи его къ отомщенію.

Не только для того пришелъ я, чтобы ему помѣшать (погибнуть), но да реку и крайнѣйшее монашеской жизни, (т. е. паденія ея и близость погибели). да реку что есть монашеская жизнь и что такое жизнь монаховъ: (т. е. какова она быть должна, и какъ нынѣ живутъ).

Глаголалъ-же я для пробы, (т. е. попытку сдѣлалъ согласно повелѣнію Божьему, не исправятся-ли отъ словъ этихъ и не покаются ли). До салепійнаго зернушка я сказалъ, (т. е. до мелочи разобралъ); имѣю еще сказать немного, а въ другой разъ таковыхъ глаголать не буду.

Глаголалъ я мертвецу сему ради пользы, вы же глаголали ему ради вреда. (Эти слова понять можно двояко: Св. Нилъ вѣщалъ на пользу монашествующихъ, а несмысленные стали словами его соблазняться; другой смыслъ: грозно и немилостиво обличалъ преподобный всѣ пороки въ Ѳеофанѣ ради исправленія его, люди же по ненависти хулили его). Да, грѣшникъ есть мертвецъ. Вы же не только не пожалѣли его, но еще изобидѣли и преставили его оскорбленіями своими на путь безнадежія. Мертвецъ отчаялся. Слыша вопли отчаявшагося мертвеца, постарались мы воскресить его, бывшаго при послѣднемъ издыханіи отъ умерствія адскаго, ибо мы до конца жизни не гнушаемся имъ, что онъ мертвъ есть, (т. е. Святые не гнушаются прежде содѣянными грѣхами, какъ бы тяжки они ни были, если только сердце грѣшника сокрушилось и раскаялось въ нихъ).

Да, мертвецъ онъ, но мы милосердуемъ о немъ, до послѣдняго издыханія терпимъ ему. Если онъ исправляться не будетъ, то лукавая смерть похититъ его; тогда мы возгнушаемся имъ; но до тѣхъ поръ не гнушаемся.

Да, гнусенъ онъ вамъ, но развѣ знаете вы, чѣмъ онъ будетъ при послѣднемъ издыханіи? Многимъ изъ тѣхъ, которыми мы гнушались, поклонились мы потомъ при послѣднемъ издыханіи ихъ.

Спрашиваю я тебя, человѣче, чисто ли твое сердце, ибо ты гнушаешься другими. Не другого осуждаешь, но осуждаешь самого себя.

О умерщвленіи же сего мертвеца вотъ что я говорилъ и говорю: мертвецъ этотъ насильно былъ отправленъ на нѣкое монастырское послушаніе, говоримъ, на метохъ; тамъ, во время служенія своего, осквернился съ сосудомъ женскимъ, (досл. Драхили)—оженился (досл. одрахилился) и растлился съ нею. Вкушая тамъ плотское наслажденіе, порабощенъ былъ любовію къ плотскимъ страстямъ; плѣненный въ эту болотную пропасть валяется онъ въ ней и по нынѣ. Спрашиваемъ мы васъ. Кто изъ васъ искупилъ его изъ этого плѣна? Не только нѣтъ у васъ желанія искупить его, но вы еще убиваете его непрощающимъ нравомъ вашимъ, говорите, что онъ оскверненъ и не подобаетъ съ нимъ

сообщаться. Съ такимъ глаголомъ вы всѣ непрощаете ему. Да, вы не отпускаете ему, но я служу ему опорою на пути спасенія; до смертнаго издыханія его буду его ободрять и порадѣю о немъ, чтобы онъ не погибъ какъ погибалъ доселѣ.

Но почему же въ такомъ случаѣ, скажешь ты долженъ онъ уходить съ Горы сей, если печешься ты о немъ?—Аминь, аминь глаголю вамъ, несмысленные и косные сердцемъ! не мы его принуждаемъ уходить, но дѣйствія зависти вашей, ибо дѣйствія зависти вашей побуждаютъ васъ убить его. Вы всѣ противъ него возмутились и подвиглись на лукавый умыселъ убить его, а глаголы мои сотворить яко бы лукавыя гнустности, (т. е. распустить молву, что слова небеснаго посланника Нила были словами діавола, который и задушилъ въ концѣ концовъ Ѳеофана). Изъ за этого и побуждаемъ мы его уйти вонъ, чтобы не пріобщились вы къ дѣлу сему и не [1]) сотворили бы сего лукаваго дѣянія. Итакъ, мы побуждаемъ его уходить, чтобы вы кровію брата сего вашего не осквернили себя подобно Каину.

ГЛАВА XV.

Заключительныя слова Святаго и его исчезновеніе.

Никого я не оскорбляю, но все, что проглаголалъ, проглаголалъ ради исправленія. Имѣющіи уши да слышатъ. Если же не послушаетесь, останетесь безотвѣтными въ день суда: и не только въ день суда, но и въ часъ обвиненія, (т. е. предварительнаго по-смертнаго суда и прохожденія чрезъ мытарства).

Да, высказалъ я и о попѣ твоемъ, (т. о. Герасимѣ), но ты не говори ему ничего, (т. е. до времени и то, что можетъ быть лестно ему), потому что онъ немощенъ и бѣдствовать будетъ несчастный изъ за глаголовъ моихъ, которыя я высказалъ.

Иди же, ибо часъ минулъ“.

Ѳеофанъ, услыхавъ, что упомянулъ Святой о попѣ Герасимѣ, сказалъ Святому: „Развѣ ты заходилъ къ нему въ домъ“—(т. е. о нашей ссорѣ узналъ).—Сказалъ Святой: „Проходилъ мимо, но внутрь не заходилъ“.—Говоритъ Ѳеофанъ: „Гдѣ же тогда ты нашелъ попа, что разговаривалъ съ нимъ?“ (т. е. все узналъ, что у насъ было).—Говоритъ Святой: „Что спрашиваешь о семъ, гдѣ я его нашелъ? не хочешь-ли (опять) оправдываться въ смущеніи, которымъ ты смутилъ его“.—Сказалъ Ѳеофанъ: „Нѣтъ, только я тебя спрашиваю“.—Говоритъ Святой: „Нѣтъ нужды спрашивать, а лучше пойди, примирись съ нимъ,

---

[1]) Т. е., обвиняя Ѳеофана въ союзѣ съ діаволомъ, вы сами можете дойти какъ разъ до союза съ діаволомъ, до діавольскаго дѣла,—убить Ѳеофана.

такъ какъ ты смутилъ его, не стой нагруженный".—Потомъ сказалъ: „Смотри, будь осмотрителенъ, чтобы не возненавидѣли тебя человѣки, (т. е. не обличай безъ нужды и кого не подобаетъ). — Θеофанъ же сказалъ: „Теперь я пойду въ каливу". Θеофанъ пошелъ въ скитъ и тутъ познала, что нагруженъ дровами, (т. е. почувствовалъ тяжесть ихъ на своихъ плечахъ, раньше же не ощущалъ тяжелой вязанки на плечахъ, пока бесѣдовалъ со Святымъ, не замѣчалъ даже и продолжительности сей бесѣды). Прошелъ онъ нѣкоторое разстояніе ко скиту, оставилъ дрова, и вернулся къ каливѣ, чтобы повидать еще Святаго, все еще думая, что это о. Матθей, но не нашелъ его больше; ждалъ, не придетъ ли кто, но никто не явился. Потомъ вернулся, пошелъ въ скитъ, увидалъ, что солнце уже восходитъ и удивился; ибо, когда онъ началъ разговаривать со Святымъ было 8 час. дня, (т. е. четыре часа до захода солнца по зимнему, какъ здѣсь принято считать; по нашему около часу дня). Потомъ пошелъ онъ къ попу Герасиму и, когда все разсказалъ ему, то они оба узнали въ являвшемся Святаго Нила.

Поясненіе упоминанія о хульномъ рукописаніи Θеофана. „Эхмалотосъ" сей, (прежде называвшійся Θеофанъ), преслѣдуемый главнымъ лицемъ скита, т. е. духовникомъ, не въ силахъ будучи переносить сего, рѣшился идти въ Константинополь, тамъ потурчится и отречься отъ Христа, чтобы злосотворить противникамъ. Діаволъ, боясь, какъ бы Θеофанъ не раскаялся въ семъ умыслѣ, вложилъ ему мысль, написать хулы, чтобы, если Θеофанъ не пойдетъ въ Царь Градъ, то изъ за этихъ многихъ хуленій, сталъ бы онъ чуждъ Христа и преданъ въ руки діавола. Θеофанъ сдѣлалъ такъ, какъ внушилъ діаволъ, многія и разныя хулы написалъ на бумагѣ, привязалъ къ сухой травѣ и подбросилъ на воздухъ. Въ это мгновеніе налетѣлъ бѣсъ во образѣ ворона и схватилъ рукописаніе. Θеофанъ, думая, что это воронъ, тронулся и пошелъ къ себѣ въ скитъ, гдѣ принялся за рукодѣлье, чтобы на вырученныя деньги отправиться въ Царь-Градъ. Святой, намекая на это и говорилъ во время сего собесѣдованія, что пастыри умертвили его душевно, то есть тотъ духовникъ. Относительно же того, что преп. Нилъ совѣтовалъ Θеофану уходить, Святой объяснилъ, что необходимо уходить со Св. Горы, чтобы не убили его и тѣлесно, какъ убили душевно, (т е. тѣ же лица). Велѣлъ Θеофану удалиться съ Горы, говоря, что уготовалъ и жилище ему.

ГЛАВА XVI.

Исполненіе эпитиміи. Принятіе схимы и нашествіе возвѣщеннаго недуга.

Въ 1816 г. въ февралѣ мѣсяцѣ, Св. Нилъ, являвшійся Өеофану назначилъ ему въ схимѣ имя Эхмалотосъ. Когда преподобный вручалъ ему въ соборной церкви Кавсокаливскаго скита Святыя мощи свои, то сказалъ Өеофану, чтобы черезъ три года онъ сдѣлался бы монахомъ, т. е. велико-схимникомъ, ибо до сего былъ уже мантійнымъ, и чтобы принялъ имя Эхмалотосъ (т. е. плѣнникъ), чтобы Герасимъ его постригъ и принялъ отъ схимы, какъ это и было описано выше. По прошествіи же одного года, въ 1817 г., когда Святой опять явился ему 18-го Января во образѣ Свято-Аннинскаго Матөея на дорогѣ и 18 часовъ разговаривалъ съ нимъ, то опять сказалъ ему, чтобы онъ исполнилъ заповѣди Препод. Отца Нила. „Пріими, Освѣщу и освѣтитъ Освѣщающій сердечную тьму“ --т. е. пріими Ангельскую схиму: показалъ Өеофану около дороги пещеру, повелѣвъ 40 дней пробыть въ ней, питаясь сухимъ неквашеннымъ хлѣбомъ безъ соли, вкушая по заходѣ солнца и немного воды; по исполненіи же сего да пойдетъ въ пещеру Святаго Нила, чтобы тамъ принять Святую схиму. Черезъ 40 дней и 3 недѣли найдетъ на него возобновленіе страсти. (въ наказаніе) за преступленіе заповѣдей Преподобнаго отца нашего Нила, и будетъ его мучить (бѣснованіе) дней сорокъ. Если по истеченіи сорока дней пойдетъ у него изъ носу кровь, то да воздастъ славу Богу, ибо это значитъ, что услышано посредствующее моленіе о немъ. Если же кровь не пойдетъ, то опять да воздастъ славу Богу, такъ какъ тогда скоро имѣетъ онъ избавиться отъ тьмы міра сего, (т. е. умереть).

Итакъ, Өеофанъ въ 1819 году, во вторникъ первой недѣли Св. Четыредесятницы вошелъ въ пещеру, которую указалъ ему Святой, имѣя съ собою неквашенные прѣсные сухари и одну воду. Тамъ онъ сидѣлъ 40 дней до Субботы Св. Лазаря, каялся, плача и молясь, какъ повелѣлъ Святой. Вышелъ изъ пещеры въ Вербное Воскресеніе; пошелъ въ церковь, что въ пещерѣ и, согласно обычаю, во время Божественной Литургіи принялъ тамъ Святой и великій Ангельскій образъ и былъ переименованъ Эхмалотосомъ. Воспринималъ Эхмалотоса отъ схима по повелѣнію Святаго о. Герасимъ. Все время Өеофанъ провелъ до Святыя Троицы въ мирѣ. Во время бдѣнія на Св. Троицу получилъ онъ предзнаменованіе о прореченномъ Святымъ, стали у него глаза искриться, а во время бдѣнія изъ глазъ его какъ будто искры посыпались. Тоже самое случилось въ воскресенье на вечернѣ и въ ночь на понедѣль-

никъ, когда онъ спалъ. Все это были предзнаменованія и признаки, что находитъ болѣзнь по предсказанію Святого. Итакъ, во вторникъ ночью на разсвѣтѣ среды послѣ Св. Троицы, въ 12 часовъ ночи, когда Эхмалотосъ спалъ въ одной изъ каливъ скита, нашло на него (бѣснованіе) въ день и часъ, какъ предсказалъ Святой; глаза у него начали выворачиваться; онъ сталъ бить руками и ногами, валяясь по землѣ и рыкалъ, что видѣли всѣ бывшіе тамъ. Такъ страдалъ онъ, пока не разсвѣло. Послѣ же того, какъ наступилъ день, онъ успокоился и пересталъ биться, но крестецъ имѣлъ какъ переломанный, встать не могъ, весь дрожалъ, ротъ его былъ сведенъ; не могъ весь день ни говорить, ни ѣсть. Послѣ же захожденія солнца отверзъ онъ свои уста, поѣлъ и разсказалъ, какъ являлся ему Святой во образѣ нѣкаго Прокопія, Іеромонаха, Киновіи, именуемой Руссикъ; многое изглаголалъ ему, и заповѣдалъ идти подъ начало,

ГЛАВА XVII.

Явленіе Святаго Нила во снѣ Ѳеофану 1819 года 28 мая.

Представилось во снѣ Ѳеофану, что онъ плыветъ въ лодкѣ по морю, въ Царьградъ. И вотъ онъ подплылъ къ городу, вышелъ изъ лодки и направляется въ городъ, дошелъ онъ до городскихъ воротъ, называемыхъ Соливрія, здѣсь остановилъ его хараджа, (т. е. взиматель подати), потребовавъ податную бумагу, (т. е. расписку въ уплатѣ харача). Оказалось, что у Ѳеофана такой бумаги нѣтъ. Хараджа спросилъ его: „отчего нѣтъ у тебя такой бумаги"?—Эхмалотосъ говоритъ, что потерялъ. Отвѣчаетъ хараджа: „если ты потерялъ, то я дамъ тебѣ другую". Въ то время, когда они такъ говорили, изнутри города вышелъ нѣкто, подобный попу Прокопію, киновіату Руссика. Это былъ Святой отецъ нашъ Нилъ, спросившій Эхмалотоса: „Что такое у васъ?"—Отвѣчалъ хараджа и сказалъ: „Требую отъ него бумагу харачную, а онъ говоритъ, что потерялъ ее; внушаю ему взять другую, а онъ, споритъ и говоритъ, что нѣтъ у него денегъ".—Святой сказалъ Эхмалотосу: „Правду-ли говоришь, что нѣтъ у тебя бумаги?" — Говоритъ Эхмалотосъ: „Что мнѣ ложь говорить?" — Сказалъ Святой: «Гдѣ-же ты утерялъ или обронилъ ее?»—Говоритъ Эхмалотосъ: «Не знаю, гдѣ обронилъ. Я разсердился, разорвалъ ее и бросилъ...»—Услыхавъ эти слова, Святой разгнѣвался на Эхмалотоса и сказалъ ему: «О, неблагодарный; какая такая бѣда причинилась тебѣ, что ты настолько разсердился, что разорвалъ обязательственную бумагу? О, неблагодарный, не исполнялъ-ли я обѣщаніе, которое обѣщалъ тебѣ, а ты сотворилъ такое дѣло? (т. е. презрѣлъ данное Святому обязательство ни на кого

не гнѣваться за обиды, отчаялся въ покровительствѣ Святаго до того, что рѣшилъ *потурчиться, чтобы отмстить врагамъ*). О, неблагодарный, какъ могъ погибнуть ты въ самой пристани вмѣстѣ съ бумагой обязательства твоего?! Въ денежной нуждѣ развѣ не промыслилъ-бы я о тебѣ? Чего ради сотворилъ ты сіе, это одно злое похотѣніе злаго расположенія твоего? Алкалъ-ли ты когда? Покупалъ хлѣбъ, чтобы ѣсть? Покупалъ-ли одежду? Не одѣвалъ-ли я тебя, когда ты былъ нагъ? Не кормилъ-ли тебя, когда ты алкалъ? Что-же стало съ тобою, что ты воздалъ мнѣ вмѣсто благодарности неблагодарностію?"

Примѣч. *Видѣніе это приточно изъясняло Ѳеофану степень его* грѣховности, за которую въ наказаніе и постигло его мучительное бѣснованіе, чтобы, пострадавъ здѣсь плотію, духъ его спасся въ день Господень. Такъ какъ Ѳеофанъ недостаточно познавалъ тяжесть преступленія заповѣдей Святаго, то Святой здѣсь и укоряетъ его въ сильныхъ выраженіяхъ за нарушеніе имъ обѣщанія никого не осуждать и ни на кого не обижаться, каковой грѣхъ довелъ Эхмалотоса до отчаянія, яраго чувства мести и конечной погибели, еслибы не вмѣшался Святой). Услыхавъ эти слова Святаго и видя его, якобы премного гнѣвающимся на него, Эхмалотосъ сказалъ Святому, думая что говоритъ съ Прокопіемъ: „Какое тебѣ дѣло, что такъ ты гнѣваешься и возмущаешься? Не хараджа ты; хараджа не требуетъ, а ты взыскиваешь? Развѣ ты здѣсь въ монастырѣ твоемъ, что такъ шумишь? Здѣсь не примутъ твоего величія, только меня имъ соблазнишь. Ступай за своимъ дѣломъ; не говори мнѣ того, что ты меня накормилъ; ты далъ мнѣ немного пшеницы, а здѣсь теперь въ Константинополѣ хвастаешься и величаешься надо мною, что кормилъ меня и кормишь? Не слыхалъ-ли, что говоритъ Писаніе: когда даешь, да не вѣдаетъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя? Старецъ твой давалъ мнѣ пшеницу и ни одного укорнаго слова мнѣ не говорилъ, а ты сюда въ Константинополь пришелъ, чтобы мнѣ говорить, что меня кормилъ и кормишь".

Святой-же сказалъ: „Когда старецъ давалъ тебѣ пшеницу, я воздѣйствовалъ на него, и онъ далъ ее тебѣ; въ благодарность я возмѣщаю ему четвернымъ возмѣщеніемъ, а ты, вмѣсто благодарности, воздалъ мнѣ неблагодарностію. Не говорилъ-ли я тебѣ, чтобы ты былъ внимателенъ, ибо, когда будешь шествовать, встрѣтишь нѣкіихъ людей, которые тебя будутъ гнать, иные злословить, другіе безчестить, третьи прогонять, а ты на это не долженъ обращать никакого вниманія, ибо не вѣдаютъ они, что дѣлается съ ними? Зачѣмъ-же теперь далъ ты слухъ твой къ словамъ, такихъ безсильныхъ [1]), смутился угрозами ихъ, ра-

---

[1]) Діаволъ безсиленъ предъ силою Божіей. Посему, враги Ѳеофана, дѣйствуя противъ него по внушенію діавола, безсильны безъ попущенія Божія нанести и малѣйшій вредъ Ѳеофану.

зорвалъ харачную бумагу твою и безъ нея не въ силахъ войти въ городъ?! О, неблагодарный! старецъ тебя прогналъ, но я смиловался о тебѣ, взялъ тебя на себя,. чтобы тебя исправить и привести въ хорошее состояніе. Ты же, оказалось, былъ гнилымъ деревомъ, которое сломалось прежде, чѣмъ нажали на него. О, неблагодарный! ты поступилъ со мною подобно тому, какъ Іуда со Христомъ! О, неблагодарный ты оказалъ мнѣ неблагодарность, подобно тому, какъ израильтяне Богу! О, неблагодарный, что есть сіе, что сдѣлалъ ты мнѣ подобно Авессалому, воставшему противъ отца своего Давида? О, неблагодарный, что это съ тобой за потопленіе, (т. е. изъ за чего ты такъ отчаялся, что вдругъ принялъ злѣйшій совѣтъ и такъ внезапно погибъ)? Если станешь говорить и оправдываться, что не зналъ я, не зналъ я, что такъ пострадаю, то я раньше тебѣ предрекалъ, что отъ недуга своего ты освободишься, но бремя поношеній отъ людей имѣешь на себѣ тащить, и, какія-бы искушенія они не творили, ты бы творилъ терпѣніе.— Гдѣ нынѣ терпѣніе, которое я заповѣдалъ тебѣ имѣть?! Не ты-ли сказалъ мнѣ въ Лаврской башнѣ, что все обѣщаешься исполнить, лишь-бы тебѣ освободиться отсюда?

ГЛАВА XVIII.

Продолженіе рѣчи Святаго и повелѣніе Ѳеофану удалиться [1]) съ Горы.

...Далъ я тебѣ дарованіе глагола моего, представивъ сей глаголъ въ чувство познанія твоего словомъ и дѣломъ, (т. е. слова пояснялъ притчами и примѣрами), подобно хорошему учителю преподающему уроки ученикамъ своимъ. Вы же оказались злонравными учениками. Вы не познали путей монхъ, (т. е. не приняли Святогорцы его словъ). Да не познаете-же отнынѣ жилищъ своихъ и ты да не познаешь отнынѣ жилища твоего, (т. е. Святогорцы вскорѣ будутъ изгнаны изъ жилищъ своихъ агарянскимъ нашествіемъ, что вскорѣ и сбылось. Гора Аѳонская запустѣла; также Ѳеофанъ долженъ будетъ удалиться изъ того жилища, которое устроилъ ему Святой). Какъ утратилъ ты бумагу обязательства твоего, такъ да отстанетъ и жилище твое отъ тебя, да не жительствуешь здѣсь больше; отправляйся, куда пожелаешь и гдѣ понравится, ибо здѣсь стараются убить тебя по дѣламъ твоимъ. Есть одинъ потаенный врагъ, который хочетъ убить тебя, и потомъ разгласитъ, что ты былъ бѣсомъ убитъ и этимъ объяснить милость Божію, (т. е. Боже-

---

[1]) Въ данной главѣ рѣчь Святаго касается попеременно то Эхмалотоса, то святогорцевъ.

ственныя вѣщанія небеснаго вѣстника силою бѣсовскою, а не Божіею). Охъ, несчастные, не вѣдаютъ они того, что сами прельщены бѣсами; потому и творятъ демона сильнымъ, а Всесильнаго Бога безсильнымъ! Одержимы они страстію іудейской, (т. е. завистію и лжеименною ревностію о чести Святой Горы, которую обличительныя слова Святаго, якобы унижаютъ и Святогорское иночество якобы можетъ отъ нихъ разорится); они и не чувствуютъ, что такое милосердіе Божіе, стараясь содѣлать великое беззаконіе — кровь и смерть, представить переданныя мною глаголы имъ—бѣсовской болтовнею и ложью человѣческой".

Эхмалотосъ спросилъ Святаго: „Кто такой, который хочетъ меня убить?"—Святой сказалъ: „Тебѣ нѣтъ нужды знать это; одно только скажу тебѣ: берегись отъ разныхъ снѣдей и напитковъ, особенно въ дорогѣ». Есть одинъ безчинникъ безчинія, готовый на то, чтобы и въ нынѣшнее время сдѣлать такое-же дѣло, какое содѣяно было однажды здѣсь въ скиту, съ дерзостію, до которой бѣсы доводятъ человѣка. Если спросить, что это такое:—то послушай и увидишь.

ГЛАВА XIX.

Повѣсть о коварномъ убійствѣ одного ревнителя цѣломудрія, обличенномъ въ страсти мужеложства.

Нѣкій человѣкъ имѣлъ въ скиту одного безбородаго юношу, который былъ весьма красивъ лицемъ и давалъ много соблазна скитянамъ. Былъ-же и еще одинъ человѣкъ безсильный, бороться съ тою страстью неудержимый въ своемъ зломъ желаніи, который услаждался мысленно юношей; мысленно и постоянно былъ воспламененъ мужелюбно страстію къ тому юношѣ.

Такъ какъ юноша давалъ великій соблазнъ скиту, то нѣкоторые скитяне рѣшили удалить юношу изъ скита; другіе-же не хотѣли того, ибо были влюблены въ юношу. Особенно старецъ юноши предпочиталъ лучше самому удалиться съ Горы, нежели разстаться съ юношей; до такого влюбленія въ юношу дошелъ старецъ. Тѣ же, которые не желали юноши, производили большое смятеніе, чтобы изгнать юношу изъ скита. Одинъ изъ нихъ, называемый Лука, смѣлый нравомъ, дерзалъ, (т. е. смѣло настаивалъ), чтобы изгнанъ былъ юноша изъ скита. Видитъ нѣкто, безсильный человѣкъ, (т. е. одинъ небогатый и неславный скитянинъ, но влюбленный въ юношу, котораго держало старшее лице въ скиту), видитъ, что хотятъ изгнать юношу; что же онъ тогда дѣлаетъ?—Однажды, когда отцы со смѣлымъ Лукою должны были собраться, чтобы изгнать юношу, сей мужелюбный подстроилъ Лукѣ, такую штуку, чрезъ которую надѣялся погасить возмущеніе противъ юноши.

Притворился онъ пособникомъ Лукѣ. Лука долженъ былъ проходить мимо его дома, чтобы идти на соборъ; безсильный, увидавъ, что идетъ Лука, подозвалъ его и сказалъ: «добрый часъ, старецъ Лука». — Лука говоритъ: «будь здоровъ. Благослови». — Говоритъ безсильный: «Богъ да проститъ тебя. Отчего ты печаленъ?» —Говоритъ Лука: «не спрашивай; самъ знаешь отчего я печаленъ: оттого что этотъ молодой, безбородый перепачкалъ скитъ».—Говоритъ хитрецъ: «Да и я хотѣлъ тебѣ это сказать; взойди ко мнѣ внутрь».—Не вѣдая хитрости Лука взошелъ внутрь. Говоритъ хитрецъ: «повѣрь, старецъ Лука, одному Богу только извѣстно, что я терплю изъ-за этого мальчика».—Говоритъ Лука: «Почему-же ты не исповѣдуешь твоей болѣзни предъ соборомъ, чтобы мы сдѣлали постановленіе изгнать его изъ скита».— Говоритъ хитрецъ: «Что дѣлать Лука? боюсь старца его. Не знаешь развѣ, какой старецъ его? Лучше иди ты и сдѣлайте постановленіе, чтобы изгнать соблазнъ изъ скита, ибо многіе изъ-за этого соблазна перепачкались». — Когда онъ это сказалъ, Лука всталъ, чтобы удалиться; хитрецъ-же говоритъ: «Постой, выпьемъ по рюмочкѣ, раки».— Говоритъ Лука: «не хочу; если-же хочешь угостить меня, то приготовь немного шербета (варенья съ водой). Если мнѣ сейчасъ выпить раки или вина, станутъ говорить, что хмѣль возбуждаетъ Луку дѣлать такую смуту».—Говоритъ хитрецъ; «посиди Лука, пока я сдѣлаю».— Лука, не вѣдая хитрости, присѣлъ немного; хитрецъ-же, приготовивъ шербетъ, положилъ въ него то, что нынѣ называютъ сулемой, положилъ такую мѣру, чтобы она подѣйствовала въ то время, когда Лука будетъ на соборѣ. Лука, не вѣдая сего, выпилъ, затѣмъ удалился отъ злодѣя и пошелъ на соборъ, собранный въ одной изъ каливъ для рѣшенія дѣла о юномъ. Услыхалъ Лука, что юношу защищаютъ, хотятъ чтобы онъ оставался въ скиту, пока не выростетъ борода, не выходилъ-бы изъ дома и не ходилъ-бы въ соборный храмъ, —Лука весьма возмутился этимъ; одновременно съ гнѣвнымъ волненіемъ подѣйствовала во внутренностяхъ его и отрава. Только что поднялъ онъ руку свою, чтобы сказать, что не должно быть въ скиту юноши, и едва открылъ свои уста, тотчасъ ударила ему въ голову отрава, закружилась голова, онъ упалъ къ ногамъ собора и скончался тамъ-же, на соборѣ; у ногъ собора лежало его мертвое тѣло. Увидавъ эту внезапную смерть, засѣдатели собора, изумились и подумали, что Божественный гнѣвъ нашелъ Луку и убилъ его, за то, что онъ немилостиво требовалъ изгнанія юноши.

О, несмысленные и косные сердцемъ! развѣ Богу нужно было вождѣлѣвать, (дабы пребылъ въ скиту) сей юноша, развѣ нужно было дѣлать Богу изъ-за юноши таковое чудо? Тогда подобало-бы отмѣнить слова Преподобнаго Павла, который говоритъ рѣшительно: „кто сообщается съ безбрадыми, не узритъ Лица Божія". Тогда нужно было-бы

отмѣнить правило, по которому отъ сообщающагося съ безбрадымъ или молодымъ удаляется благодать спасенія. Пришлось-бы тогда уничтожить не только слова Преподобныхъ Павла и Афанасія, но и всѣхъ прежнихъ отцевъ и патріарховъ, говорившихъ, что отъ сообращенія съ молодыми, человѣкъ впадаетъ въ душевную смерть. Вслѣдствіе сего, и я внушаю тебѣ, чтобы ты больше не жилъ здѣсь, такъ какъ смерть Луки была дѣломъ рукъ человѣческихъ, (т. е. иначе съ тобой могутъ тоже сдѣлать); иди отсюда, куда тебѣ нравится. Но безъ совѣтчика твоего, (т. е. о. Герасима), никуда, никогда не ходи, чтобы не говорили, что бѣсы изгнали тебя, какъ это теперь говорятъ. Относительно путевыхъ расходовъ,—не имѣй заботы, заботься лишь о спасеніи своемъ. О томъ, гдѣ поселиться, не заботься, ибо жилище для тебя уже уготовано, только побѣги твои похотливые отсѣкай, волю твою въ послушаніе волѣ другого покаряй, будь послушенъ, а не само-главенъ [1]).

ГЛАВА XX.

Повтореніе повелѣнія записать все, что говорилъ Святой и передать Святогорцамъ.

Изглаголалъ я тебѣ глаголы, отъ созданія міра и до селѣ: отъ „да“—до „нѣтъ“, и отъ „нѣтъ“ до да, отъ начала до конца, и отъ альфы до омеги. Я говорилъ съ тобою, недостойнымъ неба и земли, самымъ нечистымъ во всей вселенной, мерзостью среди людей и гнусностью для ангеловъ. Таковъ еси ты, хотя я и говорилъ съ тобою; не мудрствуй о себѣ, не считай себя за нѣчто, но да будетъ мнѣніе твое о самомъ себѣ таково, какъ я изглаголалъ о тебѣ.

Сказалъ я тебѣ путь неба и земли и вложилъ мои слова державно въ органъ памяти твоей, для того, чтобы ты передалъ ихъ въ чувства человѣковъ тростію писальною, чтобы восчувствовали они свое безчувствіе, къ своему спасенію, ибо они не чувствуютъ того, что съ ними дѣлается, одичали какъ потерянныя овцы, сдѣлались какъ дикіе козлы, (т. е. ссорливы и драчливы), посреди Горы сей. Кроткіе—одичали, а дикіе—погибли.

Скажете: отчего и до чего кроткіе одичали? Дикость кроткаго есть сіе: добро обратили, (т. е. сочли злымъ и худое сладкимъ); услаждаются во злѣ, отстранились изъ подъ вѣтви спасенія и сидятъ подъ вѣтвію зла. Сидятъ на каѳедрѣ кичливой гордости, лжи неправды, хищенія, сребролюбія, сокровиществованія, непокорства, разврата, зависти, на каѳедрѣ ревности объ имѣніяхъ, отмщенія... (Сидятъ на каѳедрахъ—зна-

---

[1]) Ѳеофанъ съ о. Герасимомъ удалились съ Аѳона въ обитель преп. Саввы Освященнаго, (см. предисловіе).

чить не только такъ живутъ, но и проповѣдуютъ такую жизнь якобы за хорошую). И сидя думаютъ, какъ-бы отмстить другому, въ хищеніи, чрезъ осужденіе, непокорство, предательство, ложью, безчесвіемъ, съ воровскимъ хищеніемъ, съ дарами судіямъ, съ гонительствомъ немилосерднымъ; помышляютъ и пекутся лишь о томъ: кто первый соберетъ сокровища сребра и злата, кто первый устроитъ человѣческое рукодѣлье, кто унизитъ другого, кто первый получитъ рукоплесканіе зла, кто первый поработится плотскимъ наслажденіемъ.

И ты скорѣе, скорѣе, съ стремительною поспѣшностію поспѣшая, да передашь людямъ тростію письменною то, что я тебѣ говорилъ и высказываю нынѣ; потомъ же удались съ Горы сей Честной. Пока-же ты здѣсь, сиди смирно съ глаголами моими, (т. е. не проповѣдуй, чтобы не умножить прежде времени ярости враговъ).

Для простыхъ людей, жаждущихъ моихъ глаголовъ [1]) среди тьмы и сѣни, эти глаголы будутъ утоленіемъ жажды.

Итакъ, вотъ посылаю я тебя съ водою напоить сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни. Піія эту воду, обрящутъ они истину.

Многимъ людямъ ты представляешься подобнымъ сосуду нечистому; посему они смущаются пить эту воду отъ тебя; сего ради, я говорю тебѣ: съ стремительною поспѣшностію передай эту воду и иди, (уходи съ Аѳона).

При отшествіи же твоемъ въ путь добрый, да идешь съ рясою, въ монашеской одеждѣ твоей, не волнуйся ни о какихъ другихъ волненіяхъ, т. е. захвати только одежду, о прочемъ же для дороги не безпокойся. И безъ совѣта съ будущимъ старцемъ твоимъ, т. е. въ томъ мѣстѣ, которое Святой тайно уже уготовалъ Ѳеофану, да не ходишь. Да будешь послушенъ старцу своему во всемъ, что онъ будетъ тебѣ говорить, дабы послушаніе твое старцу было Богоугодно. Старецъ же твой да имѣетъ къ тебѣ подобающую повелительность. Нѣтъ никакого другаго грѣха въ монашествѣ столь недопустимаго, какъ повелѣваніе послушника старцемъ своимъ. Подобаетъ монаху, тѣмъ болѣе послушнику, терпѣть съ крайнимъ смиреніемъ и крайнимъ послушаніемъ, до самой смерти, старца своего, кромѣ только двухъ винъ зла, ереси въ вѣрѣ или плотской любви. Кромѣ сихъ двухъ винъ зла, спасеніе послушника не есть иное, какъ только послушаніе: если же онъ слушаться старца не будетъ, то да не ждетъ себѣ спасенія, но да ожидаетъ муку.

Безъ совѣта со старцемъ да не сотворишь чего, ниже да прогнѣвишь его. Преслушаешь его — меня преслушаешь; прогнѣвишь его,

---

[1]) Т. е., простые и смиренные сердцемъ, не мудрствующіе лукаво, иноки получатъ не малую пользу душевную отъ словесъ преподобнаго среди „тьмы“ находящихъ искушеній.

меня прогнѣвишь. Если старца твоего, котораго видишь каждый день предъ тобою, не будешь слушать, тѣмъ наче меня, котораго не видишь, станешь-ли слушаться и стараться не прогнѣвать (меня)? Какъ я тебѣ нынѣ оказываю терпѣніе, такъ и ты за это потерпи старца, т. е. какъ я немощи твои переношу, такъ и ты, якобы мои немощи, потерпи немощи старца твоего будущаго меня ради. И до конца слушайся его.

ГЛАВА XXI.

Обличенія старца Тимофея и о коварномъ Усѣкновеніи Іоанна Предтечи.

Старецъ твой нынѣшній, подъ началомъ котораго ты нынѣ находишься, у котораго обрѣтаешь пріютъ и покровъ, самоглавъ въ послушаніи, въ чувства свои воспріялъ шумъ человѣческій, т. е. возлюбилъ суету, сталъ безчувственнымъ и не чувствуетъ, что дѣлается съ нимъ. Вынимаетъ камни изъ кармана своего и даетъ ихъ людямъ ради похвалы, чтобы они собственными его камнями метали въ него, т. е. даетъ милостыню тщеславно, чтобы быть за нее хвалимымъ; превозносится ею и, слѣдовательно, своими же камнями бываетъ побиваемъ. Отъ многаго шума своей заботы, какъ мерзость является онъ предо мною, несчастный. Какъ онъ осмѣливается литургисать, безсовѣстный, пребывая въ столькихъ попеченіяхъ заботы, въ такой барской гордости, въ такомъ мечтательномъ самомнѣніи? Онъ такъ бываетъ сердитъ и возмущенъ отъ шума заботы своей, что теряетъ достоинство свое, становясь безпокойнымъ, т. е. совершенно утратилъ монашеское мирствованіе души и всегда находится въ тревогѣ. Ради сего и говорю я тебѣ: какъ дерзаетъ онъ литургисать, безсовѣстный? Такъ какъ онъ, неблагодарный, подобенъ тебѣ неблагодарному; такъ какъ оба вы одинаковую неблагодарность показали мнѣ, то скажи ему, что, до тѣхъ поръ, пока будетъ онъ имѣть такой шумъ, т. е. пированіе въ дому съ гостями, да не литургисаетъ, и, пока находится въ дому тотъ безбрадый юноша, да престанетъ Тимофей отъ литургисанія своего, ибо, когда слышитъ голосъ юноши, тотчасъ волнуется въ немъ внутренность его, помрачаются очи его, тѣмъ паче, когда онъ сообращается съ симъ юнымъ. И какъ возможно такъ ругаться надъ Тѣльцомъ Питомымъ и жрети Его въ Алтарѣ церковномъ [1])? Ради сего и говорю я, чтобы пересталъ онъ отъ священнослуженія литургіи.

Итакъ, имѣетъ онъ въ сердцѣ своемъ смущеніе юношею; поскольку будетъ пребывать въ шумѣ попеченія заботы и шумѣ похвалы

---

[1]) Т. е. совершать безкровную жертву.

гордости, постольку будетъ истлѣвать душа его, какъ желѣзо отъ ржавчины.

Родители его съ такимъ трудомъ, въ столькихъ волненіяхъ и страхахъ за продолженіе жизни своей, едва возмогая, какъ управиться, при всемъ томъ нѣчто посылаютъ ему, чтобы мирно было состояніе его, чтобы думалъ онъ объ одномъ спасеніи своемъ, а онъ раскидываетъ это ради одной похвалы своей, а не ради милостыни, не ради спасенія своего. Однако я стараюсь о его спасеніи; онъ же озабоченъ лишь о томъ, чтобы его хвалили за то, что онъ якобы нестяжателенъ и щедръ. Таковая нестяжательность и милостыня предъ Богомъ есть все равно, какъ жертва идолопоклонника. Не ищу я отъ тебя милостыни, зачѣмъ шлешь ты мнѣ милостыню? Я ищу отъ тебя спасенія и мира въ душѣ твоей, пекусь о томъ чтобы устроеніе твое было цѣломудренное, безъ всякаго шума, заботы и исканія похвалъ человѣческихъ. Если же онъ воздѣлываетъ именно таковое, то не помогутъ ему милостыни его? Пусть остерегается посылать мнѣ такія милостыни, но да посылаетъ мнѣ моленія о спасеніи своемъ [1]), да исправитъ устроеніе свое, чтобы мнѣ порадоваться о немъ. Растаяло на ложѣ упокоенія плоти и тщеславія покаяніе его, растаяли на ложѣ томъ и обѣты его. Пусть же подумаетъ о спасеніи своемъ: чего онъ хочетъ и что ему нравится, т. е. пусть отрезвится и разсмотритъ, чѣмъ именно онъ увлекся. Да не бродитъ туда и сюда и не губитъ души своей, такъ какъ подвергаетъ себя опасности погубить свое спасеніе съ тѣмъ юнымъ безбородымъ. Ибо, какъ предана была честная глава Іоанна Предтечи въ руки блудницы, такъ предается домъ попа Тимофея въ руки злого расположенія къ сему молодому.

Да, отдана была честная глава Предтечи въ руки блудницы, но какъ отдана? Отдана была по волѣ Ирода съ Иродіадою. Такъ сотворилось тоже самое и въ домѣ о Тимофея по умыслу его; (т. е. Герасимъ, іеромонахъ былъ коварно принужденъ уйти изъ келліи Тимофея, какъ изъяснено будетъ ниже).

Такъ какъ совѣтникъ твой, говоримъ, Герасимъ задѣвалъ ихъ въ зломъ расположеніи ихъ, то они и завистно-сотворили, изобрѣли способъ изгнать его въ отместку изъ дому. По дѣйствію бѣса, явился къ нимъ одинъ юноша злого расположенія, чѣмъ весьма возмутился твой совѣтникъ. Видя это, злоумышленники совѣтника твоего, обрадовались сему, начали говорить между собою: скоро узримъ отмщеніе наше вожделѣнное. Совѣтникъ же твой, не вѣдая того, что они имѣютъ завистную страсть къ нему, сталъ говорить имъ: устранимъ юнаго, ибо я тяжко соблазняюсь на него. Старецъ же сказалъ Герасиму: „допустимъ, удаленъ будетъ онъ отъ меня; кто же тогда спасать меня

---

[1]) Т. е. пусть усилитъ молитвенные подвиги.

будетъ въ потребностяхъ тѣла моего, т. е. кто станетъ мнѣ, старику, прислуживать какъ онъ и помогать старости моей? Ты, имѣя борскій нравъ, скажешь: не могу, другой сотворитъ тоже; съ кѣмъ же я буду жить?»—Услыхавъ такія слова, совѣтникъ твой замолкъ о семъ дѣлѣ. Начали же влѣпляться, т. е. влюбляться, и другіе въ юношу. Юный видя, что старецъ и другіе влюблены въ него, началъ умножать соблазнъ, т. е. кокетничать противъ совѣтника твоего до того, что Герасимъ рѣшился удалиться. Старшіе, узрѣвъ, что Герасимъ удаляется, рукоплескали юношѣ въ погибели его; такъ и погибъ юноша. Но не только юноша погибъ, но и сами старцы погибли въ погибели юноши, да и многія другія души чрезъ это повредились въ скиту.

Такъ какъ простой народъ не желалъ усѣкновенія Предтечи, то Иродъ изобрѣлъ особое ухищреніе съ Иродіадою и такимъ образомъ извелъ Предтечу изъ жизни сей. Тоже и совѣтнику твоему. Такъ какъ скитъ не хотѣлъ, чтобы Герасимъ покидалъ домъ, то жильцы изобрѣли ухищреніе съ молодымъ и тотчасъ извели изъ скита совѣтника твоего.

Когда скитяне стали спрашивать старца Тимофея: „изъ за чего изгоняете попа изъ дому“, то старшіе отвѣтили: „Ужели станемъ мы его прогонять?—что же намъ дѣлать? Онъ блазнится молодымъ и самъ удаляется. Мы говорили ему: не убѣгай отъ метанія твоего,—онъ не слушаетъ, что же намъ дѣлать?“ Противники Герасима говорятъ старцу: „смотри, старче Филарете; Филаретомъ называютъ Тимофея за его якобы милостивость, льстя ему: не выпускай молодого изъ рукъ твоихъ, потому что онъ способенъ ходить за тобою въ старости твоей, а, кто сидитъ, т. е. оставаться хочетъ—пусть сидитъ, лишь молодого не изгоняй“,—отвѣчаетъ старецъ: «Слово сіе — дѣльное!» — Говорятъ противники: «Только ты его, (Герасима) убѣждай, чтобы онъ не уходилъ изъ дому, т. е. для виду уговаривай, потому что въ соборѣ у него есть помощь, (можно понять такъ, что у него есть въ скиту заступники, или что онъ полезенъ для Богослуженія въ скитскомъ храмѣ). Если послушаетъ васъ, хорошо,— не послушаетъ, пусть отправляется куда хочетъ».—Старецъ далѣе говоритъ противникамъ такой навѣтъ про Герасима. «Недавно я не могъ и пить краснаго Куміотскаго островнаго вина; сошелъ внизъ въ погребъ, досталъ изъ боченка часть кружки и выпилъ его; оно было келліотское, т. е. хорошее бѣлое; въ то самое время, когда я пилъ, пришелъ Герасимъ и, увидавъ меня пьющимъ, прямо взбѣсился, да еще такъ меня отдѣлалъ, что все вино изъ моихъ ноздрей вытащилъ; чего только онъ не наговорилъ, какъ только меня не унизилъ, и не обезчестилъ...»

О, человѣче, старче!—ты плачешься на Герасима, восклицая: «Что онъ со мной дѣлаетъ».—О, несчастный!—а ты самъ Богу что дѣлаешь? Ты говоришь, что онъ тебя унизилъ,—а самъ Бога, какимъ только презрѣніемъ не презрѣлъ въ заповѣдяхъ Его? Говоришь, что

Герасимъ тебя обезчестилъ:—а самъ какой творишь позоръ предъ Богомъ съ тѣмъ молодымъ? Говоришь, что Герасимъ тебя отдѣлалъ, такъ, что все вино вышло изъ твоихъ ноздрей, — а самъ ты каковъ предъ Богомъ? Что сдѣлалось съ тобою несчастнымъ, что ты тайно сталъ вино пить? Что же станутъ дѣлать другіе, когда узрятъ, что ты тайно пьешь? Вотъ уже и молодой, видя что ты тайно пьешь, самъ началъ тайно пить вино, взявъ эту злую привычку у тебя. О старецъ, спрашиваю тебя: «Что рождаетъ волкъ?—рождаетъ-ли онъ ягнятъ?»— Нѣтъ, онъ рождаетъ не ягнятъ, но волчатъ... А поядаетъ, т. е. твой молодой волченокъ, твоихъ старшихъ овецъ, т. е. старшихъ братій.

Иродъ, усѣкнувъ главу Іоанна Предтечи, потомъ представлялся якобы опечаленнымъ о смерти честнаго Крестителя, тогда какъ сердце его радовалось и взыграло.

Теперь спрашиваю я тебя, о старче, пастырю, кто виноватъ въ удаленіи попа, Герасима?—Ни юноша не виноватъ, ни попъ самъ, только ты виновенъ вмѣстѣ съ человѣкомъ твоимъ, съ которымъ сотворилъ сей коварный совѣтъ. Попъ обличаетъ васъ въ вашемъ безчиніи. Посему тотчасъ вы сотворили ему отмщеніе, сотворивъ совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, какъ Иродъ съ Иродіадою, объ изгнаніи Герасима.

Да, изгнали вы его изъ дому, но я не изгналъ его, т. е. хотя въ предыдущихъ моихъ явленіяхъ черезъ Ѳеофана я строго запретилъ Герасиму уходить изъ его келліи подъ угрозою лишенія заступничества Святаго, но въ данномъ случаѣ оправдываю его уходъ; я не изгналъ его отъ части благихъ, а вы подыскали къ тому хитростный способъ съ молодымъ. Попъ удалился изъ вашего дому, какъ Прекрасный Іосифъ, чтобы не повредить душу свою, какъ уже повредились души другихъ.

Ты, старче,—любуешься безчиніемъ молодаго, но что онъ дальше будетъ творить въ своемъ безчинствѣ? Поведеніе его, возбуждающее похоть, будетъ растлѣвать души людей, какъ уже и растлились души нѣкоторыхъ мысленнымъ соблазненіемъ. Хотя виноватъ въ семъ сей молодой, однако горе и тому, кто имѣя его подъ начальствомъ своимъ, не исправляетъ его состоянія и не подтягиваетъ, чтобы черезъ строгое исправленіе юноша исправился.

Что мнѣ съ ними дѣлать? Разъ они заповѣди старца своего не исполняютъ, тѣмъ болѣе не станутъ исполнять моихъ собственныхъ вѣщаній, (т. е. Тимофей не побоялся преступить завѣщанія добродѣтельнаго покойнаго старца своего Аввы Тимофея, на что и намекаетъ Святой). Вслѣдствіе сего преслушанія—сколько душъ въ скиту растлѣваются. (Здѣсь намекъ на преступленіе завѣта Аѳонскихъ отцевъ и Патріарховъ вселенскихъ держать молодыхъ и безбрадыхъ). Увы! увы имъ! это повлечетъ за собой великую смуту; они сами ищутъ смуты себѣ. Да,

старцы воздадутъ великій отвѣтъ за поврежденіе душъ человѣческихъ изъ за невоспитанности, (досл. непостоянства), ихъ послушниковъ..."

Сіе и еще иное многое сказалъ Святой Нилъ Эхмалотосу, которое я выпустилъ ради сокращенія, (т. е. на этомъ видѣніе окончилось). Ѳеофанъ, по опредѣленію Святаго, продолжалъ 40 дней страдать отъ бѣснованія, но не такъ тяжело, какъ въ первый день болѣзни.

ГЛАВА XXII.

Видѣніе Ѳеофаномъ всѣхъ грѣховъ своихъ, состязанія о немъ между Ангеломъ и бѣсами.

Ѳеофанъ за грѣхи свои получилъ кару по реченію Святаго и мучился 40 дней, какъ предрекъ Святой. На сороковой же день Ѳеофанъ проснулся въ полночь, тотчасъ закружился, упалъ внизъ и померкли очи его. Ему казалось, что онъ заснулъ. Ѳеофанъ увидѣлъ себя совершенно нагимъ, якобы бродящимъ туда и сюда по оврагамъ въ чащѣ лѣсной. И вотъ его бродящаго тамъ поймали корсары, т. е., морскіе разбойники, и взяли въ плѣнъ. Эти корсары были ростомъ низкіе и пузатые; какой они были длины такой были и толщины, тѣла ихъ были весьма безобразны, видомъ они были черны. Корсары поймали его, чтобы отвести въ темницу и засадить. Когда они шли къ тюрьмѣ, встрѣтилъ ихъ одинъ юноша, молодой, весьма прекрасный лицемъ. Какъ только юноша увидѣлъ ихъ, тотчасъ повернулся назадъ и вошелъ въ одну большую дверь. Дверь эта была какъ будто отъ крѣпостныхъ воротъ, т. е. вела какъ-бы въ крѣпость. Снова вышелъ молодой изъ двери, пошелъ на встрѣчу корсарамъ и сказалъ имъ: „стойте".—Тотчасъ они остановились. Юноша спросилъ ихъ: „куда идете?" Говорятъ: „на дѣло свое идемъ".—Говоритъ юный: „оставьте человѣка и идите себѣ, куда хотите".—Говорятъ они: „какъ намъ его оставить, когда онъ наша собственность?"—Говоритъ юноша: „не вашъ онъ, ибо вы коварствомъ своимъ сдѣлали то, что онъ сталъ вашъ"—Тогда говорятъ корсары: „онъ самъ, по своей волѣ, пришелъ къ намъ; мы не просили его; чѣмъ же мы виноваты предъ нимъ?" — Юноша сказалъ имъ: „оставьте его".—Они отвѣчаютъ: „какъ намъ его оставить, тѣмъ болѣе, что онъ по своей волѣ пришелъ къ намъ?"—Сказалъ юноша: «по волѣ пришелъ, или по неволѣ,—но я говорю вамъ, оставьте его».—Отвѣчаютъ корсары: «во вѣки никогда не можемъ мы его оставить; сейчасъ поставимъ его на вѣсы; какъ вѣсы рѣшатъ, такъ пусть и будетъ». Тотчасъ были поставлены вѣсы предъ Эхмалотосомъ. Тогда юноша вынулъ изъ за пазухи нѣчто небольшое, подобное орѣху и положилъ его на одну сторону вѣсовъ, (это нѣчто тяжеловѣсное

было, повидимому, покаяніе схимническаго постриженія, равное второму крещенію). Увидавъ это, корсары сейчасъ же побѣжали и стали вдали. Только начальникъ ихъ и еще семь другихъ остались близъ Эхмалотоса.

Эхмалотосъ сталъ посреди вѣсовъ, тѣ семь накладывали на другую сторону множество бумажекъ, разнообразно свернутыхъ, но положенное ангеломъ на одну изъ чашекъ не поднималось съ земли. Нанесли корсары еще другихъ бумагъ; наклали на вѣсы такъ, что совсѣмъ наполнили ихъ, но то нѣчто не поднималось съ земли; корсары тогда начали отчаяваться, что придется Эхмалотоса оставить.

Когда корсары недоумѣвали, что имъ дѣлать и стали удаляться, то начальникъ воскликнулъ: «идите сюда, куда уходите? Возьмутъ его у насъ, ничего тогда мы съ нимъ не подѣлаемъ и трудъ нашъ весь пропадетъ даромъ. Чего бѣжите вы и меня одного оставляете? Чего торопитесь бѣжать? Что за бѣда такая, что вы даете побѣдить себя, какъ какихъ трусовъ?»—Когда онъ такъ говорилъ, подошелъ одинъ корсаръ, держа въ рукахъ своихъ рукописаніе Эхмалотоса, т. е. то хульное письмо, которое въ отместку врагу своему, Эхмалотосъ бросилъ у его жилища на воздухъ, а бѣсъ подхватилъ во образѣ ворона. И положилъ его корсаръ на ихнюю сторону; тотчасъ вѣсовая чашка Ангела поднялась съ земли, а на которой было рукописаніе опустилось на землю. Увидавъ это корсары, такъ возрадовались, что съ радости цѣловали рукописаніе.

Юноша сказалъ: «подайте мнѣ сюда рукописаніе».— Говоритъ начальникъ шайки: «зачѣмъ давать тебѣ рукописаніе?»—Отвѣчаетъ юноша: „не для того говорю съ тобой, чтобы ты меня вопрошалъ, но говорю затѣмъ, чтобы ты отдалъ мнѣ рукописаніе“.—Возражаетъ начальникъ: „зачѣмъ заставляешь меня отдать его тебѣ, когда справедливость опредѣлила, что онъ, Эхмалотосъ, есть собственный мой? Зачѣмъ пытаешься праведность вѣсовъ сдѣлать неправедной?“—Говоритъ юноша: „Тогда, я пойду внутрь, пожалуюсь на васъ“.—Говоритъ начальникъ корсаровъ: „иди, куда хочешь, но мы никоимъ образомъ не отдадимъ его тебѣ, хотя-бы и изъ внутри кто пришелъ“.—Юноша сказалъ: „Не отдашь?—увидите сейчасъ, что я съ вами сдѣлаю“.—Съ этими словами онъ повернулся и двинулся, чтобы идти внутрь. Тогда старшій сейчасъ же закричалъ ему и сказалъ: «иди, дамъ тебѣ».—Юноша повернулся, чтобы взять, но они корсары опять не стали давать и говорили ему: «если есть праведный судъ, зачѣмъ не держишься праведнаго суда?»—Отвѣчаетъ юноша: «не тебѣ такъ говорить мнѣ, я власть имѣю повелѣвать, почему и говорю я тебѣ, чтобы ты отдалъ бумагу».—Говоритъ старшій корсаръ: «не отдамъ ее тебѣ, ступай куда хочешь».—Услыхавъ это, юноша тотчасъ повернулся, чтобы идти внутрь; когда пошелъ ко входу внутрь, сейчасъ же закричалъ старшій корсаръ: „иди бери“. Юноша, полагая, что получитъ, повернулъ назадъ, но корсары опять

не стали давать. Тогда юноша снова повернулся и пошелъ, однако корсары не дали ему подойти къ двери, но кинули ему бумагу. Юноша взялъ бумагу въ руки свои, т. е. рукописаніе Эхмалотоса, и сейчасъ же сказалъ: „оставьте человѣка".—Услыхавъ то старшій изъ корсаровъ, разгнѣвался и сказалъ: „мало съ тебя того, что ты взялъ его рукописаніе себѣ въ руки; теперь еще чего тебѣ надо отъ насъ?"—Говоритъ юноша: „я желаю, чтобы вы оставили человѣка".—Корсары разсердились и сказали: „чего тебѣ надо?—что хочешь дѣлать?—взялъ рукописаніе, и иди себѣ по своимъ дѣламъ?"—Говоритъ юноша: „Мое дѣло въ томъ, чтобы я получилъ отъ васъ человѣка".

Пока такъ юноша препирался съ бѣсами, Эхмалотосъ трепеталъ отъ страха какъ рыба, стоя посреди вѣсовъ совершенно нагъ и ничего не видя предъ собою, кромѣ злыхъ дѣлъ своихъ, разно изображенныхъ на разныхъ бумагахъ.

Это только и видѣлъ онъ передъ собою и ничего больше не видѣлъ, т. е. ни одного добраго дѣла въ утѣшеніе себѣ не могъ припомнить. Вспоминались ему одни только грѣхи, содѣянные имъ; грѣхи сами веліимъ гласомъ вопіяли предъ нимъ. Каждый грѣхъ говорилъ о своемъ содѣяніи, когда былъ содѣянъ, какъ и какимъ образомъ. Изъ земного мірского Эхмалотосъ тогда ничего не припоминалъ, ни отца, ни мать, ни братьевъ, ни друзей. Одни только грѣхи свои припоминалъ и видѣлъ предъ собою, съ ужасомъ ожидая, что вотъ сейчасъ корсары уведутъ его отъ вѣсовъ и похитятъ во власть свою. Эхмалотосъ трепеталъ отъ страха. О, кто тогда могъ-бы помочь, по крайней мѣрѣ, ободрить его утѣшительнымъ словомъ или чѣмъ инымъ? Въ такихъ душевныхъ мукахъ стоялъ онъ передъ корсарами и юношей, который покровительствовалъ ему.

Говоритъ юноша корсарамъ: „Ступайте за своимъ дѣломъ и оставьте человѣка. Ступайте туда, куда вамъ приказано". — Корсары сказали: „Зачѣмъ приказываешь намъ идти въ другое мѣсто, когда намъ приказано идти сюда?" – Говоритъ юноша: „Теперь это дѣло окончилось, ступайте себѣ на другое". — Отвѣчаютъ корсары: „По твоимъ понятіямъ окончилось, а по нашему разумѣнію еще не окончилось". Говоритъ юноша: „Ступайте, ступайте, и не противьтесь".—Корсары: „Куда пойдемъ? У насъ нѣтъ другого мѣста, только здѣсь жилище наше".— Юноша: „Довольно съ васъ того что вы пожили здѣсь, ступайте же теперь на другое мѣсто". — Корсары: „Намъ некуда идти; самъ скажи, куда мы пойдемъ?"—И сказалъ имъ юноша: „Идите туда, гдѣ попеченія, заботы о сокровиществованіи". — Корсары отвѣтили: „Тамъ другіе есть, борются съ ними и не бываютъ побѣждаемы, а мы побѣждены. Тѣ пріобрѣтаютъ, а мы потеряли. Что за бѣда такая постигла насъ?!" — Вдругъ корсары побѣжали прочь, остался одинъ старшій около Эхмалотоса, и воскликнулъ: „Увы мнѣ! я остался одинъ.

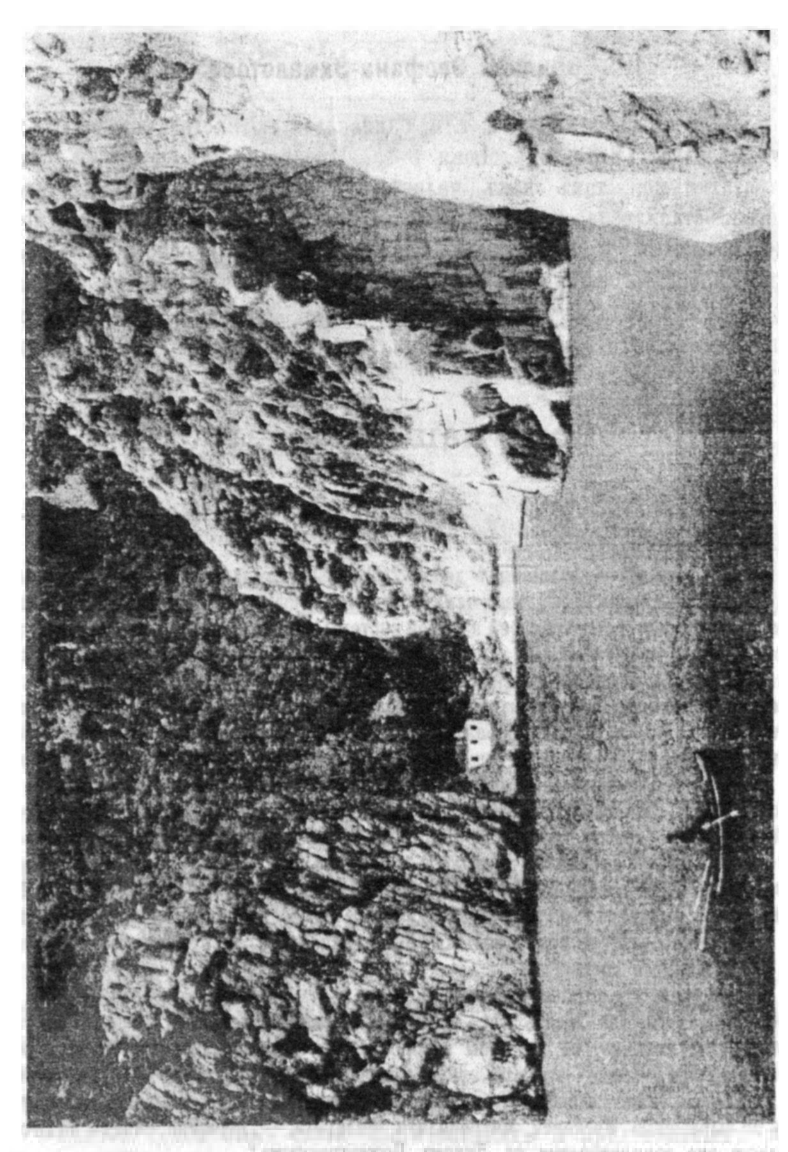
Зачѣмъ убѣжали вы и оставили меня одного? Идите, идите сюда и не стойте вдали. Идите скорѣй, иначе его у меня возьмутъ и уже взяли! Я зло накажу васъ за то, что оставили меня одного; я побѣжденъ, и онъ дѣлаетъ со мной что хочетъ".—Потомъ обратился онъ къ юношѣ и сказалъ: „Ты думаешь, что мы такъ и пойдемъ туда, куда ты хочешь?—не пойдемъ ни за что!"—Юноша; „Я сказалъ: оставьте человѣка и ступайте, куда вамъ приказано, а вы все еще противитесь". Корсары: „Велика обида, которою ты насъ обижаешь; но, какъ ни старайся, мы этого человѣка не отдадимъ никоимъ образомъ; дѣлай что хочешь".—Юноша: „Если не оставите человѣка, то собственными руками возьму, а васъ я ввергну въ огонь. Вотъ я иду сейчасъ, (т. е. внутрь), увидите что будетъ съ вами".—И двинулся юноша, чтобы идти внутрь. Тогда корсары премного устрашились и столь смутились, что сейчасъ же толкнули Эхмалотоса къ юношѣ, сказавъ: „Иди, бери его. Иди и не ввергай насъ во огнь".—Юноша сдѣлалъ видъ, что не хочетъ возвращаться назадъ; корсары, увидавъ, что онъ не поворачивается, перепугались до крайности и поспѣшно говорили Эхмалотосу: „Ступай къ нему, ступай". — Юноша, увидавъ, что они отпускаютъ Эхмалотоса, повернулся назадъ, но видъ его не былъ уже такой, какъ передъ тѣмъ, кроткій и смиренный; видъ его былъ страшный, приводящій въ трепетъ. Юноша былъ вооруженъ такъ, что отъ одного вида его противники пришли въ великій страхъ, бросили Эхмалотоса, собрали свои вѣсы, забрали бумаги и толкнули Эхмалотоса къ юношѣ, сказавъ: „Ступай, ступай, скандало-творный человѣкъ и лжецъ". — И сказали юношѣ: „Берите неправеднаго, вы, которые хвалитесь тѣмъ, что вы праведные. Берите лжеца, вы, которые хвалитесь тѣмъ, что вы правдивые. Берите нечистаго, вы, которые хвалитесь тѣмъ, что вы чистые".— Тогда воскликнулъ юноша противникамъ, т. е. корсарамъ: „Не говорите мерзостей, болтуны, (или мерзкіе болтуны)",— и замахнулся на нихъ своимъ копьемъ. Тотчасъ корсары исчезли съ глазъ Эхмалотоса; Эхмалотосъ остался одинъ съ юношей. Юноша показалъ Эхмалотосу рукописаніе его и сказалъ ему: „Это твоя рукопись? Узнаешь-ли ее?"— Эхмалотосъ, сказавъ: „да, она",—простеръ руку, чтобы взять ее, и сказалъ: „Отдай ее мнѣ".— Юноша же отвѣтилъ: „Не дамъ ее тебѣ, такъ какъ ее требуютъ внутри; пойду сначала внутрь, а потомъ ее отдамъ тебѣ". — Пошелъ онъ внутрь; черезъ малое время вышелъ наружу и сказалъ Эхмалотосу: „Ее тамъ задержали, сказали мнѣ внутри: пусть остается здѣсь до часа смертнаго его".—Потомъ сказалъ Эхмалотосу: „Внимай точнѣйше, ибо великую бѣду пріять имѣешь въ часъ смерти твоей, (или вѣрнѣе: имѣешь подвергнуться опасности). Вниманіе твое да будетъ попечительнымъ, (т. е. о спасеніи своемъ). Внимай добрѣ, чтобы впредь не попасться тебѣ въ плѣнъ, такъ какъ потомъ не будетъ тебѣ болѣе возможности освободиться. Итакъ, гряди въ путь мира".

Юноша, сказавъ сіе, тотчасъ вошелъ внутрь и закрылъ дверь. Эхмалотосъ остался одинъ. Предъ нимъ показались двѣ дороги, изъ коихъ одна была восходящая, а другая нисходящая. Онъ раздумывалъ, какую дорогу взять, и взялъ нисходящую; когда прошелъ по ней нѣкоторое разстояніе, она оказалась неудобной; сколько ни напрягалъ онъ силы, все оказывались препятствія. Эхмалотосъ тогда вернулся назадъ, взялъ восходящую дорогу, пошелъ по ней и сталъ восходить. Утомившись отъ пути, присѣлъ немного отдохнуть. Когда онъ отдохнулъ, то чихнулъ; ему показалось, что у него вышла изъ носу кровь. Тотчасъ онъ пришелъ въ себя, увидавъ себя совершенно нагимъ; изъ носа его выходила желчь, во исполненіе словъ Святого Нила, который предрекъ ему, что, если по истеченіи 40 дней страданія выйдетъ у Эхмалотоса изъ носу кровь, то Эхмалотосъ долженъ воздать славу Богу, Который, значитъ, внялъ „посредствующему нашему моленію". Однако вышла не кровь, а истекла желтая желчь изъ носу. Сіе промыслительно было сдѣлано Святымъ, чтобы кто не подумалъ, якобы кровь пошла просто отъ того, что Ѳеофанъ ударилъ себя рукою въ носъ.

Эхмалотосъ исцѣлѣлъ благодатію Святого и сталъ здравъ. Но все-таки преступилъ заповѣдь Святого записать все то, что говорилъ ему Святой и не записалъ, такъ какъ на это требовался громадный трудъ и многое время; утаилъ это повелѣніе Святого и отъ Герасима. Они удалились тогда вмѣстѣ съ попомъ Герасимомъ со Святой Горы въ Константинополь, ибо Герасимъ ничего не зналъ о семъ повелѣніи все записать. Можетъ быть Герасимъ и смалодушествовалъ, услыхавъ отъ Святого о ярости тѣхъ, коихъ обличенія задѣнутъ за живое.

Однако оба они не возмогли дойти до Царьграда отъ препятствій, приключившихся имъ въ пути по изволенію Святого. Они повернули назадъ во Святую Гору, такъ какъ бури и всякія противности не пускали корабль, на которомъ они должны были дойти до Царьграда; корабль вернулся на Аѳонъ. Эхмалотосъ возвѣстилъ попу Герасиму о заповѣди Святого Нила, повелѣвшаго ему записать все, что Святой съ нимъ говорилъ. Тогда почти цѣлый годъ они сидѣли и записывали, т. е. Эхмалотосъ диктовалъ, а Герасимъ и нѣсколько другихъ ревнителей записывали слова его изо дня въ день.

Потомъ они удалились со Святой Горы въ лѣто 1820 въ Іюнѣ.



Каравостасіонъ, (кораблестояніе), морской заливъ, гдѣ остановилось судно и св. Петръ Аѳонскій сошелъ на берегъ Аѳона и гдѣ приставали лодки изъ всѣхъ мѣстъ Востока почерпнуть во исцѣленіе души и тѣла освященнаго мура, стекавшаго сюда въ обиліи отъ пещеры преп. Нила.

Эпилогъ Өеофана-Эхмалотоса.

Окончилась эта книга, т. е. написалась, со многою болѣзнію, (т. е. трудомъ), въ 1820 году, Іюня 8-го. Простите мнѣ, отцы и братія, недостатки мои, такъ какъ человѣкъ я неграмотный; по забывчивости многое оставилъ, а, послѣ вспоминая, добавлялъ, написалъ неграмотно; еще и языкъ у меня не поворачивался, (т. е. косноязыченъ былъ, чтобы написать правильно). Чудо же сіе есть то, что все-таки написалъ это, ибо три года спустя, послѣ того какъ говорилъ съ нимъ Святой Нилъ, слова эти онъ ясно помнилъ, а послѣ того, какъ записывалъ ихъ, больше не помнилъ *).

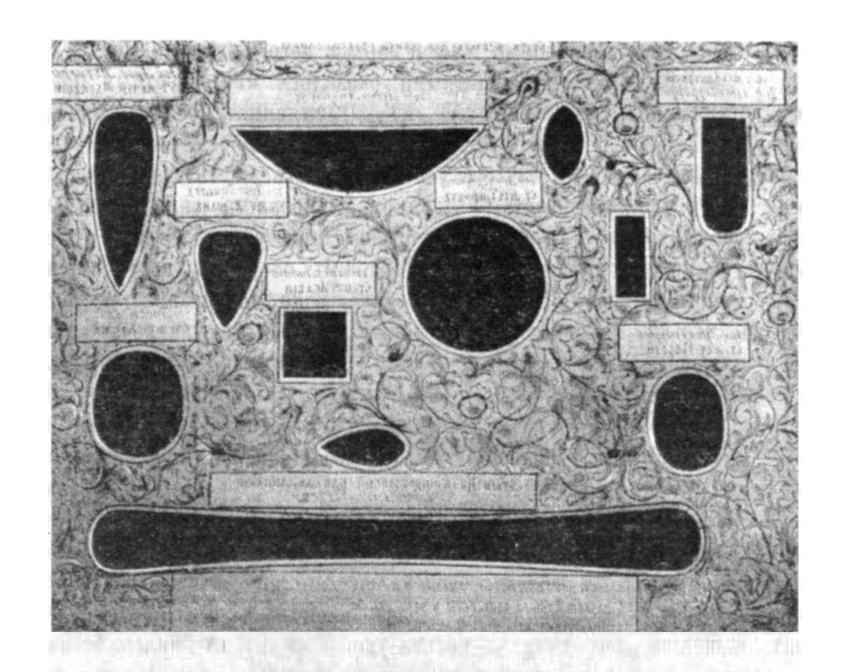
Богу нашему слава!

*) Считаемъ не излишнимъ добавить здѣсь нѣсколько разъясненій по поводу такого необыкновеннаго „подъема памяти“ монаха Өеофана. Өеофанъ, вслѣдствіе слишкомъ утонченнаго состоянія своей нервной системы, всегда находился въ состояніи такъ называемаго „транса“, т. е., усиленной работы „подсознательныхъ“, (трансцендентальныхъ), силъ и способностей души, обычно скрытыхъ, подобно солнечнымъ лучамъ за облаками, за напряженною работою нашего обычнаго, обыденнаго (эмпирическаго) сознанія. Такимъ образомъ, для всякаго очевидно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ памятью трансцендентальною, подсознательною, которая работаетъ всегда съ такою напряженностью и силою, о которыхъ обычная память и мечтать не можетъ. Можно сказать, трансцендентальная память, воспроизводя прошлое до мельчайшихъ подробностей, является фотографомъ по отношенію къ припоминаемому, воспроизводимому предмету, тогда какъ обычная, разсудочная память лишь живописцемъ съ этой же фотографіи. Пояснимъ сказанное примѣромъ. Во снѣ наша душа часто впадаетъ въ трансовое состояніе и воспроизводитъ иногда прошлое въ такихъ мелочахъ и подробностяхъ, какія никогда и не припомнились бы намъ въ бодрственномъ состояніи.

Пишущій эти строки однажды видѣлъ во снѣ воспроизведенный фактъ изъ своего прошлаго, (за десять лѣтъ назадъ), съ такими мелочами и подробностями, какихъ онъ. конечно, не могъ бы воспроизвести и припомнить въ бодрственномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что отъ этихъ мелочей его отдѣляли цѣлые десять лѣтъ.

Теперь, самое главное,—трансцендентальная область нашей души или „духъ“ есть по выраженію Московск. Митрополита Филарета,—„вершина нашего существа, которою оно соприкасается съ Духомъ Божественнымъ“...

Какъ въ морской водѣ неизбѣжна химическая примѣсь разныхъ минеральныхъ веществъ, такъ въ трансцендентальной области нашего духа всегда дѣйствуетъ участіе высшихъ, сверхъестественныхъ силъ, хотя мы сего обычно не замѣчаемъ... Слѣдовательно, до какой силы и напряженности могла дойти трансовая, (а не обычная), память Өеофана, усиленная еще преп. Ниломъ!..



Ковчегъ Капсокаливскій съ мощами святыхъ, (здѣсь же часть мощей преп. Нила Мѵроточиваго).

ЧАСТЬ VI.

Житіе Преподобнаго отца нашего Нила Мѵроточиваго. [1]).

Святой и блаженный Нилъ, возсіявъ въ позднія времена, подвигами своими превзошелъ многихъ, даже древнихъ подвижниковъ. Новое доказательство, что добродѣтель, благочестіе и любовь къ Богу не опредѣляются временами и годами, но имѣютъ свое основаніе въ нашей волѣ и произволеніи.

Святой Нилъ былъ сынъ благочестивыхъ и православныхъ родителей, имѣвшихъ свое жительство въ Мореѣ или нынѣшней Греціи, въ селеніи, „Святаго Петра", Законійской епархіи. Воспитаніе его ограничивалось предѣлами мѣста его рожденія. Въ раннихъ еще лѣтахъ лишился онъ своихъ родителей, но нашелъ отца въ дядѣ своемъ іеромонахѣ Макаріи. Этотъ дядя былъ бдительнымъ и любящимъ надзира-

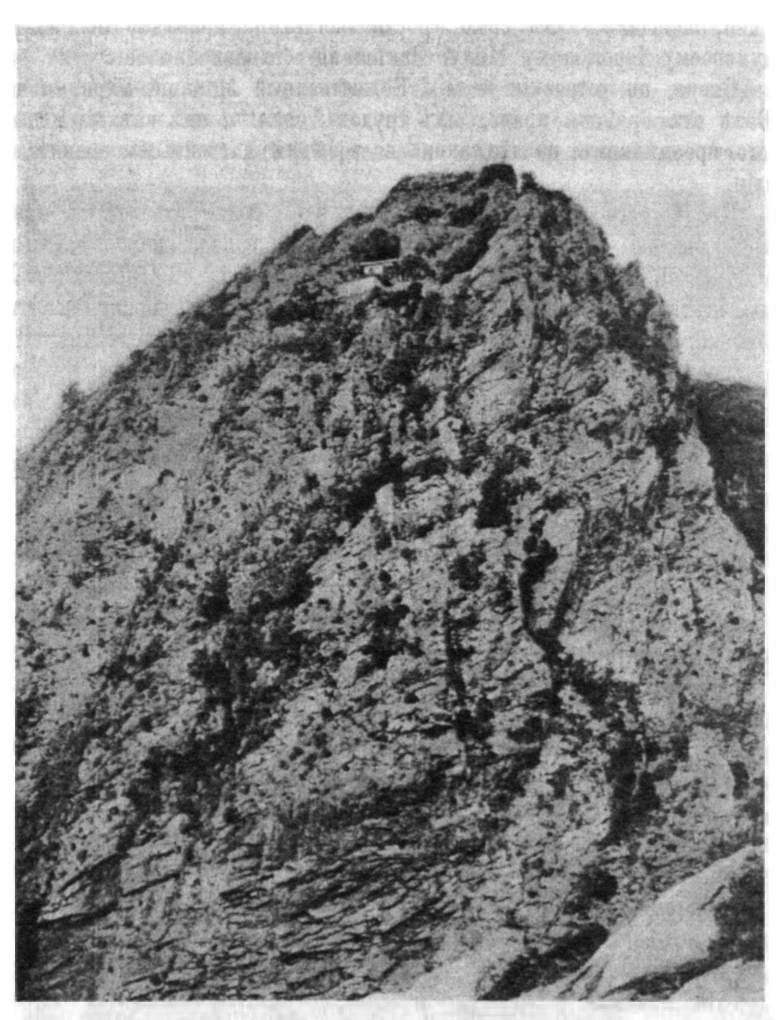
[1]) Съ Лаврской рукописи келліи Нила преподобнаго.

телемъ за всѣми движеніями ума и сердца сего будущаго сосуда благодати Святаго Духа. И нещетными оказались многозаботныя попеченія пѣстуна надъ его воспитанникомъ. Племянникъ, обладая прекрасными природными дарованіями, при неусыпномъ и искреннемъ о немъ стараніи дяди, оказывалъ быстрые успѣхи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Поэтому, достигнувъ законнаго возраста, юный Нилъ, принялъ монашеское постриженіе и удостоенъ былъ рукоположенія во іеродіакона, а потомъ и во іеромонаха. Такимъ образомъ, достопочтенный дядя и достойный его племянникъ единодушно подвизались подвигомъ добрымъ. Но сіи высокія и дѣвственныя души, бывъ уязвлены пламенною и всецѣлою любовью къ пресладкому Небесному Жениху,—во славу его, возгорѣли желаніемъ подвиговъ бо́льшихъ. Нашедши настоящее свое мѣстопребываніе недостаточнымъ для осуществленія такого пламеннаго своего желанія, они, удалившись изъ своего отечества, пришли на Святую Аѳонскую гору. Посѣтивъ здѣшнія обители, скиты и пустыни съ цѣлью обрѣсти мѣстность удобную для безмолвія и высокихъ подвиговъ, наконецъ, пришли они въ одно мѣсто, издревле называемое „Святые Камни“. Это мѣсто тогда было еще пусто и не заселено, ибо отличалось чрезвычайною дикостью и безводностью. Блаженный Макарій и божественный Нилъ, нашедши его однакожъ весьма удобнымъ для глубокаго безмолвія и совершенно соотвѣтствующимъ святымъ намѣреніямъ, исполнились такою радостію, какую ощущаютъ люди обрѣтшіе многоцѣнное сокровище. Полные этой неподдѣльной радости, они явились въ Лавру, испрашивая благословенія на владѣніе этимъ мѣстомъ [1]) и на устроеніе тамъ Келліи. Игуменъ Лавры съ старшею братіею, видя чистоту и божественное житіе просителей, которые и самою своею наружностью внушали къ себѣ почтеніе и уваженіе, съ радостью согласился на ихъ прошеніе; въ знакъ своего согласія на то, Лавра дала имъ письменное удостовѣреніе. А священный Макарій, по обыкновенію Святой горы внесъ въ Лавру небольшой денежный вкладъ, какъ дань дружбы. Получивъ такимъ образомъ право на владѣніе мѣстомъ, блаженные труженики приступили къ расчищенію его. Какихъ стоило имъ это трудовъ; сколько при этомъ пролито ими поту! Но души, разженныя ревностью по Богѣ, не замѣчали своихъ трудовъ; вскорѣ восталъ, какъ бы фениксъ, святый храмъ съ помѣщеніями при немъ для земныхъ ангеловъ, имѣющихъ славословить Его во дни и въ нощи. Блаженный Макарій устроилъ при келліи Престолъ и Церковь, освятилъ ее во имя св. Петра, Аѳанасія и Пресвятыя Богородицы. Расписали Церковь иконами сами, такъ какъ были искусными иконописцами; утварь же и книги пріобрѣли на послѣднія, взятыя изъ дому деньги.

Передъ смертью Макарій написалъ духовное завѣщаніе, по кото-

---

[1]) Оно находится въ области Лавры.



Скала, вверху которой едва видны церковь и пещера преп. Нила. По одной изъ ложбинъ или выемокъ скалы стекало отъ гробницы преподобнаго къ морю цѣлебное муро.

рому Свято-Петрійскую Келлію, (нынѣ Спанонъ), и все, находящееся въ ней, передалъ, какъ свою собственность, на правахъ Келліи, ученику своему Іеромонаху Нилу. Завѣщаніе сіе сохранилось.

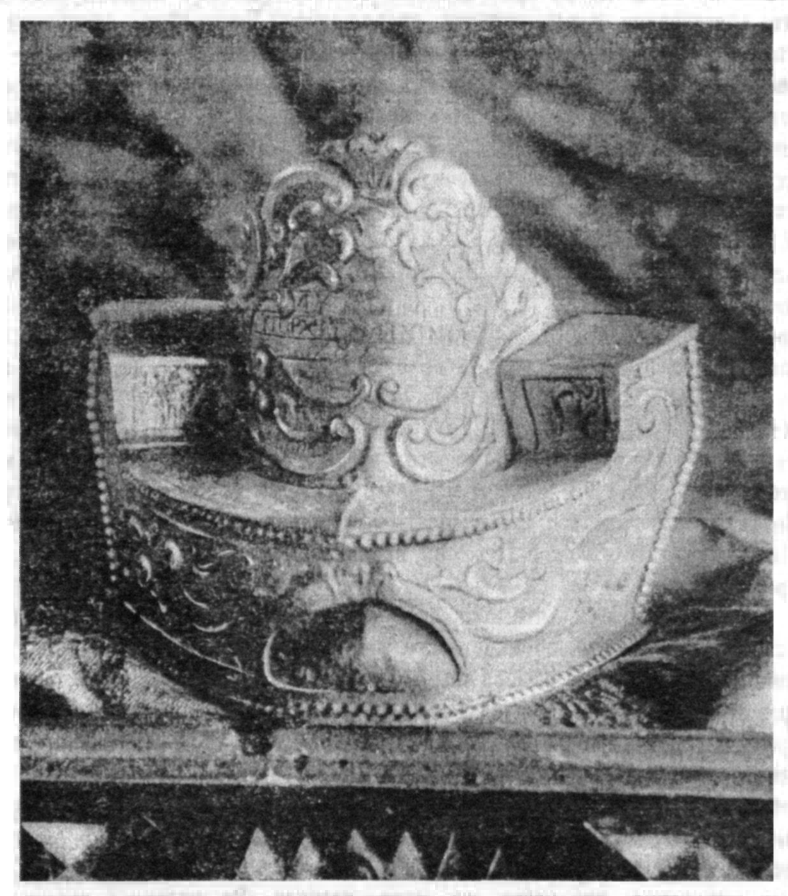
Скоро, по устроеніи келліи, Божественный Макарій мирно почилъ о Бозѣ отъ бремени праведныхъ трудовъ своихъ, сдѣлавъ племянника своего преемникомъ, наслѣдникомъ во всемъ и достойнымъ правителемъ келліи.

Послѣ сего блаженный Нилъ, болѣе и болѣе разжигаясь пламенемъ любви ко Христу, желая совершенной неразвлекаемости въ подвигахъ своей любви, стремясь слить свою любовь съ Превѣчною Любовію, находитъ и это мѣсто не совсѣмъ соотвѣтствующимъ святымъ стремленіямъ пламенной его души. Посему, онъ отыскиваетъ другое, болѣе способное удовлетворить его стремленію, и поселяется въ немъ. Мѣсто это въ то время, по своей дикости, суровости, обилію наводящихъ ужасъ исполинскихъ скалъ и стремнинъ, было недоступно не только для людей, но даже и для звѣрей, имѣющихъ обыкновеннымъ прибѣжищемъ высокіе горы и камни (Псал. 103, 18). Во впадинѣ пещеры Преп. Нилъ освятилъ престолъ во имя Срѣтенія Господня.

Истинно любящіе Бога и живущіе по Богу всячески стараются скрывать свои добродѣтели, плачъ и слезы, опасаясь стрѣлъ тщеславія и похвалы людской; они желаютъ, чтобъ умъ ихъ не былъ стѣсняемъ заботами о суетномъ и мірскомъ, но чтобы былъ постоянно устремленъ къ Богу. Такъ точно и Божественный Нилъ, желая, чтобы и самые сподвижники не слышали сердечныхъ его воздыханій и молитвъ къ Богу, не видѣли подвиговъ и слезъ, чтобы умъ его и сердце постоянно заняты были Богомъ, чтобы никто не могъ прерывать небесныхъ его упражненій, для своего уединенія нашелъ мѣсто неприступное почти ни для какого живаго существа, нашелъ и, не обращая вниманія на невыразимыя трудности и даже опасности жизни, поселился въ немъ. Поселившись, мужественно терпѣлъ онъ до конца своей жизни всякую тѣсноту и бѣдствіе, презрѣвъ всякое тѣлесное упокоеніе и человѣческое утѣшеніе. Какіе-же подвиги видѣла пещера, вмѣстившая сего мужественнаго подвижника! Коликимъ она оросилась изліяніемъ теплыхъ слёзъ плакавшаго предъ Богомъ и день и ночь! Какой борьбы съ демонами и какихъ побѣдъ надъ ними была она свидѣтельницею! И послѣ побѣдъ надъ темными силами, коликими она освятилась небесными видѣніями и ликостояніями Ангеловъ, являвшихся сюда для утѣшенія равно-ангельскаго подвижника! Всего этого хорошо мы не знаемъ; это извѣстно только Всевѣдцу. Но для насъ самое мѣсто его подвиговъ есть безмолвный и громогласный проповѣдникъ о величіи ихъ; не менѣе того свидѣтельствуетъ о томъ и прославленіе мертвенныхъ священныхъ его останковъ.

Вотъ настало время и окончанія земныхъ злостраданій сего слав-

наго подвижника, и упокоенія его тамъ, гдѣ ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ къ тому, (Апок. 21, 4). Умерщвлявшій по вся дни свое тѣло, безболѣзненно отдаетъ общій долгъ смертности и отходитъ къ Тому, Коего душа его желала отъ юности, возносясь на небеса въ пѣснопѣніяхъ и ликованіи Ангеловъ. Въ тѣснѣйшей своей пещерѣ, ознаменованной и освященной столькими дивными подвигами, онъ мирно



Ковчегъ съ челюстью преп. Нила.

предалъ въ руцѣ Божіи мирный свой духъ. При пещерѣ-же братія его келліи благоговѣйно предали землѣ многопобѣдное и многотерпѣливѣйшее его тѣло.

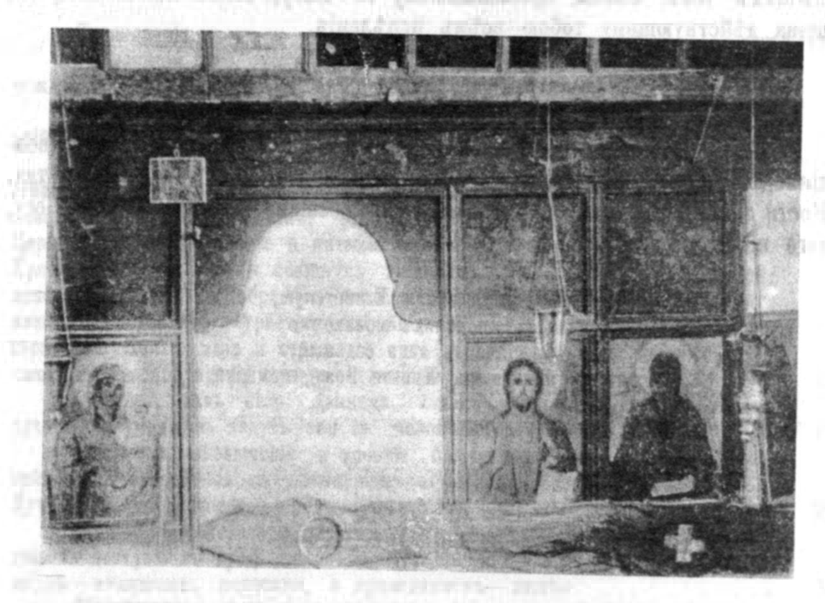
Убѣгавшій человѣческой славы при жизни, Преп. Нилъ не восхотѣлъ ея и по смерти. Посему, умирая, сдѣлалъ клятвенное завѣщаніе, чтобы никто не дерзалъ отрывать его останковъ, (какъ-то во-

дится во Святой Горѣ, гдѣ кости умершихъ отрываются черезъ три года). Согласно этому, почитатели Святаго похоронили святое тѣло въ небольшой пещеркѣ, подъ его пещерою, утвердивъ надъ изголовьемъ надпись съ запрещеніемъ отрывать тѣло Преподобнаго.

Но Господь, по неложному слову Своему поставляющій свѣтильники на свѣщницахъ, прославилъ Святаго Угодника Своего тѣмъ, что его дѣвственное и отъ юности посвященное Богу тѣло, очищенное и утонченное постами, омытое слезами, облагоуханное молитвами, — сіе святѣйшее тѣло Богъ превратилъ въ муро и благоволилъ ему истечь въ явленіе людямъ, изъ гроба, чрезъ малое отверстіе и по отвѣсной скалѣ стекаться къ морю. Неслыханное чудо такого небывалаго истеченія мура сдѣлалось вскорѣ извѣстно всему православному востоку; отовсюду стали нарочно приходить корабли почерпнуть мура изъ чудеснаго потока. Мѣсто, куда стекало муро и куда сходились корабли почерпать его, тоже весьма знаменательно въ исторіи Аѳона: оно называется „Каравостасъ“, (ибо нѣкогда противъ него остановился неподвижно среди моря корабль съ плывущимъ на немъ Святымъ Петромъ Аѳонскимъ, не двигаясь впередъ до тѣхъ поръ, пока не высадили Петра на берегъ, гдѣ онъ долженъ былъ положить начало Аѳонскому пустынножительству). Итакъ, теперь, много лѣтъ спустя, избраннѣйшее чадо, подвизавшееся въ пещерѣ по образу отца своего, въ благодарность отцу почтило мѣсто его высадки на Аѳонскій берегъ благоуханнымъ муромъ. (Рис. 493 стр.). Безчисленныя исцѣленія и чудеса, послѣдовавшія отъ мура Преподобнаго Нила, побудили Святую Церковь причислить его къ лику Святыхъ, съ присвоеніемъ ему имени Муроточиваго.

Разсказываютъ, что ученикъ, оставшійся послѣ Святаго Нила и бывшій очевидцемъ скромности и глубокаго смиренія своего старца при земной его жизни, не вынося молвы отъ множества стекающихся мірянъ, тревожившихъ покой Святой Горы, будто-бы рѣшился жаловаться своему прославленному старцу на него самаго, что онъ, вопреки своимъ словамъ—не искать и не имѣть славы на землѣ, а желать ея только на небесахъ,—скоро весь міръ наполнитъ славою своего имени и нарушитъ черезъ то спокойствіе Святой Горы, когда во множествѣ начнутъ стекаться къ пещерѣ для исцѣленій? Это такъ подѣйствовало на Святаго муроточца, что тогда же муро изсякло. Въ недавнее время нѣкоторые изъ кавсокаливскихъ отцовъ, получившіе исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней черезъ благоговѣйное молитвенное призываніе Святого, по чувству глубокой благодарности рѣшились построить при его пещерѣ храмъ. 1815 года отъ Р. Х. 7-го мая было приступлено къ постройкѣ. Копая мѣсто для основаній храма, открыли незамѣчаемый дотолѣ сводъ, изъ котораго вдругъ вышло неизреченное благоуханіе. Надобно сказать, что до того времени всѣ были увѣрены, что гробъ преподобнаго и мощи его находятся при его пещерѣ, но никто не

зналъ опредѣленно, въ какомъ именно мѣстѣ. Для непытливой вѣры достаточно было только знать, что тамъ находится чтимая ею святыня. Итакъ, разломавъ этотъ сводъ, нашли подъ нимъ безцѣнное сокровище—священныя мощи Святаго, благоухавшія неизъяснимымъ райскимъ ароматомъ. Тотчасъ же сообщили объ этомъ Лаврѣ. Лавра немедленно послала туда іереевъ. Іереи, взявъ съ величайшимъ благоговѣніемъ изъ подъ свода Святыя мощи, перенесли ихъ въ Лавру, гдѣ въ то время находился константинопольскій патріархъ, блаженный Григорій V и, который и участвовалъ при встрѣчѣ Святыхъ мощей.



Иконостасъ церкви преподобнаго Нила.

Лавра, прилично украсивъ черепъ и челюсть Святой главы, первый оставила у себя, положивъ его во Святомъ алтарѣ вмѣстѣ съ другими Святыми мощами, челюсть же отослала въ келлію Святаго Нила, во освященіе пребывающихъ тамъ и приходящихъ туда, ради благоговѣнія къ Святому и почитанія его памяти.

Между тѣмъ, оконченъ былъ устройствомъ и священный храмъ при пещерѣ Святаго Нила. Онъ, сообразно съ пространствомъ мѣста, можетъ вмѣстить не болѣе 10 или 15 человѣкъ. Позади алтаря сего храма означено мѣсто, гдѣ былъ гробъ Святаго.

Слѣды потока мура и теперь замѣтны въ скалѣ, (особая ложбинка).

Память преподобнаго празднуется 7-го мая въ честь перенесенія его мощей и 12 го ноября въ день кончины.

Преподобному отцу нашему Нилу.

Тропарь гл. 1-й.

Монашествовавъ Богоугодно въ Горѣ Аѳонстѣй, въ молитвахъ и постахъ Бога взыскалъ еси. И сталъ еси пріятелище чистое Духа, облиставая вѣрнымъ добродѣтелей лучи, ими же осіяваеши, Ниле, вопіющихъ тебѣ: Слава, прославльшему тя Богу, слава вѣнчавшему тя, слава дѣйствующему тобою всѣмъ исцѣленія.

Кондакъ гл. 3-й.

Еже отъ земли явленіе священныхъ мощей твоихъ, Ниле, совозсіяло сіянію [1]) Креста, того бо вожделѣлъ еси теплѣ отъ младенства. Кости твоя, сораспявшіяся Христови, воскресшему, яко превѣчному Богу, того пріяша благодать.

Нилъ орошаетъ водами землю Египетскую,
Нилъ же напаяетъ Аѳонскихъ монаховъ,
Нилова слава возсіяла въ день седьмый.
Того святыми молитвами, Христе Боже, помилуй и спаси насъ.

Аминь.

---

[1]) Какъ сказано выше, мощи Преподобнаго были обрѣтены 1815 года 7-го Мая. Въ этотъ день, (7-го Мая), Православная Церковь празднуетъ явленіе въ Іерусалимѣ на небеси знаменія честнаго креста Господня, (бывшее въ 351 году 7-го Мая, въ царствованіе Императора Констанція; очевидцемъ сего чуда былъ и Св. Кириллъ, Епископъ Іерусалимскій, описавшій его; о немъ говоритъ и церковный историкъ Созоменъ). Обрѣтеніе мощей Преподобнаго Нила, бывшее въ 1815 году, произошло 7-го Мая, совпало съ этимъ праздникомъ. Посему въ кондакѣ Преподобнаго Церковь воспѣваетъ вышеприведенныя слова. „Еже отъ земли явленіе священныхъ мощей твоихъ, Ниле, совозсіяло сіянію креста“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О предметахъ духовныхъ вообще.

Предисловіе . . . . V—XXIV.

Толкованіе того, какъ невѣріе и похоть рождаютъ грѣхъ, а грѣхъ рождаетъ смерть, изъясненіе грѣхопаденія прародителей 1

Какъ велика была утрата людьми рая и блаженства. Первое убійство 7

Какъ изъ первыхъ грѣховъ Адама и Каина развелись всѣ прочія страсти. Уподобленіе грѣха плющу, противленіе людей Богу, желавшему очистить Свой виноградникъ. Воплощеніе Господа и учрежденіе Имъ Церкви, какъ тѣла Своего и питаніе ея тѣломъ и кровію Своею. Союзъ со Христомъ чрезъ вѣру и союзъ съ діаволомъ чрезъ невѣріе и воспріемлемое отъ сего пятіобразное подобіе діаволу. 33 вѣтви грѣховнаго плюща. Уподобленіе страстей алфавиту. Совокупленіе добродѣтелей со страстями. Книга міра и страшный судъ. Какъ вѣра и невѣріе соперничаютъ изъ за обладанія душою человѣка. 12

О томъ, какъ палъ Денница, какія свойства пріобрѣли павшіе духи и какую брань ведутъ они съ человѣкомъ 19

Грѣховное обольщеніе и упоеніе благодатію Св. Духа. Сравненіе грѣховнаго обольщенія съ опьяненіемъ отъ вина. Упоеніе благодатію Св. Духа и его превосходство предъ грѣховнымъ опьяненіемъ 20

Невѣріе, нечистота и отчаяніе суть три двери, открывающія для діавола доступъ въ душу человѣка. Двоякій способъ искушенія діаволомъ людей—немощныхъ похотями, а праведниковъ—лестію 24

Подвижникъ, хотя и впадаетъ въ грѣхъ, не долженъ отчаяваться. Богъ пріемлетъ покаяніе отъ всякаго, и почему невозможно покаяніе для злыхъ духовъ. 30

Чѣмъ вызванъ былъ потопъ. Проповѣдь Ноя о покаяніи. Ожесточеніе людей и ненависть ихъ къ Ною. Знаменія предшествовавшія потоку. Умыселъ людей съ Ковчегомъ погубить Ноя, какъ виновника всѣхъ бѣдствій. . 32

Невозможно не прійти искушенію. . Какъ былъ соблазняемъ Несоблазняемый. Кто блаженъ и кто треблаженъ. 35

Іуда предатель, какъ примѣръ несказаннаго долготерпѣнія Божія. Его происхожденіе, смертные грѣхи его юности, апостольство и хозяйственная должность у Апостоловъ. Попытка его присвоить власть духовную и ограничить милосердіе Христово; лукавыя побужденія вызвавшія предательство и самоубійство 41

Почему не всякая молитва Святыми исполняется. 48

О потребности самопонужденія къ очищенію сердца своего. . . . —

Пшеница пахаря для посѣва и пшеница мельника для размола; дѣла

благодатныя и дѣла вражія. 49
Бѣгство Іоны произошло промыслительнымъ попущеніемъ Божіимъ. Покаяніе Ниневіи. 50
Повѣсть о томъ, какъ премудрый Рамуилъ доказалъ вельможамъ и мудрецамъ Ниневитскимъ достовѣрность проповѣди Іоны. 53
Скорбь Св Іоакима и Анны, перешедшая въ радость и исходатайствовавшая міру утѣшеніе—Богородицу и Спасителя Бога. Уподобленіе голубицѣ Ноевой. 55
Сравненіе человѣчества Христова съ цвѣткомъ розы и Божества Его съ благовоніемъ ея, рода же Іудейскаго съ колючимъ кустомъ розовымъ. . 56
О страсти осужденія въ людяхъ. 58
Объ очищеніи себя таинствомъ покаянія. 60
Помощь моя отъ Господа сотворшаго небо и землю. 61
Возмите врата князи ваша и возмитеся врата вѣчная и внидетъ Царь Славы. 63
Толкованіе молитвы „Отче нашъ“ въ связи съ обличеніемъ празднословія во время обѣда. . . . . —
О происхожденіи „Хлѣба насущнаго“. Что означаетъ это слово? . 66
„Хлѣбъ нашъ насущный“—испрошеніе хлѣба небеснаго. 67
Ублаженіе молчанія, и о томъ, сколь мерзко благодареніе (молитвенное) послѣ многословной трапезы. 70
Извѣщеніе одному преподобному о томъ, сколь грѣховно осужденіе предъ Богомъ. 71
Пророческая характеристика людей предъ концомъ вѣка 72
Пророчество объ умноженіи нищеты, преслѣдованіи бѣдняковъ крестьянъ, переселеніяхъ ихъ и хлѣбной монополіи предъ наступленіемъ времени рожденія антихриста. 73
Обличеніе любостяжателей и воззваніе къ бѣднякамъ. 75
Корень зла любостяжаніе, сирѣчь сребролюбіе. Сребролюбіе есть духъ антихриста. 78
Антихристъ родится тогда, когда обнищаетъ міръ духовно и когда наступитъ всеміірная анархія Всемірное воцареніе антихриста. 80
Духъ Христа и духъ антихристовъ. 82
Какова печать антихриста запечатлѣвающая нынѣ злыхъ и какова та, которою запечатлѣвать будетъ антихристъ по воцареніи? 83
Бѣдствія, которыя постигнутъ міръ по воцареніи антихриста: изсохнетъ море; умрутъ животныя; ускорится время 85
Проповѣдь Эноха и Иліи людямъ, чтобы не принимали печати антихриста и знаменовались всегда крестомъ. Умерщвленіе сихъ проповѣдниковъ. 86
По убіеніи Эноха и Иліи антихристъ сниметъ съ себя личину нравственности, совершатся крайнія злодѣянія. Люди отождествятся по лукавству съ бѣсами. Знаменіемъ сего будетъ постепенное умаленіе роста людей. Ко времени антихриста средній ростъ человѣка будетъ одинъ аршинъ три четверти. 87
Кто такое „козлы“ и кто такое „овцы“. 88
О нераскаянности человѣческой и долготерпѣніи Божіемъ. . . . 89
Богатый коварно просилъ Авраама послать Лазаря къ нему въ адъ съ каплею воды 90
Какъ избѣгнуть пламени огненнаго. 91
Какъ зарождаются вражда и осужденіе дѣлъ ближняго. 92

О самооправданіи своего осужденія. . . . . —
О стрѣлахъ отступника и объ указателѣ пути спасенія. 94
Пятіобразіе непокорства спасенію и семистрастію. 95
О дивномъ милосердіи Божіемъ и о томъ, кому именно сорадуются ангелы. 96
Объ исторженія грѣха изъ сердца. Сравненіе души съ садомъ, а грѣха съ терніемъ въ саду. 98
Объ оскверненіи молитвы помыслами любостяжательными 101
О тимпанахъ и ликахъ, ветряхъ осужденія и къ чему это приводитъ 103
„Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмъ и во грѣсѣ роди мя мати моя“. 104
Еще о чадородствѣ міряпъ. 106
Міръ погибаетъ отъ блуда, прелюбодѣянія и разврата, а монашество—отъ многопопеченія, многозаботливости и многостяжанія. 108
Дивное домостроительство Божіе о спасеніи человѣка Воплощеніе, омовеніе первороднаго грѣха крещеніемъ, искупленіе Адама распятіемъ. Дарованіе людямъ второго крещенія покаяніемъ. 109
Посольство Моисея. 111
О посольствѣ Іоны, бывшаго прообразомъ не только погребенія тридневиаго, но и воплощенія. 112
Посольство Іоанна Крестителя. . . . . —
Какъ исполнять въ монашествѣ заповѣдь о почитаніи отца и матери. 113
Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что Сына Своего далъ. Кто званые. . 114
Что значитъ: „приблизилось Царство Небесное“ и „уготовьте путь“? 115
О трехъ предначертаніяхъ предвѣчнаго совѣта. . . . . —
О томъ, какъ дѣломъ показалъ Господь крещеніе покаянія. . . . 117
О томъ, какъ отверзся Царскій Источникъ изъ ребра Спасова. . 118
Почему кровь Господня однихъ искупила и взошли они въ рай, а другіе и по воскресеніи Господнемъ остались въ аду. . . . . . . —
Кто будутъ „благословеннiи Отца Моего“ и кто будутъ „проклятіи“. 120
Что значитъ древо насажденное при исходищахъ водъ. О происхожденіи Креста О покаяніи Лота, какъ прообразѣ монашескаго покаянія. . —
Христосъ воскресъ—воистину воскресъ! 121

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О монашествѣ.

О храненіи іереями сердца своего неоскверненнымъ по святомъ причащеніи. 123
Увѣщаніе Св. Нила послушникамъ не прельщаться мечтой объ уединенномъ подвижничествѣ и безмолвіи и не уходить изъ обителей своихъ. . 124
Уподобленіе монаховъ, ропщущихъ на продолжительность службы, предпотопнымъ людямъ. 130
Воззваніе преподобнаго къ посвятившимъ себя Богу, дабы хранили монашескія добродѣтели и питали горячее чувство любви ко Христу. Притча о пустынной горлицѣ. 131

Монашество—воинская служба Царю Небесному. 133
Какъ потребны подвижнику, простота вѣры и смиренія, примѣръ пророка Елисея 137
Слово Святаго Антонія Павлу про двоякую гибель для монаха: отъ самомнѣнія и нерадѣнія 138
О прехожденіи въ „Домъ Давидовъ" и уготовленіи себя къ сему. . 141
Сравненіе кипариса стройнаго, съ растрепаннымъ въ показаніе того, что надлежитъ собирать свои мысли. 143
О благотворности трудовъ послушанія для успокоенія помысловъ. . 144
О цѣломудріи. О поведеніи юныхъ въ общежитіяхъ и отношеніяхъ къ нимъ старшихъ. 146
До чего довести можетъ неумѣренная снисходительность старца. Страшный случай, бывшій въ Іорданской пустынѣ. 148
Другой примѣръ строгаго старца и благословеннаго послушника въ той-же Іорданской пустыни 150
Обличеніе людей нынѣшняго времени въ нечувствіи къ духовнымъ благамъ и пристрастіи къ земнымъ. 152
Сравненіе сердца монаха съ зеркаломъ. . . . . —
О свободѣ духа и легкомъ бремени истиннаго монашества, уклоненіе современнаго монашества къ суетѣ суетъ. 153
Воззваніе къ Аѳонскимъ инокамъ и возвѣщеніе о погибели Аѳона, если не покаются. 156
О славной обители неусыпающихъ и почему запустѣла она. . . 157
Обращеніе къ Святогорцамъ: притча о магнитѣ и желѣзѣ. . . . 158
Обличеніе торопливости Богослуженія. 159
Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы. Примѣръ Св. Никифора, Саприкія и патріарха Авраама. . . . . —
Сравненіе монаховъ, отступившихъ отъ иноческаго подвига съ неблагодарными израильтянами. 160
О тѣни и сѣни смертной. 161
Увѣщанія кавсокаливитовъ быть нищелюбивыми. 162
О неумѣстности веселія въ монахѣ. 163
Обличеніе духовниковъ, не хранящихъ тайны исповѣди 164
Повѣсть страшной карѣ, постигшей нѣкоего духовника, излишне снисходительнаго къ своему духовному чаду 165
Отъ безчувствія происходитъ невоздержаніе въ словѣ и въ ѣдѣ, а отъ этого развивается сладострастіе. 166
Запретное древо познанія добра и зла есть для монаха осужденіе . 167
О томъ, сколь развитъ порокъ празднословія въ монашествѣ. . . 168
Два вида пороковъ, при которыхъ молитва не можетъ вселиться въ человѣка. 169
Монашество—благое дѣло спасенія, но кто воистину спасается? . . 171

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Обличеніе грѣховъ святогорцевъ прошлаго столѣтія.

Съ какихъ поръ началъ измѣняться подвижническій духъ въ монашествѣ и оно начало увлекаться суетою 173
Плачъ Преподобнаго о подвижничествѣ Воззваніе его къ монахамъ. —
Нынѣ осень монашеству и завладѣваетъ имъ царица погибели . . 175

Непокорство, развивающееся въ монашествѣ, есть одолѣніе звѣря первою главою своею. Развивающаяся же многопопечительность—есть отравленіе прелестною чашею царицы погибели. Причина сему: несовершенное отреченіе отъ плотскихъ благъ и отъ плоти своей 175
Имя царицы погибели есть многопопечительность. 177
Матерь Божія исходатайствовала монашество въ небесный свой удѣлъ. 178
О томъ, какъ промышляетъ объ удѣлѣ своемъ Богородица и какъ велика неблагодарность тѣхъ, которые оставляютъ подвижничество и предаются суетѣ 180
Какъ царица погибели на звѣрѣ беззаконія въѣзжаетъ въ монашество 182
Обличеніе аскетовъ скитянъ въ увлеченіи многостяжательностью. Сравненіе съ древними отцами 183
О кесарійскихъ постникахъ нѣкогда прибывшихъ на Аѳонъ, какъ ихъ ущедрилъ Богъ за аскетизмъ, и отчего потомъ они оскудѣли 185
Обличеніе скитянъ въ похищеніи поминальныхъ свѣчей съ панихидъ. 186
Устройство скитянами частныхъ церквей въ каливахъ для полученія дохода за поминовеніе ведетъ къ понужденію лицъ недостойныхъ принимать священство. . обличенія скитянъ. 189
Пиршаніе храмовыхъ праздниковъ по каливамъ въ скитахъ . . . 192
Сравненіе богомольца, духовно не напитавшагося богослуженіемъ съ ежомъ, забравшимся въ виноградникъ. 194
Какими двадцатичетырьмя орудіями погибели дѣйствуетъ царица погибели противъ башень спасенія. 196
Прельстившихся любостяжаніемъ царицы погибели уловляетъ въ слѣдующія сѣти. 197
Какъ въ первыхъ ловушкахъ оказались одни начальствующіе и ни одного послушника, и какъ для послушниковъ врагъ изобрѣлъ приманку непокорства. Сравненіе трудности уловленія послушника съ трудностію поймать морского угря. 199
Врагъ старается развратить начало послушанія послушника. Вина старцевъ. Уподобленіе нынѣшнихъ легколовимыхъ послушниковъ съ раками, а старцевъ, теряющихъ послушниковъ, съ матерями похищенныхъ дѣвъ . . 201
Ласкательство старцевъ и презорство послушниковъ. Погибель монашеству, когда ноги станутъ головою, а голова ногами. 203
Притча о двухъ молодицахъ, первой и послѣдней 204
Какъ Царь удѣлилъ градъ Царицы Матери Своей. Измѣна гражданъ. 206
Плачъ Преподобн. Нила о Святой Горѣ и воззваніе къ праотцамъ . 207
Что значитъ имѣть Божественное желаніе, горѣ возносящее любовію окриляемыхъ. 208
Отъ плѣненія любостяжаніемъ возжигаются блудныя страсти: сластолюбіе, человѣкоугодіе и лицемѣріе 209
Горе старцамъ, у которыхъ ведутъ себя развратно подчиненные имъ послушники . . . . —
Убѣжденіе хранить цѣломудріе и остерегаться пристрастія къ юнымъ 210
Бдите и берегитесь любостяжанія 212
У монаха любостяжателя лишь одежда овчая, а сердце волчье . . 213
Обличеніе скитянъ въ увлеченіи садоводствомъ 215
Искательство милостыни отъ богатыхъ. Закхей 217
Горе духовникамъ, небрегущимъ о спасеніи душъ 219
Еще о духовникахъ и картина гибели послушника по винѣ духовника 221
Пристрастіе къ земнымъ благамъ угрожаетъ священнику страшнымъ

оскверненіемъ 224
О томъ, какъ должно литургисать и что есть литургія. 225
Воззваніе къ іереямъ; притча о нѣкоей рабынѣ, обманно сдѣлавшейся царицей . . . , ... 227
Обличеніе осужденія во время работъ; наставленіе о томъ, какъ заниматься рукодѣльемъ и молиться 230
Сила монаха—есть молитва 231
О необходимости трехлѣтняго монашескаго искуса прежде постриженія. 232
Для новорожденнаго необходимо омовеніе, новоначальному монаху скорби и слезы 233
Пристрастіе къ послушникамъ есть главная причина невзыскательности старцевъ 235
Опасность для общежитій отъ доступа въ нихъ молодыхъ 237
Еще о монашескомъ воспитаніи . . . . : . . . . . —
Многоядсніе не только не подкрѣпляетъ, но разслабляетъ; почему теперь мы не можемъ такъ поститься, какъ древніе отцы. 238
О влеченіи обратно въ міръ. 239
Уподобленіе осуетившихся монаховъ израильтянамъ въ пустынѣ . . 240
Сказаніе о чудесномъ вразумленіи одного скупого игумена, урѣзывавшаго довольствіе братіи въ одной обители Костамонитовъ. . . . . . —
О раздорахъ въ монашескихъ общинахъ. 244
Сравненіе избалованнаго монашества и избалованнаго послушника съ конемъ любимцемъ нѣкаго вельможи. . . . . —
Какое нынѣ стало единеніе духа и союзъ мира. 247
Сравненіе монашества съ израилемъ въ пустынѣ. 248
Къ чему довело скитянъ пристрастіе къ земному. Раздоры и коварство. 249
О зломъ навыкѣ взяточничества въ монастыряхъ и къ чему это приводитъ. 258
О плотоугодіи и сравненіе съ агарянами. 259
О скопидомствѣ и ростовщичествѣ; картина того, къ чему это приводитъ. 260
Воззваніе о храненіи себя отъ сообращенія съ безбрадыми. Картина развитія сей страсти. 263
Гнѣвъ Божій готовъ разразиться надъ Аѳономъ и что предотвращаетъ его. 264
Воззваніе о покаяніи и неотчаяніи. Сравненіе монашества съ хожденіемъ Петра по водамъ 265
О маннѣ въ пустынѣ; сравненіе съ манной милостыни монастырской . 266
О распущенности скитянъ, притча объ увлеченномъ женою мужѣ. . 269
Благой виноградарь насадилъ виноградъ, но алчные наслѣдники погубили его. 270
Притѣсненія убогихъ подвижниковъ. Уподобленіе жестокосердію фараонскому. 271
Посланъ Я къ вамъ отъ Бога, какъ пророкъ Наѳанъ къ Давиду . 273
Разберите жизнь свою и чувства ваши, угодны ли онѣ Богу? . . —
Призывъ святогорцевъ къ покаянію для предотвращенія нашествія . 274
О лицемѣріи, кичѣніи угрюмостью и милостынѣ христіанъ. . . . 276
Во истину-ли служите вы храму, чтобы отъ храма питаться? . . 277
О соблюденіи обѣта цѣломудрія. 278
Что порохъ для дома, то осужденіе для добродѣтелей. 279

О взаимномъ осужденіи монастырей и келліотовъ. 280
О прежнихъ разрядахъ монашествовавшихъ во Св. Горѣ и что стало теперь. 281
Одна изъ главныхъ причинъ упадка монашества есть взаимное осужденіе, ибо оно влечетъ впаденіе въ тѣ же грѣхи. Воззваніе къ Св. Петру Аѳонскому. 284
Безпечность о спасеніи, впаденіе въ сластолюбіе. Увѣщаніе сравнить свою безбѣдную жизнь съ бѣдственною жизнью міряиъ 286
Богъ послалъ меня къ тебѣ, какъ скрижали Моисея 287
Пристрастіе къ исхожденіямъ въ міръ, сборы. Блаженъ, кто не покидаетъ Св. Горы . . . . —
О вредѣ допуска юныхъ въ штатные монастыри. 289
Что есть нарядъ монашеской жизни. „Вотъ я посланъ отъ Бога" . 290
Какъ ворвался семиглавый звѣрь на монашескую ниву. . . . . —
Какъ въѣхала царица погибели въ удѣлъ. 292
Чѣмъ прославляютъ монахи царицу погибели. . . . . —
О долготерпѣніи Царицы Спасенія и о мятежномъ городѣ. . . . 293
Плачъ Царицы Спасенія о людяхъ своихъ 295
Воззваніе къ святогорцамъ, дабы удержать Царицу Спасенія . . 297
Святогорцы, обратитесь къ покаянію! 298
Примѣръ милостивой Царицы Екатерины къ покаявшимся казакамъ, поясняющій, чтобы святогорцы не отчаялись въ полученіи прощенія, если покаются въ мятежѣ своемъ. 299
Еще о царѣ и мятежномъ городѣ 300
Зачѣмъ пришли вы въ пустыню? И во что обращаютъ пустыню изъ за любостяжанія 304
Молитва Святого къ Богородицѣ. 305
Что такое тронъ Царицы Спасенія, и что значитъ низложеніе съ трона. 308
Что происходитъ съ человѣкомъ, когда снимается съ него покровъ Царицы Спасенія, и что произойдетъ со Св. Горою. Кто Халпіиты. Продолженіе приточнаго изложенія исторіи Св. Горы. 310
Воззваніе къ Св. Отцамъ возстать для проводовъ Царицы Спасенія съ Горы. 314
Притча о женѣ и ея двухъ мужьяхъ. 315
Какъ произойдетъ отшествіе иконы Иверской съ Горы 317
Заключительныя слова Святого святогорцамъ; притча о учителѣ и ученикахъ. 318

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Повѣсть о Сервіи и судьбѣ скита его.

Сервій и чудесное его крещеніе черезъ Архангела Михаила. . . . 320
Сервій пожелалъ одиночества. Михаилъ возбранилъ сіе, повелѣлъ архіерею подвергнуть Сервія суровому трехлѣтнему искусу. 327
Другое великое наказаніе, понесенное Сервіемъ отъ архіерея. . . 329
Третья и четвертая суровость архіерея съ Сервіемъ. 331
Страшная кознь діавола, предпринятая имъ для того, чтобы подорвать въ Сервіи довѣріе къ отцу духовному и воспріемнику, архіерею. Суровая кара. 332

Діаволъ воздвигъ на Сервія страшную клевету. Торжество истины и конецъ искуса. 336
Приготовленіе Сервія къ монашеству Поученія архіерея Сервію и его будущему старцу. Передачи его этому старцу. 341
Поиски мѣста для скита Сервіемъ 345
Трехлѣтній монашескій искусъ Сервія и кончина духовника. . . 348
Чудесное явленіе Ангела во образѣ іерея для похоронъ духовника. . 350
Игуменство Сервія. Преуспѣяніе въ подвигѣ Андрея. 351
Впаденіе Кунава въ прелесть и его погибель. 354
Кончина Сервія и архіерея. Прощальное поученіе и завѣщаніе Сервія. 357
Преемники Сервія и начало упадка скита. 362
Картина послѣдовательнаго развращенія скита. 363
Истребленіе развратившихся скитянъ нашествіемъ непріятеля . . 365
Поученіе Святого Нила монашествующимъ по поводу гибели скита Сервія. 367
Спасеніе отъ разгрома семи добродѣтельныхъ келлій. Исповѣдь послушника. 368
Заключительное воззваніе Святого Нила. 370

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Описаніе явленій Святого Нила Ѳеофану.

Первое явленіе Святого Нила Ѳеофану въ 1813 году. Искушеніе Ѳеофана. Впаденіе въ бѣснованіе. Нападеніе бѣсовъ. Святой не даетъ бѣсамъ убить Ѳеофана и затѣмъ, въ сонномъ видѣніи, исцѣляетъ Ѳеофана отъ побоевъ, грыжи и бѣснованія. Новое искушеніе. Предварительное явленіе Святого. Нападеніе бѣсовъ на каливу Ѳеофана. 371
Явленіе Святого Нила Ѳеофану въ 1814 году во образѣ пастуха. Данныя Ѳеофану заповѣди. Возвращеніе котелка, взятаго Святымъ въ 1813 году. 382
Ѳеофанъ нарушилъ заповѣдь Святого и впалъ въ тяжкое искушеніе. Святой караетъ Ѳеофана, является ему въ сонномъ видѣніи и спасаетъ. Открытіе мощей Святого 8 Мая 1815 года.. 401
Искушеніе, постигшее Ѳеофана за нарушеніе имъ заповѣди. Святой является въ сонномъ видѣніи, обличаетъ грѣхъ, объявляетъ наказаніе и беретъ свои мощи. Вторичное явленіе его Ѳеофану во время соборованія и исцѣленіе Ѳеофана Явленіе въ храмѣ во время бдѣнія, когда Святой Нилъ вернулъ мощи Ѳеофану. 414
Преслѣдованія Ѳеофана ненавистниками приводятъ его въ отчаяніе, онъ рѣшается спалить судно Діонисія и уйти съ Аѳона. Благодать св. мощей Св. Нила возбраняетъ Ѳеофану сіе осуществить. Послѣдовавшее изступленіе Ѳеофана и видѣніе имъ Покрова Матери Божіей надъ Св. Горой и спасеніе Св. Горы отъ погубленія, ради молитвъ преподобныхъ Аѳонскихъ Ея заступничествомъ. 437
Явленіе Святого Нила Ѳеофану 18 Января 1817 года, наяву, на дорогѣ и 18-ти часовая бесѣда. 446
Продолженіе восемнадцатичасовой бесѣды. Обличеніе Діонисія, наставленія Ѳеофану. 455

Увѣщанія обращенныя къ Тимофею и Герасиму, о томъ, сколько отмщаетъ Богъ, если кто коварно вытѣснитъ кого изъ мѣста, назначеннаго тому Богомъ для спасенія; притча о нѣкоемъ царѣ братоубійцѣ 458
Обличенія Святымъ нечувствія и забвенія своихъ грѣховъ Өеофаномъ и объясненія его, почему Св. Нилъ явился ему, а не другому 461
Святой назначаетъ Өеофану эпитимію за нарушеніе имъ своихъ обѣщаній. 464
Заповѣдь Өеофану о рукодѣліи, дабы не предавался ему всецѣло . 467
О воздержаніи въ пищѣ 468
Откуда произошло непостоянство въ Герасимѣ. Заповѣдь Өеофану, да не погребенъ будетъ въ общей усыпальницѣ если умреть во время имѣющей постигнуть его кары и завѣтъ уходить по освобожденіи отъ нея со Св. Горы 469
Почему Святой избралъ именно Өеофана для передачи словъ его . 472
Заключительныя слова Святаго и его исчезновеніе 474
Исполненіе эпитиміи. Принятіе схимы и нашествіе возвѣщеннаго недуга 476
Явленіе Святаго Нила во снѣ Өеофану 1819 года 28 мая . . . 477
Продолженіе рѣчи Святаго и повелѣніе Өеофану удалиться съ Горы 479
Повѣсть о коварномъ убійствѣ одного ревнителя цѣломудрія, обличенномъ въ страсти мужеложства 480
Повтореніе повелѣнія записать все, что говорилъ Святой и передать Святогорцамъ 482
Обличенія Старца Тимофея и о коварномъ усѣкновеніи Іоанна Предтечи 484
Видѣніе Өеофаномъ всѣхъ грѣховъ своихъ, состязанія о немъ между Ангеломъ и бѣсами 488
Эпилогъ Өеофана-Эхмалотоса. 493

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Житіе преподобнаго отца нашего Нила Мѵроточиваго 494
Тропарь и Кондакъ Святому Нилу. 501

Посмертныя вѣщанія преподобнаго Нила Мvроточиваго Аѳонскаго.

Главный Редакторъ
Міхаилъ Бориславичъ
Данилушкинъ;

Художникъ
Сергѣй Александровичъ
Медвѣдевъ;

Отвѣтственный за выпускъ
Марина Борисовна
Петрова

ISBN 5-88335-052-6

Подписано въ печать 17. 07. 2003 г. Форматъ $70x100^1/_{16}$. Печать офсетная.
Печ. л. 33, 5. Заказъ № 252
Отпечатано съ діапозитивовъ въ Ф.Г.У.П. Ордена Трудового Краснаго знамени «Техническая Книга» Министерства Россійской Федераціи по дѣламъ печати, телерадіовѣщанія и средствъ массовыхъ коммуникацій.
198005, Санктъ-Петербургъ, Измайловскій пр., д. 29.